ПРАВОСЛАВНОЕ

ОБОЗРѢНІЕ.

1879.

ТОМЪ II.

МОСКВА.
Въ Университетской типографіи (М. Катковъ),
на Страстномъ бульварѣ.
1879.

Печатать позволяется. Москва, 20-го марта 1879 года.
Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ СВЯТИТЕЛЯ И ЧУДОТВОРЦА НИКОЛАЯ

СКАЗАННОЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ ДИМИТРІЕМЪ, АРХІЕПИСКОПОМЪ ВОЛЫНСКИМЪ И ЖИТОМИРСКИМЪ,

ВЪ ЖИТОМИРСКОЙ УСПЕНСКОЙ ЦЕРКВИ.

По имени твоему, тако и житіе твое.

Говорится въ одномъ изъ пѣснопѣній церковныхъ въ честь и славу святителя Христова Николая. Побѣды тезоименитый, онъ и въ самой вещи явился истиннымъ побѣдителемъ, „побѣждая благимъ злое“, и прежде всего въ самомъ себѣ—побѣдителемъ страстей, воюющихъ во удѣхъ нашихъ. Глубокимъ смиреніемъ онъ попралъ въ себѣ свойственныя падшему человѣку самолюбіе и гордость; воздержаніемъ и постомъ побѣдилъ любосластіе и плотскія похоти; самоотверженіемъ и духовною нищетою попралъ сребролюбіе и всякое пристрастіе къ земному; молитвою и трезвѣніемъ преодолѣвалъ уныніе и лѣность; кротостію и незлобіемъ обезоруживалъ всякую злобу и лукавство; горячею любовію къ ближнимъ попралъ и искоренилъ зависть и недоброжелательство; неистощимымъ милосердіемъ къ несчастнымъ сокрушилъ скупость и холодное безучастіе къ бѣдствующимъ. „По имени его, тако и житіе его“!

И каждому изъ насъ, братіе, при самомъ появленіи на свѣтъ св. Церковь принесла въ даръ святое имя одного изъ праведниковъ, торжествующихъ на небѣ, для того конечно, чтобы по сему святому имени было и житіе наше. Обращалиль вы когда либо должное вниманіе на этотъ драгоцѣнный даръ св. Церкви? Думали-ль о томъ, какъ важно и драгоцѣнно для насъ и чего требуетъ отъ насъ данное намъ въ св. крещеніи имя?

Подлинно драгоцѣнно для насъ это святое имя. Это первая собственность, которую пріобрѣтаемъ мы въ мірѣ,—собственность неотъемлемая, которая одна прейдетъ вмѣстѣ съ нами въ вѣчность. Ничѣмъ не отличаетъ природа раждающагося на свѣтъ младенца, не отличаетъ ничѣмъ и полагаемаго во гробъ мертвеца. Одна св. Церковь нареченіемъ христіанскаго имени отличаетъ и колыбель и могилу христіанина. Подъ этимъ именемъ, какъ бы подъ нѣкоею священною печатію, онъ живетъ и дѣйствуетъ посреди милліоновъ подобныхъ ему людей; подъ этимъ именемъ хранится память о немъ въ роды родовъ и творится воспоминаніе о немъ въ молитвахъ св. Церкви предъ престоломъ Господнимъ; съ этимъ именемъ онъ явится и на небѣ посреди собора небожителей. Наги мы приходимъ на свѣтъ, наги и выйдемъ отсюда. Ничего не приносимъ съ собою въ міръ, ничего и не вынесемъ изъ міра. Сколько бы ни пріобрѣли мы сокровищъ въ продолженіе жизни: они всѣ останутся здѣсь, по сю сторону гроба. Какихъ бы ни удостоились почетныхъ титуловъ и отличій: они всѣ останутся сверху земли, на памятникѣ надгробномъ. Одно небесное сокровище оправдающей благодати Божіей, даруемой намъ въ крещеніи, вмѣстѣ съ христіанскимъ именемъ пребудетъ нашимъ неотъемлемымъ сокровищемъ на всю вѣчность, если не потеряемъ его сами. Одно высокое титло сыновъ Божіихъ, пріобрѣтенное нами туне при самомъ вступленіи въ Церковь Христову, будетъ нашимъ вѣчнымъ отличіемъ, если не лишимся его по собственной винѣ. Уже по сему одному христіанское имя, даруемое намъ св. Церковію, есть такое сокровище, драгоцѣннѣе котораго нѣтъ ничего въ мірѣ и которое намъ должно хранить съ особенною осторожностію и вниманіемъ.

Вспомните при томъ, какое это имя? Это—святое и прославленное Богомъ имя одного изъ блаженныхъ небожителей, ко-

торые, окончивъ благочестно и богоугодно поприще земной жизни, преселились въ небесныя обители, гдѣ вмѣстѣ съ св. Ангелами выну видятъ лице Отца небеснаго. Нарицая насъ такимъ именемъ, св. Церковь вводитъ насъ не только въ общество вѣрующихъ во Христа, причисляя къ лику чадъ Божіихъ, но и въ церковь первородныхъ, написанныхъ на небесехъ, въ свѣтлое и свѣтоносное общество духовъ праведниковъ совершенныхъ. Отселѣ весь неисчислимый соборъ святыхъ Божіихъ, стоящихъ предъ престоломъ Божіимъ, на небѣ становится нашими братіями и сродниками, нашими приснными и друзьями, нашими покровителями и заступниками, нашими предстателями и ходатаями предъ престоломъ Отца небеснаго. За дорогое цѣнятъ люди украшаться именемъ прославленнымъ въ бытописаніяхъ человѣческихъ, унаслѣдованнымъ отъ предковъ именитыхъ и славныхъ: но можетъ ли быть имя славнѣе того, которое прославлено самимъ Богомъ и вписано въ книгѣ живота вѣчнаго,—имя пророка или апостола, исповѣдника или мученика, святителя или преподобнаго? Настанетъ время, когда всѣ бытописанія человѣческія, со всѣми прославленными въ нихъ именами, исчезнутъ навсегда: останется одна книга живота вѣчнаго и вписанныя въ ней святыя имена избранныхъ и друзей Божіихъ. За счастіе почитается въ свѣтѣ быть въ связи съ кругомъ людей великихъ и славныхъ въ общественномъ мнѣніи, знаменитыхъ происхожденіемъ рода, сильныхъ богатствомъ или властію: не высшее ли счастіе быть въ союзѣ и общеніи съ цѣлымъ міромъ духовъ праведниковъ совершенныхъ, съ соборомъ избранныхъ и друзей Божіихъ, съ которыми соединяетъ насъ Церковь нареченіемъ имени одного изъ нихъ? Настанетъ часъ, когда всѣ наши земныя связи пресѣкутся рукою смерти, когда никакое покровительство сильныхъ земли нисколько не поможетъ намъ. Одинъ союзъ вѣры и любви во Христѣ Іисусѣ пребудетъ вѣчнымъ, одно мощное заступленіе и ходатайство избранныхъ и друзей Божіихъ можетъ оказать намъ дѣйствительную помощь и послѣ нашей смерти, на самомъ судѣ Христовомъ. Счастливымъ почитаютъ человѣка, который имѣетъ искренняго, нелицемѣрнаго друга, мудраго и прозорливаго совѣтника и наставника, вѣрнаго и опытнаго руководителя въ жизни: восколько же счастливѣе мы всѣ подъ

благодатнымъ покровомъ св. Церкви, которая каждому изъ насъ даруетъ въ соименномъ намъ святомъ такого друга, котораго любовь и дружба не оставитъ насъ ни въ настоящей жизни, ни по смерти,—такого наставника и руководителя, который премудрѣе и опытнѣе всѣхъ мудрыхъ земли.

Въ этомъ-то и состоитъ, братіе мои, особенное преимущество нашего христіанскаго имени, что съ нареченіемъ его св. Церковь соединяетъ насъ родственнымъ, пріискреннимъ союзомъ съ соименнымъ намъ святымъ угодникомъ Божіимъ, вручаетъ насъ его ближайшему надзору, храненію и руководству, подобно какъ въ семействахъ благоустроенныхъ—чадъ юнѣйшихъ поручаютъ надзору и попеченію старѣйшихъ и опытнѣйшихъ. Съ того времени соименный намъ угодникъ Божій пріемлетъ насъ подъ свое особенное попеченіе и покровительство, становится нашимъ хранителемъ и защитникомъ, наставникомъ и руководителемъ, помощникомъ въ трудахъ нашихъ, ходатаемъ нашимъ предъ Богомъ и ближайшимъ для насъ примѣромъ христіанской жизни. Опытнѣйшаго наставника, лучшаго помощника, благонадежнѣйшаго руководителя, могущественнѣйшаго ходатая, безопаснѣйшаго примѣра для своей жизни мы не могли бы найти нигдѣ, какъ на небѣ. Съ неба гораздо виднѣе все, что происходитъ на землѣ, и потому небесный руководитель ошибаться не можетъ: намъ должно съ полною довѣренностію предаться его водительству, стараться быть достойными его благихъ совѣтовъ и наставленій, съ благоговѣніемъ прислушиваться къ его вѣщанію въ своей совѣсти и сердцѣ. Помощникъ, обличенный силою Божіею, благонадеженъ: намъ должно съ твердымъ упованіемъ притекать къ его заступленію и просить его помощи. Ходатайство праведнаго много можетъ и на землѣ, когда и самъ праведникъ обложенъ еще немощію плоти: тѣмъ могущественнѣе оно на небѣ, когда онъ пріялъ отъ Господа честь и славу предстоять предъ престоломъ Божіимъ и бесѣдовать съ Господомъ лицемъ къ лицу. Примѣръ святаго, достигшаго уже блаженства на небѣ,—неложенъ: ему должно послѣдовать неуклонно; онъ вѣрно приведетъ туда, гдѣ самъ. Для сего-то и нужно каждому изъ насъ изучать тщательно житіе святаго, котораго имя на себѣ носимъ, непрестанно имѣть его предъ собою какъ зеркало, чтобы,

всматриваясь въ него, повѣрять по нему собственную жизнь свою, чтобы, подражая ему въ дѣлахъ благочестія и добродѣтели, усвоить себѣ мало-по-малу его богоподобныя свойства, сблизиться и сродниться съ нимъ духомъ и сердцемъ своимъ, чтобы явиться достойнымъ водвориться нѣкогда вмѣстѣ съ нимъ въ небесныхъ обителяхъ царствія Божія.

Но эти высокія преимущества, которыя даруются намъ съ нареченіемъ святаго имени христіанскаго, требуютъ, братіе мои, и отъ насъ крайней осторожности и бдительности надъ собою, чтобы сохранить святое имя свое чистымъ и непорочнымъ, чтобы не запятналось оно безславіемъ грѣха и безчестіемъ постыдныхъ дѣлъ, чтобы прославленное Богомъ имя праведника не хулилось во языцѣхъ нашею порочною жизнію. И въ человѣческихъ обществахъ человѣкъ, опорочившій благородное имя низкими и безчестными поступками, лишается всѣхъ правъ и изгоняется изъ общества: тѣмъ паче лишенъ будетъ благодати и славы Божіей и изгнанъ во тьму кромѣшную, кто опорочитъ святое имя своего небеснаго покровителя грѣхами и беззаконіями. И на землѣ не рѣдко даже родной отецъ отвергаетъ своего сына, который порочною жизнію и безчестными дѣлами уничижаетъ честь своего рода, безчеститъ доброе имя своихъ родителей и предковъ: отвергнется и отъ насъ и не приметъ насъ въ свои вѣчные кровы небесный покровитель нашъ, если мы своею неблаговоѣйною, нечестивою и беззаконною жизнію опорочимъ его святое имя, прославленное Богомъ на землѣ и на небѣ. Такъ грѣхи и неправды наши могутъ лишить насъ всѣхъ преимуществъ и чести, которыхъ удостоились мы туне съ нареченіемъ намъ святаго и прославленнаго Богомъ имени христіанскаго, и подвергнуть насъ тяжкому осужденію на страшномъ судѣ Христовомъ. Горе намъ, если на небѣ не узнаютъ насъ подъ тѣмъ именемъ, которымъ нарекла насъ св. Церковь! А не узнаютъ, если о томъ не засвидѣтельствуютъ дѣла наши: „кійждо бо отъ своихъ дѣлъ или прославится или постыдится“. Аминь.

ПСАЛМЫ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ СЪ ОБЪЯСНЕНІЯМИ *).

ПСАЛОМЪ 30-й.

Пѣснь благодаренія за испрошенное спасеніе отъ смертельной болѣзни.

Превозношу Тебя, Іегова, что Ты возвысилъ меня
И не доставилъ радости врагамъ моимъ ради меня!
Іегова, Богъ мой, я взывалъ къ Тебѣ и Ты исцѣлилъ меня,
Іегова, Ты вывелъ изъ шеола душу мою,
Оживилъ меня (и освободилъ) отъ погруженія въ ровъ.

* * *

5. Играйте Іеговѣ, праведные Его
И воздайте хвалу Его святому воспоминанію!
Потому что мгновеніе продолжается Его гнѣвъ
И цѣлую жизнь Его милость;
Вечеромъ водворяется плачъ,
А на утро — ликованіе!

* * *

Но я думалъ въ моей безопасности:
„Не поколеблюсь я во вѣки!“
Іегова, Твоею милостію Ты даровалъ горѣ моей силу,
Сокрылъ лице Твое — я потрясенъ.

* * *

*) См. „Правосл. Обозрѣніе“ за 1875 г. №№ 3, 5, 6, 10 и за 1876 г. № 8.

Къ Тебѣ, Іегова, взывалъ я
И къ Іеговѣ я молился:
„Какая выгода въ моей крови?
Въ моемъ погруженіи въ гробъ?
Будетъ ли хвалить Тебя прахъ?
Возвѣститъ ли Твою истину?
„Услышь, Іегова, и помилуй меня,
Іегова, будь Помощникомъ мнѣ!“

* * *

Ты превратилъ мой вопль въ скаканіе,
Развязалъ мое вретище и опоясалъ меня радостію,
Чтобы воспѣвала Тебя хвала и не умолкала —
Іегова, Богъ мой, вѣчно я буду хвалить Тебя!

* * *

Псаломъ 30-й есть образецъ благодарственныхъ псалмовъ. Пѣвецъ, судя по 4 и 10 стиху, находился въ опасности смерти, но Іегова оживилъ его; это оживленіе могло быть только возстановленіе отъ болѣзни. Чтобы понять всю глубину радостнаго чувства при избавленіи отъ смертельной болѣзни и происходящаго отсюда порыва благодарности Богу, нужно знать; что для ветхозавѣтныхъ людей смерть была однимъ изъ величайшихъ золъ и представленіе о ней источникомъ мучительнаго безпокойства и соблазна для ветхозавѣтнаго благочестія. Жизнь по ту сторону гроба терялась для ветхозавѣтнаго человѣка во мракѣ *шеола*, гдѣ прекращается всякое памятованіе и хваленіе Бога (Пс. 6, 6. ср. 30, 10), куда не достигаетъ также милость Іеговы, Его обѣтованія и чудесныя дѣйствія (Пс. 88, 11—13). Въ этомъ отношеніи существуетъ величайшее различіе между сознаніемъ ветхозавѣтнаго и новозавѣтнаго человѣка: послѣдняго не подавляютъ страданія жизни, такъ какъ онъ знаетъ, что чѣмъ выше страданія, тѣмъ выше и слава, и смерть для него есть только переходъ къ высшему образу бытія. Не то ощущалъ ветхозавѣтный человѣкъ: мучительная, доводящая до смерти болѣзнь въ его глазахъ являлась тяжелымъ наказаніемъ Божіимъ, такъ какъ по его сознанію смерть, которая за ней слѣдовала, должна была отдѣлить его отъ общенія съ Богомъ и отъ наслажденія благодатными дарами царства Божія. Чтобы не ввергнуть себя въ бездну отчаянія и свѣтлѣе смотрѣть на свою загробную судьбу,

ветхозавѣтный человѣкъ долженъ былъ напрягать всю энергію своего благочестиваго, преданнаго Богу чувства и въ чувствѣ общенія съ Богомъ найти ручательство блаженнаго состоянія за гробомъ (что мы отчасти видѣли въ псалмѣ 16 и 17; величественную картину такой борьбы представляетъ книга Іова). Но за то тѣмъ счастливѣе себя чувствовалъ ветхозавѣтный человѣкъ, когда постигшее его неожиданно наказаніе Божіе проходило, лице Божіе изъ гнѣвнаго превращалось въ милостивое и предъ нимъ открывалась опять счастливая возможность жить съ Іеговою и хвалить Его. Въ чувствѣ блаженнаго покоя расширялось его сердце въ благодарныхъ воспоминаніяхъ тяжелаго испытанія, посланнаго Іеговою для избавленія его отъ плотскаго самодовольства, и радостнаго освобожденія отъ этого ниспосланнаго Имъ зла, и призывало всѣхъ къ соучастію въ его радости и хвалебныхъ пѣсняхъ Богу Избавителю. Псаломъ 30-й есть образецъ такихъ благодарныхъ изліяній. Въ немъ пѣвецъ сначала кратко и спокойно выражаетъ свой порывъ къ благодарности (2); затѣмъ онъ въ болѣе восторженномъ полетѣ выражаетъ самую благодарность за спасеніе отъ опасности и призываетъ другихъ къ соучастію въ его хвалѣ: благодаря его просьбѣ Іегова исцѣлилъ его, это исцѣленіе онъ представляетъ какъ бы возвращеніемъ изъ глубинъ ада и гроба. Такъ велика была его опасность. Пусть же это событіе воспѣваютъ всѣ праведные, такъ какъ его спасеніе есть только одинъ изъ примѣровъ того, какъ быстро Іегова превращаетъ для своихъ избранныхъ гнѣвъ на милость: какъ мгновеніе относится къ цѣлой жизни, такъ продолженіе гнѣва Божія къ продолженію милости, за вечеромъ страданія непосредственно наступаетъ утро небесной радости (3—6). Исчерпавъ такимъ образомъ свое чувство, онъ въ новомъ полетѣ своей мысли отдается болѣе подробному воспоминанію, какъ постигшее его зло неожиданно застало его среди плотской безпечности и заставило его понять все благо жизни съ Іеговою и побудило къ обращенію: онъ думалъ, что онъ самъ виновникъ своего благополучія, но скоро долженъ былъ понять, что всѣ блага, которыми онъ пользуется, зависятъ исключительно отъ милости Іеговы, и пока продолжалась эта милость, онъ былъ силенъ на своей *горѣ* (Сіонѣ, твердынѣ царства Давидова), и лишь только Іегова скрылъ во гнѣвѣ лице Свое,

онъ „потрясенъ“ во всемъ своемъ могуществѣ и счастіи (7—8). Далѣе онъ припоминаетъ, съ какою молитвою онъ обращался къ Іеговѣ, какъ убѣдительно и сердечно онъ просилъ не проливать его крови, представляя Іеговѣ на видъ, что для Него нѣтъ никакого пріобрѣтенія въ томъ, что онъ, сдѣлавшись прахомъ, перестанетъ Его хвалить и возвѣщать Его имя (9—11). И Іегова быстро превратилъ его плачъ въ ликованіе, отъ увѣренности въ себя онъ обращается теперь къ увѣренности въ Іеговѣ и къ твердой рѣшимости славить и благодарить Его за спасеніе. Таковъ двоякій плодъ божественнаго посѣщенія и спасенія.

ПСАЛОМЪ 31-й.

Молитва предавшаго свой духъ въ руки Божіи.

Въ Тебѣ, Іегова, я сокрылъ себя,
Да не посрамлюсь во вѣки!
Правдою Твоею освободи меня,
Склони ко мнѣ ухо Твое, въ скорости спаси меня!
Будь для меня скалою убѣжища, домомъ твердыни,
Чтобы спасать меня!
Потому что моя скала и твердыня моя Ты,
И ради имени Твоего Ты будешь руководить меня и вести,
Выведешь меня изъ сѣти, которую они мнѣ скрыли,
Потому что Ты защита моя.
Въ руку Твою я предаю духъ мой,
Искупилъ меня Ты, Іегова, Богъ истины!
Ненавистны мнѣ почитатели ничтожныхъ идоловъ,
А я, на Іегову уповаю я.
Восторжествую и возвеселюсь благостію Твоею,
Что увидѣлъ Ты несчастіе мое,
Увѣдалъ нужды души моей
И не заключилъ меня въ руку врага,
Поставилъ на просторѣ ноги мои.

* * *

Помилуй меня, Іегова, потому что тѣсно мнѣ,
Распалось отъ печали око мое, душа моя и тѣло мое;
Потому что исчезла въ печали жизнь моя
И мои лѣта въ воздыханіи,
Поколеблена преступленіемъ моимъ сила моя
И кости мои распались.

Ради всѣхъ моихъ противниковъ сталъ позоромъ я,
И сосѣдямъ моимъ бременемъ и ужасомъ друзьямъ моимъ,
Видящіе меня на улицѣ бѣгутъ отъ меня.
Забытъ я какъ мертвый (и выброшенъ) изъ сердца,
Сталъ подобно сосуду разрушающемуся.
Потому что я слышу шептаніе многихъ, ужасъ кругомъ,
Такъ какъ они вмѣстѣ совѣтуются противъ меня,
Отнять жизнь мою задумываютъ они.

* * *

10. Но я, на Тебя надѣюсь я, Іегова,
Говорю: Богъ мой Ты!
Въ рукѣ Твоей судьбы мои,
Освободи меня отъ руки враговъ моихъ и преслѣдующихъ меня!
Просвѣти лице Твое на раба Твоего,
Спаси меня милостію Твоею!
Іегова, да не посрамлюсь я, потому что къ Тебѣ зову я,
Да посрамятся нечестивые, умолкнутъ въ шеолѣ,
Нѣмы да будутъ уста лживыя,
Говорящія на праведнаго дурное
Съ гордостію и насмѣшкою!

* * *

20. Какъ велико благо Твое, которое Ты сберегъ боящимся Тебя,
Содѣлалъ уповающимъ на Тебя предъ сынами человѣческими,
Покрылъ ихъ покровомъ лица Твоего отъ сборища людей,
Сохранилъ ихъ въ сѣни отъ пререканія языковъ!
Благословенъ Іегова,
Что Онъ чудесно обнаружилъ милость свою на мнѣ въ городѣ твердомъ!
А я говорилъ въ малодушіи моемъ:
„Оторванъ я отъ глазъ Твоихъ"!
Однако Ты слышишь голосъ моленія моего,
Когда я взываю къ Тебѣ.
Любите Іегову, всѣ праведные Его,
Вѣрныхъ сохраняетъ Іегова
И воздаетъ съ избыткомъ творящимъ гордыню.
25. Мужайтесь и да укрѣпится сердце ваше,
Всѣ вы, уповающіе на Іегову!

Весь псаломъ есть выраженіе твердой надежды пѣвца на спасеніе Іеговы отъ опасностей, угрожающихъ его жизни, надежды, которая переходитъ даже въ концѣ псалма въ торжественный

гимнъ и изливается въ хвалахъ Іеговѣ за еще ожидаемое спасеніе. Несмотря на то, что пѣвецъ подавленъ тяжестію ужасныхъ страданій, ослабленъ, доведенъ до крайняго безсилія (10—11), находится на краю гибели отъ притѣсненія враговъ, покушающихся даже на его жизнь (12—14), онъ такъ проникнутъ упованіемъ на Бога, такъ привыкъ жить надеждою на спасеніе, что выраженіемъ этой надежды онъ начинаетъ свой псаломъ, находясь въ такихъ опасностяхъ. Онъ сокрылъ себя въ Іеговѣ,— пусть Іегова поспѣшитъ спасти его. Увѣренность его покоится на томъ, что Іегова есть его защита, его недоступная для враговъ твердыня, его спаситель (2—5). Какъ глубоко чувство вѣры, молитвенно взывающей къ Богу: спаси меня, защити меня, потому что Ты мой спаситель и защитникъ! Для вѣры пѣвца Онъ уже есть то, о чемъ онъ Его еще молитъ. Онъ предалъ духъ свой, все существо свое Богу, какъ залогъ, и надѣется, что Іегова, который есть Богъ истины, взамѣнъ его дастъ ему требуемое искупленіе. Въ восторгѣ надежды онъ уже видитъ свое искупленіе, какъ совершившееся дѣло, и выступаетъ съ торжествомъ и ликованіемъ, что Іегова изъ тѣсноты страданія вывелъ на просторъ спасенія его ноги (6—8). Только теперь, исчерпавъ блаженное чувство будущаго спасенія, пѣвецъ переходитъ къ описанію своихъ страданій, своего дѣйствительнаго положенія. Эти страданія его такъ велики, что довели его до окончательнаго безсилія и отчаянія, его совсѣмъ покинули физическія силы, и онъ въ печали и воздыханіи проводитъ годы своей жизни, ставъ позоромъ, бременемъ и предметомъ ужаса для ближнихъ и друзей; всѣ оставили его, какъ мертваго выбросили изъ сердца, между тѣмъ враги его только совѣтуются отнять жизнь его (10—14). Но чѣмъ тяжелѣе и повидимому безнадежнѣе дѣлалось его состояніе, тѣмъ сильнѣе онъ развивалъ въ себѣ чувство тихой преданности Іеговѣ, онъ молится съ спокойною увѣренностію, такъ какъ всецѣло вручилъ Ему свою судьбу, и проситъ, чтобы Іегова покрылъ милостію Своего раба, чтобы притѣснители его были посрамлены и приведены въ молчаніе и бездѣйствіе въ мрачномъ шеолѣ, чтобы дерзкія и надменныя уста онѣмѣли (15—19). Отсюда пѣвецъ еще далѣе возвышается къ созерцанію того возвышеннаго блага, которое даетъ Іегова тѣмъ, которые находятъ въ Немъ свое убѣжище, какъ заботливо обе-

регаетъ Онъ ихъ подъ сѣнію лица Своего отъ человѣческой суеты, и наконецъ въ тонѣ гимна воспѣваетъ хвалу Іеговѣ, чудесно оказавшему ему Свою милость (20—22). Сдѣлавъ это будущее своимъ настоящимъ, пѣвецъ возвращается къ своему дѣйствительному настоящему, какъ къ прошедшему, и воспоминаетъ, какъ онъ когда-то въ молодушіи говорилъ, что онъ отвергнутъ отъ очей Іеговы (23). Пѣснь свою онъ заключаетъ обращеніемъ ко всѣмъ благочестивымъ, чтобы они любили такого Бога и твердо и мужественно переносили все, ожидая несомнѣннаго спасенія (24—25).

Непотрясаемая надежда на спасеніе Іеговы среди безъисходныхъ скорбей жизни и неизвѣстности будущаго, этотъ неподвижно устремленный на Іегову взглядъ упованія, какъ мы видимъ это въ настоящемъ псалмѣ и во многихъ другихъ, есть самая характеристическая черта всей внутренней жизни ветхозавѣтнаго благочестія. Но нигдѣ это полнѣйшее самоотреченіе и преданіе своего духа въ руку Божію не выступаетъ въ такомъ спокойномъ величіи, сопровождаемомъ чувствомъ радостнаго удовлетворенія, какъ въ этомъ псалмѣ. Въ немъ пѣвецъ воспѣлъ спасеніе, которое онъ еще надѣется получить, такъ какъ въ существѣ Бога, которому онъ себя предалъ, намѣреніе и дѣйствіе нераздѣльны. Вотъ почему Страдалецъ за родъ человѣческій, когда допивалъ чашу своихъ земныхъ страданій за родъ человѣческій и раскрылъ свои страдальческія, безмолвныя уста, чтобы испустить духъ, произнесъ словами этого псалма: „Отче, въ руки Твои предаю духъ мой“! (Лук. 23, 46) и тѣмъ показалъ, что эта безусловная преданность Богу есть та высшая черта ветхозавѣтнаго благочестія, въ достиженіи которой ветхозавѣтные праведники типически приближались къ недостижимому новозавѣтному Образцу. И вообще нужно сказать объ этомъ псалмѣ, что мессіанско-типическое значеніе его кромѣ указанной черты обнаруживается также въ родствѣ съ глубокопророческимъ псалмомъ 22, хотя онъ уступаетъ этому послѣднему въ ясности и полнотѣ типическаго предъизображенія (ср. 22, 15–22 и 31. 10–19 и 31, 25 съ 22, 27).

ПСАЛОМЪ 32-й.

Путь къ раскаянію и плоды прощенія грѣховъ.

1. Блаженъ, у кого снято преступленіе, покрытъ грѣхъ;
Блаженъ человѣкъ, которому не вмѣнятъ Іегова вины,
И въ духѣ котораго нѣтъ обмана!

* * *

Когда я молчалъ, исчезали кости мои
Въ моемъ стенаніи цѣлый день.
Потому что день и ночь лежала бременемъ на мнѣ рука Твоя,
Измѣнился жизненный сонъ мой въ зною лѣта.
5. Грѣхъ мой я повѣдалъ Тебѣ
И вину мою не скрылъ я;
Я сказалъ: „принесу покаяніе въ преступленіяхъ моихъ Іеговѣ“—
И Ты, Ты снялъ вину съ грѣха моего!

* * *

Посему пусть помолится каждый благочестивый Тебѣ во время благопріятное,
Истинно, при настиженіи водъ многихъ —
Къ Тебѣ не прикоснутся они.
Ты защита моя отъ нужды, Ты сохранишь меня,
Торжествомъ спасенія окружишь меня!

* * *

Научу Тебя я, наставлю пути, которымъ ты долженъ идти,
Посовѣтую, на тебя мой глазъ обращая:
Не будьте подобно коню, подобно ослу безъ разумѣнія!
Уздою и поводомъ нужно связывать его зубы,
Не приближается онъ къ тебѣ.
10. Много скорбей у нечестиваго,
Надѣющійся же на Іегову—милостію окружаетъ Онъ его.
Радуйтесь о Іеговѣ и веселитесь праведные,
И торжествуйте всѣ правые сердцемъ!

Псаломъ 32-й есть изображеніе того внутренняго блаженства, какое испытываетъ покаявшаяся душа послѣ долгихъ мученій совѣсти. Пѣвецъ наглядно представляетъ намъ эту внутреннюю борьбу упорства грѣха съ требованіями совѣсти и плоды покаянія, какъ результатъ собственнаго опыта. Онъ впалъ въ тяжкій грѣхъ (ст. 5), грѣховное начало въ человѣкѣ имѣетъ свою

стойкость и съ упорною послѣдовательностію отстаиваетъ себя противъ требованій неумолимой совѣсти. Совѣсть пробудившись раскрыла всю гнусность преступленія, но вмѣстѣ того, чтобы немедленно обратиться къ покаянію, онъ долженъ былъ выдержать ужасную борьбу съ упорствомъ грѣха. Чѣмъ болѣе онъ противился покаянію, „молчалъ“, тѣмъ громче говорила въ немъ совѣсть, какъ внутренній голосъ разгнѣваннаго Бога; будучи не въ состояніи заглушить его, онъ молитъ Бога о смягченіи, но такъ какъ еще сердце его не освободилось отъ тяжести истиннымъ покаяніемъ, Богъ не слышалъ его. Въ такомъ положеніи душевныя и тѣлесныя страданія истощили его жизненныя силы, какъ отъ лѣтняго зноя изсохъ сокъ его жизни (3—5). Наконецъ онъ раскрылъ предъ Богомъ свое надорванное сердце, не утаилъ своего грѣха и... Богъ снялъ вину его. Эта чудесная побѣда благодати надъ грѣхомъ отразилась чувствомъ неизъяснимаго блаженства, повѣдать которое, какъ дѣло личнаго своего опыта, и хочетъ пѣвецъ въ настоящемъ псалмѣ. Онъ начинаетъ его съ восхваленія блаженства человѣка, которому Богъ покрылъ грѣхи, не вмѣнилъ вины за грѣхъ предъ Нимъ, совѣсть котораго очищена предъ Богомъ (1—2). Далѣе онъ переходитъ къ доказательству этого на двухъ фактахъ своего личнаго опыта, именно *молчаніи* по отношенію къ покаянію съ его ужасными послѣдствіями (какъ мы изобразили выше) и затѣмъ *покаяніи* и послѣдующемъ за нимъ облегченіи совѣсти и отпущеніи грѣховъ (3—5). Съ этимъ фактомъ личнаго опыта пѣвецъ обращается къ другимъ: всѣ благочестивые подвержены грѣхамъ, но пусть только они въ благопріятное время обратятся къ Богу съ покаянною молитвою, и, какъ бы ни велики были волны гнѣва Божія, они не достигнутъ его, и восхваляетъ Бога какъ своего защитника, окружающаго его этими спасительными дѣйствіями (6—7). Истинѣ личнаго опыта пѣвецъ хочетъ теперь наставить всѣхъ другихъ; сущность его наставленія — свободное и разумное послушаніе Богу: люди не должны насильно быть приводимы къ своему истинному благу, какъ животные—лошади и ослы, которые только уздой и поводами приближаются къ человѣку (8—9). Обращаясь опять къ выраженной въ началѣ псалма мысли о мученіяхъ нечестиваго и благодатныхъ дарахъ, сообщаемыхъ Богомъ праведному, пѣвецъ въ за-

ключеніи приглашаетъ къ радости и ликованіямъ всѣхъ правыхъ сердцемъ (10—11).

ПСАЛОМЪ 33-й.

Восхваленіе Бога, управляющаго міромъ и избраннымъ народомъ.

1. Веселитесь, праведные, въ Іеговѣ,
Правымъ прилично восхваленіе.
Хвалите Іегову на цитрѣ,
По десятиструнной арфѣ играйте Ему,
Пойте Ему пѣснь новую,
Въ совершенствѣ играйте Ему звуками радости!

* * *

Потому что праведно слово Іеговы,
И всякое дѣло Его въ истинѣ.
5. Онъ любитъ праведность и справедливость,
Благостію Іеговы полна земля.
Словомъ Іеговы небеса устроены
И духомъ устъ Его все воинство ихъ.
Онъ собираетъ подобно грудѣ (сноповъ) воды моря,
Полагаетъ въ хранилища пучины.
Боится передъ Іеговою вся земля,
Предъ нимъ трепещутъ всѣ обитатели вселенной.
Потому что Онъ сказалъ и было,
Онъ повелѣлъ и стало.
10. Іегова уничтожилъ планъ язычниковъ,
Сдѣлалъ суетными намѣренія народовъ.
Планъ Іеговы — во вѣки стоитъ Онъ,
Намѣренія сердца Его изъ рода въ родъ.

* * *

Блаженъ народъ, у котораго Іегова Богъ его,
Племя, которое Онъ избралъ въ наслѣдіе Себѣ.
Съ небесъ смотритъ Іегова,
Видитъ всѣхъ сыновъ человѣческихъ.
Отъ мѣстъ Своего обитанія взираетъ Онъ
На всѣхъ обитателей земли,
15. Онъ, который образуетъ всѣхъ вмѣстѣ сердце ихъ,
Обращаетъ вниманіе на всѣ дѣла ихъ.
Не спасется царь множествомъ силы,
Герой не будетъ избавленъ множествомъ крѣпости;

Обманъ—конь для спасенья
И великою силою своей онъ не спасетъ.
Вотъ глазъ Іеговы на боящихся Его,
На ожидающихъ Его милости,
Чтобы спасти отъ смерти душу ихъ
И поддержать въ жизни во время голода.

* * *

20. Душа наша уповаетъ на Іегову,
Помощь наша и щитъ нашъ Онъ,
Потому что въ Немъ возрадуется сердце наше,
Такъ какъ на имя Его святое надѣемся мы.
Да будетъ милость Твоя, Іегова, надъ нами,
Такъ какъ мы уповаемъ на Тебя!

Всѣ праведные, которымъ однимъ свойственно надлежащимъ образомъ познать Бога и хвалить Его, призываются къ восхваленію Іеговы, къ торжествамъ, пѣснямъ, игрѣ и веселію. Они должны воспѣть „новую пѣснь", такъкакъ явилось новое откровеніе славы и милости Іеговы (1—3). Это откровеніе, какъ можно видѣть изъ ст. 10, 16, 17, состоитъ въ избавленіи народа отъ иноземныхъ враговъ силою одного Іеговы безъ человѣческой помощи. Но это только поводъ къ восхваленію, истинный же предметъ этихъ восхваленій есть милость и всемогущество Бога природы и исторіи. Іегова достоинъ восхваленія въ гимнахъ, такъ какъ въ учрежденномъ Имъ въ мірѣ благодатномъ царствѣ всѣ слова и дѣла Его суть выраженіе Его истины, правды и милости (4—5). Въ области же природы Его всемогущее слово вызвало небо съ свѣтилами, а на землѣ удерживаетъ въ твердыхъ границахъ воды океана и морей (6—7). Въ управленіи народами, въ направленіи ихъ исторіи Іегова также обнаруживаетъ Свою грозную силу, которой страшатся люди, такъ какъ и здѣсь Его слово непреложно, сокрушаетъ всѣ планы и намѣренія народовъ, между тѣмъ какъ Его собственный планъ стоитъ вѣчно (8—11). Этотъ планъ Іеговы вообще обнимаетъ исторію всѣхъ народовъ, но въ особенности относится къ направленію судьбы избраннаго народа. Поэтому пѣвецъ восхваляетъ блаженство народа, который избралъ Богъ Себѣ въ наслѣдіе. Это блаженство быть руководимымъ Іеговою основывается на томъ, что Іегова есть руководитель, вполнѣ зна-

ющій сердца людей, какъ Творецъ этихъ сердецъ, видящій съ высоты небесной всѣ дѣла людей, когда еще они зарождаются въ таинственныхъ глубинахъ сердца (12—15). Оно основывается также и на томъ, что для людей спасеніе заключается не въ ихъ матеріальной силѣ, не въ могуществѣ царя, не во множествѣ коней, а въ Іеговѣ. А Іегова направляетъ око Своего милосердія только на тѣхъ, которые на Него надѣются, и избавляетъ ихъ отъ смерти и нужды (16—18). Въ сознаніи этого своего счастія подъ руководительствомъ Іеговы, общество истинно вѣрующихъ обращается къ Іеговѣ, Его помощи, щиту, источнику неисчерпаемой радости его сердца и надеждъ, и проситъ о ниспосланіи ему Своей милости соотвѣтственно возлагаемымъ на Него упованіямъ (20—22).

ПСАЛОМЪ 34-й.

Благодареніе и наставленіе страху Божію.

(А.) Благословлю Іегову во всякое время,
Постоянно хвала Его во устахъ моихъ.
Б. Будетъ хвалиться во Іеговѣ душа моя—
Пусть услышатъ терпѣливые и возрадуются.
В. Возвеличите Іегову со мною,
И вознесемъ имя вмѣстѣ.
5. Г. Господа я искалъ и Онъ отвѣчалъ мнѣ
И отъ всѣхъ ужасовъ моихъ спасъ меня.
Д. Даже посмотрѣли они на Него и просвѣтлѣли
И лица ихъ не постыдятся.
Е. Этотъ страдалецъ воззвалъ и Іегова услышалъ
И отъ всѣхъ нуждъ его Онъ избавилъ его.
Ж. Жизнь боящихся Его кругомъ облегаетъ Ангелъ Іеговы
И спасаетъ ихъ.
З. Знанія вкусите и увидите, что благъ Іегова.
Блаженъ человѣкъ, который скрывается въ Немъ.
10. И. Исполняйтесь страхомъ Іеговы святые Его,
Потому что нѣтъ лишенія боящимся Его.
К. Кровожадные львы обнищали и голодны,
Ищущіе же Іегову не будутъ имѣть недостатка ни въ какомъ благѣ.
Л. Любезные дѣти, подойдите, послушайте меня,
Страху Іеговы научу васъ.
М. Можетъ ли найтись человѣкъ, который имѣетъ радость въ жизни,
Любитъ дни, чтобы видѣть благо?—

Н. Не переставай сохранять языкъ твой отъ зла
И уста твои отъ рѣчи лживой.
15. О. Отдались отъ зла и сдѣлай добро,
Ищи мира и гонись за нимъ.
П. Постоянно глаза Іеговы на Его праведныхъ
И уши его Его обращены къ мольбѣ ихъ.
Р. Ради того лице Іеговы на дѣлающихъ злое,
Чтобы истребить отъ земли память ихъ.
С. Съ мольбою они обращаются и Іегова слышитъ
И отъ всѣхъ скорбей ихъ спасъ ихъ.
Т. Только къ сокрушеннымъ сердцемъ близокъ Іегова
И разбитыхъ духомъ спасаетъ.
20. У. У праведника много страданій
И отъ всѣхъ ихъ избавитъ его Іегова.
(Ф.) Оберегаетъ Онъ всѣ кости его,
И ни одна изъ нихъ не будетъ сокрушена.
Х. Худое дѣло убиваетъ нечестиваго
И ненавидящіе праведнаго получатъ наказаніе.
(Ц.) Искупаетъ Іегова душу рабовъ Своихъ
И не будутъ виновны всѣ скрывающіеся въ Немъ.

Пѣвецъ испыталъ на себѣ спасеніе Іеговы послѣ долгаго терпѣнія и усиленной молитвы. Блаженство, какое онъ ощутилъ вслѣдствіе этого спасенія, побуждаетъ его воспѣть пѣснь. Пѣснь эта, хотя не представляетъ вполнѣ послѣдовательнаго, стройнаго теченія мыслей и чувствъ, какъ алфавитная, и состоитъ большею частію изъ отдѣльныхъ изреченій, варьирующихъ главную мысль псалма, но исполнена теплотою и спокойствіемъ чувства и сердечностію увѣщанія. Начинается она съ выраженія твердаго рѣшенія пѣвца вѣчно прославлять Бога; къ этому обѣту онъ призываетъ также всѣхъ прошедшихъ съ нимъ одинаковую школу терпѣнія и способныхъ къ совокупному восхваленію (2—1). Побужденіемъ къ тому тотъ личный фактъ пѣвца, что онъ призвалъ Іегову во время испытанія и Іегова услышалъ его молитву и спасъ его отъ всѣхъ нуждъ. Такую защиту даетъ Іегова всѣмъ, которые боятся Его; вокругъ нихъ находится, окружаетъ ихъ какъ бы лагеремъ Ангелъ Іеговы, могучій охранитель Его народа. Пусть, кто хочетъ, *вкуситъ* этого блаженства и *узнаетъ*, что Іегова *благъ*, что у Него нѣтъ лишенія ни въ чемъ для боящихся Его, что скорѣе сильные львы (образъ богатыхъ притѣснителей) почувствуютъ недостатокъ

въ добычѣ, чѣмъ въ благахъ жизни тѣ, цѣль стремленія которыхъ Іегова (5—11). Какъ отецъ дѣтей хочетъ научить онъ другихъ страху Божію, который есть источникъ долготы жизни и счастія въ ней. Онъ состоитъ прежде всего въ удерживаніи языка отъ лживыхъ рѣчей и въ ревностномъ стремленіи, даже *преслѣдованіи* мира съ собою и Богомъ (12—15). Чтобы сильнѣе побудить къ этому страху Божію, пѣвецъ излагаетъ награду благочестивыхъ и наказаніе грѣшныхъ. Гнѣвное лице Божіе обращено на нечестивыхъ, они обречены на вѣчное уничтоженіе безъ слѣда, на праведныхъ же Онъ обращаетъ око Своего милосердія и чутокъ къ ихъ молитвѣ изъ глубины сердца, близокъ къ тѣмъ, которыхъ жизнь разбита, духъ подавленъ до отчаянія, и хотя много у нихъ скорбей, но отъ всѣхъ ихъ спасаетъ Іегова (16—20). Такіе люди находятся подъ особымъ чрезвычайнымъ попеченіемъ Божіимъ, у нихъ ни одна кость не будетъ сокрушена. Такъ заботливо хранитъ Іегова праведника, нечестиваго же убьетъ то зло, которое онъ любилъ, и навлечетъ на него наказаніе (21—23). Вѣрующій читатель не можетъ не видѣть въ этомъ псалмѣ пророчества о томъ Страдальцѣ, на которомъ буквально исполнилось слово этого псалма, что у праведнаго „ни одна кость не будетъ сокрушена“. Правда, евангелистъ Іоаннъ въ г. 19, 36, приводя это выраженіе, какъ исполнившееся на Христѣ, имѣетъ главнымъ образомъ въ виду Исх. 12, 46, именно агнецъ пасхальный, кости котораго не были сокрушены, но онъ могъ имѣть въ виду и слово этого псалма, такъ какъ не только ветхозавѣтныя жертвы были типомъ великой новозавѣтной жертвы, но и страданія каждаго праведника ветхаго завѣта были также типомъ страданія новозавѣтнаго Праведника по преимуществу.

ПСАЛОМЪ 35-й.

Призваніе Бога—во всеоружіи покарать неблагодарныхъ враговъ.

1. Побори, Іегова, борющихъ меня,
   Воюй съ воюющими на меня,
   Возьми оборонительное оружіе и щитъ
   И возстань на помощь мнѣ,
   И извлеки копье и прегради путь гонителямъ моимъ,
   Скажи душѣ моей: спасеніе твое Я!

Да постыдятся и посрамятся ищущіе души моей,
Отступятъ назадъ и покраснѣютъ замышляющіе несчастіе мое!
Да будутъ они какъ мякина отъ вѣтра
И Ангелъ Іеговы низвергнетъ ихъ;
Да будетъ путь ихъ темнотою и скользкостію
И Ангелъ Іеговы будетъ преслѣдовать ихъ;
Потому что безъ причины скрыли они для меня сѣть свою,
Безъ вины вырыли они яму душѣ моей.
Нападетъ на него разрушеніе неожиданно
И сѣть, которую онъ скрылъ, поймаетъ его.
Съ шумомъ падетъ онъ въ нее.
И душа моя возвеселится въ Іеговѣ,
Возрадуется о спасеніи Его,
Всѣ кости мои скажутъ: Іегова, кто какъ Ты,
Спасающій несчастнаго отъ сильнаго,
Несчастнаго и бѣднаго отъ его грабителя!
Выступаютъ свидѣтели неправды,
О чемъ я невѣдаю – вопрошаютъ они меня,
Воздаютъ мнѣ зло за добро,
Осиротѣніе постигло душу мою!
А я—во время болѣзни ихъ одеждой моей было вретище,—
Удручалъ я постомъ мою душу
И молитва моя въ мою грудь возвращалась.
Какъ еслибы онъ былъ другъ, какъ братъ мнѣ, я обходился,
Какъ скорбящій о матери я уныло сгибался.
И теперь при моемъ паденіи они веселятся и собираются,
Собираются противъ меня люди ничтожные и которыхъ я не знаю,
Раскрываютъ ротъ и не умолкаютъ.
Какъ безсовѣстные насмѣшники за блюдомъ
Скрежещутъ на меня зубами.
Господи, какъ долго Ты будешь смотрѣть?
Возврати душу мою отъ ихъ разрушительныхъ дѣйствій,
Отъ львовъ мою единственную!
Я восхвалю Тебя въ собраніи великомъ,
Среди многочисленнаго народа буду славить Тебя.

* * *

Да не возрадуются ради меня враги мои лживые,
Ненавистники мои безъ причины не будутъ мигать глазомъ.
Потому что не миръ говорятъ они
И противъ тихихъ земли вымышляютъ они дѣла лжи,
И расширяютъ надо мной уста свои,
Говорятъ: а, а! видѣли глаза наши.
Видишь Ты Іегова, не умолчи,

Господи, не будь вдали отъ меня,
Встань и пробудись для суда моего,
Богъ мой и Господь, для тяжбы моей!
Суди меня по правдѣ моей, Іегова Богъ мой,
И не возрадуются они ради меня.
25. Пусть не скажутъ они въ сердцѣ своемъ: а, а! по желанію нашему!
Да не скажутъ они: мы поглотили его,
Да постыдятся и посрамятся вмѣстѣ радующіеся несчастію моему,
Облекутся стыдомъ и позоромъ возвышающіеся противъ меня,
Да возвеселятся и возрадуются любящіе правду мою,
И будутъ говорить: возвеличился Іегова
И восхотѣлъ благосостоянія раба Своего
И языкъ мой будетъ выражать правду Твою,
Всѣ дни хвалу Твою!

Страшное преслѣдованіе со стороны враговъ, соединенное съ неблагодарностію и злорадствомъ, поколебало всю внутренность пѣвца. Потокъ его мыслей и чувствъ изливается такъ бурно и стремительно, что пѣвецъ только въ трехъ слѣдующихъ одинъ за другимъ оборотахъ рѣчи, въ которыхъ возвращаются одни и тѣ же мысли и чувства, изчерпываетъ внутреннее содержаніе своихъ ощущеній. Эти обороты 1—10, 11—18 и 19—28. Псаломъ, какъ нужно полагать, есть одно изъ сильнѣйшихъ выраженій того негодованія, какимъ долженъ былъ проникнуться Давидъ вслѣдствіе несправедливаго преслѣдованія Саула и его приверженцевъ. Онъ облекаетъ Іегову, какъ воина, въ оружіе брани: пусть выступитъ Онъ, какъ истинный мужъ брани, на войну противъ его враговъ, пусть возметъ два щита (одинъ малый для отраженія ударовъ, другой большой для защиты всего тѣла), пусть извлечетъ копье изъ его влагалища, выйдетъ къ нему на помощь и преградитъ дорогу его врагамъ (1—3). Пусть вслѣдствіе этого воинственнаго выступленія Іеговы обрушатся ударъ за ударомъ надъ головами его враговъ, пусть будутъ они посрамлены, отступятъ назадъ; развѣятся какъ мякина; будутъ идти въ темнотѣ и по скользской дорогѣ, гонимые *ангеломъ Іеговы*. Неожиданно нападетъ на нихъ разрушеніе и они сами съ шумомъ падутъ въ яму, которую ему вырыли (4—8. Паденіе враговъ будетъ торжествомъ для души пѣвца, отъ души оно перенесется и на тѣло и всѣ кости его составятъ изъ себя хоръ славословія Іеговѣ, спасающему бѣднаго отъ притѣснителя.

(9—10). Исчерпавъ въ этомъ бурномъ изліяніи свое чувство, пѣвецъ снова возвращается къ мысли о врагахъ, снова призываетъ судъ надъ ними, снова изливаетъ свою благодарность за ожидаемое спасеніе. Въ этомъ второмъ оборотѣ онъ болѣе спокойно изображаетъ гнусное дѣло своихъ враговъ. Они для его осужденія выставляютъ ложныхъ свидѣтелей, требуютъ осужденія его за то, чего онъ не знаетъ (какъ возмутителя, покушавшагося похитить престолъ выставляли Давида враги его передъ Сауломъ), воздаютъ ему зломъ за добро, такъ что осиротѣніе осталось ему въ удѣлъ (послѣ бѣгства отъ Саула Давидъ лишился своего семейства и друзей). Трогательно изображаетъ онъ, съ какимъ высокимъ самоотверженіемъ онъ самъ нѣкогда относился къ несчастію своихъ теперешнихъ враговъ, какъ во время ихъ болѣзни онъ надѣвалъ вретище, изнурялъ постомъ свою душу и, склонивши на грудь свою голову, тихо шепталъ молитву, былъ для нихъ другомъ—братомъ, соболѣзновалъ такъ, какъ соболѣзнуютъ о потерѣ матери. И какая неблагодарность! Теперь, когда онъ находится въ страданіи, они собираются вокругъ него съ враждебнымъ намѣреніемъ, съ ними собираются также люди ничтожные, низкіе, которыхъ онъ прежде не зналъ, открыто позарятъ его, безсовѣстно изъ угожденія врагу (Саулу) за его столомъ насмѣхаются надъ нимъ и скрежещутъ зубами. Проникнутый негодованіемъ, пѣвецъ снова проситъ Іегову избавить душу его отъ ихъ разрушительныхъ дѣйствій и опять обѣщаетъ воздать за спасеніе хвалу и благодарность въ великомъ собраніи народа (11—18). Но и вторичнымъ призываніемъ Бога на судъ не исчерпывается раздраженное чувство пѣвца; онъ опять, въ третій разъ возвращается къ изображенію своихъ враговъ. Что особенно теперь возмущаетъ въ нихъ пѣвца, это ихъ безпокойный нравъ, возмущающій покой мирныхъ людей и еще болѣе ихъ злорадство, открыто выражаемое при видѣ страданія пѣвца (19—21). Снова вызываетъ онъ Іегову пробудиться для защиты его права и воинственно выступить противъ притѣснителей, чтобы они престали злорадствовать надъ нимъ и сами были посрамлены (22 — 26). Враги будутъ посрамлены, и всѣ преданные пѣвцу, жаждущіе торжества его правды, пусть возрадуются и прославятъ Іегову, что Онъ возвеличился въ спасеніи его, и что Ему дорогъ миръ и счастіе Его раба. Нако

нецъ пѣвецъ самъ, въ третій разъ обѣщается всѣ дни хвалить Іегову за спасеніе (22—28).

ПСАЛОМЪ 36-й.

Проклятіе грѣха и восхваленіе благодати.

Внушеніе порока находится у беззаконника въ срединѣ сердца его,
Нѣтъ страха Божія предъ глазами его.
Потому что льститъ онъ ему въ глаза его,
Чтобы находить вину свою, ненавидѣть.
Слова устъ его суть зло и обманъ,
Пересталъ онъ быть разумнымъ, дѣлать добро.
Зло замышляетъ онъ на постелѣ своей,
Твердо становится на пути недобромъ,
Злое не презираетъ онъ.

* * *

Іегова, на небесахъ благодать Твоя,
Истина Твоя до облаковъ,
Правда Твоя какъ горы Божіи,
Суды Твои бездна великая,
Людей и животныхъ спасаешь Ты, Іегова!
Какъ драгоцѣнна благодать Твоя, Боже,
И сыны человѣческіе — въ тѣни крыльевъ Твоихъ скрываются они,
Насыщаются отъ тука дома Твоего
И потокомъ утѣхъ Твоихъ Ты напаяешь ихъ!
Потому что у Тебя источникъ жизни,
Въ Твоемъ свѣтѣ мы видимъ свѣтъ.

* * *

Продолжи благодать Твою вѣдущимъ Тебя
И правду Твою правымъ сердцемъ:
Не достигнетъ меня нога гордыни
И рука нечестивыхъ не будетъ гнать меня
Тамъ пали злодѣи,
Низвержены и не могутъ возстать!

* * *

Вкусившая блаженство благодати и торжествующая надъ зломъ душа пѣвца спокойно смотритъ въ самую глубь зла и съ свѣтлымъ чувствомъ возвышается къ созерцанію небеснаго дара благодати. Видя зло вокругъ себя и самъ страдая отъ него, пѣ-

вецъ далекъ отъ того, чтобы быть подавленнымъ въ своемъ чувствѣ подъ его тяжестію или поддаться его обольстительному вліянію, напротивъ онъ безстрастно и мужественно погружается въ разсмотрѣніе законченнаго образа зла, во всю глубину лежащаго надъ нимъ проклятія, чтобы оттолкнуться отъ него къ созерцанію тѣхъ высокихъ истинъ, которыми полна его душа. Зло въ душѣ нечестиваго такъ извращаетъ его природу, что вмѣсто голоса Божія внутри его голосъ грѣха говоритъ также громко и съ такимъ же авторитетомъ и властію, какъ у добраго голосъ совѣсти и добра, также могущественно и безраздѣльно движетъ его мыслію и волей. Внушеніе злаго дѣлается единственнымъ содержаніемъ его внутренняго существа, такъ что страхъ Божій, какъ начало дѣйствій добраго, не имѣетъ мѣста въ его душѣ и голосъ его не слышимъ (2). Этотъ внутри дѣйствующій грѣхъ развиваетъ передъ глазами преданнаго ему всю свою обольстительную сторону, *онъ льститъ ему*, чтобы такимъ образомъ грѣшникъ, утвердившись въ немъ, сознательно и свободно достигъ самообвиненія, чтобы вмѣсто любви ненависть ко всему доброму сдѣлалась началомъ его дѣйствій (3). Слова такого суть только зло и обманъ; разумно поступать и дѣлать добро (что̀ одно и тоже) онъ уже не можетъ; даже на постелѣ онъ думаетъ только о злѣ, такъ что онъ твердо сталъ на пути зла, а не добра, и зло онъ не ненавидитъ, а любитъ всѣми силами души своей (4—5).

Отъ этой мрачной картины пѣвецъ непосредственно переходитъ къ свѣтлому образу небесной благодати и неизчерпаемой полноты ея даровъ. Благодать Іеговы и Его истина т.-е. вѣрность Своимъ обѣтованіямъ („благодать и истина“ Іоан. 1, 17) также безконечна и недостигаема для людей (во всей полнотѣ) какъ небо т.-е. превышаетъ ихъ мысль и разумѣніе, Его праведность и Его суды возвышенны какъ горы и безконечны и неизчерпаемы какъ океанъ; ихъ проявленіе (какъ напр. во время потопа) простирается не только на міръ людей, но и на животныхъ (6—7). Пѣвецъ далѣе хочетъ изображать то неизъяснимое блаженство, какое производитъ благодать въ душѣ человѣка. „Какъ драгоцѣнна благодать Твоя Боже“! восклицаетъ онъ; подъ сѣнію ея, какъ подъ сѣнію любви Божіей, люди находятъ себѣ убѣжище отъ искушенія и преслѣдованія. „Насыщаются они

отъ тука Его дома", какъ священники отъ жертвъ мирныхъ, получаютъ въ изобиліи духовное удовлетвореніе и насыщеніе, Іегова напояетъ ихъ цѣлымъ „потокомъ" своихъ райскихъ утѣхъ. Пѣвецъ наконецъ достигаетъ самаго послѣдняго основанія, исходнаго пункта этого райскаго потока блаженства: „У Іеговы источникъ жизни" — вотъ откуда безконечно текутъ и развѣтвляются потоки животворной благодати, какъ раздѣленные потоки рая. Іегова, источникъ жизни, есть источникъ свѣта: внѣ Его густая тьма невѣдѣнія и грѣха, съ Нимъ, при Его свѣтѣ мы видимъ полуденный свѣтъ истиннаго знанія и добра (8—10).

Изобразивши хаосъ зла и неисчерпаемую глубину благодати пѣвецъ переходитъ къ прошенію, чтобы Іегова продолжалъ благодать и правду вѣдущимъ Его, дабы рука злодѣйствующихъ тирановъ не коснулась его и не отторгнула его отъ дома и отечества (11—12). Но просьба почти мгновенно переходитъ въ непотрясаемую увѣренность. „Тамъ", т.-е. гдѣ будетъ совершаться судъ, уже вотъ пали трупы злодѣевъ, притѣснителей истинной церкви и лежатъ простертые на землѣ безъ возможности когда-нибудь возстать для новой жизни (13).

ПСАЛОМЪ 37-й.

Мнимое счастіе нечестивыхъ и истинное праведныхъ.

1. А. На злодѣевъ не раздражайся,
Не ревнуй о дѣлающихъ беззаконіе,
Потому что какъ трава быстро поблекнутъ они
И какъ зелень пышная изсохнутъ.
Б. Будь въ надеждѣ на Іегову и дѣлай добро,
Населяй землю и соблюдай правду,
И увеселяйся Іеговою,
И Онъ дастъ тебѣ требованія сердца Твоего.
5. В. Веди къ Іеговѣ путь твой
И надѣйся на Него, и Онъ исполнитъ,
И выведетъ какъ свѣтъ праведность твою
И правду твою какъ сіяніе полудня.
Г. Господу будь безмолвно преданъ и уповай на Него
Не ревнуй тому, котораго путь благоуспѣшенъ,
Мужу, строющему ковы.
Д. Далеко отступи ты гнѣва и оставь негодованіе,
Не ревнуй, только ко злу ведетъ это.

Потому что злодѣи будутъ искоренены,
И надѣющіяся на Іегову—они наслѣдуютъ землю.
10. Е. Еще не много и нѣтъ нечестиваго,
И ты обратишь вниманіе на его мѣсто и нѣтъ его;
Но кроткіе наслѣдуютъ землю
И будутъ наслаждаться полнотою мира.

* * *

Ж. Жизни праведнаго угрожаетъ зломъ нечестивый
И скрежещетъ на него зубами своими.
И Господь посмѣется ему,
Потому что Онъ видитъ, что пришелъ день его.
З. Злые обнажаютъ мечъ и напрягаютъ лукъ свой,
Чтобы повергнуть несчастнаго и бѣднаго,
Предать закланію правыхъ сердцемъ.
15. Мечъ ихъ проникнетъ въ сердце ихъ
И лукъ ихъ будетъ разбитъ.
И. И малое праведнаго лучше,
Чѣмъ изобиліе нечестивыхъ многихъ.
Потому что руки нечестивыхъ будутъ разбиты
И праведныхъ поддерживаетъ Іегова.
І. Іегова знаетъ дни невинныхъ
И наслѣдіе ихъ во вѣки будетъ.
Не устыдятся во время злое
И въ дни голода будутъ насыщены.
20. К. Какъ и должно—нечестивые погибнутъ
И враги Іеговы — какъ пышность луговъ,
Исчезли въ дыму, исчезли!

* * *

Л. Лежитъ долгъ на нечестивомъ и не можетъ заплатить,
И праведный милосердъ и щедръ.
Потому благословенные Имъ наслѣдуютъ землю
И проклятые Имъ будутъ искоренены.
М. Мужу отъ Іеговы утверждены стопы
И путь его Онъ любитъ,
Если онъ падетъ, не будетъ низверженъ,
Потому что Іегова поддерживаетъ руку его.
23. Н. Нѣтъ, юношей я былъ, даже состарѣлся,
И не видалъ праведнаго оставленнымъ
И его сѣмя просящимъ хлѣба.
Всѣ дни онъ дѣлаетъ милостыни и даетъ взаймы
И его сѣмя для благословенія.
О. Отступи отъ зла и дѣлай добро,
И будешь жить во вѣки.

Потому что Іегова любитъ правду
И не оставитъ благочестивыхъ Своихъ,
П. По вѣкъ будутъ сохранены,
И сѣмя злодѣевъ будетъ искоренено.
Праведные наслѣдуютъ землю
И будутъ жить во вѣки на ней.
30. Р. Раскрываютъ мудрость уста праведнаго
И языкъ его выражаетъ правду.
Законъ его Бога въ сердцѣ его
И не поколеблются стопы его.

* * *

С. Стережетъ нечестивый праведнаго
И ищетъ умертвить его.
Іегова не предастъ его въ руку его
И не обвинитъ его, когда будетъ судимъ.
Т. Терпѣливо ожидай Іегову и сохраняй путь Его,
И Онъ возвыситъ тебя, чтобы наслѣдовать землю
Искорененіе нечестивыхъ ты будешь созерцать.
35. У. Упорно дерзкаго я видѣлъ нечестиваго
И онъ разростался какъ самородное широколиственное дерево,
И прошли мимо и вотъ нѣтъ его
И я искалъ его и онъ не былъ найденъ.
(Ф.) Наблюдай честнаго и смотри на праваго,
Потому что потомство мужу мира.
Но отступники будутъ уничтожены всѣ вмѣстѣ,
Потомство нечестивыхъ будетъ искоренено.
Х. Храненіе праведныхъ отъ Іеговы
И защита ихъ во время скорби.
40. И помогаетъ имъ Іегова и освобождаетъ ихъ,
Освобождаетъ ихъ отъ нечестивыхъ и спасаетъ ихъ,
Потому что въ Немъ скрываются они.

Псаломъ 37-й принадлежитъ къ числу алфавитныхъ; онъ состоитъ изъ ряда изрѣченій, которыя, хотя не въ строгой послѣдовательности, выражаютъ различныя стороны одной и той же основной мысли. Это основная мысль, достояніе опытности долговременной жизни писателя, является въ формѣ увѣщанія, что не нужно печалиться и ревновать счастію нечестивыхъ, такъ какъ оно непрочно, напротивъ должно быть терпѣливымъ и преданнымъ Іеговѣ, такъ какъ Онъ въ концѣ концевъ пошлетъ спасеніе. Множество разнообразныхъ изрѣченій на эту тему

вполнѣ изчерпываетъ основную мысль, и всѣ ихъ можно раздѣлить на 4 отдѣльныя группы, 1—11. 12—20. 21—31. 32—42; каждая начинается рѣчью о нечестивыхъ и затѣмъ предлагаются увѣщанія къ преданности Іеговѣ и къ праведности въ жизни. Не нужно соблазняться счастіемъ нечестивыхъ, они поблекнутъ и изсохнутъ какъ трава, но слѣдуетъ быть терпѣливымъ и преданнымъ Іеговѣ, отдаться вполнѣ Его руководству, такъ какъ Іегова рано ли поздно ли, но выведетъ наружу правду благочестиваго и кроткаго, дастъ имъ въ наслѣдіе землю, нечестивые же будутъ безслѣдно уничтожены (1—11). Таково основное содержаніе 1-го отдѣленія. Второе излагаетъ туже мысль: хотя нечестивый и замышляетъ зло противъ праведнаго, скрежещетъ на него зубами, однако же Іегова посмѣется ему, и направленные имъ противъ праведнаго мечи и стрѣлы будутъ обращены на него же и пронзятъ его сердце. Поэтому лучше довольствоваться малымъ, удѣленнымъ праведному, чѣмъ изобиліемъ благъ, награбленныхъ нечестивымъ, потому что достояніе праведнаго продолжается вѣчно, нечестивые же сами погибнутъ безслѣдно, какъ цвѣтъ луга, исчезнутъ какъ дымъ (12—20). Въ третьей группѣ писатель, сказавши о жадности нечестиваго и милосердіи праведнаго и о послѣдней участи того и другаго, указываетъ на особое покровительство Божіе, какимъ пользуется праведный: Іегова самъ утверждаетъ и направляетъ пути его жизни и не доведетъ его до паденія, а если онъ будетъ падать, то поддержитъ его Своею рукою. Эту истину пѣвецъ доказываетъ фактами собственнаго опыта: онъ отъ юности и до старости ни разу не видалъ праведнаго оставленнымъ со стороны Бога и просящимъ милостыню. Во имя этого особаго покровительства Божія, какимъ пользуется праведный, писатель увѣщеваетъ вѣрныхъ не отступать отъ добра, такихъ людей Богъ не оставитъ и дастъ имъ въ наслѣдіе землю, они полны мудрости и правды, законъ Божій внутри ихъ сердца и пути ихъ тверды (21—31). Въ послѣднемъ отдѣленіи онъ опять возвращается къ нечестивому, къ его убійственнымъ намѣреніямъ въ отношеніи къ праведнымъ, но убѣждаетъ послѣднихъ къ смѣлой увѣренности въ Іеговѣ и указываетъ на время, когда они будутъ созерцать зрѣлище окончательнаго уничтоженія злыхъ. Эту мысль онъ опять доказываетъ изъ собственнаго опыта: какъ въ предше-

ствующемъ отдѣленіи онъ говоритъ, что онъ не видалъ оставленнымъ праведнаго, такъ и здѣсь утверждаетъ, что онъ видѣлъ самъ, какъ нечестивый выросъ и возвысился какъ твердое шикоролиственное дерево, но стоило ему сдѣлать шагъ назадъ отъ него, какъ его уже не стало. И эту часть онъ оканчиваетъ также увѣщаніемъ къ терпѣнію и надеждѣ и обѣщаніемъ милости отъ Іеговы (32—42).

Ученіе псалма 37-го, равно какъ ученіе псалма 1-го, о праведномъ мздовоздаяніи, по которому порокъ въ концѣ концевъ необходимо наказывается, а добродѣтель награждается, въ другихъ псалмахъ (напр. въ 39) не является настолько сильнымъ, чтобы успокоить чувство страждущаго праведника, во многихъ же другихъ мѣстахъ Библіи встрѣчаетъ возраженіе, въ особенности въ книгѣ Іова, гдѣ оно является догматомъ друзей и оспаривается Іовомъ. Дѣйствительно, если поприще правосудія Божія ограничивать только предѣлами настоящей жизни, какъ въ настоящемъ псалмѣ, то примѣненіе этого ученія ко всѣмъ случаямъ настоящей жизни невозможно, такъ какъ въ дѣйствительности жизнь человѣческая не всегда представляетъ полное торжество правды Божіей. Здѣсь нельзя не видѣть несовершенства ветхозавѣтнаго представленія о правдѣ Божіей, зависящаго отъ того, что оно еще не знаетъ ясно о загробной жизни, гдѣ по новозавѣтному представленію и должно наступить это окончательное торжество правды Божіей, и ограничиваетъ его только предѣлами настоящей жизни. Поэтому только съ новозавѣтной точки зрѣнія ученіе псалма 37 объ окончательной гибели нечестиваго и наградѣ праведнаго имѣетъ свою полную и непреложную истину. Но и ветхозавѣтное представленіе о посюсторонемъ торжествѣ правды Божіей имѣетъ также свою истину: самый конецъ жизни нечестиваго есть уже для него воздаяніе, такъ какъ онъ отзываетъ его отъ того единственнаго блага, какимъ онъ пользовался въ жизни, и приноситъ ему полное уничтоженіе, между тѣмъ какъ смерть праведнаго не отзываетъ его отъ общенія съ Богомъ, въ которомъ и состояло главнѣйшее благо его жизни, и въ этомъ общеніи онъ видитъ залогъ своей награды (ср. пс. 16 и 17, въ особенности 17, 13—15). Это главнымъ образомъ имѣетъ въ виду и писатель псалма 37, когда

говоритъ объ совершенномъ уничтоженіи, ожидающемъ нечестиваго, и о благахъ, ожидающихъ праведнаго вслѣдствіе общенія съ Богомъ.

ПСАЛОМЪ 38-й.

Просьба объ измѣненіи гнѣва Божія на милость.

Іегова, не во гнѣвѣ Твоемъ взыскивай съ меня,
И не въ негодованіи Твоемъ наказывай меня!'
Потому что стрѣлы Твои опустились въ меня
И опустилась на мнѣ рука Твоя.
Ничего нѣтъ здороваго въ тѣлѣ моемъ отъ гнѣва Твоего,
Ничего невредимаго въ костяхъ моихъ отъ грѣха моего.
Потому что преступленія мои прошли надъ головой моей,
Какъ бремя тяжелое, — оно слишкомъ тяжелое для меня.
Стали, гноятся язвы мои
Отъ неразумія моего.
Я сокрушенъ, склоненъ до зѣла,
Весь день печальный хожу я.
Потому что мои лядвія полны воспаленія
И ничего нѣтъ здороваго въ плоти моей.
Я оцѣпенѣлъ и разбитъ до зѣла,
Ревѣлъ отъ стенанія сердца моего.
Господи, предъ Тобою все стремленіе мое,
И воздыханіе мое отъ Тебя не сокрыто,
Мое сердце бьется быстро, оставила меня сила моя,
И свѣтъ глазъ моихъ, свѣтъ ихъ исчезъ.
Возлюбленные мои и друзья мои—далеко отъ моего пораженія стоятъ они,
И мои родственники — вдали стоятъ они.
И сѣти кладутъ ищущіе души моей,
И домогающіеся моего несчастія высказываютъ гибельныя лжи,
И ложь цѣлый день говорятъ они.
Но я какъ глухой, какъ если бы я не слышалъ,
И какъ нѣмой, который не отверзаетъ устъ.
Я сталъ какъ человѣкъ, который не слышитъ,
И нѣтъ въ устахъ его оправданія.
Потому что на Тебя, Іегова, я уповаю,
Ты, Ты отвѣтишь, Господь, Богъ мой!
Потому я сказалъ: да не возрадуются ради меня,
Которые величаются при колебаніи ноги моей!
Потому что я къ паденію готовъ,
И страданіе мое предо мною постоянно.

Потому что вину мою я сознаю,
Страшусь за грѣхъ мой.
20. Но мои враги полны жизни, многочисленны,
И много моихъ лживыхъ ненавистниковъ.
И воздавая злое за добро
Враждуютъ они противъ меня ради моего преслѣдованія блага
Не оставь меня, Іегова,
Богъ мой, не оставайся вдали отъ меня!
Поспѣши на помощь мнѣ,
Господи, спасеніе мое!

Псаломъ 38-й, начинаясь подобно псалму 6-му, есть также, какъ и этотъ послѣдній, вопль пораженнаго болѣзнями страдальца. Въ ужасныхъ страданіяхъ своихъ пѣвецъ видитъ не случайное явленіе его физической жизни, а необходимое слѣдствіе его нравственнаго состоянія. Грѣхъ есть причина его страданій, но онъ молитъ, чтобы Іегова не во гнѣвѣ наказывалъ его, чтобы не карающій гнѣвъ, а милующая любовь лежала въ основаніи этихъ ударовъ. Между тѣмъ эти удары являются для пѣвца вполнѣ симптомами гнѣва Божія; невыносимо подавляющее дѣйствіе ихъ, закрывающее взоръ на милосердіе Божіе, онъ изображаетъ передъ Іеговою. Его стрѣлы, Его поражающая рука вонзилась въ его плоть, произвела такое разрушительное дѣйствіе, что отъ этихъ гнѣвныхъ ударовъ не осталось ни одного здраваго мѣста въ его плоти и костяхъ (2—4). Его грѣхи причина этого, они въ образѣ этихъ ударовъ прошли надъ его головой, какъ всепоглощающія воды, легли на его плечи, какъ тяжелое невыносимое бремя; его язвы смрадно гніютъ и гноятся, вся его внѣшняя фигура скорчилась, согнулась, онъ печально ходитъ, огонь горитъ во всѣхъ его членахъ. Онъ доведенъ до оцѣненѣнія и окончательной подавленности силъ и стонетъ отъ боли сердца (5—9). Пѣвецъ представляетъ предъ Іеговою всю глубину своихъ страданій не для того, чтобы повѣдать ихъ Ему, отъ Іеговы не сокрытъ на одинъ вздохъ его, но для того, чтобы вымолить отъ Него состраданіе. Это заставляетъ его снова изобразить свои страданія съ тѣмъ спокойствіемъ, отъ котораго уже близокъ переходъ къ надеждѣ. Отъ его страданій и внутрянняго огня сердце бьется сильно, окончательно покинула его сила и глаза потеряли свѣтъ отъ плача и болѣзни (10—11). Друзья и родственники оставили его при видѣ нанесеннаго ему удара, а

между тѣмъ враги пользуются постигшимъ его несчастіемъ, чтобы устроить ему окончательную гибель: поставляютъ сѣти, гибельныя и лживыя рѣчи говорятъ объ немъ, самъ же онъ не имѣетъ силы даже отвѣчать на эти рѣчи, какъ глухой или неимѣющій что либо возразить (12—15). Пѣвецъ заключилъ свою скорбь внутрь себя отъ людей чтобы тѣмъ открытѣе и полнѣе выразить ее передъ Богомъ, на Него онъ надѣется и молитъ, чтобы Онъ услышалъ его молитву не ради его самаго, а ради враговъ, для которыхъ его паденіе послужитъ предметомъ радости и превозношенія (16—17). Близкій къ паденію, онъ съ искреннимъ чувствомъ разскаевается въ грѣхахъ и проникнутъ этою печалью покаянія (18—19). Отъ взгляда на себя пѣвецъ переступаетъ ко взгляду на враговъ своихъ: онъ внутренно смирился и подавленъ болѣзнію, а между тѣмъ враги его сильны, могучи жизненными силами, многочисленны, и съ этимъ избыткомъ своихъ силъ они нападаютъ на него за то, что онъ „преслѣдуетъ благо“. Это печальная мысль вызываетъ изъ сердца пѣвца снова настоятельную просьбу объ услышаніи и скорой помощи. На этомъ вздохѣ къ Богу замираетъ слово пѣвца; онъ отчаялся въ себѣ, не отчаялся въ Богѣ и Богъ безъ сомнѣнія услышалъ его молитву.

ПСАЛОМЪ 39-й.

Самоотреченная преданность Іеговѣ при кратковременности земныхъ страданій и радостей.

Я сказалъ: „сохраню уста мои отъ преступленія языкомъ моимъ,
Сохраню на устахъ моихъ узду,
Пока еще нечестивый предо мною!“
Я сталъ нѣмымъ въ безмолвіи,
Молчалъ, не взирая на счастье,
Однако моя болѣзнь разбушевалась.
Сгарало сердце мое во внутренности моей,
Въ стенаніи моемъ пылалъ огонь —
Я заговорилъ языкомъ моимъ....

* * *

5. Повѣдай мнѣ, Іегова, конецъ мой
И мѣру дней моихъ, какъ мала она;
Пусть узнаю я, какъ преходящъ я!

Вотъ какъ ладони Ты сдѣлалъ дни мои,
И время жизни моей, какъ ничто предъ Тобою;
Только пустое дыханіе каждый человѣкъ, какъ ни твердо стоитъ онъ.
Только какъ тѣнь ходитъ человѣкъ,
Только ради пустаго они суетятся;
Онъ собираетъ и не знаетъ, кто получитъ его.

* * *

И теперь, на что я буду надѣяться, Господи?
Упованіе мое — Тебѣ принадлежитъ оно:
Отъ всѣхъ преступленій моихъ спаси меня,
Позоромъ для глупаго не дѣлай меня!
Я нѣмъ, не отверзаю устъ,
Потому что Ты, Ты сдѣлалъ,
Отстрани отъ меня ударъ Твой,
Отъ раздраженія руки Твоей я исчезну!
Посѣщеніями за грѣхъ наказываешь Ты мужа,
И заставляешь разлагаться, какъ отъ моли, его утѣху. —
Только дыханіе всѣ люди!

* * *

Услышь молитву мою, Іегова
И воплю моему вонми!
Къ слезѣ моей не будь молчаливъ,
Потому что гость я у Тебя,
Пришелецъ, какъ всѣ мои отцы!
Отвернись отъ меня, чтобы я повеселѣлъ,
Прежде чѣмъ я исчезну и нѣтъ меня!

Страданія праведнаго и счастіе нечестиваго—вотъ предметъ скорбныхъ вопросовъ и мучительныхъ, раздирающихъ душу состояній ветхозавѣтнаго благочестія. Не имѣя яснаго и полнаго знанія о загробной жизни, гдѣ должно наступить торжество правосудія, ветхозавѣтный праведникъ, поражаемый страданіями, при видѣ счастія нечестивыхъ или вступалъ въ борьбу съ самимъ Богомъ, какъ несправедливо преслѣдующимъ его, какъ Іовъ, или въ тягостномъ, малчаливомъ самоотреченіи переносилъ свое безъисходное горе, боясь открыть уста, чтобы не согрѣшить противъ Бога. Этотъ послѣдній симптомъ борьбы ветхозавѣтнаго благочестія выражается въ настоящемъ псалмѣ. Пѣвецъ, поражаемый ударами Іеговы (ст. 11), рѣшилъ въ душѣ своей, что онъ при видѣ счастія нечестиваго сохранитъ

свои пути, т.-е. все свое поведеніе отъ грѣха языкомъ своимъ, постоянно будетъ сохранять узду на устахъ своихъ (2). Свое рѣшеніе онъ привелъ въ исполненіе: онъ молчалъ въ тихомъ самоотреченіи при видѣ „счастія“ нечестивыхъ, но это молчаніе, это насильное сдерживаніе себя только возбуждало въ его душѣ бурю мыслей и состояній, которыя увеличивали и возбуждали его болѣзнь; его сердце пылало и издавало стоны, которые еще болѣе распаляли его внутренній огонь; наконецъ онъ не выдержалъ, „заговорилъ языкомъ своимъ“ (3—4). Мы ожидаемъ, что теперь польется бурный потокъ жалобъ противъ Бога, какъ отъ устъ Іова послѣ семидневнаго молчанія его и его друзей; но пѣвецъ умолчалъ объ этой первой печальной ступени своей вырвавшейся наружу скорби,—онъ спѣшитъ себя утѣшить въ этомъ безъисходномъ состояніи взаимно противорѣчащихъ движеній своей души, и гдѣ же онъ находитъ утѣшеніе? Тамъ, гдѣ повидимому всего менѣе утѣшительнаго; тамъ, гдѣ все способно навѣять только скорбь и отчаяніе, именно въ мысли о краткости человѣческой жизни и тлѣнности всего земнаго. Грустно это размышленіе пѣвца: пусть Іегова въ утѣшеніе покажетъ ему на его скорый конецъ, на то, что онъ преходящъ, что дни его такъ коротки, какъ ладони руки и предъ лицемъ Его ничто, что все существо человѣка со всѣми его стремленіями и дѣлами есть только легкое дыханіе, одинъ ударъ пустаго воздуха, что онъ ходитъ не какъ реальная сущность, а какъ только тѣнь, и всѣ его стремленія, весь шумъ его жизни есть пустая суета, накопляетъ блага и не знаетъ, кто въ концѣ-концевъ ими воспользуется (5—7). Но эта печальная мысль, хотя и въ состояніи ослабить остроту болѣзни, приводя въ сознаніе страдальца скоротечность какъ его страданій такъ и счастія нечестиваго, но далеко не въ состояніи доставить дѣйствительнаго утѣшенія,—это утѣшеніе, почерпаемое въ своихъ же слезахъ. Гдѣ же источникъ его дѣйствительнаго утѣшенія? гдѣ скрывается его надежда, послѣ того какъ въ настоящей жизни онъ ожидаетъ только возможно скораго конца ея? Въ будущей жизни? Но относительно ея у него полная неизвѣстность (ст. 14). Здѣсь-то открывается вся героическая сторона ветхозавѣтнаго благочестія: видя въ настоящемъ только страданія, а въ будущемъ уничтоженіе въ шеолѣ, ветхозавѣтный праведникъ бѣ-

житъ отъ этихъ ужасовъ во мракѣ лежащей надъ его внутренними глазами ночи къ Іеговѣ, старается схватить Его дрожащими руками, укрыться въ Его груди и здѣсь найти якорь надежды среди ада настоящаго и будущаго. „И теперь, на что я буду надѣяться, Господи“! восклицаетъ онъ. „Упованіе мое — Тебѣ принадлежитъ оно“! отвѣчаетъ онъ самъ. Эта надежда вливаетъ дѣйствительное успокоеніе въ его духъ и развиваетъ въ немъ то настроеніе духа, въ которомъ онъ обращается съ сердечною молитвой къ Богу. Такъ какъ грѣхъ есть причина его страданія, то онъ проситъ прежде всего, чтобы Іегова освободилъ его отъ тяжелыхъ грѣховъ и не сдѣлалъ его предметомъ позора для нечестиваго (8—9). Онъ нѣмъ, не отверзаетъ устъ, но уже не обращая вниманія на счастіе нечестиваго, а просто потому, что его страданія суть дѣло Божіе, и проситъ прямо Бога, чтобы Онъ отстранилъ нанесенный ударъ, иначе онъ изчезнетъ безъ слѣда отъ Его гнѣва: человѣкъ такъ ничтоженъ, что если Іегова захочетъ покарать его за грѣхъ, то вся привлекательная сторона его жизни распадается, какъ отъ моли. Человѣкъ только дыханіе. (10—12). Это размышленіе вырываетъ снова вздохъ изъ души пѣвца: если Іегова не хочетъ слышать его молитвы, то пусть отвѣтитъ на его слезы, которыя однѣ остаются ему въ удѣлъ. Въ прекрасномъ, трогательномъ образѣ онъ представляетъ себя предъ Іеговою: онъ только гость и пришелецъ Бога на землѣ, какъ и всѣ его отцы; земля принадлежитъ вполнѣ Ему: неужели же благой Богъ желаетъ его уничтоженія въ шеолѣ, когда безъ того радость его существованія въ этомъ мірѣ продолжается только краткое мгновеніе? Неужели Онъ ни на минуту не отвратитъ отъ него Своего гнѣвнаго взгляда, такъ чтобы хотя на мгновеніе просвѣтлѣло его покрытое печалью лицо, пока онъ не ушелъ туда, гдѣ ожидаетъ его полное уничтоженіе, гдѣ уже нельзя будетъ его найти? — Такъ печально оканчивается одна отъ самыхъ прекраснѣйшихъ элегій священной поэзіи. Но не мрачное отчаяніе и безъисходное горе досталось въ удѣлъ пѣвца, среди ночи и бури онъ ясно различаетъ одинъ свѣтлый образъ, къ которому онъ стремится, какъ къ своему спасительному маяку, это—Іегова. Эта надежда безъ удовлетворенія, эта вѣра безъ знанія, эта небесная радость,

пробивающаяся сквозь волны отчаянія, это странствованіе безъ достиженія цѣли было удѣломъ ветхозавѣтныхъ праведниковъ.

ПСАЛОМЪ 40-й.

Хвала и жертва за спасеніе и молитва о заступленіи.

Ожидая ожидалъ я Іегову
И склонился Онъ ко мнѣ, и услышалъ вопль мой,
И вывелъ меня изъ рва погибели, изъ тины болота
И поставилъ на скалѣ ноги мои, укрѣпилъ стопы мои.
И положилъ въ мои уста новую пѣснь, хвалу нашему Богу.
Увидятъ многіе и убоятся и будутъ надѣяться на Іегову.

* * *

5. Блаженъ человѣкъ, который дѣлаетъ Іегову основаніемъ своей надежды
И не обращается къ надменнымъ и отступникамъ ко лжи.
Много совершилъ Ты, Іегова, Богъ мой, чудесъ Твоихъ и мыслей Твоихъ для насъ;
Ничто нельзя сравнить съ Тобою, иначе я возвѣстилъ бы и высказалъ бы,
Они очень многочисленны, чтобы перечислить.
Жертву закланія и жертву хлѣбную Ты не восхотѣлъ,
Уши же вырылъ мнѣ,
И всесожженія и жертвы о грѣхѣ не пожелалъ Ты.
Тогда сказалъ я: „вотъ я иду
Со свиткомъ книги, обо мнѣ написанной.
Сотворить Твою волю, мой Богъ, я желаю
И законъ Твой посреди внутренности моей“!

* * *

10. Я благовѣстилъ о праведности въ великомъ собраніи,
Вотъ мои уста я не заключалъ, —
Іегова Ты, Ты знаешь это.
Твою праведность я не скрылъ въ срединѣ сердца моего,
Твою вѣрность и Твое спасеніе высказалъ я,
Не утаилъ я Твою благодать и истину отъ великой церкви.

* * *

Ты же, Іегова, не заключай Ты милосердія Твоего отъ меня,
Благодать Твоя и истина Твоя пусть всегда охраняютъ меня!
Потому что окружили меня несчастія, такъ что нѣтъ числа,
Охватили меня преступленія мои и я не могу смотрѣть.

Они многочисленнѣе чѣмъ волосы главы моей
И сердце мое покинуло меня.

* * *

О, восхоти, Іегова, спасти меня,
Іегова, на помощь мнѣ поспѣши!
15. Да постыдятся и посрамятся ищущіе души моей,
Чтобы вырвать ее;
Отступятъ назадъ и будутъ постыжены
Желающіе несчастія моего,
Ужаснутся ради награды позора ихъ,
Которые говорятъ мнѣ: а, а!

* * *

Да возрадуются и возвеселятся о Тебѣ всѣ ищущіе Тебя,
Будутъ говорить постоянно: „возвеличился Іегова“ любящіе спасеніе Твое!
Но я несчастенъ и бѣденъ,
Господь взыщетъ меня.
Помощь моя и Спаситель мой Ты,
Богъ мой, не умедли!

Псаломъ 40-й по содержанію своему есть въ одно и то же время и благодарственная пѣснь спасеннаго и молитва о спасеніи: пѣвецъ и пережилъ спасеніе и находится въ опасности. Это Давидъ, когда онъ находился въ борьбѣ съ Сауломъ и по божественному устроенію чрезъ школу страданія и смиренія прокладывалъ себѣ путь къ царственной славѣ: чудесно спасенный отъ одной опасности, онъ подвергался другой, и его псаломъ есть выраженіе этого двоякаго настроенія. Хвала и благодарность за спасеніе выступаетъ на первомъ планѣ, и уже изъ нея развивается молитва о спасеніи и жалоба на опасное положеніе. Пѣвецъ надѣялся на Іегову; Онъ услышалъ его молитву и спасъ его. Его опасность была такъ велика, что онъ какъ бы находился во рву погибели и въ тинѣ болота, но Іегова вынулъ его изъ этого рва и поставилъ на скалѣ его ноги, вывелъ изъ топкой грязи болота и поставилъ на твердомъ мѣстѣ его ноги (2—3). Это заставляетъ его воспѣть новую пѣснь Іеговѣ, какъ восхваленіе новаго дѣла Его милости и всемогущества. Фактъ этотъ послужитъ основаніемъ для многихъ другихъ людей къ увѣренности въ силѣ Іеговы (4). Это заставляетъ его изобра-

зить вообще блаженство человѣка, который Іегову дѣлаетъ основаніемъ своей увѣренности и не полагается на гордыхъ людей міра сего и лживыхъ отступниковъ. Для такихъ людей и вообще для Своего народа Іегова совершилъ много чудесъ и осуществилъ много Своихъ глубокихъ плановъ; „ничто не сравнится съ Тобою“! говоритъ пѣвецъ, иначе онъ выразилъ бы словами всѣ дѣла Іеговы, но они слишкомъ велики и многочисленны, чтобы можно было ихъ перечислить. Дѣло своего спасенія пѣвецъ поставляетъ здѣсь въ разрядъ съ тѣми безчисленными чудесами, которыя ознаменовали непрерывное откровеніе Іеговы Своему народу, и съ полнымъ правомъ. Какъ помазанникъ Божій онъ въ своемъ спасеніи видѣлъ обнаруженіе чудесной милости Іеговы его земному царству и народу, судьба котораго неразрывнымъ образомъ должна быть теперь связана съ его судьбою. Это спасеніе вызываетъ въ немъ поэтому особую энергію благодарности и хвалы. Но какую же благодарность онъ можетъ воздать Іеговѣ? Жертвы? Но Давидъ помнитъ, что сказалъ Богъ устами Самуила отвергнутому Саулу, когда онъ принесъ жертву, но не исполнилъ воли Божіей: „угодно ли Іеговѣ всесожженіе и жертва закланія такъ же какъ послушаніе голосу Іеговы? Вотъ послушаніе лучше жертвы закланія, вниманіе лучше, чѣмъ тукъ овновъ“ (1 Цар. 15, 22). Поэтому онъ говоритъ далѣе во псалмѣ: „жертвы закланія и жертвы хлѣбной Ты не восхотѣлъ“, но „уши вырылъ мнѣ“, т.-е. вложилъ въ меня способность слышать Твое слово и повиноваться ему. Это не значитъ, что Давидъ не считаетъ для себя обязательными установленныя закономъ жертвы, но послушаніе волѣ Божіей онъ считаетъ высшей и самой пріятной Богу жертвой, какую только онъ можетъ принести за свое спасеніе. Вѣрный своему рѣшенію онъ говоритъ: „вотъ я иду со свиткомъ книги, обо мнѣ написанной; сотворить Твою волю, мой Богъ, я желаю“! Давидъ идетъ къ совершенію своихъ великихъ обязанностей со свиткомъ закона Моисеева, который вполнѣ выражаетъ волю Божію и который долженъ быть нормою дѣйствій царя израильскаго (Втор. 17, 14—20). Этотъ законъ есть предметъ его радости и исполненіе его есть внутренняя потребность его сердца, такъ какъ онъ написанъ не на кожаномъ только свиткѣ въ его рукахъ, но и внутри его сердца, „законъ Твоей посреди внутренности

моей", (5—9). Это пониманіе и исполненіе закона и его внѣшнихъ предписаній не по буквѣ, но по его внутреннему духу свидѣтельствуетъ о той высотѣ духовной жизни, на которой стоялъ этотъ вѣнценосный пѣвецъ, а также и о томъ, что духъ новозавѣтной религіи и порывъ къ недостижимой высотѣ новозавѣтнаго пониманія не былъ чуждъ богодухновеннымъ мужамъ В. Завѣта. Пѣвецъ смѣло теперь выступаетъ съ евангельскою проповѣдію о „праведности", „вѣрности" и „спасеніи" Іеговы, насколько эти свойства и дѣйствія Божіи отразились въ его спасеніи; ихъ широкое обнаруженіе пѣвецъ не скрылъ какъ мертвое, бездушное знаніе внутри своего сердца, изъ лѣности или страха предъ людьми, но громко повѣдалъ всей великой церкви народа Божія. Онъ повѣдалъ также вѣнецъ этихъ свойствъ, Его „благодать и истину" (Іоан. 1, 14. 17), какъ начало и конецъ, альфу и омегу всего домостроительства Его (10—11). Отъ благодарности пѣвецъ дѣлаетъ прямой переходъ къ просьбѣ. Пѣвецъ „не заключилъ устъ своихъ отъ восхваленія Іеговы, а Іегова со своей стороны пусть не заключитъ своихъ милостей отъ него"; онъ повѣдалъ всѣмъ Его „благодать и истину", пусть же эти „благодать и истина" охраняютъ его. А это тѣмъ необходимѣе, что множество бѣдствій окружило пѣвца, такъ что они многочисленнѣе волосъ головы его, и сердце его, его самообладаніе, твердость, оставили его (12—13). Въ такомъ положеніи онъ проситъ Бога о скорой помощи и обращается прежде всего къ благой Его волѣ: „восхоти, Іегова, спасти меня"! такъ какъ воля Іеговы есть корень и источникъ всѣхъ вещей; пусть посрамятся всѣ враги его, ищущіе души его, пусть ужаснутся воздаянію за ихъ позорное дѣло злорадствующіе противники его, и напротивъ возвысятся всѣ искренно направляющіе къ Нему свое желаніе, проникнутые неудержимымъ желаніемъ Его спасенія, пусть скажутъ они: „возвеличился Іегова"! Самъ пѣвецъ, хотя бѣденъ и несчастенъ, но есть предметъ заботливости Іеговы, пусть же Іегова не замедлитъ спасти его (14—18).

Слова этого псалма, именно ст. 7—9, въ посланіи къ Евреямъ (10, 5—10) приводятся какъ пророчество о Христѣ и влагаются въ уста Христу, вступившему въ міръ. Хотя мѣсто это въ переводѣ LXX, близко къ которому приводилъ его Апостолъ, нѣсколько разнится отъ подлинника, именно: вмѣсто „уши же вы-

рылъ мнѣ", тамъ говорится „тѣло же совершилъ мнѣ", т.-е. доставилъ мнѣ тѣло, посредствомъ котораго я въ состояніи исполнить по внутреннему содержанію волю Божію, но смыслъ остается вполнѣ одинаковъ. Давидъ, который говоритъ въ этомъ псалмѣ, что онъ послѣ тяжелыхъ испытаній и гоненій приступаетъ къ своему высокому служенію не съ благодарностію посредствомъ жертвъ, а посредствомъ послушанія, и идетъ выполнить законъ не по буквѣ, но по духу, не какъ внѣшнее писаніе, а какъ внутреннее содержаніе своего сердца, является здѣсь типомъ своего Потомка, Втораго Давида, который также путемъ отъ страданія къ славѣ совершилъ Свое служеніе, и при вступленіи въ Свое служеніе съ бо́льшимъ правомъ могъ сказать эти слова. Онъ пришелъ въ міръ совершить волю Божію, но не посредствомъ соблюденія правилъ и обрядовъ писаннаго закона, нѣтъ, Онъ осуществилъ въ Своемъ лицѣ самый духъ, смыслъ и цѣль, основную идею закона, принесеніемъ Себя въ жертву одухотворилъ и исполнилъ то, къ чему клонились и на что только намекали жертвы В. Завѣта, и самая жертва Его есть выраженіе Его безусловнаго послушанія Богу, Отцу Его. Говоря эти слова (ст. 7—9), Давидъ разсматриваетъ себя въ свѣтѣ мессіанской идеи, на высотѣ которой онъ продолжаетъ стоять и въ послѣдующихъ 10 и 11 стихахъ, выступая съ евангельскою проповѣдію о „благодати и истинѣ" предъ всѣмъ великимъ собраніемъ церкви Божіей. Но не весь псаломъ имѣетъ это типическое значеніе; уже съ 12 стиха пѣвецъ опять ниспускается съ этой идеальной высоты въ область своей печальной дѣйствительности.

ПСАЛОМЪ 41-й.

Блаженство милосердаго и молитва о спасеніи неблагодарно гонимаго страдальца.

Блаженъ, кто обращаетъ вниманіе на страдальца,
Въ день несчастія избавитъ его Іегова!
Іегова сохранитъ его и поддержитъ его въ жизни,
Онъ будетъ счастливымъ въ землѣ.
И не предашь Ты его алчности враговъ его.
Іегова поддержитъ его на одрѣ болѣзни;
Весь одръ его Ты измѣнишь, когда боленъ онъ.

* * *

5. Я, я говорю: Іегова, помилуй меня,
Исцѣли душу мою, потому что я согрѣшилъ Тебѣ!
Враги мои говорятъ злое обо мнѣ:
„Когда онъ умретъ и погибнетъ имя его“?
И если приходитъ онъ посмотрѣть, ложь говоритъ онъ,
Его сердце собираетъ вздоръ себѣ,
Выходитъ наружу онъ, разбалтываетъ.

* * *

Вмѣстѣ шепчутся обо мнѣ между собою всѣ ненавистники мои,
Противъ меня вымышляютъ они дурное для меня:
„Неисцѣлимое зло прiковалось къ нему,
И кто лежитъ, не возстанетъ опять“!
10. Даже мужъ дружбы моей, на котораго я надѣялся,
Который ѣлъ хлѣбъ мой, высоко поднялъ на меня пяту.

* * *

И Ты, Іегова, помилуй меня и возстанови меня,
И я воздамъ имъ.
Въ этомъ я узнаю, что Ты благоволишь ко мнѣ,
Что не восторжествовалъ врагъ мой надо мною.
И я, въ невинности моей Ты поддерживаешь меня
И твердо ставишь меня предъ лицемъ Твоимъ во вѣки!

Благословенъ, Іегова, Богъ Израилевъ,
Отъ вѣка и до вѣка! Аминь, Аминь.

Пѣвецъ начинаетъ свой псаломъ съ восхваленія человѣка, который сострадательно относится къ страдальцу. Такого человѣка Богъ самъ спасетъ въ день несчастія и всегда будетъ оберегать, онъ будетъ счастливъ въ землѣ, не будетъ преданъ ярости враговъ. Іегова заботливо будетъ оберегать его на одрѣ болѣзни и доставитъ ему выздоровленіе (2—4). Пѣвецъ излагаетъ эту истину, какъ обратную сторону того отношенія, въ какомъ находятся къ нему самому люди, въ особенности его близкіе. Онъ самъ есть тотъ страдалецъ, который лежитъ на одрѣ болѣзни и нуждается въ мягкомъ сострадательномъ отношеніи къ нему близкихъ, но вмѣсто того самые близкіе люди высказываютъ по отношенію къ нему только злорадство и вражду, поэтому обращается съ молитвою къ Богу о скорой помощи. Пусть

самъ Іегова окажетъ ему состраданіе, такъ какъ отъ людей онъ не только не ожидаетъ помощи, но окружающіе его открыто выражаютъ желаніе поскорѣе видѣть конецъ его жизни и безслѣдное уничтоженіе всякой памяти объ немъ. Когда они его навѣщаютъ, то говорятъ только ложь; подъ личиною дружбы они въ сердцѣ своемъ питаютъ дурныя относительно его намѣренія, и когда выходятъ наружу, то распускаютъ по всей сторонѣ неутѣшительныя для него мысли (5—7) Эти лицемѣрные посѣтители, на самомъ дѣлѣ ненавистники, видя его печальное положеніе, шепчутся между собою и вызываютъ все дурное относительно его участи: „неисцѣлимое зло приковалось къ нему“, говорятъ они, и „онъ уже не можетъ возстать“. Даже человѣкъ довѣренный ему, который вмѣстѣ съ нимъ ѣлъ хлѣбъ, и тотъ поднялъ противъ него пяту (8—10). Такое коварное и предательское отношеніе къ нему друзей и близкихъ снова вырываетъ изъ его души мольбу къ Богу о помилованіи и воздаяніи его врагамъ: пусть на этомъ отмщеніи онъ узнаетъ, что Іегова благоволитъ къ нему. Обращаясь къ своему лицу, пѣвецъ неожиданно выражаетъ самую твердую увѣренность въ спасеніи: что касается до меня, говоритъ онъ, то Іегова по моей невинности *вѣчно* будетъ оказывать мнѣ свое благоволеніе (11—13). Послѣднее выраженіе псалма о вѣчномъ продленіи милости Іеговы пѣвцу указываетъ намъ на Давида, которому Богъ далъ обѣтованіе о вѣчномъ продолженіи его царства. Положеніе, въ какомъ находится здѣсь пѣвецъ, болѣе соотвѣтствуетъ не времени гоненій отъ Саула, а времени другаго гоненія, именно отъ Авессалома, сына его; около постели больнаго Давида созидается цѣлый заговоръ его лицемѣрными и коварными слугами, разносятся по всей странѣ объ немъ дурныя вѣсти. Это всего болѣе соотвѣтствуетъ времени начала Авессаломова возмущенія. Въ такомъ случаѣ человѣкомъ, который ѣлъ съ Давидомъ хлѣбъ и поднялъ на него пяту, долженъ быть Ахитафелъ, правая рука Авессалома, измѣнникъ Давида. Этотъ предатель въ полномъ смыслѣ могъ быть образомъ того предателя, къ которому Іисусъ относитъ слова этого псалма (ст. 10): „ядущій со мною хлѣбъ поднялъ на меня пяту свою“ (Іоан. 13, 18; ср. 17, 12), подобно тому какъ самъ Давидъ, преслѣдуемый Авессаломомъ, ти-

пически изображаетъ въ этомъ второмъ періодѣ своихъ гоненій (отъ Авессалома) страданія Втораго Давида, какъ и въ первомъ періодѣ своихъ гоненій (отъ Саула), что̀ мы видѣли въ предшествующемъ псалмѣ.

Этимъ псалмомъ оканчивается первая изъ пяти частей Псалтири; дальнѣйшія части: пс. 42—72. 73—89. 90—106. 107—150. Слѣдующее за псалмомъ славословіе ко всей первой части, какъ финалъ славословія. Подобныя славословія находятся въ концѣ и всѣхъ остальныхъ частей Псалтири; пятымъ славословіемъ служитъ весь 150-й псаломъ, какъ финалъ всѣхъ славословій.

М. Никольскій.

АПОКАЛИПСИСЪ И ОБЛИЧАЕМОЕ ИМЪ ЛЖЕПРОРОЧЕСТВО*).

I.

На основаніи самаго названія лжеучителей „апостолами“, а равно и на основаніизамѣчанія о нихъ въ первомъ посланіи Іоанна: „они вышли отъ насъ“ Апок. II, 2; 1 Іо. II, 19, мы можемъ прямо утверждать, что этими лжеучителями были не іудеи и язычники, какъ внѣшніе враги христіанства, но христіане отдѣлившіеся отъ церкви, въ собственномъ смыслѣ *еретики*. Уже самое появленіе новозавѣтной письменности служило, съ одной стороны не столько для распространенія христіанства между іудеями и язычниками, въ каковыхъ цѣляхъ скорѣе могло дѣйствовать устное слово за недостаткомъ книжнаго образованія въ массѣ народа и за особою трудностію и цѣнностію письма въ древности, сколько для назиданія самихъ вѣрующихъ, которые могли слушать написанное въ своихъ общественныхъ собраніяхъ 1 Сол. V, 27; Кол. IV, 16,—съ другой стороны, не только для положительнаго назиданія въ вѣрѣ, но и для огражденія неприкосновенности истиннаго ученія отъ ложныхъ толкованій и прибавленій, которыя оно могло получить въ устахъ лицъ невѣжественныхъ или злонамѣренныхъ, какъ это несомнѣнно видно изъ самаго содержанія новозавѣтныхъ писаній. Своимъ контек-

*) Мм. апр. кн. „Правосл. Обозрѣнія“ текущаго года.

стомъ новозавѣтная письменность указываетъ, что отступленіе отъ истины Христова ученія къ иному благовѣствованію и иному образу жизни подготовлялось постепенно съ самаго начала распространенія христіанства апостолами и ко времени малоазійской дѣятельности ап. Іоанна перешло въ открытое отступленіе отъ церкви, служа постепеннымъ оправданіемъ новозавѣтныхъ пророчествъ о послѣднихъ судьбахъ церкви и міра.

Съ самаго начала обращеніе язычниковъ въ христіанство произвело несогласіе между вѣрующими, которое настолько усилилось, что для умиротворенія церкви былъ созванъ апостольскій соборъ въ Іерусалимѣ. Дѣян. XI, 1—8; XV, 3—32. Происшедшее между вѣрующими раздѣленіе приводило къ отрицанію общеапостольскаго ученія и появленію самозванныхъ проповѣдниковъ Евангелія. Въ церкви Коринѳской одни опираются на авторитетъ Павла, другіе—Кифы, третьи Аполлоса 1 Кор. I, 12; III, 4, въ церкви Галатійской авторитетъ Петра противопоставляютъ авторитету Павла Гал. I, 17; II, 6—7. При такомъ раздѣленіи, несмотря на обиліе благодатныхъ даровъ ниспосланныхъ на первенствующую церковь, обнаружилось злоупотребленіе даромъ ученія Дѣян. II, 3—12; VIII, 14, 17 и т. д. 1 Кор. XII—XV. Не только „у нѣкоторыхъ проповѣдь о Христѣ оказалась нечистою“, но было „много повреждавшихъ слово Божіе“; въ стадѣ Христовомъ появились „злые дѣлатели—псы, лжеапостолы принимающіе видъ апостоловъ Христовыхъ“; искаженіе апостольскаго ученія было не только устное, но и письменное: во второмъ посланіи къ Солунянамъ Апостолъ указываетъ на появленіе „посланія какъ бы имъ написаннаго“, и съ цѣлію огражденія истиннаго ученія полагаетъ постоянный знакъ своихъ посланій въ собственноручномъ написаніи извѣстнаго привѣтствія [1]). Противодѣйствуя истинной апостольской проповѣди, лжеапостолы становились „врагами креста Христова“, и ихъ дѣятельность была такъ „ревностна“ что разсѣяла сѣмена заблужденія по всѣмъ пунктамъ, гдѣ апостолы утверждали и распространяли христіанство: въ Римѣ, въ Греціи, въ Малой Азіи

[1]) Фил. I, 15; 2 Кор. II, 17; Фил. III, 2; 2 Кор. XI, 13; Рим. III, 8; 2 Сол. II, 2; III, 17 - 18; 1 Кор. XVI, 21.

и Палестинѣ [2]). Такое положеніе дѣлъ вызывало апостоловъ къ „слезному“ Фил. III, 18 ихъ прискорбію на рѣзкое обличеніе заблуждающихся. Въ виду быстро распространявшейся лжи ап. Павлу предстояли неоднократныя путешествія къ церквамъ уже основаннымъ прежде и „смѣлость“ личной борьбы съ противниками, такъ что онъ считаетъ нужнымъ „ни на часъ не уступать вкравшимся лжебратіямъ“ при личныхъ объясненіяхъ съ ними, и борьба съ ними была упорна, какъ борьба „со звѣрями“ [3]). Для сохраненія церкви отъ распространявшейся лжи нужно было внушать вѣрующимъ „удаляться отъ производившихъ раздѣленія“, призывать на послѣднихъ „праведный судъ“ и угрожать „отлученіемъ до пришествія Господня“ [4]).

Первоначальное распространеніе ложнаго ученія среди христіанскихъ обществъ было знаменіемъ времени. Въ первыхъ трехъ Евангеліяхъ видное мѣсто занимаютъ пророчества Господа о близости кончины міра и втораго пришествія Господня и о предвѣщавшей ее послѣдовательной смѣнѣ лжехристовъ и лжепророковъ [5]). Воспоминаніе этихъ пророчествъ Господа получило особую живость и силу въ евангельской записи уже въ виду начавшагося въ церкви колебанія лжеученіемъ. Уже въ своихъ раннихъ посланіяхъ ап. Павелъ выражаетъ ожиданіе близости втораго пришествія [6]). Дѣйствіе апостольскихъ пророчествъ на вѣрующихъ было такъ сильно, что ап. Павелъ вынужденъ былъ убѣждать ихъ „не спѣшить колебаться умомъ и смущаться, будто уже наступаетъ день Христовъ“ 2 Сол. II, 1—2. Ожиданіе „близости дня Господня“ вызывалось именно появленіемъ лжеапостоловъ, обличаемыхъ посланіями Павла 2 Сол. II, 5; ср. Фил. III, 18. Во второмъ посланіи къ Солунянамъ наступленіе дня Господня поставляется въ связи съ „отступленіе-

---

[2]) Фил. III, 18; Гал. IV, 17; 2 Кор. X, 15—16; Рим. III, 9; XVI, 17; 1 Кор. XV, 12; XVI, 22; 2 Сол. II, 2; III, 6, 17—18; Фил. I, 15—18; III, 2, 18; Гал. III, 1; I, 6, 9; IV, 17—19; V, 7.

[3]) 2 Кор. IX, 1—2; Гал. II, 4—5; ср. Дѣян. XV, 2; 1 Кор. XV, 32.

[4]) Рим. XVI, 17; 2 Сол. III, 6; Рим. III, 8; 1 Кор. XVI, 22.

[5]) Мѳ. XVI, 28; XIII, 34—39; XXIV, 1—34; Мк. IX, 1; XIII, 1—30; Лк. IX, 27; XXI, 5—32.

[6]) 1 Кор. I, 7—8; XVI, 22; Фил. I, 3—6; 1 Сол. I, 10; IV, 1—7. V, 1—4, 23.

емъ", имѣющимъ быть „изъ среды" вѣрующихъ, и послѣднее ко времени написанія самаго посланія представляется „уже въ дѣйствіи" 2 Сол. II, 3—7.

Но при своемъ первомъ появленіи зараза лжи еще не представляла большой опасности для вѣрующихъ. Зло могло быть исправлено и обращено къ добру: по мысли ап. Павла, „надлежало быть и ересямъ, чтобы открылись искусные" 1 Кор. XI, 19. Если апостольская проповѣдь съ особою силою вооружалась въ первое время противъ лицъ, производившихъ раздѣленія, то вмѣстѣ съ этимъ мы видимъ и заботливое снисхожденіе апостоловъ „къ немощнымъ въ вѣрѣ", даже иногда переходившее далѣе предѣловъ необходимости [7]). Равнымъ образомъ, заповѣдуя удаляться отъ противящихся истинѣ, ап. Павелъ внушаетъ однако при этомъ увѣщевать ихъ: „если же кто не послушаетъ слова нашего въ семъ посланіи, того имѣйте на замѣчаніи; но не считайте его за врага, а увѣщевайте, какъ брата". 2 Сол. III, 14—15. Въ самыхъ дѣйствіяхъ лжехристіанъ мы не видимъ еще въ это время открытаго возстанія противъ истины Христовой. „Лжебратія вкрадываются" и „скрытно приходятъ подсмотрѣть за свободою" Павлова ученія Гал. II, 4, 11; не будучи въ силахъ „противостать ему лично", они стараются смутить вѣрующихъ въ отсутствіи Апостола тѣмъ, что онъ „въ посланіяхъ строгъ и силенъ, а въ личномъ присутствіи слабъ и рѣчь его незначительна" 2 Кор. X, 1—2, 9—10; XII, 20, XIII, 2, 10. Ложные проповѣдники не могли возставать противъ общеапостольскаго авторитета открыто, опираясь въ частности на авторитетѣ того или другаго апостола—Кифы, Павла, Аполлоса. Самое ученіе ихъ не имѣло внутренней силы: оно противорѣчило Христову ученію не столько по своимъ внутреннимъ теоретическимъ основаніямъ, сколько по тѣмъ нравственнымъ побужденіямъ, изъ которыхъ оно возникло. Въ посланіи къ Филиппійцамъ I, 15—18, Апостолъ замѣчаетъ, что „нѣкоторые, правда, по зависти и любопренію проповѣдуютъ Христа нечисто, но что онъ радуется и тому, какимъ бы образомъ ни проповѣдывали Христа—притворно или искренно", и этимъ ясно даетъ уразумѣть, что за-

[7]) Дѣян. XVI, 3; Рим. XIV—XV; 1 Кор. IX, 20—22; Гал. II, 11—14.

блуждающая мысль, происходя изъ мутныхъ побужденій сердца, не касалась еще существа евангельскаго ученія. Въ посланіи къ Галатамъ со всею опредѣленностію характеризуется „настоящій лукавый вѣкъ“, когда говорится о проповѣди лукавыхъ дѣлателей, какъ „о другомъ благовѣствованіи, которое не есть иное, если нѣтъ кого-либо изъ смущающихъ и желающихъ превратить благовѣствованіе Христово“ (Гал. I, 4, 6—7 съ греч. тек.) т.-е. какъ о благовѣствованіи, которое само по себѣ не противорѣчитъ Христову ученію, но можетъ ему противорѣчить въ устахъ лицъ злонамѣренныхъ. Распространяясь по разнымъ пунктамъ вновь насаждавшагося христіанства, слѣдуя за ап. Павломъ какъ тѣнь, лукавая проповѣдь исчезала по мѣрѣ его возвращенія къ основаннымъ имъ церквамъ и чрезъ это не могла сосредоточиться въ извѣстномъ пунктѣ, не могла получить осѣдлости. Не представляя въ это время особенной опасности для вѣрующихъ, лжеученіе грозило имъ въ будущемъ. Въ прощальной рѣчи къ пастырямъ Ефеса, гдѣ уже боролся Апостолъ „со звѣрями“ 1 Кор. XV, 32, онъ говоритъ: „я знаю, что по отшествіи моемъ (по заключеніи въ узы) войдутъ къ вамъ лютые волки, нещадящіе стада, и изъ васъ самихъ возстанутъ люди, которые будутъ говорить превратно, чтобы увлечь учениковъ за собою“ Дѣян. XX, 29—30. Здѣсь для него „отверзалась великая и широкая дверь и противниковъ предстояло много“ 1 Кор. XVI, 8—9. Отступленіе отъ истины Христовой въ первое время представлялось „дѣйствующимъ, какъ тайна беззаконія“, и близость наступленія дня Господня оно должно было предвѣщать въ будущемъ, вслѣдствіе чего вѣрующіе и не должны были „спѣшить колебаться умомъ“. Лишь въ будущемъ должна была „открыться тайна беззаконія“, должна была произойти открытая борьба противъ Господа „противящагося Ему“ 2 Сол. II, 3—8.

Соотвѣтственно предсказанію ап. Павла ефесскимъ пастырямъ и солунскимъ христіанамъ, полное отступленіе отъ вѣры Христовой должно было произойти по заключеніи Апостола въ узы и именно въ малоазійскихъ церквахъ. Лжеученіе должно было распространиться среди малоазійскихъ христіанъ въ той мѣрѣ, въ какой стѣснилась апостольская проповѣдь узами Павла въ Кесаріи и Римѣ и политическими невзгодами для палестинскихъ апостоловъ. Дѣйствительно, мы видимъ, что по за-

ключеніи ап. Павла въ узы, зараза ложнаго духа сосредоточилась въ малоазійской церкви, пустила здѣсь глубокіе корни и приняла рѣшительное направленіе: она стала „распространяться какъ ракъ“, получила „господство въ сынахъ противленія“ и „какъ бы стояла и носилась въ воздухѣ“ 2 Тим. II, 17. Еф. II, 2; V, 6; Кол. III, 6. Такое опасное положеніе малоазійской церкви послѣдовательно вызвало на проповѣдь противъ лжеученій всѣхъ главныхъ апостоловъ—Іакова, Петра съ Іудою, Павла, Іоанна, и этимъ именно положеніемъ обусловилась письменная защита Христова ученія чрезъ окружныя писанія апостоловъ. Съ этого времени образовался уже „обычай оставлять собранія“ вѣрующихъ Евр. X, 25. Страсть „къ учительству, къ спорамъ и словопреніямъ“ приняла такіе широкіе размѣры, что для необыкновеннаго „множества“ лжепророковъ нужно было указывать апостоламъ одинъ общій признакъ, по которому бы можно было узнавать ихъ [8]). Малоазійское лжеученіе было тѣмъ болѣе опасно, что „льстило слуху“, было „прихотнымъ“, имѣло характеръ новизны моднаго ученія и противостояло строго-церковному, божественному ученію апостоловъ, какъ ученію устарѣлому, какъ отжившему преданію [9]). Модная ложь прежде всего проникаетъ въ домы знатныхъ и богатыхъ: отсюда обличенія апостоловъ, направленныя противъ знатныхъ и богатыхъ и противъ корыстолюбія и лицепріятія лжеучителей. Новизна моднаго ученія была особенно опасна для молодаго поколѣнія и для женщинъ [10]). Въ виду этого ап. Павелъ старается опредѣлить отношенія дѣтей къ ро-

[8]) Іак. III, 1; IV, 1; 2 Петр. II, 18; Іуд. 16; Еф. V, 6; 1 Тим. I, 4; VI, 4—5, 20; 2 Тим. II, 16, 23; Тит. I, 10—11; III, 9. 1 Іо. II, 18; IV, 1—6; 2 Іо. 7.

[9]) 2 Петр. II, 3, 13—14, 18; Іуд. 12, 16; Еф. V, 6; Кол. II, 8, 18; 1 Тим. V, 1—2; 2 Тим. III, 6; IV, 3; Тит. I, 10; Апок. II, 14, 20; XII, 9; XIII, 11, 14; XIX, 20; XX, 3, 7, 10; XXI, 8; 1 Іо. II, 10, 26; III, 7; IV, 5—6; 2 Іо. 7; 2 Петр. I, 16—II, 3, 21; III, 2; Іуд. 17—18; Еф. II, 20; III, 2-8; IV, 11—14; Кол. I, 7, 23, 28—11, 8; 1 Тим. I, 3, 11, 18, 7; IV, 6, 16; VI, 3, 12—14, 20; 2 Тим. I, 5—18; II, 2, 8, 14—19; III, IV—16; IV, 2—4, 7; Тит. 1, 9; II, 1, 7—8, 15; III, 1, 8; Апок. II, 4, 24, 10; V, 9; XIV, 3; 2 Іо. 5, 9; 1 Іо. I, 1, 2, 5; II, 7—8, 24, 27; III, 11, 23; IV, 14, 21; V, 9; Іо. XIII, 34.

[10]) Іак. II, 1—7; V, 1—6; 2 Петр. II, 13-15; Іуд. 16; 1 Тим. VI, 5—10, 17—19; 2 Тим. III, 2; Тит. I, 11; Апок. II, 9; III, 17—19; XVIII, 10—19, 22—23; 1 Іо. II, 16; III, 17.

дителямъ и женъ къ мужьямъ [11]). Въ виду этого ап. Іоаннъ пишетъ свое второе посланіе „избранной госпожѣ и дѣтямъ ея“ и въ первомъ посланіи, обращаясь къ „отцамъ“, обращается въ особенности къ „юношамъ и дѣтямъ“ 1 Іо. II, 13—27; 2 Іо. I. Особенно мѣтко обличеніе апостольское поражаетъ женщинъ легкаго поведенія и образа мыслей, „всегда учащихся и никогда не могущихъ дойти до познанія истины“, „обольщаемыхъ лжеучителями, вкрадывающимися въ домы“, берущихся за пропаганду моднаго разврата [12]). Самое названіе лжеучителей „мечтателями“, а ихъ ученія „баснями“ и притомъ „бабьими“ [13]) указываетъ прихотной женскій вкусъ, на который разсчитывали проповѣдники моднаго ученія. Популярность, которую пріобрѣло себѣ между малоазійскими христіанами новое лжеученіе, естественно возбуждала проповѣдниковъ его къ упорному неповиновенію апостольской и церковной власти, какое нѣкогда оказалъ Корей, въ отношеніи къ Моисею и Аарону Іуд. 11. Лжеучители называютъ себя пророками и апостолами, безцеремонно извращаютъ богодухновенное и пророческое ученіе и оказываютъ чрезъ своихъ приверженцевъ открытое сопротивленіе апостоламъ, „понося ихъ злыми словами и изгоняя вѣрныхъ чадъ изъ церкви“ [14]). Отсюда апостолы вынуждены были прилагать особую заботу объ устройствѣ церковнаго порядка по всему округу малоазійскихъ церквей личными распоряженіями и чрезъ довѣренныхъ лицъ, и на искажавшихъ истинное апостольское ученіе налагать то строгое прещеніе, которое мы и находимъ въ концѣ Апокалипсиса [15]).

Преемственно продолжая начавшееся въ первое время апостольской церкви отступленіе отъ истины Христова ученія, малоазійское лжепророчество въ свою очередь прошло два пе-

---

[11]) Еф. V, 22—VI, 4; Кол. III, 18—21; 1 Тим. II, 12; 2 Тим. III, 2; Тит. II, 6, 4.

[12]) 2 Тим. III, 6—7; Апок. II, 20; ср. 1 Тим. II, 9—12; V, 3, 6, 11—15; Тит. II, 3—5.

[13]) Іуд. 8; 1 Тим. 1, 4; 2 Тит. IV, 4; Тим. 1, 14; 1 Тим. IV, 7.

[14]) 2 Петр. I, 19—II, 1, 10; III, 3, 15—16; Іуд. 8, 11, 16, 18; Еф. II, 2; Кол. III, 6; IV, 17; 1 Тим. 1, 7; II, 7; VI, 4; 2 Тим. III, 2, 4; Тит. II, 15—III, 2; 3 Іо. 9—10; Апок. II, 1, 20; 1 Іо. II, 15; IV, 1; 2 Іо. 9.

[15]) Еф. V, 6; Тим. I, 5—9; 1 Тим. I, 18; III, 1—14; 1 Петр. V, 1—5; 3 Іо. 10. Апок. XXII, 18—19.

ріода, которые раздѣляются мученическою кончиною трехъ первоверховныхъ апостоловъ Іакова, Петра и Павла и разрушеніемъ Іерусалима. Возбужденная первоначально соединенными силами всѣхъ главныхъ апостоловъ реакція противъ лжепророковъ въ средѣ вѣрующихъ была довершена, по кончинѣ Іакова, Петра и Павла, силою одного „столпа“ церкви—Іоанна. Уже ап. Іаковъ внушалъ вѣрующимъ въ заключеніе своего посланія особую заботу объ исправленіи уклоняющихся отъ истиннаго пути: „если кто изъ васъ уклонится отъ истины и обратитъ кто его,—пусть тотъ знаетъ, что обратившій грѣшника отъ ложнаго пути его спасетъ душу отъ смерти и покроетъ множество грѣховъ“ Іак. V, 19—20. Ап. Павелъ, внушая вѣрующимъ „съ кротостію наставлять противниковъ“, уже мало выражаетъ надежды на ихъ исправленіе въ словахъ: „не дастъ ли имъ Богъ покаянія къ познанію истины, чтобы они освободились отъ сѣти діавола, который уловилъ ихъ волю въ свою“ 2 Тим. II, 25—26.,—„ибо невозможно однажды просвѣщенныхъ и вкусившихъ дара небеснаго,—и отпадшихъ, опять обновлять покаяніемъ“ Евр. VI, 4—9. „Съ ними,—говоритъ ап. Петръ,—случается по вѣрной пословицѣ: песъ возвращается на свою блевотину, и: вымытая свинья валяется въ грязи“ 2 Петр. II, 22. Для противниковъ уже нужно было въ это время не только „слово, приправленное солью“, нужно было рѣшительное предписаніе: „еретика послѣ перваго и втораго вразумленія отвращайся“ Кол. IV, 6. Тит. III, 10—11. Отношеніе вѣрующихъ къ еретикамъ съ точностію опредѣляетъ Іуда: „къ однимъ будьте милостивы съ разсмотрѣніемъ; а другихъ страхомъ спасайте, исторгая изъ огня,—гнушаясь даже одеждою, которая осквернена плотію“ Іуд. 22—23. Если въ прежнее время мы знаемъ объ отлученіи Симона мага и одного изъ коринѳскихъ христіанъ собственно за нравственныя преступленія, за симонію и кровосмѣшеніе Дѣян. VIII, 9—24; 1 Кор. V, 1—5; 2 Кор. II, 1—8.: то въ это время въ первый разъ встрѣчаемъ примѣръ отлученія отъ церкви собственно за богохульное ученіе—Именея и Александра, и Именея и Филита (если это не одни и тѣ же лица) 1 Тим. I, 18—20; 2 Тим. II, 17—18; IV, 14. Но тѣмъ не менѣе въ первый періодъ развитія малоазійскаго лжеученія мы еще не видимъ общаго открытаго отдѣленія еретиковъ отъ

церкви, и указанный случай отлученія представляется исключительнымъ. Въ это время обычай оставлять собранія вѣрующихъ замѣчается „у нѣкоторыхъ“, и лжепророки были еще терпимы въ средѣ вѣрующихъ и „пиршествовали съ ними на вечеряхъ любви“ Евр. X, 25. 2 Петр. II, 13; Іуд. 12. Общее отдѣленіе еретиковъ отъ церкви началось со времени пребыванія Іоанна въ Малой Азіи. Въ своихъ апокалипсическихъ посланіяхъ ап. Іоаннъ порицаетъ однѣ изъ малоазійскихъ церквей за то, что онѣ терпѣли среди себя лжеапостоловъ, и похваляетъ другія за то, что онѣ не сносили уже ихъ Апок. II—III. Сила апокалипсической проповѣди, тѣ личныя объясненія, въ которыя вступалъ Апостолъ съ непокорными церковной власти 3 Іо. 10—14, 2 Іо. 10., а равно и его исполненныя огненной ревности предписанія вѣрующимъ: „кто приходитъ къ вамъ и не приноситъ сего ученія, того не принимайте въ домъ и не привѣтствуйте; ибо привѣтствующій его участвуетъ въ злыхъ дѣлахъ его“,—все это не могло не произвести сильнаго дѣйствія на вѣрующихъ, и въ первомъ своемъ посланіи ап. Іоаннъ уже прямо и рѣшительно говоритъ объ окончательномъ отдѣленіи еретиковъ отъ церкви: „они вышли отъ насъ..., они не остались съ нами, но вышли“. Ихъ удаленіе отъ церкви обнаружило ихъ вражду противъ вѣрующихъ: они явились „ворами и разбойниками“, за которыми не послѣдовали овцы Христова стада, услыхавъ чужой голосъ въ ихъ рѣчахъ; они явились открытыми врагами Христа—„антихристами“ Іо.X, 1—29; 1 Іо. II, 18—19; IV, 3; 2 Іо. 7.

Въ указанной мѣрѣ развитія лжепророчества среди малоазійскихъ христіанъ развивалось и новозавѣтное пророчество въ послѣднее время апостольской церкви.—Ап. Павелъ побуждаетъ въ это время вѣрующихъ держаться „упованія“ своего: „ибо еще немного, очень немного, и Грядущій пріидетъ и не умедлитъ“, и съ особою силою повторяетъ свои прежнія предсказанія: „Духъ же ясно говоритъ, что въ послѣднія времена отступятъ нѣкоторые отъ вѣры, внимая духамъ обольстителямъ и ученіямъ бѣсовскимъ“; „въ послѣднія времена наступятъ времена тяжкія... Будетъ время, когда здраваго ученія не послушаютъ, но по своимъ прихотямъ изберутъ себѣ учителей, которые бы льстили слуху, и отъ истины отвратятъ слухъ и къ

баснямъ уклонятся". Точно также предсказываетъ и ап. Петръ: „близокъ всему конецъ"; „въ послѣдніе дни явятся наглые ругатели, поступающіе по своимъ нечестивымъ похотямъ;— были и лжепророки въ народѣ, какъ и у васъ будутъ лжеучители, которые введутъ пагубныя ереси и, отвергаясь искупившаго ихъ Господа, навлекутъ сами на себя скорую погибель". Эти пророчества Павла и Петра подтверждаетъ ап. Іуда: „помните предсказанное апостолами Господа нашего Іисуса Христа. Они говорили вамъ, что въ послѣднее время появятся ругатели, поступающіе по своимъ нечестивымъ похотямъ" [16]). Во всѣхъ этихъ пророчествахъ апостолы отправлялись отъ современнаго имъ положенія дѣлъ и, указывая прообразъ будущихъ еретиковъ въ современныхъ имъ лжеучителяхъ [17]), иногда изображаютъ тѣхъ и другихъ такими общими чертами, что день Христовъ представляется вмѣстѣ съ этимъ все болѣе и болѣе приближающимся. Общее открытое отдѣленіе лжепророковъ отъ церкви, начавшееся около времени разрушенія Іерусалима и чрезъ то означавшее, согласно предсказанію Господа, послѣднюю фазу развитія лжепророчества предъ самою кончиною міра [18]), и вызвало собою ту полноту новозавѣтнаго пророчества, которую мы находимъ въ Апокалипсисѣ. Исполненіе предсказанія ап. Павла объ „откровеніи противника", какъ послѣднемъ признакѣ кончины міра, началось въ современныхъ ап. Іоанну „антихристахъ", и съ ихъ появленіемъ данное Іоанну „откровеніе" предвозвѣстило близость суда Божія надъ лжепророчествомъ и кончину міра имъ одушевленнаго. Если, съ одной стороны, близость дня Господня онъ опредѣляетъ еще такъ: „неправедный пусть еще дѣлаетъ неправду, нечистый пусть еще сквернится; праведный да творитъ правду еще, и святый да освящается еще": то, съ другой стороны, предвозвѣщаетъ пришествіе Господа имѣющимъ быть „скоро", такъ что „и времени уже не будетъ". „Чадца, послѣдній часъ! И какъ вы слышали, что идетъ антихристъ, а теперь антихристовъ много, то мы и узнаемъ, что послѣдній

---

[16]) Евр. X, 35—37; 1 Тим. IV, 1; 2 Тим. III, 1; IV, 3—6; 1 Петр. IV, 7; 2 Петр. III, 3; II, 1; Іуд. 17—18.

[17]) 1 Тим. IV, 2—3; V, 15; 2 Тим. III, 2—7; 2 Петр. II, 9—10; III, 4; Іуд. 19.

[18]) Мѳ. XXIV, 23—31; Мк. XIII, 21—27; Лк. XXI, 24—27.

часъ“ [19]),—вотъ тотъ моментъ, которымъ опредѣляется развитіе лжеученія среди вѣрующихъ во время пребыванія ап. Іоанна въ Малой Азіи.

II.

Изъ контекста новозавѣтныхъ писаній мы видимъ, что обличаемое ап. Іоанномъ малоазійское лжепророчество исторически образовалось въ нѣдрахъ самой церкви Христовой. Но по мысли самого ап. Іоанна какъ „всякая ложь не отъ истины“ 1 Іо. II, 21, такъ и современное ему лжепророчество въ существѣ своемъ произошло не отъ истиннаго ученія Христова: малоазійскіе лжепророки вошли „во дворъ овчій не дверьми, но индѣ прелазя“; „они вышли отъ насъ, — замѣчаетъ Апостолъ,—но не были отъ насъ“. Іо. X, 1, 8; ср. 2 Петр. II, 1; 1 Іо. II, 19. Сообразно съ этимъ самый корень, „старую закваску“ 1 Кор. V, 7; Гал. V, 9, малоазійскаго лжеученія намъ необходимо искать внѣ христіанства—въ іудействѣ или въ язычествѣ.

Такъ какъ іудеямъ „первымъ возвѣщено было Евангеліе“, и они могли „измлада знать Писанія“, служившія „пѣстуномъ ко Христу“, такъ какъ христіанство, переходя отъ іудеевъ къ язычникамъ, распространялось главнымъ образомъ чрезъ синагоги, въ которыхъ главную роль играли іудеи и въ которыхъ язычники были прозелитами іудейства [20]): то вполнѣ естественно, что въ апостольской церкви увѣровавшіе іудеи должны были получить преимущественное значеніе предъ новообращенными язычниками, что *въ церкви апостольской какъ истинные апостолы, такъ и лжеапостолы были изъ іудеевъ, а не изъ язычниковъ.*

Несомнѣнно, что въ началѣ распространенія христіанства, когда іерусалимская церковь сохраняла первенствующее положеніе среди новооснованныхъ церквей, вѣрующихъ волновали

---

[19]) Апок. XXII, 11; XXII, 7. 10, 12, 20; X, 6—7; XI, 13—15; 1 Іо. II, 18; IV, 3; ср. Іо. V, 25, 28—29; XII, 31; XIV, 30.

[20]) Дѣян. XIII, 46; 2 Тим. III, 15; Гал. III, 24; Дѣян. XIII, 5, 14, 43—45, XIV, 1—2; XVI, 12—14, 16; XVII, 1—4, 10—12, 17; XVIII, 4, 7—9, 19, 26; XIX, 8—10.

лжехристіане—іудеи. Несогласія между вѣрующими, вызвавшія апостольскій соборъ въ Іерусалимѣ, были возбуждены христіанами изъ іудеевъ по вопросу объ обрѣзаніи. Дѣян. XV, 1—2, 5—6, 24; Гал. 3, 9, 12. Въ виду возбужденнаго лжехристіанами—іудеями волненія три первыя Евангелія одинаково изображаютъ невѣріе и предательство Господа іудеями и одинаково оканчиваются знаменательнымъ сказаніемъ о посланіи апостоловъ на всемірную проповѣдь, а книга Дѣяній, начиная съ того же сказанія, изображаетъ противодѣйствіе іудеевъ апостоламъ и распространеніе Евангелія отъ іудеевъ къ язычникамъ, изъ Іерусалима въ Римъ [21]). Но главнымъ образомъ противъ лжехристіанъ іудеевъ была направлена проповѣдь апостола язычниковъ—Павла. Въ посланіяхъ къ Солунянамъ Апостолъ, утверждая вѣрующихъ въ проповѣданной имъ отъ него вѣрѣ Христовой, вмѣстѣ съ этимъ противопоставляетъ себя тѣмъ, которые „препятствуютъ ему говорить язычникамъ, чтобы спаслись“, и заповѣдуетъ имъ соблюдать то самое, что возложили на увѣровавшихъ язычниковъ апостолы въ Іерусалимѣ [22]). Въ посланіяхъ къ Римлянамъ и Галатамъ въ противоположность ревнителямъ іудейства во всей полнотѣ раскрывается истинное преимущество Израиля, отношеніе закона Моисеева къ вѣрѣ Христовой и значеніе обрѣзанія въ дѣлѣ спасенія [23]). Равнымъ образомъ въ посланіяхъ къ Коринѳянамъ и Филиппійцамъ Апостолъ, для противодѣйствія смущавшимъ вѣрующихъ лжебратіямъ іудеямъ, говоритъ о заблужденіи древняго Израиля, какъ о заблужденіи „отцовъ нашихъ“; указывая на свое іудейское происхожденіе, на свою прежнюю ревность о законѣ, на свое обрѣзаніе, выставляетъ своимъ главнымъ преимуществомъ призваніе во апостола язычниковъ, предостерегаетъ вѣрующихъ вообще „отъ обрѣзанія“ и на противящихся Господу Іисусу произноситъ отлученіе еврейскимъ словомъ „маран-аѳа“ [24]).

---

[21]) Мѳ. XXVIII, 19—20; Мк. XVI, 15—20; Лк. XXIV, 47; Дѣян. I, 8; XIII, 46; X; XXVIII, 16—31.

[22]) 1 Сол. II, 16; ср. 14—15 и 3—7; 2 Сол. II, 15; III, 6—12; 1 Сол. IV, 1—10; Дѣян. XV, 28—29.

[23]) Рим. II, 9; III, 2, 9, 19; IV, и т. д. Гал. II, 15; III, 29 и пр.

[24]) 1 Кор. X, 1—18; XVI, 22; 2 Кор. III, 6—18; XI, 12; XII, 12; Фил. III, 2—6; ср. Гал. I, 13; II, 14.

Получивъ въ первое время распространенія христіанства преобладающее вліяніе на обращающихся ко Христу язычниковъ, христіане изъ іудеевъ удержали его за собою до конца перваго вѣка, и малоазійскіе лжепророки, волновавшіе церковь во второй половинѣ перваго вѣка, должны были выйти изъ среды тѣхъ же христіанъ іудеевъ.— Еще до обращенія ко Христу Павла малоазійскіе іудеи являются вмѣстѣ съ нимъ особенными ревнителями іудейства, принимая самое дѣятельное участіе въ первомъ гоненіи на христіанъ, а по обращеніи Павла они все время противодѣйствуютъ его проповѣди и становятся главными виновниками заключенія его въ узы [25]). Сами обращаясь въ христіанство, они остаются тѣми же ревнителями іудейства, какъ это видно изъ посланія къ Галатамъ, и 2 Тим. I, 15; IV, 10, будучи всего болѣе склонны къ измѣнѣ дѣлу Павловой проповѣди, тѣмъ не менѣе занимаютъ главное положеніе въ малоазійскихъ церквахъ, такъ что изъ ихъ вліятельной партіи вышли тѣ, противъ кого и направлены были послѣднія обличенія Павла, Іакова, Петра, Іуды, Іоанна. По преимущественному положенію христіанъ изъ іудеевъ Іаковъ назначаетъ свое посланіе „двѣнадцати колѣнамъ“. Равнымъ образомъ ап. Петръ пишетъ „пришельцамъ разсѣяннымъ“, а между тѣмъ читатели посланій его узнаются по преимуществу какъ христіане изъ язычниковъ. 1 Петр. II, 10, 12; IV, 3. Для ограниченія вообще преобладающаго вліянія христіанъ-іудеевъ надъ увѣровавшими язычниками ап. Павелъ поставляетъ Критскимъ предстоятелемъ Тита, который былъ изъ „необрѣзанныхъ“, и ефесскимъ — Тимоѳея, „котораго мать была іуденка увѣровавшая, а отецъ еллинъ“. Гал. II, 3; Дѣян. XVI, 1. Самымъ содержаніемъ своимъ малоазійская письменность обличаетъ именно іудеевъ, гордыхъ своимъ плотскимъ происхожденіемъ отъ Авраама, сохранившихъ свои прежнія іудейскія традиціи, ревнителей Писанія, привязанныхъ къ закону и обряду и съ ожиданіемъ Мессіи соединявшихъ ожиданіе земнаго владычества надъ язычниками. Посланіе къ Евреямъ, XIII, 7—9; VI, 1—6; X, 25; XII, 16, раскрывая превосходство Новаго завѣта предъ Ветхимъ, вѣры предъ закономъ, жертвы Хри-

[25]) Дѣян. VI, 9; VII, 59; VIII, 1; IX, 1—2; Дѣян. XIII, 45, 50; XIV, 2, 19; XXIV, 19.

стовой предъ богослуженіемъ скиніи и храма ветхозавѣтнаго, вмѣстѣ съ этимъ предостерегаетъ отъ уклоненія къ прежнему образу жизни, отъ потери права первородства, подобно какъ случилось съ Исавомъ. Въ посланіяхъ къ Ефесеямъ и Колоссаямъ въ виду распространившейся лжи указывается относительное значеніе обрядоваго закона и обрѣзанія. Еф. II, 1—16; Кол. II, 11—17. Въ пастырскихъ посланіяхъ Апостолъ говоритъ о законоучительномъ направленіи и толкахъ о законѣ малоазійскихъ лжеучителей, называетъ ихъ ученіе „іудейскими баснями“ и предостерегаетъ вѣрующихъ „наипаче отъ обрѣзанныхъ“ [26]). Въ посланіяхъ Іакова, Петра и Іуды указывается на вѣру въ единаго Бога и на законъ, какъ особенно соблюдаемые вѣрующими, приводятся мѣста изъ Ветхаго завѣта, предтечами лжепророковъ выставляются ветхозавѣтные лжепророки и прообразы ихъ указываются въ лицахъ и событіяхъ извѣстныхъ изъ священныхъ книгъ еврейскаго народа [27]). Наконецъ, въ писаніяхъ Іоанна со всею несомнѣнностію узнаются въ малоазійскихъ лжеучителяхъ именно лжехристіане іудеи. Въ Евангеліи Іоаннъ съ самаго начала говоритъ о рожденіи отъ Бога въ противоположность плотскому происхожденію и о превосходствѣ благодати, происшедшей чрезъ Христа, предъ закономъ, даннымъ чрезъ Моисея, и затѣмъ изображаетъ, подобно какъ и первые три евангелиста, вражду къ Господу іудеевъ, гордившихся своимъ плотскимъ происхожденіемъ отъ Авраама, привязанныхъ къ закону, ревнителей субботы [28]). Сообразно съ этимъ и въ первомъ посланіи Іоанна говорится о рожденіи отъ Бога, о сохраненіи заповѣдей, о правдѣ и грѣхѣ въ отношеніи къ закону и прообразъ рожденныхъ отъ діавола указывается въ Каинѣ, убившемъ младшаго брата Авеля [29]). Въ Апокалипсисѣ уже прямо указывается на іудейское происхожденіе лжепророковъ. „Они говорятъ о себѣ, что они іудеи“, Апок. II, 9; III, 9,

---

[26]) 1 Тим. I, 7, 10—11; 2 Тит. II, 23; Тим I, 4; III, 9–10.

[27]) Іак. II, 8, 21—25; IV, 5—6; V, 11, 17—18; 1 Петр. I, 23; 2 Петр. II, 1 5—7, 15; Іуд. 7, 9, 11, 14.

[28]) Іо. I, 12—14, 17; V, 16—18, 39, 45—47; VII, 22–23; VIII, 33–34, 52—58; IX, 16, 28—29.

[29]) 1 Іо. II, 3, 7—8, 29; III, 2, 8—9, 12; V, 1; ср. Іуд. 11.

выразительно замѣчаетъ Апостолъ и противополагаетъ ихъ національной гордости и ожиданію земнаго царства надъ язычниками ожиданіе грядущаго Господа, который даетъ соблюдающимъ слово Его „власть надъ язычниками", какъ и надъ тѣми, которые говорятъ о себѣ, что они іудеи. II, 26—27; III, 9. Самые прообразы Апокалипсиса, заимствованные изъ ветхозавѣтнаго богослуженія и изъ пророковъ, въ особенности Даніила и Іезекіиля, могли имѣть особенную силу въ обличеніи ревнителей „закона и пророковъ".

Но если несомнѣнно, что лжеученіе, волновавшее апостольскую церковь, обязано своимъ первоначальнымъ происхожденіемъ іудейству, а не язычеству, то его ближайшія черты необходимо отыскивать именно *въ ученіи іудейскихъ сектъ*.

Изъ новозавѣтныхъ книгъ извѣстными по своей враждѣ къ проповѣди Евангелія становятся двѣ секты: фарисеевъ и саддукеевъ. Обѣ секты отличались по своимъ прямо противоположнымъ между собою отношеніямъ. Фарисеи были ревнителями іудейства и отвращались язычниковъ, какъ необрѣзанныхъ [30]). Ученіе фарисеевъ по преимуществу выразилось въ Талмудѣ. Кромѣ писаннаго закона они строго держались народныхъ преданій и вѣрованій („преданія старцевъ") и считали ихъ за устный законъ, данный Моисею вмѣстѣ съ писаннымъ, какъ его необходимое объясненіе и восполненіе [31]). Вмѣстѣ съ народомъ они вѣрили въ бытіе высшихъ духовъ — ангеловъ и въ воскресеніе мертвыхъ — предметы неясно раскрытые въ ветхозавѣтныхъ писаніяхъ и увлекавшіе народную фантазію въ міръ чудеснаго и таинственнаго [32]). Но главнымъ предметомъ ихъ ученія было истолкованіе закона и именно обрядовыхъ его предписаній: ихъ особенное уваженіе къ обряду, привязанность къ одной религіозной внѣшности опредѣляли и самый образъ ихъ жизни, и съ этой именно стороны они характеризуются въ новозавѣтныхъ книгахъ [33]). Въ силу указанныхъ особенностей секта фарисеевъ

---

[30]) Гал. I, 13—14; Фил. III, 5—6; Дѣян. XXII, 3; Мѳ. III, 7.

[31]) Мѳ. XV, 1—9; Мк. VII, 1—13; ср. Ис. XXIX, 13; XXVIII, 10—13; Талм. вавил. Трактатъ Kiduschin, fol. 49.

[32]) Дѣян. XXIII, 6—9; Мѳ. XII, 38, 39, 43—45.

[33]) Мѳ. V, 20; VI, 5, 16; VII, 29; IX, 11, 14; XII, 2—14; XV, 2; XIX, 3; XXII, 36; XXIII, 2—36 и паралл.

пользовалась большою популярностію въ массѣ простаго народа и фарисеи представляются, какъ „вожди и учители народа“. Вообще мы не ошибемся, если ближайшую аналогію для фарисейства укажемъ въ нашемъ старообрядчествѣ. Въ противоположность фарисеямъ, секта саддукеевъ нашла себѣ доступъ въ кругу знатныхъ и богатыхъ Дѣян. V, 17; IV, 1, тяготѣвшихъ къ тому, что выработало могущественное греко-римское язычество. Подъ вліяніемъ греко-римской образованности саддукеи критически относились къ религіознымъ вѣрованіямъ своего народа: они признавали одинъ только писанный законъ Флав. Древн. XVIII, 1. 4, и отвергали народныя преданія и толкованія обрядоваго закона. Какъ и еллины они искали высшей мудрости 1 Кор. I, 22, для разъясненія истины вдавались въ утонченную діалектику и отвергали народныя вѣрованія въ бытіе духовъ и ангеловъ и въ воскресеніе мертвыхъ [34]). Ближайшую аналогію для саддукеевъ мы можемъ находить въ нашемъ западничествѣ и его крайнемъ направленіи — матеріализмѣ.

Въ силу указанной противоположности *представители фарисейской и саддукейской сектъ, по обращеніи ко Христу, и произвели то раздѣленіе между вѣрующими, которое мы замѣчаемъ въ первую эпоху апостольской церкви*, и которое для фарисеевъ представлялось, какъ раздѣленіе между „іудеями и еллинами, обрѣзанными и необрѣзанными“, для саддукеевъ какъ раздѣленіе между „еллинами и варварами, мудрецами и невѣждами“ Рим. XVI, 17; 1, 14; II. 9—10, 25—29. Уже Іисусъ Христосъ предостерегалъ своихъ послѣдователей отъ „закваски фарисейской и саддукейской“ Мѳ. XVI, 6—12; Лк. XII, 1. По обращеніи ко Христу язычниковъ эта закваска ясно дала себя знать тѣмъ, что одни стали на сторону іудеевъ за исполненіе язычниками Моисеева закона и за обрѣзаніе, и это были „увѣровавшіе изъ фарисейской ереси“, другіе стали „скрывать свое обрѣзаніе“ и „лицемѣрить предъ язычниками“, свободно относиться къ соблюденію обрядовыхъ предписаній о пищѣ, дняхъ поста и праздникахъ къ соблазну „немощныхъ въ вѣрѣ“ христіанъ изъ іуде-

---

[34]) Мѳ. XXII, 23—34; Мк. XII, 18—27; Лк. XX, 27—39; Дѣян. XXIII, 6—9; IV, 1—2.

евъ [35]). Образовавшаяся рознь между вѣрующими 1 Кор. I, 12; III, 4; Гал. I, 17; II, 6—9, и побудила однихъ стать на сторону Петра проповѣдывавшаго обрѣзаннымъ, другихъ на сторону Павла возвѣщавшаго Евангеліе необрѣзаннымъ. На основаніи посланій ап. Павла мы можемъ ясно прослѣдить то двойное русло, чрезъ которое протекала среди обращенныхъ ко Христу іудеевъ и язычниковъ нечистота фарисейской законности и саддукейскаго мудрованія. Павелъ до обращенія ко Христу „фарисей, неумѣренный ревнитель отеческихъ преданій, воспитанный въ законѣ у ногъ Гамаліила“ Фил. III, 5; Гал. I, 14; Дѣян. XXII, 3; XXIII, 6, сдѣлавшись апостоломъ язычниковъ, со всею ревностію обличалъ преимущественно увѣровавшихъ изъ той секты, къ которой прежде принадлежалъ самъ. Памятниками его обличительной на лжехристіанъ-фарисеевъ проповѣди служатъ главнымъ образомъ посланія къ Римлянамъ и Галатамъ. Раскрывая въ этихъ посланіяхъ ученіе объ отношеніи закона Моисеева и обрѣзанія къ вѣрѣ Христовой, Апостолъ говоритъ къ читателямъ, какъ къ „знающимъ законъ“, „наставникамъ и учителямъ закона“, указываетъ на законъ „данный чрезъ ангеловъ рукою посредника“ Рим. VII, 1; II. 17—29; Гал. III, 19; 1, 8, и обличаетъ ревнителей закона именно съ тѣхъ самыхъ сторонъ, съ которыхъ обличала проповѣдь Господа вождей народа—фарисеевъ, со стороны ихъ мертваго исполненія закона, привязанности къ обряду, къ одной религіозной внѣшности. Съ другой стороны, обличая лжехристіанъ-фарисеевъ, апостолъ язычниковъ предостерегаетъ вѣрующихъ и отъ лжехристіанъ саддукеевъ и именно въ посланіяхъ, назначенныхъ въ страны самой Греціи—Салоники, Филиппы и Коринѳъ. Въ посланіи къ Коринѳянамъ по преимуществу обличается неумѣренное исканіе мудрости, страсть къ языкознанію и краснорѣчію, и вмѣстѣ, какъ и въ посланіяхъ къ Солунянамъ и Филиппійцамъ, раскрывается вѣра въ воскресеніе мертвыхъ. Діалектическому построенію доказательствъ, характеризовавшему саддукейское мудрованіе, Апостолъ противопоставляетъ діалектическое раскрытіе мысли о воскресеніи мертвыхъ въ связи съ мыслію о вѣрѣ во Христа

[35]) Дѣян. XVI, 5; 1 Кор. VII, 18—19; VIII, 1; X, 19—32; 2 Кор. XIV, 1; ср. Гал. II, 11—13; Дѣян. XI, 2—3.

воскресшаго изъ мертвыхъ 1 Кор. XV, 12—20. Матеріалистическій взглядъ „говорившихъ, что нѣтъ воскресенія мертвыхъ", Апостолъ характеризуетъ во всей точности въ словахъ: „но скажетъ кто-нибудь: какъ воскреснутъ мертвые, и въ какомъ тѣлѣ пріидутъ" 1 Кор. XV, 35—44? На опроверженіе именно этого отрицанія воскресенія мертвыхъ и направлено знаменитое сравненіе Апостоломъ тѣла съ сѣменемъ, бросаемымъ въ землю. Наконецъ, на волненія, происходившія въ церкви отъ увѣровавшихъ фарисеевъ и саддукеевъ указываютъ несомнѣнно три первыя Евангелія и книга Дѣяній, въ которыхъ одинаково изображается вражда къ дѣлу Христову какъ фарисеевъ, такъ и саддукеевъ.

Раздѣленіе между вѣрующими, которое произошло въ первое время апостольской церкви въ слѣдствіе антагонизма обращенныхъ ко Христу фарисеевъ и саддукеевъ, должно было прекратиться въ началѣ шестидесятыхъ годовъ по Р. Хр. Прекращенію этого раздѣленія должны были содѣйствовать умноженіе увѣровавшихъ изъ язычниковъ и затѣмъ политическія невзгоды, постигшія палестинскихъ іудеевъ,—обстоятельства, уже сами по себѣ подрывавшія почву у крайнихъ ревнителей іудейства фарисеевъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ охлаждавшія и энергію саддукеевъ—секты державшейся однимъ только отрицаніемъ іудействующаго фарисейства и неразвившей опредѣленнаго положительнаго ученія, а потому и не оставившей по себѣ слѣдовъ по разрушеніи Іерусалима даже и среди самихъ іудеевъ (за исключеніемъ развѣ позднѣйшей секты караимовъ, аналогію для которой представляетъ саддукейская секта). Дѣйствительно, во вторую эпоху апостольской церкви совершенно устраняется вопросъ объ обрѣзаніи — существенный вопросъ обратившихся ко Христу фарисеевъ (см. въ посланіяхъ къ Ефессеямъ, Колоссаямъ и Титу мѣста, гдѣ лишь употребляется одна прежняя терминологія, но самый вопросъ объ обрѣзаніи представляется уже извѣстнымъ и рѣшеннымъ), и не встрѣчается принципіальнаго отрицанія вѣры въ воскресеніе мертвыхъ — отрицанія, которое характеризовало ученіе саддукеевъ [36]). Равнымъ образомъ,

[36]) Еф. II, 11—12; Кол. III, 11; Тит. 1, 10; ср. Рим. II, 25; III, 1; IV, 1—12; Гал. II, 1—9; V, 3; VI, 12—15; 2 Тим. II, 17—18; ср. 1 Кор. XV, 12, 35.

если первыя три Евангелія въ виду раздѣленія увѣровавшихъ изъ фарисеевъ и саддукеевъ изображаютъ одинаково вражду къ проповѣди Христовой фарисеевъ и саддукеевъ не увѣровавшихъ, то Евангеліе Іоанна совсѣмъ не упоминаетъ о саддукеяхъ, а о фарисеяхъ упоминаетъ лишь по отношенію къ ихъ вліянію на народъ, заблужденія котораго они выражали въ своемъ препирательствѣ съ Господомъ, и притомъ упоминаетъ какъ о сектѣ, приверженцевъ которой и не предполагается между читателями Евангелія Іоан. VII, 22—23; 48—49 (что называется, говоритъ о ней въ третьемъ лицѣ, съ поясненіями и въ рѣзкихъ выраженіяхъ). И такъ, необходимымъ становится вопросъ: какая іудейская секта дала свою закваску въ ученіи лжехристіанъ іудеевъ, волновавшихъ апостольскую церковь во второй половинѣ перваго вѣка, когда уже сошли съ поприща дѣятельности обратившіеся ко Христу приверженцы фарисейства и саддукейства?

Въ исторіи іудейства послѣднихъ временъ предъ Р. Хр. важное значеніе пріобрѣтаютъ іудеи, жившіе въ Египтѣ и по отдаленности отъ Рима и сопредѣльности съ Палестиною населявшіе эту страну не менѣе, чѣмъ и Малую Азію. Въ Александріи—столицѣ Египта подъ покровительствомъ Птоломеевъ господствовала полная религіозная вѣротерпимость и вмѣстѣ съ этимъ греческая образованность достигла высшей степени процвѣтанія. Пользуясь религіозною свободою, египетскіе іудеи построили въ Иліополѣ свой храмъ по образцу іерусалимскаго и въ тоже время настолько подчинились вліянію греческой образованности, что свои священныя книги лучше могли понимать на греческомъ, чѣмъ на своемъ родномъ языкѣ—обстоятельство, главнымъ образомъ вызвавшее появленіе перевода 70 толковниковъ. Но самымъ замѣчательнымъ результатомъ историческаго развитія іудейства въ Египтѣ была *секта θерапевтовъ* [37]), ученіе которой представляло соединеніе религіозныхъ вѣрованій іудейскаго народа съ греческою образованностію и во всей полнотѣ раскрылось въ опредѣленной религіозно-философской доктринѣ александрійскаго іудея Филона, современника Іисуса Христа.

---

[37]) Въ характеристикѣ этой секты мы отправляемся отъ тѣхъ данныхъ, которыя собраны въ „Kritische Geschichte des Urchristenthums“, Aug. Gfrörer. 1831 г.

Θерапевты, съ одной стороны, удержали во всей полнотѣ устныя преданія своего народа, имѣли свои таинственныя собранія и обряды и развили ученіе о бытіи высшаго міра духовъ и ангеловъ, съ другой стороны вносили въ свое ученіе пріемы греческаго литературнаго изложенія и старались утвердить свои положенія на началахъ греческой философіи, особенно философіи Платона. Созерцательное, мистическое настроеніе духа и отвлеченное, философское отрѣшеніе отъ тѣхъ живыхъ отношеній, которыя лежатъ въ основѣ семейныхъ и національныхъ привязанностей человѣка, одинаково обусловливали уединенную, отшельническую жизнь θерапевтовъ: возводя безбрачіе и подвиги самоумерщвленія въ принципъ своей жизни, θерапевты или проводили жизнь въ пустыняхъ Египта и прилежащихъ странъ сѣверной Африки, на берегахъ Средиземнаго моря, или же, вращаясь между людьми вели жизнь скитальцевъ, странниковъ, были въ собственномъ смыслѣ космополитами. Сообразно съ этимъ секта θерапевтовъ можетъ быть характеризована въ собственномъ смыслѣ, какъ *іудейское монашество* въ его главныхъ формахъ—осѣдлой монастырской жизни и жизни странствующихъ монаховъ. Различіемъ этихъ формъ обусловилось и различіе занятій θерапевтовъ пустынниковъ и θерапевтовъ странниковъ. Развивая ученіе о вліяніи высшаго міра духовъ и ангеловъ на судьбу людей и о значеніи обрядовыхъ постановленій, касающихся тѣла въ связи съ астрономическими наблюденіями и изслѣдованіями врачебнаго искусства, особенно развившимися въ Александріи при Птоломеяхъ, θерапевты пустынники не выходили изъ области чисто научныхъ изслѣдованій современной имъ астрономіи и терапіи, направленныхъ лишь къ рѣшенію общихъ вопросовъ о судьбѣ міра и человѣчества и къ открытію таинственныхъ силъ въ вещественныхъ началахъ природы; тогда какъ θерапевты-странники, обращаясь среди людей, пріобрѣтали себѣ средства жизни волхвованіями, предсказывали судьбу человѣка и дѣлали заклинанія надъ больными и одержимыми отъ нечистыхъ духовъ. Отъ искусства врачеванія, чрезъ которое приверженцы θерапевтизма по преимуществу должны были получить извѣстность среди людей, и произошло наименованіе всей секты θерапевтами; результатомъ же научныхъ изысканій θерапевтовъ служитъ „Каббала“. Въ силу указан-

ныхъ особенностей сектѣ ѳерапевтовъ суждено было имѣть важное значеніе въ исторіи іудейства послѣднихъ временъ предъ Р. Хр.: какъ позднѣе христіанское монашество распространилось изъ Египта по всему христіанскому міру, такъ и ѳерапевты распространили свое ученіе за предѣлы Египта, какъ въ самой Палестинѣ, такъ и по всѣмъ странамъ древняго міра, гдѣ жили іудеи „разсѣянія". Этому конечно должно было содѣйствовать то, что общая многимъ восточнымъ народамъ склонность къ пустынной, отшельнической жизни не была чужда еврейскому народу, нѣкогда странствовавшему въ пустынѣ, и особенно могла развиться ко времени Мессіи подъ вліяніемъ историческихъ событій, грозившихъ окончательнымъ разрушеніемъ политической жизни еврейскаго народа. Сверхъ того, ученіе ѳерапевтовъ по своей научно-философской обработкѣ могло привлечь къ себѣ образованные классы іудейскаго народа, а по своему мистицизму могло легко распространиться чрезъ странствующихъ ѳерапевтовъ въ массѣ простаго народа. Возможность распространенія ѳерапевтизма въ Палестинѣ доказывается тѣми живыми сношеніями, которыя установились между египетскими и палестинскими іудеями. Прямое указаніе на эти сношенія находятся въ началѣ второй Маккавейской книги. Помимо того, Египетъ представлялъ убѣжище для палестинскихъ выходцевъ, изъ которыхъ одни искали составить себѣ карьеру, которую не могли устроить на родинѣ (Онія, сынъ первосвященника Оніи III, построившій храмъ въ Иліополѣ), другіе спасались отъ бѣдствій, угрожавшихъ имъ въ родной странѣ (бѣгство Іосифа и Маріи съ Младенцемъ въ Египетъ). Равнымъ образомъ, въ самой Палестинѣ встрѣчаются уроженцы сѣверной Африки (Симонъ Киринеянинъ, который несъ за Іисусомъ крестъ до Голгоѳы Мѳ. XXVII, 32; Мк. XV, 21; Лк. XXIII, 26). Даже несмотря на то, что Иліопольскій храмъ отвлекалъ египетскихъ іудеевъ отъ Іерусалима, іудеи „Египта и частей Ливіи, прилежащихъ къ Киринеѣ" являются въ числѣ другихъ іудеевъ разсѣянія на праздники іерусалимскіе и здѣсь „нѣкоторые изъ такъ называемой синагоги либертинцевъ и киринейцевъ и александрійцевъ" вступаютъ въ споръ съ первомученикомъ Стефаномъ Дѣян. II, 10; VI, 9. Чрезъ такія сношенія между Египтомъ и Палестиною легко могло распространиться среди палестинскихъ іудеевъ ѳерапевтическое

настроеніе мыслей, развившееся въ Египтѣ. Дѣйствительно, мы видимъ, что на югѣ Палестины на пустынныхъ берегахъ Мертваго моря основала свое мѣстопребываніе *секта ессеевъ*, которая по своему отшельничеству и безбрачію представляетъ не что иное, какъ отрасль ѳерапевтизма. Весьма вѣроятно, что такія загадочныя лица, какъ Ѳевда, который „выдавалъ себя за кого-то великаго и къ которому пристало четыреста человѣкъ", „Іуда Галилеянинъ, который во время переписи увлекъ за собою довольно народа". Дѣян. V, 36—37, а равно и нѣкоторый Іисусъ четыре года проповѣдавшій предъ разрушеніемъ Іерусалима: „горе Іерусалиму, храму и гражданамъ", и съ восклицаніемъ: „горе и мнѣ" погибшій при осадѣ города — весьма вѣроятно, что эти лица принадлежали къ прорицателямъ—выходцамъ изъ ѳерапевтовъ. Но болѣе, чѣмъ вѣроятно, на одного изъ выходцевъ—ѳерапевтовъ указываетъ книга Дѣяній XXI, 37—38. Когда ап. Павелъ былъ взятъ въ крѣпость въ Іерусалимѣ вслѣдствіе возмущенія народа, тысяченачальникъ, услыхавъ, что онъ говоритъ по-гречески, спросилъ: „такъ не ты ли тотъ Египтянинъ (т.-е. по связи рѣчи іудей, какъ и всѣ египетскіе іудеи, говорившій по-гречески), который предъ сими днями произвелъ возмущеніе и вывелъ въ пустыню четыре тысячи человѣкъ разбойниковъ (т.-е. несомнѣнно въ бранномъ смыслѣ"). Это мѣсто уясняетъ для насъ и то, какъ подъ вліяніемъ египетскаго ѳерапевтизма могло образоваться палестинское ессейство. Но конечно при всемъ своемъ сочувствіи къ отшельническому образу жизни, который вели ессеи и ѳерапевты, многіе изъ еврейскаго народа не могли вести этотъ образъ жизни и должны были, оставаясь среди людей хранить въ душѣ ессейско-ѳерапевтическое настроеніе мыслей. Изъ евангельскаго повѣствованія извѣстно, что какъ самъ народъ шелъ слушать божественную проповѣдь въ пустынѣ, такъ сообразно съ этимъ настроеніемъ народа и Креститель съ младенчества „и до дня явленія своего Израилю былъ въ пустыняхъ" Лк. I, 80, и проповѣдалъ въ пустынѣ на рѣкѣ Іорданѣ, входящей въ Мертвое море, и самъ Господь искушается въ пустынѣ, нерѣдко удаляется въ уединенныя мѣста и совершаетъ съ учениками „тайную вечерю". Равнымъ образомъ, изъ пророческой рѣчи Господа о кончинѣ міра мы узнаемъ, что самаго Мессію народъ ожидалъ видѣть „въ пустынѣ или въ потаен-

ныхъ комнатахъ“ Мѳ. XXIV, 25; ср. Іоан. VII, 39—42; IX, 29; VII, 27. Распространивъ свое вліяніе на палестинскихъ іудеевъ, секта ѳерапевтовъ должна была пріобрѣсти себѣ особенное сочувствіе іудеевъ „разсѣянія“. Этому содѣйствовало и то, что іудеи разсѣянія не только въ Египтѣ, но и вездѣ, гдѣ они ни находились, говорили на общераспространенномъ языкѣ греческомъ. Кромѣ того, между ними легко могли распространить ѳерапевтизмъ странствующіе проповѣдники, и самое ученіе ѳерапевтовъ по своему универсализму и космополитизму вполнѣ отвѣчало положенію „пришельцевъ разсѣянныхъ“ по всему древнему міру и болѣе или менѣе отвыкшихъ отъ своей первобытной родины. Филонъ, восхваляя іудеевъ разсѣянія за ихъ космополитизмъ, вмѣстѣ съ этимъ говоритъ о ѳерапевтахъ: „во многихъ конечно мѣстахъ вселенной встрѣчается этотъ родъ людей: такъ какъ хочетъ распространить высшія блага и въ Елладѣ и у варваровъ“ (de vita contemplativa § 3).

Принимая во вниманіе названную секту, мы приходимъ къ тому предположенію, что во вторую эпоху апостольской церкви, когда уже устранилась изъ среды вѣрующихъ рознь крайнихъ направленій іудействовавшаго фарисейства и язычествовавшаго саддукейства, церковь Христову волновали *обратившіеся ко Христу приверженцы ѳерапевтизма* — секты широко распространеной между іудеями послѣднихъ временъ предъ Р. Хр. и въ отличіе отъ фарисейства и саддукейства примирявшей въ своемъ ученіи религіозныя вѣрованія іудейскаго народа съ началами еллинской мудрости.

Зачатки ѳерапевтизма мы можемъ открывать уже съ самаго начала апостольской церкви. „Когда умножились ученики, произошелъ у еллинистовъ ропотъ на евреевъ за то, что вдовицы ихъ были пренебрегаемы въ ежедневномъ раздаяніи потребностей“ — обстоятельство, вызвавшее поставленіе седьми діаконовъ. Дѣян. VI, 1—6. Весьма возможно, что въ числѣ этихъ еллинистовъ—іудеевъ разсѣянія, говорившихъ погречески, были и выходцы изъ Египта: чуждые крайностей іудейства и язычества они повліяли на избраніе діаконовъ настолько, что въ число ихъ вошли какъ увѣровавшіе изъ іудеевъ, такъ и увѣровавшіе изъ язычниковъ („Николай антіохіецъ, обращенный изъ язычниковъ“). Затѣмъ, между „нѣкоторыми пророками и учите-

лями“ въ антіохійской церкви упоминается и „Луцій киринеянинъ“ (а можеть быть и „Симонъ такъ называемый Нигеръ“ происходилъ также изъ Африки). Дѣян. XIII, 1. Наконецъ, мы видимъ, что среди самарянъ, происшедшихъ чрезъ смѣшеніе іудеевъ съ язычниками, является „нѣкоторый мужъ, именемъ Симонъ, который волхвовалъ и изумлялъ народъ Самарійскій, выдавая себя за кого-то великаго, такъ что ему внимали всѣ отъ малаго до большаго, говоря: сей есть великая сила Божія“. Дѣян. VIII, 9—11. Объ этомъ Симонѣ извѣстно, что онъ обучался философіи въ Александріи (Clem. Hom. II). По обращеніи ко Христу онъ не оставилъ своей прежней наклонности къ волхвованію: онъ „не отходилъ отъ Филиппа, видя совершавшіяся великія знаменія и чудеса“, и когда увидѣлъ, что чрезъ возложеніе рукъ апостоловъ подаются дары Св. Духа, то предлагалъ апостоламъ дать ему за деньги даръ ихъ. Дѣян. VIII, 13, 18—19. Въ виду первыхъ зачатковъ ѳерапевтизма среди вѣрующихъ апостольской церкви могло произойти и то, что въ Евангеліи Матѳея XIX, 10—12, приведены слова Господа о значеніи брака и безбрачія и что въ повѣствованіи объ обстоятельствахъ рождества І. Христа упоминается о волхвахъ съ востока и видѣнной имъ звѣздѣ и въ сказаніи объ искушеніи Господа въ пустынѣ указывается на служеніе Ему ангеловъ. Болѣе же важнымъ представляется то, что въ церкви Коринѳской происшедшее раздѣленіе между вѣрующими было таково, что кромѣ партій, прикрывавшихся авторитетомъ Кифы и Павла, была еще партія, которая прикрывалась авторитетомъ Аполлоса. 1 Кор. I, 12; IV, 6; III, 5. Объ Аполлосѣ же извѣстно, что онъ былъ „іудей, родомъ изъ Александріи, мужъ краснорѣчивый и свѣдущій въ Писаніи“. Дѣян. XVIII, 24. Очень возможно, что ставшіе на его сторону христіане были изъ ѳерапевтовъ: раздѣляя вмѣстѣ съ саддукействующими христіанами стремленіе къ мудрости и краснорѣчію, они тѣмъ не менѣе стали внѣ крайностей какъ христіанъ прикрывавшихся авторитетомъ Петра, такъ и христіанъ прикрывавшихся авторитетомъ Павла. Можно по крайней мѣрѣ положительно сказать, что именно партіею Аполлоса былъ возбужденъ между коринѳскими христіанами вопросъ о безбрачіи — вопросъ существенно важный для ѳерапевтовъ. 1 Кор. VII, 1—40.—Но если съ самаго начала утвержденія церк-

ви апостолами мы находимъ слѣды вліянія на вѣрующихъ александрійскаго іудейства, то съ теченіемъ времени оно сказывалось все болѣе и болѣе и ѳерапевтизму суждено было обнаружиться во всей силѣ именно среди христіанъ Малой Азіи.

Малая Азія и Египетъ представляютъ два совершенно противоположные берега Средиземнаго моря и съ двухъ противоположныхъ сторонъ примыкаютъ къ той вогнутой береговой полосѣ, въ срединѣ которой расположена Палестина: поэтому александрійскій ѳерапевтизмъ могъ быть занесенъ въ Малую Азію и изъ-за моря и чрезъ сушу въ видѣ палестинскаго ессейства. Уже въ первое апостольское путешествіе Павла въ Малую Азію противосталъ ему „нѣкоторый волхвъ, лжепророкъ іудеянинъ, именемъ Варіисусъ“, находившійся при самомъ проконсулѣ Сергіѣ „мужѣ разумномъ“, и за свое волхвованіе былъ наказанъ слѣпотою, чтобы „не видѣлъ солнца до времени“ Дѣян. XIII, 4—11: это было на островѣ Кипрѣ—средоточной морской станціи между египетскимъ и малоазійскимъ берегами. Затѣмъ во время проповѣди ап. Павла въ Ефесѣ „нѣкоторые изъ скитавшихся іудейскихъ заклинателей стали употреблять надъ имѣющими злыхъ духовъ имя Господа Іисуса, говоря: заклинаемъ васъ именемъ Іисуса, котораго Павелъ проповѣдуетъ. Это дѣлали какіе-то семь сыновъ іудейскаго первосвященника Скевы“. Дѣян. XIX, 13—14. Особенно замѣчательными представляются и самыя обстоятельства обращенія Ефесянъ ко Христу: они принимаютъ съ начала Іоанново крещеніе и затѣмъ уже крещеніе во имя Господа Іисуса. Дѣян. XIX, 1—6. Подвижническая жизнь Крестителя въ пустынѣ особенно могла привлекать къ нему приверженцевъ ессейства и ѳерапевтизма, удалявшихся отъ міра для подвиговъ самоумерщвленія. Даже и объ Аполлосѣ извѣстно, что до прибытія въ Ефесъ „онъ былъ наставленъ въ начаткахъ пути Господня и, горя духомъ, говорилъ и училъ о Господѣ правильно, зная только крещеніе Іоанново“. Дѣян. XVIII, 24. Точнѣе узнавъ путь Господень, онъ въ Ефесѣ „сильно опровергалъ іудеевъ всенародно изъ Писаній“ и здѣсь же находился послѣ своего путешествія въ Ахаію и Коринѳъ Дѣян. XVIII, 24—28; 1 Кор. XVI, 8, 12: его проповѣдь конечно и здѣсь не могла остаться безъ слѣда, какъ она не осталась безслѣдною и въ Коринѳѣ.— Но со всею несомнѣн-

ностію приверженцы ессейства и ѳерапевтизма вторглись въ среду малоазійскихъ христіанъ во вторую эпоху апостольской церкви.

Происхожденіе малоазійскаго лжепророчества отъ египетскаго ѳерапевтизма и палестинскаго ессейства и его іудейско-языческое направленіе указываются согласно Павломъ, Петромъ, Іудою, Іоанномъ. Ап. Павелъ указываетъ прообразъ малоазійскихъ лжепророковъ въ Іаннѣ и Іамврѣ — двухъ египетскихъ волшебникахъ, которые противились Моисею и склоняли народъ израильскій на сторону Египтянъ. 2 Тим. III, 8. Апостолы Іуда и Петръ выставляютъ въ примѣръ гибели лжепророковъ гибель вышедшихъ изъ Египта и не увѣровавшихъ и казнь Содома и Гоморры и окрестныхъ городовъ, гдѣ въ послѣдствіи образовалось Мертвое море, и прообразъ лжепророковъ находятъ въ пророкѣ Валаамѣ, по наущенію котораго Моавитяне стали выдавать своихъ дочерей за сыновъ Израилевыхъ. Іуд. 1, 5, 7, 11; 2 Петр. II, 6, 15. Еще рѣшительнѣе говорится въ Апокалипсисѣ объ убіеніи истинныхъ пророковъ „на улицахъ великаго города, который духовно называется Содомъ и Египетъ“. Апок. XI, 8. Самыхъ лжепророковъ Іоаннъ называетъ „Валаамитами“ за то, что „держатся ученія Валаама, который научилъ Валака ввести въ соблазнъ сыновъ Израилевыхъ, чтобы они ѣли идоложертвенное и любодѣйствовали“, вмѣстѣ съ этимъ обличаетъ „жену Іезавель, которая называетъ себя пророчицею, учитъ и вводитъ въ заблужденіе рабовъ Божіихъ, чтобы они любодѣйствовали и ѣли идоложертвенное, предвозвѣщаетъ затѣмъ гибель поклоняющихся идоламъ и заключаетъ свое первое посланіе словами: „чадца, храните себя отъ идоловъ“ [37]).

Отличавшее ессеевъ и ѳерапевтовъ удаленіе отъ міра, отшельничество характеризуетъ и малоазійскихъ лжепророковъ и именно такъ, что они представляются прямо какъ нарушители возложеннаго ими на себя обѣта. Въ виду этого апостолы говорятъ о противоположности между міромъ, которому близокъ конецъ въ его лжепророкахъ, и вѣчнымъ царствомъ Божіимъ, уготованнымъ для вѣрующихъ, „о борьбѣ вѣрующихъ съ міро-

[37]) Апок. II, 14—15, 20; IX, 20; XIII, 15; XXI, 8; XXII 15; 1 Іо. V, 21.

правителямя тьмы вѣка сего, дѣйствующими въ сынахъ противленія“ и заповѣдуется вѣрующимъ „жизнь не по обычаямъ живущихъ въ мірѣ сыновъ противленія [38]). Вмѣстѣ съ этимъ вѣрующимъ внушается мысль, что они не имѣютъ здѣсь пребывающаго града, но ищутъ грядущаго, стремятся къ Іерусалиму небесному, что они въ собственномъ смыслѣ „не странники и пришельцы, но сожители святымъ и присные Богу“, говорится, что древніе пророки, „которыхъ весь міръ не былъ достоинъ, скитались въ милотяхъ и козьихъ кожахъ, по пустынямъ и горамъ, по пещерамъ и ущеліямъ зелли“, и заповѣдуется страннолюбіе и помощь истиннымъ странникамъ, которые „ради имени его пошли, не взявъ ничего отъ язычниковъ“ [39]). Особенно замѣчательны въ указанномъ отношеніи слова ап. Петра, въ которыхъ онъ заповѣдуетъ „пришельцамъ разсѣянія“ Малой Азіи удаляться отъ плотскихъ похотей, „какъ странникамъ и пришельцамъ“, оказывать „страннолюбіе другъ другу“ и не имѣть своимъ сопутникомъ „огня“, разжигающагося въ человѣкѣ для его искушенія [40]), и вмѣстѣ съ этимъ внушается вѣрующимъ, что „такія же страданія случаются и съ братьями ихъ въ мірѣ“, растлѣнномъ похотію. 1 Петр. I, 1; II, 11; IV, 9, 12; 2 Петр. I, 4; V, 9. Наконецъ, у ап. Іоанна слово „міръ“, кромѣ обыкновеннаго, имѣетъ еще особое техническое значеніе и именно то самое, какое должно имѣть для отшельниковъ. Въ этомъ смыслѣ Апостолъ употребляетъ это слово, характеризуя отношеніе лжепророковъ къ міру: вѣрующіе отъ Бога и не должны любить міръ: лжепророки, отдѣлившіеся отъ вѣрующихъ, этимъ обнаружили, что они отъ міра 1 Іо. IV, 6; II, 19; IV, 5; происходя отъ міра, они и „вошли въ міръ“ и „говорятъ отъ міра и

---

[38]) Іак. IV, 4; 1 Петр. I, 4; IV, 7; 2 Петр. II, 1, 3, 12, 14; III, 6; Еф. VI, 12; II, 2 2 Кол. II, 8, 20; III, 6.

[39]) Евр. XI, 37—38; XII; XIII, 2, 14; Еф. II, 19; Кол. I, 12—13; III, 1; 3 Іо. 5—8.

[40]) Это мѣсто съ греческаго должно быть переведено такъ; „не оказывайте радушія бывающему въ васъ для вашего искушенія огню (т.-е. плотскихъ похотей), какъ страннику вамъ сопутствующему“; между тѣмъ русскій переводъ, удерживая за греческими словами отдаленный смыслъ, представляется нѣсколько неяснымъ: „огненнаго искушенія для испытанія вамъ посылаемаго не чуждайтесь, какъ приключенія для васъ страннаго“.

міръ слушаетъ ихъ". 1 Іо. IV, 5, 1; 2 Іо. 7. Отсюда мысль о противоположности и побѣдѣ вѣрующихъ надъ міромъ, въ которомъ дѣйствуютъ лжепророки, составляетъ общую мысль и посланій и Апокалипсиса, и въ Апокалипсисѣ представляется какъ бѣгство въ пустыню жены облеченной въ солнце, такъ и пребываніе въ пустынѣ жены, сидящей на звѣрѣ багряномъ. Апок. XII, 6, 14; XVII, 3. Въ Евангеліи Іоанна съ самаго начала указывается на міръ, не познавшій Господа, и на іудеевъ, Его не принявшихъ, и затѣмъ вражда іудеевъ къ Господу представляется какъ вражда противъ него міра, завершившаяся побѣдою Господа надъ міромъ — мысль особенно подробно выраженная въ первосвященнической молитвѣ Іисуса [41]). Особенное вниманіе обращаетъ и разность въ самой внѣшней обстановкѣ евангельской исторіи, какъ она изображается тремя первыми евангелистами и какъ она представлена евангелистомъ Іоанномъ. Первые три евангелиста описываютъ дѣятельность Господа по преимуществу въ Галилеѣ, Іоаннъ по преимуществу въ Іерусалимѣ и на іерусалимскихъ праздникахъ. Именно здѣсь на праздникахъ и появлялись іудеи разсѣянія, „еллинисты", между которыми могли встрѣтиться и приверженцы ѳерапевтизма. Въ виду іудеевъ разсѣянія и могли быть сказаны слова: „есть у Меня и другія овцы, которыя не отъ сего двора; и тѣхъ надлежитъ Мнѣ привести: и онѣ услышатъ голосъ Мой, и будетъ одно стадо и одинъ пастырь". Іо. X, 15—16; XI, 51—52. Это мѣсто получаетъ ближайшее разъясненіе въ замѣчаніи евангелиста, что Іисусъ умретъ „не только за народъ, но и—дабы разсѣянныхъ чадъ собрать въ едино". Далѣе, и ученикамъ и самому народу становится понятною рѣчь Господа о томъ, что отъ міра и что не отъ міра сего, и народъ знаетъ о „Еллинскомъ разсѣяніи", знаетъ, что удалившихся къ Еллинамъ и найти нельзя и нужно считать почти заживо исчезнувшими для міра. Іо. VIII, 12, 26; VII, 34—36; VIII, 21—23. Наконецъ, мы не можемъ не остановиться на одномъ событіи, о которомъ упоминается только въ Евангеліи Іоанна и которое имѣло какъ бы пророчественное отношеніе къ проповѣди Іоанна

[41]) Іо. I, 10—11; VII, 4, 7; XV, 18—19; XII, 19; XVI, 33; XVII.

среди малоазійскихъ христіанъ, направленной противъ тѣхъ, которые отъ міра. „Изъ пришедшихъ на поклоненіе въ праздникъ (это было въ Іерусалимѣ предъ самыми страданіями Господа) были нѣкоторые Еллины (іудеи—еллинисты)“. Когда они изъявили желаніе видѣть Іисуса, то Іисусъ, узнавъ объ этомъ, сказалъ въ отвѣтъ: „пришелъ часъ прославиться Сыну человѣческому... Душа Моя теперь возмутилась; и что Мнѣ сказать? Отче! Избавь меня отъ часа сего? Но на сей часъ Я и пришелъ. Отче! Прославь имя Твое. Тогда пришелъ съ неба гласъ: и прославилъ и еще прославлю.—Іисусъ сказалъ:—не для Меня былъ гласъ сей, но для народа. Нынѣ судъ міру сему, нынѣ князь міра сего будетъ изгнанъ вонъ“ Іо. XII, 20—33.

Вмѣстѣ съ отреченіемъ отъ міра у малоазійскихъ лжепророковъ такъ же, какъ и у ѳерапевтовъ и ессеевъ, соединялись обѣты безбрачія и самоистязанія, нестяжательности и смиренія. Но какъ и мнимое ихъ отреченіе отъ міра, такъ равно обличается апостолами и нарушеніе ими принятыхъ на себя обѣтовъ безбрачія, воздержанія, отреченія отъ собственности, молчанія и послушанія.—Лжепророки, съ одной стороны, представляются „имѣющими видъ благочестія, силы же его отрекшимися“, изъ лицемѣрія „запрещающими вступать въ бракъ и употреблять въ пищу то, что создалъ Богъ для вкушенія вѣрнымъ“, осуждающими за пищу или питіе или за праздничныя торжества, „держащимися постановленій: не прикасайся, не вкушай, не дотрогивайся“, обольщающими другихъ „изнуреніемъ тѣла, нѣкорымъ небреженіемъ о насыщеніи плоти“ и „самовольнымъ смиренномудріемъ“, — съ другой стороны, представляются „входящими въ домы и обольщающими женщинъ, утопающихъ въ грѣхахъ, водимыхъ различными похотями“, „развращающими цѣлые домы“, совращающими молодыхъ вдовицъ“ къ брачной жизни не по закону Христову, „дѣлающими тайно то, очемъ стыдно и говорить“, растлѣвающими себя подобно безсловеснымъ животнымъ“, „срамниками и сквернителями, глаза которыхъ исполнены любострастія и непрестаннаго грѣха“, у которыхъ страсти, какъ „свирѣпыя морскія волны, пѣнящіяся срамотами своими“ и „одежда осквернена плотію“, которые „полагаютъ удовольствіе во вседневной роскоши, въ пиршествахъ“ и, „пир-

шествуя съ вѣрными на вечеряхъ любви, безъ страха утучняютъ себя",—далѣе представляются „учащими изъ постыдной корысти", сребролюбивыми, лицемѣрящими предъ богатыми, возлюбившими мзду подобно Валааму, утверждающими, „что само благочестіе служитъ ради прибытка",—наконецъ, представляются „самолюбивыми, гордыми, надменными, наглыми, напыщенными, любящими первенствовать, сынами противленія, родителямъ непокорными", упорствующими противъ церковной власти, какъ Корей, „презирающими начальства и злословящими высшія власти", ругателями злыми", „богохульствующими", производящими споры и распри „пустословами", произносящими надутыя слова", „желающими быть законоучителями, но неразумѣющими ни того, о чемъ говорятъ, ни того, что утверждаютъ" [42]). Для предостереженія отъ такихъ лжеучителей, апостолы и говорятъ объ „истинномъ благочестіи и нелицемѣрной вѣрѣ", раскрываютъ мысль о бракѣ, какъ „тайнѣ, которая велика" по отношенію къ силѣ освящающаго его союза Христа съ церковію, о естественной любви къ самому себѣ, по которой „никто никогда свою плоть ненавидитъ, но питаетъ и грѣетъ ее", и ради поддержанія которой должно принимать пищу съ благодареніемъ, не упиваясь виномъ, отъ котораго бываетъ распутство, употреблять въ недугахъ не одну воду, но и вина немного, указываютъ на безкорыстіе, на то, что „мы ничего не принесли въ міръ, явно ничего не можемъ и вынести изъ него, а потому, имѣя пропитаніе и одежду должны довольствоваться и тѣмъ", и стараются утвердить на началахъ вѣры, любви и христіанскаго смиренія основы семейной, домашней, общественной и церковной жизни вѣрующихъ [43]). Въ виду нарушенія вошедшими въ міръ

---

[42]) 2 Тим. III, 5; 1 Тим. IV, 2–3; Кол. II, 16, 18, 20—23; 1 Тим. IV, 8; Іак. III, 15—17; 1 Петр. V, 5; 1 Тит. V, 6, 11—15; Тим. I, 11; 2 Тим. III, 6; Іак. IV, 4; Еф. V, 11—12; 1 Тим. V, 24; 2 Петр. II, 2—3, 12—14, 18, 13; Іуд. 10, 12—13, 23; Тит. I, III, 2; Іуд. 11, 16; Петр. II, 14—15; Іак. II, 2—4; Іак. IV, 16, 7, 10, 21; 2 Тим. III, 2, 4; Тит. I, 10; Іуд. II; 3 Іо. 9—10; Кол. III, 6; Еф. II, 2; 2 Петр. II, 10; Іуд. 8. Іак. III, 1—2, 6, 10; IV, 1, 11—16; V, 12; Тит. III, 9; 1, 10; 1 Тим. I, 6—7, 20; VI, 4—5; Іуд. 16, 18; 2 Петр. III, 3—4.

[43]) 1 Тим. IV, 8; 1, 5; Еф. V, 25—32; 1 Тим. IV, 3—4; V, 23; VI, 7—8; Еф. V, 8; VI, 9; Кол. III, 14—IV, 1; 1 Тим. III, 1—15; V, 1—19; VI, 1; Тит.

и говорящими помірски лжепророками, ап. Іоаннъ заповѣдуетъ вѣрующимъ „не любить ни міръ, ни того, что въ мірѣ; ибо все, что въ мірѣ—похоть плоти, похоть очесъ и гордость житейская, не есть отъ Отца, но отъ міра“ 1 Іо. II, 15—16 (указаніе на нарушеніе трехъ главныхъ обѣтовъ монашества: воздержанія отъ плотскихъ удовольствій, нестяжательности и смиренія). Въ виду униженія лжепророками значенія христіанскаго брака и мнимаго воздержанія отъ всякихъ увеселеній и отъ вина Іоаннъ въ своемъ Евангеліи Іо. II, 1—11; III, 29, начало чудесъ Іисусовыхъ возводитъ къ чуду, совершенному Господомъ на бракѣ въ Канѣ Галилейской—претворенію воды въ вино для брачнаго веселія, и отношеніе Предтечи къ Господу представляетъ подъ образомъ отношеній къ жениху друга жениха, который стоитъ и внимаетъ ему и „радостію радуется, слыша голосъ жениха“. Въ Апокалипсисѣ лжеучители называются „развратными“, научающими любодѣйству, думающими о богатствѣ, надменно называющими себя апостолами и пророками, въ своей іудейской гордости возмнившими о побѣдѣ своего ученія надъ языческими народами, отъ чего и самое названіе Николаитами (побѣдителями народовъ), и въ противоположность имъ восхваляется терпѣніе, скорбь, нищета, сохраненіе одеждъ своихъ отъ осквернения, за что обѣщается облеченіе въ бѣлыя одежды, вкушеніе сокровенной манны, дарованіе радостной звѣзды утра, „новаго имени и побѣды надъ язычниками. II—III. Гордости лжеучителей, ихъ дерзкому именованію себя пророками и апостолами и стремленію властвовать надъ народами соотвѣтствуетъ въ Апокалипсисѣ XIII, 1, 4—6, изображеніе звѣря, которому „даны были уста, говорящія гордо и богохульно“, и у котораго „рога, увѣнчанные діадимами, а на головахъ имена богохульныя“. Еще полнѣе указываетъ въ Апок. XVII, 4—5; XVIII, 2—3, 7, на нарушителей обѣтовъ отреченія отъ міра и его похотей образъ жены, сидящей въ пустынѣ на звѣрѣ: „на челѣ ея написано имя: тайна, Вавилонъ великій, мать блудницамъ и мерзостямъ земнымъ“; она была облечена въ порфиру и багряницу, украшена золо-

---

II, 1—10; III, 1—2; Филим. 10—21; 1 Петр. II, 13—23; III, 1—8; V, 1—6; 2 Петр. I, 5—7; Іак. I, 3—4, 9—10; III, 2—18; V, 7—11.

томъ, драгоцѣнными каменьями и жемчугомъ, и держала золотую чашу въ рукѣ своей, наполненную мерзостями и нечистотою блудодѣйства ея"; „она напоила яростнымъ виномъ блудодѣянія своего всѣ народы, и цари земные любодѣйствовали съ нею, и купцы земные разбогатѣли отъ великой роскоши ея"; „она говоритъ въ сердцѣ своемъ: сижу царицей, я не вдова, не увижу горести". Въ противоположность этому образу представляется въ Апокалипсисѣ „бракъ Агнца съ невѣстою, приготовленною и украшенною для мужа своего, облеченною въ виссонъ чистый и свѣтлый" и говорится о ста сорока четырехъ тысячахъ, искупленныхъ отъ земли, первенцахъ Богу и Агнцу, что это „суть тѣ, которые не сквернились съ женами: ибо они дѣвственники, идущіе за Агнцемъ, куда бы ни пошелъ". Апок. XIX, 7—9; XXI, 2; XIV, 3—4.

Ученіе ѳерапевтовъ, состоявшее изъ соединенія преданій іудейскаго народа съ греческою мудростью, религіозныхъ вѣрованій съ началами философскаго мышленія, унаслѣдовано было малоазійскими лжеучителями во всей его полнотѣ. Ап. Іаковъ, обличая людей съ „двоящимися мыслями", обуреваемыхъ сомнѣніями, обличаетъ съ одной стороны ложную вѣру, съ другой—ложную мудрость и внушаетъ обращаться за мудростію съ молитвою вѣры къ „Отцу свѣтовъ, у котораго нѣтъ измѣненія и ни тѣни перемѣны, который родилъ насъ словомъ истины" и даруетъ истинную мудрость просящимъ у Него [44]). Равнымъ образомъ и ап. Павелъ, обличая людей „уклоняющихся къ баснямъ, внимающихъ іудейскимъ баснямъ, держащихся постановленій по заповѣдямъ и ученію человѣческому, ведущихъ безконечные споры о законѣ", въ то же время предостерегаетъ вѣрующихъ отъ увлеченія „философіею и пустымъ обольщеніемъ по преданію человѣческому,—что̀ имѣетъ только видъ мудрости", отъ „лжеименнаго знанія", которое въ противоположность свѣту истиннаго ученія погружаетъ человѣка во мракъ невѣдѣнія и удаляетъ отъ Бога, „обитающаго во свѣтѣ неприступномъ" и невидимомъ для человѣческаго глаза [45]).

---

[44]) Іак. I, 5—8; 22—27; II, 14—26. III, 1—18; IV, 17; I, 5, 17—18; V, 16—18.
[45]) 1 Тим. I, 3—4; IV, 1; VI, 3—5, 20; 2 Тим. II, 23; IV, 3—4; Тит. I.

Какъ апостолы Іаковъ и Павелъ, такъ и ап. Петръ [46]) говоритъ „объ испытанной вѣрѣ во спасеніе, къ которому относились изысканія и изслѣдованія пророковъ“, и свѣтъ котораго недоступенъ для лжепророковъ, осужденныхъ на мученіе „въ узахъ адскаго мрака“ [47]). Но обличеніе лжеименнаго знанія малоазійскаго лжепророчества во всей силѣ содержится въ проповѣди ап. Іоанна малоазійскимъ христіанамъ. Противоположность истиннаго свѣта вѣры Христовой ложному знанію, ослѣпляющему глаза человѣка тьмою лжи и заблужденія раскрывается — безъ прямаго указанія на лжепророковъ въ Евангеліи,—съ указаніемъ на нихъ въ посланіяхъ Іоанна. Самый Апокалипсисъ и своимъ названіемъ „откровеніе“ и созерцательнымъ характеромъ своего содержанія и символикою свѣта указываетъ на тьму заблужденія лжепророковъ. Особенно замѣчательно въ Апокалипсисѣ указаніе на тѣхъ, которые „ученія лжепророковъ не держатъ и не знаютъ такъ-называемыхъ глубинъ сатаны“ Апок. II, 24, и на то, что съ разоблаченіемъ тайны Вавилона-любодѣицы Богъ положилъ на сердце царямъ, которые еще не получили царства, „исполнить мысль Его, исполнить одну мысль и отдать царство ихъ звѣрю“ (см. греч. текстъ XVII, 5, 16—17, гдѣ слово „мысль“ одного корня съ словомъ „знаніе“ по-русски переведено словомъ „воля“). Наконецъ, іудейско-философское міросозерцаніе ѳерапевтовъ, раскрытое во всей полнотѣ въ ученіи Филона, со всею несомнѣнностію характеризуетъ малоазійское лжепророчество. Этимъ и объясняется сходство ученія ап. Іоанна о „Словѣ“ и самой терминологіи Іоанновой съ терминологіей и ученіемъ о „Словѣ“ Филона: ходячую между малоазійскими лжеучителями философію Филона ап. Іоаннъ обращаетъ противъ нихъ же самихъ, отдѣляя отъ нея все лож-

---

13—14, 16; III, 9; Кол. II, 8, 20—23; Еф. IV, 14; 1 Тим. VI, 11, 14, 16; Кол. I, 9, 13, 28; Еф. I, 17—18; III, 10, 19; IV, 14, 18; V, 6—13, 15.

[46]) 1 Петр. III, 19; 2 Петр. I, 9, 19—II, 4; ср. Іуд. I, 5—6, 10.

[47]) Этимъ отношеніемъ Іакова, Петра и Павла къ лжеученію, отличному отъ фарисействующаго христіанства обличаемаго Павломъ по преимуществу въ посланіяхъ къ Римлянамъ и Галатамъ, и устраняется мнимое противорѣчіе въ ученіи Іакова о вѣрѣ и добрыхъ дѣлахъ и Павла о благодати Христовой и измышленная западомъ борьба „Петринизма и Павлинизма“.

ное и возводя истинное къ высшимъ началамъ божественнаго библейскаго ученія [48]).

Вѣрованія іудейскаго народа въ духовъ и ангеловъ, получившія особое развитіе у ѳерапевтовъ, у малоазійскихъ лжепророковъ переходятъ въ особый культъ и какъ и у ѳерапевтовъ находятся въ связи съ астрологическимъ искусствомъ и заклинаніемъ болѣзней и нечистыхъ духовъ. Уже ап. Іаковъ вѣру людей „съ двоящимися мыслями“ приравнивалъ къ вѣрѣ бѣсовъ,

---

[48]) Такимъ объясненіемъ мы не отрицаемъ, но напротивъ предполагаемъ правильно понимаемую богодухновенность св. книгъ. Наше объясненіе не согласно лишь съ тѣмъ понятіемъ о богодухновенности Писанія, по которому все, что ни заключается въ св. книгахъ, было внушено не отъ человѣческой мудрости, но отъ Духа Божія. Но какъ и отрицаніе невѣрующею мыслію всего божественнаго въ Библіи несостоятельно, такъ несостоятельна и противоположная крайность младенчески вѣрующей мысли, что въ Библіи нѣтъ ничего человѣческаго. Уже то обстоятельство, что Библія говоритъ человѣческимъ языкомъ, доступнымъ даже и для самаго обыкновеннаго разумѣнія, а не языкомъ боговъ, котораго бы разумѣть не могъ никто изъ смертныхъ,—уже это обстоятельство заставляетъ необходимо признать въ происхожденіи св. книгъ и долю участія человѣческаго духа. Но разъ уже мы признали эту долю участія, мы должны лишь опредѣлить границы ея въ написаніи св. книгъ. Если св. писатели для выраженія того, что внушалъ имъ Духъ Св., употребляли обыкновенную человѣческую рѣчь, пользовались готовыми понятіями и представленіями: то почему для выраженія внушеній Св. Духа они не могли воспользоваться и готовыми комбинаціями этихъ понятій и представленій? Развѣ апостолъ Петръ не приводитъ для разъясненія своихъ мыслей ходячія народныя поговорки, а ап. Павелъ не ссылается на извѣстное изреченіе критскаго стихотворца, называя его даже пророкомъ 2 Петр. II, 22. Тит. I, 12 греч. текст. На этомъ основаніи мы можемъ допустить, что и болѣе сложныя комбинаціи человѣческихъ понятій (какъ напр. философская доктрина Филона) могли болѣе или менѣе служить матеріаломъ, изъ котораго Духъ Св. чрезъ св. писателей создавалъ храмину для божественнаго ученія. Словомъ, мы признаемъ, что въ св. книгахъ не только языкъ но и комбинація представленій взяты уже изъ готовыхъ и доступныхъ читателямъ этихъ книгъ воззрѣній. Духъ Св. лишь сообщалъ главное руководительное начало цѣлому ходу представленій въ умѣ писателей св. книгъ, божественный свѣтъ въ цѣломъ каждой книгѣ и всей Библіи, сообщалъ то положительное содержаніе, которое выдѣляется изъ того, что обусловлено было обстоятельствами мѣста, времени и личнаго развитія писателей св. книгъ.

которые „вѣруютъ и трепещутъ“, называетъ ихъ мудрость „земною, душевною, бѣсовскою“ и внушая вѣрующимъ борьбу съ діаволомъ, заповѣдуютъ удерживать языкъ свой, чрезъ который „воспаляется весь кругъ жизни отъ геены огненной“; отвращаться всякой клятвы землею или небомъ, вмѣсто того употреблять въ радости и скорби слова молитвы, въ болѣзни призывать пресвитеровъ церкви и „чрезъ помазаніе елеемъ во имя Господа“ получать исцѣленіе недуговъ, какъ тѣлесныхъ, такъ и душевныхъ, исцѣляемыхъ „молитвою вѣры“, властвующею надъ небомъ и землею Іак. I, 8; II, 19; III, 15; IV, 7; III, 6; V, 12—18. Ап. Павелъ прямо обличаетъ лжеучителей въ „самовольномъ служеніи ангеламъ“, въ мудрости по „стихіямъ міра“ (таинственнымъ и темнымъ силамъ природы), въ занятіяхъ „родословіями безконечными“ (т.-е. именословіями ангеловъ), называетъ ихъ „внимающими духамъ-обольстителямъ и ученіямъ бѣсовскимъ“, раскрываетъ ученіе объ ангелахъ, какъ „созданныхъ Богомъ и Ему служебныхъ духахъ, посылаемыхъ въ служеніе за тѣхъ, которые имѣютъ наслѣдовать спасеніе, о превосходствѣ совершившаго дѣло нашего искупленія Господа предъ ангелами, о дѣйствіи силы Его, которая вознесла Его превыше всякаго начальства и власти и силы и господства и всякаго имени именуемаго не только въ семъ вѣкѣ, но и въ будущемъ“, и которою создано все, „что на небесахъ и что на землѣ, видимое и невидимое, престолы ли, господства ли, начальства ли, власти ли“,—„о явленіи Сына Божія ангеламъ и Его побѣдѣ надъ „началъствами и властями (тьмы)“, заповѣдуетъ брань противъ діавола, увлекающаго волю держащихся ученія бѣсовскаго въ свою волю, „противъ началъствъ, противъ властей, противъ міроправителей тьмы вѣка сего, противъ духовъ злобы поднебесныхъ“, и заклинаетъ сохранять вѣру Христову „предъ избранными ангелами“. То же ученіе объ ангелахъ раскрывается и въ посланіяхъ Іуды и Петра [49]). Ангелы представляются „желающими проникнуть въ тайну искупленія“, о Господѣ говорится, что Онъ (по воскресеніи) „находящимся

[49]) Кол. II, 8, 18, 20, 23; 1 Тим. I, 4; Тит. III, 9; Дѣян. XVIII, 15; 1 Тим. IV, 1. Евр. I—II; Кол. I, 15—17; Еф. I, 21; III, 10—15; 1 Тим. III, 16; Кол. II, 15; Еф. VI, 11—16; IV, 27; 2 Тим. II, 25—26; 1 Тим. V, 21.

въ темницѣ духамъ, сошедши, проповѣдалъ", заповѣдуется брань противъ діавола, и участь лжепророковъ представляется одинаковою съ участью „ангеловъ, не сохранившихъ своего достоинства и оставившихъ свое жилище, которыхъ Богъ, связавъ узами адскаго мрака, соблюдаетъ ко дню суда" [60]). Замѣчательно указаніе Іуды 8—9 на споръ архангела Михаила съ діаволомъ, которое заимствовано изъ іудейскихъ преданій и направлено къ обличенію непокорныхъ истинѣ, и на которое есть отчасти указаніе и у ап. Петра, 2 Петр. III, 10—11. Въ виду обольщавшихъ мнимымъ духомъ пророчества и ап. Іоаннъ внушаетъ вѣрующимъ различать „духовъ истины и заблужденія" 1 Іо. IV, 1—6. Но во всей полнотѣ ангелологія и демонологія лжепророковъ обличается именно въ Апокалипсисѣ.

Съ самаго начала Апокалипсиса говорится (равно какъ и въ заключеніи): что содержащееся въ немъ откровеніе дано „чрезъ ангела", упоминается о седьми духахъ, находящихся предъ престоломъ Божіимъ, и седьмь посланій назначаются ангеламъ седьми церквей [61]). Въ дальнѣйшемъ содержаніи Апокалипсиса ангелы представляются, какъ служебные духи и орудія Божественнаго правосудія, и вмѣстѣ съ вѣрующими славословятъ Бога и Христа и падаютъ на лица свои" отъ видѣнія божественной славы V, 8—14; VII, 11. Они возбраняютъ XIX, 10; XXII, 8—9 поклоненіе себѣ, называя себя сослужителями Апостолу и братьямъ его пророкамъ, и соблюдающимъ слово Божіе, и внушаютъ „поклоненіе единому Богу". Отсюда, въ противоположность тѣмъ, которые уклонялись къ „самовольному служенію ангеламъ" Апостолъ, говоря о данномъ ему чрезъ ангела Откровеніи, называетъ себя „рабомъ Божіимъ" и это названіе употребляетъ почти повсюду въ Апокалипсисѣ для означенія истинныхъ слугъ Божіихъ Апок. I, 1; XXII, 6; II, 20; XV, и 3 пр. Съ другой стороны, въ Апокалипсисѣ говорится о „трехъ духахъ нечистыхъ", выходящихъ изъ устъ дракона, звѣря и лжепророка и творящихъ знаменія, о лжепророкѣ, что онъ въ подражаніе истин-

---

[60]) 1 Петр. I, 12; II, 4—15; III, 19—20; 2 Петр. II, 4—5; III, 4—7; V, 8; Іуд. 6.

[61]) Апок. I, 1; ср. XII, 6, 8; Гал. III, 19; Апок. I, 4; I, 20; II—III.

нымъ пророкамъ „творитъ великія знаменія, такъ что и огонь низводитъ съ неба на землю“ и „чудесами своими обольщаетъ живущихъ на землѣ“ [62]). Сообразно съ этимъ о Вавилонѣ любодѣицѣ говорится, что „волшебствомъ ея введены въ заблужденіи всѣ народы“ и что она сдѣлалась жилищемъ бѣсовъ и пристанищемъ всякому нечистому духу“, и предвозвѣщается казнь „чародѣевъ“ вмѣстѣ съ лжепророкомъ [63]). Чудо, которое совершилось силою дракона надъ звѣремъ изъ моря и которое удивило живущихъ на землѣ и заставило ихъ слѣдовать и покланяться дракону и звѣрю, это — что „одна изъ головъ его какъ бы смертельно раненая исцѣлѣла“ XIII, 3, 12, указываетъ на врачеваніе лжепророками силою нечистыхъ духовъ. Въ противоположность этому изображенію является представленіе о древѣ жизни въ раю, которое кромѣ плодовъ даетъ и „листья для исцѣленія народовъ“ XXII, 2. Затѣмъ мы находимъ въ Апокалипсисѣ изображеніе первоначальнаго паденія діавола и злыхъ духовъ, послѣдовавшей затѣмъ борьбы Михаила и ангеловъ его съ дракономъ и ангелами его и низверженія послѣднихъ съ неба на землю. Это сказаніе, а равно какъ и упоминаніе о четырехъ ангелахъ, связанныхъ при рѣкѣ Евфратѣ XII, 3—4, 7—9; IX, 14, не находится въ ветхозавѣтныхъ книгахъ и будучи заимствовано изъ преданій іудейскаго народа, направлялось противъ тѣхъ, которые изъ преданій іудейскаго народа создавали свои басни объ ангелахъ. Наконецъ, самую выдающуюся черту въ апокалипсическихъ видѣніяхъ представляетъ символика звѣздъ и таинственныхъ чиселъ. Несомнѣнно, что звѣзды служатъ символомъ ангеловъ, какъ небесныхъ духовъ: символомъ ангеловъ седьми церквей служатъ седьмь звѣздъ, и двѣнадцати звѣздамъ на вѣнцѣ жены, облеченной въ солнце, соотвѣтствуетъ двѣнадцать ангеловъ на вратахъ новаго Іерусалима I, 20; II, 1; XII, 1; XXI, 12. Вмѣстѣ съ этимъ звѣзды служатъ и символомъ злыхъ ангеловъ, какъ падшихъ съ неба. Къ пониманію такой символики должно приводить отчасти указаніе на „звѣзду утреннюю, свѣтлую“ въ самомъ Апокалипсисѣ и указаніе на нее въ посла-

---

[62]) Апок. XVI, 13—14; XIII, 13—14; XIX, 20; XI, 6.

[63]) Апок. XVIII, 2, 23; XXII, 15; XXI, 8; XX, 10; XIX, 20; ср. IX, 21.

ніяхъ Петра и согласное съ нимъ указаніе на „звѣзды блуждающія", какъ симв олы лжепророковъ, въ посланіи Іуды [64]). Въ самомъ Апокалипсисѣ XII, 4, паденіе злыхъ ангеловъ вслѣдъ діавола представляется подъ образомъ того, что „хвостъ дракона увлекъ съ неба третью часть звѣздъ и повергъ ихъ на землю". Сообразно съ этимъ подъ двумя звѣздами, падшими съ неба на землю, изъ которыхъ одна названа „полынью", а другой „данъ ключь отъ кладязя бездны" VIII, 10—12; IX, 1, 11, 14, должно разумѣть падшихъ ангеловъ, какъ о рудій гнѣва Божія, тѣмъ болѣе, что саранча, вышедшая изъ кладязя бездны, имѣла надъ собою царемъ „ангела бездны", и вслѣдъ затѣмъ говорится объ освобожденіи четырехъ ангеловъ, связанныхъ при Евфратѣ. Но въ непосредственной связи съ символикою звѣздъ находится въ Апокалипсисѣ и символика числъ. Образъ жены, облеченной въ солнце, у которой подъ ногами луна, а на головѣ вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ XII, 1, 14, несомнѣнно взятъ отъ солнечнаго и луннаго исчисленія года въ двѣнадцать мѣсяцевъ. Самое пребываніе жены въ пустынѣ измѣряется продолженіемъ „времени, временъ и полвремени", и измѣреніе времени получасомъ, часами, полднемъ, днями, полугодомъ, годами и тысячелѣтіями указываетъ на точное математическое измѣренія времени по движенію свѣтилъ небесныхъ. Даже въ новомъ небѣ и новой землѣ, гдѣ „времени уже не будетъ", „и ночи не будетъ", находится древо жизни, „двѣнадцать разъ приносящее плоды, дающее на каждый мѣсяцъ плодъ свой" [65]). Въ заключеніе скажемъ, что и апокалипсическое число звѣря XIII, 18; XVII, 8—12, взято изъ тѣхъ же астрономическихъ исчисленій времени и должно служить къ указанію астрологическихъ представленій, которые у лжепророковъ связывались съ сказаніями объ ангелахъ.

—

Въ своемъ изслѣдованіи мы постарались доказать, что обличаемое ап. Іоанномъ лжепророчество образовалось въ средѣ

---

[64]) Апок. II, 28; XXII, 16; 2 Петр. I, 19; II, 17; Іуд. 12—13.

[65]) VIII, 1; XVII, 12; XI, 9; XII, 6; XX, 4 и т. д. X, 6; XXI, 1, 5; XXII, 5, 2.

самихъ вѣрующихъ, но что первоначальный корень заблужденія лежалъ внѣ христіанства—въ іудействѣ, и именно въ сектѣ ѳерапевтовъ и ессеевъ. Въ дальнѣйшемъ наша задача представить малоазійское лжеученіе въ опредѣленной формѣ міросозерцанія, въ которую оно сложилось чрезъ соединеніе началъ христіанской вѣры съ ученіемъ ессеевъ и ѳерапевтовъ, съ другой стороны — раскрыть главныя черты Іоаннова богословія въ его противоположности обличаемому въ Апокалипсисѣ лжепророчеству.

Николай Никольскій.

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ

ІЕРОМОНАХА ІОСИФА ВРІЕННІЯ, ГРЕЧЕСКАГО ПРОПОВѢДНИКА ВЪ КОНЦѢ XIV И ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV СТОЛѢТІЯ.

Имя Іосифа Врієннія не пользуется большою извѣстностію въ литературномъ мірѣ [1]); дѣйствительно, онъ и не принадлежитъ къ числу первокласныхъ писателей по дарованіямъ, ни къ особенно памятнымъ потомству общественнымъ дѣятелямъ своего времени. Но его сочиненія все-таки заслуживаютъ вниманія интересующихся исторіей греческаго народа и греческой церкви въ концѣ XIV и началѣ XV столѣтія, въ періодъ крайняго политическаго упадка и можно-сказать вымиранія греческой имперіи. Несмотря на лежащую на нихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ печать ограниченности міросозерцанія и скудости философскаго и богословскаго образованія, онѣ всегда будутъ интересовать пытливость читателя не безъ удовлетворенія любознательности, какъ по важности предметовъ и обстоятельствамъ, при которыхъ писаны, такъ и по личности пи-

---

[1]) Сколько намъ извѣстно, изъ русскихъ писателей нѣкоторое вниманіе на нашего Врієннія обратили только *преосв. Филаретъ черниговскій* (въ своемъ Догмат. Богословіи, ч. I, стр. 172, 175 и 179, изд. 1865) и *проф. Григоровичъ* въ брошюркѣ „Что принесъ намъ годъ прошедшій“, изд. 1873., въ Одессѣ, и другой „Отчетъ о поѣздкѣ въ С.-Петербургъ съ 25 іюля по 8 октября 1875 г.“, изд. тамъ же 1876 г.

сателя и отношеніямъ его къ современному ему ходу дѣлъ. „Въ его сочиненіяхъ“, говоритъ Евгеній Булгарисъ [2]), „встрѣчается многое достойное уваженія и изученія; многое сказано сильно и отмѣнно противъ разномыслящихъ съ нами относительно нѣкоторыхъ догматовъ. Всюду съ возвышенностью и высотою созерцанія соединены и прекрасныя приспособленія нравственныя, относящіяся къ жизни христіанской. И слогъ вообще ясный, хорошо и расположеніе, хоть иногда, примѣнительно къ большинству слушателей, слогъ понижается до обыденной рѣчи. Во всѣхъ твореніяхъ приличное приспособленіе

---

[2]) Евгеній Булгарисъ издалъ первые два тома сочиненій Вріеннія (подъ заглавіемъ Βρυεννίου Εὑρεθέντα) въ Лейпцигѣ, въ 1768 г., а третій (подъ заглавіемъ Παραλειπόμενα) изданъ тамъ же Ѳомою Мандаказомъ. Вотъ содержаніе тома *перваго:* 1) Двадцать одно слово о Пресвятой Троицѣ; 2) Разговоръ объ исхожденіи Св. Духа, происходившій на островѣ Критѣ около 1397 г.; 3) Разговоръ о томъ же предметѣ съ рим. легатами въ Константинополѣ 1423 г.; 4) Разговоръ о томъ же съ греками латиномудрствующими, тамъ же и тогда же; 5) Слово о единеніи церквей, сказанное предъ избранными лицами въ синодальной залѣ Великой церкви, въ томъ же году. *Второго:* 1) сужденіе о затѣвавшемся единеніи Кипріотовъ съ правосл. церковію, сказанное въ синодальной залѣ въ присутствіи патріаршаго синода 1412 г.; 2) Слово о вѣрѣ нашей православной, сказ. около 1404 г.; 3) Три слова на Благовѣщеніе, сказанныя въ 1379, 1380 и 1381 гг.; 4) Четыре слова на великій пятокъ; 5) Слово о воплощеніи Бога-Слова; 6) Слово на Преображеніе Господне; 7) Рѣчь о возобновленіи укрѣпленій Константинополя; 8) Напоминаніе о суетѣ жизни; 9) Утѣшительное слово къ императору, сказанное въ Студійской обители 1417 г. по случаю смерти (а) невѣсты его Анны, дочери вел. князя московскаго; 10) Слово объ очищеніи ума; 11) Слово похвальное св. Іоанну Предтечѣ, сказанное въ храмѣ св. апостоловъ, за три дня предъ Богоявленіемъ, по указанію императора; 11) Слово благодарственное пресв. Богородицѣ по случаю отраженія турокъ отъ к—ля въ сент. 1422 г.; 12) Слово о терпѣніи, по тому же случаю; 13) Два слова о будущемъ судѣ и вѣчномъ блаженствѣ. *Третьяго:* 1) Два слова на Рождество Пресвятыя Богородицы; 2) Слово на великій пятокъ; 3) Слово на Свѣтлое Воскресеніе Христово; 4) Слово на Преображеніе Господне; 5) Слово прощальное къ жителямъ Крита; 6) Сорокъ девять главъ о разныхъ предметахъ и 7) Двадцать пять писемъ къ разнымъ лицамъ.

(а) Въ 1413 году была десятилѣтнею привезена въ Константинополь и обручена молодому императору Іоанну, сыну Мануила; бракъ былъ отложенъ до совершеннолѣтія.

(οἰκονομία) доказательствъ, и слово безъ всякой шероховатости идетъ плавно и свободно, а по мѣстамъ выступая небрежно заимствуетъ пріятность отъ самой необработанности и заставляетъ забывать о выработанности рѣчи, привлекая естественностію. А если кое-что иногда сказано слабо и недостаточно или страдаетъ излишествомъ, даже школьнически и ребячески понято и не весьма согласно съ правиломъ истины: то ничто не мѣшаетъ читателямъ, избирая полезное, не обращать вниманія на встрѣчающіеся недостатки.“ Къ этому отзыву просвѣщеннаго издателя сочиненій Врієннія мы можемъ прибавить только въ похвалу его, что Іосифъ, пребывши вѣрнымъ духу православной церкви, одушевленный глубокимъ смысломъ православія и патріотизма, свои наличныя дарованія и съ трудомъ пріобрѣтенную въ тогдашнія бѣдственныя времена ученость посвящалъ истиннымъ нуждамъ своего народа и церкви, отъ худаго теченія дѣлъ не впадалъ въ уныніе или сомнѣніе относительно правоты своего исповѣданія, не увлекался опасными мечтами единенія въ вѣрѣ съ латинскимъ Западомъ и всѣми силами старался поддерживать въ своихъ соотечественникахъ бодрость духа и достойную христіанъ нравственную доблесть. Поэтому его дѣятельность пріобрѣтаетъ ему мѣсто между извѣстнѣйшими народными учителями и охранителями православія.

Точныхъ и опредѣленныхъ извѣстій о родѣ Врієннія, мѣстѣ и времени его рожденія не имѣется; только на основаніи нѣкоторыхъ собственныхъ его выраженій [3]) слѣдуетъ заключать, что

---

[3]) Наприм. въ словѣ „о Вѣрѣ нашей“: „мы странники для этого города нашего, потому что истинный отечественный нашъ городъ есть вышній Іерусалимъ.“ И въ „увѣщательной рѣчи“ о возобновленіи стѣнъ и башенъ Константинополя: „но окружаемый разсыпавшимися стѣнами и башнями, этотъ великій и прекрасный городъ и отмѣнный городъ нуждается въ возобновленіи отъ насъ, подобно престарѣлой матери, ожидающей призрѣнія отъ дѣтей своихъ. Итакъ умоляю: сойдемся всѣ, поспѣшимъ, сдѣлаемъ складчину, поддержимъ состарѣвшуюся уже и преклонную мать нашу; подадимъ ей, изнемогающей отъ лѣтъ, руку; дадимъ ей пропитаніе на старости лѣтъ! Ибо для того она и возрастила насъ и вразумила и научила“. Къ этому нужно прибавить еще нѣкоторыя письма изъ Крита, въ которыхъ обнаруживается стремленіе къ Константинополю, какъ родному городу. Посему справедливо считаютъ его уроженцемъ Константинополя и всѣ новѣйшіе писатели, зани-

онъ былъ константинопольскимъ уроженцемъ. Изъ древняго знатнаго рода Врієннієвъ одинъ въ началѣ XIV вѣка пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность своими занятіями астрономіею [4]), другой, саномъ великій друнгарій (адмиралъ), въ 1328 году былъ въ числѣ приверженцевъ Андроника младшаго противъ его дѣда, императора Андроника старшаго [5]); и еще въ 1400 году встрѣчается нѣкій Врієнній, какъ начальникъ города Селивріи [6]), но принадлежалъ ли нашъ Врієнній къ сему роду, остается неизвѣстнымъ. Что касается до времени его рожденія, то принимая во вниманіе его жизнь на островѣ Критѣ съ 1381 года, гдѣ онъ дѣйствовалъ съ авторитетомъ патріаршаго уполномоченнаго и пожилаго человѣка, равно и глубокую старость, которой онъ, по его собственнымъ словамъ [7]), достигъ уже къ 1423 году, можемъ гадать, что онъ былъ если не сверстникомъ императора Мануила, къ которому имѣется одно письмо его, то развѣ немного моложе его; и такъ какъ Мануилъ родился въ 1348 году, то и время рожденія Іосифа Врієннія можно полагать въ началѣ второй половины XIV вѣка.

Въ Константинополѣ же онъ возросъ и получилъ образованіе. О наставникахъ его патріархъ Геннадій Схоларій говоритъ въ общихъ выраженіяхъ, что это были хорошіе учители и что Врієнній былъ ихъ лучшимъ ученикомъ [8]); но изъ этихъ споспѣшниковъ его въ наукахъ можемъ съ нѣкоторою основательностію указать только на Димитрія Кидонія, великаго сакелларія Ѳеодора Милитиніота [9]) и великаго хартофилакса Іоанна

мавшіеся изслѣдованіями о греческихъ писателяхъ, каковы—Dupinius (tom. XII; cap. V), Fabricius (tom. X, pag. 525) и Caveus ad an. 1420.

[4]) *Cantacuseni* Historiarum lib. I, cap. 11.

[5]) Ibid. cap. 55.

[6]) *Miclosich* Acta patriarchatus const. II, 401, 502.

[7]) Въ „совѣтномъ словѣ“ о единеніи съ латинянами: „весьма бы желалъ я присутствовать на соборѣ (предполагавшемся), послушать, что̀ тамъ будутъ говорить, видѣть происходящее и защищать истину; но поелику близокъ конецъ моей жизни, можетъ быть и прежде имѣющаго быть собора, то и проч.

[8]) Свидѣтельство это приведено Евгеніемъ Булгарисомъ въ предисловіи къ первому тому сочиненій Врієннія изъ изданія Досиѳея іерусалимскаго Τόμος Ἀγάπης σελ. ου.

[9]) Ѳеодоръ Милитиніотъ, „великій сакеларій святѣйшей Великой церкви Божіей, учитель учителей и архидіаконъ“, какъ онъ самъ себя называетъ

Оловола, основываясь на письмахъ къ нимъ самого Вріеннія. О Кидоніѣ скажемъ далѣе; письмо къ Мелитиніоту сейчасъ привели подъ чертою, а въ письмѣ къ Оловолу [10]) читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „такъ украшаешься ты всѣмъ хорошимъ: и честностію рода, и пламеннымъ благочестіемъ, и стремленіемъ ко всякому виду добродѣтели, и проницательностію и остротою, а особенно ясностію ума, что многіе влеклись любовію къ тебѣ и прежде еще чѣмъ видѣли тебя или какъ-нибудь узнавали твои прекрасныя свойства или испытывали твое доброжелательство. А я и слухомъ уха слышалъ тебя, и собственными глазами видѣлъ тебя, и былъ общникомъ твоихъ бесѣдъ, и духомъ всегда пребываю съ тобою. Плѣненный любовію и почтеніемъ къ тебѣ, я и настоящимъ письмомъ пытаюсь привлечь тебя; такое именно расположеніе къ тебѣ и такія надежды побудили меня вступить съ тобою въ бесѣду посредствомъ настоящаго письма. Ибо

въ предисловіи къ написанному имъ „Истолкованію Евангелій“ — въ 1400 году упоманается какъ уже давно умершій (Acta patriach. II, 499). Въ 149-мъ томѣ Patrologie graecae, изд. Migne 1865 г., помѣщены нѣкоторыя, скудныя впрочемъ, замѣтки объ немъ и отрывки изъ его сочиненій. Вріенній говоритъ въ письмѣ къ нему изъ Крита: „сильно томлюсь я желаніемъ слышать рѣчь твою; пламенна и сильна моя любовь къ тебѣ. Но и раздѣляющее насъ пространство велико и я не могу, устранивши препятствія или сбросивши ихъ какъ нѣкое ярмо, отправиться къ превожделѣнному. Мысленно только, какъ въ зеркалѣ, вижу тебя и въ сокровенныхъ воспоминаніяхъ ума бываю съ тобою, живописуя тебя невещественными красками и держа предъ собою пріятнѣйшій ликъ твой. И это служитъ для меня нѣкіимъ удовлетвореніемъ любви и какъ бы восполненіемъ недостающаго, нѣсколько охлаждающимъ жаръ пламени. А влекутъ меня къ тебѣ, отмѣнный мужъ, твои доблести, не только превосходство твоихъ добродѣтелей или несравненная сила слова и величайшая опытность въ преподаваніи ученія человѣческаго и божественнаго, за что все можно бы назвать тебя украшеніемъ природы и воистину великимъ даромъ ея, но и твоя снисходительность ко мнѣ и пріязнь, по которымъ я узнаю твое такъ-сказать богоподобіе, и величайшую искренность въ добрѣ и смиреніе, достигающее высшей степени. Ибо меня ничтожнаго, связавши съ твоимъ острымъ умомъ, ты возвеличилъ, весьма любилъ и руководилъ чуднымъ образомъ. Благодарный за все, какъ забуду о твоей обо мнѣ попечительности?“ и проч.

[10]) Есть одна подпись сего Іоанна Оловола подъ опредѣленіемъ патріаршаго синода отъ 1396 года; а въ 1400 году онъ былъ уже митрополитомъ готѳійскимъ, въ Тавридѣ (Acta patriarch. II, 292, 392). По Кеппену (О древностяхъ южнаго берега Крита, стр. 69), скончался онъ въ 1410 году.

въ томъ, что наши отношенія не измѣнятся, убѣждаютъ меня прежде всего прежняя ко мнѣ пріязнь твоя, мужъ словесный, а затѣмъ и частыя твои завѣренія, когда я отправлялся изъ Константинополя, что никоимъ образомъ не забудешь меня“ и проч.

Сколько можно заключать изъ сочиненій Вріеннія, образованіе получилъ онъ многостороннее по тогдашнему времени, основательно зналъ свящ. Писаніе и писанія отцевъ Церкви, и знакомъ былъ съ пользовавшимися тогда на Западѣ особенною славою богословскими произведеніями Ѳомы Аквината, въ которыхъ очень дѣльно указывалъ и погрѣшности; но съ латинскою богословскою литературою онъ познакомился основательнѣе можетъ-быть позже, во время девятнадцатилѣтняго пребыванія своего на островѣ Критѣ. Въ Константинополѣ же принялъ онъ монашество, неизвѣстно въ какомъ году; но поелику изъ имѣющихся проповѣдей его одна, на день Благовѣщенія, несомнѣнно [11]) должна быть отнесена къ 1379 году, то и отреченіе его отъ міра произошло вѣроятно незадолго до сего времени. Впрочемъ точныхъ указаній на общественную дѣятельность его въ Константинополѣ въ это время не имѣется, кромѣ того, что сказывалъ онъ проповѣди на Благовѣщеніе въ дворцовой церкви въ 1379, 1380 и 1381 годахъ, и значитъ пользовался нѣкоторою славою. Во второй проповѣди, въ срединѣ, онъ счелъ нужнымъ сдѣлать предъ слушателями такую оговорку: „Но что я не часто обращаюсь ко всѣмъ вамъ, пусть никто не ставитъ мнѣ въ вину;

---

[11]) Эта несомнѣнность вытекаетъ изъ того, что изъ трехъ словъ на Благовѣщеніе, говоренныхъ Вріенніемъ послѣдовательно чрезъ годъ на тотъ же день, первое сказано было ’εν τῷ Παλατίῳ, τῇ παρασκευῇ τῆς πέμπτης ’εβδομάδος τῶν Νηςειῶν, то-есть: въ имп. дворцѣ, въ пятокъ пятой седьмицы великаго поста. Но праздникъ Благовѣщенія приходился во второй половинѣ XIV столѣтія на пятки пятой седьмицы великаго поста только въ слѣдующіе годы: 1379 и 1384-й, а въ XV в. уже въ 1463 г. 1384-й не можетъ быть принятъ за годъ произнасенія слова потому, что въ такомъ случаѣ 20-й годъ пребыванія Вріеннія на Критѣ падалъ бы на 1406-й (такъ какъ второе слово было бы говорено въ 1385, а третіе въ 1386 г.); между тѣмъ нашъ Вріенній уже въ 1404 году и даже можетъ быть въ 1403 г. говорилъ проповѣдь въ Константинополѣ, а въ 1405 отправленъ былъ съ порученіемъ на островъ Кипръ. Посему, при недостаткѣ другихъ положительныхъ указаній, мы въ правѣ основываться на тѣхъ данныхъ, кои встрѣчаются въ самыхъ сочиненіяхъ Вріеннія и не вызываютъ недоумѣній при объясненіи, нами принятомъ.

потому что какъ прекрасно цвѣтущая среди всякихъ цвѣтовъ роза, какъ факелъ выдающійся среди свѣтильниковъ и такъ-называемый карбункулъ сіяющій среди другихъ драгоцѣнныхъ камней и среди безчисленнаго сонма звѣздъ свѣтлѣйшее солнце, такъ и самодержецъ [12]) зримый среди сихъ архонтовъ невыразимымъ вліяніемъ влечетъ къ себѣ взоры всѣхъ и нелегко попускаетъ смотрѣть на окрестъ стоящихъ. А что это истина и не пустой предлогъ, свидѣтели вы всѣ, которые это дѣлаете и испытываете почти ежедневно. Ибо когда случится кому изъ васъ стоять предъ самодержцемъ, то не смѣетъ обращать взоры туда и сюда, если только не вынуждается къ тому чѣмъ-либо очень важнымъ, но смотритъ прямо, пристально и неподвижно на государя, мало или вовсе не заботясь и о себѣ самомъ и о другихъ.“

Въ 1381 или же въ началѣ 1382 года патріархъ Нилъ отправилъ Врієннія на островъ Критъ въ качествѣ священнопроповѣдника и экзарха патріаршаго престола. Критъ въ то время состоялъ подъ властію венеціанской республики, но большинство его населенія было греческое, сохранявшее православную вѣру неизмѣнно и въ церковныхъ дѣлахъ относившееся къ патріарху цареградскому, который — поелику венеціанское правительство не дозволяло епископамъ греческимъ пребывать на островѣ — поручалъ необходимыя посвященія производить сосѣднимъ православнымъ архіереямъ [13]) и для ближайшаго попеченія о нуждахъ православной церкви имѣлъ тамъ своего экзарха, какъ видно изъ примѣра Врієннія. Хотя же ни въ сочиненіяхъ самого Врієннія, ни въ другихъ памятникахъ того времени [14]) онъ ни-

---

[12]) Самодержецъ этотъ былъ Андроникъ, старшій сынъ Іоанна V Палеолога, съ 1377 года овладѣвшій престоломъ, права наслѣдственности котораго лишенъ былъ отцомъ по требованію султана, и три года державшій въ заключеніи отца своего и брата Мануила; въ концѣ 1380 они бѣжали изъ-подъ стражи и съ помощію султана изгнали Андроника въ концѣ 1381 г. или нач. 1382 года.

[13]) О тогдашнемъ положеніи дѣлъ православной церкви на островѣ можно найти свѣдѣнія въ статьѣ „Греческая церковь на островѣ Критѣ въ періодъ венеціанскаго владычества“, помѣщенной въ августовской книжкѣ „Православнаго Обозрѣнія“ за 1876 годъ.

[14]) Изъ греческихъ писателей XIV в. никто не упоминаетъ объ Іосифѣ

гдѣ прямо не называется „экзархомъ“, но это видится изъ дѣятельности его на островѣ, какъ представителя высшей іерархической власти. О своей обязанности священно-проповѣдника (іерокирикса) на островѣ такъ писалъ онъ настоятелю Студійскаго монастыря въ Константинополѣ, архимандриту Евѳимію: „повѣрь, что имѣя въ виду возложившаго на меня сіе иго учительства и помышляя, сколько я ниже сего достоинства, я и его вмѣняю въ предметъ осужденія себѣ. Поставленный быть для другихъ истолкователемъ воли Божіей (Ἑρμηνευτὴς τῶν θείων), я самъ больше другихъ нуждаюсь въ этомъ“ [15]). Въ послѣдствіи, въ письмѣ къ Дороѳею I, патріарху іерусалимскому, занимавшему престолъ съ 1374 по 1395 годъ и тогда отказавшемуся, онъ такъ говорилъ о своихъ занятіяхъ и заботахъ: „а мнѣ тутъ тысячи безпокойствъ: то нужно одного мирить съ другимъ, то выслушать приходящаго и иногда защитить обижаемаго, а иногда и обличить обидчика; то нужно сдѣлать что-нибудь по монастырю, то для приходящихъ извнѣ дать утѣшеніе отъ слова Божія. Этого требуютъ каждый день, молчаніемъ недовольны и обвиняютъ въ какомъ-то разлѣненіи, а справедливую скромность и признаніе собственной моей жизни и рѣчей недовлѣющими къ наученію, называютъ нѣкоею надменностію и безпечностію“.

Отправленіе Вріеннія на Критъ совпадало (т.-е. случилось немного раньше или позже) съ перемѣною на императорскомъ престолѣ. Андроникъ долженъ былъ оставить Константинополь и

Вріеннѣ, а изъ XV в. говорятъ объ немъ больше случайно и мимоходомъ, чѣмъ нарочито. Сиропулъ въ своемъ соч. Historia consilii Florentini, Маркъ Евгеникъ, написавшій ему епитафію въ стихахъ,—Геннадій Схоларій, котораго краткій отзывъ приведенъ выше, и наконецъ неизвѣстный владѣтель рукописнаго сборника сочиненій Вріеннія, еще знавшій учениковъ его: записъ его о Вріеннѣ, напечатанная въ предисловіи къ третьему тому, будетъ приведена нами ниже.

[15]) Еще приводимъ нѣкоторыя выраженія изъ письма къ Евѳимію, показывающія, что пребываніе Вріеннія на Критѣ состоялось по начальственному распоряженію. „Желалъ бы перенестись на крыльяхъ вѣтра... Но что дѣлать? И мнѣ совершенно невозможно перенестись, и тебѣ не легко выйти изъ города (Константинополя), и мнѣ опять нельзя явиться запросто къ вамъ, которымъ вручено начальствованіе надъ нами. Посему молись обо мнѣ, чтобы по твоимъ молитвамъ Божіимъ изволеніемъ я могъ прибыть къ мудрости твоей“ и проч.

вмѣстѣ съ сыномъ Іоанномъ искать убѣжища во владѣніяхъ султанскихъ. Такъ какъ возвращеніе Іоанна V и его сына и соправителя Мануила было слѣдствіемъ тяжкихъ и болѣе прежняго унизительныхъ [16]) условій съ султаномъ Мурадомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ усилило вліяніе людей, дорожившихъ общеніемъ съ латинянами, потому что во главѣ ихъ стоялъ самъ императоръ, то въ этомъ и находимъ объясненіе содержанію письма Вріенніева „мудрѣйшему мужу, истинному ревнителю добродѣтели и вѣры, господину Николаю Кавасилѣ“ — въ послѣдствіи митрополиту солунскому, а теперь жившему въ Константинополѣ [17]). Письмо таково: „но только не я забуду о твоемъ расположеніи ко мнѣ и не окажусь столь тупымъ и непотребнымъ, чтобы одному только пренебрегать и низко ставить пламенно любимаго всѣми. Но какъ бывая съ тобою получалъ великое и невыразимое удовольствіе, такъ и въ отсутствіи буду радоваться себя воспоминаніемъ о тебѣ, и неодушевленное письмо будетъ для меня знакомъ душевнаго расположенія“. Далѣе, восхваливши его кротость и разумъ, такъ что „отъ сужденій его истекалъ на собесѣдниковъ смыслъ, подобно какъ другіе зѣвотою наводятъ сонъ на смотрящихъ“, Вріенній ублажаетъ его и за боголюбіе, продолжая: „ты держишься непорочнаго и совершеннаго сонма христіанъ, а отъ извращенной и лицемѣрной части совершенно отдѣлился, и сохраняя наслѣдованное отъ отцовъ благочестіе

---

[16]) Что для бѣдствовавшей греческой имперіи возстановленіе Іоанна V на престолѣ сопровождалось бо́льшимъ прежняго униженіемъ и подчиненіемъ султану, говорятъ историки Франза (Chronicon lib. 1, cap. 13) и Халкондилъ (De rebus turcic. lib. 11).

[17]) Николай Кавасила особенно извѣстенъ своимъ сочиненіемъ „О жизни во Христѣ“ (русскій переводъ его появился въ Москвѣ 1874 г.); есть къ нему нѣсколько писемъ отъ имп. Мануила, изъ коихъ послѣднее относится къ 1393 году. См. *Berger de Xivrey* Memoires sur la vie et les ouvrages de l'empereur Manuel Paleologue (во второй части 19-го тома Memoires de l'Academie des inscriptions et belles-lettres. Paris, 1853 г.). О томъ, въ какое время Николай Кавасила занималъ архіерейскую каѳедру, новѣйшіе писатели разногласятъ, а древнѣйшіе молчатъ; можно бы думать, въ противность покойному Димитракопулу (въ соч. Ορθόδοξος Ἑλλάς), полагавшему смерть его въ 1371 г. единственно на томъ основаніи, что въ семъ году значится по протоколамъ патріаршаго синода умершимъ нѣкій солун. митрополитъ, что Николай Кавасила архіерействовалъ въ самомъ концѣ XIV в.

неизмѣннымъ, нисколько не внималъ извращающимъ его. Но отрекшись сонмища ихъ, какъ бы какого собранія неисцѣльно зараженныхъ овецъ, прилѣпился къ стаду здоровыхъ. Блаженъ ты, мужъ чудный, вопервыхъ, по вершинѣ благополучія; потому что благополученъ тотъ, кто здоровъ тѣломъ, способенъ душою, хорошо образовалъ свои природныя дарованія. А вовторыхъ, по кротости обращенія.... П въ третьихъ, за правоту въ вѣрѣ, ибо вѣра есть осуществленіе ожидаемаго и увѣренность въ невидимомъ (Евр. II, 1). Какъ нѣчто отличительное, какъ позлащенный верхъ или вѣнецъ, она покрываетъ прочія твои доблести. Почему ты не считаешь великимъ дѣломъ, что противники наши хвалятся неблагопріятнымъ теченіемъ нашихъ дѣлъ и высоко подымаютъ брови, а напротивъ плачешь и горюешь, что нѣтъ у насъ мудраго и счастливаго государя, но все у насъ разрушается и гибнетъ. Итакъ, о мужъ превосходнѣйшій, изостри языкъ и дерзновенно обличай тѣхъ, кои посредствомъ кощунства и богохульства думаютъ примиряться съ истиною; съ помощію Духа противостань борющимся противъ Духа! Уничтожай баснословіе и ратуй по Христѣ!“

Памятниками учительной и правительственной дѣятельности Врієннія на островѣ Критѣ остались „сорокъ девять главъ“ о разныхъ предметахъ, „Разговоръ объ исхожденіи Св. Духа съ латиномудрствующимъ Максимомъ изъ ордена проповѣдниковъ (доминиканцевъ), въ присутствіи всей митрополіи“, то есть при собраніи всего главнаго на островѣ города, а это былъ городъ Кандія; два „письма“ Димитрію Кидонію и сейчасъ помянутому Максиму, и „Прощальная рѣчь Критянамъ“.

Поводъ написанія перваго творенія излагаетъ самъ Врієнній въ предисловіи, говоря слѣдующее: „Многіе друзья и знаемые часто просили меня, какъ о важномъ и полезномъ дѣлѣ, чтобы я на письмѣ изложилъ для нихъ то, что устно въ церкви и иногда при обычныхъ собесѣдованіяхъ говорилъ на пользу общую, или, если уже нельзя все, хоть часть того. Они поставляли на видъ, что вскорѣ послѣ выхода изъ собранія забывали сказанное мною. И я долго отказывался отъ исполненія ихъ просьбы, не считая себя въ силахъ дерзнуть на такое дѣло; но наученный церковію не зарывать даннаго мнѣ таланта, а давать торгующимъ для приращенія (Мѳ. 25, 27), и отъ всего

сердца повиноваться во всякомъ благомъ дѣлѣ (Тит. 3, 1), я, убоявшись отвѣта за преслушаніе, выбралъ малѣйшую нѣкую часть изъ говореннаго и удержаннаго въ памяти и изложилъ это здѣсь. И всякій можетъ примѣтить, что все изложено не съ плодовитостію разсужденія, не по ораторски, безъискуственно; но кто захочетъ вникнуть въ цѣль моего труда, тотъ не броситъ въ насъ упрека за неискусное писаніе. Потому что мы сдѣлали такъ, имѣя въ виду простоту и ясность, а также и мѣстные нравы критянъ, для которыхъ и писали". Говорится тутъ о разныхъ предметахъ [18]) въ видѣ нравоученій и различ-

---

[18]) Содержаніе видно изъ самыхъ заглавій: 1) О томъ, что всего пріятнѣе для чувствъ; 2) о благости Божіей и человѣколюбіи; 3) о вниманіи къ добрымъ движеніямъ ума; 4) о книгахъ, которыя для всѣхъ даны; 5) нужно благодушно принимать все, случающееся противно нашимъ предположеніямъ; 6) нужно быть внимательнымъ, когда бесѣдуемъ; 7) о воздаяніи праведнымъ послѣ воскресенія; 8) о сдержанности въ несогласіяхъ; 9) о заимствованіи и возвращеніи полученнаго отъ Бога; 10) церковь даетъ намъ много благъ; 11) объ уклоняющихся отъ помощи Божіей; 12) человѣкъ долженъ болѣе всего въ мірѣ заботиться о духовномъ плодоношеніи; 13) міръ сей есть нѣкоторое подобіе древняго рая; 14) человѣкъ есть древо многоплоднѣйшее; 15) человѣкъ есть первообразъ и подобіе всѣхъ тварей („кораблю и дому, судилищу и городу, растенію, землѣ и небу, всѣмъ наукамъ, всякому творенію и Богу подобенъ человѣкъ; однимъ—по видимому строенію, другимъ—по движенію ума"...) 16) о блаженной и пресв. Троицѣ; 17) о познаніи будущаго; 18) о неизмѣнномъ величіи Божіемъ; 19) нужно всегда дѣлать добро; 20) всегда нужно стремиться къ одной цѣли; 21) познающій себя воздаетъ всѣмъ должное; 22) о томъ, что по природѣ мы имѣемъ участіе во всемъ, что есть въ мірѣ; 23) все, наводимое отъ Бога людямъ, наводится по человѣколюбію и для пользы ихъ; 24) образъ креста; 25) объ идолослуженіи въ дѣлахъ нашихъ; 26) о временномъ здѣсь пребываніи нашемъ; 27) о памятованіи послѣдняго суда; 28) о благодарности Богу; 29) Всякій, желающій спастись, подобенъ бѣжащему на ристалищѣ; 30) о божественной литургіи; 31) о терпѣніи, 32) о различіяхъ въ семъ мірѣ; 33) Подобія жизни; 34) какъ нужно проходить путемъ жизни; 35) о томъ, что кратковременность жизни полезна намъ; 36) о лѣствицѣ добродѣтелей, возводящей на небо, и лѣствицѣ грѣховъ, сводящей въ преисподнюю; 37) о нашемъ возсозданіи и духовномъ рожденіи; 38) въ мірѣ нѣтъ ничего нашего; 39) объ улучшеніи обычаевъ (здѣсь выставляются 18 нарушеній церковныхъ постановленій, сдѣлавшихся обычными на о. Критѣ, напр. крещали не въ три погруженія, совершали елеосвященіе надъ умершими, крещеніе повивальными бабками считали достаточнымъ и не довершали его согласно преданію св. отцевъ, не заботились

ныхъ примѣненій, кратко и точно, безъ украшеній слога, и безъ отступленій или уклоненій къ другимъ вещамъ, такъ что содержаніе всякой главы могло служить прямымъ отвѣтомъ на вопросъ или темою для бесѣды; многія изъ этихъ главъ цѣликомъ или частію входятъ въ проповѣди Вріеннія, говоренныя или собранныя имъ позже, въ Константинополѣ.

Изъ сохранившихся [19]) писемъ Вріеннія, въ бытность его на о. Критѣ, особенно любопытны и поучительны письма къ латиномудрствующимъ—Димитрію Кидонію и Максиму. Димитрій Кидоній, образованнѣйшій человѣкъ своего времени, бывшій придворный императора Іоанна IV Кантакузена и затѣмъ Іоанна V Палеолога, наставникъ сына послѣдняго, Мануила [20]), еще

о надлежащемъ воспитаніи дѣтей и т. д. Стоитъ замѣчанія мнѣніе Вріеннія, что не слѣдуетъ заключать побратимствъ, потомучто всѣ мы братья по природѣ и по возрожденію, что для избѣжанія кровосмѣшенія нужно въ воспріемники и въ воспріемницы приглашать членовъ одного дома или рода, не распространяя духовнаго родства на посторонникъ). 40) о вѣрѣ православной; 41) о кончинѣ міра; 42) о томъ, что Богъ не перестаетъ творить чудеса; 43) о православіи въ дѣлахъ (вся эта глава послѣ вошла въ слово „о вѣрѣ нашей"); 44 все устроено отъ Бога на пользу намъ; 45) противъ тѣхъ, кои удивляются многочисленности и благосостоянію невѣрныхъ (т. е. прежде всего турокъ сравнительно съ греками); 46) о постигающихъ насъ (грековъ) бѣдствіяхъ и какая цѣль этого; 47) причины угнетающихъ насъ (грековъ) золъ; 48) образъ Святой Церкви („морю подобна жизнь человѣческая и опасной пучинѣ, усѣянной тысячью скалъ, подводныхъ камней и морскихъ разбойниковъ; среди сего моря стоитъ великій корабль, обуреваемый сильными и безчисленными волнами, церковь Божія...); 49) о томъ, что милостыня есть необходимѣйшая изъ добродѣтелей.

[19]) Кромѣ помянутыхъ выше, стоитъ примѣчанія еще письмо его къ вселенскому патріарху, не названному по имени. Вслѣдствіе распространившихся слуховъ, что христіанскія войска уже перешли Дунай, овладѣли многими крѣпостями и вступаютъ во Ѳракію, Вріенній поздравляетъ патріарха со счастливою перемѣною обстоятельствъ и выражаетъ надежду, что онъ устроитъ торжественныя литаніи за освобожденіе отъ продолжительной этой осады" — τειχομαχίας. Письмо относится къ 1396 г. Надежды Вріеннія не оправдались; христіанское ополченіе потерпѣло пораженіе въ битвѣ при Никополѣ въ сентябрѣ 1396 года, и блокада Константинополя турецкими летучими отрядами, начавшаяся съ 1391 г., продолжалась еще до начала 1400 г.

[20]) Это открывается изъ одного письма Мануилова къ Димитрію, гдѣ Мануилъ такъ выражается: „Это ты посѣялъ въ насъ сѣмена; это ты обильно поливалъ ихъ, и если то, что̀ мы тебѣ пишемъ, лучше бросить въ огонь, то

въ 1369 году, когда Іоаннъ V отправился въ Римъ признать главенство папы и просить пособій противъ турокъ, выступилъ съ своими публичными рѣчами, какъ поборникъ тѣснѣйшаго сближенія съ латинянами, а въ послѣдствіи, можетъ-быть съ 1377 года удалился въ Италію и принялъ латинство. Есть одно, неизданное впрочемъ, письмо его [21]) къ нашему Вріеннію изъ Венеціи; можетъ-быть на это письмо и послѣдовалъ отвѣтъ Вріеннія „мудрѣйшему мужу, Димитрію Кидонію, въ Венеціи". Содержаніе таково: „Труба пламенной твоей и искренней любви, съ толикаго разстоянія издавшая свѣтлый, величественный и громкій звукъ, огласила и насъ; и меня объятаго треволненіемъ помысловъ ободрила, возвеселила и заставила забыть всякую горечь. Таковъ ты другъ всегда, и такова твоя благорасположенность ко мнѣ: радуешься, когда я пріобрѣтаю что-нибудь доброе, и сокрушаешься, если я что дѣлаю худо; хвалишь, когда я старателенъ, и ободряешь, когда ослабѣваю. За это и я благодаренъ тебѣ и высказываю эту благодарность предъ всѣми и желаю, чтобъ ты, возвратясь [22]) къ царскому двору царствующаго града, убѣдился въ томъ сколько наилучше. А между тѣмъ, размышляя о твоемъ отступничествѣ, я оплакиваю несчастный народъ нашъ и сожалѣю объ утратѣ имъ такого мужа, который могъ бы быть величайшимъ его украшеніемъ и

не взыскивай съ насъ: ты самъ тому причиною, потому что и посѣвалъ въ насъ слово ученія, и орошалъ и воздѣлывалъ". Этотъ отрывокъ изъ неизданнаго письма помѣщенъ въ помянутой выше статьѣ Berger de Xivrey.

[21]) Объ этомъ письмѣ см. 827 страницу 1254-го тома. Patrologiae graecae изд. Migne.

[22]) Димитрій уже не возвращался въ Константинополь, а къ концу жизни прибылъ на островъ Критъ и здѣсь скончался въ одномъ изъ греческихъ монастырей. Изъ 18-ти писемъ Мануила ему послѣднее относится къ 1397 году; вѣроятно этотъ годъ и былъ послѣднимъ или предпослѣднимъ его жизни. Что же касается того, будто письмо его къ примикирію Факрасу (пом. въ 154 т. Patr. gr.) описываетъ осаду Солуни Мурадомъ 2-мъ въ 1430 г., то это явное недоразумѣніе. Письмо представляя непріятел. войско у воротъ и замѣшательство гражданъ, а вмѣстѣ выражая надежду, что императоръ употребитъ всѣ усилія спасти городъ, очевидно говоритъ объ опасности, которую навлекъ на Солунь 18-лѣтній Мануилъ, правитель города, своимъ участіемъ въ заговорѣ греческихъ гражданъ города Серреса избить турецкій гарнизонъ и присоединиться къ имперіи; а это было въ 1366 году.

похваленіемъ, опорою въ догматахъ, сильнымъ противоборствомъ противникамъ. Теперь же, когда отшатнулся отъ нашей церкви человѣкъ, могшій восполнять нужду слова или крѣпчайшаго оружія, хотя она и не безсильною остается противъ воюющихъ на нее, все-таки представляется таковою. Но если бы она испытала только отступничество его! Нѣтъ, а нѣчто горестнѣйшее; потому что лишившись въ немъ споборника, пріобрѣла въ немъ и врага и нападающаго. Въ комъ это?—въ томъ самомъ, котораго родила и воскормила. И тогда какъ возвѣщается великое воздаяніе за почтеніе къ родителямъ (Исх. 20, 12. Притч. 4, 10. Еф. 6, 1—3) и угрожаетъ не меньшее наказаніе за наглость и обиду ихъ (Вт. 27, 16. Мѳ. 15, 4), ты, не знаю что̀ пострадавши и ни во что вмѣнивши то и другое, дерзко объявилъ брань матери, введшей тебя въ свѣтъ мысленный, и какъ слышу,—безчестишь сосцы, вскормившіе тебя. Между тѣмъ, если въ чемъ нибудь и есть недостатки въ ней, надлежитъ стараться покрывать срамоту, а не разглашать: потому что и Хамъ, посмѣявшійся надъ обнаженіемъ отца, не избѣгъ справедливаго осужденія (Быт. 9 гл.); но самъ хорошо знаешь, что̀ постигло его. Если бы у твоей матери по причинѣ преклоннаго возраста притупились и ослабѣли чувства и она въ чемъ-нибудь погрѣшила противъ приличія, а ты насмѣялся надъ нею, то за свой поступокъ не отвѣчалъ ли бы ты предъ Богомъ и людьми? Всякому это ясно. Или не знаешь, какъ невидимый Отецъ повелѣваетъ чтить родителей? Какой судъ грозитъ презрителямъ и отцеубійцамъ? Но еще болѣе надлежитъ почитать матерь-церковь, духовно зачавшую тебя, воспитавшую сосцами божественныхъ ученій и доведшую до такого уже возраста, — хотя бы ты и зналъ о какихъ-нибудь недостаткахъ въ ней. Ибо если и знаешь что̀ подобное, бывающее отъ небрежности, то надлежало прикрывать, а не обнажать всячески. Самъ знаешь, какое благословеніе дано Творцомъ тѣмъ сынамъ Ноя, кои прикрыли наготу отца. Но благодареніе Изліявшему собственную кровь за церковь! Потому что она не только ни въ чемъ не имѣетъ недостатка, а есть одна только правая, истинная и избранная. Но ты самъ мудро помысли о возвращеніи къ матери, и послѣдними твоими дѣлами порадуешь больше, чѣмъ огорчалъ прежними. А мы въ прежнемъ молчаніи совершенно извиняемся тѣмъ, что

это произошло не отъ перемѣны расположенія, ни отъ невнимательности ко всему хорошему или отъ забвенія о такихъ друзьяхъ; но—ты знаешь болѣзнь, угнетающую и изможданющую насъ. Она вынуждаетъ меня забывать и о самыхъ близкихъ друзьяхъ и о себѣ самомъ. Впрочемъ, хотя я такъ страдаю головою [23]), нисколько не забылъ любезную мнѣ твою голову. Потомучто искренность твоей ко мнѣ невыразимой пріязни впечатлѣваетъ мнѣ непрестанную память о тебѣ, заставляетъ всегда воображать тебя, не позволяетъ и дохнуть безъ того, чтобы не говорить съ друзьями о твоихъ достоинствахъ. А это—высота мудрости, искусство въ словѣ, постоянное стараніе судить по наведеніямъ, быстрота ума, многоученость, точность въ переводахъ съ римскаго [24]) на еллинскій языкъ, чистота нравовъ, смиреніе, скромность, сила языка и пріятность голоса, приводящая въ изумленіе не меня только, а всѣхъ. И одно изъ твоихъ достоинствъ взявши, сколько бы можно наговорить объ немъ? Но если кто и много скажетъ, то достаточно ли скажетъ и соотвѣтственно ли предмету?—Вотъ какъ мы расположены къ тебѣ, чудный мужъ! А ты поскорѣе воротись въ отечество и найдешь конецъ достойный твоей мудрости. Благодать Божія да покрываетъ тебя на многія лѣта!“.

Письмо къ другому отступнику отъ православія, доминиканскому монаху Максиму Хрисовергу, вызвано слѣдующимъ обстоятельствомъ. Въ 1396 году этотъ Максимъ прибылъ изъ-за моря, можетъ быть изъ Венеціи, и распространилъ между православными критянами обращенное къ нимъ свое „Слово объ исхожденіи Святаго Духа“ [25]), написанное искусно и увлекательно. Съ соболѣзнованіемъ выражаясь о невѣжествѣ нѣкоторыхъ грековъ и о безпричинной ненависти ихъ къ латинянамъ, онъ

---

[23]) И въ послѣдствіи, прощаясь съ критянами, Вріенній ссылался на головную боль (τῆς κεφαλῆς ἄλγος), удручавшую его.

[24]) Между прочимъ перевелъ съ лат. „Опроверженіе Алкорана“, сочиненное доминиканцемъ Ричардомъ ок. 1300 г., „Ручную книгу“ (Enchiridion) блаж. Августина и нѣкоторыя сочиненія Ѳомы Аквината. А противъ православной церкви писалъ на греч. языкѣ объ исхожденіи Св. Духа, о жизни и чудесахъ Ѳомы Аквината и т. д.

[25]) Помѣщено въ 154 томѣ Patrol, graecae, изд. Migne.

вкратцѣ излагаетъ по своему ходъ раздѣленія церквей и доказываетъ истинность римскаго ученія о Св. Духѣ, а въ заключеніе приглашаетъ всѣхъ оставить заблужденіе и познать истину. Зная же, что православные острова чтутъ Вріеннія, какъ бы нѣкоего изъ древнихъ свѣтильниковъ церкви [26]), онъ и къ нему отправилъ письмо съ совѣтомъ войти въ единеніе съ латинянами. Вотъ что отвѣчалъ Вріенній: „Живя въ уединеніи и стараясь внимать себѣ, я получилъ письмена руки твоей; перечитавши ихъ со вниманіемъ, хвалю изложеніе, потому что искусно написано, но мыслей не одобряю, такъ какъ онѣ исполнены заблужденія. О, какая дичь выпрыгнула у тебя изъ-за частокола зубовъ! [27]) Лучше бы тебѣ стричь льва [28]), писать на водѣ, пускать стрѣлу въ небеса, пѣть стѣнамъ и преслѣдовать то, что неуловимо, чѣмъ дѣлать попытку къ совращенію меня изъ лика православныхъ. Откуда и какъ пришла тебѣ такая фантазія? За что великое или малое не уважая меня, такъ противодѣйствуешь моему спасенію, что ухитряешься и противъ моей воли спасать меня? Или ты о моемъ спасеніи больше хлопочешь, чѣмъ Пролившій за меня кровь Свою? Смотри, какъ бы тебѣ не оказаться противникомъ Богу чрезъ неуваженіе къ принадлежащему Ему самодержавію надъ природою. Кажется, затѣялъ ты дѣло это не изъ ревности по Богу, а думая оправдать свой выборъ, какъ будто такимъ образомъ избѣжишь обличеній за переходъ (въ латинство), и привлечешь благосклонность тѣхъ, къ коимъ присталъ, посредствомъ угожденія имъ открытою непріязнію къ намъ и ежедневными нападеніями. Такъ и къ агарянамъ передающіеся изъ христіанъ обнаруживаютъ относительно насъ неслыханную какую-то и неумолимую злобу, своимъ необузданнымъ языкомъ порицаютъ и осмѣиваютъ наше благочестіе, нисколько не разсуждая о неприличіи своихъ выходокъ. Кто же изъ имѣющихъ умъ и здравомыслящихъ захочетъ плѣниться твоимъ языкомъ? А если выставляешь ревность по Богу, то есть другіе, худшіе насъ по зломыслію—іудеи, измаиль-

---

[26]) Какъ выразился послѣ на диспутѣ самъ Максимъ: σὲ ὡς ἕνα πάλαι φωσφήρων τῆς ἐκκλησίας δοξάζουσιν...

[27]) Выраженіе изъ Иліады Гомера.

[28]) Эта греч. пословица встрѣчается въ „Разговорахъ“ Платона.

тяне и огнепоклонники: на нихъ бы вотъ показалъ свою ревность! А между тѣмъ, оставляя въ покоѣ людей злочестивѣйшихъ, ты противъ насъ только воздымаешь бурю. Если дѣйствительно ревность о Христѣ движетъ тобою, то надлежало бы позаботиться о тѣхъ, съ ними препираться“ и проч. „Если избранное тобою исповѣданіе считаешь во всѣхъ частностяхъ твердымъ и безопаснымъ, потому любишь его и защищаешь, то долженъ бы еще взять во вниманіе и шаткость человѣческихъ мыслей и то, сколь многіе, понадѣявшись на остроту своего ума и силу въ словѣ, погрѣшили однакожъ въ правомъ исповѣданіи Бога, потому что не внимали истинной и первой мудрости (Сир. 1, 1), а внимали душевной и бѣсовской (Іак. 3, 15), занимающейся безполезными словопреніями (2 Тим. 2, 14), за коими слѣдуетъ разстройство послушающихъ. И не всѣ ли, уловленные еретическими мнѣніями, были исполнены еллинской мудрости?—Если ты и всецѣло привязался къ ученію италіянцевъ и нисколько не сомнѣваясь приписываешь ему непогрѣшимость, то почему не любишь его для себя только, а мутишь единоплеменниковъ, желая и ихъ имѣть участниками твоего отступничества? — хоть не убѣдить тебѣ никого изъ здравомыслящихъ, которые знаютъ, что логическое доказательство само по себѣ подозрительно и непрочно. Я не думаю, чтобъ ты, человѣкъ образованный, не зналъ, кто изъ насъ, мы или они, стремится къ постиженію истины и кто удаляется отъ цѣли? Но уже любопрительность, упорство въ нападеніяхъ, наглость и безстыдство, нетерпѣливость и нежеланіе сознаться въ слабости не допускаютъ тебя стоять въ ликѣ боящихся Господа, ни убѣдиться сколько-нибудь, что подымающій брань противъ истины чѣмъ болѣе аттически выражается, тѣмъ болѣе обнаруживаетъ свое варварство“...

„Нещадно язвишь ты насъ, называя злодѣями и оставленными Богомъ за то, что не подчиняемся папѣ римскому, и знакомъ этого выставляешь неблагополучіе и несчастіе всего рода нашего. Съ помощію Божіею отвѣчу тебѣ. О, Максимъ! Если изъ удачи въ житейскихъ дѣлахъ заключаешь о правотѣ ученія, то пора тебѣ считать благочестивѣе насъ и агарянъ и измаильтянъ... Но мы видимъ, что сіи нечестивцы не только насъ—промолчимъ о себѣ—но и васъ, чрезмѣрно похваляющихся своими

успѣхами, не меньше превосходятъ своимъ благополучіемъ. Значитъ не потому подвергаемся несчастіямъ, что не хотимъ покоряться вашему папѣ. Довело насъ до такого сокрушенія нашествіе гнуснаго племени нечестивцевъ, постигшее насъ вслѣдствіе гнѣва правосуднаго Бога, котораго мы сами раздражили противъ себя, и вотъ поэтому Онъ воздвигъ противъ насъ и дальнѣйшихъ и ближайшихъ сосѣдей нашихъ. Не слѣдовало бы посему клеветать на насъ или радоваться нашимъ бѣдствіямъ, но братски соболѣзновать; а ты не только не сожалѣешь о насъ въ нашихъ страданіяхъ, но и выступаешь противъ насъ съ укоризною, что страждемъ по заслугамъ. Впрочемъ болѣзнь неправды, строющей зло, обратилась на главу (Пс. 7, 15—17) неправеднаго! Ибо еще огонь не коснулся уготованныхъ на сожженіе [29]), какъ весь Западъ приходитъ въ смятеніе, вступаетъ въ бой, но цѣпенѣетъ. Недавно возгорѣвшаяся брань на Истрѣ [30]) обличила ваше безсиліе, и тѣхъ ободрила и воодушевила къ еще сильнѣйшему противоборству вамъ, а ваши жилы разслабила; страхъ отнялъ у васъ силу, такъ что вы не осмѣливаетесь сойтись съ ними въ (новой) битвѣ. Да и то удивительно. Мы, столько лѣтъ осаждаемые, все-таки держимся еще; а вы со всѣми своими ополченіями и съ такимъ количествомъ оружій всякаго рода, разъ сошедшись съ агарянами, на-голову были разбиты. Пораженіе собраннаго вами воинства ужаснуло весь Западъ; и еслибъ не мы, находясь вблизи, воспрепятствовали ихъ преслѣдованію, ставши какъ бы стѣною между ими и вами, то вы не нашли бы пощады, а скорѣе исчезли бы, не будучи въ состояніи сдержать ихъ стремленіе, какъ показала и одна та битва".

„Что же касается насъ, то хотя мы и дошли до такого бѣдственнаго положенія въ политическомъ отношеніи, Церковь не измѣнилась въ своемъ древнемъ состояніи, но и донынѣ благодатію Божіею пребываетъ безъ порока. И не только градъ Константиновъ, но и Александрія и Антіохія и Палестина не ли-

---

[29]) Смыслъ тотъ, что еще турки не покорили столицы греч. имперіи, которую такъ долго осаждали.

[30]) Война зап. христіанъ на Дунаѣ съ турками кончилась совершеннымъ ихъ пораженіемъ 28 сент. 1396 г. близь Никополя.

шились своихъ патріарховъ; насиліе нечестивцевъ не смогло поколебать чина церквей или отнять у нихъ предстоятелей. А вотъ у васъ, такъ церковь раздѣлилась, нынѣ управляютъ два папы [31]), враждебные другъ другу; одинъ отвращается другаго и всего, имъ совершаемаго, предаетъ отлученію и анаѳемѣ, такъ что всѣ вы находитесь подъ сильнѣйшими запрещеніями и никто изъ васъ взаимно не считается несомнѣннымъ и безпорочнымъ христіаниномъ" и проч. „Что касается чистоты жизни и выгодъ гражданственности, то наша участь во многомъ сноснѣе и превосходнѣе вашей. Цѣломудрія и воздержанія, смиренія и неусыпныхъ молитвъ, благолѣпія священныхъ храмовъ и благочинія въ божественныхъ священнодѣйствіяхъ, честности іереевъ и святолѣпнаго житія архіереевъ, хоть не въ такой степени, какъ бы надлежало, все-таки въ нашей церкви, при тщательномъ разсмотрѣніи, найдешь больше [32]), чѣмъ въ той, къ которой ты примкнулъ. У васъ вышли изъ практики и отставлены всякіе законы и священныя постановленія, вводящія въ жизнь цѣломудріе и воздержаніе; жизнь ваша исполнена безнаказанности и всякой нечистоты не только у простыхъ людей, но и у монаховъ, и не только у монаховъ, но и у превозвышенныхъ въ клирѣ, какъ діаконовъ, такъ и священниковъ, да и у тѣхъ, кои занимаютъ предсѣдательство на каѳедрахъ... Но что исчислять отступленія, которыхъ и исчислить нельзя? Есть у тебя свой обличитель—совѣсть, которая показываетъ тебѣ, какая изъ двухъ частей міра христіанскаго желаетъ стоять ближе къ Богу".

Вѣроятно скоро послѣ письменныхъ препирательствъ происходили и публичныя пренія между Врієнніемъ и Максимомъ объ

---

[31]) По смерти Григорія XI въ Римѣ 27 марта 1378 г. кардиналы, находившіеся въ Римѣ, избрали папою Урбана VI; но остававшіеся въ Авиньонѣ не признали его и избрали другаго, Климента VII. Преемникомъ Урбана VI. ум. въ 1389 г., былъ Бонифацій IX, а Климента VII, ум. въ 1394 г., Венедиктъ XIII.

[32]) Что и на самомъ западѣ люди, желавшіе тогда улучшенія церковныхъ дѣлъ, на греч. церковь смотрѣли, какъ на достойный подражанія примѣръ см. *Ламанскаго* Видные дѣятели западно-славянской образованности въ XV—XVII вв., стр. 568—575 (въ Славянскомъ Сборникѣ, т. I, изд. 1875. Спб.).

исхожденіи Св. Духа; состоялись же они въ присутствіи всей метрополіи Крита, то-есть—Кандіи, главнаго города на островѣ. Извѣстій о происходившемъ на первомъ преніи не дошло до насъ; только изъ записи Вріеннія о второмъ знаемъ, что оно было за три дня до этого втораго.

Диспутъ начался схоластическими тонкостями о началѣ и достовѣрности познаній; наконецъ *Іосифъ* сказалъ: „Предлагайте, если что осталось у васъ послѣ бывшаго за три дня собесѣдованія съ нами недосказаннымъ объ исхожденіи Св. Духа; потому что сами вы и сегодня заставляете такъ отвѣчать, предлагая вопросы необычные, странные и свойственные людямъ играющимъ, а не мужамъ разсудительнымъ".

Фока. Отлично разсуждаешь; приступимъ же къ тому, ради чего мы пришли къ тебѣ сегодня; тебѣ первому и первенство уступаемъ. Спрашивай, о чемъ хочешь и какъ хочешь.

Іосифъ. Итакъ, при содѣйствіи Божіемъ, прежде всего спрашиваю васъ: съ какою цѣлію вы предприняли такое далекое и заморское путешествіе?—для того-ли, чтобъ отречься предъ нами отъ своихъ погрѣшностей и покаяться, или чтобъ и насъ вовлечь въ ту же пропасть? Если первое, то хорошо пришли къ намъ и благодареніе Богу, что познали истину; а если второе, то знайте, что всуе потрудились. Мы не предпочтемъ васъ святымъ, ни утесовъ и стремнинъ тому, что безопасно, чи Рима Христу; да не будетъ сего!

Скаранъ. Такъ-то сурово вдругъ прогоняешь насъ, пользуясь уступленнымъ тебѣ правомъ говорить первому? Спрашивай о Духѣ, а не о цѣли нашего прибытія.

Іосифъ. Теперь спрошу о Духѣ Святомъ, а ты отвѣчай: Отецъ одинъ ли только виновникъ Сына и Духа или не одинъ?

Максимъ. Сына—одинъ, а Духа не одинъ только.

Іосифъ. Я спросилъ одно, а ты отвѣтилъ другое; что избѣгаешь отвѣчать на первый вопросъ? Отвѣчай прямо: Отецъ одинъ ли только виновникъ для обоихъ тѣхъ лицъ или не одинъ?

Максимъ. Не одинъ.

Іосифъ. Значитъ, во Св. Троцѣ есть два виновника Сына и Духа?

Максимъ. Одинъ.

Іосифъ. Итакъ выходитъ истина, что Духъ Святый исходитъ отъ одного Отца.

Максимъ. Но что жь мѣшаетъ намъ признавать, что Богъ Отецъ есть единый виновникъ Сына, а Духа не одинъ, но вмѣстѣ съ Сыномъ, соединеннымъ съ Нимъ нераздѣльно по естеству? Ибо не говоримъ о двухъ Отцахъ или о двухъ изводителяхъ, чтобы ввести двухъ виновниковъ; но какъ вѣруемъ, что Богъ Отецъ есть одинъ Отецъ одного Сына, такъ признаемъ и то, что Отецъ и Сынъ вмѣстѣ суть одинъ изводитель одного Духа.

Іосифъ. Значитъ, кромѣ одного Отца есть еще другой одинъ изводитель, подобно тому, какъ кромѣ одного Сына есть иное лице—одинъ Духъ; и далѣе, во Св. Троицѣ указываются два лица — виновника (δύο τὰ αἴτια πρόσωπα) и два въ Ней лица происшедшія (τὰ αἰτιατά).

Максимъ. Почему такъ говоришь? Выразись яснѣе.

Іосифъ. Я сказалъ весьма ясно, и мое предложеніе понято всѣми слушателями; впрочемъ и иначе выражу его, а ты внимай и отвѣчай. Относительно лицъ Пресв. Троицы признаете ли одно только лице виновникомъ двухъ, или два лица только виновниками одного?—или и одно лице виновникомъ двухъ, и два лица виновниками одного? Если одно только лице виновникомъ двухъ, то это свое исповѣданіе напиши мнѣ собственноручно предъ вѣрными свидѣтелями, и я тотчасъ признаю тебя единовѣрнымъ со мною. А если два лица только виновниками одного, какъ выдаете за истину, то всячески необходимо выходитъ, что ошибаются богословы, говорящіе, что въ пребожественной Троицѣ есть единый виновникъ—Отецъ. Кто эти богословы? Іоаннъ Дамаскинъ, говорящій въ восьмой главѣ своего Изложенія догматовъ: „Онъ есть и Духъ Сына, но не потому, что отъ Него, а потому что чрезъ Него отъ Отца исходитъ; ибо одинъ виновникъ—Отецъ“. Кириллъ Алекс. въ словѣ о Троицѣ: „ибо у насъ одинъ виновникъ обоихъ лицъ—Отецъ“. И, опуская другихъ, св. Григорій Богословъ въ словѣ о Св. Духѣ: „единъ Богъ, такъ какъ къ одному виновнику возводятся Сынъ и Духъ“. Примѣчаешь, что говоритъ учитель? Соблюдается вѣра въ единаго Бога, когда и Сына и Духа будемъ относить къ единому виновнику. Явно и противное, что у насъ не будетъ единаго Бога

въ Троицѣ, если не къ одному виновнику будемъ относить и Сына и Духа. Но возвратимся къ предмету. Если, какъ говоришь, не одно лице есть виновникъ двухъ, а два—одного, то неизбѣжно выходитъ, что и всѣ эти учители лгутъ, и единомудренные съ ними заблуждаютъ отъ истины, а я разумѣю не только нынѣшнихъ невѣрующихъ тому, но и тогдашнихъ, когда излагалось ученіе, непосредственныхъ слушателей учителей. Но *солга неправда себѣ* (Пс. 26, 12)! И мы, отъ нихъ наученные, отвращаемся отъ говорящихъ, будто во Св. Троицѣ есть два виновника; для насъ истина дороже всего! Вы, латиняне, говорите, что и одно лице только есть одинъ виновникъ одного, и то одно опять есть виновникъ двухъ, и два лица Троицы есть одинъ виновникъ одного. Увы, какое извращеніе! А мы, Ромеи, находя въ Св. Писаніи безчисленное множество разовъ рѣчь о Св. Духѣ, ни разу не нашли выраженія, что Онъ ипостасно исходитъ отъ Сына; а неупоминаемое во всемъ свящ. Писаніи справедливо и намъ почтить молчаніемъ. Ибо равно нелѣпо и дерзко и возвѣщенное отъ Бога ученіе скрывать въ молчаніи, и умолчанное Имъ отъ вѣка намъ теперь проповѣдывать.

Максимъ. Но не такъ думаетъ и Ѳома Аквинатъ.

Іосифъ. Я Ѳому (ты не смущайся) и во многомъ другомъ усматриваю погрѣшающимъ противъ долга, но особенно въ его умозаключеніяхъ о Святомъ Духѣ и главахъ противъ насъ [33]). А что онъ несвободенъ отъ кощунства, называетъ существо Божіе видимымъ, идеи Платониковъ примѣняетъ къ Божественному естеству, называетъ тождественными въ Богѣ сущность, силу и дѣйствіе, опять—сущность въ Богѣ полагаетъ за одно и тоже съ лицемъ, принимаетъ, что четыре личныя свойства [34]) принадлежатъ лицамъ Божественнымъ, что Духъ Святый исходитъ отъ Отца непосредственно и посредственно, что, наконецъ,

---

[33]) Ѳома Аквинатъ (ум. 1274 г.) считался высшимъ авторитетомъ особенно у доминиканцевъ, да и самъ принадлежалъ къ этому ордену. Сочиненія же его, на которыя здѣсь Вріенній указываетъ, суть: Summa totius Theologiae и Opusculum contra errores graecorum.

[34]) Именно, кромѣ отчества, сыновства и исходности онъ считалъ личнымъ свойствомъ божеств. лицъ и общее извожденіе (κοινὴ πρόεσις), будто принадлежащее Отцу и Сыну вмѣстѣ.

многихъ святыхъ онъ исключаетъ изъ лика святыхъ, явно изъ слѣдующаго“.... Приведши семь мѣстъ изъ сочиненій Ѳомы, Іосифъ продолжаетъ: „такъ полагаетъ Ѳома; а мнѣ и всякому православному неприлично внимать сему“.

Затѣмъ Скаранъ, тоже латинникъ, просилъ Іосифа растолковать: „одинъ ли только вопросъ объ исхожденіи Св. Духа требуетъ исправленія, или вы различаетесь отъ насъ и въ другомъ чемъ либо“?

Іосифъ. Сами хорошо знаете, что и во многомъ другомъ несогласны съ вами; легко ли все высказать? но особенно въ семи пунктахъ.

Скаранъ. Прошу сказать, какіе это, и почему изъ-за нихъ отдѣляетесь отъ насъ? И еще: какимъ бы образомъ прилично исправить это, если только можно исправить?

Іосифъ. Скажу съ готовностію и по возможности кратко и ясно. Первое: что вмѣсто кваснаго хлѣба въ литургіи приносите опрѣсноки. Второе: что крещаете въ одно погруженіе, въ противность узаконеніямъ. Третіе: что учите, будто существуетъ по смерти огонь, очищающій отъ всякаго грѣха. Четвертое: что безъ всякаго опасенія употребляете въ пищу удавленину и кровь.

Скаваръ. Пятое?

Іосифъ. Не прогнѣвайся, — что поститесь въ субботу вмѣстѣ съ іудеями. Шестое: что правила св. апостоловъ и два изъ семи вселенскихъ соборовъ [35]) явно устраняете. И ко всему этому— седьмое, что и всякій санъ церковный и разрѣшеніе отъ всякаго грѣха даете за деньги нагло ищущимъ ихъ. Вотъ семь пунктовъ, въ которыхъ мы наиболѣе раздѣляемся отъ васъ; конечно, разумѣю семь безъ вопроса объ исхожденіи Св. Духа и безъ иныхъ вещей, о которыхъ теперь лучше промолчать. И по этимъ поводамъ отдѣляемся отъ васъ не самочинно какъ-нибудь, нѣтъ! ни изъ превозношенія или властолюбія, какъ иной можетъ подумать, но послѣдуя правиламъ всехвальныхъ апостоловъ и преданіямъ семи вселенскихъ соборовъ“.

---

[35]) Тогда какъ православная церковь принимаетъ 85-ть апост. правилъ, римская только 50-ть, и вовсе не признаетъ 28 правила собора Халкидонскаго и 13 правила собора Трульскаго.

Затѣмъ, приведши довольно свидѣтельствъ [36]) на всѣ семь пунктовъ въ пользу православія и въ обличеніе западныхъ новшествъ, Іосифъ говоритъ: „Одно средство къ исправленію всего этого, это — ничего не дѣлать и не мудрствовать въ противность постановленіямъ святыхъ апостоловъ и святыхъ соборовъ. Право соблюдающій этотъ предѣлъ будетъ намъ сопричастникомъ и единовѣрнымъ, а презирающій предуказанныя опредѣленія и вмѣстѣ идущій противъ апостоловъ и безстыдно выступающій противъ святыхъ какое общеніе съ нами имѣть будетъ? Какое ему участіе съ нами или какой одинаковый по благочестію жребій? Хотящимъ держаться благочестія одинъ изъ учителей говоритъ: „всякаго учащаго не по установленному, хотя бы былъ уважаемымъ человѣкомъ, постникомъ и дѣвственникомъ, хотя бы творилъ знаменія и пророчествовалъ, признавай за волка въ овечьей кожѣ, губящаго овецъ“; другой же: „если кто колеблетъ постановленное богоносными отцами, то слѣдуетъ не домостроительствомъ называть это, а преступленіемъ и предательствомъ догмата и нечестіемъ относительно Бога“ [37]) и сославшись еще на апостола Павла (Гал. I, 9) и опре-

---

[36]) Какъ затруднительно въ то время было знакомство съ сочиненіями знаменитѣйшихъ отцевъ церкви, показываетъ настоящій примѣръ Вріеннія (другіе укажемъ дальше). Въ подтвержденіе того, что Евхаристія должна совершаться на квасномъ хлѣбѣ, онъ ссылается, между прочимъ, на толкованіе божеств. литургіи, составленное Василіемъ Великимъ, тогда какъ извѣстно, что подобнаго сочиненія нѣтъ между подлинными твореніями этого отца. Вотъ слова Вріеннія: „И Василій В. въ изъясненіи божеств. литургіи говоритъ, что чрезъ совершаемое здѣсь означаемъ совершенное человѣчество Спасителя нашего Іисуса Христа и показываемъ, что Онъ есть совершенный Богъ и совершенный человѣкъ. Пшеничный хлѣбъ указываетъ на плоть, закваска на душу, соль на умъ; и поэтому называемъ тѣло Господне одушевленнымъ и одареннымъ разумомъ. Да и пять чувствъ напоминаемъ въ священныхъ просфорахъ: зрѣніе посредствомъ тѣста, обоняніе посредствомъ закваски, слухъ посредствомъ огня, вкусъ посредствомъ соли, и осязаніе посредствомъ воды“. Это тонкое схоластическое умствованіе безъ сомнѣнія принадлежитъ позднѣйшимъ временамъ, можетъ быть временамъ императ. Михаила Палеолога (второй половинѣ XIII в.), когда въ жару споровъ и сторонники уніи и православные ссылались на небывалыя реченія отцовъ.

[37]) Это—слова Евлогія, патр. александрійскаго (приводятся въ „Тактиконѣ“ Никона Черногорца, въ началѣ 1795 г. Почаевское).

дѣленія соборовъ [38]), заключаетъ: „Итакъ, когда въ такомъ множествѣ и столь высокіе учители воспрещаютъ учить иначе, единое и единственное исправленіе и спасительный путь есть сообразоваться съ святыми соборами, хранить постановленія святыхъ апостоловъ и во всемъ послѣдовать Христу, которому благодареніе за все“!

Врієнній пробылъ на островѣ Критѣ до 1400 или 1401 года, какъ надлежитъ заключать изъ его „Прощальной рѣчи Критянамъ“ [39]), гдѣ онъ говоритъ, что вотъ уже двадцатый годъ пользуется гостепріимствомъ ихъ и покровительствомъ или благорасположенностію мѣстнаго венеціанскаго правительства; но удалился отсюда не по своей охотѣ, а по вызову патріарха константинопольскаго въ вслѣдсвіе недовольства имъ нѣкоторыхъ изъ критскаго клира, особенно монаховъ, которыхъ и въ прощальной рѣчи обличалъ довольно рѣзко. Недостатки же, которыхъ онъ здѣсь коснулся, главнымъ образомъ были слѣдующіе: 1) Духовники безъ всякаго разсужденія давали разрѣшеніе грѣховъ всѣмъ, заботясь только о своемъ обогащеніи. „Когда кто нибудь явится на исповѣдь къ нимъ, то смотрятъ на него, какъ на хорошую дичь, попавшую имъ въ руки; и кто бы ни принесъ имъ любезную золотую монету, такого не медля нисколько объявляютъ достойнымъ пріобщенія. И хотя бы жизнь его была явно зазорна и грязна, золотой замѣняетъ ему все—и расположеніе къ добру и очищеніе и совершенствованіе. А кто не представитъ, то не будетъ разрѣшенъ, хотя бы и весьма достоинъ былъ“ и проч. 2) Усилившійся обычай учрежденія *адельфатовъ*; именно, нѣкоторые христіане жертвовали въ монастырь извѣстную сумму, годовые проценты съ которой назначались на содержаніе одного или двухъ и больше братьевъ въ монастырѣ, и при жизни распоряжались ими по своему усмотрѣнію на содержаніе извѣстныхъ имъ лицъ, а по смерти вкладчиковъ адельфатами пользовались или прямо поименованныя ими лица, съ правомъ назначать преемниковъ себѣ, или сами монастыри,

---

[38]) Между прочимъ и такъ наз. собора единенія, происходившаго въ Константинополѣ 920 г.

[39]) Почти цѣликомъ эта рѣчь помѣщена въ статьѣ о греч. церкви на островѣ Критѣ (въ Правосл. Обозр. 1876 г.).

но послѣднее бывало рѣдко. „Кому неизвѣстно, что нѣкоторые изъ невнимательныхъ христіанъ, умершіе лѣтъ за тридцать, за пятьдесятъ и шестьдесятъ предъ этимъ [40]), оставили въ пользу своихъ душепагубное и проклятое обязательство, такъ-называемыя ἀδελφάτα, и получатели ихъ, служа за мзду, оставили сіе другимъ, и третьему и четвертому лицу, и такъ болѣе семидесяти лѣтъ продолжалась та беззаконная [41]) передача, а исправляющаго нѣтъ? Напротивъ, зло утрояется, а лучше сказать— все больше распространяется, потому что и имущество святыхъ обителей умаляетъ, и худо распорядившимся причиняетъ муки, и наслѣдники ихъ, будучи святокупцами, стремятся къ погибели. Почему, наконецъ? Потому что не исповѣдывался никто изъ нихъ, ни изъ тѣхъ умершихъ, ни изъ этихъ живущихъ, хоть

---

[40]) Древнѣйшее упоминаніе объ адельфатахъ относится, сколько намъ извѣстно, къ 1351 году, когда императоръ Іоаннъ Кантакузенъ далъ въ монастырь сто иперпировъ съ тѣмъ, чтобы въ пользу нѣкоей Амарантины монастырь отпускалъ ежегодно одинъ адельфатъ (ἀδελφάτον ἕν) — соотвѣтственно содержанію прочихъ монашествующихъ (Acta patriarch. I, 317 — документъ CXXXVII).

[41]) Ко времени, когда Вріенній ратовалъ противъ адельфатовъ, и патріархи констант. уже начали принимать мѣры къ ограниченію этого злоупотребленія, такъ что Вріенній вѣроятно если не по внушенію свыше, то въ согласіи съ іерархич. распоряженіями дѣйствовалъ. Въ 1400 году состоялось утвержденіе патріархомъ Матѳеемъ 1-мъ учрежденія адельфатовъ монахини Ѳеогносіи на такихъ условіяхъ и въ такихъ выраженіяхъ: „Поелику проигуменія честной обители святаго преподобном. Андрея, что въ Крисѣ (а), госпожа Ѳеогносія имѣла въ той обители адельфаты по издавна усилившемуся относительно ихъ беззаконному обычаю (κατὰ τὴν πάλαι ἐπικρατήσασαν ἐις τὰ τοιαῦτα παράνομον συνήθειαν), изъ коихъ адельфатовъ одинъ по условію имѣла передать (монастырю) послѣ своей смерти, а теперь приняла и другую душу и произвела въ монашескій чинъ, но пожелала сдѣлать въ монастырь и другой вкладъ, чтобы послѣ ея смерти имѣли въ монастырѣ положенное содержаніе два лица, которыя будутъ и жить въ ея келліи“... то патріархъ утверждаетъ только съ тѣмъ, чтобы „онѣ никогда не имѣли права выйти изъ обители и по смерти ея, проигуменіи, содержались такъ же, какъ и прочія сестры; а въ случаѣ выйдутъ изъ монастыря, то не будутъ требовать или получать съ монастыря ничего“... Acta patriarch. II, 353—документъ DLI.

(а) Κρίσις—одно изъ предмѣстій Константинополя, на морскомъ берегу, у Золотаго Рога: посему въ русскихъ лѣтописяхъ самый заливъ называется словомъ *Судъ*, по буквальному переводу съ греческаго.

бы просто такъ какъ-нибудь сказавши „прости меня, Господи“, или святокупцу: „прости меня, отче святый“! Между тѣмъ—они монахи, и имѣя три, пять и семь адельфатовъ, оставленныхъ имъ разными лицами, большинство изъ нихъ живутъ внѣ обитаемыхъ монастырей и безстыдно получаютъ адельфаты полные, какъ бы живущіе внутри монастыря, вовсе не разсуждая, что адельфатъ, по истеченіи двѣнадцати лѣтъ, поглощаетъ капиталъ. Итакъ называемый братъ не разбойникъ ли скорѣе? И получаемое имъ не хуже ли всякаго роста? Что же? Не всѣмъ ли вѣдомы держащіе въ залогѣ за проценты священные сосуды бѣднѣющихъ монастырей?... 3) Монахи и монахини жили вмѣстѣ, въ однихъ и тѣхъ же келліяхъ, ни во что вмѣняя церковныя правила и прещенія патріарха. „Но что это въ сравненіи съ дальнѣйшимъ? Они... Но какъ говорить о томъ безъ слезъ? Много прежде погрозивши на словахъ, что если не получатъ позволенія жить съ женщинами, то отстанутъ отъ двора нашего и пристанутъ къ другому, лишь бы только достигнуть цѣли и не разлучаться съ сожительницами, нѣкоторые изъ нихъ, хотя и не всѣ, выполнили свою угрозу на дѣлѣ, склонивши свои выи и души въ томъ“—то-есть чужомъ дворѣ—„и получивши оттуда такъ-называемую разрѣшительную молитву (εὐχὴν τὴν λεγομένην τῆς λύσεως), и словами и дѣлами заявивши, что уже не повинуются вселенскому архіерею, какъ не дозволяющему творить беззаконіе, а подчиняются впредь тому (папѣ), который очень легко снисходитъ и къ сему и ко многому другому. Потому и не хотятъ, чтобы существовалъ обличитель“ и проч.—Безъ сомнѣнія, публичное, при прощаніи, обличеніе погрѣшностей стояло въ связи съ грамотами патріарха Матѳея ко всѣмъ критянамъ и къ клиру острова; въ послѣдней онъ умоляетъ монаховъ „отстать отъ преступнаго и противоканоническаго жительствованія вмѣстѣ съ монахинями“, и повелѣваетъ, чтобы „не всякій іеромонахъ воспринималъ на себя исповѣданіе людей, а только тотъ, на кого возлагается это порученіемъ нашей мѣрности“ [42]).

---

[42]) Acta patr. № 634—II, 477. Этотъ документъ не имѣетъ означенія года, но помѣщенъ предъ другими, относящимися къ 1400 и 1401 году. Въ немъ нѣтъ и выраженій „изыдите отъ среды ихъ“ и проч., значитъ—имъ не исключается посылка патріархомъ и другой грамоты на островъ.

А изъ той же прощальной рѣчи Врієннія видно, что кромѣ „увѣщанія клиру“ патріархъ писалъ и ко всѣмъ православнымъ кри-тянамъ; потому что тамъ говорится: „Умоляемъ васъ удалять-ся отъ всѣхъ безчинно ходящихъ (2 Сол. 3, 6) и потому сдѣлав-шихся отлученными отъ церкви. Вмѣстѣ съ нами вотъ что за-повѣдуетъ вамъ и великій апостолъ Павелъ, уста Христовы, а вмѣстѣ съ Павломъ и нынѣшній вселенскій патріархъ, преем-никъ апостоловъ: изыдите отъ среды ихъ и отлучитеся (2 Кор. 6, 17), и не сообщайтесь чужимъ грѣхамъ (2 Кор. 6, 17. Еф. 5, 11), потому что у каждаго довольно своихъ золъ“.

О своихъ видахъ и чувствахъ при отправленіи съ Крита Врієній выразился такъ: „Пусть никто изъ васъ не думаетъ, будто я отправляюсь имѣя виды на какое-нибудь знатное или неважное достоинство; о други! не таковъ мой образъ мыслей, но еслибъ и предлагали что, я отказался бы. Я бы желалъ остальную свою жизнь, и безъ того краткую, провесть въ чинѣ наставляемаго и ученика, котораго одного только достоинъ, чѣмъ и именуюсь, если только неминуемое какое либо стеченіе обстоятельствъ не заставитъ меня взять на себя какую нибудь неожиданную должность. Опять, не изъ-за какой либо печали или принужденія ухожу отсюда; удаляюсь я изъ-за самаго под-линнаго добра: чтобы и получить точное удостовѣреніе о сво-ихъ дѣлахъ отъ преимущихъ, не напрасно ли какъ нибудь под-визаюсь или подвизался (Гал. 2, 2), и себѣ, на основаніи свидѣ-тельства лучшихъ, привести на память, каковъ я есмь, и про-жить съ ними остальное время, если только головная боль не воспрепятствуетъ осуществиться моимъ надеждамъ“. А о на-чальномъ времени своего пребыванія въ Константинополѣ такъ извѣщалъ нѣкоего Іоанна [43]). „Возлюбленный братъ! Знай, что я пользуюсь хорошимъ здоровьемъ; головная боль оставила ме-ня, и авва у меня хорошъ. Здѣшніе друзья приняли меня. Вижу то прекрасное, что часто желалъ видѣть. Состою въ ликѣ вос-пѣвающихъ Господа. Слушаю гласъ хваленія и исповѣданія. По-коенъ отъ шума; имѣю волю жить свободно, что никому изъ

---

[43]) Не извѣстно, кто былъ этотъ Іоаннъ; но письмо къ нему писано на Критъ, какъ видно изъ окончанія.

здѣшнихъ монаховъ не дозволено. Нахожусь въ близкихъ сношеніяхъ съ царскимъ дворцомъ. Живу въ честной обители Студійской; обилую благами Господними. Читаю среди церкви; пою Богу моему вмѣстѣ съ поющими. Молюсь наединѣ; пишу правду; говорю истину; обрѣлъ путь спасаемыхъ. Бесѣдую съ любителями мудрости (философами). Никто изъ чужихъ не видитъ меня въ лицо, и никакая женщина не слышитъ моего голоса. А причина та, что вотъ уже тысяча лѣтъ [44]), какъ мужчина безъ дѣла (ἀπρακτος) не вступалъ въ Студійскій монастырь, и женщины не ходили по двору его. Ко всему этому я въ хорошей обстановкѣ: роскошествую въ пищѣ, доволенъ настоящимъ, не скуденъ одеждами. Живу въ келліи, подобной дворцу. Садъ и огородъ, маслина и виноградъ кругомъ меня; предо мною величественные кипарисы. Съ одной стороны городъ и площадь, съ другой матерь церквей (т.-е. церковь Софійская) и дворецъ земнаго царя. Вотъ какими благами, дорогой мой Іоаннъ, наградило меня изгнаніе изъ Крита! Посему да проститъ Господь и въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ всѣхъ, которые содѣйствовали моему изгнанію, и да подастъ имъ оставленіе и прочихъ прегрѣшеній ихъ. И ненавидящихъ и любящихъ насъ привѣтствуй отъ насъ во Христѣ"!

Не болѣе двухъ лѣтъ [45]) провелъ Іосифъ въ монастырскомъ уединеніи. Императоръ и патріархъ возложили на него обязанность проповѣдника слова Божія, которую онъ и принялъ изъ послушанія, какъ самъ говоритъ въ словѣ на великій пятокъ. „Эти (царь и патріархъ), послѣ Бога, наши властители и пове-

---

[44]) Употреблено круглое число вмѣсто девяти сотъ съ нѣсколькими десятками; пот. что Студійскій монастырь, въ честь Іоанна предтечи, основанъ въ 463 году.

[45]) Такъ заключаемъ на томъ основаніи, что самъ Врієнній говоритъ въ словѣ на великій пятокъ, что обязанность проповѣдника возложили на него царь и патріархъ. Но императоръ Мануилъ воротился въ Константинополь только къ веснѣ 1403 года, съ 10 го декабря 1399 года отправившись въ странствованіе по западнымъ странамъ съ цѣлію найти помощь противъ усиливавшихся и тѣснившихъ его Турокъ. См. Sejours de l'empereur Manuel Paleologue (въ статьѣ *Berger de Xivrey* Mem. sur la vie et les ouvrages de l'emp. Man. Paleologue—во 2-й час. 19-го т. Mem. de l'Academie des inscriptions et belles—lèttres).

лители и господа, безъ которыхъ невозможна жизнь христіанская, избравши жезломъ власти своей меня, столько лѣтъ жившаго внѣ, и ничего худаго за собою не имѣющаго отвлекши отъ предположенной цѣли, поставили во всенароднаго проповѣдника. А противорѣчить конечно нельзя было. Потому я не воспротивился, а распрощавшись съ своею волею и отринувши преслушаніе, предпочелъ лучше повиноваться имъ, разсуждая въ себѣ такъ: постановляетъ царь, и кто воспротивится ему, хорошему повелителю? повелѣваетъ патріархъ, и кто не послушается его? Богъ хочетъ сего, и кто отречется? Или что, ради самой истины, оставалось мнѣ дѣлать? Бѣжать въ Сицилію или укрываться гдѣ нибудь во мракѣ, или притвориться потерявшимъ голосъ, потому что и это приходило на мысль, и къ столь великимъ властямъ показать вражду непримиримую? Но что̀ бы я могъ сказать въ свою защиту праведному Судіи? Или какъ оправдывался бы предъ Тѣмъ, который говоритъ душѣ моей: *всяка душа властемъ предержащимъ да повинуется* (Рим. 13, 1)? Почему я и подклонилъ свою выю и, какъ видите, стою здѣсь, исполняя долгъ послушанія начальствующимъ, хотя предположилъ было остатокъ жизни провести въ молчаніи, какъ и прежде сего молчалъ долгое время".—Изъ другихъ проповѣдей его, говоренныхъ въ первое время проповѣднической дѣятельности въ Константинополѣ по возвращеніи съ Крита, только одна содержитъ въ себѣ указаніе на 1404-й годъ; это, именно, есть „слово о вѣрѣ нашей", сказанное въ царскомъ дворцѣ. Тутъ онъ, между прочимъ, упоминаетъ, что латиняне овладѣли-было Константинополемъ за двѣсти лѣтъ предъ тѣмъ.

Въ 1405 году на него возложено было патріархомъ и синодомъ весьма важное порученіе; именно, въ качествѣ уполномоченнаго (τοποτηρητής) отправлялся онъ на островъ Кипръ для точнѣйшаго дознанія, насколько исполнимо предположеніе со стороны кипріотовъ возсоединеніе съ православною церковью? Его „Сужденіе о задуманномъ было возсоединеніи кипріотовъ съ православною церковью" остается единственнымъ въ исторіи памятникомъ этого дѣла; больше никто объ немъ не упоминаетъ ни изъ греческихъ, ни изъ латинскихъ писателей. Ведено оно было въ величайшей тайнѣ, и самъ Врієннй только чрезъ семь лѣтъ публично, въ засѣданіи синода, произнесъ окон-

чательно свое сужденіе[46]). Оно таково. „Я объ этомъ предполагаемомъ единеніи говорю слѣдующее: какое общеніе истины съ заблужденіемъ? А что̀ есть у насъ и кипріотовъ общаго? Они, издревле будучи церковію независимою[47]), предавши эту независимость, подчиняются церкви несогласной съ нами въ существенныхъ догматахъ и волею или неволею теперь въ порабощеніи у нея. А мы въ надеждѣ какого обращенія или какой услуги отъ нихъ примемъ ихъ въ общеніе? Пусть распрощаются съ нами и уходятъ къ себѣ! Потому что хотятъ, положимъ, соединенія съ церковію православною, но съ неизмѣннымъ сохраненіемъ всѣхъ обязательствъ своихъ относительно латинянъ; то-есть: думаютъ имъ на самомъ дѣлѣ повиноваться и служить во вѣки, а намъ подчиниться только на словахъ и черниломъ, да и это самое скрывать всегда, елико возможно, и ни коимъ образомъ не обнаруживать ясно, чтобы, какъ нибудь оскорбившись, господа ихъ латиняне не заставили ихъ явно угасить и ту малую искру благочестія, которую они имѣютъ. А это не значитъ, что церковь кипрская возсоединится съ вселенскою, но что вселенскій патріархъ и сущіе подъ нимъ прикровенно подчинятся папѣ римскому“ и проч. „Желалъ бы я узнать отъ нихъ, какъ они, бывшіе независимыми и этой независимости лишившись насиліемъ или добровольно, теперь возмогутъ представить ее намъ и сохранить неизмѣнною, тогда какъ сами ее

---

[46]) Островъ Кипръ, подпавши подъ власть латинянъ съ 1191 г., составилъ особое королевство подъ династіею Лузиньяновъ; православные греки уже съ 1220-хъ годовъ частію начали признавать главенство папы, а „постановленіемъ“ (constitutio Syrgia) 1260 г., изданнымъ папою Александромъ IV упразднена греческая архіепископская каѳедра и кипрскіе греческіе епископы (четыре числомъ), въ качествѣ викарныхъ, подчинены латинскимъ епископамъ епархій, въ округъ коихъ входили епархіи греческія. Болѣе подробно см. въ ст. „Греко-униты острова Кипра въ XIII—XVI ст.“, помѣщенной въ *Духовномъ Вѣстникѣ* за 1866 годъ.

[47]) Ἀνέκαθεν ὄντες αὐτόνομος ἐκκλησία. Еще имп. Зенонъ въ 477 г. подтвердилъ независимость архіепископа кипрскаго отъ патріарха антіохійскаго, съ правомъ облачаться ему въ пурпуровую мантію при священнодѣйствіяхъ, подписываться киноварью, быть независимымъ ни отъ какого патр. престола, имѣющимъ власть созывать мѣстные соборы, и какъ избраніе, такъ и посвященіе его предоставилъ мѣстнымъ епископамъ.

не имѣютъ? Или какъ они смогутъ служить двумъ господамъ и оставаться самостоятельными, тогда какъ уже предали свою независимость? Притомъ же мы думаемъ, что на Кипрѣ одна церковь самостоятельная; тогда какъ тамъ сколько ромейскихъ епископовъ, столько у нихъ и церквей самостоятельныхъ. Потому что ромейскій епископъ Лемиссійскій [48]) подчиненъ только Лемиссійскому же франкскому епископу, Пафосскій Пафосскому, Амохостскій Амохостскому и Левкосійскій Левкосійскому, но ни одинъ изъ ром, епископовъ не подчиненъ ни одному ромейскому же. Да и самъ по себѣ каждый изъ нихъ не самостоятеленъ, потому что свою свободу передалъ другому; отъ того и относительно другъ друга они и не подчинены и не согласны. На какомъ же справедливомъ основаніи мы примемъ ихъ въ общеніе? Ибо все это не признакъ повиновенія намъ и принадлежность не православія, а раздѣленія (схизмы). А если достойны они общенія потому, что терпятъ насильно и противъ воли, то затѣмъ нужно быть въ общеніи и съ Калабрійцами и Сицилійцами [49]), и просто сказать—со всѣми, которые отъ папы насилуются относительно благочестиваго ученія; потому что и они противъ воли терпятъ, а терпя желаютъ возсоединенія. Но никто изъ православныхъ не приметъ въ общеніе съ собою человѣка, не дерзающаго отстать отъ заблужденія; потому что заблужденіе причина злобы, и злоба есть плодъ заблужденія. А лучше сказать—заблужденіе пролагаетъ путь злобѣ и съ нею сплетается, какъ весьма ясно научаетъ и самый опытъ изъ дѣйствительности, и говорятъ о томъ учители церкви. Ибо говорятъ, что ни при поврежденіи ученія возможно вести жизнь истинную, ни ведущему развращенную жизнь возможно пребывать въ здравой вѣрѣ; потому что развращенная жизнь пораж-

---

[48]) Лемиссосъ основанъ въ 1191 г. королемъ англійскимъ Ричардомъ вмѣсто разрушеннаго имъ Амаѳунта; тутъ началъ жить и литинскій епископъ, которому подчинялся греческій, жившій въ г. Лескарѣ. Другіегреческіе жили: подчиненные Никосійскому лат. епископу—въ Соліи, Пафосскому—въ Арсиноѣ, Фамагустанскому—на островѣ Карпатѣ.

[49]) О постепенномъ введеніи уніи между православными жителями Калабріи и Сициліи см. статьи „Греко-италійская церковь“ въ Русской Бесѣдѣ 1859 г., и „Очеркъ исторіи греческой церкви на о. Сициліи въ „Православ. Обозрѣніи 1871 г.

даетъ лукавое ученіе, и худое ученіе производитъ худую жизнь. И какъ въ царскихъ монетахъ отсѣкшій малое что нибудь изъ начертанія дѣлаетъ всю монету негодною, такъ и превратившій малѣйшую часть здравой вѣры наноситъ вредъ всему, съ этого начала идя на горшее [50])" и проч. „Если же все это истинно и не можетъ быть иначе, какъ по реченному Духомъ Святымъ чрезъ святыхъ его, то мнѣ представляется совершенно невозможнымъ посредствомъ однихъ письменъ искоренить обычай, уже двѣсти лѣтъ [51]) господствовавшій надъ столькими душами. Посему лучше бы стричь льва, стрѣлять въ небо, руками ловить облака, доить курицу, или мигать слѣпому, бесѣдовать съ мертвыми или пѣть для осла, мыть грязь, ощипывать яйцо, или море пахать и засѣвать, строить городъ въ воздухѣ разговаривать съ берегомъ [52]), считать песокъ или чистить Еѳіопа [53]), рѣзать огонь, ловить сѣтями вѣтеръ или философствовать съ дикаремъ, чѣмъ Кипрянъ принимать въ общеніе съ православными. Двѣсти сорокъ лѣтъ прошло съ того времени, какъ Кипряне подчинились латинянамъ, и затѣмъ сорокъ два патріарха и семнадцать царей царствующаго града, которымъ всѣмъ и не снилось принимать Кипрянъ. И вотъ тѣхъ, которыхъ такіе и толикіе мужи не считали достойными общенія, мы примемъ не сомнѣваясь, такъ какъ мы, разумѣется, святѣе и мудрѣе всѣхъ ихъ?" И далѣе подробно излагаетъ виды тогдашняго

---

[50]) См. *Златоуста* 1-ю бес. на посл. къ Галатамъ.

[51]) Здѣсь, какъ и немного ниже, счетъ у Вріеннія не точенъ, можетъ-быть это зависѣло и отъ переписчиковъ, но могло быть означено и самимъ Вріенніемъ при послѣднемъ собраніи своихъ сочиненій. Въ такомъ случаѣ къ 1433 году дѣйствительно прошло бы ок. 240 лѣтъ отъ завоеванія острова латинянами и двѣсти лѣтъ отъ усиленія уніи между кипр. греками.

[52]) Смыслъ всѣхъ предыдущихъ присловій ясенъ, а о происхожденіи и употребленіи ихъ древними греческими писателями любопытствующій можетъ узнать изъ книги Adagia, id est prouerbiorum, paroemiarum et parabolarum collectio locupletissima, ed. 1670, Francofurti. Но смыслъ присловія „разговаривать съ берегомъ" (ἀιγιαλῷ λαλεῖν) не лишне и здѣсь уяснить. Оно соотвѣтствуетъ выраженію—разговаривать съ глухимъ, пот. что приморскіе берега, по причинѣ постояннаго прибоя и шума волнъ, назывались у древнихъ глухими; такъ у Овидія есть выраженіе: Surdior ille freto.

[53]) Или стараться сдѣлать бѣлымъ человѣка, отъ природы имѣющаго черную кожу. (см. Іерем. 13, 23).

подчиненія греческаго кипрскаго духовенства латинскому, посвященіе греч. епископовъ латинскими, запрещеніе греч. епископамъ выѣзжать съ острова, вкравшіеся иновѣрные обычаи, и упомянувши, что греческіе духовные позволяютъ себѣ участвовать въ священнодѣйствіяхъ не только съ латинянами, но и со всѣми на островѣ еретиками (армянами, маронитами и коптами), замѣчаетъ: „и латиняне, и еретики кипрскіе всѣ сохраняютъ обычаи свои и догматы неизмѣнными; одни только бѣдные ромейскіе епископы во всемъ ко всѣмъ пристаютъ. По письменному ли узаконенію или по неизбѣжному обычаю они такъ поступаютъ, но ни сами собою они могутъ сбросить это проклятое рабство, хотя бы и желали сего и всячески содѣйствовали, какъ они говорятъ, ни мы въ силахъ освободить отъ него, хотя бы, по пословицѣ, небо смѣшали съ землею [54]), хотя бы считали себя мудрѣе Соломона; даже и одного изъ обязательствъ, которое они должны исполнять въ отношеніи къ латинянамъ въ доказательство своего подчиненія, мы не можемъ отставить, чтобы оно не было и опять послѣ возсоединенія съ нами. Но что говорить объ измѣненіи времени, обычая или узаконеннаго дѣйствія?—когда и синодальной грамоты никто изъ насъ не осмѣлится явно обнародовать тамъ. Одно только возможно, что, для насъ гибельное и для нихъ безполезное, мы будемъ въ силахъ дать имъ,—это: подчинить себя малодушно кипрянамъ, а не кипрянъ намъ, и посредствомъ такого снисхожденія къ нимъ безсмысленно подчиниться папѣ римскому. Итакъ, поелику они погрѣшаютъ будучи насилуемы, а церковь Христова хоть и желаетъ всѣми силами подать имъ руку помощи, но, попущеніемъ Божіимъ, не можетъ, то въ настоящее время отринемъ ихъ! Потому что нельзя же приводить въ исполненіе возможное, но безъ пользы, ни полезное, но не возможное. Кто хочетъ что-нибудь сдѣлать, но не можетъ, ничего не достигаетъ; и опять, кто можетъ, но не хочетъ, не приступаетъ къ дѣлу и не двигается: отъ того лучшее находится въ небреженіи у той и другой стороны, такъ какъ хотящіе не могутъ, а могущіе не хотятъ.

---

[54]) Т.-е. неразличали между добрымъ и худымъ, позволительнымъ и запрещеннымъ.

„Но вотъ, говоритъ, они и словесно и письменно обѣщаютъ и печатями завѣряютъ, что пріемлютъ и дѣлаютъ все, чему учитъ церковь Христова. Знаю и я, что издалека они надаютъ тысячи обѣщаній и письменно и словесно; а что никто изъ нихъ по зову не осмѣлится самолично прійти къ намъ или явно исповѣдать благочестіе, ясно, какъ говорится, и слѣпому. И что они не смогутъ выполнить своихъ обѣщаній, открывается какъ изъ прежде помянутыхъ всѣхъ обычаевъ, такъ и изъ самаго постановленія папы Александра.“ Приведши нѣсколько выдержекъ изъ сего постановленія, узаконяющихъ главенство папы, единеніе въ вѣрѣ латинянъ и грековъ, и власть латинскихъ епископовъ надъ греческими, находящимися въ предѣлахъ ихъ епархій, подобную власти митрополита надъ епископами своего округа, продолжаетъ: „Усматриваешь ли, что по причинѣ ихъ единенія другъ съ другомъ главою ихъ — папа, и никто другой? что латиняне и кипріоты составляютъ одно тѣло? Это такъ дослова и написано въ постановленіи, котораго не могуть нарушить кипряне, хотя бы надавали много обѣщаній и съ приложеніемъ печатей.“

„Но пусть никто не думаетъ, будто я по злобѣ“ клевещу на нихъ; свидѣтельствуюсь всевидящимъ окомъ, что собственными глазами видѣлъ гораздо больше, чѣмъ теперь сказалъ. Опять же, бывши посланъ туда какъ мѣстоблюститель патріарха для дознанія тамошнихъ дѣлъ и синодальнымъ опредѣленіемъ назначенный къ тому, я не могу молчать о томъ, что видѣлъ и узналъ. Молчать объ истинѣ значитъ закапывать золото въ землю. Истина любитъ истину, и отвращеніе отъ истины есть поврежденіе зрѣнія ума и ослѣпленіе. Ибо какъ говорящій ложь скверните душу и уста, такъ и говорящій истину освящаетъ ихъ; и какъ вѣра проповѣдуется предъ всѣми, такъ надлежитъ и истинѣ возвѣщаться. Потому что незнающіе ясно истины не могутъ и вѣровать истинно, и знаніе естественно предшествуетъ вѣрѣ (Рим. 10, 14), и всякій могущій говорить истину и не говорящій будетъ осужденъ Богомъ (Рим. I, 18), особенно когда въ опасности вѣра и основаніе всей церкви православной. Умалчивать въ такихъ обстоятельствахъ свойственно отреченію отъ вѣры, а обличать—нелицемѣрному исповѣданію. И я отвращаюсь этого единенія не по чему-либо, затрогивающему чувство; Гос-

подь вѣдаетъ, что не лгу! но только по сильному чаянію, чтобы, не во время желая спасти кипріотовъ, мы, сами того не замѣчая, не вовлекли въ погибель и себя самихъ и несчетное множество людей, а лучше сказать—всѣхъ православныхъ, нынѣшнихъ и будущихъ“ и проч. „А притомъ я хочу хранить и синодальныя опредѣленія, которыя синодъ вручилъ намъ, когда мы отправлялись въ Кипръ; въ нихъ дослова сказано такъ: „если они признаютъ папу римскаго святымъ и сущихъ подъ нимъ епископовъ считаютъ своими епископами, то вы не должны вступать съ ними въ общеніе; и если безъ испытанія, безразлично возводятъ въ священство, не должны входить съ ними въ общеніе; и если служатъ [55]) съ латинскими епископами (потому что служить съ ними значитъ имѣть съ ними общеніе; а вступающій въ общеніе съ отлученнымъ отъ общенія и самъ отлученъ), не должны входить въ общеніе съ ними.“ Надлежитъ также синодально прочесть относительно этого предмета сдѣланное нами сужденіе, которое находится въ писаніяхъ моихъ [56]) къ Критянамъ, чтобы лучше узнать положеніе дѣлъ у нихъ“.

„Но мы, говоритъ, окажемъ такое снисхожденіе къ нимъ для того, чтобы не дать имъ повода совершенно полатиниться. А мнѣ кажется, нужно думать не объ этомъ только одномъ, а и о кое-чемъ другомъ; о чемъ же? Какъ бы, то-есть, неразсудильнымъ такимъ дѣломъ мы не способствовали совершенному облатиненію не ихъ только, а и другихъ многихъ. И это ясно изъ слѣдующаго. Доселѣ единеніе это, какъ только предполагаемое, многимъ невѣдомо, но когда осуществится, не можетъ утаиться на дальнѣйшее время. Какъ нѣкая звучная труба, оно огласитъ страны и будетъ толковаться не такъ, какъ оно сдѣлано, а съ

---

[55]) Богослуженіе было даже обязательно; именно, во всякій значительный праздникъ греч. епископъ съ своимъ клиромъ служилъ въ каѳедральномъ соборѣ латинскомъ съ лат. епископомъ и клиромъ, и старшій греч. священникъ читалъ на амвонѣ апостолъ, а греч. епископъ — дневное евангеліе на престолѣ, сперва сказавши латинскому „благослови, владыко, благовѣстителя“ и т. д. и по окончаніи чтенія кланялся ему и цѣловалъ его руку. Такъ представляетъ это Врієнній въ той, опущенной нами, части своей синодальной рѣчи, гдѣ указываетъ на отношенія греч. епископовъ къ латинскимъ.

[56]) Конечно разумѣетъ и прощальную свою рѣчь, и нѣкоторыя изъ главъ особенно, гдѣ говорится о церкви и церковныхъ обычаяхъ.

безславными приложеніями и поясненіями, что вотъ нынѣ вселенскій патріархъ вмѣстѣ съ самодержцемъ и всѣми митрополитами и сущими подъ ними начальными людьми, послѣ продолжительнаго и синодальнаго разсмотрѣнія, всѣ подчинились папѣ римскому. Обыкновенно молва о худомъ распространяется съ прибавками, подобно какъ о хорошемъ съ ослабленіемъ и сбавкою; потому что многіе люди худы, и толпа всегда готова съ преувеличеніемъ разглашать о перемѣнахъ на худшее. И когда такимъ образомъ особенно на Кипрѣ распространятся слухи, то Кипряне затѣмъ силою вынуждены будутъ явно полатиниться, какъ уличенные въ умыслѣ противъ латинской вѣры, и то, что мы пытаемся сдѣлать въ помощь имъ, сдѣлается для нихъ стремниною и очевиднѣйшею пагубою. А Ромеи, населяющіе Критъ, Родосъ, Лесбосъ и другіе острова, подобно Кипрянамъ, насильно вынуждены будутъ подчиниться франкскимъ епископамъ, или еще хуже—сами, ухватившись за благовидный поводъ, захотятъ жить по своему изволенію, потому что зло всего легче къ подражанію. И вотъ отсюда латинство выйдетъ сподручнымъ для островитянъ, такъ какъ худое дѣло есть дѣло легчайшее и возбуждаетъ соревнованіе, и обыкновенно каждое животное готово блуждать вслѣдъ за однороднымъ себѣ, какъ видимъ на стадахъ овецъ и стаяхъ птицъ.“

„Но отъ чего не указать на худшее? Многіе изъ здѣшнихъ, считающихъ себя образованными (πολλοὶ τῶν ἐνταῦθα δοκούντων λογίων), тотчасъ послѣ единенія отправятся въ Италію, всякимъ образомъ усиливая сторону латинянъ; и затѣмъ скоро будутъ высланы изъ Рима легаты говоруны (ϛωμύλοι) или и неискусные въ словѣ. Они, сказавши можетъ быть что-нибудь и основательно и сильно, не преминутъ по своему обычаю выразить и это: „святѣйшій отецъ и всѣ сущіе подъ нимъ католики древняго Рима съ отверзтыми объятіями и распростертыми руками приняли ваше обращеніе и теперь пріемлютъ васъ, какъ родныхъ своихъ братьевъ, весьма и непрестанно радуясь этому дѣлу, потому что и на небѣ велика была и есть радость о покаяніи вашемъ и единеніи всѣхъ церквей; ибо вотъ были вы мертвы и—ожили, изгибли, и—обрѣтены Богомъ и святѣйшимъ отцомъ.“ Наши что скажутъ на это? Можетъ быть скажутъ, что мы это

отвергаемъ? Но подписанныя синодальныя грамоты, съ приложеніемъ печатей патріарха и царя, заставятъ ихъ молчать и противъ воли; и тогда необходимо будетъ или раскаяться всѣмъ подписавшимъ ихъ, или всѣхъ по суду отлучить, или всѣмъ полатиниться, или нашему народу раздробиться на безчисленные толки (σχίσματα), и до скончанія вѣка стыдиться глядѣть на самое солнце. И мы должны будемъ признать это [57]), когда они словесно станутъ говорить; но если бы и никто не обвинялъ, то по суду истины и чистой совѣсти, мы и будемъ дѣйствительно и признаны будемъ сопричисленными къ папистамъ и другимъ ненаходящимся въ общеніи съ нами."

„Итакъ вотъ что и больше сего послѣдуетъ для насъ изъ пустого (ἀπράκτως) сего единенія, если только Богъ попуститъ ему быть; а для кипріотовъ еще и замѣшательство и гоненіе отъ тамошнихъ еретиковъ, отъ начальствующихъ на островѣ, и отъ самихъ епископовъ франкскихъ, особенно же теперь, когда братъ [58]) короля почтенъ достоинствомъ архіепископа и во всемъ пользуется содѣйствіемъ мірской власти въ дѣлахъ латинской церкви, такъ что и поневолѣ они снова отрекутся того, что̀ хранить относительно насъ пообѣщаютъ черниломъ" и проч. Указавши затѣмъ, что дѣло возсоединенія требуетъ болѣе полнаго разсмотрѣнія не въ одномъ патріаршемъ конст. синодѣ, а на соборѣ при представителяхъ и другихъ патріарховъ, при множествѣ православныхъ епископовъ. въ присутствіи и уполномоченныхъ съ о. Кипра, продолжаетъ, что единеніе законно можетъ быть только тогда, если кипріоты откажутся отъ общенія съ латинянами, и наконецъ рѣшаетъ послѣдній доводъ нѣкіихъ сторонниковъ предполагаемаго единенія и папизма. „Но, говоритъ, раздѣляющее насъ отъ нихъ (т.-е. кипрянъ) не имѣетъ никакого значенія. Какой ущербъ православію, что они называютъ папу святымъ? или что православный священникъ участвуетъ въ похоронахъ или поминовеніяхъ латинянъ и въ священнодѣйствіяхъ ихъ? Итакъ вы желаете, чтобы мы служили

---

[57]) Т.-е. что посредствомъ единенія съ кипрянами подчинились папѣ.

[58]) Это былъ *Гугъ* (Hugo) или *Гугонъ*, братъ короля Януса (1598—1432) и сынъ Іакова I; архіепископомъ никосійскимъ сдѣлался въ 1411 году. *Reinhard's* Gesch. des Kypern (изд. 1766 Erlangen und Leipzig).

литургію вмѣстѣ съ кипріотами, при ненарушимости обычныхъ ихъ обязательствъ къ латинянамъ? а затѣмъ умышляете незамѣтно полатинить насъ? Или не знаете, что каждое великое зло начинается съ малаго и такимъ образомъ становится великимъ? что заблужденіе происходитъ отъ вещей повидимому безразличныхъ, и отъ примиренія съ погрѣшностями, кои кажутся неважными, доходимъ до впаденія и въ большія? что есть путь, который людямъ кажется прямымъ, но конецъ его упирается во дно адово (Прит. 16, 25)? И это ничего незначитъ, и то не важно; слѣдовательно все возможно? Нѣтъ, отступи! прочь гибельный совѣтъ! да погибнетъ эта мысль вмѣстѣ съ родившими ее! Не отречемся отъ тебя, любезное православіе! Не отвратимся отъ тебя, отцами преданное ученіе! Не отступимъ отъ тебя, матерь наша, благочестивая вѣра! Въ тебѣ мы родились, тобою живемъ и въ тебѣ почіемъ! А если наступитъ время, то и умремъ за тебя тысячекратно. Мы ученики апостоловъ, сказавшихъ [59]): вступающій въ общеніе съ чуждымъ общенія и самъ лишается общенія; и если кто молится съ ненаходящимся въ общеніи, хотя бы въ домѣ, да будетъ отлученъ.“

„И возвращаясь къ тому, съ чего началъ, я питаю въ себѣ такое расположеніе и такъ думаю объ этомъ предполагаемомъ единеніи. И за семь лѣтъ предъ симъ отправившись ради сего дѣла въ Кипръ, я творилъ волю не человѣческую вообще и не свою собственную опять, а вышней Церкви первородныхъ, и дѣйствовалъ такъ, какъ угодно Отцу и Сыну и Святому Духу, пребожественной и блаженной Тройцѣ. А лучше сказать—я въ одно и тоже время исполнялъ и волю Божію и волю православныхъ; потому что цѣлію пославшихъ меня не было нераскаянныхъ въ раздорѣ соединить съ церковію Христовою, а соединить раскаявающихся, какъ должно, въ томъ, въ чемъ погрѣшали прежде. Потому никто, имѣющій умъ, не станетъ порицать меня, будто я велъ это дѣло не такъ, какъ требовалось. И если я, будучи вѣрнымъ рабомъ и посланнымъ отъ Господа моего возвратить заблудившихся овецъ, одержимымъ болѣзнію людямъ растворить спасительное врачевство и собрать воедино

---

[59]) См. II-е прав. апостольское.

пшеницу, еще остававшуюся кое-гдѣ на поляхъ, когда пришелъ, то нашелъ овецъ уже въ челюстяхъ волковъ, больныхъ уже умершими и издающими смрадъ, а пшеницу переродившеюся въ плевелы: то за то, что не исполнилъ повелѣннаго, я не считаю себя нисколько виновнымъ и отвѣтственнымъ предъ Господомъ моимъ. Да и теперь не я причиною, что предпринятое дѣло имѣло исходъ, несоотвѣтственный начальному нашему предположенію, а они, которые, кромѣ того что не уничтожаютъ ничего изъ присущихъ имъ золъ, пытаются и насъ прикровенно подчинить папѣ римскому. Итакъ я не заслуживаю порицанія за то, что не соединилъ несовмѣстимое, а напротивъ долженъ быть одобренъ, что различилъ кривое отъ прямого, отдѣлилъ недостойное отъ святаго, ничего не предпочетши истинѣ. Откуда сіе видно? И изъ многаго другого, и изъ того опять, что когда весьма удобно и возможно было въ продолженіе цѣлыхъ трехъ часовъ сойтись мнѣ только съ кипрскими архіереями и принять ихъ въ общеніе, такъ какъ все дѣло возложено было на меня и многіе меня побуждали къ тому и понуждали подарками, угрозами, устрашеніями, подозрѣніями, обѣщаніями, славою, лестію, хорошею молвою ожидаемою и манившею меня, этимъ опаснѣйшимъ изъ убѣжденій, отъ котораго всякій судья не свободенъ,— я, все то мужественно отринувши и, скажу предъ Богомъ, показавши во всемъ благородное сопротивленіе и ни въ чемъ ни мало не сдѣлавши уступки, всею душею и всѣмъ сердцемъ предпочелъ бѣдность и почти неизгладимое безславіе, чтобы только непорочную вѣру соблюсти чистою во Христѣ и незазорною. И это говорю я не похваляясь, нѣтъ! Ибо что я, какъ не мерзость, отребіе въ мірѣ, врагъ самому себѣ? И что моя жизнь въ сравненіи со всею продолжительностію времени?—Короче мгновенія ока! Я безъименная личина; дѣла мои непотребны, и нѣтъ ничего моего. И не какъ оскорбляющій мою церковь православныхъ христіанъ, да не будетъ! но какъ творившій волю Божію благую, прямую и благоугодную, сколько могъ по своему усердію и разумѣнію, я не хочу дозволить никому изъ православныхъ иначе судить обо мнѣ, нежели какъ дѣйствительно я поступалъ, — и потому еще, что сіе дѣло и должно было имѣть такой исходъ. И это я высказываю отъ чистой и нелукавнующей вѣры и любви, которую имѣю къ благочестію и ко всѣмъ

благочестивымъ. Потому что, хотя бы кто и иначе былъ расположенъ ко мнѣ, я, при Божіемъ мнѣ содѣйствіи, пребуду все-таки вѣрнымъ и благомыслящимъ относительно православныхъ во всемъ, какъ и въ отношеніи къ Богу искреннѣйшимъ христіаниномъ".—Никакихъ больше слѣдовъ этой попытки единенія не находимъ въ исторіи; только между сочиненіями Вріеннія сохранилось еще одно письмо къ Макарію, епископу Амохостскому (Фамагустанскому), съ просьбою оказать пособіе нѣкоему Киринійцу [60]) въ выкупѣ сына, плѣненнаго Агарянами. Изъ письма видно, что Вріенній лично былъ знакомъ съ Макаріемъ; тутъ онъ выражается, между прочимъ, такъ: „ибо что изъ того, что считаешь себя принадлежащимъ къ нашему клиру? Дѣло гораздо больше слова, какъ истина—тѣни, и первообразъ—изображенія. Потому смотри, не дари насъ словами простыми, бо́льшую часть расположенія удѣляя другимъ; но съ кѣмъ сложился, тѣмъ повинуйся во всемъ, чтобы такимъ образомъ и здѣсь и тамъ и по намѣренію и по словамъ и по дѣламъ ты сопричислялся къ нимъ".

Ко времени послѣ возвращенія съ Кипра преимущественно относится, по всей вѣроятности, его педагогическая дѣятельность, о которой сохранилась замѣтка на одной древней, второй половины XV в., рукописи [61]). „Этотъ учитель учителей", говорится тамъ, „сочинилъ отъ себя много книгъ по богословію и философіи, и съ латинскаго языка на греческій перевелъ многія книги. Составилъ почти безчисленное множество риторическихъ рѣчей во всѣхъ родахъ и различнаго содержанія; и о грамматикѣ многое составлялъ. Образовалъ многихъ мудрѣйшихъ по всему учениковъ въ греческой и латинской мудрости (ἐν ἑκατέρᾳ γλώττῃ), изъ коихъ немногіе и здѣсь и въ Италіи находятся, а почти всѣ повымирали—одни предъ взятіемъ, другіе при взятіи отечественнаго города, а иные послѣ сего. Не изъ-за вознагражденія дѣлалъ онъ это, но и отъ себя помогалъ имъ много и отъ царей испрашивалъ имъ вспоможеніе хлѣбомъ (σιτηρέσια), чтобы они безъ хлопотъ могли прилежать мудрости. И вкрат-

[60]) Уроженцу города Кириніи, на о. Кипрѣ; это—нын. Керина.

[61]) Замѣтка эта напечатана въ предисловіи Евгенія Булгариса къ третьему тому сочиненій Вріеннія, на 5 и 6-й стр.

цѣ сказать, былъ онъ какъ общій отецъ для всѣхъ въ городѣ (Константинополѣ). Много подвизался и о вѣрѣ; многое предрекъ [62]) и подавалъ совѣты о томъ прежде наступленія бѣдствій. И былъ учителемъ священнаго христіанскаго Богословія, поучая въ Триклиніѣ [63]) дворца, въ присутствіи царя Мануила, синклита, церкви (т.-е. духовенства) и всего города; былъ онъ отъ царя поставленъ и учителемъ наукъ". Изъ этого отзыва видно, что Врієнній былъ *вселенскимъ* или *великимъ учителемъ* (οἰκουμενικὸς, μέγας διδάσκαλος), то есть—главнымъ наставникомъ и надзирателемъ за обученіемъ въ государствѣ [64]), и что самая цвѣтущая эпоха его дѣятельности относится къ царствованію Мануила.

Къ сожалѣнію, не сохранилось подробнѣйшихъ извѣстій объ этой дѣятельности Врієннія, и потому мы будемъ говорить только о томъ, на что сохранились указанія въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ его.

Императоръ Мануилъ въ виду постоянной грозы отъ турокъ и вмѣстѣ плохаго состоянія стѣнъ и башень столицы, рѣшился обновить эти укрѣпленія скоро послѣ того, какъ окончилъ сооруженія укрѣпленій перешейка Коринѳскаго (въ 25-ть дней, начавши работы съ апр.. 1415 г.) и съ торжествомъ воротился изъ Пелопоннеза (въ мартѣ 1416 г.). Но при скудости государственной казны, обновленіе столичныхъ укрѣпленій могло быть мыслимо только при участіи и патріотизмѣ самихъ жителей столицы. И вотъ къ этому-то патріотизму направлены были воззваніе императора и таковое же патріарха; а Врієннію поручено было сказать и рѣчь къ народу по этому случаю. Мы приводимъ ее съ небольшими исключеніями риторскаго разглагольствованія о всемірномъ значеніи Константинополя, какъ образцикъ краснорѣчія Врієннія, и какъ единственное историче-

---

[62]) Именно, указывалъ на неосновательность ожиданій помощи отъ латинянъ, на пустоту всѣхъ уній съ римскою церковію, и предостерегалъ своихъ соотечественниковъ отъ увлеченія Западомъ. Мы далѣе представимъ изъ сочиненій самого Врієннія примѣры тому.

[63]) Τρικλινος Παλατίου — зала во дворцѣ, украшенная тремя дверями изъ слоновой кости; средняя дверь вела въ церковь Христа Спасителя, гдѣ и проповѣдывалъ Врієній.

[64]) Объ этой должности и названіи см. „Βοζάτισυ" Κωνσαντινοπόλις, томъ 3.

ское указаніе на упомянутое событіе. Сказана была въ дворцовой церкви, въ присутствіи патріарха, сенаторовъ, клира и всего правительственнаго персонала.

„Все, что произнесено устами святѣйшаго патріарха и речено языкомъ державнѣйшаго самодержца нашего о предлежащемъ возсозданіи города, исполнено мудрости, краснорѣчиво и можетъ побудить и каменную душу къ выполненію тотчасъ самымъ дѣломъ тѣго, что сказано ихъ простыми словами. Къ нимъ не требуется прибавлять что-либо, ни измѣнять въ нихъ что-либо или отнимать: такъ онѣ необходимы, такъ ясны, такъ кратки и такъ истинны! Но чтобы и мы сами не казались какими-то безчувственными существами или и безсмысленными или не желающими понять сказаннаго, то касательно того же предмета говоримъ теперь вамъ вельможамъ (τοῖς μεγάλοις) непосредственно, а чрезъ васъ и всему населенію столицы.

„Потому что этотъ великій городъ есть столица всѣхъ городовъ подъ солнцемъ, городъ многоименный и великоименный, какъ градъ великаго Царя Бога, о которомъ славное возвѣщаютъ и достопамятное слышатъ. Это градъ царственный, съ перваго основанія своего посвященный Владычицѣ міра Богородицѣ. Городъ седмихолмный, городъ Византа и Константина, городъ державнѣйшій державнаго и святого нашего самодержца, радованіе вселенной, убѣжище превосходнѣйшее, мѣсто наслажденія, чудное зрѣлище всего пріятнаго, колыбель рода нашего, вмѣстилище благъ, веселія для единоплеменныхъ и для чужестранцевъ самый пріятный предметъ разговора. Это городъ святой и метрополія, новый Римъ и новый Іерусалимъ, земля благая и прекрасная, источающая медъ и млеко, источникъ всяческаго добра, гора вожделѣнная и пріятная, гора тучная и тѣнистая, гора святая, на которой Богъ благоволитъ обитать (сн. Псал. 67, 16. 17). Это—общая отчизна и мать и питательница православныхъ христіанъ“ и проч.

„Но этотъ столь великій, прекрасный и отмѣнный городъ, окружаемый гнилыми стѣнами и башнями, нуждается въ возобновленіи отъ насъ, подобно какой престарѣлой матери, ожидающей призрѣнія отъ собственныхъ дѣтей. Посему умоляю, сойдемся всѣ, поспѣшимъ, сдѣлаемъ складчину, поддержимъ уже состарѣвшуюся и преклонную мать нашу, подадимъ ей, изне-

могающей отъ лѣтъ, руку, дадимъ ей пропитаніе на старости лѣтъ! Ибо для того она и возрастила насъ и вразумила и научила. Окажемъ же ей помощь, всякій изъ насъ разсуждая про себя, что положившій въ семъ дѣлѣ камень на камень становится вправду и на дѣлѣ зиждителемъ (κτίτωρ) не города только, а и всѣхъ внутри его святыхъ обителей и церквей, и кромѣ того—стражемъ, попечителемъ и защитникомъ всего въ немъ хорошаго, и если только будетъ дѣйствовать по силамъ своимъ, получитъ награду не меньшую, а равную съ воздвигшими городъ и святилища его съ основаній. Когда оправляешь свой домъ или ограду виноградника и сада своего, доставляешь пользу себѣ только, никому другому изъ жителей города; а когда захочешь возобновить одну башню или хотя одинъ зубецъ, въ стѣнѣ городской поврежденные, то ограждаешь и себя и жену и сына и дочь и всю окружность дома своего и находящійся тутъ садъ и виноградникъ и самый домъ и все, что есть въ немъ, — а еще и всѣхъ сосѣдей, друзей, сродниковъ, вдовъ, сиротъ, женскія и мужскія монастыри, недавно убѣжавшихъ сюда изъ плѣна. Дерзаю сказать, что чрезъ это по силѣ ты вспомоществуешь и колеблемой вѣрѣ православной! Потому что, пока стоитъ этотъ городъ, неподвижною въ немъ и вѣра пребываетъ; а когда онъ будетъ разрушенъ или взятъ врагами, чего да не попуститъ Христосъ! то какая душа остается непоколебимою въ вѣрѣ?

„Посему, заботясь о своемъ домѣ, позаботься и о городѣ. Заключаешь въ вечернее время дверь сокровищницы, чтобъ не было расхищено находящееся внутри ея; думай же и о стѣнѣ, чтобы нечаянно не подвергнуться нападенію тебѣ и всему твоему. Когда открыта дверь и никого при ней нѣтъ, то внутренность дома доступна всякимъ хищникамъ, и когда пала стѣна, то никакой пользы не приноситъ заключеніе двери. Пока башни стоятъ на стѣнахъ, сокровища обитателей города въ безопасности; а когда они разрушены, то всѣ драгоцѣнности ихъ исчезаютъ и расхищаются. Итакъ, если хочешь, чтобы народъ (γένος) нашъ еще продолжалъ существованіе и еще стоялъ этотъ городъ, хвала нашего рода, утверди его вокругъ и крѣпко огради его башнями. Если любишь священное благолѣпіе храмовъ, обведи валами защиту и возвысь огражденіе. Если заботишься о

своемъ, позаботься и объ общемъ, особенно же объ отечествѣ. Ибо такъ заботились о своихъ отечественныхъ городахъ Периклъ, Ѳемистоклъ, Алкивіадъ, Кимонъ, Епаминондъ, Ликургъ и всѣ лучшіе еллины; такъ и обитатели сего города, то есть самодержцы и всѣ имъ подвластные, часто собственныя дѣла оставляя въ небреженіи, много попеченія прилагали къ дѣламъ общимъ. И ясно и мудро сознавали они, что когда въ хорошемъ или дурномъ состояніи находится общее благо, то съ тѣмъ вмѣстѣ и частное каждаго благо безопасно или гибнетъ, — но не обратно, то есть—чтобы съ соблюденіемъ частной выгоды или небреженіемъ о ней и общая польза связывалась. И когда такъ дѣлалось, стояли Аѳины, стояла Спарта, стояли Ѳивы, стояла и сама наша метрополія, какъ подобало имъ стоять; а съ того времени, какъ общее благо оставлено въ небреженіи и каждый спѣшилъ имѣть заботу только о своихъ частныхъ выгодахъ, тѣ погибли, а наша стоитъ потому, что еще долготерпитъ Богъ.

„Поспѣшимъ же скорѣе на помощь ей! Не говори, отъ чего такой-то богачъ и такой-то вельможа (μέγας), имѣющіе много, не хотятъ дѣлать сего? Но подумай, что этотъ городъ есть корабль поврежденный и въ открытомъ морѣ подвергается опасности погибнуть, а пловцы на немъ — мы всѣ, и богатые и бѣдные. Никто изъ плывущихъ на немъ не станетъ, если имѣетъ смыслъ, во время треволненія представлять, отъ чего такой-то архонтъ, имѣющій столько и столько денегъ, не поновляетъ и не починиваетъ прогнившихъ частей корабля; нѣтъ! но сколько имѣетъ силы, каждый по усердію заботится о немъ. Такъ и здѣсь нужно каждому изъ насъ и мыслить и дѣйствовать. Нужно немедленно и согласно позаботиться, а не обвинять, не перекоряться и не медлить какъ нибудь: потому что медлительность въ опасныхъ случаяхъ всего скорѣе наводитъ смерть. А чтобы не на словахъ только, но и дѣлами представить мою къ общей всѣхъ насъ матери любовь и пожертвованіе, то вотъ теперь словами заявляю любовь, а деньгами и свой долгъ уплачиваю, а если кромѣ сего потребуется отъ меня и пропитаніе для матери, то я и руками и ногами и плечами, сколько есть силъ у меня, поддержу матерь мою и не допущу ей упасть. Но и вы сами, какъ бы по уговору и уступая неизбѣжной необходимости, одинъ много пусть броситъ въ эту складчину, а другой и немного, —

только съ добрымъ изволеніемъ, отъ души, каждый по своему хотѣнію; не съ роптомъ, не по принужденію, не изъ необходимости, потому что *доброхотно дающаго любитъ Богъ* (2 Кор. 9, 7), говоритъ св. Павелъ апостолъ. И мы не требуемъ повелительно, а братски приглашаемъ всѣхъ на дѣло, полезное для всѣхъ.

„Посему, отложивши всякую мнительность, вы, мужья, подвиньте на это и женъ, и особенно духовники, принимающіе на свой судъ помышленія ихъ, архіереи—видныхъ въ своихъ епархіяхъ, сосѣди сосѣдей, друзья друзей, сродники своихъ сродниковъ, всѣ другъ друга, каждый себя самаго: потому что это очевидно и частное каждому дѣло и общее всѣмъ мужчинамъ и женщинамъ. Говорящимъ: теперь время мирное, скажите: кто знаетъ будущее? подорожимъ временемъ; пока у насъ свободные руки, займемся нужнымъ дѣломъ! Потому что какъ плывущіе въ тихую погоду должны имѣть въ готовности и нужное для бурнаго времени, такъ живущимъ въ мирѣ надлежитъ заготовлять пособій для военнаго. И какъ имущество людей отсутствующихъ достается на долю присутствующихъ, такъ въ пренебреженіи оставляемые города бываютъ добычею враговъ. И какъ стремящіеся къ лучшему отрѣшаются отъ прежняго, простираются впередъ, такъ и небрегущіе о своихъ дѣлахъ пятятся назадъ. Отъ того при старательности мы и враговъ одолѣваемъ, а при небреженіи о себѣ разстроиваемся и портимся, хотя бы и никто насъ не безпокоилъ.

„Принимайтесь же съ усердіемъ за дѣло, не смотрите на непріятность работы, на бѣдность матеріаловъ или малочисленность помогающихъ намъ! Примите за истину, что еслибы какіе-нибудь десять изъ васъ богатыхъ архонтовъ въ теченіи прошлыхъ тридцати лѣтъ положили столько старанія и издержекъ на стѣны города, сколько на постройку для себя трехъэтажныхъ домовъ, то ни одна часть городскихъ стѣнъ не осталась бы доселѣ непоновленною. И если всѣ вы соглашаетесь со мною, что моя мысль справедлива, то примите за истину и дальнѣйшій выводъ изъ сего, именно: что̀ десять богатыхъ могли бы сдѣлать въ тридцать лѣтъ, то и въ небольшой промежутокъ времени, при Божіемъ содѣйствіи намъ, мы сдѣлаемъ тоже самое, составляя въ общемъ количество *болѣе семидесяти ты-*

сячъ [65]). Ближайшій для примѣра образецъ имѣемъ подобное дѣло, сдѣланное въ Пелопоннезѣ сверхъ всякаго чаянія по настоянію царскому, изумившее враговъ нашихъ и по скорости исполненія для многихъ невѣроятное.

„Но ради Бога Вседержителя, что это вы, не радѣя о городѣ, выжидаете совершеннаго распаденія стѣнъ его, чтобы тогда уже востановить ихъ? Хороши же ваши совѣты! и достанетъ ли у васъ силъ больше на отраженіе враговъ, нежели на возобновленіе падшей части стѣнъ? А что вы думаете, если паденіе упредитъ вашу заботливость? Повѣрьте мнѣ, истину говорю: этотъ нашъ городъ не будетъ уже метрополіею ромеевъ, но мерзостью запустѣнія, твердынею враговъ, неодолимымъ воителемъ христіанъ! И не въ продолжительное время, а въ одну седмицу дней церковь, царство, общественное устройство, архонты, дѣвичьи монастыри и мужскіе, страннопріимницы, имущества, свобода, всякая честь и слава рода нашего и все наше доброе погибнутъ какъ разбитый сосудъ, а вмѣстѣ со всѣмъ уничижится и наша похвала—православіе.

„Итакъ, прежде чѣмъ всѣ эти бѣдствія разомъ нагрянутъ на насъ, обезопасимъ себя; еще имѣемъ время! Можемъ еще при помощи Божіей остаться и пребывать въ томъ благопріятномъ положеніи, въ какомъ находимся: только положимъ начало, только возбудимся всѣ къ возсозданію! Не я, или ты, или такой-то, но всѣ; потому что всѣ равно ограждаемся однѣми и тѣми же стѣнами! Знаю и я, что если Христосъ *не стережетъ града, напрасно не спитъ стражъ* (Пс. 126, 1); знаю также, что Одигитрія блюдетъ сей городъ. Но должно всеконечно и намъ дѣлать все человѣческое, не быть безсмысленными и нерадивыми, а особенно въ томъ, что касается насъ. Или изъ-за того, что Господь посылаетъ дожди, мы не станемъ сѣять? и потому, что почтены отъ Него свободою, мы поработимъ самихъ себя всякому встрѣчному? и такъ какъ Богъ хранитъ жизнь нашу, мы сами станемъ губить ее?

---

[65]) Вѣроятно, нужно разумѣть людей зрѣлаго возраста; потому что предъ взятіемъ Константинополя турками 1453 г. въ немъ насчитывали до 200,000 душъ. См. *Византія* Κωνσαντ. 1, 77.

„Часто я предлагалъ любви вашей, и теперь говорю всѣмъ и каждому, что стѣна, препятствующая нечестивымъ войти въ городъ, есть благочестіе христіанъ, а щиты на этой стѣнѣ — бѣдные, дрожащіе подъ навѣсами сего видимаго города. Если медлите взяться за пособіе стѣнѣ, то постарайтесь укрыться подъ священными щитами, потому что молитвы ихъ прогоняютъ враговъ. А если ни чувственной стѣны не хочете возобновлять, ни словесныхъ щитовъ не зовете на помощь, то какъ стоять городу? А ко всему сказанному и то надлежитъ имѣть въ виду, что возсозидающій стѣну царицы городовъ не одного алчущаго, не двухъ или трехъ, не пять жаждущихъ или шесть и семь, не десять, двадцать, тридцать странныхъ, не пятьдесятъ, шестьдесятъ или семьдесятъ наготующихъ, не сто или двѣсти и триста немощствующихъ, или пятьсотъ, шестьсотъ, семьсотъ блюдомыхъ въ тюрьмахъ упокоиваетъ, но безчисленныя тысячи ихъ самъ по себѣ и питаетъ и напаяетъ, и вводитъ въ домъ и призираетъ, и утѣшаетъ всячески,—т.-е. и нынѣ сущихъ и имѣющихъ быть впредь.

„И я знаю, что говоря это, кажусь безстыднымъ и оскорбительнымъ для многихъ; но за что терплю? или лучше, что жь мнѣ дѣлать? Промолчу и я объ этомъ, промолчишь ты, промолчитъ и ближній, опасаясь, какъ бы не показаться наглецомъ; а потомъ что будетъ? Придется намъ... Но лучше умолчать о безславіи и окончить слово! Все-таки нѣтъ стыда въ томъ, чтобы говорить объ этомъ дерзновенно; напротивъ величайшій стыдъ и неотвратимая пагуба, если молчатъ объ этомъ. И никто не стыдится возбудить отъ сна спящаго подъ нависшимъ камнемъ, готовымъ обрушиться и задавить несчастнаго, ибо знаетъ, что молчать о смертоносныхъ вещахъ значитъ подготовлять смерть, а заранѣе указывать на грядущія бѣдствія значитъ возвращать къ жизни тѣхъ, которые находятся въ опасности.

„Вотъ что вкороткѣ я счелъ нужнымъ сказать о возсозданіи городскихъ стѣнъ; а вы обдумайте, какъ это сдѣлать или что лучшее предпринять? Христосъ же да будетъ началомъ и концемъ того и другаго! Аминь“.

Въ концѣ втораго десятилѣтія XV вѣка, послѣ тридцатилѣт-

няго почти перерыва [66]), возобновились оживленныя сношенія папы римскаго съ императоромъ и патріархомъ константинопольскими по дѣлу соединенія церквей. На соборъ Констанцкій явились въ мартѣ 1416 года послы императора Мануила съ заявленіемъ о бѣдствіяхъ имперіи отъ турокъ, съ просьбою помощи отъ западныхъ христіанъ и обѣщаніемъ содѣйствія императора къ соединенію церквей [67]); въ подкрѣпленіе ихъ полномочій и съ нѣкоторыми новыми порученіями, по случаю смерти прежняго и избранія новаго патріарха (Іосифа 2-го 21 мая 1416), туда же былъ посланъ изъ Константинополя и еще уполномоченный, Іоаннъ Евдемонъ, который прибылъ въ Констанцъ скоро послѣ вступленія на престолъ избраннаго соборомъ папы Мартина 5-го (съ 11 ноября 1417). Папа обѣщалъ усердно содѣйствовать предполагаемому единенію и пролагая путь къ дальнѣйшему соглашенію, далъ письменное дозволеніе (отъ 6 апрѣля 1418 г. изъ Констанца) членамъ царской фамиліи вступать въ бракъ съ дочерьми лат. владѣтельныхъ особъ [68]). Послѣ сего взаимная переписка и переговоры продолжались почти непрерывно до самой смерти папы Мартина; но мы теперь обращаемъ вниманіе только на согласіе папы, чтобы соборъ происходилъ въ Константинополѣ, и обѣщаніе его прислать туда своихъ легатовъ. По этому поводу императоръ и патріархъ поручили Врієнію изложить свое мнѣніе, которое онъ и выразилъ въ концѣ 1419 года въ „Совѣтномъ словѣ о единеніи церквей", сказанномъ въ синодальной палатѣ великой церкви. Въ началѣ говоритъ, что хотя Богъ самъ обо всемъ промышляетъ и все устрояетъ къ лучшему, но и намъ надлежитъ позаботиться и посовѣтываться о предполагаемомъ единеніи и все подготовить, чтобы не стать ниже готовимаго противъ насъ ополченія и не посрамить, какъ говорится, своего оружія. Предложивши затѣмъ нѣсколько способовъ веденія дѣ-

---

[66]) То-есть отъ временъ папы Урбана VI и патріарха Нила, какъ поясняетъ свои слова — χρόνοι ἐννὺς τριάκοντα—самъ же *Сюропулъ* въ Historia comilii Florentini II, 7.

[67]) *Zhisman* Die Unionsverhandlungen seit dem Anfange des XV Jahrhunderts bis zum Concil von Ferrara (Vien, 1858), стр. 3, прим. 2.

[68]) *Rainaldi* Annales Eccl. ad an. 1418.

ла на соборѣ, изъ коихъ наблюдавшійся на Констанцкомъ „семью народами латинскими“ пользуется особеннымъ его сочувствіемъ [9]) и довольно подробно распространившись о тогдашнемъ состояніи греческой и латинской церкви, изъ коихъ послѣдняя все еще имѣла двухъ папъ [10]), обращаетъ вниманіе на ожидаемыя нѣкоторыми выгоды уніи и исчисляетъ главнѣйшія требованія, какія со стороны православныхъ надлежало бы предложить латинянамъ, и затѣмъ до конца уясняетъ и защищаетъ какъ святоотеческими писаніями, такъ и собственными умозаключеніями православный догматъ объ исхожденіи Св. Духа. Вся рѣчь заслуживаетъ вниманія; но мы приводимъ изъ ней ту часть, гдѣ говорится о мнимой пользѣ уніи и условіяхъ, на которыхъ могло бы состояться истинное единеніе, безъ ущерба православію.

„А къ дерзающимъ объявлять, что тотчасъ за единеніемъ послѣдуетъ отъ папы римскаго помощь и что единеніе состоится при сохраненіи неизмѣнными всѣхъ обычаевъ и догматовъ двора нашего, или даже внушать, что нисколько не противно поминать папу святымъ, и это скажемъ. Таково-то у васъ столько лѣтъ обдумываемое единеніе столькихъ церквей и народовъ? Такимъ-то образомъ думаете соединиться съ нами, оставивши безъ исправленія прибавку (къ символу) и не измѣняя ничего, отъ чего произошло это продолжительное и несчастное раздѣленіе? О люди, это не исправленіе, не единеніе церквей, а раздѣленіе, горшее прежняго раздѣленія, и раздоръ и отсѣченіе и прельщеніе, и явное наше къ вамъ пониженіе (συγκατάβασις), и петля, и стремленіе къ погибели, и потеря свободы, и признаніе порабощенія, и презрѣніе къ святымъ отцамъ, и ничего здраваго. Ибо какимъ же образомъ будетъ единеніе у насъ, когда множество догматовъ будутъ раздѣлять насъ? Потому что всякая вещь соединя-

---

[9]) См. на 472—473 стр. 1-го тома сочиненій Вріеннія. Тутъ онъ говоритъ, что соборъ Конст. происходилъ за пять лѣтъ предъ тѣмъ. Очевидно указываетъ на самое начальное время собора, а соборъ открылся 16 ноября 1414 г., хотя засѣданія его продолжались до 1418 г.

[10]) Именно *Мартина*, признаннаго Италіею и Германіею, и избраннаго въ Авиньонѣ французскими кардиналами, послѣ смерти Климента антипапы, *Венедикта* XIII, который имѣлъ приверженцевъ во Франціи и Испаніи.

емая съ другою соединяемою соединяется тогда, когда нѣтъ ничего раздѣляющаго; а если остается что-либо, раздѣляющее ихъ, то никоимъ образомъ совершенно и навсегда не соединяются, хотя бы для недальновидныхъ и казалось, что они соединены. И какимъ образомъ единеніе будетъ истиннымъ, а не притворнымъ, когда одни станутъ при всѣхъ священнодѣйствіяхъ возглашать символъ съ прибавкою, а другіе безъ нея? Не есть это соединеніе римской церкви съ нами, нѣтъ! но не разумное подчиненіе папѣ римскому четырехъ восточныхъ церквей, увлеченныхъ пустыми надеждами. Недовольно, что мы вытѣснены съ востока и запада, съ земли и моря, лишены движимыхъ и недвижимыхъ стяжаній и почти самой пріятности жизни,—но врагъ покушается еще и благочестіе наше отнять у насъ. Не свершится этотъ умыселъ! Хотя бы и казался онъ спѣющимъ, исчезнетъ какъ мыльный пузырь. Потому что бытіе наше есть вѣра наша, отцами переданное наслѣдіе; она богатство наше, она—слава, родъ, вѣнецъ, похваленіе наше. У насъ одно крещеніе одна вѣра, одна церковь, и славится единъ Богъ Тріипостасный; да погибнутъ всѣ, не такъ вѣрующіе! Хорошо имѣть миръ со всѣми, но съ единомысленными въ благочестіи; потому что миръ съ правдою и пристойностію есть наилучшее и полезнѣйшее пріобрѣтеніе, а съ злобою и гнуснымъ рабствомъ есть дѣло самое постыдное и вредное. Бываетъ худое согласіе и хорошее разногласіе; можно разойтись на добро и сойтись на зло. Потому что для кого дружба поводъ къ пагубѣ, для тѣхъ ненависть бываетъ подпорою добродѣтели и безпристрастное раздѣленіе лучше пристрастнаго согласія. И теперь, если святъ тотъ, кто выше всякой скверны или очищаетъ душу и тѣло отъ всего, что не угодно Богу: то какъ вѣрить, что святъ тотъ, который во все продолженіе своего святительства нераскаянно оскверняетъ себя пролитіемъ крови христіанской [71])? Тогда какъ если кто-нибудь совершитъ одно убійство, то по законамъ не допускается къ священству, хотя и раскаевается: совершающій тысячи убійствъ и находящій удовольствіе въ скверне какъ сопричисленъ будетъ къ святымъ?

---

[71]) Врієннію не нужно было много изучать исторію папъ, чтобы высказать настоящее свое сужденіе.

„А къ сему, пусть никто не обольщаетъ насъ пустыми надеждами, что скоро или не скоро прибудетъ къ намъ на помощь войско изъ Италіи; потому что хотя повидимому ополчатся за насъ, но вооружатся для того, чтобы поработить городъ (К—ль), все наше изгладить и уничтожить и вѣру и родъ и имя наше, и прочее.

„И я, чтобы сказать покороче, весьма бы желалъ присутствовать на томъ соборѣ, послушать, что тамъ будутъ говорить, видѣть происходящее и поборать по истинѣ; но поелику конецъ моей жизни наступитъ можетъ быть и прежде будущаго собора, то я желалъ бы, чтобы тогдашній патріархъ такъ выразилъ отъ себя окончательное свое рѣшеніе. Во имя святой и пребожественной Троицы, это есть первое и спасительное и лучшее мнѣніе (γνώμη), которое Духъ Святый устами нашей мѣрности даетъ сегодня настоящему собранію. Поелику властію единаго Бога всякій вселенскій соборъ можетъ съ спасительною цѣлію и измѣнять опредѣленія какого-нибудь изъ соборовъ помѣстныхъ и прилагать къ нимъ и убавлять отъ нихъ, то, предпочетши семь вселенскихъ соборовъ одному помѣстному [72]), постановите соединявшія насъ тысячу лѣтъ слова отнынѣ хранить неизмѣнно, и всякое раздѣленіе уничтожится. Прибавка та, о которой разногласимъ, внесла раздоръ между обоими народами, а постановленіе это введетъ истинный миръ: то раздѣлило церковь Христову, а это опять соединитъ въ союзъ неразрывный. То отлучило многихъ отъ части спасаемыхъ, а это приложитъ къ ней многихъ. При томъ же это будетъ ни прибавкою, ни переиначеніемъ, ни убавкою, а неизмѣннымъ сохраненіемъ только того, что отцами предано. Итакъ вотъ первое, что сдѣлать и предлагаю и умоляю, какъ дѣло необманчивое, ни для кого незазорное, несоминѣнное и неподозрительное.

„А второе, если нынѣшній папа римскій считаетъ это дерзновеннымъ, можетъ быть изъ благоговѣнія къ своимъ ближайшимъ предшественникамъ, то самъ, какъ верховный архіерей и имѣ-

---

[72]) Т.-е. тому, на который ссылались тогда паписты въ подтвержденіе законности прибавленія къ символу. Вѣрочемъ, доселѣ не могутъ съ точностію указать на такой соборъ, хотя и ссылаются то на толедскій 589 г., то фороюлійскій 791, и на Ахенскій 809.

ющій власть въ своемъ округѣ, прибавку въ латинскомъ символѣ пусть замѣнитъ спасительнымъ словомъ. Я разумѣю не какое нибудь новое слово и не измышленное имъ или нами, а которое всѣ богословы ясно употребляютъ, именно „и въ Духа Святаго, отъ Отца чрезъ Сына исходящаго", отнявши одинъ слогъ „и" и замѣнивши его словомъ „чрезъ", и тотчасъ рѣшатся всѣ затрудненія.

„Къ сему совѣтую сдѣлать и третіе, если то-есть и второе это найдетъ противорѣчіе въ комъ-либо. Поелику по совершенной необходимости надлежитъ священному сему собору и постановить опредѣленіе и написать книгу (дѣяній соборныхъ), то прежде всего и опредѣленіе и книга (τόμος), вмѣстѣ съ другимъ содержаніемъ, должны заключать слово въ слово и это. „Послѣдуя преданному отцами ученію о Богѣ, вѣруемъ что Духъ Святый лично исходитъ отъ одного только Отца, причину своей ипостаси имѣя (πλοῦτοῦν) отъ одного Отца. Вѣруемъ, что Духъ Святый существенно есть отъ Отца и Сына, такъ какъ Онъ и единосущенъ обоимъ, и твари подается благодатно отъ Отца чрезъ Сына. Предаемъ вѣчной анаѳемѣ тѣхъ, кои отселѣ дерзнутъ спорить о теперь состоявшемся согласіи между ромеями и латинянами".

„И если хочете истиннаго, а не притворнаго, единенія церквей, то изберите одно изъ сихъ трехъ. Первое будетъ согласно съ волею Божіею, второе содѣлается по благоразумной примѣнительности нашей къ обстоятельствамъ (κἀθ' ἡμετέραν οἰκονομίαν) и третіе по снисхожденію, въ надеждѣ совершеннаго единенія. Если же никакого изъ этихъ способовъ не принимаете, то мы нисколько не потерпимъ, чтобы изъ-за васъ быть отлученными отъ Бога.—Вотъ что вкратцѣ пусть будетъ сказано объ исхожденіи Святаго Духа!

„А объ опрѣснокахъ скажу и ясно по возможности и кратко, хотя много объ этомъ предметѣ собралъ. По моему мнѣнію, наиболѣе доказательно, что приношеніе кваснаго хлѣба предано отцами, а безквасnаго есть нововведеніе, слѣдующее: Первое, что братъ Господа Іаковъ, поставленный имъ въ епископа іерусалимскаго, Василій небоявленный и златословесный Іоаннъ, письменно изобразившіе нашъ чинъ таинственнаго священнодѣйствія указали совершать его на квасномъ хлѣбѣ, какъ на-

учаютъ и слова молитвъ послѣдованія и свидѣтельствуетъ обращеніе съ страшными тайнами, хотя для многихъ это остается неудобозримымъ. Второе, что и теперь еще ромеи, мелхиты, сиряне, эѳіопы, аланы, авасги, иверы, колхи, россы, готѳы, даки, пеоны, мизы, триваллы и многіе другіе народы, различающіеся и мѣстопребываніемъ и обычаями и языкомъ, на квасномъ хлѣбѣ приносятъ сію жертву Богу всяческихъ, показывая самымъ дѣломъ, что не отъ опрѣсноковъ перешли на квасный хлѣбъ, но что съ того времени, какъ приняли они имя христіанъ, квасный хлѣбъ употреблялся ими въ божественномъ священнодѣйствіи. И третіе, что въ продолженіе тысячи лѣтъ, когда мы всѣ въ храненіи божественныхъ догматовъ были единомысленны, свѣтила міра, приходившіе въ эту страну, гдѣ и теперь хранятся неизмѣнными всѣ обычаи церковные, и проживавшіе тутъ цѣлые годы и въ праздничные дни необходимо служившіе вмѣстѣ, въ присутствіи и царей и высшихъ сановниковъ, приходили ли они изъ Италіи, или Ѳракіи, или изъ Египта или изъ Сиріи и Палестины, никогда не совершали приношенія на опрѣснокахъ. Но и въ Никеѣ, и въ Константинополѣ, и въ Ефесѣ, и въ Халкидонѣ, и въ Сардикѣ, и въ Гангрѣ, и въ Лаодикіи, и въ Антіохіи, и въ другихъ мѣстахъ въ различныя времена собираясь, всѣ совершали одно священнодѣйствіе. Потому никому изъ нихъ и не приходилось говорить противъ кваснаго хлѣба, такъ какъ всѣ они посредствомъ него совершали священное возношеніе, и во всѣхъ священнодѣйствіяхъ его принимали и употребляли. Итакъ, если довѣряете имъ, благодареніе Богу! А если нѣтъ, то никакое слово не въ силахъ убѣдить васъ. Ибо какимъ же образомъ растекающееся въ воздухѣ слово одного человѣка убѣдитъ тѣхъ, которыхъ не убѣждаютъ ни столькіе отцы, ни толикіе соборы, ни преданія письменныя и неписьменныя? Вотъ что тогда надлежащимъ образомъ скажетъ собору будущій нашъ патріархъ во вступительномъ словѣ, съ твердостію и зрѣлостію мысли, чтобы въ день суда мы не оказались безотвѣтными[α].

(*Окончаніе будетъ*).

СЛОВО,

СКАЗАННОЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕНѢЙШИМЪ МАКАРІЕМЪ, МИТРОПОЛИТОМЪ МОСКОВСКИМЪ И КОЛОМЕНСКИМЪ,

ВЪ МОСКОВСКОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ ПРИ ПЕРВОМЪ СЛУЖЕНІИ ЛИТУРГІИ.

Бога бойтеся, царя чтите!
(Петр. 2, 17).

Въ скорбное время прихожу къ вамъ, братіе мои о Господѣ, въ званіи вашего архипастыря. Вы сами знаете, о чемъ нынѣ наша общая скорбь, глубокая, невыразимая. На святой Руси появилась эпидемія, никогда прежде у насъ неслыханная, эпидемія не чувственная, а умственная и нравственная, пагубнѣйшая изо всѣхъ видовъ эпидемій. Она состоитъ въ отрицаніи Бога и всего духовнаго въ мірѣ и человѣкѣ, въ отрицаніи царской и вообще Богомъ установленной власти. Эпидемія грозитъ смертію и гибелью всякой религіи, всякому нравственному и общественному порядку, грозитъ поколебать самыя основы нашей св. Церкви и государства. Сердце сокрушается о тѣхъ несчастныхъ, которые уже увлеклись и заразились этою духовною заразой, которые прежде были нашими братьями по вѣрѣ и отечеству, а теперь сдѣлались нашими врагами и обрекли себя на такія страшныя посягательства и злодѣянія. Еще сильнѣе то-

мится сердце при мысли, что зараза можетъ простираться далѣе и далѣе, можетъ увлекать новыя жертвы, вести къ новымъ злодѣйствамъ. Всѣ истинные сыны Церкви и отечества болѣе всего озабочены теперь, какъ бы противодѣйствовать ужасной эпидеміи, какъ бы охранить себя и ближнихъ отъ ея смертоноснаго дыханія. О чемъ же должна быть нынѣ главная забота и пастыря Церкви? И съ какими словами я могъ бы обратиться къ вамъ нынѣ, при самомъ вступленіи моемъ на каѳедру московскихъ первосвятителей, при самомъ первомъ моемъ духовномъ общеніи съ вами, какъ не съ словами убѣжденія и мольбы: блюдите свято то безцѣнное сокровище, которое похитить у насъ угрожаетъ эпидемія; храните въ себѣ твердыми и непоколебимыми ту вѣру въ Бога, ту любовь и преданность къ Помазаннику Божію, которыя насадило, воспитало и утвердило въ насъ христіанство? *Бога бойтеся, царя чтите.*

Да и не нынѣ только, а и во всякое другое время, этими именно апостольскими словами мнѣ всего естественнѣе было бы начать мои пастырскія собесѣдованія съ вами. Мой долгъ руководить васъ къ вѣчной жизни, возвѣщать вамъ истины вѣры и спасенія, проповѣдывать вамъ о Богѣ — нашемъ Творцѣ и и Промыслителѣ, о Богѣ—нашемъ Спасителѣ, о Богѣ—нашемъ Освятителѣ и Судіи, и о всемъ томъ, чему научилъ и что заповѣдалъ намъ Богъ для достиженія вѣчнаго блаженства. Но для кого, скажите, можетъ быть внятна, можетъ имѣть смыслъ и силу вся эта проповѣдь Евангелія? Лишь для тѣхъ людей, которые дѣйствительно вѣруютъ въ бытіе Бога и признаютъ Его отношеніе къ міру и человѣку. А для невѣровъ, для кого вовсе нѣтъ Бога, для нихъ какъ бы не существуетъ и христіанство: ихъ слухъ совершенно закрытъ для воспринятія евангельскаго ученія. Мой долгъ возвѣщать вамъ и тѣ истины божественнаго откровенія, которыя касаются нашей временной жизни: ибо вѣра Христова, по выраженію апостола, *имѣетъ обѣтованіе* не одного *грядущаго*, а *и нынѣшняго* живота (1 Тим. 4, 8). Научая насъ всему, что̀ нужно намъ знать и дѣлать для вѣчнаго спасенія, она учитъ насъ вмѣстѣ главнѣйшимъ обязанностямъ нашимъ въ быту семейномъ и общественномъ, и своимъ живоноснымъ ученіемъ, своими возвышенными заповѣдями о самоотверженіи и любви, всѣми своими благодатными средствами приготовляя до-

стойныхъ гражданъ для царства небеснаго, приготовляетъ вмѣстѣ лучшихъ гражданъ и для царствъ земныхъ. Но въ ряду откровенныхъ истинъ, касающихся нашей временной жизни, особенно нашего гражданскаго быта, первая и коренная та, что *владѣетъ Вышній царствомъ человѣческимъ, и ему же восхощетъ, дастъ е* (Дан. 4, 22), что Онъ *поставляетъ цари и преставляетъ* (Дан. 2, 21), Онъ *помазуетъ* ихъ *елеемъ святымъ* своимъ (Пс. 88, 21), и что вообще *нѣсть власть, аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть* (Рим. 13, 1). На этой истинѣ основываются всѣ прочія, какія только внушаетъ намъ святая вѣра какъ руководственныя правила для нашей гражданской дѣятельности, а съ отверженіемъ этой истины онѣ неизбѣжно теряютъ для насъ всю свою обязательную силу и всякое значеніе. *Бога бойтеся, Царя чтите.*

Сыны Россіи! Всѣ мы любимъ свое отечество и желаемъ ему блага. А кто жь изъ насъ не знаетъ, чѣмъ были для Россіи во всѣ времена и чѣмъ доселѣ остаются вѣра въ Бога, вѣра истинная, православная, и любовь къ Монарху, Помазаннику Божію, освящаемая нашею св. вѣрою? Не онѣ ли преимущественно соединили и доселѣ соединяютъ весь Русскій народъ въ одинъ народъ, въ одинъ живой организмъ, могучій, несокрушимый? Не онѣ ли поддерживали, ободряли и спасали Русскій народъ въ годины самыхъ тяжкихъ его испытаній и бѣдствій? Не онѣ ли всегда возбуждали и двигали всѣ сословія Русской земли приносить всевозможныя жертвы для счастія роднаго края? Это двѣ главнѣйшія и существеннѣйшія стихіи нашей народной жизни: на охрану и защиту ихъ должны соединиться всѣ, кому дорого отечество. Да благоденствуетъ и процвѣтаетъ Россія болѣе и болѣе; да совершаются въ ней всякаго рода измѣненія и преобразованія къ лучшему, всякаго рода усовершенствованія, — а сколько уже и какихъ коренныхъ и благодѣтельныхъ преобразованій совершено въ наши дни державною рукой нашего великаго, Богомъ хранимаго и Богомъ умудряемаго Государя! Но среди всѣхъ подобныхъ измѣненій и усовершенствованій да пребываютъ навсегда неизмѣнными и неприкосновенными тѣ основы, на которыхъ утверждается все зданіе нашего государства: вѣра въ Бога православная и любовь къ Помазаннику Божію, благочестивѣйшему Монарху.

Москва, градъ первопрестольный! На тебя взираетъ вся Россія, и въ тебѣ издревле обыкла она видѣть первую блюстительницу русскаго духа и истинныхъ началъ русской народности. Здѣсь жили и дѣйствовали, здѣсь доселѣ нетлѣнно почиваютъ, въ поученіе всѣмъ, величайшіе святители земли Русской, бывшіе столпами не только Церкви, но и государства. Здѣсь совершались самыя святыя дѣла и самые высшіе подвиги русскаго патріотизма. Да пребываешь же ты и впредь навсегда, боголюбивая и царелюбивая, примѣромъ и образцомъ для всѣхъ градовъ и весей русскихъ въ приверженности къ св. православной Вѣрѣ и Церкви и въ непоколебимой вѣрности и преданности Престолу и отечеству. Аминь.

ІОАННЪ КАЛЬВИНЪ—РЕФОРМАТОРЪ XVI ВѢКА *).

IV.

Церковные уставы составляютъ самый примѣчательный памятникъ законодательныхъ трудовъ Кальвина. Они послужили нормою организаціи реформатской церкви не въ одной только Женевѣ, но и въ другихъ странахъ Европы: во Франціи, Шотландіи, Англіи, Нидерландахъ и даже въ Германіи. Но прежде чѣмъ мы займемся изложеніемъ частныхъ пунктовъ организаціи реформатской церкви, какъ они начертаны въ церковныхъ уставахъ Кальвина, мы считаемъ необходимымъ выяснить основанія, почему организованная имъ церковь является съ такимъ своеобразнымъ типомъ среди другихъ протестантскихъ церквей, каковы Лютера и Цвингли.

Протестантство по своей сущности враждебно идеѣ церкви, какъ видимаго органическаго учрежденія. Оно уничтожало эту идею и было для нея разлагающимъ началомъ. Какъ реакція римскому католичеству, придававшему слишкомъ много значенія въ полученіи спасенія дѣламъ человѣка и притомъ болѣе всего внѣшнимъ, протестантство уклонилось въ противоположную крайность и пришло къ тому убѣжденію, что Богъ спасаетъ человѣка безъ его участія въ устроеніи спасенія. Воз-

*) См. кн. „Правосл. Обозрѣніе“ за май, авг. и окт. 1878 г.

ставая противъ значенія дѣлъ въ оправданіи человѣка, протестантство приписало *нѣкоторое значеніе* оправдывающее одной *вѣрѣ*. Но эта вѣра, по ученію реформаторовъ, есть произведеніе *божественной благодати* и притомъ она не есть что-либо видимое, такъ какъ она состоитъ во внутреннемъ отношеніи вѣрующаго (субъекта) къ своему Спасителю. Это невидимое въ человѣкѣ начало оправданія чрезъ заслуги Искупителя составляетъ совершенно достаточное условіе спасенія, такое условіе, которое дѣлаетъ излишними для полученія его всѣ другія, особенно видимыя условія, какъ напр. церковь и таинства. Въ самомъ дѣлѣ, если по ученію протестантской системы, человѣкъ спасается одною невидимою субъективною вѣрою, то къ чему еще видимыя объективныя учрежденія, какъ необходимыя условія къ достиженію спасенія? Если самъ Богъ спасаетъ вѣрующихъ безъ всякаго участія съ ихъ стороны, то къ чему еще это условіе—принадлежать къ церкви, какъ внѣшнему, видимому учрежденію? Принадлежность къ церкви и видимое общеніе съ нею не можетъ ничего ни прибавить, ни убавить у человѣка спасаемаго одною невидимою благодатію Божіею. Если вѣрующій сохраняетъ внутреннюю индивидуальную вѣру и чрезъ нее пріемлетъ внутрь себя спасающую благодать Божію, то къ чему подчинять личность его власти церковнаго общества, какъ внѣшняго учрежденія имѣющаго свои юридическія отношенія? Если всѣ вѣрующіе по своей субъективной вѣрѣ предъ Богомъ равны другъ другу, то къ чему дѣлить вѣрующихъ на пастырей и пасомыхъ, духовныхъ и мірянъ и давать пастырству власть надъ равноправными съ нимъ по вѣрѣ мірянами? Такимъ образомъ основное воззрѣніе протестантства на спасеніе людей логически вело къ разрушенію церкви, какъ видимаго учрежденія, къ которому пріурочивается полученіе спасенія,—необходимо предполагало отверженіе таинствъ, по божественному установленію совершающихся въ церкви, ниспроверженіе власти ея надъ отдѣльными вѣрующими, отрицаніе въ ней пастырства съ его іерархическими преимуществами и правами, затѣмъ отрицаніе внѣшняго богослуженія и благочинія церковнаго. Мы и на самомъ дѣлѣ видимъ, что протестанство пошло этимъ скользкимъ и опас-

нымъ путемъ субъективизма и отрицанія объективныхъ (внѣшнихъ) учрежденій христіанства къ полной свободѣ единоличнаго (индивидуальнаго) религіознаго сознанія. Протестанты стали отвергать одно за другимъ богоучрежденныя таинства, не только отрицали власть папскую съ ея злоупотребленіями и преобладаніемъ, но отвергали и богоучрежденную іерархію,—формы богослуженія, какъ бы законны онѣ ни были, провозглашали идолопоклонствомъ, особенно почитаніе иконъ, мощей, лишали и храмы существенно принадлежащаго имъ священнаго значенія. Такъ въ протестанствѣ шло разрушеніе видимой стороны церкви. Но при этомъ мы встрѣчаемся съ примѣчательнымъ фактомъ. Протестанство, какъ бы устрашенное необходимыми послѣдствіями своего субъективизма, останавливается на пути развитія этихъ основныхъ своихъ началъ и вопреки собственному принципу робко, сдержанно стремится къ образованію и организаціи церкви въ нѣкоторыхъ только видимыхъ очертаніяхъ. За то это стремленіе, стоящее въ противорѣчіи съ коренными началами протестантства, при организаціи церкви оказалось страдающимъ многими односторонностями, крайнею неполнотою и недостатками. Особенности личнаго и національнаго характера, образа воззрѣній и условій дѣятельности отдѣльныхъ реформаторовъ выразились особенностями устройства ихъ церквей, такъ что ясно замѣтно, что протестантскія церкви созидались не по вѣчнымъ нормамъ писаннаго и неписаннаго Слова Божія, но предначертаніямъ разума человѣческаго, смотрѣвшаго на самое священное Писаніе подъ узкимъ угломъ свойственнаго ему зрѣнія.

До Кальвина уже были выработаны два общіе по родовымъ признакамъ, но различающіеся по нѣкоторымъ особеннымъ свойствамъ типа протестантскихъ церквей: церковь Лютера и церковь Цвингли. Лютеръ, строго держась основнаго положенія объ, оправданіи человѣка одною внутреннею единоличною вѣрою, пришелъ къ тому ученію, что церковь *невидима*, и только *невидимой* своей церкви приписывалъ важное значеніе, признавая необходимымъ условіемъ спасенія человѣка принадлежать къ ней. Вслѣдствіе этого односторонняго понятія о церкви, по ученію Лютера, нѣтъ безусловной необходимости въ церкви *видимой*. Если же онъ и допускаетъ фактическое ея существованіе, то не приписываетъ ей особенно важнаго значенія, не ставитъ при

надлежности къ ней условіемъ, безъ котораго не возможно было бы спасеніе человѣка [1]). И самая видимая церковь является у Лютера чѣмъ-то безсильнымъ. Считая достаточною для оправданія человѣка одну только теоретическую вѣру, онъ недавалъ нравственной дѣятельности человѣка подобающаго ей значенія въ дѣлѣ оправданія и спасенія. Кромѣ то признавая за нравственнымъ закономъ значеніе средства къ познанію грѣха и такимъ образомъ къ возбужденію вѣры въ заслугѣ Искупителя, Лютеръ можетъ быть названъ антиномистомъ въ томъ смыслѣ, что онъ не признавалъ безусловно необходимымъ для христіанина исполненія закона [2]). Поэтому онъ добрыя дѣла, какъ плодъ вѣры, почиталъ чѣмъ-то малозначительнымъ, почти ненужнымъ для полученія спасенія, потому что одна вѣра спасаетъ человѣка. Kein Werk, говоритъ реформаторъ, kein Gebot einem Christen noth sei zur Seligkeit [3]). Вслѣдствіе сего и самое христіанство должно было представляться Лютеру теоретическимъ ученіемъ, а не нормою для всей жизни христіанина. Такъ Лютеръ область человѣческой воли и дѣятельности совсѣмъ отдѣлилъ отъ религіозной вѣры, практическую жизнь и дѣятельность личности, общества, государства оторвалъ отъ благотворнаго нравственнаго вліянія христіанства. Отъ этого у Лютера видимая церковь естественно должна была носить слѣды вліянія этого односторонняго идеалистическаго или теоретическаго направленія. Она должна была принять характеръ учрежденія вѣроучительнаго, типъ такой школы, которой не вмѣнялось въ существенную обязанность воспитывать своихъ учениковъ въ нравственно-практической жизни и направлять соціальную ихъ жизнь. Вѣра воспринимаемая сознаніемъ, такъ-сказать заучиваемая, чисто-догматическое преподаваніе ученія,—вотъ важнѣйшая задача и существенный признакъ истинной церкви. Впрочемъ Лютеръ, вопреки послѣдовательности, поставилъ и другую задачу для церкви совершеніе—таинствъ. Не смотря на это Лютерова церковь не стремилась стать твердо разчлененнымъ правовымъ учрежденіемъ, имѣющимъ самостоятель-

---

[1]) Schenkel's Wesen des Protestantismus S. 544.
[2]) Ib. S. 161 и 159.
[3]) Ibid. S. 397.

ное управленіе и независимую власть. Всѣ члены ея равны другъ другу по вѣрѣ, дѣленіе на пастырство и стадо не могло найти въ ней мѣста. Если въ ней есть пасторы, которые должны проповѣдывать ученіе вѣры и совершать таинства, то они не составляютъ особаго сословія церковнаго, они, внѣ отправленія своего дѣла, такіе же міряне, какъ и ихъ пасомые, потому что не получаютъ ни особой благодати, ни особой власти надъ вѣрующими. Geistlich und Weltlich, говоритъ Лютеръ въ своей рѣчи къ нѣмецкому дворянству, keinen anderen Unterschied haben, denn des Amts oder Werks halben, denn sie sind alle geistlichen Stands [4]). Это общество связанное однимъ теоретическимъ ученіемъ вѣры, по мнѣнію Лютера, не имѣетъ никакой особой юридической власти. Evangelium et Ecclesia nesciunt jurisdictiones, quae sunt nonnisi hominum tyrannicae inuentiones. Solam scit charitatem et servitutem, non potestatem et tyrannidem [5]). Само собою понятно, что протестантская церковь въ такомъ устройствѣ не имѣла побужденій стремиться къ полной независимости и самостоятельности и легко мирилась съ подчиненнымъ своимъ отношеніемъ къ государству, какъ мы раскроемъ это въ послѣдствіи.

Одно изъ выдающихся отличій реформатскихъ церквей отъ лютеранской составляетъ нравственно-практическое ихъ направленіе, стремленіе къ преобразованію не только личной, но и соціальной жизни вѣрующихъ по церковнымъ нормамъ. Еще Цвингли видѣлъ въ Евангеліи не одну только норму догматическаго или теоретическаго ученія вѣры, но вмѣстѣ и откровеніе воли Божіей, божественный, обязательный для христіанина нравственный законъ. Цюрихскій реформаторъ требовалъ отъ христіанина не только вѣры, но и исполненія закона, требовалъ нравственно добрыхъ дѣлъ. Поэтому задачею церкви у него является забота не объ одномъ только догматическомъ ученіи и совершеніи таинствъ, но и о чистотѣ и святости нравственной жизни. Вслѣдствіе того Цвингли признавалъ необходимость отлученія отъ церкви не только за уклоненія отъ догматическаго ученія вѣры, но и за порочную жизнь. При всемъ томъ онъ не довелъ до конца своего стремленія—организовать

[4]) Schenkel's Wesen d. Protest. S. 590.
[5]) Schenkel'h Wesen d. Protest. S. 545 примѣчан.

свою церковь въ томъ видѣ, чтобы она была учрежденіемъ имѣющимъ своею задачей преобразованіе нравственно-практической жизни, быть-можетъ частію и потому, что онъ церковное общество отождествилъ съ политическимъ, съ представительствомъ народа и такимъ образомъ власть церковную слилъ съ властію гражданскою и подчинилъ первую послѣдней [6]).

Развить, осуществить и упрочить стремленія къ преобразованію практической жизни, поставить ихъ одною изъ главнѣйшихъ и существенныхъ задачъ церкви, для сего открыть и установить средства, дать церкви видъ самостоятельнаго, независимаго органическаго учрежденія, сильнаго въ своей независимости выпало на долю женевскаго реформатора. Эти нравственно-практическія тенденціи, доведенныя до конца и отчасти до крайности, имѣли весьма важное значеніе при устройствѣ Кальвиномъ церкви. Онѣ, составляя какъ бы центръ тяжести во всей его дѣятельности, вызвали въ созданной имъ церкви особыя должности и учрежденія, измѣнили самыя догматическія воззрѣнія реформатора на значеніе видимой церкви, на ея власть надъ индивидуальною и общественною жизнію и на носителей этой власти, указали церкви Кальвина новыя, чуждыя протестантскому міру отношенія къ другимъ сферамъ жизни, каковы народъ и государство.

Западные историки называютъ Кальвина представителемъ этическаго момента въ развитіи реформаціи XVI столѣтія, въ отличіе отъ Лютера, въ которомъ видятъ представителя теоретическаго момента [7]). Съ этимъ нельзя не согласиться. Въ первое еще пребываніе въ Женевѣ Кальвинъ вмѣстѣ съ Фарелемъ, какъ мы видѣли, стремился подчинить жизнь Женевцевъ нравственно-практическимъ своимъ стремленіямъ. Еще тогда онъ требовалъ отъ правительства строгаго надзора за поведеніемъ населенія и строгихъ наказаній за преступленія противъ нравственнаго закона; равно какъ видѣли, что Кальвинъ, соглашаясь снова возвратиться въ Женеву, поставлялъ главнымъ условіемъ возстановленіе „разрушенной церкви“, — искорененіе пороковъ,

---

[6]) См. Schenkel'я Wesen d. Protest. §§ 45. 90. 106 и 149.
[7]) Stähel, II, 338.

соблюденіе установленнной дисциплины во всей точности. Такъ въ Кальвинѣ болѣе всего сказывались стремленія къ преобразованію нравственной жизни. Иначе и быть не могло. Сынъ Романскаго племени, отличающагося не столько теоретическимъ, сколько практическимъ направленіемъ, не успокоивающимся на теоріяхъ безъ приложенія ихъ къ дѣйствительной жизни, будучи самъ человѣкомъ энергической воли и неустанной дѣятельности, Кальвинъ не могъ, какъ Лютеръ считать достаточною для спасенія человѣка одну только вѣру. Онъ требовалъ отъ вѣрующихъ добрыхъ дѣлъ, нравственно-доброй жизни [8]). Въ этомъ отношеніи особенно замѣчательно отношеніе Кальвина къ закону. Тогда какъ Лютеръ училъ, что законъ отмѣненъ Евангеліемъ и не считалъ его обязательнымъ для христіанъ, Кальвинъ училъ, что возрожденный человѣкъ, хотя и имѣетъ въ себѣ Духа Божія, тѣмъ не менѣе стоитъ подъ закономъ. Законъ долженъ служить нормою всей внутренней и внѣшней жизни христіанина [9]). О Кальвинѣ не безосновательно говорятъ, что онъ не чуждъ былъ стремленія возстановить ветхозавѣтную подзаконность; потому что онъ требовалъ исполненія закона не по однимъ только внутреннимъ побужденіямъ, но хотѣлъ заставить людей безнравственныхъ исполнять законъ хотя внѣшнимъ образомъ. Для этого онъ употреблялъ внѣшнія принудительныя мѣры, гражданскія наказанія; такимъ образомъ принужденіемъ и страхомъ наказаній старался воспитать и утвердить нравственность въ обществѣ вѣрующихъ. Въ самомъ Богѣ Кальвинъ видѣлъ не столько

---

[8]) Въ третьей книги Наставленія въ христіанской вѣрѣ Кальвинъ говоритъ: Nullum Christus justificat quem non simul sanctificet... Utrumque simul largitur: alterum nunquam sine altero. Ita liquet, quam verum sit, nos non sine operibus, neque tamen per opera justificari. Въ посланіи къ Садолету Кальвинъ говоритъ: injuria fit Christo, si praetexta gratiae ejus repudiantur bona opera: quum venerit, ut redderet populum Deo acceptabilem, sectatorem bonorum operum. Et extant multa similia in eam rem testimonia, quibus probatur, ideo venisse Christum, ut bene operantes per eumaccepti essemus Deo. Est haec quidem calumnia adversariis nostris perpetuo inore, quod benefaciendi studium tollimus e vita christiana, gratuita e justitiae commendatione. Opp. Calv. Vol. V, p. 398 ed. Brunsw.

[9]) Instit. l. II, c. VII, s. 12. 14. Opp. Calv. v. II p. 261—4 ed. B. Opp. Calv. vol. V p. 327 ed. B.

любвеобильнаго и милосердаго Отца, сколько праведнаго, неумомимаго судію, который, ревнуя по правдѣ, караетъ людей вѣчною погибелью. При такихъ воззрѣніяхъ уже не могло удовлетворить Кальвина Лютерово ученіе о церкви. Онъ не могъ ограничить задачу церкви наученіемъ одной внутренней вѣрѣ; у женевскаго реформатора церковь, кромѣ наученія истинамъ вѣры должна быть воспитательною школою жизни, хранительницею закона Божія, проводникомъ его во внѣшнюю жизнь человѣчества,, должна стать обществомъ не только вѣрующихъ, но во внѣшней жизни и внѣшнимъ образомъ исполняющихъ законъ Божій, обществомъ, въ которомъ нетерпима никакая нравственная нечистота, оскорбляющая верховнаго законодателя — Бога. Признавая нравственную слабость и растлѣніе отдѣльныхъ личностей [10]), вслѣдствіе этого Кальвинъ уже не могъ остановиться на одностороннемъ понятіи о *невидимости* церкви, какъ слишкомъ абстрактномъ, неприложимомъ къ дѣйствительной жизни, и долженъ былъ придать большее значеніе *видимой* церкви, какъ внѣшнему учрежденію. „Внѣ ея нѣтъ отпущенія грѣховъ, нѣтъ спасенія—вотъ основоположеніе реформатора. Церковь есть мать наша. Мы иначе не можемъ войти въ жизнь, какъ если она породитъ насъ въ своемъ лонѣ, вскормитъ своею грудью, сохранитъ подъ своимъ покровомъ и управленіемъ [11])“. Какъ жизнь христіанина, по мнѣнію Кальвина слагается не изъ одной вѣры запечатлѣваемой таинствами, но и изъ нравственной доброй жизни: такъ и дѣятельность церкви не исчерпывается наученіемъ вѣрѣ и совершеніемъ таинствъ, какъ у Лютера, но должна непремѣнно состоять въ установленіи благочинія (дисциплины) церкви, въ очищеніи организма ея отъ тѣхъ, которые „ведутъ гнусную и беззаконную жизнь, которыми сквернится, какъ гнилыми членами, тѣло Христово“, въ возбужденіи нерадивыхъ, въ наказаніи глубже падшихъ [12]).

---

[10]) Inst. l. IV, c. I. s. I. Opp. Calv. vol. II, p. 745—46 ed. B.

[11]) Extra ejus (visibilis Ecclesiae) gremium nulla est speranda peccatorum remissio, nec ulla salus. Ecclesia est nostra mater. Non alius est in vitam ingressus, nisi nos alat suis uberibus, sub custodia et gubernatione sua nos tueatur. Inst. l. IV, c. 1, S. 4. Opp. Calv. vol. 11. p. 748—9. ed. Bruns.

[12]) Inst. l. IV, c. XII. S. 1.

Поэтому Кальвинъ наряду съ проповѣдію чистаго евангельскаго ученія и совершеніемъ таинствъ поставляетъ признакомъ истинной церкви дисциплину и даетъ послѣдней весьма важное значеніе. „Если, разсуждаетъ онъ, никакое общество, никакой домъ, въ которомъ есть небольшое семейство, не можетъ стоять въ правильномъ состояніи (recto statu) безъ дисциплины: то тѣмъ болѣе она необходима въ церкви.... Какъ ученіе есть душа церкви, такъ дисциплина служитъ въ ней вмѣсто нервовъ, вслѣдствіе чего члены организма связуются въ своемъ мѣстѣ [13]). Поэтому тѣ, которые думаютъ, что церкви могутъ стоять безъ этихъ узъ дисциплины, обманываются [14]), и тѣ, которые хотятъ или уничтожить ее или препятствуютъ возстановленію ея, дѣлаютъ ли это намѣренно или по невѣдѣнію, желаютъ, чтобы церковь дошла до крайнаго распаденія [15]). Безъ этой узды, сдерживающей неистовствующихъ, безъ этой отеческой розги для нерадиныхъ угрожаетъ церкви страшное распаденіе, потому что нѣтъ инаго (кромѣ дисциплины) способа сдерживать народъ. Понятно, чтобы подчинить общество вѣрующихъ церковной дисциплинѣ и сдѣлать ее обязательною для всѣхъ и каждаго, церковь нуждается въ самостоятельной власти и учрежденіяхъ. Поэтому Кальвинъ понимаетъ церковь, какъ правительственное учрежденіе (regimen) Христа, какъ его духовное царство (spirituale Christi Regnum) съ особою духовною властію (spiritualis potestas), которая состоитъ vel in doctrina (auctoritas dogmatum tradendorum et eorum explicationis), vel in jurisdictione (правѣ ключей (clavium) вязать и рѣшить) vel in legibus ferendis aut constitutionibus, quas in duo capita referre licet; alterae ad ritus et ceremonias, alterae ad disciplinam (spiritualem politiam et pacem) respiciunt) [16]).

Кто же должны стать въ Кальвиновой церкви носителями и органами правительственной ея власти?

Въ Наставленіи въ христіанской вѣрѣ Кальвинъ подъ вліяні-

---

[14]) Instit l. IV, CXII. S. 4. Opp. Calv. v. II, p. 907.

[13]) Ib. Opp. Calv. v. II, p. 905.

[15]) Ib. S. I, p. 905.

[16]) Inst. l. VI, c. VIII, S. Opp. Calv. vol. II, p. 846; c. III, S. 4, p. 779; c. X, S. 29 p. 888—9.

емъ своего антагонизма тому воззрѣнію папства, что церковь состоитъ въ собраніи пастырей (coetus pastorum) [17]), подобно Цвингли, предоставляетъ церковную власть всему обществу вѣрующихъ [18]). Держась начала общиннаго управленія, женевскій реформаторъ долженъ бы былъ дать церковному управленію характеръ демократическаго. Но такое управленіе въ Кальвиновой церкви осталось буквою программы, не получившей исполненія въ практикѣ. По личнымъ своимъ склонностямъ предпочитая аристократическое правленіе всѣмъ другимъ [19]) и чувствуя большое недовѣріе къ народоправленію [20]), Кальвинъ, подобно Лютеру, не могъ предоставить общинѣ власть въ церкви, или сдѣлать ее источникомъ полномочій церкви, тѣмъ болѣе что по собственному своему опыту зналъ, какъ народъ противился разрѣшенію главной задачи церкви—введенію дисциплины и насколько глубоко онъ проникнутъ мірскимъ, противоцерковнымъ духомъ. Поэтому если женевскій реформаторъ и предоставлялъ общинѣ нѣкоторыя права на участіе въ дѣлахъ церкви (напр. право выбирать пасторовъ), то подобныя права оставались безъ осуществленія. Носителемъ церковной власти, своего рода правительствомъ церкви у Кальвина является особое сословіе или клиръ, стоящій выше общины мірянъ. Dividamus, говоритъ реформаторъ, Ecclesiam in duos ordines praecipuos: clerum scilicet et plebem [21]). Клиръ назначенъ Богомъ управлять церковнымъ обществомъ. По точному выраженію реформатора, онъ есть ordo, quo ecclesiam suam gubernari voluit Dominus [22]), regimen secundum Christi institutionem [23]). Клиръ, какъ органъ богоустановленной власти въ церкви, служитъ видимымъ представителемъ невидимой главы ея—Христа, составляетъ Его намѣстничество. Кальвинъ говоритъ: „поелику Господь видимо не

---

[17]) Nullo modo, говоритъ Кальвинъ, concedendum est ecclesiam in pastorum coetu consisctere. Inst. l. IV, c. IX, S. 7. Opp. Calv. II, p. 861.

[18]) Inst. l. IV, c. III, S. 13, 15 p. 785—86.

[19]) Inst. l. IV, c. XX, S. 8 p. 1098.

[20]) Inst. l. IV, c. XX, S. 8 p. 1098.

[21]) Inst. l. IV, c. XII, S. 1. Opp. Calv. v. II, p. 905.

[22]) Ib. l. IV, c. III, S. I, p. 776.

[23]) Ib. 4 p. 779.

присутствуетъ между нами, чтобы открывать намъ своими устами волю свою: то для сего Онъ употребляетъ служеніе (ministerium) людей и поручаетъ имъ дѣло намѣстниковъ (vicariam operam [24]). По образному выраженію реформатора, служители церкви суть столпы ея. Она твердо стоитъ тамъ, гдѣ пользуются авторитетомъ ея служители. Кто безславитъ власть духовнаго чина, пытается поколебать или уничтожить ее, тотъ посягаетъ на внутреннюю жизнь церкви. Свѣтъ и теплота солнца, пища и питіе не такъ необходимы для земной жизни, какъ пастырскій чинъ [25]). Несравненно выше должно уважать власть священническую, чѣмъ власть царскую (sic.) [26]). Вотъ на какую высоту Кальвинъ ставитъ клиръ своей церкви! Лютеръ и Цвингли не приписывали пасторамъ столь высокаго значенія въ церкви и не придавали имъ такого правительственно-сословнаго или точнѣе, клерикальнаго характера. Первый не допускалъ раздѣленія церкви на клиръ и народъ; считая всѣхъ вѣрующихъ іереями Богу, онъ поставлялъ все различіе между мірянами и духовными только въ дѣлахъ, которыми они занимались. Лютеръ равно и Цвингли не держались того воззрѣнія, что пасторы представляютъ намѣстниковъ невидимой Главы церкви. Особенно же цюрихскій реформаторъ далекъ былъ отъ этого воззрѣнія: въ служителяхъ церкви онъ видѣлъ простыхъ членовъ церковной общины, не возвышающихся надъ нею, и отличіе ихъ отъ всѣхъ другихъ поставлялъ только въ томъ, что они уполномочены церковною общиною отправлять цер-

---

[24]) Quia visibili praesentia (Dominus) inter nos non habitat, ut voluntatem nobis suam ore coram declaret, hominum ministerium in hoc adhibere.... et quasi vicariam operam. Inst. l. IV, c. III, S. I, p. 776.

[25]) Hominum ministerium, quo Deus in gubernanda Ecclesia utitur, говоритъ Кальвинъ, praecipuum esse nervum, quo fideles in uno corpore cohaereant...; non aliter incolumem servari Ecclesiam posse, quam si his praesidiis fulciatur... Ecclesiae ergo dessipationem, vel ruinam potius et exitium molitur, quisquis ordinem hunc et hoc genus regiminis vel abolere studet, vel quasi minus necessarium elevat. Neque enim vel solis lumen ac calor, vel cibus ac potus tam sunt praesenti vitae fovendae ac sustinendae necessaria, quam est conservandae in terris Ecclesiae apostolicum ac pastorale munus. Inst. l. IV, c. III, S. 2. Opp. Calv. v. II, p. 778 ed. B.

[26]) Бесѣды на 1 книгу Самуила (Царствъ). Opp. Calv. t. II, p. 364, ed. Amst.

ковное служеніе. Въ этомъ случаѣ два нѣмецкихъ реформатора были послѣдовательнѣе Кальвина и вѣрнѣе протестантскому началу оправданія человѣка одною субъективною вѣрою и отрицанію значенія видимой стороны церкви и представителей ея власти—пастырей. Напротивъ, женевскій реформаторъ въ этомъ отношеніи былъ ближе къ католическому ученію о клирѣ, хотя и пришелъ къ нему особымъ путемъ.

Отличіе Кальвинова клира отъ католическаго заключается въ двухъ, впрочемъ весьма существенныхъ, чертахъ: въ отсутствіи священно-таинственнаго характера и іерархической градаціи и подчиненности однихъ членовъ клира другимъ. Кальвинъ, отвергая таинство священства, не признавалъ необходимости для служителей своей церкви въ священнодѣйственномъ, благодатномъ поставленіи. Кромѣ того въ ряду служителей церкви не поставилъ существенно-необходимой степени епископа, чрезъ котораго преподается благодать священства и которому принадлежитъ священноначальство [27]). Поэтому члены Кальвинова клира не поставлены въ подчиненныя отношенія другъ къ другу и находятся въ отношеніяхъ сотрудничества или товарищества. Поэтому мы совершенно не раздѣляемъ мнѣнія Шенкеля [28]), будто Кальвинъ создалъ новую протестантскую іерархію, въ родѣ папистической. Впрочемъ антагонизмъ противъ епископской власти и іерархическаго подчиненія духовныхъ лицъ не былъ слишкомъ силенъ въ Кальвинѣ, судя по тому что въ письмѣ къ Сигизмунду, королю польскому, онъ допускалъ, чтобы въ Польшѣ былъ протестантскій архіепископъ и считалъ возможною новую форму пастырскаго преемства при посредствѣ рукоположенія служителей церкви протестантскими же пасторами [29]).

---

[27]) Кальвинъ утверждаетъ, будто св. Писаніе не полагаетъ различія между епископомъ и пресвитеромъ: quod Episcopos et Presbyteros et pastores et ministros promiscue vocavi, qui Ecclesias regunt, id feci ex scripturae usu, quae vocabuila ista confundit. Quicunque enim verbi ministerio funguntur, iis titulum episcoporum tribuit. Inst. l. IV, c. III, S. 8. Opp. Calv. v. II, p. 782 ed. B.

[28]) Wesen. d. Protest. 660.

[29]) Stähelir. II, 29—30.

Въ клирѣ Кальвинъ сосредоточилъ всю власть церкви и всѣ отрасли ея дѣятельности. Разнообразный кругъ церковной дѣятельности, какъ-то: отправленіе богослуженія вмѣстѣ съ проповѣдію Слова Божія, религіозное обученіе народа, наблюденіе за его нравственностію и попеченіе о бѣдныхъ и больныхъ, очевидно требовалъ раздѣленія реформатскаго духовенства на нѣсколько чиновъ или должностей. Впрочемъ это раздѣленіе духовенства на особые чины или должности основывалось у Кальвина не на іерархическомъ началѣ подчиненности одного другому, а на принципѣ раздѣленія труда, что не нарушало коллегіальныхъ отношеній членовъ духовнаго сословія. Соотвѣтственно четыремъ предметамъ дѣятельности церкви: отправленію богослуженія нераздѣльнаго съ проповѣданіемъ Слова Божія, религіозному обученію, надзору за нравственностью и примѣненію къ жизни церковной дисциплины и наконецъ, попеченію о бѣдныхъ и больныхъ, духовенство Кальвина, по церковнымъ уставамъ [30]), раздѣляется на четыре чина или вида должностей, пасторовъ или служителей слова, докторовъ или учителей, старшинъ и діаконовъ.

Впрочемъ, всѣ эти церковные чины или должности мы встрѣчаемъ въ различныхъ общинахъ протестантскихъ гораздо раньше, чѣмъ Кальвинъ ввелъ ихъ въ Женевѣ. Такъ должность пасторовъ была въ Лютеровой, Цвингліевой и другихъ протестантскихъ церквахъ, и если здѣсь не встрѣчаемъ старшинъ, то эти блюстители нравственности были предложены Ламбертомъ Авиньонскимъ на Гомбергскомъ синодѣ въ 1526 году [31]) и введены были Эколампадіемъ въ Базелѣ и Буцеромъ въ Страсбургѣ. Должность діаконовъ, занимавшихся дѣлами церковной благотворительности, мы находимъ также въ этихъ двухъ городахъ. Доктора или учители, получившіе большое значеніе съ XV столѣтія, въ эпоху попытокъ преобразованія католической Церкви во главѣ и членахъ, и игравшіе важную роль въ исторіи реформаціи, ка-

---

[30]) „Il y a, говоритъ въ ордонансахъ, quatre ordres ou espèces de charges qui Notre Seigneur a instituis pour le gouvernement ordinaire de son Eglise, assavoir les Pasteurs, puis les Docteurs, après, les Anciens, quartement les Diacres“. Bungener, 270.

[31]) F. Lambert.

жется, въ первый разъ введены Кальвиномъ въ качествѣ должностныхъ служителей церкви [32]). Такимъ образомъ дѣло Кальвина въ организаціи церкви состояло въ болѣе полномъ и отчасти своеобразномъ опредѣленіи правъ и обязанностей различныхъ служителей церкви.

Первенствующее мѣсто въ женевскомъ клирѣ занимаютъ пасторы (Pasteurs, Ministres) или служители Слова Божія, которымъ принадлежала власть церковнаго законодательства и учительства. Соотвѣтственно такому положенію ихъ въ градаціи другихъ должностей церковныхъ, болѣе чѣмъ третья часть церковныхъ уставовъ посвящена изложенію образа поставленія, правъ и обязанностей служителей Слова Божія (пасторовъ—тоже). Высокому призванію и достоинству служенія ихъ соотвѣтствуютъ и строгія требованія отъ поставляемыхъ на эту высокую должность. Кальвинъ въ укоръ католичеству замѣчалъ, что епископы его безъ строгаго выбора и испытанія возводили недостойныхъ въ церковныя должности [33]), осуждалъ за это и протестантовъ [34]). Самъ же онъ требуетъ подвергать строгому испытанію кандидатовъ на пастырство. L'examen qui est le principal, говорится въ Ордонансахъ. Такъ какъ пастору предстоитъ быть проповѣдникомъ Слова Божія и блюстителемъ церковной дисциплины, то при испытаніи обращалось вниманіе на двѣ стороны въ избираемомъ—на умственную и нравственную. Въ первомъ отношеніи требовалось знаніе Св. Писанія (bon connaissance de l'Ecriture) и способность преподавать оное въ назиданіе пасомыхъ. Кромѣ того, избираемый долженъ былъ давать присягу въ томъ, что онъ принимаетъ опредѣленное церковію ученіе и твердо будетъ держаться его. Что касается до нравственнаго достоинства избираемаго, то собирались справки о прежнемъ его поведеніи. Подвергавшійся наказанію за какія-либо проступки не допускался къ пастырскому служенію. Обращалось вниманіе даже на то, не имѣлъ ли онъ какихъ-

---

[32]) См. Lecher's Presbyterial-Verfassung im 13. XII Encyklop. fur Theolog. von Gerzog S. 106—117.

[33]) Exhortatio ad Carolum V, Opp. Calv. v. VII ed. B.

[34]) De Scandalis, quibus hodie plerique absterrentur Opp. Calv. vol. VIII, p. 364 ed. Br.

либо тѣлесныхъ недостатковъ, особенно такихъ, которые дѣлали бы его смѣшнымъ въ глазахъ другихъ [35]).

Кому принадлежитъ право избранія и поставленія служителей слова? По Наставленію въ христіанской вѣрѣ [36]) и церковнымъ уставамъ избраніе зависитъ отъ трехъ властей: отъ клира, который испытываетъ кандидатовъ, отъ власти государственной, которая въ лицѣ совѣта синдиковъ изрекаетъ свое placet, и отъ церковной общины, которая принимаетъ или отвергаетъ предложенныхъ кандидатовъ. На самомъ же дѣлѣ главное и преобладающее вліяніе въ дѣлѣ избранія пасторовъ имѣлъ клиръ, а государственная и церковно-общинная власть имѣли слишкомъ мало или почти не имѣли никакого значенія. Кальвинъ, заботясь о самостоятельности и независимости власти церкви и ея органовъ-служителей, естественно долженъ былъ стремиться къ ограниченію участія государства и народа въ избраніи служителей Слова Божія. Инціатива выбора принадлежала самому духовенству, которое въ церковныхъ интересахъ избирало кандидатовъ и испытывало ихъ. Но гражданское правительство и народъ не могли представлять своихъ кандидатовъ, а должны были выбирать только изъ числа представляемыхъ самимъ духовенствомъ. Утвержденіе же выбора, предоставленное государственной власти и народу, было не столько дѣйствительнымъ правомъ, сколько простою формальностію. Правда, Кальвинъ предоставлялъ общинѣ не принимать неугоднаго ей проповѣдника, но скоро это потеряло силу права дѣйствующаго, и на пользованіе имъ стали смотрѣть въ Женевѣ какъ на произволъ своеволія [37]). Такимъ образомъ вѣрно говоритъ Шенкель, что въ Кальвиновой церкви духовное сословіе самовосполнялось [38]). Пасторы женевскіе, обязанные своимъ выборомъ не свѣтскому правительству какъ у Лютера, и не народу, какъ это было въ нѣкоторыхъ реформатскихъ церквахъ (напр. у Ласко), зависѣвшіе въ своемъ поставленіи отъ духовнаго сословія, чрезъ это самое имѣли полную

[35]) Bungener, 270—71; Stahel. I, 335—6; Audin, 248—9. ex. Inst. l. IV, c. III.
[36]) Inst. l. IV c. III, p. 776—87.
[37]) Stähel, I, 336; Kampschul. B. I, 399.
[38]) Wesen. d. Protest. S. 124.

самостоятельность и свободу дѣйствовать въ интересахъ церкви, независимо отъ стремленій и видовъ свѣтскихъ властей и народа. Ни правительство, ни община не имѣли права отставить пастора. Въ этомъ отношеніи женевскій реформаторъ держался совершенно иного начала, чѣмъ бернское правительство, хотѣвшее видѣть въ проповѣдникахъ какъ бы нанятыхъ служителей, которыхъ можно отставить когда угодно [39]).

Введеніе въ должность избраннаго пастора происходило очень просто, безъ особенной торжественности. Одинъ изъ пасторовъ говорилъ рѣчь о важности обязанностей служителя Слова Божія, читалъ молитву, въ которой новоизбранному испрашивалась благодать, необходимая для прохожденія предстоящаго ему служенія [40]), затѣмъ пасторы возлагали на него руки [41]). Но въ этомъ должно видѣть не болѣе какъ простой обрядъ, а не священнодѣйственное рукоположеніе католической или вообще древневселенской церкви. Введенный такимъ образомъ въ должность пасторъ давалъ предъ совѣтомъ присягу въ томъ, что онъ будетъ вѣрно служить Богу и хранить въ чистотѣ Его слово, назидать пасомыхъ, соблюдать церковные уставы и пользоваться безъ лицепріятія мѣрами духовнаго исправленія (дисциплиною), далѣе, что онъ будетъ охранять честь и благо правительства, твердо исполняя свой долгъ, подчиняться постановленіямъ города и служить его правительству и народу, но такъ, чтобы это не мѣшало ему *служить Богу согласно съ его званіемъ* („aucunement empeche de rendre à Dieu le service que se dois en ma vocation“) [42]).

Обязанности пастора заключаются въ проповѣданіи Слова Божія, совершеніи богослуженія и таинствъ и въ надзорѣ за нравственностію пасомыхъ („Leur charge est d'annoncer la parole de Dieu pour endoctriner, admonester et reprendre, tant en public qu'en particulier, administer les sacrements, et *faire les censures ecclesiastiques*“ [43]).

---

[39]) Ebrard's Kirchen und Dogm. Gesch. B. III. § 170.
[40]) Bungener, 271.
[41]) Andin, 248. Instit. l. IV, c. III, S. 16. Opp. Cal. vol. II, p. 786—7.
[42]) Stähel. I, 336 второе примѣч.
[43]) Bungener, 270.

Итакъ первая и главная обязанность пастора состояла въ служеніи Слову Божію (ministerium verbi Dei) или проповѣди Евангелія (praedicatio vel annuntiatio evangelii)[44]). Проповѣдь его должна быть строго согласна съ св. Писаніемъ. Если же служитель слова не проповѣдуемъ Евангелія во всей чистотѣ, то онъ долженъ быть лишенъ своей должности. Кальвинъ опредѣляетъ и самое направленіе проповѣди. При истолкованіи Слова Божія проповѣдникъ долженъ воздерживаться отъ всякихъ необычныхъ объясненій, избѣгать безплодныхъ умозрѣній и изслѣдованій, которыя удовлетворяютъ одному любопытству и ведутъ къ спорамъ, и вообще держаться принятаго церковію ученія. Ересь, расколъ нетерпимы въ служителяхъ Слова Божія. Но болѣе всего они должны избѣгать заблужденій папства и даже удаляться всякаго общенія съ проповѣдниками его. Между евангелическими и папскими проповѣдниками такое же различіе, какое между истинными и ложными пророками. Проникнутый фанатическою ненавистію къ папству Кальвинъ въ своихъ сочиненіяхъ пользуется каждымъ поводомъ внушить и пасторамъ непримиримую ненависть къ „антихристіанскому Риму, по его словамъ, сѣдалищу невѣжества, духовнаго рабства, позорнѣйшихъ пороковъ, жилищу сатаны“ [45]). Реформаторъ хотѣлъ это нехристіанское чувство ненависти къ папству сдѣлать главнымъ тономъ церковной проповѣди.

Другая обязанность служителя Слова Божія — состоитъ въ совершеніи таинствъ (administratio Sacramentorum) [46]) и богослуженія. Только служитель слова имѣетъ право совершать крещеніе и причащеніе; крещеніе, совершаемое мірянином, особенно женщиною недѣйствительно [47]). Безъ пастора не можетъ быть отправляемо никакое церковное богослуженіе; вѣрующіе только къ присутствіи пастора собираются въ домъ Божій, безъ него онъ долженъ быть запертъ [48]).

Третья обязанность служителя слова заключается въ воспи-

---

[44]) Inst. l. IV, c. III. S. 6. Opp. Calv. v. II, p. 781.
[45]) Kampsch. B. I, 407.
[46]) Instit. l. IV, c. III. S. 6. Opp. Calv. v. II, p. 781 ed. B.
[47]) Bungener, 273. Kampschult. B. I. 461.
[48]) Kampschult. B. I, 454.

таніи и направленіи нравственной жизни общины согласно съ божественною волею, открытою въ Словѣ Божіемъ. Соотвѣтственно той важности, какую Кальвинъ приписывалъ церковной дисциплинѣ, онъ даетъ пасторамъ обширныя полномочія въ надзорѣ за поведеніемъ пасомыхъ. Первые обязаны назидать ихъ не только въ храмѣ, но и внѣ его наблюдать за общественною и домашнею жизнію каждаго, входить во всѣ житейскія отношенія своихъ прихожанъ, увѣщавать ихъ, предостерегать, ободрять и утѣшать. Назиданіе, испытаніе и посѣщеніе пасомыхъ — вотъ существенные предметы обязанностей служителя слова. Каждый членъ церковной общины до послѣдняго узника въ темницѣ ввѣренъ педагогическому надзору своего пастора. Безъ боязни и страха онъ долженъ являться энергическимъ тамъ, гдѣ видитъ нарушеніе заповѣдей Божіихъ, увѣщевать и наказывать. Ему несвойственно быть льстецомъ народа. Послабленіе или потворство неприличны реформатскому проповѣднику. Онъ долженъ быть непремѣнно строгъ при исполненіи своихъ обязанностей. Потому что онъ не только проповѣдникъ истины, но въ тоже время и защитникъ ея, Богомъ поставленный мститель [49]). Поэтомуи рѣчь его должна быть строгою. Хотя не порицаются служители слова за мягкій тонъ проповѣдей, но суровому Кальвину болѣе нравилось, если они подражали строгимъ и грознымъ рѣчамъ пророковъ или тому тону рѣчи, какой апостолъ Павелъ употребилъ противъ ложныхъ апостоловъ [50]).

Требуя отъ пасторовъ строгости въ отношеніи къ пасомымъ, Кальвинъ обязывалъ ихъ самихъ быть строгими къ себѣ. Ихъ безупречная, чистая и назидательная жизнь должна быть примѣромъ для ихъ пасомыхъ. Богохульство, клятвопреступленіе, нетрезвость, пристрастіе къ игрѣ, нецѣломудріе нетерпимы въ служителяхъ Слова Божія. Кальвинъ не отрицалъ, что безбрачное состояніе доставляетъ пасторамъ болѣе удобства исполнять свои обязанности, но, по примѣру другихъ реформато-

---

[49]) Comment. in Ezech. Opp. Cal. vol. IV, p. 112. ed. A.

[50]) Суровымъ строгимъ тономъ рѣчи долгое время отличалась реформатская проповѣдь, особенно у пуританъ и шотландскихъ пресвитеріанъ.

ровъ, дозволялъ своему духовенству брачную жизнь, строго запрещая нецѣломудренное поведеніе. Служитель слова въ самой внѣшности, въ своихъ движеніяхъ, разговорѣ, одеждѣ долженъ быть важенъ. Ему нужно всячески пріобрѣтать добрую славу, чтобы худою не унизить своего служенія. Таковы въ главныхъ чертахъ обязанности, которыя Кальвинъ возлагалъ на служителей Слова Божія.

Возлагая на нихъ высокія обязанности, реформаторъ предоставилъ имъ важныя права. Такъ какъ служитель слова есть представитель Божій, проповѣдникъ божественной истины, совершитель таинствъ, нравственный руководитель и воспитатель пасомыхъ, то онъ имѣетъ право на полное уваженіе и послушаніе со стороны ихъ. Народъ обязанъ подчиняться своимъ пасторамъ и въ рѣшеніи всѣхъ важнѣйшихъ церковныхъ дѣлъ подавать свой голосъ только подъ надзоромъ ихъ. Власть пасторовъ составляетъ какъбы узду, которая сдерживаетъ страсти народныя и вводитъ ихъ въ границы. Духовенству принадлежитъ починъ во всемъ касающемся Церкви. Громкія заявленія, публичные споры, къ чему такъ склоненъ народъ, непозволительны и противорѣчатъ дисциплинѣ, данной Богомъ, „Мы знаемъ, говорится въ толкованіи Кальвина на Евангеліе Іоанна, какъ велика неумѣренность народа. Поэтому тотчасъ произойдетъ большое нестроеніе въ Церкви, какъ скоро дана будетъ народу полная свобода“ [51]). Поэтому-то Кальвинъ власть церковнаго управленія народомъ и предоставляетъ духовенству.

Такъ какъ служитель слова долженъ занимать почетное и независимое положеніе въ обществѣ и посвящать всѣ труды свои исполненію своихъ обязанностей, то онъ имѣетъ право на обезпеченіе достаточнымъ и приличнымъ содержаніемъ. Кальвинъ отъ реформатскихъ проповѣдниковъ не требовалъ евангельской бѣдности и не видѣлъ въ богатствѣ препятствія къ успѣшной дѣятельности на пользу Церкви. Какъ самъ онъ обезпеченъ былъ достаточнымъ содержаніемъ [52]), такъ желалъ того

[51]) Opp. Calv. t. VI, p. 77. ed. A.

[52]) Правительство женевское, кромѣ квартиры назначило, на содержаніе Кальвина 500 флориновъ или гульденовъ и сверхъ того выдавало ему 12 мѣръ пшеницы и 2 бочки вина Audin, 244; Stähel. I, 317.

же и для своихъ сотрудниковъ, часто ходатайствовалъ предъ правительствомъ города объ улучшеніи ихъ содержанія. По его мнѣнію, всѣ конфискованныя имѣнія католической церкви въ Женевѣ и ея области должны перейти въ собственность реформатской Церкви на содержаніе ея духовенства. Онъ указывалъ святотатство въ томъ, что правительство города завладѣло имуществами католической церкви. „Что однажды посвящено Христу и Его Церкви, то не принадлежитъ городскому правительству“ [53]). Но Кальвину не удалось достигнуть того, чтобы католическія церковныя имѣнія переданы были реформатскому духовенству.

По опредѣленію церковныхъ уставовъ въ организуемой Церкви должно было быть пять проповѣдниковъ и три помощника. Но это число съ теченіемъ времени увеличивалось; въ 1543 году доходило до шестнадцати и вскорѣ возросло до осмнадцати [54]).

Къ церковнымъ должностямъ причислены Кальвиномъ еще три должности: старшинъ, учителей или докторовъ и діаконовъ. Въ планѣ Кальвиновой реформы, кромѣ совершенія богослуженія и проповѣди, указаны были еще три предмета дѣятельности Церкви: воспитаніе христіанской нравственности въ обществѣ вѣрующихъ, школьное образованіе юношества въ строго церковномъ вѣроисповѣдномъ направленіи и наконецъ попеченіе о бѣдныхъ и больныхъ. Всѣ эти отрасли церковной дѣятельности сосредоточивались главнымъ образомъ въ кругѣ обязанностей пасторовъ. Поэтому имъ принадлежало средоточное положеніе въ организмѣ Церкви. Но такая широкая задача церковной дѣятельности не могла быть успѣшно выполняема однимъ классомъ пасторовъ. Поэтому Кальвинъ присоединилъ къ нему еще три вспомогательныя церковныя должности, выше нами названныя. При разсмотрѣніи обязанностей служителей слова или пасторовъ, мы видѣли, что въ кругъ ихъ дѣятельности входило, какъ частная отрасль ея, наблюденіе за нравственностію пасомыхъ и религіозное образованіе. Первую изъ указанныхъ здѣсь обязанностей раздѣляли съ пасторами старшины (seniores) [55]), вто-

---

[53]) Stähel, I, 337.

[54]) Kampschul. B. I. S. 411—12.

[55]) Въ Наставленіи въ христіанской вѣрѣ они называются: gubernatores,

рую учители или доктора. Тѣ и другіе существенно различались отъ пасторовъ, такъ какъ они не могли совершать богослуженія и проповѣдывать во храмѣ, а были ихъ помощниками первые въ наблюденіи за нравственностію общества, вторые въ воспитаніи юношества.

Достойно примѣчанія, что институтъ старѣйшинъ былъ не во всѣхъ протестантскихъ церковныхъ общинахъ. Это явленіе было не случайное; оно тѣсно связывалось съ основными воззрѣніями реформаторовъ на предметъ церковной дѣятельности. У тѣхъ изъ нихъ, которые не признавали необходимости въ церковной дисциплинѣ или по крайней мѣрѣ приписывали ей немного значенія, не было института старшинъ. Такъ не было ихъ въ церкви Лютера, которая можетъ быть названа по преимуществу учительною. Реформаторы же, дававшіе большое значеніе практической жизни, желавшіе ввести церковную дисциплину какъ Ламбертъ, Бренцъ, Эколампадій, первые установили должность старшинъ. Только Кальвинъ, признавъ дисциплину за существенную принадлежность церкви, далъ въ ея организаціи важное и вліятельное положеніе старшинамъ. Въ этихъ служителяхъ церкви Кальвинъ думалъ видѣть пресвитеровъ (πρεσβυτεροι-старѣйшины) о которыхъ упоминается въ посланіяхъ апостольскихъ, не обращая строгаго вниманія на то, что пресвитеры, по точному правильному разумѣнію новозавѣтныхъ писаній, были одно и то же, что іереи или пастыри. Кальвинъ желалъ, чтобы старшины избирались собраніемъ (коллегіей) пасторовъ. Слѣдовательно выборъ ихъ долженъ былъ зависѣть исключительно отъ церковной власти, а не отъ народа или государства. Изъ Ордонансовъ видно, что Кальвину удалось отстоять способъ выбора старшинъ отъ всякаго вліянія народа. (Мы думаемъ, что причиною этого служило опасеніе, что народъ станетъ избирать въ должность старшинъ людей не очень ревнующихъ о очень суровой дисциплинѣ). Но Кальвину не удалось устранить вліяніе городскаго правительства на выборы старшинъ. Въ виду опасеній правительства, что церковная

---

qui censurae morum et exercendae disciplinae praeessent. l. IV, c. III. S. 8. Opp. Calv. vol. II, p, 782 ed. B.

власть послужитъ къ ослабленію власти государственной, реформатору пришлось отказаться отъ своего желанія и пришлось подѣлить право выбора старшинъ между пасторами и представителями государственной власти, членами малаго совѣта. Послѣдніе, по совѣщаніи однако съ пастырями, избирали двѣнадцать старшинъ (двухъ изъ своей среды, четырехъ изъ членовъ совѣта шестидесяти, шесть изъ совѣта двухсотъ). Такимъ образомъ старшины облечены были церковною и гражданскою властію. Въ эту должность избирались только такіе граждане, которые отличались постоянно добрымъ поведеніемъ, проникнуты были страхомъ Божіимъ и владѣли практическимъ благоразуміемъ въ церковныхъ дѣлахъ. Вступая въ отправленіе своей должности, старшины давали присягу въ томъ, что будутъ противодѣйствовать безбожію, богохульству, отступничеству и всему тому, что противно благочестію и церкви евангелической. Избирались они на одинъ годъ; впрочемъ тѣ изъ нихъ, которые усердно проходили свою должность, могли быть оставляемы въ ней и на болѣе продолжительный срокъ. Существо обязанностей старшинъ состояло въ наблюденіи за исполненіемъ церковныхъ постановленій и судѣ за нарушеніе ихъ [56]). По церковнымъ уставамъ, изданнымъ въ 1546 году для сельскихъ церквей, надзоръ за нравственною жизнію порученъ былъ надзирателямъ, которые избирались изъ прихожанъ подъ наблюденіемъ сельскаго старосты, получали наставленія отъ старшинъ городскихъ и утверждались совѣтомъ синдиковъ. Сельскіе надзиратели должны были о болѣе важныхъ нарушеніяхъ церковныхъ постановленій доносить городскимъ старшинамъ. Подробное юридическое опредѣленіе правъ и обязанностей старшинъ мы представимъ въ послѣдствіи, когда будемъ разсматривать устройство консисторіи и говорить о церковномъ судѣ.

Съ должностію служителей Слова Божія у Кальвина имѣетъ сродство званіе учителей или докторовъ по существеннымъ ихъ обязанностямъ [57]). Реформаторъ ставилъ въ такое тѣсное отношеніе къ церкви школу, что она превращалась въ строго-церков-

---

[56]) Bungener, 275; Audin, 249; Stähel. I, 337—8.

[57]) Inst. IV, c. III S. 4. opp. Calv. v. II p. 780. ed., B.

ное учрежденіе и образованіе въ функцію дѣятельности самой церкви. Поэтому доктора или учители принадлежали также къ разряду служителей церкви. Они избирались, какъ и служители слова, пасторами, и если по испытаніи оказывались способными, то утверждались въ должности малымъ совѣтомъ. По смыслу церковныхъ уставовъ, учители были помощниками и орудіями служителей Слова Божія. Главною задачею ихъ дѣятельности было: сохраненіе Слова Божія въ чистотѣ, преимущественно-религіозное обученіе юношества и приготовленіе будущихъ проповѣдниковъ. Дѣятельность учителей уяснится для насъ вполнѣ, когда мы вслѣдъ за судебною дѣятельностію церкви разсмотримъ школу, какъ церковное учрежденіе.

Въ Ордонансахъ къ церковнымъ должностямъ причислена должность діаконовъ, служившихъ органами благотворительной дѣятельности церкви [58]). Они выбирались точно такимъ же порядкомъ, какъ и старшины. Въ Наставленіи въ христіанской вѣрѣ Кальвинъ различаетъ два рода діаконовъ: т.-е. однимъ изъ діаконовъ поручаемо было попеченіе о бѣдныхъ, которые трудами своими не могли пріобрѣтать себѣ содержаніе, другимъ—уходъ за больными и леченіе ихъ. Мѣстомъ ихъ дѣятельности были госпитали, что мы увидимъ въ послѣдствіи.

Служители слова, старшины, учители и діаконы составляютъ четыре чина, которые, по словамъ Кальвина, Господь поставилъ для управленія своею церковію. Представляя собою правительственное сословіе облеченное высокою властію въ церкви, они должны были замѣнить іерархію католической церкви и едва ли уступали ей (іерархіи) въ могуществѣ и власти надъ исповѣдающими кальвинизмъ. Подъ давленіемъ чувства ненависти къ папству Кальвинъ отвергъ централизацію церковной власти въ рукахъ одного какого либо лица (какъ папа) и не допускалъ системы епископальнаго управленія, гдѣ церковная власть надъ низшими сосредоточивается въ рукахъ епископа, какъ духовнаго владыки какой-либо отдѣльной областной церкви. Вмѣсто того женевскій реформаторъ, раздѣливъ церковную власть меж-

---

[58]) Cura pauperum diaconis mandata fuit. Inst. l. IV, c. III s. 9 opp. Calv. v. II p. 783 ed. B.

ду членами своего клира, организовалъ отдѣльные элементы церковнаго управленія въ правительственныя корпораціи на началахъ коллегіальныхъ. Кальвинъ, по примѣру Ламберта и швейцарскихъ реформаторовъ, ввелъ въ своей церкви синодальное управленіе. Онъ былъ убѣжденъ въ превосходствѣ рѣшенія церковныхъ вопросовъ на синодахъ или собраніяхъ, и не допускалъ управленія одного лица или только нѣсколькихъ. Онъ желалъ, чтобы постановленія церковныя изрекаемы были въ собраніяхъ духовныхъ посредствомъ подачи голосовъ (suffragium). Замѣчательно, что въ протестантскомъ мірѣ на почвѣ только кальвинизма начало синодальнаго управленія произвело областные, генеральные и національные синоды и даже quasi вселенскій синодъ реформатства—Дордрехскій [59]).

Въ Кальвиновой церкви было три рода коллегіальныхъ учрежденій: a) конрегація, b) консисторія и c) коллегія діаконовъ.

Конгрегація состояла изъ пасторовъ Женевы и ея округа, которые въ своей совокупности назывались Compagnie Venerable, къ нимъ присоединялись также доктора или учители. Конгрегація имѣла своего предсѣдателя (moderator), каковымъ если не по имени, то по своему преобладающему вліянію былъ самъ Кальвинъ. Не смотря на коллегіальную форму веденія разсужденій въ конгрегаціи, ему принадлежалъ рѣшающій голосъ. Конгрегаціи принадлежали общее руководственное направленіе церковныхъ дѣлъ и надзоръ за проповѣдниками. Назначенная церковными уставами „для охраненія чистоты и единства ученія вѣры“ конгрегація слѣдила за правовѣріемъ, оберегала церковь отъ вторженія еретическаго иномыелія (диспутъ съ Бользекомъ о предопредѣленіи), издавала вѣроопредѣленія (consensus Genevіensis) и слѣдила за направленіемъ богословскаго ученія. Для разсужденія о богословскихъ вопросахъ по примѣру Цюрихскихъ такъ-называемыхъ Prophezey [60]) и страсбургскихъ

---

[59]) I X S. 13. Opp. Calv. и II p. 865—66 ed. B.

[60]) Гюдеръ въ статьѣ своей Prophezey (Encykl. fur. Theolog. von Gerzog B. 12) говоритъ, будто въ Женевѣ не было учрежденія подобнаго Цюрихскому Prophezey. Но это рѣшительно опровергается актами женевской конгрегаціи, изданными въ VIII томѣ сочиненій Кальвина. Prophezey входило въ составъ конгрегаціи какъ часть или элементъ.

собраній, конгрегація имѣла еженедѣльныя засѣданія, при которыхъ могли быть въ качествѣ слушателей и міряне. Каждую пятницу члены собранія занимались истолкованіемъ какихъ-либо мѣстъ изъ Св. Писанія. Эти экзегетическіе опыты обсуждались членами конгрегаціи, изъ которыхъ каждый обязанъ былъ высказать свое сужденіе. По смыслу церковныхъ уставовъ цѣлію такихъ занятій было наблюденіе надъ ревностію отдѣльныхъ лицъ, поощреніе ихъ и предохраненіе отъ догматическихъ заблужденій [61]). Кромѣ сего конгрегаціи принадлежало замѣщеніе вакансій пасторовъ и опредѣленіе учителей. Конгрегація подвергала испытанію тѣхъ и другихъ. Члены ея совершали и ординацію новоизбраннаго кандидата на пастырство, а ея модераторъ говорилъ ему наставленіе. Какъ поставленіе пасторовъ зависѣло отъ конгрегаціи, такъ ей же принадлежалъ и административный надзоръ за ихъ дѣятельностью и поведеніемъ посредствомъ визитацій (visitation) [62]), которыя введены были въ Женевѣ по примѣру лютеранской церкви [63]). Визитація производилась такимъ образомъ: два члена конгрегаціи изъ пасторовъ съ двумя членами совѣта ежегодно объѣзжали небольшую женевскую республику изъ прихода въ приходъ, чтобы дознать религіозное состояніе каждаго изъ нихъ и собрать свѣдѣнія о проповѣднической и пастырской дѣятельности служителей слова и ихъ поведеніи. Визитаторы обращали особенное вниманіе на характеръ ученія и дознавали, во всѣхъ ли отношеніяхъ правовѣренъ проповѣдникъ, не держится ли какого мнѣнія несогласнаго съ Евангеліемъ. Они спрашивали нѣкоторыхъ почетнѣйшихъ членовъ прихода о методѣ ученія пастора, о духовной его ревности, проповѣдуетъ ли онъ съ цѣлію назиданія, или же держится метода непригоднаго для наученія народа, напр. не теменъ ли онъ, не занимается разрѣшеніемъ безполезныхъ вопросовъ, прилеженъ ли онъ въ пропо-

---

[61]) Ib. Засѣданія конгрегаціи начинавшіяся молитвою (Opp. Calv. vol. VIII p. 93 ed. B) обыкновенно происходили въ церкви св. Петра (Stäh. 1, 364).

[62]) См. статью Клинга Kirchenvisitation Encykl. von Herzog B. VII, 690—8.

[63]) Первоначально установленная fraterna censura духовныхъ другъ за другомъ не привела къ ожидаемымъ результатамъ и потому замѣнена была визитаціею.

вѣданіи, въ посѣщеніи больныхъ и въ особенномъ увѣщаніи тѣхъ, для которыхъ оно нужно, ведетъ ли онъ честную жизнь, не позволяетъ ли себѣ легкомысленныхъ и необдуманныхъ поступковъ и живетъ ли въ согласіи съ общиною [64]). О результатахъ визитаціи доставлялся отчетъ конгрегаціи. Сюда же по оффиціальному вызову должны были являться къ отвѣту духовные замѣченные визитаторами или обвиняемые другими въ неисполненіи своихъ обязанностей [65]). Таковы были предметы дѣятельности конгрегаціи.

Другимъ церковно-коллегіальнымъ учрежденіемъ въ Женевѣ была консисторія (conseil ou consistoire, senatus gravium virorum) [66]). Конгрегація состояла изъ пасторовъ и докторовъ, а консисторія изъ пасторовъ и старшинъ.

Какъ дисциплина по Кальвину составляетъ нервъ церкви, такъ консисторія служитъ однимъ изъ самыхъ важныхъ органовъ церкви, центромъ ея организаціи. Вслѣдствіе этого консисторіи принадлежала могущественная власть и обширное вліяніе. Она дала Женевѣ особую нравственную физіогномію.

Мысль устроить консисторію изъ пасторовъ и старшинъ, какъ органъ дисциплинарно-судебной власти церкви (jurisdictionis vel spiritualis politiae), строго говоря, не была изобрѣтеніемъ Кальвина. Еще Бренцъ въ 1526 году въ проектѣ церковнаго устройства, начертанномъ для города Галля въ Швабіи, говорилъ о „совѣтникахъ (Ratsmänner)“, избираемыхъ изъ церковной общины (не называя ихъ старшинами), которые вмѣстѣ съ пасторами должны составлять собранія, занимающіяся дѣлами церковной дисциплины. Въ томъ же году Франциск Ламбертъ изъ Авиньона въ планѣ церковной реформы, предложенномъ на гомбергскомъ синодѣ, высказалъ мысль объ учрежденіи собраній изъ духовныхъ лицъ и старшинъ и предполагалъ предоставить этимъ собраніямъ право отлученія отъ церкви и вообще над-

---

[64]) Ordon. Ecclesiast. у Kampschult. B. 1, 409.

[65]) Kampschult 1, B. 410.

[66]) См. французское изд. Institution livre IV, chap. II, 8. Opp. Calv. Vo. IV p. 624; и латинск. изд. Наставл. кн. IV, гл. III, 8 стр. 782. Opp. Calv. V. II ed. 13.

зоръ за соблюденіемъ дисциплины [67]). Цвингли учредилъ въ Цюрихѣ судъ по дѣламъ брачнымъ, а въ сельскихъ приходахъ такъ-называемыя „Stillstände“, состоявшія изъ мірянъ отъ 2-хъ до 4-хъ и пасторовъ. Эти учрежденія наблюдали за исполненіемъ нравственныхъ и богослужебныхъ обязанностей членами церкви и обращались къ свѣтскому правительству для опредѣленія и исполненія наказаній надъ виновными [68]). Эколампадій въ Базелѣ хотѣлъ учредить коллегію изъ 12 цензоровъ нравственной жизни (12 censorum concessus) или старшинъ, избираемыхъ отчасти изъ членовъ городскаго совѣта, отчасти изъ церковной общины. Въ этой коллегіи участвовали и служители слова. По мысли Эколампадія такія же учрежденія были введены въ Ульмѣ и Страсбургѣ. Въ указанныхъ нами учрежденіяхъ мы видимъ прототипъ кальвиновой консисторіи, по образцу которой впослѣдствіи были устроены пресвитеріи въ Германіи, senatus seniorum во Франціи и Kirk-session въ Шотландіи, составляющія видоизмѣненія кальвиновой консисторіи [69]). Должно замѣтить, что не слѣдуетъ считать одинаковыми учрежденіями реформатскую и лютеранскую консисторіи. Сходство ихъ заключается почти только въ одномъ названіи. Лютеранская консисторія была административнымъ учрежденіемъ, а не судебно-дисциплинарнымъ. Она была органомъ власти князей въ дѣлахъ церкви и состояла изъ княжескихъ чиновниковъ совмѣстно съ суперъ-интендентомъ [70]). Иной составъ и занятія, какъ мы сейчасъ увидимъ, имѣла консисторія женевская, организованная Кальвиномъ.

Какъ введеніе церковной дисциплины въ Женевѣ было предметомъ давняго и задушевнаго желанія Кальвина, такъ и мысль о такомъ учрежденіи, которое было бы органомъ ко введенію дисциплины, давно занимала умъ реформатора. Онъ еще во время первой дѣятельности своей въ Женевѣ старался установить надзоръ чрезъ достойныхъ гражданъ за соблюденіемъ церков-

---

[67]) Real--Encyclopädie für Theolog. von Herzog B XII, S III.

[68]) Köstlin's Reformation im Real—Encyclopädie von Herzog B XX S. 482

[69]) См. Presbyterial — Verfassung von Lechler im Encycl. für Theolog. 13. XII.

[70]) Ib. Consistorial—Verfassung B. III.

ныхъ постановленій, о чемъ говорится въ проектѣ церковнаго устройства, представленномъ въ 1536 году Кальвиномъ и Фарелемъ совѣту города. Въ этомъ надзорѣ не виденъ ли одинъ изъ главныхъ предметовъ дѣятельности предположенной консисторіи? Мысль объ учрежденіи ея высказана была Кальвиномъ также въ статьяхъ, представленныхъ въ Цюрихѣ; въ нихъ предполагалось составить изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ такое учрежденіе, которое занималось бы надзоромъ за поведеніемъ и правильно пользовалось правомъ отлученія [71]). Далѣе, требованіе ввести церковную дисциплину было главнымъ изъ условій, при которыхъ Кальвинъ по изгнаніи своемъ соглашался возвратиться въ Женеву. Правительство города еще до прибытія его положило учредить консисторію и предметы ея дѣятельности уже тогда обсуждались. Только по предложенію Вире приглашеннаго въ Женеву это серьёзное дѣло отложено было до прибытія самаго Кальвина. Какъ скоро онъ возвратился въ Женеву, съ ревностію взялся за это дѣло и выработалъ свой проэктъ. При обсужденіи церковныхъ уставовъ отдѣлъ о консисторіи и дисциплинѣ болѣе всего вызвалъ противорѣчій и замѣчаній въ совѣтахъ маломъ и большомъ. Хотя Кальвинъ и вынужденъ былъ сдѣлать уступки въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего проэкта, но въ главныхъ основаніяхъ проэктъ прошелъ во всѣхъ инстанціяхъ правительства. Съ 20 декабря 1541 года консисторія вступила въ отправленіе своихъ обязанностей.

Членами консисторіи были всѣ пасторы женевскіе; это былъ въ составѣ ея чисто церковный элементъ. Съ другой стороны членами ея были двѣнадцать старшинъ. По проэкту Кальвина они должны бы быть выбираемы пасторами, но какъ ему не удалось отстоять и провести это предположеніе: то старшины избирались малымъ совѣтомъ по согласію съ пасторами и утверждались большимъ; въ тоже время старшины были членами этихъ совѣтовъ. Предсѣдателемъ консисторіи былъ городской синдикъ. Такимъ образомъ старшины вмѣстѣ съ предсѣдателемъ составляли органы не церковной только, но и государственной власти, и потому женевская консисторія носила на себѣ характеръ

---

[71]) Henry B I, S. 48 Приложенія.

смѣшенія двухъ стихій—церковной и государственной и должна имѣть видъ ни чисто церковнаго, ни чисто гражданскаго учрежденія, а составляла нѣчто среднее между ними. Что касается отношенія консисторіи ко всему вообще народу Женевскому, то изъ самаго избранія старшинъ въ маломъ совѣтѣ видно, что народъ не имѣлъ непосредственно имъ избранныхъ представителей своихъ въ консисторіи и ему не дано имѣть прямое вліяніе на нее, потому онъ относился къ консисторіи, какъ подданный къ правительству, имѣющему независимую отъ него власть. Если нѣкоторые, напр. Штехелинъ [72]), хотятъ видѣть въ Кальвиновой консисторіи представительство церковной общины, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, то это рѣшительно несправедливо. Слова Кальвина, что члены консисторіи суть — представители общины [73]), не болѣе, какъ фразы; потому что члены консисторіи избирались безъ участія народа, которому и de jure не предоставлялось права участвовать въ дѣлахъ консисторіи; голосъ народа въ этомъ считался рѣшительно незаконнымъ [74]). Консисторія женевская была учрежденіемъ основаннымъ на чисто аристократическихъ началахъ; для нея стремленія и интересы народа ничего не значили. Это замѣчено было еще современниками, которые заговорили объ олигархіи консисторіи [75]). По примѣру устройства гражданскихъ судовъ, консисторія имѣла канцелярію. Въ ней былъ секретарь и протоколистъ. Члены консисторіи въ числѣ 20 или 21 получали жалованье изъ денежныхъ штрафовъ за нарушеніе церковныхъ постановленій. Ординарныя засѣданія ея были каждый четвертокъ; въ случаѣ накопленія дѣлъ назначались и экстренныя. Въ вѣдомствѣ консисторіи находились кромѣ Женевы и принадлежащія къ ней села.

---

[72]) Iohannes Calvin I, 326.

[73]) Qui a nobis creati sunt judices quique totum corpus Ecclesiae repraesentant. См. у Schenkel'я. S. 625. Wesen des Protest.

[74]) Когда французскій ученый Іоаннъ Морелли (Iean Morelli) въ небольшемъ сочиненіи о дисциплинѣ доказывалъ, что не консисторіи, а народу принадлежитъ право суда (церковнаго), то это сочиненіе было осуждено, какъ „гнусное и беззаконное“ и чтеніе его было запрещено подъ угрозою строгаго наказанія. Правительство Женевское сожгло эту книжку. Henry II, 128.

[75]) Kampschult. B. I. S. 434.

Главною задачею дѣятельности консисторіи было „бодрствованіе надъ общиною Господа, дабы Богъ былъ почитаемъ въ чистотѣ". Члены консисторіи давали присягу въ томъ, что они всячески будутъ противодѣйствовать безбожію, богохульству, разврату и всему, что противно славѣ Божіей и реформаціи, доводить до свѣдѣнія коллегіи о всякомъ неподобномъ поступкѣ, не заботясь ни о ненависти, ни о благоволеніи, дабы городъ пребывалъ въ добромъ порядкѣ и страхѣ Божіемъ [76]). Такая задача требовала отъ членовъ консисторіи широкой дѣятельности. Она распадается на двѣ отрасли полицейскій надзоръ за образомъ жизни всего населенія Женевы и судъ за преступленія противъ церковныхъ постановленій. Такимъ образомъ консисторія являлась въ одно и тоже время и полицейскимъ учрежденіемъ и судебною палатою.

Члены консисторіи вооружены были страшнымъ полномочіемъ, наблюдать за жизнію всѣхъ и каждаго во всѣхъ ихъ житейскихъ положеніяхъ. Не только жизнь общественная, но и семейная, укрывающаяся отъ постороннихъ взоровъ, подлежала цензорскому надзору консисторіи. Двери каждаго знатнаго и незнатнаго дома должны были быть открыты для консистористовъ. Взоръ ихъ не останавливался на внѣшнемъ образѣ дѣйствій женевскаго гражданина, но по идеѣ Кальвина долженъ былъ проникать въ заповѣдный міръ внутренней жизни каждаго, въ его мысли, внутреннія убѣжденія и въ затаенную область сердечныхъ расположеній и наклонностей. Съ этою цѣлію, по инструкціи консисторіи, члены ея обязывались предпринимать визитаціи, при которыхъ они чрезъ разспросы и бесѣды вывѣдывали, что у каждаго таилось въ душѣ. По два консисторскихъ члена, одинъ изъ свѣтскихъ, другой изъ духовныхъ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ въ годъ предъ праздникомъ Пасхи должны были обойти всѣ домы назначеннаго имъ отдѣла города. За каждое неважное уклоненіе отъ непринятыхъ правилъ религіозной и нравственной жизни они обязаны были дѣлать внушенія и о сколько-нибудь важномъ нарушеніи обязанностей доносить консисторіи. Такое донесеніе привлекало обвиняемаго къ судебному трибуналу консисторіи.

---

[76]) Audin, 249.

Обвиняемый получалъ повѣстку и, подъ опасеніемъ наказанія гражданскимъ правительствомъ, долженъ былъ явиться въ консисторію, которая начинала формальный судебный процессъ. Нельзя не замѣтить, что это судопроизводство было поставлено въ весьма неблагопріятныя для правосудія условія. Всѣ отправленія суда: доносъ, слѣдствіе, обвиненіе и рѣшеніе или приговоръ предоставлены были однимъ и тѣмъ же лицамъ. Визитаторы были вмѣстѣ съ другими и доносчиками и обвинителями и свидѣтелями и судьями. Рѣшенія консисторіи были окончательными, за исключеніемъ брачныхъ дѣлъ, подлежавшихъ пересмотру малаго совѣта; по всѣмъ же другимъ дѣламъ рѣшенія ея не могли подлежать аппелляціи и быть кассированы; потому что надъ консисторіею не было высшей судной инстанціи. Понятно, что при такихъ условіяхъ каждый вызовъ въ консисторію былъ равносиленъ осужденію обвиняемаго; защита съ его стороны была безполезна и развѣ только вредна, какъ обнаруженіе запирательства или нераскаянности.

Что касается до наказаній, налагаемыхъ консисторіею, то, не говоря о чрезмѣрной ихъ строгости, они представляютъ собою смѣшеніе гражданскихъ наказаній съ церковными, какъ и самый составъ консисторіи. Правда, церковные уставы говорятъ, что консисторія не пользуется гражданскою юрисдикціею, а употребляетъ духовный мечъ, мечъ слова Божія. Но, кромѣ выговоровъ, замѣчаній и отлученія, которое признано было самою строгою и послѣднею карою [77]), консисторія подвергала наказаніямъ чисто гражданскаго характера, каковы напр. денежные штрафы, затѣмъ приговоры ея влекли за собою или арестъ, или заключеніе въ тюрьму, или тѣлесное наказаніе и изгнаніе изъ города. Эбрардъ стараясь очистить Кальвинову консисторію отъ обвиненія во вторженіи въ область свѣтскаго криминальнаго суда, говоритъ, будто правительство города налагало внѣшнія наказанія [78]). Но дѣло въ томъ, что въ этихъ случаяхъ гражданская власть дѣйствовала не сама собою, не по своимъ опредѣленіямъ, а только исполняла вердикты консисторіи. Для уясненія процесса

[77]) Severissima ecclesiae vindicta, et quasi ultimum fulmen, est excommunicatio Inst. Rel. Christ. IV, XI. S. 5. Opp. Calv. v. II, p. 896 ed. B.

[78]) Kirchen-Gesch. B. III. S 173

консисторскаго суда войдемъ въ болѣе частное разсмотрѣніе дѣлъ подлежащихъ ей и приговоровъ, которые она произносила.

Члены консисторіи, обязанные присягою противодѣйствовать безбожію, богохульству, отступничеству и всему тому, что противно истинному благочестію, особенно зорко слѣдили за правовѣріемъ женевскаго населенія. Съ этою цѣлію они во время визитацій старались вывѣдывать религіозный образъ мыслей каждаго и если у нихъ раждалось сомнѣніе о правовѣріи его, онъ кто бы ни былъ, знатный или простой, привлекался къ допросу въ консисторіи. Здѣсь судьи подвергали заподозрѣннаго испытанію изъ катихизиса и заставляли его, подобно ученику школы читать молитвы, десятословіе, символъ вѣры (апостольскій) и проч., допытывались, изъ какихъ книгъ онъ заимствовалъ свои мысли и затѣмъ, для утвержденія въ кальвинизмѣ обвиняемаго посылали къ начальнику городской школы, чтобы тотъ научилъ катихизису и исправилъ образъ религіозныхъ его мнѣній. Консисторія обращала особенно строгое вниманіе на склонность къ католичеству. Очень естественно, что въ первое время по возвращеніи Кальвина въ Женеву, многіе изъ ея гражданъ, болѣе всего женщины и сельскіе жители не могли скоро разстаться съ привязанностію къ прежней вѣрѣ. Несмотря на строгія запрещенія, многіе ходили въ сосѣднія съ Женевою мѣстности слушать миссы, соблюдали посты и праздники католической церкви и отправлялись на богомолье къ католическимъ святынямъ. Консисторія съ особеннымъ фанатизмомъ искореняла привязанность къ католичеству. Не только привязанность къ старой вѣрѣ, но и научныя убѣжденія, расходившіяся съ кальвиновымъ вѣроученіемъ, преслѣдовались консисторіею, цензура запрещала сочиненія этого рода, печатавшіяся въ городской типографіи, такъ что Кальвинъ могъ хвалиться предъ бернскимъ правительствомъ, что женевскія типографіи печатали книги, имѣвшія цѣлію только доброе, по его мнѣнію, назиданіе [79]).

Строго слѣдя за религіознымъ образомъ мыслей, консисторія наблюдала за исполненіемъ обязанностей по отношенію къ богослуженію. Она слѣдила затѣмъ, часто ли и не въ одно ли только воскресенье вѣрующіе являются въ храмы, съ благоговѣніемъ

[79]) Schenkel's Wesen des Protest. S. 502.

приступаютъ къ таинству причащенія и въ духѣ ли кальвинизма воспитываютъ своихъ дѣтей. Самый выборъ храма, въ который обязывались ходить, не зависѣлъ отъ воли каждаго, но онъ былъ указываемъ консисторіею безъ сомнѣнія для лучшаго наблюденія за исправнымъ посѣщеніемъ богослуженія. Въ селахъ консисторія чрезъ особыхъ назидателей слѣдила затѣмъ, всякій ли изъ сельчанъ и каждое ли воскресенье присутствовалъ при проповѣди и если не каждый изъ членовъ семьи, то кто-нибудь изъ нихъ непремѣнно обязывался быть въ храмѣ [80]).

Кромѣ надзора и суда по дѣламъ правовѣрія, консисторіи принадлежалъ надзоръ за нравственною жизнію и судъ за нарушенія церковныхъ постановленій, которыми регулировалась и семейная и общественная жизнь женевцевъ. Консисторія слѣдила за всѣми отношеніями членовъ семейства другъ къ другу. Въ ея вѣдѣніи состояли брачныя дѣла. Она разбирала споры между родителими и дѣтьми желавшими вступить въ бракъ, наблюдала, чтобы у брачущихся не было большаго неравенства въ лѣтахъ. Относительно этого постановлено было, чтобы мужчина за 60 лѣтъ не женился на невѣстѣ, которая моложе его на половину, женщина старше 40-лѣтняго возраста не вступала въ бракъ съ женихомъ не достигшимъ 35 лѣтъ. Браки въ близкихъ степеняхъ родства не дозволялись, равно какъ и смѣшанные, т.-е. съ иновѣрными. Кальвинъ почиталъ „оскверненіемъ дома“, если кто женится на зараженной безбожнымъ суевѣріемъ папства. Что касается до взаимныхъ отношеній между членамя семейства, то консисторія наблюдала за повиновеніемъ дѣтей родителямъ и обязывала послѣднихъ къ религіозно-нравственному воспитанію первыхъ. Но этимъ не исчерпывалась дѣятельность консисторіи относительно нравственной жизни.

Ей предлежала очень трудная задача преобразовать всю даже внѣшнюю жизнь Женевцевъ. Для этого ей приходилось бороться съ укоренившеюся въ Женевѣ страстію къ роскоши и удовольствіямъ. Консисторія въ этомъ случаѣ руководилась изданными Кальвиномъ въ 1555 году, законами противъ роскоши и удовольствій. Суровый реформаторъ требовалъ отъ своихъ по-

---

[80]) Kampsch. B. I, 443. 449–450.

слѣдователей самой простой и умѣренной жизни. Для сего установилъ точныя, доходящія до педантизма, ригористическія правила; въ нихъ онъ опредѣлялъ одежду, пищу и образъ домашней жизни Женевцевъ. Для одежды и украшеній запрещалось употребленіе дорогихъ металловъ и камней высокой цѣны. Низшимъ классамъ населенія запрещено было шить одежды изъ бархата и шелку, мужчинамъ носить длинные волосы, и женщинамъ украшать ихъ чѣмъ-либо. Портнымъ безъ позволенія начальства не дозволялось шить платья по моднымъ фасонамъ. За нарушеніе этихъ постановленій назначены были денежные штрафы, отобраніе матеріаловъ роскоши и наконецъ судебное преслѣдованіе. Между тѣмъ, какъ Лютеръ охотно смотрѣлъ на то, если невѣсты въ день брака украшались и были провожаемы въ церковь съ музыкою и пѣніемъ, Кальвинъ отмѣнилъ это, какъ языческій обычай [81]). Для пировъ какъ свадебныхъ, такъ и другихъ Кальвинъ опредѣлилъ число и родъ кушаньевъ и даже число гостей на свадьбахъ. При этомъ случаѣ бѣдному позволялось пригласить къ себѣ на пиръ только 10 человѣкъ, богатому 20, а знатному до 30.

Съ большею еще строгостію, достойною Спарты дисциплинарные законы преслѣдовали въ Женевѣ страсть къ удовольствіямъ. Картежная игра, танцы, свѣтская музыка и пѣніе, маскарады и театральныя представленія запрещены были въ Женевѣ. Не дозволена была фабрикація картъ и игроки наказывались денежными штрафами или заключеніемъ въ тюрьму. За пѣніе недозволенное духовенствомъ, виновные не только осуждались на хлѣбъ и воду, но даже на изгнаніе. Подобныя же наказанія опредѣлены были и за танцы, наконецъ совсѣмъ были запрещены театральныя представленія. Но ригоризмъ Кальвина шелъ далѣе. Въ 1546 году издано было постановленіе, которымъ, подъ угрозою денежныхъ штрафовъ и заключенія въ тюрьму, запрещалось проводить время въ гостиницахъ. Такъ какъ нельзя же было закрыть всѣ гостиницы въ городѣ, то по требованію необходимости, было оставлено только пять гостиницъ, но и тѣ подчинены были надзору синдиковъ, изданы были правила для ихъ посѣтителей и содержа-

---

[81]) Hagenbach's Gesch. der Reform. S. 628.

телей. Послѣднимъ ставилось въ обязанность доносить начальству о всякомъ неприличномъ поступкѣ или разговорѣ посѣтителей, не дозволять никому изъ нихъ пить и ѣсть прежде, чѣмъ не будетъ прочитана положенная для этого молитва [82]).

Такой строгой дисциплинѣ консисторія должна была подчинить новеденіе женевцевъ во всѣхъ его отношеніяхъ. Вслѣдствіе церковнаго террора, консисторія изъ веселой и разгульной прежде Женевы сдѣлала городъ, который своими мрачно-суровыми нравами рѣзко отличался отъ всѣхъ другихъ городовъ протестантскаго міра. Такое радикальное преобразованіе общественныхъ нравовъ и образа жизни представляетъ рѣдкое явленіе въ исторіи. Аналогію этого можно указать развѣ только во Флоренціи при Савонаролѣ [83]), и однородныя явленія съ нравственнымъ состояніемъ Женевы представляетъ жизнь также послѣдователей Кальвина, пресвитеріанъ въ Шотландіи и пуританъ въ Англіи. Тѣ и другіе рѣзко отличались суровыми нравами, изгнали изъ своего общества всякія развлеченія, музыку, пѣсни, танцы, роскошь въ одеждѣ, въ пищѣ и вели образъ жизни, какого требовалъ ригоризмъ Кальвина [84]). Вообще мож-

---

[82]) Kampsch. B. I, S. 445—6.

[83]) Пламенныя рѣчи Савонаролы противъ плотскихъ пороковъ, удовольствій и роскоши, его угрозы грядущими бѣдствіями, возбудили сильное движеніе во Флоренціи противъ распущенности жизни и стремленіе къ преобразованію ея въ духѣ аскетизма. Для преобразованія общественной нравственности города Савонарола употребилъ флорентійскихъ дѣтей. Изъ нихъ составились цѣлыя фаланги цензоровъ, которые стали обличать взрослыхъ за роскошь въ одеждѣ и увеселенія, настоятельно требовали ихъ прекращенія, срывая съ женщинъ роскошныя наряды, врываясь въ домы и отбирая тамъ предметы роскоши и орудія удовольствій, напр. игральныя кости, музыкальныя инструменты и сжигая ихъ на площадяхъ. (См. Perrens Hieronym. Savonarola въ нѣмецкомъ переводѣ Шрёдера Zweites Buch. Drit. Kapit.). Такимъ образомъ Флоренція при Савонаролѣ представляла много сходнаго съ Женевою при Кальвинѣ. Разность между перемѣнами въ нравахъ той и другой заключается въ томъ, что тогда какъ перемѣна въ общественной нравственности флорентинцевъ была результатомъ временной экзальтаціи народнаго чувства возбужденнаго рѣчами Савонароллы, — жизнь женевцевъ регулировалась строгими постановленіями Кальвина и инквизиторскимъ надзоромъ и судебными преслѣдованіями его консисторіи.

[84]) См. относящіеся сюда факты у Бокля. Исторія Цивилизаціи въ Англіи въ русскомъ переводѣ т. 2.

но сказать, что въ жизни и поведеніи всѣхъ кальвинистовъ въ большей или меньшей мѣрѣ выражался духъ ригоризма, который воспитала подъ давленіемъ строгаго надзора и наказаній женевская консисторія, занимавшая очень вліятельное мѣсто среди всѣхъ учрежденій организованной Кальвиномъ церкви.

Къ коллегіальнымъ учрежденіямъ ея, разсмотрѣннымъ нами, нужно отнести и коллегію діаконовъ, завѣдывавшую одною изъ отраслей церковной дѣятельности—благотворительностію. На попеченіи этой коллегіи находились бѣдные, въ вѣдомствѣ ея состоялъ и городской госпиталь для больныхъ. Коллегія получала суммы, назначавшіяся на дѣла благотворенія и производила закупки, необходимыя для призрѣваемыхъ. Коллегія діаконовъ вмѣстѣ съ пасторами и старшинами чрезъ каждые три мѣсяца производила визитаціи госпиталя.

Въ трехъ указанныхъ нами коллегіяхъ, учрежденныхъ Кальвиномъ въ Женевѣ, т.-е. въ конгрегаціи, консисторіи и коллегіи діаконовъ сосредоточивалась вся церковная власть и управленіе. Имъ принадлежала законодательная и исполнительная власть.

Разсмотрѣвъ устройство управленія въ женевской церкви мы переходимъ къ организаціи богослужебной, учебной и благотворительной ея дѣятельности.

Постановленія касающіяся богослуженія излагаются въ церковныхъ уставахъ Кальвина. Еще до прибытія Кальвина въ Женеву Фарелемъ отмѣнено было католическое богослуженіе и замѣнено одною только проповѣдію. Кальвинъ, какъ мы знаемъ, не остановился на этомъ; онъ присоединилъ къ проповѣди пѣніе псалмовъ, но не успѣлъ установить полнаго и опредѣленнаго чина богослуженія въ первое пребываніе свое въ Женевѣ. Это исполнилъ онъ по возвращеніи своемъ изъ Страсбурга. Въ 1542 году онъ издалъ la forme des prieres et chantzecclesiastiques, avec la maniere d'administrer les sacrements et consacrer le mariage selon la coustume de l'Eglise ancienne [85]. Эта „форма молитвословій и пѣсней церковныхъ съ чиномъ совершенія таинствъ и благословенія брака по обычаю (якобы) древней церкви", съ присоедине-

[85]) Opp. Calv. vol. VI. p. 161—224.

ніемъ нѣкоторыхъ псалмовъ, заключаетъ въ себѣ все, что установлено было реформаторомъ для отправленія богослуженія. Форма эта съ малыми измѣненіями до настоящаго времени имѣетъ литургическое значеніе въ многочисленныхъ реформатскихъ общинахъ [86]).

Строго слѣдуя тому принципу, что церковь должна основывать всѣ свои установленія на точныхъ предписаніяхъ Слова Божія и отвергая священное преданіе, Кальвинъ отвергъ разнообразныя формы богослуженія, которыя основаніе свое имѣютъ въ исторической практикѣ церкви. Не находя для нихъ указаній въ новозавѣтномъ Писаніи, онъ пришелъ къ той мысли, что онѣ будто составляютъ искаженіе первобытнаго христіанства. Въ этомъ женевскій реформаторъ, какъ и цюрихскій былъ радикальнѣе Лютера, который въ своемъ богослуженіи удержалъ изъ католическаго немало обрядовъ, хотя прямо не опредѣленныхъ Словомъ Божіимъ, но и не противорѣчащихъ ему. Кальвинъ не одобрялъ за это лютеранское богослуженіе [87]). Вотъ почему онъ установилъ самое пуританское, прямо противоположное католическому богослуженіе, чуждавшееся, какъ идолослуженія, многихъ священныхъ и законныхъ формъ богопочтенія, несомнѣнно существовавшихъ въ христіанской церкви въ первые еще вѣка. Въ этомъ состоитъ первая отличительная черта Кальвинова богослуженія.

По внутреннему содержанію богослуженіе у Кальвина отличается характеромъ спиритуалистическимъ, потому что по его воззрѣнію, все внѣшнее въ богослуженіи не имѣетъ или почти не имѣетъ никакого значенія, а цѣнны только внутреннія невидимыя расположенія вѣрующихъ. Богослуженіе должно имѣть духовныя свойства потому что, говоритъ Кальвинъ, Deus nos... ad legitimum sui cultum, hoc est spiritualem et a se institutum format [88]). Поэтому въ обиліи и великолѣпіи богослужебныхъ обрядовъ онъ видѣлъ затемненіе смысла Евангелія, нѣчто ветхозавѣтное іудейское. „Та духовная истина, которая у насъ нага и проста, въ Ветхомъ Завѣтѣ облечена была въ образы. Іисусъ Христосъ говоритъ: наступаетъ время, когда истинные поклонники бу-

[86]) Kampsch. B. I, S. 453.

[87]) См. письмо Кальвина у Bonnet I, 112; Stähel. I, 231—32,

[88]) Institut. l. II, c. VIII, S. 17, p. 279. Opp. Calv. vol. II, ed. Br.

дуть чтить Отца духомъ и истиною“ [89]). Реформаторъ сравнивалъ многосложную обрядность церковную съ завѣсою, которая въ ветхозавѣтномъ храмѣ закрывала Святое Святыхъ. Но какъ эта завѣса уничтожена смертію Господа, то въ христіанской церкви обрядность не должна затемнять ясный смыслъ Евангелія; она не имѣетъ печати богоугоднаго установленія [90]). Самыя мѣста богослуженія не могутъ называться святыми. Должно остерегаться, говоритъ Кальвинъ, почитать храмы жилищемъ Бога, гдѣ онъ внимаетъ намъ, и не должно усвоять имъ святости, которая бы сообщила нашей молитвѣ большую святость [91]). Богъ взираетъ только на серце, а не на внѣшность [92]). При такомъ пониманіи характера богослуженія, Кальвинъ не находитъ достаточно словъ, чтобы выразить свое отвращеніе къ католической миссѣ со всѣми разнообразными и великолѣпными обрядами церковными. Онъ видитъ въ нихъ нечестіе и идолослуженіе [93]).

Средоточіемъ, около котораго вращается все его богослуженіе, у Кальвина является проповѣдь. Она-то, составляя главную стихію его, даетъ ему тонъ. И какъ лютеранская проповѣдь, соотвѣтственно духу нѣмецкой реформаціи, отличается преимущественно вѣроучительнымъ направленіемъ, такъ проповѣдь кальвинистовъ отличается преимущественно нравственно-практическимъ или моральнымъ характеромъ, соотвѣтственно указанному нами выше основному направленію кальвиновой реформы [94]). Покаянный тонъ реформатскаго проповѣдника, подобно тону рѣчи ветхозавѣтныхъ пророковъ, по мнѣнію Кальвина долженъ звучать обличеніями и увѣщаніями къ исправленію нравственной жизни.

---

[89]) Haec spiritualis veritas, quae nuda et simplex apud nos est, figuris involuta fuit sub veteri Testamento. Atque id est, quod volunt Christi verba: venit tempus, quum veri cultores adorabunt Patrem in spiritu et veritate Opp. Ialv. t. VIII, p. 38 ed. Amst.

[90]) Inst. l. IV, c. X. S. 28—29 p. 887—88 и S. 14 p. 876 — 77. Opp. Calv. vol. II, ed. Br.

[91]) Inst. l. III, c. XX. S. 30, p. 657—58.

[92]) Inst. l. IV, c. XIII, S. 4 p. 565—66.

[93]) Смотри еще: Epistola de fugiendis impiorum illicitis sacris et puritate Christianae religionis observanda Opp. vol. V, p, 239 и g. Ed. Br.

[94]) Schenkel's Wesen d. Protest. S. 767.

Впрочемъ Кальвинъ къ проповѣди, составляющей самую главную, существенную стихію богослуженія, присоединилъ нѣсколько и молитвъ. Въ составленной имъ въ 1542 году формѣ молитвъ и пѣсней церковныхъ, по нынѣшнему называемой литургіею [95]), есть молитвы для воскреснаго и вседневнаго богослуженія и особыя для совершенія тайной вечери и другихъ церковныхъ требъ. Въ числѣ молитвъ, вошедшихъ въ составъ литургіи, есть и составленныя самимъ Кальвиномъ, другія же заимствованы имъ отъ страсбургской церкви [96]).

Кромѣ того, какъ мы уже говорили, въ составъ богослуженія входило еще пѣніе псалмовъ. Въ Наставленіи въ христіанской вѣрѣ Кальвинъ рекомендуетъ пѣть молитвы и псалмы всею церковію. Въ этомъ онъ указываетъ древнее апостольское постановленіе къ назиданію всей церкви [97]). Псалмы поются предъ исповѣдію и послѣ ея. Напечатанная въ 1542 году литургія содержала въ себѣ и псалмы, переложенные въ стихи французскимъ поэтомъ Маро, въ числѣ которыхъ десять переложены самимъ реформаторомъ. Къ нимъ присоединены были въ стихотворномъ переводѣ пѣснь Симеона (Cantique de Symeon), десять заповѣдей (les dix commandemens) и пѣснь Іисусу Христу (salutation a Jesus Christ) [98]). По церковнымъ уставамъ дѣти должны начинать пѣніе, за ними и всѣ возрастные [99]). „Пѣвцы псалмовъ (chanteur des psalmes)“ скоро стало обыкновеннымъ названіемъ, которымъ католическая Франція называла преслѣдуемыхъ въ ней кальвинистовъ [100]).

Исповѣдь (confession) у Кальвина была не другое что какъ покаянная молитва предъ Богомъ безъ исчисленія частныхъ ка-

---

[95]) Opp. Calv. vol. VI, p. XIV, proleg ed. Br.

[96]) Opp. Calv. v. VI, p. XVIII, ed. B. proleg.

[97]) Instit. l. III, c. XX, S. 31, 32, 33, 34, p. 658—61 и Opl. Calv. vol. VI, p. 165.

[98]) Opp. C. v. VI, p. 223—24 ed. B.

[99]) Nous avons, говорится въ ордонансахъ, ordonné d'introduire les chants ecclesiastiques tant devant qu'apres le sermon, pour mieux inciter le peuple a loues et prier Dieu. Pour le commencement an apprendre, les petits enfans, puis toute l'Eglise.

[100]) Bungener, 284.

кихъ-либо грѣховъ, проникнутая только сознаніемъ поврежденности природы человѣческой вообще [101]). Пѣніе псалмовъ, исповѣдь и молитва о дарованіи временныхъ и вѣчныхъ благъ правительству, пастырямъ и народу [102]) и краткое благословеніе изъ книги Числъ (гл. 6, ст. 24—26): да благословитъ тебя Господь.... вотъ все, изъ чего состояла литургія Кальвина.

Такое крайне немногосложное богослуженіе должно было совершаться по воскреснымъ днямъ и наполнялось болѣе всего проповѣдію. Она почти цѣлый день не прекращалась въ Женевѣ. Съ разсвѣтомъ начиналось раннее служеніе въ церкви Св. Петра и Св. Виктора (St. Gervet). За нимъ около 9 часовъ слѣдовало другое во всѣхъ городскихъ церквахъ. Третіе служеніе оканчивалось въ 3 часа пополудни. Кромѣ того рѣдкій день въ недѣлѣ оставался безъ проповѣди.

Простотою и крайнею скудостію обрядовъ отличалось совершеніе таинствъ. Мы уже говорили, что совершеніе крещенія принадлежало исключительно пасторамъ; мірянамъ запрещено было совершать его [103]), такъ что крещеніе, совершенное послѣдними, признавалось недѣйствительнымъ и совершавшіе подлежали наказанію. Младенцы обыкновенно приносились въ храмъ и здѣсь послѣ проповѣди, въ присутствіи всѣхъ, пасторъ совершалъ крещеніе надъ ними [104]). При этомъ присутствовалъ отецъ дитяти и его воспріемники. Послѣ обычнаго начала всякаго богослуженія словами псалма: помощь наша отъ Бога, сотворившаго небо и землю, пасторъ читалъ молитву, въ которой объяснялись: необходимость, значеніе и благодатные дары крещенія [105]), затѣмъ молитву Господню. Обращаясь къ воспріемнику и отцу младенца, пасторъ спрашивалъ, обѣщаются ли они наставлять крещаемаго, когда онъ выростетъ, въ томъ исповѣданіи, которое принято церквію; непосредственно затѣмъ говорилъ апостольскій символъ вѣры [106]). Послѣ сего онъ еще

---

[101]) Opp. Calv. v. VI, p. 173—74.
[102]) Ibid., p. 175—79.
[103]) Inst. l. IV, c. XV. S. 20. Opp. Calv. v. II, p. 974.
[104]) Opp. Calv. v. VI, p. 185.
[105]) Ibid., p. 185—89.
[106]) Opp. Calv. v. VI, p. 189.

предлагалъ отцу и воспріемнику младенца вопросъ, будутъ ли они воспитывать его по правиламъ закона Божія. Нарекши имя младенцу совершалъ самое крещеніе чрезъ обливаніе этими словами: во имя Отца и Сына и св. Духа; а съ 1558 года съ прибавленіемъ: я крещаю тебя во имя Отца и Сына и св. Духа [107]). Въ 1546 году Кальвинъ, желая вывести изъ употребленія въ Женевѣ имена католической церкви, даваемыя крещаемымъ, нѣкоторыя впрочемъ довольно странныя: напр. пасха, воскресеніе, всѣхъ Святыхъ и т. п. объявилъ чрезъ консисторію, чтобы имена для крещаемыхъ заимствовались изъ Библіи и преимущественно Ветхаго Завѣта, для этого въ каждое семейство разсылались реестры именъ и съ этого времени женевцы должны были называть новорожденныхъ младенцевъ библейскими именами: Адамъ, Авраамъ, Мардохей, Мелхиседекъ, Іеремія, Захарія, Анна, Сусанна и т. п. Но это показалось женевцамъ нарушеніемъ правъ родительскихъ, они жаловались на это городскому совѣту. Хотя Кальвинъ и согласился допустить нѣкоторыя имена, не упоминаемыя въ его реестрахъ, но за всѣмъ тѣмъ сдѣланное имъ распоряженіе осталось въ сущности неотмѣненнымъ [108]).

Что касается до совершенія таинства причащенія, то Кальвинъ, отвергнувъ пресуществленіе хлѣба и вина въ тѣло и кровь Христову и значеніе ихъ, какъ жертвы за грѣхи живыхъ и умершихъ и тѣмъ унизивъ высокое значеніе таинства евхаристіи при совершеніи его почти исключилъ все богатое содержаніе литургіи какъ древней вселенской церкви, такъ и католической и установилъ чинъ совершенія ея самый простой и скудный. Вечеря Господня или причащеніе, по требованію Наставленія въ христіанской вѣрѣ, должна была совершаться въ каждый воскресный день. Но по церковнымъ уставамъ совершеніе причащенія ограничивалось днемъ пасхи, пятидесятницы, первымъ воскресеніемъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ и воскресеніемъ предъ или послѣ Рождества Христова. За недѣлю до совершенія причащенія въ проповѣдяхъ внушалась важность таинства и тѣ расположенія духа, съ какими должно приступать къ нему [109]),

---

[107]) Ibid., p. 190—92; Audin p. 274.
[108]) Stähel. I, 409—410; Bungener 325.
[109]) Opp. Calv. v. VI, p. 193—94.

Въ самый день совершенія евхаристіи, послѣ проповѣди пастора, во время пѣнія молитвы и символа апостольскаго, пасторъ ставилъ на столѣ покрытомъ простою бѣлою скатертью хлѣбъ и чашу съ виномъ, читалъ 11 главу, ст. 23—29 перваго посланія ап. Павла къ Коринѳянамъ и увѣщевалъ вѣрующихъ раскаяться въ грѣхахъ и съ чувствами благоговѣнія приступить къ причащенію. Затѣмъ произносилъ форму отлученія на недостойныхъ причащенія, съ подробнымъ указаніемъ, кто не достоинъ сего. Преломивъ хлѣбъ, пасторъ самъ первый вкушалъ отъ него, потомъ преподавалъ діаконамъ и всѣмъ присутствующимъ въ храмѣ, точно также онъ первый вкушалъ и отъ чаши. Преподавая хлѣбъ, говорилъ: пріимите, ядите тѣло Іисуса, потерпѣвшее за васъ смерть. Преподавая чашу, произносилъ слова: это чаша Новаго Завѣта съ кровію Іисуса, пролитою за васъ. Во время пріобщенія пѣлись псалмы и читались мѣста изъ св. Писанія приличныя священному дѣйствію [110]). Старшины наблюдали не только за благочиніемъ въ храмѣ, но и за тѣмъ, чтобы кто-либо изъ отлученныхъ не приступалъ къ причащенію. Не допускались къ нему дѣти и иностранцы не испытанные въ знаніи кальвинова исповѣданія [111]).

Хотя Кальвинъ не признавалъ брака таинствомъ [112]), тѣмъ не менѣе онъ заключался съ благословенія пастора и притомъ въ храмѣ. За три воскресенія до брака объявлялось въ церкви о вступавшихъ въ бракъ съ тѣмъ, чтобы знать, не заявитъ ли кто о причинахъ, препятствующихъ заключенію его, самый же бракъ совершался предъ богослуженіемъ. При этомъ пасторъ, указавши на бракъ, какъ на божественное учрежденіе согласное съ св. Писаніемъ, спрашивалъ брачущихся: желаютъ ли они жить въ этомъ святомъ союзѣ, а другихъ присутствующихъ во храмѣ, не имѣютъ ли они чего сказать противъ этого союза, затѣмъ читалъ 19 главу, ст. 3—6 Евангелія отъ Матѳея [113]). Выборъ дня для совершенія брака по церковнымъ уставамъ предоставлялся самимъ брачущимся; только въ дни совершенія тайной

---

[110]) Opp. Calv. v. VI, p. 197—202.
[111]) Ibid., p. 195—96.
[112]) Inst. l. IV, c. XIX. S. 34, p. 1089—90.
[113]) Opp. Calv. v. VI, p. 203—208.

вечери онъ не могъ быть благословляемъ. Для вступленія въ бракъ точно опредѣлены были Кальвиномъ степени родства и самый возрастъ брачущихся, во многихъ случаяхъ допускался и разводъ [114]). Браки съ иновѣрными, особенно съ католиками не дозволялись [115]).

О посѣщеніи и напутствіи больныхъ въ чинѣ молитвословій Кальвина содержатся самыя краткія указанія [116]). По церковнымъ уставамъ, больной обязанъ былъ въ теченіе 24 часовъ дать знать чрезъ кого-либо проповѣднику о своей болѣзни и тотъ обязанъ былъ явиться къ нему для утѣшенія и увѣщанія, но не для преподанія ему св. причащенія, такъ какъ Кальвинъ отвергалъ употребленіе запасныхъ св. даровъ.

Умершіе погребались на двухъ кладбищахъ внѣ города безъ всякихъ церковныхъ обрядовъ, безъ сопровожденія пасторомъ. Тѣла покойниковъ, по свидѣтельству очевидца [117]), относились на кладбище опредѣленными отъ города носильщиками, въ сопровожденіи только родственниковъ и знакомыхъ умершаго. Церковными уставами требовалось, чтобы умершій погребался не ранѣе 12 и не позже 24 часовъ послѣ смерти.

Что касается обстановки храмовъ, то въ нихъ видна была та же простота, какъ и въ самомъ богослуженіи. Все, что могло бы возбуждать религіозное чувство и воображеніе, изгнано было изъ нихъ. Мы уже знаемъ, что женевскій реформаторъ отличался тѣмъ же иконоборческимъ направленіемъ, какъ и Фарель, и болѣе чѣмъ Лютеръ возставалъ противъ почитанія какихъ-либо священныхъ изображеній [118]). Искусство, которое въ своихъ прекрасныхъ формахъ издревле было выразителемъ высокихъ религіозныхъ идей, со всѣмъ изгнано было Кальвиномъ изъ богослуженія. Инструментальная музыка не допускалась, потому что, по ученію Кальвина, должно прославлять Бога только словомъ. Если въ ветхозавѣтномъ храмѣ и принята была игра на цитрахъ и кимвалахъ, то это имѣло свое основаніе въ

---

[114]) Stähel. I, 341.

[115]) Audin, p. 279.

[116]) Opp. Calv. v. VI, p. 209—10.

[117]) Stähel. I, 483.

[118]) Institut. l. I, c. XI, S. I и слѣд., особенно, S. 13 p. 84.

незрѣлости іудейскаго народа; въ христіанскомъ же богослуженіе музыка признана была неумѣстною. Самое пѣніе при богослуженіи должно быть просто и чуждо всякаго искусственнаго исполненія. „Тщательное вниманіе, говорится въ „Наставленіи", должно обращать на то, чтобы слухъ не столько занятъ былъ мелодіею звуковъ, сколько умъ смысломъ слова. Пѣніе, ласкающее слухъ, не соотвѣтствуетъ величію церкви" [119]). Итакъ каѳедра для проповѣдника, простой столъ для совершенія таинства причащенія, скамьи для слушателей, вотъ всѣ принадлежности Кальвинова храма. Здѣсь не было даже алтаря и не дано мѣста Кресту Господню, этому символу нашего спасенія. Если присутствующій въ католическомъ храмѣ при музыкѣ, оглашающей его, съ художественными картинами и изваяніями, чувствуетъ себя какъ бы въ театрѣ, то въ храмѣ Кальвина онъ долженъ чувствовать себя какъ будто въ простой учебной комнатѣ.

Посты, праздники, кромѣ воскреснаго дня, были совсѣмъ отмѣнены въ Женевѣ, хотя сначала Кальвинъ, вопреки своимъ воззрѣніямъ, по настоянію Берна, оставилъ нѣкоторые изъ праздничныхъ дней.

Итальянскій эмигрантъ Бержеріо, посѣтившій Женеву при Кальвинѣ, такъ отзывался о его богослуженіи: если папистъ..., легатъ, инквизиторъ войдетъ въ этотъ городъ и осмотритъ все здѣсь совершающееся, въ негодованіи и ужасѣ отрясетъ прахъ и скажетъ: Женевцы еретики отверженные. А если спросятъ почему? Онъ отвѣтитъ: я не нашелъ у нихъ ни святой воды, ни изображенія папы, ни объявленія объ индульгенціяхъ, ни иконъ, ни мощей, ни золотыхъ и серебряныхъ привѣсокъ, ни восковыхъ членовъ тѣла, ни свѣчъ, ни лампадъ, ни креста, ни хоругви, ни священныхъ облаченій, ни изображенія Матери Божіей, или какого-либо святаго; кратко, ничего изъ всего того, что учредила римская церковь [120]).

Съ прибытіемъ Кальвина въ Женеву во второй разъ, приняла богослужебно-церковный характеръ катихизація въ храмахъ. Усердно и съ необыкновеннымъ успѣхомъ занимался ею

---

[119]) L. III, c. XX, S. 31 и 32 p. 658—59.
[120]) Stähel. I, 484.

реформаторъ еще во время своего служенія съ Фарелемъ, а въ послѣдствіи онъ обратилъ на нее какъ на предметъ особенной важности вниманіе своихъ сотрудниковъ. Катихизація въ Женевѣ достигла такого значенія, какого она не имѣла ни въ одной изъ протестанскихъ церквей. Въ полдень по воскреснымъ днямъ во всѣхъ храмахъ города собирались дѣти обоего пола для слушанія объясненій какихъ-либо отдѣловъ христіанскаго ученія и библейской исторіи. Кромѣ дѣтей, которыхъ Кальвинъ заботился воспитать въ духѣ своего вѣроисповѣданія, катихизическія наставленія слушались очень многими изъ взрослыхъ, особенно иностранцами желавшими поселиться въ Женевѣ. Сверхъ того, Кальвинъ заставлялъ присутствовать при катихизаціи провинившихся противъ его дисциплины, ссылаясь на то, что имъ нужно еще научиться по заповѣдямъ Закона Божія христіанскимъ обязанностямъ. Старшины въ городѣ, надзиратели въ селахъ строго наблюдали за посѣщеніемъ катизизическихъ наставленій, а консисторія по отношенію къ неревностнымъ употребляла мѣры принужденія. Кальвинъ, во всемъ требовательный, особенно былъ строгъ въ этомъ дѣлѣ, и консисторія подвергала денежнымъ штрафамъ опускавшихъ катихизацію. По требованію консисторіи, и городское правительство налагало гражданскія наказанія на родителей, неисправно посылавшихъ своихъ дѣтей къ воскреснымъ наставленіямъ. Программою катихизацій служилъ написанный Кальвиномъ въ 1542 году катихизисъ церкви женевской [121]). Раздѣленный на 55 воскресныхъ отдѣленій, катихизисъ въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ излагалъ простымъ языкомъ сущность реформатскаго ученія. Въ 1545 году Кальвинъ перевелъ его на латинсвій языхъ „съ тѣмъ, чтобы и другія церкви могли пользоваться этою книжкою [122])“. Къ нему были присоединены утреннія и вечернія молитвы, предъ началомъ ученія, предъ и послѣ обѣда. Слушаніе катихизическихъ наставленій обязательно было до тѣхъ поръ, пока каждый не усвоялъ вполнѣ всего первоначальнаго ученія вѣры. За-

[121]) Le Catechisme de l'Eglise de Jeneve: Opp. Calv. v. VI, p. 1—160 и proleg. IX—XIV. Этотъ катихизисъ должно отличать отъ катихизиса, изданнаго въ 1538 году.

[122]) Opp. v. VI, p. 7.

тѣмъ, изучившій его публично въ церкви испытывался и только оказавшіеся успѣшными допускались къ причащенію. Такимъ образомъ женевскіе храмы вмѣстѣ съ главнымъ своимъ назначеніемъ были школою кальвинистическаго вѣроученія.

Въ церкви организованной Кальвиномъ рядомъ и въ тѣсной связи съ храмомъ поставлена школа.

Реформаторъ смотрѣлъ на школу, какъ на такое учрежденіе, которое должно состоять подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ и руководствомъ церкви и служить ея цѣлямъ. Les ecoles,[1] говоритъ Бониваръ, sont une partie de l'Eglise et assemblée spirituelle. Должность школьнаго учителя причислялась къ церковнымъ должностямъ, и онъ въ исполненіи своихъ обязанностей подчиненъ былъ тѣмъ же правиламъ дисциплины, какъ и проповѣдники. Мы видѣли, что кандидатъ на учительскую должность испытывался пасторами въ конгрегаціи и если эта Venerable compagnie находила его способнымъ, то онъ со свидѣтельствомъ, выданнымъ ею, представлялся городскому совѣту для утвержденія въ должности. Учитель назывался „помощникомъ проповѣдника въ храненіи Слова Божія въ чистотѣ". По тому преподаваніе его должно быть строго церковное. Главнымъ предметомъ въ школѣ было изученіе Кальвинова вѣроученія и высшею задачею ея приготовленіе служителей слова. Поэтому школьное обученіе должно завершаться изученіемъ богословія въ высшемъ училищѣ или академіи. Такія именно основанія для устройства школы изложены Кальвиномъ въ церковныхъ ордонансахъ.

Но реформаторъ, при всемъ своемъ стараніи устроить школу въ Женевѣ на строго церковныхъ началахъ, долго встрѣчалъ въ этомъ дѣлѣ неудачи. По изгнаніи его изъ Женевы, школа, съ удаленіемъ главныхъ учителей Сонье и Кордье, пришла въ упадокъ. По возвращеніи своемъ, Кальвинъ возстановилъ ее и желалъ поручить ея управленіе человѣку проникнутому духомъ его конфессіи. Онъ не разъ просилъ Кордье опять принять школу въ свое завѣдываніе, но тотъ отказывался. Городской

---

[1]) О Кальвинской школѣ см. брошуру Schenk'a, Lehrer'a zu Moskau, Johann Calvins Verdienste auf dem Gebiete der Erziehung und des Unterrichts. Frankfurt a M. 1863.

совѣтъ по представленію Кальвина поручилъ ее образованному Кастелліо. Но этотъ гуманистъ либеральнаго образа мыслей, несмотря на свой педагогическій талантъ, вслѣдствіе несогласія съ Кальвиномъ въ своихъ богословскихъ воззрѣніяхъ (что увидимъ послѣ), послѣ кратковременнаго завѣдыванія школою, долженъ былъ удалиться изъ Женевы, и школа долго оставалась безъ правителя и вообще составляла слабую сторону въ устройствѣ женевской церкви, вопреки намѣреніямъ реформатора.

Учрежденіе заведенія для высшаго научнаго образованія и въ особенности для приготовленія служителей церкви, главною задачею котораго было бы болѣе полное изученіе религіи, было для Кальвина предметомъ постоянной заботы со времени вторичнаго прибытія его въ Женеву. Но недостатокъ въ городскихъ финансахъ отсрочивалъ осуществленіе этой мысли. Наконецъ въ 1558 году надобно было открыть для этого добровольную подписку, и она доставила средства къ основанію такого училища. 5-го іюня 1559 года оно было открыто. По статуту это заведеніе должно состоять изъ семиклассной коллегіи, гдѣ кромѣ катихизиса изучались священное Писаніе, латинскій и греческій языки, и — собственно изъ академіи, гдѣ въ обширномъ объемѣ преподавалось священное Писаніе. Кандидаты на должности наставниковъ испытываемы были коллегіею пасторовъ и ей же принадлежало рѣшеніе споровъ между наставниками. Каждый учитель, а равно и учащійся, предъ поступленіемъ въ это богословское училище, долженъ былъ подписать исповѣданіе вѣры съ обязательствомъ держаться ученія изложеннаго въ женевскомъ катихизисѣ. Такимъ образомъ доступъ въ академію былъ загражденъ папистамъ и лютеранамъ [124]). Статуты академіи строго требовали отъ воспитанниковъ религіозной настроенности, усерднаго чтенія молитвъ, пѣнія псалмовъ, посѣщенія воскреснаго и нѣкоторыхъ будничныхъ богослуженій, вообще точнаго соблюденія кальвиновой дисциплины. Во главѣ училища, въ качествѣ его ректора, былъ поставленъ ревностный кальвинистъ Ѳеодоръ Беза, самъ же реформаторъ преподавалъ священное Писаніе. Въ академію, имъ основанную, сте-

[124]) Stähel, I, 494 первое примѣчаніе.

калось изъ разныхъ сторонъ Европы множество слушателей, особенно изъ Франціи; число ихъ доходило до 1000. Учившіеся здѣсь проникались вѣроисповѣдными идеями Кальвина и выходили отсюда во всѣ почти европейскія государства горячими миссіонерами кальвинизма. Отъ того католики смотрѣли на женевскую академію, какъ на разсадникъ еретическихъ учителей, и самъ Кальвинъ необинуясь говорилъ: если враги реформаціи пришлютъ къ намъ дерево, мы сдѣлаемъ изъ него стрѣлу и пустимъ ее къ нимъ же обратно“ [125]), указывая этимъ на вліятельное значеніе своей академіи.

Въ сферу дѣятельности церкви, кромѣ конфессіональнаго образованія, Кальвинъ ввелъ еще благотворительность. Въ Женевѣ издавна существовалъ госпиталь, въ которомъ находили призрѣніе больные, неспособные къ работѣ старики, вдовы и сироты. Съ появленіемъ въ Женевѣ чумы оказалось необходимымъ устроить въ госпиталѣ отдѣленіе и для зачумленныхъ. Кальвинъ, поручивъ его завѣдыванію діаконовъ, вводилъ это благотворительное заведеніе въ рядъ учрежденій своей церкви. Церковными уставами опредѣленъ былъ порядокъ и надзоръ въ госпиталѣ. На обязанности діаконовъ лежалъ уходъ за больными и экономія. Леченіемъ занимался врачъ, кромѣ того былъ также хирургъ и аптекарь. Церковные уставы обращаютъ особое вниманіе на религіозное состояніе находящихся въ госпиталѣ. Въ немъ былъ особый учитель, который преподавалъ помѣщавшимся здѣсь, преимущественно дѣтямъ, элементарныя познанія и христіанское вѣроученіе по кальвинову катихизису. По времени въ госпиталь назначенъ былъ пасторъ, къ учителю присоединена учительница, которая также должна была заниматься обученіемъ лицъ женскаго пола. Едва ли нужно прибавлять, что всѣ, которымъ поручалось то или другое дѣло въ госпиталѣ, должны были вести образъ жизни строго сообразный съ церковными уставами; какъ потому что, какъ говорится въ нихъ, „домъ, которымъ они управляютъ, посвященъ Богу“ [126]). Итальянскій эмигрантъ (Бержеріо) говорилъ объ устройствѣ Кальвиномъ дѣлъ благотворительно-

---

[125]) Real-Encyklop. von Herzog artik. Calvin B. II, 5, 529.
[126]) Kampsch. B. I. S. 466—67.

сти: „я не видѣлъ при храмахъ открыто толпящихся нищихъ, равно какъ не встрѣчалъ ихъ и на улицахъ. При посѣщеніи госпиталя мое недоумѣніе объ отсутствіи нищихъ разрѣшилось. Я нашелъ, что и здѣсь есть нищета, но любовь христіанская облегчаетъ ее не вслѣдствіе открытаго попрошайства, но ей щедро подается помощь [127]).

Проведеніе въ жизнь и упроченіе бытія новыхъ реформъ церкви съ ея правительственною властію, главными отраслями и органами ея дѣятельности, возможно было подъ условіемъ опредѣленія новыхъ отношеній между церковію и государствомъ и измѣненія этого послѣдняго въ своемъ устройствѣ, соотвѣтственно организаціи и интересамъ новой церкви.

Если мы обратимъ вниманіе на отношеніе церкви къ государству, въ какое поставилъ ее Кальвинъ, то увидимъ, что оно далеко не похоже было на отношеніе церкви и государства въ протестантскомъ мірѣ. Здѣсь церковь состояла въ подчиненіи государству, какъ мы видимъ это въ церквахъ лютеранской, цвингліевой и англиканской. Лютеръ, въ принципѣ желавшій независимости церкви отъ государства, по исторической необходимости долженъ былъ подчинить первую послѣднему, потому что его церковь, угрожаемая со стороны императора и папы, раздираемая революціонными волненіями, безсильна была отстоять свое существованіе безъ помощи государства. Вслѣдствіе того власть въ церкви лютеровой постепенно переходила къ князьямъ. Эти представители государственной власти присвоили себѣ главное участіе въ дѣлахъ церковныхъ, именно: право поставлять и смѣнять пасторовъ, наблюдать за чистотою евангелическаго ученія, отправленіемъ богослуженія и завѣдывать экономическими дѣлами. Консисторіи, управлявшія церковію, стали для князей органами ихъ власти надъ нею, какъ бы ихъ канцеляріями [128]). Такимъ образомъ самостоятельность и независимость лютеранской церкви была поглощена государственною властію. Подчиненіе церкви государству мы видимъ и у Цвингли. Цюрихскій реформаторъ видѣлъ въ республиканскомъ пра-

---

[127]) Stähel. I, 484.

[128]) Schenkel's Wesen d. Protestantism. § 147, 148, 152.

вительствѣ представительство церковной общины, и потому высшую власть надъ церковію предоставилъ большому городскому совѣту Цюриха, который рѣшалъ дѣла собственно церковнаго характера [129]). Но большее преобладаніе государственнаго начала надъ церковнымъ мы находимъ въ англиканской церкви. Здѣсь встрѣчаемся съ цезаропапизмомъ; король почитался верховнымъ главою церкви (supreme head on the earthe of the Churche of England); отъ него истекала всякая церковная власть, ему принадлежало рѣшеніе всѣхъ важнѣйшихъ вопросовъ церкви, служители же ея были не болѣе, какъ уполномоченные короля [130]). Такъ сложились отношенія церкви къ государству въ протестантскомъ мірѣ. Совсѣмъ иныя отношенія между ними старался установить Кальвинъ. Онъ стремился не только дать полную самостоятельность и независимость церкви, но и подчинить ей государство. При изложеніи организаціи церкви, мы не разъ замѣчали это стремленіе женевскаго реформатора; но осуществленіе его не всегда удавалось, такъ что Кальвину приходилось поступаться нѣкоторыми правами церкви городскому правительству. Для такого отношенія вещей были и основанія: женевское правительство, дѣйствовавшее въ интересахъ реформаціи, естественно не могло отказаться отъ вліянія на новую церковь, и Кальвинъ съ своей стороны не могъ не уважать такихъ стремленій правительства, потому что безъ согласія и содѣйствія его онъ не могъ бы провести въ жизнь начала своей церковной организаціи. Обратимъ ли вниманіе на церковные уставы, мы видимъ, что они какъ законы республики, утвержденные большимъ совѣтомъ и генеральнымъ собраніемъ гражданъ, изданы были отъ лица малаго совѣта; слѣдовательно женевское правительство брало на этотъ разъ въ свои руки церковно-законодательную власть. Оно же усвояло себѣ право утверждать пасторовъ въ ихъ должности, избирать старшинъ изъ членовъ своихъ совѣтовъ, назначало въ консисторію своего предсѣдателя въ лицѣ городскаго синдика. Все это факты, по-

---

[129]) Ibid. § 149.

[130]) Weber's Akatholische Kirchen und Secten Grossbret. B. I. S. 315; Lepzig. 1853. Маколей. Полное собраніе сочиненій томъ VI. Исторія Англіи часть I, стр. V и 55—7. С.-Петерб. 1861.

казывающіе вліяніе государства въ сферѣ чисто церковной. Но не того хотѣлъ Кальвинъ.

Онъ проникнутъ былъ убѣжденіемъ, что церковь выше всего и слѣдовательно выше государства [131]). Признавая грань, раздѣляющую государство и церковь [132]), Кальвинъ ограничивалъ власть перваго внѣшнею жизнію, признавалъ необходимость въ этой власти, пока человѣкъ странствуетъ на землѣ. Напротивъ того, церкви принадлежитъ власть духовная и вѣчная. „Церковь, говорилъ реформаторъ, властвуетъ надъ душею и имѣетъ въ виду вѣчную жизнь, а государство имѣетъ дѣло съ внѣшнимъ человѣкомъ и ограничиваетъ свои дѣйствія порядкомъ этого міра“ [133]). Итакъ, государство, имѣющее свою особую сферу дѣятельности, не имѣетъ права вторгаться въ область церковной дѣятельности, не можетъ присвоить себѣ какой-либо авторитетъ въ дѣлахъ религіи и совѣсти [134]). Поэтому Кальвинъ непримиримо смотрѣлъ на подчиненіе церкви государству и строго осуждалъ англійскаго короля Генриха VIII за то, что онъ называлъ себя верховнымъ главою церкви, въ этомъ Кальвинъ видѣлъ богохульство [135]). Онъ утверждалъ: Imperator bonus intra Ecclesiam non supra Ecclesiam est. Non magistratus, si pius est, eximere se volet communi filiorum Dei subjectione [136]). Церкви приписывалъ самостоятельную власть: Spiritualem potestatem, quae propria est Ecclesiae. Ea autem consistit vel in doctrina, vel jurisdictione, vel in legibus ferendis [137]). Власть церкви учительная, судебная и законодательная не зависитъ ни отъ какой другой власти [138]). По-

---

[131]) Eadem ratione, qua vocatur Christus primogenitus omnis creaturae, Ecclesia, quae corpus est ipsius, dignitatis et excellentiae principatum obtinet in toto mundo. Comm. in Jesaiam Opp. Calv. t. VII, p, 232 ed. A.

[132]) Instit. l. IV, c. 20. S. I. Opp. Calv. Vol. II, p. 1093. Non animadvertunt, quantum sint discrimena, et qualis dissimilitudo ecclesiasticae et civilis potestatis. Ibid. l. IV, c. XI. S. III, p. 894.

[133]) Institutio l. IV, c. XX. S. I, p. 1093.

[134]) Institutio l. IV, c. XI. S. 3, 4, p. 894—95.

[135]) Kampschult. B. I. S. 271.

[136]) Instit. l. IV, c. XI. S. 4, p. 895. Opp. Calv. v. II, ed. B.

[137]) Ibid., l. IV, c. VIII. S. I, p. 846.

[138]) Pii alii reges, говоритъ Кальвинъ, constitutum ordninem tuentur sua potestate, ut decet: Ecclesiae tamen suam jurisdictionem et sacerdotibus par-

этому и органы церковнаго управленія дѣйствуя независимо отъ вліянія всякой внѣшней власти, не могутъ быть смѣнены гражданскимъ правительствомъ [139]) и если они обязаны по присягѣ повиноваться ему, то настолько, насколько это не противорѣчитъ ихъ призванію [140]).

Не признавая за государствомъ власти въ области церкви, Кальвинъ стремился сдѣлать ее руководительницею государства. Оно, по его воззрѣнію, должно быть всецѣло проникнуто духомъ религіи, служить ея интересамъ и быть исполнительною властію церкви. Теократическія воззрѣнія реформатора сложились подъ вліяніемъ возвышенныхъ образовъ ветхозавѣтной теократіи. Давидъ, Езекія, Іосія, всецѣло посвятившіе себя и свою царскую дѣятельность служенію Іеговѣ и устроенію церкви, представлялись Кальвину идеалами истинныхъ царей. Въ израильскомъ царствѣ онъ видѣлъ образецъ истиннаго государства. Благочестивые ветхозавѣтные цари, руководимые богодухновенными пророками, главною задачею своей государственной дѣятельности ставили распространеніе и укорененіе истиннаго богопочтенія и благочестія: тоже должно быть главною задачею женевскаго правительства, принявшаго евангелическое ученіе. По Кальвину, одинъ только Царь и Господь государства и церкви: Богъ на небесахъ. Возвѣщать Его славу, прославлять Его величіе, исполнять опредѣленія Его воли — вотъ общая задача истинной церкви и истиннаго государства. Но при исполненіи этой задачи первенство и руководство принадлежитъ не государству, а церкви. Если воля Божія, выраженная въ Словѣ Божіемъ, есть самый высшій законъ для государства, то церковь естественно становится руководительницею его, потому что ей принадлежитъ истолкованіе Слова Божія, въ которомъ выражена воля верховнаго Законодателя и Царя. Такимъ образомъ самая высшая и главнѣйшая задача дѣятельности государства не въ немъ самомъ, а въ церкви. Если виттенбергскій реформаторъ

---

tes illis a Domino attributas relinquunt. См. Schenkel's Wesen der Protestantismus. S. 625.

[139]) См. письмо Кальвина къ Марбаху. Opp. Calv. ed. Amst., p. 84, и посвященіе толкованія на посл. къ Евреямъ Сигизмунду, королю польскому.

[140]) См. выше о „служителяхъ слова“.

образовалъ *государственную церковь*, то женевскій, наоборотъ, стремился создать *церковное государство*. Если церковь, по образному представленію Кальвина, есть душа, а государство тѣло, которое управляется первою [141]): то естественно, чтобы церковь управляла государствомъ. Служитель церкви, какъ прямой истолкователь откровенія, указывая перстомъ на законъ Божій, разъясняетъ правителямъ государства задачу ихъ дѣятельности, даетъ программу для нея. Онъ, подобно Амвросію Медіоланскому, обличавшему императора Ѳеодосія, поставляется судьею носителей государственной власти [142]). Государство, по мнѣнію Калквина, не имѣющее высшихъ правъ въ сферѣ собственно церковной, имѣетъ однѣ только обязанности способствовать правильному отправленію дѣятельности церкви, устранять силою своей власти все препятствующее этой дѣятельности и содѣйствовать осуществленію ея задачи. Государство, назначенное служить исполненію воли Божіей, обязано обуздывать, карать и искоренять всѣхъ оскорбляющихъ церковь. По точнымъ словамъ Кальвина, neque jus gladii habet Ecclesia, quo puniat vel coërceat, non imperium, ut cogat, non carcerem, non poenas, quae solent infligi a magistratu.... At magistratus puniendo et manu coërcendo purgare debet Ecclesiam offendiculis [143]). Nam cum Ecclesia cogendi non habeat potestatem, neque expetere debeat (de civili coërcione loquor); piorum Regum ac Principum partes sunt legibus edictis, judiciis religionem sustinere [144]). Государство должно обнажать мечъ, ne idolatria, ne in Dei nomen sacrilegia, ne adversus ejus veritatem blashemiae aliaeque religionis offensiones publice emergant ac in populum spargantur [145]). Такимъ образомъ Кальвинъ представлялъ государство съ его властію органомъ церкви къ обузданію и наказанію преступленій противъ вѣры и нравственныхъ ея законовъ. Мы видѣли, что, по приговорамъ женевской консисторіи, правительство города подвергало виновныхъ гражданскимъ наказаніямъ: денеж-

---

[141]) Instit. l. IV, c XX. S. I, p. 1092—93.
[142]) Ibid., c. XII. S. 7. 909.
[143]) Instit. l. IV, c. XI. S. 3, p. 894—95.
[144]) Ibid. S. 16, p. 904.
[145]) Instit. l. IV. c. XX. S. 3. Opp. Calv. V. II, p. 1094.

нымъ штрафамъ, аресту, заключенію въ тюрьму и изгнанію изъ города.

Если писанное Слово Божіе есть самый высшій для государства законъ, то уклоненіе отъ него членовъ государства не можетъ не почитаться преступленіемъ и противъ государственнаго порядка. Потому еретикъ становится преступникомъ наравнѣ съ воромъ или разбойникомъ. Unde, говоритъ Кальвинъ in Defensione Orthodoxae Fidei противъ Сервета, inter fidei violationem et alia maleficia discrimen nisi ex cerebro suo sumpsit [146]). Поэтому реформаторъ требовалъ отъ гражданскаго правительства, чтобы оно карало еретиковъ мечемъ и огнемъ, какъ оскорбителей верховнаго владыки царства. Терпимость по отношенію къ лжеученію есть осквернѣніе государства. „Не навлекаетъ ли на себя тяжелую вину частный человѣкъ, не имѣющій власти надъ жизнію и смертію другаго, если онъ допуститъ осквернить домъ свой богохульными поступками? Тѣмъ болѣе не дѣлается ли виновнымъ въ постыдномъ забвеніи своего долга правитель, если онъ будетъ молчать при открытомъ нарушеніи страха Божія?... Уже ли онъ долженъ давать безбожнымъ людямъ свободу уязвлять церковь? Истинное правительство защититъ истинное ученіе, оно не только принудитъ принять это ученіе нерасположенныхъ къ тому, но дабы Христосъ занималъ подобающее мѣсто въ государствѣ, въ которомъ правительство получаетъ власть Его именемъ, не допуститъ, чтобы кто нибудь посмѣвался и своевольно нападалъ на святое имя Христа и Его ученіе [147]). Еретики, говоритъ реформаторъ, убиваютъ души ядомъ своего ученія: уже ли истинное правительство должно щадить ихъ тѣла? [148]). Казнь еретиковъ, необходимо предполагаемая началами реформаторской системы Кальвина, составляетъ мрачную тѣнь нетерпимости и тиранніи надъ свободою совѣсти, тѣнь брошенную мракомъ среднихъ вѣковъ на эпоху реформаціи.

---

[146]) Defensio orthodoxae fidei de sacra Trinitate, contra prodigiosos errores Michailis Serveti, Hispani: ubi ostenditur haereticos jure gladii coercendos esse, et nominatim de homine hoc tam impio juste et merito sumptum Genevae fuisse supplicium. Opp. Calv. vol. VIII, p. 463, ed. Br.

[147]) Defensio orthodoxae fidei. Opp. Calv. v. VIII, p. 470—71, ed. Br.

[148]) Ib. p. 470.

Надзоръ за неопустительнымъ посѣщеніемъ богослуженія, наказанія за нарушеніе церковныхъ постановленій, изгнаніе изъ государства отлученныхъ отъ церкви, содѣйствіе распространенію реформаціи, облегченіе положенія преслѣдуемыхъ протестантовъ въ другихъ странахъ, подъ вліяніемъ Кальвина, стали для женевскаго правительства важнѣйшими дѣлами. И самъ организаторъ церкви сдѣлался первымъ лицемъ въ государственной іерархіи, безъ него не производилось ни одного важнаго дѣла, касающаго внутренняго управленія или внѣшней политики. Во всѣхъ этихъ дѣлахъ ему принадлежалъ рѣшающій голосъ. Онъ сталъ въ своемъ родѣ диктаторомъ въ женевской республикѣ. Нѣкоторые протестантскіе историки несправедливо думаютъ [149]), что Кальвинъ провелъ грань, отдѣляющую церковь отъ государства, и стремился къ полной самостоятельности той и другаго. По видимому, въ словахъ самого Кальвина можно было бы находить указаніе на это, въ самомъ же дѣлѣ онъ стремился дать преобладаніе церкви надъ государствомъ. Достойно замѣчанія, что средневѣковое воззрѣніе снова ожило въ той республикѣ, гдѣ противъ него боролись съ наибольшею страстностію, гдѣ безусловное осужденіе системы Григорія VII и Иннокентія III составляло исходный пунктъ организаціи новой церкви. Наглядным знакомъ подчиненія Женевы теократическимъ тенденціямъ Кальвина служило то, что съ 1542 года на общественныхъ зданіяхъ города, на его воротахъ, монетахъ и военныхъ знаменахъ вмѣстѣ съ городскимъ гербомъ ставилась монограмма имени Христа: I. N. S [150]). Не гласило ли это, что женевская республика стала церковнымъ государствомъ?

Установивъ новыя отношенія между церковію и государствомъ, Кальвинъ соотвѣтственно этому произвелъ весьма значительныя реформы въ самомъ государственномъ устройствѣ женевской республики. Условія, въ которыхъ находилась государственная жизнь Женевы, благопріятствовали такому преобразованію. Республика женевская не задолго предъ тѣмъ только получила независимость и самоуправленіе. Политическая жизнь

---

[149]) Henry, II, S. 115 и д.

[150]) Bungener, p. 281; Audin, p. 299.

ея еще не успѣла отлиться въ твердыя, устойчивыя формы, какъ это бываетъ съ государствами, прожившими долгіе періоды самостоятельной исторической жизни. Къ тому же самъ Кальвинъ былъ способенъ произвести реформы, потому что съ богословскимъ образованіемъ соединялъ отличное юридическое и организаторскій талантъ.

Послѣ принятія церковныхъ уставовъ (Ordonnances Ecclesiastiques), 21 ноября 1541 г. правительство Женевы поручило коммиссіи, составленной изъ Кальвина и нѣкоторыхъ лучшихъ правовѣдовъ, представить проектъ государственныхъ реформъ. Послѣ двухлѣтнихъ занятій коммиссія окончила законодательный проектъ и въ концѣ 1543 года онъ утвержденъ былъ генеральнымъ собраніемъ гражданъ [151]).

По самой нашей задачѣ намъ не слѣдовало бы входить въ подробное разсмотрѣніе государственныхъ преобразованій, произведенныхъ Кальвиномъ въ Женевѣ. Но въ виду сильнаго вліянія церковныхъ началъ Кальвина на устройство женевской республики, изъ новыхъ элементовъ, внесенныхъ въ государственную ея жизнь, мы должны обратить вниманіе только на главные и въ особенности имѣющіе связь съ церковными преобразованіями Кальвина.

Съ самаго прибытія Кальвина въ Женеву въ политической жизни ея стало ясно обозначаться новое направленіе, именно: замѣтно стало ограниченіе демократическаго элемента и по мѣрѣ того усиленіе аристократическаго. Изъ сочиненій Кальвина можно видѣть, что онъ никогда не стоялъ за демократическое правленіе, въ нихъ нѣтъ даже намека на то, что необходимо народу самоуправленіе; напротивъ, Кальвинъ съ особеннымъ предпочтеніемъ относился къ аристократической формѣ правленія. Вѣроятно такія тенденціи развились въ немъ вслѣдствіе воспитанія его въ аристократическомъ семействѣ de la Monmore и укрѣпились продолжительными его связями съ лицами, занимавшими высокое общественное положеніе. Скажемъ еще, что онъ, изгнанный народомъ изъ Женевы, могъ ли питать симпатію къ народо-властительству? Самъ Кальвинъ постоянно держался да-

---

[151]) Stähel, I, 345; Kampsch. B. I, S. 415.

леко отъ народа и не умѣлъ говорить его языкомъ, какъ Цвингли или Ноксъ, шотландскій реформаторъ. Предпочтеніе аристократизма ясно высказано въ Наставленіи въ христіанской вѣрѣ. Сравнивая различныя формы правленія, реформаторъ говоритъ здѣсь, что хотя аристократизмъ несвободна отъ недостатковъ, но онъ принадлежитъ къ формамъ правленія наименѣе несовершеннымъ и представляетъ относительно бо́льшую близость къ правильному, богоугодному государственному правленію. Не сочувствуя монархическому правленію, Кальвинъ находитъ, что демократическое почти неизбѣжно ведетъ къ анархіи; потому что народъ во всѣ времена былъ неразуменъ, измѣнчивъ, неблагодаренъ, легкомысленъ, склоненъ къ нововведеніямъ и возмущенію [152]). Высказанный въ Наставленіи въ христіанской вѣрѣ взглядъ на демократическій образъ правленія Кальвинъ раскрылъ полнѣе въ разныхъ мѣстахъ своихъ толкованій на Ветхій и Новый Завѣтъ. Для народа, во всѣ времена склоннаго къ возмущеніямъ, писалъ онъ, необходимо педагогическое руководительство. Въ государственной жизни должна быть сдерживаема страсть народа къ господству; онъ не долженъ править, а быть въ подчиненіи. Руководство и господство принадлежитъ тѣмъ, которые отличаются добродѣтелію и образованіемъ, зрѣлыми лѣтами и своимъ значеніемъ въ обществѣ. Только такіе должны быть призываемы къ государственнымъ должностямъ, подобно тому (любимое сравненіе реформатора) какъ Богъ повелѣлъ Моисею избрать семьдесятъ мужей для участія въ управленіи народомъ еврейскимъ не изъ массы, но изъ старѣйшихъ и знаменитѣйшихъ лицъ [153]). Находя аристократическій образъ правленія, продолжавшійся въ избранномъ народѣ Божіемъ до временъ царей, Кальвинъ видитъ въ этомъ неоспоримое доказательство превосходства сего правленія, какъ признаннаго самимъ Богомъ, который конечно желалъ своему народу лучшей формы правленія [154]). По мнѣнію Кальвина, равно-

---

[152]) Instit. l. IV, c. XX, S. 8. Opp. Calv. vol. II, p. 1098 ed. B.

[153]) Com. in libr. Mosis. Opp. Calv. t. I, p. 620, ed. A.

[154]) Sua autoritate Dominus confirmavit, quum aristocratiam politiae vicinam apud Israelitas instituit, quum optima conditione eos habere vellet, do-

правность всѣхъ гражданъ и рѣшеніе дѣлъ большинствомъ голосовъ никакъ не могутъ быть признаны справедливыми. Не количество, но авторитетъ лицъ долженъ имѣть вѣсъ при рѣшеніяхъ, иначе католичество нашло бы оправданіе себѣ въ дѣйствительно большей численности своихъ послѣдователей [155]). Кальвинъ, не допускавшій народоправленія въ своей церкви, могъ считать болѣе труднымъ подчинить церковнымъ интересамъ демократическое правительство, нежели аристократическое.

Изложенное нами воззрѣніе Кальвина на формы правленія не осталось мертвою буквою, но получило практическое приложеніе къ государственному устройству Женевы. Не любя демократіи, Кальвинъ подавлялъ власть народнаго представительства въ республиканскомъ городѣ, который прежде стремился къ этой формѣ правленія. Со времени прибытія его сюда во второй разъ генеральное собраніе гражданъ потеряло свое прежнее значеніе. Власть мало-по-малу была сосредоточена въ маломъ совѣтѣ (совѣтѣ синдиковъ), изъ которыхъ только немногіе избираемы были въ генеральномъ собраніи. Малый же совѣтъ, собиравшійся въ свои засѣданія четыре раза въ недѣлю, назначалъ большую часть правительственныхъ чиновъ, созывалъ большой совѣтъ (двухъ сотъ) и генеральное собраніе, предлагалъ имъ предметы обсужденій, словомъ, фактически обладалъ верховною властію въ республикѣ. Кромѣ двухъ издавна установленныхъ сроковъ въ февралѣ и ноябрѣ мѣсяцѣ генеральное собраніе созывалось въ рѣдкихъ случаяхъ и то только для утвержденія выборовъ и опредѣленія цѣны на вино [156]). Даже большой совѣтъ, хотя въ составъ его входило нѣсколько членовъ малаго совѣта, слѣдовательно состоялъ не изъ прямыхъ выборныхъ, не пользовался важнымъ значеніемъ въ отношеніяхъ къ нему реформатора и постепенно отходилъ на второй планъ предъ совѣтомъ синдиковъ. Такъ Женева при Кальвинѣ, хотя видимо удержала демократическое устройство, но съ 1542 года стала управляться аристократіею, а чрезъ 25 лѣтъ послѣ того

---

nec imaginem Christi produceret in Davide. Instit. l. IV, c. XX, S. 8. Opp. Calv. V. II, p. 1098 ed. B. cf. Vol. I, p. 1105.

[155]) Comm. in Iesaiam. Opp. Calv. t. III, p. 290 ed. Amst.

[156]) Bungener.

этотъ образъ правленія, существовавшій только фактически, опредѣленъ былъ самою буквою государственнаго закона.

Подчиненіе государства вліянію церкви особенно выразилось въ преобразованіи уголовнаго судопроизводства, произведенномъ Кальвиномъ. По мнѣнію его, властители, поставляемые надъ людьми самимъ Богомъ, отвѣчаютъ за грѣхи, совершенные подвластными ихъ [157]). Только энергическою дѣятельностію правители могутъ выполнить свое назначеніе, потому что человѣкъ отъ природы склоненъ ко злу и возмущенію. Какъ неразумное животное не можетъ управлять само собою, не подчиняясь могущественной власти, такъ и человѣка всегда должно обуздывать сильною рукою, чтобы онъ, подобно исполинамъ, не возсталъ противъ неба, не погрязъ въ порокахъ и не сталъ хуже животнаго [158]). Истинная, богоугодная власть непремѣнно должна дѣйствовать со всею строгостію какъ въ принятіи мѣръ къ открытію и отвращенію зла, такъ и въ опредѣленіи наказаній за поступки достойные того, потому что она должна дать отчетъ въ этомъ самому Богу. Гдѣ идетъ дѣло о наказаніи порока, тамъ не должны имѣть мѣста гуманныя чувства состраданія и жалости. Власть должна помнить, что она вооружена мечемъ для скораго и строгаго исполненія Божественныхъ повелѣній. Потому судьи не должны подчиняться внушеніямъ чувства робости, какъ это часто случается, но должны вооружиться мужествомъ [159]). Въ послѣдней главѣ Наставленія въ христіанской вѣрѣ содержится апологія смертной казни, основанная на примѣрахъ ветхозавѣтной исторіи (l. IV, c. XX. S. 10. 11).

Кальвинъ въ кодексъ уголовныхъ законовъ внесъ новую категорію преступленій чисто религіознаго характера: тѣмъ не менѣе гражданскій судъ, подчиняясь церковному, не могъ устранить ихъ изъ сферы своей подсудности. Такъ возстаніе противъ царственныхъ правъ Бога, оскорбленіе Его величества хулою, нарушеніе заповѣдей Его закона, ересь, волшебство,

---

[157]) Cx. Conciones in libr. Jobi Opp. Calv. t. II, p. 10.

[158]) Homil. in I lib. Samuelis. Opp. C. t. II, p. 1.

[159]) Comm. in Psim. Opp. Calv. t. III, p. 369.

опущеніе богослуженій, безнравственность, непочтеніе къ родителямъ — вотъ преступленія этой категоріи [160]). Такимъ образомъ Кальвинъ расширилъ область уголовнаго суда, такъ что интересамъ чисто церковнымъ подчинилъ государство съ его юрисдикціей. Съ установленіемъ взгляда на преступленія какъ на нарушенія не только государственнаго, но и божественнаго закона, Кальвинъ изощрилъ строгость уголовныхъ наказаній до крайности. Заключеніе въ тюрьму назначено было за самыя легкія проступки. Такъ въ 1543 году брали подъ арестъ дѣтей за игры [161]). За нарушеніе покоя воскреснаго дня виновныхъ водили по площадямъ въ позорной процессіи и наказывали плетьми. За болѣе важныя преступленія назначалась смертная казнь на висѣлицѣ, эшафотѣ или кострѣ. Эта казнь опредѣлена была и за прелюбодѣяніе, которое прежде наказывалось только нѣсколькими днями ареста [162]). Женщинъ легкаго поведенія, если вѣрить католическимъ писателямъ, топили въ Ронѣ [163]). Колдовство, распространеніе чумы приводило многихъ на костры и эшафоты [164]). Смертной казни подвергались даже дѣти. Одному мальчику отрублена была голова за то, что онъ поднялъ руки на своихъ родителей [165]).

Не менѣе суровъ и безпощаденъ былъ самый процессъ уголовнаго судопроизводства. Привлеченные къ суду по донесеніямъ надзирателей или даже шпіоновъ (которыхъ будто нанимали за деньги) [166]) допрашивались при помощи пытокъ. Не довольствуясь для сего старыми орудіями пытокъ, выдумывали новыя. Случалось, что обвиняемыхъ девять разъ подвергали пыткѣ на дыбѣ, рвали ихъ раскаленными клещами. „Но какъ ни мучили ихъ ихъ, говорится въ одномъ протоколѣ, они не хотѣли сознатьсѣ“ [167]). Многіе несчастные, умирая среди муче-

---

[160]) Stähel. I, 349—50.
[161]) Kampschult. B. I, S. 425.
[162]) Stähel. I, 350; Audin, 301.
[163]) Audin, 300—301.
[164]) Kampschult. B. I, S. 426.
[165]) Real-Encyklop. von Herzog. Art. Calvin B. II.
[166]) Kampschult. B. I, S. 429.
[167]) Kampschult. B. I, S. 426.

ній, увѣряли въ своей невинности. Другіе, въ избѣжаніе ихъ, прибѣгали къ самоубійству „по внушенію сатаны“, какъ замѣчено въ одномъ оффиціальномъ протоколѣ [168]). Вообще годы преобладанія Кальвина въ Женевѣ записаны кровавыми буквами въ ея лѣтописяхъ и составляютъ самыя мрачныя страницы въ ея исторіи. Едва ли найдется государство, въ которомъ бы въ короткій промежутокъ времени, при небольшомъ населеніи (20.000 жителей), было такъ много судебныхъ приговоровъ, какъ это было въ Женевѣ въ первые годы по изданіи новыхъ государственныхъ законовъ (съ 1542 по 1546 гг.). Въ это время тюрьмы были переполнены такъ, что недоставало помѣщенія вновь обвиняемымъ, и произнесено было 58 приговоровъ къ отсѣченію головы или сожженію на кострѣ [169]).

Что касается до реформы экономическаго быта, то и здѣсь нельзя не видѣть вліянія церковныхъ началъ Кальвина. Идеаломъ женевскаго реформатора не было богатое и промышленное государство. Оживленная торговля и широкая промышленная дѣятельность вызвали бы въ населеніи своекорыстіе, чувство своей силы и даже нравственную распущенность, которыя совершенно противорѣчили основнымъ воззрѣніямъ автора Наставленія въ христіанской вѣрѣ, и въ церковномъ его государствѣ были неумѣстны. Неблагопріятные отзывы, которые часто съ негодованіемъ высказывалъ о большихъ промышленныхъ и торговыхъ городахъ своего времени, Венеціи и Антверпенѣ [170]), служатъ тому доказательствомъ. Народно-экономическія и политическія воззрѣнія Кальвина вполнѣ подчинялись господству религіозныхъ его воззрѣній. Производство и продажа предметовъ, служащихъ поводомъ ко грѣху (напр. игральныя кости, карты, предметы роскоши) или же въ какомъ-либо отношеніи находящихся въ связи съ католическимъ культомъ (иконы, восковыя свѣчи и под.) въ Женевѣ было строго воспрещено. Впрочемъ нельзя сказать чтобы реформаторъ совсѣмъ чуждъ былъ заботъ объ устроеніи экономической жизни народа. Воз-

---

[168]) Kampschult. S. 427.

[169]) Kampschult. B. I, S. 425.

[170]) Comm. in Iesaiam. Opp. Calv. t. III, p. 140, 308 и др. ed. A.

ставая противъ лѣности и ея спутника—нищенства, онъ старался о развитіи въ народѣ ремеслъ и представлялъ правительству объ устройствѣ сукнопроизводства, въ которомъ видѣлъ средство къ обезпеченію обѣднѣвшаго народонаселенія Женевы [171]).

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что преобразованія въ устройствѣ церкви и государства, очерченныя нами, представляютъ замѣчательный историческій памятникъ дѣятельности Кальвина.

С. Назаревскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

---

[171]) Stähel. I, 372.

СОСТОЯНІЕ

УНІАТСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ РОССІИ

въ царствованіе Императора Александра I.

I. МИТРОПОЛИТЫ ЛИСОВСКІЙ И БУЛГАКЪ И ПОЛОЦКІЙ АРХІЕПИСКОПЪ КРАСОВСКІЙ.

Во главѣ духовнаго управленія уніатской церкви въ имперіи стоялъ, съ 1784 года, полоцкій архіепископъ *Ираклій Лисовскій*.

Чтобы ознакомиться съ этимъ замѣчательнымъ лицомъ, мы должны сказать о его дѣйствіяхъ въ прежнее время въ царствованіе императрицы Екатерины II.

Вслѣдъ за своимъ рукоположеніемъ Лисовскій, извѣстивъ объ этомъ папу, просилъ полномочія (Facultas): 1) относительно управленія базиліанскими монастырями, требуя, чтобы они подчинены были ему на такомъ же основаніи, какъ латинскіе монастыри подчинены могилевскому архіепископу; 2) чтобы исключены были нѣкоторые изъ праздниковъ, введенныхъ Замостьскимъ соборомъ, особенно упадающіе на время лѣтнихъ земледѣльческихъ работъ и 3) чтобы уніатское богослуженіе очистить отъ примѣсей, вошедшихъ въ него со времени Замостьскаго собора; а богослужебныя церковныя книги исправить по ритуалу Якова Гоара, съ которымъ согласенъ и изданный съ разрѣшенія папы

Бенедикта XIV Евхологій (служебникъ) для церквей восточнаго обряда. Лисовскій указывалъ на то, что многіе, видя латинскія прибавки и слыша латинскіе возгласы, оставляютъ унію, переходя или въ православіе или въ латинство [1]).

Римская курія, снабдивъ Лисовскаго полномочіемъ по первому пункту его прошенія, т.-е. *подчинивъ его управленію базиліанскіе монастыри*, отказала въ разрѣшеніи по второму и третьему пунктамъ его ходатайства, поручивъ ему спеціально обозначить, какіе праздники онъ полагалъ бы уничтожить и какіе обряды, по мнѣнію его, требуютъ исправленія. Но въ числѣ праздниковъ непремѣнно должны быть сохранены праздники въ честь апостоловъ Петра и Павла и полоцкаго мученика Іосафата Кунцевича, которому унія такъ много обязана. Вмѣстѣ съ этимъ конгрегація распространенія вѣры прочитала ему обширное наставленіе, объясняя, что одному епископу нельзя предоставить столь важнаго дѣла, что иныя нововведенія могутъ быть терпимы, а другія должны даже быть поддерживаемы по нуждамъ времени и обстоятельствъ; что разности есть и въ обрядахъ латинской церкви на Западѣ и на Востокѣ, но онѣ не мѣшаютъ единству вѣры и церкви [2]).

Въ томъ же духѣ, но съ большею рѣзкостію и фанатическою нетерпимостію писалъ къ нему папскій нунцій въ Варшавѣ Картагенскій архіепископъ Фердинандъ Саллиццо. Онъ не устыдился прямо назвать Лисовскаго фарисеемъ и отнести къ нему слова Іисуса Христа, направленныя противъ фарисеевъ: даете десятину съ мяты, руты, и всякихъ овощей и нерадите о судѣ и любви Божіей (Луки XI, ст. 42) [3]). Лисовскій отвѣчалъ на предложенные ему вопросы очень спокойно и кротко. Изъ Рима ему наговорили комплиментовъ за то, что умѣлъ пріобрѣсть благосклонность императрицы и русскихъ властей и что находится въ дружбѣ съ католическимъ могилевскимъ архіепископомъ, и

---

[1]) Письмо полоцкаго архіепископа Лисовскаго къ папѣ Пію VII отъ 25 января 1785 г. Дѣло архива грекоун. митрополитовъ, № 2113.

[2]) Письмо кардинала Антонелія къ полоцк. архіеп. Лисовскому отъ 14 мая 1785 г.

[3]) Письмо картагенскаго архіепископа Фердинанда къ Лисовскому отъ 13 мая 1786 г.

выразили надежду, что при такихъ благопріятныхъ условіяхъ унія въ Россіи не только не потерпитъ урону, но получитъ прежній блескъ. Что же касается до обрядоваго вопроса, то, указавъ на всегдашнюю заботу римскаго престола о цѣлости и неприкосновенности восточнаго обряда, объявили, что 18 іюня 1787 г. конгрегація постановила подвергнуть это дѣло соборному разсмотрѣнію, снесшись предварительно съ митрополитомъ (Смогоржевскимъ) [4]) и прочими уніатскими епископами и полагая впрочемъ сохранить всѣ тѣ перемѣны въ уніатской обрядности, которыя введены для большаго покровительства (protestationem) католической вѣры: до того же времени полоцкій епископъ долженъ воздержаться отъ всякихъ нововведеній и особенно отъ введенія служебниковъ, которыми пользуются не униты [5]).

Митрополитъ Смогоржевскій, съ которымъ снесся по этому предмету папскій нунцій въ Варшавѣ, отвѣчалъ, что онъ не знаетъ, какія побужденія имѣетъ полоцкій архіепископъ писать къ святому престолу объ очищеніи обряда. Во время его управленія этою епархіею никто не оставилъ уніи, исключая принужденныхъ къ тому угрозами или насиліемъ, и русскіе уніаты до сихъ поръ употребляютъ тѣ же самые обряды, которые употребляли при прежнихъ польскихъ королях. Отцы Замостьскаго собора ввели въ уніатскій обрядъ нѣкоторыя разности съ восточною церковію, но именно для отличія уніатскаго богослуженія отъ дизунитскаго.

Новымъ письмомъ отъ 23 декабря 1787 года Лисовскій возобновилъ свои настоянія объ исправленіи и очищеніи уніатскихъ обрядовъ, и сокращеніи числа праздниковъ и постовъ и увѣдомлялъ, что онъ предпринялъ уже переводъ на русскій языкъ ли-

---

[4]) Не излишнимъ считаемъ напомнить, что это происходило еще при бытности польскаго правительства между 1 и 2 раздѣломъ Польши. Смогоржевскій, бывшій полоцкимъ архіепископомъ, выбранъ въ митрополиты польскими уніатами, оставилъ Россію и послѣ кратковременнаго пребыванія въ Польшѣ съ 1780 г. жилъ въ Радомыслѣ (нынѣ уѣздный городъ Кіевской губерніи, въ 90 верстахъ отъ Кіева къ сѣверозападу), гдѣ началъ было строить каѳедральную церковь, но недостроилъ, и гдѣ скончался и погребенъ въ 1788 г.

[5]) Письмо кардинала Антонелія къ полоцк. архіеп. Лисовскому отъ 29 сентября 1787 г.

тургіи св. Іоанна Златоустаго, обѣщая сохранить въ ономъ возношеніе имени верховнаго первосвященника и прибавленіе въ символѣ вѣры *и отъ Сына*. На этотъ разъ курія отвѣчала ему уже рѣшительнымъ порицаніемъ его дѣйствій и требовала, чтобы онъ не обзывалъ злоупотребленіями такихъ обрядовъ, которые утверждены Замостьскимъ соборомъ и освящены временемъ, и чтобы сохранены были читанныя мессы и боковые алтари. Вмѣстѣ съ этимъ конгрегація выразила желаніе, чтобы для уніатскихъ церквей составленъ былъ полный литургическій кодексъ, въ которомъ помѣщенъ былъ бы чинъ тайной мессы, что̀ гораздо вѣрнѣе приведетъ къ однообразію богослуженія, нежели исправленіе обрядовъ. Изъ двухъ представленныхъ Лисовскимъ мѣсяцеслововъ (святцевъ) православнаго на 1787 годъ и утвержденнаго Замостьскимъ соборомъ вновь предписано обязательно руководствоваться послѣднимъ. Точно также отвергнуто предположеніе Лисовскаго о перенесеніи нѣкоторыхъ праздниковъ на воскресные дни. Снисходительность куріи ограничилась тѣмъ, что дозволила уничтожить нѣкоторые праздники общіе съ православною церковію; но предписано непремѣнно удержать праздники Божьяго тѣла и въ честь Іосафата Кунцевича, полоцкаго мученика [6]).

Въ 1790 году Лисовскій представилъ въ конгрегацію русскій переводъ литургіи Іоанна Златоустаго. Но какая была судьба его, неизвѣстно. Между тѣмъ прекратились непосредственныя сношенія его съ Римомъ. Возобновившіяся волненія въ Польшѣ окончились, какъ извѣстно, ея паденіемъ. Преемникъ Смогоржевскаго по званію митрополита, бывшій холмскій епископъ Ѳеодосій Ростоцкій, сторонникъ мятежа и недоброжелатель Россіи, по повелѣнію императрицы, удаленъ изъ присоединенныхъ отъ Польши областей, но получилъ отъ великодушія правительства, которое ненавидѣлъ, пенсію въ 6000 рублей и жилъ въ С.-Петербургѣ. Епископы заграничныхъ уніатскихъ епархій чтили въ немъ званіе митрополита и по церковнымъ дѣламъ, напримѣръ, въ случаѣ поставленія новыхъ епископовъ, обра-

---

[6]) Письмо кардинала Антонелія къ полоцк. архіеп. Лисовскому отъ 23 августа 1788 г.

щались къ нему за разрѣшеніемъ: но въ Россіи онъ не имѣлъ никакой власти.

Послѣ третьяго раздѣла Польши управленіе Лисовскаго увеличилось еще тремя епархіями: Владимірскою, Пинскою и Луцкою. Но императрица приказала ихъ закрыть, подчинивъ всѣхъ уніатовъ Имперіи полоцкому архіепископу Лисовскому.

Ставши духовнымъ главою всей уніатской церкви въ Имперіи, Лисовскій снова поднялъ вопросъ объ очищеніи уніатскаго обряда отъ примѣсей латинства. Цѣлію этихъ заботъ было сближеніе уніатской церкви съ православною, но въ интересахъ не православной, а уніатской церкви. Стоя во главѣ управленія этой церкви онъ считалъ ее идеаломъ, единственно чистымъ типомъ церкви. Латинства онъ не любилъ; православную церковь считалъ близкою себѣ, какъ русскую, но въ то же время не могъ освободиться отъ желанія видѣть ее подчиненною Римскому престолу. Поэтому желаемое имъ очищеніе уніатскаго обряда было только средствомъ къ сближенію уніатской церкви съ православною, а цѣлію — соединеніе той и другой церкви съ римскою, съ сохраненіемъ восточнаго обряда; иными словами говоря—общая унія всей русской церкви съ римскою, съ сохраненіемъ іерархической и обрядовой самостоятельности ея, но съ подчиненіемъ верховной власти папы. Вотъ что писалъ онъ къ холмскому епископу Важинскому, своему бывшему учителю изъ Жидичинскаго монастыря, отъ 3 сентября 1796 года: „какіе роковые раздоры наступили отъ 1595 года по постановленіи единства (съ римскою церковію) нашими епископами Поцѣемъ и Терлецкимъ и послѣ Брестскаго собора 1596 года, на которомъ обнаружилось несогласіе на эту унію Балабана и Копыстенскаго, извѣстно изъ рескриптовъ короля Сигизмунда. Читаемъ затѣмъ прискорбное описаніе трагедіи, продолжающейся почти непрерывно въ теченіи двухъ столѣтій. Видѣли мы собственными глазами уманскую рѣзню, заключеніе въ тюрьму архіепископа (православнаго) Садковскаго единственно по поводу ложнаго подозрѣнія въ томъ, что онъ замышлялъ будто бы какую-то рѣзню вмѣстѣ съ нашимъ (т.-е. петербургскимъ) дворомъ; видѣли и позорное отсѣченіе головъ чрезъ палача нашимъ священникамъ уніатамъ въ Кременцѣ за какое-то будто бы замышленное ими избіеніе римскихъ католиковъ, отъ како-

вой напасти едва избавился въ то время и пастырь сихъ невинныхъ мучениковъ, достойный епископъ луцкій Левинскій. Эти раздоры и распри унитовъ съ неунитами, хотя и были усмиряемы польскими сеймами при договорахъ съ россійскимъ дворомъ, никогда однакоже не приходили къ концу и не получали разрѣшенія, чрезъ что все болѣе умножалась взаимная ненависть католиковъ обоихъ обрядовъ къ послѣдователямъ грекороссійскаго исповѣданія и что довело недавно до позорнаго повѣшенія среди Варшавы двухъ достойныхъ епископовъ съ другими магнатами, осужденныхъ за ихъ преданность россіянамъ, какъ схизматикамъ [7]). Отсюда выродились эти косиньеры и пикинеры изъ бѣдныхъ мужичковъ послѣ Краковскаго возстанія и нападеніе на россіянъ въ Варшавѣ; и эта несчастная толпа людей, подъ религіознымъ предлогомъ, вызвана на рѣзню противъ непобѣдимыхъ россійскихъ войскъ, какъ будто противъ бусурмановъ. Это рвеніе нашихъ духовныхъ, какъ-то опала Овручскаго, епископа калускаго, каноника Куликовскаго и другихъ, уже наказанныхъ изгнаніемъ за измѣнническіе замыслы по принесеніи ими присяги въ вѣрности россійскому престолу, и другія тому подобныя дѣла подали новый поводъ къ нетерпимости относительно нашей уніи, существующей въ маломъ числѣ посреди многихъ милліоновъ россійскаго народа, ибо изъ основанія оной и изъ противодѣйствія со стороны благочестивыхъ распространенію оной происходили, по всеобщему убѣжденію россіянъ, самыя ужасныя послѣдствія. Если такимъ образомъ за раздоры и нарушеніе мира, единства и единомыслія, упадаетъ наша унія, то кто жь бы могъ лучше даровать намъ всѣмъ россіянамъ столь желаемое нашею Монархиней для своего народа спокойствіе и единомысліе, и тѣмъ насъ вполнѣ осчастливить? Никто иной (по общему мнѣнію), какъ только верховный нашъ пастырь Пій VI своими, при споспѣшествованіи Св. Духа, стараніями у россійскаго двора и духовенства, въ видахъ водворенія единства во всей многолюдной имперіи,

---

[7]) Въ 1794 г. 9 мая временный совѣтъ осудилъ на смерть инфлантскаго епископа Коссаковскаго, который въ тотъ же день былъ повѣшенъ въ Варшавѣ, гдѣ 28 іюня чернь повѣсила безъ суда также виленскаго епископа Игнатія, князя Масальскаго.

вмѣсто того, чтобы охранять оное только въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, какъ было до сихъ поръ. Его святѣйшеству не будетъ недостатка въ потребныхъ для сего средствахъ. Посольство его къ нашей Монархинѣ въ 1784 году по дѣлу устроенія римскаго архіепископа Сестренцевича и украшенія его палліумомъ, къ великой радости здѣшнихъ католиковъ, было уважено и удовлетворено согласно съ желаніями св. отца. Великолѣпный пріемъ, сдѣланный имъ путешествующимъ великимъ князьямъ россійскимъ наслѣдникамъ, вызвалъ благодарность Екатерины II. Его письменныя обращенія къ той же Монархинѣ, возбудившія нашу радость и надежду на общее соединеніе, не остались безъ послѣдствій. Такой способъ, наиболѣе соотвѣтственный въ настоящее время, пригодился бы, какъ мы здѣсь думаемъ, еслибы св. отцу угодно было возобновить попытку соглашенія, которую учинили доктора Сорбонской академіи 15 іюня 1717 года посредствомъ представленнаго блаженной памяти Россійскому императору (Петру Великому) письма, адресованнаго къ русскимъ епископамъ и духовенству. Такого рода отзывъ св. отца несомнѣнно принесъ бы въ дѣлѣ соглашенія добрыя послѣдствія, еслибы верховный пастырь церкви, по отношенію къ догматамъ вѣры, призналъ за россійскою церковію все то, что признали сорбонскіе доктора... Пусть бы св. отецъ изволилъ безотлагательно испросить у нашей Монархини, чтобы она приказала тѣмъ временемъ римскимъ, уніатскимъ и своимъ русскимъ епископамъ частнымъ образомъ обсудить это дѣло и установить средства къ соглашенію. Пусть бы дозволено было нѣкоторымъ нашимъ епископамъ отправиться въ Римъ или къ нунцію для подробнаго объясненія, что россійская церковь тому же самому вѣруетъ, чему вѣруемъ и мы уніаты, что по тому же самому обряду совершаетъ св. таинства, по которому совершаемъ и мы уніаты, даже въ случаѣ нужды по одному требнику, служебнику и понтификалу, согласнымъ съ евхологіемъ Бенедикта XIV, чѣмъ бы мы по крайней мѣрѣ утѣшились въ нашемъ настоящемъ паденіи".

Лисовскій просилъ епископа Важинскаго принять на себя трудъ отъ своего имени и отъ имени всѣхъ своихъ уніатовъ объяснить все это св. отцу и горячо просить приступить къ мѣрамъ умиротворенія, „что принесло бы умаляющейся въ настоя-

щее время св. церкви великій прибытокъ, чрезъ присоединеніе величайшаго въ христіанскомъ мірѣ россійскаго государства, могущественнѣйшее покровительство и безсмертную славу св. отцу, еслибы въ этотъ просвѣщенный вѣкъ онъ положилъ конецъ столь долго продолжающемуся прискорбному разъединенію церквей".

Важинскій не замедлилъ увѣдомить объ этомъ митрополита Ростоцкаго, препроводивъ къ нему вѣрную копію съ письма Лисовскаго. „Письмо это—писалъ онъ изъ Холма отъ 13 ноября 1796 г.—выражаетъ весьма похвальную заботливость и старанія сего прелата о соединеніи цѣлаго россійскаго края съ римскою церковію, осуществленіе коего хотя и мало вѣроятно, но in magnis et tentare laudabile est (т.-е. въ великихъ дѣлахъ и попытка достойна похвалы)". Важинскій просилъ митрополита подкрѣпить столь важное дѣло своимъ совѣтомъ и возможнымъ съ своей стороны содѣйствіемъ. „Нѣтъ сомнѣнія, присовокуплялъ онъ, что россіянъ можетъ отвратить отъ соединенія наше отступленіе отъ греческаго обряда, а потому мнѣ кажется, что такое отвращеніе слѣдуетъ предупредить, употребивъ всѣ усилія къ возстановленію церковныхъ обрядовъ и обративъ особенное вниманіе на то, чтобы церковныя книги печатались согласно съ древними экземплярами, и чтобы допущенныя перемѣны въ обрядахъ, неузаконенныхъ никакимъ уставомъ, были устранены" [8]).

Но во время этой переписки обстоятельства перемѣнились. 6 ноября 1796 г. скончалась императрица. Слѣдующее царствованіе было для нихъ неблагопріятно; но также неблагопріятны были и для правительства послѣдствія такой его политики въ отношеніи къ уніатамъ. Прежде всего по просьбѣ папскаго нунція Литты сверхъ Полоцкой учреждены или собственно возстановлены были еще двѣ уніатскія епархіи: Луцкая и Брестская (бывшая Владимірская) [9]). Епископомъ въ пер-

---

[8]) Петрушевичъ, Холмская епархія и святители ея. Львовъ 1867 г. стр. 188 и сл.; Холмскій Мѣсяцословъ на 1874 г., стр. 54—63.

[9]) „Епархіи эти—замѣчаетъ графъ Д. А. Толстой—уничтоженныя Екатериною послѣ присоединенія значительнаго уніатскаго народонаселенія къ православію, должны были, разумѣется по возстановленіи ихъ, утвердить раз-

вую [10]) назначенъ Левинскій, бывшій кліентъ митрополита Смогоржевскаго. Въ Брестъ [11]) назначенъ бывшій пинскій епископъ Іосафатъ Булгакъ, носившій званіе коадъютора митрополита Ростоцкаго съ будущимъ преемствомъ. Но такъ какъ Ростоцкій потерялъ митрополію, то и преемство Булгака рушилось. Булгакъ—полякъ и католикъ—былъ безхарактеренъ: но имъ управляли приниженные Лисовскимъ базиліане.

Лисовскій жилъ въ своей епархіи, въ Онуфріевскомъ монастырѣ, вдали отъ центральнаго управленія. Въ С.-Петербургѣ жилъ на пенсіи отставной митрополитъ Ростоцкій, но не былъ допускаемъ къ участію въ дѣлахъ. Высшее управленіе уніатскими дѣлами соединено было съ управленіемъ латинскимъ духовенствомъ и сосредоточено въ департаментѣ духовныхъ дѣлъ при юстицъ-коллегіи. Предсѣдателемъ департамента и слѣдовательно завѣдующимъ всѣми латинскими и унитскими дѣлами былъ католическій митрополитъ Сестренцевичъ: но іезуиты, усилившись въ царствованіе Павла, довели дѣло до того, что Сестренцевичъ устраненъ былъ отъ предсѣдательства въ департаментѣ и изъ С.-Петербурга. Тотчасъ же послѣ его удаленія департаментъ юстицъ-коллегіи издалъ 11 декабря 1800 года регламентъ для духовенства обоихъ римско-католическихъ обря-

---

рушавшуюся унію и отдалить народъ отъ православной церкви, къ которой онъ имѣлъ такъ много склонности; основаны же онѣ были папами единственно для распространенія уніатскаго ученія и притомъ тогда, когда въ этихъ странахъ было несравненно болѣе людей этого обряда; потому и дѣйствовать такимъ образомъ могъ Римъ, а не русское правительство, тѣмъ болѣе, что не было и никакихъ просьбъ объ этомъ со стороны уніатской паствы". Римскій католицизмъ въ Россіи, Т. II, стр. 147. Спб. 1817 г.

[10]) Луцкая епархія была прежде одною изъ самыхъ обширныхъ епархій и имѣла до 5000 церквей; но вслѣдствіе перехода уніатовъ этого края въ православіе и частію въ латинство, въ 1825 году въ ней считалось только 160 приходскихъ церквей, 460 священниковъ, 111.598 мірянъ; базиліанскихъ монастырей 22, монаховъ 266 и женскихъ монастырей 3, монахинь 14. Епархія эта обнимала губерніи: Волынскую, Кіевскую и Подольскую. Епископъ Луцкій не имѣлъ каѳедры и жилъ то въ Почаевскомъ, то въ Жидичинскомъ базиліанскихъ монастыряхъ.

[11]) Брестская епархія обнимала губерніи Виленскую, Гродненскую, Курляндскую и Минскую. Брестскій епископъ жилъ въ митрополичьемъ городѣ Новогрудкѣ, гдѣ находилась и епархіальная консисторія.

довъ—латинскаго и уніатскаго, по которому монастыри освобождались отъ власти епископовъ и получили самостоятельное управленіе, а по поводу просьбы уніатовъ, чтобы имъ дозволено было имѣть своихъ засѣдателей въ коллегіи, состоялся высочайшій указъ 29 декабря 1800 года: „уніаты, такъ какъ они присоединенные къ намъ или къ католикамъ, а не сами по себѣ, членовъ не могутъ имѣть".

Въ такомъ положеніи было уніатское дѣло къ концу царствованія Императора Павла, т.-е. уніаты совершенно подчинены были римлянамъ, а римско-католическая церковь въ Россіи — іезуитамъ.

Императоръ Александръ, по вступленіи на престолъ, приказалъ образовать комитетъ [12]) для составленія положенія о духовномъ и церковномъ правительствѣ римско-католическаго закона въ Россіи. Враждебная Сестренцевичу партія, во главѣ которой стояли іезуитскій генералъ Груберъ, предсѣдательствующій въ римско-католической коллегіи Бевиславскій и жмудскій епископъ князь Гедройцъ, опасаясь новаго возвышенія представили Государю меморіалъ о неудобности митрополиту Сестренцевичу быть предсѣдателемъ римско-католической коллегіи [13]). Престарѣлый уніатскій митрополитъ Ростоцкій съ своей стороны подалъ записку о возстановленіи его въ прежній санъ, о предоставленіи уніатскому духовенству собственнаго управленія, а уніатскому монашеству самому избирать высшихъ и низшихъ себѣ начальниковъ по уставу ихъ ордена. Всѣ эти петиціи переданы были въ комитетъ, занимавшійся устройствомъ католическаго управленія.

Въ ноябрѣ 1801 года комитетъ представилъ свой докладъ, который 13 числа того же мѣсяца и удостоился Высочайшаго ут-

---

[12]) Указъ объ учрежденіи комитета подписанъ 16 іюня 1801 г. Комитетъ образованъ подъ предсѣдательствомъ генералъ-прокурора Беклемишева, изъ сенаторовъ Потоцкаго и Вьельгорскаго, и малтійскаго священника Маскле. Въ послѣдствіи вошелъ или лучше втерся въ него іезуитъ Бышковскій.

[13]) Подробности объ учрежденіи комитета и объ интригахъ іезуитовъ противъ Сестренцевича—въ сочиненіяхъ графа Д. А. Толстаго: „Римскій католицизмъ въ Россіи", т. II, стр. 152—157. Спб. 1877 г. и М. Я. Морошкина: „Іезуиты въ Россіи и пр." Ч. 2, стр. 41—60. Спб. 1870 г.

верженія. Этимъ докладомъ духовный департаментъ юстицъ-коллегіи преобразованъ въ римско-католическую коллегію; митрополитъ Сестренцевичъ возстановленъ въ достоинствѣ предсѣдательствующаго въ коллегіи, съ возвращеніемъ его къ дѣламъ епархіальнаго управленія, а уніаты подчинены по прежнему вѣдѣнію коллегіи, съ объявленіемъ, что члены отъ уніатовъ въ оной не полагаются.

„Унитамъ — писалъ по этому поводу Лисовскій — достался жребій рабства; такъ какъ со всѣми своими законами и прерогативами они подчинены управленію судей латинскаго обряда. Когда однимъ латинянамъ поручено было составить законъ или регламентъ для католической церкви въ Россіи, то они забыли объ уніатахъ, которые однако соединены съ ними одною вѣрою и любовію, даже слова не сказали объ уніатахъ въ представленіи, поданномъ сенату на утвержденіе. Хотя митрополитъ Россіи (бывшій уніатскій) подалъ императорскому величеству покорную просьбу о возстановленіи прерогативъ уніатской церкви: но императоръ отвергъ ее, даже на отдѣльныя просьбы митрополита послѣдовала резолюція, несогласная съ его желаніемъ, но примѣнительно къ прежнимъ указамъ Екатерины II относительно уніатовъ, и такимъ образомъ уніаты вполнѣ подчинены управленію латинянъ“ [14]).

Подъ вліяніемъ такихъ обстоятельствъ Лисовскій составилъ записку, вѣроятно для представленія папѣ, въ которой просилъ, чтобы верховный первосвященникъ поддержалъ ихъ какимъ-либо спасительнымъ образомъ. „Одно изъ двухъ средствъ остается для этого: или переходъ всѣхъ, если можно, въ обрядъ латинскій, но это весьма трудно по причинѣ грубости и невѣжества народа; другой же способъ самый желательный, къ коему склоняются мысли всѣхъ, возобновить стараніе и позаботиться объ общей и полной уніи русскихъ церквей съ римскою, каковое дѣло не есть новое и неслыханное“. Лисовскій указывалъ на сношенія Петра I съ сорбонскими богословами въ 1717 году. „Тогда русскіе епископы заявили, что они приступятъ къ столь спасительному дѣлу въ послѣдствіи. Настоящій же нашъ вѣкъ,

---

[14]) Труды Кіевской Академіи 1872 г. Ч. I, стр. 268—269.

какъ весьма хорошо извѣстно св. престолу, весьма благопріятствуетъ приведенію сего спасительнаго дѣла къ вожделѣнному концу, такъ какъ клиръ Россіи и особенно предстоятели его преимущественно отличаются всякимъ родомъ добродѣтелей, знаніемъ и наукою“ [15]).

Эта же подкладка, какъ мы видѣли, лежала у Лисовскаго и въ прежнихъ представленіяхъ его объ очищеніи обряда уніатской церкви.

Къ счастію Лисовскій скоро потомъ отказался отъ химерической задачи соединенія русской церкви съ латинскою и ввелъ ее въ болѣе тѣсныя границы — сближенія уніатской церкви съ русскою; такимъ образомъ онъ нашелъ для себя и далъ правительству болѣе твердую почву и болѣе благодарную цѣль для дѣйствованія. Мы употребили слово *сближеніе*, чтобы обозначить направленіе понятій и дѣйствій Лисовскаго, такъ какъ онъ думалъ только объ отдѣленіи отъ римлянъ (но не отъ папы) и обрядовомъ сближеніи съ Восточною церковію, вовсе не имѣя мысли о возсоединеніи уніатовъ съ православною церковію. Онъ былъ честный пастырь и одинъ изъ лучшихъ уніатскихъ архипастырей. Для полной чести его имени довольно и того, что онъ сдѣлалъ для уніи.

У Лисовскаго былъ священникъ, котораго судьба, ко благу уніатской церкви, сблизила съ этимъ архипастыремъ, — каѳедральный протопресвитеръ Іоаннъ Крассовскій, сынъ священника же изъ стараго дворянскаго рода Ястрембецъ. Почему-то онъ присоединялъ къ своей фамиліи *Дамаскинъ* и писался *Іоаннъ Дамаскинъ-Крассовскій*. Крассовскій былъ человѣкъ отличныхъ дарованій, съ основательнымъ образованіемъ и широкимъ взглядомъ на вещи; но главное это былъ человѣкъ русскій [16]). Въ 1803 году Лисовскій отправилъ его въ С.-Петербургъ для ходатайства по дѣламъ уніи и выпросилъ ему ауді̀енцію у Им-

---

[15]) Труды Кіевской Академіи 1872 г. Ч. I, стр. 270.

[16]) Изъ послужнаго списка Красовскаго видно, что онъ обучался въ Оршанскомъ училищѣ у іезуитовъ до 1792 г., когда, имѣя отъ роду 15 лѣтъ отправленъ Лисовскимъ въ папскій алюмнатъ, гдѣ пробылъ шесть лѣтъ; въ 1798 г. назначенъ проповѣдникомъ при полоцкой каѳедрѣ; въ 1803 г. рукоположенъ въ священника и опредѣленъ каѳедральнымъ архипресвитеромъ.

ператора. Ближайшимъ поводомъ къ этому посольству Крассовскаго было распространившееся по могилевской католической епархіи извѣстіе, будто бы императоръ Павелъ своимъ рескриптомъ дозволилъ свободный переходъ уніатовъ въ римскій обрядъ; вслѣдствіе чего латинское бѣлое и монашеское духовенство, снесясь съ помѣщиками, ктиторами уніатскихъ церквей, начали священниковъ склонять, а прихожанъ понуждать, дабы они приняли латинскій обрядъ, что и возъимѣло успѣхъ; ибо нѣкоторые священники сами съ цѣлыми приходами приняли оный; другіе колебались и посылали прошенія въ могилевскую консисторію о покровительствѣ.

Крассовскій представилъ на видъ Государя существованіе около двухъ милліоновъ греко-уніатовъ, страдающихъ отъ преобладанія римско-католиковъ и насильственнаго обращенія въ латинство. Представленія Крассовскаго произвели впечатлѣніе на Государя. Митрополиту Сестренцевичу выражено монаршее неудовольствіе касательно переведенія уніатовъ въ римскій обрядъ и запрещено разглашеніе въ народѣ объ искорененіи уніи; для разслѣдованія же обидъ и утѣсненій уніатовъ наряжена особая коммиссія [17]).

Въ томъ же году назначенъ оберъ прокуроромъ святѣйшаго Синода князь А. Н. Голицынъ. Государь обратилъ вниманіе его на уніатовъ. Съ этого времени, не стоя ни въ какихъ оффиціальныхъ отношеніяхъ къ римско-католической коллегіи, князь Голицынъ, единственно по особому довѣрію Государя, завѣдывалъ уніатскими дѣлами по тѣмъ предметамъ, по коимъ они восходили на Высочайшее разсмотрѣніе и утвержденіе [18]).

Съ этого же времени и начинаются перемѣны въ правительственномъ взглядѣ на унію.

---

[17]) Холмск. мѣсяц. 1869 г., стр. 157.

[18]) Въ 1809 г. 22 іюня онъ писалъ къ архимандриту Исаіи Шулякевичу:... „на письмо ваше (о возвращеніи борисоглѣбской архимандріи) отвѣтствую вамъ, милостивый государь мой, что на дѣла, производящіяся въ помянутомъ (второмъ) департаментѣ римско-католической коллегіи, никакого вліянія я не имѣю, а есть ли и докладывалъ иногда по дѣламъ унитскимъ Государю императору, то не иначе, какъ по особымъ порученіямъ его величества".

„По претерпѣніи унитами — писалъ митрополитъ Лисовскій— нанесенныхъ имъ отъ римлянъ въ прошествіи двухъ столѣтій разнаго рода обидъ и утѣсненій, о которыхъ довольно изъясняютъ всѣ акты и меморіи, униты въ первый разъ своего существованія удостоились получить Всемилостивѣйшую протекцію по Высочайшему именному указу, въ 4-й день іюля 1803 года на имя Бѣлорусскаго военнаго губернатора генерала Михельсона данному, въ которомъ между прочимъ изображено: „сближеніе уніи съ православнымъ греко-россійскимъ исповѣданіемъ даетъ ей право на сіе покровительство“.

При такомъ положеніи уніатской церкви, Лисовскій, прежде напрасно домогавшійся разрѣшенія изъ Рима на очищеніе уніатскаго обряда, предпринялъ самъ возстановленіе богослуженія по образцу Восточной церкви. Приготовляясь къ этому подвигу онъ предпринялъ (въ 1803 г.), путешествіе въ Іерусалимъ [19]) и по возвращеніи изъ святаго града началъ очищенное богослуженіе и самъ служилъ по московскому архіерейскому служебнику [20]). Чтобы даже по внѣшности имѣть видъ пастыря Восточной церкви, онъ отростилъ бороду, что при его добродушіи сдѣлало еще болѣе привлекательною его вообще пріятную старческую наружность [21]).

Въ слѣдующемъ 1804 году 27 сентября Высочайшимъ указомъ повелѣно было, чтобы въ римско-католической духовной коллегіи присутствовали уніатскій епископъ и три ассессора отъ уніатскаго духовенства. Изъ уніатскихъ епископовъ въ колле-

---

[19]) Спутникомъ его былъ настоятель Оршанскаго базиліанскаго монастыря *Родзевичъ*, также преданный восточному обряду.

[20]) Въ полоцкомъ Софійскомъ соборѣ Лисовскій устроилъ посреди церкви амвонъ для облаченія архіерея, по восточному обычаю. Прежніе уніатскіе епископы въ этой, а равно и въ прочихъ епархіяхъ, облачались на особой каѳедрѣ, устроенной у стѣнки праваго клироса, на подобіе латинской епископской каѳедры, съ балдахиномъ и митрой на верху. Изъ воспоминаній бывшаго уніат. Холм. Варш. Вѣстн. 1874 г. № 8, стр. 149.

[21]) Меня—писалъ Антоній Зубко—десятилѣтняго мальчика прельщала борода Лисовскаго, которую онъ отростилъ въ бытность свою въ Іерусалимѣ; потому можетъ быть и я, послѣ рукоположенія меня въ архіереи уніатскіе, отростилъ себѣ бороду.

гіи занялъ мѣсто Булгакъ [22]). Но положеніе дѣла отъ этого мало измѣнилось.

Вслѣдствіе сего Лисовскій 2 іюня 1805 года писалъ къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода, что римская духовная коллегія, несмотря на присутствіе въ оной уніатскихъ ассессоровъ, причиняетъ уніатамъ крайнія обиды; что въ разсмотрѣніи и рѣшеніи дѣлъ система ея не измѣнилась и уніатскіе депутаты, не бывъ въ возможности учинить по закону должной перемѣны, остаются совершенно безгласными.

По докладѣ о семъ Государю, Высочайшимъ повелѣніемъ 7 іюля 1805 года дѣла уніатовъ препоручены въ особое вниманіе министра юстиціи, съ тѣмъ чтобы о всякомъ оныхъ рѣшеніи, заслуживающемъ уваженія, прежде исполненія доносилъ Государю. Затѣмъ 16 іюля того же года послѣдовалъ указъ сенату, коимъ коллегія раздѣлена на два департамента и второй департаментъ назначенъ собственно для дѣлъ касающихся до уніатскаго исповѣданія. Лисовскій назначенъ предсѣдателемъ этого департамента [23]).

Но осталась тропа и для латинской системы, такъ какъ важныя дѣла, принадлежащія тому и другому исповѣданію, положено было разсматривать въ общемъ собраніи обоихъ департаментовъ. Само собою разумѣется, что римско-католическое духовенство въ этихъ собраніяхъ по своимъ связямъ всегда брало перевѣсъ надъ уніатскимъ. Для примѣра мы укажемъ на

---

[22]) Въ то же время ассессоромъ со стороны Полоцкой епархіи назначенъ *Григорій Кохановичъ*, бывшій однимъ изъ близкихъ лицъ Лисовскаго и дѣйствовавшій въ его духѣ. Кохановичъ обучался въ базиліанскихъ и іезуитскихъ училищахъ; въ 1769 г. вступилъ въ духовное званіе діакономъ; въ въ 1771 г. рукоположенъ въ священники, въ 1776 г. возведенъ въ санъ протоіерея; съ 1791 по 1796 г. былъ по духовнымъ дѣламъ архіепископа Лисовскаго въ С.-Петербургѣ прокураторомъ; въ 1798 г. назначенъ генеральнымъ оффиціаломъ Полоцкой епархіи; въ 1803 г. по отъѣздѣ Лисовскаго въ Палестину былъ по Высочайшему повелѣнію администраторомъ епархіи; съ 1805 до 1807 г. присутствовалъ въ коллегіи съ званіемъ ассессора (администраціей епархіи въ это время завѣдывалъ Красовскій); въ 1807 г. рукоположенъ во епископа оршанскаго, викаріемъ Полоцкой епархіи.

[23]) Извлеченія изъ бумагъ уніатскаго архива 1805 г. о притѣсненіяхъ уніатовъ латинянами. Холмскій мѣсяцесловъ 1869 г., стр. 167—171.

одинъ довольно важный и характерный случай, бывшій, правда, уже послѣ смерти Лисовскаго. Когда запрещенъ былъ переходъ изъ уніи въ римскій обрядъ, то уніатскій департаментъ запретилъ базиліанскому ордену принимать въ свое монашество католиковъ: но когда вошло сіе дѣло въ общее собраніе обоихъ департаментовъ, то дано совершенно противное мнѣніе, чтобы разрѣшить навсегда католикамъ входить въ базиліанскій орденъ [24]).

Въ концѣ того же 1805 года Лисовскій прибылъ въ С.-Петербургъ для присутствованія во 2-мъ департаментѣ коллегіи и 25 января 1806 г. занялъ свое мѣсто въ коллегіи; а засѣдавшій въ римской коллегіи брестскій епископъ Булгакъ возвратился въ свою епархію.

За годъ предъ тѣмъ (25 января 1805 года) скончался прожи,

---

[24]) Дѣло это имѣло слѣдующій ходъ. Вслѣдствіе перехода нѣкоторыхъ крестьянъ Витебской и Могилевской губерній изъ уніи въ римскій обрядъ, указомъ сената отъ 21 іюля 1810 г. предписано было римско-католической коллегіи, дабы наблюдала за подчиненнымъ ей духовенствомъ въ непривлеканіи изъ одного исповѣданія въ другое; желающимъ же принять господствующую религію отнюдь никакого препятствія не чинили. Во исполненіе сего указа, 2-й департаментъ коллегіи отъ 10 августа того же года предписалъ строжайше провинціаламъ базиліанскаго ордена, чтобы изъ какого бы то ни было исповѣданія никого отнюдь, кромѣ лицъ унитскаго обряда, не смѣли принимать въ свой орденъ. Первый подалъ протестъ этого въ томъ же году суффраганъ митрополичьей епархіи Головня отъ лица базиліанъ Литовской провинціи; за нимъ—мелецкій архимандритъ Шашкевичъ; въ 1811 г. просилъ объ отмѣнѣ этого постановленія митрополитъ Кохановичъ; въ 1812 г. просили о томъ же предводители дворянства Гродненской и Минской губерніи, князь Любецкій и графъ Рокицкій. Дѣло оставалось безъ движенія до 1818 года. Въ концѣ этого года, по ходатайству митрополита Булгака, князь Голицынъ передалъ это дѣло на общее обсужденіе обоихъ департаментовъ коллегіи, гдѣ 16 іюля 1819 г. и постановлено не запрещать впредь вступать въ ордены какъ римско-католическимъ исповѣдникамъ въ греко-уніатской базиліанскій, такъ равно и уніатскимъ въ римско-католическіе ордены. Въ основаніе для такого постановленія между прочимъ указано на то, что почти всѣ съ исключеніемъ весьма малаго числа, митрополиты, архіепископы и епископы уніатскіе, поставляемые изъ монаховъ базиліанскаго ордена, вступали въ оный орденъ изъ католическаго исповѣданія, да и въ нынѣшней духовной уніатской іерархіи состоятъ изъ католиковъ преосвященный митрополитъ Булгакъ, епископы суффраганы виленскій Головня и бржестскій Яворовскій.

вавшійся въ С.-Петербургѣ уніатскій митрополитъ Ростоцкій. Такъ какъ теперь не было уніатскаго митрополита въ Россіи, то Лисовскій 30 апрѣля 1806 года подалъ Государю всеподданнѣйшую просьбу: дозволить ему употреблять тѣ преимущества, которыя предоставилъ полоцкому архіепископату Замостскій соборъ; преимущества эти состояли въ слѣдующемъ: „въ случаѣ смерти уніатскаго митрополита, полоцкій архіепископъ заступалъ его мѣсто и отправлялъ его должность, въ случаѣ вакансій посвящалъ по Высочайшему наименованію въ епископы и суффраганы, поставлялъ въ архимандриты и исполнялъ прочія духовныя надобности въ пользу унитской церкви. Въ этомъ заключалась не малая выгода для унитовъ, такъ какъ въ случаѣ вакансій ненужно для каждаго епископа и суффрагана относиться въ Римъ за буллою называемою Sacra, на что не мало потребно и времени и чему служитъ доказательствомъ, что назначенный еще покойнымъ императоромъ Павломъ I въ викарнаго ему (Лисовскому) епископа Кохановичъ до сихъ поръ не посвященъ“.

Лисовскій писалъ, что онъ проситъ этого „не для себя согбеннаго подъ бременемъ лѣтъ и приближающагося уже къ окончанію своего теченія, но для пользы церкви уніатской. Каковыя обязанности онъ могъ бы исправлять не употребляя ни титула митрополита, ни инаго какого-либо въ духовенствѣ внѣшняго преимущества, ибо онъ званія митрополита не желаетъ, не имѣя соотвѣтственнаго оному содержанія, тѣмъ паче, что большая часть принадлежащихъ къ его собору деревень по поводу польскихъ революцій досталась другимъ владѣльцамъ“.

Получаемое Лисовскимъ содержаніе оказалось однако небѣднымъ, именно онъ получалъ съ 1801 души крестьянъ, принадлежавшихъ полоцкому архіерейскому дому и съ 1310 душъ принадлежащихъ Онуфріевскому монастырю болѣе 10.000 руб. въ годъ, да по званію предсѣдательствующаго въ департаментѣ 1875 руб.[25]): что было не многимъ меньше содержанія, какое по-

---

[25]) Мы увидимъ ниже, что это показаніе, хотя сдѣланное оффиціально, не было точно. Лисовскій получалъ дохода съ имѣній епархіи и Онуфріевскаго монастыря несравненно больше.

лучалъ римско-католическій митрополитъ Сестренцевичъ (именно 2250 р. по званію предсѣдательствующаго коллегіи и 10.000 р. по званію архіепископа Могилевской епархіи).

Въ томъ же году 24 іюля состоялся Высочайшій указъ сенату о бытіи Лисовскому *митрополитомъ* уніатскихъ въ Россіи церквей и пользоваться всѣми правами и преимуществами, какія по правиламъ уніатской церкви и по грамотамъ въ разныя времена даннымъ имѣлъ митрополитъ Ростоцкій [26]).

Именуясь полоцкимъ, Лисовскій не имѣлъ въ Полоцкѣ дома и жилъ въ Онуфріевскомъ монастырѣ, почти въ 300 верстахъ отъ каѳедры, гдѣ помѣщалась и консисторія. „Хотя и есть загородный архіерейскій домъ въ 6-ти верстахъ отъ Полоцка, писалъ онъ, но сей неоконченный и неудобный къ помѣщенію всего таковаго штата. Притомъ же въ той епархіи нѣтъ до сихъ поръ духовной семинаріи, толико нужной и необходимой для духовенства".

Въ виду такихъ неудобствъ помѣщенія архіерея съ консисторіею вдали отъ своей епархіи, Лисовскій въ 1806 году просилъ объ отдачѣ полоцкаго Софійскаго базиліанскаго монастыря съ его доходами [27]) подъ помѣщеніе архіерея и консисторіи и на содержаніе семинаріи.

Полоцкій архимандритъ, бывшій въ то же время провинціаломъ бѣлорусской провинціи, Самуилъ Новаковскій употреблялъ всѣ усилія, чтобы помѣшать этому дѣлу, но не успѣлъ въ этомъ.

Высочайшимъ указомъ сенату 16 Декабря 1806 года повелено было: 1) Полоцкій Софійскій монастырь назначить мѣстомъ

---

[26]) Такъ какъ власть митрополита Лисовскаго простиралась только на русскія уніатскія епархіи, то епископы уніатскихъ епархій Австріи (Львовской, Перемышльскій и Холмскій) просили свое правительство объ учрежденіи у нихъ званія митрополита. Австрійское правительство уважило это ходатайство и въ 1807 году учреждена митрополія Галицкая. Митрополитомъ наименованъ бывшій въ то время львовскій епископъ Антоній Ангеловичъ. Съ тѣхъ поръ окончательно раздѣлились судьбы уніатской церкви въ Россіи и Австріи. Harasievicz—Annales ecclesiae Ruthenae p. 753.

[27]) Полоцкій базиліанскій монастырь основанъ въ 1673 г. королемъ польскимъ Михаиломъ. Въ 1806 г. за нимъ состояло крестьянъ 2090 душъ мужескаго пола. Ежегоднаго дохода монастырь имѣлъ 8500 рублей.

епархіальной семинаріи, соборнаго штата и консисторіи, оставя въ ономъ то же число монаховъ, какое и нынѣ находится, и не касаясь общаго монашествующихъ достоянія; 2) дабы сихъ послѣднихъ не стѣснить въ ихъ постановленіяхъ, особенно въ томъ, что принадлежитъ до монашеской дисциплины и ограниченія входа въ монастыть именуемаго клявзурою, митрополитъ Лисовскій имѣетъ сдѣлать надлежащее распоряженіе, чтобы клявзура въ монастырѣ семъ соблюдаема была во всей точности; 3) митрополиту, какъ полоцкому архіепископу, предоставлено право построить при томъ же монастырѣ домъ для всегдашняго въ немъ жительства архіерея; 4) въ распоряженіе полоцкаго архіепископа на содержаніе соборнаго причта и семинаріи переданы отъ полоцкихъ базиліанъ деревни Судиловичи и Чертвятъ и перечислены состоявшіе за монастыремъ капиталы въ 35 т. руб.; на устройство семинаріи, кромѣ того, собранные съ духовенства 2000 червонцевъ; затѣмъ митрополиту вмѣнено въ обязанность вспомоществовать этимъ учрежденіямъ частію доходовъ, собираемыхъ съ прочихъ каѳедральныхъ имѣній.

Министръ Просвѣщенія графъ Завадовскій съ своей стороны требовалъ, чтобы полоцкая семинарія была въ зависимости отъ главной семинаріи и сходствовала съ нею въ способѣ ученія и воспитанія [28]).

Въ то же время митрополитъ просилъ объ уничтоженіи въ уніатской церкви права ктиторства. „Правомъ этимъ—писалъ онъ—много обижаются остающіяся по смерти священниковъ сироты, ибо ктиторы, представляя по своему усмотрѣнію кого-либо изъ числа имъ самимъ заслуженныхъ, почти принуждаютъ меня, чтобы гдѣ хотя дѣвая тѣхъ сиротъ, представляемаго ими непремѣнно рукоположилъ во священники и опредѣлилъ къ приходу.“ Сказавши далѣе, что „таковой образъ ктиторства не существовалъ прежде и нынѣ не существуетъ въ Восточной церкви, но распредѣленіе къ приходамъ священниковъ и размѣще-

---

[28]) Дѣло изъ министерства юстиціи доставленное о дозволеніи архіепископу Лисовскому отправлять должность митрополита греко-уніатскаго и объ отдачѣ полоцкаго Софійскаго монастыря на содержаніе изъ доходовъ онаго монаховъ и семинаріи.

ніе сиротъ прямо зависитъ отъ мѣстныхъ архіереевъ, сверхъ сего сіе право ктиторства распространилось на унитовъ по обряду римско-католическаго духовенства", митрополитъ ходатайствовалъ объ испрошеніи Высочайшаго повелѣнія, возвратить уніатовъ въ распредѣленіи по приходамъ священниковъ къ праву и преимуществамъ Восточной церкви.

Заявленіе митрополита передано въ комитетъ министровъ; но что состоялось по оному, намъ неизвѣстно. Ктиторство уничтожено въ уніатскихъ церквахъ имперіи уже только въ 1833 году.

Лисовскій не долго оставался въ С.-Петербургѣ. Въ половинѣ 1807 года онъ отправился въ свою епархію для встрѣчи возвращавшагося изъ-за границы Государя. Государь, прибывъ въ Полоцкъ, посѣтилъ уніатскій каѳедральный соборъ, гдѣ встрѣченъ былъ митрополитомъ съ викарнымъ его Кохановичемъ. Обративъ вниманіе, что употребляемая при священнослуженіяхъ ризница ихъ бѣдна и ветха, Государь пожаловалъ въ полоцкій Софійскій соборъ два полныхъ архіерейскихъ облаченія, 5 священническихъ и 2 діаконскихъ и одежды на престолъ и жертвенникъ.

Въ бытность Лисовскаго въ С.-Петербургѣ полоцкою епархіею управлялъ генеральный оффиціалъ Красовскій, съ званіемъ администратора; а по возвращеніи митрополита въ епархію, Красовскій занялъ его мѣсто во 2-мъ департаментѣ коллегіи съ званіемъ ассессора. Преданный своему архипастырю и уніатскому дѣлу Красовскій извѣщалъ митрополита о ходѣ дѣлъ въ коллегіи и иныя изъ нихъ по уполномоченію отъ митрополита направлялъ самъ, а въ другихъ прямо просилъ его содѣйствія.

Въ это время снова поднятъ былъ постоянно занимавшій правительство вопросъ о базиліанскихъ монастыряхъ. Предчувствуя опасность, которая угрожала ордену, базиліане при содѣйствіи поляковъ предложили преобразовать его въ воспитательный институтъ. Дѣло ведено было такъ тонко и успѣшно, что въ іюлѣ 1807 г. состоялось уже Высочайшее повелѣніе въ этомъ благопріятномъ для базиліанъ смыслѣ. Но Красовскій успѣлъ ко время предупредить митрополита о базиліанскихъ затѣяхъ. Лисовскій прислалъ протестъ до такой степени настойчивый, что состоявшееся уже Высочайшее повелѣніе по этому предмету не было допущено до исполненія. Князь Голицынъ

просилъ Лисовскаго пріѣхать въ С.-Петербургъ для окончанія дѣла о базиліанскихъ монастыряхъ, но Лисовскій отказался за преклонною старостію [29]), прося князя принимать всѣ необходимыя изъясненія по уніатскимъ дѣламъ отъ ассессора коллегіи протопресвитера Красовскаго [30]). Къ чести митрополита, выборъ его упалъ на достойное лицо и онъ не былъ столько самолюбивъ и притязателенъ, чтобы отказываться отъ добрыхъ совѣтовъ и умалять достоинства своего подчиненнаго руководителя.

Есть поводъ думать, что правительство, возвышая Лисовскаго и выводя уніатскую церковь изъ подчиненія Риму, надѣялось найти въ немъ готовность къ возсоединенію уніатской церкви съ православною. Но мы видѣли уже, что по своему образу мыслей Лисовскій не могъ принять на себя этой задачи.

---

[29]) „Что касается до возврата моего въ С.-Петербургъ, я не имѣлъ бы и малѣйшей смѣлости отъ сего отговариваться, ежели бы не былъ больше какъ семидесятилѣтній старикъ и призываемый въ несносно для меня холодный климатъ". (Изъ письма къ князю Голицыну отъ 16 декабря 1807 г.).

[30]) „Я по истинѣ признаюсь, что самонадежнѣйшаго и дѣятельнѣйшаго моей епархіи чиновника и имѣющаго полную мою довѣренность избралъ на сіе въ коллегіи мѣсто, который имѣетъ то счастіе, что еще, состоя въ чинѣ моего авдитора бывъ въ 1803 и 1804 г. по общимъ уніатскимъ дѣламъ повѣреннымъ отъ меня въ С.-Петербургѣ, первый въ оныхъ притекалъ къ покровительству вашего сіятельства, отъ котораго начато и усовершенствовано блаженство уніатовъ и въ томъ же времени по обстоятельствамъ оныхъ дѣлъ удостоился быть лично представленнымъ всеавгустѣйшей его императорскаго величества особѣ. По возвратѣ жь своемъ въ епархію онъ, протопресвитеръ, былъ епархіальнымъ намѣстникомъ три года и въ теченіи сего, въ бытность мою въ столицѣ, въ моей особѣ управлялъ епархіею и такъ, что я, по возвратѣ моемъ въ оную, нашелъ по всѣмъ частямъ судопроизводства и правленія отличный порядокъ, устройство и въ дѣлахъ успѣшность, къ чему онъ какъ знаніемъ и науками своими способенъ, такъ равно неутомимою ревностію и усердіемъ приверженъ, бывъ мнѣ истиннымъ во всемъ помощникомъ, которому протопресвитеру и ассессору въ коллегіи съ моей епархіи дозвольте ваше сіятельство предъ своею особою приносить въ имени моемъ изъясненія въ настоящихъ или же могущихъ встрѣтиться унитскихъ дѣлахъ, въ чемъ какъ имѣетъ онъ достаточныя свѣдѣнія, такъ и я ему особое для того учинилъ препорученіе, бывъ увѣренъ, что усты и сердцемъ моимъ все сіе будетъ приносить, такъ какъ онъ испытанный и безъ пристрастія ко всякому благоустройству ревнитель". (Изъ письма митрополита Лисовскаго къ князю Голицыну отъ 31 октября 1807 года).

Въ 1808 году скончался луцкій епископъ Левинскій. Епархія поручена была во временное управленіе суффрагану Корсаку, посвященному въ санъ епископа въ 1805 году. Но она недолго была въ такомъ положеніи. Корсакъ просилъ объ оставленіи его въ званіи луцкаго суффрагана при Жидичинскомъ аббатствѣ (въ которомъ состоялъ архимандритомъ) и рекомендовалъ въ епископы базиліанина, коруннаго провинціала, мѣлецкаго архимандрита, Флоріана Шашкевича. Но митрополитъ, не согласившись на избраніе Шашкевича, представилъ на епископскую луцкую каѳедру своего суффрагана оршанскаго епископа Григорія Кохановича, какъ человѣка образованнаго въ наукахъ, болѣе двадцати лѣтъ съ похвалою трудившагося въ разныхъ должностяхъ и извѣстнаго своею приверженностью къ обряду греко-восточной церкви [31]).

Въ послѣдніе годы жизни Лисовскій занятъ былъ мыслью о возстановленіи митрополичьей епархіи, упраздненной въ 1795 году. Поводомъ къ этому было то, что съ присоединеніемъ въ 1807 г. по Тильзитскому договору Бѣлостокской области къ Россіи, чрезвычайно увеличился составъ брестской епархіи, которая имѣла до 900 церквей, хотя была новою, недавнею епархіею.

Между тѣмъ Вильна, нѣкогда стольный городъ уніатскихъ митрополитовъ, мало-по-малу пріобрѣтала значеніе политическое и становилась центромъ образованія въ западной Россіи. Въ Вильнѣ былъ университетъ и главная семинарія.

Предположивъ возстановить виленскую митрополичью епархію, Лисовскій полагалъ отчислить для нея 300 церквей (кромѣ монастырей) отъ брестской епархіи; возвратить принадлежавшія митрополіи, подъ названіемъ столовыхъ митрополичьихъ, имѣнія, которыми владѣлъ брестскій епископъ; для управленія епархіи подъ вѣдомствомъ митрополита учредить въ Вильнѣ консисторію и суффрагана, опредѣля имъ на содержаніе изъ причисляемыхъ къ сей епархіи отъ брестскаго епископа имѣній; и наконецъ возвратить въ виленскую каѳедральную церковь митрополичью ризницу, сколько осталось ея послѣ забранія митрополитомъ Смогоржевскимъ у брестскаго епископа; супрасль-

---

[31]) Греко-уніатск. дѣла канц. об. пр. прав. ч. № 15.

скую же епархію и консисторію закрыть и церкви ея присоединить къ брестской епархіи, взамѣнъ отходящихъ отъ нея церквей къ митрополичьей епархіи.

Кандидатомъ на должность суффрагана митрополичьей епархіи Лисовскій представилъ брацлавскаго базиліанскаго монастыря архимандрита Адріана Головню [32]).

По всеподданнѣйшему докладу митрополита, Высочайшимъ указомъ сенату 14 февраля 1807 года повелѣно: 1) закрыть супрасльскую епархію и консисторію, и церкви этой епархіи (за исключеніемъ 11 отошедшихъ къ герцогству варшавскому) присоединить къ брестской епархіи [33]); возстановить по прежнему литовскую митрополичью епархію на тѣхъ основаніяхъ, какія представлены были Лисовскимъ. Въ составъ ея вошли: 30 церквей въ губерніяхъ Виленской, Курляндской и въ части Минской, именно находящіяся въ уѣздахъ Дисненскомъ, Вилейскомъ, Минскомъ, Борисовскомъ, Игуменскомъ и Бобруйскомъ. Соборныя Вилейская и Новогрудская церкви должны были перейти въ управленіе митрополичьей епархіи, вмѣстѣ съ ихъ фундушами. За брестскою жь епархіею остались церкви Гродненской губерніи и изъ Минской въ уѣздахъ Слуцкомъ, Пинскомъ, Мозырскомъ и Рѣчицкомъ. Кромѣ того къ ней присоединены уніатскія церкви въ Бѣлостокской области. Но и за отдѣленіемъ отъ нея 300 церквей къ митрополичьей епархіи, она имѣла до 550 церквей и до 25 базиліанскихъ монастырей.

Но при исполненіи Высочайшаго повелѣнія встрѣтилось обстоятельство, о которомъ *не зналъ митрополитъ*; именно оказалось, что древняя виленская каѳедральная церковь со всѣмъ къ ней принадлежащимъ поступила въ вѣдѣніе виленскаго университета.

---

[32]) Головня обучался въ виленскомъ іезуитскомъ училищѣ и виленскомъ папскомъ алюмнатѣ; въ 1766 г. вступилъ въ базиліанскій орденъ и проходилъ разныя должности въ разныхъ монастыряхъ; въ 1793 г. посвященъ въ архимандрита брацлавскаго монастыря. Виленскій папскій алюмнатъ произвелъ его, уже въ санѣ епископа, въ докторы философіи и словесныхъ наукъ

[33]) Супрасльскимъ номинатомъ епископомъ во время закрытія епархіи (послѣ Николая Духновскаго) былъ Левъ Яворовскій архимандритъ супрасльскій. Онъ остался въ качествѣ брестскаго викарнаго и умеръ 28 октября 1833 года.

Попечитель виленскаго университета князь Чарторыжскій въ 1808 году представилъ, что университетскій анатомическій театръ находится въ великомъ несовершенствѣ и на невыгодномъ мѣстѣ. Прибытіе профессора скотолѣченія, котораго курсъ и школа, по обширности предмета и по самой новости въ Вильнѣ, требуетъ много пособій и просторнаго помѣщенія, еще болѣе стѣснило сей театръ. Университетъ представилъ попечителю проектъ, чтобы театръ этотъ, который кромѣ тѣсноты своей причиняетъ непріятность главной улицѣ въ городѣ, перевесть изъ настоящаго мѣста и соединить со школою скотолѣченія на пространномъ мѣстѣ въ сторонѣ отъ города; въ сей планъ, кромѣ кабинетовъ, бани, кухни и пр. входили также лазаретъ для животныхъ и манежъ для гимнастическихъ упражненій. Къ помѣщенію всего того признано единственно удобнымъ ветхое каменное строеніе подъ названіемъ—домъ митрополита унитскаго, который по Высочайшему повелѣнію въ 1805 году назначенъ былъ для главной духовной семинаріи, а потомъ, когда опредѣленъ для оной августинскій монастырь, остался свободнымъ для другаго употребленія. По ходатайству попечителя министръ народнаго просвѣщенія въ 1808 году 16 мая и испросилъ Высочайшее повелѣніе на обращеніе сего дома для помянутой цѣли.

Вслѣдъ затѣмъ 20 іюня 1808 г. состоялось соглашеніе между университетомъ и брестскимъ епископомъ Булгакомъ объ уступкѣ университету *ветхой унитской къ митрополичьему дому принадлежащей церкви подъ названіемъ Спасской*, предположенной для анатомическаго театра и невошедшей въ докладъ 16 мая—какъ объяснялъ потомъ Чарторыжскій—до сношенія съ онымъ епископомъ.

Условіе начиналось такъ: „поелику каменное зданіе состоящее въ Вильнѣ подъ названіемъ Спасской церкви, нынѣ *занятое воинскими снарядами*, безъ митрополитанскаго дома, въ стѣнахъ коего состоитъ оное, не было бы вовсе годнымъ для богослуженія, а вмѣстѣ съ онымъ домомъ, перешедшимъ въ вѣдомство университета, удовлетворило бы общественной надобности, а потому сообразно сей надобности и *споспѣшествуя совершенію Высочайшей воли* помянутое зданіе отдаю въ совершенное распоряженіе Виленскаго университета на надобности по учебной части“.

Университетъ, съ своей стороны обязался заплатить Булгаку 3000 р. за издержки на починку оной церкви.

Лисовскій узналъ обо всемъ этомъ уже послѣ состоявшагося Высочайшаго повелѣнія о возстановленіи митрополичьей епархіи и глубоко былъ тронутъ этою козніо римлянъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ Кочубей доложилъ объ этомъ Государю и Государь приказалъ: „сдѣлать замѣчаніе епископу Булгаку, что ему не слѣдовало безъ вѣдома митрополита и коллегіи приступать къ сдѣлкѣ съ университетомъ виленскимъ о церковномъ имѣніи и чтобы впредь какъ ему, такъ и прочимъ епископамъ уніатскимъ подтвердить о воздержаніи себя отъ подобнаго".

Но соборъ остался при университетѣ, а для епископской каѳедры назначенъ Виленскій базиліанскій монастырь.

Заботясь о возстановленіи митрополичьей епархіи, Лисовскій въ тоже время озабоченъ былъ избраніемъ себѣ преемника.

Уніатскіе митрополиты обыкновенно избирали себѣ коадъюторовъ съ будущимъ преемствомъ. Лисовскій, избравъ въ суффраганы полоцкой епархіи каѳедральнаго протопресвитера Іоанна Красовскаго (бывшаго ассессоромъ въ коллегіи отъ полоцкой епархіи), въ 1809 г. 16 февраля чрезъ министра юстиціи кн. Лопухина просилъ утвердить его своимъ *коадъюторомъ* съ наслѣдствомъ полоцкой архіепископской епархіи [34]). Полученіе званія коадъютора на полоцкой епархіи было бы уже шагомъ къ митрополіи. Между тѣмъ, въ тоже время домогался званія митрополичьяго коадъютора бретскій епископъ Булгакъ, заявивши о своемъ желаніи князю Голицыну чрезъ губернатора Вл. Серг. Ланскаго [35]). Голицынъ (отъ 13 іюля 1809 г.) отвѣтилъ Ланскому, что дѣло это до него не относится и что избраніе въ

---

[34]) „Какъ я его самаго (Красовскаго) желаю имѣть моимъ преемникомъ, то въ мѣсто того симъ имѣю честь вашей свѣтлости онаго-то протопресвитера покорнѣйше представлять въ званіе коадъютора съ наслѣдствомъ полоцкой архіепископской епархіи".

[35]) „По причинѣ возстановленія въ Литвѣ митрополитской епархіи и отдѣленія отъ Брестской 300 церквей, его (Булгака) доходы чрезмѣрно уменьшились; въ вознагражденіе потери оныхъ проситъ онъ, дабы назначить его коадъюторомъ римско-уніатскихъ церквей митрополита Лисовскаго"... (Изъ письма В. С. Ланскаго къ князю Голицыну 17 апрѣля 1809 г.).

это званіе зависитъ непосредственно отъ митрополита, а князь Лопухинъ отвѣчалъ митрополиту, что Государь, утвердивъ Красовскаго суффраганомъ полоцкой епархіи, желаніе его о назначеніи ему коадъютора по полоцкой епархіи предоставилъ себѣ исполнить въ другое время. Видя неуспѣхъ этой своей просьбы и догадываясь о нежеланіи правительства предоставить Красовскому послѣ смерти митрополита его званіе, Лисовскій обратилъ свой выборъ на другое лицо—луцкаго епископа Кохановича, прося предоставить Красовскому только званіе коадъютора полоцкаго архіепископа. „Въ нынѣшнемъ положеніи и обстоятельствахъ папы Римскаго находя необходимо нужнымъ и полезнымъ для унитской церкви сообщить еще въ жизни моей для управленія оною послѣ моей кончины духовную власть, которую имѣю, особамъ по своимъ рѣдкимъ достоинствамъ мною давно уже для сего усмотрѣннымъ, осмѣливаюсь всеподданнѣйше вашему императорскому величеству представить 1) на коадъютора унитской митрополіи и митрополичьей Литовской епархіи, съ наслѣдствомъ послѣ моей жизни, луцкаго епископа Григорія Кохановича; 2) на коадъютора полоцкой архіепископской каѳедры, тоже съ надлѣдствомъ послѣ моей жизни, моего суффрагана нареченнаго епископомъ Іоанна Красовскаго, который дарованіями и добродѣтелями много обѣщаетъ для унитской церкви и который въ теченіи 10 лѣтъ есть во всякихъ дѣлахъ моего званія дѣятельнѣйшимъ мнѣ помощникомъ и раздѣляющимъ со мною всѣ труды и обязанности моего служенія“. Прошеніе это отправлено было для всеподданнѣйшаго доклада къ князю Голицыну 19 августа 1809 года.

30 августа (1809 г.) Лисовскій скончался. Базиліане послѣ смерти его, „разсказывали о какихъ-то сверхъестественныхъ видѣніяхъ и мученіяхъ Лисовскаго въ аду“. (Изъ статьи о грекоунитской церкви—преосв. Антонія Зубко). Названный сейчасъ писатель іерархъ говоритъ, что онъ былъ очевидцемъ торжественной встрѣчи тѣла Лисовскаго въ Полоцкѣ [36]). На погре-

[36]) Лисовскій просилъ, чтобы по смерти тѣло его предано было землѣ въ Бѣлорусско-витебской губерніи Полоцкаго повѣта въ устроенной имъ каменной церкви Струнской, въ которой Государь императоръ во время пріѣзда своего въ Полоцкѣ благоволилъ молебствіе слушать. Греко-унитск. дѣло канц. оберъ-прок. правит. ч. № 18.

беніе его собралось въ Полоцкѣ нѣсколько сотъ священниковъ греко-унитскихъ, благодарныхъ ему за учрежденіе семинаріи. Благодарность эта была тѣмъ живѣе, что Лисовскій первый изъ греко-унитскихъ іерарховъ началъ заботиться о благѣ бѣлаго духовенства.

Это былъ одинъ изъ достойнѣйшихъ пастырей этой церкви во все время ея существованія. Долгъ исторической правды отмѣтить это почтенное имя, котораго нельзя произносить безъ уваженія. Онъ былъ далекъ отъ мысли о соединеніи уніатовъ съ православною церковію и думалъ только о возстановленіи ея самостоятельности по первоначальному типу ея учрежденія и объ освобожденіи ея отъ римскаго порабощенія. Но тѣмъ не менѣе почтенна и одна эта его мысль о ближайшемъ родствѣ уніатской церкви съ Восточною, если взять въ соображеніе тѣ вѣковыя усилія, какія употреблены были латинянами на подавленіе ея въ сознаніи русскаго народа. Не забудемъ, что онъ по первоначальному исповѣданію былъ католикъ, вступившій въ базиліанскій орденъ, и тогда заслуга его станетъ въ нашихъ глазахъ еще выше. Если нельзя возводить къ нему начало великаго событія, совершившагося послѣ него, именно возсоединенія уніатовъ съ православною церковію, то во всякомъ случаѣ ему нельзя отказать въ заслугѣ подготовленія этого событія заботами объ очищеніи уніатскаго обряда и пробужденіи въ сознаніи западно-русскихъ уніатовъ чувства національнаго родства ихъ съ русскимъ народомъ и религіознаго—съ Восточною церковію. Личныя качества Лисовскаго какъ при жизни привлекли къ нему общую любовь и уваженіе, такъ и по смерти снискали ему право на самое теплое и благодарное воспоминаніе, особенно со стороны бѣлаго духовенства, въ которомъ онъ принималъ самое горячее участіе и на которое возлагалъ всѣ надежды въ будущемъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПРОИСХОЖДЕНІЕ И ЗНАЧЕНІЕ ФИЛОСОФІИ.

1. Родъ человѣческій издавна, съ тѣхъ поръ какъ сталъ себя помнить, страдаетъ однимъ важнымъ и оригинальнымъ недостаткомъ. Какъ это ни странно, а исторія человѣческаго развитія показываетъ, что нерѣдко человѣку всего труднѣе открыть то, что̀ всего проще, что̀ у него постоянно на глазахъ, и всего легче заблуждаться въ томъ, что̀ всего очевиднѣе. Цѣлыя столѣтія всѣ смотрѣли на явленія тяжести и тяготѣнія, видѣли и испытывали всѣ удобства и неудобства паденія тяжелыхъ тѣлъ, но не могли открыть самаго простѣйшаго, и повсемѣстнаго и постояннаго, явленія притяженія и его законовъ. Человѣку кажется, что истина, которую ему хочется и нужно узнать, отъ него очень далеко, а послѣ болѣе или менѣе долгихъ поисковъ онъ находитъ ее у себя подъ руками. Обыкновенно онъ долго не замѣчаетъ ея ни въ самомъ себѣ, ни въ природѣ, непосредственно окружающей его, и прибѣгаетъ для открытія истины то къ затѣйливымъ миѳамъ, то къ замысловатымъ философскимъ и научнымъ гипотезамъ. Изъ-за этого недостатка философскія умозрѣнія до сихъ поръ не привели къ положительнымъ, общепризнаннымъ и общеобязательнымъ истинамъ, потому что философы искали свои истины слишкомъ высоко и далеко отъ тѣхъ сторонъ, съ какихъ онѣ доступны для познанія и могутъ быть открываемы. Но тотъ же самый недостатокъ служитъ причиною и всякаго гоненія на философію и всякаго стремленія исключить ее изъ числа наукъ, потому что

при этомъ видятъ философію слишкомъ далеко отъ настоящаго мѣста, какое она занимаетъ въ человѣческой исторіи.

Съ самыхъ раннихъ временъ своего развитія люди, не изучая окололежащаго внѣшняго міра и самихъ себя, прямо стремились овладѣть высшими истинами. Это стремленіе находило свое выраженіе и удовлетвореніе въ религіозно-поэтическомъ творчествѣ и въ философскихъ построеніяхъ. Но развиваясь безъ соотвѣтствующаго познанія природы и человѣка, религіозныя идеи и философскія отвлеченія далеко уходили отъ ближайшей наличной дѣйствительности. А по мѣрѣ удаленія отъ живой дѣйствительности люди древняго міра удалялись и отъ истины и блуждали до тѣхъ поръ, пока христіанская истина не явилась въ этой самой дѣйствительности и не распутала безъисходную религіозную, философскую и соціальную путаницу послѣднихъ временъ древней цивилизаціи. Кто бы и какъ бы ни смотрѣлъ на значеніе христіанства въ исторіи человѣческаго развитія, тотъ фактъ, что оно положило начало новой цивилизаціи, остается выше всякаго сомнѣнія и отрицанія.

Но въ христіанскомъ мірѣ указанный недостатокъ въ человѣкѣ не уничтожился. Христіанство требуетъ вѣры, а человѣкъ ищетъ знанія, и если онъ не удовлетворяется истинами вѣры, то христіанство предоставляетъ ему полную свободу доходить до истины, какая только ему угодна, своимъ собственнымъ трудомъ и умомъ. Отъ христіанской истины человѣчество снова стало направляться въ далекія и туманныя области научныхъ и философскихъ умозрѣній. По прежнему и долго оставалось безъ изслѣдованія то, что̀ всего ближе къ человѣку,—природа и онъ самъ. Поступая такъ, люди и въ частности философы какъ будто не подозрѣвали, что требуемыхъ истинъ нужно искать по близости къ человѣку. Наконецъ въ наукѣ новыхъ временъ прекращается безплодное скитальчество мысли по сторонамъ далекимъ отъ живой дѣйствительности, энергія научнаго изслѣдованія обращается на ближайшія вещи и явленія, и мы съ изумленіемъ видимъ теперь быстрый ростъ и развитіе науки, богатство и прочность истинъ, добытыхъ изученіемъ природы и человѣка. Но въ философіи и до сихъ поръ исканіе истинъ ведется почти по прежнему вдали отъ міра и отъ людей, по прежнему безуспѣшно, и дѣло доходитъ до того, что рядомъ съ

наукой философія теряетъ всякое научное и жизненное значеніе, кажется ненужной и излишней.

Однако не даромъ люди въ теченіе цѣлыхъ тысячъ лѣтъ своей исторической жизни, несмотря на безплодность и постоянное паденіе философскихъ ученій, обнаруживали замѣчательно постоянную, настойчивую и непреодолимую наклонность къ философскимъ умозрѣніямъ. Эта наклонность, выразившаяся въ цѣломъ и связномъ рядѣ философскихъ ученій вплоть до нашихъ дней, принадлежитъ къ числу тѣхъ явленій, которыя даны въ ближайшей дѣйствительности, у всѣхъ на глазахъ. Въ виду этихъ явленій всякое отрицаніе философіи показываетъ вліяніе того же самаго недостатка, свойственнаго человѣку, который всегда мѣшаетъ уразумѣвать простыя и близко лежащія истины. Смотря вдаль, а не вблизь, воображаютъ, что философское умозрѣніе въ исторіи человѣчества есть явленіе нежелательное, переходящее и теперь отживающее, что сами философы были и остаются въ нѣкоторомъ родѣ особою породою людей. Между тѣмъ, если присмотрѣться ко всѣмъ людямъ поближе, не трудно замѣтить и убѣдиться, что безъ исключенія всѣ люди философы, и безъ философіи имъ жить нельзя. Всѣ люди безъ исключенія, на всевозможныхъ ступеняхъ развитія, неизбѣжно выработываютъ или усвоиваютъ извѣстное міросозерцаніе, любятъ и стремятся дѣлать обобщенія, отвлеченія, строить теоріи, гипотезы,—все равно, выливается ли при этомъ міросозерцаніе человѣка въ форму миѳовъ, поэтическихъ образовъ, ходячихъ истинъ, обычаевъ, цѣльныхъ и систематическихъ философскихъ или научныхъ построеній. Если, чѣмъ смотрѣть на философію издалека и свысока, обратить научное вниманіе на ближайшее къ намъ и указываемое сейчасъ обстоятельство, тогда легко открыть присутствіе философіи не тамъ только, гдѣ ее обыкновенно указываютъ, не въ туманахъ Платона или Гегеля, а прежде всего въ каждомъ изъ насъ самихъ, въ нашихъ живыхъ отношеніяхъ къ дѣйствительному міру. Истина гораздо ближе чѣмъ кажется, и въ настоящемъ случаѣ близко лежащая истина—въ томъ, что каждый человѣкъ философъ. Другое дѣло, какой онъ философъ и какимъ можетъ и долженъ быть. Двѣ различныя вещи—будетъ ли построена философія изъ понятій и представленій наиболѣе соотвѣтствующихъ или менѣе соотвѣтствующихъ дѣйствитель-

ности. Но это очевидно касается не существованія философіи, а ея предмета, метода и задачи.

Благодаря многовѣковымъ блужданіямъ философской мысли вдали отъ дѣйствительности, различные взгляды на предметъ, методъ и задачи философіи не имѣютъ себѣ подобныхъ по своей крайней неопредѣленности и неустойчивости. Послѣ столькихъ вѣковъ историческаго развитія философіи въ высшей степени затруднительно сказать, что̀ такое философія, чѣмъ и [redacted] она занимается и какъ вяжется съ наукой.

2. Философія вмѣстѣ съ наукой заткана въ одной общей исторической ткани человѣческаго познанія. Несмотря на то, философское знаніе кажется не только отличнымъ отъ научнаго, но и несроднымъ съ нимъ до противоположности. Очень долгое время философію сравнительно съ наукой считали высшею мудростью, органомъ истиннаго познанія, а въ настоящее время напротивъ, наука признается единственнымъ органомъ и мѣриломъ истиннаго познанія, а философія—нѣтъ. Съ той и другой стороны, т.-е. философу и ученому, человѣческое знаніе представляется двойственнымъ: философія сама по себѣ, наука сама по себѣ.

Между тѣмъ философы и ученые принадлежатъ къ одному и тому же роду познающихъ людей, имѣютъ одинаковую психофизическую организацію, и въ естественныхъ условіяхъ этой организаціи человѣческое познаніе единично. Оно можетъ двоиться только между истиной и заблужденіемъ. Отчуждать философію отъ науки можно только въ томъ случаѣ, если одну изъ нихъ признать органомъ и выраженіемъ чистой истины, а другую органомъ и выраженіемъ чистаго заблужденія. Еслибы въ самомъ дѣлѣ въ философіи не было заблужденій, а въ наукѣ не было бы ни одной прочно установленной истины, тогда очевидно философія безъ всякаго труда и споровъ была бы признана единственнымъ знаніемъ. И наоборотъ, еслибы наука была свободна отъ заблужденій, а философія не заключала бы въ себѣ ни одной истины, тогда всѣ согласились бы, что знаніе принадлежитъ одной наукѣ. На самомъ же дѣлѣ нѣтъ ни того, ни другаго. Отдѣленіе философіи отъ науки вовсе не равно отдѣленію заблужденія отъ истины въ человѣческомъ познаніи. Человѣческое познаніе не такое простое явленіе въ при-

родѣ, въ которомъ достаточно различать философію отъ науки, чтобы уже знать, гдѣ нужно искать истиннаго знанія.

Самыя общія свѣдѣнія о развитіи человѣчества со всею ясностью показываютъ, что историческая ткань человѣческаго познанія представляетъ ряды въ высшей степени разнообразныхъ измѣненій, сопровождавшихся въ высшей степени сложными результатами. Эти результаты въ различныя времена равномѣрно находили свое выраженіе и въ философскихъ ученіяхъ и въ научныхъ теоріяхъ. Изучить разнообразныя и чрезвычайно сложныя формы человѣческаго знанія, разложить ихъ на составныя части, опредѣлить ихъ первичные неразложимые элементы и законы ихъ взаимныхъ отношеній—составляетъ такую трудную задачу, которая до сихъ поръ не разрѣшена. Мало того: эта задача до сихъ поръ даже не поставлена въ ея настоящемъ значеніи и объемѣ.

Это далеко не значитъ, что вопросъ о происхожденіи и условіяхъ человѣческаго познанія но въ и что ничего еще не сдѣлано для его рѣшенія. Напротивъ, это очень старый вопросъ, и надъ нимъ особенно много и не безъ успѣха трудились философы различныхъ временъ. Въ свою очередь и спеціалисты по различнымъ отраслямъ человѣческаго познанія достигли здѣсь многихъ важныхъ результатовъ. Но дѣло въ томъ, что всѣ усилія и успѣхи философовъ и ученыхъ въ изученіи самаго человѣческаго знанія, его происхожденія, условій и законовъ, почти ни на шагъ не сблизили философію съ наукой и до сихъ поръ не привели къ открытію истиннаго единства въ человѣческомъ познаніи. Какъ всегда, такъ и теперь, философовъ и ученыхъ раздѣляютъ споры и несогласія, что̀ слѣдуетъ признать первичными элементами человѣческаго познанія—ощущенія и вообще такъ называемый опытъ или какія-нибудь идеи, понятія, которыя возникаютъ или существуютъ въ умѣ человѣка независимо отъ ощущеній, прежде всякаго опыта. По наукѣ началомъ и единственнымъ условіемъ всякаго человѣческаго знанія признается опытъ, а по философіи всякое познаніе и самый опытъ выводятся изъ началъ чистаго разума.

Вопреки историческому опыту, который со всею очевидностью показываетъ, что истина не принадлежитъ цѣликомъ ни философамъ, ни ученымъ, и тѣ и другіе всегда склонны къ увѣрен-

ности, что вся правда только на ихъ сторонѣ. Въ рѣшительной или нерѣшительной формѣ, вслухъ или молча, полагаютъ, что философія можетъ обойтись безъ науки, безъ науки можетъ постигнуть всю истину, доступную уму человѣка; и на оборотъ— наука можетъ обойтись безъ философіи, и одна можетъ достигнуть всего, что только возможно для человѣческаго познанія. Очевидно, съ той и другой изъ этихъ точекъ зрѣнія или исторія науки или исторія философіи теряетъ свое значеніе, становится въ дѣйствительномъ мірѣ непонятнымъ и прискорбнымъ призракомъ. Либо философія либо наука оказывается въ исторіи человѣческаго развитія мнимымъ, недѣйствительнымъ знаніемъ, которое не имѣетъ реальныхъ основъ, какъ будто происходитъ изъ ничего и можетъ обратиться въ ничто. Въ настоящее время такому уничтоженію, по господствующему взгляду, подлежитъ философія (и религія) со всѣми высшими идеями и стремленіями, какія до сихъ поръ не умирали въ человѣчествѣ и находили свое выраженіе и развитіе въ философскихъ и религіозныхъ умозрѣніяхъ.

Какъ бы мы ни смотрѣли на философію, глазами Гегеля или Конта, будемъ ли считать ее ядромъ или скорлупой человѣческаго развитія, съ научно-исторической точки зрѣнія философія—явленіе не случайное, изолированное, и въ частности она вовсе не обязана своимъ происхожденіемъ и развитіемъ только особеннымъ людямъ, называемымъ философами. Не философы выдумали философію, а философія изъ среды людей вытребовала философовъ. Вмѣстѣ съ наукой она есть дѣло всего человѣчества, всей человѣческой исторіи. И если на исторію человѣчества смотрѣть съ научной точки зрѣнія, съ какой мы смотримъ теперь и на исторію природы, тогда мнѣніе, будто въ человѣческомъ познаніи что-нибудь является изъ ничего или можетъ быть уничтожено, становится также несостоятельнымъ и противонаучнымъ, какъ мнѣніе, будто въ существующей вселенной возникаютъ изъ ничего или обращаются въ ничто какія-нибудь вещества и силы. Исторія человѣческаго развитія въ прямомъ опытѣ, вопреки искусственнымъ теоріямъ философовъ и ученыхъ, даетъ знать, что въ человѣческомъ познаніи ни одно представленіе, понятіе или сужденіе, ни одно обобщеніе

или выраженіе закона природы не создается изъ ничего и не обращается въ ничто. Именно эта простая истина и лежитъ въ основѣ предполагаемой причинной связи и законосообразности человѣческой исторіи. Все, что̀ открывается или раскрывается для человѣческаго познанія, будетъ ли это такъ-называемая чистая мысль или обобщеніе опыта, неизбѣжно слагается изъ существующихъ уже элементовъ знанія, данныхъ въ общей человѣческой исторіи. И прежде всего всякое знаніе, какое только до сихъ поръ развивалось, начиная отъ первобытныхъ временъ, воплощается и сохраняется въ языкѣ человѣка. Всякое знаніе есть, какъ это хорошо выражали греки, λόγος, т.-е. въ одно и то же время мысль и слово. При построеніи и развитіи любой науки, все равно какъ и философской системы, самый геніальный умъ не можетъ выйти изъ рамокъ и формъ языка, который находится въ его распоряженіи. Въ языкѣ заложена вся наличная сумма человѣческаго познанія, вся наша философская и научная мудрость. По хорошему сравненію Гельмгольца языкъ походитъ на кассу типографскаго шрифта. Въ типографіи изъ одной и той же кассы набирается и физика и метафизика; въ исторіи изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ мысли и слова, изъ однихъ и тѣхъ же элементовъ знанія развивается наука и философія.

3. Элементы знанія даны въ природѣ раньше науки и философіи, раньше исторіи, вмѣстѣ съ самимъ познающимъ человѣкомъ, когда бы и какъ бы онъ ни явился на земномъ шарѣ. Это рѣшительно доказывается тѣмъ, что, насколько извѣстно, у первобытныхъ, доисторическихъ людей и у современныхъ дикарей развиваются и накопляются различныя знанія о природѣ и человѣкѣ, которыя очевидно находятся внѣ всякой связи съ исторіей. Развитіе и накопленіе знанія обусловливается самою организаціей человѣка и его естественнымъ положеніемъ въ природѣ.

Въ своемъ организмѣ человѣкъ имѣетъ множество внутреннихъ и наружныхъ чувствительныхъ органовъ, которые въ теченіе всей его жизни постоянно и въ высшей степени разнообразно отзываются на различныя возбужденія и во всемъ организмѣ вызываютъ различныя измѣненія. Сами по себѣ, съ объективной стороны, эти возбужденія и измѣненія въ организмѣ человѣка въ большинствѣ случаевъ, особенно до пріобрѣтенія

физіологическихъ знаній, остаются неизвѣстными человѣку и не даютъ ему никакого знанія ни о природѣ, ни о немъ самомъ. Въ теченіе цѣлыхъ тысячъ лѣтъ у людей возбуждались органы чувствъ и нервная система,—они видѣли, слышали, чувствовали голодъ, дышали, переваривали пищу и т. д., но они не знали, да и теперь знаютъ лишь немногіе, какъ и какія возбужденія и измѣненія происходятъ при этомъ въ организмѣ человѣка. Съ этой стороны, по условіямъ строенія и отправленій организма, человѣкъ даже не имѣетъ коренныхъ отличій отъ животныхъ, особенно высшихъ. Въ организмѣ высшихъ животныхъ такое же множество и такихъ же чувствительныхъ органовъ, какъ и въ организмѣ человѣка. И у животныхъ въ теченіе тысячъ лѣтъ возбуждались органы чувствъ и нервная система,—они видѣли, слышали и вообще жили рядомъ съ человѣкомъ въ одинаковыхъ физическихъ условіяхъ. Между тѣмъ въ средѣ людей знаніе развивалось и накоплялось, перешло въ исторію, а въ средѣ животныхъ—нѣтъ. Очевидно возбужденія чувствительныхъ органовъ и вызываемыя ими измѣненія въ организмѣ сами по себѣ не даютъ знаній какъ животнымъ, такъ одинаково и человѣку, и недостаточны для умственнаго и вообще какого бы то ни было развитія. Даже при лучшихъ успѣхахъ современной физіологіи изученіе возбужденій и измѣненій въ организмѣ съ объективной стороны пока еще ограничено весьма тѣсными предѣлами, т.-е. даетъ физіологамъ сравнительно мало знаній о человѣкѣ и другихъ живыхъ существахъ, а объ остальномъ мірѣ не даетъ почти никакихъ знаній. Несомнѣнно однако, что человѣчество обладаетъ уже такою массою знаній о человѣкѣ и о мірѣ, въ которой физіологія образуетъ только небольшую часть. Дѣло объясняется тѣмъ, что въ организаціи человѣка для развитія и накопленія знаній есть совмѣстно съ объективными физіологическими условіями еще субъективное условіе, т.-е. такое, которое составляетъ исключительную собственность каждаго человѣка и отличаетъ его не только отъ всего остальнаго міра, но и отъ всѣхъ другихъ живыхъ существъ. Въ каждомъ человѣкѣ, съ его субъективной стороны, возбужденія чувствительныхъ органовъ и органическія измѣненія въ большинствѣ случаевъ сопровождаются индивидуальнымъ или точнѣе личнымъ сознаніемъ. Оставляя въ сторонѣ сложный вопросъ о

сознаніи, какое мы должны приписать и животнымъ, припомнимъ только, что человѣкъ, будучи сходнымъ съ животными по строенію и отправленіямъ своего организма и такъ же какъ животныя не зная, какъ и что̀ въ немъ совершается, пріобрѣталъ и пріобрѣтаетъ всѣ свои познанія единственно на счетъ своего сознанія, независимо отъ физіологическихъ открытій и обобщеній. Самыя эти открытія и обобщенія и вообще всѣ физіологическія свѣдѣнія добываются подъ условіемъ и на счетъ сознанія, свойственнаго только человѣку. Что̀ бы мы ни разумѣли подъ именемъ человѣческаго сознанія, дѣятельность души или особую форму дѣятельности вещества и энергіи, одинаково вѣрно, что въ человѣческой организаціи сознаніе есть коренное необходимое условіе развитія и накопленія всякаго знанія. Сознанными возбужденіями чувствительныхъ органовъ, сознанными измѣненіями организма начинается всякое знаніе. Нѣтъ знанія безъ сознанія.

Съ другой стороны условія знанія даны въ естественномъ положеніи человѣка въ природѣ. Вся жизнь человѣка отъ колыбели до могилы слагается изъ разнообразныхъ и постоянныхъ отношеній его ко внѣшнему міру, къ обществу себѣ подобныхъ и къ самому себѣ. Имѣя чувствительные органы и сознаніе и сталкиваясь въ своей жизни съ различными лицами, вещами и явленіями, человѣкъ неизбѣжно испытываетъ удовольствіе или неудовольствіе, пользу или вредъ. Какъ всѣ живыя и чувствующія существа, поставленныя въ условіяхъ жизни на землѣ, человѣкъ естественно избѣгаетъ всего непріятнаго и вреднаго, стремится къ сохраненію своего существованія, однимъ словомъ имѣетъ естественное самолюбіе. Но въ естественномъ самолюбіи человѣка обнаруживаются характерныя особенности, какихъ мы не найдемъ въ естественномъ самолюбіи животныхъ. Чтобы удовлетворить требованіямъ животнаго самолюбія человѣку достаточно было бы только умѣть различать, что̀ можетъ нанести ему вредъ или непріятность и что̀ можетъ доставить пользу и удовольствіе. Для человѣческаго самолюбія этого недостаточно. Для достиженія цѣлей и успѣховъ, требуемыхъ естественнымъ самолюбіемъ, человѣкъ среди природы и рядомъ съ другими живыми существами не имѣетъ ни особенныхъ физическихъ силъ, ни особенныхъ физическихъ преимуществъ, какія

мы находимъ у многихъ животныхъ. Для него открытъ одинъ путь къ поддержанію и сохраненію своей жизни — путь знанія. Безъ знанія человѣкъ въ природѣ безсиленъ и безпомощенъ. Онъ и самъ такъ или иначе сознаетъ это и находитъ, что знаніе можетъ обезпечивать ему пользу и удовольствіе, а незнаніе можетъ обращаться во вредъ и страданіе. Человѣкъ сознаетъ, что при помощи знанія въ природѣ можно найти больше пріятнаго, извлечь больше полезнаго и вѣрнѣе и легче избѣжать вреда и страданій, чѣмъ это представляется не только человѣку, но и животному съ перваго раза и само собою, въ размѣрахъ и условіяхъ естественной необходимости. Человѣкъ избѣгаетъ вреда и неудовольствія и достигаетъ пользы и удовольствія наравнѣ со всѣми животными, но отдѣльно отъ животныхъ онъ достигаетъ этого единственно посредствомъ знанія, и онъ одинъ открываетъ въ знаніи возможность не только сохраненія своего существованія при данныхъ условіяхъ, но улучшенія и усовершенствованія своей жизни вмѣстѣ съ самыми ея условіями. Для этого, какъ показываетъ исторія, ему всегда и теперь необходимо знать, съ чѣмъ онъ встрѣчается въ жизни, съ чѣмъ имѣетъ дѣло, знать окружающій міръ и самого себя. Знаніе становится природнымъ и необходимымъ условіемъ человѣческаго существованія на земномъ шарѣ, неразрывно съ тѣмъ, какъ самое существованіе человѣка служитъ природнымъ и необходимымъ условіемъ развитія знанія. Вся исторія человѣчества и всесторонніе антропологическія изслѣдованія показываютъ, что человѣкъ по самому своему духовно-тѣлесному складу и естественному положенію въ природѣ обреченъ на трудъ знанія и усовершенствованія. Потому знаніе развивается и накопляется у людей помимо и раньше науки и философіи, раньше исторіи. Сама исторія, вмѣстѣ съ наукой и философіей, имѣетъ общій корень въ первобытномъ знаніи и начинается по мѣрѣ его развитія и накопленія.

4. Въ условіяхъ организаціи и естественнаго положенія человѣка въ природѣ знаніе начинается сознанными возбужденіями чувствительныхъ органовъ и сознанными измѣненіями въ человѣческомъ организмѣ. Психо-физіологическій анализъ тѣлесныхъ и душевныхъ явленій и ихъ взаимной связи показываетъ, что возбужденія и измѣненія въ человѣческомъ организмѣ, — стано-

вятся ли они сознанными или остаются внѣ сознанія, — обусловливаются разностью между двумя смежными или послѣдовательными состояніями организма. Пока напр. на человѣка дѣйствуетъ одна и та же степень тепла или холода, къ какой онъ привыкъ, до тѣхъ поръ съ поверхности организма не происходитъ никакихъ новыхъ тепловыхъ возбужденій и измѣненій. Но лишь только окружающая температура повысится или понизится и будетъ дѣйствовать на все тѣло или только на часть его, немедленно съ чувствительной поверхности кожи начинаются возбужденія и измѣненія и происходятъ въ человѣкѣ все равно, сознаетъ онъ, т.-е. чувствуетъ тепло и холодъ, или нѣтъ. Когда же возбужденія и измѣненія въ человѣческомъ организмѣ сопровождаются сознаніемъ, дѣло тѣмъ не ограничивается. Сознаніе обусловливается не столько разностью въ состояніяхъ организма, сколько разностью между смежными или послѣдовательными ощущеніями. Актъ сознанія есть актъ различенія между ощущеніями. И между разностью возбужденій и измѣненій въ чувствительныхъ органахъ и во всемъ организмѣ и различеніемъ ощущеній въ сознаніи есть глубокая разница. Когда напр. крестьянинъ работаетъ въ лѣсу или физикъ наблюдаетъ и вычисляетъ явленія и взаимныя отношенія цвѣтныхъ свѣтовыхъ лучей, они оба одинаково не сознаютъ и не знаютъ различныхъ возбужденій и измѣненій, происходящихъ въ тканяхъ ихъ глазъ и нервныхъ путей и центровъ зрѣнія. Это однако нисколько не мѣшаетъ ни тому, ни другому сознавать и знать различныя свѣтовыя и цвѣтныя ощущенія, и этого достаточно, чтобы крестьянинъ пріобрѣталъ простыя знанія о лѣсѣ и деревьяхъ, а физикъ—научныя знанія о свѣтѣ и его явленіяхъ. Короче сказать, человѣкъ можетъ пріобрѣтать и развивать различныя знанія, не зная, что совершается при этомъ въ его собственномъ организмѣ. Для развитія и накопленія знанія въ условіяхъ организаціи человѣка имѣютъ значеніе разности не въ матеріальныхъ состояніяхъ чувствительныхъ органовъ и организма, а въ сознаваемыхъ ощущеніяхъ.

Сознаваемая разность или различеніе ощущеній служитъ такимъ образомъ исходнымъ пунктомъ развитія и накопленія человѣческаго знанія. Это съ наглядною ясностью видно изъ того, что чѣмъ болѣе различаются между собою ощущенія, тѣмъ бо-

лѣе они открыты и доступны для познанія. Отличить и узнать красный цвѣтъ и голубой гораздо легче, чѣмъ красный и ближайшіе къ нему оттѣнки оранжеваго цвѣта. Негра или карлика гораздо легче отличить въ толпѣ и узнать, чѣмъ болѣе сходныхъ по цвѣту и росту людей. Температура—6 и + 16 замѣтнѣе и извѣстнѣе, чѣмъ + 12 и + 15. Въ каждой данной группѣ ощущеній ихъ различія достигаютъ наконецъ наибольшей и наименьшей мѣры или степени, и въ человѣческомъ сознаніи и знаніи отлагаются болѣе всего извѣстныя физическія противоположности между свѣтомъ и тьмой, тепломъ и холодомъ, жизнью и смертью и т. д. На каждой ступени развитія сознаваемыя противоположности остаются рубежемъ, границей человѣческаго знанія, далѣе которой человѣкъ ничего не различаетъ и не знаетъ; но каждое естественное возрастаніе или искусственное увеличеніе различій въ ощущеніяхъ раздвигаетъ эти противоположности и ведетъ къ возрастанію и увеличенію знанія. Стóитъ напр. представить только, какъ много узнаетъ слѣпой, когда ему возвращается зрѣніе, или когда человѣкъ, обладающій всѣми чувствами, пускается путешествовать, начинаетъ пользоваться микроскопомъ, телескопомъ и т. д. Вообще чѣмъ больше сознается разность ощущеній, чѣмъ больше различій и противоположностей открывается тамъ, гдѣ человѣкъ до тѣхъ поръ не былъ въ состояніи ихъ замѣчать и разбирать, тѣмъ больше возбуждается вниманіе, удивленіе и любознательность, тѣмъ скорѣе и легче достигается знаніе. На какой бы ступени развитія мы ни захватили человѣка, мы найдемъ, что сходства всего больше и чаще вводятъ его въ заблужденіе, а различія и противоположности лучше и вѣрнѣе ведутъ къ знанію. По сходству человѣкъ видитъ въ молніи стрѣлы разгнѣваннаго божества, но никогда онъ не смѣшаетъ удара молніи съ ударомъ настоящей вражеской стрѣлы. По сходству первобытный дикарь и современный образованный человѣкъ одушевляетъ всю природу ощущеніями и страстями, но ни тотъ, ни другой не ошибутся въ различеніи дерева отъ животнаго и животнаго отъ человѣка. Различіе и противоположности въ ощущеніяхъ—свѣтъ и тьма, тепло и холодъ, черное и бѣлое, здоровье и болѣзнь, голодъ и насыщеніе, жизнь и смерть, единое и многое—со всѣми промежуточными переходами отъ одной крайности къ дру-

гой, ведутъ къ познанію внѣшняго міра и самаго человѣка, по скольку онъ есть часть этого же міра. Въ то же самое время какъ познаваемыя вещи и явленія вызываютъ въ человѣкѣ различныя и противоположныя ощущенія, тѣ же самыя вещи и явленія вызываютъ въ немъ различныя и противоположныя чувствованія, эмоціи. Явленія свѣта и тьмы, цвѣтовъ и звуковъ, вкусовъ и запаховъ, шероховатыя и гладкія, высокія и низкія, громадныя и ничтожныя тѣла въ одно и то же время полезны или вредны, привлекательны или отвратительны и т. д., отъ наименьшей мѣры до наибольшей, отъ различій до противоположностей. Наконецъ ощущенія и чувствованія, выражаясь въ мускульныхъ усиліяхъ и движеніяхъ, вообще въ практической дѣятельности человѣка, открываютъ для сознанія различія и противоположности между добромъ и зломъ. Однѣ и тѣ же вещи и явленія, вызывающія въ человѣкѣ одинаковыя чувствованія, получаютъ въ человѣческой жизни различное нравственное достоинство, различную нравственную цѣну. Человѣкъ сознаетъ различіе между съ виду одинаковыми поступками, когда напр. одинъ бросается въ воду чтобы лишить себя жизни, а другой чтобы спасти его. Для человѣка не безразлично, вѣрно онъ знаетъ, что олово плавится при 235°, или нѣтъ, правду онъ слышитъ или ложь. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ сознаніемъ и познаніемъ физическихъ различій и противоположностей одновременно сознаются и познаются различія и противоположности между тѣмъ, что́ хорошо или дурно чувствуется, хорошо или дурно дѣлается.

Среди разнообразныхъ своихъ ощущеній, среди различныхъ вещей и явленій внѣшняго міра и своихъ собственныхъ чувствованій и дѣйствій человѣкъ неизбѣжно принужденъ оріентироваться, распредѣлять ихъ въ сходныя группы, разбирать ихъ взаимную связь и отношенія, обобщать и подводить подъ законы. Съ перваго и до послѣдняго дня своей жизни каждый человѣкъ и все человѣчество занимается этимъ нелегкимъ дѣломъ и до сихъ поръ. Въ сферѣ болѣе или менѣе рѣзко очерченной, специфической дѣятельности органовъ такъ-называемыхъ внѣшнихъ чувствъ, группы различныхъ и противоположныхъ ощущеній образуютъ корень всѣхъ наукъ, неточно и даже неправильно называемыхъ естественными. Группы различій и проти-

воположностей въ чувствованіяхъ и въ практической дѣятельности человѣка служатъ зерномъ религіи, искусствъ и вообще всей соціальной жизни. Такимъ образомъ мало-по-малу группы ощущаемыхъ и чувствуемыхъ человѣкомъ и имъ самимъ производимыхъ различій и противоположностей образуютъ естественныя группы наукъ и вообще всѣхъ формъ человѣческаго знанія. Напр. различныя и противоположныя величины и количества составляютъ группу математическихъ наукъ; разности и контрасты въ отношеніяхъ между землей и небесными тѣлами — астрономію; разности и контрасты въ частичныхъ состояніяхъ тѣлъ — физику, въ составѣ ихъ — химію; разности и контрасты между живыми и неживыми тѣлами — біологическія науки; въ общественной жизни — соціологію; въ процессахъ ощущеній и представленій, чувствованій и волевыхъ импульсовъ—психологію; въ способахъ и формахъ познанія—логику; различія и противоположности въ чувствованіяхъ входятъ въ теорію искусствъ, въ волевыхъ импульсахъ и мускульной дѣятельности — въ теорію права, морали, политической экономіи. Такое же природное начало знанія мы найдемъ во всѣхъ областяхъ и отрасляхъ человѣческой жизни и развитія.

Но какъ бы ни было человѣческое знаніе разнообразно по своему содержанію, по формѣ, по научному достоинству и практической цѣнности, и на какія бы группы оно ни расчленялось все оно, очевидно, имѣетъ общую, органическую связь и общее значеніе въ своемъ природномъ началѣ и продолженіи во всей человѣческой жизни. Какъ мы видимъ, всякое человѣческое знаніе и всякая человѣческая дѣятельность начинаются сознаніемъ различій и противоположностей въ ощущеніяхъ, чувствованіяхъ и мускульныхъ усиліяхъ и движеніяхъ, а продолжаются въ силу естественнаго положенія человѣка въ природѣ, въ силу его естественнаго самолюбія. Это самолюбіе является первичнымъ, основнымъ мотивомъ всей разнородной и разнохарактерной умственной и физической дѣятельности человѣка во всѣ времена и на всемъ земномъ шарѣ. Самолюбіе движетъ человѣка впередъ на всѣхъ путяхъ его существованія, заставляетъ желать и искать всего лучшаго, достигать возможно большаго умственнаго и матеріальнаго благополучія; оно мотивируетъ отношенія каждаго человѣка къ другимъ людямъ и вещамъ, опредѣляетъ его

жизненные интересы, отливается въ такой или другой нравственный типъ; самолюбіе постоянно вызываетъ и поддерживаетъ въ человѣкѣ лучшіе идеалы знанія и жизни, стремленіе къ удовлетворенію всѣхъ потребностей человѣческой природы, къ полному счастію.

5. Счастіе или вообще лучшее существованіе человѣка сравнительно съ животными, съ которыми онъ живетъ въ однихъ и тѣхъ же условіяхъ мѣста и климата, на одни и тѣже средства къ существованію, и развитіе самой идеи и потребности лучшаго невозможно и недостижимо безъ накопленія и развитія знанія. Однако человѣкъ пріобрѣтаетъ познанія не тотчасъ, какъ только ему нужно и какъ только откроется правильная дѣятельность его органовъ чувствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и естественное самолюбіе не вдругъ ставитъ человѣка лицомъ къ лицу съ возможными для него благами и совершенствами. Какъ показываетъ антропологія и исторія, человѣческое знаніе накоплялось и развивалось весьма медленно и постепенно, сначала задолго до исторіи, а потомъ въ теченіе всей исторіи человѣчества. То, что мы теперь знаемъ и считаемъ истиннымъ, прекраснымъ и добрымъ въ наукѣ и жизни, открылось человѣку послѣ долгихъ усилій и неудачъ, колебаній и переходовъ между истиннымъ и ложнымъ, прекраснымъ и безобразнымъ, добрымъ и злымъ. И если мы сравнимъ человѣческое познаніе отъ первобытныхъ временъ до настоящаго, мы безъ труда откроемъ въ немъ массу различій и противоположностей между тѣмъ, какимъ оно было и какимъ стало, и между тѣмъ, что оно давало для удовлетворенія естественнаго самолюбія прежде и что даетъ теперь. Это и безъ того очевидное обстоятельство становится совершенно осязательнымъ, если сравнить напр. сумму знаній и положеніе въ природѣ и обществѣ дикарей и необразованныхъ людей съ знаніями и положеніемъ современнаго развитаго человѣка. Не зная ни себя, ни природы и общества, дикарь и необразованный человѣкъ жалокъ и безпомощенъ въ устройствѣ своего благополучія сравнительно съ научно-образованнымъ человѣкомъ; онъ даже не подозрѣваетъ тѣхъ сокровищъ науки, искусства и т. д. и благъ общественной жизни, какія открыты развитому человѣку.

Человѣчество къ сожалѣнію и до сихъ поръ не достигло знанія въ такой мѣрѣ, въ какой это требуется естественнымъ само-

любіемъ, чтобы прямымъ путемъ, безъ препятствій и ошибокъ, достигать всякаго блага и счастія. Въ громадномъ большинствѣ случаевъ мы и теперь не знаемъ, что̀ есть и что̀ какъ происходитъ въ природѣ, обществѣ и въ насъ самихъ, не знаемъ, какъ устроить свою жизнь наилучшимъ образомъ, какъ напр. предохранять себя отъ болѣзней, неурожаевъ, общественныхъ разстройствъ и бѣдствій и т. п. Несмотря на всѣ успѣхи современной науки, открытія, изобрѣтенія и улучшенія въ человѣческой жизни и дѣятельности, міръ полонъ бѣдствій, скорби и страданій. И очевидно зерно бѣдствій и страданій, тяготѣющихъ надъ человѣчествомъ, коренится въ отсутствіи или недостаткѣ знанія.

Въ той мѣрѣ, въ какой у человѣка недостаетъ истиннаго знанія міра и самого себя, его естественное стремленіе поддерживать свою жизнь и увеличивать свое благосостояніе согласно съ условіями своего существованія становится невѣжественнымъ, грубымъ и порочнымъ. Естественное самолюбіе превращается въ эгоизмъ, зачинаетъ зло и раждаетъ всѣ несчастія, постигающія человѣчество въ общественной и частной жизни. Гоняясь за счастіемъ, стремясь къ удовлетворенію естественнаго самолюбія, люди по отсутствію или недостатку знанія постоянно допускали и допускаютъ и въ мысли и на дѣлѣ то намѣренную, то ненамѣренную ложь. Чего не знаютъ, они замѣняютъ какою-нибудь выдумкой въ теоріи, обычаемъ и машинальными поступками въ практикѣ, и по незнанію дѣлали и дѣлаютъ зло вмѣсто желаемаго добра. Насъ сознательно и безсознательно обманываютъ люди, потому что мы не знаемъ настоящей истины и не въ состояніи открыть обмана, и мы въ свою очередь такъ же и потому же обманываемъ другихъ; вводимъ въ ошибки умъ и волю нашихъ ближнихъ и сами ошибаемся. Человѣка вводитъ въ заблужденія природа, потому что онъ ея не знаетъ; но по тому же самому и онъ вноситъ въ нее свою ложь и свои ошибки въ формѣ ложныхъ теорій и такихъ поступковъ, какъ беззаботное истребленіе лѣсовъ, эксплуатація чужаго труда, противогигіеническій образъ жизни и т. д. Люди получаютъ и отдаютъ за истину то, чего нѣтъ или что̀ ложно; считаютъ и выдаютъ за знаніе то, чего на самомъ дѣлѣ не знаютъ или знаютъ недостаточно. Понятно, къ какимъ скорбнымъ результатамъ ведетъ такое

положеніе вещей, понятна та масса бѣдствій и скорбей, какую мы находимъ въ исторіи человѣчества и испытываемъ въ своей собственной жизни.

Такъ въ процессѣ тѣлеснаго и духовнаго развитія человѣка его естественное самолюбіе осложняется, и къ физическимъ различіямъ и противоположностямъ присоединяются нравственныя различія и противоположности между истиннымъ и ложнымъ прекраснымъ и безобразнымъ, добрымъ и злымъ. По мѣрѣ человѣческаго знанія и незнанія естественное самолюбіе вызываетъ всю пестроту и разнообразіе, всю драму и комедію человѣческой исторіи, частной и соціальной жизни человѣка на всемъ земномъ шарѣ. Рядомъ съ нашими идеалами оно вноситъ въ дѣйствительную жизнь, на всѣхъ путяхъ къ тѣмъ или другимъ нравственнымъ и матеріальнымъ цѣлямъ и успѣхамъ, борьбу и разладъ, переводитъ мысль и дѣло человѣка въ безконечныя, повидимому неистощимо разнообразныя формы научной и житейской истины и лжи, нравственнаго и физическаго блага и красоты, нравственнаго и физическаго зла и безобразія. Между тѣмъ человѣкъ по самой природѣ вещей очевидно ищетъ добра, употребляетъ всѣ свои усилія, чтобы избѣгать лжи, безобразія и всякаго зла. Это несомнѣнно очевидно изъ всей исторіи человѣческаго развитія; безъ того исторіи и не было бы.

Исторія человѣческаго развитія такимъ образомъ показываетъ, что въ условіяхъ организаціи человѣка и его естественнаго положенія въ природѣ различія и противоположности не исчерпываются тѣми, какія мы находимъ или можемъ открыть въ состояніяхъ чувствительныхъ органовъ, въ сознаваемыхъ ощущеніяхъ и за тѣмъ въ чувствованіяхъ и дѣйствіяхъ человѣка. Различія обнаруживаются въ самомъ знаніи человѣка и въ свою очередь доходятъ до противоположностей между тѣмъ, что и какъ человѣкъ въ данное время, прежде и послѣ знаетъ и считаетъ истиннымъ и ложнымъ, прекраснымъ и безобразнымъ, добрымъ и злымъ.

Знаніе человѣка въ условіяхъ его физической и умственной организаціи повидимому начинается, какъ сказано, сознаваемыми ощущеніями или такъ-называемымъ чувственнымъ опытомъ; но на неопредѣлимо первыхъ же порахъ человѣческой жизни, исторической и индивидуальной, оно уже не ограничивается раз-

розненными ощущеніями и представленіями, а соединяется съ тѣмъ, что̀ кратко можно назвать умозрѣніемъ и что̀ составляетъ характеристическую черту человѣческаго познанія. Умозрѣніе выражается въ томъ, что человѣкъ, сравнивая данныя ощущенія между собою и съ ощущеніями, испытанными прежде, видитъ или вообще познаетъ вещи и явленія не только такъ, какъ они кажутся, но и каковы они суть или должны быть на самомъ дѣлѣ,—все равно, ошибается онъ при этомъ или нѣтъ. Человѣкъ смотритъ на груду камней и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ видитъ божественную силу; въ этомъ онъ ошибается, но въ тоже время онъ безъ ошибки видитъ, какіе изъ этихъ камней и какъ должны быть заострены, чтобы служить ему полезными орудіями. Видя восходъ и закатъ солнца, человѣкъ видитъ теперь, что въ дѣйствительности ходитъ все-таки не солнце, а земля. Чувственный опытъ у человѣка, какъ въ свою очередь показываетъ опытъ, состоитъ въ тѣсной, живой, органической связи съ умозрѣніемъ, и въ дѣйствительности, in concreto, между тѣмъ и другимъ нельзя указать разграничительной черты, показать, что̀ прежде и что̀ послѣ. Обнаруживаясь и развиваясь совмѣстно съ опытомъ, умозрѣніе входитъ въ одинъ и тотъ же природный процессъ человѣческаго познанія и опредѣляется одними и тѣми же условіями организаціи и положенія человѣка въ природѣ.

Еслибы знаніе человѣка ограничивалось однимъ чувственнымъ опытомъ, тогда и познаваемыя различія и контрасты между вещами и явленіями ограничивались бы постоянно одними и тѣми же ощущеніями и однообразными чувствованіями пріятнаго и непріятнаго, полезнаго и вреднаго, добраго и злаго. Въ самомъ дѣлѣ, дѣятельность чувствующихъ органовъ, со всею нервною системой включительно, ограничена извѣстными постоянными временными и пространственными предѣлами впечатлительности или раздражимости. Глазъ видитъ цвѣтныя разности только въ предѣлахъ спектральныхъ цвѣтовъ; ухо возбуждается только въ предѣлахъ отъ 16 до 36000 колебаній въ секунду и т. д. Сообразно съ тѣмъ, предѣлами чувственнаго опыта ограничиваются и чувствованія и мускульная дѣятельность. Всѣ эти черты мы и находимъ въ монотонной, изъ рода въ родъ однообразной жизни животныхъ и отчасти въ жизни дикарей. Но у человѣка знаніе постоянно развивается и измѣняется, а вмѣстѣ съ тѣмъ раз-

виваются и измѣняются его чувствованія и дѣятельность. Отъ того, что дается въ непосредственномъ чувственномъ опытѣ, человѣческій умъ идетъ къ основаніямъ опыта, строитъ умозаключенія и теоріи, предположенія и догадки, и такимъ путемъ доходитъ до новыхъ опытовъ, которые никогда не представились бы ему сами, открываетъ для себя цѣлый міръ до тѣхъ поръ неизвѣданныхъ и неиспытанныхъ ощущеній, чувствованій и дѣйствій. Вмѣстѣ съ чувственными впечатлѣніями и ощущеніями въ человѣкѣ вызывается и формируется цѣлый міръ сложныхъ представленій, идей и отвлеченій, которыя воплощаются въ языкѣ, въ миѳахъ, въ цѣлой массѣ житейскихъ и научныхъ истинъ и предположеній, наконецъ въ произведеніяхъ искусствъ, техники и во всемъ строѣ и теченіи общественной жизни. Такимъ образомъ не только возрастаетъ количество и разнообразіе ощущеній, чувствованій и дѣйствій человѣка, но и въ самомъ знаніи его открываются различія и противоположности между опытомъ и умозрѣніемъ и между тѣмъ, что̀ было извѣстно прежде, что̀ стало извѣстно потомъ и что̀ намѣчается для послѣдующаго знанія. Что прежде по опыту, или умозрѣнію, въ практикѣ или въ теоріи, казалось истиннымъ или прекраснымъ или добрымъ, оказывается потомъ не совсѣмъ и даже вовсе не истиннымъ, не прекраснымъ и не добрымъ.

Естественно и неизбѣжно человѣкъ сознаетъ различія и противоположности въ своемъ знаніи; какъ и всѣ другія различія и противоположности въ мірѣ, онѣ даны ему въ опытѣ, въ условіяхъ его организаціи и положенія въ природѣ. И какъ человѣкъ между свѣтомъ и тьмой, теплomъ и холодомъ, вообще между всѣми вещами и явленіями старается при помощи знанія поставить себя такъ, какъ это лучше всего согласуется съ требованіями его естественнаго самолюбія; такъ и между различными и противоположными знаніями онъ ищетъ и выбираетъ наилучшее, наиболѣе истинное, обусловливающее лучшія чувствованія и лучшую дѣятельность. — однимъ словомъ его благополучіе. Въ этомъ и состоитъ развитіе человѣка. Сознаніе различій и противоположностей въ самомъ знаніи составляетъ отличительную черту человѣка въ ряду другихъ существъ, которыя сходны съ нимъ по своей организаціи и положенію въ природѣ. Различія и контрасты чувственнаго опыта открыты и животнымъ по мѣрѣ

ихъ чувствительности, а въ болѣе широкомъ смыслѣ даже всему матеріальному міру. Въ жизни всего міра и въ частности въ жизни организмовъ чувственныя различія и противоположности выражаются въ томъ, что теперь зооморфически, или точнѣе антропоморфически называютъ борьбою за существованіе, приспособляемостью и т. д. Но сознаніе различій и противоположностей въ самомъ знаніи и стремленіе отъ лжи и заблужденія къ истинѣ, отъ безобразія къ красотѣ, отъ зла и міровой скорби къ добру и счастію лежитъ въ природѣ человѣка, составляетъ его естественный удѣлъ.

Мы видѣли далѣе, что всѣ различія и контрасты, сознаваемые человѣкомъ, необходимо, по требованію естественнаго самолюбія, вызываютъ человѣка на изслѣдованіе ихъ, и отсюда мало-по-малу естественно слагаются и развиваются различныя науки. Само собою разумѣется, что и контрасты самого знанія требуютъ изученія и особой науки. Какъ незнаніе внѣшней природы и самого себя всегда обращалось и обращается во вредъ человѣку, такъ и незнаніе самого знанія. Въ томъ и другомъ случаѣ незнаніемъ искажается естественное самолюбіе, и въ человѣческую жизнь, въ отношенія человѣка къ природѣ, обществу и самому себѣ входитъ ложь, зло и безобразіе. Лишь только человѣкъ впервые замѣтилъ различія и противоположности въ своемъ знаніи, онъ уже сталъ стараться объяснить ихъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ искать лучшаго, вѣрнаго знанія, или по крайней мѣрѣ лучшаго, вѣрнаго пути къ такому знанію. Это и было и остается природнымъ началомъ той особенной отрасли человѣческаго знанія, которая носитъ названіе *философіи*. Безъ философіи какъ бы мы ни старались уложить всѣ существующія въ природѣ и доступныя человѣческому познанію различія и противоположности въ рамки наукъ о природѣ и человѣкѣ, предъ нами останутся безъ мѣста разности и противоположности, которыя обнаруживаются въ самомъ знаніи, въ самыхъ наукахъ, въ теченіе всей человѣческой исторіи до настоящаго времени.

6. Природное начало философіи въ то же время открываетъ и все ея значеніе въ строѣ и развитіи человѣческаго знанія. Философія очевидно выростаетъ изъ одного и того же зародыша, изъ какого выростаетъ и наука. Но пока человѣкъ не замѣтитъ и не оцѣнитъ различій и противоположностей въ сво-

емъ знанія, т.-е. другими словами пока онъ не отличитъ истину отъ лжи,—дальнѣйшее движеніе знанія, дальнѣйше развитіе невозможно, какъ невозможно крестьянину, который не отличаетъ истины отъ лжи въ своихъ примѣтахъ, дойти до правильныхъ метеорологическихъ представленій. Различія же и противоположности въ человѣческомъ знаніи настолько дѣйствительны и осязательны, что человѣкъ сталъ замѣчать ихъ и отличать истину отъ лжи, однимъ словомъ сталъ философствовать прежде, чѣмъ всѣ другія группы различій въ природѣ и въ немъ самомъ вызвали существованіе и развитіе всѣхъ другихъ наукъ. Изъ общаго зародыша человѣческаго знанія философія дала свой ростокъ раньше науки, на зарѣ человѣческой исторіи, и съ тѣхъ поръ донынѣ ростъ философіи предваряетъ ростъ науки. Безъ предварительнаго философскаго отношенія къ существующему знанію, безъ сомнѣній и критики никакое знаніе не дѣлаетъ и не сдѣлаетъ ни шагу далѣе. Съ незапамятныхъ временъ, задолго до развитія научныхъ знаній, люди старались упрочивать и улучшать свое существованіе путемъ познанія природы и самихъ себя и осуществляли свои стремленія во всѣхъ формахъ человѣческой жизни—въ общественномъ строѣ и законахъ, въ религіи и обычаяхъ, въ искусствахъ, ремеслахъ. Въ то же время они уже усиливались посредствомъ философскаго углубленія въ самое знаніе помочь бѣдамъ, происходящимъ отъ ихъ же собственнаго самолюбія, искажаемаго незнаніемъ, ошибками и заблужденіями. Вопросы о происхожденіи зла, о познаніи сдѣлались коренными пунктами древняго религіозно-философскаго созерцанія. Таковыми, въ той или другой постановкѣ, они оставались всегда, остаются и для современной научно-философской мысли. На эти вопросы и теперь отвѣчаютъ философствующіе ученые, когда міровое зло сводятъ на роковую борьбу за существованіе, а знаніе объясняютъ дѣятельностью вещества, приспособленіемъ, наслѣдственностью и т. д.; отвѣчаютъ и современные философы, когда міровое зло выводятъ изъ абсолютнаго неразумія міровой воли, а знаніе — изъ абсолютной природы представленія. По мѣрѣ накопленія и развитія знанія уже много сдѣлано до сихъ поръ для пониманія самого знанія и для избавленія человѣчества отъ золъ его незнанія, отъ ошибокъ, заблужденій и бѣдствій; но какъ

всякому извѣстно, еще неизмѣримо больше остается сдѣлать. Не смотря на всѣ успѣхи и на всю силу современной науки, человѣческое незнаніе еще такъ велико, что самые ученые люди чаще всего не въ состояніи отличить истину отъ заблужденія и лжи, не знаютъ, какъ лучше поступить и осуществить въ жизни истинно-прекрасное и доброе. Вмѣстѣ со всѣми другими различіями и противоположностями въ природѣ контрасты между тѣмъ, что̀ и какъ человѣкъ знаетъ и считаетъ истиннымъ и ложнымъ, прекраснымъ и безобразнымъ, добрымъ и злымъ, стоятъ противъ современной науки во всей своей первобытной силѣ и тѣмъ настойчивѣе требуютъ философскаго вниманія и изслѣдованія.

Если теперь по своему происхожденію философія такъ же естественна, реальна и содержательна какъ вообще всякая истинная наука, то по своему значенію, по своей цѣнности для человѣческой жизни она такъ же необходима и полезна. Въ зломъ заблужденіи находится тотъ, кто считаетъ философію далекой отъ жизни, безполезнымъ и ни къ чему неприложимымъ занятіемъ, отвлеченными ненужностями. Теоретическое значеніе философіи, какое она имѣетъ въ строѣ и развитіи человѣческаго познанія, неразрывно съ ея практическимъ значеніемъ для душевнаго настроенія и всей дѣятельности человѣка. Чувствованія и дѣятельность человѣка, какъ сказано, коренятся вмѣстѣ съ знаніемъ въ одномъ и томъ же естественномъ самолюбіи или другими словами въ строѣ человѣка и внѣшняго міра и въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ. Каждое раздраженіе чувствительныхъ органовъ и каждое сознаваемое ощущеніе неизбѣжно выражается въ мускульныхъ движеніяхъ, въ дѣйствіяхъ или рефлекторнаго происхожденія или центральнаго, т.-е. смотря по тому, идетъ ли раздраженіе съ чувствующей поверхности организма или отъ нервныхъ центровъ. Даже когда раздраженіе или сознаваемое ощущеніе не обнаруживается во внѣшнемъ движеніи или это движеніе задерживается намѣренно,—движеніе все-таки имѣетъ мѣсто внутри организма и въ частности въ молекулярной работѣ самыхъ центровъ, и рано ли, поздно ли, механически или сознательно, вырывается наружу. Вмѣстѣ съ тѣмъ, между раздраженіями, сознаваемыми ощущеніями, между задерживаемыми или выполняемыми дѣйствіями implicite

заключается та или другая степень чувствованій удовольствія или неудовольствія. Такимъ образомъ всякій опытъ есть дѣйствіе или страданіе, всякій опытъ неизбѣжно сопровождается чувствованіями и дѣятельностью, все равно, даетъ ли въ нихъ человѣкъ отчетъ или нѣтъ. Изъ этихъ элементовъ прежде всего вырабатывается и слагается обычная ежедневная дѣятельность человѣка, его привычки, вкусы, наклонности и т. д. Но связь между раздраженіями чувствительныхъ органовъ, сознаваемыми ощущеніями, чувствованіями и дѣйствіями не разрывается на всѣхъ ступеняхъ знанія, на всѣхъ ступеняхъ развитія человѣка. Въ прямой природной связи между знаніемъ, чувствованіями и дѣйствіями эстетическое и нравственное развитіе человѣка идетъ настолько, насколько движется знаніе. Насколько человѣкъ знаетъ, что̀ ему дѣлать, какъ поступать среди физическихъ и нравственныхъ противоположностей, на столько онъ становится способнымъ дѣлать и дѣлаетъ лучшее, а вмѣстѣ съ тѣмъ становится способнымъ испытывать и испытываетъ лучшія чувствованія. Потребность и необходимость въ знаніи разъ навсегда, отъ природы, связана съ потребностью и необходимостью жить и дѣйствовать правильнымъ образомъ и чувствовать себя счастливымъ. Немного нужно размышленія, чтобы убѣдиться, что всякое знаніе, какого бы рода оно ни было, и въ самомъ своемъ зародышѣ и во всемъ дальнѣйшемъ развитіи, имѣетъ практическое направленіе. Знаніе, исканіе истины и обладаніе ею, нужно человѣку для его существованія и благополучія, для увеличенія и развитія чувствованій пріятнаго, прекраснаго, для достиженія большей и даже высшей мѣры добра и счастія. Философія не составляетъ отсюда исключенія. И дѣйствительно, исторія представляетъ несомнѣнныя свидѣтельства, которыхъ перетолковать нельзя, что развитіе философіи такъ же какъ и развитіе точныхъ наукъ всегда вліяло не только на складъ умственной жизни, но и на весь строй чувствованій и дѣйствій, испытываемыхъ и производимыхъ въ жизни всего общества и отдѣльныхъ лицъ. Во всѣ времена преимущественно отъ философовъ общественное мнѣніе требуетъ согласія между теоріей и практикой, между философіей и жизнію. Въ цѣломъ рядѣ философскихъ школъ исключительно разрабатывался вопросъ о томъ, какія знанія и

какія дѣйствія обусловливаютъ лучшую человѣческую жизнь, ведутъ къ счастію. Философскія воззрѣнія буддистовъ, софистовъ, Сократа, циниковъ, стоиковъ, эпикурейцевъ и т. д. до современныхъ утилитаристовъ, соціалъ-демократовъ и пессимистовъ прямо идутъ въ жизнь и оказываютъ на нее многостороннее и могущественное вліяніе. Даже чисто теоретическія, созерцательныя философскія построенія выростаютъ на той же практической, жизненной почвѣ человѣческаго знанія и такъ или иначе вліяютъ на жизнь. Начиная съ древнѣйшихъ временъ и кончая Гегелемъ, философы-созерцатели въ концѣ всего преслѣдовали одну общую практическую цѣль: достигнувши высшаго знанія, овладѣвши истиной, освободить человѣка отъ горестей и бѣдствій земнаго существованія, возвести его на высшую ступень нравственнаго совершенства и счастія. Много ли, мало ли различные философы имѣли въ этомъ успѣха, тотъ же порядокъ вещей остается и до сихъ поръ. Какъ всевозможныя, изучаемыя и неизучаемыя различія и противоположности въ природѣ прямо вліяютъ на жизнь человѣка, на его чувствованія и дѣятельность, такъ разности и противорѣчія въ знаніи прямо идутъ въ жизнь въ свою очередь, и вліяніе разностей и противорѣчій въ знаніи тѣмъ могущественнѣе и всестороннѣе, чѣмъ больше человѣку нужно истины и счастія. И если изученіе всѣхъ различій и противоположностей въ природѣ даетъ много истинъ и всесторонне улучшаетъ человѣческую жизнь, то еще больше истины и добра для жизни обѣщаетъ изученіе различій и противоположностей въ самомъ знаніи. Для человѣческой дѣятельности и человѣческаго счастія философія, по самой природѣ вещей, всегда была и остается необходимой по крайней мѣрѣ столько же, сколько и наука. Недостатокъ философіи, равно какъ и недостатки самой философіи тяжело отзывается на всѣхъ сторонахъ общественной и частной жизни человѣка.

На одной изъ этихъ сторонъ съ особенною ясностію видно все жизненное значеніе философіи. Въ виду высоты современнаго знанія, успѣховъ очищенія и возвышенія человѣческаго самолюбія, въ виду всѣхъ современныхъ культурныхъ благъ, насъ не можетъ не поражать одно въ высшей степени выдающееся и замѣчательное явленіе. Умственное развитіе и вообще

вся культура ушла теперь далеко впередъ сравнительно съ древними, минувшими временами, а порочность человѣческаго самолюбія какъ будто не убываетъ, и нравственные успѣхи человѣчества сравнительно ничтожны. Становясь образованнѣе и ученѣе, люди не дѣлаются въ той же мѣрѣ нравственнѣе. Въ исторіи народовъ постоянно повторяется характеристическое явленіе: высшая ступень умственнаго развитія сопровождается нравственнымъ упадкомъ. Кто не знаетъ людей умныхъ, ученыхъ, образованныхъ, но—далеко не нравственныхъ? Въ чемъ кроется причина такого замѣчательнаго явленія? Въ объясненіе обыкновенно указываютъ на недостатки воспитанія, на односторонность развитія, на вліяніе семейной и общественной среды и т. д. Все это можетъ быть вѣрно, но нисколько не объясняетъ дѣла. Если магнитная стрѣлка однимъ концомъ обращается къ сѣверу, а другимъ къ югу, это конечно отъ того, что она натерта магнитомъ и подвержена вліянію земнаго магнетизма; но такое объясненіе ровно не даетъ никакого понятія, какимъ же образомъ магнитъ и земля вліяютъ на свойства и направленіе стрѣлки. Точно также не видно, какимъ образомъ недостатки воспитанія, среды и пр. направляютъ ученаго и образованнаго человѣка къ безнравственнымъ поступкамъ. Простой человѣкъ, воспитанный по традиціямъ, безъ всякихъ улучшенныхъ методовъ, мало знакомый съ наукой, вращается въ низшей средѣ, терпитъ горе и нужду и—поступаетъ нравственно, а хорошо воспитанный, высоко-развитый и даже ученый человѣкъ, хорошо отличающій доброе отъ лукаваго, поступаетъ какъ послѣдній негодяй, и еще тѣмъ искуснѣе и благовиднѣе, чѣмъ онъ образованнѣе. Съ другой стороны, въ теченіи исторической жизни человѣчества воспитаніе, среда, однимъ словомъ всѣ условія, которыя вліяютъ на нравственный характеръ и дѣятельность человѣка, подвергались многоразличнымъ перемѣнамъ. Между тѣмъ несоотвѣтствіе умственнаго развитія съ нравственною дѣятельностью во всѣхъ своихъ чертахъ остается и до сихъ поръ постояннымъ явленіемъ. Вліяніе воспитанія и среды въ греческой, средневѣковой, современной жизни и вообще въ любую историческую эпоху было безъ сомнѣнія весьма различно, а безнравственность легко и одинаково уживалась съ образованіемъ и

ученостью. Чего же не доставало или не достаетъ въ воспитаніи и въ общественной средѣ всѣхъ вѣковъ, когда изъ этой среды выходили и по прежнему выходятъ безнравственные ученые и образованные люди? Ясное дѣло, что причина явленія лежитъ глубже общихъ вліяній воспитанія, среды и т. п. условій, кроется въ какомъ-нибудь началѣ, общемъ для всѣхъ людей и всѣхъ вѣковъ.

Если вѣрно, что всякое искаженіе естественнаго человѣческаго самолюбія обусловливается незнаніемъ или недостаткомъ знанія, то ключь для объясненія интересующаго насъ явленія въ нашихъ рукахъ. Если даже не смотря на всѣ успѣхи и всю силу современнаго знанія образованные и ученые люди дѣйствуютъ ненравственно, значитъ въ самомъ знаніи, при всей его обширности, чего нибудь не достаетъ, и этотъ недостатокъ парализуетъ все изобиліе. Послѣ предшествующихъ объясненій нетрудно видѣть теперь, какого знанія не доставало, или какое знаніе было недостаточнымъ въ различныя времена человѣческаго развитія. Какъ мы видѣли, противъ искаженія естественнаго самолюбія незнаніемъ направлялась философія и наука. По мѣрѣ развитія и накопленія знаній человѣкъ все лучше и больше узнавалъ истиннаго, добраго, полезнаго, пріятнаго. Предположимъ теперь, что въ какое бы то ни было время одинъ человѣкъ знаетъ одну науку, напр. астрономію, и больше ничего, а другой знаетъ двѣ, три науки, наконецъ третій владѣетъ весьма многими науками. Изъ нихъ безъ сомнѣнія умѣетъ и можетъ лучше дѣйствовать въ отношеніи къ природѣ, людямъ и самому себѣ тотъ, кто больше знаетъ природу и человѣка, вообще кто больше знаетъ науки. Предположимъ дальше,—и у насъ есть уже нѣкоторыя основанія для такого предположенія,—что философія наука, которая изучаетъ въ свою очередь, все человѣческое знаніе, всѣ науки. Не ясно ли, что *безъ* такой науки нравственная дѣятельность человѣка болѣе или менѣе приближается къ тому, какъ если бы не было всѣхъ наукъ? Не ясно ли также, что при недостаточной или ложной философіи нравственная дѣятельность болѣе или менѣе близка къ тому, какъ если бы всѣ науки были недостаточны или ложны? И дѣйствительно, безъ философіи или при недостаточной философіи и образованный грекъ и современный образованный че-

ловѣкъ одинаково выполняютъ грязное дѣло, какъ будто между ними не существуетъ разницы по воспитанію, по окружающей средѣ, по степени ихъ научныхъ познаній. Согласимся даже, что философія не наука, и тогда, при внимательномъ анализѣ относящихся сюда явленій, мы найдемъ, что во всей исторіи прошлаго, равно какъ и въ настоящее время, нравственная отсталость, нравственная инерція и паденіе, вялость и искаженіе чувствованій совпадаютъ съ отсталостью, инерціей и паденіемъ философіи. Особенно рѣзко это обнаруживалось въ древнемъ мірѣ, предъ явленіемъ христіанства. Припомнимъ, какъ плохо жилось древнему человѣчеству, когда языческая религія и философія потеряла свою жизненность; не забудемъ также, что древнюю мораль и эстетику усиливались спасти философы — стоики и епикурейцы, неопиѳагорейцы и неоплатоники. Что касается настоящаго времени, мы видимъ какъ разъ процвѣтаніе науки, слабость и упадокъ философіи, а потому безъ большой ошибки можно сказать: одна изъ основныхъ причинъ несоотвѣтствія между нравственною дѣятельностію и высокимъ умственнымъ развитіемъ въ наше время заключается въ томъ обстоятельствѣ, что при изобиліи знаній мало философіи. Какъ бы это ни казалось страннымъ, парадоксальнымъ, но — чѣмъ меньше люди ищутъ философію, тѣмъ хуже имъ живется, хуже чувствуется и тѣмъ хуже они поступаютъ. Само собою разумѣется, что во всѣхъ случаяхъ на успѣхахъ нравственнаго развитія отзывается не только недостатокъ философіи, но и недостатки существующей и популярной философіи. Чѣмъ нестройнѣе и поверхностнѣе философскія возрѣнія, тѣмъ хуже ихъ вліяніе на жизнь и дѣятельность человѣка. И конечно, пока философія не опредѣлена и не признана какъ положительная наука, имѣющая опредѣленное и общеобязательное значеніе и содержаніе, отъ нея нечего требовать всѣхъ плодовъ, какіе она можетъ принести для блага человѣческой жизни. Точно также до времени, когда химія сдѣлалась опредѣленной наукой, отъ нея нельзя было требовать и ожидать тѣхъ практическихъ благъ, которыми ученые гордятся предъ философами. Съ глубокою проницательностію и со всею энергіей основательнаго убѣжденія О. Контъ видитъ и указываетъ источники умственной и нравственной анархіи при всѣхъ успѣхахъ цивилизаціи въ недостаткѣ истинной филосо-

фіи, какою онъ естественно считаетъ свою собственную, положительную (Cours de la ph. pos. 1, 41).

Такъ или иначе въ недостаткѣ философіи какъ науки и въ недостаткахъ существующихъ философскихъ ученій кроется одна изъ общихъ причинъ, объясняющихъ, почему высокое умственное развитіе и обширныя знанія не обезпечиваютъ человѣка отъ низкаго и безнравственнаго самолюбія. Въ самомъ дѣлѣ, безъ философіи между человѣческимъ знаніемъ и заурядною дѣятельностью, какою она *бываетъ*, есть прямая связь: нравственно или ненравственно, ученый, равно какъ и неученый, поступаетъ такъ и настолько, какъ и насколько хватаетъ его знанія и умѣнья. Но между научнымъ знаніемъ и нравственною дѣятельностью, какою она *должна быть*, безъ философіи уже не достаетъ связующаго звена,—не достаетъ такого знанія, которое мотивировало бы и направляло бы волю сообразно со всѣмъ, что̀ знаетъ человѣчество, а не отдѣльный только человѣкъ или группа спеціалистовъ, или сообразно со всѣмъ, что̀ составляетъ благо и удовольствіе для человѣчества, а не для отдѣльныхъ лицъ. Такимъ посредствующимъ звеномъ стремилась быть, въ извѣстной мѣрѣ была и во всей мѣрѣ должна быть—философія. Внѣ цѣльнаго философскаго міросозерцанія, внѣ познанія и оцѣнки самаго знанія во всей его совокупности, какое нравственное приложеніе могутъ имѣть самыя обширныя познанія по математикѣ, физикѣ, физіологіи, исторіи и т. д.? Какимъ образомъ недоумѣваетъ г. Спенсеръ (Изучен. соціол., 11, 549), знаніе таблицы умноженія можетъ увеличить сердечную доброту въ такой степени, чтобы удержать отъ стремленія вредить своимъ ближнимъ? Какимъ способомъ умѣнье писать, знаніе грамматики и пр. можетъ сдѣлать чувство справедливости болѣе сильнымъ? Почему отъ увеличенія запаса географическихъ свѣдѣній можно ожидать и увеличенія уваженія къ природѣ? Ни разу не давши себѣ отчета въ значеніи философіи, Спенсеръ вопреки очевиднымъ свидѣтельствамъ опыта приходитъ къ заключенію, что между знаніемъ и нравственною дѣятельностью нѣтъ ничего общаго, никакой связи, одно не вліяетъ на другое. Между тѣмъ изъ исторіи мы знаемъ, что при лучшихъ философскихъ ученіяхъ замѣтно осуществлялась гармонія знанія и дѣятельности, и при несравненно меньшихъ познаніяхъ, чѣмъ теперь, въ обыч-

ныхъ условіяхъ воспитанія и среды, сложились высоко нравственные типы Сократа, Платона, Спинозы, Канта, Фихтэ и др. Но мы впали бы въ большую ошибку, еслибы представили, что человѣчество въ своихъ стремленіяхъ къ высшему знанію и къ лучшей жизни ограничивалось вообще наукой и въ частности философіей. Наука развивалась медленно и до новѣйшихъ временъ не особенно щедро надѣляла человѣчество благами знанія и жизни. Притомъ она всегда была замкнута въ болѣе или менѣе тѣсномъ кругу ученыхъ и даже до сихъ поръ далеко не составляетъ общаго достоянія. Что касается до философіи, несмотря на ея высокія цѣли и великія обѣщанія всего лучшаго для человѣчества, она постоянно оказывалась несостоятельной, изобиловала заблужденіями, и до сихъ поръ ея успѣхи не соотвѣтствуютъ усиліямъ и надеждамъ философовъ. По вопросамъ о человѣческомъ знаніи и счастіи въ самой философіи накопилось и обнаружилось множество различныхъ и другъ другу противоположныхъ взглядовъ и ученій. Естественно, что человѣчество всегда стремилось восполнить недостатки знанія и въ частности философскаго. Такимъ восполненіемъ отъ древнѣйшихъ временъ были религіозныя представленія и ученія. И такъ какъ недостатокъ знанія тѣмъ ощутительнѣе, чѣмъ человѣкъ меньше развитъ, то для древняго и вообще всякаго необразованнаго человѣка религія становится не только восполненіемъ, а полною замѣной всякаго знанія. Потому въ первобытныя времена, когда человѣческое знаніе не только не сформировалось еще въ науку и философію, но вообще крайне скудно у человѣка уже есть религіозныя идеи, какъ бы ни было ихъ содержаніе и выраженіе грубо или неопредѣленно. Извѣстно, что въ перводревнія времена зародыши философскаго и научнаго знанія сливались съ миѳами и религіозными вѣрованіями и сосредоточивались въ кругу жреческаго сословія. Самые миѳы, религіозныя ученія и связанный съ ними культъ были первоначальной непосредственной попыткой понять отношенія человѣка къ предметамъ и явленіямъ окружающаго міра и установить ихъ сообразно съ требованіями его естественнаго самолюбія. При нѣкоторомъ вниманіи къ обширному классу явленій религіознаго сознанія, мы увидимъ, что каждая религія имѣетъ задачей доставить человѣку знаніе и благополучіе и притомъ

для каждой ступени развитія знаніе высшее, благополучіе полное. Каждая религія и въ ученіи и въ культѣ стремится направить человѣческое самолюбіе на лучшій путь къ счастію. Потому именно, по всей первобытной, древней и новой исторіи, мы видимъ громадное, исключительное вліяніе и значеніе религіи въ развитіи и жизни цѣлыхъ обществъ и отдѣльныхъ лицъ. Чѣмъ слабѣе научное знаніе и чѣмъ хуже философія, тѣмъ больше власти надъ умами и жизнью имѣетъ вѣра и даже суевѣріе. Итакъ какъ знаніе, сообщаемое въ религіи, имѣетъ видъ наиболѣе полнаго знанія, обнимаетъ и опытъ и умозрѣніе, и міръ и человѣка, отвѣчаетъ на все, что для науки и философіи остается еще загадкой и задачей, то вліяніе религіи на человѣческое самолюбіе всегда брало перевѣсъ надъ вліяніями (науки и) философіи. Когда явилось христіанство, оно побѣдило весь міръ, включая и науку съ философіей, такъ что вся древняя теоретическая и практическая мудрость оказалась несостоятельной, лишенной смысла (Римл. 1, 22), и христіанское ученіе положило начала новой цивилизаціи. И христіанство сохраняетъ свое указываемое здѣсь значеніе, даже независимо отъ того, признаемъ ли мы благо и знаніе, сообщаемое человѣку въ христіанскомъ ученіи, за богооткровенную истину, за даръ божественной благодати, или нѣтъ. Для вѣрующаго христіанина поразительный переворотъ, произведенный въ исторіи христіанствомъ, вполнѣ понятенъ: тогда сама истина и благо въ лицѣ І. Христа явились на землѣ и возвѣстили о Себѣ такъ просто и такъ доступно для всѣхъ, что были понятны для самыхъ простыхъ, дѣтскихъ умовъ. Съ тѣхъ поръ какъ христіанинъ-человѣкъ удовлетворенъ въ своихъ стремленіяхъ къ полной истинѣ и совершенному благу, вѣра открываетъ ему все, а божественная благодать возводитъ къ вѣчному блаженству. Но и невѣрующій не можетъ не признать, что христіанство имѣло и имѣетъ необыкновенное и устойчивое вліяніе на всѣхъ людей, и дѣйствительно спасало и спасаетъ человѣческое самолюбіе отъ порочнаго искаженія и возводитъ человѣка къ умственному и нравственному совершенству. Могущественнымъ вліяніемъ вѣры и объясняется то нерѣдкое въ жизни явленіе, когда простой, мало развитый и плохо воспитанный человѣкъ нравственнѣе благовоспитаннаго и ученаго. Недостатокъ вѣры и недостатки въ вѣроученіи, заблуж-

денія, составляютъ другую основную и общую причину, въ силу которой высокое умственное развитіе и обширныя познанія не обезпечиваютъ человѣка отъ нравственной низости.

7. Тѣмъ не меньше оказывалось и оказывается, что христіанство не остается единственнымъ и безусловнымъ руководителемъ человѣка въ его развитіи и отношеніяхъ къ окружающему міру. Это по той простой причинѣ, что христіанство не даетъ человѣку ни астрономіи, ни физики, ни политической экономіи, ни техническихъ открытій, т.-е. другими словами не уничтожаетъ естественнаго положенія человѣка въ природѣ. Становясь христіаниномъ, усыновленнымъ Богу для вѣчной жизни, человѣкъ остается роднымъ сыномъ своей планеты не меньше и не иначе, чѣмъ язычникъ, и въ неотвратимыхъ условіяхъ земной жизни долженъ прожить весь свой вѣкъ. Послѣ явленія христіанства человѣчество съ своимъ естественнымъ самолюбіемъ, съ своими земными интересами, необходимо должно было снова обратиться къ наукѣ и философіи. По естественному порядку вещей наука вошла вмѣстѣ съ философіей въ систему христіанскаго воспитанія и обученія. Ни вѣковыя узы схоластики, ни тюрьмы, ни костры, воздвигаемые невѣжественными ревнителями вѣры противъ ученыхъ и философовъ, не могли измѣнить этого естественнаго порядка вещей, не въ силахъ были устранить природную необходимость въ наукѣ и философіи, побороть въ человѣкѣ природную склонность и способность къ той и другой. Съ возрожденіемъ наукъ послѣ средневѣковаго мрака возродилась и философія, но самое возрожденіе наукъ вызвано пробужденіемъ философской мысли, изученіемъ подлинныхъ философскихъ произведеній древности. Если по выраженію Тертулліана душа человѣка по природѣ христіанка, то можно выразиться, что человѣкъ по природѣ философъ и ученый. Какъ философъ и ученый, человѣкъ не удовлетворяется вѣрой и стремится познать и понять все истинное, осуществить все доброе примѣнительно къ своему земному существованію усиліями своего собственнаго разума и своей собственной воли. Доступна-ли полная истина для человѣческаго познанія, достижимо-ли счастіе въ условіяхъ земной жизни, это другой вопросъ; для насъ важно только то, что философія наравнѣ и вмѣстѣ съ наукой составляетъ первичное, естественное и необходимое требованіе

самой собственной природы человѣка въ его отношеніяхъ къ внѣшнему міру, и это требованіе не могло и не можетъ быть удовлетворено ни со стороны религіи, ни стороны науки.

Понятно теперь, почему въ теченіе всей исторіи своего развитія человѣчество всегда выказывало непреодолимую склонность и большую способность не только къ научному знанію, но и къ философскому и даже не столько къ первому, сколько ко второму. Для человѣка по самой природѣ вещей то, чего онъ ищетъ въ философіи, т.-е. высшее знаніе и счастіе, важнѣе и нужнѣе всего, что даетъ наука. Въ цѣльномъ же и единичномъ человѣческомъ знаніи наука и философія—близнецы. Онѣ имѣютъ одинъ общій корень въ опытѣ и умозрѣніи или съ другой точки зрѣнія—въ самой организаціи и въ естественномъ положеніи человѣка въ природѣ. Каждый человѣкъ по природѣ философъ. Склонность и способность человѣка къ философіи, наравнѣ и вмѣстѣ со всякимъ другимъ знаніемъ, вызывается и обусловливается, какъ мы видѣли, самою необходимостью его существованія, его естественнымъ самолюбіемъ. Философствованіе является первымъ, основнымъ условіемъ человѣческой жизни и развитія, естественнымъ закономъ взаимныхъ отношеній человѣка къ самому себѣ, къ другимъ людямъ и ко всей природѣ. По своей собственной природѣ и по природѣ окружающаго его міра человѣкъ склоненъ и способенъ къ такому знанію, которое обнимаетъ и все познаваемое и самое познаніе,—не ограничивается ни временемъ, ни пространствомъ, никакими чувственными предѣлами. На этомъ одинаково зиждется значеніе и прогрессъ всякой науки и философіи. Если бы было иначе, тогда не только первыя философскія умозрѣнія не развились бы въ философію Платона, Канта, Гегеля, но ариѳметика и элементарная геометрія никогда не доразвились бы до высшей математики, никогда не созрѣла бы великая современная теорія механическаго движенія.

Какъ бы ни было просто и очевидно отношеніе между человѣкомъ и природой, которое въ самомъ корнѣ человѣческаго знанія связываетъ науку съ философіей и равномѣрно обусловливаетъ естественную необходимость той и другой въ исторіи человѣческаго развитія, нерѣдко приходится встрѣчать категорическое отрицаніе природной связи и равнозначности филосо-

ѳіи съ наукой. Отрицаніе имѣетъ тотъ смыслъ, что въ человѣкѣ вовсе нѣтъ какой нибудь природной склонности къ исканію философской истины, что философія вообще есть продуктъ ложныхъ и напускныхъ интересовъ. Въ числѣ представителей подобныхъ взглядовъ приходится встрѣтить и такого авторитетнаго мыслителя, какъ Ст. Милль. „Было бы большою ошибкой, говоритъ Милль во второмъ томѣ своей логики (507—509), которую едва-ли кто сдѣлаетъ, утверждать, что умозрѣніе, умственная дѣятельность, изслѣдованіе истины, принадлежитъ къ самымъ могущественнымъ склонностямъ человѣческой природы или занимаетъ господствующее мѣсто въ жизни недѣлимыхъ, кромѣ нѣкоторыхъ, вполнѣ исключительныхъ". Въ самомъ дѣлѣ, большинство человѣчества въ своихъ стремленіяхъ къ знанію и счастію обходится безъ философіи, не чувствуетъ въ ней ни малѣйшей нужды, не видитъ отъ нея ни малѣйшей пользы. Обыкновенно не зная и даже не подозрѣвая того, чѣмъ занимаются философы, люди удовлетворяются или обычною житейскою мудростью или такъ-называемымъ положительнымъ знаніемъ или наконецъ ученіями вѣры. Въ концѣ всего наука достигла изумительной высоты сравнительно съ первобытнымъ и вообще минувшими временами человѣческаго развитія и теперь быстро и правильно идетъ впередъ, а философія съ своими великими вопросами и стремленіями повидимому не дала человѣку ничего цѣннаго и теперь остается назади, какъ пережитая и ненужная форма знанія. Повидимому положеніе, что философія вмѣстѣ съ наукой вытекаетъ изъ самой организаціи человѣка и его положенія въ природѣ, что каждый человѣкъ по природѣ философъ, какъ разъ и есть та большая ошибка, которую по мнѣнію Милля едва-ли кто сдѣлаетъ.

Въ дѣйствительности большая ошибка лежитъ именно въ противоположномъ воззрѣніи, и Милль едва-ли сдѣлалъ бы ее, если бы на этотъ разъ не смѣшалъ природнаго начала и значенія философіи съ ея историческими судьбами. Въ другой разъ, и почти въ томъ же мѣстѣ логики, которое указано, онъ и самъ, съ поразительнымъ у такого логика противорѣчіемъ съ самимъ собою, показываетъ уже, что не тотъ ошибается, кто корни философіи видитъ въ самомъ строѣ человѣческой и внѣшней природы, а тотъ, кто этого не видитъ. „Не смотря на относитель-

ную слабость этого принципа (т.-е. природнаго расположенія человѣка къ философіи) мѣжду другими общественными силами, говоритъ Милль (ib. 518), вліяніе его есть главная опредѣляющая причина общественнаго прогресса, такъ какъ всѣ другія настроенія нашей природы, содѣйствующія прогрессу, зависятъ отъ него въ средствахъ исполненія своей доли вліянія". Такимъ образомъ въ первый разъ сказано, что умозрѣніе не занимаетъ господствующаго мѣста въ жизни людей, въ другой разъ — его вліяніе есть главная опредѣляющая причина общественнаго прогресса. Противорѣчіе еще рѣзче выступаетъ въ томъ, что̀ Милль говоритъ дальше: „состояніе умозрительныхъ способностей, характеръ предложеній, признаваемыхъ умомъ, существеннымъ образомъ опредѣляетъ нравственное и политическое такъ же какъ и физическое состояніе общества.... Всякое данное состояніе умозрѣнія почти всегда обнаруживалось раньше соотвѣтствующаго ему состоянія всѣхъ другихъ явленій, хотя дѣйствіе безъ сомнѣнія сильно воздѣйствовало на причину".

Нельзя лучше и сильнѣе, чѣмъ это сказано у Милля, подтвердить и выразить результатъ всего предыдущаго изслѣдованія о происхожденіи и значеніи философіи. Разсматривая природное начало человѣческаго знанія, мы уже видѣли, какое значеніе въ самомъ дѣлѣ имѣетъ философія въ его развитіи. Ни одинъ человѣкъ не можетъ прожить безъ ощущеній, чувствованій и дѣйствій, не можетъ обойтись безъ знанія, но въ то же самое время никакое движеніе и развитіе знанія невозможно, если человѣкъ такъ или иначе не будетъ давать себѣ отчета въ своемъ знаніи, не будетъ отличать заблужденія отъ истины и не будетъ искать послѣдней во всемъ разнообразіи своихъ ощущеній, представленій, понятій, чувствованій и дѣйствій. Потому человѣкъ, неизбѣжно накопляя и развивая свое знаніе, вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно и философствуетъ. Какъ люди мыслятъ, говорятъ и пишутъ до появленія систематической логики и грамматики или не зная той и другой, такъ и философствуютъ до появленія философскихъ системъ или не имѣя о нихъ ни малѣйшаго понятія, не заботясь о философіи. Очень естественно, что большинство человѣчества и до сихъ поръ обходится безъ философскихъ ученій, не знаетъ ихъ и не интересуется ими; прежде чѣмъ человѣческое знаніе стало принимать опредѣленныя

систематическія формы, даже и все человѣчество жило и обходилось безъ философскихъ системъ. Только это не значитъ, что тѣ интересы и стремленія, изъ которыхъ развивались опредѣленныя философскія ученія, чужды человѣческой природѣ, и философія вошла въ человѣческую жизнь какъ побочный продуктъ исторіи, который могъ существовать, но можетъ и даже долженъ исчезнуть. Было время, когда все человѣчество обходилось и безъ опредѣленныхъ наукъ, а большинство и теперь не знаетъ научныхъ теорій или мало интересуется ими; а между тѣмъ наука, выростая изъ общихъ съ философіей элементовъ познанія, по всей справедливости можетъ и должна быть признана природнымъ и постояннымъ началомъ человѣческой жизни и развитія. Философія не меньше науки есть постоянное, естественное условіе человѣческаго существованія, условіе неустранимое никакими силами, незамѣнимое никакими компромиссами.

Но если такъ, то является вопросъ, почему же или какимъ образомъ случилось, что философія ниспала съ высоты своего естественнаго значенія и назначенія, разошлась съ наукой, отстала отъ нея и дошла до того незавиднаго состоянія, въ какомъ она повидимому находится въ настоящее время? Какъ вышло, что не смотря на природную, органическую связь философіи съ наукой въ самомъ ихъ происхожденіи и значеніи для человѣческой жизни, философское знаніе кажется не только отличнымъ отъ научнаго, а даже противоположнымъ ему? Отвѣта на этотъ вопросъ очевидно нужно искать въ историческихъ судьбахъ философіи.

П. Милославскій

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ И ПРАЗДНОВАНІЕ ПРЕПОДОБНЫМЪ МЕѲОДІЮ И КИРИЛЛУ, ВЪ ПАМЯТЬ СОВЕРШЕНІЯ ТЫСЯЧЕЛѢТІЯ ОТЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНАГО ОСВЯЩЕНІЯ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВЕННАГО ЯЗЫКА ЕВАНГЕЛІЕМЪ *).

Праведницы во вѣки живутъ, и въ Господѣ мзда ихъ, и попеченіе ихъ у Вышняго: сего ради пріимутъ царствіе благолѣпія, и вѣнецъ доброты отъ руки Господни (Прем. 5, 15, 16).

Множество людей сходитъ въ могилу, не оставляя видимаго слѣда своего существованія на землѣ: проходятъ два, три десятилѣтія, и самое имя ихъ изглаждается изъ памяти живущихъ. Только Господь вѣдаетъ ихъ дѣла, слова, мысли: и если они имѣли счастіе принадлежать къ Церкви, то помнитъ о нихъ эта нѣжная наша мать, вознося ежедневныя молитвы объ упокоеніи душъ ихъ.

Но нѣкоторые оставляютъ свѣтлый и глубокій слѣдъ своего бытія на землѣ. Разстоянія времени не умаляютъ ихъ памяти. Напротивъ: чѣмъ далѣе отходитъ время, тѣмъ яснѣе становятся ихъ дѣла, и выше и свѣтлѣе является ихъ нравственный об-

*) Произнесено въ московскомъ Успенскомъ соборѣ въ день годичнаго общаго собранія Миссіонерскаго Общества.

разъ. Изъ глубины вѣковъ, истинно живые, они взираютъ къ намъ, указуютъ намъ пути жизни, свѣтятъ своимъ примѣромъ.

Съ первыхъ лѣтъ по кончинѣ святыхъ Солунскихъ братій Меѳодія и Кирилла Церковь чтила ихъ святую память, и вѣрующіе прибѣгали къ нимъ съ своими молитвами. Но вотъ совершается тысячелѣтіе со времени важнѣйшаго изъ ихъ подвиговъ Съ нимъ совпадаетъ тысячелѣтіе въ жизни нашего и другихъ славянскихъ народовъ. Взору представилось обширное поприще пройденнаго народами пути. Сами собою возникали вопросы: кому мы обязаны своими успѣхами, своимъ развитіемъ, благосостояніемъ? Что поддержало насъ въ годины искушеній? На чемъ теперь держатся основы нашей жизни? Много свѣтлыхъ, славныхъ именъ воскресло въ благодарной памяти народа: но свѣтлѣе всѣхъ полными лучами, обнимающими и насъ и единокровныхъ братій нашихъ на востокѣ, югѣ и западѣ Европы сіяютъ имена этихъ нашихъ просвѣтителей-равноапостоловъ, творцевъ нашего языка, первохудожниковъ нашей письменности.

Невозможно изобразить величія дѣла, совершеннаго ими въ эту краткую, такъ быстро пролетающую, жизнь нашу. Цѣлые народы, блуждавшіе во тьмѣ язычества, введены ими въ ограду святой Церкви, которая украсилась потомъ вышедшими изъ ихъ среды тысячами святыхъ угодниковъ, исповѣдниковъ и мучениковъ за вѣру. Вслѣдъ за христіанскимъ просвѣщеніемъ началось гражданское процвѣтаніе этихъ народовъ, и какъ быстро возникаютъ эти славныя и могущественныя славянскія царства, какъ сразу обнаруживаются на разныхъ поприщахъ сила и полетъ славянской мысли, славянскаго духа! Въ семью европейскихъ языковъ введенъ новый, съ неслыханнымъ доселѣ богатствомъ звуковъ, и формы, которыя образовали для этого языка творцы его, доселѣ остаются неприкосновенными, какъ бы прирожденными ему. Цѣлый великій рядъ духовныхъ и иныхъ знаменитыхъ славянскихъ писателей—это какъ бы сонмъ учениковъ святыхъ первоучителей. Богу угодно было подвергнуть и насъ и единокровныхъ братій нашихъ тяжкому игу рабства. Гдѣ наши предки въ эти темныя времена монгольскаго ига находили себѣ отраду и утѣшеніе? Что даже до послѣднихъ дней поддерживало духъ многострадальныхъ нашихъ братій на Востокѣ? Въ Словѣ Божіемъ, богослуженіи на родномъ языкѣ свѣтилъ имъ

и намъ свѣтъ истины, отсюда имъ и намъ исходили лучи надежды на лучшую будущность. И тамъ, гдѣ не давали свободно пить этой живой воды, гдѣ нашимъ братьямъ славянамъ въ теченіе долгихъ вѣковъ съ насиліемъ навязывали иное просвѣщеніе, прививали иную жизнь, и тамъ никакія усилія недруговъ славянства не могли искоренить дорогой памяти святыхъ первоучителей: „нѣтъ, не тому они насъ учили“, говорили наши единокровные братья и обращали и обращаютъ свои взоры къ Востоку, откуда приходили къ нимъ эти истинныя наставники—отцы. Въ послѣенее время началось сближеніе народовъ славянскихъ. Иные непривычные слышались намъ звуки, иная непонятная рѣчь: такъ много разныхъ вліяній прошло между ними. Но довольно было сойтись намъ и имъ въ православномъ храмѣ: когда раздались здѣсь величественные звуки Слова Божія и вдохновенныхъ молитвъ и пѣснопѣній на языкѣ первоучителей, какою радостію заискрились глаза!.. свое общее, родное, неотъемлемое почувствовали мы. Переносимся къ послѣднему времени: чѣмъ живетъ, что мыслитъ, чѣмъ питается этотъ такъ-называемый простой, добрый, благочестивый нашъ народъ, проявившій столько доблести, давшій такихъ героевъ въ минувшую великую войну? Родныя слова Священнаго Писанія, церковныхъ молитвъ и пѣснопѣній—это дорогое наслѣдіе отъ святыхъ просвѣтителей—было единственною пищею, питавшею его въ теченіе тысячелѣтія, и иной пищи, инаго основанія для его развитія, не пожелаютъ ему истинные ревнители общественнаго блага. Вотъ сколько плодовъ минувшее тысячелѣтіе, — этотъ *единый, день*, по слову псалмопѣвца, пронесшійся предъ очами Господними, и даже еще менѣе—*стража нощная* (Пс. 89, 5),—обнаружило отъ добраго посѣва, сдѣланнаго святыми братьями! Проповѣдники святой вѣры, творцы отечественнаго языка, они являются возбудителями и направителями жизни народной, знаменіемъ и звеномъ ихъ единенія, символомъ православія, провозвѣстниками и указателями славнаго будущаго. Не чувствуемъ ли мы, что стоимъ при разсвѣтаніи другаго дня Божія въ судьбахъ славянскихъ народовъ? Вотъ уже взошло солнце свободы надъ несчастными странами, столько вѣковъ изнывавшими въ рабствѣ. Отсюда слышатся отклики радостнаго утра и будятъ чувства братства, преданія роднаго православія. О, какъ еще тог-

да вознесется и возсіяетъ святое и славное имя нашихъ первоучителей. Такъ Господь сторицею возвращаетъ плодъ отъ добраго посѣяннаго сѣмени, давая вкушать отъ него великому множеству людей и все выше и выше вознося вѣнецъ на главахъ добрыхъ дѣлателей своего вертограда!

Какою силою совершаются такія великія дѣла? Изъ какихъ духовныхъ тайниковъ исходили эти свѣтлыя мысли, озаряющія тысячелѣтія, эта властность слова, покоряющая народы и съ теченіемъ вѣковъ только возрастающая въ своей силѣ? Никакія свѣдѣнія о жизни дѣятелей, подобныхъ святымъ Равноапостоламъ, какъ бы ни тщательно сохраняло ихъ преданіе и собирала исторія, не могутъ дать отвѣта на эти вопросы. Здѣсь лежитъ печать таинственности, потому что чрезъ земныя орудія, всегда немощныя, дѣйствуетъ здѣсь всемогущая сила Божія. Вотъ въ лицѣ святыхъ апостоловъ мы имѣемъ, можно сказать, всемірныхъ завоевателей; а много ли о нихъ знаемъ? И въ подвигахъ равноапостоловъ мы видимъ черты могущества и мудрости, превышающихъ обыкновенныя человѣческія силы. „Хорошо бы тебѣ креститься по доброй волѣ въ своей землѣ“, посылаетъ сказать св. Меѳодій одному князю язычнику, который не хотѣлъ слышать о вѣрѣ и всячески тѣснилъ христіанъ, „чтобы, попавшись въ плѣнъ, не быть принужденнымъ креститься по неволѣ на чужой“. И точно, этотъ князь попадаетъ въ плѣнъ, въ узахъ его вспоминаетъ о предреченіи святаго, и по освобожденіи изъ него спѣшитъ исполнить его наставленіе. Не совершается ли въ подобныхъ случаяхъ нѣчто подобное тому, что нѣкогда Господь обѣщалъ пророку: *вотъ, Я вложилъ слова Мои въ уста твои; смотри, Я поставилъ тебя надъ народами и царствами, чтобы искоренять, разорять, губить и разрушать, созидать и насаждать* (Іер. I. 9. 10). Завистники всячески стараются разстроить святое дѣло просвѣтителей и вооружаютъ противъ него сильныхъ міра, и что же?—достаточно было только такъ сказать показаться имъ, и святой трудъ ихъ, вмѣсто осужденія, встрѣчаетъ похвалу, вмѣсто преслѣдованія—покровительство и защиту. Не исполняется ли здѣсь обѣщаніе, нѣкогда данное святымъ апостоламъ: *Я дамъ вамъ уста и премудрость, которой не возмогутъ противорѣчить ни противостать противящіеся вамъ* (Лук. 21, 15). Проповѣдники святой вѣры съ радостнымъ

изумленіемъ, можно сказать, очами видятъ, какъ чрезъ ихъ простое слово сила Божія прикасается къ сердцу слушателей, раждаетъ тамъ неожиданное обиліе добрыхъ чувствъ и расположеній и производитъ радостные восторги, и потому-то такъ жива и глубока въ нихъ вѣра въ Божіе Провидѣніе, управляющее судьбами человѣческими.

Что же? Ослабляется ли этимъ величіе заслуги у добрыхъ дѣятелей? Никакъ! Какая потребна чистота души для того, чтобы призвать Божіе избраніе для такого великаго и плодотворнаго дѣланія? Сколько трудовъ, бодрствованія, терпѣнія, самоотверженія потребно для того, чтобы быть достойнымъ носителемъ этой Божіей силы и имѣть возможность съ дерзновеніемъ сказать: *и благодать Его, яже во мнѣ, не тща бысть* (I Кор. 15, 10)? Подвигъ апостольскій, при всемъ содѣйствіи ему Божіей благодати, труднѣйшій изъ всѣхъ человѣческихъ служеній. Окруженные тьмами противниковъ, проповѣдники вѣры—*овцы посреди волковъ* (Матѳ. 10, 16)! Какія же качества и достоинства святыхъ братьевъ призвали на нихъ такое обиліе Божіей благодати и сдѣлали ихъ столь славными ея носителями? Здѣсь каждая черта ихъ жизни дорога и поучительна.

Прежде всего является здѣсь вліяніе доброй христіанской семьи. Дѣти высокаго сановника, имѣвшіе доступъ къ императорскому двору, они всей душой стремятся на служеніе Богу и Церкви. Да будутъ благословенны родители, давшіе имъ такое направленіе! Не напрасно о такихъ подвижникахъ говорится, что Господь избираетъ ихъ отъ *отъ чрева матери* (Гал. I, 15).

Изъ доброй семьи братья выносятъ крѣпкое чувство дружбы. Великая польза и для обыкновенныхъ житейскихъ дѣлъ бываетъ, когда братья, соединенные любовію, трудятся вмѣстѣ, поддерживая и ободряя другъ друга. Святые Меѳодій и Кириллъ это чувство братской любви обращаютъ на пользу своего великаго служенія, подражая святымъ апостоламъ Петру и Андрею, Іакову и Іоанну. Имя святаго Кирилла болѣе блистаетъ въ первой половинѣ ихъ совмѣстной апостольской дѣятельности; св. Меѳодій доводитъ до конца общее братнее дѣло. Какъ трогательны эти слова, обращенныя умирающимъ св. Кирилломъ къ св. Меѳодію: „Братъ! мы съ тобою были, какъ дружная пара воловъ, воздѣлывающихъ одну ниву, и вотъ я падаю на браздѣ,

рано окончивъ день свой. Умоляю тебя, не оставляй нашего дѣла; ты имъ угодишь Богу"! и св. Меѳодій свято исполнилъ завѣщаніе брата.

Сила Божія совершала свои чудеса и чрезъ некнижныхъ рыбарей и чрезъ обладавшаго книжною мудростію Савла. Святые Солунскіе братья, подобно великому апостолу языковъ, получили высокое научное образованіе. Одинъ изъ нихъ пользовался наставленіями первыхъ свѣтилъ того времени. Въ корнѣ этого образованія лежало Слово Божіе. Душа ихъ опытно знала, какіе плоды оно приноситъ, пріемлемое съ вѣрою и усердіемъ. Отъ полноты этого убѣжденія и родилась въ нихъ благословенная мысль—сдѣлать для новопросвѣщаемыхъ вѣрою какъ можно болѣе доступнымъ пользованіе этимъ безцѣннымъ сокровищемъ. Какая сила дышетъ въ этихъ словахъ святыхъ первоучителей: „Услышьте Славяне всѣ слово, еже отъ Бога пріиде, слово, еже кормитъ души человѣческія, слово, еже крѣпитъ умы и сердца. Душа жизни ве имѣетъ, если словесъ Божіихъ не слышитъ!"

И еще особенность въ ихъ образованіи: святый Константинъ (мірское имя Кирилла), говорится въ его жизнеописаніи, изучалъ всѣ науки, въ особенности же философію. Онъ почиталъ ее высшею мудростію, научающею человѣка жить достойно образа и подобія Творца своего. Что мы слышимъ? Философія, эта нынѣ всѣми признаваемая противница вѣры, расплодившая повсюду столько враговъ ей, у святаго первоучителя нашего является руководительницей къ вѣрѣ. По истинѣ, пустая и лжеименная та философія, которая не возвышается надъ землею и неизбѣжно къ землѣ наклоняетъ своихъ приверженцевъ, приводя ихъ или къ чувственности или къ отчаянію. Истинная философія углубляетъ взоръ къ существу вещей; ища причины за причиной всему существующему, она возвышаетъ умъ отъ земли и возноситъ горѣ—къ Первой причинѣ всего, Высочайшему самосущему Духу!

Воспитаніе и образованіе святаго Константина философа принесли тотъ плодъ, что въ душѣ его пламенемъ горѣло желаніе посвятить всѣ силы, всю жизнь Богу. Онъ отвергаетъ и богатый бракъ и предлагаемыя высокія должности въ государствѣ, и дѣлается инокомъ. Св. Меѳодій быстро достигаетъ высокаго

положенія въ свѣтѣ, но также отказывается отъ всего для служенія единому Богу въ иночествѣ. Наконецъ оба брата соединяются, и гдѣ?—на недоступныхъ, едва видныхъ, высотахъ Олимпа, гдѣ древніе воображали жилище боговъ, и гдѣ потомъ необъяснимыми способами пріютились обители православныхъ иноковъ. Тамъ, между небомъ и землею, среди аскетическихъ трудовъ и подвиговъ, зрѣли въ душахъ святыхъ братьевъ эти свѣтлыя мысли, озаряющія въ теченіе вѣковъ цѣлые народы, закалялся ихъ характеръ къ перенесенію ожидавшихъ ихъ трудовъ, согрѣвалось и пламенѣло ихъ сердце любовію къ несчастнымъ народамъ, блуждавшимъ во тьмѣ и сѣни смертнѣй! Міръ потерялъ ихъ изъ виду; но окомъ великаго благоволенія взиралъ на ихъ сердце Господь съ небеси и коснулся ихъ огнемъ Своего призванія. Тогда они спустились съ своихъ горныхъ высотъ на землю и явили міру, какія сокровища тамъ собираются и сохраняются.

Наконецъ —еще важная и поучительная черта въ жизни святыхъ первоучителей. Въ то время, какъ они жили и трудились, уже начиналось то гибельное отдѣленіе отъ союза вселенской Церкви, въ которомъ до сихъ поръ пребываютъ нѣкогда единовѣрные намъ христіанскіе народы Запада. Среди разнообразныхъ сношеній ихъ съ предстоятелями Западной церкви и главою ихъ затрогивались спорные вопросы. Св. братья оказывали всякое уваженіе патріарху Западной церкви и другимъ предстоятелямъ ея, но твердо и высоко держали знамя Восточнаго и вмѣстѣ вселенскаго православія. Въ Римѣ они составили исповѣданіе вѣры, согласное съ духомъ и буквою православія, и въ концѣ сего исповѣданія св. Кириллъ начерталъ эти достопамятныя слова: „такъ я исповѣдую свою вѣру съ Меѳодіемъ, приснымъ братомъ моимъ и помощникомъ въ службѣ Божіей. Въ сей вѣрѣ состоитъ спасеніе и упованіе, и се оба мы предаемъ ученикамъ своимъ, да тако вѣруя спасутся“. По этой-то непреклонной твердости ихъ вѣры святая память ихъ и служитъ для западныхъ братій нашихъ Славянъ символомъ православія и призывомъ къ нему.

Помыслихъ дни первыя, восклицаетъ пророкъ Давидъ, *и лѣта вѣчныя помянухъ, и поучахся* (Пс. 76, 6). Это величіе апостольскаго подвига, свидѣтельствуемое вѣками, эта разнообразная богатая

жатва отъ посѣянныхъ сѣмянъ вѣры, эта съ теченіемъ вѣковъ и расширеніемъ жизни возвышающаяся благодарность народовъ къ насадителямъ и распространителямъ среди нихъ христіанства, эта вѣчная радость ихъ самихъ въ царствѣ небеснаго Мздовоздаятеля — какое ободреніе и утѣшеніе должны внушать вамъ, самоотверженные подвижники на поприщѣ проповѣданія святой вѣры невѣдущимъ ея благодатнаго свѣта! Да укрѣпитъ васъ Господь въ вашихъ трудахъ и лишеніяхъ, опасностяхъ и бѣдахъ! Да пребудетъ на васъ благословеніе тѣхъ, чье дѣло вы продолжаете, святыхъ апостоловъ и равноапостоловъ! Да отзовется въ вашихъ сердцахъ радостными утѣшеніями это сочувствіе, эта любовь къ вамъ всего нашего великаго отечества, эта теплая днесь въ сердцѣ Россіи и во всѣхъ безчисленныхъ храмахъ ея возносимая о васъ молитва святителей и вѣрующихъ!

Помыслихъ дни первыя... и поучахся... Есть опредѣленные времена и сроки, когда Господь призываетъ новыя племена и народы въ ограду Своей церкви. Таково было время призванія Славянъ: какъбы вдругъ всѣ они возжаждали слова истины, взыскали свѣта благодати Христовой: явились добрые вѣстники, ввели ихъ въ Церковь и утѣшили ее въ горькое время отторженія отъ нея христіанскаго Запада. И наше время, подобно знаменитому девятому вѣку, представляетъ величественное зрѣлище народа богатаго дарами природы, способнаго къ развитію, съ несомнѣнною историческою будущностію, который всею огромною массой своей, можно сказать, тѣснится ко вратамъ церкви Божіей. Уже вводятся тамъ христіанскія учрежденія; усвояются порядки, выработанные въ теченіе вѣковъ подъ вліяніемъ свѣтлыхъ христіанскихъ воззрѣній: остается въ слагающійся на подобіе христіанскаго организмъ могучаго народа вдохнуть дыханіе жизни, указать и открыть ему источники воды живой. Припоминаются слова Господа ученикамъ: *возведите очи ваши и посмотрите на нивы, какъ онѣ побѣлѣли и поспѣли къ жатвѣ* (Іоан. 4, 35). Вы догадываетесь, слушатели, о комъ идетъ рѣчь: о сосѣдней намъ Японіи. Кто же явится просвѣтителемъ этой страны? Кто *пожнетъ* тамъ *жатву* и *соберетъ плодъ въ жизнь вѣчную* (36)? Тебѣ, православная Россія, Господь указуетъ эту обязанность и *радость*! Какъ нѣкогда православная Греція дала Славянамъ

желанныхъ ими наставниковъ-отцевъ; такъ да дастъ православной Россіи проповѣдниковъ истины жаждующей ея свѣта Японіи. Мы слышимъ, что православныхъ дѣятелей тамъ мало, что они находятся въ такой тяготящей нуждѣ, что имъ противостоитъ борьба съ иными проповѣдниками христіанства, обставленными для успѣха своего дѣла всѣми богатыми пособіями и средствами отъ просвѣщенныхъ государствъ Европы, преслѣдующими своекорыстные виды, что однакоже японцы неохотно поддаются на ихъ соблазны, а усердно слушаютъ православныхъ учителей, которые лучше умѣютъ понять ихъ сердечную нужду и ближе и проще отвѣтить ей. Не то же ли самое зрѣлище представляли нѣкогда славянскія страны, гдѣ два православныхъ учителя съ горстію учениковъ мужественно подвизались среди тысячъ иныхъ наставниковъ, обезпеченныхъ всѣми пособіями и отъ свѣтской и отъ духовной власти, и однакожъ не тѣмъ, а имъ Господь судилъ успѣхъ, не тѣхъ, а ихъ имена сохраняются въ благодарной памяти народовъ и благословляются потомствомъ. *Не бойся же малое стадо*! ибо *вамъ благоволитъ Отецъ дать царство* (Лук. 12, 32)! Подвизайтесь, мужественные проповѣдники на славномъ поприщѣ, открытомъ вамъ любовію небеснаго Отца! Какое сладкое утѣшеніе приносите вы своими самоотверженными трудами матери-церкви! Какая великая награда ожидаетъ васъ и у людей и тамъ у небеснаго Мздовоздаятеля!

Поминайте, учитъ святой апостолъ, *наставники ваша, иже глаголаша вамъ Слово Божіе, ихже взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ* (Евр. 13, 7). Наставленіе въ Словѣ Божіемъ пріобрѣтаетъ особенную силу тамъ, гдѣ слово оправдывается дѣломъ, тогда, когда жизнь, посвященная проповѣди, сама изобилуетъ чертами назиданія и свидѣтельствуется вѣчною памятію и вѣнцомъ славы у Господа. Храня въ неизмѣнной вѣрности ученіе, преподанное намъ нашими первоучителями, постараемся напечатлѣть въ своихъ сердцахъ свѣтлый образъ ихъ жизни. Какія назидательныя черты: это дѣтство, проведенное въ нѣдрахъ доброй семьи, это правильное и глубокое образованіе, эта тѣсная дружба святыхъ братьевъ, обращенная на помощь великому дѣлу ихъ служенія, это очищеніе и возвышеніе стремящагося къ Богу духа подвигами поста и воздержанія, эта

наконецъ непреклонная твердость въ православіи. Но замѣчаете ли, что здѣсь дается отвѣтъ даже на многіе современные наши вопросы, указывается путь жизни цѣлымъ народамъ, которые, напримѣръ, какъ и отдѣльные люди, только въ единеніи могутъ быть крѣпки противъ общихъ враговъ. Просвѣщенные народы Запада, уже прошедшіе свое поприще и расшатавшіеся въ своихъ вѣрованіяхъ и убѣжденіяхъ, ждутъ свѣта съ Востока. Кто знаетъ,—не объ этихъ ли коренныхъ основахъ жизни и частной и общественной и государственной должны напомнить имъ, сказать свое слово вступающіе въ ихъ семью народы славянскіе, если только дастъ Господь имъ всѣмъ возродиться къ свободѣ и окрѣпнуть въ единеніи! Аминь.

Протоіерей П. Смирновъ.

СЛОВО

НА ПРАЗДНОВАНІЕ СТОЛѢТНЯГО ЮБИЛЕЯ КОНСТАНТИНОВСКАГО МЕЖЕВАГО ИНСТИТУТА *).

О ПРАВѢ СОБСТВЕННОСТИ ПО ХРИСТІАНСКОМУ УЧЕНІЮ.

Ты еси Господи устрояяй достояніе мое мнѣ. Вервіе (межевое) паде мнѣ въ веселыхъ мѣстахъ (Пс. 15, 5, 6) **). *Заповѣждь, Боже, силою Твоею укрѣпи, Боже, сіе, еже содѣлалъ еси въ насъ* (Пс. 67, 29).

Подобнымъ этимъ словамъ псалмопѣвца изреченіемъ „конфирмовала“ Екатерина Великая новое въ Россіи межевое дѣло „миролюбнаго“ распредѣленія земель всей Имперіи, для научнаго содѣйствія чему и положено было основаніе нашего Института. При утвержденіи генеральнаго размежеванія Россіи, вмѣсто обычнаго „быть по сему“, Екатерина II начертала: „укрѣ-

---

*) Произнесено 21 мая въ день сошествія Св. Духа и храмоваго праздника церкви Межеваго Института въ честь св. равноапостольныхъ царей Константина и Елены законоучителемъ св. А. Григорьичемъ Полотебновымъ.

**) Послѣдній стихъ приведенъ по славянскому переводу Псалтиря архіеп. Амвросія Зертисъ-Каменскаго.

пи Господи достояніе людемъ своимъ“ [1]). Укрѣпленіе поземельной собственности, какъ собственности неотъемлемой и священной, имѣла въ виду мудрая императрица, открывая въ Россіи „генеральное миролюбное размежеваніе“, послужившее къ открытію перваго межеваго учебнаго заведенія нашего. Почему и девизомъ межевыхъ учрежденій, равно какъ и нашего Института, избрано изреченіе: „каждый при своемъ“, изреченіе начертанное рукою самой же императрицы на рисункѣ межеваго штемпеля [2]). Почему и курсъ наукъ Константиновскаго Межеваго Института заканчивается строго юридическимъ ученіемъ о правѣ собственности. Столѣтнее существованіе нашего все болѣе и болѣе усовершающагося заведенія служитъ достаточнымъ ручательствомъ не только благотворности, но и насущной необходимости его для Россіи, въ виду достиженія цѣли ограждать, утверждать и укрѣплять священныя права собственности земли, какъ выразилась въ манифестѣ своемъ мудрая царица: „для истинной всего общества пользы, утвержденія покоя, правъ и надежности каждаго владѣтеля въ его благопріобрѣтенномъ имѣніи“ [3]). Сто лѣтъ вѣрно и неизмѣнно содѣйствуетъ Институтъ нашъ достиженію цѣли указанной перстомъ боговѣнчанной преобразовательницы межеваго дѣла въ Россіи. Долговѣчность и благіе плоды учрежденія императрицы можемъ принять за знаменіе Божія благословенія и благоволенія къ заботѣ правительствъ объ укрѣпленіи собственности каждаго гражданина.

И вотъ церковь, всегда сочувствующая всему благому въ учрежденіяхъ человѣческихъ, торжественнымъ служеніемъ своимъ освящаетъ празднованіе столѣтняго юбилея Константиновскаго Межеваго Института. Торжествомъ своимъ не благословляетъ ли она заведеніе наше на будущіе вѣка и не возвѣщаетъ ли во всеуслышаніе о священной важности премудрой цѣли, достиженію которой содѣйствуетъ въ Россіи Институтъ нашъ?

Торжество наше усугубляется совпаденіемъ дня юбилея съ

---

[1]) *Матер. для преоб. меж. части въ Россіи*, кн. 1, стр. 32, 34 и 35.

[2]) Тамъ же, стр. 33—34. Оно находится на знакѣ форменнаго кэпи воспитанниковъ Института.

[3]) Маниф. о генерал. размеж. зем. во всей Имперіи. *Полн. Собр. Законовъ*, т. XVII стр. 331.

двумя праздниками: великимъ праздникомъ во славу Всесвятаго, Животворящаго и Всесильнаго Духа и храмовымъ—въ честь и память небесныхъ покровителей заведенія нашего, Свв. Великихъ Царей и Равноапостоловъ Константина и матери его Елены. И въ воспоминаніяхъ вызываемыхъ этими праздниками мы можемъ находить укрѣпленіе вѣры нашей въ высоту права собственности, какъ права священнаго, какъ права истинно христіанскаго. Излишне распространяться о томъ, какое изъ современныхъ воззрѣній на права собственности имѣется нами въ виду. Торжество во славу Духа Св. переноситъ мысль нашу ко времени основанія первой христіанской церкви въ Іерусалимѣ и къ свѣтлому образу жизни перваго христіанскаго общества, по сошествіи Духа Св.; храмовой же праздникъ возвѣщаетъ славу Константина Великаго и матери его Елены, открывшуюся во всемірномъ торжествѣ христіанства надъ язычествомъ и въ новомъ образѣ жизни христіанъ послѣ трехвѣковаго гоненія христіанства.

И жизнь первой Іерусалимской церкви, въ ожиданіи гоненій и преслѣдованій, и устроеніе жизни церквей всего христіанскаго міра Константиномъ, послѣ деспотизма и ужасныхъ насилій язычества, вѣчно будутъ свидѣтельствовать христіанамъ, насколько враждебно истинному духу христіанства стремленіе соціализма и коммунизма.

Особенно важно для насъ, что мы здѣсь прежде всего встрѣчаемся съ историческимъ доводомъ противниковъ права собственности, которымъ любятъ они обольщать слабыхъ, поддѣлываясь подъ религіозное чувство ихъ, со свидѣтельствомъ, которое на самомъ дѣлѣ, при правильномъ толкованіи его, всего болѣе успокоиваетъ насъ и всего яснѣе разоблачаетъ вредный для общества характеръ дѣйствій и стремленій самозванныхъ учителей. День Св. Духа породилъ общество новыхъ людей, людей воодушевленныхъ божественною любовію, до самопожертвованій и самоотверженія. Характеризуя первое время Іерусалимской церкви, писатель Дѣяній Апостольскихъ говоритъ: *у вѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ*

ногамъ Апостоловъ; и каждому давалось, въ чемъ кто имѣлъ нужду (Дѣян. 4, 32, 34, 35). Богодухновенный писатель нигдѣ не говоритъ, что устроители христіанскаго общества—Апостолы проповѣдывали общеніе имѣній или отреченіе отъ собственности; ни малѣйшаго намека не даетъ на то, что Апостолы обязывали къ этому общенію іерусалимскихъ христіанъ. Напротивъ, сейчасъ же приводитъ слова ап. Петра, совершенно противоположныя такому обязательству, слова когда обличалъ онъ извѣстный обманъ Ананіи: *владѣемое не твоимъ ли оставалось и пріобрѣтенное продажею не въ твоей ли власти находилось? для чего же ты положилъ это въ сердцѣ своемъ?* (Дѣян. 5, 4). Исторія Ананіи извѣстна непризваннымъ учителямъ еще со школьной скамейки, а между тѣмъ они *утаиваютъ* ее, уподобляясь Ананіи. Дѣписатель, говоря о самоотверженномъ употребленіи имущества первыми христіанами, выставляетъ только на видъ высоконравственное настроеніе увѣровавшихъ, принявшихъ Духа Св., выставляетъ могущественное дѣйствіе Духа Св., воспламенившаго божественною любовію души и сердца увѣровавшихъ для славы и скорѣйшаго распространенія христіанства. Это *любы Божія изліяся въ сердца ихъ Духомъ Св., даннымъ имъ*, по выраженію апостола (Римл. 5, 5). Тайна идеальныхъ отношеній первыхъ іерусалимскихъ христіанъ была не въ томъ, что они не хотѣли признавать права собственности, а въ томъ, что у всѣхъ нихъ *было одно сердце и одна душа*, что̀ именно и составляттъ силу и важность богодухновеннаго повѣствованія. Промыслу Божію чудеснымъ воспламененіемъ духа любви первой церкви угодно было открыть міру, при какихъ условіяхъ возможно, какимъ путемъ достижимо идеальное устройство обществъ. Это—утвержденіе въ душахъ вѣрующихъ христіанскихъ началъ, нравственное очищеніе и возвышеніе общества до *причастія Духа Св.*, развитіе духа любви Христовой до готовности по собственному своему совершенно свободному влеченію всегда отдать свое для всѣхъ лишь бы блаженствовать счастіемъ другихъ. Это не усиленіе въ обществѣ недовольства всѣмъ и взаимнаго раздраженія, это не безжалостное отнятіе послѣдняго счастія у честнаго труженика, довольства своимъ состояніемъ, это не проповѣдь эгоизма, насилія и борьбы за существованіе. Это не наше время, когда не только между членами различныхъ клас-

совъ общества, но и между ближайшими членами семьи нравственныя связи слабѣютъ и проповѣдниками ложнаго братства разслабляются болѣе и болѣе; потому что у большинства этихъ непрошенныхъ попечителей о нашемъ благѣ вмѣстѣ съ отрицаніемъ собственности соединяется и отрицаніе священнаго союза семьи. Это не наше время, когда во имя высшихъ идей братства и любви проповѣдуется раздраженіе, вражда и насиліе, когда духъ христіанскій не только не проявляетъ себя живыми дѣйствіями между членами христіанскихъ обществъ, но намѣренно ослабляется и подавляется такими ревнителями блага народнаго, среди которыхъ не рѣдко можно встрѣтить преобразователей, вносящихъ въ планы будущаго уничтоженіе самаго христіанства.

При всемъ этомъ писанія апостоловъ представлялъ намъ, что добровольное общеніе имѣній въ началѣ христіанства ограничивалось одною только Іерусалимскою церковію, а въ другихъ церквахъ такого примѣра нигдѣ не было. И въ Іерусалимской церкви продолжалось оно очень недолгое время, пока общество христіанъ было немногочисленно; такъ какъ въ самыя же первыя времена апостоловъ упоминается въ посланіяхъ ихъ о собраніи милостыни въ пользу бѣдныхъ христіанъ Іерусалима, что̀ конечно было бы совершенно не нужно, еслибы продолжалось тамъ общеніе имѣній. (См. напр. Гал. 2, 10. 1 Кор. 16. 2 Кор. 9). Въ первыя же времена проповѣди апостоловъ мы встрѣчаемся съ призваніемъ ихъ къ общенію другаго рода, общенію въ благотворительности, къ вспомоществованію бѣднымъ, больнымъ и другимъ несчастнымъ, и притомъ съ призваніемъ къ общенію такого рода не по обязательству и принужденію, а по совершенно добровольному расположенію сердца. *Милуй съ добрымъ изволеніемъ*, говорили они, *кійждо яко же изволеніе имать сердцемъ, ни отъ скорби, ни отъ нужды, доброхотна бо дателя любитъ Богъ.* (Рим. 12, 8. 2 Кор. 9. 7).

Обращаясь ко времени Св. и Равноапостольнаго Константина Великаго, мы находимъ уже положительное свидѣтельство исторіи церкви о неприкосновенности священнаго права собственности, преимущественно недвижимой. Объявивъ христіанство господствующею религіей въ мірѣ и устроя жизнь христіанъ послѣ трехвѣковаго гоненія отъ язычниковъ, Равноапо-

стольный Царь, строго слѣдуя ученію апостоловъ, прежде всего позаботился о возвращеніи христіанамъ собственности ихъ, отнятой деспотизмомъ и насиліемъ язычниковъ. Въ указахъ своихъ 314 года Константинъ Великій изобразилъ: „Мы не только не намѣрены стѣснять права другихъ, напротивъ, хотимъ возстановлять ихъ. Посему желаемъ, чтобы немедленно возвращено было христіанамъ каѳолической церкви все, что̀ имъ принадлежало въ каждомъ городѣ или въ другихъ мѣстахъ, и что̀ теперь находится во владѣніи либо гражданъ, либо иныхъ лицъ; чтобъ имущество, принадлежавшее церквамъ, было введено въ ихъ права, чтобъ и сады и домы и другія по праву принадлежащія церквамъ вещи, все было бы въ скорѣйшемъ времени возвращено имъ. Равнымъ образомъ и получившій мѣста христіанъ въ даръ или отъ казны или купившій (то-есть при царяхъ язычникахъ) долженъ какъ можно скорѣе возвратить ихъ въ собственность христіанъ. Разумѣется, при этомъ должно быть соблюдено, чтобы возвратившіе тѣ мѣста ожидали вознагражденія себя отъ нашей доброты. Этимъ выражено попеченіе милости нашей объ общемъ и всенародномъ спокойствіи. Ибо за такія-то дѣла Божіе къ намъ благоволеніе, уже испытанное нами во многихъ случаяхъ, пребудетъ неизмѣннымъ и во всѣ времена“ [1]). Повѣствуя о семъ, исторія церкви въ то же время говоритъ, что Равноапостольный Константинъ не только не отнималъ въ пользу церквей христіанскихъ земель языческихъ капищъ, не только не требовалъ отъ языческихъ богачей Рима отреченія отъ избытковъ своихъ въ пользу разоренныхъ христіанъ; но даже объявилъ полную свободу язычниковъ какъ въ вѣрованіи ихъ, такъ и въ имуществахъ ихъ и владѣніяхъ, какъ вполнѣ законныхъ по праву собственности, исключая отнятыхъ ими у христіанъ. Для бѣдныхъ же и несчастныхъ христіанъ, не исключая бѣдныхъ и несчастныхъ язычниковъ, Равноапостольный Царь, согласно ученію апостоловъ, приказывалъ собирать добровольныя пожертвованія и раздавать ежегодно, смотря по нуждѣ каждаго, какъ по сошествіи Духа Св. іерусалимскіе христіане *давали каждому кто имѣлъ въ чемъ нужду* (Дѣян. 4 35). Такъ чрезъ служителей церкви въ Константинополѣ, по указу импе-

[1]) Церк. Ист. Евс. кн. X, гл. 5.

ратора, въ теченіе года выдавалось бѣднымъ жителямъ города восемь тысячъ хлѣбовъ. Такое же приказаніе далъ онъ въ 322 году Менандру, пгемону Африки. А въ день Пасхи, какъ въ день особенной радости братскаго общенія, Константинъ Великій самъ обыкновенно съ разсвѣта дня раздавалъ бѣднымъ щедрые дары царской милости своей. Кромѣ того, многосемейнымъ бѣднымъ родителямъ по всей имперіи опредѣлено было закономъ ежегодно выдавать достаточное пособіе изъ казны [5]).

Вотъ апостольское ученіе о правѣ собственности при основаніи христіанства; вотъ и равноапостольное устроеніе жизни христіанъ при торжествѣ христіанства во вселенной, по закону этого священнаго права!

А между тѣмъ время основанія христіанства въ мірѣ, время проповѣди апостоловъ и самого Іисуса Христа было самымъ удобнѣйшимъ временемъ проповѣди соціализма, временемъ по истинѣ вопіющей неравномѣрности распредѣленія благъ земли между людьми; такъ что рѣшительно немыслимо было бы молчаніе ихъ объ этомъ, еслибы соціальное устроеніе обществъ входило въ цѣль ученія Господа нашего Іисуса Христа и небеснаго посольства Его. Никогда „труждающимися и обремененными“ не былъ такъ переполненъ міръ какъ во время явленія Спасителя для обновленія міра. Пролетаріатъ и рабство были повсюдны, по отношенію къ Риму цѣлыя націи были рабы, а помѣстья римскихъ патриціевъ, обнимавшія цѣлыя области, превосходили самыя огромныя имѣнія богачей XIX вѣка. И что же слышали апостолы отъ Господа и Учителя своего, пославшаго ихъ на проповѣдь ко всѣмъ народамъ? *Пріидите ко Мнѣ вси труждающіеся и обремененніи, и Азъ упокою вы*, страдая сердцемъ за міръ взывалъ Онъ небеснымъ голосомъ любви, — *возьмите иго Мое на себе, и научитеся отъ Мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ: и обрящете покой душамъ вашимъ* (Матѳ. 11, 28, 29). Кротостію и смиреніемъ вооружилъ Сынъ Божій послѣдователей своихъ на борьбу со злобой міра и на побѣду *князя міра сего* (Іоанн. 12, 31); деспотизмъ и гордыню зла училъ Онъ обезсиливать только тѣмъ, что служитъ выраженіемъ дѣтской покорности Провидѣнію и теплой любви къ падшему ближнему.

---

[5]) Указ. Конст. В. 315 года.

И что же побѣдило злобу міра языческаго, какъ не *любовь Божія, изліявшаяся въ сердца* христіанъ *Духомъ Св.* (Римл. 5, 5)! А когда спросилъ Спасителя душъ *нѣкто изъ народа*: *Учитель! скажи брату моему, чтобы онъ раздѣлилъ со мною наслѣдство*, Онъ рѣшительно и ясно высказалъ отношеніе Свое къ мірскимъ дѣламъ: *Кто поставилъ Меня судить или дѣлить васъ? Смотрите, берегитесь любостяжанія; ибо жизнь человѣка не зависитъ отъ изобилія его имѣнія. Наипаче ищите царствія Божія, и это все приложится вамъ* (Лук. 21, 14, 15, 31). Есть даже изреченіе Іисуса Христа, показывающее, что бѣдность и нужда всегда будутъ здѣсь на землѣ, такъ какъ всегда будутъ люди грѣшные и порочные, равно какъ и обиженные, малоспособные, больные, вдовы и сироты: *всегда нищіе имате съ собою, и, когда хощете, можете имъ добро творити* (Марк. 14, 7). И какая божественная мудрость въ словахъ: „можете благотворить, когда захотите!“ (Русск. пер. Ев.).

Да и мыслимое ли дѣло, чтобъ ученіе, ниспровергающее и священное у всѣхъ народовъ право наслѣдства и право труда родителей для дѣтей и право дарованій и право честности и даже право самоотверженной службы отечеству, могло быть согласнымъ съ Евангеліемъ — благовѣстіемъ царства правды Божіей? Труды, дарованія, служенія и должности людей всегда и вездѣ разнородны до безконечности; стремленія и направленія въ полной зависимости отъ личнаго нравственнаго строя души каждаго; нужды и потребности разнообразны, разновременны и случайны. Въ такихъ условіяхъ жизни людей, при равномъ раздѣлѣ имѣній между достойными и недостойными, способными и неспособными, несомнѣнно затерялись бы лучшіе люди обществъ человѣческихъ, энергія охлаждалась бы, и для честныхъ трудовъ не было бы внѣшняго возбужденія: тогда какъ бездарность, лѣность и порокъ имѣли бы все для себя. Можно ли требовать, чтобы лучшіе люди въ человѣчествѣ чрезъ насильственный раздѣлъ имѣнія были періодически ограбляемы въ пользу неимущихъ, изъ которыхъ многіе чрезъ нѣсколько же дней опять постараются обѣднять, чтобы снова обогатиться чужою собственностію? Еще ветхозавѣтные пророки возвѣщали: *горе умножающему себѣ не сущая его!* (Аввак. 2, 6. Іер. 22, 13).

Нѣтъ; что и какъ ни проповѣдывали бы самозванные новые попечители о благѣ общественномъ, не заглушатъ они голоса

Евангелія: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ* (Матѳ. 6, 33); не поколеблютъ они богодухновеннаго ученія апостоловъ: „достигайте прежде всего *единенія вѣры, блюдите единеніе духа въ союзѣ мира*“ (Еф. 4, 13, 3) и потомъ уже помышляйте объ успѣхахъ общественныхъ дѣлъ и благѣ отечества. Безъ укрѣпленія въ сердцахъ людей религіи и нравственности христіанской немыслимо благоденствіе обществъ; а съ народнымъ счастіемъ, основаннымъ на Евангеліи и ученіи апостоловъ, рѣшительно несовмѣстима безразличность положеній членовъ общества. „Изъ многихъ событій оказывается“, начерталъ въ одномъ изъ указовъ своихъ Равноапостольный Константинъ Великій, „что пренебреженіе богопочтенія, которымъ охраняется высочайшее благоговѣніе къ Святѣйшему Небесному Существу, подвергало общественныя дѣла великимъ опасностямъ; напротивъ, законное принятіе и храненіе его, по благоволенію Божію, доставляло государству величайшее благополучіе и всѣмъ человѣческимъ дѣламъ особенное счастіе. Если будетъ служеніе Божеству со всею ревностію, то и для общественныхъ дѣлъ произойдетъ отъ того весьма много пользы“ [3]).

Укрѣпи же Господи вѣру и благочестіе въ отечествѣ нашемъ, а чрезъ то и достояніе людемъ своимъ!

Воспитывавшіеся, воспитывающіе и воспитывающіеся Константиновскаго межеваго Института! По праву утѣшайтесь знаменемъ права собственности, завѣщаннымъ вамъ вѣкъ тому назадъ мудрою боговѣнчанною преобразовательницей межеваго дѣла въ Россіи и честно держите это священное знамя! Покажите вѣку нашему, что усилія современныхъ лжеучителей безсильны поколебать вѣковыя государственныя учрежденія, основанныя на высшихъ религіозныхъ началахъ богодухновенныхъ апостоловъ и ублажаемыхъ церковію равноапостоловъ. Аминь

Свящ. А. Полотебновъ.

---

[3]) Церк. Ист. Евс. кн. X, гл. 7.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О ПРЕПОДАВАНІИ ЗАКОНА БОЖІЯ.

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ КЪ „КРАТКОМУ ХРИСТІАНСКОМУ БОГОСЛОВІЮ“, СОСТ. ПРОТОІЕР. Н. ВОЛОБУЕВЫМЪ.

Находясь осенью прошлаго года проѣздомъ въ Копенгагенѣ, я познакомился тамъ съ протоіереемъ Н. Волобуевымъ, состоящимъ при мѣстной посольской церкви. У насъ зашелъ разговоръ о предметѣ, возбуждающемъ въ настоящее время всеобщее вниманіе духовной журналистики, именно: о замѣнѣ прежняго, сухаго, схоластическаго способа преподаванія Закона Божія, другимъ болѣе соотвѣтствующимъ истиннымъ потребностямъ учащихся и достоинству столь важнаго предмета. По этому поводу о. Волобуевъ сообщилъ мнѣ, что онъ воспользовался указаніями своей довольно продолжительной педагогической дѣятельности (до отправленія своего за границу) для составленія краткаго изложенія православнаго вѣроученія, приспособленнаго къ пониманію дѣтей, и просилъ моего содѣйствія для напечатанія этого въ одномъ изъ нашихъ духовныхъ журналовъ.

Исполняя желаніе протоіерея Волобуева, препровождаю при семъ его почтенный трудъ, въ надеждѣ, что редакція Православнаго Обозрѣнія не откажетъ удѣлить ему мѣсто на страницахъ своего уважаемаго журнала; вмѣстѣ съ тѣмъ я пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы предпослать труду о. Волобуева нѣсколько собственныхъ соображеній объ этомъ существенномъ вопросѣ.

Какая должна быть цѣль преподаванія Закона Божія? Есть-ли это преподаваніе только *обученіе*, т.-е. сообщеніе ученикамъ извѣстнаго количества данныхъ и свѣдѣній — или не заключается ли главная задача въ томъ, чтобы съ самаго ранняго возраста забросить въ душу ученика сѣмена того чувства, которое возвышаетъ, одушевляетъ, вдохновляетъ и освящаетъ человѣка, и служитъ ему источникомъ духовной силы на всю жизнь? Другими словами, что важнѣе: сообщить ученику извѣстное количество положительныхъ богословскихъ свѣдѣній или развить въ немъ нравственно-религіозное чувство и пониманіе? Поставить такимъ образомъ вопросъ значитъ тѣмъ самымъ и разрѣшить его.

Дѣтскій возрастъ отличается большою воспріимчивостью, которую особенно легко затронуть столь возвышеннымъ предметомъ какъ христіанство, предметомъ, на который такъ естественно откликается всякая неискаженная человѣческая душа, и который вмѣстѣ съ тѣмъ богатъ чудною образностью, почерпаемою изъ картинъ природы. Если припомнить, какъ у каждаго человѣка въ юности слагаются первыя христіанскія понятія, безъ всякаго систематическаго обученія, какбы естественно выростая изъ родника души благодаря разнымъ случайнымъ указаніямъ, и если вмѣстѣ съ тѣмъ сообразить, что у ребенка возникаютъ религіозныя понятія въ такой возрастъ, когда религіозно-умственныя объясненія ему почти еще совершенно недоступны, вслѣдствіе самой его непривычки мыслить,—то нельзя не согласиться съ глубокою истиною замѣчанія (выраженнаго въ статьѣ августовской книжки 1877 г. Православнаго Обозрѣнія озаглавленной: *по вопросу о преподаваніи Закона Божія*), что Законъ Божій долженъ преподаваться *какъ живая христіанская истина уже покоющаяся въ душѣ ученика, но которую только должно пробудить и раскрыть при посредствѣ развитія его религіознаго смысла и сознанія*,—что „въ противномъ случаѣ онъ обращается въ собраніе такихъ отвлеченныхъ положеній, которыя чрезвычайно трудно поддаются дѣтскому смыслу, и усвоеніе которыхъ становится для дѣтей тяжелымъ бременемъ".

Съ другой стороны нельзя согласиться и съ тѣмъ воззрѣніемъ, весьма часто встрѣчающимся въ настоящее время, что по предмету Закона Божія можно и полезно преподавать дѣтямъ

только одни конкретные факты священной исторіи, какъ единственно для нихъ доступное и могущее остановить на себѣ ихъ вниманіе по своей конкретной образности, излагая ихъ эпизодически и не задаваясь совершенно разъясненіемъ внутренняго смысла и высшаго содержанія проникающаго всѣ эти происшествія и связывающаго ихъ между собою.

Несомнѣнно, что всякая истинно-христіанская мысль, возбужденная къ сознанію въ душѣ ученика, приноситъ болѣе пользы, чѣмъ съ одной стороны подобное эпизодическое изложеніе историческихъ происшествій безъ раскрытія ихъ внутренняго смысла, а съ другой стороны—чѣмъ цѣлая масса догматическихъ свѣдѣній, сообщенныхъ въ томъ сухомъ видѣ, т.-е. непроникнутыхъ внутреннею теплотою духовной жизни, какъ онѣ обыкновенно преподаются. Вотъ почему идеаломъ преподаванія Закона Божія должно быть такое преподаваніе, при которомъ все вниманіе устремлено преимущественно къ тому, чтобы изъ каждаго урока ученикъ могъ вынести хоть одну мысль способную служить для него живительнымъ сѣменемъ нравственно-религіозной жизни. Это особенно важно въ элементарныхъ народныхъ школахъ, такъ какъ ученики часто не проходятъ всей программы ученія, оставляя школу ранѣе окончанія курса. При такихъ условіяхъ нужно преимущественно заботиться не о томъ, чтобы преподать имъ возможно полный и гармоническій курсъ ученія, а о томъ, чтобы отдѣльные уроки изобиловали отдѣльными мыслями и понятіями, имѣющими сами въ себѣ нѣкоторую законченность и могущими дѣйствовать на возвышеніе духовнаго сознанія ученика.

Мнѣ кажется, что исходя изъ этого воззрѣнія можно бы резюмировать основныя требованія разумнаго первоначальнаго преподаванія Закона Божія въ нижеслѣдующія главныя положенія:

1) Необходимо стремиться къ тому, чтобы съ самаго начала каждое слово религіознаго преподаванія содѣйствовало къ раскрытію въ душѣ ребенка нѣкоторыхъ изъ прирожденныхъ ему нравственно-религіозныхъ понятій и чувствъ.

2) Этой цѣли должно быть *безусловно принесено въ жертву* желаніе сообщить ученику значительную массу положительныхъ догматическихъ свѣдѣній.

3) Не слѣдуетъ заставлять дѣтей учить наизустъ ни одного слова, котораго бы они не понимали [1]).

4) Не задаваясь систематическимъ изученіемъ катихизическихъ вопросовъ, необходимо выбирать изъ нихъ только то, что уже доступно пониманію ученика, излагая притомъ эти предметы не въ сухой формѣ катихизическаго сокращенія, а въ живой объяснительной рѣчи.

5) При изученіи св. исторіи необходимо сосредоточиваться главнымъ образомъ на преподаваніи Новозавѣтной исторіи, касаясь главнѣйшихъ происшествій Ветхозавѣтной исторіи только въ той мѣрѣ, насколько это необходимо для установленія самой краткой связи между началомъ сотворенія міра и людей и новозавѣтными происшествіями. Однимъ словомъ, прежде всего слѣдуетъ ознакомить христіанина со Христомъ [2]).

6) При изложеніи фактовъ св. исторіи необходимо стараться выяснять постоянно сколько возможно ихъ общую связь съ христіанскою идеею и съ дѣломъ спасенія.

---

[1]) Обычай заставлять дѣтей выучивать такія молитвы, которыя остаются для нихъ словами, лишенными всякаго смысла, нельзя не считать весьма пагубнымъ пріемомъ обученія.

[2]) Программу первоначальнаго изложенія св. Исторіи можно бы примѣрно опредѣлить слѣдующимъ образомъ: сотвореніе міра, грѣхопаденіе, наказаніе, жертва; обѣщаніе спасенія. Семейство первыхъ людей увеличивается и изъ нихъ образуются народы. Подъ вліяніемъ грѣха они забываютъ о Богѣ истинномъ, а какъ сердце естественно влечетъ ихъ къ Богу (потому что душа человѣческая произошла отъ Духа Божія), то они начинаютъ почитать вмѣсто истиннаго Бога—солнце, луну, звѣзды, огонь и разныхъ звѣрей—идолопоклонство. Одинъ еврейскій народъ сохраняетъ память объ истинномъ Богѣ и молится ему. Еврейскій народъ произошелъ отъ праотца Авраама; жертва Исаака. Обѣщаніе, что изъ рода его произойдетъ Спаситель. Дарованіе евреямъ 10 заповѣдей. Евреи образовали отдѣльное царство; царь Давидъ написавшій псалмы, въ которыхъ онъ прославлялъ Бога. Пророки, святые мужи, которые предвидѣли будущее. Пророкъ Исаія предвидѣвшій и предсказавшій всѣ страданія Христовы. Рожденіе Спасителя. Начало *Новаго Завѣта*, крещеніе Іисуса Христа. Искушеніе. Христосъ своею жизнью сдѣлался для насъ *примѣромъ*. Онъ постоянно творилъ волю Отца. Онъ былъ нашимъ *учителемъ*. Его ученіе о блаженствахъ, о молитвѣ, о прощеніи враговъ. Онъ творилъ *чудеса*. Исцѣленіе больныхъ, воскресеніе мертвыхъ; насыщеніе 5000 человѣкъ. Онъ царь—мы члены Его царства. Его страданія и смерть, которыми Онъ искупилъ грѣхи наши. Его воскресеніе, Его вознесеніе. Апостолы. Евангелисты.

Къ этимъ основнымъ положеніямъ. естественно вытекающимъ изъ всего вышесказаннаго, необходимо прибавить еще нѣсколько словъ о самомъ составленіи учебниковъ.

Для человѣка вѣрующаго и понимающаго св. Писаніе, чтеніе Евангелія и посланій апостольскихъ служитъ главнымъ источникомъ постояннаго возобновленія и подкрѣпленія своей духовной жизни. Это несомнѣнно. Между тѣмъ всякій, припоминая тѣ впечатлѣнія, которыя онъ выносилъ въ своемъ дѣтствѣ изъ уроковъ Закона Божія, согласится, что евангельскіе цитаты въ учебникѣ и катихизисѣ, которые его заставляли изучать наизустъ, казались ему самыми сухими, скучными и отталкивающими предметами ученія.

Вырванныя изъ общаго контекста, ничего не говорящія ни мысли, ни сердцу ученика, который не можетъ объять ихъ своимъ умомъ, тѣмъ болѣе что они обыкновенно касаются высшихъ догматическихъ и часто отвлеченныхъ умозрѣній — подобныя евангельскія мѣста не только не приносятъ никакой пользы, но даже положительно вредны, вселяя въ ученика съ самаго ранняго возраста отвращеніе къ тому Слову Божію, которое при другомъ способѣ преподаванія сдѣлалось бы для него богатою сокровищницею. Евангельскія мѣста посему совершенно не должны быть включаемы по крайней мѣрѣ въ первоначальные элементарные учебники. Но вмѣсто того необходимо пріучать учениковъ (разумѣется грамотныхъ) пользоваться самимъ Евангеліемъ, которое должно быть постояннымъ спутникомъ каждаго учебника и находиться въ рукахъ каждаго ученика. Въ учебникѣ должны быть только указаны ссылки на соотвѣтствующія мѣста св. Писанія и по нимъ слѣдуетъ заставлять учениковъ отыскивать непосредственно въ Евангеліи все то, что доступно ихъ пониманію, напр. историческіе факты изъ жизни Спасителя, притчи и т. п.

Другой весьма серьёзный недостатокъ многихъ современныхъ первоначальныхъ учебниковъ заключается въ смѣшеніи легендарнаго элемента съ несомнѣнною истиною.

„Такія (апокрифическія) сказанія“, — справедливо замѣчаетъ „Прав. Обозр.“ по поводу одного подобнаго руководства [3]), „при-

[3]) См. библіографическую статью въ сентябрьской книжкѣ 1878 г. „Прав. Обозр.“, стр. 162.

влекательныя для грубаго воображенія, идутъ на ряду со сказаніями истинными, евангельскими, безъ яснаго различенія однихъ отъ другихъ, и назначены къ тому, чтобы читатель на основаніи всѣхъ сказаній, истинныхъ и ложныхъ создалъ въ своемъ умѣ образъ Христа! Неразвитый умъ крестьянина дѣйствительно можетъ это сдѣлать и при обычномъ своемъ довѣріи къ тому, что сказано въ книжкѣ, будетъ утверждать, оправдывая свое довѣріе къ сказкѣ, что такъ сказано *въ Писаніи*... Заботливое сохраненіе чистоты и неприкосновенности всего христіанскаго преданія составляетъ первѣйшую и священную обязанность каждаго христіанина; потому необходимо строго воздерживаться отъ включенія въ учебники всякихъ апокрифическихъ сказаній и легендъ, рѣшительно *всегда* искажающихъ евангельскій образъ Христа.

Самый порядокъ первоначальнаго преподаванія на основаніи вышеизложенныхъ началъ можно бы представить себѣ примѣрно слѣдующимъ образомъ:

Въ катихизисѣ принято разсматривать послѣдовательно ученіе о вѣрѣ, надеждѣ и любви, полагая въ основаніе каждому изъ этихъ главныхъ отдѣловъ: символъ вѣры, молитву Господню и ученіе о блаженствахъ и заповѣди.

Но для первоначальнаго элементарнаго обученія всего удобнѣе начать прямо съ *молитвы Господней*, потому что въ этомъ случаѣ важно не столько систематическое построеніе программы обученія, сколько выборъ предмета наиболѣе доступнаго пониманію дѣтей и притомъ такого, около котораго можно группировать самымъ естественнымъ образомъ наибольшее число полезныхъ и необходимыхъ понятій.

При объясненіи дѣтямъ молитвы *Отче нашъ* естественнымъ образомъ приходится касаться вопроса о Богѣ, какъ о Творцѣ міра и человѣка, о познаніи Бога, о любви Его, о молитвенномъ отношеніи къ Нему вообще и т. п.

Съ чего начать естественнѣе преподаваніе Закона Божія, какъ не съ вопроса о Богѣ? Само собою разумѣется, что понятія этого нельзя касаться съ общей теоретической, объяснительной стороны, а необходимо обращаться такъ-сказать къ обычному практическому пониманію дѣтей; въ этотъ періодъ обученія слѣдуетъ вообще избѣгать по возможности всякихъ общихъ опредѣленій,

обращая вниманіе учащихся только на понятія уже покоющіяся въ ихъ духѣ, но на которыхъ они еще не останавливались съ достаточнымъ сознаніемъ. На это указываетъ уже А. А. Гассіевъ въ своей статьѣ о коренныхъ недостаткахъ нынѣшняго обученія Закону Божію [4]). „Обыкновенно, говоритъ онъ, начинаютъ съ *опредѣленія* (*Богъ есть* и пр.), и стремятся къ *описанію* качествъ Божіихъ, *данныхъ въ опредѣленіи. Этого пріема* держатся и лучшіе учебники Закона Божія. Онъ составляетъ *главный недостатокъ нашего начальнаго обученія религіи.* Держась его, законоучитель, послѣ сдѣланнаго наскоро общаго опредѣленія, занимается объясненіемъ и опредѣленіемъ „свойствъ". Между тѣмъ въ педагогическомъ отношеніи имѣетъ *небольшую важность* истолкованіе, объясненіе понятія, заключающагося въ словѣ „Богъ" (ибо это истолкованіе всегда оказывается блѣднымъ и не укрѣпляется даже въ „механической" памяти учащагося) и признаковъ этого понятія, и напротивъ *чрезвычайно важно*, въ воспитательномъ отношеніи, возбужденіе или естественное самозарожденіе ясной религіозной идеи или вѣры въ высшее существо—Творца міра, и укрѣпленіе этой идеи многоразлично сплетенными частными представленіями о томъ, что лежитъ въ предѣлахъ самаго опыта дитяти. Объясненіе перваго рода сопровождается слабымъ чувствомъ, а иногда и никакимъ, такъ какъ душа дитяти бываетъ занята признаками сообщаемаго представленія; объясненіе втораго рода, напротивъ, сопровождается глубокимъ религіознымъ чувствованіемъ".

„*Понятіе о Богѣ*", говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, „*должно быть сообщаемо дѣтямъ такъ и настолько, какъ и насколько можетъ быть воспринято ими.* Это ведетъ къ вопросу: можетъ ли законоучитель воспользоваться какими-нибудь понятными сближеніями и точными данными, находящимися въ области дѣтскаго опыта и разумѣнія, чтобы быть въ состояніи дѣйствовать воспитательно на развивающуюся душу дитяти, чтобы сдѣлать преподаваніе свое соотвѣтствующимъ духу современной педагогіи и избѣгнуть такъ-называемаго механизма (зубристики) въ обученіи?—*Можетъ.* Сближенія эти и данныя лежатъ въ предѣлахъ дѣтскаго разумѣнія и опыта; ими законоучитель можетъ достигать, болѣе

[4]) Христіанское Чтеніе май и іюнь 1877 г.

или менѣе полно, воспитательной цѣли, преслѣдуемой его предметомъ, ими можетъ онъ пользоваться на всѣхъ ступеняхъ преподаванія — и при обученіи молитвамъ и при обученіи исторіи съ истинами вѣры".

Желательно вообще сколько возможно съ самаго перваго слова остановить на чемъ-либо ясно опредѣленномъ мысль ученика, заинтересовать его такъ-сказать насильно и возбудить въ немъ нѣкоторую умственную самодѣятельность. Такъ напр. можно бы начать, вмѣсто всякихъ опредѣленій, прямо съ обращенія къ ученикамъ вопроса: чѣмъ человѣкъ отличается отъ животныхъ? Подобный вопросъ съ самаго начала долженъ побудить ихъ къ самостоятельному мышленію, ибо прежде чѣмъ имъ дается какое-либо готовое понятіе, они побуждаются выработать таковое изъ себя. Результатъ этой работы на первый разъ неизбѣжно будетъ вполнѣ неудовлетворительнымъ, но дѣло тутъ не въ непосредственномъ результатѣ, а въ томъ умственномъ процессѣ, который сопровождаетъ этотъ результатъ, какимъ бы послѣдній ни былъ. Выждавъ отвѣты учениковъ имъ можно затѣмъ объяснить, что главная разница заключается въ томъ, что человѣкъ знаетъ Бога, а животное не имѣетъ никакого понятія о Творцѣ и Промыслителѣ міра. Вышеуказанный отвѣтъ можетъ быть связанъ далѣе съ повѣствованіемъ о томъ, какъ Богъ сотворилъ весь міръ и какъ Онъ сотворилъ человѣка. Только тѣло человѣка сотворено, душа же его вдунута въ него Богомъ и потому не положа на другія творенія; она какъ бы прямо произошла отъ Духа Божія,—и въ этомъ причина, отчего изо всѣхъ тварей земныхъ одинъ только человѣкъ можетъ познавать Бога. Тутъ можно указать имъ также, что Бога знаетъ всякій, и большой и малый, и умный и глупый; каждый ребенокъ знаетъ, что есть Богъ, хотя и не вполнѣ понимаетъ: что такое Богъ; но и мудрѣйшій изъ людей не можетъ вполнѣ понять Бога. Въ подобной примѣрно практической формѣ эти понятія оказываются весьма доступными большинству учениковъ.

Отсюда уже слѣдуетъ перейти къ понятіямъ о любви Божіей и о молитвѣ.

Богъ насъ любитъ всѣхъ какъ Отецъ, потому мы Его называемъ Отцемъ небеснымъ; точно также какъ мы обо всемъ, что намъ нужно обращаемся съ просьбой къ нашимъ отцамъ зем-

нымъ, мы должны обращаться съ молитвами къ Отцу небесному; просить Отца небеснаго указалъ намъ самъ Іисусъ Христосъ преподавшій Своимъ ученикамъ молитву *Отче нашъ*, которая потому и называется *молитвой Господней*. Говоря о Іисусѣ Христѣ полезно навести ихъ мысли на какой-либо обычный и знакомый имъ предметъ напр. хоть слѣдующимъ образомъ рѣчи: „вы знаете, что Христосъ есть Сынъ Божій. У каждаго изъ васъ на шеѣ виситъ крестъ; что это значитъ? Это значитъ, что вы носите крестъ въ воспоминаніе того, что Христосъ умеръ на крестѣ — и умеръ за грѣхи наши и тѣмъ насъ спасъ — почему мы и называемъ Его Спасителемъ".

Въ дальнѣйшія объясненія по этому предмету пока нѣтъ необходимости пускаться; выяснять дѣтямъ догматически значеніе существа дѣла Христова въ элементарномъ курсѣ очевидно не мѣсто, а между тѣмъ на простое указаніе любовной жертвы Христовой ихъ душа какъ естественно отзывается, хотя и вѣроятно съ весьма смутнымъ пониманіемъ предмета. Но пока достаточно остановить ихъ вниманіе на этомъ важномъ предметѣ.

По поводу сказаннаго Іисусомъ Христомъ о молитвѣ, является первый удобный случай обратиться къ непосредственному пособію Евангелія, прочитавъ извѣстное мѣсто изъ гл. XI Евангелія отъ Луки. Конкретное сравненіе хлѣба съ камнемъ, рыбы съ змѣей неминуемо отпечатлѣвается въ памяти даже самыхъ малыхъ учениковъ [5]).

---

[5]) Справедливость этого предположенія и примѣнимость излагаемой здѣсь системы подтверждается отчасти практическимъ опытомъ педагогическихъ бесѣдъ, производимыхъ въ деревнѣ съ 15 крестьянскими мальчиками, совершенно неподготовленными и различнаго возраста. Въ какіе-нибудь два мѣсяца эти мальчики при кратковременномъ занятіи съ ними не болѣе трехъ разъ въ недѣлю выучили „*Отче Нашъ*" съ пониманіемъ каждаго слова молитвы. Говоря, что они стали понимать значеніе каждаго слова молитвы, я не хочу утверждать, чтобы они сами могли объяснять каждое слово. Нѣтъ, пониманіе у нихъ является какимъ-то внутреннимъ, непосредственнымъ, не рефлексируясь еще въ форму обычной логической мысли. Кто разговаривалъ съ крестьянскими дѣтьми, еще не бывшими въ школѣ, тотъ знаетъ, до какой степени они не привыкли мыслить логично и послѣдовательно. Ихъ мысли какбы перескакиваютъ — обходятъ связь съ посылкой — непосредственно къ окончательному члену силлогизма. И вотъ почему всякія послѣдовательныя объясненія даются имъ весьма трудно. Это не мѣшаетъ имъ быть часто очень

Послѣ этихъ предварительныхъ разъясненій уже можно приступить къ изученію молитвы Господней.

Прошенія этой молитвы до того близки человѣческому сердцу, что объясненіе ихъ даже дѣтямъ не можетъ представлять большаго затрудненія, кромѣ можетъ-быть первыхъ двухъ прошеній.

Причина обращенія къ Богу какъ къ Отцу уже объяснилась изъ предшествующаго разговора. Слова: „да святится имя Твое“ можно объяснить такимъ образомъ, что если человѣкъ живетъ хорошо и съ вѣрою, то въ немъ прославляется (святится) имя Божіе, подобно тому какъ хорошее поведеніе сына обращается въ честь отцу.

Прошеніе о царствіи нельзя разумѣется объяснять неразвитымъ дѣтямъ по его сущности, а необходимо ограничиться указаніемъ, что вездѣ гдѣ есть миръ и правда и добро—тамъ царствіе Божіе, и что потому этими словами выражается просьба: чтобы вездѣ царствовали, т. е. были миръ, добро и правда.

Объясненіе остальныхъ прошеній не представляетъ никакихъ затрудненій; многія изъ нихъ могутъ опять дать поводъ къ прочтенію Евангелія дѣтямъ: такъ напр. по поводу прошенія объ

смышленными; но отъ нихъ не слѣдуетъ ожидать того, что можетъ быть только послѣдствіемъ привычки къ правильному послѣдовательному мышленію. Вопросъ: „объясните то или другое“ становитъ ихъ обыкновенно въ тупикъ; если же вы сами начнете наводить ихъ на предметъ вашими вопросами, то вы замѣтите, что они поняли въ чемъ дѣло. Наглядным примѣромъ подобнаго пониманія можетъ служить именно ихъ отношеніе къ вышеуказанной XI гл. Ев. Луки. Вопросъ о томъ „что Христосъ сказалъ о молитвѣ“ принадлежалъ къ числу тѣхъ вопросовъ, которые почти никогда не оставались у нихъ безъ отвѣта, хотя отвѣты и получали всегда нѣсколько своеобразную форму. Они начинали напр. всегда отвѣчать прямо: „вотъ если я спрошу у моего отца (при чемъ иногда говорили по-крестьянски: у батьки) хлѣбъ, то онъ мнѣ не дастъ камень, или рыбу, то онъ не дастъ мнѣ змѣю“. Но обыкновенно на этомъ они и останавливались;—сами въ своемъ отвѣтѣ довести мысленно операцію сравненія до конца они почти никогда не были въ состояніи, за исключеніемъ только нѣкоторыхъ болѣе развитыхъ изъ нихъ.—Если же вы начинали наводить ихъ далѣе вопросами: „а Отецъ небесный любитъ насъ? Если отецъ земной не откажетъ, то откажетъ ли Отецъ небесный? и т. п.“, то изъ отвѣтовъ ихъ, хотя и весьма краткихъ въ родѣ: да, нѣтъ не откажетъ, все же можно было видѣть, что они понимаютъ мысль сравненія.

оставленіи долговъ можно прочитать притчу о *злом рабѣ* изъ 18 гл. Матѳея и т. д.

За молитвой Господней можетъ послѣдовать Св. Исторія въ такомъ, краткомъ видѣ какъ выше указано.

Тутъ будетъ самое удобное мѣсто помѣстить и изъясненіе десяти заповѣдей. Наконецъ завершеніемъ всего элементарнаго курса можетъ служить Символъ Вѣры, при самомъ краткомъ и общедоступномъ разъясненіи его отдѣльныхъ членовъ. Подобное разъясненіе въ доступномъ даже для дѣтскаго возраста видѣ совершенно возможно, если только не входить въ догматическія подробности, а ограничиваться главнымъ и существеннымъ содержаніемъ каждаго члена Символа. Христіанское ученіе, сущность котораго заключается въ началѣ любви и самоотреченія, доступно, какъ мы уже замѣтили, въ своихъ основныхъ чертахъ даже дѣтскому пониманію, такъ какъ оно говоритъ не одному уму, но и сердцу и потому постигается дѣтьми непосредственно какбы интуитивно—въ этомъ сила Его божественной непосредственности.

Ю. Ѳ. Самаринъ былъ правъ, говоря [6]) что „легкость, съ которою ребенокъ усваиваетъ себѣ все, что̀ ему говорится о мірѣ невидимомъ, о Богѣ, о добрѣ, о злѣ, о совѣсти и т. д, позволяетъ думать, что въ въ передаваемыхъ ему понятіяхъ онъ находитъ только формулу или названіе для предметовъ, какъ будто уже знакомыхъ ему по внутреннимъ ощущеніямъ, вызываемыхъ въ немъ дѣйствіемъ не „вещественной среды“.

Правильность этого легко можетъ провѣрить каждый, говорившій съ дѣтьми объ вышеозначенныхъ предметахъ.

Только послѣ подобнаго элементарно-подготовительнаго курса возможно перейти къ нѣсколько болѣе систематическому изученію догматовъ христіанской вѣры. Но и для этого втораго фазиса обученія обычный катихизисъ едвали можетъ служить удобнымъ и целесообразнымъ руководствомъ. Катихизисъ имѣетъ высокую цѣну, но только не для той цѣли, для которой онъ предназначенъ. Онъ имѣетъ несомнѣнно высокое значеніе какъ справочная книга при богословскихъ занятіяхъ, для лицъ уже

---

[6]) Въ своихъ полемическихъ письмахъ къ проф. Кавелину о психической свободѣ.

знакомыхъ съ сущностью догматическаго ученія вѣры. О. Н. Каменскій весьма остроумно сравниваетъ катихизисъ *съ консервами*, говоря: [1]) „Конечно, Іисусъ Христосъ свое высокое и вмѣстѣ съ тѣмъ простое ученіе утаилъ отъ премудрыхъ и открылъ младенцамъ, поэтому оно можетъ быть доступно и дѣтямъ болѣе ранняго возраста нежели отъ 8—10-лѣтняго, но очевидно не въ формѣ нашего школьнаго катихизиса. Конечно, можно питаться и консервами и тѣ какъ такіе, въ которыхъ заключаются только самыя питательныя эссенціи, полезны, но едва ли кто согласится питаться аптекарскими эссенціями, имѣя возможность питаться продуктами менѣе искусственно приготовленными".

Дѣйствительно, бываютъ случаи, когда консервы могутъ принести неоцѣнимую пользу, но только тогда, когда не достаетъ естественной, простой, здоровой пищи. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда она имѣется въ изобиліи, едвали кто вздумаетъ замѣнить ее консервами. Вотъ почему и для послѣдующаго систематическаго преподаванія догматовъ христіанскаго ученія необходимо руководство болѣе популярное, болѣе доступное уму учениковъ, чѣмъ нашъ школьный катихизисъ.

Такимъ руководствомъ и является трудъ о. Волобуева. Его краткое богословіе представляетъ именно опытъ и опытъ довольно оригинальный популярно-систематическаго изложенія главнѣйшихъ частей христіанскаго ученія. Дополнить, развить, выяснить частности уже легко впослѣдствіи, когда мысль остановится на опредѣленномъ способѣ изложенія и съ этой точки зрѣнія „Краткое богословіе" о. Волобуева,—не лишенное и кромѣ того во многихъ частяхъ непосредственныхъ качествъ такъ напр. весь отдѣлъ о молитвѣ отличается рѣдкою полнотою и доступностью изложенія,—имѣетъ несомнѣнно свое значеніе какъ оригинальный опытъ подобнаго популярно-систематическаго изложенія христіанскаго ученія.

Ѳ. Тернеръ.

---

[1]) Странникъ, февр. 1878 г., см. 280.

ПРАВОСЛАВНОЕ УЧЕНІЕ

ВѢРЫ

или

КРАТКОЕ ХРИСТІАНСКОЕ БОГОСЛОВІЕ.

Образъ имѣй здравыхъ словесъ, ихже отъ мене слышалъ еси, въ вѣрѣ и любви, яже о Христѣ Іисусѣ. 2 Тим. I. 13.

Да увѣси, како подобаетъ въ дому Божіи жити, яже есть церковь Бога жива, столпъ и утвержденіе истины. 1 Тим. III. 15.

Богъ одинъ, и кромѣ Его нѣтъ другаго Бога, какъ самъ Онъ говоритъ: Азъ первый и Азъ по сихъ, кромѣ Мене нѣсть Бога (Исаіи XLIV. 6) Онъ вѣченъ: Онъ всегда былъ, есть и будетъ.

Богъ существо совершенное: Онъ — всеблагій, всевѣдущій, всеправедный, всемогущій, вездѣсущій, непзмѣняемый, вседовольный и всеблаженный.

Богъ—духъ, существо безплотное, и потому Онъ невидимъ для насъ въ настоящей жизни. Но самъ Онъ видитъ все, знаетъ все, и самыя тайныя наши помышленія и желанія отъ Него укрыться не могутъ.

Богъ единъ по существу, но троиченъ въ лицахъ (Св. Троица). Мы знаемъ Бога Отца, Бога Сына, воплотившагося и жившаго на землѣ Господа Іисуса Христа, и Бога Духа Святаго.

Сынъ Божій рожденъ отъ Отца прежде всѣхъ вѣковъ; отъ Отца же вѣчно исходитъ и Духъ Святый.

Говорится, что Сынъ Божій рожденъ прежде всѣхъ вѣковъ, потому что не было такого времени, когда былъ Богъ Отецъ и не было Сына Божія. Для объясненія этой тайны въ Символѣ вѣры употреблено подобіе: свѣта отъ свѣта. Какъ нельзя мыслить такого времени когда былъ источникъ свѣта и не было отъ него лучей свѣта,—точно также всегда былъ Богъ Отецъ и Богъ Сынъ.

Отецъ, Сынъ и Св. Духъ составляютъ нераздѣльную Пресвятую Троицу и вмѣстѣ Единаго Бога. Св. Писаніе говоритъ объ этомъ такъ: *Шедше научите вся языки, крестяще ихъ во имя Отца и Сына и Св. Духа* (Мѳ. XXVIII. 19) *Трiе суть свидѣтельствующiе на небеси: Отецъ, Слово и Св. Духъ; и сiи три едино суть* (Іоан. V. 7).

Богъ создалъ небо и землю и все, что̀ содержится въ нихъ, изъ ничего одною Своею волею.

Онъ произвелъ изъ небытія своимъ повелѣніемъ всѣ небесныя силы, т.-е. ангеловъ. Изъ числа ихъ нѣкоторые впали въ гордость, нарушили долгъ совершеннаго повиновенія Богу, и были свержены въ адъ. Они называются діаволами. А другіе ангелы, пребывъ вѣрными своему долгу и служенію Господу Богу, наслаждаются вѣчнымъ блаженствомъ на небесахъ. Эти добрые ангелы, по повелѣнію Божію, всюду находятся при всякомъ человѣкѣ, помогаютъ намъ, ходатайствуютъ за насъ и предохраняютъ насъ отъ всякой напасти; почему и называются ангелами-хранителями.

Богъ создалъ вселенную и все, что̀ въ ней заключается, для служенія человѣку; но человѣка Онъ сотворилъ по Своему образу и подобію. Мы читаемъ въ Св. Писаніи, что самъ Богъ сказалъ: *Сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію: и да обладаетъ рыбами морскими и птицами небесными, и скотами и всею землею.* (Быт. I, 26).

Тѣло человѣка Богъ сотворилъ изъ земли и вдунулъ въ него дыханіе жизни, т.-е. душу живую, безсмертную. Такимъ образомъ душа человѣка произошла отъ Духа Божія, и вотъ причина почему изъ всѣхъ земныхъ тварей только одинъ человѣкъ можетъ познавать Бога. Чрезъ познаніе Бога, любовь къ Нему и добро-

вольное служеніе Ему въ этой жизни человѣкъ дѣлается достойнымъ вѣчно наслаждаться съ Нимъ на небесахъ нескончаемымъ блаженствомъ.

Господь Богъ печется о насъ и о всѣхъ нашихъ нуждахъ, и все устрояетъ ко благу истинныхъ Его поклонниковъ.

Первые люди Адамъ и Ева были сотворены совершенными по духу и тѣлу; они были безгрѣшны, безсмертны, блаженны и поселены въ раю.

Господь далъ человѣку заповѣдь не вкушать отъ древа (познанія добра и зла); но человѣкъ, надѣленный свободною волею, послѣдовалъ не заповѣди Божіей, а своему произволу и чрезъ то погубилъ и утратилъ свое богоподобное блаженство, для котораго былъ созданъ.

Изгнанные за преслушаніе заповѣди изъ рая, первые люди присуждены къ тяжкому труду, къ страданіямъ и смерти. Происшедшее отъ нихъ потомство родилось уже въ состояніи грѣха и осужденія. Съ этимъ грѣхомъ называемымъ первороднымъ рождаются всѣ люди безъ исключенія. Но Богъ сжалился надъ родомъ человѣческимъ, и чтобы избавить насъ отъ діавольскаго плѣненія и возвратить намъ потерянныя права на небесное наслѣдіе опредѣлилъ послать съ неба на землю единороднаго Своего Сына.

Сынъ Божій сошелъ съ небесъ, воплотился отъ Духа Свята и Маріи Дѣвы и вочеловѣчился, т.-е. сдѣлался совершеннымъ человѣкомъ, одареннымъ, какъ и мы, тѣломъ и душею. Сей воплотившійся Сынъ Божій есть Господь нашъ Іисусъ Христосъ.

Господь Іисусъ Христосъ, сдѣлавшись человѣкомъ во всемъ подобнымъ намъ кромѣ грѣха, не переставъ быть Богомъ и такимъ образомъ въ одномъ лицѣ сталъ истиннымъ Богомъ, и истиннымъ человѣкомъ; почему Онъ и называется Богочеловѣкомъ.

Пресвятая Дѣва Марія, отъ которой по человѣчеству родился Іисусъ Христосъ, достойно названа Богородицею, потому что Родившееся отъ нея есть истинный Богъ. Святая Церковь чтитъ Ее превыше херувимовъ и серафимовъ.

Господь Іисусъ Христосъ родился въ Виѳлеемѣ и былъ положенъ въ ясли. Спустя восемь дней Онъ былъ обрѣзанъ по закону Моисееву и дано Ему имя *Іисусъ*, что значитъ *Спаситель*. *Хри-*

стомъ, т.-е. *Помазаннымъ*, назвали Его пророки, когда еще ожидали Его на землю.

Изъясненіе слова „помазанникъ“ мы находимъ у пророка Исаіи. *Духъ Господень на Мнѣ*, говоритъ въ пророчествѣ самъ обѣтованный Спаситель, *его же ради помаза Мя, благовѣстити нищимъ посла Мя проповѣдати плѣнникамъ отпущеніе и смѣпымъ прозрѣніе* (Ис. 60. 1). Значитъ Господь Іисусъ есть помазанникъ потому, что Онъ помазанъ, т.-е. преисполненъ Духа Св. по самому человѣчеству Своему, для служенія спасенію нашему. А что значитъ это помазаніе или исполненіе Духомъ Святымъ, это объясняется въ другомъ мѣстѣ у того же пророка: *и почіетъ на Немъ Духъ Божій, Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія* (Ис. 11. 2). Нѣкоторые изъ этихъ даровъ сообщались въ извѣстной мѣрѣ самымъ избраннымъ людямъ. Но Спасителю Христу по человѣчеству Его сообщены всѣ эти дары въ высочайшей степени, да будетъ Онъ и величайшимъ Пророкомъ для насъ, научающимъ мудрости и разумѣнію воли Божіей, и вседержавнымъ Царемъ, дарующимъ намъ силы и крѣпость духовныя, и святѣйшимъ Первосвященникомъ, Освятителемъ и Ходатаемъ нашимъ предъ Богомъ. Словомъ, Господь нашъ по преимуществу Помазанникъ, высочайшій образецъ всѣхъ другихъ помазанниковъ Божіихъ.

Іисусъ Христосъ жилъ на землѣ около тридцати трехъ лѣтъ въ бѣдности, въ униженіи, въ трудахъ. Онъ сообщилъ намъ божественное ученіе, которое мы находимъ въ Евангеліи. Божественное Свое происхожденіе Онъ доказалъ какъ высокимъ Своимъ ученіемъ, такъ и безчисленными чудесами, и всѣ пророчества о пришествіи Спасителя, возвѣщенныя Богомъ съ самаго начала міра, исполнились отъ слова до слова въ лицѣ Господа Іисуса.

Весь подвигъ Своей спасительной жизни Господь Іисусъ Христосъ запечатлѣлъ Своею смертію. Онъ умеръ на крестѣ, претерпѣвъ ужаснѣйшія мученія. Не бывъ причастенъ никакому грѣху, умеръ за грѣхи собственно наши, изъ любви къ намъ и совершенно добровольно. Онъ пострадалъ на крестѣ плотію, а не Божествомъ, но Его божественное естество придало Его страданіямъ безконечную цѣну. Своими крестными страданіями Онъ ис-

купилъ насъ отъ грѣха, проклятія и смерти, и принесши Себя въ жертву Богу и Отцу для искупленія рода человѣческаго, совершилъ спасительное примиреніе Бога съ человѣками. Смерть Христова есть истинная жертва, умилостивляющая за насъ Бога и спасающая всѣхъ вѣрующихъ въ сего божественнаго Ходатая. Она служитъ также несомнѣннымъ доказательствомъ той безграничной любви Божіей къ людямъ, о которой говорится въ Евангеліи: *Тако бо возлюби Богъ міръ, да и Сына Своего Единороднаго далъ есть, да всякъ вѣруяй въ Онъ не погибнетъ, но имать животъ вѣчный* (Іоан. III. 16).

Умершій Спаситель былъ погребенъ, но въ третій день воскресъ, и потомъ черезъ сорокъ дней вознесся съ тѣломъ на небо. Но по скончаніи міра Онъ снова придетъ во славѣ и во всемъ блескѣ Своего величія судить людей живыхъ и мертвыхъ, которые всѣ воскреснутъ, и будетъ царствовать во вѣки.

Всякая душа, отдѣляясь отъ тѣла, съ которымъ была соединена, немедленно предстанетъ на судъ Господа Іисуса и получитъ воздаяніе за свои дѣла, но до времени страшнаго суда—неполное. Только въ послѣдній день пріиметъ кійждо, яже съ тѣломъ содѣла, или блага, или зла (2 Кор. V. 10). Поэтому до страшнаго послѣдняго дня св. Церковь, какъ чадолюбивая матерь, ежедневно, при приношеніи Безкровной Жертвы, молится о почившихъ своихъ чадахъ, усопшихъ *о надеждѣ воскресенія живота вѣчнаго*, т.-е. за тѣхъ, которые до кончины соблюли вѣру истинную и упованіе христіанское, но не успѣли принести плодовъ достойныхъ покаянія, не могутъ уже ничѣмъ помочь себѣ, а могутъ найти помощь въ однѣхъ молитвахъ и приношеніяхъ св. Церкви. Церковь молится объ усопшихъ предъ Божественными Тайнами, и исповѣдуетъ тѣмъ, что всемірная Жертва Христова имѣетъ спасительное дѣйствіе не только на живыхъ, но и умершихъ, когда приносится съ вѣрою и за вѣрующихъ.

За умершихъ въ невѣріи и отступничествѣ Церковь не молится потому, что они не оставили въ себѣ никакой связи со св. Церковію, которой ввѣрены ключи царства небеснаго.

По вознесеніи на небо Господь Іисусъ Христосъ ниспослалъ апостоламъ и всѣмъ вѣрующимъ въ Него Утѣшителя,—Духа Святаго, иже отъ Отца исходитъ (Іоан. XV, 26), котораго благодат-

нымъ дѣйствіемъ спасаются люди. Онъ внушаетъ имъ добрыя мысли и чувства, и вмѣстѣ даетъ силу творить добрыя дѣла, вливая въ сердца любовь къ Богу. Самъ Іисусъ Христосъ во время земной жизни Своей основалъ Церковь, т.-е. освященное Имъ общество вѣрующихъ въ Него, (какъ живыхъ такъ и умершихъ) и обѣщалъ пребывать съ нею „во вся дни до скончанія вѣка“ (Мѳ. XXVIII. 20). Ей Онъ поручилъ заботу и попеченіе о дальнѣйшемъ распространеніи и сохраненіи Своего ученія на землѣ и таинъ Своего царства (Мѳ. XXVIII, 19. 20). Ей же далъ Онъ право судить недостойныхъ Своихъ послѣдователей (Мѳ. XVIII. 15—18). Эта Церковь, которой глава — Онъ Самъ (Еф. V. 23. Кол. I. 48), есть единая, святая, соборная и апостольская.

Единство Церкви усматривается изъ того, что въ ней одна вѣра, одинъ Богъ, одна глава—Христосъ, одно крещеніе, одинъ образъ спасенія и одна надежда для всѣхъ.

Святость Церкви состоитъ въ томъ, что она освящена и искуплена кровію Агнца непорочнаго и пречистаго—Христа.

Соборною же Церковь называется потому, что не только заключаетъ въ себѣ всѣхъ вѣрующихъ во Христа и разсѣянныхъ по всему лицу земному, но и потому, что она соборна и по своему управленію. Она управляется согласнымъ и совокупнымъ судомъ и опредѣленіемъ своихъ пастырей изъ всѣхъ странъ міра, сохраняющихъ преемство апостольскаго служенія. Каждый епископъ есть только мѣстоблюститель Іисуса Христа въ своей епархіи. Всѣ епископы и архіепископы, митрополиты, подчиняются или патріаршей или синодальной власти, вся же церковь вообще—только власти Вселенскихъ соборовъ.

Апостольскою Церковь именуется потому, что въ своемъ устройствѣ и въ своихъ учрежденіяхъ она во всемъ сообразна съ ученіемъ и преданіемъ апостольскимъ.

Чтобы соединить человѣка съ Богомъ и дать ему силы для борьбы съ искушеніями, Господь всѣмъ вѣрующимъ во имя Его подаетъ свою благодать въ таинствахъ церкви, въ которыхъ подъ видимыми знаками сокрыты силы божественной благодати, исцѣляющія наши грѣховныя немощи.

Таинствъ въ церкви семь. Первое изъ нихъ крещеніе. Оно омываетъ и истребляетъ первородный грѣхъ посредствомъ троекрат-

наго погруженія въ простой, но освященной водѣ съ произношеніемъ отъ священника слѣдующихъ словъ: крещается рабъ Божій (имя рекъ) во имя Отца (Аминь) и Сына (Аминь) и Св. Духа (Аминь).

Аминь произноситъ воспріемникъ.

Безъ этого таинства никто не можетъ быть спасенъ (Іоан. III. 5).

Съ крещеніемъ человѣкъ умираетъ для прежней, естественной, грѣховной жизни и возрождается къ новой, освященной жизни, становится *человѣкомъ новымъ*. Самое погруженіе въ воду образно изображаетъ смерть.

Въ случаѣ крайней нужды крещеніе можетъ совершить и мірское лице.

Правильно совершенное крещеніе не повторяется.

Муропомазаніе есть таинство, въ которомъ вѣрующему, при помазаніи священнымъ мурóмъ, частей тѣла, подаются дары св. Духа, для утвержденія въ вѣрѣ Христовой и возрастанія въ божественной благодати.

Освященіе мура предоставлено только высшимъ священноначальникамъ какъ преемникамъ апостоловъ, которые сами совершали рукоположеніе для подаянія даровъ св. Духа.

Причащеніе или евхаристія есть таинство, въ которомъ вѣрующій подъ видомъ хлѣба и вина вкушаетъ самаго тѣла и крови Христовыхъ во оставленіе своихъ грѣховъ и въ жизнь вѣчную.

Таинство евхаристіи совершается священникомъ правильно рукоположеннымъ и непремѣнно въ храмѣ, котораго трапеза или вмѣсто трапезы антиминсъ долженъ быть освященъ архіереемъ.

Честь, которую надлежитъ воздавать пречистымъ Тайнамъ Христовымъ, должна быть такою же, какая воздается самому Іисусу Христу.

Какъ всѣ таинства, такъ въ особенности евхаристія требуетъ предварительнаго къ нему приготовленія, состоящаго въ испытаніи самого себя и своей совѣсти.

Покаяніе есть таинство, въ которомъ вѣрующему при искреннемъ признаніи своихъ грѣховъ и при твердомъ упованіи на заслуги Христовы, съ желаніемъ и обѣщаніемъ исправиться, отпускаются Богомъ грѣхи чрезъ служителя Христова.

Іисусъ Христосъ установилъ таинство покаянія для возстанов-

ленія той невинности, которую мы получили въ святомъ крещеніи, но которую теряемъ черезъ грѣхъ.

Сущность покаянія составляютъ сокрушеніе о грѣхахъ и устная исповѣдь.

Сокрушеніе есть скорбь сердца о своихъ грѣхахъ. Оно должно быть непритворно и рождено въ сердцѣ дѣйствіемъ св. Духа, безъ помощи котораго никто не можетъ имѣть истиннаго раскаянія. Мы должны умолять Господа, чтобы Онъ далъ намъ эту помощь. Молитва же, одушевленная смиреніемъ и сыновнею надеждою, всегда будетъ Имъ услышана.

Сокрушеніе сердца должно быть основано на побужденіяхъ и чувствахъ, внушенныхъ вѣрою. Тотъ не имѣетъ истиннаго сокрушенія, кто ненавидитъ грѣхъ потому только, что онъ причинилъ ему какой-либо уронъ или потерю, какъ-то: временное несчастіе, наказаніе, болѣзнь, утрату имущества и пр. Побужденіемъ къ раскаянію грѣшника могутъ служить размышленія о неизвѣстности минуты смерти, о воскресеніи, о послѣднемъ судѣ, о вѣчномъ блаженствѣ и вѣчномъ мученіи, но истинною причиною раскаянія должна быть мысль, что грѣхъ оскорбляетъ величіе и святость Бога.

Истинное сокрушеніе необходимое для того, чтобы получить прощеніе, должно сопровождаться твердою рѣшимостью впередъ отстать отъ грѣховъ и даже избѣгать случаевъ, которые могли бы дать намъ поводъ къ грѣху. Должное вознагражденіе ближняго или по крайней мѣрѣ готовность вознаградить его за причиненный ему вредъ составляетъ также одно изъ необходимыхъ условій истиннаго сокрушенія сердца.

Устное исповѣданіе должно сопровождаться смиреніемъ и точностью объявленія грѣховъ и также обстоятельствъ ихъ сопровождавшихъ. Для этого весьма полезно припоминать себѣ предъ исповѣдью заповѣди Божіи, обязанности нашего званія, лица и мѣста, гдѣ мы совершили наши грѣхи, и разсмотрѣть, каковы были въ отношеніи всего этого наши мысли, слова и поступки.

Къ покаянію относится также епитимія. Она не имѣетъ никакого искупительнаго значенія; вся наша искупительная надежда покоится единственно на крестѣ Христовомъ,—но опредѣляется иногда духовникомъ, какъ лѣкарство противъ застарѣлой грѣхов-

ной болѣзни, какъ средство направить волю къ добру и укрѣпить въ немъ. Такъ напримѣръ человѣку скупому и жадному опредѣляется помогать бѣднымъ; человѣку желчному, холодному, завистливому—читать посланія св. Іоанна Богослова, полныя любви къ ближнему, въ надеждѣ на благотворное дѣйствіе такого чтенія.

Впрочемъ отходящій отъ исповѣди долженъ помнить слова псалмопѣвца: уклонися отъ зла и сотвори благо (Пс. XXXIII. 15), а также и слова Спасителя: иди, и отселѣ къ тому не согрѣшай (Іоан. VIII. 11).

Хотя невозможно человѣку совершенно избѣжать грѣха, но при всемъ томъ каждый соглашаясь со своею совѣстью обязанъ отъ одной до другой исповѣди, сколько возможно, стараться объ исправленіи своей жизни.

Священство есть таинство, въ которомъ Духъ Святый достойно избраннаго чрезъ святительское рукоположеніе поставляетъ совершать таинства и пасти стадо Христово, т.-е. наставлять людей вѣрѣ, благочестію и добрымъ дѣламъ.

Степеней священства три: епископъ, священникъ и діаконъ. Діаконъ служитъ при таинствахъ; священникъ совершаетъ таинства въ зависимости отъ епископа; а епископъ не только совершаетъ таинства, но имѣетъ власть чрезъ рукоположеніе и другимъ преподавать благодатный даръ совершать ихъ.

Бракъ есть таинство, въ которомъ чрезъ обрученіе и вѣнчаніе священникъ сочетаетъ въ неразрывный союзъ два свободно вступающія лица и проситъ имъ отъ Бога благословенія жить въ святомъ союзѣ, и воспитывать дѣтей въ страхѣ Божіемъ.

Елеосвященіе есть таинство, въ которомъ служители Христовы при седмикратномъ помазаніи болящаго елеемъ просятъ ему у Бога облегченія въ болѣзни и отпущенія грѣховъ, которое и получается вѣрою.

Кромѣ таинствъ церковь хранитъ еще нѣкоторыя преданія и обряды служащіе къ благоустроенію и нравоученію вѣрныхъ.

Всѣ вѣрные надѣются воскресенія изъ мертвыхъ.

По воскресеніи же и послѣднемъ судѣ праведники наслѣдятъ вѣчную жизнь, а грѣшники осудятся на вѣчное мученіе.

Все ученіе вѣры сокращенно и удобно предложено для спасенія вѣрующихъ въ двѣнадцати неизмѣнныхъ членахъ православнаго

Символа вѣры, богодухновенно изложеннаго отъ 318 святыхъ Отцевъ на 1 Никейскомъ, и отъ 150 на 2 Константинопольскомъ соборахъ въ IV вѣкѣ по Рождествѣ Христовомъ.

По важности своей Символъ вѣры есть какъ бы печать устенъ и сердца всѣхъ истинныхъ чадъ православія, и вѣрное знаменіе отличающее единую, святую, соборную и апостольскую церковь отъ всѣхъ другихъ церквей въ мірѣ.

Для спасенія нашего должно не только твердо вѣрить всѣмъ вышеизложеннымъ истинамъ, но и жить по-христіански, т.-е. соблюдать Законъ Божій, убѣгать зла и творить добро; потому что, по слову апостола, вѣра безъ дѣлъ мертва есть (Іак. II. 14. 26).

Законъ Божій напечатлѣнъ у каждаго въ совѣсти (Рим. II. 15), но открытъ въ десяти заповѣдяхъ Моисеевыхъ. Весь законъ и всѣ заповѣди, по словамъ нашего Спасителя, основаны на любви къ Богу и ближнему (Мѳ. XXII. 36. 40).

Заповѣдей Божіихъ десять. Первая заповѣдь учитъ, отвергая всякое многобожіе, всѣмъ сердцемъ признавать и устами исповѣдывать единаго Бога согласно съ Словомъ Божіимъ.

Грѣшатъ противъ сей заповѣди всѣ тѣ, которые какимъ-нибудь образомъ, кромѣ Бога истиннаго, почитаютъ что-нибудь другое своимъ Богомъ, и на то возлагаютъ свою надежду и упованіе.

Вторая заповѣдь запрещаетъ идолослуженіе и всякой непозволительный способъ богопочтенія.

Но почитаніе Ангеловъ и св. человѣковъ согласно со второю заповѣдью, потому что въ нихъ мы почитаемъ благодать Божію, обитающую и дѣйствующую въ нихъ, прося ихъ чистыхъ молитвъ за насъ предъ Богомъ. Почитаніе и употребленіе святыхъ иконъ, т.-е. священныхъ изображеній Бога, явившагося во плоти Господа нашего Іисуса Христа, а также пречистой Его Матери, ангеловъ и святыхъ Его не противорѣчатъ второй заповѣди. Седьмой Вселенскій соборъ, бывшій въ Никеѣ въ 788 году, утвердилъ иконопочитаніе, выразивъ, что слѣдуетъ чествовать святыя иконы и имъ кланяться не какъ Богу, а какъ Его и святыхъ Его воспоминательному начертанію. Въ этомъ случаѣ иконы суть книги написанныя вмѣсто буквъ лицами и вещами. Онѣ возбуждаютъ въ насъ любовь ко святымъ и напоминаютъ намъ ихъ подвиги.

Грѣшатъ противъ второй заповѣди люди, живущіе только въ свое удовольствіе, гордецы, тщеславные, лихоимцы и лицемѣры.

Третья заповѣдь обязываетъ насъ чтить святое имя Божіе, не оскорблять Его призываніемъ „всуе“ т.-е. въ безполезныхъ и суетныхъ разговорахъ, а тѣмъ болѣе въ шуткахъ, особенно лживо; не клясться Имъ, исключая когда клятва требуется законною властію, и тогда клятва должна быть произнесена съ благоговѣніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ отнюдь не измѣнять ей.

Противъ третьей заповѣди грѣшатъ люди, которые говорятъ противъ Бога дерзкія слова, ропщутъ на Него, смѣются надъ священными предметами, даютъ клятвы ложныя, и не исполняютъ законной клятвы, нарушаютъ обѣты, данные Богу, люди — невнимательные къ молитвѣ и напрасно божащіеся.

Четвертая заповѣдь повелѣваетъ: во всѣ воскресные и другіе праздничные дни, оставивъ свои дѣла и работы, пребывать для пользы душевной въ молитвѣ и богослуженіи.

Противъ четвертой заповѣди грѣшатъ тѣ, которые по своимъ видамъ и страстямъ не оставляютъ въ праздники своихъ житейскихъ дѣлъ и заботъ; небрегутъ о хожденіи въ церковь; ходятъ туда безъ вѣры и страха Божія и неблагочинно стоятъ въ ней, которые не стараются о познаніи Закона Божія и не удѣляютъ отъ своихъ имуществъ на дѣла богоугодныя,

Пятая заповѣдь повелѣваетъ чтить отца и мать, чтить всякую власть, нашихъ благодѣтелей и старшихъ себя, и любить всякаго человѣка, какъ образъ Божій и какъ брата во Христѣ.

Грѣшатъ противъ пятой заповѣди непочтительныя и непокорные дѣти; невѣрные подданные, худые подчиненные, неисправныя ученики, притѣснители-хозяева, и вообще всѣ тѣ, которые не любятъ другаго столько какъ самихъ себя.

Шестая заповѣдь требуетъ, чтобы мы не дѣлали своему ближнему никакого вреда ни лично, ни чрезъ другихъ, ни дѣломъ, ни мыслію, а напротивъ всѣхъ и каждаго оберегали.

Противъ шестой заповѣди грѣшатъ: убійцы, тѣ которые подаютъ дурной примѣръ другимъ, питаютъ въ сердцѣ ненависть къ ближнему, всячески стараются вредить другому, творятъ несправедливый судъ, неудерживаютъ своихъ страстей и самоубійцы.

Седьмою заповѣдью запрещается все то, что вредитъ цѣлому-

дрію и чистотѣ нравовъ, а чрезъ это предписывается, чтобы мы провождали свою жизнь или въ честномъ и вѣрномъ супружествѣ или въ святомъ и дѣвственномъ безженствѣ.

Грѣшатъ противъ седьмой заповѣди тѣ, которые предаются непотребству, непристойнымъ шуткамъ, играмъ и другимъ соблазнительнымъ удовольствіямъ.

Осьмою заповѣдью Господь возбраняетъ всякое хищеніе и неправду, а чрезъ это повелѣвается, чтобы мы для общаго блага наблюдали пользу ближняго, какъ свою собственную.

Противъ восьмой заповѣди грѣшатъ люди, которые обижаютъ другихъ явнымъ или тайнымъ хищеніемъ, которыя присвоиваютъ себѣ чужую вещь обманомъ или хитростію.

Девятая заповѣдь требуетъ, чтобы мы никогда ни въ чемъ не лгали.

Грѣшатъ противъ девятой заповѣди: ложные доносчики или свидѣтели, клеветники, порицатели и язвительные насмѣшники.

Десятая заповѣдь по отношенію любви къ ближнему самая совершенная. Она требуетъ не только не дѣлать ничего злаго и грѣшнаго, но и въ самомъ своемъ сердцѣ избѣгать всякихъ желаній и помышленій противныхъ любви. И кто соблюдаетъ эту заповѣдь, тотъ вполнѣ исполняетъ свой долгъ относительно своего ближняго.

Грѣшатъ противъ десятой заповѣди тѣ, которые словомъ или дѣломъ или даже одною только мыслью нарушаютъ любовь къ ближнему, завидуя его истинному или мнимому благополучію.

Для исполненія заповѣди Божіей, для побѣжденія грѣховъ мысли, слова, дѣла, нужна для человѣка особенная помощь Божія или благодать, которая ради заслугъ Христовыхъ получается отъ Бога усердною и неослабѣвающею молитвою.

Молитва есть возношеніе ума и сердца къ Богу, выражаемое благоговѣйнымъ словомъ человѣка къ Богу. Молитва есть душа и жизнь христіанина. Какъ тѣло дышетъ воздухомъ, такъ и душа наша должна дышать чистою неослабною молитвою. Молитва есть тотъ путь, которымъ сходитъ благодать и всякое благословеніе съ неба на землю. Она освящаетъ человѣка и всѣ его дѣла. Она есть лѣстница возводящая отъ земли на небо, связь міра веще-

ственнаго съ міромъ духовнымъ, источникъ утѣшеній, самая необходимая сила человѣческаго духа.

Молитва требуетъ твердаго упованія въ заслуги единороднаго Сына Божія, смиреннаго признанія своего недостоинства предъ Нимъ; не долготы и многословія, но истины и духа, силы чувствъ, правоты и искренности сердца.

Въ молитвѣ мы должны просить, а не требовать, совершенно предоставляя волѣ Божіей и святой и совершенной исполненія нашихъ прошеній, потому что мы часто не знаемъ и того, о чемъ и какъ надо молиться.

Въ молитвѣ мы не должны смущаться и ослабѣвать, если Господь не сотворитъ долго по прошеніямъ нашимъ, очень часто недостойнымъ Его ни по духу, ни по предмету молитвы.

Въ молитвѣ мы должны выражать святую волю Господню, а не обычную суету человѣческихъ желаній, а потому должно просить благъ духовныхъ преимущественно передъ тѣлесными, общественныхъ передъ частными, и вообще всего не столько для времени сколько для вѣчности, а всего чаще должно просить отпущенія своихъ грѣховъ и царствія правды, потому что по слову Спасителя, кто обрѣтаетъ это царствіе, тому все прочее приложится само собою (Мѳ. VI. 33).

Все то, чего только отъ милосерднаго Бога мы должны просить въ своихъ молитвахъ, заключается въ молитвѣ Господней, которую Іисусъ Христосъ во время земной своей жизни преподалъ своимъ ученикамъ и апостоламъ просившимъ Его научить ихъ молиться (Мѳ. VI. 9—13; Лук. II. 1—14).

Молитва Господня повелѣваетъ намъ: видѣть въ Богѣ Отца, жить свято; ждать небеснаго царствія; исполнять волю Божію; довольствоваться насущнымъ хлѣбомъ; прощать ближнему всякія оскорбленія; беречься искушеній и діавола, и всегда надѣяться на всемогущую силу и славу Божію.

Молитва Господня полна и совершенна. Но такъ какъ Господь промышляющій о нуждахъ человѣческихъ уже послѣ того, какъ преподалъ образецъ молитвы, сказалъ: просите и дастся вамъ (Мѳ. VII. 7),—и такъ какъ есть предметы прошеній, которые зависятъ отъ обстоятельствъ каждаго, то полагая въ основаніе молитву Господню, нужно сообразно съ нуждами назидать на ней

и другія прошенія. Примѣняясь къ этимъ нуждамъ своихъ дѣтей, разнообразнымъ и видоизмѣняющимся по степенямъ ихъ духовнаго и внѣшняго состоянія, святая церковь какъ благопопечительная мать руководитъ ихъ въ молитвенныхъ упражненіяхъ многими опредѣленными молитвами, которыхъ важность должна быть неоспорима для каждаго христіанина.

Впрочемъ каждый можетъ молиться собственными словами, только бы собственныя наши молитвы и по духу и по предмету своему были достойны того, чтобы обращаться съ ними къ Богу. Но для людей небогатыхъ внутреннимъ благочестіемъ всего лучше пользоваться готовыми церковными молитвами; только бы повторяя слова ихъ, они старались усвоить себѣ ихъ смыслъ и духъ и воспроизводить въ своемъ умѣ и сердцѣ выраженныя ими представленія и чувства. Для этого чтеніе церковныхъ молитвъ должно быть неспѣшное и внимательное. Господь на небеси горѣ, ты же земли долу, говоритъ Екклессіастъ, сего ради да будутъ словеса твоя мала; не скоръ буди усты твоими, и сердце твое да не ускоряетъ износити словъ предъ лицемъ Божіимъ (Екк. V. 1. 2). Двѣ-три молитвы прочитанныя съ полнымъ вниманіемъ и чувствомъ конечно лучше, чѣмъ многія произносимыя небрежно и машинально, хотя это ничего говоритъ противъ продолжительности молитвъ; вообще, большая или меньшая продолжительность молитвы свойственна людямъ истинно молящимся и нужна для слабыхъ и холодныхъ сердецъ. Для первыхъ это духовное удовольствіе; для послѣднихъ—одно изъ лучшихъ средствъ смягчать и разогрѣть свое сердце огрубѣвшее отъ мірскихъ впечатлѣній, давая возможность облекать свои внутреннія чувства въ живыя, сильныя и многомощныя молитвы праведныхъ.

Но молитва, произносимая одними устами, безъ всякаго участія въ ней ума и сердца, не имѣетъ никакого значенія: это лицемѣріе или предъ людьми или предъ Богомъ или даже предъ собственною совѣстію молящагося. Господь не только не пріемлетъ такихъ молитвъ, но и выражаетъ свое негодованіе на тѣхъ, которые молятся такимъ образомъ: приближаются Мнѣ людіе сіи усты своими и устами чтутъ Мя: сердце же ихъ далече отстоитъ отъ Мене: всуе же чтутъ Мя (Исх. XXIX 13; Мѳ. XV, 8, 9). Вотъ почему Господь осуждалъ продолжительныя молитвы фари-

сеевъ, которые поставляли все достоинство ихъ во многоглаголаніи и заповѣдалъ Своимъ ученикамъ: молящеся не лишше глаголите (Мѳ. VI. 7).

Соблюдая усердно заповѣди Божіи согласно съ ученіемъ единой, святой и апостольской церкви, очищая свою душу и сердце отъ всякія скверны плоти и духа терпѣливою и неослабною молитвою къ Богу, мы можемъ несомнѣнно надѣяться, достигнувъ въ будущей жизни совершенства любви, прославлять на небесахъ Единаго въ Троицѣ воспѣваемаго Бога: Отца и Сына и Святаго Духа во вѣки вѣковъ.

Skodsborgslot.
1877. Августа 3 (15) дня.

СЛОВО

ПРИ ПОГРЕБЕНІИ ТѢЛА ВЪ БОЗѢ ПОЧИВШАГО МОСКОВСКОЙ СВЯТѢЙШАГО ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СИНОДА КОНТОРЫ ЧЛЕНА, МОСКОВСКАГО БОЛЬШАГО УСПЕНСКАГО СОБОРА ПРОТОПРЕСВИТЕРА ДИМИТРІЯ ПЕТРОВИЧА НОВСКАГО,—ІЮНЯ 7 ДНЯ 1879 ГОДА *).

Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, ихъ же взирающе на скончаніе жительства, подражайте вѣрѣ ихъ (Евр. XIII, 17).

Исполнимъ заповѣдь апостола Христова. Воспомянемъ жизнь достойнаго служенія Церкви Божіей, всегда и особенно *нынѣ* достойную памяти и подражанія.

Въ самомъ дѣлѣ, *взирая на скончаніе жительства* сего маститаго протопресвитера, невольно объемлешся мыслію, что нынѣ уже отходитъ въ вѣчность вѣкъ нашихъ отцевъ—наставниковъ, свѣтя намъ какъ уже заходящее солнце, свѣта котораго причащаться ненадолзѣ можно будетъ уже только воспоминаніемъ и подражаніемъ. Но то вѣкъ Платоновъ, Филаретовъ, Иннокентіевъ и сонма ихъ учениковъ—различныхъ дарованій, но единаго духа. Не пришло еще время называть великія имена изъ этого сонма.

---

*) Говорено заслуженнымъ профессоромъ Московскаго Университета, протоіереемъ Н. А. Сергіевскимъ.

То—вѣкъ богатый величіемъ, истиннымъ величіемъ. Вѣкъ высокаго разумѣнія и смиренномудрой простоты. Вѣкъ беззавѣтной любви и вѣрности своему званію и служенію. Вѣкъ подвиговъ, неискавшихъ быть видимыми, но и въ видѣніи трезвыхъ и спокойныхъ. Вѣкъ непоступной вѣры и твердаго христіанскаго упованія. Вѣкъ довольства своимъ жребіемъ, но и вѣкъ благословенія на всякое истинное усовершеніе. Вѣкъ отходящій, но съ любовію и благоволеніемъ къ вѣку грядущему, съ отеческою о немъ болѣзнующею заботою и съ святою молитвою за его будущее!

Однимъ изъ видныхъ представителей этого доблестнаго вѣка былъ почившій отецъ протопресвитеръ. Господу Церкви угодно было даровать своему доброму и вѣрному служителю крайнее долголѣтіе еще того древняго времени, о которомъ говорилъ Царепророкъ: *жизнь наша семдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ осмдесятъ лѣтъ.* Такъ Вѣчный хранитъ своихъ избранниковъ въ живое поученіе временамъ преходящимъ и измѣняющимся, чтобы не порывался, не ослабѣвалъ, но укрѣплялся животворный союзъ святоотеческихъ преданій.

Сынъ пастыря Церкви, и уже по этому—какъ несомнительно разсуждало то время — воспитанникъ церковныхъ училищъ отъ нисшихъ до высшаго, вотъ онъ вступаетъ на служеніе церкви сразу въ высокомъ качествѣ наставника философскихъ наукъ въ Московской Духовной Академіи. Какъ самъ былъ уготованъ на служеніе наукою, такъ приготовляетъ онъ другихъ къ такому же служенію, благопотребному для Церкви: ибо науку и древніе учители Церкви называли дѣтоводительницею ко Христу. Но этимъ служеніемъ отдавши дань благодарности воспитавшей его Академіи, и можно сказать, исполнивши такимъ образомъ священный долгъ въ отношеніи къ послѣдующему поколѣнію учениковъ и учителей благопотребныхъ для Церкви,—затѣмъ о дальнѣйшей своей жизни онъ разсуждаетъ также несомнительно, какъ было разсуждено его родителями о первой судьбѣ его воспитанія. Наставникъ философскихъ наукъ въ церковномъ училищѣ идетъ на прямое служеніе пресвитера Церкви. Такой былъ вѣкъ и таковы были люди, дѣйствовавшіе *не въ сумнѣніи помышленій* о своемъ званіи и призваніи. Они разумѣли, что *никто же самъ себѣ пріемлетъ честь, но только званный отъ Бога;* но это при-

званіе полагалось ими не въ простой и большею частію случайной склонности минуты, но въ цѣломъ жизненномъ водительствѣ Божіемъ. Пути же Божіи, указуемые намъ, конечно прежде всего пролагаются самымъ рожденіемъ и воспитаніемъ. Воззваніе дѣтей съ этого перваго промыслительнаго пути на пути чуждые есть дѣло опасное. Не говоримъ о случаяхъ исключительныхъ, въ которыхъ можетъ выразиться особенное высшее призваніе. Но исключительные случаи рѣдки, особенное призваніе чрезвычайно; и потребенъ особенный духовный опытъ къ различенію такихъ призваній, *аще отъ Бога суть*. Такъ разсуждали и по такому разсужденію поступали наши отцы. Такъ ли разсуждаютъ и поступаютъ ихъ дѣти, судите сами. Но мудрые отцы самимъ Отцемъ небеснымъ не даны ли намъ какъ вѣрные и надежные руководители нашей жизни? *Благословеніе родителей созидаетъ* домы чадъ. Новый домъ, отдѣляясь отъ стараго, долженъ взять себѣ его благословеніе, его святые завѣты жизни для своего преуспѣянія, какъ древнія колоніи брали огонь съ роднаго очага и на своихъ корабляхъ увозили его въ отдаленную страну, и во всю свою жизнь берегли оный какъ святыню, отъ него засвѣчая новые свѣты, но не угашая ихъ источникъ, чтобы передать грядущимъ поколѣніямъ благословенный огнь животворящаго духа жизни.

Пресвитерское, почти пятидесятилѣтнее служеніе почившаго великимъ и несомнѣннымъ опытомъ оправдало истину пути призванія чрезъ рожденіе и воспитаніе. Вѣрно слово, что все это служеніе, изо-дня въ день, до послѣдняго дыханія жизни, было непрерывнымъ рядомъ подвиговъ не громкихъ, но плодотворныхъ для жизни церкви,—какъ бы подвиговъ жизненной силы, которая работаетъ ровно, неустанно, ежеминутно, нынѣ и завтра и всегда. Въ началѣ только пастырь приходскій, но со втораго же года достойнаго пастырства еще законоучитель въ такъ именовавшемся Московскомъ Университетскомъ пансіонѣ, въ этомъ нѣкогда славномъ разсадникѣ науки; — для инаго довольно было бы и этихъ двухъ нелегкихъ служеній, но не такой силы былъ почившій. Прозорливый глазъ Филарета усмотрѣлъ, что этою силою можно и должно еще болѣе воспользоваться для Церкви. Еще на службѣ въ Академіи, наставникъ философіи показалъ себя способнымъ не только въ управленіи

мыслію, но къ практическимъ дѣламъ академической конференціи и правленія по учебному округу. Теперь приходскій пресвитеръ и законоучитель призывается еще быть мѣстнымъ блюстителемъ порядка и благочинія церковнаго, и даже мужемъ совѣта въ цѣломъ управленіи епархіальномъ. Не много ли этого?—Нѣтъ, разсудилъ Филаретъ, — можно еще дать дѣла такой силѣ. И вотъ кромѣ временныхъ, періодическихъ порученій начальства, каковы обозрѣнія духовныхъ училищъ, различныя коммиссіи строительныя, повѣрочныя, на искуснаго и ревностнаго подвижника возлагается еще особенное, постоянное порученіе, тогда секретное, — быть производителемъ нѣкогда сложныхъ, многотрудныхъ дѣлъ въ чрезвычайномъ Комитетѣ по расколу. И здѣсь имѣю возможность свидѣтельствовать, что въ продолженіи 20 лѣтъ весь архивъ сего Комитета предстаетъ во очію какъ памятникъ подвижничества почившаго: все писано его собственною рукою. Не засвидѣтельствуютъ ли много подобнаго и другія хранилища его дѣятельности? — Таковъ былъ вѣкъ и таковы были люди! Такъ трудились наши отцы на пользу святой Церкви, не мудрствуя *о себѣ паче, неже подобаетъ мудрствовати;* они не упокоивали себя, и были сильны о укрѣпляющей ихъ вѣрѣ, что *сила Божія въ немощи совершается*; они твердо вѣрили, что „кто хочетъ сберечь свою жизнь, тотъ ее потеряетъ, а кто готовъ потерять ее Христа ради и Евангелія ради, только тотъ сбережетъ ее“; они твердо вѣрили и исповѣдывали, и дѣтей своихъ поучали, что надлежитъ любить трудъ и особенно трудъ назначаемый свыше: ибо что̀ отъ нашего произвола, то не всегда безопасно, а что̀ не отъ нашей воли, то отъ воли Божіей, и потому благонадежно, такъ какъ сія воля повелѣвающая сильна подать и укрѣпленіе и благоспѣшеніе творящему повелѣнная. Будемъ помнить отцевъ — наставниковъ и подражать вѣрѣ ихъ.

Незнающіе изображаемый вѣкъ скажутъ: какіе идеалы расписываетъ проповѣдникъ,—возможны ли такіе люди, гдѣ такіе люди?— Вотъ же единъ отъ нихъ — почившій. Вся правда его величія и, если угодно, идеальности состоитъ въ смиренномудрой простотѣ; онъ и ему подобные не считаютъ себя совершенствомъ, и не задаются никакими идеалами, а живутъ просто, трезво, вѣрно своему званію и служенію; и изъ всѣхъ этихъ частныхъ, но ежед-

невныхъ случаевъ простоты, трезвости, вѣрности само собою, какъ бы безъ ихъ вѣдома, слагается величіе жизни, какъ гора изъ песчинокъ. Что̀ тутъ невѣроятнаго, что̀ невозможнаго къ подражанію для того, кто искренно желаетъ идти въ ихъ слѣдъ? А идти въ этотъ слѣдъ — достославно. *Братіе,* говорилъ апостолъ, *подражатели мнѣ бывайте, якоже и азъ Христу;* апостольскіе же ученики жизнію своею говорили братіямъ: „подражатели намъ бывайте, якоже и мы апостоламъ"; и такъ чрезъ непрерывное святое преемство, такой же призывающій гласъ слышится и намъ въ достоподражательной жизни нашихъ отцовъ—наставниковъ, вѣрныхъ служителей Церкви Христа Господа всѣхъ.

Правда, почившій добрый пастырь совершалъ свое подвижническое служеніе не безъ наградъ за оное. Но и тутъ сказался трезвый вѣкъ. Не угодно ли нѣсколько полюбопытствовать, какъ небыстро шли награды за непрерывные и чрезвычайные труды? Первое пастырское отличіе набедренникомъ онъ получилъ лишь чрезъ 12 лѣтъ достойнаго служенія Церкви. Въ предстоятеля собратій по званію былъ возведенъ не менѣе какъ чрезъ 18 лѣтъ служенія. Уже изъ этого можно убѣдиться, что въ тотъ вѣкъ подвиги возбуждались не наградами и отцы наши служили не для наградъ. Но этого мало. Что̀ особенно поучительно, они—наши отцы—наставники отъ получаемыхъ ими условныхъ вѣнцевъ и отличій не возникали главою своею. Напротивъ, кажется, поникали, облачась во всю велелѣпоту и встрѣчаясь съ собратіями менѣе ихъ украшенными. Таковъ, по крайней мѣрѣ, несомнѣнно былъ почившій. Послѣ 32 лѣтъ подвижничества, поставленный на единственную высоту, возможную тогда только для одного лица изъ бѣлаго духовенства въ цѣлой епархіи, поставленный въ протопресвитера Московскаго Успенскаго Собора и въ члена синодальной конторы, облеченный палицею и митрою, а въ послѣдствіи еще чрезъ 14 лѣтъ сего новаго важнѣйшаго служенія сопричисленный къ ордену св. Анны 1-й степени,—этотъ превознесенный никогда не измѣнялъ своей обычной скромности. Всѣ его уважали, всѣ чистосердечно признавали его превосходство, всѣ готовы были его чествовать; но онъ всегда съ своими собратіями естественно становился на равную

ногу, и всегда для всѣхъ былъ простѣйшимъ, добрѣйшимъ, любезнѣйшимъ *Димитріемъ Петровичемъ*.

Не утомляю ли васъ, отцы и братіе, если еще нѣсколько продолжу слово о неутомимости, плодотворности и безкорыстности трудовъ почившаго? Но въ этомъ виною будетъ не что другое, какъ самая эта дивная неутомимость. Умолчать же о послѣдующемъ не могу. Уже протопресвитеръ и членъ Синодальнаго управленія, глубоко разумѣя церковную важность духовнаго просвѣщенія и угадывая для него настоятельную потребность новыхъ путей, согласно обстоятельствъ времени, онъ не усумнился, не уклонился стать на новую нелегкую работу. Такая работа требовала молодыхъ силъ, а онъ маститый старецъ сталъ тутъ на ряду съ молодыми, и скромно и спокойно, но прозорлино и твердо велъ свое правило, споспѣшествуя успѣху дѣла. Вы понимаете, что мы говоримъ о новыхъ московскихъ духовныхъ изданіяхъ, которыхъ о. протопресвитеръ былъ первымъ просвѣщеннѣйшимъ, усерднѣйшимъ и безкорыстнѣйшимъ цензоромъ.

Такъ почившій великъ и равенъ себѣ отъ начала до конца своего служенія. Пять лѣтъ тому назадъ исполнилось пятидесятилѣтіе со времени поступленія его на службу въ Московской духовной академіи. Не столько по обычаю новаго времени, сколько по единодушному всѣхъ сознанію достоинства, заговорили о праздникѣ; но о. протопресвитеръ по смиренномудрію своему едва уступилъ, чтобы чѣмъ-нибудь ознаменовать нарочитый день, и уступилъ едва ли не единственно настоянію Академіи, которую онъ глубоко чтилъ какъ воспитавшую его мать, какъ первое мѣсто своего служенія, которому онъ и послѣ сотрудничествовалъ, какъ дѣйствительный членъ конференціи Академіи. Какъ извѣстно, въ день юбилейный, Академія поднесла ему дипломъ на званіе своего почетнаго члена. Прежняя его паства, его ученики и почитатели разсѣянные по всей Россіи, всѣ учрежденія епархіальнаго управленія, духовныя училища, редакціи московскихъ духовныхъ изданій, братія Успенскаго Собора, самъ маститый архипастырь въ Бозѣ почившій митрополитъ Иннокентій искренно привѣтствовали достойнаго виновника праздника. Сама Высочайшая власть ознаменовала свое милостивое вниманіе къ нему пожалованіемъ креста украшен-

наго драгоцѣнными камнями. То былъ послѣдній земной вѣнецъ необыкновенному дѣлателю въ Церкви Божіей. Но этотъ полновѣсный вѣнецъ принятъ былъ имъ еще болѣе скромно, чѣмъ всѣ прежніе, въ рѣшительное соотвѣтствіе цѣльному характеру личности и всей жизни.

Время бы кончить слово уже довольно протяженное; но образъ почившаго остался бы незавершеннымъ въ изображеніи,—безъ нѣкоторыхъ послѣднихъ особенно строгихъ чертъ, какими благоугодно было еще запечатлѣть жизнь своего избраннаго служителя небесному Пастыреначальнику. Ни одна самая высокая личность въ этомъ мірѣ, ни въ какихъ самыхъ высокихъ и многообразныхъ дѣяніяхъ не можетъ проявить, не можетъ даже уравнительно и сознать всей глубины своего духа — ни его совершенствъ, ни самыхъ его несовершенствъ. Такъ глубоко положенъ въ человѣкѣ творческимъ Словомъ Божіимъ образъ Бога невидимаго, и, увы, видно до той же глубины дерзнуло проникнуть противобожественное слово исконнаго человѣкоубійцы, слово лжи, слово грѣха: ибо паки слово Божіе принуждено дѣйствовать на человѣка „острѣе меча обоюду острa, проницая даже до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ“,— по Божественному откровенію великому апостолу. Вотъ гдѣ тайна человѣческихъ страданій: всѣмъ и каждому — наконецъ *скорбми подобаетъ внити въ царствіе Божіе*. Потому-то болѣе высокой душѣ благопотребна болѣе глубокая скорбь. Большему совершенству острѣйшее испытаніе. Какъ злато ввергается душа въ огнь скорби, чтобы дойдти ей до возможнаго здѣсь совершенія, которое и достигается удобнѣе чрезъ свободное и немалодушное терпѣніе. Такое-то огненное испытаніе къ вящшему усовершенію, по премудрому и всеблагому изволенію Божію, претѣрпѣла и душа почившаго. И всѣмъ намъ извѣстно, каковъ былъ этотъ огнь и каково было терпѣніе, ко всеобщему изумленію. Кажется, седмерицею очищалъ Свое злато Всебогатый въ милости и щедротахъ, съ каждымъ разомъ, съ каждою новою скорбію по истинѣ усиливая пламень; и великая душа, укрѣпляясь вѣрою, всё претерпѣвала не только безропотно, но съ величіемъ духа, въ самомъ пламени не поникавшаго, но въ немъ бодрственнѣе возникавшаго — въ предстояніи откровеннымъ лицемъ престолу Христа Бога, въ совершеніи Его безмѣр-

ной жертвы, въ молитвенномъ восхищенномъ созерцаніи Славы Его насъ ради человѣкъ распятаго, но воскресшаго и прославленнаго. Чтобы понять сіе, довольно припомнить одно священнослуженіе почившаго при погребеніи его зятя, досточтимаго протоіерея Николая, оставившаго тестю, уже немощствующему старцу великую семью круглыхъ сиротъ,—немощствующему, но несмутившемуся.

Мнѣ кажется, отцы и братіе, что почившій былъ превознесенъ и въ скорби не менѣе, чѣмъ въ благополучіи; и что въ ономъ скорбномъ превознесеніи онъ по истинѣ *откровеннымъ лицемъ славу Господню взирая, въ той же образъ* тщился *преобразоватися* отъ силы въ силу, *отъ славы въ славу, яко же отъ Господня Духа.*

Чего же еще не достаетъ? — Кажется всё совершено: *подвигомъ добрымъ подвизася, теченіе сконча, вѣру соблюде, — прочее уготовляется ему вѣнецъ правды, его же воздастъ правсдный Судія въ день онъ—всѣмъ возлюбльшимъ явленіе Его.* До дне же онаго, по глаголу Духа, *ей, да почіетъ отъ трудовъ своихъ, дѣла бо его идутъ въ слѣдъ его.* Мы же, отцы и братіе, поминая его къ подражанію, рцемъ вси, отъ всея души и отъ всего помышленія нашего рцемъ: Господи церкви, покой душу вѣрнаго служителя Твоего, преставльшагося протопресвитера Димитрія. Аминь.

Протоіерей Н. Сергіевскій.

ПАПИЗМЪ ВЪ НАУКѢ.

(ОТВѢТЪ ПРОФ. ВАГНЕРУ).

Недавно мною издана книга подъ заглавіемъ: *Натуралистъ Уоллэсъ, его русскіе переводчики и критики* (къ вопросу о происхожденіи человѣка). Эта книга вызвана была прежде всего и главнымъ образомъ статьей проф. Н. П. Вагнера, приложенной къ переводу книги Уоллэса: „Естественный подборъ". Въ этой своей статьѣ г. Вагнеръ усиливается доказать неправильность мысли Уоллэса, что одни естественные факторы недостаточны для раціональнаго объясненія происхожденія человѣка и что изученіе коренныхъ особенностей, отличающихъ человѣка отъ животныхъ, необходимо ведетъ безпристрастную научную мысль къ предположенію воздѣйствія высшей разумной силы на процессъ происхожденія человѣка. Безпристрастно сопоставляя и взвѣшивая а) доводы г. Вагнера въ пользу его мысли о совершенной достаточности однихъ натуральныхъ факторовъ для изъясненія происхожденія человѣка и б) доводы Уоллэса въ пользу необходимости прибѣгнуть къ предположенію воздѣйствія высшей разумной силы на процессъ происхожденія человѣка, я немогъ не видѣть, что доводы г. Вагнера не выдерживаютъ этого сопоставленія и падаютъ предъ силою доводовъ Уоллэса и предъ силою иныхъ доводовъ и соображеній, какіе естественно представляются всякому мыслящему человѣку. Имѣя въ виду а) особую важность вопроса о происхожденіи человѣка и б) орга-

ническую связь съ такимъ или инымъ рѣшеніемъ этого вопроса тѣхъ или другихъ моральныхъ, соціологическихъ и политическихъ воззрѣній, въ книгѣ своей я высказалъ желаніе, чтобы г. Вагнеръ или кто-либо другой изъ противниковъ Уоллэса, — напр. проф. Мечниковъ, котораго статья противъ Уоллэса также разбирается въ моей книгѣ, — съ достаточной серьезностью и обстоятельностью а) доказали научность ихъ гипотезы относительно условій и способа происхожденія человѣка и ненаучность гипотезы Уоллэса, невольно привлекающей на свою сторону безпристрастную логическую мысль, б) или же, въ случаѣ невозможности сдѣлать это, открыто признали бы сравнительную правильность гипотезы Уоллэса и ее пропогандировали. При этомъ я высказалъ, что, въ случаѣ дѣйствительнаго, а не фиктивнаго, пораженія гипотезы Уоллэса, и я не преминулъ бы печатно отречься отъ того, что подробно защищаетъ моя книга. Думаю, что всякій человѣкъ, которому дорога только одна истина, а не предзанятые взгляды, поступилъ бы и поступитъ совершенно также.

Естественно, я съ особеннымъ нетерпѣніемъ и интересомъ ожидалъ, что же скажутъ въ отвѣтъ на мою книгу спеціалисты въ естествознаніи, и въ особенности тѣ изъ нихъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло моя книга. Въ *апрѣл.* № журнала „Свѣтъ“, издаваемаго проф. Вагнеромъ, появляется отвѣтъ мнѣ этого почтеннаго профессора. Но какой отвѣтъ?! Читая этотъ отвѣтъ, такъ и воображаешь, что г. Вагнеръ мнитъ себя папою въ наукѣ, непогрѣшимость котораго утверждена на какомъ-то соборѣ и неподлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, а всякій, неимѣющій чести быть по спеціальности своихъ занятій натуралистомъ, является въ глазахъ почтеннаго профессора не смѣющимъ смѣть своего сужденья имѣть и обязаннымъ съ подобающимъ благоговѣніемъ принимать за научный догматъ все то, что благоугодно будетъ натуралисту объявить таковымъ. Печатью папизма запечатлѣнъ отвѣтъ г. Вагнера и въ томъ отношеніи, что онъ не пренебрегаетъ пускать въ дѣло іезуитскіе пріемы для поддержанія въ глазахъ непосвященныхъ читателей ученаго величія своего и моего ученаго ничтожества. Не поразительно-ли это? А между тѣмъ сказанное мною безусловно справедливо.

Отвѣтъ свой г. Вагнеръ начинаетъ слѣдующими словами: „ко-

гда предметъ ясенъ для всѣхъ и не требуетъ опроверженія, тогда для этихъ опроверженій необходимо написать цѣлую книгу, что̀ и сдѣлалъ г. Гусевъ". Кто же—тѣ счастливцы, спрошу я г. Вагнера, которые *ясно* видятъ нелѣпость мысли знаменитѣйшаго англійскаго натуралиста Уоллэса относительно происхожденія человѣка? Приписывать себѣ въ данномъ случаѣ такія качества могъ бы только папа, но вѣдь, по католическому ученію, ему самъ Богъ открываетъ и уясняетъ истину. Кто же открылъ до полной ясности нелѣпость мысли Уоллэса г. Вагнеру? Желалось бы знать. Да и почему эта ясность въ пониманіи нелѣпости мысли Уоллэса осѣнила и украшаетъ не всѣхъ натуралистовъ, а лишь натуралистовъ извѣстнаго предзанятаго направленія? Уоллэсъ, Катрфажъ и многіе другіе не только не имѣютъ *яснаго* сознанія касательно нелѣпости мысли, защищаемой моей книгою, но наоборотъ, считаютъ несостоятельнымъ противоположное воззрѣніе, отстаиваемое г. Вагнеромъ, г. Мечниковымъ и другими. Что же значитъ этотъ фактъ? Но, что особенно важно, почему же г. Вагнеръ столь ясное и очевидное для него не потрудился сдѣлать столь же яснымъ и очевиднымъ для всѣхъ и въ частности для меня, когда онъ боролся въ своей статьѣ со взглядомъ Уоллэса? Вѣдь для меня и для всякаго желательно только то, чтобы истина, ясная и очевидная для г. Вагнера, стала бы таковою и для другихъ. Книга моя и написана въ тѣхъ видахъ, чтобы г. Вагнеръ по крайней мѣрѣ въ другой своей статьѣ доказалъ ясно то, чего нисколько не удалось ему сдѣлать въ статьѣ, приложенной къ книгѣ Уоллэса. А между тѣтъ г. Вагнеръ съ своей ученой высоты не хочетъ спуститься до насъ, неспеціалистовъ въ естествознаніи, и не желаетъ ясно повѣдать намъ ясное для него. Какъ ни высоко стоитъ римскій папа сравнительно съ массою вѣрующихъ, но онъ ясное для него хочетъ ясно ввести въ сознаніе другихъ, менѣе всего пренебрегая устраненіемъ указываемыхъ ими недоразумѣній и возраженій относительно какаго-либо ученія [1]). Благоволите же, г. Вагнеръ, по-

[1]) Даже дьяволу папизмъ предоставляетъ право голоса, выслушиваетъ этотъ голосъ и принимаетъ въ соображеніе. Такъ напр. прежде чѣмъ состоится канонизація того или другаго святаго, предоставляется слово и дьяволу....

слѣдовать этому благому примѣру и не требуйте отъ насъ профановъ того, чему противится человѣческая природа,—именно только выслушиванія, но не самостоятельнаго разсужденья. Не выдавайте себя и всевѣдущимъ, утверждая будто справедливость вашей гипотезы ясна для всѣхъ людей. Нѣтъ! она ясна только для нѣкоторыхъ, а для всѣхъ загадочна и неудовлетворительна. Да и не странно ли говорить о томъ, что несостоятельность мысли Уоллэса ясна для всѣхъ, когда самъ же г. Вагнеръ только-что напрягался доказать эту несостоятельность?! Или достаточно одного его слова, чтобы *всѣ* сразу уразумѣли нелѣпость мысли Уоллэса? Папа, да и только... Итакъ, подѣлитесь же съ нами—профанами—вашими знаніями и соображеніями, выяснивъ какъ слѣдуетъ нелѣпость мысли Уоллэса. Въ противномъ случаѣ, мы въ правѣ считать истиннымъ воззрѣніе Уоллэса, а ваше—ложнымъ. Мало того: что́ касается въ частности до меня, я въ правѣ думать, что вы, г. Вагнеръ, ясно видите справедливость сказаннаго въ моей книгѣ, но не желаете отказаться отъ предзанятаго взгляда и потому морочите публику. Если это мое предположеніе невѣрно, то докажите его невѣрность дѣйствительнымъ опроверженіемъ моего взгляда, а не указываніемъ на ученое, величіе, которое всякій можетъ видѣть только изъ вашего серьезнаго и обстоятельнаго анализа моихъ возраженій, а не изъ чего-либо другаго....

Далѣе г. Вагнеръ указываетъ мнѣ на то, что я никогда непосредственно не изучалъ и не изслѣдывалъ растительно-животной жизни и ея развитія и что слѣд. не могу быть судьей и въ вопросѣ о происхожденіи человѣка. Многое можно было бы сказать противъ этого указанія на рѣшительную некомпетентность сужденій неспеціалистовъ въ естествознаніи, когда идетъ рѣчь о той или другой гипотезѣ или теоріи. Ограничусь однако краткимъ замѣчаніемъ. Въ предисловіи къ своей книгѣ я уже отпарировалъ предполагавшійся обычный упрекъ, остается сожалѣть, что г. Вагнеръ *какъ будто* бы не знаетъ этого. Въ моей книгѣ значится: „не претендуя на спеціальность по части естественныхъ наукъ, въ настоящемъ случаѣ [2]) мы будемъ имѣть

[2]) Т.-е. при сравнительной оцѣнкѣ доводовъ и соображеній англійскаго натуралиста Уоллэса и нашего отечественнаго натуралиста проф. Н. П. Вагнера.

дѣло собственно съ логическою стороной мыслей того и другаго ученаго (Уоллэса и г. Вагнера), будучи увѣрены, что въ естествознаніи логика имѣетъ значеніе по меньшей мѣрѣ равносильное съ значеніемъ факта (стр. 10). Приведенныя слова изъ моей книги свидѣтельствуютъ, что проф. Вагнеръ напрасно не допускаетъ возможности для неспеціалиста въ естествознаніи судить о достоинствѣ той или другой гипотезы, теоріи. Всякая естественнонаучная гипотеза или теорія, будучи логическимъ построеніемъ, основаннымъ на тѣхъ или другихъ фактическихъ данныхъ, подлежитъ суду не однихъ только тѣхъ, кто непосредственно изучаетъ и изслѣдуетъ явленія и предметы природы, но и всѣхъ тѣхъ, кто не лишенъ серьезнаго общаго образованія и привыкъ къ отчетливому логическому мышленію. Никто не станетъ сомнѣваться въ томъ, что можно быть замѣчательнымъ знатокомъ той или другой отрасли естествознанія и даже дѣлать въ ней открытія, но въ то же время не отличаться способностью критическаго сужденія о сравнительномъ достоинствѣ какой-либо общей гипотезы, какой-либо широкой теоріи. Отсюда-то и происходитъ нерѣдко, что, въ случаѣ появленія ихъ, первая надлежащая оцѣнка ихъ состоятельности или несостоятельности исходитъ вовсе не отъ лица натуралистовъ, но отъ людей иной спеціальности, и затѣмъ уже дѣлается достояніемъ первыхъ. Проф. Вагнеръ долженъ знать, что и раціональный взглядъ на теорію Дарвина былъ высказанъ наиболѣе резонно прежде всего ненатуралистами и что эти послѣдніе своимъ пониманіемъ капитальныхъ недостатковъ теоріи Дарвина обязаны едва ли не преимущественно критикѣ ея мыслителями неспеціалистами въ естествознаніи. Къ чему же послѣ этого г. Вагнеръ отрицаетъ у насъ — ненатуралистовъ—возможность трезвой и плодотворной оцѣнки ученій, въ качествѣ гипотезъ и теорій предлагаемыхъ естествовѣдами? Я менѣе всего расположенъ думать, будто не требуется возможно-хорошаго знакомства съ естественно-научными данными для компетентной оцѣнки тѣхъ или другихъ естественнонаучныхъ доктринъ. Но надѣюсь, всякій согласится со мною, что это знакомство можетъ быть пріобрѣтено всякимъ научно-развитымъ человѣкомъ не изъ непосредственнаго только изученія и изслѣдованія данныхъ предметовъ и явленій природы. Пути и средства этаго знакомства, особенно

въ наше время, такъ разнообразны и доступны для интересующихся... Въ иныхъ же случаяхъ достаточно прочитать внимательно и продумать серьёзно то или другое естественнонаучное произведеніе, чтобы, сопоставивши и взвѣсивши а) основанія предлагаемаго въ немъ ученія и б) построяемые на нихъ выводы, видѣть рѣшительную несостоятельность этого ученія. Именно въ такомъ положеніи я былъ, когда разсматривалъ написанное проф. Вагнеромъ и проф. Мечниковымъ противъ Уол. лэса. И если бы Н. П. Вагнеръ находилъ, что мое сужденіе объ его статьѣ потому-то и потому-то неправильно, то конечно онъ доказалъ бы это ужь никакъ не ссылкою на то что я не спеціалистъ въ естествознаніи. Поэтому, ссылка его на свой авторитетъ должна разсматриваться, какъ замаскированное сознаніе безсилія опровергнуть мои возраженія. Иначе думать, кажется, было бы неосновательно. Когда я анализировалъ ученіе г. Вагнера о происхожденіи напр. нравственнаго чувства, то мнѣ и въ голову не приходила мысль корить нашего натуралиста тѣмъ, что онъ неспеціалистъ въ нравственной философіи, и говорить, что здѣсь онъ не долженъ смѣть своего сужденія имѣть. И это—именно потому, что я сознавалъ не одно только неприличіе этого пріема въ полемикѣ, но и то, что этотъ пріемъ можетъ служить орудіемъ не противъ г. Вагнера, а только и единственно противъ меня.

Мало сказать, что натуралисты не въ правѣ оспаривать у образованныхъ мыслящихъ людей способность судить о достоинствѣ той или другой естественнонаучной доктрины, имѣющей научно-философскій характеръ. Наоборотъ, натуралисты должны желать, чтобы въ средѣ неспеціалистовъ въ естествознаніи развивалась способность критическаго сужденія и въ этомъ отношеніи. Только въ случаѣ надлежащаго развитія этой способности неспеціалисты въ естествознаніи могутъ быть сторонниками *раціональной* естественнонаучной гипотезы или теоріи, а не *всякой*, какая бы ни появилась, являются сознательно уважающими труды великихъ и малыхъ натуралистовъ и бываютъ способны къ осмысленному приложенію и проведенію въ жизни узнаннаго и какъ должно оцѣненнаго. Не бѣда, если неспеціалистъ иногда не сумѣетъ правильно оцѣнить какое-либо естественнонаучное ученіе. Вопервыхъ, ошибаются часто въ этомъ отно-

шеніи и великіе натуралисты. Вовторыхъ, если мы, профаны, ошибемся, самостоятельно оцѣнивая естественнонаучныя гипотезы и теоріи, то съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ мы слушаемъ резонное указаніе нашихъ заблужденій. Между тѣмъ г. Вагнеръ поступаетъ какъ разъ наоборотъ: кичится и величается своею ученостью, но не показываетъ мнѣ эту ученость на дѣлѣ—обстоятельномъ и серьезномъ разборѣ моихъ возраженій противъ его статьи. Пусть же винитъ только себя самого г. Вагнеръ, если я и единомыслящіе со мною будутъ съ полнымъ убѣжденіемъ считать научно правильною гипотезу Уоллэса, а гипотезу проф. Вагнера—наивною. Ссылаясь на то, что я не спеціалистъ въ естествознаніи, г. Вагнеръ при этомъ упустилъ изъ виду самую простую вещь, а именно: что спеціалисты и существуютъ для того, чтобы вмѣсто забавныхъ ссылокъ на свой авторитетъ, разъяснять намъ, профанамъ, наши недоразумѣнія и дѣлиться съ нами своими познаніями. Вѣдь Уоллэсъ, изъ сочиненія котораго привелъ г. Вагнеръ свою цитату, входитъ въ разсмотрѣніе малѣйшихъ возраженій своего противника неспеціалиста и серьезно разбираетъ ихъ; что же собственно удержало отъ этого же образа дѣйствій проф. Вагнера въ отношеніи ко мнѣ? Если я только потому не принимаю гипотезы проф. Вагнера,—какъ онъ утверждаетъ—что не изучалъ непосредственно растительно-животной жизни и ея развитія, то г. Вагнеру и оставалось разбить мои возраженія раскрытіемъ предъ читателями вѣдомыхъ ему тайнъ природы, а онъ вмѣсто этого, вопреки примѣру Уоллэса и существу дѣла, говоритъ мнѣ: я, г. Вагнеръ, есмь извѣстный натуралистъ, а ты, г. Гусевъ—несмыслишь ничего въ естествознаніи и потому молчи. Оригинально и поучительно! Для *надлежащей* послѣдовательности г. Вагнеру остается одно: воспретить намъ, профанамъ, самое чтеніе изслѣдованій по естествознанію. Въ самомъ дѣлѣ, это было бы съ точки зрѣнія г. Вагнера, вполнѣ послѣдовательно. Кто серьезно интересуется естествознаніемъ и читаетъ произведенія естествовѣдовъ, тотъ не можетъ не обдумывать ихъ ученія, не критиковать эти послѣднія и при случаѣ не высказывать печатно своихъ недоразумѣній, сомнѣній и возраженій. Что же дѣлать? Виновата природа въ томъ, что человѣческій умъ не есть только складочный магазинъ для того, чему учатъ или хотятъ учить натуралисты, а

склоненъ обдумывать и обсуждать критически даже—о, дерзость! творенія этихъ послѣднихъ. Послѣ этого что же наивѣрнѣе можетъ гарантировать ученіе натуралистовъ отъ критики со стороны насъ, профановъ, какъ не рѣшительный запретъ читать произведенія натуралистовъ? Предлагаю проф. Вагнеру для послѣдовательности наложить запретъ на чтеніе сочиненій по естествознанію, а прежде этого прекратить изданіе журнала „Свѣтъ", въ которомъ наибольшее количество статей относится къ естествознанію, — притомъ такихъ статей, которыя намъ, профанамъ представляются большею частью чуть не поруганіемъ, ради посторонней тенденціи, надъ требованіями науки и раціональнаго мышленія... Тогда г. Вагнеръ еще болѣе напоминалъ бы римскихъ папъ, которые, какъ извѣстно, запрещали мірянамъ читать св. Писаніе въ тѣхъ видахъ, чтобы они міряне—не доходили до критики и осужденія папской доктрины.

Указавши, что я непосредственно не изучалъ природы и что поэтому долженъ считаться не судьею въ вопросѣ о происхожденіи человѣка, проф. Вагнеръ опровергаетъ *все* написанное мною въ защиту мысли Уоллэса—чѣмъ-бы вы думали, читатель? тѣмъ самымъ мѣстомъ изъ книги Уоллэса, которое мною подробно разобрано и основная мысль котораго обстоятельно опровергнута въ моемъ сочиненіи (стр. 166—194 и выше стр. 145—149)! *Проф. Вагнеру предстояло опровергнуть то, что я говорю противъ одной непослѣдовательной мысли Уоллэса, а онъ эту непослѣдовательную мысль мною опровергнутую приводитъ для опроверженія всей моей книги.* Вотъ что значитъ духъ папства: оказывается, что практикуетъ г. Вагнеръ и іезуитскіе пріемы для сокрытія отъ читателей журнала „Свѣтъ" сущности дѣла. Признаюсь, этого-то я никакъ не ожидалъ отъ профессора и академика Н. П. Вагнера, который,—вѣрилъ я,—не только не позволитъ себѣ прибѣгать для самозащиты къ какой-либо гнусной фальши, но охотно откажется отъ своихъ воззрѣній по вопросу о происхожденіи человѣка, какъ скоро не найдетъ *надлежащихъ* соображеній и доводовъ для достаточной защиты ихъ противъ возраженій изложенныхъ въ моей книгѣ. Но къ прискорбію и на г. Вагнерѣ отразилась мысль Гоббеса, говорившаго, что если дѣло коснется предзанятаго воззрѣнія, въ которомъ заинтересовано чувство, то человѣкъ не только готовъ отречься отъ явной математической

истины, но и защищать свое мнѣніе *всякими* средствами, какъ бы они презрѣнны ни были. Но, разъ позволивши себѣ іезуитскій пріемъ для сокрытія отъ читателей существа дѣла, проф. Вагнеръ не останавливается, а идетъ дальше и дальше. Г. папа, т.-е. профессоръ, не безъ *особаго* умысла неправильно передаетъ заглавіе и содержаніе нашего сочиненія и искажаетъ даже сущность нашего письма къ нему, какъ къ редактору журнала „Свѣтъ“. Книга наша у г. Вагнера озаглавливается: „Натуралистъ Уоллэсъ и его русскіе переводчики“, причемъ слово: „и критики“ выброшено. Не потому ли уже допущена такая неправильность при передачѣ заглавія книги, чтобы читатель не зналъ, что въ ней идетъ рѣчь о статьѣ проф. Вагнера, приложенной къ переводу сочиненія Уоллэса: „Естественный подборъ“? Проф. Вагнеръ характеризуетъ общее содержаніе моей книги какъ „разборъ перевода сочиненія Уоллэса“, изданнаго подъ редакціей этого профессора, и совершенно умалчиваетъ, что въ моей книгѣ прежде всего и главнымъ образомъ разбирается статья самого г. Вагнера, такъ что разборъ этой статьи занимаетъ наибольшую половину книги. Всякому и безъ нашихъ комментаріевъ понятно, зачѣмъ продѣлываетъ такія вещи мой гордый и величественный противникъ. Онъ боится, чтобы читатели его журнала, заинтересовавшись моей книгою, не постарались пріобрѣсти ее и узрѣть, что̀ и насколько несостоятельно изглагаетъ г. Вагнеръ въ своей статьѣ. Всѣмъ этимъ проф. Вагнеръ дѣлаетъ мнѣ особенную честь: онъ ужь черезчуръ постарался доказать, что я — опасный противникъ его ученія о происхожденіи человѣка, и что это ученіе всецѣло и безповоротно ниспровергнуто моею книгою. Значитъ, правъ я былъ, высказывая въ своей книгѣ, что взглядъ Уоллэса на происхожденіе человѣка въ такой степени твердъ, что его не поколеблетъ никакая критика. Хотя защитникомъ мысли Уоллэса явился такой слабый защитникъ, какъ я, однако и я нагналъ страхъ на г. Вагнера, радъ торжеству истины и сожалѣю, что такъ бѣгутъ отъ нея другіе, не смотря на то, что видятъ ея силу и неуязвимость. По указаннымъ же конечно побужденіямъ проф. Вагнеръ скрываетъ главную сущность моего письма къ нему, какъ редактору. Въ своемъ письмѣ я просилъ проф. Вагнера о двухъ вещахъ: а) напечатать въ апр. № журнала „Свѣтъ“ *подробное* объявленіе о моей

книгѣ и б) въ случаѣ возможности поручить, въ интересахъ разъясненія истины по вопросу о происхожденіи человѣка, кому-либо изъ безпристрастныхъ и компетентныхъ лицъ написать и напечатать обстоятельный и резонный разборъ моей книги. Проф. же Вагнеръ совершенно умалчиваетъ о первой моей просьбѣ, не напечатавъ объявленія о моей книгѣ. Конечно, деньги были бы немедленно получены имъ по напечатаніи объявленія, но за то вѣдь читатели „Свѣта“ (?!) тогда знали бы о существеннѣйшемъ и главномъ содержаніи моей книги, направленномъ противъ папы-натуралиста.... Не хотѣлось бы говорить объ этихъ мелочахъ, но эти мелочи краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что̀ значитъ въ наше время говорить въ пользу извѣстныхъ воззрѣній и какъ мѣшаютъ распространенію и утвержденію ихъ въ общественномъ сознаніи даже люди науки, столь много думающіе о себѣ. И они—эти ученыя люди — видя не видятъ истины и вооружаются противъ нея и іезуитизмомъ и всякими иными возможными, но неблагородными мѣрами. Грустно, читатель, видѣть все это, особенно на тѣхъ, кто, нося святое званіе ученыхъ, должны бы любить больше всего истину, отъ кого бы она ни исходила и какова бы ни была....

Приведя для опроверженія моего взгляда опровергнутую мною непослѣдовательную мысль Уоллэса, проф. Вагнеръ говоритъ, нисколько не смущаясь нѣкоторымъ цинизмомъ своихъ словъ слѣдующее: „этого *вполнѣ* достаточно для отвѣта г. Гусеву, такъ какъ его, *очевидно*, интересуетъ не научный вопросъ: отсюда видна для каждаго *безпристрастнаго* читателя не только сущность спора, но даже его мотивы“. Новый безцеремонный маневръ, котораго не желалось бы видѣть даже у читателей проф. Вагнера. Въ самомъ дѣлѣ, къ чему это смѣлое увѣреніе, будто меня интересуетъ не научный вопросъ? Говоря такъ, г. Вагнеръ не только допускаетъ сознательную ложь, но и противорѣчитъ себѣ самому—своей статьѣ, приложенной къ переводу книги Уоллэса. Въ этой статьѣ проф. Вагнеръ разбираетъ ученіе Уоллэса о происхожденіи человѣка и излагаетъ свои соображенія и доводы по тому же вопросу. Не странно ли, что тотъ же вопросъ о происхожденіи человѣка, являющійся у г. Вагнера научнымъ вопросомъ, у насъ становится инымъ какимъ-то? Еще могъ бы что-либо подобное высказывать г. Вагнеръ, еслибы онъ

доказалъ подробнымъ и аргументальнымъ анализомъ нашей книги, что я неправильно нашелъ его воззрѣніе по вопросу о происхожденіи человѣка ненаучнымъ и даже наивнымъ въ нѣкоторыхъ его основаніяхъ. Между тѣмъ г. Вагнеръ, возмнивши себя непогрѣшимымъ папою, голословно произноситъ приговоръ надъ тѣмъ, чего онъ не въ состояніи опровергнуть при всѣхъ своихъ неисчислимыхъ познаніяхъ въ естествознаніи и отъ чего бѣжитъ со страху его безсильная въ данномъ случаѣ мысль. Но быть-можетъ проф. Вагнеръ позволяетъ себѣ высказывать эту мысль потому, что считаетъ ненаучнымъ признаніе воздѣйствія высшей разумно-свободной силы на процессъ происхожденія человѣка. Но и на этомъ основаніи онъ могъ бы говорить *единственно* въ томъ случаѣ, когда бы основательно доказалъ, что мысль о вліяніи высшей разумной силы на процессъ происхожденія человѣка не должна быть принимаема въ качествѣ научной гипотезы по самому понятію объ этой послѣдней. Но этого не сдѣлалъ, да и не можетъ сдѣлать даже самъ г. Вагнеръ: тотъ методъ, который нынѣ господствуетъ и рекомендуется какъ положительно-научный, не только допускаетъ, но и требуетъ построенія и принятія, въ качествѣ научной гипотезы, мысли о воздѣйствіи высшей разумно-свободной силы на органическіе процессы, какъ скоро этого требуетъ наиболѣе раціональное изъясненіе этихъ процессовъ. Но вмѣсто серьезнаго опроверженія научности этой гипотезы, проф. Вагнеръ голословно второй разъ объявляетъ ее ненаучной. Такъ тверда и могуча *вѣра* г. Вагнера въ свои научныя иллюзіи: и самъ не разсуждая принимаетъ, и другимъ велитъ не разсуждая принимать за подлинно и единственно научную гипотезу то, во что̀ онъ *вѣруетъ*, несмотря ни на что. Удивительно при этомъ то, что свою вѣру г. Вагнеръ считаетъ не вѣрою, а научнымъ знаніемъ, тогда какъ мысль о высшей разумно-свободной силѣ для г. Вагнера есть не научная гипотеза, а не болѣе какъ безотчетное предзанятое вѣрованіе. Странная логика, хотя ей многіе слѣдуютъ изъ тѣхъ, кто привыкъ не давать себѣ отчета въ словахъ....

Какъ видѣлъ читатель, проф. Вагнеръ хочетъ усмотрѣть какіе-то побочные мотивы, а не одни только научные, въ томъ, что̀ побудило меня написать книгу для защиты мысли Уоллэса противъ нападокъ г. Вагнера. Если угодно было г. Вагнеру поднять

вопросъ о мотивахъ, то и я могъ бы по крайней мѣрѣ спросить его, во имя чего и для какого общечеловѣческаго блага не только упорствуетъ онъ въ непринятіи научной гипотезы, въ пользу которой говорятъ самые нападки его, но даже не стѣсняется прибѣгать къ нравственно-недозволительнымъ мѣрамъ для противодѣйствія признанію и распространенію ея? Полагаю, что чистота и возвышенность мотивовъ и цѣлей можетъ предугадываться смотря по тому, кто и какъ ведетъ дѣло защиты своего воззрѣнія. Если проф. Вагнеру удастся найти во *всей* моей книгѣ то, что̀ отталкивающаго я нашелъ на шестидесяти только строкахъ его отвѣта, тогда онъ въ правѣ заподозрѣвать чистоту и благородство ея мотивовъ и цѣлей при писаніи книги. Чистое дѣло вѣдь не требуетъ грязныхъ средствъ.... Очень сожалѣю, что проф. Вагнеръ затронулъ подобный вопросъ и поставилъ меня въ необходимость высказать только-что сказанное. Впрочемъ, я и прямо могъ бы сказать въ отвѣтъ на вопросъ г. Вагнера, что, пиша книгу, я руководился чистыми мотивами и чистыми цѣлями. Я желалъ высказать то, что̀ считаю неоспоримою истиною, въ видахъ пропаганды этой истины среди отшатнувшихся отъ нея подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ причинъ интеллектуальныхъ. Кто говоритъ иное относительно меня, тотъ завѣдомо клевещетъ. Такую клевету однакожъ позволилъ себѣ неизвѣстный авторъ, говоря въ томъ же апр. нумерѣ „Свѣта“ по поводу статьи Навиля: *Физика и мораль*, помѣщенной въ 3 кн. Revue philosophique за текущій годъ. Въ концѣ своей статьи неизвѣстный авторъ говоритъ слѣдующее: „мы нарочно помѣщаемъ статью Навиля для людей, которые полагаютъ, что естественно-научная философія непремѣнно должна идти противъ религіи. Каждая новая гипотеза возбуждаетъ у нихъ скрежетъ зубовный, и они воображаютъ, что зданіе религіи рушится. Невѣроятное заблужденіе! Однако, этому заблужденію посвящаютъ цѣлыя книги, какъ напр. книга г. Гусева... Очевидно, опасность для религіи и нравовъ вовсе не въ естественныхъ наукахъ и ихъ гипотезахъ“ (стр. 191). Нелѣпая мысль, будто естественно-научная философія, какъ таковая, внѣ матеріалистическаго послѣдовательнаго направленія, непремѣнно должна идти противъ христіанской религіи, не могла придти мнѣ и въ голову. Точно также въ высшей степени нелѣпою представляется мнѣ и та

мысль, будто для религіи христіанской и для нравственности опасны естественныя науки и каждая ихъ гипотеза. Напротивъ, естественныя науки и ихъ гипотезы, равно какъ и естественно-научная философія, по моему убѣжденію, высказанному въ концѣ моей книги, хотя и непрямо (стр. 194), могутъ служить и во многомъ, конечно, служатъ религіи христіанской, взятой со стороны ея теоретической, поскольку все это носитъ только научный характеръ и не направляется преднамѣренно натуралистами-матеріалистами противъ христіанскаго міровоззрѣнія. Что же касается до скрежета зубовнаго, то съ этимъ скрежетомъ многіе встрѣчаютъ нынче всякое слово въ пользу теистическаго міровоззрѣнія: не даромъ они же искажаютъ переводимыя книги, въ которыхъ защищается мысль о воздѣйствіи высшей разумно-свободной силы на процессы природы, не допускаютъ такія книги до публики разными недостойными мѣрами, клевещутъ, бранятъ и т. д. Зачѣмъ же перелагать вину съ своей больной головы на чужую здоровую?! Или и это нужно для противодѣйствія чему-то?... Не хитрите же по крайней мѣрѣ.... Я высказывался и, пока имѣю возможность, всегда буду высказываться не противъ всякихъ естественно-научныхъ гипотезъ и теорій, а только противъ несостоятельныхъ гипотезъ и теорій матеріалистическаго и ложно-спиритуалистическаго характера, которыя, какъ несогласныя съ истиною, вносятъ ложь и вредъ въ общественное сознаніе и въ общественную жизнь, будучи въ то же время тѣмъ самымъ противны христіанскому міровоззрѣнію, истинность котораго для меня не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но вѣдь иначе и поступать нельзя: развѣ можно и должно: а) допускать въ своей мысли параллельное существованіе двухъ противоположныхъ міровоззрѣній и б) не высказываться противъ несостоятельнаго и ложнаго изъ нихъ, какъ скоро оно кѣмъ-либо настойчиво пропагандируется?... Всякій согласится, что нѣтъ. А если такъ, то нѣсколько дико и недобросовѣстно объяснять происхожденіе моей книги такъ, какъ объясняетъ журналъ, почему-то именующій себя „Свѣтомъ“, хотя въ лицѣ самого редактора и упорно отворачивается отъ свѣта истины, не имѣя для того *никакихъ* научныхъ резоновъ,— истины, которую защищаетъ Уоллэсъ и моя книга....

А. Гусевъ.

ЧУДЕСА ХРИСТОВЫ *)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ПОНЯТІЯ.

Гл. III. Важность (авторитетъ) чудесъ.

Должно ли чудо рѣшительно и безъ дальнѣйшаго разсужденія требовать покорности отъ тѣхъ, предъ кѣмъ оно совершилось или для кого оно есть фактъ вполнѣ засвидѣтельствованный, такъ что и творящій чудо и его ученіе, безъ дальнѣйшаго изслѣдованія, должны быть признаны божественными? Это не можетъ быть, ибо наряду съ чудесами, проявляющими царство Божіе, идетъ рядъ другихъ чудесъ, производимыхъ исконнымъ противникомъ Всевышняго. Что Писаніе признаетъ за нимъ *дѣйствительныя* чудеса, хотя въ строго ограниченномъ объемѣ, и лишь по Божьему попущенію, въ этомъ нельзя сомнѣваться. Но чудеса его суть *ложь* (2 Θесс. II, 9), не потому что въ нихъ волшебство, ворожба, но по той причинѣ, что они имѣютъ цѣлію утвердить царство лжи [32]). Египетскіе волхвы, его служители, находились въ соотно-

*) См. апр. кн. „Правосл. Обозрѣнія“ текущаго года.

[32]) Gerhard Loc. theol. loc. XXIII, 11. 24. Чудеса Антихриста называются ложными не столько по причинѣ своей *формы*, какъ имѣющія быть ложными и призрачными, сколько по своей *цѣли*, потому что будутъ направлены къ утвержденію лжи.

шеніи къ духовному царству какъ и Моисей и Ааронъ. При токомъ только признаніи столкновеніе между тѣми и другими получаетъ для насъ настоящее значеніе. Но оно почти или совершенно уничтожается, если на чудеса волхвовъ мы будемъ смотрѣть, какъ на простыя продѣлки заклинателей, дѣло ловкихъ, проворныхъ рукъ, которыя морочили озадаченныхъ Фараона и его служителей, легко повѣрившихъ, что ихъ жезлы также обращаются въ змія, вода въ кровь (Исх. VII, 11, 12, 22). Скорѣе это было столкновеніе не просто между могуществомъ Фараона и властію Бога; но египетскіе боги, которые поддерживали и были душею этого мрачнаго и злаго царства, ополчались противу Бога Израилева. Въ этомъ столкновеніи, конечно, ничтожность ихъ очень скоро обнаружилась, средства ихъ тотчасъ истощились, но тутъ несомнѣнно два незримыя царства свѣта и тьмы вступали предъ лицемъ Фараона въ открытую борьбу, каждое стараясь привлечь его на свою сторону, въ сферу своихъ элементовъ [33]). Въ противномъ случаѣ безъ такого столкновенія какой смыслъ могли имѣть читаемые нами тексты Моисея: „Кто, какъ Ты, Іегова, между богами"! (Исх. XV, 11). „Надъ всѣми богами египетскими произведу судъ; Я Іегова" (Исх. XII, 12; ср. Числ. XXXIII, 4). Какъ было *тогда*, такъ вѣроятно повторилось при „Воплощеніи"; ибо открытое нападеніе сатаны на Искупителя въ пустынѣ было только одною формою разнообразныхъ враждебныхъ дѣйствій; указаніе на противоборство египетскихъ волхвовъ повторяется въ противленіи, приписанномъ апостоломъ Павломъ Елимѣ волхву (Дѣян. XIII, 8,

---

[33]) Противъ этого повидимому свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что именно такого же свойства вещи дѣлаются новыми египетскими заклинателями и нѣкоторыя изъ нихъ содержатся въ великомъ французскомъ сочиненіи о Египтѣ и засвидѣтельствованы тонкими и прозорливыми наблюдателями. Но принимая въ соображеніе все извѣстное намъ объ этихъ магикахъ, что они повидимому всегда составляли особенную наслѣдственную гильдію, что заклинатели сами приходятъ въ изступленіе, нельзя рѣшить вопроса, въ какой степени это можно считать остаткомъ или отрывкомъ болѣе сильной системы, до какой степени заклинатели и теперь сознательно или безсознательно состоятъ въ соотношеніи съ тѣми злыми духами (powers), которыя болѣе или менѣе служатъ источникомъ языческаго суевѣрія. См. Hengstenberg, Die Bücher Moses u. Aegypten, pp. 97—103.

ср. 2 Тим. III, 8) [34]). Но такъ ли было въ то время, или нѣтъ, это самое конечно повторится при концѣ міра (Матѳ. XXIV, 24; 2 Ѳесс. II, 9; Апок. XIII, 13). Итакъ, при каждой великой эпохѣ и кризисѣ царства вражда между свѣтомъ и тьмою, непрестанно продолжающаяся, видимо обнаруживается.

Но какъ дѣла антихриста и его орудій не суть лишь фокусъ—покусы, а равно и не чудеса въ высшемъ значеніи слова; то они лишь отчасти заключаютъ въ себѣ элементы чудеснаго. Общаго здѣсь одно то, что они суть дѣйствія могущества, до извѣстной степени попускаемыя, а не простыя, ловкія продѣлки, что они суть изолированные случаи, а не части органическаго цѣлаго; въ нихъ проявляется не высшая гармонія, но грубѣйшая міровая дисгармонія [35]); не всемогущество Бога, направляющаго Свои міры къ благодатнымъ цѣлямъ мудрости и любви, но зло, вторженіе котораго попускается въ скрытомъ началѣ вещей для конечнаго разрушенія самого зла и въ то же время для потребнаго испытанія совершенства всѣхъ святыхъ и служителей Божіихъ [36]).

Царство лжи и царство истины имѣютъ свои чудеса, а потому къ чудотвореніямъ нельзя окончательно и безусловно обращаться для доказательства истины ученія самихъ дѣятелей: это прямо предписываетъ слово Божіе (Второзакон. XIII, 1—5). Чудо не доказываетъ истины ученія или божественнаго посланія лица, которое оное совершаетъ. Прежде всего оно требуетъ для себя права на вниманіе, дѣло ли это небесъ или ада. Истинное достоинство ученія прежде всего должно говорить само за себя нашему сознанію, и тогда только чудо кладетъ на немъ печать божественности [37]). Но, повторяемъ, ученіе должно себя

---

[34]) По словамъ Григорія В. (Moral. XXXIV, 3), въ эпоху послѣдней великой скорби наитягчайшимъ испытаніемъ избранныхъ будутъ великія и болѣе знаменитыя чудотворенія Антихриста, превосходящія тѣ, кои будетъ въ состояніи совершать церковь. Церковь почти или вовсе утратитъ силу знаменій и чудесъ, тогда какъ по его мановенію будутъ совершаться самыя поразительныя.

[35]) Имъ присуща veritas *formae*, но не veritas *finis*.

[36]) August. de Trin, III, 7—9.

[37]) Jeremy Taylor Liberty of Prophesying: „Хотя аргументъ заимствованный отъ чудесъ полезенъ для свидѣтельства о святомъ ученіи, которое по

оправдывать предъ нашимъ сознаніемъ, предъ нравственной природой въ человѣкѣ. Ибо всякое откровеніе предполагаетъ въ человѣкѣ способность опознанія представляющейся ему истины, въ немъ онъ находитъ себѣ отвѣтъ, въ немъ узнаетъ черты друга, котораго онъ долго чуждался, друга, почти имъ забытаго. Это есть обрѣтеніе сокровища, которое онъ самъ, а никто другой утратилъ. Отрицаніе того, что въ человѣкѣ есть органъ для опознанія истины, отворяетъ дверь къ необузданному скептицизму, это есть отрицаніе всего богоподобнаго въ человѣкѣ. Но „кто отъ Бога, тотъ слышитъ слова Божіи“ (Іо. VIII, 47), и признаетъ то, что они провозглашаютъ.

Могутъ возразить: если это такъ, если есть внутреннее свидѣтельство истины, то нужно-ли чудо? Къ чему оно послужитъ, когда истина сама по себѣ внушаетъ довѣріе? Она дѣйствительно внушаетъ довѣріе, какъ существенное, ниспосылаемое отъ Бога добро, такъ какъ вообще отъ Него исходитъ все благое и истинное и исходило все драгоцѣнное въ ученіи самихъ языческихъ мудрецовъ и поэтовъ;—но иное дѣло, когда отъ Него непосредственно исходитъ новое слово, новая вѣсть къ человѣку: тогда чудо свидѣтельствуетъ о лицѣ новаго благовѣстника, какъ о посланникѣ, исполняющемъ особенную волю Божію по отношенію къ человѣчеству. Когда истина нашла для себя воспріимчивое сердце, пробудила отголосокъ въ глубинѣ души человѣка, когда божественный посланникъ можетъ показать, что онъ ближе другихъ людей къ Богу, что его должно слушать не только какъ вѣстника истины, но какъ саму Истину, Матѳ. XI, 4, 5; Іо. V, 36, или по крайней мѣрѣ, какъ посланника, стоящаго въ непосредственномъ союзѣ съ Тѣмъ, кто самъ есть Истина (3 Цар. XIII, 3), имѣющаго право на безусловную покорность и признаніе, въ силу его власти, новыхъ положеній, превосходящихъ разумѣніе человѣческое,—признаніе таинствъ, непротиворѣча-

---

своему собственному достоинству постоитъ за себя, по пути открытому отчасти чудесами, но такой аргументъ самъ по себѣ и своимъ авторитетомъ не можетъ поддержать зданіе какой-либо системы; ибо вмѣсто подкрѣпленія истины ученія чудеса располагаютъ къ подозрѣнію обманчивости, если приводятся въ доказательство ученія, которое мы имѣемъ основаніе считать ложнымъ“.

щихъ понятіямъ объ истинѣ, дарованнымъ Богомъ всякому человѣку, но которыя не подлежатъ его измѣренію.

Требовать такого знаменія отъ проповѣдника новаго откровенія, отъ непосредственнаго посланника Божія, требовать этого даже когда самое слово проникнуто идеею блага—не есть признакъ невѣрія; напротивъ, это есть обязанность того, кого касается посольство. Въ противномъ случаѣ легко принять слово человѣческое за слово Божіе. Легковѣріе есть столь же существенный, если и не столь великій грѣхъ какъ невѣріе. Со стороны Фараона не было нечестіемъ сказать Моисею и Аарону: „сдѣлайте знаменіе или чудо“ (Исх. VII, 9, 10); онъ, напротивъ, имѣлъ право для себя этого требовать. Они пришедши объявили, что имѣютъ къ нему посольство отъ Бога, а онъ былъ обязанъ подвергнуть ихъ испытанію. Грѣхъ его начался тогда, когда онъ не повѣрилъ ихъ удостовѣреніямъ. Съ другой стороны, Ахазъ, (Ис. VII, 10—13) по скрытому невѣрію, не хотѣлъ просить у Бога знаменія въ подтвержденіе слова пророка. Еслибы онъ придавалъ высшую цѣну этому слову, то не удовольствовался бы до тѣхъ поръ, пока оно не было запечатлѣно печатью истины; а какъ онъ не заботился о этой печати, то это и служитъ доказательствомъ, что онъ не цѣнилъ и самаго обѣтованія.

Но если чудо, какъ мы уже видѣли, имѣетъ своею цѣлію подтвержденіе добра, то съ другой стороны, гдѣ мысль и сознаніе протестуютъ противъ ученія, тамъ чудеса всего міра не внушаютъ никакого довѣрія къ слову, ими запечатлѣнному [38]). Напротивъ, великое дѣло вѣры исповѣдать несмотря ни на какія чудеса, что Богъ открылъ душѣ и насадилъ въ ней истиннаго и святаго, не вѣровать въ иное евангеліе, хотя бы ангелъ или образъ ангельскій принесъ его съ неба (Второз. XIII, 3; Гал. I, 8) [39]); тогда

---

[38]) Церковь, по выраженію Григорія В. (Hom. IV in Evang.) не столько отвергаетъ чудеса еретиковъ, сколько ими пренебрегаетъ. Григорій В. (Moral. XX, 7): Sancta Ecclesia, etiam si qua fiunt hereticorum miracula, despicit quia haec sanctitatis specimen non esse cognoscit.

[39]) August. De Civ. Dei X, 16. Если бы эти ангелы чудотвореніями совращая сердца людей требовали жертвъ, а тѣ воспрещая это повелѣвали Единому Богу приносить жертвы, не являя такихъ чудесъ, то конечно не должно убѣжденія чувственнаго предпочитать разумному сознанію. — Равнымъ об-

чудеса не только не должны внушать довѣріе, но скорѣе предостерегать, ибо они говорятъ намъ, что тутъ не только кроется ложь, уже обличенная нашимъ сознаніемъ, но что произносящій это слово опаснѣе обыкновеннаго обманщика, что это по преимуществу лжецъ и антихристъ, лжепророкъ, стоящій болѣе всѣхъ обольщенныхъ и злыхъ людей въ непосредственной связи съ царствомъ тьмы, орудіе сатаны (Апок. XIII, 2), вооруженное его властью для достиженія особенныхъ его цѣлей [40]).

Итакъ, простодушному, неученому христіанину повидимому угрожаетъ двоякая опасность — вопервыхъ, опасность отвергнуть то, что происходитъ отъ Бога, а вовторыхъ, принять то, что проистекаетъ изъ злаго источника. Въ самомъ же дѣлѣ эти опасности столько же окружаютъ неученаго и простодушнаго, какъ и всякаго человѣка; огражденіе отъ этихъ роковыхъ заблужденій заключается вообще въ нравственномъ и духовномъ, а не въ интеллектуальномъ условіи человѣка. Тѣ только находятъ, что свидѣтельство истины о самой себѣ не есть свидѣтельство, тѣ только вѣрятъ ложнымъ чудесамъ, въ комъ уже повреждено нравственное чувство; они прежде не воспитали въ себѣ любви къ истинѣ, чтобы спастись отъ лжевѣрованія. Такимъ образомъ это лжевѣрованіе и невѣріе истинѣ въ сущности есть осужденіе, конечный судъ надъ тѣми, которые возлюбили беззаконіе. Съ этимъ взглядомъ вполнѣ согласны достопамятныя слова ап. Павла (2 Θесс. II, 9—12), въ коихъ онъ

разомъ онъ обращается къ Манихеямъ (Con. Faust. XIII, 5): Вы не дѣлаете чудесъ; но если бы вы ихъ и дѣлали, то мы поостереглись бы отъ нихъ, предостерегаемые Господомъ.—Въ такомъ же смыслѣ выражается Θеодоритъ въ комментаріи на Второз. XIII, 3.

[40]) Ириней (Adv. Haer. II, XXXI, 3) называетъ такихъ лживыхъ чудотворцевъ предтечами великаго Змія, которыхъ, не менѣе какъ и сего послѣдняго надлежитъ избѣгать тѣмъ съ большимъ недовѣріемъ, чѣмъ большими призраками они способны обольщать. Тертулліанъ, опровергая гностиковъ, утверждавшихъ, что предварительное пророчество о Христѣ безполезно, такъ какъ Онъ вдругъ и единожды могъ Себя явить Мессіею своими чудесами (per documenta virtutum), говоритъ (Advers Marc. III, 3): я готовъ отрицать потребность и того вида свидѣтельствъ, который Онъ потомъ Самъ совершилъ. Ибо заявляя, что возстанутъ лжехристы и лжепророки и дадутъ знаменія и чудеса чтобы прельстить, если возможно, и избранныхъ, Онъ чрезъ то ослабляетъ важность знаменій.

объявляетъ, что предшествовавшее состояніе каждаго человѣка предрѣшаетъ о томъ, повѣритъ ли онъ ложнымъ чудесамъ антихриста или отвергнетъ ихъ (Io. V, 43) [41]). Ибо, такъ какъ эти послѣднія совершаются со всякимъ неправеднымъ обольщеніемъ для предрасположившихъ себя къ принятію ихъ, для исполнившихъ мѣру беззаконій и созрѣвшихъ для конечнаго суда, то въ чудесахъ этихъ всегда оказывается нѣчто ложное, или нравственное, или хвастливое, или просто нѣчто суетное, что обнаруживаетъ ихъ и разоблачаетъ для простой вѣры, и въ то же время кладетъ на нихъ печать различія отъ чудесъ свойственныхъ царству истины [42]).

Эти различія часто были выясняемы. Такія чудеса ненравственны [43]), а если не ненравственны, то ничтожны, ни къ чему не приводятъ, оканчиваются ничѣмъ. Ибо какъ чудо въ связи съ высшими нравственными цѣлями само не должно быть дѣйствіемъ ненравственнымъ, то еще менѣе оно можетъ быть суетнымъ и ничтожнымъ. Къ этимъ доводамъ постоянно прибѣгаетъ Оригенъ, разсуждая о чудесахъ языческихъ мудрецовъ. Онъ полалаетъ, и не напрасно, что онъ ихъ совершенно обличалъ во лжи, когда не получалъ отвѣта на сдѣланный имъ вопросъ: „что изъ этого вышло? Чѣмъ это кончилось? Гдѣ то общество, которое было помощью ихъ основано? Чему способствали они въ исторіи міра такъ чтобы видно было, что они входи-

---

[41]) August. de Civ. Dei XX, 19: Seducentur de signis atque prodigiis qui seduci merebuntur. Proinde judicati seducentur, et seducti judicabuntur.

[42]) Dr. Arnolds letter to the Dr. Hawkins (Life vol. II, p. 226). „Мнѣ всегда казалось, что сущность Откровенія служитъ намъ сильнѣйшимъ его доказательствомъ и что чудеса въ пользу лжи или обмана обличали бы манихеизмъ. Намъ до того незнакомъ невидимый (духовный) міръ, что характеръ всякой сверхъестественной силы можетъ быть оцѣниваемъ лишь по нравственному свойству законовъ, ею освящаемыхъ“.

[43]) Arnob. Adv. Gen. I, 43. Quis enim hos nesciat aut imminentia studere praenoscere, quae necessario (velint nolint) suis ordinationibus veniunt? aut mortiferam immittere quibus libuerit tabem, aut familiarium dirumpere caritates aut sine clavibus reserare, quae clausa sunt; aut ora silentio vincire, aut in curriculis equos debilitare, incitare, tardare; aut uxoribus et liberis alienis (sive illi mares sint, sive feminei generis) inconcessi amoris flammas et furiales immittere cupiditates? Cf. Irenaeus, Adv. Haer. II. 32. 2. 3.

ли въ судьбы и совѣты Божіи? Чудеса Моисея имѣли послѣдствіемъ гражданское устройство іудеевъ; на чудесахъ Іисуса Христа основалась христіанская Церковь; цѣлые народы съ помощію ея соединились тѣсными узами. Какой же исходъ имѣли прославленные Аполлоній или Эскулапъ? Гдѣ оставленные ими слѣды?“ Относительно чудесъ Христа онъ не только указываетъ на ихъ дѣйствія, но на ихъ благія дѣйствія,—таково ихъ происхожденіе и цѣль, таково характеристическое различіе между кревретомъ лжи и истиннымъ совершителемъ дѣлъ Божіихъ: послѣдній видимо преобразуетъ людей, а первый расчитывающій лишь на обманъ и ложь, вовсе не имѣетъ цѣли разрушить царство, изъ котораго онъ возникаетъ [44]).

Далѣе, признакъ истиннаго чуда, состоящій въ связи съ вышеуказаннымъ, тотъ, что оно никогда не бываетъ прихотью власти, суетною фантазіей, безъ всякаго достаточнаго побужденія, на показъ [45]). Въ религіозной легендѣ древнѣйшихъ временъ христіанскихъ, извѣстной подъ именемъ свиданій и бѣседъ [46]) Климента, Петръ вѣрно противополагаетъ чудодѣянія Христа чудесамъ, которыя приписываемы были послѣдователями Симона волхва своему учителю. Какой прокъ, какое значеніе, спрашиваетъ онъ, имѣли говорящія статуи Симона, его бронзовые и каменные лающіе псы, воздушные полеты, его превращенія то въ змія, то козла, его двуличіе, лежанье на горячихъ угольяхъ и т. п.? Все это, еслибы даже и было имъ сдѣлано, не имѣетъ никакого смысла, ни съ чѣмъ не вяжется; это вовсе не относится къ *искупительнымъ* дѣяніямъ, каковыми болѣе или менѣе являются истинныя чудеса, дѣла не только могущества, но и благодати, указанія и предреченія внутренняго дѣйствія — спасенія человѣка, сопутствующія оное и предваряющія [47]): все это, какъ и надлежало ожидать, разительно проявлялось въ чудесахъ Христа. Каждое изъ нихъ есть въ нѣкоторой степени и въ томъ или другомъ отношеніи частное и преходящее осу-

[44]) Con. Cels. II, 51; I, 67; III, 28. I, 68; ср. Euseb. Dem. Evang. III, 6.

[45]) Gerson De distinct ver. Mirac. „Чудо не имѣющее предметомъ благой цѣли подозрительно“.

[46]) Clement. Recogn. III, 6 (Cotelerii Patt. Apost. Vol. I. p. 529); Hom. II, 32. 44. (ibid. p. 629).

ществленіе великаго дѣла, для полнаго и конечнаго совершенія коего Онъ пришелъ. Все это есть залоги и первые дары Его власти, въ каждомъ изъ нихъ *словѡ* спасенія воплощается въ *актѣ* спасенія [47]).

Лишь съ этой свѣтозарной точки зрѣнія являются они не великими только примѣрами его власти, но и достославными проявленіями Его святой любви [48]). Не безполезно будетъ разсмотрѣть это съ нѣкоторою подробностію. Что это за зло, которое препятствуетъ человѣку достигнуть истиннаго *конца и цѣли* своего сотворенія; что это за зло, отъ котораго для него нужно искупленіе? На это можно кратко отвѣчать, что это—грѣхъ въ его нравственныхъ и физическихъ проявленіяхъ. Останавливаясь на его нравственныхъ проявленіяхъ, на умопомраченіи, на дикой дисгармоніи въ духовной жизни, мы находимъ самые страшные примѣры его тиранніи въ бѣсноватыхъ: они-то и были особеннымъ предметомъ чудеснаго могущества Господа. Затѣмъ если мы спросимъ сами себя, какія физическія проявленія грѣха? Это суть разные недуги, лихорадки, апоплексія, проказа, слѣпота и каждый изъ нихъ есть начало частной смерти, наконецъ абсолютная тѣлесная смерть, а потому эта область дѣлается обширнѣйшею областью Его искупительной бла-

---

[47]) Hom. III, 60. (ibid. p. 529). Nam dic, quaeso, quae utilitas est ostendere statuas ambulantes? latrare aereos aut lapideos canes? salire montes? volare per aerem? et alia his similia, quae dicitis fecisse Simonem? Quae autem a Bono sunt, ad hominum salutem deferuntur; ut sunt illa quae fecit Dominus noster, qui fecit caecos videre, fecit surdos audire; debiles et claudos erexit, languores et daemones effugavit.... Ista ergo signa quae ad salutem hominum prosunt, et aliquid boni hominibus conferunt, Malignus facere non potest. Cf. Irenaeus, Con. Haer. II. XXXII, 3.

[48]) Никто конечно не откажетъ исторіку Нибуру въ признаніи за нимъ великаго историко-критическаго таланта и въ способности оцѣнивать степень достовѣрности историческихъ свидѣтельствъ. Вотъ замѣчательное его сужденіе по сему предмету въ его Lebensnachrichten Vol. I. p. 470: „Что касается до чудесъ въ строжайшемъ смыслѣ, то по истинѣ стоитъ только посмотрѣть на нихъ безъ предубѣжденія и съ свойственною естествоиспытателю проницательностію, дабы убѣдиться, что повѣствованія христіанской исторіи всего менѣе противурѣчатъ здравому смыслу и что, при сравненіи съ легендарными разсказами или мнимыми свидѣтельствами другихъ религій, нельзя не сознать, что въ нихъ живетъ иной духъ.

годати. Покореніемъ и удаленіемъ этихъ золъ Онъ величественно воплощалъ идею Искупителя человѣчества. Кромѣ того грѣхъ имѣетъ свои, по преимуществу физическія, проявленія; онъ открываетъ себя и свои послѣдствія въ борьбѣ стихій и въ борьбѣ естественныхъ силъ противъ человѣка; ибо судьбы естественнаго міра связаны были съ судьбами человѣка; съ своимъ паденіемъ онъ увлекъ за собою все свое достояніе, сдѣлавшееся жертвою той же суеты, какъ и онъ самъ. А потому видимъ Его возстановителемъ потерянныхъ преимуществъ человѣческаго рода, ходящимъ по бурнымъ волнамъ или словомъ Своимъ смиряющимъ грозное море, воплощающимъ въ этихъ дѣйствіяхъ освобожденіе человѣка отъ стихійныхъ силъ природы, которыя на него ополчились и переставши быть покорными рабами нерѣдко дѣлаются теперь его тираннами и разрушителями. Таковыя дѣйствія Его суть дѣйствія искупленія. Два или три изъ Его чудесъ, неподходящія къ двумъ вышеуказаннымъ главнымъ котегоріямъ, въ сущности не суть исключенія. Возьмемъ для примѣра умноженіе хлѣбовъ. Первое проклятіе грѣха было безплодіе, — земля стала бѣдно и скупо платить за потъ и трудъ человѣка; но здѣсь удалено проклятіе и мгновенно снова является первобытное изобиліе. Скудость и лишеніе, подобныя неимѣнію хлѣба въ пустынѣ, недостатку вина на брачномъ пиршествѣ, не были сначала удѣломъ человѣка; ибо вся земля удовлетворяла его нуждамъ и изливала полноту своего богатства. Что онъ долженъ былъ терпѣть голодъ и жажду, что онъ испытывалъ лишенія, это было послѣдствіемъ Адамова грѣхопаденія, а пототу устранено Имъ, вторымъ Адамомъ, пришедшимъ для возстановленія правъ, утраченныхъ первымъ.

Итакъ, если чудо имѣетъ значеніе нравственнаго акта и должно быть принимаемо только тогда, когда оно запечатлѣваетъ ученіе святости, то не должно забывать и терять изъ виду, что сферою божественныхъ чудесъ непосредственно должно быть искупленіе, что чудо испытуется ученіемъ, и чудо же въ свою очередь запечатлѣваетъ ученіе. Къ сожалѣнію нѣкоторые изъ новыхъ писателей, разсуждавшіе о доказательствахъ христіанства, обращая вниманія на чудеса, совершенныя его Основателемъ, преимущественно смотрѣли на нихъ какъ на дѣла Его

могущества и какъ на исключительные доводы къ признанію божественности откровенія. Какое мѣсто эти дѣла должны занять въ ряду доказательствъ касательно предметовъ нашего вѣрованія, къ этому мы не разъ будемъ возвращаться. Теперь же достаточно замѣтить, что если люди научаются вѣрованью во Христа лишь на основаніи Его чудодѣяній и если это вѣрованіе для нихъ обязательно, то имѣютъ ли они право отвергать вѣрованіе въ кого либо инаго, кто можетъ явиться послѣ, утверждаясь на тѣхъ же свидѣтельствахъ? Здѣсь открывается путь антихриста, ибо какъ извѣстно, онъ будетъ имѣть свои „знаменія и чудеса“ (2 Θесс. II, 9), а если это доказательство достаточно, то онъ будетъ имѣть право на основаніи ихъ требовать себѣ вѣры и покорности отъ людей. Но нѣтъ, напротивъ того: чудо должно свидѣтельствовать само за себя и ученье должно свидѣтельствовать само за себя, и тогда, только тогда первое можетъ имѣть силу свидѣтельствовать за второе [49]); несовершенны, ошибочны и допускаютъ опасные выводы тѣ доказательства христіанства, по которымъ въ чудѣ уважается лишь одно могущество на счетъ ихъ истиннаго достоинства, а въ ученіи христіанскомъ свидѣтельства равносильнаго истинѣ. Недостаточны, ошибочны и ведутъ къ опаснымъ выводамъ тѣ доказательства, которыя утверждаясь на одной чудодѣйственной силѣ, придаютъ ей авторитетъ несомнѣннаго достоинства и ученію авторитетъ истины.

IV. Чудеса евангельскія въ сравненіи съ другими циклами чудесъ.

1. ВЕТХОЗАВѢТНЫЯ ЧУДЕСА.

Чудеса Господа нашего и чудеса ветхозавѣтныя представляютъ много поучительнаго, будутъ ли они сравниваемы по своему взаимному сходству или несходству. Такъ останавливаясь на замѣчательномъ ихъ различіи, вопервыхъ, мы часто находимъ, что

---

[49]) Gerhard Loc. Theoll. loc. XXIII, 11. Чудеса запечатлѣваютъ ученіе, и какъ печать, отнятая отъ письма, ничего не доказываетъ, такъ и чудеса безъ ученія ничего не значатъ.

ветхозавѣтные святые люди дѣлаютъ чудеса, если позволительно такъ выразиться съ напряженіемъ и трудностію, чудо является на свѣтъ болѣзненно, примѣтна какая-то минутная остановка, какая то неувѣренность въ исходѣ; тогда какъ чудеса Христа всегда совершаются съ высшимъ спокойствіемъ. Рече и бысть. Моисей напр. долженъ препираться съ Богомъ и бороться. „О Боже! исцѣли ее“, вопіялъ онъ, прежде чѣмъ сестра его очистилась отъ проказы, которая при всемъ томъ не мгновенно ее покинула (Числ. XII, 13—15); но Христосъ исцѣляетъ проказу однимъ прикосновеніемъ (Матѳ. VIII, 3); десять же прокаженныхъ еще поразительнѣе—однимъ могуществомъ Своей воли и въ нѣкоторомъ отдаленіи [50]) (Лук. XVII, 14). Илія долженъ былъ молиться долго, а его отрокъ до семи разъ выходитъ на морской берегъ, прежде чѣмъ появился первый признакъ дождя (3 Царс. XVIII, 42. 44); Онъ простирается трижды надъ отрокомъ и взываетъ ко Господу и многотрудно „возвратилась душа отрока (3 Цар. XVII, 21, 22). Елисей еще съ вящшимъ усиліемъ и уже послѣ нѣкоторой неудачи возвращаетъ къ жизни сына Соманской матери (4 Цар. IV 31—35). Христосъ напротивъ являетъ себя Владыкою живыхъ и мертвыхъ; Онъ такъ же легко воскрешаетъ къ жизни, какъ приводитъ въ исполненіе самыя обыкновенныя житейскія вещи. Въ чудесахъ, творимыхъ человѣками, въ этихъ блистательныхъ дѣйствіяхъ вѣры, служащихъ ея проявленіемъ, ибо они свидѣтельствуютъ о упованіи на силу и правоту Бога, оправдывающаго событіемъ слово раба своего — возможно прорваться человѣческому сомнѣнію и человѣческому маловѣрію. Такъ и Моисей, хотя былъ избранъ орудіемъ Божіимъ и для великаго подвига, говоритъ съ ожесточеніемъ, дѣйствуетъ нерѣшительно (Числ. XX, 11). О Сынѣ должно сказать, что Его увѣренность всегда одинакова, что Отецъ всегда Его слушаетъ; ни малѣйшая тѣнь человѣческой слабости не омрачаетъ дѣлъ Имъ совершаемыхъ.

Въ чудодѣйствіяхъ, отчасти сходныхъ, чудеса Христа шире, свободнѣе, достославнѣе. Елисей дѣйствительно двадцатью хлѣбами насыщаетъ сто человѣкъ (4 Цар. IV, 42—44), а Онъ пятью

---

[50]) Этотъ контрастъ замѣчаетъ и Кириллъ Александр. Cramer's Cat. in Luc. V, 12.

хлѣбами пять тысячъ [51]). Другіе употребляютъ орудія при совершеніи своихъ дѣйствій. Моисей помощью жезла и своего чудеснаго посоха раздѣляетъ Черное море и совершаетъ другія чудеса и безъ орудія ничего не можетъ (Исх. VII, 19; VIII, 5, 16; IX, 23; X, 13; XIV, 16 и д.); при помощи дерева онъ дѣлаетъ горькую воду сладкою; (Исх. XV, 25); Илія раздѣляетъ рѣку своею милотью, (4 Цар. II, 8); Елисей помощію соли дѣлаетъ воду въ источникѣ здоровою (3 Цар. II, 20). Но Христосъ творитъ чудеса единственно дѣйствіемъ Своего слова (Матѳ. XII, 13) или прикосновеніемъ (Матѳ. VIII, 3; XX, 34); если же употребляетъ нѣкоторое вещество проводникомъ Своей цѣлительной силы, то заимствуетъ оное отъ Самого Себя (Марк. VII, 33; VIII, 23 [52]), а если, какъ это было однажды, Онъ употребляетъ какое либо постороннее средство (Іоан. IX, 6), то въ другихъ того же рода чудесахъ, вовсе не прибѣгая къ какимъ-либо внѣшнимъ пособіямъ, Онъ явно даетъ знать, что избиралъ оныя произвольно, а не по необходимости. Ту же истину можно разсматривать и съ другой стороны; чудеса Моисея или апостоловъ всегда дѣлаются во имя и во славу другаго: „стойте, говоритъ Моисей, и вы увидите спасеніе Господне, которое Онъ явитъ вамъ нынѣ“ (Исх. XIV, 13); „во имя Іисуса Христа Назорея, говоритъ Петръ, встань и ходи“ (Дѣян. III, 6). „Эней! исцѣляетъ тебя Іисусъ Христосъ“ (Дѣян. IX, 34; ср. Марк. XVI, 17; Лук. X, Іоан. XIV, 10); но Іисусъ Христосъ всегда творитъ чудеса Своимъ именемъ и властію, Ему присущею: „хочу, очистись (Матѳ. VIII, 3); „духъ нѣмой и глухой, Я повелѣваю тебѣ“

---

[51]) Тертулліанъ (Adv. Marc. IV, 35) различаетъ дѣла Господа и Сына Божія отъ дѣлъ, совершаемыхъ пророками, его слугами; первыя естественно возвышаются надъ послѣдними.

[52]) Магометане также приписываютъ Христу способность исцѣлять недуги дыханіемъ (Tholuck, Blüthensamml aus de Morgenl. Mys. p. 62), которое они считаетъ чистѣйшею и наименѣе матеріальною еманаціею (Ср. Іоан. XX, 22). Такъ и въ апокрифическомъ письмѣ у Авгаря славится цѣлительная сила Христа, врачующая безъ помощи лѣкарствъ и зелій (ἄνευ φαρμάκων καὶ βοτανῶν); Arnobius (Adv. Gent. I, 42, 44, 48, 52) также говоритъ, что Христосъ все совершалъ не прибѣгая ни къ какимъ матеріальнымъ пособіямъ (sine ullis adminiculis rerum), но говоритъ сравнивая это съ мнимыми чудесами чародѣевъ, γόητες.

выйди изъ него“ (Марк. IX, 25); „юноша, тебѣ говорю, встань“ (Лук. VII, 14) [53]). Когда Онъ молится приступая къ одному изъ Своихъ чудныхъ дѣлъ, ученики Его изъ самой Его молитвы вразумляются, что Онъ не проситъ о какой-то силѣ внѣ Его пребывающей, но въ сущности только свидѣтельствуетъ о нераздѣльномъ единствѣ бытія Своего со Отцемъ (Іоан. XI, 41, 42 [54]); равно какъ въ другихъ случаяхъ Онъ не допускаетъ въ ученикахъ Своихъ предположеній, что для кого другаго, а не для нихъ только онъ призываетъ свидѣтельство о Себѣ съ неба (Іоан. XII 30). Такъ Онъ считалъ нужнымъ для нихъ, нужнымъ для всѣхъ внушить высокую исключительную мысль о Себѣ Самомъ, дабы не быть поставленнымъ въ уровень съ кѣмъ либо другимъ, даже величайшими и святѣйшими изъ сыновъ человѣческихъ.

Эти сходства и несходства тѣмъ не менѣе такого свойства, что намъ естественно заранѣе ихъ предусматривать. Мы должны были ожидать сходства между чудесами обоихъ завѣтовъ, такъ какъ Ветхій и Новый завѣты образуютъ части одного органическаго цѣлаго: таковъ законъ Божій равно въ царствѣ природы какъ и въ царствѣ благодати, что низшая область заключаетъ въ себѣ сѣмена, пророческія внушенія и предваренія высшей. Должно было ожидать въ нихъ несходства; ибо истинная идея царства Божія есть идея прогресса, постепенно полнѣйшаго и болѣе широкаго откровенія о Немъ людямъ, такъ что Онъ, въ прошедшемъ времени глаголавшій отцамъ во пророкахъ, наконецъ говорилъ намъ въ Своемъ Сынѣ; и было послѣдовательно, чтобы этотъ Сынъ облекся въ высшее могущество, обладалъ высшими всѣхъ силами, не отъ другаго заимствованными, но очевидно Ему одному принадлежащими [55]).

Этимъ равно объясняется различіе въ характерѣ чудесъ двухъ завѣтовъ и почему ветхозавѣтныя часто представляются въ

---

[53]) См. Pearson On the Creed. Art. 2; Gerhard, Loc. Theoll. loc. IV, 8, 59.

[54]) Ср. Ambros. De Fide III, 4.

[55]) Тертулл. Adv. Marc, III passim. Евсевій (Dem. Evang. III, 2) проводитъ параллель между Моисеемъ и Христомъ. Противники откровенія, основываясь на этомъ сближеніи, силились опровергнуть то, что приводили въ свою пользу защитники.

болѣе суровой формѣ, чѣмъ новозавѣтныя. Онѣ въ сущности суть чудеса благодати Божіей, но вмѣстѣ и чудеса закона, того грознаго закона, который всемѣрно учитъ заповѣди о благоговѣйномъ страхѣ предъ величіемъ Бога, о Его ненависти́ко грѣху человѣка,—этотъ урокъ совершенно необходимъ людямъ, дабы они не впали въ заблужденіе и не употребили во зло новой заповѣди, провозглашенной Спасителемъ о совмѣстной любви Бога къ самому грѣшнику. Чудеса закона сохраняютъ характеръ закона, служа часто грознымъ проявленіемъ гнѣва Божія на людскія беззаконія: таковы напр. знаменія и чудеса въ Египтѣ и въ пустынѣ (Числ. XVI, 31. Лев. X, 2); нѣкоторыя чудеса позднѣйшихъ пророковъ (4 Цар. I, 10—12, II, 23—25); насылается проказа, но не устраняется (Числ. XII, 10; 2 Пар. XXVI, 19; 3 Цар. XIII, 4); здоровая рука изсыхаетъ, а не то, чтобы сухая исцѣлялась. Не таковы были всѣ вообще или безъ исключенія дѣла Господа нашего, именно дѣла явной благодати Его и милосердія. Мы утверждаемъ, что таковы *всѣ* чудеса нашего Господа; такъ-какъ единственное въ своемъ родѣ чудо проклятіе смоковницы нельзя назвать исключеніемъ. Въ самомъ дѣлѣ, Господь нашъ всего разительнѣе проявилъ Свое намѣреніе запечатлѣть милосердіемъ всѣ Свои чудеса и засвидѣтельствовать, что Онъ пришелъ не погубить, а спасти людей; что если Онъ хотѣлъ ради своей любви заявить не только словомъ, но и дѣломъ, какая судьба упорнаго безплодія и сопротивленія Его благодати, а также показать строжайшую сторону Своего служенія, то для этой цѣли Онъ не избралъ никого изъ среды грѣшниковъ, а избралъ дерево, само по себѣ лишенное способности чувствовать, но могущее однако для людей служить знаменіемъ и предостереженіемъ. Ему угодно, чтобы безъ всякаго исключенія оправдалось Его правило милосердія и любви [56]). Когда Онъ благо-

---

[56]) Беконъ (Meditationes sacrae), находя въ словахъ „*все хорошо дѣлаетъ*" (Марк. VII, 37) прямое указаніе на текстъ Быт. I, 31, продолжаетъ: „Богъ, создавши вселенную, видѣлъ великую доброту всего и каждаго отдѣльнаго созданія.' Богъ-Слово въ совершенныхъ чудесахъ (а всякое чудо есть новое твореніе, внѣ перваго творчества) ничего не сдѣлалъ, чтобы не дышало благостію и благотворительностью. Моисей творилъ чудеса и поразилъ Египетъ многими

творитъ, то благотворитъ человѣкамъ; когда поражаетъ, то поражаетъ безчувственное дерево [57]).

Замѣчательно также, что ветхозавѣтныя чудеса по преимуществу совершаются во внѣшней природѣ, напр. раздѣленіе моря (Исх. XIV, 21), рѣки Іордана (Іис. Нав. III, 14; 4 Цар. II, 8, 14), разсѣвшаяся земля (Числ. XVI, 31), огонь, ниспавшій съ неба (3 Цар. XVIII, 38; 4 Цар. I, 10, 12), пещный огонь, теряющій свою истребительную силу (Дан. III); лютые звѣри, перестающіе быть кровожадными вовсе (Дан. IV, 18, 22) или отчасти (3 Цар. XIII, 24, 28) и т. п. Конечно есть и другія ветхозавѣтныя чудеса, но природа ихъ главная сфера и поприще, тогда какъ новозавѣтныя вращаются по преимуществу въ сферѣ человѣческой жизни. Сообразно съ этимъ, древнія чудеса, будучи противопоставлены исполинскому могуществу язычества, часто отличаются колоссальностью. Міровыя силы велики, но Богъ Израиля являетъ Себя сильнѣйшимъ. Таковы чудеса египетскія, вавилонскія — по преимуществу чудеса силы [58]); ибо

язвами; Илія творилъ и заключилъ небо, чтобы земля не орошалась дождемъ, и снова низвелъ съ неба огонь Божій на вождей и на воинство. Елисей творилъ, и вызвалъ пустынныхъ медвѣдицъ, которыя растерзали отроковъ. Петръ клятвопреступнаго и лицемѣрнаго Ананію поразилъ смертію; Павелъ волхва Елима слѣпотою; но ничего подобнаго не дѣлалъ Іисусъ. На Него сошелъ Духъ въ видѣ голубя, о которомъ Онъ сказалъ: „не знаете, какого вы Духа". Духъ Іисуса—духъ голубиный. Тѣ слуги Божіи были какъ волы, молотящіе пшеницу Божію и попиравшіе ногами солому; но Іисусъ Агнецъ Божій, не пререкающій и не вопіющій. Всѣ Его чудеса обращены на тѣло, а ученіе на душу человѣка. Тѣлу человѣческому потребна пища, оборона извнѣ, врачеваніе. Онъ собиралъ множество рыбъ въ сѣти, чтобы доставить обильнѣйшую пищу людямъ; Онъ превратилъ воду въ вино, веселящее сердце человѣка; Онъ повелѣлъ изсохнуть смоковницѣ за то, что вопреки своему назначенію, она не питала алчущихъ; онъ умножилъ бѣдный запасъ хлѣба для насыщенія тысячъ; Онъ смирилъ вѣтры, угрожавшіе плавателямъ погибелью.

[57]) Такъ Господь запретилъ сынамъ Зеведеовымъ, пожелавшимъ, чтобы небесный огонь низпалъ на Самарянское селеніе, какъ это сдѣлалъ Илія (Лук. IX, 54), т.-е. чтобы повторилось ветхозавѣтное чудо.

[58]) Около времени пришествія Спасителя являлись многіе лжехристы, обѣщавшіе дѣлать чудеса равныя древнимъ или повторить въ большихъ размѣрахъ ветхозавѣтныя. Такъ „тотъ египтянинъ", за котораго римскій трибуналъ принялъ Павла (Дѣян. XXI, 38) и о которомъ подробнѣе разсказы

подъ вліяніемъ великаго обоготворенія природы тѣхъ странъ, вся религія получила колоссальный характеръ въ своихъ внѣшнихъ проявленіяхъ. Въ сравненіи съ дѣлами Господа нашего впродолженіи Его земной жизни совершенными, тѣ были буря и огонь, а Его—какъ всегда слабый, послѣдовавшій отголосокъ. Въ оное древнее время Богъ поучалъ Свой народъ, Онъ поучалъ и тѣ племена, съ которыми Его народъ чудеснымъ образомъ приходилъ въ соприкосновеніе; поучалъ, что Тотъ, кто вступилъ въ завѣтъ съ однимъ изъ всѣхъ народовъ, не былъ однимъ изъ многихъ, не былъ богъ холмовъ или равнинъ (3 Цар. XX, 23), но что Богъ израиля былъ Господь всей земли, по Своей волѣ правящій всѣми ея стихіями.

Время же земной жизни Господа было для Израиля временемъ того ученія, которое по своему характеру отличалось отъ прежняго, и когда весь цивилизованный міръ практически возвышался надъ политеизмомъ, уже изнемогавшимъ посреди народнаго суевѣрія. Такимъ образомъ дѣла нашего Господа, не имѣя по наружности импонирующаго характера, свойственнаго древнимъ чудесамъ, содержатъ въ себѣ однако высшія и глубочайшія истины. Онѣ были по превосходству чудесами воплощенія Сына Божія, который принялъ нашу плоть нащего ради искупленія. Онѣ всего болѣе относятся къ тѣлу и духу человѣка. Чудеса, совершающіяся въ области природы занимаютъ здѣсь второстепенное мѣсто: онѣ еще продолжаются такъ что мы не имѣемъ права ихъ терять изъ виду, ибо эта область природы долженствуетъ быть частію царства Христова, конечно не главною и не благороднѣйшею. Человѣкъ, а не природа дѣлается главнымъ предметомъ этихъ великихъ силъ и такимъ образомъ съ менѣе блистательною внѣшностію, менѣе поражая и изумляя, новыя чудеса имѣютъ болѣе знаменательное, внутреннее значеніе, чѣмъ древнія [59]).

ваетъ Іосифъ (Antt. XX, 8, 6) вывелъ въ пустыню буйную толпу къ горѣ масличной, обѣщая имъ, въ качествѣ втораго и сильнѣйшаго Іисуса показать какъ по его велѣнію падутъ стѣны не Іерихона, а Іерусалима. См. Vitringa Obs. sac. v. I, p. 48.

[59]) Іуліанъ отступникъ, унижая славу подобныхъ подвиговъ, говоритъ (Cyrill adv. Jul. VI): „Іисусъ не дѣлалъ ничего чудеснаго, если только не считать чудеснымъ исцѣленіе нѣсколькихъ слѣпыхъ, хромыхъ и бѣснова-тыхъ въ нѣкоторыхъ селеніяхъ, какъ Виѳаида, Виѳсанія“.

II. ЧУДЕСА АПОКРИФИЧЕСКИХЪ ЕВАНГЕЛІЙ.

Апокрифическія евангелія — произведенія не выдерживающія критики ни съ литературной, ни нравственной точки зрѣнія, замѣчательны въ томъ отношеніи, что онѣ показываютъ, какого рода евангелія могли быть результатомъ, когда люди увлекались фантазіею и изобрѣтали своихъ Мессій, вмѣсто того, чтобы основываться на фактахъ и сообщать міру вѣрное повѣствованіе о Томъ, кто дѣйствительно посреди ихъ жилъ и умеръ. Здѣсь, какъ и всегда, слава истины является въ сильнѣйшемъ свѣтѣ при сравненіи съ ложью. Но ни въ чемъ, можетъ быть, столько не проявляется свойство апокрифическихъ евангелій, какъ въ различіи между главными чертами чудесъ, въ нихъ описанныхъ, и чудесами каноническихъ Евангелій. Такъ, въ послѣднихъ чудеса являются существенными и въ то же время подчиняются ученію ими подтверждаемому, какъ звено великой цѣпи божественнаго откровенія людямъ; ихъ нравственное значеніе нигдѣ не отступаетъ на задній планъ, и чудеса благодати и силы при всякомъ удобномъ случаѣ имѣютъ болѣе или менѣе близкое отношеніе къ нравственному состоянію лица или лицъ, ради которыхъ онѣ совершались. Чудеса ведутъ насъ отъ самихъ себя къ ихъ Виновнику, онѣ являются изліяніемъ славы Сына Божія; но мы на Немъ, а не на нихъ останавливаемся, это сіянія Имъ распространенныя, отъ Него онѣ получаютъ, а не Ему сообщаютъ, свое достоинство. Онѣ поддерживаются Его могучею личностію—это окружность центра, а потому являются не аггрегатомъ чудесныхъ анекдотовъ, случайно нагроможденныхъ, а частями великаго органическаго цѣлаго, каждая часть котораго состоитъ въ живой связи со всѣми прочими. Совершенно инаго свойства апокрифическіе разсказы. Говоря, что чудеса занимаютъ въ нихъ самое видное мѣсто, мы бы не точно выразились. Онѣ составляютъ все. Въ нихъ нѣкоторыя такъ-называемыя исторіи служатъ лишь простою связующею нитью и, что весьма странно, вовсе не относятся къ служенію Христа. Ни одно изъ нихъ не касается періода, послѣдующаго за крещеніемъ: это все суть чудеса, относящіяся къ младенчеству, другими словами, къ тому времени, въ которое канони-

ческая исторія не повѣствуетъ ни объ одномъ чудѣ и не только не повѣствуетъ ни объ одномъ, но мы не обинуясь скажемъ, что въ эту эпоху не было сотворено ни одного чуда, такъ какъ чудо въ Канѣ Галилейской было собственно началомъ чудесъ (Іоан. II, 11).

Изъ этого необходимо слѣдуетъ, что онѣ нигдѣ не служатъ печатью слова и ученія, имъ предшествовавшаго. Это не суть „знаменія“, а не болѣе какъ необычайные феномены и диковинки. Онѣ совершенно чужды всякаго высшаго намѣренія и цѣли. Вездѣ примѣтно, что повѣствователь писалъ не по какой либо уважительной причинѣ, а для того чтобы возбудить и поддержать дѣтскую склонность къ чудесному; ни къ чему нельзя примѣнить словъ: „сіе же написано, дабы вы увѣровали, что Іисусъ есть Христосъ, Сынъ Божій, и вѣруя имѣли жизнь во имя Его“ (Іоан. XX, 31). Не только онѣ не имѣютъ ничего *религіознаго*, но даже чужды всякаго нравственнаго элемента [60]). Господь Іисусъ въ нихъ неузнаваемъ; Онъ является прихотливымъ, страстнымъ ребенкомъ, обладаетъ страшною способностію вредить, мстить за малѣйшее и случайное оскорбленіе, и вообще поведеніе Его фактически вполнѣ оправдываетъ заявленіе Маріи и Іосифу отъ родителей нѣкоторыхъ другихъ дѣтей, чтобы они удерживали Его дома, такъ какъ всюду, куда Онъ ни приходитъ, Онъ причиняетъ безпокойство и тревогу. Іосифу приписываются слова, обращенныя къ Маріи: „всякій, кто вопреки ему что либо дѣлаетъ, погибаетъ“ и такимъ образомъ онъ соглашается со справедливостью вышеприведеннаго требованія. Подтвердимъ это немногими примѣрами, хотя и дико звучащими для христіанскаго слуха. Нѣкоторыя дѣти не хотятъ съ нимъ играть и прячутся отъ Него. Онъ ихъ преслѣдуетъ и превращаетъ въ козлятъ [61]). Какой-то ребенокъ, нечаянно набѣжавши, сшибъ Его, за что Онъ, разгнѣвавшись [62]), восклицаетъ: „такъ какъ Я отъ тебя упалъ, то ты самъ упадешь и не встанешь“; въ тотъ же часъ

---

[60]) См. Nicolas, Etudes sur les Evangiles Apocryphes. Paris 1865.

[61]) Evang. Infant. 40. Thilo's Codex Apocryphus—превосходное собраніе апокриф. еванг., на которое здѣсь дѣлаютъ ссылки.

[62]) Πικρανθείς.

ребенокъ упалъ мертвый [63]). Онъ споритъ съ учителемъ грамоты о порядкѣ буквъ еврейской азбуки, и учитель Его ударяетъ; за это Іисусъ проклинаетъ Своего учителя, рука котораго изсыхаетъ и онъ падаетъ мертвымъ [64]). Мстительность Его проявляется въ самомъ нѣжномъ возрастѣ. Будучи пяти лѣтъ отъ роду, Онъ на вырытомъ пруду дѣлаетъ изъ глины воробьевъ. Другое дитя, сынъ книжника, досадуя, что Онъ дѣлаетъ это въ субботу, открываетъ шлюзы пруда и выпускаетъ воду. Разгнѣвавшись, Іисусъ называетъ его оскорбительными именами и виновный изсыхаетъ вслѣдствіе Его проклятій [65]). Въ такихъ образахъ авторы этихъ книгъ представляютъ намъ святаго младенца Іисуса, и это неудивительно; ибо человѣкъ не только неспособенъ осуществить совершенство, но не способенъ даже составить о немъ понятіе. Идея есть столько же даръ, какъ и сила ее осуществляющая. Даже и тѣ чудеса, которыя не имѣютъ этого возмутительнаго характера, суть ребяческіе фокусы, похожіе на продѣлки заклинателей, далекія отъ торжественныхъ дѣлъ могущества и любви. Іисусъ входитъ въ лавку красильщика, получившаго разную одежду отъ разныхъ лицъ для окраски въ разные цвѣта. Въ отсутствіи хозяина Онъ бросаетъ всѣ въ одинъ красильный котелъ; въ отвѣтъ на упреки возвратившагося Онъ вынимаетъ ихъ изъ котла всѣ окрашенныя по заказу [66]). Онъ вмѣстѣ съ другими дѣтьми лѣпитъ изъ глины птичекъ и другихъ животныхъ и каждый хвастаетъ превосходствомъ своей работы; но Іисусъ говоритъ: „Я заставлю животныхъ, мною сдѣланныхъ, двигаться“; и животныя двигаются, птицы летаютъ и по Его приказанію къ Нему возвращаются, пьютъ, ѣдятъ изъ Его рукъ [67]). Еще у груди Своей матери, Онъ приказываетъ пальмѣ къ Ней нагнуться, чтобы Она могла нарвать финиковъ; дерево повинуется и выпрямляется лишь по Его при-

---

[63]) Evang. Infant. 47 p. 123; ср. Evang. Thom. p. 284.

[64]) Evang. Infant. 49 p. 125; по Evang. Thom. 14 p. 307. онъ падаетъ только въ обморокъ и Іисусъ его воскрешаетъ.

[65]) Evang. Thom. 3 p. 282. См. повтореніе того же съ варіант. въ Evang. Infant. 46 p. 122.

[66]) Evang. Infant. 37 p. 111.

[67]) Ibid. 36.

казанію [68]). Мать посылаетъ Его къ ручью за водою, но сосудъ разбился и Онъ приноситъ воду въ своемъ плащѣ [69]). Чудеса Его, а равно какъ и тѣ, которыя дѣлаются въ честь Ему, ничтожны и чудовищны; образцемъ могутъ служить волъ или оселъ покланяющіеся новорожденному въ ясляхъ [70]).

Во всемъ этомъ нѣтъ и слѣда идеи искупленія; нигдѣ внѣшняя сторона не обличаетъ внутренняго содержанія фактовъ спасительнаго свойства. Не говорю, чтобы изъ этихъ книгъ совершенно исключались чудеса исцѣленія и благодати [71]), такое исключеніе несовмѣстно было бы съ идеею объ Искупителѣ, я утверждаю только, что они не даютъ яснаго и опредѣленнаго образа Спасителя: это не образъ благодати и могущества; это личность обезображенная страстями и прихотями, капризная и злобная. Быть можетъ болѣе поразительное изъ чудесъ относительно младенца Іисуса—это паденіе египетскихъ идоловъ въ Его присутствіи; ибо здѣсь заключается нѣчто, имѣющее глубокое значеніе, какъ символъ и пророчество о низверженіи идолопоклонства на землѣ Тѣмъ, кто пришелъ на землю [72]). Равнымъ образомъ разсказъ о львахъ и леопардахъ, безвредно окружающихъ Его на пути его черезъ пустыни въ Египетъ не чуждъ евангельскаго духа и состоитъ въ аналогіи со словами св. Марка (I, 13): „и былъ со звѣрями“, словами вставленными не только для указанія на дикость пустыни, гдѣ Онъ провелъ тѣ сорокъ дней искушенія, но и на то, что въ Немъ новая глава человѣческаго рода, второй Адамъ, и что райское его состояніе въ Немъ возвращается (Быт. I, 28; Ис. VIII, 6—8). Но за весьма немногими исключеніями, такого рода апокрифическія евангелія уподобляются сухой безплодной степи, въ которой разсѣяны чудеса безъ всякаго повода и цѣли и тѣмъ только назидательны, что даютъ намъ сильно чувствовать въ вышеприведенныхъ

---

[68]) Ibid. p. 395.

[69]) Ibid. p. 121.

[70]) Ibid. p. 382.

[71]) Напр. Симонъ Хананитъ исцѣленъ еще въ младенчествѣ (ibid. p. 117) отъ укушенія змѣи. Но уже и въ описаніи этихъ чудесъ мы чувствуемъ, что переселяемся въ другой міръ чуждый евангельской истинѣ.

[72]) Evang. Infant. 10—12 p. 75—77. Ср. 1 Цар. V, 3, 4.

примѣрахъ, сколь для истиннаго чудотворенія необходимы другіе сверхъ могущества факторы, что чудесамъ должны быть присущи мудрость и любовь, что чудеса, въ которыхъ люди видятъ одну преобладающую власть, противорѣчатъ божественному. Если бы Христосъ жилъ на землѣ по образу апокрифическихъ евангелій, то слылъ бы лжеволхвомъ, отъ котораго всѣ отвратились бы по врожденному истинкту недовѣрія и ужаса.

3. позднѣйшія или церковныя чудеса.

Мы совершенно удалились бы отъ своего предмета, если бы вошли въ подробное изслѣдованіе того авторитета, какой позднѣйшія или какъ можно правильнѣе назвать, церковныя чудеса имѣютъ для насъ, ихъ права на наше вѣрованіе. Но необходимо сказать нѣсколько словъ о пребываемости чудесныхъ дарованій въ церкви, которыя приписываются ей, какъ ея законное наслѣдіе, при чемъ одни ставятъ въ славу церкви предполагаемое присутствіе ихъ, а другіе оплакиваютъ ихъ отсутствіе, одни въ присутствіи въ церкви чудесъ видятъ доказательство ея святости, а другіе въ прекращеніи — упадокъ и порчу.

Я не вѣрю, что церковь имѣетъ или предполагала имѣть этотъ даръ и утратила его за свою невѣрность; не вѣрю, что Господь, не надѣливъ ее такою способностію, лишилъ ее чрезъ то чего либо могущаго содѣйствовать ея силѣ и славѣ. Нельзя, не унижая ее, думать, что признаніе за ней неспособности совершать сверхъестественное несовмѣстно съ ея достоинствомъ. Такъ какъ многіе изъ нашихъ современниковъ пришли къ діаметрально-противоположному заключенію, то я считаю нужнымъ отчасти подкрѣпить нѣкоторыми доводами мнѣніе здѣсь изложенное.

Вопервыхъ, сильною опорою противу предполагаемаго непрерывнаго продолженія этихъ силъ въ церкви можно привести аналогію изъ древней исторіи богоправленія избраннымъ народомъ. Мы не видимъ, чтобы чудеса продолжались чрезъ всю ветхозавѣтную исторію; они окружаютъ немногія высокія личности и относятся къ немногимъ великимъ эпохамъ царства Божія. Авраамъ, другъ Божій и „отецъ вѣрующихъ“, Давидъ—теократическій царь, Даніилъ, „мужъ весьма возлюбленный“—не тво-

рятъ чудесъ, чудеса совершаются ради ихъ, но не ими самими. Фактически только дважды проявлялось обильное чудотвореніе: вопервыхъ, при основаніи царства при Моисеѣ и Іисусѣ Навинѣ, когда, какъ это очевидно, настояла въ этомъ потребность; вовторыхъ, во время Иліи и Елисея: то было также время крайней нужды, когда священство Левитское уничтожалось и немногіе вѣрные были разсѣяны среди десяти колѣнъ, когда возникалъ вопросъ, не вытѣснитъ ли религія царей-отступниковъ истиннаго богопочтенія Іеговы. Въ эту рѣшительную эпоху исторіи царства два великіе пророка, будучи въ нѣкоторомъ смыслѣ начинателями новаго періода, возстали вооруженные могуществомъ, которое свидѣтельствовало, что они были служителями Бога Израилева, хотя Израиль и упорствовалъ исповѣдать Его. При всемъ томъ здѣсь чудеса не расточаются; напротивъ, въ нихъ мы усматриваемъ послѣднія средства для великихъ потребностей царствія Божія, а не для вседневныхъ случаевъ; это не пошлыя, грубыя продѣлки, всегда сподручныя, но орудія, при истощеніи всѣхъ другихъ средствъ — ничѣмъ незамѣнимыя. Какъ съ этою умѣренностію не сходенъ избытокъ средневѣковыхъ, легендарныхъ чудесъ! Здѣсь всякое малѣйшее затрудненіе разрѣшается чудомъ; нѣтъ ни одного святаго, по крайней мѣрѣ, такимъ признаннаго, на главу котораго не проливался бы дождь чудесъ. Люди соперничаютъ ими украшать однихъ передъ другими, и даже передъ самимъ Христомъ. Замѣчательное евангельское изреченіе: „Іоаннъ не сотворилъ никакого чуда“ (Іоан. X, 41) вовсе неприложимо къ ихъ жизнеописанію.

Прибавимъ къ этому свидѣтельства Писанія, которыя уже были нами приведены выше относительно чудесъ, что онѣ служатъ для подтвержденія слова послѣдующимъ знаменіемъ, для удостовѣренія въ небесномъ посланничествѣ, что онѣ суть знаменія для невѣрующихъ (перв. Коринѳ. XIV, 22). Къ чему же онѣ служатъ въ христіанствѣ? Дѣйствительно, на это можно отвѣчать, что и между христіанами еще бываютъ невѣрующіе, однако не въ томъ смыслѣ, въ которомъ ап. Павелъ употребляетъ это слово, ибо онъ разумѣетъ не положительно невѣрующихъ, не тѣхъ, которые сердцемъ и волею чуждаются истины, но отрицательно невѣрующихъ, для которыхъ истина недостаточно убѣдительна.

Знаменіе не для положительнаго невѣрія, ибо какъ мы видѣли, могущество чудесъ безсильно надъ людьми, которые враждуютъ противъ истины, эти упорствуютъ или уклоняются отъ нихъ, какъ упорствуютъ или уклоняются отъ всякаго другаго свидѣтельства о бытіи Бога и Его Промыслѣ, а для невѣрующихъ, которые такими остаются не по своей винѣ, для тѣхъ, предъ которыхъ истина впервые приходитъ. Но если бы даже и не для сихъ послѣднихъ, каковы напр. живущіе въ странахъ языческихъ, то самые факты оправдываютъ, что церковь Христова съ ея огромными и очевидными превосходствами надъ всѣмъ, съ чѣмъ она приходитъ въ соприкосновеніе (а это превосходство непререкаемо), сама подтверждаетъ и свидѣтельствуетъ истину ею благовѣствуемую. Итакъ, истина не имѣетъ нужды защищать себя и обращаться къ чему-либо другому, положеніе добытое ею предъ лицемъ всего міра—вотъ ея оправданіе достаточное, чтобы дать ей право на вниманіе каждаго человѣка.

Далѣе, все, что сами мы могли бы предполагать по аналогіи внѣшнихъ вещей, все это приводитъ насъ къ тѣмъ же заключеніямъ. Мы находимъ всякое начало дивнымъ, состоящимъ подъ инымъ высшимъ закономъ чѣмъ тѣ, которыми управляется дальнѣйшій ходъ вещей. Такимъ образомъ силы, предержащія въ естественномъ мірѣ, очевидно не были бы достаточны для самаго творчества; были другія, преобладавшія при его рожденіи, а теперь онѣ, соверша свое дѣло, отступили и предоставили его своему собственному развитію. Многочисленныя породы животныхъ населяющихъ землю, и растеній ее одѣвающихъ требовали безконечно бо́льшаго могущества при ихъ первомъ произведеніи, чѣмъ потребно теперь для ихъ сохраненія. Даже по аналогіямъ всего насъ окружающаго слѣдуетъ предполагать, что также было и съ началомъ духовнаго творенія—христіанскою церковію. Непререкаемо бываетъ тоже и при началѣ этого новаго творенія въ сердцѣ каждаго человѣта. При такомъ возрожденіи, сильнѣйшія наклонности старой природы укрощаются, невозможное становится возможнымъ и отчасти легкимъ, отъ дивнаго наитія благодати полярность перемѣщается въ человѣкѣ: плоть—этотъ положительный полюсъ дѣлается отрицательнымъ, а духъ—прежній отрицательный полюсъ положительнымъ. Покажется ли тогда страннымъ, что наступающій новый порядокъ

не въ одномъ сердцѣ, но въ цѣломъ мірѣ—новый порядокъ, насильственно расторгающій преграды и препятствія стараго—долженъ быть чудеснымъ? Дѣйствіе показалось бы необъяснимымъ, если бы оно произошло иначе. Сынъ Іосифа могъ жить и умереть, не творя чудесъ; но чтобы рожденный дѣвою, Сынъ Всевышняго, Самъ средоточіе всего чудеснаго, не сдѣлалъ ни одного чуда, это по истинѣ было бы всего удивительнѣе.

Между тѣмъ этотъ новый порядокъ не только заявилъ себя, но и установился: показалъ, что онъ не связанъ тяжкими узами древнихъ законовъ, но что онъ отнынѣ самъ подчиняется этимъ законамъ во внѣшнихъ вещахъ и въ настоящемъ времени. Всю истинную славу, всю внутреннюю сущность онъ удерживаетъ, но тѣ силы, которыя не суть даръ — ибо Христосъ Самъ есть даръ — а знаменія дара онъ оставляетъ. „Чудеса, говоритъ Фуллеръ, суть пелены младенчествующей церкви; и можно прибавить, не одежда ея полнаго возраста. Это были провозглашенія, что царь восходитъ на свой престолъ, но провозглашается однако не ежедневно, а только при своемъ восшествіи; провозглашеніе умолкаетъ, когда онъ признанный воцарился. Это были блестящія облака вокругъ восходящаго солнца возвѣщающія его появленіе: его полуденный блескъ, столь же или еще болѣе полный свѣта и теплоты, не знаетъ этихъ блестящихъ предвозвѣстниковъ своего восхода. Или онѣ уподобляются временнымъ подпорамъ строющагося свода, при окончаніи его отнимающимся. Что церковь *имѣла* эти чудеса, что ея рожденіе, подобно рожденію ея дивнаго Основателя, чудесно, въ этомъ она увѣряется повѣствованіемъ и свидѣтельствомъ въ писаніяхъ истины. Чудеса въ нихъ повѣствуемыя живутъ для церкви, это суть настоящіе свидѣтели Христа, равно для насъ, какъ и для тѣхъ, которые ихъ видѣли своими глазами. Онѣ были единожды совершены, дабы быть предметомъ всегдашняго вѣровавія, дабы мы имѣющіе въ Евангеліи живой образъ Господа, столь же твердо могли вѣрить, что Онъ правитель природы, цѣлитель тѣла, владыка жизни и смерти, какъ будто Онъ предъ нашими глазами утишаетъ бурю, исцѣляетъ прокаженнаго или воскрешаетъ мертвеца.

Сверхъ того великое множество позднѣйшихъ чудесъ, обязательно намъ представляемыхъ, обличаетъ свою поддѣльность.

Чудеса Писанія,—и между ними не столько чудеса Ветхаго Завѣта, сколько чудеса Христа и Его апостоловъ, чудеса высшаго послѣдняго домостроительства Божія, освящающаго нашу жизнь,—мы имѣемъ право считать нормальными, по крайней мѣрѣ въ ихъ главныхъ чертахъ, для всѣхъ будущихъ чудесъ, если оныя должны продолжаться въ церкви. Подробности, мѣстный колоритъ могутъ различаться и различіе это не странно, но послѣднія однако не должны быть по своему внутреннему духу всецѣло несходны съ первыми, въ противномъ случаѣ онѣ подвергаются осужденію. Онѣ н. п. не должны снова возвращать насъ подъ иго чувственности, такъ какъ содержаніе первыхъ освободило насъ отъ этого рабства. Онѣ не должны быть безцѣльны и безпредметны, не должны быть фантастическою игрою силъ; ибо каждое изъ прежнихъ имѣло смыслъ и видимо нравственную цѣль — это былъ мостъ, по которому Христосъ пришелъ отъ тѣлеснаго къ духовному человѣку,— проявленіе Его славы, дабы человѣкъ возвысился до самой славы [73]). Онѣ не должны быть смѣшною и шуточною игрою священными предметами, ибо тѣ всегда были достославны, торжественны и внушали благоговѣніе. Наконецъ, онѣ не должны служить печатію и свидѣтельствомъ чего-либо противнаго совѣсти, озаренной словомъ и духомъ Божіимъ—этого верховнаго судьи, высшаго, а не нисшаго самихъ чудесъ, протестующаго противу цѣлой системы лживыхъ римско-католическихъ преданій или заблужденій хотя иногда и смѣшанныхъ съ истиною. Нашъ долгъ—во имя всего для насъ священнаго отрицать и опровергать повѣствованія о чудесахъ съ признаками такого обманчиваго свойства. Читатель довольно знакомый съ средневѣковою исторіею церкви можетъ судить, сколь многія изъ этихъ чудесъ, при строгомъ основательномъ дознаніи, сами отпадутъ и не удовлетворяя этимъ первымъ условіямъ, не имѣютъ права на наше вниманіе [74]).

---

[73]) По этому предмету имѣются дѣльныя въ частности замѣчанія въ одной статьѣ Theol. Stud. и Krit. 1844 pp. 609—708.

[74]) Толукъ (Verm. Schriften pp. 50—57) собралъ подробности о жизни двухъ столповъ Іезуитскаго ордена Иги. Лойолы и Фр. Ксавье, помѣщаемыя здѣсь въ извлеченіи. При канонизаціи перваго представлены были Папѣ 200 его чу-

Весьма замѣчательно, какъ люди, сочувствовавшіе преобладающему направленію своего вѣка (кто же на самомъ дѣлѣ этому не поддается?) въ высшемъ своемъ стремленіи и съ весьма вѣрнымъ пониманіемъ христіанства, свидѣтельствуютъ однако противъ самыхъ тенденцій, которыми они болѣе или менѣе увлекались вмѣстѣ съ прочими своими современниками. Такъ это было относительно преобладанія чудесъ, признанія ихъ за единственную очевидность высокой святости. Этому во всѣ времена церкви противупоставляется постоянное свидѣ-

---

дотвореній, съ которыми чудеса Господа не могутъ идти въ сравненіе. Ежели Христосъ словомъ или взоромъ изгонялъ бѣсовъ, то Игнатій дѣлалъ это письменно. Христосъ однажды ходилъ по водамъ, Игнатій нѣсколько разъ по воздуху, Христосъ однажды преобразился предъ своими учениками, Игнатій часто и присутствіемъ своимъ освѣщалъ темную комнату, какъ горящими свѣчами. Священная Исторія повѣствуетъ о троихъ воскрешенныхъ Христомъ. Ксавье воскресилъ безчисленное множество покойниковъ. Отъ него не отставалъ и его Ассизскій тёзка. — Liber conformitatum, описаніе соетавленное спустя менѣе ста лѣтъ по смерти его повѣствуетъ о господинѣ и о слугѣ его: „Подобно Іисусу онъ превратилъ воду въ вино, умножалъ хлѣбы и изъ корабля, посреди морскихъ волнъ неподвижнаго, училъ толпы слушателей стоявшихъ на берегу. Вся тварь по мановенію его повиновалась ему какъ будто въ немъ было возстановлено состояніе невинности. Умалчивая о прочемъ, скажемъ, что онъ слѣпымъ возвращалъ зрѣніе, глухихъ, хромыхъ, разслабленныхъ, одержимыхъ разными недугами исцѣлялъ, прокаженныхъ очищалъ, бѣсовъ изгонялъ; плѣнныхъ изъ плѣна исторгалъ; утопающихъ спасалъ и и весьма многихъ умершихъ воскрешалъ (Gieseler Lehrb. d. Kirchengesch. v. II, pars II. p. 355). Возвращаемся къ Игнатію. Ribadeneira, съ юности бывшій его ученикомъ и товарищемъ, чрезъ 15 лѣтъ по смерти его (1572) составилъ жизнеописаніе своего учителя и друга; книга эта вторично издана 1587 г. со многими прибавленіями, которыя сообщили издателю близкіе друзья покойнаго (gravissimi viri et Ignatio maxime familiares). Замѣчательно, что ни въ первомъ, ниже во второмъ значительно умноженномъ изданіи, ни слова не говорится о чудесахъ. Біографъ напротивъ того пространно разсуждаетъ, почему по волѣ Божіей не было чудотвореній этого знаменитаго угодника. (Sed dicat aliquis, si haec vera sunt, ut profecto sunt, quid causae est, quam ob rem illius sanctitas minus est testata miraculis et, ut multorum sanctorum vita, signis declarata virtutumque operationibus insignita?) При этомъ присовокупляетъ авторъ: „Кто позналъ судьбы Бога или кто былъ соучастникомъ его совѣтовъ? Онъ одинъ творитъ великія чудеса, а посему его только единою безпредѣльною силою можетъ быть совершено все, что мѣру естествен-

тельство, конечно недостаточное для того, чтобы остановить заблужденіе цѣлыхъ поколѣній, но при томъ доказывающее, что церковь всегда сознавала, что святость жизни была предъ судомъ Божіимъ выше всякаго чудотворенія, что любовь есть величайшее изъ чудесъ, что побѣда надъ міромъ есть наиглавнѣйшее проявленіе, могущества Христова въ людяхъ Ему служащихъ [75]). Здѣсь достаточно будетъ привести вкратцѣ одно изъ многихъ мнѣній Златоуста по сему предмету [76]). Онъ упрекаетъ вѣрующихъ за то, что они, будучи тогда столь многочисленны, такъ мало дѣлаютъ для закваски міра, между тѣмъ какъ апо-

---

ныхъ силъ превосходитъ. Поелику же Онъ одинъ можетъ это производить, то одинъ Онъ и вѣдаетъ гдѣ, когда и по чьимъ молитвамъ должны чудеса твориться. Между тѣмъ не всѣ святые мужи прославились чудесами; съ другой стороны превзошедшіе другихъ величіемъ или обиліемъ чудесъ не возвышались чрезъ то надъ прочими своею святостію. Ибо святость чья либо цѣнится не знаменіями, а христіанскою любовію". За два года до этого втораго изданія (1585) Maffei, прозванный Іезуитъ Ливій издалъ въ Римѣ *De vita et moribus S. Ignatii Loyola l. libri tres*, но и здѣсь ничего не упоминается о чудесахъ великаго основателя ордена, а съ нѣкоторыми новыми тенденціями, напр. касательно смерти и выздоровленія друзей, встрѣчаются намеки о его блаженномъ состояніи, о его восторженныхъ видѣніяхъ, о явленіи ему Христа; впрочемъ біографъ прямо отклонялъ отъ себя ручательство за все подходящее къ чудесному. (Non pauca de eodem admirabilia *praedicantur*, quorum aliqua nobis hoc loco exponere visum est). Римская церковь окружила поразительными и болѣе многочисленными чудесами его великаго ученика Фр. Ксавье. Чудеса были его насущнымъ хлѣбомъ; воскресить умершаго было для него столь же легко, какъ и помочь больному; подобными силами обладали его служители и катехисты. Конечно это не подтверждается никакими современными историческими свидѣтельствами. Имѣется рядъ писемъ этого великаго проповѣдника къ язычникамъ во время его подвиговъ на отдаленномъ Востокѣ. (S. Francisci Xaverii Epistolarum ll. tres Pragae 1750). Письма эти несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что онъ былъ одинъ изъ умнѣйшихъ и ревностнѣйшихъ проповѣдниковъ, но о чудесахъ его не встрѣчается въ нихъ ни слова.

[75]) Августинъ (Enar. in Ps. CXXX) дѣлаетъ такой приступъ: „Есть люди, которымъ очень желательно сдѣлать чудо и которые требуютъ чудесъ отъ людей, подвизающихся въ церкви, а также сами считая себя подвижниками, хотятъ творить нѣчто подобное и въ противномъ случаѣ не считаютъ себя принадлежащими Богу".

[76]) Hom. XLVI in Matt.

столы, бывшіе лишь въ числѣ двѣнадцати, совершили столь многое, и устраняетъ оправданіе: „но вѣдь они имѣли силу творить чудеса“ не признаніемъ: „мы тоже можемъ дѣлать“, а слѣдующимъ возраженіемъ: „доколѣ мы будемъ ссылаться на эти чудеса въ извиненіе своей лѣности“! Что же такое, спрашивается, дѣлало апостоловъ столь великими? Отвѣчаю: то, что они презирали деньги, что они попирали тщеславіе, что они отреклись отъ міра. Когда бы они не такъ поступали, а были рабами своихъ страстей, тогда еслибъ и тысячи мертвецовъ воскресили, то не принесли бы никакой пользы, а прослыли бы обманщиками. Какое чудо сотворилъ Іоаннъ, обратившій столь многіе города, о которомъ однако прямо говорится, что онъ не творилъ ни одного знаменія? А самъ ты, еслибъ тебѣ надлежало выбирать, воскресить мертвеца именемъ Христовымъ, или самому умереть за Христа, на что бы ты рѣшился? Не на послѣднее ли? Между тѣмъ однако то было бы *чудомъ*, а это только *дѣломъ*. Еслибы тебѣ дали на выборъ превратить всю траву въ золото, или имѣть силу пренебречь всѣмъ золотомъ какъ травою, не выбралъ ли бы ты послѣднее? Ты поступилъ бы праведно; ибо чрезъ это ты дѣйствительно болѣе людей обратилъ къ истинѣ. Это не мое ученіе, а блаженнаго Павла, ибо, когда онъ сказалъ (1 Кор. XII, 31): „Ревнуйте о дарахъ большихъ“ (κρείττονα), и потомъ прибавляетъ: „я покажу вамъ путь еще превосходнѣйшій“, онъ [77]) не указалъ на чудеса, а на любовь, въ которой коренятся всѣ блага“. Весьма трудно съ точностію опредѣлить моментъ, когда чрезвычайныя проявленія дара чудотворенія прекратилися въ Церкви *) и она вошла въ свое обычное состояніе съ пребываю-

---

[77]) Ср. S. Bernard Serm. XLVI, 8. in Cant. Neander Kirchengesch. IV, pp. 255—257 цитуетъ многія мѣста церковныхъ учителей IX вѣка. *Odo de Clugny* разсказываетъ объ одномъ мірянинѣ, извѣстномъ святостію своей жизни, на котораго иные давно сѣтовали, что при своемъ благочестіи онъ вовсе не дѣлаетъ чудесъ: заставши однажды у себя вора въ кражѣ имущества, онъ не только отпустилъ его на свободу, но отдалъ ему все имъ „забранное“. По истинѣ, прибавляетъ повѣствователь, „для меня это гораздо болѣе достойно удивленія чѣмъ то, когда бы благочестивый мужъ превратилъ бы въ камень этого вора“.

*) Въ истинной церкви Божіей даръ чудотворенія никогда не прекращался, но всегда пребываетъ и дѣйствуетъ. *Ценз.*

щими въ ней чудесами благодати и съ воспоминаніемъ о прежнихъ силахъ чудотворенія, при ея первоначальномъ утвержденіи въ мірѣ. Опредѣлить это трудно, потому что трудно сказать, въ какой именно моментъ Церковь перестала быть *образующеюся*, и стала предъ очами Бога дѣйствительно *сущею*, когда слово утвердилось послѣдующими знаменіями и подпоры могли быть отняты изъ-подъ оконченнаго свода, когда нѣжное насажденіе столько укоренилось, что безопасно могли быть отняты подставки, какъ ненужныя для окрѣпшаго дерева [78]).

Что отступленіе чудесъ было постепенное, что этотъ могучій приливъ силъ понемногу [79]) отливалъ, можно было предвидѣть въ этомъ духовномъ мірѣ, который, подобно естественному Божію міру, чуждъ грубыхъ, отрывистыхъ переходовъ, такъ какъ въ немъ всякая черта непримѣтно сливается съ ближайшею. Мы

---

[78]) Златоустъ (Hom. XLII in Inscript. Act. Apostt.): „Подобно какъ домохозяинъ, ввѣрившій молодое деревцо нѣдрамъ земли, считаетъ нужнымъ, пока оно такъ нѣжно, имѣть за нимъ заботливый уходъ, со всѣхъ сторонъ его ограждая, обставляя камнями и окружая терновникомъ, чтобы его не повалили вѣтры, чтобы не повредило стадо и ничто не погубило; но видя наконецъ, что оно укоренилось и разрослось, онъ отнимаетъ подпорки, такъ какъ съ этихъ поръ деревцо можетъ само держаться и устоять противъ всякой невзгоды. Такъ было и въ дѣлѣ нашей вѣры: при ея первомъ насажденіи, пока она еще укрѣплялась, потребно было отвсюду блюсти ее; когда же она окрѣпла, укоренилась и достигла высокаго роста и наполнила весь міръ, Христосъ отъемлетъ ея опоры и на будущее время устраняетъ другія подкрѣпленія. Такъ при началѣ Онъ ниспосылаетъ дары даже недостойнымъ, ибо въ первое время и такое пособіе нужно, а напослѣдокъ Онъ не даетъ этихъ даровъ даже и достойнымъ, такъ какъ сила вѣры не нуждается въ такомъ пособіи. Ср. Григорія В. Hom. XXIX in Evang.: „Эти знаменія были необходимы для новорожденной Церкви. Пока вѣра росла, ей нужно было питаться чудесами (miraculis fuerat nutrienda), поелику и мы, насаждая деревцо, поливаемъ его пока оно не окрѣпло въ землѣ, а когда пуститъ корень, то и перестаемъ поливать.

[79]) Оригенъ (Con. Cels. II, 46) оставшіеся дары Церкви называетъ слѣдами (ἴχνη, vestigia, ἴχνη καί τινά γε μείζονα). Ср. II, 3. 24; VII, 4. 67; Tertull. De anima, 51; Eusebius H. E. VI, 9. Irenaeus II, 32. 33; V, 6 Iustin. Martyrol. Apol. II, 6. У Абеларда (Sermo de Ioan. Bapt. p. 967) находимъ возраженіе современнымъ искателямъ чудесъ: онъ имѣетъ въ виду Бернарда, хотя и не называетъ его.

можемъ себѣ представить слѣдующій порядокъ отступленія: могущество Божіе, пребывавшее во всей силѣ и полнотѣ во Христѣ, сперва раздѣлилось между Его апостолами, кои въ отдѣльности совершали дѣла меньшія сравнительно съ дѣлами Господа. Отъ нихъ оно снова подраздѣлилось между размножающимися членами церкви, которые слѣдовательно обладали дарами не въ той силѣ и полнотѣ, въ какой двѣнадцать. Съ этимъ вмѣстѣ должно припомнить, что эти отступающіе дары способствовали образованію того, что долженствовало заступить ихъ мѣсто, дабы съ ихъ исчезновеніемъ достигнуть своего полнаго роста; „такъ опадаетъ цвѣтъ, когда уже плодъ образовался". Если оныя чудеса первосозданія оставили насъ, то это совершилось не прежде чѣмъ онѣ могли въ свою очередь завѣщать вѣчное чудо [80]) Церкви, которая сама по себѣ есть чудо и заключаетъ въ лонѣ своемъ многія чудеса [81]). Ибо законы духовнаго міра, постоянно на насъ дѣйствующіе, не суть ли непрерывныя чудеса? Что значитъ это возрожденіе въ крещеніи? и причастіе тѣла и крови Христовой въ св. Евхаристіи? и жизнь Бога въ душѣ? и небесное царство въ этомъ мірѣ? что это какъ не чудеса [82])?

---

[80]) August. De Civ. Dei XX, 8: Quisquis adhuc prodigia, uti credat, inquirit, magnum est ipse prodigium, qui mundo credente, non credat.

[81]) Coleridge, Literary Remains v. IV, p. 260: „Собственное размышленіе привело меня къ тому результату, что въ цѣломъ очевидность Евангелія столь же велика для христіанъ XIX вѣка, какъ и для временъ апостольскихъ, и неудивительно, еслибы кто сказалъ, что она еще большая. Что касается до частностей, то убѣдительнѣйшее доказательство, чуждое первымъ христіанамъ служитъ компенсаціею нѣкоторыхъ утраченныхъ для насъ очевидностей, коими они пользовались. Многое темное озарилось съ наступленіемъ свѣтлаго полдня, а сравнительное удаленіе другихъ очевидностей нѣкогда сіявшихъ вознаграждено съ избыткомъ конспектомъ цѣлаго (synopsis τοῦ παντός), доставшимся на нашу долю, и незыблемымъ чудомъ самаго христіанства, которое тождеименно съ цивилизованнымъ міромъ.

[82]) Существованіе Церкви въ мірѣ есть само по себѣ столь великое чудо, и Августинъ мѣтко выражаетъ, что какъ вѣрить, такъ и не вѣрить чудесамъ нельзя не допуская чуда. Если вы не вѣрите чудесамъ, вы должны вѣрить тому чуду, что міръ обращенъ безъ чудесъ (si miraculis non creditis, saltem huic miraculo credendum est, mundum sine miraculis fuisse conversum; ср. de Civ. Dei XXII, 8, 1). О присутствіи Божіемъ въ Церкви онъ говоритъ (Serm. CCXLIV, 8):

Чудеса этой области, подобныя чудесамъ вещественной природы, но отличныя отъ чудесъ сопровождающихъ наитіе новой силы, отличныя тѣмъ, что онѣ состоятъ подъ закономъ, который мы можемъ предугадывать, что онѣ сообразуются съ безусловнымъ порядкомъ, ходъ котораго мы можемъ понимать; но тѣмъ не менѣе чудеса эти божественны [83]). Какъ скудно мы цѣнимъ Церковь, ея чудесные дары, силы грядущаго міра, внутрь ея дѣйствующія, ея Слово, ея таинства, когда кажется намъ малостью то, что въ ней люди возраждаются, воскресаютъ отъ грѣховной смерти къ праведной жизни,—если притомъ мы не можемъ говорить о чудесахъ болѣе видимыхъ и чувственныхъ. Ужели небо являетъ славу Божію, а твердь возвѣщаетъ твореніе рукъ Его только въ тотъ моментъ, какъ солнце стало надъ Гаваономъ, а луна надъ долиною Аіалонскою" (Іис. Нав. X, 12)?

Если для насъ не можетъ быть существенно важно знать моментъ ослабленія этой силы, то для насъ имѣетъ жизненную важность не питать этого плотскаго желанія чудесъ, какъ будто онѣ составляютъ принадлежность святыхъ, и безъ нихъ люди не совершенные христіане; какъ будто Церковь, не могущая ихъ проявлять, не довольно надѣлена, духовно обнищала и не можетъ водрузиться въ нашемъ сердцѣ, будучи удобоводружаемою въ сердцѣ

апостолы видѣли Христа, но Церкви по всему свѣту распространенной не видѣли; видѣли главу, но не видѣли тѣла

[83]) Григорій Великій (Hom. XXIX in Evang.) говоритъ: Святая Церковь ежедневно совершаетъ духовно то, что тогда она чрезъ апостоловъ дѣлала тѣлесно. Ибо ея священники возлагая руки на вѣрующихъ и запрещая злымъ духамъ властвовать ихъ душею, что иное дѣлаютъ, какъ не изгоняютъ бѣсовъ? И вѣрующіе, которые оставивъ мірскія слова прежней жизни и участвуя въ святыхъ таинствахъ возвѣщаютъ славу и могущество своего Творца, что иное дѣлаютъ, какъ не глаголютъ новыми языками? Эти чудеса тѣмъ больше, чѣмъ они духовнѣе, — тѣмъ больше, что чрезъ нихъ возбуждаются не тѣла, но души.... Чудеса тѣлесныя иногда показываютъ святость, но не производятъ ея; ихъ могутъ имѣть и худые люди, но чудесами духовными могутъ пользоваться только добрые... Сравн. Августина *Serm.* LXXXVIII. Оригенъ (*Con. Cels.* II, 48) находитъ въ этихъ благодатныхъ чудесахъ совершаемыхъ въ Церкви исполненіе обѣтованія Христа, что вѣрующіе сотворятъ дѣла большія, чѣмъ самъ Онъ (Іоан. XIV, 12).

плотскаго человѣка, для котораго сила дороже святости. Нѣтъ вѣрнѣйшаго доказательства, какъ выраженіе подобныхъ чувствъ, что истинная слава Церкви сокрыта отъ нашихъ глазъ, что нѣкоторыя изъ ея внѣшнихъ украшеній плѣнили наше воображеніе, а не тотъ фактъ, что она вся прославлена, что она удовлетворяетъ глубочайшимъ потребностямъ человѣческаго духа, которыя восторжествовали надъ нашимъ сердцемъ и умомъ. Мы мало сами знаемъ о чудесахъ благодати, когда онѣ намъ кажутся бѣдными и скудными и когда глаза наши услаждаются лишь чудесами могущества.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ВСТУПЛЕНІЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО МАКАРІЯ НА КАѲЕДРУ МОСКОВСКОЙ МИТРОПОЛІИ.

10 мая, въ праздникъ Вознесенія Господня, знаменитый іерархъ русской церкви, выкопреосвященный Макарій, вступилъ на каѳедру Московской митрополіи. Еще съ 8 часовъ утра народъ устремился къ Казанскому собору, куда изо всѣхъ кремлевскихъ храмовъ направились хоругви и собралось столичное духовенство. Въ 9 часовъ въ соборъ прибылъ владыка митрополитъ. При входѣ во храмъ архипастырь былъ привѣтствованъ слѣдующимъ словомъ соборнаго настоятеля, протоіерея Д. И. Кастальскаго:

„Ваше высокопреосвященство!

„Этотъ храмъ, въ который вступили вы, есть памятникъ и свидѣтель великой эпохи въ исторіи нашего отечества и отечественной Церкви. Онъ—памятникъ бурныхъ событій въ жизни государственной, случившихся въ первую половину патріаршаго періода и свидѣтель не менѣе бурныхъ событій въ Церкви русской случившихся во вторую половину того же періода. Онъ памятникъ той эпохи, описывать которую скоро придется Вашему высокопреосвященству въ составляемой Вами исторіи русской Церкви. Господь привелъ васъ въ Москву именно къ тому времени, когда предстоитъ вамъ изображать для насъ событія того періода, который по преимуществу можно назвать московскимъ. И во всей жизни Вашей можно примѣчать удивительно счастливое, безъ сомнѣнія, Промысломъ устрояемое соотвѣтствіе внѣшнихъ обстоятельствъ съ Вашими учеными занятіями, вслѣдствіе котораго Вамъ, болѣе нежели кому другому, давалась возможность быть вблизи тѣхъ памятниковъ и мѣстъ, среди которыхъ происходили описываемыя Вами событія. Долговременное пребываніе вблизи древняго Новгорода, близкое знакомство съ Кіевомъ, служеніе въ литовскомъ краѣ, и потомъ служеніе въ Москвѣ, все это несомнѣнно чрезвычайно сча-

стливыя условія для историка русской Церкви, и все это Промыслъ судилъ даровать Вашему высокопреосвященству, и даровалъ, какъ кажется, во времена самыя благопотребныя для Вашего великаго труда.

„Изъ этого храма, въ которомъ Вы теперь находитесь, вступали въ древній Кремль и его святые храмы Ваши приснопамятные предшественники, предшествуемые священными ликами великихъ московскихъ святителей—Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, какъ бы своими небесными руководителями. По крайней мѣрѣ мы несомнѣнно это знаемъ о святителяхъ Филаретѣ и Иннокентіи. Памятливое московское духовенство, въ которомъ до сихъ поръ еще не затихли отголоски преданій о временахъ митрополита Платона, которое тѣмъ болѣе глубоко и живо хранитъ память своихъ архипастырей Филарета и Иннокентія, видя въ настоящемъ вступленіи Вашего высокопреосвященства на каѳедру Московскую повтореніе прежняго торжественнаго обряда, видитъ въ томъ и залогъ Божія благословенія, всегда хранившаго и благоустроявшаго церковь московскую чрезъ ея святителей.

„Настоящее торжество пришествія Вашего напоминаетъ намъ пришествіе пророка Самуила во градъ Давидовъ: Миръ ли входъ твой? спрашивали его старѣйшины Виѳлеемскіе. И рече имъ: миръ. Пожрети Господу пріидохъ; освятитеся и возвеселитеся днесь со мною (1 Цар. 10, 5). И мы нынѣ, въ упованіи мира, съ веселіемъ вознесемъ и впредь съ любовію будемъ возносить теплыя молитвы наши вмѣстѣ съ безкровною жертвою къ небесному Архіерею о здравіи и спасеніи нашего новаго архипастыря.

„Съ своей стороны всеусерднѣйше просимъ Ваше высокопреосвященство удостоить насъ молитвеннаго общенія съ Вами въ семъ святомъ храмѣ, ссылаясь и въ этомъ на примѣры Вашихъ приснопамятныхъ предшественниковъ“.

Совершивъ входную молитву и приложившись ко святымъ иконамъ, Владыка облачился и послѣдовалъ въ крестномъ ходѣ, при торжественномъ колокольномъ звонѣ. Въ ходѣ участвовало болѣе двухсотъ причетниковъ и діаконовъ и свыше двухсотъ священниковъ и протоіереевъ, тринадцать архимандритовъ, оба викарные епископа. Владыка митрополитъ во время всего пути осѣнялъ крестомъ на обѣ стороны народъ, благоговѣйно преклонявшійся предъ его святительскимъ благословеніемъ. Крестный ходъ направился по Красной Площади мимо храма Василія Блаженнаго въ Спасскія ворота и затѣмъ въ Успенскій со-

боръ, уже переполненный народомъ. Здѣсь высокопреосвященный Макарій совершилъ свою первую въ Москвѣ литургію. Торжественное, благоговѣйное служеніе новаго архипастыря Москвы производило глубокое впечатлѣніе на предстоявшихъ. Послѣ стиха: *Буди имя Господне благословенно*, Владыка вышелъ на амвонъ и отсюда, опираясь на посохъ, сказалъ живымъ словомъ свое архипастырское поученіе *).

ПРЕБЫВАНІЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННАГО МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО МАКАРІЯ ВЪ ТРОИЦКОЙ СЕРГІЕВОЙ ЛАВРѢ.

Въ пятницу, 18 мая, въ 7 часу вечера, Лавра торжественно встрѣтила своего новаго священноархимандрита высокопреосвященнаго Макарія, митрополита московскаго. На станціи желѣзной дороги городской голова Е. В. Амфитеатровъ привѣтствовалъ его рѣчью и поднесъ ему отъ лица жителей Посада хлѣбъ-соль. Между тѣмъ въ большихъ вратахъ обители ожидали Владыку вышедшіе изъ Троицкаго собора крестнымъ ходомъ братія Лавры съ намѣстникомъ архимандритомъ Леонидомъ. Приложившись ко кресту, Владыка шествовалъ въ Троицкій соборъ при огромномъ стеченіи народа желавшаго видѣть новаго архипастыря московскаго. Въ соборѣ была произнесена краткая эктенія и провозглашено многолѣтіе Владыкѣ, который затѣмъ прикладывался ко св. иконамъ и къ мощамъ преподобнаго Сергія. По принесеніи молитвы въ алтарѣ, Владыка, ставъ на амвонѣ съ посохомъ въ рукѣ, обратился къ братіи Лавры со слѣдующими словами:

> *Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ добрыя дѣла ваша, и прославятъ Отца вашего иже на небесѣхъ.* (Матѳ. V, 16).

„Съ этими словами нашего Спасителя обращаюсь къ вамъ нынѣ, братія св. чудотворной Лавры преп. отца Сергія, при самомъ вступленіи моемъ въ должность вашего настоятеля и

*) Оно помѣщено выше.

духовнаго руководителя. Вижу, какое множество православнаго народа собралось къ вамъ на вашъ приближающійся праздникъ. Знаю, какое безчисленное множество православныхъ стекается къ вамъ со всѣхъ краевъ Россіи и въ другія времена года. Зачѣмъ стекается? Затѣмъ безъ сомнѣнія, чтобы поклониться здѣсь св. мощамъ великаго угодника Божія, основателя Лавры, равно какъ и другихъ угодниковъ Божіихъ здѣсь подвизавшихся; затѣмъ, чтобы помолиться вмѣстѣ съ вами въ вашихъ св. храмахъ, въ которыхъ молились прежніе подвижники Лавры; затѣмъ наконецъ, чтобы посмотрѣть на образъ вашей жизни и поучиться у васъ вѣрѣ и благочестію.

„Чувствуете ли, какая высокая обязанность лежитъ на васъ и вмѣстѣ какая тяжкая отвѣтственность предъ Богомъ и всею Церковью? Если въ какой обители иноки должны помнить свои обѣты и отличаться строгою нравственностью, то преимущественно здѣсь. Ваша обитель призвана быть какъ бы открытымъ училищемъ благочестія не только для окрестной страны, но и для всѣхъ православныхъ сыновъ нашего обширнаго отечества, притекающихъ сюда. Да выполняетъ же она свято и неуклонно свое призваніе! Живите такъ, чтобы служить урокомъ для другихъ. Пусть эти усердные богомольцы, приходящіе къ вамъ нерѣдко изъ самыхъ далекихъ мѣстъ и приносящіе сюда свои послѣднія лепты въ жертву Богу и св. обители, пусть возвращаются отъ васъ съ духовнымъ пріобрѣтеніемъ и сознаніемъ, что они приходили сюда ненапрасно, что они нашли здѣсь то, чего искали, нашли себѣ и духовное утѣшеніе и подкрѣпленіе и назиданіе. Благо тѣмъ изъ васъ, которые своими подвигами самоотверженія и любви, своимъ усердіемъ и благоговѣніемъ при совершеніи службъ церковныхъ содѣйствуютъ достиженію этой высокой цѣли. Но горе, сугубое горе тѣмъ, которые своею невнимательностію къ долгу, своими уклоненіями отъ правилъ монашеской жизни служатъ соблазномъ для приходящихъ богомольцевъ и вмѣсто нравственной пользы причиняютъ имъ только вредъ.

„Молитесь же усерднѣе Господу Богу, да поможетъ Онъ вамъ быть вполнѣ достойными вашего призванія. Трудитесь и сами, съ Божіею помощію, неослабно надъ вашимъ нравственнымъ усовершенствованіемъ въ поученіе и назиданіе другимъ. *Тако да просвѣтится свѣтъ вашъ предъ человѣки, яко да видятъ добрая дѣла ваша, и прославятъ Отца вашего иже на небесѣхъ*“.

Послѣ сего Владыка, преподавъ благословеніе каждому иноку

Лавры, молился въ келіи преп. Сергія и во храмѣ преп. Никона и вступилъ въ свои настоятельскія кельи, гдѣ приняли отъ него благословеніе и поднесли ему иконы настоятели: Геѳсиманскаго Скита игуменъ Анатолій; Махрищскаго, приписнаго къ Лаврѣ монастыря игуменъ Савва; строитель пустыни Параклита Филаретъ и строитель Боголюбивой киновіи Галактіонъ. Немедленно послѣ того представлялись Владыкѣ ректоръ Академіи протоіерей С. К. Смирновъ со всѣми наставниками и чиновниками Академіи и ректоръ Виѳанской семинаріи протоіерей Ф. А. Сергіевскій съ наставниками семинаріи.

На другой день утромъ, 19 числа, митрополитъ посѣтилъ Академію и благословивъ каждаго изъ студентовъ собравшихся въ актовой залѣ, сказалъ имъ слѣдующія слова:

„Гг! Я не безъ цѣли преподавъ вамъ общее благословеніе захотѣлъ еще благословить каждаго изъ васъ порознь. Это для того, чтобы хотя нѣсколько ознакомиться съ вами, взглянуть на васъ. Мнѣ хотѣлось бы теперь же поближе войти въ общеніе съ вашею Академіей, побывать у васъ на экзаменахъ; но важныя дѣла требуютъ присутствія моего въ Москвѣ и отзываютъ меня туда. Съ вами (при этомъ высокопреосвященный митрополитъ обратился къ студентамъ первыхъ трехъ курсовъ) надѣюсь еще поближе познакомиться въ будущемъ, если Господь продлитъ нашу жизнь. Я намѣренъ присутствовать тогда на вашихъ экзаменахъ. Но вы (здѣсь высокопреосвященный митрополитъ обратился къ студентамъ четвертаго курса) кончаете курсъ и скоро разойдетесь по разнымъ концамъ Россіи. Потому нахожу нужнымъ сказать вамъ нѣсколько словъ въ напутствіе. Вы уже люди взрослые и развитые; сами хорошо понимаете, что̀ добро и что̀ зло, что́ для васъ полезно и что́ вредно. Блюдите же себя сами, особенно въ настоящее смутное время. Я убѣжденъ, что въ васъ положили здѣсь добрыя начала, начала сердечной покорности св. вѣрѣ и Церкви, и непоколебимой привязанности къ своему Государю и отечеству. Прошу васъ, будьте всегда вѣрными этимъ началамъ. И тогда постоянно будетъ почивать на васъ Божіе благословеніе.

„Желаю вамъ отъ души всего добраго. Еще разъ благословляю васъ особо“.

Послѣ сего Владыка на краткое время останавливался въ комнатахъ ректора Академіи и затѣмъ осматривалъ новую академическую библіотеку. Въ три часа въ соборѣ совершалъ онъ молебное пѣніе Пресвятой Троицѣ, а въ шесть часовъ всенощ-

ное бдѣніе. На другой же день, 20 числа (въ Троицынъ День), совершалъ литургію и вечерню въ сослуженіи намѣстника Лавры архимандрита Леонида, инспектора Виѳанской семинаріи арх. Кирилла, бывшаго американскаго миссіонера арх. Ѳеофила и старшей братіи Лавры. Во время литургіи владыка рукоположилъ во священника доцента Московской Духовной Академіи Н. А. Елеонскаго, поступающаго на должность законоучителя Петровской Земледѣльческой и Лѣсной Академіи. По окончаніи службы и благословеніи народа, Владыка въ келліяхъ своихъ принималъ поздравленіе съ лаврскимъ праздникомъ отъ старшей братіи Лавры, отъ Академіи и Семинаріи и отъ многихъ прибывшихъ на праздникъ особъ, во главѣ которыхъ находился московскій генералъ губернаторъ князь В. А. Долгоруковъ, чтимый въ Лаврѣ за свое особенное усердіе къ ея святынѣ. Тутъ были еще французскій посланникъ при Русскомъ Дворѣ генералъ Шанзи, баронъ М. К. Боде, Т. И. Филипповъ, и др. Послѣ краткой бесѣды съ посѣтителями, Владыка перешелъ въ монастырскую трапезу, гдѣ предложенъ былъ братіи и гостямъ прекрасный обѣдъ, при окончаніи котораго провозглашено было многолѣтіе Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и всему царствующему Дому, святѣйшему Синоду и новому настоятелю Лавры митрополиту Макарію, наконецъ князю В. А. Долгорукову и всѣмъ посѣтившимъ Лавру въ день ея храмоваго праздника.

Въ Духовъ День, 21 числа, высокопреосвященный митрополитъ совершалъ литургію въ академической церкви въ сослуженіи съ ректорами Академіи и Виѳанской семинаріи, съ новопосвященнымъ доцентомъ Елеонскимъ и со студентами Академіи, имѣющими священный санъ. Предъ концомъ литургіи Владыка, обратившись къ студентамъ, произнесъ слѣдующее поученіе:

Егда пріидетъ Онъ, Духъ истины, наставитъ вы на всяку истину. (Іоан. 16, 13).

„Сошествіе Св. Духа на Апостоловъ, событіе чрезвычайной важности для всей Церкви, имѣетъ для васъ еще особое значеніе, братіе мои о Господѣ!

„Какой главнѣйшій предметъ вашихъ занятій? Не та ли самая божественная истина, которую принесъ на землю Духъ истины и на которую Онъ наставлялъ Апостоловъ? Какая главнѣйшая цѣль предъ вами? Не та ли самая, для которой сошелъ на Апостоловъ Духъ Святый и наставлялъ ихъ на всякую истину?

Нѣкоторые изъ васъ, кому Господь судитъ, будете сами пастырями и учителями Церкви, т.-е. продолжателями того самаго святаго и великаго дѣла, которое начали и совершали Апостолы подъ руководствомъ Духа Святаго. Большая же часть изъ васъ, почти всѣ вы имѣете быть наставниками и приготовителями другихъ молодыхъ людей къ пастырскому служенію въ Церкви.

„Есть, правда, существенное различіе между тѣмъ, какъ сообщена эта божественная истина Апостоламъ, и тѣмъ, какъ она усвояется вами. Апостоламъ она сообщена сверхъестественнымъ образомъ. Самъ Духъ Святый былъ непосредственнымъ ихъ учителемъ, наставникомъ, руководителемъ. Онъ просвѣщалъ ихъ умъ и сердце, и самъ внушалъ имъ все, что они должны были проповѣдывать міру, все, что они изложили потомъ въ письмени и что устно передали Церкви. Вы стараетесь усвоить себѣ эту божественную истину или совокупность истинъ путемъ естественнымъ, при помощи вашихъ наставниковъ, которые такіе же люди какъ и вы, при помощи разныхъ наукъ, которыя вы изучаете, какъ для того чтобы развить свой умъ и сдѣлать его способнымъ къ усвоенію истинъ христіанскаго откровенія, такъ и съ цѣлію облегчить для себя пониманіе и уразумѣніе ихъ. Но усвоя себѣ такимъ образомъ истины, однажды навсегда преподанныя Духомъ Святымъ чрезъ Апостоловъ Св. Церкви, не забывайте, что однихъ естественныхъ средствъ, которыми вы пользуетесь въ этомъ дѣлѣ, для васъ недостаточно; что и вамъ необходимо постоянное руководство отъ Духа истины, который руководилъ Св. Апостоловъ, и вы обязаны имѣть Его своимъ верховнымъ наставникомъ.

„Истины христіанскаго откровенія большею частію относятся къ міру высшему, духовному, неподлежащему нашимъ чувствамъ и изслѣдованіямъ, и потому заключаютъ въ себѣ много для насъ таинственнаго, непостижимаго. Обнять ихъ и объяснить собственнымъ умомъ мы не въ состояніи. Предоставленные только себѣ, мы неизбѣжно будемъ впадать здѣсь въ разныя недоразумѣнія, заблужденія, ереси. Одинъ Духъ Святый, который впачалѣ изрекъ эти сверхъестественныя истины, знаетъ вполнѣ и можетъ научать насъ, какъ правильно понимать ихъ и истолковывать. Сошедши на Св. Апостоловъ, Онъ съ того времени пребываетъ въ Церкви *въ вѣкъ* (Іоанн. 14, 16) и преподавъ Церкви эти истины, самъ же и блюдетъ ихъ въ ней, предохраняя ее отъ всякаго заблужденія и погрѣшности. Потому въ ученіи истинной Христовой Церкви, которое она содержала всегда и вездѣ

и доселѣ содержитъ неизмѣнно, мы и должны слышать голосъ самого Духа Святаго, наставляющаго ее на всякую истину, и находить то надежное руководство, которое преподаетъ Онъ намъ для правильнаго уразумѣнія и усвоенія истинъ преподанныхъ Имъ вначалѣ чрезъ Апостоловъ. Но кромѣ этого внѣшняго руководства, Онъ можетъ дѣйствовать непосредственно на нашу душу. Можетъ своею благодатію отверзать нашъ умъ, чтобы мы и яснѣе и полнѣе и глубже уразумѣвали истины божественнаго откровенія; можетъ тою же благодатію возбуждать, укрѣплять и утверждать въ нашемъ сердцѣ живую и непоколебимую вѣру во всѣ самыя непостижимыя истины откровенія, въ которыхъ одними естественными средствами мы вполнѣ убѣдиться не въ состояніи,—вслѣдствіе чего эта спасительная вѣра и называется даромъ Духа Святаго (Еф. 2, 8).

„Братіе и вмѣстѣ возлюбленныя чада мои о Господѣ! Вступая въ ближайшее общеніе съ вашею Академіей, принимая ее въ мое непосредственное вѣдѣніе и попеченіе, я счелъ священнымъ долгомъ помолиться нынѣ, въ день сошествія Св. Духа на Апостоловъ, вмѣстѣ съ вами и у васъ, чтобы призвать на васъ Его благословеніе. Я естественно желаю теперь и не могу не желать вашей Академіи всякаго блага; желаю, да процвѣтаетъ она болѣе и болѣе, да разрабатываются въ ней всѣ науки, и особенно наука богословская, на пользу нашей Св. Церкви и отечества. Но я убѣжденъ, что эта послѣдняя наука не можетъ разрабатываться вполнѣ успѣшно и благоплодно безъ особеннаго содѣйствія отъ Св. Духа. Какъ бы ни были велики ваши способности и таланты, какъ бы ни были усердны и настойчивы ваши труды при изученіи откровенныхъ истинъ, вы не достигнете своей цѣли и не принесете всей пользы, какую могли бы принести, напротивъ можете принести даже вредъ себѣ и другимъ, если не будете руководствоваться вѣщаніями Духа Святаго выражающимися въ ученіи Вселенской Церкви, и не будете призывать себѣ на помощь Его благодати, которая бы отверзала вашъ умъ къ лучшему уразумѣнію истинъ откровенія и укрѣпляла въ васъ сердечную увѣренность въ ихъ истинности и непреложности. Да будетъ же Онъ, Духъ истины, Духъ премудрости и разума, вашимъ постояннымъ высшимъ учителемъ и руководителемъ въ вашихъ ревностныхъ занятіяхъ богословскою наукой. Аминь".

Послѣ литургіи, Владыка, по случаю высокоторжественнаго дня, совершилъ молебствіе и затѣмъ благословивъ присутствовавшихъ во храмѣ лицъ разнаго званія, собравшихся въ боль-

шомъ числѣ, и студентовъ Академіи, перешелъ въ комнаты ректора Академіи, гдѣ удостоилъ раздѣлить трапезу съ профессорами Академіи. Вечеромъ того же дня Владыка, какъ почетный попечитель, посѣтилъ состоящій подъ покровительствомъ Государыни Императрицы Домъ Призрѣнія съ училищемъ для бѣдныхъ дѣтей мужскаго и женскаго пола; отсюда отправился въ Геѳсиманскій скитъ и Виѳанскій монастырь, въ которомъ встрѣченъ былъ настоятелями съ мѣстною братіей. Помолившись въ древнемъ храмѣ Геѳсиманіи, Владыка посѣтилъ пещерную церковь и молился предъ чудотворною Черниговскою иконой Богоматери, а въ Виѳаніи поклонился гробу митрополита Платона, послѣ чего посѣтилъ Виѳанскую Духовную Семинарію, въ залѣ которой были собраны всѣ наставники и воспитанники.

На слѣдующій день, 22 числа, утромъ, митрополитъ съ намѣстникомъ и старшею братіей Лавры служилъ въ Лаврской церкви Филарета Милостиваго паннихиду по митрополитахъ: Филаретѣ и Иннокентіи, тамъ погребенныхъ, затѣмъ посѣтилъ намѣстника Лавры, потомъ принималъ всѣхъ наставниковъ Академіи пришедшихъ принять прощальное его благословеніе, и во второмъ часу дня, послѣ молитвы въ соборѣ, отправился на станцію желѣзной дороги и отбылъ въ Москву, сопровождаемый выраженіями искреннихъ благожеланій отъ всѣхъ тамъ присутствовавшихъ.

ОБЩЕЕ СОБРАНІЕ МИССІОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА.

Происходившее въ нынѣшнемъ году (13 мая) общее собраніе Православнаго Миссіонерскаго Общества было особенно оживленно, благодаря присутствію въ немъ новаго московскаго архипастыря высокопреосвященнѣйшаго Макарія.

Послѣ совершенной имъ вмѣстѣ съ двумя своими викаріями литургіи и молебствія просвѣтителямъ славянскимъ Кириллу и Меѳодію, члены Ощества и посторонніе посѣтители направились изъ Успенскаго собора въ Мгроварную палату, которая въ нѣсколько минутъ до того наполнилась посѣтителями, что приготовленныхъ для многолюднаго засѣданія мѣстъ недоставало.

Около 12 часовъ въ палату вошелъ высокопреосвященнѣйшій митрополитъ и послѣ пропѣтой синодальными пѣвчими молитвы, осѣнивъ собравшихся членовъ и посѣтителей своимъ

святительскимъ благословеніемъ, онъ занялъ предсѣдательское кресло. По правую руку засѣдали первый его викарій Амвросій, епископъ Дмитровскій, съ бывшимъ епископомъ Чигиринскимъ Порфиріемъ, по лѣвую—второй викарій, епископъ Можайскій Алексій, съ бывшимъ епископомъ Алеутскимъ Іоанномъ. По обѣимъ сторонамъ стола, въ первомъ ряду находились члены совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Высокопреосвященнѣйшій митрополитъ открылъ засѣданіе чтеніемъ полученной имъ три дня тому назадъ отъ оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода телеграммы о томъ, что Августѣйшая Покровительница Православнаго Миссіонерскаго Общества, Государыня Императрица соизволила на вступленіе его высокопреосвященства въ званіе предсѣдателя Общества; поднявшись затѣмъ съ своего мѣста, новый предсѣдатель Православнаго Миссіонерскаго Общества произнесъ предъ общимъ собраніемъ рѣчь, на которую всѣ истинно-русскіе и истинно-вѣрующіе съ новымъ одушевленіемъ отзовутся конечно готовностью помогать Миссіонорскому обществу въ достиженіи высокой его задачи.

Рѣчь эта слѣдующая:

„Въ первый разъ Православное Миссіонерское Общество, совершая свой годичный праздникъ, не видитъ въ средѣ своей того, кто съ самаго основанія Общества былъ, можно сказать, не только его главою, но и душою. Почтимъ память въ Бозѣ почившаго первосвятителя, великаго миссіонера, столько потрудившагося въ Евангельской проповѣди; почтимъ не однимъ молитвеннымъ воспоминаніемъ о немъ, но вмѣстѣ твердою рѣшимостію слѣдовать по стопамъ его и со всѣмъ усердіемъ продолжать то чему онъ положилъ начало.

„Благодареніе Господу! Миссіонерское наше общество утвердилось уже прочно, и считаетъ членовъ своихъ въ разныхъ мѣстахъ Россіи тысячами. Честь и хвала всѣмъ и особенно московскому духовенству, ревностно послужившимъ этому упроченію Общества! Но какъ ни значительно уже число членовъ его, нельзя не сознаться, что оно еще очень мало: мало для такого многомилліоннаго народа, каковъ народъ Русскій; мало и для такого многолюднаго города, какова первопрестольная наша столица.

„Дѣло идетъ о распространеніи нашей св. православной вѣры, о распространеніи ея между нашими соотечественниками, доселѣ не познавшими *единаго Истиннаго Бога и посланнаго Имъ Іисуса Христа* (Іоан. 17, 3). Тутъ есть все, что должно быть

близко сердцу каждаго православнаго сына Россіи, истинно любящаго свою вѣру, своихъ ближнихъ, свое отечество. Кто изъ насъ не знаетъ, съ какою ревностію латыняне и протестанты въ ихъ главнѣйшихъ отрасляхъ стараются распространять свои исповѣданія, которыя признаютъ истинными? Какіе громадные капиталы составляютъ они своими пожертвованіями для этой цѣли; какія содержатъ учрежденія миссіонерскія; и куда ни отправляютъ они своихъ миссій съ проповѣдію евангелія! Ужели же мы, Русскіе, менѣе любимъ свою вѣру, поистинѣ православную? И можно ли предположить, чтобы тотъ изъ насъ, въ комъ дѣйствительно живетъ эта св. любовь къ своей вѣрѣ, не пожелалъ содѣйствовать, по мѣрѣ своихъ и средствъ, распространенію ея въ предѣлахъ своего отечества? Много есть видовъ благотворительности, въ которыхъ проявляется христіанская любовь къ ближнимъ, и есть великое, безчисленное множество благочестивыхъ душъ во всѣхъ слояхъ нашего общества, во всѣхъ городахъ и весяхъ земли русской, — такихъ душъ, которыя любятъ благодѣтельствовать и не отказываютъ нуждающимся ни въ чемъ, если пособить имѣютъ средства. Но пусть не забываетъ никто, что самое высшее благодѣяніе, какое мы можемъ оказать нашимъ ближнимъ, состоитъ въ томъ, чтобы просвѣтить ихъ, если они еще не просвѣщены, истинною христіанскою вѣрой, потому что отъ этой вѣры зависитъ вполнѣ ихъ вѣчная участь, а въ нѣкоторой степени и ихъ участь временная. Христіанство всегда и вездѣ, куда ни проникало, приносило съ собою первые лучи народнаго образованія и гражданственности. Цѣлыя столѣтія живутъ подъ властію Россіи разные инородцы, которые несмотря на неоднократныя попытки обратить ихъ къ христіанству, доселѣ остаются въ массахъ невѣдущими Бога Истиннаго. Они соединены съ нами въ гражданскомъ отношеніи: признаютъ надъ собою русскія власти, подчинены русскимъ законамъ, исполняютъ повинности, налагаемыя на нихъ нашимъ правительствомъ. Но внутренней, духовной связи съ нами они не имѣютъ и имѣть ее не могутъ, потому что раздѣлены отъ насъ по своимъ религіознымъ вѣрованіямъ и убѣжденіямъ. Для того, чтобъ эти сограждане наши соединились съ нами всецѣло и составили съ нами не только *единое тѣло*, но какъ бы и *единъ духъ*, возможно одно средство—просвѣтить ихъ тою же самою спасительною вѣрою, которою просвѣщены мы. Нужно ли объяснять, какое важное значеніе имѣло бы это для нашего отечества?

„Нѣтъ, не тысячами, а десятками тысячъ, слѣдовало бы считать нашему Православному Миссіонерскому Обществу своихъ членовъ по всей Россіи, да и въ одной Москвѣ. Ибо не тысячи, мы убѣждены, а есть десятки, даже сотни тысячъ между русскими такихъ православныхъ, которые истинно любятъ свою вѣру, своихъ ближнихъ, свое отечество, и всегда готовы приносить для блага ихъ свои посильныя жертвы.

„Будемъ молить Господа чтобъ Онъ благословилъ наше Миссіонерское Общество и въ наступающее лѣто его дѣятельности, какъ благословлялъ доселѣ: да умножается число членовъ этого Общества болѣе и болѣе, да возрастаетъ и укрѣпляется сочувствіе къ нему во всѣхъ краяхъ Россіи, да увеличиваются средства его новыми и новыми усердными приношеніями православныхъ, и да удостоимся мы видѣть новые вожделѣннѣйшіе успѣхи евангельской православной проповѣди среди нашихъ соотечественниковъ еще непросвѣщенныхъ свѣтомъ Христовымъ".

Вслѣдъ за рѣчью высокопреосвященнаго митрополита, дѣлопроизводителемъ Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества прочитанъ отчетъ за прошлый 1878 годъ. Въ немъ обратили общее вниманіе: цифры дохода (свыше 130 тысячъ) и расходы собственно на миссіи (свыше 125 тысячъ); число членовъ простирающееся свыше 6.000; крупное пожертвованіе Плотникова въ 15.000 р., извѣстіе о числѣ обращенныхъ свыше 2.500 человѣкъ; а также и пособія Миссіонерскаго Общества Японской миссіи, открытой собственно на средства Святѣйшаго Синода, въ 17.000 р.; и наконецъ, извлеченіе изъ подробнаго рапорта [1]) начальника этой миссіи архимандрита Николая, изъ котораго видно, что дѣло Японской миссіи поставлено очень хорошо, но средствъ у ней, сравнительно съ развитіемъ самаго дѣла, недостаточно. Затѣмъ предложена на разсмотрѣніе и утвержденіе общаго собранія смѣта расходовъ Миссіонерскаго Общества на будущій годъ и произведенъ выборъ четырехъ членовъ повѣрочной коммиссіи по финансовой части совѣта Общества.

Въ заключеніе пропѣтъ присутствовавшими ирмосъ 9-й пѣсни праздника „Вознесенія Господня".

Собраніе разошлось въ необыкновенно радостномъ настрое-

---

[1]) Отчетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1878 годъ и рапортъ начальника Японской миссіи будутъ напечатаны въ изданіи Общества *Миссіонеръ*.

ніи духа отъ лицезрѣнія новаго архипастыря и его одушевленной пастырской рѣчи, сила которой тѣмъ была ощутительнѣе, что за словомъ тотчасъ слѣдовало и дѣло. При чтеніи отчета о значительныхъ пожертвованіяхъ, общему собранію было возвѣщено, что высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Макарій съ своей стороны пожертвовалъ Обществу 2.000 р. (*Моск. Вѣд.*)

ПРОТОПРЕСВИТЕРЪ ДМИТРІЙ ПЕТРОВИЧЪ НОВСКІЙ †.

4-го сего іюня около 4 часовъ пополудни, скончался, послѣ непродолжительной болѣзни, на 80 г. своей жизни достопочтенный протопресвитеръ Большаго Успенскаго Собора и членъ моск. Синодальной Конторы, *Дмитрій Петровичъ Новскій*, почти 55 лѣтъ съ неослабною ревностію проходившій въ разныхъ званіяхъ и должностяхъ свое доблестное служеніе православной церкви. Уроженецъ Ярославской губерніи, онъ по обученіи въ мѣстной семинаріи, съ отличіемъ продолжалъ свое образованіе въ Московской Д. Академіи, гдѣ въ 1824 году, по окончаніи курса, поступилъ на академическую службу въ званіи баккалавра или доцента по каѳедрѣ философіи. Затѣмъ перешедъ на епархіальную службу онъ съ общепризнанною пользою проходилъ разныя должности въ Москвѣ—приходскаго священника при Никитской, въ Татарской улицѣ, церкви, и затѣмъ при Адріановской, законоучителя въ бывшемъ благородномъ пансіонѣ при Моск. Университетѣ, цензора проповѣдей, благочиннаго, члена Консисторіи и дѣлопроизводителя секретнаго Комитета по расколу, и наконецъ былъ удостоенъ высшаго, доступнаго для бѣлаго моск. духовенства, поста — протопресвитера Большаго Успенскаго Собора и члена Синодальной Конторы *).

*) Вотъ свѣдѣнія о его служебной дѣятельности, извлеченныя изъ формулярнаго списка.

По окончаніи въ Московской Д. Академіи курса наукъ со степенью магистра, опредѣленъ баккалавромъ философскихъ наукъ—20 окт. 1824 г.; опредѣленъ секретаремъ академической конференціи и правленія по Московскому духовно-учебному округу—8 сентября 1828 г.; за особенные успѣхи по классу философскихъ наукъ объявлена ему отъ бывшей Коммиссіи духовныхъ училищъ признательность—13 февр. 1829 г., за ревностную при Академіи службу дано ему денежное награжденіе въ тысячу рублей—30 августа 1830 г.; по увольненіи отъ училищной службы произведенъ г. Москвы

Панихиды при гробѣ почившаго о. протопресвитера, привлекавшія множество почитателей памяти его, каждодневно были совершаемы два раза преосвященными—членомъ Синодальной Конторы Іоанномъ, епископомъ алеутскимъ и викаріемъ московскимъ Алексіемъ еп. можайскимъ. Отпѣваніе же было совершено 7 іюня въ Крестовоздвиженской церкви Высокопреосв. митрополитомъ Макаріемъ въ солуженіи съ преосв. Іоанномъ и Алексі-

---

замоскворѣцкаго сорока, Никитской церкви, что въ Татарской, во священники—14 октяб. 1830 г.; переведенъ Никитскаго сорока къ Крестовоздвиженской церкви, бывшей при московскомъ дворянскомъ институтѣ съ опредѣленіемъ законоучителемъ—11 марта 1832 г.; переведенъ Срѣтенскаго сорока къ Адріановской церкви—6 іюня 1834 г.; по порученію училищнаго начальства обозрѣвалъ Высокопетровскія духовныя училища—1834 и 1836 гг.; назначенъ былъ членомъ комитета для повѣрки дѣйствій и отчетности коммиссіи по построенію церкви на московскомъ Пятницкомъ кладбищѣ—26 іюля 1835 г.; проходилъ должность законоучителя въ Николаевской школѣ Московскаго благотворительнаго общества безмездно—съ 21 апр. 1838 г. по 9 нояб. 1848 г.; опредѣленъ Московской Духовной Консисторіи членомъ—26 іюля 1840 г.; благочиннымъ московскихъ Срѣтенскаго сорока церквей—17 янв. 1842 г.; во вниманіе къ честному и усердному служенію какъ вообще по званію священнослужителя, такъ и по особо возложеннымъ должностямъ произведенъ въ протоіерея—19 іюля 1842 г.; утвержденъ въ званіи дѣйствительнаго члена конференціи Московской Д. Академіи—11 нояб. 1844 г.; по долговременной отлично усердной и безпорочной службѣ Святѣйшимъ Синодомъ опредѣленъ протопресвитеромъ Московскаго Боляшаго Успенскаго Собора и членомъ Синодальной Конторы—въ маѣ 1856 г.; состоялъ цензоромъ издающихся въ Москвѣ двухъ духовныхъ журналовъ: Православное Обозрѣніе и Душеполезное Чтеніе—съ 9 дек. 1859 г. по 21 дек. 1865 г.; за ревностное прохожденіе возложенныхъ на него должностей награжденъ: набедренникомъ—23 февр. 1836 г.; бархатною фіолетовою скуфьею—15 янв. 1833 г.; камилавкою—27 апр. 1840 г.; наперснымъ крестомъ отъ Святѣшаго Синода, выдаваемымъ 13 апр. 1846 г.; сопричисленъ къ ордену Св. Анны второй степени—7 іюня 1850 г.; пожалованъ знаками ордена Св. Анны второй степени Императорскою короною украшеными—26 авг. 1856 г.; пожалована ему митра для употребленія въ священнослуженіи—17 апр. 1857 г.; сопричисленъ къ ордену Св. Равноапостольнаго Владиміра третьей степени—22 апр. 1861 г.; сопричисленъ къ ордену Св. Анны первой степени—12 апр. 1870 г.; по случаю имѣвшаго исполниться 20 дня 1874 года пятидесятилѣтія со времени поступленія его на службу въ Московской Духовной Академіи, Совѣтомъ оной избранъ въ почетные члены ея—10 окт. 1874 г.; къ тому же дню по вниманію къ многолѣтней полезной и усердной службѣ его, Всемилостивѣйше пожалованъ ему золотой наперсный крестъ съ драгоцѣнными украшеніями изъ кабинета Его Величества—13 окт. 1874 г.

емъ, служившимъ и литургію, и многочисленнымъ сонмомъ архимандритовъ ставропигіальныхъ монастырей, членовъ Консисторіи, протоіереевъ и священниковъ соборнаго и приходскаго духовенства Москвы. Послѣ торжественнаго послѣдняго обряда, исполненнаго съ стариннымъ церковнымъ напѣвомъ, употребляемымъ въ Моск. Успѣнскомъ соборѣ, тѣло протопресвитера въ предшествіи соборныхъ хоругвей и въ сопровожденіи преосвящ. Іоанна было перевезено на Пятницкое кладбище. На пути въ виду Кремля была совершена литія и звонъ колоколовъ съ Ивановской колокольни былъ послѣднею почестью отъ Успенскаго Собора послужившему въ немъ 23 года протопресвитеру.

Нравственный обликъ почившаго о. протопресвитера, цѣльный характеръ его личности, полной высокаго разумѣнія и смиренно-мудрой простоты, вѣрности своему долгу, твердости въ правилахъ и вмѣстѣ чуткости даже въ маститыхъ лѣтахъ и способности подняться къ высотѣ лучшихъ стремленій и идей новаго времени, скромности и вмѣстѣ стойкаго мужества — все это прекрасно изобразилъ въ одушевленномъ и правдивомъ словѣ надъ гробомъ почившаго заслуженный профессоръ богословія въ Московскомъ Университетѣ Н. А. Сергіевскій, имѣвшій случай при началѣ изданія „Прав. Обозрѣнія“ какъ редакторъ ближе ознакомиться съ нимъ, какъ цензоромъ. Величіе заслуги протопресвитера, какъ цензора—при устарѣлости устава дух. цензуры, дающаго и по нынѣ возможность задерживать по произволу свободное развитіе и выраженіе даже здравой мысли и честнаго убѣжденія съ одной стороны и при новости задачи и требованій, которымъ должно было удовлетворить такое учено-литературное изданіе, какъ „Православное Обозрѣніе“ съ другой, —понятно не только намъ, состоявшимъ тогда въ составѣ редакціи и нынѣ единолично ведущимъ это изданіе, но и стороннимъ цѣнителемъ, понимающимъ трудности литературнаго дѣла. Вотъ слова „Церковно-Общественнаго Вѣстника“: Исполняя нѣкоторое время обязанность цензора лучшаго духовнаго журнала, „Православное Обозрѣніе“ Д. П. Новскій имѣлъ возможность оказать этому изданію, а съ тѣмъ вмѣстѣ конечно и русскому читающему міру существенныя услуги, не задерживая статьи, назначавшіяся къ помѣщенію въ журналѣ, которыя для ума менѣе просвѣщеннаго и для предубѣжденнаго взгляда

могли показаться выходящими за предѣлы вѣденія узко-понимаемой рамки духовно-литературнаго слова. Нужно было своего рода мужество, чтобы въ данномъ случаѣ идти противъ установившагося теченія, и это мужество оказалось у покойнаго протопресвитера". Теперь не настало еще время говорить подробно объ важности цензорской дѣятельности покойнаго для „Православнаго Обозрѣнія" равно, какъ и о причинахъ, побудившихъ его покинуть эту дѣятельность въ отношеніи къ всегда любимому имъ, какъ родное дѣтище, изданію.

Къ многочисленнымъ молитвамъ о вѣрномъ и доблестномъ служителѣ церкви Христовой присоединится и отъ чтителей духовной науки къ Господу свѣтовъ и разумовъ теплая молитва о почившемъ протопресвитерѣ, какъ просвѣщеннѣйшемъ, усерднѣйшемъ дѣлателѣ и сподвижникѣ духовной литературы въ духѣ свободы Христовой.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ВЪ РЕДАКЦІИ

„ПРАВОСЛАВНАГО СОБЕСѢДНИКА"

въ 1879 году.

А. „Православный Собесѣдникъ" въ полномъ составѣ книжекъ (т.-е. съ приложеніями): за 1855 г. (4 книги въ году) 3 руб. за годъ, за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865 и 1866 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 4 руб. за годъ, за 1868 г. (12 книгъ въ году) 6 руб., за 1871, 1872, 1873, 1874, 1875 и 1876 годы (по 12 книгъ въ каждомъ) по 7 руб. сер. Полныхъ экземпляровъ за 1856, 1857, 1867, 1869 и 1870 гг. въ продажѣ нѣтъ. Можно получать и отдѣльныя книжки Собесѣдника за 1855, 1856 и 1857 гг. по 75 коп., а за остальные годы по 60 коп. за книжку.

Б. Отдѣльно отъ приложеній одинъ „Православный Собесѣдникъ": за 1855 г. одинъ томъ, цѣна 75 к.; за 1856 г. одинъ томъ, цѣна 75 к.; за 1857 г. одинъ томъ, цѣна 1 рубль; за 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1868, 1869, 1870, 1871 и 1872 годы, по три тома въ каждомъ, по 2 руб. сер. за годъ.

В. Отдѣльно отъ „Православнаго Собесѣдника" приложенія къ нему:

1) Посланія св. Игнатія богоносца (съ свѣдѣніями о немъ и его посланіяхъ) одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 к.

2) Дѣянія вселенскихъ соборовъ въ переводѣ на русскій языкъ. Семь томовъ. 1859—1878. Цѣна за первый томъ 4 руб., за второй 2 р. 50 коп., за третій 3 руб 50 коп., за четвертый 3 р., за пятый 3 р., за шестой 3 р. 50 к., за седьмой 4 р. 50 к. За всѣ семь томовъ 24 р.

3) Дѣянія девяти помѣстныхъ соборовъ въ переводѣ на русскій языкъ. Одинъ томъ. 1878. Цѣна 2 руб.

4) Благовѣстникъ, или толкованіе блаженнаго Ѳеофилакта, архіепископа болгарскаго, на св. Евангелія. 1874—1875 гг. Томъ 1-й на Евангг. отъ Матѳея. Цѣна 1 р. 75 к. Томъ 2-й на Евангеліе отъ Марка. Цѣна 1 р. 25 коп. Томъ третій—на Евангеліе отъ Луки. Цѣна 2 руб.—Томъ четвертый—на Евангеліе отъ Іоанна. Цѣна 2 р. 50 к. За всѣ четыре тома цѣна 7 р. 50 к.

5) Его же толкованіе на соборныя посланія святыхъ апостоловъ. Одинъ томъ. 1865. Цѣна 1 р.

6) Его же толкованіе на посланіе къ Римлянамъ. Одинъ томъ. 1866. Цѣна 1 р. 25 к.

7) Его же толкованіе на Дѣянія св. апостоловъ. Одинъ томъ. 1872. Цѣна 1 р. 50 к.

8) Святаго отца нашего Григорія Двоеслова Собесѣдованія о жизни италійскихъ отцевъ и о безсмертіи души (съ предисловіемъ). Одинъ томъ 1858. Цѣна 1 р.

9) Сказанія о мученикахъ христіанскихъ, чтимыхъ православною каѳолическою Церковію (съ предисловіемъ). Томъ 1-й. 1865. Цѣна 1 руб. 75 коп.

10) Посланія Игнатія, митрополита сибирскаго и тобольскаго (съ предварительными замѣчаніями). Одинъ томъ. 1855. Цѣна 75 к.

11) Сочиненія преподобнаго Максима грека (съ предисловіемъ). Три тома. 1859—1862. Цѣна за первый томъ (съ портретомъ преп. Максима) 2 руб. 50 коп., за второй 1 руб. 50 коп., за третій 1 руб. За всѣ три тома 5 руб.

12) Стоглавъ (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1862. Цѣна 2 руб.

13) Сочиненіе инока Зиновія: Истины показаніе къ вопросившимъ о новомъ ученіи (съ предисловіемъ). Одинъ томъ. 1863—1864. Цѣна 2 р. 50 к.

14) Остенъ. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка (съ предисловіемъ и съ портретомъ патріарха всероссійскаго Іоакима). Одинъ томъ. 1865. Цѣна 75 коп.

15) Сборникъ древностей казанской епархіи и другихъ приснопамятныхъ обстоятельствъ, архимандрита Платона Любарскаго. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 1 р. 25 к.

16) Житіе преподобнаго отца нашего Трифона, вятскаго чудотворца. Памятникъ русской духовной письменности XVII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 к.

17) Житіе преосвященнаго Иларіона, митрополита суздальскаго, бывшаго Флорищевой пустыни перваго строителя. Памятникъ начала XVIII вѣка. Одинъ томъ. 1868. Цѣна 50 к.

18) Устройство управленія въ церкви королевства греческаго. Ѳ. Курганова. 1872. Ц. 2 р. 25 к.

19) Западныя миссіи противъ татаръ-язычниковъ и особенно противъ татаръ-мусульманъ. Н. Красносельцева. 1872. Ц. 1 р. 25 к.

20) Ересь антитринитаріевъ III вѣка. Д. Гусева. 1872. Ц. 1 р. 25 к.

21) Древнее языческое ученіе о странствованіяхъ и переселеніяхъ душъ и слѣды его въ первые вѣка христіанства. Изслѣдованіе П. Милославскаго. Ц. 2 р.

22) Ученіе о лицѣ Господа Іисуса Христа въ трехъ первыхъ вѣкахъ христіанства. Изслѣдованіе В. Снегирева. Цѣна 2 р.

23) Книга о антихристѣ и о прочихъ дѣйствіяхъ, иже при немъ быти хотящихъ. 1873. Ц. 1 р. 25 к.

24) Стародубье. Записки протоіерея Т. А. Верховскаго, Высочайше командированнаго 1845—48 гг. въ черниговскіе раскольническіе посады для водворенія единовѣрія. Цѣна 2 руб.

25) Толковая Палея. В. Успенскаго. Цѣна 75 к.

26) Указатель статей, помѣщенныхъ въ „Православномъ Собесѣдникѣ“ съ 1855 по 1876 годъ. Цѣна 30 коп.

27) Портретъ патріарха всероссійскаго Іоакима. Цѣна 20 коп.

28) Письма о магометанствѣ А. Н. Муравьева. Изд. 2-е 1875 г. Ц. 50 к.

29) Списокъ съ списцовыхъ книгъ по г. Казани съ уѣздомъ. 1877 г. Цѣна 40 коп.

30) Азбуковники или алфавиты иностранныхъ рѣчей по спискамъ соловецкой библіотеки. Соч. А. Карпова. Казань. 1878. Ц. 1 р. 50 к.

При казанской д. академіи съ 1873 г. издается отдѣльными выпусками „Миссіонерскій противомусульманскій сборникъ“. Издано пятнадцать выпусковъ, въ которыхъ помѣщены слѣдующія сочиненія: 1) Свѣдѣнія о миссіонерскомъ отдѣленіи при казанской духовной академіи; 2) Методъ миссіонерской полемики противъ татаръ-мухаммеданъ; 3) Причины упорной привязанности татаръ-мухаммеданъ къ своей вѣрѣ; 4) Опытъ изложенія мухамменданства по ученію ханифитовъ; 5) Доказательства неповрежденности книгъ священнаго Писанія ветхаго и новаго завѣта противъ мухаммеданъ; 6) Доказательства неповрежденности священныхъ книгъ новаго завѣта противъ мухаммеданъ; 7) Критическій разборъ мухаммеданскаго ученія о пророкахъ; 8) Очеркъ распространенія христіанства между иновѣрцами казанскаго края; 9) Главныя мысли и духъ Корана; 10) Историко-критическое введеніе въ Коранъ; 11) Мысли Алкорана, заимствованныя изъ христіанства; 12) Мѣста Корана благопріятныя для обращенія мухаммеданъ въ христіанство; 13) Что Мухаммедъ заимствовалъ изъ христіанства; 14) Исторія іудейства въ Аравіи и вліяніе его на ученіе Корана; 15) Что заимствовалъ Мухаммедъ изъ іудейства; 16) Признаки истинности православнаго христіанства и лживости мухаммеданства; 17) Мухаммеданскій бракъ въ сравненіи съ христіанскимъ бракомъ, въ отношеніи ихъ вліянія на семейную и общественную жизнь человѣка; 18) Историческое значеніе Мухаммеда; 19) Взглядъ на способы, коими по сказанію мухаммеданъ, сообщались свыше Мухаммеду откровенія; 20) Ночное путешествіе Мухаммеда въ храмъ іерусалимскій и на небо; 21) Обозрѣніе мусульманскихъ молитвъ; 22) Мусульманская евхологія; 23) О мухаммеданской молитвѣ; 24) Мухаммеданское ученіе о войнѣ съ невѣрными; 25) Міровоззрѣніе мухаммеданства и отношеніе его къ христіанству; 26) Религіозное и политическое значеніе „хаджа“ или священнаго путешествія мухаммеданъ въ Мекку.

Цѣна съ пересылкою за всѣ выпуски, кромѣ распроданнаго V, 19 р. Съ требованіями обращаться къ священнику Богоявленской церкви г. Казани Е. А. Малову.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, іюня 23 дня 1879 г.

Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

СЛОВО

СКАЗАННОЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ ДИМИТРІЕМЪ, АРХІЕПИСКОПОМЪ ВОЛЫНСКИМЪ И ЖИТОМИРСКИМЪ,

ВЪ ЦЕРКВИ ЖИТОМИРСКАГО ТЮРЕМНАГО ЗАМКА, 16 ЯНВАРЯ 1879 ГОДА.

Изведи изъ темницы душу мою исповѣдатися имени Твоему! (Псал. **141**, 8).

Кто это молится извести его изъ темницы? Это молится св. Давидъ—славный царь израилевъ. Кто же могъ заключить его въ темницу? Конечно никто. Но онъ и проситъ извести изъ темницы не тѣло, которымъ онъ жилъ въ домѣ кедровомъ, а душу, которая и среди царскаго жилища чувствовала и сознавала себя въ темницѣ. Стало быть можно и пользуясь полною свободою внѣшнею быть въ темницѣ душею, и находясь въ темницѣ тѣломъ быть совершенно свободну духомъ. Когда въ темницѣ одно тѣло наше, а не и душа вмѣстѣ, это не есть еще такое бѣдствіе, которое приносило бы какой-либо вредъ душѣ нашей, отнимало бы у нея возможность свободно возноситься превыше всего, къ самому престолу Божію на небеса, „исповѣдатися имени Божію“, т.-е. славить, хвалить и благодарить Господа: но когда не одно тѣло, а и душа въ темницѣ, то это такое бѣдствіе, отъ котораго можетъ избавить одинъ только Господь Іисусъ Христосъ—рѣшитель узъ грѣховныхъ. Вмѣсто собствен-

наго объясненія этой тайны, я проведу васъ, братіе, мысленно по нѣсколькимъ темницамъ.

Вотъ, напримѣръ, темница въ городѣ Филиппахъ: въ ней заключены св. апостолы Павелъ и Сила. За что? За проповѣдь Евангелія Христова, за просвѣщеніе свѣтомъ вѣры и благочестія сѣдящихъ во тьмѣ и сѣни смертной язычниковъ, за величайшія благодѣянія, которыя приносила людямъ ихъ св. проповѣдь, за многія чудодѣйственныя исцѣленія, и между прочимъ за изгнаніе духа пытливаго изъ одной отроковицы, которая лживыми прорицаніями приносила большую корысть своему господину. Подстрекаемый корыстолюбіемъ господинъ ея возмутилъ народъ противъ проповѣдниковъ Евангелія: ихъ бранили и поносили, ихъ били и мучили, и отдали наконецъ подъ крѣпкую стражу. Темничный стражъ, недовольствуясь тѣмъ, что заключилъ ихъ „во внутреннюю темницу, забилъ“ еще „ноги ихъ въ кладѣ“. Что же дѣлаютъ св. апостолы, измученные біеніемъ, страждущіе отъ ранъ, не могущіе дать какое-либо упокоеніе тѣлу отъ стѣсняющей ноги ихъ колоды, что дѣлаютъ они въ то время, когда и неизнуренные и здоровые предаются покою? „Полунощи же Павелъ и Сила молящеся пояху Богу“. Видитель, братіе, что ни темница, ни узы не препятствуютъ апостоламъ дѣлать свое дѣло, совершать нощное бдѣніе во славу Божію, молиться и славословить Господа? Слышитель, что св. узники не молятся даже объ избавленіи ихъ изъ темницы, а только прославляютъ и благодарятъ Господа за то, что за славу пресвятаго имени Его „сподобились безчестіе пріяти“? И въ темницѣ они исполняютъ свое святое призваніе, которое было цѣлію ихъ жизни; прославленіемъ имени Божія они возбуждаютъ вниманіе, располагаютъ къ вѣрѣ и умиляютъ сердца заключенныхъ съ ними узниковъ: „послушаху же ихъ“ (поющихъ Богу) „юзницы“, замѣчаетъ при семъ св. Лука; и безъ сомнѣнія, не одинъ изъ слушавшихъ сдѣлался потомъ истиннымъ ученикомъ Христовымъ, какъ сдѣлался такимъ и самъ темничный стражъ. Такими-то святыми узниками, въ первыя времена Церкви Христовой, наполнены были темницы городовъ языческихъ. Но для нихъ мрачная темница была преддверіемъ свѣтлаго и свѣтоноснаго царствія Божія; тяжелыя узы были ихъ истиннымъ богатствомъ и лучшимъ украшеніемъ. Эти узы и эти темницы они не про-

мѣняли бы ни на какія царскія палаты, ни на какія сокровища міра.

Если есть еще на землѣ гонимые и страждущіе за вѣру и благочестіе, за правду и добродѣтель; то быть-можетъ есть они и въ нашихъ темницахъ. Но мы не дерзаемъ, братіе, принять на себя чести поучать этихъ истинныхъ страстотерпцевъ Христовыхъ, преподавать имъ наши слабыя наставленія, совѣты и утѣшенія. Самъ Духъ Божій, обитающій въ сердцахъ ихъ, наставитъ ихъ на всякую истину, утѣшитъ ихъ во всякой скорби, укрѣпитъ и поможетъ имъ пройти весь путь терпѣнія и злострадания до конца. Самъ Господь І. Христосъ вѣщаетъ имъ своими пречистыми устами: „блажени изгнанніи правды ради, яко ваше есть царствіе Божіе. Блажени есте, егда поносятъ вамъ и ижденутъ, и рекутъ всякъ золъ глаголъ на вы лжуще Мене ради: радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесѣхъ".

Войдемъ въ другую темницу—въ Египтѣ. Кто не слыхалъ объ Іосифѣ? Разлученный съ любящимъ его родителемъ, проданный въ неволю родными братьями, онъ сдѣлался рабомъ въ землѣ иноплеменниковъ. Этого мало: діаволъ и здѣсь поставилъ ему сѣти. Любострастная жена господина его, не успѣвшая склонить его къ удовлетворенію своей постыдной страсти, оклеветала его предъ своимъ мужемъ. И вотъ онъ—чистый, невинный и непорочный—въ темницѣ, между преступниками. Нѣтъ за него ни ходатаевъ ни заступниковъ: но онъ и не ищетъ ихъ и не надѣется на нихъ; ибо и вызвавшійся ходатайствовать за него царедворецъ, когда находился съ нимъ въ темницѣ, тотчасъ забылъ о немъ, освободившись изъ темницы. Единому всевѣдущему Господу повѣдалъ онъ скорбь души своей въ молитвѣ, на Него единаго уповалъ онъ всѣмъ сердцемъ своимъ, и отъ Него единаго чаялъ своего избавленія и спасенія. И дивный въ совѣтахъ своихъ Господь не умедлилъ явить на немъ чудеса своей премудрости и всемогущества: не только избавилъ его изъ темницы, открылъ его невинность, возстановилъ честь его, но превознесъ и прославилъ его надъ всѣми, поставилъ его господиномъ надъ всѣмъ царствомъ египетскимъ.

Высокій, поучительный и вмѣстѣ утѣшительный примѣръ для тѣхъ, которые подвергаются темницѣ и узамъ по оклеветанію

и злобѣ человѣческой. Что утѣшало Іосифа въ его заключеніяхъ? Крѣпкая вѣра въ премудрость и благость промысла Божія, безъ воли коего не спадетъ и волосъ съ головы нашей, твердая увѣренность, что Господь премудрый и всеблагій не попуститъ случиться съ нами ничему, что могло бы принести дѣйствительное зло душѣ нашей,—что, напротивъ, и самыя бѣдствія попускаются на насъ для нашего истиннаго блага и счастія, что въ самыхъ злоключеніяхъ нашихъ является намъ любовь Божія, желающая намъ „спастися и въ разумъ истины пріити. Божій есмь азъ: вы совѣщаете на мя злая, Богъ же совѣща о мнѣ во благая“: вотъ что говорилъ незлобивый мужъ своимъ братьямъ, виновникамъ всѣхъ его бѣдствій! Всмотритесь ближе въ этотъ примѣръ вы, почитающіе себя страждущими невинно, по одному оклеветанію или подозрѣнію. Кто изъ васъ можетъ сравнить себя въ невинности, незлобіи и непорочности съ Іосифомъ? Кто дерзнулъ бы назвать себя неповиннымъ предъ сердцевѣдцемъ Господомъ, предъ Его всеиспытующею правдою? Если же такъ, то не должно ли благодарить Господа, что Онъ по милосердію Своему подаетъ вамъ случай незаслуженнымъ страданіемъ темничнымъ загладить и очистить многіе быть-можетъ тяжкіе грѣхи и беззаконія, и пріобщиться блаженной участи неповинныхъ страдальцевъ? „Кая бо похвала, аще согрѣшающе мучими терпите?“ говоритъ св. апостолъ. Какая заслуга не только предъ Богомъ, а и предъ своею совѣстію, „аще кто постраждетъ, яко убійца или яко тать, или яко злодѣй, или яко чуждопосѣтитель? Сіе бо есть угодно предъ Богомъ, аще совѣсти ради Божія терпитъ кто скорби, стражда безъ правды“. Быть-можетъ теченіе дѣлъ житейскихъ не давало иному возможности истинно покаяться во грѣхахъ своихъ, и онъ отлагая покаяніе со дня на день подвергался возможности умереть нераскаяннымъ: не самая ли любовь Божія требовала отторгнуть его на время отъ всего житейскаго, чтобы дать возможность придти въ себя и покаяться? Быть-можетъ иной, предавшись жизни разсѣянной и невоздержной, забылъ о Богѣ и душѣ своей, зашелъ уже на тотъ широкій путь порока, который неминуемо привелъ бы его въ погибель: не самое ли милосердіе Божіе, ищущее спасенія грѣшниковъ, требовало пробудить его отъ тяжкаго усыпленія грѣховнаго хотя строгимъ и суровымъ гласомъ темничнаго за-

ключенія, чтобы узами временными избавить отъ адовыхъ нерѣшимыхъ узъ? Пусть только каждый, мнящійся страждущимъ невинно, войдетъ глубже въ свою душу со свѣтильникомъ закона Божія, испытаетъ тщательнѣе свою совѣсть предъ лицемъ сердцевѣдца Господа, прослѣдитъ всю жизнь свою и поставитъ ее предъ зерцаломъ Евангелія Христова; пусть вспомнитъ потомъ о смерти, которая приходитъ къ намъ въ день, въ который не чаемъ, и въ часъ, когда не ожидаемъ ее, о судѣ Божіемъ, который судитъ и осуждаетъ не только дѣла, а и слова и помышленія сердечныя, о лютости мученій вѣчныхъ, уготованныхъ грѣшникамъ непокаявшимся: тогда онъ самъ будетъ умолять Господа объ изведеніи не изъ темницы временной, а изъ той темницы духовной, въ которой діаволъ держитъ въ узахъ всякую порабощенную грѣху и страстямъ душу: „изведи изъ темницы душу мою исповѣдатися имени Твоему!“ Поймите же, возлюбленіи, ту истинно благую и благотворную для васъ цѣль, для которой попустила вамъ любовь Божія подвергнуться темничному заключенію: „живу Азъ, глаголетъ Господь: хотѣніемъ не хощу смерти грѣшника, но еже обратитися ему отъ пути своего и живу быти“; и обращаетъ его всѣми путями милости и правды.

Войдемъ и еще въ одну темницу — въ Вавилонѣ; въ ней содержится Манассія — царь Іудейскій. Сынъ благочестиваго родителя Езекіи, въ ранней юности наслѣдовавшій престолъ отца своего, онъ скоро совратился съ пути благочестія, предался идолопоклонству, волхованіямъ и всѣмъ мерзостямъ языческимъ. Примѣръ царя увлекъ и народъ въ ту же бездну нечестія. Тщетно призывалъ его Господь къ покаянію и исправленію устами св. пророковъ, тщетно гремѣло грозное пророческое слово, предвѣщавшее ему бѣдствія и погибель. Манассія не внималъ гласу пророческому, гналъ и преслѣдовалъ проповѣдниковъ покаянія, и какъ бы въ поруганіе имени Божія, поставилъ языческихъ идоловъ въ самомъ храмѣ Господнемъ. Но мѣра долготерпѣнія Божія исполнилась: „и наведе Господь на Іерусалимъ начальника воевъ царя ассирійскаго, и яша Манассію во узахъ, и связаша его оковы ножными, и отведоша въ Вавилонъ“; а тамъ заключили въ темницу. Тутъ-то убѣдился несчастный царь, что слово Божіе есть вѣчная, непреложная

истина; что обѣтованія и угрозы пророческія суть „ей и аминь“; что правосудіе Божіе неизмѣнно и непреложно, что какъ неисповѣдима благость и долготерпѣніе Божіе, такъ страшенъ и ужасенъ гнѣвъ Его. Что же дѣлаетъ несчастный царь въ темницѣ? „Егда озлобленъ бысть, взыска лице Господа Бога своего, и смирися зѣло предъ лицемъ Бога отецъ своихъ, и помолися ко Господу“. О чемъ онъ молился? Не объ избавленіи изъ темницы, не о возвращеніи престола царскаго,—нѣтъ, онъ сознавалъ себя недостойнымъ не только царства, а и самой жизни временной недостойнымъ наслаждаться свѣтомъ солнечнымъ, видѣть красоту небесную; онъ молился объ одномъ только прощеніи грѣховъ своихъ, чтобы не соблюлись они неизглажденными по смерти, чтобы не отяготѣли на немъ въ вѣчности и не предали его вѣчному осужденію и мукамъ. „Умножишася беззаконія моя, Господи, умножишася беззаконія моя, и нѣсмь достоинъ воззрѣти и видѣти высоту небесную отъ множества неправдъ моихъ: зане прогнѣвахъ ярость Твою и лукавое предъ Тобою сотворихъ. И нынѣ преклоняю колѣна сердца моего, требуя отъ Тебе благости и прошу моляся, ослаби ми, Господи, ослаби ми, и не погуби мене со беззаконми моими, ниже въ вѣкъ враждовавъ, соблюдеши золъ моихъ, ниже осудиши мя въ преисподнихъ земли“. Премилосердый Господь милостиво принялъ покаяніе грѣшника, и не только простилъ ему грѣхи, но и возвратилъ ему царство. Зато и Манассія посвятилъ всю остальную жизнь свою на изглажденіе всѣхъ слѣдовъ своего прежняго нечестія, на труды о благоденствіи и безопасности царства, на утвержденіе и распространеніе благочестія въ народѣ своемъ.

Этотъ примѣръ, братіе мои, ближе всѣхъ другихъ ко всякому изъ васъ. Не первый безъ сомнѣнія грѣхъ и не первое преступленіе закона привели каждаго въ сію темницу. Милосердый Господь много долготерпѣлъ вамъ, ожидая вашего добровольнаго покаянія и исправленія; не мало конечно каждый слышалъ предостереженій и совѣтовъ отъ людей добрыхъ и богобоязненныхъ, часто слышалъ угрозы самого Господа въ святомъ Евангеліи; не рѣдко быть-можетъ пробуждалась въ иномъ и собственная совѣсть и громко вопіяла о покаяніи; иному попускалъ даже Господь избавляться и отъ темницы, чтобъ испы-

тать его произволеніе, и дать ему возможность самому добровольно очувствоваться и покаяться. Но вотъ, мѣра долготерпѣнія Божія исполнилась: вы въ темницѣ и въ узахъ. Что будете дѣлать далѣе? Сѣтовать и роптать на людей, заключившихъ васъ въ темницу? Но люди суть только орудія и исполнители судебъ Божіихъ. Они не знали многихъ грѣховъ и беззаконій вашихъ; не узнали бы и того, за что осуждаетесь нынѣ, еслибы Господу не угодно было обличить васъ, чтобы положить предѣлъ дальнѣйшему преспѣянію въ беззаконіяхъ. Увѣрьтесь же хотя теперь, что есть всевидящее око, предъ которымъ не утаится ничто, предъ которымъ „вся нага и объявлена“, что милосердіе и благость Божія не можетъ превратиться въ потворство беззаконію; что есть всесудящая Правда, которая говоритъ грѣшникамъ: „аще не покаетеся, вси погибнете“. Будете-ль надѣяться обмануть правосудіе человѣческое, закрыть дѣла свои ложью, укрыться подъ паутиною хитросплетеній? Но неужели думаете, что обличающее васъ всевѣдѣніе Божіе не найдетъ средствъ обличить васъ совершенно, что вы успѣете укрыться и отъ самой правды Божіей, что карающая рука Божія не постигнетъ васъ нигдѣ? Слышите-ль, что̀ говоритъ Господь грѣшнику? Ты „непщевалъ еси, яко буду тебѣ подобенъ“; нѣтъ, „обличу беззаконія твоя, и поставлю предъ тобою грѣхи твоя, и никтоже изметъ тебе изъ руку Моею“. Если же Господь и попуститъ кому-либо уйти отъ наказанія временнаго: то не бу̀детъ ли это явнымъ предвѣстіемъ осужденія вѣчнаго? Не сбудется ли надъ симъ несчастнымъ оное страшное слово Господне: „обидяй да обидитъ еще, и скверный да сквернится еще: се гряду скоро, и мзда Моя со Мною, воздати комуждо по дѣломъ его. Горе, горе человѣку тому, уне ему было бы, аще не бы родился человѣкъ той“, еслибы т.-е. онъ изгнилъ во утробѣ матери своей и не видѣлъ никогда свѣта.

Нѣтъ, братіе возлюбленные, единый и единственный путь избавленія и спасенія вашего — искреннее, всесердечное покаяніе Манассіино. Сознать всю тяжесть беззаконій и неправдъ своихъ, исповѣдать ихъ не только предъ правосудіемъ Божіимъ, но и предъ судомъ человѣческимъ рѣшиться понести за нихъ всякое наказаніе временное, чтобъ избавиться отъ осужденія вѣчнаго, — вотъ чѣмъ можете снискать не только временное, а

и вѣчное оправданіе и помилованіе отъ Господа! Лучше тысячу разъ претерпѣть всѣ скорби въ этой жизни, нежели по смерти „впасти въ руцѣ Бога живаго, имущаго власть погубити и тѣло и душу въ геенну огненнѣй".

У кого благодатію Божіею возродится и укрѣпится эта святая рѣшимость покаяться истинно и невозвратно, тотъ припади съ вѣрою предъ животворящимъ крестомъ Христовымъ, призови въ помощь благодать распятаго на немъ Господа, предай себя всецѣло Его всеблагой волѣ и дай крѣпкій и невозвратный обѣтъ — посвятить, подобно Манассіи, всю остальную жизнь свою, гдѣ бъ ни привелось провести ее—въ темницѣ или на свободѣ, на родинѣ или въ изгнаніи,—на заглажденіе всѣхъ беззаконій своихъ дѣлами вѣры и благочестія, правды и добродѣтели, любви и милосердія христіанскаго. Тогда, гдѣ бы вы ни были и что бы ни случилось съ вами, вы всегда будете ощущать въ сердцѣ своемъ воспѣтое псалмопѣвцемъ блаженство тѣхъ, „ихже оставишася беззаконія и ихже прикрышася грѣси!" Аминь.

СЛОВО

КЪ ОКОНЧИВШИМЪ КУРСЪ ВОСПИТАННИЦАМЪ НИКОЛАЕВСКАГО СИРОТСКАГО ИНСТИТУТА *).

Вы идете въ новую, незнакомую, въ первый разъ предстоящую вамъ жизнь! Что вамъ должно сдѣлать прежде чѣмъ идти туда?

Что дѣлаетъ путникъ, когда видитъ предъ собою новыя, неизвѣстныя мѣста, въ которыя онъ долженъ идти? Прежде, чѣмъ пойдти къ нимъ, онъ останавливается, чтобы напередъ осмотрѣться тамъ, гдѣ онъ шелъ, для того, чтобы знать, куда и какъ ему идти далѣе; и при семъ смотритъ и на путь, которымъ идетъ, и на тотъ, что уже прошелъ, и такъ осмотрѣвшись не разъ на прежнемъ и настоящемъ пути, онъ идетъ тогда на новый, что лежитъ передъ нимъ!

Сдѣлайте это и вы: осмотритесь и вы напередъ въ этой жизни своей въ домѣ семъ, прежде чѣмъ пойдете въ новую жизнь, предстоящую вамъ, чтобы также знать, куда, къ какой цѣли и какъ, по какой дорогѣ вамъ идти въ ней; и при семъ смотрите и на жизнь, уже пережитую вами, и на ту, что переживаете еще, и такъ осмотрѣвшись не разъ въ прошедшемъ и настоящемъ своемъ, идите тогда съ Богомъ въ новое будущее свое!

---

*) Сказано въ церкви Московскаго Императорскаго Воспитательнаго Дома 23 мая сего 1879 года въ день выпуска воспитанницъ II-го педагогическаго класса законоучителемъ прот. Н. К. Протопоповымъ.

Прошедшее и настоящее—почва будущаго; мы богаты въ немъ уроками ихъ! И это потому всего болѣе, что не сами мы идемъ въ жизни, но Богъ нашъ ведетъ въ ней! Нашъ долгъ въ ней посему испытывать внимательно свое прошедшее и настоящее, чтобы зная, къ чему насъ руководитъ Господь въ будущемъ, къ тому всегда и направлять самимъ впередъ всѣ наши мысли, дѣла и намѣренія.

Чему же въ этомъ смыслѣ поучаетъ васъ прошедшее и настоящее вашей жизни?

Первый безспорно урокъ, который вы должны взять себѣ изъ нихъ и понести съ собою въ свое будущее, что ждетъ васъ, это урокъ благодарности къ Богу, возлюбившему и благодѣявшему васъ! Ибо истинно не величайшая ли то милость Божія къ вамъ, что вы, сироты, призрѣны и воспитаны здѣсь быть-можетъ лучше, чѣмъ тысячи другихъ дѣтей того же званія, не знающихъ сиротства, имѣющихъ отцевъ и матерей? И неуказаніе ли это Промысла вамъ, что какъ все получившія отъ Бога, вы все обязаны и посвятить Ему въ жизни своей?

Послѣ Бога къ кому прежде и болѣе всего устремляютъ мысль вашу прошедшее и настоящее ваши? Къ Благочестивѣйшимъ Государю и Государынѣ призрѣвшимъ и пріютившимъ васъ здѣсь! Ибо истинно на ихъ царскія щедроты вы призрѣны здѣсь, ихъ любви и милосердію къ вамъ обязаны всѣмъ тѣмъ, что вы есть теперь! Ибо истинно все соображено и все сдѣлано здѣсь для того, чтобы какъ можно лучше было сохранить, просвѣтить и воспитать васъ, такъ что даже и самый храмъ Божій поставленъ здѣсь для васъ подъ одинъ кровъ съ мѣстомъ вашего жительства и ученія! Ихъ—Августѣйшихъ покровителей вашихъ, ихъ попеченіемъ все это приготовлено здѣсь для васъ! И о комъ же, значитъ, какъ не объ нихъ, должна быть ваша первая и всегдашняя молитва, и кому же, послѣ Бога, какъ не имъ, должны принадлежать отнынѣ ваша душа, сердце и самая жизнь?

Послѣ Бога, къ кому еще могла отнестись здѣсь съ благодарностію мысль ваша? Естественно: къ начальствовавшимъ надъ вами, учившимъ и воспитавшимъ васъ здѣсь! Ибо все то, что вы есть теперь, какъ все это случилось и сдѣлалось? Само ли собою, безъ всякаго ухода и наблюденія за тѣмъ другихъ? Само ли это собою все то, что вы имѣете теперь въ себѣ, привилось

къ вамъ, сложилось въ васъ и отпечатлѣлась на васъ? Нѣтъ, начальствующіе и учители ваши, которые сдѣлали свое дѣло, какъ могли и какъ умѣли, они выростили васъ, обучили и на путь направили, и вотъ теперь руководствуютъ васъ на немъ въ послѣдній разъ, чѣмъ могутъ опять и какъ могутъ, и молитвою и совѣтомъ и благопожеланіемъ! Помяните же и вы ихъ добромъ за то тамъ, куда идете! Сослужите и вы имъ тамъ службу свою, имъ—въ лицѣ другихъ, тѣхъ, кому вы будете призваны послужить тамъ: и знаніемъ и разумомъ, и талантами и добрымъ сердцемъ своимъ! На то они и готовили васъ, чтобы вы могли приносить пользу, а не вредъ другимъ! Значитъ, служа тамъ съ пользою другимъ, вы все равно, что послужите имъ же!

Вотъ вамъ другой урокъ, который вы должны взять себѣ изъ прошлаго и настоящаго своей жизни, чтобы опять вложить его въ то будущее ея, что предстоитъ вамъ сейчасъ: послѣ благодарности къ Богу, единому всемогущему Заступнику сиротъ, и готовности служить Ему всю жизнь и всею душою, урокъ благодарности къ Царю и отечеству, призрѣвшимъ и воспитавшимъ васъ, и готовности служить имъ всю жизнь же честно, нелицемѣрно, не щадя силъ!

Осмотрѣвшись на пути прошлаго и настоящаго жизни своей, вы знаете теперь, куда—къ какой цѣли вамъ должно идти на новомъ пути ея, что предстоитъ вамъ: цѣль — служеніе Богу и ближнимъ! Цѣль не только святая и святѣйшая, но и единственнѣйшая для человѣка на землѣ, какъ нарочито для сего созданнаго на ней, искупленнаго и просвѣщеннаго! Такъ что отречься ему отъ цѣли сей значило бы отречься отъ всего: отъ Бога, отъ людей, отъ себя самого. И потому-то всѣ другія цѣли, помимо и внѣ ея, какія часто люди ставятъ себѣ на землѣ въ своемъ ослѣпленіи, то уже не цѣли, а игрушки, мечты ихъ праздная воображенія и ничѣмъ ненаполненнаго сердца, ни къ чему хорошему не приводящія, но отъ всего добраго и истинно-полезнаго отводящія!

Итакъ вамъ извѣстна, говорю, цѣль, которой вамъ должно достигать въ новой жизни, что ждетъ васъ! Но извѣстна ли вамъ при семъ и дорога, по которой вы должны слѣдовать къ той цѣли? Если вы еще не знаете дороги своей, не выбрали, неопредѣли себѣ ясно и твердо, то поступите опять какъ путникъ тотъ:

осмотритесь еще разъ на пути жизни своей здѣсь, и прошлой и настоящей, чтобы знать не только то, куда, къ какой цѣли, вамъ идти на новомъ пути ея, но и какъ къ тому идти тамъ, по какой дорогѣ, и чтобы яснѣе опредѣлить себѣ то, взгляните теперь сначала на прошедшее вашей жизни, и потомъ отдѣльно уже на ея настоящее.

И прежде всего что говоритъ вамъ о томъ прошедшее ваше? Но слѣдуетъ спросить: къ чему васъ готовили здѣсь? Безъ сомнѣнія, прежде всего къ тому, чтобы вы были способны въ жизни, къ которой идете, на всякій честный трудъ и дѣло въ ней—для Бога и людей! Но при семъ въ особенности васъ готовили къ чему? къ какому труду и дѣлу тамъ? И всѣ годы вашего ученія, и въ особенности послѣдніе два, вы готовились здѣсь на то, чтобы учить и воспитывать тамъ, куда пойдете, дѣтей такихъ же, какими сами вы были до сегодня! Вотъ значитъ дорога ваша въ жизни: самъ Промыслъ путемъ вашего прошлаго велъ и ведетъ васъ на нее! И дорога, скажу, способная всего прямѣе и ближе управить васъ къ той цѣли жизни, уже извѣстной вамъ, которая есть: служеніе въ ней Богу и ближнимъ. Ибо, уча и воспитывая другихъ, вы будете служить душѣ ихъ, а это то же, что служите Богу; потому что это значитъ служить Ему въ Его собственномъ образѣ и подобіи въ людяхъ, чему въ нихъ Онъ и самъ премилосердый благоволилъ послужить до креста и распятія и смерти на немъ! На этой же дорогѣ вы всего прямѣе и ближе послужите и людямъ: ибо опять, уча и воспитывая души другихъ, вы будете тѣмъ служить въ нихъ всему человѣку, а не отдѣльной какой-либо сторонѣ его, важной или неважной, и значитъ будете управлять ихъ не къ временной только, но и къ вѣчной жизни!

Теперь взгляните на свое настоящее: оно чего не скажетъ ли вамъ на сей счетъ? Вы уходите изъ мѣста воспитанія вашего въ смутное, въ нехорошее время! То, что я хочу сказать, уже не должно и не можетъ оставаться тайной для васъ, какъ оно не есть теперь тайна ни для кого. Въ недавнее время, у насъ на Руси завелось общество людей, отрекшихся отъ вѣры въ Бога, въ законъ, власть, въ честь, любовь, милосердіе, словомъ, во все, кромѣ только вѣры въ самихъ себя, въ свой собственный, ослѣпленный гордостію и безумiемъ, разумъ! Оно въ мы-

сляхъ, въ словахъ, все давно отвергло и уничтожило, и теперь хочетъ отвергнуть, уничтожить то все на дѣлѣ: и власть, и законъ, и честь, и любовь, и милосердіе, а слѣдовательно и Бога наконецъ! Это значитъ: они хотятъ такъ все сдѣлать на землѣ, чтобы всякій здѣсь воленъ былъ грабить, жечь, притѣснять, убивать, не отвѣчая за то ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ, иначе сказать: они хотятъ вывести изъ-подъ земли скрытый подъ нею и водворить уже на ней самой адъ! Кто же это? Что за людъ, изъ-за моря что ли пришедшій къ намъ и задавшійся у насъ на Руси такою страшною до безумія и невѣроятною до безсмыслія цѣлію? Нѣтъ. Это — тяжело сказать—это наши же русскіе, учившіеся въ нашихъ же разныхъ среднихъ и высшихъ школахъ и училищахъ, но правда въ большей части своей въ нихъ недоучившіеся, наши русскіе едва вышедшіе изъ лѣтъ отрочества, мальчики почти,—тѣ, на кого такъ недавно еще ихъ отцами и матерями возлагались быть-можетъ разныя надежды, планы, ожиданія... Не дико ли и слышать и говорить это? И что же? Пусть это безуміе недозрѣлой мысли и неуправленныхъ мыслію словъ ихъ, сихъ юныхъ безумцевъ, такъ и оставалось бы безуміемъ въ мысляхъ и въ словахъ ихъ, хотя и то крайне было бы горько и тяжело! Но нѣтъ! они — эти молодые безумцы хотятъ непремѣнно простереть то безуміе свое, да и уже простерли его до дѣла! и какъ простерли? Вамъ памятна еще, и конечно будетъ памятна долго, та страшная, такъ недавно пережитая вами минута, когда въ первый разъ до слуха вашего коснулась вѣсть, вѣсть, мгновенно облетѣвшая всѣ концы и предѣлы русской земли и на всемъ пространствѣ ея всѣ сердца и души объявшая страхомъ и ужасомъ! страшная вѣсть, что какой-то извергъ, злодѣй, покусился на драгоцѣннѣйшую жизнь нашего добраго, кроткаго, милосердаго, Великаго Царя! Но въ виду сего уже не только горько, тяжело, невыразимо тяжело, но и страшно, страшно и стыдно становится за наше время, что въ немъ могутъ являться такіе злодѣи, и за наше общество въ немъ, что изъ него могутъ выходить такіе хотя бы то и выродки его!

Скажете: для чего я все это говорю вамъ и еще въ эти минуты? Но именно, и только и единственно для того, чтобы указать вамъ, въ виду сего страшнаго зла, тотъ честный трудъ,

то святое дѣло, коими вы можете и должны въ виду сего сослужить великую службу и Богу и ближнимъ, и послѣднимъ не вообще только, но именно сослужить службу Царю и отечеству, призрѣвшимъ и воспитавшимъ васъ! Какъ и въ чемъ? Эти преступные люди, о коихъ я говорилъ, какъ они стали такими? Кто или что сдѣлало ихъ тѣмъ? Школа, быть можетъ, гдѣ они учились, хотя и не доучились? Но статочное ли дѣло, чтобы у насъ на Руси гдѣ либо нарочито обучалось тому, что они творятъ и говорятъ? Да и мыслимо ли это гдѣ бы то ни было, не только у насъ? Общество ихъ сдѣлало тѣмъ? Но общество само состоитъ изъ тѣхъ же, обучающихся въ школахъ! Итакъ кто же или что наконецъ? Семья? Семья — этотъ очагъ, изъ котораго, смотря потому, кто и какъ блюдетъ его, могутъ выходить и искры, способныя разлить тихій кроткій свѣтъ и теплоту на все, и искры, могущія раздуться въ пламя и произвести пожаръ! Семья—этотъ питомникъ, который, смотря по тому, кто и какъ имѣетъ уходъ за нимъ, можетъ вырощать въ себѣ или добрыхъ, вѣрныхъ слугъ Богу, Царю и отечеству, или враговъ и супостатовъ имъ! Семья — эта почва, на которой, смотря по тому, кто и какъ воздѣлываетъ ее, могутъ выростать или всякое счастіе, порядокъ, благоустройство какъ жизни каждаго человѣка отдѣльно, такъ и жизни общественной и народной, или, наоборотъ, могутъ выростать всякаго рода несчастіе, непорядокъ, неустройство какъ опять жизни каждаго, такъ и жизни обществъ или цѣлыхъ народовъ? Семья слѣд. вотъ кто и что ихъ сдѣлало тѣмъ! Но какъ это случилось? Чего имъ недостало въ ней? Недостало доброй руки, и именно ничьей другой, какъ руки женской, для того, чтобы въ лучшую удобную пору, когда только раскрывались ихъ сердца и души, насадить въ нихъ сѣмена вѣры и страха Божія, изъ которыхъ потомъ развились бы другія сѣмена въ нихъ—любви къ Богу и людямъ, преданности Царю, отечеству! Будь насаждены тогда въ нихъ эти сѣмена тою рукою, и они бы никогда не сдѣлались такими, что они есть теперь! Быть можетъ и стали бы иногда, совращенные другими, на ложную дорогу, но въ добрую пору вернулись бы съ нея! Богъ воротилъ бы ихъ, отъ котораго они не отшатнулись бы тогда, какъ отшатнулись теперь! Но какъ же и почему тогда отсутствовала для нихъ та рука? Очень просто: ихъ матери,

сестры, словомъ кто бы то ни было, но кому ближе всего принадлежалъ въ ту пору за ними надзоръ въ семьѣ, заняты были только не этимъ дѣломъ своимъ, а другимъ, быть-можетъ добрымъ и почтеннымъ, но не прямо ихъ касавшимся или и вовсе до нихъ не относившимся. Имъ некогда было. Имъ нужно было участвовать въ разныхъ общественныхъ предпріятіяхъ, чтобы ставить въ нихъ тотъ или другой общественный вопросъ, какъ любятъ говорить нынѣ, или подвигать рѣшеніе его, какъ тоже любятъ говорить нынѣ, а для сего имъ нужно было проводить дни и часы свои въ разныхъ обществахъ, собраніяхъ, засѣданіяхъ... Словомъ: имъ некогда было!... И вотъ пусть же тѣ, которые, толкуя о разныхъ правахъ женщины, которыхъ у ней никто не хочетъ и не думалъ отнимать, хотятъ поставить ее тамъ и здѣсь, на томъ и на другомъ поприщѣ, гдѣ она прежде не стояла, и гдѣ легко можетъ быть замѣнима всегда, и оторвать ее отъ того роднаго поприща ея, гдѣ ея истинное призваніе и гдѣ уже никто никогда не замѣнитъ ее, пусть же, говорю, вотъ они, которые говорятъ и хлопочутъ о семъ, полюбуются теперь на плоды сего ученія своего, глядя на этихъ людей, тѣхъ несчастныхъ, о коихъ я велъ рѣчь сейчасъ! Ибо что это въ самомъ дѣлѣ? не затменіе ли разума—хотѣть серьезно и до дѣла ратовать и стоять за то, что они, эти рачители женскихъ правъ, вообразили себѣ въ семъ? Кто въ самомъ дѣлѣ, кто когда могъ бы и можетъ замѣнить женщину на этомъ родномъ и слѣд. истинномъ и въ семъ смыслѣ единственномъ поприщѣ ея, гдѣ жить и обращаться она призвана, какъ и призывается всѣ дни, всѣмъ, что есть лучшаго и истиннѣйшаго въ природѣ ея, и наиболѣе чистаго и возвышеннѣйшаго въ строѣ жизни ея, какъ тѣлесной, такъ духовной, и откуда они теперь хотятъ взять ее съ тѣмъ, чтобы поставить ее на какихъ-то новыхъ, другихъ, ими же самими измышляемыхъ для нея поприщахъ?... Что, кромѣ сихъ страшныхъ плодовъ, отъ коихъ вкусить уже пришлось на нашу долю нынѣ, можетъ и должно выходить изъ сего ученія ихъ, по симъ послѣдствіямъ своимъ, можно сказать, страшнаго? Ибо чья же въ самомъ дѣлѣ, чья другая рука можетъ и могла бы, какъ и должна, съ большимъ успѣхомъ и прочностію насаждать въ дѣтскихъ сердцахъ и душахъ, столь необходимыя, какъ видимъ, для всего настоящаго и будущаго

ихъ, сѣмена вѣры и страха Божія, истины и добра, любви къ Богу и ближнимъ, если не рука женщины, какъ призванной по самой природѣ своей и ея первому и высшему для нея назначенію ея, выращивать и выхаживать ихъ, и насаждать въ нихъ тѣ сѣмена именно въ ту добрую пору тѣхъ душъ и сердецъ, когда именно они и должны быть насаждены въ нихъ!

Видите ли вы теперь ваше дѣло, вашу службу тутъ?.. Служба эта, конечно... уже не въ отношеніи самихъ тѣхъ несчастныхъ, о коихъ у насъ шла рѣчь передъ симъ, ибо это люди уже погибшіе, неисправимые, неизлечимые; ихъ вамъ должно всячески сторониться, должно бѣжать при видѣ ихъ, не оглядываясь, чтобы не ступать на слѣдъ ихъ, не дышать и издали однимъ воздухомъ съ ними!.. Нѣтъ, наша рѣчь идетъ и должна идти теперь о тѣхъ другихъ, что еще могутъ и должны быть предостережены и избавлены въ добрую лору отъ того страшнаго зла, на которое я указалъ вамъ, рѣчь идетъ и должна пойдти отнынѣ о нашемъ будущемъ молодомъ поколѣніи!.. Вотъ гдѣ и у чего ваше дѣло, ваша служба, предстоящая вамъ! Идите, въ своей ли, въ чужой ли семьѣ, которая чрезъ то станетъ для васъ скоро своею, идите учить и воспитывать тамъ дѣтей, чтобы насаждать въ ихъ сердцахъ и душахъ заблаговременно, въ лучшую, добрую пору сихъ послѣднихъ, сѣмена вѣры и страха Божія, истины и добра, любви къ Богу и ближнимъ, и тѣмъ вырощать въ нихъ будущихъ вѣрныхъ слугъ Богу, церкви, Царю и отечеству! Идите дѣлать это тамъ всѣмъ, чему вы обучены были здѣсь, и болѣе всего тѣмъ, чему васъ также и главнѣе старались обучить здѣсь—примѣромъ доброй, честной, христіанской жизни!.. Итакъ вотъ та, искомая нами до сего, дорога ваша: она найдена! Самъ Промыслъ велъ васъ къ ней въ прошломъ жизни, и вотъ Онъ же васъ ведетъ и уже привелъ на нее въ настоящемъ ея!.. Ибо не знаменіе ли это вамъ отъ Него, указующее на сіе, то, что вы выходите отъ насъ въ минуту наиболѣе крайняго проявленія зла того?.. Идите же приложить свою кроткую руку къ сей язвѣ времени, и тѣмъ сослужить службу Богу и людямъ!..

Какъ путники, хорошо осмотрѣвшіеся на своемъ пути передъ тѣмъ, какъ имъ идти въ новый, дальній и большій путь, вы знаете теперь и цѣль, къ которой вамъ должно идти въ жизни

и дорогу, по которой вамъ должно слѣдовать въ ней къ цѣли сей: значитъ, знаете все, что нужно знать для того, чтобы идти впередъ... Въ остальномъ же и многомъ еще и большемъ, что вамъ потребуется узнать уже на самомъ томъ пути своемъ, Господь вразумитъ васъ, и добрые люди вамъ скажутъ и укажутъ то тамъ, добрые люди, которые безспорно найдутся для васъ тамъ,—какъ они вездѣ находятся для всѣхъ, кто ищетъ и умѣетъ находить ихъ! Вы можете идти слѣд. теперь, куда вамъ лежитъ путь, безъ смущенія и безъ страха, и спокойнымъ духомъ, имѣя свѣтильникъ вѣры въ душѣ и огонь рѣшимости въ сердцѣ, рѣшимости, во чтобы то ни стало, какою бы то ни было цѣною, исполнить великій долгъ жизни, предлежащей вамъ!

Все ли тутъ? Нѣтъ ли еще чего? А наше, насъ самихъ, также желающихъ взять изъ общей чаши жизни свою долю благъ и радостей ея, наше собственное личное счастіе, скажете вы, найдемъ ли мы его на той дорогѣ и у той цѣли ея?.. О стократъ, безъ сомнѣнія! Ибо тамъ только оно и можетъ быть найдено, и нигдѣ больше, если только подъ счастіемъ разумѣть то, что оно истинно есть, это: долгъ жизни, честно исполненный и понесенный, и, какъ плодъ сего, спокойная совѣсть и чистое сердце, любовь и уваженіе другихъ, добрая, ничѣмъ не омраченная память, оставленная по себѣ!.. Все это тамъ есть и будетъ найдено вами несомнѣнно! Но есть, къ сожалѣнію, и нѣчто другое, противоположное, что соединяютъ нерѣдко люди и въ мысляхъ и на дѣлѣ съ словомъ: счастіе! Это наоборотъ долгъ жизни, непризнанный и пренебреженный, погоня за шумомъ и суетою ея, утѣхи самолюбія и себялюбія и т. под. Этого конечно нѣтъ и не можетъ быть на той честной дорогѣ и у той святой цѣли! Это все ищется и находится людьми на другихъ кривыхъ путяхъ и у другихъ ложныхъ цѣлей, которыхъ—путей и цѣлей сихъ—дай Богъ вамъ не только не знать, но, если бы можно, и не видать никогда!

Что еще? Все ли сказано? Не забыто ли чего? Не сказано, но не отъ того, что забыто, а отъ того, что съ намѣреніемъ соблюдено къ концу, то именно слово, въ которомъ ясно и всѣмъ людямъ и на всѣ времена показанъ вѣрный, прямой, истиннѣйшій и единый путь для нихъ къ счастію на землѣ, такъ что если наше время болѣе, быть можетъ, чѣмъ всякое другое, стра-

ждетъ недугомъ недовольства жизнію, не находя въ ней счастія себѣ, то это именно и единственно потому, что оно не знаетъ слова сего, или, и зная, не хочетъ исполнять его, или лучше сказать, хочетъ исполнять и исполняетъ только конецъ его, а то, что главное въ немъ и много большее,—начало его, отвергаетъ и не признаетъ,—слово великое и Величайшаго и Единственнѣйшаго для всѣхъ въ мірѣ Учителя, слово это: *ищите прежде царствія Божія и правды его, и сія вся приложатся вамъ*!—Симъ-то словомъ я и напутствую васъ теперь, какъ *единымъ на потребу*! Ибо если вы сохраните и исполните его, то найдете и счастіе въ жизни!.. Потому что *искать царствія Божія и правды его* на землѣ, значитъ водворять *то царство* и ту *правду* на ней, и прежде всего водворять ихъ въ самихъ себѣ, въ душахъ своихъ, и въ цѣлой жизни своей! Идите же, полные вѣры въ вѣчную силу и истинность слова сего, въ путь, предлежащій вамъ, и да управитъ и да благословитъ васъ на немъ Господь!..

Протоіерей Н. Протопоповъ.

О ЖИЗНИ И СОЧИНЕНІЯХЪ

ІЕРОМОНАХА ІОСИФА ВРІЕННІЯ, ГРЕЧЕСКАГО ПРОПОВѢДНИКА ВЪ КОНЦѢ XIV И ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XV СТОЛѢТІЯ.

Вскорѣ послѣ „совѣтнаго“ слова, произнесеннаго въ немного численномъ собраніи синодальныхъ членовъ и высшихъ свѣтскихъ сановниковъ, Врієнній началъ свои проповѣди о Пресвятой Троицѣ, говоренныя въ дворцовой церкви Христа Спасителя, что въ Триклиніѣ, въ присутствіи избраннаго общества столицы, иногда самого императора, а также подесты и другихъ генуэзцевъ изъ предмѣстья Галаты. Всѣхъ словъ о Пресвятой Тройцѣ двадцать одно; въ восьмомъ прямо указывается на время произнесенія, то-есть на 1420 годъ отъ Р. Х. Это есть, безъ сомнѣнія, важнѣйшее изъ твореній Врієннія въ догматическомъ отношеніи. Всѣ слова составляютъ одно цѣлое, и связаны между собою не только единствомъ цѣли и содержанія, но и непрерывностію изложенія, такъ что иногда слушателю дается совѣтъ обратить вниманіе на прежде сказанное, иногда прежде сказанное коротко уясняется пространнѣе, а иногда рѣшается возраженіе или недоумѣніе, высказанное проповѣднику по поводу прежде сказаннаго имъ. Собственно только три первыя слова

*) См. майскую и іюньскую кн. „Правосл. Обозрѣнія“ тѣкущаго года.

излагаютъ ученіе о Пресвятой Троицѣ; прочія излагаютъ православное ученіе и опровергаютъ латин. умствованія объ исхожденіи Св. Духа. Въ нихъ, кромѣ ссылокъ на Св. Писаніе и ученіе отцевъ церкви, греческихъ и латинскихъ, встрѣчаются и соображенія разума въ пользу доказываемаго предмета, и всякое слово заканчивается прекрасными нравственными наставленіями. По обилію матеріала, это твореніе могло бы быть поставлено на ряду съ произведеніемъ Адама Зерникава о томъ же предметѣ; къ сожалѣнію недостатокъ критической точности въ ссылкахъ на отцевъ [73]) и излишнее употребленіе силлогизмовъ въ противность собственному утвержденію, что истина не силлогизмами доказывается, отнимаетъ много цѣны у этого творенія. Все-таки нельзя не признавать заслугъ Вріеннія въ защитѣ истины и обличеніи противниковъ, а также важности его проповѣдей о Св. Троицѣ и для послѣдующихъ временъ. Потому что онъ съ большимъ трудолюбіемъ старался возможно полнѣе обслѣдовать предметъ собесѣдованія и обличилъ суетность и неосновательность многихъ доказательствъ, которыя и доселѣ встрѣчаемъ въ католическихъ и протестантскихъ богословскихъ сочиненіяхъ о Св. Духѣ. А для того времени трудъ Вріеннія былъ истинно дѣломъ желаннымъ, да и говорены были всѣ эти слова по требованію обстоятельствъ, а не по простому желанію самого проповѣдника. Вотъ содержаніе ихъ.

Въ первомъ говорится о возможности познанія Бога. „Изслѣдовавши, почему о Богѣ можно и должно говорить, и въ какомъ отношеніи Онъ неизглаголанъ, мы неизрекаемое почтимъ молчаніемъ, а что можно изречь, опредѣлимъ для себя точнѣе.“

---

[73]) Такъ напр. Іустину мученику приписываются слова, находящіяся въ „Изложеніи вѣры“, принадлежащемъ нѣкоему позднѣйшему писателю, можетъ быть Іустину сицилійскому; но особенно безразборчивость Вріеннія открывается изъ ссылокъ на двѣ схемы или рисунки, наглядно пытающіеся объяснить отношеніе Божественныхъ Лицъ между собою. Рисунки эти приписываются имъ одинъ Максиму исповѣднику, а другой Іероѳею, учителю Діонисія Ареопагита; но по всей вѣроятности принадлежатъ оба они монаху Іероѳею, жившему въ царствованіе Михаила Палеолога и за несогласіе на унію сидѣвшему въ тюрьмѣ 1278 года. См. „Δημητρακοπούλου Ὀρθόδοξος Ἑλλάς (изд. въ Лейпцигѣ 1872), стр, 53—55.

Во второмъ—о единосущіи и равночестности Божественныхъ Лицъ, въ третьемъ раскрывается взаимное отношеніе Божественныхъ Лицъ между собою: Отца, раждающаго Сына и изводящаго Духа Святаго, Сына раждающагося отъ Отца, Духа исходящаго отъ Отца. „Безъ всякаго промежутка или посредства между собою существуютъ лица всетворящей Троицы. Прежде вѣкъ, нераздѣльно существуютъ Отецъ, Сынъ и Святой Духъ. Хотя слова *раждать* и *изводить* имѣютъ по нашему словоупотребленію значеніе дѣятельности (ἐνεργείας), а *рожденіе* и *исхожденіе* указываютъ на нѣчто страдательное, но какъ для Сына рожденіе и для Духа исхожденіе не сопряжено съ измѣняемостію какою-нибудь, такъ и въ Отцѣ, виновникѣ Ихъ, рожданіе и извожденіе—превыше всякой дѣятельности".

Въ четвертомъ выясняется значеніе словъ „Духъ" и „исходитъ". Слово „духъ" не однозначуще, говоритъ Вріенній: оно прилагается и къ Духу Святому и ко многимъ другимъ существамъ. Оно означаетъ и дары Св. Духа, многіе и различные, напр. духъ истины, духъ сыноположенія, благодати и проч., означаетъ и самаго Утѣшителя, единаго отъ Троицы. Равно и „исхожденіе" хотя у насъ относится собственно къ Духу Святому исключительно для означенія его неизреченнаго происхожденія, но въ Писаніи употребляется и въ болѣе общемъ значеніи, прилагается и къ другимъ вещамъ, и къ Богу вообще (Пс. 67, 21), и къ Іисусу Христу (Лук. 4, 22). „По сему, когда слышите въ Писаніи, что Сынъ изливаетъ (Дѣян. 2, 18) Духа, или посылаетъ (Іоан. 15, 16), или даетъ (Еф. 4, 8. Гал. 3, 5), или подобное что нибудь, не думайте, что Онъ изводитъ ипостась Духа или самое лице Духа, потому что Духъ исходитъ только отъ Отца, но подаетъ (παρέχει) дары Св. Духа, какъ единовольнаго съ нимъ и единосущнаго. И опять. Когда найдете, что тотъ или другой изъ святыхъ говорятъ, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца чрезъ Сына, то, основываясь на сказанномъ, разсуждайте, что здѣсь слово „исхожденіе" взято въ томъ же смыслѣ, что раздаяніе, посыланіе и дарованіе, а можетъ быть кто-нибудь скажетъ, что они такъ выражались имѣя въ виду указать этимъ и иную, по происхожденію, отдѣльность (πρόῤῥιζον αἵρεσιν) Духа отъ Сына, и вмѣстѣ соестественность и родство (γνησιότητα) Духа съ Отцемъ и Сыномъ. Прошу хорошо замѣтить это и держать

въ головѣ, потому что многіе изъ простѣйшихъ разумомъ пренебрегши этимъ и понявши ненадлежащимъ образомъ, впали въ отступленіе отъ вѣры, такъ какъ смѣшали благодатное дарованіе съ ипостасію и посланіе съ бытіемъ. Для ясности скажемъ объ этомъ обширнѣе и приведемъ свидѣтельства".

Въ пятомъ, повторивши сказанное въ предыдущемъ словѣ, что „первая и главнѣйшая причина извращенія вѣры есть почитаніе за одно и то же и единственнаго исхожденія Духа и вторичнаго (по сообщенію и дѣйствію), и усвоеніе обоихъ исхожденій равно Отцу и Сыну", проповѣдникъ говоритъ: „Есть и другая, опаснѣйшая первой и худшая причина извращенія: это попытка изо всѣхъ силъ доказывать божественные предметы силлогизмами и отсюда заимствуемыми доводами. Сначала такіе пріемы не имѣли доступа въ божественную ограду; но когда всюду проникла страсть играть словами, то нашлись растлители, которые ухватились за это и внесли въ стадо Христово тысячи соблазновъ, одинъ за другимъ вводя новости и хорошо сказанное (κεκυρωμένα) распространяя неумѣстными изобрѣтеніями. Поэтому я предлагаю и прошу васъ не объяснять божественныхъ догматовъ новыми силлогизмами и не внимать тѣмъ, которые вводятъ ихъ. Не объяснять: потому что Духъ Святой предалъ намъ всѣ божественныя словеса седмерицею объясненными посредствомъ святыхъ учителей, а объясненное ими намъ невѣждамъ всуе и излишне объяснять съ основанія и говорить о томъ что-нибудь иначе, какъ покажется намъ. И мнѣ кажется, что такой пріемъ доводитъ до невѣрія, богохульства, и великую опасность готовитъ душамъ нашимъ: потому, то-есть, что въ такомъ случаѣ мы ставимъ себя премудрѣе и Духа. Не слушать, даже въ видѣ собесѣдованія, человѣка, предлагающаго какой-нибудь вопросъ или запросъ, чтобы какъ-нибудь случайно не согласиться или не отвергнуть истины и не осквернить свой языкъ хулою на Духа Св., которая, по Писанію, не отпустится ни въ нынѣшнемъ вѣкѣ, ни въ будущемъ (Мѳ. 12, 31). Потому и великій проповѣдникъ истины, уста Господни, апостолъ Павелъ заповѣдуетъ всѣмъ, говоря: *смотрите, чтобы кто не увлекъ васъ философіею и пустымъ обольщеніемъ* (Кол. 2, 8); и еще: *не обратилъ ли Богъ мудрость міра сего въ безуміе* (1 Кор. 1, 20)? Небу-

демъ же призывать врага на совѣтъ"... „Но, говоритъ, мы совопросничаемъ, чтобы такимъ образомъ найти истину. Говорящій это очевидно или прельщается или обманывается или отвергается истины. Потому что, еслибъ словеса Духа не были очищены Духомъ, какъ сказано; еслибы Христосъ поставилъ насъ испытателями ихъ, то наша пытливость имѣла бы основаніе; но теперь истина не нуждается въ изслѣдованіи или какомъ-нибудь очищеніи; далека отъ ней всякая перечистка (ἀνακάθαρσις). Ибо *слова Господни*, говоритъ Давидъ, *суть слова чистыя, сребро въ плавильнѣ отъ земли очищенное, седмикратно переплавленное* (Пс. 11 7). Все очищаемое очищается отъ какой-нибудь тины, и все, подвергаемое испытанію, прежде сего представляетъ сомнительное достоинство, а потому и испытывается. Но истина непричастна тинѣ, есть дѣло несомнѣнное, знаніе подлинное, есть свѣтъ и разумъ. Ибо что́ точнѣе знанія отъ Духа? Или что́ свѣтлѣе Его свѣта? Или что́ истиннѣе самой истины?"—„И что́, говоритъ, препятствуетъ намъ посредствомъ умозаключеній разсуждать объ исхожденіи Св. Духа? Первое препятствіе есть древнее и апостольское преданіе избѣгать силлогистическихъ словопреній (1 Тим. 6, 4. 2 Тим. 2, 14) въ ученіи о Богѣ, которыя нимало не служатъ къ пользѣ и увлекаютъ въ ложь, и стремятся ни къ чему иному, какъ только уничтожить силу креста. Потомъ, если догматы вѣры подчинимъ силлогизмамъ, то упраздняется вѣра, исчезаютъ вѣнцы за вѣру, и мы будемъ вѣрить уже не Богу, а человѣку. Посему и говоритъ ап. Павелъ: *и слово мое* и проч. (1 Кор. 2, 4, 5); и еще: 1 Кор. 1, 17. 1 Кор. 2, 13. И если кто изъ васъ неискусенъ въ многооборотливой софистикѣ, то изъ-за этого не долженъ подчинять свой умъ человѣку, владѣющему этимъ искусствомъ, а особенно, если онъ будетъ распространяться предъ нами о благочестіи. Ибо *что́ общаго у свѣта со тьмою, или у храма Божія съ идолами? Какое согласіе между Христомъ и веліаромъ? Или какое соучастіе вѣрнаго съ невѣрнымъ* (2 Кор. 6, 14—16)? или Аристотеля [74]) съ догматами

---

[74]) Подобно и въ эпоху Флорентійскаго собора, когда нѣкій латинскій ораторъ при богослуженіи, которое совершалъ папа въ присутствіи и православныхъ членовъ собора, произносилъ проповѣдь и часто дѣлалъ ссылки

Церкви Христовой? Да погибнутъ утверждающіеся на его философіи или пытающіеся разорять вѣру нашу! Божественное Писаніе осуждаетъ эту философію и отвергаетъ ее, называя лживою, тщетною и нечистою убѣдительностію и упраздненною мудростію (1 Кор. 2. 4. 1 Кор. 1, 19, 20)".

„Впрочемъ, пусть никто не думаетъ, будто я считаю ее совершенно безполезною. Она хороша, полезна и обосновываетъ мысли, но въ предметахъ естественныхъ, не имѣя такой же силы и въ томъ, что́ превосходитъ природу нашу. Почему, когда заявляетъ о себѣ больше, чѣмъ сколько имѣетъ значенія, она становится нѣкіимъ юродствомъ; то же нужно сказать и о всякой наукѣ, которая недовольствуется своими предѣлами". Приведши нѣсколько изреченій св. отцевъ (Златоуста, Григорія Богослова и Василія Великаго) о непримѣнимости логическихъ умозаключеній къ доказыванію христ. догматовъ, продолжаетъ: „Посему и мы никогда не употребляемъ силлогизмовъ съ цѣлію доказать, что только Отецъ есть изводитель Духа, ибо думаемъ, что исхожденіе превыше человѣческаго умопредставленія, а потому выше всякаго умозаключенія и всякаго доказательства; но представляя заключеніе отъ противнаго, слѣдуемъ необходимымъ выводамъ изъ сказаннаго святыми. Если же гдѣ и силлогистически повидимому говоримъ, то слово берется вмѣсто другаго слова и того, что́ желаемъ представить наглядно. Ибо когда какая нибудь наука подчинена другой, тогда выводами высшей науки низшая прилично пользуется какъ собственными началами, и нѣтъ никакого вреда для послѣдней, когда она подчиняетъ свои построенія началамъ сроднымъ и свойственнымъ ей, ведущимъ изъ прежнихъ опытовъ къ истинѣ. А гдѣ всѣ науки, искусства и пріемы, собранные воедино, занимаютъ служебное мѣсто, кто будетъ столь дерзокъ и безстыденъ, что станетъ христ. богословіе подчинять искусству діалектики? И можно ли не уклониться отъ истины тому, кто посредствомъ человѣческихъ пріе-

---

на Аристотеля, грузинскій уполномоченный замѣтилъ: „о Аристотель, Аристотель, славный Аристотель! Есть у насъ св. Петръ, св. Павелъ, св. Василій, Григорій Богословъ, Златоустъ; но что́ намъ до Аристотеля?" *Sguropuli* Historia conc. Florentini IX 12.

мовъ (μεθόδων) вздумаетъ достигнуть знанія вещей божественныхъ? А если оно такъ достигается, то всуе требуется вѣра, излишне и откровеніе отъ Бога".

Въ шестомъ словѣ показывается, что латинскій переводъ „ипостась" словомъ „субстанція", имѣющимъ два смысла, служитъ третьимъ поводомъ къ извращенію православной вѣры. „Латинскій языкъ по своей скудости, или ужь и не знаю, какъ лучше выразиться, означаетъ имя сущности и ипостаси не двумя названіями, какъ языкъ эллинскій, но однимъ, такъ-называемою у нихъ субстанціею,—именемъ, которое представляетъ два смысла. И вотъ отсюда вышло раздѣленіе между нами и ими въ ученіи объ исхожденіи Святаго Духа! Потому что употребляя о достопокланяемомъ Духѣ это, двоякій смыслъ имѣющее, имя каждый понимаетъ его, какъ хочетъ: одинъ—вмѣсто сущности тогда какъ оно означаетъ ипостась; другой—принимаетъ за ипостась, когда оно означаетъ сущность; а иной думаетъ, что въ существѣ дѣла безразличенъ и тотъ и другой смыслъ. Чрезъ это они и отсѣкаютъ себя отъ истиннаго богословія. Не обращая вниманія на словоупотребленіе богослововъ и находя во многихъ мѣстахъ, что Духъ имѣетъ substantiam отъ Отца и Сына, принимаютъ не первое значеніе сего имени, то есть сущность, но, по ревности къ намъ, относятъ смыслъ слова ко второму, то есть къ ипостаси или лицу, и утверждаютъ, что объ этомъ только и говорится здѣсь. И вотъ отъ чего нѣтъ согласія между нами. Но что́ говорю о нихъ? И отъ насъ многіе, почитая личныя свойства свойствами сущности, или свойства, принадлежащія сущности, свойствами личными, отдаляются отъ истиннаго ученія о Богѣ; и отъ этого самого терпятъ слушатели неразсудительные. Ибо, поелику во Св. Троицѣ ни сущность есть сама по себѣ [75]) безъ ипостаси, ни ипостась безъ сущности, но и божественная сущность созерцается въ ипостасяхъ, и покланяемыя ипостаси есть въ сущности, то и о созерцаемомъ въ одной только сущности человѣку недостаточно внимательному легко подумать, что оно прилагается и къ ипоста-

---

[75]) Т.-е. внѣ трехъ Божеств. лицъ, какъ особое Божество.

сямъ, и онъ готовъ принадлежащее только одной какой-нибудь ипостаси приложить и къ сущности, или и къ остальнымъ двумъ ипостасямъ. Потому что изъ сліянія и неразличенія и отождествленія свойствъ наиболѣе случается людямъ невнимательнымъ впадать въ заблужденіе". А что и давнѣйшіе латиняне ипостасію называли и сущность и лице, Вріенній свидѣтельствуется блаж. Ав устиномъ (въ книгѣ о Троицѣ) и Григоріемъ Богословомъ (въ похвальномъ словѣ Аѳанасію Великому)... „А если кто скажетъ, отъ чего жъ всѣ [76]) богословы просто [77]) учатъ, что Духъ есть отъ Отца и Сына? то знай, что выраженіе „быть отъ кого-либо", употребляемое во многихъ смыслахъ, употребляется и въ смыслѣ отношенія лицъ другъ къ другу, означая единосущіе, и оно прилагается одинаково и къ божественнымъ лицамъ и къ человѣческимъ. Въ такомъ значеніи говорится, что Іоаннъ есть отъ [78]) сущности Петра и Павла и остальныхъ людей, не потому, что онъ родился отъ всѣхъ ихъ, но потому, что онъ одной природы съ ними, одной и той же сущности. И въ семъ-то значеніи св. отцы говорятъ, что Духъ Св. есть отъ Отца и Сына, желая то-есть представить единосущіе Духа съ Отцемъ и Сыномъ"...

Въ седьмомъ словѣ святоотеческими писаніями подтверждается, что Духъ Св. исходитъ, т.-е. имѣетъ бытіе, отъ Отца только. Начало слова таково. „Твердо ли помните говоренное вамъ въ прежнихъ бесѣдахъ? Или можетъ-быть слѣдовало бы напомнить вамъ о томъ? Что до меня, то не думаю, что вы такъ скоро забыли слышанное; но поелику теперь есть много такихъ, которыхъ тогда не было, да и изъ присутствовавшихъ нѣкоторые забыли что-нибудь, то ничто не мѣшаетъ хоть кратко напомнить о сказанномъ прежде. Повтореніе сказаннаго принесетъ

---

[76]) Не всѣ впрочемъ; встрѣчается такое выраженіе у Епифанія, Кириллa Алекс. и Иларія.

[77]) Просто, то-есть не прибавляя „отъ сущности Отца и Сына", какъ дѣлаютъ это другіе отцы.

[78]) Это выраженіе, не совсѣмъ свойственное языку русскому, вполнѣ умѣстно и свойственно въ языкѣ греческомъ.

пользу всѣмъ: для слушавшихъ оно будетъ напоминаніемъ, а для теперь только слушающихъ подготовленіемъ къ тому, что будетъ говорено. Сперва мы обѣщали указать на причины уклоненія (отъ истины), потомъ—ясно реченіями Духа показать, православна ли наша вѣра о Св. Духѣ, или нѣтъ? Мы тогда же выставили и необходимость этого, чтобы, то-есть, знать, каково благочестіе, и по возможности избѣгать уклоненій отъ него. И въ говоренныхъ къ вамъ бесѣдахъ достаточно указаны причины отступленія, то-есть: безразлично понимаемое, имѣющее неодинаковый смыслъ, выраженіе „исхожденіе Духа", странное привнесеніе и приспособленіе умозаключеній къ божественнымъ догматамъ, и далѣе, принятіе нѣкоторыми выраженія, что „Духъ есть отъ сущности Сына" за одно съ выраженіемъ „Духъ есть отъ ипостаси Сына", и еще было сказано, какъ надлежитъ понимать это. А теперь слѣдуетъ достовѣрными свидѣтелями доказать и подтвердить: православно ли наше вѣрованіе объ исхожденіи Св. Духа, или какъ-нибудь извращено и лживо, и кто стражъ правой вѣры? И думаю, что вы, какъ православные и воспитанные въ православномъ ученіи, желаете не отъинуду увѣриться въ этомъ, а отъ служителей истины и праваго ученія, что́ нужно и во всемъ другомъ наблюдать, а не меньше и въ этомъ дѣлѣ. Въ такихъ вещахъ и обычно и прилично никому не дерзать на изложеніе божественныхъ догматовъ отъ себя, отъ собственнаго чрева, какъ говорится (потому что это и не внушаетъ вѣры и ненадежно и опасно), но учить и свидѣтельствовать о Духѣ, принимая наставленіе отъ реченій самого Духа и святыхъ Его, потому что такъ поступать и безопасно и надежно и вѣрно".

Въ восьмомъ словѣ поставляетъ на видъ, что святые отцы и на соборахъ и частнымъ образомъ подвергаютъ анаѳемѣ тѣхъ, кои дерзнутъ сдѣлать прибавку въ Символѣ вѣры. Тутъ онъ говоритъ между прочимъ: „По прошествіи семидесяти пяти [79])

---

[79]) Въ означеніи лѣтъ явная ошибка, отъ кого бы она ни происходила, потому что отъ седьмаго вселенскаго собора до константинопольскаго помѣстнаго, на который указываетъ Врієнній, прошло болѣе девяноста лѣтъ, и шестое засѣданіе, о которомъ онъ дальше упоминаетъ, происходило въ февралѣ 880 года.

лѣтъ отъ седьмаго вселенскаго собора, въ царствованіе Василія Македонскаго, созванъ былъ въ этомъ царствующемъ градѣ другой соборъ; а поводомъ къ тому было, чтобы святѣйшаго Фотія возвести на каѳедру, и людей, боязливо еще, то-есть съ нѣкоторою прикровенностію, дерзавшихъ говорить, что Духъ исходитъ и отъ Сына, отлучить и извергнуть изъ церкви, что соборъ и сдѣлалъ. Съ этимъ соборомъ и святѣйшій папа Іоаннъ, тогдашній епископъ римской церкви, чрезъ Петра кардинала-пресвитера и епископовъ Павла и Евгенія, своихъ мѣстоблюстителей, согласно мыслитъ. и дерзающаго приложить что-нибудь или отнять подвергаетъ анаѳемѣ подписью на римскомъ языкѣ вмѣсто себя своихъ мѣстоблюстителей, или лучше—самъ чрезъ нихъ подписавшись; свидѣтельствуютъ объ этомъ самыя подписи, хранящіяся въ Великой церкви. А если желаете знать и то, подъ какими именно опредѣленіями подписались они, то взявши въ руки шестое соборное дѣяніе, увидите, что по прочтеніи, согласно общему требованію, священнаго символа, всѣ отцы воскликнули: такъ мыслимъ, такъ вѣруемъ; въ этомъ исповѣданіи мы крещены и удостоены священства, а иначе мыслящихъ считаемъ врагами Богу и истинѣ“... Затѣмъ, упомянувши и о письмѣ папы Іоанна къ Фотію, въ которомъ дерзнувшихъ на прибавку къ символу, какъ извратителей ученія самого Христа, онъ ставитъ наравнѣ съ Іудою предателемъ, продолжаетъ, „Оттолѣ и до *Христофора* папы, въ теченіе *ста тридцати лѣтъ*: всѣ епископы римскіе и сущіе съ ними во всемъ были единомышленны съ нами, и Церковь Христова наслаждалась миромъ и согласіемъ, потому что, какъ подобало, имѣли уваженіе къ дѣйствовавшему какъ бы вчера и незадолго Іоанну, тремя посланіями признавшему соборъ. Да и то ясно свидѣтельствуетъ о неповрежденности нашей вѣры, что съ того времени какъ сказанный Христофоръ послалъ четыремъ восточнымъ церквамъ письменное свое исповѣданіе и изглаженъ ими изъ священныхъ диптиховъ при тогдашнемъ патріархѣ царствующаго града Сергіѣ, прошло уже *четыреста двадцать лѣтъ*, въ продолженіе коихъ многіе мудрые и словесные мужи, посылавшіеся оттуда для примиренія и соединенія церквей,—и это, когда мы подверглись безчисленнымъ нападеніямъ всякихъ народовъ,—ни въ чемъ

не успѣли, да и не успѣютъ, если не будетъ уничтожена прибавка, виновница раздѣленія".

Обращая вниманіе на встрѣчающіяся въ томъ отрывкѣ изъ рѣчи Вріеннія неточности хронологическія и историческія, въ объясненіе ихъ предполагаемъ слѣдующее. Вріенній, выставляя *сто тридцать лѣтъ* протекшими отъ Константинопольскаго собора 879—880 г. до изглаженія имени папскаго изъ диптиховъ, вѣроятно смѣшалъ въ счетѣ три разновременные собора, происходившіе во дни Фотія патріарха, а имя папы Христофора, сконч. въ 905 году, попало сюда или потому что Вріенній дѣйствительно находилъ въ доступныхъ ему историческихъ памятникахъ запись объ отлученіи сего папы отъ общенія [80]) и только по невѣдѣнію отнесъ его къ болѣе позднимъ временамъ, или безъ внимательнѣйшаго разсужденія довѣрился показанію писателя XI (по Пихлеру) или XIII вѣка [81]), Епифанія монаха, который въ своемъ сочиненіи „какъ и какимъ образомъ латинскіе папы лишились первенства и исключены изъ диптиховъ" написалъ, что папа Христофоръ первый послѣ временъ Фотія былъ изглаженъ изъ диптиховъ современникомъ своимъ (будто бы) патріархомъ Сергіемъ (999—1019). Частые, хоть и кратковременные разрывы и затѣмъ миръ константинопольскихъ и римскихъ епископовъ могли служить поводомъ къ нѣкоторой путаницѣ въ показаніяхъ, касавшихся этого предмета. Теперь, къ какому именно году относилъ Вріенній окончательное исключеніе имени папы изъ диптиховъ восточныхъ? Сказавши, что „прошло уже четыреста двадцать лѣтъ" съ того времени, онъ повидимому пріурочиваетъ это событіе къ тысячному (1000) году по Р. Хр., такъ какъ въ этомъ же восьмомъ словѣ упоминаетъ,

---

[80]) Съ чѣмъ повидимому не несогласенъ и *Пихлеръ*, допуская, что папскіе послы, присутствовавшіе на Константинопольскомъ соборѣ 906 г. и подавшіе голосъ въ пользу законности четвертаго брака (противъ голоса патріарха константинопольскаго Николая Мистика), могли быть отправлены еще папою Христофоромъ (Христофоромъ греческихъ писателей). Въ такомъ случаѣ понятно, что Николай Мистикъ, снова занявъ престолъ, изгладилъ изъ диптиховъ имя этого папы. Geschichte d. kirchlichen Trennung, стр. 208.

[81]) Объ этомъ Епифаніѣ см Δημητρακοπούλου Ὀρθόδ. Ἑλλὰς. стр. 97, а также Μελέτιον Ἐκκλ. Ἱστορία, т. 2. стр. 401.

что произносилъ его въ 1420-мъ году; но имѣемъ основаніе полагать, что здѣсь употреблено это число для большей круглости счета, потому что въ разговорѣ съ латинофронами происходившемъ въ 1423 году онъ прямо выразился: „мы, то есть ромеи и латины, находились въ единеніи тысячу и три года, а въ раздѣленіи пребываемъ четыреста двадцать лѣтъ“. Такимъ образомъ, по мнѣнію Врієннія, исключеніе изъ диптиховъ окончательное постигло или Сильвестра 2-го (1999—1003) или же, что согласнѣе съ ходомъ дѣла, его преемника, Іоанна XVIII (1004—1009). И въ такомъ случаѣ разница между показаніемъ Врієннія и показаніемъ антіохійскаго патріарха Петра, писавшаго въ 1054 г., что за 45 лѣтъ предъ тѣмъ онъ слышалъ въ Константинополѣ возглашаемымъ въ церкви имя папы [82]), оказывается всего въ пять или шесть лѣтъ.

Въ девятомъ словѣ яснѣйшимъ образомъ доказывается, что встрѣчающееся у отцовъ выраженіе „Духъ Св. исходитъ отъ Отца чрезъ Сына“ означаетъ не ипостасное исхожденіе Духа, а подаяніе Духа намъ или дарованіе благодати Духа. Въ самомъ началѣ проповѣдникъ оправдывается противъ нѣкоторыхъ обвиняющихъ его въ томъ, что сражается не своимъ оружіемъ, а словами и изреченіями отцевъ церкви: „несправедливо и нелѣпо было бы, когда другіе такъ смѣло отваживаются на защиту прибавки, какъ бы во всеоружіи ученія святыхъ наступаютъ на насъ и весьма бодры, какъ т.-е. ясно согласующіеся съ учителями,—намъ въ дѣйствительности, не въ воображеніи, имѣющимъ саму истину защитницею и споборницею, опасаться и стыдиться употреблять въ дѣло отцами преданное ученіе, сохранившееся и преемствомъ памяти и въ писаніяхъ. Да и отъ святыхъ, думаю, не послѣдуетъ намъ укоризны за то, что мы облекаемся въ ихъ оружіе, украшаемся имъ какъ своимъ собственнымъ и съ нимъ выступаемъ; потому что если сынъ оружіемъ отца отразитъ враговъ отечества, не скажемъ, что отецъ сочтетъ для себя предосудительнымъ успѣхъ сына.

---

[82]) См. письмо Петра антіохійскаго къ Михаилу Керуларію въ сборникѣ Acta et scripta, quae de controversiis ecclesiae graecae et latinae saeculo undecimo composita extrant (изд. 1861),—стр. 189 и дал.

Впрочемъ мнѣ, да и всякому православному, не кажется дерзкимъ, напротивъ, когда кто и не отказывается въ богословскихъ разсужденіяхъ и доказательствахъ пользоваться реченіями святыхъ, и изъ собственной мудрости старается подкрѣплять догматы; потому что онъ, выставляя святыхъ въ неложномъ свѣтѣ и храня смиреніе и справедливость, пребываетъ неуязвимымъ и незазорнымъ. И я, опять, не по собственному желанію, но уступая теченію дѣлъ, рѣшился выступить на настоящее поприще. Я, напротивъ, желалъ бы лучше тысячу разъ подвергнуться обвиненію въ совершенномъ невѣжествѣ изъ-за молчанія, нежели выступить какимъ-то наглецомъ, какъ скажетъ иной, и доносчикомъ (φυλενδειτης). И въ этомъ свидѣтельствуюсь вѣрнымъ свидѣтелемъ (Апок. 1. 5) на небеси, и самыя дѣла удостовѣряютъ въ томъ, и изъ васъ самихъ многіе свидѣтели сему. Потому что столько уже лѣтъ проводя жизнь частнаго человѣка и въ молчаніи, я никоимъ образомъ не говорилъ ничего подобнаго и самоувѣреннаго; но такъ-какъ любовь побѣдила и одолѣла мою лѣнивость и молчаливость, когда и время зоветъ и дѣла влекутъ, то я сдѣлаю что-нибудь и лучшее молчанія". Главная мысль слова, что всѣ отцы когда говорятъ, что Духъ исходитъ отъ Отца чрезъ Сына, то выражаютъ этимъ мысль о временномъ подаяніи даровъ Духа, доказывается многими мѣстами и словами отцевъ,—въ томъ числѣ и опредѣленіями мѣстнаго конст. собора 1295 года.

Въ десятомъ уясняется и раскрывается и иной смыслъ того же выраженія, на основаніи значенія предлога διά; ибо у отцевъ онъ употребляется иногда въ значеніи *вмѣстѣ съ* (ἅμα), *послѣ*, *по* (μετὰ) и *съ* (σὺν). Слово замѣчательное по обилію свидѣтельствъ и ясности изложенія.

Въ одиннадцатомъ доказываетъ, что когда предлогъ διὰ прилагается къ Божеств. Лицамъ, то означаетъ не причину ипостаси Духа, а дѣйствіе и благодать Духа. „Предъ симъ я привелъ много примѣровъ изъ учителей въ поясненіе выраженія, что Духъ есть или исходитъ отъ Отца чрезъ Сына; а нѣкоторые, пользуясь благовременнымъ поводомъ, и сами представили примѣръ (χρῆσιν) святаго говоря, будто въ примѣненіи къ Отцу и Сыну предлогъ διὰ (чрезъ) ничѣмъ не отличается отъ ἐκ (отъ, изъ), какъ показываетъ это и Василій В. въ письмахъ къ Ам-

филохію говоря: „нисколько не странно принимать διά въ значеніи ἐκ, потому что часто διά и ἐκ ставятся одно вмѣсто другаго, когда берутся не въ прямомъ значеніи; такъ *пріобрѣла я человѣка* διὰ τοῦ Θεοῦ (*Богомъ*: Быт. 4, 1) равносильно выраженію ἐκ τοῦ Θεοῦ (отъ Бога); и еще: *заповѣдалъ Моисей Израилю по* (διὰ) *повелѣнію Божію* (Числ. 36)"... Но и такое словоупотребленіе не подтверждаетъ ихняго заключенія. Ибо хотя Василій В. и говоритъ, что нѣтъ ничего несообразнаго въ замѣнѣ предлоговъ διὰ и ἐκ одного другимъ и перестановкѣ ихъ, но онъ говоритъ „часто", а не всегда, и притомъ когда смыслъ слова относится къ тварямъ, а не къ Лицамъ Божественнымъ". Доказавши это дальнѣйшими словами самого Василія Вел., Врієній продолжаетъ: „И съ другой стороны, еслибы въ выраженіи богослововъ „Духъ Св. исходитъ чрезъ Сына" предлогъ διὰ означалъ причину, то мы приняли бы его вмѣсто ἐκ, и оно равнялось бы выраженію „Духъ Св. исходитъ отъ Сына". Но вѣдь нигдѣ не сказано, что Духъ имѣетъ бытіе (ὑπαρξιν) отъ Сына или исходитъ отъ Него по ипостаси; также не говорится просто, что исходитъ чрезъ Сына, но—отъ Отца чрезъ Сына: а это ясно указываетъ на Отца какъ на причину, а на Сына никоимъ образомъ. Ибо когда за предшествующимъ ἐκ, означающимъ собою причину бытія, слѣдуетъ διὰ, то и не необходимо, и не обычно и не послѣдовательно ту же причину означать и предлогомъ διὰ; потому что еслибъ и διὰ означало эту причину, то конечно оно стояло бы вмѣсто ἐκ. А когда предлогъ ставится вмѣсто предлога невозбранно, то никакого ущерба для мысли не произойдетъ отъ замѣны одного другимъ, равнозначащимъ; но здѣсь этого нельзя сдѣлать никакимъ искусствомъ. Потому что нельзя сказать непогрѣшительно „отъ Отца отъ Сына", и никто не дерзнетъ увѣрять, что Духъ Св. исходитъ чрезъ Отца отъ Сына, или чрезъ Отца чрезъ Сына".

Въ двѣнадцатомъ проповѣдникъ указываетъ, что примѣры, приводимые отцами и учителями церкви въ изложеніи ученія о Богѣ, не имѣютъ силы доказательной, а приводятся только для, возможнаго намъ уясненія истины. Ближайшимъ поводомъ къ изложенію этого предмета служило такое умствованіе противниковъ православнаго ученія: „исхожденіе Духа Св. отъ Отца чрезъ Сына мы понимаемъ въ такомъ смыслѣ какъ и происхож-

деніе плода отъ корня чрезъ вѣтвь, или истеченіе ручья изъ источника чрезъ каналъ, или возсіяваніе свѣта отъ солнца посредствомъ луча“ и проч. Доказывая неумѣстность, неприличіе и неосновательность заключеній противниковъ, Врієній между прочимъ приводитъ сужденіе и Григорія Богослова объ этомъ. „Св. Григорій Богословъ въ словѣ о Св. Духѣ признавалъ неподобіе примѣровъ въ ученіи о Богѣ и, послѣ многихъ усилій подобрать ихъ, сказалъ: „нѣтъ ничего, что при созерцаніи представляемаго въ примѣрахъ остановило бы мысль мою, развѣ кто съ должнымъ благоразуміемъ возьметъ изъ образа что-нибудь одно и отброситъ все прочее. Наконецъ, заключилъ я, всего лучше отступиться отъ всѣхъ образовъ и тѣней какъ обманчивыхъ и далеко недостигающихъ до истины, а самому держаться образа мыслей болѣе благочестиваго, остановившись на немногихъ реченіяхъ, имѣя руководителемъ Духа и до конца сохраняя полученное отъ Него озареніе, съ Нимъ какъ искреннимъ сообщникомъ и собесѣдникомъ, проходитъ настоящій вѣкъ“. И опять онъ же говоритъ: „Представь мнѣ другаго Бога и естество Божіе, и я тебѣ представлю оную Троицу съ самыми именами и дѣлами; а если Богъ одинъ, одно верховнѣйшее Существо, то откуда я представлю тебѣ подобіе? Или опять ищешь его въ предметахъ дольнихъ и окружающихъ тебя? Но весьма постыдно, и не только постыдно, а и подлинно суетно брать подобіе для предметовъ высшихъ изъ низшихъ, для неизмѣнныхъ—изъ природы измѣнчивой и, какъ говоритъ Исаія (8, 19), съ мертвыми совѣтоваться о живыхъ“... Къ концу слова поясняя, что если принимать ипостасное исхожденіе Духа отъ Отца и Сына, то необходимо признать и два начала въ Божествѣ, говоритъ, что и самъ Ѳома Аквинатъ, сознавая нелѣпость такого вывода, въ 36-мъ вопросѣ первой книги своего богословія сказалъ, что „Духъ Св. и отъ Отца непосредственно исходитъ“...

Въ тринадцатомъ словѣ представлены многія и различныя выраженія св. Писанія о Духѣ Св. и показывается, что ни въ одномъ изъ нихъ Духъ Св. не называется исходящимъ и отъ Сына.

Въ четырнадцатомъ доказывается, что всѣ мѣста Писанія, считаемыя нѣкоторыми за обличеніе противъ насъ, напр. гдѣ Духъ называется Христовымъ, Духомъ Сына, или сказанное

Спасителемъ „отъ Моего пріиметъ“ и проч., имѣютъ одну цѣль, именно — представить соестественность Духа съ Сыномъ.

Въ пятнадцатомъ проповѣдникъ представляетъ, что „всѣ богословы всегда выраженіемъ „отъ Отца и Сына“ и другими подобными хотятъ показать тождество естества Духа съ естествомъ Отца и Сына, а не источникъ Его ипостаснаго бытія“. Между прочимъ замѣчаетъ, что въ сочиненіяхъ св. Аѳанасія Ал. на западѣ кое-что вставлено неподлиннаго и ихъ нужно исправить по спискамъ, находящимся на Востокѣ.

Въ шестнадцатомъ (говоренномъ въ началѣ весны, какъ самъ замѣтилъ) проповѣдникъ излагаетъ въ краткихъ чертахъ ученіе о Троицѣ, какъ сама Она открывала о Себѣ собственными явленіями, чрезъ ангеловъ и людей. Между прочимъ говоритъ: „Вчера нѣкій италіанецъ предложилъ мнѣ возраженіе, говоря: укажи мнѣ отношеніе (σχέσιν) между Сыномъ и Духомъ, ибо несомнѣнно надлежитъ же быть между сими лицами такому отношенію, по которому бы Они и единосущными пребывали и различались между собою. Потому что рожданіе и извожденіе, рожденіе и исхожденіе и соединяетъ богоприлично Лица Божественныя и различаетъ Ихъ. Но поелику ты уничтожаешь отношеніе извожденія, ибо не допускаешь, что Духъ Св. исходитъ и отъ Сына, то или покажи намъ иное, или, въ противномъ случаѣ, желая различить ихъ свойствами, ты признаешь чуждыми другъ другу Лица сродныя. Но ты лучше допусти то отношеніе между сими Лицами, чтобы въ твоемъ богословіи не выходило большой несообразности. На это предложеніе я такъ скажу. Еслибы Отецъ не имѣлъ отношенія къ Духу, какъ Изводитель къ Изводимому, и Духъ не относился къ Отцу, какъ Изводимый къ своему Изводителю, то сказанное предложеніе имѣло бы великую силу у желающихъ добиться уступки отъ насъ, которые основательно говоримъ, что еслибы Духъ не имѣлъ никакого отношенія къ Отцу или къ Сыну, то по сущности былъ бы чуждъ Отцу и Сыну. А поелику Богъ Отецъ по отношенію къ Духу есть такъ же Изводитель Изводимаго, какъ въ отношеніи къ Сыну Родитель Рожденнаго, и это признается всѣми: то какъ единосущенъ Родитель Рожденному и Рожденный Родителю, такъ равно единосущенъ Изводитель Изводимому и Изводимый Изводителю, и оба эти Лица, то-есть Рожденный и Исходящій, по

причинѣ бытія отъ одного Лица—единосущны, равнобожественны и равночестны и между Собою и Тому, отъ кого получили бытіе".

Семнадцатое слово множествомъ логическихъ доказательствъ подтверждаетъ, что Духъ Св. не исходитъ лично и отъ Сына. Начало таково. „Какъ о пресущественномъ Божествѣ не должно (οὐ τολμητέον) ни говорить, ни мыслить противно открытому намъ богоприлично въ священныхъ изреченіяхъ, то и о Духѣ Св. мы вѣруемъ, мыслимъ и говоримъ во всемъ и по всему согласуясь съ ученіемъ святыхъ, что по сущности Духъ Святый имѣетъ стояніе, водруженіе, пребываніе въ Отцѣ и Сынѣ и Себѣ Самомъ [83]); а по дѣйствію существенному нисходитъ къ твари отъ Отца чрезъ Сына; по ипостаси же Своей исходитъ отъ одного только Отца. И таково, чтобы вкратцѣ выразить, исповѣданіе нашѣ о Св. Духѣ. Посему въ Немъ по первому впечатлѣнію созерцаются сіи три—сущность, ипостась и дѣйствіе, какъ въ другомъ мѣстѣ [84]) сказано нами обширнѣе; и Онъ не есть ни сущность неипостасная, то есть — сама по себѣ безъ ипостаси (личности), ни ипостась бездѣйственная, ни дѣйствіе безъ сущности. А что эта вѣра не наша только и не новая, что изначала хранили ее столпы вѣры, ясно какъ изъ многаго другаго, такъ и изъ того, что они говорятъ объ ипостасномъ исхожденіи Его. Говорятъ же, что все, общее Отцу и Сыну, обще и Духу Святому, и все, что̀ имѣютъ Сынъ и Духъ, имѣютъ отъ Отца, и особенность (ἴδιον) Отца есть та, что Онъ раждаетъ Сына и изводитъ Духа Святаго. Теперь: если все, что̀ имѣютъ Сынъ и Духъ, и самое бытіе, по общему мнѣнію всѣхъ святыхъ имѣютъ Они отъ Отца, а не отъинуду, то неправо было бы вѣровать, что Сынъ раждается отъ Него одного, а Духъ Св. лично исходитъ не отъ одного Его. Опять: если особенность Отца есть рожданіе Сына и извожденіе Духа Св., то неправо было бы мыслить, что Сына раждаетъ одинъ только, а Духа изводитъ не одинъ, а съ кѣмъ-то другимъ. И еще: если общее Отцу и Сыну

---

[83]) Στάσιν, τὴν ἵδρυσιν, τὴν μονὴν ἐν τῷ Πατρὶ καὶ τῷ Υἱῷ καὶ ἐν Ἑαυτῷ κεκτῆται,—т.-е. единосущенъ Отцу и Сыну.

[84]) Именно въ 14 словѣ.

обще и Духу, то, если допустить, что и личное извожденіе Духа обще Отцу и Сыну, въ такомъ случаѣ это же будетъ обще и Духу, и Онъ самъ себя будетъ изводить по ипостаси, Самъ Себѣ будетъ виною (αἴτιον), такъ что во Св. Троицѣ будетъ три вины (αἴτια) Духа; но это богохульно. Я почелъ нужнымъ съ самаго начала нѣсколько выяснить для васъ главную мысль настоящаго слова, потому что замѣчаю въ васъ облѣненіе, — а вы приложите вниманіе. И такъ какъ при неправильности посылокъ (προτάσεων μὴ τὸ ὑγιὲς κεκτημένων) не необходимо и выводъ ложенъ, потому что можно и истинно заключать при неистинности посылокъ, а когда выводъ неправиленъ, то необходимо ложны или одна или обѣ посылки: то нужно ратовать противъ амаго вывода, противнаго богословію древнихъ отцовъ. Ибо показавши это, мы вмѣстѣ покажемъ и неправильность посылокъ, доводящихъ до такого заключенія, и истинность нашей вѣры".

Восемнадцатое слово „исправляетъ нѣкоторыя ошибочныя мнѣнія (ὑπολήψεις) кое-кого о нѣкоторыхъ предметахъ". Проповѣдникъ рѣшаетъ шесть возраженій, высказанныхъ ему послѣ предыдущаго слова, и прежде всего слѣдующее. „Поелику общее свойство Отца и Духа Св. — нерожденность, то необходимо и Отцу и Сыну принадлежитъ общее свойство—извожденіе Духа Св., чтобы какъ каждое Лице имѣетъ одно личное свойство, такъ и два Лица имѣли одно общее свойство. Но что нерожденность обща Отцу и Св. Духу, это правда; все-таки изъ-за кажущагося лишенія не должно приписывать Отцу и Сыну, какъ общее свойство, извожденіе Духа Святаго, означающее личное Его бытіе (ὑπαρκτικὸν). Есть вмѣсто нерожденности другое свойство, которое будучи общимъ Отцу и Сыну, не принадлежитъ Духу Святому: ибо ни Отецъ не исходитъ отъ какого-нибудь начала, ни Сынъ не происходитъ отъ Отца такимъ образомъ, какимъ происходитъ Духъ. Такъ что неисходность обща только Отцу и Сыну, подобно какъ нерожденность только Отцу и Св. Духу. А я говорю это, если неодинаково понимать нерожденность въ нерожденномъ Отцѣ и исходномъ Духѣ: потому что въ Божественныхъ лицахъ нѣтъ ни двухъ исходныхъ, ни двухъ рожденныхъ, ни двухъ безвиновныхъ, ни двухъ нерожденныхъ Лицъ, какъ безъ сомнѣнія ни двухъ раждающихъ, ни

двухъ изводящихъ, ни двухъ причинъ, ни двухъ началъ. Потому что всѣ Божественныя Лица благочестно всѣми прославляются какъ немножимыя и неумаляемыя и несмѣшиваемыя, единичныя, а не двучастныя, и какъ три, не больше. А если кто признаетъ въ Нихъ два нерожденныя Лица, то, поелику есть въ Нихъ и рожденное Лице и исходное, вѣруетъ, что единъ Богъ есть не Троица, а четверица лицъ. И если говоритъ, что есть два раждающіе или изводящіе, или двѣ вины, или два безвиновные, или два начала, то вводитъ двубожіе, ниспровергаетъ догматъ единоначалія и уничтожаетъ тріипостасность единаго Божества. Посему Василій Вел. въ третьей книгѣ противъ Евномія говоритъ, что „одно и то же—Отецъ и Нерожденный"; и опять: „никто не будетъ столь безразсуденъ, чтобы дерзнулъ называть Нерожденнымъ другаго, кромѣ Бога всяческихъ"...

Въ девятнадцатомъ словѣ показывается, что если допустить ипостасное исхожденіе Св. Духа и отъ Сына, то произойдетъ нескончаемое множество несообразностей и нелѣпыхъ выводовъ.

Двадцатое слово имѣетъ предметомъ установленіе правильнаго взгляда на порядокъ Лицъ Св. Троицы, употребляемый въ словѣ Божіемъ и отеческихъ писаніяхъ, такъ какъ и изъ этого латиняне усиливались вывести доказательства въ пользу своего мнѣнія объ исхожденіи Св. Духа и отъ Сына. Послѣ вступленія, говоритъ проповѣдникъ: „нисхожденіе къ намъ благости Божіей противоположно пути боговѣдѣнія отъ насъ къ Богу. Первое сообщается намъ отъ Отца чрезъ Сына во Святомъ Духѣ, а второй, начинаясь отъ насъ, поколику мы—существа, желающія знать Бога, отъ Духа чрезъ Сына направляется къ Отцу и въ Немъ утверждается. Поэтому богословы, указывая на способъ (τρόπον) онаго Божія къ намъ снисхожденія, говорятъ о немъ какъ о шествіи сверху внизъ, потому и слышите: *всяко даяніе благо и всякъ даръ совершенъ свыше есть, сходяй* къ намъ *отъ Отца свѣтовъ* (Іак. I, 17). А разсуждая о пути боговѣдѣнія, полагаютъ его начинающимся снизу и оканчивающимся вверху, какъ далѣе скажемъ. Но нѣкіе думаютъ, будто все это, написанное святыми для означенія или изліянія на насъ благости свыше, или приближенія нашего къ Отцу чрезъ Духа и Слово, сказано для означенія расположенія и порядка Божественныхъ Лицъ относительно мѣста, а не образно (τοπικῶς οὐ τροπικῶς); ду-

маютъ, т.-е., что такія выраженія, гдѣ ни встрѣчаются, указываютъ на отношеніе Божественныхъ Лицъ между собою по расположенію и порядку. И въ этомъ особенно мы разнимся отъ италіянцевъ. Они думаютъ, что сказанное о нисхожденіи къ намъ благости относится къ личному исхожденію Духа, и потому представляютъ, что Отецъ по мѣсту выше Сына и Духа, а Духъ ниже Отца и Сына, и Сына поставляютъ посрединѣ, между высшимъ и низшимъ. Какъ будто не вѣдаютъ они, что въ Божественныхъ Лицахъ не такъ, чтобы первое раждало второе, и сіе опять третіе, или первое и второе оба по сущности или хотѣнію лично изводили третіе, такъ чтобы выходило два отца или двѣ причины. Ибо нѣтъ тамъ перваго и послѣдняго, или перваго, втораго и третьяго по мѣсту или счету времени, чтобы одно по порядку было первымъ, другое вторымъ и третье третьимъ, и третіе далеко бы отстояло отъ перваго, а это отъ того, какъ очевидно разобщаемыя стоящимъ между ними посредничествомъ втораго, а второе было бы близко къ обоимъ, какъ отъ одного происходящее и другому сообщающее бытіе отъ перваго и отъ себя. „Не отъ двоицы лицъ изводится одно лицо, прочь такая мысль! ни въ составъ двоицы входитъ непроизведенное ею, ни первая единица подвиглась во вторую и вторая въ иную, третью единицу, но единица только подвиглась богоприлично въ двойственность“, по великому въ богословіи Григорію, какъ и мы благочестно знаемъ, вѣруемъ и проповѣдуемъ. А по нимъ выходитъ, что въ непостижимой и нераздѣльной Троицѣ ипостась Духа есть нѣчто далекое отъ ипостаси Отца, и Отецъ есть первѣйшій и высочайшій Духа, а первый и высшій относительно Сына и, какъ пренебесный, далечайшій отъ насъ; Сынъ же по отношенію къ Отцу—второй и низшій, а первый и высшій относительно Духа и, какъ небесный, ближе къ намъ, нежели Отецъ, а Духъ Святый—второй по Сынѣ и третій по Отцѣ, ближе къ Сыну и ниже Его, а по отношенію къ Отцу еще ниже, и къ намъ—самый близкій, какъ стоящій далеко ниже отъ высочайшаго. И Отецъ, дальше, есть непосредственный и ближайшій виновникъ только Сына, а Духа—посредственный и отдаленнѣйшій“. Засимъ, сославшись на рисунокъ Іероѳея, какъ не согласующійся съ такими представленіями и въ этомъ доказательствѣ самъ, по умѣренному отзыву Евгенія Булгариса, не

весьма согласуясь съ правиломъ истины, Врієнній продолжаетъ: „у нихъ все идетъ сверху внизъ, и Божественныя Лица соединены между собою какъ бы линіями, въ родѣ длинной цѣпи, или родословіемъ". И далѣе показываетъ, что такимъ представленіемъ совершенно уничтожается единосущіе и равночестность Божеств. Лицъ.

„А что святые, употребляя такія выраженія и порядокъ, послѣдовательно идущій отъ Отца чрезъ Сына къ Духу, имѣютъ цѣлію изливаемыя на насъ отъ Нихъ благодатныя дарованія или наше восхожденіе къ Нимъ, а не мѣстное стояніе или только одинъ порядокъ Божеств. Лицъ, ясно изъ слѣдующаго. Василій Великій въ восьмой [85]) главѣ книги къ Амфилохію такъ дословно говоритъ: „когда приводимъ себѣ на мысль подаяніе намъ благъ Единороднымъ, или приведеніе насъ самихъ и присвоеніе Богу, то исповѣдуемъ, что сія благодать бываетъ намъ чрезъ Него и въ Немъ; такъ что слово „чрезъ Него" свойственно благодарящимъ. И когда апостолъ благодаритъ Бога чрезъ Іисуса Христа (Рим. 1, 8), и опять говоритъ, что чрезъ Него получилъ благодать и апостольство, чтобы во имя Его покорять вѣрѣ всѣ народы (ст. 5), или что чрезъ Него мы и получили доступъ къ той благодати, въ которой стоимъ и хвалимся (Рим. 5, 2), тогда показываетъ Его благодѣянія намъ, такъ какъ Онъ иногда отъ Отца изливаетъ благодать благостыни на насъ, иногда же насъ Самъ Собою приводитъ къ Отцу. Ибо когда апостолъ говоритъ: *чрезъ котораго мы получили благодать и апостольство* (Рим. I, 5), тогда показываетъ, что сіе подаяніе благъ отъ Него происходитъ; а когда говоритъ: *чрезъ котораго и получили мы доступъ* (5, 2), тогда представляетъ, что принятіе насъ и усвоеніе Богу бываетъ чрезъ Христа. Потому что, говоритъ Христосъ, *никто не приходитъ къ Отцу, какъ только чрезъ Меня*" (Іоан. 14, 6). И въ восемьнадцатой главѣ той же книги: „Путь богопознанія есть отъ единаго Духа чрезъ единаго Сына къ единому Отцу. И обратно: облаженствованіе природы, освященіе природы и царственное достоинство отъ Отца чрезъ Единород-

[85]) Собственно изъ восьмой главы (книги о Св. Духѣ, къ Амфилохію) взятъ послѣдующій отрывокъ со словъ „и когда апостолъ" и проч., а предыдущій находится въ седьмой главѣ.

наго переходитъ на Духа. Такимъ образомъ и ипостаси исповѣдуются, и благочестивый догматъ единоначалія не опровергается". Приведши еще двѣ выдержки изъ сочиненій Василія В., проповѣдникъ дѣлаетъ выводъ, что „богословы, поставляя Сына между Отцемъ и Духомъ, хотятъ этимъ представить ниспосланіе къ намъ благъ чрезъ Него отъ Отца и наше приближеніе чрезъ Него къ Отцу. А порядокъ лицъ въ исповѣданіи и крещеніи они предали Церкви, чтобы кто-нибудь не крестилъ страннымъ образомъ и исповѣданія вѣры не произносилъ безпорядочно, а не для показанія состоянія и порядка въ пребожественной Троицѣ, вѣдомыхъ Ей одной. Ибо говоритъ Григорій Богословъ во второмъ словѣ о мирѣ: „о божественныхъ Лицахъ такъ мыслимъ и такъ содержимъ, что одной только Троицѣ вѣдомы естество и порядокъ Ихъ, и тѣмъ очищеннымъ душамъ, которымъ это откроетъ Троица теперь или въ послѣдствіи". Въ послѣдствіи, то-есть: по кончинѣ сего вѣка, въ вѣкѣ нескончаемомъ. Да и какимъ образомъ дадимъ мѣсто такому распредѣленію въ нераздѣльной Троицѣ, которую всю, какъ и отдѣльно каждое изъ Ея лицъ, весь этотъ міръ и вся пренебесная область не можетъ вмѣстить?... Если же допустимъ въ божественныхъ Лицахъ распредѣленіе по мѣсту или по состоянію, то необходимо признавать, что Они ограничиваются нѣкоторыми мѣстами" и проч. „Но мы, скажемъ предъ Богомъ, хранимъ порядокъ, преданную намъ святыми послѣдовательность именъ божественныхъ, или соединеніе и сочетаніе ихъ, или какъ угодно кому назвать это, и сочли бы безпорядочностію, еслибы кто дерзнулъ сказать, что естественная благость Божія преходитъ отъ Духа чрезъ Сына къ Отцу, и обратно—путь богопознанія, наше приведеніе къ Богу и усвоеніе, идетъ отъ Отца чрезъ Сына къ Духу, или еслибы кто перечислялъ божественныя лица въ такомъ безпорядкѣ: Духъ, Отецъ, Сынъ; или же: Отецъ, Духъ, Сынъ. Потому что этимъ давался бы въ одномъ случаѣ поводъ думать, что Духъ есть вина Отца и Сына, а въ другомъ, что Сынъ есть Сынъ Духа. А что подобное сочетаніе именъ считается у святыхъ нестроеніемъ, и, избѣгая его, они принимаютъ иное счисленіе, порядокъ въ Троицѣ богопреданный, сами свидѣтельствуютъ. Такъ Василій Вел. въ посланіи къ монахинямъ говоритъ: „Духъ св. и исчисляется съ Отцемъ и Сыномъ, почему Онъ и выше твари, и ставится въ

порядкѣ третьимъ, какъ научены мы въ Евангеліи самимъ Господомъ, сказавшимъ: *идите и крестите ихъ во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мѳ. 28, 19). А кто ставитъ Его прежде Сына или говоритъ, что онъ первоначальнѣе Отца, тотъ противится Божію повелѣнію и чуждъ здравой вѣры, какъ не сохраняющій образъ славословія, какой принялъ, но самъ отъ себя вымышляющій новое ученіе, въ угодность людямъ"; и далѣе: „новое измышленіе порядка (въ св. Троицѣ) отметаетъ самое бытіе его и всю вѣру опровергаетъ; и равно нечестиво какъ низводить Духа къ твари, такъ и полагать Его выше или Сына или Отца по времени или по порядку".... Замѣтьте мысль богослововъ, что они называютъ порядкомъ послѣдовательность въ богопреданномъ сочетаніи трехъ именъ, въ исповѣданіи (т.-е. въ символѣ), въ славословіи, въ крещеніи, и свидѣтелемъ правоты своего пониманія приводятъ самого Христа, Самоистину. И объ этомъ довольно".

„А чтобы кто не заподозрилъ насъ, будьто думаемъ, что есть порядокъ только въ именахъ божественныхъ, а въ лицахъ нѣтъ, говоримъ, что нельзя отречься, что есть порядокъ въ божеств. Троицѣ, и, опять, нѣтъ его. Послѣднее—по причинѣ превосходства; ибо говоримъ, что нѣтъ тамъ порядка не по причинѣ неустроенности, а потому что самое дѣло превосходитъ порядокъ; а первое, потому что считаемъ порядокъ благомъ, а Богъ есть полнота всякаго блага. И считаемъ неизреченнымъ порядкомъ тотъ, какой Онъ и чрезъ святыхъ указываетъ въ Себѣ, а не тотъ, какой бы мы приписали Ему. Ибо очевидный безпорядокъ, разсуждая объ ономъ порядкѣ, не держаться указанія свыше, а самимъ опредѣлять, каковъ долженъ быть порядокъ въ божественныхъ Лицахъ. И по сущности, какъ бы былъ порядокъ въ Нихъ, когда единство и тожество сущности не допускаетъ перваго по чину и послѣдняго? А по тремъ ипостасямъ и весьма есть порядокъ, говоримъ; онъ состоитъ въ томъ, что каждое изъ Лицъ божественныхъ сохраняетъ свое личное свойство (ἰδιότητα, особность) непричастнымъ и несообщимымъ другимъ лицамъ. И Григорій Богословъ говоритъ въ словѣ о св. Духѣ: „надлежало свойствамъ (ἰδιότητας) пребыть неизмѣнными въ Отцѣ, Сынѣ и св. Духѣ, чтобъ не было смѣшенія (σύγχυσις) въ божествѣ, если оно допускаетъ и иное что̀ въ порядкѣ". А Василій Великій въ

третьемъ словѣ противъ Евномія: „еретики говорятъ, что божество подлежитъ порядку и подчисленію; и мы скажемъ, что написано: *первый человѣкъ отъ земли перстенъ, вторый человѣкъ Господь съ небесе* (1 Кор. 15, 47), и опять: *прежде душевное, потомъ духовное* (ст. 46). Значитъ, если второе подчисляется первому, а подчисляемое достоинствомъ ниже того, чему подчисляется, то выходитъ по вашему, что духовный человѣкъ ниже душевнаго и небесный—перстнаго". И опять тамъ же: „Евномій поставляетъ Духа третьимъ по достоинству и порядку, будто научившись этому отъ святыхъ; но кто эти святые, или въ какихъ твореніяхъ они изложили это ученіе, сказать не умѣетъ". И свѣтило Александріи, Аѳанасій: „одно Начало въ божествѣ, а не два начала; поэтому собственно и есть единоначаліе. Изъ этого Начала по естеству есть Богъ Слово, не какъ другое начало само по себѣ, не внѣ Его, чтобы разностію (ἑτερότητι, допущеніемъ другаго начала) не ввести двуначалія и многоначалія. Посему у насъ, по апостолу, *единъ Богъ Отецъ, изъ Него же вся* (1 Кор. 8, 6); потому что и Слово отъ Него рожденно (γεννητῶς), и Духъ отъ Него исходно (ἐκπορευτῶς)". И златословесный Іоаннъ, изъясняя сказанное Авраамомъ рабу своему: *положи руку твою подъ стегно мое и поклянись мнѣ Богомъ небесе и земли* (Быт. 24 гл.), въ продолженіи бесѣды говоритъ: „да проповѣдуется Духъ, да возносится Единородный, да славится Отецъ! Пусть никто не думаетъ, будто уничижается достоинство, если упоминаемъ сперва о Духѣ, потомъ о Сынѣ, потомъ объ Отцѣ, или сперва о Сынѣ, потомъ о Духѣ, потомъ объ Отцѣ! Богъ не имѣетъ порядка не какъ существо неустроенное, но какъ сущій превыше порядка. И очертанія (σχῆμα) не имѣетъ Богъ, не какъ неимѣющій вида, но какъ невообразимый (ασχημάτισος). И какъ образа (μορφὴν) не имѣетъ Богъ, не какъ безобразный (ἄμορφος), но какъ безтѣлесный, такъ и порядка не имѣетъ божественное естество, не какъ неустроенное, а какъ превосходящее порядокъ. Я называю Отца первымъ, первымъ не по порядку, а по представленію въ своемъ умѣ: потому что Онъ родитель Единороднаго, корень святаго плода, Свѣтъ вѣчный, Виновникъ (αἴτιον) вѣчнаго свѣта". Такъ вотъ порядокъ ипостасей понимается святыми, а не какъ нѣкоторые вымышляютъ себѣ порядокъ божественныхъ Лицъ сверху

по странному наращенію, чтобы, какъ имъ кажется, такимъ образомъ составилось у нихъ лице исходное“ и проч.

Въ заключеніе говоритъ: „Видите, какъ всѣ богословы, держась одной мысли и Духа, и имѣя въ виду одну цѣль, храня одно и тоже исповѣданіе и порядокъ, и сами поставляютъ Сына среди Отца и Духа и научаютъ такъ исповѣдывать? не потому, чтобы этимъ признавали Сына виною Духа, но чтобы кто-нибудь не подумалъ, будто Духъ есть Сынъ Отца, и, опять, Духъ есть Отецъ Сына, если произносить исповѣданіе такъ: Духъ, Сынъ, Отецъ; и чтобы показать нисхожденіе къ намъ благости Божіей отъ Отца чрезъ Сына въ Духѣ, а восхожденіе наше и усвоеніе Богу—отъ Духа чрезъ Сына къ Отцу. Потому что какъ никто не можетъ придти къ Отцу не чрезъ Сына, какъ говоритъ самъ Спаситель (Іоан. 14, 6),—ибо чрезъ Него имѣетъ доступъ (Рим. 5, 2), приведеніе (Еф. 2, 18) и усвоеніе Богу Отцу (Еф. 2, 19): такъ и никто не можетъ ни помыслить, ни назвать, ни признать Іисуса Господомъ, какъ только Духомъ Святымъ (1 Кор. 12, 3), — ибо пріобщаясь Ему имѣемъ любовь Отца, благодать Сына и общеніе самого Его, Духа святаго (2 Кор. 13, 13). И объ этомъ все преданное намъ чрезъ законъ и пророковъ, апостоловъ, евангелистовъ и учителей мы и знаемъ, и пріемлемъ, не простирая своей пытливости далѣе сего. Потому что Богъ, будучи благъ и полезное всѣмъ и каждому устрояя, ясно открылъ дѣйствительно сущее и то, что̀ намъ полезно знать: а о несуществующемъ и томъ, чего вмѣстить не можемъ, умолчалъ. И за это пусть возжигаютъ для меня огонь, пусть обнажаютъ мечи, роютъ яму, выпускаютъ звѣрей, грозятъ изгнаніемъ и муками, и самою поносною смертію; нисколько не думаю о томъ! Пусть гибнетъ это мое бренное тѣло, и все принадлежащее ему да исчезнетъ, какъ прахъ силою вѣтра; только благочестіе да соблюдется у меня неповрежденнымъ“.

Въ двадцать первомъ словѣ проповѣдникъ объясняетъ, въ какомъ смыслѣ говорится, что изъ лицъ въ Троицѣ, происходящихъ (αἰτιατῶς) отъ единаго Начала, одно происходитъ прямо (προσεχῶς) отъ Него, а другое—при посредствѣ Того, которое отъ Него прямо. А говоритъ такъ именно св. Григорій Нисскій въ книгѣ къ Авлавію, и его слова вполнѣ приводитъ Вріенній. Они таковы: „исповѣдуя безразличіе естества, не отрицаемъ разно-

сти быть причиною и происходить отъ причины, понимаемъ, что этимъ только и различается одно отъ другаго, именно тѣмъ, что, какъ вѣруемъ, одно лице есть причина, а другое—отъ причины. И въ томъ, что̀ отъ причины, опять представляемъ себѣ другую разность: ибо одно прямо (προσεχῶς) отъ Перваго, а другое отъ Перваго же при посредствѣ Того, что̀ прямо отъ Него". Врієнній спрашиваетъ выставляющихъ это святоотеческое мѣсто въ защиту своего неправаго мнѣнія: „какъ вы понимаете нарѣчіе προσεχῶς (прямо) въ смыслѣ мѣста (τοπικῶς), времени (χρονικῶς, или иносказательно (τροπικῶς) образно)? или это слово не заключаетъ никакой мысли? Но если въ смыслѣ мѣста, то никакія мѣстныя разстоянія не имѣютъ мѣста въ Богѣ потому что божество безпредѣльно и неограниченно; а если въ смыслѣ времени, то всегда сущее, какъ всегда сущее, не подлежитъ протяженію времени. Божественныя лица всѣ собезначальны и совѣчны; нѣтъ въ Нихъ перваго по времени или послѣдняго. Если же ни въ смыслѣ времени, ни въ смыслѣ мѣста нельзя понимать выраженія „одно прямо отъ Перваго, а другое чрезъ То, что̀ отъ Него прямо", то остается согласиться, что такъ сказано по причинѣ различія въ происхожденіи лицъ, по которому одно изъ сущихъ отъ Причины называется Сыномъ, а другое Исходнымъ (πρόβλημα); потому что, кромѣ сего, инаго различенія нельзя и представить. Но я скажу объ этомъ яснѣе.

„Ибо, если Духъ исходитъ такимъ же образомъ, какъ раждается Сынъ, то и Онъ будетъ Сыномъ; и если Сынъ такъ же происходитъ, какъ и Духъ отъ Отца имѣетъ бытіе, то, конечно, Онъ не будетъ Сыномъ. То-есть: если мыслить и говорить о прямомъ и непосредственномъ отношеніи Духа къ Отцу, какъ къ Отцу, то Онъ будетъ тотчасъ представляться Сыномъ, а не Исходнымъ; и если называть и славить Сына непосредственно и прямо съ Изводителемъ, то сейчасъ представится Онъ исходнымъ Изводителя, а не Сыномъ. Въ подтвержденіе этой мысли говорящій такъ учитель выставляетъ слѣдствіе сказаннаго имъ: „такъ что и единородность несомнѣнно остается при Сынѣ, и Духу несомнѣнно также принадлежитъ бытіе отъ Отца, потому что посредничество Сына и Ему сохраняетъ единородность, и Духа не удаляетъ отъ естественнаго отношенія къ Отцу". Такъ что, еслибы посредничество Сына удаляло Духа отъ естествен-

наго отношенія (σχέσεως) Его къ Отцу, или приводило въ сомнѣніе бытіе Его отъ Отца, такое выраженіе представляло бы великую опору для усиливающихся доказывать, что прямо отъ Отца одинъ только Сынъ, а Духъ не прямо отъ Него исходитъ, посему и отъ Сына исходитъ. Поелику же никто не сомнѣвается, что и Духъ имѣетъ бытіе отъ Отца, какъ видится и изъ словоупотребленія сего учителя, и посредство Сына нисколько не отдаляетъ естественнаго Его отношенія къ Отцу: то очевидно, что выраженіе „прямо“ и не соединяетъ ипостась Сыновнюю съ Отчею мѣстно, и не удаляетъ (διϊζησι) ипостась Духа отъ Отчей ипостаси.

„Но тутъ бываетъ неправильное пониманіе словоупотребленія. Потому что: тогда какъ это умственное представленіе (θεώρημα) должно принимать не въ прямомъ смыслѣ, нѣкоторые понимаютъ его въ смыслѣ мѣста, и думаютъ, что говоримое о двухъ, то-есть Сынѣ и Духѣ, говорится объ одномъ только лицѣ, Сынѣ, съ намѣреніемъ какъ бы забывая, что Причина одна, а не двѣ, и что Сущихъ отъ Причины два, а не одно. Между тѣмъ это выраженіе имѣетъ цѣлію выяснить, что Духъ святый самъ по по себѣ (δι ἑαυτὸ) и мыслится, и есть, и признается, какъ исходящій отъ Изводителя, но не отъ Отца, а чрезъ Сына, прямо отъ Отца рожденнаго, и отъ Отца; подобно какъ и о Сынѣ вѣруемъ, и мыслимъ, и есть на самомъ дѣлѣ, что самъ по себѣ (δι ἑαυτὸν) Онъ отъ Отца, но не отъ Изводителя, а чрезъ Духа, исходящаго прямо отъ Изводителя, и отъ Изводителя“... И далѣе, частію логическими выводами, частію святоотеческими писаніями проповѣдникъ уясняетъ и доказываетъ, что приведенное выше мѣсто изъ книги св. Григорія Нисскаго приличнымъ слововыраженіемъ указываетъ только, чтобы при означеніи личнаго отношенія Сына и Духа къ Отцу не употреблять безразлично именъ Отца и Изводителя, не говорить напр., что Богъ Сынъ раждается отъ Изводителя. А относительно примѣровъ (корень, вѣтвь и плодъ; родникъ, потокъ и рѣка; солнце, лучь и свѣтъ), которыми противники подтверждали свое неправое пониманіе того мѣста, замѣчаетъ: „суетное дѣло изъ предметовъ дольнихъ заимствовать подобіе для вышнихъ, потому что совершенно непозволительно вѣровать по соображенію. Гдѣ въ каноническихъ писаніяхъ записано такое началo вѣры? или въ какихъ твореніяхъ учителей

положено основаніе догмата, что Духъ св. по взаимному отношенію Лицъ причинныхъ (сущихъ отъ Причины) и причинъ исходитъ и отъ Сына"?...

Въ 1422 году радостное для всего православнаго Востока событіе подало Вріеннію случай сказать два краснорѣчивѣйшихъ слова. Это событіе есть счастливѣйшее отраженіе отъ стѣнъ Константинополя полчищъ султана Мурада 2-го, три мѣсяца мѣсяца (съ 10 іюня по 24 августа 1422 г.) осаждавшаго греческую столицу и безуспѣшно дѣлавшаго нѣсколько приступовъ для взятія ея. Ближайшимъ поводомъ къ разрыву мирныхъ сношеній грековъ съ турками была настойчивость императора Мануила предъ новымъ султаномъ на выдачу ему дѣтей предшественника (Мехмеда 1-го), султанскихъ братьевъ, для воспитанія въ Константинополѣ, въ силу завѣщанія ихъ отца, и потомъ — поддержка Мустафы, сына Баязетова, въ его притязаніяхъ на султанскій престолъ. Вся тяжесть осады и защиты пала на цареградцевъ; латиняне не подали ни малѣйшей помощи. Духовенство и особенно монахи при защитѣ города оказались самоотверженными героями.

Чтобы понять всеобщую радость объ избавленіи, припомнимъ нѣкоторыя обстоятельства осады. Отъ одного конца города до другаго султанъ велѣлъ, на разстояніи полета стрѣлы отъ стѣнъ, насыпать большой валъ, какъ для прикрытія своихъ войскъ, такъ и для препятствія осажденнымъ; противъ города обращено было множество осадныхъ орудій всякаго рода, черепахъ (машина со сводомъ) и бросательныхъ машинъ, большихъ деревянныхъ башень на желѣзныхъ колесахъ и подвозимыхъ волами къ стѣнамъ, наконецъ и тяжелая артиллерія, въ первый разъ появляющаяся при этой осадѣ Константинополя. Не пренебрегли и заложеніемъ минъ, и порчею водопроводовъ. Для большаго одушевленія войска и привлеченія охотниковъ было объявлено всюду, что „всѣ богатства и все населеніе города отдаются въ добычу правовѣрнымъ; приходите и смѣло беритесь за дѣло!" Оттого въ лагерѣ осаждающихъ появилось много сволочи всякаго рода — торгашей, барышниковъ, мѣнялъ и цѣлыя толпы дервишей, которые считали своею неотъемлемою добычею греческихъ монахинь. Въ лагерь прибылъ изъ Бруссы самъ великій шейхъ (шейхъ-уль-исламъ), встрѣченный

съ торжествомъ султаномъ и войсками. Онъ, посовѣтовавшись съ Кораномъ, назначилъ даже день, въ который падетъ столица греческая. Тогда по всему лагерю день и ночь стали раздаваться крики радости наряду съ насмѣшками и бранью противъ осажденныхъ, которымъ кричали: „гдѣ вашъ Богъ, несчастные ромеи? гдѣ вашъ Христосъ? гдѣ ваши святые? Завтра возьмемъ вашъ городъ и сдѣлаемъ васъ рабами, въ вашихъ глазахъ обезчестимъ вашихъ женъ и дочерей, вашихъ монахинь отдадимъ нашимъ дервишамъ; по нашей вѣрѣ пророкъ намъ возвѣстилъ это!“ Насталъ и указанный шейхомъ день; это было 24 августа. Въ полдень шейхъ далъ знакъ и пятидесятитысячная [86]) толпа, пустивши тучу стрѣлъ, ринулась на стѣны, которыя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и были тотчасъ заняты. Но въ эту минуту все населеніе, какъ бы по чудесному мановенію, бросилось къ стѣнамъ; мущины и женщины, старики и дѣти, знатные и простые, священники и монахи, туземцы и иностранцы, съ оружіемъ и безъ оружія, всякій съ чѣмъ попало, ринулись на враговъ, уже начавшихъ овладѣвать и сторожевыми башнями, и въ нѣсколько мгновеній отбросили ихъ назадъ; враги бѣжали, и на закатѣ солнца уже не видны были со стѣнъ городскихъ. Радость объ этой побѣдѣ, объ этомъ чудесномъ спасеніи отъ крайней опасности, была необычайная. Всѣ приписывали ее чудесному заступленію пресвятой Богородицы, которой чудотворная икона, извѣстная подъ именемъ Одигитріи [87]), на время осады изъ Одигитріевскаго монастыря перене-

---

[86]) Писатели того времени полагаютъ число всего ополченія турецкаго подъ стѣнами Константинополя во сто тысячъ; сюда они конечно включаютъ и множество прошлецовъ всякаго рода, рабочихъ и т. под.

[87]) Сія чудотворная икона Богоматери получила это названіе отъ мѣстности монастыря, въ которомъ находилась со временъ Пульхеріи императрицы. Пульхерія, получивъ икону изъ Антіохіи, поставила ее въ мужскомъ, основанномъ ею монастырѣ, на берегу Пропонтиды, гдѣ стоялъ и маякъ, освѣщаемый ночью для указанія пути судамъ (πρὸς ὁδηγίαν πλοιων). Эта мѣстность называлась ὁδηγὸς, а монастырь μονὴ τῶν ὁδηγῶν, или уже по иконѣ τῆς Ὁδηγητρίας. Во время войнъ, императоры часто обносили икону по лагерю, умоляя Богородицу быть вождемъ (ὁδηγὸς) христіанъ. *Византія* кωνς. часть I, стр. 185 и дал. *Архим. Сергій* Полный Мѣсяцесловъ 2, Зам. 28 іюля.

сена была въ монастырь Жизнодавца Христа, что въ полѣ [88]), чтобы отсюда удобнѣе носить ее съ литіею по стѣнамъ города близь воротъ Херсейскихъ (Χερσαῖα), наиболѣе угрожаемыхъ. По миновании опасности, она съ торжествомъ внесена была въ свой монастырь, и тогда же въ Одигитріевскомъ монастырѣ сказано было Вріеніемъ „благодарственное слово пресвятой Богородицѣ".

Упомянувши сначала, что и краткость времени и чрезвычайное стеченіе народа не позволяютъ многословить, да и великое утомленіе побуждаетъ къ краткости, а если кто изъ любителей слова желаетъ послушать больше о настоящемъ торжествѣ, то если Богъ дастъ, послушаетъ во второмъ часу наступающей среды [89]), Вріенній говоритъ:

„Мужи римляне (ῥωμαῖοι), мужи православные, возлюбленные во Христѣ! Утвердите въ сердцахъ своихъ реченіе истины, которое съ дерзновеніемъ вѣщалъ я всѣмъ [90]) и въ храмѣ св. апостоловъ, и въ монастырѣ Жизнодавца, что первозванный Андрей вмѣстѣ съ бывшими по немъ православными патріархами, первый изъ царей христіанинъ Константинъ Великій, онъ же и строитель сего города, всѣ православные цари, наконецъ отцы ваши, дѣды и прадѣды даже до переселившихся сюда изъ Рима [91]), кромѣ того триста восемнадцать богоносныхъ отцовъ, которые служили вмѣстѣ и посвятили [92]) городъ сей Богородицѣ, всѣ предстоятъ престолу величія на небесахъ (Евр. 8, 1) и умоляютъ, да пребудетъ городъ этотъ нерушимымъ (ἀνάλωτον)

---

[88]) Μονὴ τῆς Χώρας—наз. потому, что находился нѣкогда внѣ стѣнъ городскихъ, въ предмѣстіи, которое уже при Θеодосіи Млад. соединено съ городомъ стѣною.

[89]) Въ 1422 г. 24 августа приходилось на вторникъ; перенесеніе иконы послѣдовало, вѣроятно, дня чрезъ два послѣ сего, а на среду отложена проповѣдь потому, что въ каждую среду, по завѣщанію Пульхеріи, совершалась служба Богоматери въ построенномъ ею храмѣ.

[90]) Изъ этого видно, что Вріенній во все время осады возбуждалъ духъ сограждан и ободрялъ ихъ своими проповѣдями, изъ которыхъ впрочемъ ни одна не сохранилась.

[91]) То-есть по перенесеніи столицы въ Константинополь.

[92]) Историческая несообразность, впрочемъ часто попадающаяся въ греч. сборникахъ; никейскіе отцы 325 г. не могли участвовать въ освященіи новой столицы 331 г.

даже до дня суднаго. И онъ несомнѣнно пребудетъ [93]), доколѣ продолжится сей привременный вѣкъ, пребудетъ не силою своихъ обитателей, а поддерживаемый заступленіемъ Богородицы. А если не вѣрите словамъ моимъ, то повѣрьте чудесамъ, являемымъ ежедневно къ поддержанію его: потому что со времени его существованія съ нимъ бываетъ то же, что [94]) и съ церковію Христовою. Сколько царей, мучителей, военачальниковъ, невѣрныхъ, еретиковъ и безбожниковъ подымалось на насъ! Персы и Скиѳы съ востока, Савроматы и Готѳы съ сѣвера, Булгары и Пеоны (венгры) съ запада, Агаряне и Авары съ юга, всѣ вмѣстѣ и каждый порознь, не переставали напрягать всѣ силы противъ него. Но воюемый столькими врагами, онъ пребудетъ неодолимъ, доколѣ вѣра православная пребудетъ въ немъ.

„Сосвидѣтельствуютъ моему слову и Даніилъ пророкъ въ видѣніяхъ, и евангелистъ Іоаннъ въ Откровеніи, и апостолъ Павелъ во второмъ посланіи къ солунянамъ, и Самъ Господь, говорящій въ Евангеліяхъ: *Сынъ человѣческій, пришедши, найдетъ ли вѣру на землѣ* (Лук. 18, 8); а еще прежде Богъ, показавшій пророку всѣ царства въ видѣ одного цѣльнаго образа, потому что нѣтъ никакого перерыва между голенью и ногою, и не все — только желѣзо или глина, подобно тому, какъ нѣтъ никакого посредства между еллинами и ромеями [95]). И поелику Богъ есть единая надежда безнадежныхъ и помощь безпомощныхъ, и заступникъ обижаемыхъ, то Онъ и не предалъ насъ ни въ смерть, ни въ погибель, ни въ безчестіе, ни въ конечное исчезновеніе и всесовершенное истребленіе, т.-е. чтобы враги разорили церкви до основанія, христоименитый народъ сего города разсѣяли плѣнниками по всѣмъ странамъ, монаховъ и священниковъ пре-

---

[93]) Нужно мысленно поставить себя на мѣсто Врієнія, чтобы нѣсколько уяснить себѣ увлеченіе его.

[94]) Конечно—смѣлое сопоставленіе, вызванное можетъ-быть больше порывомъ краснорѣчія, нежели убѣжденіемъ самого проповѣдника.

[95]) Насколько твердо былъ убѣжденъ въ своихъ выводахъ самъ Врієній мы не входимъ въ сужденіе; только просимъ читателей вспомнить, что въ эпоху 1812 года и весьма солидные мужи не свободны были отъ попытокъ въ пророчествахъ Даніила и въ Апокалипсисѣ найти разъясненіе современныхъ имъ событій.

дали мечу или волнамъ морскимъ или огню, попрали храмъ Софійскій и всѣ святыя обители, потребили самую память патріарха и царя православнаго. Все это предзрѣваемое какъ бы во снѣ, довольно къ тому, чтобы подвигнуть Бога на помощь намъ безпомощнымъ. Потому-то Онъ и воздвигъ намъ неодолимую заступницу, Владычицу нашу Богородицу, торжественно опять воспріялъ насъ и явно освободилъ отъ сѣти ловящихъ.

„Такъ вотъ происходитъ съ нами, а не какъ нѣкоторые думаютъ, будто Богъ прогнѣвался на насъ, отринулъ насъ отъ лица Своего и совершенно оставилъ. Не такъ это, не такъ, да не будетъ! Это клевета людей, которые негодуютъ на насъ, которые, чтобы довести родъ нашъ до гибели хвалятся, что самого Бога имѣютъ на своей сторонѣ, и не стыдятся. Нѣтъ; но тогда какъ злословятъ насъ свои и навѣтуютъ на насъ ближніе, мы вынуждены были истребить враговъ, которыхъ безъ труда Богъ предалъ въ наши руки. Явно, что это случилось не отъ Бога, а отъ людей, и, выражаясь съ Павломъ, насъ постигло искушеніе не иное, а человѣческое (1 Кор. 10, 13). А если не всѣмъ такъ это представляется, то ничего необычайнаго въ томъ нѣтъ, потому что не всѣ понимаютъ различіе между искушеніемъ и оставленіемъ отъ Бога, и часто кто-нибудь, подвергаясь опасности на кораблѣ, неосновательно обвиняетъ кормчаго, и воинъ, получившій рану въ лагерѣ, несправедливо жалуется на военачальника, и гражданинъ, терпящій лишеніе въ осажденномъ городѣ, не всегда справедливо обвиняетъ царя.

„Но приступимъ нынѣ всѣ съ благоговѣніемъ къ Богородицѣ, всею душею воздадимъ Ей *благодарственная*, и рабски скажемъ Ей: *радуйся, благодатная*! *Господь съ Тобою*! (Лук. 1, 28) Благословенно имя Твое, препрославленна жизнь, дивны чудеса. Веселись небо, ликуй земля, взыграй море, славьте Ее пророки, хвалите апостолы, превозносите мученики, воспѣвайте всѣ! А я, какъ бы устами всѣхъ васъ, за всѣхъ скажу Ей: о Владычице, всѣ благодаримъ Тебя за все, что̀ Ты въ прежнія времена содѣлала отцамъ нашимъ, защищая этотъ городъ, и за то, что̀ нынѣ дивнаго содѣлала въ насъ, предъ очами нашими! Устами и сердцемъ, мыслію и душею, и голосомъ возвѣщаемъ Твои къ намъ милости, и явно предъ всѣми исповѣдуемъ Тебя необоримою заступницею и непостыдною предстательницею на-

шею. И каждый изъ насъ себя и другъ друга, и тѣла, и души, и все наше, и сей градъ нашъ, а лучше сказать—все съ нимъ, Тебѣ вручаемъ! И свидѣтельствомъ этой нашей вѣры въ Тебя, послѣ многаго иного, служитъ, что какъ только услышали мы объ этомъ нашествіи на насъ нечестивца, тотчасъ возложили на Тебя свои надежды, и тогда какъ онъ различными способами покушался одолѣть насъ, мы къ Тебѣ прибѣгали; а теперь, когда онъ ушелъ со стыдомъ, Тебѣ единой восписуемъ *побѣдительная.*

„Какъ сначала мы по стѣнамъ городскимъ провожали Твою икону, какъ неодолимую защиту, ни во что вмѣняя собственную стойкость, такъ и нынѣ, явно показавшую себя побѣдительницею и торжествующею, провожая съ торжествомъ, поставили ее на томъ мѣстѣ, откуда она взята была. Весь городъ поколебался отъ удаленія ея и долго былъ въ печали отъ ея продолжительнаго странствованія (Пс. 119, 5), и весь, опять пресвѣтло отпразднствовалъ нынѣ возвратъ ея. Нѣкогда Скинія свидѣнія, двинутая отъ горы Синайской къ горѣ Сіонъ, сопровождаема была племенами еврейскими, расположенными крестообразно (Числ. 2 гл.). Царь и пророкъ Давидъ, перенося кивотъ Завѣта Господня отъ Силома въ Іерусалимъ, облеченный въ виссонную одежду и въ рукахъ имѣя Псалтирь, пѣлъ на немъ прекрасную входную пѣснь, ликовалъ, веселился, въ благочестивомъ изступленіи и духовномъ радованіи скакалъ предъ кивотомъ (2 Цар. 6, 13—16). И сынъ его, Соломонъ, внося кивотъ во святилище храма, во святое святыхъ (3 Цар. 8 гл.), которое было прообразомъ будущихъ благъ (Евр. 9, 11), облеченный великолѣпно во всѣ свои царскія украшенія и имѣя въ рукахъ седмисвѣщный свѣтильникъ, торжественно провожалъ его. И изъ отеческаго дома во св. гору Сіонъ Тебя трехлѣтнюю, съ псалмопѣніями, въ великой радости и веселіи, провожали невинныя отроковицы и дѣвы со свѣтильниками, и прехвальный Захарія, распростерши руки, кротко принялъ Тебя. Все это происходило нѣкогда въ Палестинѣ. Что же въ Константинополѣ совершается нынѣ?

Великій и вселенскій архіерей и все царственное священство, самъ царь и сыновья царскіе, князи князей и всѣ богатѣйшіе изъ народа (сн. Пс. 44, 13), монашествующіе и толпы всякаго

люда, старцы и юноши, дѣвы и вдовы и несущія иго брачное, наши и чужестранцы, весь наличный народъ Твой, христоименитые и освященные люди, торжествовали и молились, сопровождая Твою икону изъ обители Жизнодавца въ монастырь Одигитріевскій, со свѣщами и побѣдными пѣснями окружая ее. И церковь весьма обрадовалась, принявши ее, славя и въ слухъ всѣхъ говоря: „величитъ слава моя Господа, возвратившаго мнѣ побѣдоносную и неодолимую Заступницу—Воеводу, опору моихъ догматовъ, мое прибѣжище въ бѣдствіяхъ, успокоеніе въ напастяхъ“!

„А торжество сіе учреждено нами не потому, чтобы Ты сама, ни въ чемъ не нуждающаяся, исполненная благодати и никакихъ человѣческихъ благъ не требующая, имѣла нужду въ чемъ-либо нашемъ, но потому, что всѣ мы часто и во многихъ случаяхъ получали помощь отъ Тебя, и теперь, какъ и прежде, сподобились ея. И еслибъ не ты цѣлыхъ три мѣсяца стояла между тѣми безбожниками и нами, тѣхъ отражая, а намъ помогая, давно бы сдѣлались мы жертвами меча и добычею враговъ. Когда и въ ночное время и среди полудня стражи часто отлучались оттуда или какъ-нибудь иначе ослабляли бдительность, Ты одна ходила по башнямъ и зубцамъ стѣнъ, сторожа городъ, являясь страшною онымъ гордымъ варварамъ [96]), и это когда? Когда и епи-

---

[96]) О чудодѣйственномъ заступленіи Богоматери свидѣтельствуетъ и другой современникъ, Іоаннъ Кананъ, въ соч. Διήγησις περὶ τοῦ ἐν κωνσταντινουπόλει γεγονότος πολέμου κατὰ τὸ σηλῆτος, напечатанномъ въ изданіи Migne Patrol. graecae tom. CLVI. Говоритъ онъ между прочимъ, что городъ сохраненъ чудесною помощію Св. Маріи Дѣвы, которая въ фіолетовыхъ одеждахъ ходя по стѣнамъ внушала врагамъ страхъ и трепетъ. „А такъ какъ враги и противники наши подтверждаютъ это своимъ свидѣтельствомъ, то весьма истинно чудо Св. Дѣвы. Ибо Мирсаитъ, патріархъ турецкій (т.-е. муфтій), говорилъ, что городъ предназначенъ былъ нами ко взятію согласно выводамъ ученыхъ персовъ во время Магомета, которые нашли, что въ этомъ году, мѣсяцѣ, днѣ (24 августа) и часѣ городу суждено быть въ рукахъ нашихъ, и что это непремѣнно произошло бы по вліянію звѣздъ и по наукѣ астрономовъ; но жена оная, облеченная въ фіолетовыя одежды, ходившая по укрѣпленіямъ и башнямъ во время войны, противодѣйствовала вліяніямъ звѣздъ и искусству астрологовъ. Впрочемъ она имѣла эту силу не отъ земли и не отъ людей, а съ неба и отъ невидимой силы. Подобно и все войско турецкое клятвенно подтверждало показаніе Мирсаита и всѣ говорили, что

роты, и островитяне, и союзники съ суши, и способники съ моря, какъ и бывшіе въ этомъ заливѣ, всѣ убѣжали, оставивши насъ, какъ уже безнадежныхъ и ни откуда не имѣющихъ помощи. И то поразительно въ чудесномъ заступленіи Твоемъ, что когда и враги сильно налегли на насъ, и всѣ друзья отреклись насъ, и сосѣди безстыдно бранили насъ, и внутри были навѣтники, сѣявшіе раздоръ между нами, Ты одна, пребывая и непобѣдимою и неизмѣнною, сверхъ всякаго чаянія соблюла городъ невредимымъ, чтобы никто не могъ сказать, будьто городъ Твой спасенъ человѣческимъ измышленіемъ или человѣческою помощію. Посему Тебѣ единой возносимъ побѣдныя и торжественныя пѣсни....

„Но если кто изъ васъ хочетъ почтить Богородицу такъ, какъ Она сама желаетъ, пусть открыто чтитъ Ее приличнымъ помысломъ, словомъ святымъ и дѣлами боголюбезными Помысломъ: всегда и помни, и размышляй, и благоговѣйно въ себѣ мысли о безчисленныхъ милостяхъ, которыми Она изукрасила весь міръ. Словомъ: въ продолженіе всей жизни по силѣ восхваляй, прославляй и проповѣдуй величіе Ея.... Дѣлами: если дѣлаешь что̀ не богоугодное, то въ благодарность благодатной Матери Бога — Слова тотчасъ уклонись отъ грѣха, какъ отъ лица огня, и, обратившись къ лику Одигитріи, скажи: „Приснодѣво! во Твое имя отстаю навсегда отъ моего лукаваго дѣла“. Если питаешь къ кому ненависть, то изъ любви къ Богородицѣ оставь вражду и скажи: „ради безчисленныхъ Твоихъ къ намъ благодѣяній, Всепѣтая, совершенно оставляю вражду къ такому-то“. Имѣешь бѣднаго сосѣда, нуждающагося въ одеждѣ, пищѣ, деньгахъ? Покажи твое отъ всей души усердіе къ Богородицѣ и подай ему нужное, говоря: „Владычице, даю сіе ближнему, какъ малое воздаяніе за великія Твои ко мнѣ милости“. Такого рода благодареніями Всесвятая чтится, о такихъ хваленіяхъ радуется, къ такимъ дѣламъ благоволитъ. Если такъ будемъ чтить Ее, то на

въ часъ битвы, когда смѣло и стремительно подступили къ стѣнамъ, чтобы взойти, прогнать грековъ и взять городъ, они увидѣли жену, ходившую по зубцамъ стѣнъ въ фіолетовой одеждѣ; и когда увидѣли ее, тотчасъ мракъ, буря, страхъ и ужасъ обратили ихъ въ бѣгство“. Сравни и сказанное историкомъ Франзесомъ въ Хроникѣ, кн. 3, гл. 4.

всю жизнь пріобрѣтемъ покровъ Ея, и во время исхода обрящемъ готовое предстательство, и въ день судный будемъ имѣть ходатаицу, избавляющую насъ отъ огня геенскаго и удостоивающую стоянія одесную Сына Ея".

Сохранилось и слово Врієннія „о терпѣніи", сказанное, согласно обѣщанію, въ первую наступившую среду; слово весьма замѣчательное по теплотѣ чувства, ясности и живости изложенія, а также указаніями на современныя обстоятельства. Оно очень обширно; приводимъ изъ него одинъ отрывокъ. „И вотъ я предлагаю свое мнѣніе, чтобы въ тотъ самый день, въ который городъ нашъ освободился отъ безбожныхъ Агарянъ, совершалось поминовеніе (падшихъ на брани) въ преславномъ храмѣ Премудрости Божіей. И какъ за пятьдесять лѣтъ [97]) городъ устроялъ десять нарочитыхъ всенародныхъ священныхъ торжествъ, такъ отнынѣ ежегодно пусть совершаетъ одно поминовеніе умершихъ различнымъ образомъ въ наше время за вѣру на востокѣ и западѣ. Пусть будетъ написано и приличное чинопослѣдованіи и слово, тщательно излагающее ихъ дѣянія. Въ поминовеніе это должны быть внесены и пострадавшіе за Христа на востокѣ на пути опустошеній онаго сына Тамирисы [98]), и здѣсь въ теченіе восьми тяжкихъ годовъ погибшихъ отъ голода [99]), и павшихъ въ битвѣ съ богоненавистнымъ Мусою [100]), а также павшихъ въ Солуни, Пелопоннезѣ и вездѣ съ однимъ и тѣмъ же намѣреніемъ, коихъ и произволеніе и имена вѣдаетъ одинъ Господь. И если на будущее время кто поревнуетъ имъ, то будетъ участникомъ и награды и памяти ихъ".

---

[97]) Разумѣетъ торжества 1368 г. по случаю взятія Каллиполя у Турокъ принцемъ савойскимъ, который и подарилъ его грекамъ; Врієній означаетъ число лѣтъ округленно, безъ нѣсколькихъ единицъ.

[98]) То-есть Тамерлана. Называетъ его сыномъ или потомкомъ Тамирисы, царицы массагетской, современницы и побѣдительницы Кира, потому что монголы у греч. писателей означались именемъ массагетовъ.

[99]) То-есть во время продолжительной блокады Константинополя турками, при Баязетѣ 1-мъ.

[100]) Муса, одинъ изъ сыновей Баязета 1-го, былъ султаномъ въ Адріанополѣ около трехъ лѣтъ (1410—1413), и враждовалъ съ греками.

Чрезъ двѣ недѣли послѣ счастливаго отраженія турокъ отъ Константинополя прибылъ папскій легатъ съ грамотами и снова начались переговоры и взаимная переписка [101]) о единеніи церквей, продолжавшіяся до самой смерти папы Мартина († 21 февр. 1431). Такъ какъ и между самыми константинопольскими греками были латинофроны, т.-е. сторонники Рима, то Врієннію приходилось и съ ними вступать въ бесѣды о спорныхъ предметахъ, и одну изъ такихъ бесѣдъ, происходившую 11 ноября 1423 г., онъ записалъ подъ заглавіемъ: „разговоръ объ исхожденіи Святаго Духа съ находящимися въ константинополѣ латинофронами, коихъ имена не написаны, такъ какъ они еще живы и могутъ перемѣнить свои мысли". Приводимъ начало этой бесѣды.

Латинофронъ. Здравствуйте, радуйтеть, спасайтесь!

Іосифъ. И тебѣ того же желаю.

Латин. Скажите мнѣ, о чемъ бесѣдуете между собою? Проходя мимо этой келліи, я услышалъ ваши голоса, но не могъ понять содержанія разговора.

Іосифъ. Я только что говорилъ этому архонту, что сколько намъ извѣстно теперь, т.-е. одиннадцатаго дня ноября мѣсяца въ шесть тысячъ девятьсотъ тридцать первомъ году отъ сотворенія міра, а отъ Рожд. Христова въ тысяча четыреста двадцать третьемъ, эта столица существуетъ тысячу сто и четыре года [102]), а мы,

---

[101]) Императоръ Мануилъ хорошо понималъ безплодность всѣхъ предположеній и переговоровъ о единеніи, и потому, лежа на одрѣ болѣзни (въ параличномъ состояніи съ 3 октября 1422), сказалъ своему сыну и соправителю наединѣ, въ присутствіи только будущаго историка, Франзеса: „изъ сокровенныхъ мыслей самихъ нечестивцевъ знаемъ твердо, что они весьма боятся и опасаются, какъ бы мы не вошли въ соглашеніе и единеніе съ западными христіанами. Думается имъ, что если это произойдетъ, отъ тѣхъ западныхъ нанесено имъ будетъ изъ-за насъ большое зло. Впрочемъ ты хлопочи о соборѣ и требуй его, особенно когда имѣешь поводъ страшиться нечестивыхъ, но не старайся осуществить его, потому что, какъ вижу, наши не склонны изобрѣсти иной способъ и образъ союза, согласія, мира, любви и единенія, какъ только сдѣлать ихъ, разумѣю западныхъ, такими же, каковы мы изначала". См. Χρόνικον II, 13.

[102]) Такимъ образомъ Врієнній перенесеніе столицы изъ Рима въ Византію относитъ къ 318 или 319-му году по Р. Х., вѣроятно на основаніи ошибоч-

т.-е. ромеи и латины, тысячу и три года пребывали въ единеніи, а четыреста и двадцать лѣтъ находимся въ раздѣленіи. Ибо Господь нашъ Іисусъ Христосъ родился въ пять тысячъ пятьсотъ седьмомъ году отъ сотворенія міра, а распятъ въ началѣ [103]) пять тысячъ пятьсотъ сороковаго.

Лат. Пусть будетъ такъ; но какъ упомянулъ ты о раздѣленіи, то скажи мнѣ, что̀ за причина раздѣленія?

Іос. Потому что, о чемъ Господь умолчалъ, вы явно то проповѣдуете и вводите прибавку, которой святые отцы не постановляли.

Лат. Но для такъ-называемой вами прибавки достаточно было власти архіерея римскаго.

Іос. Скажи лучше — для разрушенія единства церквей достаточно было такой перваго... но я не хочу выразиться какъ-нибудь обидно о немъ. А если хочете наияснѣе узнать, что прибавка, изъ-за которой мы въ раздорѣ между собою, не отъ Бога, то всмотрись, вникни, разсуди.

Лат. О чемъ это?

Іос. О томъ, что все, подаемое намъ отъ Бога, или чрезъ ангеловъ или чрезъ людей, не вредитъ, а пользуетъ, соединяетъ церковь Христову, а не раздѣляетъ, спасаетъ христіанъ, а не губитъ; а та прибавка вотъ уже четыреста слишкомъ лѣтъ вредитъ всѣмъ, никому не приноситъ пользы. Она раздѣлила церковь Христову, а не соединила; кромѣ того губитъ тысячи людей и явно содѣйствуетъ демонамъ. Уничтожьте ее, и мы соединимся безъ всякаго прекословія, безъ продолжительныхъ подходовъ, заботъ и усилій. Что пользы въ длинныхъ и безполезныхъ рѣчахъ?

Лат. А если она истинна?

Іос. Будь она истинна или ложна, но какъ она раздѣляетъ, расторгаетъ Церковь Христову, то должна быть выброшена какъ погубляющая столько душъ. Еще сомнительно, истинна ли

ныхъ показаній Никифора Калиста и другихъ темныхъ источниковъ, о коихъ см. *Дюканжа* Constantinopolis Christiana, pag. 29 (ed Venetiis, 1729).

[103]) Въ началѣ года, потому что въ то время годы начинались съ марта мѣсяца, и Спаситель распятъ былъ 26-го марта.

она; но пусть безъ всякаго прекословія она истинна и несомнѣнна, и въ такомъ случаѣ, какъ потрясающая крѣпость вѣры, она должна быть умалчиваема. Ибо сколько недовѣдомыхъ таинъ Божіихъ? Но никто изъ христіанъ не подлежитъ суду за то, что не проповѣдуетъ ихъ въ церкви и не исповѣдуетъ съ дерзновеніемъ. Пусть же и та прибавка блюдется въ глубинѣ таинъ Божіихъ и пребываетъ тамъ до дня откровенія (Рим. 2, 5) всего. И какъ по вашимъ словамъ, она приложена домостроительно ради спасенія нѣкіихъ сомнѣвавшихся о Сынѣ, такъ по домостроительству на добро пусть она будетъ выброшена, чтобы безчисленные народы преклонились предъ папою римскимъ. Потому что не просто всякую прибавку позволительно ему дѣлать, нѣтъ! а полезную. И смотрите! Что̀ ему позволительно, то и всѣмъ ли полезно ко благу; что̀ ему позволено дѣлать, назидаетъ ли все то Церковь Христову? Не ищетъ ли онъ своего, а не полезнаго всѣмъ? Не возсѣдаетъ ли на апостольскомъ оном̀ъ престолѣ, чтобы только показывать свое величіе? Все ли, чего онъ хочетъ какъ первый, созидаетъ, а не разрушаетъ, вожделѣнно для всѣхъ и достойно преклоненія? Ибо хотя *все мнѣ позволительно*, говоритъ нѣгдѣ избранный сосудъ, *но не все полезно; все мнѣ позволительно, но не все назидаетъ*, и по соприкосновенности прилагаетъ: *никто не ищи своего, но каждый пользы другаго* (1 Кор. 10, 23. 24). И еще говоритъ о власти, *которую Господь далъ намъ къ созиданію, а не къ разстройству* (2 Кор. 10, 8), и въ другомъ мѣстѣ: *мы не пользовались сею властію, дабы не поставить какой преграды благовѣствованію Христову* (1 Кор. 9, 12); и опять: *каждый долженъ разумѣть насъ, какъ служителей Христовыхъ и домостроителей таинъ Божіихъ* (1 Кор. 4, 1); и: *не себя проповѣдуемъ, но Христа Іисуса Господи, а мы рабы ваши для Христа* (2 Кор. 4, 5). И еще: *если пища соблазняетъ брата моего, не стану̀ ѣсть мяса во вѣкъ, чтобы не соблазнить брата моего* (1 Кор. 8, 13). Пусть же и онъ подражаетъ апостолу, и, имѣя власть, или не пользуется ею въ томъ, что не содѣйствуетъ благовѣствованію, или употребляетъ ее только на созиданіе, а не на разореніе. И въ настоящемъ дѣлѣ, если безпристрастно смотрѣть, какая ему прибыль? Не вижу. Сколько бѣдъ терпѣли апостолы, чтобы пріобрѣсть одну душу? И говорящій: *подражайте мнѣ, какъ я Христу* (1 Кор. 4, 16), не сдѣлался ли всѣмъ для

всѣхъ, чтобы спасти всѣхъ или весьма многихъ, или по крайней мѣрѣ нѣкоторыхъ (1 Кор. 9, 22)? Не остригъ ли голову по обѣту (Дѣян. 18, 18)? Не принесъ ли жертвы (Дѣян. 21, 24—26)? Не обрѣзалъ ли Тимоѳея (Дѣян. 16, 3)? А если и тотъ, въ которомъ говорилъ самъ Христосъ (2 Кор. 13, 3), идетъ къ предшествовавшимъ ему апостоламъ и сообщаетъ имъ свое благовѣствованіе, для дознанія, не напрасно ли подвизается или подвизался (Гал. 2, 2), и верховный изъ апостоловъ Петръ посылается или въ Самарію съ Іоанномъ (Дѣян. 8, 14), принимаетъ поправку отъ Павла и на укоризну молчитъ (Гал. 3, 14), и повинуется сказанному на соборѣ Іаковомъ, братомъ Божіимъ (Дѣян. 15 гл.): то, когда вся церковь сходится и объявляетъ свое мнѣніе послѣднему (т.-е. папѣ) пусть знаетъ правило „первые да молчатъ“ и помнитъ гласъ Господень, повелѣвающій: *кто изъ васъ хочетъ быть первымъ, будь изъ всѣхъ послѣднимъ и всѣмъ слуга* (Марк. 9, 35); и если онъ называетъ себя рабомъ рабовъ Божіихъ, то пусть дѣлами подтверждаетъ слова свои и все дѣлаетъ на благоустройство церквей. Ибо такимъ образомъ будетъ славиться Отецъ и Сынъ и Святый Духъ.

Въ 1425 году 21 іюня скончался императоръ Мануилъ, поручивши исполненіе своего завѣщанія тремъ душеприкащикамъ, изъ коихъ однимъ былъ и Вріенній, жившій тогда въ монастырѣ Харсіанитскомъ [104]). Папскій легатъ, Андрей, епископъ Родосскій, прибывшій еще при жизни стараго императора, прожилъ въ Константинополѣ довольное время и не могъ оставить безъ вниманія Іосифа; онъ имѣлъ съ нимъ длинную бесѣду о спорномъ вопросѣ, записанную Іосифомъ подъ заглавіемъ: „разговоръ объ исхожденіи Св. Духа съ послами римскими, прибывшими сюда по дѣлу единенія церквей“. А что и въ продолжавшихся затѣмъ переговорахъ по предмету созванія собора Вріенній былъ дѣятельнымъ участникомъ, свидѣтельствуетъ Сиропулъ въ „Исторіи Флорентійскаго собора“. Именно, говоритъ онъ, что когда императоръ Іоаннъ Палеологъ рѣшился въ 1430 году отправить въ Римъ послами великаго стратопедарха Марка Ягариса, игумена Макарія Курунаса и собственнаго

---

[104]) *Франдзеса* Χρόνικον—кн. 2, гл. 1.

секретаря Димитрія Ангела, то для обсужденія порученій и полномочій имъ созвалъ въ палатахъ императрицы матери на совѣтъ патріарха, митрополитовъ ираклійскаго и монемвасійскаго, великаго сакеларія, великаго скевофилакса, честнѣйшаго монаха и дидаскала Іосифа, честнѣйшаго іеромонаха и духовника Макарія изъ монастыря Ксанѳопуловъ, довѣренныхъ (τοὺς μεσάζοντας,) и упомянутыхъ пословъ. Тутъ, послѣ совѣщанія, и были написаны грамоты, подписанныя императоромъ и патріархомъ. „Намъ", говоритъ Сиропулъ, „навсегда остались неизвѣстными и ходъ совѣщаній и содержаніе грамоты. Но какъ я догадывался, многимъ бывшимъ на совѣтѣ непріятнымъ казалось постановленное тогда. Наблюдалъ я послѣ того и патріарха, который, если судить по виду, былъ неспокоенъ духомъ и вынужденъ послать грамоты, согласныя съ царскими; однакожъ написалъ и покорился. Помню также, что спустя нѣсколько времени я, по обычной нашей взаимной пріязни, сошелся съ дидаскаломъ Іосифомъ, и когда зашла рѣчь о предполагаемомъ соборѣ, то онъ сказалъ мнѣ: съ того времени, какъ я услышалъ то, что услышалъ на совѣщаніи во дворцѣ (и при этомъ воскликнулъ и положилъ руку на уста), съ того времени узналъ, что ничего добраго съ того не выйдетъ. Сколько могъ, я противостоялъ тому намѣренію; но когда увидѣлъ, что ихъ мысли и стремленія зашли далеко и созрѣли, сказалъ себѣ: такъ какъ Іосифъ не будетъ тамъ и не увидитъ ихъ рѣшеній, то пусть дѣлаютъ какъ хотятъ. Впрочемъ посольство на сей разъ даже не видѣло Рима; едва послы достигли Каллиполя, какъ узнали о смерти папы Мартина, случившейся 21 февраля 1431 г., и воротились назадъ [105]).

Послѣ этого Врієнній жилъ еще по крайней мѣрѣ три года, если больше. Такъ мы полагаемъ на основаніи собственныхъ его выраженій въ предувѣдомленіи къ сборнику своихъ словъ, говоренныхъ въ Константинополѣ; потому что прямо говоритъ, что тридцать лѣтъ былъ проповѣдникомъ, а мы уже видѣли, что обязанность эта была на него возложена не ранѣе 1403 г. Вотъ что говорится въ этомъ предувѣдомленіи.

---

[105]) *Syropuli* Historia concilii Florentini, sect. II, cap. XVI. XVII. XIX.

„Братіе мои, за тридцать предъ симъ симъ лѣтъ противъ собственнаго желанія принявши на себя служеніе слова въ церкви Христовой, я сказывалъ, при помощи Божіей, много и часто изустно душеполезныхъ словъ, по требованію времени, обстоятельствъ и лицъ; а сочинять или записывать ихъ или другія какія имѣю въ мысляхъ не заботился, частію сознавая свою скудость, а частію и стѣсняемый заботами, составляющими монашескій долгъ. Но къ концу моей жизни, по убѣжденію царя, патріарховъ и сенаторовъ для напоминанія и во свидѣтельство моихъ убѣжденій собрать хотя часть того, что я всенародно сказывалъ въ этомъ великомъ градѣ, собравши сколько позволила память, внесъ въ эту книгу, заботясь по возможности о простотѣ, ясности и краткости. И всякій, кто станетъ читать мои слова, пусть мысленно поставитъ себя тамъ, гдѣ каждое изъ нихъ пришлось мнѣ говорить, какъ и надписаніе свидѣтельствуетъ и слушаетъ вмѣстѣ съ тѣми, къ коимъ было говорено; а вмѣсто похвалъ и одобреній, которыя воздавали мнѣ тогдашніе слушатели, да возшлетъ о мнѣ молитвы ко Христу объ избавленіи меня отъ вѣчныхъ мукъ“.

Въ 1438 году, въ эпоху флорент. собора, Врієннія не было въ живыхъ, хотя о немъ помнили ревнители православія. Ибо когда въ апрѣлѣ того года на одномъ изъ частныхъ совѣщаній и состязаній въ Феррарѣ о чистилищѣ Маркъ Евгеникъ отвѣчалъ нѣсколько небрежно и не съ такимъ искусствомъ и силою на витіеватую и логичную рѣчь кардинала Юліана, какъ ожидали присутствующіе изъ грековъ, тогда нѣкоторые дружески упрекали его за нестарательность и убѣждали съ большею основательностію и увѣренностію (λογικῶς καὶ γενναίως) выступать противъ латинянъ: „потому что еслибъ еще были въ живыхъ вселенскій учитель господинъ Іосифъ или отецъ Макарій Длинный [106]), то считали бы для себя благодѣяніемъ Божіимъ созваніе собора во дни ихъ, чтобы показать свое усердіе и ревность къ благочестивымъ догматамъ нашей церкви, и искусство и си-

---

[106]) Μακάριος ὁ Μακρὸς — игуменъ монастыря Вседержителева (Пандократора), въ 1426 г. вмѣстѣ съ Маркомъ Ягарисомъ бывшій посломъ къ папѣ Мартину. *Syrop.* sect. II, cap. XV.

лу, пріобрѣтенныя ими отъ образованія въ наукахъ“ [107]). Но и еще не разъ припоминали о немъ въ продолженіе собора, длившагося не мало времени и державшаго всѣхъ въ возбужденномъ состояніи. Стоитъ замѣчанія извѣстіе, конечно преувеличенное нѣсколько людскою молвою, о бывшемъ въ головѣ Врієннія способѣ. неудобопостижимомъ (ἄληπτον), но дѣйствительномъ и непремѣнно могущемъ осуществить желаемое единеніе церквей. Такъ говоритъ объ этомъ историкъ флорентійскаго собора, вслѣдъ за извѣстіемъ о печальномъ и скудномъ житьѣ грековъ-участниковъ собора: „Боюсь я, какъ бы не остались для насъ незамѣченными слова учителя Іосифа. Ибо часто говорилъ: если Богъ благоволитъ состояться собору, то я имѣю сказать тамъ нѣкое слово, которое несомнѣнно и безпрекословно соединитъ насъ; но оно неуловимо, и не всякій можетъ понять его или потому, что оно противно его чувствамъ, или потому, что можетъ извратить его. А въ келліи, гдѣ мы сидѣли тогда, висѣло съ потолка шаровидное зеркало, и сказалъ онъ: какъ зеркало это неуловимо, потому что никто не можетъ п сто достать его и взять въ руки, такъ и тотъ способъ единені недоступенъ для уразумѣнія. Я просилъ сообщить мнѣ тайну, но онъ не хотѣлъ. И я сказалъ ему: такъ какъ говоришь ты о великомъ дѣлѣ, не только добытомъ съ трудомъ, но и доселѣ никому неизвѣстномъ, то да сохранитъ тебя Богъ до того времени! чтобы, если есть на то воля Божія, чрезъ тебя совершилось такое доброе дѣло. Но если ты, какъ человѣкъ, отдашь долгъ природѣ и не сообщишь никому того о чемъ говоришь, то думаю и самъ понесешь грѣхъ и намъ причинишь величайшій ущербъ. Почему прошу тебя открыть мнѣ это, и я сохраню тайну. Онъ же не захотѣлъ открыть и сказалъ: не безпокойся объ этомъ; потому что прежде преселенія отсюда позабочусь, чтобы вы знали что думаю, когда въ томъ будете имѣть нужду. Вы найдете то записаннымъ; и смотрите какъ бы такое добро не осталось вамъ неизвѣстнымъ“ [108]). Объ этомъ упоминалъ и самъ императоръ въ бесѣдѣ съ патріархомъ и другими своими во Фло-

---

[107]) Ib. sect. V, cap. VI.
[108]) Ibid. sect. VIII, cap. VII.

ренціи. Выразившись о единеніи, какъ дѣлѣ богоугодномъ и хорошемъ, о которомъ и отецъ его заботился, и ему поручилъ заботиться, продолжилъ: „да и всѣ словесные (λόγιοι) мужи всегда поощряли насъ къ тому, и учители нашей церкви, изъ коихъ я спрашивалъ патріарха Евѳимія († въ маѣ 1416) и дидаскала Іосифа, который говорилъ, что нашелъ и средство единенія, но неудобопостигаемое (τὸ ἄληπτον)". Какое это было, по мыслямъ Вріеннія, не для всѣхъ доступное и вмѣстѣ несомнѣнное средство къ объединенію грековъ и латинянъ, и для послѣдующихъ вѣковъ осталось неизвѣстнымъ; можетъ быть болтливая исторія нѣсколько и преувеличила ожиданія самого Вріеннія. Какъ бы то ни было, въ сочиненіяхъ Вріеннія, именно въ „совѣтномъ словѣ" 1419 или 1420 г. находимъ указаніе на средства единенія, признанныя имъ за наивозможнѣйшія и за наилучшія для обѣихъ сторонъ: именно, одно по волѣ Божіей, другое по благоразумному домостроительству, и третіе—по снисхожденію. Мы выше привели отрывокъ изъ совѣтнаго слова, въ которомъ это излагается.

Въ воспоминаніяхъ историка флорент. собора, Сиропула, находимъ, что и самъ патріархъ Іосифъ 2-й ссылался на Вріеннія какъ на свидѣтеля достовѣрнаго. Потому что, убѣждая своихъ признать лат. догматъ ученіемъ святоотеческимъ и ссылаясь голословно на св. Аѳанасія В., Кирила Алекс. и Епифанія Кипрскаго, замѣтилъ: „о св. Епифаніѣ я часто спрашивалъ дидаскала господина Іосифа, и онъ откровенно сознался, что о другихъ учителяхъ имѣю что-либо сказать, а о св. Епифаніѣ ничего" [109]). Но что въ этомъ случаѣ патріархъ позволилъ себѣ солгать на умершаго, всего лучше доказывается словами Вріеннія о Пресв. Троицѣ, гдѣ часто приводятся свидѣтельства изъ сочиненій Епифанія.

Изъ доселѣ сказаннаго открывается, что Іосифъ Вріенній и при жизни пользовался великою славою и уваженіемъ, и по смерти оставилъ почтенную память въ знавшихъ его; а это свидѣтельствуетъ о его добродѣтельной и высокой жизни и ве-

---

[109]) Ibid. sect. IX, cap. XIV.

ликихъ заслугахъ для общества. И патріархъ Геннадій Схоларій не сомнѣвается ставить его на ряду съ отцами и учителями прославившимися своими трудами на пользу Церкви. „Къ сонму отцовъ“, говоритъ онъ [110]), „да причтенъ будетъ и чудный сей Іосифъ, въ наши дни прославившійся и жизнію, и учительностію, часто учившій по памяти, а многое и написавшій объ исхожденіи Св. Духа согласно общему вѣрованію Церкви“. Маркъ Евгеникъ, извѣстный ревнитель православія, оставилъ слѣдующіе „Стихи на гробъ дидаскала господина Іосифа Врієннія“ [111]).

Не ново, что безмолствуетъ нѣмой камень,
Покрывающій умолкшую вдохновенную трубу;
Но вы, о слова, дайте голосъ камню,
А лучше—скажите, кто это здѣсь умолкшій?
Это тотъ Іосифъ, испускающій огонь
Въ силѣ словъ и ученій,
Въ сладости мудрыхъ наставленій!
Онъ это, вѣщій потокъ [112]),
Защитникъ Слова вдохновенными словами,
Крѣпчайшій столпъ истины,
И преславная свѣща православія,
Свѣтлѣйшій труженикъ добра
И вожделенный цѣнитель всего лучшаго,
Для заблуждающихъ вѣрный учитель (δογματισὴς),
И надѣвающихся кроткій исправитель.
Но отецъ великій, слава отцовъ!
Поминай о любезныхъ тебѣ чадахъ и нынѣ,
Когда предстоишь Богу, Троицѣ Святой!

Изъ предпослѣдняго стиха можно бы заключать, что въ числѣ учениковъ Врієннія былъ и Маркъ Евгеникъ.

За симъ, обращая вниманіе на проповѣднические труды Врієннія, мы, на основаніи сказаннаго имъ самимъ въ „предувѣдомленіи“ (προγράμμα), можемъ допустить, что при собраніи ихъ во

---

[110]) Эти слова патр. Геннадія приводятся Евгеніемъ Булгарисомъ въ предисловіи къ 1-му тому сочиненій Врієннія, на стр. 34.

[111]) Они помѣщены въ началѣ 3-го тома сочиненій Врієнія.

[112]) Θεηγόρος Βρύσις—примѣненіе къ прозванію Βρυέννιος.

едино допущены были нѣкоторыя, хоть и незначительныя, видоизмѣненія; впрочемъ, только незначительныя. Потому что многія мѣста повторяются въ разныхъ проповѣдяхъ безъ перемѣны; а это показываетъ, что они были у него записаны предварительно. И самое заглавіе проповѣдей съ точнымъ обозначеніемъ, когда и въ какой церкви они были произнесены, даетъ знать, что вошли въ сборникъ именно тѣ проповѣди, которыя были, хоть иногда въ общихъ чертахъ, записаны, а тѣ, кои говорены были прямо по памяти и даже экспромтомъ, опущены. Отъ этого, конечно, и осталось мало памятниковъ проповѣдничества его сравнительно съ продолжительностію его трудовъ на этомъ поприщѣ. Что касается внѣшней формы словъ, то вообще у него всегда есть предисловіе (или приступъ), уясненіе предмета, о которомъ будетъ рѣчь, нарочитое изложеніе его съ положительной стороны, представленіе и рѣшеніе возраженій и противоположеній, и наконецъ—обширныя иногда, но вообще сжатыя заключительныя примѣненія и нравственныя приспособленія къ слушателямъ. Всѣ слова его чужды пышнаго риторизма и обилія метафоръ, подобій и сравненій и вообще сухихъ и отвлеченныхъ діалектическихъ тонкостей. Исключеніе составляютъ два слова „на Рождество Пресв. Богородицы“, говоренныя, вѣроятно, въ лѣта юности, гдѣ находимъ странныя, почти ребяческія тонкости въ истолкованіи именъ *Іоакимъ*, *Анна* и *Марія* и два слова „о кончинѣ міра“ (περὶ συντελείας), коихъ общее содержаніе находимъ и въ главѣ 41-й изъ писанныхъ на о. Критѣ, гдѣ съ большею наивностію или простотою, какъ угодно, разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ; „ни самые высшіе ангелы, ни кто-либо изъ людей не знаютъ, когда наступитъ день кончины. А что онъ близко и у дверей, имѣемъ много свидѣтельствъ и въ вѣщаніяхъ Христовыхъ и въ самой природѣ вещей. Ибо возсталъ народъ на народъ (см. Мѳ. 24, 7), какъ никогда; держащій скипетръ ромеевъ такъ стѣсненъ и повоеванъ; всякое зло совершается и нигдѣ не осталось любви (ст. 12); всячески близко конецъ. Но и съ другой стороны это видно. Ибо ссли все, существующее во времени, и самое время, въ семи періодахъ движется и на семи оканчивается, а теперь уже седьмой вѣкъ, то, явно, кончина при дверяхъ. Ибо число семь господствуетъ вез-

дѣ, частей міра семь“ и проч., приводитъ знаменательность этого числа въ предметахъ и природы и искусства и науки (напримѣръ семь хрій ритора Аѳѳонія), и исторіи (построеніе храма Соломонова въ семь лѣтъ и семь мѣсяцевъ, семь чудесъ міра), астрономіи и проч., такъ что издатель его словъ, Евгеній Булгарисъ, удивляется, какъ онъ не привелъ и своихъ седмижды семь (ἑπτάκη ἑπτά) главъ критскихъ во свидѣтелество, что близится кончина міра. Такъ много распространился онъ въ исчисленіи разныхъ *семи*, что продолженіе слова долженъ былъ отложить на слѣдующій день: „потому что нѣтъ у насъ времени, такъ какъ три удара въ било зовутъ на вечерню“. И дѣйствительно, онъ окончилъ начатое уже въ другомъ словѣ, говоря, что кончина міра дѣйствительно близится, и упоминая даже, что „многіе люди полагаютъ кончину міра тотчасъ за этимъ седмымъ вѣкомъ въ концѣ года, въ послѣдній день двѣнадцатаго мѣсяца, въ седьмой часъ послѣдній ночи“. Впрочемъ „эти прыщи на чистомъ тѣлѣ“, по выраженію Булгариса, не такъ замѣтны въ общемъ содержаніи даже сказанныхъ проповѣдей, потому что Врієній выставляетъ ихъ не какъ существенное, а какъ *гаданія мудрыхъ*, и въ концѣ обращаетъ вниманіе слушателей больше на неизвѣстность кончины каждаго, чѣмъ на кончину міра. Да и говорены эти слова въ дворцовой церкви, предъ знатными слушателями, въ присутствіи и „многихъ архіереевъ“; потому въ нихъ много изысканнаго остроумія, обиліе догадокъ и достаточно вещей неудобовразумительныхъ и даже просто невразумительныхъ для обыкновенныхъ слушателей. Вообще же проповѣди Врієннія отличаются вразумительностію, и въ 18-мъ словѣ о пресв. Троицѣ онъ самъ въ приступѣ излагаетъ свой взглядъ на эту сторону проповѣдничества такимъ образомъ: „слова, предлагаемыя для общей пользы, не должны быть ни вовсе низки и обыкновенны, ни слишкомъ выспренни и непонятны для всѣхъ, а занимать средину между тѣми и другими, чтобы возвышенностію нѣкоторою и незаурядностію (ἀσυνήθους) разумныхъ (συνετοὺς) слушателей возводили къ мыслямъ высокимъ и небеснымъ, а простотою и умѣренностію возбуждали простецовъ къ слушанію, и примиреніемъ крайностей соединяли всѣхъ къ одной цѣли говоримаго.“

По содержанію мало собственно нравоучительныхъ словъ;

больше вѣроучительныхъ. Но самое раскрытіе истинъ вѣроученія заключается всегда нравственными выводами для жизни и примѣненіями къ ней. Нравоучительная часть бесѣдъ о пресв. Троицѣ представляетъ прекраснѣйшіе образцы нравственныхъ наставленій объ уподобленіи Богу, объ очищеніи ума, о преуспѣяніи въ добродѣтели, о любви къ Богу и ближнимъ, и проч.: эти наставленія по своей обширности могли бы составить цѣлыя отдѣльныя проповѣди, а по теплотѣ чувства, по жизненности и впечатлительности никогда не потеряютъ цѣны.

Архим. Арсеній.

4-го апр. 1877 года.

НАПУТСТВЕННОЕ СЛОВО

ВОСПИТАННИКАМЪ XVI ВЫПУСКА АЛЕКСАНДРОВСКАГО ВОЕННАГО УЧИЛИЩА.

Ваши предшественники на военномъ поприщѣ—герои послѣдней Восточной войны — поставили честь воинскаго званія такъ высоко, какъ только можетъ стоять она въ лучшія времена военной славы. Вамъ предлежитъ поддержать ее на этой высотѣ. Для васъ въ близкомъ будущемъ не предвидятся такіе случаи къ оказанію геройскихъ бранныхъ подвиговъ, какіе были у вашихъ предшественниковъ. Бываютъ времена брани; надлежитъ быть временемъ мира. Но и въ бранныя и въ мирныя времена военное сословіе нравственными и гражданскими доблестями можетъ поддерживать честь своего званія такъ высоко, чтобы быть и считаться самымъ почетнымъ и достойнымъ сословіемъ въ государствѣ. Въ нашемъ государствѣ значеніе военнаго званія сдѣлалось теперь особенно важнымъ. Военная служба признана обязанностью всѣхъ сословій въ государствѣ. Черезъ военную службу проходятъ люди всѣхъ званій и состояній, низшихъ и высшихъ степеней образованія. Военная служба становится какъбы общею государственною школой, въ которой люди различныхъ званій и состояній должны получать навыкъ и правильную дисциплину къ исполненію своихъ гражданскихъ обязанностей. Вамъ въ военной службѣ предлежитъ быть не рядовыми

служащими, а начальниками, руководителями другихъ, интеллигенціею военнаго званія, хотя и не въ высшихъ ступеняхъ его. Способны ли вы, готовы ли вы къ такому положенію, къ такимъ важнымъ обязанностямъ? Достойно сожалѣнія было бы, еслибы нашлись между вами такіе, которые теперь же, при выходѣ изъ школы, въ состояніи были бы считать себя вполнѣ готовыми къ службѣ и къ жизни. Школа могла дать вамъ существенныя начала къ исполненію будущихъ нравственныхъ и гражданскихъ обязанностей, но развитіе и примѣненіе этихъ началъ должны выработать вы сами самостоятельно—въ самой службѣ и жизни. За предѣлами школы открывается новый рядъ обязанностей и занятій, несравненно болѣе широкихъ и серьёзныхъ, чѣмъ какія можно узнать въ школѣ.

И прежде всего, чтобы быть достойными руководителями другихъ, вамъ нужно самимъ продолжать учиться постоянно и серьёзно. Ваше образованіе далеко не можетъ считаться полнымъ и законченнымъ. Вашъ курсъ обученія былъ непродолжителенъ, вамъ старались, насколько возможно, въ короткое время передать существенныя начала знанія вообще и знанія имѣющаго спеціальное примѣненіе къ военной службѣ. Но если бы вы остались только съ этими начатками знанія, этого было бы весьма недостаточно для того, чтобы принадлежать къ интеллигенціи военнаго званія, и особенно въ такое время, когда между вашими подчиненными, рядовыми воинами, могутъ оказаться люди весьма образованные, и когда отъ военныхъ начальниковъ требуется, чтобы они были для своихъ подчиненныхъ руководителями не только въ дѣлѣ внѣшней дисциплины, но и въ нравственныхъ понятіяхъ. Итакъ, если вы хотите имѣть нравственное вліяніе на своихъ подчиненныхъ и дѣйствительно принадлежать къ интеллигенціи военнаго званія, старайтесь пополнять и расширять свое собственное образованіе серьёзнымъ чтеніемъ, общеніемъ съ людьми истинно просвѣщенными, серьёзнымъ размышленіемъ о томъ, что вамъ придется читать, изучать, видѣть, слышать. Но, продолжая свое образованіе безъ непосредственнаго наблюденія и руководства опытныхъ наставниковъ, будьте внимательны и осторожны въ выборѣ предметовъ, средствъ, руководителей образованія. Это особенно важно въ настоящее время. Въ наши времена подъ видомъ развитія и знанія распространяется

немало такого, что̀ имѣетъ лишь наружный блескъ но лишено всякой твердости и плодотворности истиннаго знанія. Идеямъ сомнительнымъ и даже завѣдомо фальшивымъ иногда оказывается болѣе предпочтенія, чѣмъ истинамъ твердымъ, оправданнымъ вѣками, давшимъ несомнѣнно благотворные результаты въ жизни многихъ поколѣній и народовъ. Острота и пышность фразъ, поддѣланныхъ подъ наиболѣе распространенные вкусы и настроенія времени, часто закрываютъ настоящее содержаніе дѣла. Подъ фразами высокими и благородными распространяются идеи гнилыя и вредныя. Являются самозванные учители съ испорченными понятіями, которые сами, ничему серьёзно не выучившись, желаютъ быть руководителями другихъ и увлекаютъ поддающихся ихъ вліянію на путь самый ложный и гибельный. Литература, печатное слово также далеко не всегда бываетъ органомъ и источникомъ убѣжденій серьёзныхъ и искреннихъ, идей чистыхъ и твердыхъ. Въ такое время нужно быть особенно осторожнымъ, какъ бы вмѣсто здоровой умственной пищи не принять отравы, вмѣсто просвѣщенія и укрѣпленія не затмить и не извратить своихъ понятій. Старайтесь черпать истину изъ завѣдомо чистыхъ источниковъ. Слѣдуйте такимъ руководителямъ, которые при свѣтѣ Божіемъ, а не въ темныхъ углахъ распространяютъ свои ученія, и которые внушаютъ твердыя положительныя убѣжденія, а не одни сомнѣнія и отрицанія. Старайтесь всякую сомнительную идею повѣрять зрѣлымъ размышленіемъ и совѣтами людей, которымъ вполнѣ довѣрять можно. Не увлекайтесь привлекательностью и остротою фразъ, а обращайте вниманіе на то, что̀ подъ ними кроется и къ чему они направляются. Не увлекайтесь одною новизною, оригинальностью, такъ-называемою современностью идей, и не предпочитайте идей смутныхъ и сомнительныхъ истинамъ твердымъ, яснымъ, оправданнымъ опытомъ. Не увлекайтесь столько распространеннымъ въ настоящее время духомъ празднословія, острословія и злословія, склонностью все порицать и осуждать, обо всемъ судить легко, ко всему относиться свысока. Всего болѣе воздерживайтесь отъ смущенія и соблазна другихъ, отъ передачи низшимъ и слабѣйшимъ себя, менѣе просвѣщеннымъ и опытнымъ, всего такого, что̀ для васъ самихъ еще недостаточно твердо̀ и ясно, недостаточно продумано, прочувствовано, провѣрено опытомъ,—

всего такого, что̀ можетъ служить не къ укрѣпленію и убѣжденію, а къ колебанію и развращенію другихъ. Это одно изъ самыхъ первоначальныхъ требованій чести и совѣсти, которому конечно вы постараетесь слѣдовать со всею искренностью.

Но не по одному образованію, не по одной твердости и зрѣлости понятій и убѣжденій вы должны стоять выше подчиненныхъ своихъ, если хотите быть истинными руководителями ихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и еще болѣе—по нравственнымъ качествамъ своимъ. Въ томъ обществѣ, къ которому вы принадлежите, къ сожалѣнію въ значительной степени распространены такія понятія, что образованіе можетъ твердо держаться и приносить пользу независимо отъ нравственныхъ качествъ, что можно быть человѣкомъ образованнымъ, не будучи нравственнымъ, — мало того,—что можно быть учителемъ, нравственнымъ руководителемъ другихъ, не заботясь въ то же время о своей нравственности. Но въ народѣ, изъ котораго будетъ выходить бо́льшая часть вашихъ подчиненныхъ, слава Богу, еще живетъ другое болѣе правильное убѣжденіе, что истинно образованный человѣкъ не тотъ, кто только знаетъ много и говоритъ бойко, а главнымъ образомъ тотъ, кто оправдываетъ добрыя понятія въ жизни, и что всякій начальникъ и руководитель другихъ долженъ быть для нихъ примѣромъ не только въ знаніи и исполненіи обязанностей службы, но и въ частной жизни. Конечно, люди принадлежащіе къ народной средѣ не имѣютъ обыкновенія много заниматься пересудами о личныхъ недостаткахъ своихъ начальниковъ и руководителей, и тѣмъ болѣе они далеки отъ того, чтобы заявлять какія-либо дерзости или оказывать непослушаніе и такимъ начальникамъ, которыхъ они не могутъ уважать внутренно. И въ этомъ отношеніи люди простые оказываются нерѣдко благовоспитаннѣе многихъ такъ-называемыхъ образованныхъ людей. Но при всемъ томъ люди простые дѣйствительно уважаютъ, и не только уважаютъ, но и искренно любятъ — по дѣтски любятъ и уважаютъ такихъ начальниковъ и руководителей, которые служатъ для нихъ примѣромъ не только въ знаніи и исполненіи служебныхъ обязанностей, но и въ частной жизни. Поэтому, если хотите имѣть доброе вліяніе на этихъ людей, пользоваться любовію и уваженіемъ ихъ, старайтесь быть для нихъ нравственнымъ примѣромъ, чтобы въ вашей жизни не было по-

водовъ къ соблазну и нареканію,—будьте воздержны, скромны, честны, справедливы, человѣколюбивы... Касаясь вопроса о нравственности, я здѣсь затрогиваю такую широкую область, которую въ краткомъ словѣ изобразить трудно. Но мнѣ и надобности нѣтъ подробно предлагать вамъ нравственныя правила на разные случаи жизни. Вамъ эти правила не должны быть новы. Вамъ съ дѣтства передавались они въ нравственномъ законѣ христіанскомъ, въ лучшихъ совѣтахъ и наставленіяхъ вашихъ родителей, наставниковъ и воспитателей, въ примѣрахъ добрыхъ и честныхъ людей, какихъ вамъ приходилось видѣть. Но я дамъ вамъ лишь нѣсколько частныхъ совѣтовъ въ виду нѣкоторыхъ особенныхъ условій времени и мнѣній и нравовъ того общества, въ которомъ вамъ придется вращаться. Вопервыхъ, старайтесь быть на самомъ дѣлѣ добрыми, честными, благородными, нравственными людьми, а не представляться такими себѣ и другимъ, чтобы добрыя и честныя убѣжденія были у васъ не въ головѣ только и на языкѣ, а главнымъ образомъ въ жизни. Говорю объ этомъ потому, что едва ли когда-нибудь болѣе, чѣмъ въ настоящее время, у людей слова расходятся съ дѣломъ, такъ-называемыя убѣжденія (а часто не убѣжденія, а перенятыя отъ другихъ фразы) съ жизнью; едва ли когда-нибудь въ обществѣ проявлялось болѣе самообольщенія, тщеславія, лицемѣрія... Оттого-то въ наше время и бываютъ такіе случаи, что люди, долгое время казавшіеся честными и благородными и другимъ и можетъ-быть самимъ себѣ, оказываются вдругъ способными не только къ низкимъ, безчестнымъ дѣламъ, но и къ прямымъ преступленіямъ... Живо сознавая нравственный идеалъ и постоянно уясняя его себѣ, старайтесь прежде всего прилагать его къ себѣ самимъ, а не къ кому-либо другому, думайте болѣе о своей нравственности, а не о чужой, заботьтесь о своемъ исправленіи и постоянномъ нравственномъ совершенствованіи... Объ этомъ опять я говорю потому, что едва ли когда-нибудь столько, какъ въ настоящее время, обнаруживалось у людей склонности болѣе хлопотать о чужой нравственности, чѣмъ о своей; едва ли когда-либо появлялось болѣе людей, считающихъ себя призванными и способными исправлять и усовершать цѣлое общество, чуть не все человѣчество, и не обращающихъ вниманіе на свои недостатки и пороки. Оттого-то прежде всего и дѣло общественнаго

обновленія и улучшенія подвигается у насъ такъ туго и вяло, что мы большею частію все другихъ исправляемъ и усовершаемъ, а не самихъ себя... Еще изъ частныхъ нравственныхъ вопросовъ я обращу ваше вниманіе на одинъ вопросъ—на вопросъ о чистотѣ нравственной въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, о той чистотѣ, которая относится къ укрѣпленію въ обществѣ правильной семейной жизни и которая обнаруживается во взаимныхъ отношеніяхъ двухъ половъ. Въ простомъ народѣ, при всей его малоразвитости и малообразованности, нравственный идеалъ въ этомъ смыслѣ держится высоко. Бываютъ конечно и тамъ, и нерѣдко бываютъ—по слабости человѣческой, по соблазну и увлеченію, иногда по особеннымъ условіямъ жизни, — уклоненія отъ этого идеала; но по крайней мѣрѣ простые, честные люди всегда и смотрятъ на нихъ какъ на уклоненія, какъ на грѣхъ, какъ на дѣло дурное, безчестное, постыдное, т.-е. такое, которое маратъ честь человѣка и котораго нужно стыдиться. Въ обществѣ, считающемъ себя образованнымъ, къ сожалѣнію и на этотъ предметъ существуютъ болѣе легкіе взгляды. Люди образованные, отъ которыхъ нужно было бы ожидать болѣе серьёзности, строгости и чистоты нравственной, не только въ самой жизни позволяютъ себѣ многое, чего не позволяютъ простые люди, но, что еще хуже, и смотрятъ на свои уклоненія и паденія гораздо легче, чѣмъ простые люди. Въ обществѣ иными извѣстнаго рода проступки и увлеченія какъ будто и совсѣмъ не считаются за дѣло дурное; а иными, хотя и признаются за грѣхъ, но какъ бы только за грѣхъ въ формальномъ смыслѣ,— за грѣхъ, какъ нарушеніе внѣшняго признаннаго закона, какъ нарушеніе предписанія Церкви, а не то что по самой сущности своей за дѣло дурное, безнравственное, безчестное, постыдное, т.-е. такое, которое лишаетъ человѣка права считать себя нравственнымъ человѣкомъ, позоритъ его личную честь, и котораго поистинѣ стыдиться нужно. Въ обществѣ иные доходятъ до того, что совсѣмъ не стыдятся такихъ дѣлъ и отношеній; иные предаются имъ безъ всякой сдержанности, предаются болѣе чѣмъ сколько можетъ требовать того самая животная природа людей, начинаютъ предаваться ранѣе, чѣмъ образуется въ этомъ отношеніи физическая зрѣлость, и продолжаютъ, когда уже почти всѣ силы бываютъ истощены. И сколько несчаст-

ныхъ послѣдствій происходитъ отъ этого не только въ нравственномъ, но и въ физическомъ отношеніи—для отдѣльныхъ личностей, для правильнаго развитія семейной жизни, для развитія всей общественной жизни!... Я потому и говорю объ этомъ, что дѣло это заслуживаетъ особеннаго вниманія. По моему убѣжденію, крѣпость и чистота всѣхъ общественныхъ отношеній тѣсно связывается съ крѣпостью и чистотою въ обществѣ тѣхъ отношеній, о которыхъ мы теперь говоримъ. Нельзя жаловаться на то, чтобы общественные взгляды на этотъ предметъ становились все хуже и хуже. Нельзя сказать и того, чтобы вамъ почему-либо въ особенности нужны были внушенія и напоминанія этого рода. Нѣтъ, сколько можно судить по серьёзнымъ и искреннимъ наблюденіямъ многихъ, и вообще взгляды на этотъ предметъ мало-по-малу становятся серьёзнѣе и тверже, и въ частности между вами, какъ это ближе извѣстно мнѣ—вашему духовнику, есть много личностей чистыхъ, прекрасныхъ, нетронутыхъ ни фальшивыми понятіями, ни нечистыми увлеченіями такого рода. Но все-таки нужно сказать, что и общественные взгляды на этотъ предметъ далеко еще не вполнѣ тверды, и между вами есть уже немало и такихъ, у которыхъ и понятія объ этомъ не совсѣмъ чисты и тверды, и практическій соблазнъ въ извѣстномъ отношеніи сдѣланъ. Поэтому-то я и нахожу нужнымъ напомнить объ этомъ—въ опасеніи, какъ бы по переходѣ въ среду болѣе широкую, свободную и колеблемую всякими соблазнами и вліяніями, и болѣе чистые и крѣпкіе не поколебались, а менѣе чистые и некрѣпкіе какъ бы ниже не упали...

Чтобы нравственная жизнь имѣла твердыя основы, старайтесь о томъ, чтобы въ душѣ у васъ всегда было живо и крѣпко самое начало нравственности—религія. Религія несомнѣнно есть истинное и единственно твердое основаніе нравственной жизни. Въ томъ обществѣ, къ которому вы принадлежите, къ сожалѣнію и это убѣжденіе держится не крѣпко: нравственность здѣсь нерѣдко совершенно отдѣляютъ отъ религіи и за это общество постоянно платится неустойчивостью своихъ нравственныхъ понятій, и по времёнамъ проявленіемъ въ немъ такихъ идей и явленій, которыя приводятъ въ безпокойство и

страхъ людей самыхъ невзыскательныхъ и равнодушныхъ въ нравственномъ отношеніи. Но въ убѣжденіи лучшей части народа эти два понятія — религія и нравственность, слава Богу, доселѣ еще представляются нераздѣльными: истинно нравственный человѣкъ, по понятіямъ народнымъ, есть истинно религіозный человѣкъ. И нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что жизненная правда и въ этомъ случаѣ держится въ сознаніи народномъ. Долго мнѣ было бы разъяснять вамъ эту истину; но вѣрно то, что ее можно доказать самыми твердыми историческими и философскими доказательствами. Частные случаи, исключенія и исиаженія дѣла, зависящія отъ различныхъ условій, здѣсь не должны имѣть большаго значенія. Нужно обращать вниманіе на тѣсную связь между нравственностью и религіозностью по самому существу дѣла. Итакъ, если вы хотите быть людьми истинно-нравственными въ истинно-народномъ смыслѣ этого слова, будьте людьми религіозными. Повѣрьте, что лучшіе изъ вашихъ подчиненныхъ только тогда будутъ вполнѣ уважать васъ и вполнѣ отдаваться вашему вліянію, считая васъ людьми твердыми, руководителями надежными, и вмѣстѣ съ тѣмъ близкими себѣ по духу — людьми истинно народными, когда будутъ видѣть въ васъ людей религіозныхъ. Въ противномъ случаѣ, если они этого не будутъ видѣть въ васъ, они конечно не станутъ васъ прямо осуждать и укорять, но полнаго нравственнаго довѣрія и уваженія вы отъ нихъ не пріобрѣтете, и полнаго нравственнаго вліянія на нихъ имѣть не будете... Въ чемъ состоятъ свойства и требованія истинной религіозности, этого опять нѣтъ надобности теперь подробно объяснять вамъ. Объ этомъ много приходилось говорить съ вами прежде и мнѣ и другимъ вашимъ наставникамъ. Но обращу и здѣсь вниманіе на одну частную сторону дѣла, наиболѣе подвергающуюся соблазнамъ и перетолкованіямъ—на внѣшнюю сторону. И здѣсь опять скажу: если хотите имѣть твердое нравственное вліяніе на своихъ подчиненныхъ и пользоваться ихъ уваженіемъ, относитесь — сколько возможно—серьёзнѣе не только ко внутреннимъ, но и ко внѣшнимъ требованіямъ религіи, къ которымъ издавна русскій народъ относился съ особеннымъ уваженіемъ. Не обольщайте себя праздными разсужденіями такого рода, что истин-

ная религіозность должна быть въ духѣ, а внѣшнія религіозныя требованія имѣютъ второстепенное значеніе. Такъ дѣйствительно: основанія истинной религіозности заключаются въ духѣ. Но мы-то люди далеко не духовные; въ насъ-то высшія духовныя требованія не могутъ раскрываться иначе какъ при соблюденіи внѣшнихъ религіозныхъ постановленій. Внѣшнія религіозныя требованія въ развитіи духовной жизни дѣйствительно имѣютъ второстепенное значеніе: но въ такомъ важномъ дѣлѣ, какъ религія, и ко второстепеннымъ требованіямъ легко относиться нельзя... Итакъ, сохраняя истинную вѣру и любовь къ Богу въ душѣ, старайтесь сколько возможно добросовѣстнѣе соблюдать и внѣшнія религіозныя требованія, какъ соблюдали ихъ всегда истинно благочестивые русскіе люди. Соблюдайте каждодневно правило утренней и вечерней молитвы, чтобы ни одинъ день у васъ не начинался и не оканчивался безъ освященія духовнаго, безъ памятованія о Богѣ, о благахъ даруемыхъ Богомъ и виновностяхъ нашихъ предъ Богомъ... Соблюдайте каждогодно обязанность говѣнія не какъ внѣшнее только предписаніе закона, но какъ истинный христіанскій долгъ и внутреннюю душевную потребность, съ благоговѣніемъ и любовію приступая ко св. таинствамъ исповѣданія грѣховъ и причащенія тѣла и крови Христовой.

Почитайте праздники церковные, какъ слѣдуетъ добрымъ православнымъ христіанамъ. Посѣщеніе богослуженія въ день праздничный пусть будетъ для васъ не только добрымъ обычаемъ, но искреннею душевною потребностью, безъ удовлетворенія которой спокойна быть не можетъ добрая христіанская душа. Никогда не позволяйте себѣ наканунѣ праздничныхъ дней, уважаемыхъ церковію и народомъ, проводить вечера и ночи въ какихъ-либо занятіяхъ, играхъ и развлеченіяхъ, несоотвѣтствующихъ значенію священнаго дня. И это, къ сожалѣнію, нерѣдко позволяютъ себѣ многіе. Но не знаютъ они или не обращаютъ вниманія на то, какъ глубоко соблазняется и оскорбляется этимъ нравственное чувство простыхъ добрыхъ и благочестивыхъ христіанъ... Наконецъ не могу не напомнить вамъ еще объ одной христіанской обязанности, соблюденіе которой всего болѣе находится въ упадкѣ въ томъ обществѣ, къ которому вы принадлежите—о постѣ. Къ посту многіе относятся

въ наши времена не только съ небреженіемъ, но даже непріязнью. Жалуются на слабость силъ, на разстройство здоровья, не неспособность къ употребленію постной пищи. Непосильныхъ подвиговъ отъ насъ и не требуетъ законъ христіанскій. Но странно бываетъ слышать такія жалобы отъ людей, пользующихся очень хорошимъ здоровьемъ и злоупотребляющихъ имъ въ другихъ отношеніяхъ, всякими излишествами, дурными привычками и увлеченіями, неправильнымъ употребленіемъ времени изнуряющихъ свой организмъ гораздо болѣе, чѣмъ можетъ изнурить его какое бы то ни было воздержаніе. Постъ, говорятъ, не есть первостепенная религіозная обязанность. Конечно, не первостепенная. Но въ дѣлѣ религіи, какъ мы уже сказали, никакими и второстепенными обязанностями пренебрегать нельзя. Притомъ такъ ли мы уже хорошо уяснили себѣ значеніе поста, что можемъ считать себя въ правѣ совершенно свободно судить о немъ и относиться къ нему? Не безъ основанія постъ издревле считался однимъ изъ сильныхъ средствъ нравственнаго совершенствованія едва ли не у всѣхъ народовъ и во всѣхъ религіяхъ. Не безъ основанія постъ освященъ примѣромъ самаго Іисуса Христа. Не само по себѣ употребленіе такой или другой пищи имѣетъ значеніе въ нравственной жизни, а тѣ нравственныя цѣли, которыя при этомъ достигаются. Обузданіе прихотливости и изнѣженности, укрѣпленіе воли, самоограниченіе, самообладаніе всегда имѣли великое значеніе въ нравственномъ воспитаніи людей, и нынѣшнія поколѣнія во всемъ этомъ нуждаются не менѣе, едва-ли не болѣе, чѣмъ прежнія. Качество пищи само по себѣ не спасетъ и не погубитъ насъ. *Мясо*, по апостолу, *не поставитъ насъ передъ Богомъ. Но если*, продолжаетъ апостолъ, *мясо соблазняетъ брата моего, не стану я ѣсть его во вѣки.* Вотъ еще сторона дѣла, на которую особенно нужно обратить вниманіе, какъ бы употребленіемъ извѣстнаго рода пищи въ извѣстное время не соблазнить брата, не соблазнить многихъ братьевъ, особенно братьевъ и дѣтей, находящихся подъ нашимъ непосредственнымъ вліяніемъ. Есть между людьми образованными, состоятельными и вліятельными на другихъ такіе, которые, имѣя у себя слугъ и подчиненныхъ, не только позволяютъ себѣ на глазахъ ихъ сами легко относиться къ со-

блюденію поста, но и ихъ вынуждаютъ къ нарушенію его, т.-е. насилуютъ и развращаютъ совѣсть людей, на которыхъ они должны бы имѣть нравственное вліяніе. Ничего хуже этого быть не можетъ. Если совѣсть составляетъ основаніе нравственной жизни, и вмѣстѣ съ тѣмъ самое твердое ручательство къ наилучшему исполненію всѣхъ гражданскихъ обязанностей, то начальники должны со всею тщательностью охранять и укрѣплять совѣсть своихъ подчиненныхъ, какъ неприкосновенную святыню, а не разслаблять и развращать; и это они должны дѣлать не только изъ уваженія человѣческой личности вообще, но и въ интересахъ вѣрнаго исполненія самыхъ обязанностей службы. Если хотите въ своихъ подчиненныхъ видѣть людей добросовѣстныхъ, добросовѣстно исполняющихъ свои обязанности, добросовѣстно относящихся къ вамъ самимъ, старайтесь не колебать, не ослаблять, а поддерживать въ нихъ уваженіе къ тому, что̀ для нихъ имѣетъ священное значеніе: хуже всего было бы, еслибы для нихъ ничего не оставалось или мало оставалось священнаго. Что касается до васъ самихъ, до вашихъ отношеній къ соблюденію поста: то въ виду того, что вы уже съ дѣтства плохо пріучены къ этому, въ виду того, что сама церковная власть, по роду и условіямъ вашей службы, допускаетъ для васъ въ этомъ значительныя послабленія,—отъ васъ конечно нельзя ожидать полнаго соблюденія обязанностей поста во всей строгости церковнаго устава. Но по крайней мѣрѣ серьёзно относитесь къ этому дѣлу, соблюдайте его въ такой мѣрѣ, въ какой по совѣсти, а не по прихоти, находите это возможнымъ для себя. Предѣломъ послабленія непереходимымъ для каждаго въ этомъ отношеніи можетъ быть отступленіе отъ устава церковнаго только въ такіе дни, въ какіе разрѣшено это для воинскаго званія церковною властью (но только разрѣшено, а не предписано). А болѣе усердные пусть поищутъ въ своей совѣсти побужденій болѣе и болѣе сближаться въ этомъ отношеніи съ общимъ православнымъ обычаемъ.

Довольно на сей разъ. Кромѣ уясненія общихъ человѣческихъ и христіанскихъ обязанностей, много бы можно было еще сказать вамъ особеннаго о правильномъ исполненіи собственно гражданскихъ обязанностей, примѣнительно къ тѣмъ особен-

нымъ идеямъ и явленіямъ времени, которыя такъ заботятъ и сокрушаютъ теперь людей истинно преданныхъ своему отечеству. Но объ этомъ, я думаю, вы много услышите предупрежденій и наставленій и помимо меня; и притомъ я убѣжденъ, что если вы будете правильно понимать и исполнять общія человѣческія и христіанскія обязанности, то будете вмѣстѣ съ тѣмъ и лучшими гражданами, и не поддадитесь никакимъ превратнымъ и вреднымъ идеямъ и вліяніямъ времени, въ чемъ и да поможетъ вамъ Господь всемогущій. Аминь.

Прот. А. Иванцовъ-Платоновъ.

ОБЗОРЪ

АПОЛОГЕТИЧЕСКИХЪ СТАТЕЙ ВЪ НАШЕЙ ДУХОВНОЙ ЖУРНАЛИСТИКѢ.

Потребность въ отдѣльныхъ апологетическихъ изслѣдованіяхъ и въ журнальныхъ апологетическихъ статьяхъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе возрастаетъ въ нашемъ отечествѣ. Было бы вреднымъ самообольщеніемъ думать, что зараза безвѣрія и вражды къ христіанству свирѣпствуетъ только въ западной Европѣ и встрѣчаетъ въ Россіи лишь единичныя и случайныя отраженія. Кто не имѣетъ разсчета набрасывать розовый покровъ на нашу дѣйствительность и не устраняется отъ общенія съ нашей интеллигенціей и съ продуктами отечественной мыслѣдѣятельности, тотъ знаетъ и долженъ признать открыто, что преобладающее направленіе умовъ въ нашемъ интеллигентномъ слоѣ—антирелигіозное и антихристіанское. Представители отрицательнаго направленія въ Россіи разнятся отъ представителей этого же направленія на западѣ Европы лишь большею безотчетностью и большею слѣпотою своего предубѣжденія и своей вражды къ религіозно-христіанскому принципу жизни, но отнюдь не силою и напряженностью этого предубѣжденія и этой вражды. Въ послѣднемъ отношеніи фанатизмъ нашихъ отечественныхъ мнимо-свободныхъ мыслителей выступаетъ рѣши-

тельнѣе и необузданнѣе, гдѣ онъ имѣетъ возможность проявиться безъ внѣшней сдержки. Безотчетность же и слѣпота нашихъ отрицателей „традиціоннаго“, т.-е. христіанскаго міровоззрѣнія поистинѣ изумительны: не давши себѣ ни малѣйшаго труда провѣрить собственнымъ размышленіемъ и изученіемъ ученія, идущія изъ-за границы, и будучи лишены сколько-нибудь сноснаго знакомства съ христіанствомъ, наши отечественные невѣры поражаютъ подъ-часъ чисто-дѣсткою наивностью въ своихъ нападеніяхъ на религію и христіанство и своимъ идолопоклонствомъ предъ тѣмъ, что́ выдается за результатъ точныхъ научныхъ изысканій. Уже не говоря о воспитывавшихся въ нашихъ разнообразныхъ свѣтскихъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ-то: въ университетахъ, институтахъ и академіяхъ, самые профессора этихъ высшихъ пріютовъ науки нерѣдко являются не лучше учившихся у нихъ по отсутствію критической мысли въ отношеніи къ пресловутымъ „послѣднимъ словамъ науки“ и по необычайному преобладанію безпочвеннаго скептицизма въ отношеніи къ христіанскому ученію. Не́ странно ли подобное явленіе?... Источникъ его естественно лежитъ въ отсутствіи общаго научно-философскаго развитія у насъ и въ страсти во что бы то ни стало походить на передовыхъ европейцевъ, каковыми мыслятся глашатаи мнимо-новыхъ идей... При такомъ состояніи умовъ въ нашей интеллигенціи, зло невѣрія, обезпечиваясь со стороны своего распространенія, начинаетъ и практически обнаруживать себя въ нашей общественной жизни все чудовищнѣе и чудовищнѣе. Уже не говоря объ увеличивающихся случаяхъ преступнаго разрыва семейныхъ узъ, распутства, дикаго воспитанія дѣтей, эксплуатаціи правъ собственности въ торговлѣ, промышленности и т. д., казнокрадствъ и тому подобнаго, отреченіе отъ христіанства начинаетъ вызывать одно за другимъ политическія убійства изъ-за угла кинжаломъ или револьверомъ. Съ этимъ зломъ борьба можетъ имѣть благопріятный исходъ только тогда, когда рядомъ съ правительственными мѣрами идутъ мѣропріятія, исходящія изъ среды всего общества. Не даромъ правительство обращается къ всему обществу, призывая къ себѣ на помощь силы всѣхъ сословій русскаго народа для единодушнаго содѣйствія ему въ усиліяхъ вырвать съ корнемъ зло, опирающееся на превратное

ученіе. Не долженъ ли каждый изъ насъ, кто чѣмъ и какъ можетъ, съ безповоротною рѣшимостью и неослабною энергіей выдти на встрѣчу общему врагу и объявить ему войну до тѣхъ поръ, пока онъ не исчезнетъ съ лица русской земли? На насъ лежитъ долгъ преслѣдовать врага во всѣхъ его разнообразныхъ проявленіяхъ и обнаруженіяхъ, начиная съ колебанія святости семейныхъ узъ и оканчивая пропагандою соціально-революціонныхъ идей и дѣйствій. Только для неразвитой и для некритической мысли можетъ казаться темною связь между такими повидимому отдаленными и неродственными явленіями.... Когда надвинутся на увеличивающагося въ числѣ врага всѣ, непотерявшіе здраваго смысла и совѣсти, лучшіе русскіе люди, врагъ не устоитъ. Великія обязанности въ этомъ призывѣ къ борьбѣ прежде всего возлагаются, не говоря уже о служителяхъ церкви, на русскую духовную литературу и ея дѣятелей. Отсюда прежде всего должно исходить горячее и энергическое слово въ защиту того, отрицательное отношеніе къ чему вызываетъ всѣ разнообразныя проявленія революціоннаго настроенія, болѣе и болѣе овладѣвающаго извѣстными слоями нашей интеллигенціи, — революціоннаго настроенія противъ началъ и основъ семейной, общественной и государственной жизни. Чѣмъ многочисленнѣе врагъ и чѣмъ благопріятнѣе почва для его численнаго увеличенія, тѣмъ дружнѣе и энергичнѣе должна начаться защита христіанскаго міровоззрѣнія, дающаго единственно-раціональныя и устойчивыя опоры для нормальнаго построенія и развитія жизни семейной, общественной и государственной. Пусть каждый, получившій достаточное научно-богословское образованіе и необдѣленный даромъ печатнаго слова, посвятитъ свободные отъ прямыхъ и обязательныхъ своихъ занятій часы на всестороннее и глубокое изученіе чего-либо изъ трудно-обозримой массы предметовъ христіанской апологетики, разоблачитъ несостоятельность не общихъ только какихъ-либо положеній невѣрующей мысли, но иногда самыхъ мелкихъ деталей, за которыми думаетъ укрыться невѣріе, какъ за щитомъ своимъ, изложитъ свои мысли не въ формѣ сухаго спеціальнаго трактата, но въ видѣ живой и общедоступной рѣчи и напечатаетъ такой продуманный и прочувствованный трудъ во всеобщее употребленіе. Уже не говоря о преподавателяхъ ду-

ховныхъ академій, всякій наставникъ семинаріи, какую бы науку онъ ни преподавалъ, всегда можетъ найти по своей спеціальности такой предметъ, который можетъ служить темою христіански-апологетическаго изслѣдованія. Достаточно прочитать хотябы *Theologische Briefe an die Gebildeten der deutschen Nation von Alm*, чтобы видѣть, сколь разнообразны предметы, о которыхъ долженъ говорить и можетъ говорить православный богословъ. Неужели въ виду настойчивыхъ призывовъ къ труду, клонящемуся къ защитѣ христіанства, а вмѣстѣ къ защитѣ коренныхъ основъ семейственности, общественности и государственности, будутъ дремать здоровыя умственныя силы Россіи, которыхъ не мало находится въ нашихъ духовно-учебныхъ заведеніяхъ? При совершающемся въ Россіи соціально-революціонномъ движеніи это было бы косвеннымъ накладываньемъ рукъ на себя самихъ.... Неужели на призывъ правительства послышится отвѣтъ со стороны нашей: „моя изба съ краю: ничего незнаю“? Но вѣдь это было бы презрѣннымъ и грубымъ эгоизмомъ или по меньшей мѣрѣ самообманомъ....

Такъ великъ въ настоящее время запросъ на апологетическую дѣятельность. Но каково же его удовлетвореніе? Говоря прямо, по числу журнальныхъ апологетическихъ статей весьма слабое. По количеству журнальныхъ апологетическихъ статей минувшій 1877 годъ былъ бѣднѣе даже предыдущихъ, хотя эти послѣдніе тоже не выдавались какимъ-либо богатствомъ произведеній этого рода. По своему же внутреннему достоинству большинство апологетическихъ статей за помянутый годъ тоже очень незавидно. Тщательно просмотрѣвъ и перечитавъ журнальныя апологетическія статьи за 1877 годъ, попавшія въ наши духовные журналы, мы находимъ небезполезнымъ познакомить нашихъ читателей только съ двумя статьями, изъ которыхъ одна, составленная по *записямъ* слушателей покойнаго знаменитаго русскаго богослова—преосвящ. Іоанна смоленскаго, напечатана въ 1—2 кн. *Христіанскаго Чтенія* за 1877 годъ, а другая, написанная авторомъ, скрывшимъ подъ буквою Н. свою фамилію, напечатана въ 1 и 2 книжкахъ журнала: *Чтенія въ обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія* за тотъ же годъ. Первая статья носитъ названіе: *Догматъ о пресвятой Троицѣ*, а вторая: *Необходимыя предположенія о лицѣ, ученіи и дѣлахъ Христа въ виду двухъ*

безспорныхъ фактовъ евангельской исторіи (противъ теоріи миѳическаго содержанія евангелій). Читатель самъ увидитъ изъ нашего сжатаго, но обстоятельнаго изложенія содержанія этихъ двухъ статей, сколь много дѣльныхъ и замѣчательныхъ соображеній высказано въ каждой изъ нихъ, а особенно въ первой. Изъ другихъ весьма немногихъ статей апологетическаго содержанія помѣщенныхъ въ духовныхъ журналахъ за означенный годъ, заслуживаютъ вниманія лишь 1) рядъ переводныхъ статей въ *Правосл. Собесѣдникѣ* В. И. Голубинскаго, печатавшихся подъ общимъ заглавіемъ: *Нравственная природа человѣка*, и 2) рядъ переводныхъ статей въ *Трудахъ Кіевской Духовной Академіи*, печатавшихся подъ общимъ заглавіемъ: *Конечныя причины*, подъ редакціей Д. В. Поспѣхова. Трактатъ: „Нравственная природа человѣка“, исчерпанный въ статьяхъ „Правосл. Собесѣдника“, взятъ г. переводчикомъ изъ книги Ульрици: *Grundzüge der practischen Philosophie*, а рядъ статей: „Конечныя причины“ составляютъ полный переводъ книги Поля Жанэ: *Les causes finales*. Рядъ названныхъ статей былъ посправедливости украшеніемъ двухъ академическихъ журналовъ, поскольку имѣются въ виду отвѣчающія живымъ потребностямъ общества особенности этихъ статей по ихъ содержанію и назначенію [1]). Нельзя не поблагодарить гг. переводчиковъ какъ за находчивый выборъ сочиненій для перевода, такъ и за прекрасный переводъ. Изъ немалочисленныхъ сочиненій Ульрици мы знаемъ и имѣемъ подъ руками два переведенныя на русскій языкъ сочиненія: 1) Богъ и природа и 2) Тѣло и душа. Къ сожалѣнію, эти два сочиненія далеко не такъ хорошо переведены, какъ трактатъ: „Нравственная природа человѣка“. Очень желательно, чтобы гг. Поспѣховъ и Голубинскій продолжали свое полезное служеніе рус-

[1]) Желая служить распространенію среди русской публики дѣльныхъ философско-богословскихъ произведеній, считаемъ долгомъ указать, гдѣ и по какой цѣнѣ продаются переводы гг. Поспѣхова и Голубинскаго. Сочиненіе Поля Жанэ: „Конечныя причины“ можно пріобрѣтать у профессора Кіев. духов. академіи Д. В. Поспѣхова, посылая за книгу съ пересылкой 3 р., а книгу „Нравственная природа человѣка“—у преподавателя Казан. дух. семинаріи Василія Ивановича Голубинскаго, посылая за нее съ пересылкою 1 рубль сер.

ской духовной литературѣ такими дѣльными по содержанію и прекрасными по исполненію переводами. Переводческая дѣятельность не заключаетъ въ себѣ ничего унизительнаго для ученыхъ мужей: свои труды посвящали переводамъ и великіе мыслители и ученые.... Дѣло въ томъ только, что и какъ переводится.... Наши же духовные журналы не такъ богаты самостоятельными дѣятелями, чтобы не нуждаться въ переводахъ дѣльныхъ философско-богословскихъ произведеній. Для читателей же лучше имѣть подъ руками дѣльное переводное, чѣмъ плохое оригинальное произведеніе. Съ переводными апологетическими трудами гг. Поспѣхова и Голубинскаго мы не намѣрены знакомить нашихъ читателей: вопервыхъ, эти труды сравнительно очень обширны, а вовторыхъ они вышли отдѣльнымъ изданіемъ, такъ что всякій желающій можетъ имѣть ихъ въ собственномъ распоряженіи. О другихъ же апологетическихъ журнальныхъ статьяхъ, помѣщенныхъ за прошлый годъ, не будемъ говорить по другой причинѣ—по причинѣ бѣдности ихъ содержанія.

Въ виду крайняго несоотвѣтствія между запросомъ на апологетическія произведенія и предложеніемъ, позволительно желать, чтобы хоть на будущее время было болѣе равновѣсія между этимъ спросомъ и этимъ предложеніемъ. Въ ожиданіи исполненія этихъ законныхъ надеждъ обратимся сперва къ указанной статьѣ „Христіанскаго Чтенія“, а за тѣмъ къ статьѣ „Чтеній въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“.

—

1) Догматъ о св. Троицѣ есть первый и высочайшій догматъ христіанскаго ученія. Какъ вообще христіанство въ цѣломъ своемъ составѣ, такъ и каждая отдѣльная сторона его ученія имѣютъ свое основаніе и точку опоры въ этомъ догматѣ: съ устраненіемъ этого догмата падаетъ все христіанство. Но въ тоже время этотъ догматъ является вполнѣ непостижимымъ: какъ уразумѣніе, такъ и отрицаніе его по этому самому немыслимы. Но неужели же нашъ разумъ долженъ оставить всякія попытки къ приближенію этого догмата къ своему сознанію? Отнюдь нѣтъ: для разума остается возможнымъ раскрытіе основаній для необходимости вѣры въ этотъ догматъ и сознательнаго принятія его. Какія же это могутъ быть основанія?

Прежде всего надобно имѣть въ виду отличительныя особенности въ откровенномъ ученіи о Богѣ. По откровенному ученію, Богъ есть безконечный *личный* Духъ. Такое ученіе о Богѣ, какъ *личномъ* существѣ, самое раціональное ученіе. Личность Бога требуется самой идеей совершеннѣйшаго безконечнаго существа, каковымъ непремѣнно долженъ мыслиться Богъ. Личная жизнь вообще есть *высшая* форма въ сравненіи съ какимъ бы то ни было безличнымъ существованіемъ. Отбросивши изъ понятія о Богѣ понятіе о немъ, какъ лицѣ, и представляя Бога какой-либо безличною силой, мы чрезъ то самое отнимаемъ у Бога необходимое Его свойство—всесовершенство и безконечность. Безличное не можетъ быть не только безконечнымъ совершенствомъ, но и ограниченнымъ совершенствомъ. Конечно и неличное бытіе можетъ быть въ своемъ родѣ совершеннымъ. Однакожъ если сравнивать совершенство его съ совершенствомъ личнаго бытія, то послѣднее окажется всегда совершеннѣе. Такъ неорганическіе виды творенія и виды растительнаго царства въ своемъ родѣ совершенны, но они несравненно ниже видовъ животнаго царства имѣющихъ произвольное движеніе, ощущеніе и другіе зачатки психической жизни. Человѣкъ же, съ его самосознаніемъ, возвышается надъ самыми высшими изъ животныхъ. Наконецъ, какъ скоро должны существовать и существуютъ существа, сравнительно съ человѣкомъ болѣе совершенныя, то развѣ можно мыслить ихъ безличными? Напротивъ, чѣмъ совершеннѣе организована природа таковыхъ существъ, тѣмъ настойчивѣе вынуждаемся приписывать имъ болѣе характерно и рѣзко опредѣленную личность. А если это справедливо, то трезвая мысль не вынуждается ли еще болѣе мыслить Бога неиначе, какъ совершеннѣйшимъ лицомъ? Если представлять Божество безличною силой, то эта сила неиначе должна быть, какъ только матеріальной. Представленіе же о Богѣ, какъ силѣ духовной, необходимо ведетъ всякую логическую мысль къ усвоенію ей свойствъ личности. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ можно представить духовную силу лишенной разума, воли и чувства? Такое представленіе заключало бы въ себѣ собственное саморазрушеніе. Но какъ скоро мы вынуждены мыслить духовную силу съ такими свойствами, то чрезъ то самое необходимо побуждаемся усвоять ей и личное самосознаніе. Но

быть-можетъ, должно высочайшее, совершеннѣйшее и безконечное существо мыслить матеріальной силою. Но какимъ образомъ могутъ вязаться между собою такія понятія, какъ матеріальная сила, а съ другой стороны сила высочайшая, совершеннѣйшая и безконечная? Это значило бы въ одно и то же время почитать Божество и низшимъ, и высшимъ бытіемъ, и совершеннѣйшимъ и самымъ несовершеннымъ и безконечнымъ и конечнымъ. Только въ умахъ, чуждыхъ логики и здраваго пониманія вещей, могутъ уживаться рядомъ такія, взаимно уничтожающія другъ друга, представленія объ одномъ и томъ же предметѣ. Но нездоровое мышленіе не законъ для человѣческаго разума. Такимъ образомъ, откровенное ученіе о Богѣ является въ тоже время и требованіемъ всякаго здороваго мышленія, съ какихъ бы сторонъ оно ни разсматривало идею Божества.

Но если Богъ есть лице, то спрашивается: какъ можно дойти до понятія о множественности лицъ въ божественномъ Существѣ? Чтобы приблизиться къ уразумѣнію этого, нужно разъяснить отношеніе между существомъ и лицемъ. Понятіе о существѣ не то, что понятіе о лицѣ. Лицо относится къ существу такъ, какъ видъ къ роду. Подобно тому какъ какой-нибудь родъ растительнаго или животнаго царства можетъ предполагать много относящихся къ нему видовъ, точно такъ же существо, оставаясь единымъ, допускаетъ множественность лицъ. Въ послѣднемъ отношеніи, не говоря уже о первомъ, мы въ дѣйствительности впдимъ немало аналогій. Младенецъ, напримѣръ, во чревѣ матери до извѣстной степени составляетъ одно съ нею существо, такъ какъ онъ изъ нея образуется и живетъ одною съ нею жизнью, между тѣмъ какъ личность младенца и матери—не одно и то же лицо, а разныя лица. Само собою разумѣется, подобныя аналогіи крайне недостаточны для полнаго уясненія догмата о пресв. Троицѣ, однакожь эти примѣры свидѣтельствуютъ, что и въ природѣ высочайшаго Существа не немыслимо различіе лицъ при единствѣ существа. Другія же соображенія могутъ вести логическую мысль къ признанію не только возможности, но и необходимости различія лицъ въ единомъ высочайшемъ Существѣ. По здравымъ со-

ображеніямъ разума единство высочайшаго Существа нельзя представлять въ смыслѣ одинокости или единичности. Въ самомъ дѣлѣ, съ понятіемъ о Существѣ *безконечномъ* мирится ли понятіе о Его одинокости или единичности? Это послѣднее понятіе предполагаетъ, будто безконечное Существо исключительно дѣйствуетъ въ своемъ я, а слѣдов. замкнуто въ себѣ и ограничено въ своей дѣятельности, тогда какъ понятіе о безконечномъ Существѣ, въ силу самой идеи безконечности, предполагаетъ безпредѣльную полноту бытія и требуетъ неограниченнаго проявленія внѣ своего я—безконечной дѣятельности, не замкнутой въ ней самой, а болѣе и болѣе развивающейся и раскрывающейся въ отношеніи къ другимъ. Дѣятельность, направленная исключительно только къ своему я, не выходящая изъ сферы своего чисто-индивидуальнаго бытія, несообразна и съ природою *разумнаго* существа. Мы видимъ, что даже ограниченная разумная природа (напр. человѣкъ) стремится къ самораскрытію своихъ силъ до предѣловъ возможнаго. Не тѣмъ ли болѣе самораскрытіе безконечное должно быть свойственно неограниченной разумной природѣ, каковъ Богъ? Если мы представимъ себѣ умъ безконечный и волю божественную обращенными только къ единичному собственному своему существу, то выйдетъ, что умъ и воля божественная становятся ограничивающими самихъ себя, т.-е. выходило бы, что умъ не мыслитъ ни о чемъ, кромѣ самого себя, и воля ни къ чему не стремится, кромѣ самой себя. Чрезъ это безконечное представлялось бы въ кругу, изъ котораго оно никогда не выходило бы. Далѣе, эта одинокость противорѣчила бы идеѣ о *безусловно-совершенномъ* Существѣ. Совершенство природы разумно-нравственнаго существа состоитъ въ томъ, когда оно не только дѣятельно развиваетъ свои силы въ себѣ самомъ, но оказывается способнымъ къ дѣятельности и внѣ себя или по крайней мѣрѣ къ единенію и гармоническому соразвитію съ внѣ себя находящимся. Это составляетъ законъ всего существующаго. Мы видимъ, что въ мірѣ нѣтъ ничего уединеннаго или одинокаго, а все существуетъ во взаимодѣйствіи и общеніи между собою, и поэтому-то міръ представляется въ такомъ совершенствѣ. Заключая же въ себѣ одни отрывочныя и разобщенныя явленія, міръ потерялъ бы отличающую его прелесть. Точно такъ же и Существо вы-

сочайшее, будучи изолированнымъ и несообщающимся съ инымъ бытіемъ, было бы несовершеннымъ. Понятію о Существѣ безконечномъ, разумномъ и совершенномъ должно соотвѣтствовать понятіе о немъ, какъ *неограниченно-дѣятельномъ*. Состояніе покоя не свойственно таковому существу: недѣятельное, находящееся въ неизмѣнномъ покоѣ, существо не можетъ быть безконечно-совершеннымъ. Но еслибы Богъ былъ одинокимъ, то каковою могла бы быть Его дѣятельность? Безконечный умъ, если представить его изолированнымъ, т.-е. разсматривающимъ и познающимъ только себя, былъ бы только покоющимся самосозерцаніемъ, но недѣятельнымъ самопознаніемъ. Значитъ, такое познаніе было бы несовершенно. Еслибъ онъ познавалъ себя только въ тваряхъ, то опять познаніе это было бы несовершеннымъ вслѣдствіе ограниченности тварей, какъ конечныхъ существъ. Въ такомъ случаѣ дѣятельность Его въ познаніи не могла бы быть равносильна идеѣ безконечнаго всевѣдѣнія. Точно такъ же, если будемъ разсматривать волю безконечнаго Существа, то придемъ къ такому же заключенію. Какъ, спрашивается, можетъ дѣйствовать воля безконечная, но одинокая? Еслибъ она стала осуществлять безконечныя идеи въ себѣ только, то это не было бы осуществленіемъ ея дѣятельности. Тогда вѣдь она оставалась бы съ однѣми идеями, и эти послѣднія не выходили бы изъ существа божественнаго. Или это было бы самоусовершеніемъ себя, что противно понятію о безконечномъ совершенствѣ Божіемъ. Если же воля безконечная осуществляла бы свои идеи только въ конечныхъ тваряхъ, то такая дѣятельность воли безконечной была бы опять несовершенна. Вообще, если станемъ разсматривать всѣ совершенства безконечнаго Существа, то мысль наша не можетъ представить проявленія этихъ совершенствъ въ единичномъ бытіи. Будемъ ли разсматривать верховное Существо съ *нравственной* стороны, придемъ къ тѣмъ же затрудненіямъ при представленіи Его единичнымъ. Если всѣ нравственныя совершенства заключимъ въ понятіи любви и если въ божественномъ Существѣ должна быть любовь совершенная, то спрашивается: на какой предметъ можетъ быть обращена эта любовь? Если исключительно только на себя, то это будетъ себялюбіе. Если—на твари, то конечная тварь не можетъ удовлетворить безко-

нечной любви верховнаго Существа. По самому понятію о любви безпредѣльной долженъ быть таковъ же и предметъ ея. Къ тому же, наконецъ, приводитъ самое понятіе о *жизни* божественнаго Существа, когда мы будемъ размышлять о ея свойствахъ. Жизнь, говоря вообще, не есть только развитіе силъ, но и взаимодѣйствіе, сообщеніе ихъ съ другими силами. Жизнь божественнаго Существа должна быть такою же по преимуществу. Иначе, будучи жизнью неполною, а слѣд. несовершенною, она не могла бы быть и блаженною. Какое блаженство въ уединенномъ самосозерцаніи?! Изолированная жизнь собственно и не есть жизнь, а какое-то всегдашнее усыпленіе. Положимъ индійская философія религіозная такою изолированною и представляла себѣ жизнь Божества. Но развѣ такая жизнь достойна безконечнаго Существа? Жизнь и блаженство такого Существа должны состоять въ безпредѣльномъ общеніи его силъ съ тѣмъ, что можетъ также безпредѣльно участвовать въ нихъ и раздѣлять ихъ. Вотъ путь естественныхъ соображеній разума, по которому онъ можетъ доходить до такого понятія о верховномъ Существѣ, что оно при единствѣ природы своей не только можетъ, но и должно имѣть различіе въ лицахъ.

Но если безконечное Существо не должно быть одинокимъ, то какъ должно представлять себѣ эту неодинокость или множественность? Признавать бытіе двухъ или трехъ безконечныхъ нельзя, ибо это противорѣчило бы самому понятію о безконечномъ, которое непремѣнно ограничивалось бы при существованіи иныхъ безконечныхъ. Слѣдов. вопросъ о множественности въ отношеніи къ безконечному Существу надобно разсматривать такъ, чтобы не нарушить единства самаго его существа. Если нельзя допустить множественности въ самой природѣ существа безконечнаго, то остается допустить, что при единствѣ природы въ немъ находится множественность лицъ. Представить себѣ эту множественность лицъ при единствѣ существа—дѣло конечно трудное. Однакожь эта трудность ослабляется представленіемъ нѣкоторыхъ данныхъ изъ области міра конечнаго, гдѣ всякое частное бытіе проявляется въ различныхъ видоизмѣненіяхъ, какъ замѣчаемъ это напр. въ человѣкѣ. Разсматривая бытіе человѣческаго духа мы замѣчаемъ, что коренную основу этого бытія составляетъ то, что называ-

емъ мы личностью или *я*, безъ чего нельзя представить и самаго существа человѣческаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что изъ этой коренной основы, изъ нашего *я*, развивается особенная сфера его внутренняго бытія, которую мы называемъ сознаніемъ, въ которомъ я какъ бы видитъ и познаетъ самого себя и которое между тѣмъ развивается изъ самаго существа этого *я*, такъ что хотя оно и неотдѣльно отъ этого существа, тѣмъ не менѣе представляетъ изъ себя какъ бы отличное бытіе. Можно сказать, что сознаніе человѣка и самое существо его составляютъ какъ бы два различные вида бытія одного и того же человѣка. Что дѣйствительно есть нѣкоторое раздвоеніе въ одномъ и томъ же разумномъ бытіи на существо—*я* и на сознаніе его личности, такъ что *я* самосущее и *я* самосознающее представляютъ изъ себя два вида одного бытія и какъ бы двѣ личности, это подтверждается тѣмъ явленіемъ въ нашей внутренней природѣ, что когда закрывается коренное или самосущее *я*, тогда остается еще другое—самосознающее, и наоборотъ съ закрытіемъ самосознающаго *я* остается еще *я* самосущее. Такъ напр. во снѣ наше *я* самосознающее какъ бы закрывается, потому мы и не сознаемъ того, что происходитъ въ насъ въ это время, но *я* самосущее остается—жизнь его не прекращается. Подобныя же явленія усматриваются въ человѣкѣ во время душевныхъ болѣзней и при концѣ жизни человѣка. Разумѣется, эти явленія, происходящія въ человѣкѣ—существѣ ограниченномъ, слишкомъ мало могутъ объяснять намъ явленія, совершающіяся въ Существѣ безконечномъ, но тѣмъ не менѣе первыя даютъ намъ нѣкоторыя данныя къ заключенію о послѣднихъ. Но кромѣ этихъ явленій можно примѣчать и то, что, независимо отъ выраженія одного и того же бытія души въ двойственности *я* самосущаго и *я* самосознающаго, изъ глубины *я* развивается та самодѣятельность, которая проявляется въ мысли и чувствѣ, и даетъ бытіе какъ бы особенному *я*, такъ что въ этой дѣятельности одно и то же бытіе души проявляется какъ бы въ двухъ личностяхъ, которыя по существу своему нераздѣльны и вмѣстѣ не суть одно и то же. Но дѣло въ томъ, что эти явленія въ нашей природѣ составляютъ только ея разныя формы, явленія и видоизмѣненія;

но нельзя сказать, чтобы изъ нихъ являлись въ собственномъ смыслѣ раздѣльныя лица, потому что духъ нашъ по природѣ своей, хотя и безсмертный, ограниченъ и какъ таковой не можетъ развивать изъ себя многихъ личностей. Не такъ въ Существѣ безконечномъ. Въ немъ какъ бытіе безконечно и природа безпредѣльна, такъ и самыя проявленія этого бытія должны быть безпредѣльны. Важное и существенное отличіе Его отъ ограниченныхъ существъ состоитъ въ томъ, что тогда какъ въ этихъ послѣднихъ всякое проявленіе выражаетъ собою только форму, образъ существа, а не самую сущность его, въ Существѣ безконечномъ, напротивъ, какъ сущность безконечна, такъ и самыя проявленія его должны быть безконечны, т.-е. имѣть не только безконечное развитіе, но и безконечную жизнь, такъ чтобы жизнь выражалась въ нихъ въ той же безграничности, какъ безгранично самое существо. Такимъ образомъ нѣтъ ничего невозможнаго, что въ безконечномъ Существѣ эти проявленія до такой степени развиты и полны жизни, что могутъ составлять отдѣльныя лица. Далѣе, вопросъ о множественности лицъ въ единствѣ безконечнаго Существа представляетъ неодолимыя трудности, смотря по тому, какъ его поставимъ. Эти трудности уменьшаются только въ томъ разѣ, если представимъ, что лица пресв. Троицы развиваются изъ одного и того же нераздѣльнаго существа, что хотя они и раздѣльны, но заключаются одно въ другомъ, и что хотя они имѣютъ отдѣльную и самостоятельную жизнь, но тѣмъ не менѣе въ своей жизни и дѣятельности имѣютъ общее между собою. Такъ именно учитъ и Откровеніе, говоря, что какъ Сынъ въ Отцѣ пребываетъ, такъ и Отецъ въ Сынѣ и св. Духѣ.

Но спрашивается: какъ же являются лица пресв. Троицы въ безконечномъ Существѣ? Обращаясь къ общему закону развитія существъ разумныхъ, мы замѣчаемъ, что ихъ развитіе совершается по тремъ формамъ. Каждому ограниченному разумному существу принадлежитъ: 1) раскрытіе его личнаго самосознанія и мыслительной дѣятельности, 2) воспроизведеніе его существа въ подобныхъ себѣ существахъ и 3) развитіе его совершенствъ. На основаніи той истины, что въ разумныхъ существахъ отражается образъ Божій, мы можемъ отъ означеннаго закона ихъ развитія сдѣлать нѣкоторыя аналогическія умо-

заключенія и относительно самораскрытія жизни безконечнаго Существа, неупуская конечно изъ виду существеннаго различія ограниченныхъ существъ отъ безконечнаго Существа. Было замѣчено, что самосознаніе человѣка, раскрываясь въ глубинѣ его *я*, составляетъ особенную сферу его *я*, какъ бы нѣчто отличное отъ самаго существа его, и что въ самосознаніи наше *я* какъ бы видитъ и познаетъ само себя. Умозаключая къ безконечному Существу, мы должны предположить, что въ немъ должно быть самосознаніе безконечное,—такое самосознаніе, которое служило бы полнымъ отраженіемъ его безконечности, его жизни и личности, такъ чтобы въ этомъ отраженіи безконечное Существо могло видѣть и созерцать самаго себя. Если мы представимъ себѣ, что безконечное самосознаніе проявляется въ раздѣльныхъ и разобщенныхъ формахъ и образахъ, тогда оно не было бы безконечнымъ. Поэтому относительно проявленія самосознанія существа безконечнаго нельзя допустить мысли Гегеля, что существо это сознаетъ себя въ своихъ разумныхъ тваряхъ. Развѣ безпредѣльное самосознаніе можетъ проявляться въ образахъ не безпредѣльныхъ? Очевидно, нѣтъ. Значитъ, оно должно выражаться въ образѣ безконечномъ. И такъ какъ этотъ образъ долженъ быть полнымъ отраженіемъ безконечной природы, т.-е. способнымъ выразить въ себѣ самую жизнь и личность ея, то мы заключаемъ, что это самосознаніе должно быть живымъ лицомъ, въ которомъ бы Существо безконечное отъ вѣчности созерцало самую жизнь и личность свою и въ которомъ бы оно вполнѣ познавало себя самого. Соображенія разума вполнѣ согласуются съ ученіемъ Откровенія, свидѣтельствующимъ, что въ безконечномъ Существѣ есть второе лице-образъ Ипостаси Его (Евр. 1, 3). Далѣе, при разсмотрѣніи развитія человѣческаго духа, мы замѣчаемъ, что кромѣ *я* самосознающаго изъ него развивается *я* дѣятельное, которое преимущественно выражается въ его мышленіи, такъ что изъ него образуется *я* мыслящее. И въ Существѣ безконечномъ. кромѣ его безконечнаго самосознанія, нужно предположить силу его безконечной дѣятельности—именно силу его безпрерывной мысли, въ которой выражается его жизнь и дѣятельность отъ вѣчности. Но это внутреннее проявленіе мысли Существа безконечнаго не можетъ быть выражено въ твореніи, ибо, проявляясь

въ тваряхъ, мысль эта не можетъ быть выражена вполнѣ, а только въ ограниченныхъ проявленіяхъ и въ ограниченной дѣятельности. Въ самомъ безконечномъ Существѣ должно быть проявленіе безконечной мысли,—такое проявленіе, въ которомъ бы эта мысль была живымъ выраженіемъ безконечнаго Существа со всѣмъ, что̀ въ немъ есть, со всѣми его идеями, такъ чтобы мысль эта въ своемъ проявленіи вполнѣ отражала его безпредѣльный умъ. А при такихъ условіяхъ заключаемъ, что такое проявленіе не можетъ быть только такъ-сказать формальнымъ отраженіемъ безпредѣльнаго ума, а должно быть живымъ—безпредѣльно дѣятельнымъ отраженіемъ, т.-е. представлять силу самосущую, какая приличествуетъ Существу безпредѣльному, самосущее лице. Божественное откровеніе и учитъ, что въ Богѣ есть третье лицо — св. Духъ, испытующій и глубины Божіи (1 Кор. 2, 10). Очевидно, эти разъясненія не раскрываютъ тайны троичности лицъ въ единомъ Богѣ, но все-таки уясняютъ хоть тѣнь предмета. Сказанное составляетъ примѣненіе только одной формы развитія разумныхъ существъ къ объясненію возможнаго въ ученіи о пресв. Троицѣ. Теперь остановимся на другой—воспроизведеніи себя въ подобныхъ себѣ существахъ. Можно ли безконечное Существо представлять безъ всякаго какого бы то ни было воспроизведенія себя самаго? Уже изъ того, что это Существо должно безконечно проявлять себя, оно не можетъ не быть воспроизводительнымъ. Если и конечныя существа, при ограниченности своей природы, имѣютъ неисчерпаемую силу воспроизведенія, то въ безпредѣльномъ Существѣ сила эта тѣмъ болѣе должна быть безпредѣльна. Но какъ скоро мы допустимъ ту мысль, что оно воспроизводитъ себя въ своихъ твореніяхъ, то мы не можемъ сказать, чтобы его воспроизведенія были равносильны его природѣ, тогда какъ воспроизведенія безконечнаго Существа должны быть безпредѣльны въ своемъ бытіи, жизни и совершенствахъ, т.-е. быть полнымъ подобіемъ Существа безконечнаго. И какъ такое воспроизведеніе необходимо должно рождаться изъ самой сущности безконечнаго, то мы приходимъ къ тому изображенію этого воспроизведенія, какое представляетъ намъ Откровеніе, когда учитъ, что Богъ прежде всѣхъ вѣковъ раждаетъ изъ Себя существо совершенно себѣ равносильное, которое само въ себѣ есть полнѣйшее Его

подобіе по бытію, жизни и совершенствамъ. Это равносильное безконечному Существу есть лице и вмѣстѣ Сынъ. Въ Сынѣ, который представляетъ въ себѣ равное существо съ Отцомъ, Отецъ видитъ Свое собственное безконечное существо, Свое совершенное воспроизведеніе. И это воспроизведеніе должно быть предвѣчно по отношенію къ природѣ конечной, необъятно, неограниченно и всесовершенно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обращая вниманіе на тѣ законы, по которымъ воспроизводится разумная природа, мы замѣчаемъ, что послѣдняя, вмѣстѣ съ воспроизведеніемъ того или другаго существа, производитъ изъ себя и главную основу бытія и жизни этого существа. Такимъ образомъ, съ рожденіемъ существа разумнаго, воспроизводится и та основная сила въ духѣ, которая условливаетъ и вызываетъ его дальнѣйшее развитіе. Нѣчто подобное нужно предположить и въ отношеніи къ природѣ безконечной. Отъ Отца рождается Сынъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны предположить, что изъ того же безконечнаго Существа происходитъ и та сила жизни, которая есть Духъ безконечный. Исходя изъ глубины безконечной природы, сила эта должна почить въ той природѣ безконечной, которая единосущна Отцу и есть Его образъ, т.-е. въ Сынѣ. Такимъ образомъ Духъ святый, исходя изъ природы безконечной, долженъ чрезъ Сына дѣйствовать на природу конечную. Такъ и Откровеніе учитъ, что вмѣстѣ съ рожденіемъ Сына исходитъ и Духъ святой, который, исходя отъ Отца, почиваетъ въ Сынѣ и чрезъ Него является въ дальнѣйшей творческой дѣятельности.

Если нужно еще что-нибудь прибавить къ объясненію догмата о троичности лицъ въ единомъ Богѣ, то нужно остановиться на раскрытіи понятія о безпредѣльныхъ совершенствахъ безконечнаго Существа. Существо безконечное, обладая безпредѣльными совершенствами, непремѣнно должно проявлять эти совершенства. Но какъ же могутъ они проявляться? Было уже говорено, что не въ одномъ только конечномъ мірѣ. Надобно, чтобы та сфера, въ которой вполнѣ проявляется природа безконечная, была такъ же безпредѣльна, какъ она сама — эта безконечная природа. Ничего нельзя разумнѣе представить, какъ то, что изъ Существа безконечнаго рождается совершеннѣйшій образъ его— Сынъ, въ которомъ оно созерцаетъ себя и свои совершенства.

Ясно, что такой образъ не можетъ быть только какой-нибудь идеальный, отвлеченный, а тѣмъ менѣе формальный, напротивъ, этотъ образъ долженъ быть живой и совершенный образъ безконечнаго Существа и долженъ отражать всѣ его дѣйствительныя совершенства, т.-е. быть лицомъ. Въ этомъ образѣ безконечнаго Существа должно выражаться и то направленіе, которое свойственно совершенствамъ безконечной природы, чтобы этотъ образъ не только въ себѣ самомъ отражалъ совершенства существа безконечнаго, но чтобы и въ собственной дѣятельности, при отраженіи этихъ совершенствъ, второе лицо было едино съ первымъ,—имѣло одно направленіе и одинъ духъ съ первымъ. Поэтому, вмѣстѣ съ раскрытіемъ этого безпредѣльнаго образа, въ которомъ отражается вся полнота совершенствъ безконечнаго, изъ того же безпредѣльнаго Существа исходитъ Духъ, который почиваетъ въ Сынѣ и такъ-сказать соединяетъ Его съ первымъ Лицемъ не только въ отношеніи къ существу, но и къ волѣ и дѣятельности. Такимъ образомъ при различіи лицъ въ нихъ сохраняется единство мыслей, чувствъ и желаній, а слѣдовательно и дѣйствій. Такъ какъ органъ такого единенія между лицами Божества не можетъ быть иначе представляемъ, какъ въ видѣ силы также совершенной, какъ первое и второе лица, то и эта сила должна быть лицомъ. Такъ и Откровеніе учитъ, что отъ Отца рождается Сынъ и исходитъ св. Духъ, который почиваетъ въ Сынѣ и соединяетъ ихъ существо и мысль, чувство и волю съ дѣятельностью, такъ что, какъ ни Отецъ немыслитъ и не дѣйствуетъ безъ Сына, ни Сынъ безъ Отца, ни Сынъ безъ Духа, такъ ни Духъ безъ Сына и Отца.

Представленныя соображенія о троичности лицъ въ единомъ Божествѣ не лишены сами въ себѣ положительныхъ основаній, но представляютъ въ себѣ не болѣе, какъ снятый умомъ очеркъ съ положительнаго откровеннаго ученія. Само собою разумѣется, что въ представленныхъ объясненіяхъ не достаетъ того, что̀ нужно къ *полному* уясненію тайны, но иначе и быть не должно: если бытіе ограниченное представляетъ много неразрѣшимыхъ повидимому загадокъ, то эти загадки тѣмъ неизбѣжнѣе и глубже должны быть, когда мысль человѣческая усиливается разъяснить для себя тайны бытія и жизни Существа безконечнаго....

2) За послѣднія три-четыре десятилѣтія мы переживаемъ эпоху борьбы представителей христіанской науки съ особенно усилившимися нападеніями на второе лице пресв. Троицы, воплотившееся и пострадавшее до нисхожденія на крестъ за грѣшный родъ человѣческій. Эта борьба преимущественно сосредоточивается на вопросѣ о евангельской исторіи Господа и Спасителя нашего І. Христа,—о достовѣрности сказаній этой исторіи относительно лица, ученія и дѣлъ Его. Борьба эта имѣетъ важное значеніе: пока евангельскія сказанія имѣютъ для людей силу неоспоримости фактовъ ихъ собственнаго непосредственнаго наблюденія, какъ будто изображаемыя данныя относительно І. Христа проходили предъ ихъ глазами, до тѣхъ поръ они съ полною вѣрою и безукоризненною основательностью могутъ исповѣдывать свою вѣру во Христа, какъ Сына Божія, искупившаго человѣчество отъ грѣховъ и возродившаго къ новой жизни, и наоборотъ съ утратою достовѣрности еванг. сказаній падаетъ все христіанское ученіе. Потому-то, съ какою энергіей недруги христіанства въ своихъ сочиненіяхъ: Das Leben Jesu Штрауса, Vie de Jésus Ренана, Characterbild Шенкеля и т. под. напрягаются подорвать достовѣрность евангельской исторіи, съ такой же, или даже еще большей, энергіей друзья христіанства въ своихъ капитальныхъ изслѣдованіяхъ, напр. Glaubwrüdigkeit der evangelischen Geschichte Толюкка, Wissenschaftliche Kritik der evangelischen Geschichte Эбрарда, Leben Jesu Неандера и т. под., ищутъ и находятъ строго-научныя доказательства въ пользу истинности сообщаемаго въ евангеліяхъ касательно лица, жизни и дѣятельности Христа. Изъ разнообразныхъ гипотезъ, построенныхъ недругами христіанства для снятія съ еванг. исторіи ея чудеснаго характера и для изъясненія происхожденія такого характера еванг. исторіи, пользуется наибольшею популярностью та гипотеза, по которой вся чудесная евангельская исторія разсматривается какъ плодъ поэтизирующей фантазіи первобытнаго христіанскаго общества, какъ рядъ миѳическихъ сказаній, невольно образовавшихся въ неразвитомъ и суевѣрномъ обществѣ первыхъ христіанъ, подобно тому какъ создавались миѳы всякіе другіе въ раннюю пору младенчествующихъ народовъ. Хотя эта гипотеза уже достаточно показала свою несостоятельность

подъ могучими ударами научной христіанской апологетики, тѣмъ не менѣе, пока она еще держится упорствомъ ея сторонниковъ, необходимо сводить съ нею счеты. Такъ какъ вопросъ о достовѣрности евангельскихъ сказаній есть вопросъ историческій, то христіанская апологетика до сихъ поръ и боролась съ защитниками миѳическаго происхожденія еванг. сказаній, прежде всего со Штраусомъ, на почвѣ исторической. Но для наибольшей побѣды надъ противниками христіанства должно сводить борьбу и на философскую почву. Историческіе аргументы оправдываютъ только дѣйствительность или вѣрность фактовъ и сказаній еванг. исторіи, но это оправданіе получаетъ еще болѣе непоколебимую силу, когда, исходя изъ какихъ-либо твердыхъ основаній, раціональнымъ путемъ доказываютъ, что еванг. повѣствованія о І. Христѣ и Его дѣятельности и должны быть непремѣнно таковыми, каковыми они являются въ Новомъ Завѣтѣ. Съ этой-то стороны и предлагается предстоящее обсужденіе вопроса. Въ этомъ случаѣ остановимся на двухъ фактахъ еванг. исторіи, безспорныхъ даже и для невѣрующей мысли, и посмотримъ, къ какимъ необходимымъ выводамъ ведутъ они.

Многіе раціоналисты, напр. Альмъ, указываютъ на отсутствіе сколько-нибудь обстоятельныхъ извѣстій объ І. Христѣ у современныхъ ему языческихъ и другихъ писателей, думая этимъ подкрѣпить недостовѣрность еванг. сказаній. Но развѣ есть что-нибудь удивительное, клонящееся даже къ подрыву еванг. исторіи, въ томъ, что писатели, наиболѣе заинтересованные общимъ состояніемъ іудейскаго народа или даже только римскаго государства въ тѣсномъ смыслѣ слова, не обратили достаточнаго вниманія на только-что явившееся въ міръ христіанство, которое поверхностному взгляду представлялось не инымъ чѣмъ, какъ выродившейся изъ іудейства религіозною сектой, неважною по числу, образованію и состоянію своихъ послѣдователей? Но говоря мало о Христѣ, древніе писатели въ то же время говорятъ совершенно достаточно для того, чтобы вести всякую безпристрастную мысль къ признанію необычайности лица и дѣлъ Его. Древніе писатели передаютъ намъ два факта: 1) Христосъ дѣйствительно жилъ и былъ распятъ; 2) Христосъ основалъ христіанскую церковь. Что І. Христосъ

дѣйствительно существовалъ и умеръ крестною смертью, объ этомъ свидѣтельствуютъ и іудейскіе и языческіе писатели. *Іосифъ Флавій* (род. въ 77 г. по Р. Х.), *Тацитъ* (род. въ 61 или 62 г.), *Светоній* (род. около 70 г.), *Лукіанъ* (жившій въ царствованіе императора Адріана) и *Цельсъ* (современникъ послѣдняго). Что касается основанія христіанской церкви І. Христомъ, то замѣчательно, что и языческіе писатели, какъ-то: Тацитъ, Светоній, Цельсъ и другіе, представляютъ Его исключительнымъ и единственнымъ основателемъ новаго христіанскаго ученія, между тѣмъ какъ ученики Христа вовсе не упоминаются рядомъ съ Нимъ или имъ отводится подчиненное зависимое положеніе. Вотъ эти-то неоспоримые факты, при внимательномъ и глубокомъ разсмотрѣніи ихъ, даютъ неоспоримыя для честной и непредвзятой мысли основанія къ признанію истинности евангельскаго образа І. Христа.

Въ самомъ дѣлѣ, что̀ именно слѣдуетъ изъ этихъ фактовъ? Если мы сопоставляемъ эти два положенія,—именно: *Христосъ жилъ и былъ распятъ*, при чемъ *Онъ же основалъ христіанскую церковь*,—въ непосредственной связи другъ съ другомъ, то они представляются намъ противоположными до взаимной исключаемости. Есть-ли возможность понять, что одинъ изъ іудейскихъ учителей, котораго кратковременная публичная дѣятельность закончена была страшнымъ и позорнымъ фактомъ распятія Его на крестѣ, основалъ христіанскую церковь, имѣющую почти двухтысячелѣтнюю славную исторію? Остается одинъ исходъ: для разумно-достаточнаго объясненія этого факта мы никакъ не можемъ останавливаться на однихъ только іудейскихъ и языческихъ сообщеніяхъ о распятомъ, а должны идти далѣе ихъ, приписавши Христу такія свойства, съ которыми бы Онъ являлся намъ вполнѣ способнымъ къ основанію общества, столь замѣчательнаго по своей долговѣчности и различнымъ высокимъ проявленіямъ своей жизни. Утверждаемые іудейскими и языческими писателями факты должны имѣть между собою какія-либо посредствующія звенья и притомъ высшаго рода. И мы вынуждаемся предполагать въ срединѣ между этими фактами вещи необычайной важности и высшаго достоинства. Что̀ же именно мы должны предположить?

Анализируемъ подробнѣе составныя части исторической исти-

ны: *распятый іудей основалъ христіанскую церковь.* Прежде всего: *іудей!* Такимъ образомъ—отрасль народа, между которымъ и природнымъ римляниномъ или образованнымъ грекомъ, несмотря на нѣкоторое сближеніе ихъ ко времени Христа, всегда еще существовала непроходимая пропасть съ одной стороны вслѣдствіе презрѣнія, какое питали въ особенности культурные языческіе народы къ іудеямъ, съ другой, вслѣдствіе вѣчной приниженности и боязливости іудеевъ предъ прочими народами. Далѣе: къ этому еще *распятый* іудей. Слѣдов. человѣкъ, потерпѣвшій наказаніе, самое постыдное въ глазахъ всѣхъ людей того времени, и тѣмъ завѣнчавшій свою дѣятельность. Теперешнихъ нашихъ воззрѣній на крестъ ненужно нисколько примѣшивать ко взглядамъ напр. римлянъ на это орудіе казни,—римлянъ, не знавшихъ ничего постыднѣе и омерзительнѣе въ этомъ отношеніи по свидѣтельству Цицерона, Ульпіана и другихъ. Для іудеевъ же позоръ крестной казни увеличивался еще отъ того, что она совершена была при посредствѣ язычниковъ—римлянъ. И этотъ-то распятый іудей *основалъ христіанскую церковь* непосредственно самъ! Вѣдь основать церковь для Христа значило возбудить вѣру въ Себя какъ въ *Бога* [2]) и положить начало высочайшей и безпримѣрной изъ религій по ея догматическому и нравственному ученію,—такой религіи, которая произвела благодѣтельнѣйшій переворотъ въ мірѣ и до сихъ поръ господствуетъ надъ всѣми сторонами человѣческой жизни, внося въ нихъ прогрессъ. Какъ могло все это произойти? Каждое дѣйствіе имѣетъ причину, въ которой потенціально должно лежать все, что въ дѣйствіи обнаруживается актуально—новыми явленіями и перемѣнами въ прежнихъ. Великое дѣло можетъ произойти только отъ великаго духа, необычайное слѣдствіе—лишь изъ необычайной силы. Представимъ, что, кромѣ указанныхъ свидѣтельствъ о Христѣ со стороны Іосифа Флавія, Тацита и т. д., мы не имѣемъ ни евангельскихъ, ни другихъ какихъ-либо повѣствованій о Христѣ и Его дѣлѣ. Что́ же должны мы предположить въ виду первоначальнаго утвер-

---

[2]) А что первые христіане вѣровали въ І. Христа какъ въ Бога, это видно даже изъ письма Плинія къ Траяну.

жденія христіанства въ мірѣ, когда одна половина человѣчества могла быть привлечена къ евангелію только чудесами, а другая—высшей мудростью (1 Кор. 1, 22), и въ виду продолженія церкви въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ среди многочисленныхъ и постоянныхъ препятствій какъ извнѣ, такъ и извнутри? Имѣемъ право прежде всего хоть на такое предположеніе: именно, что Христосъ, какъ основатель новой религіи, былъ въ религіозно-нравственномъ отношеніи замѣчательнѣйшей, выдающейся личностью. Новая критика низводитъ Христа въ общую категорію многихъ другихъ образователей христіанскаго общества, но для опроверженія этого достаточно припомнить свидѣтельства такихъ лицъ, какъ Тацитъ, Лукіанъ, Цельсъ, Плиній и Александръ Северъ, которые знали лучше современныхъ раціоналистовъ, отъ кого собственно ведетъ начало христіанство. Такія свидѣтельства говорятъ тѣмъ самымъ и за превосходство Христа предъ ближайшими изъ окружавшихъ Его лицъ. Это превосходство доказывается какъ тѣмъ, что доселѣ ни одинъ злѣйшій врагъ Христа не нашелся, оставаясь вѣрнымъ надлежащему пониманію истиннаго благочестія и истинной нравственности, сказать о Немъ что-либо недостойное, такъ и тѣмъ, что основанная Христомъ религія, по своимъ кореннымъ началамъ, предполагаетъ въ человѣчествѣ, послушномъ Христу, только безукоризненно высокую жизнь. Но недостаточно сказать, что указанные безспорные факты ведутъ только къ признанію І. Христа выдающеюся личностью. Посвидѣтельству языческихъ писателей самые первые христіане почитали І. Христа единороднымъ Сыномъ Божіимъ по самому существу Его природы. Что же могло послужить основаніемъ для такой вѣры? Конечно, свидѣтельства Христа о себѣ и фактическое подтвержденіе этихъ свидѣтельствъ въ глазахъ окружавшихъ Христа дѣлами Его, достойными Бога и возможными только для Него. Еслибы І. Христосъ не свидѣтельствовалъ Самъ о себѣ, какъ Сынѣ Божіемъ, то ученики Его всегда оставались бы съ исторически уже бывшей идеей великаго пророка или мессіи. Но эта идея хотя заключала въ себѣ указанія на многія божественныя особенности таковаго высшаго посланника, однакожъ, говоря строго, существенно не возвышала его надъ человѣческой природой. Съ другой стороны, одно словесное выраженіе Христомъ

своихъ необычайныхъ достоинствъ конечно неспособно было бы произвести твердаго убѣжденія въ ученикахъ, если бы въ то же время эти достоинства не отражались до очевидности во всѣхъ обнаруженіяхъ жизни І. Христа. И необходимо думать, что впечатлѣніе какъ самосвидѣтельствъ Христа, такъ и фактическаго доказательства ихъ глубоко проникло въ душу учениковъ, такъ какъ иначе позднѣйшее созерцаніе позорныхъ страданій Христа и видъ смерти Его на крестѣ могли бы изгладить это впечатлѣніе. Не значитъ ли это, что І. Христосъ только какъ Сынъ Божій могъ произвести такое впечатлѣніе на учениковъ?

Чтобы оспорить это предположеніе, враги христіанства уже давно придумали и теперь еще не перестаютъ указывать на врожденную склонность людей къ нѣкотораго рода обожествленію (апотеозированію) великихъ мужей, въ особенности основателей религіи, на страсть къ прославленію, присущую человѣческой природѣ. Въ интересахъ истины конечно нельзя отрицать, что людямъ дѣйствительно присуща склонность идеализировать, т.-е. возвеличивать почетныхъ и излюбленныхъ лицъ болѣе, чѣмъ того они заслуживаютъ. Но если хотятъ воспользоваться этой склонностью для объясненія происхожденія вѣры учениковъ Христа и ближайшихъ Его послѣдователей въ божественную природу ихъ Учителя, въ существенное сыновство Его съ Богомъ, то впадаютъ въ крупную ошибку. Во-первыхъ, эта наклонность къ идеализаціи въ отношеніи ко Христу должна была обнаружиться совершенно иначе, чѣмъ какъ она обнаружилась. Влеченіе къ прославленію черпаетъ матеріалъ и пріобрѣтаетъ форму для своей дѣятельности частію непосредственно изъ собственнаго духа и сердца тѣхъ, кто предается ему, и частію изъ исторіи. Прославляющій переноситъ на прославляемаго или то, что́ находитъ въ себѣ самомъ, или то, что узнаетъ изъ исторіи. Но ни изъ того, ни изъ другаго источника человѣкъ не въ состояніи почерпнуть больше того, что они могутъ дать. Примѣняя сказанное къ спорному вопросу, мы готовы согласиться, что идея высочайшаго совершенства, въ силу внутренняго сродства человѣка съ Богомъ, сама по себѣ могла достигнуть сознанія въ человѣческомъ духѣ, но рѣшительно невѣроятно, будто бы эта идея именно въ тогдашнемъ мірѣ могла вы-

ступить на свѣтъ въ человѣческомъ сознаніи и родилась только изъ него одного безъ достаточнаго внѣшняго, исходящаго не изъ человѣческаго, а высшаго міра, основанія. Тогдашнее человѣчество вовсе неспособно было собственными средствами произвесть такой идеалъ, каковымъ является Іисусъ Христосъ. Это человѣчество было погружено въ духовно-нравственное растлѣніе, но изъ бездны грѣховъ и даже изъ глубочайшей потребности искупленія отъ нихъ, взятыхъ только въ себѣ самихъ, очевидно, не могли произойти ни образъ высочайшаго Существа, каковымъ является Христосъ, ни дышащая жизненной свѣжестью вѣра въ него. Положимъ, въ исторіи дана была форма такого образа въ іудейской мессіанской идеѣ. Но идея мессіи, сравнивая её съ тѣмъ, что̀ заключается въ христіанской идеѣ Сына Божія, далеко не одно и то же съ этой послѣднею: первая частію не выходитъ изъ области строго-человѣческой природы, хотя и предполагаетъ мессію одареннымъ чудесными свойствами, частію изображается въ чертахъ національной іудейской ограниченности; она принадлежитъ къ области, гдѣ божественное и человѣческое, несмотря на свое взаимное сближеніе, все еще представляются внѣ другъ друга; отсюда она и свое историческое значеніе главнымъ образомъ имѣла для іудейской теократіи. Но эти ограниченія въ представленіи о мессіи должны были разрушиться и они дѣйствительно разрушились въ идеѣ Сына Божія, соединившаго въ своей личности божество и человѣчество и Своимъ Духомъ истинно и совершенно собравшаго все человѣчество въ одно царство Божіе. Здѣсь мы видимъ не просто степенное возвышеніе мессіанской идеи, но нѣчто существенно новое. Такъ, допуская даже возможность перенесенія учениками Христа исторически даннаго мессіанскаго понятія въ увеличенномъ видѣ на лице Христа вслѣдствіе влеченія къ прославленію Его, мы никакъ не можемъ разумно изъяснить изъ самостоятельной субъективной дѣятельности учениковъ того существенно-новаго по своей безусловной высотѣ и по своему безграничному совершенству, что неразрывно соединено въ новозавѣтныхъ сказаніяхъ съ личностью Христа. Если бы въ этомъ дѣлѣ все утверждалось только на субъективномъ влеченіи къ прославленію, то намъ открылись бы совсѣмъ другія явленія. Положимъ, что историческій образъ Христа овла-

дѣлъ той или иной головой, особенно склонной къ идеализированію, какъ напр. лице Аполлонія Тіанскаго—Филостратомъ, и изъ этого образа такая голова создала нѣчто особенное, увлекшее и другихъ. Но развѣ изъ такого источника возникла бы вѣра человѣчества во Христа, все болѣе и болѣе захватывающая въ свою область разные народы земли? Вѣдь такаго рода фактъ ведетъ къ признанію объективной и рѣшительной необходимости образованія такой вѣры, утверждавшей эту вѣру, съ одной стороны, на свидѣтельствѣ Іисуса Христа о Себѣ и Своемъ отношеніи къ Богу, а съ другой на дѣлахъ Его и на соотвѣтствіи всей личности Христа первообразу высочайшаго и совершеннѣйшаго, лежащему въ глубинѣ человѣческаго духа. Далѣе, еслибы влеченіе къ прославленію Христа и находилось въ самомъ первомъ христіанскомъ обществѣ, то оно—это влеченіе—было бы ослаблено въ первоначальномъ своемъ проявленіи другимъ, совершенно противоположнымъ, ему влеченіемъ, а въ своемъ дальнѣйшемъ раскрытіи непремѣнно уступило бы мѣсто развитію этого послѣдняго влеченія. Въ самомъ дѣлѣ, въ человѣческой природѣ точно также лежитъ и наклонность развѣнчивать великихъ людей и заподозривать ихъ то въ томъ, то въ другомъ. Эту-то именно наклонность во многихъ людяхъ по отношенію къ лицу Христа мы и встрѣчаемъ съ самаго вступленія Его въ жизнь и исторію. Люди любятъ по себѣ судить о другихъ, и потому-то такъ часто встрѣчается и вообще недовѣріе къ чистотѣ и благородству другихъ и забрасыванье грязью самыхъ возвышенныхъ характеровъ. Гдѣ находится такое влеченіе къ мѣрянью другихъ на собственный, часто весьма дурнаго и фальшиваго качества, аршинъ, тамъ весьма трудно укореняется вѣра въ святость даже такихъ людей, вся жизнь которыхъ передъ нашими глазами. Но не тѣмъ ли неизмѣримо труднѣе можетъ возникнуть вѣра въ чье-либо *необыкновенное* величіе безъ *всякаго* внѣшняго вынужденія изъ *одного* безсодержательнаго влеченія къ прославленію? Вѣдь это было бы своего рода чудомъ. Ссылка на ближайшихъ учениковъ Іисуса Христа не разрѣшаетъ этой неразрѣшимой загадки: апостолы были люди же, а влеченіе къ униженію великаго и славнаго живетъ хоть въ небольшихъ дозахъ во всѣхъ людяхъ. Допустимъ нарочито, что въ ближайшихъ послѣдователяхъ Іисуса Христа это

послѣднее влеченіе было пересилено влеченіемъ къ прославленію Его въ извѣстное время. Но въ такомъ случаѣ чѣмъ же объяснить, что позднѣйшія событія въ жизни Іисуса Христа не выдвинули иное противоположное влеченіе? Между тѣмъ мы видимъ какъ разъ противный фактъ. Есть-ли послѣ этого какой-нибудь смыслъ въ увѣреніи, будто вѣра во Іисуса Христа, какъ Сына Божія и Спасителя человѣческаго рода отъ грѣха, проклятія и смерти, возникла изъ одного влеченія къ идеализаціи великихъ мужей? Простое влеченіе къ прославленію не произвело бы наконецъ тѣхъ дѣйствій христіанской вѣры, которыя мы имѣемъ предъ собою фактически. Вѣра въ Іисуса Христа, за которую множество съ радостью переносило необычайныя мученія и позорную смерть и которая до сихъ поръ служитъ источникомъ всего высокаго и человѣчнаго, составляетъ неопровержимое доказательство того, что это лицо было дѣйствительно чистѣйшимъ и высочайшимъ и что оно безъ аттрибутовъ земной славы обнаружило предъ своими современниками такое духовное величіе, ради котораго послѣдніе отрѣшились отъ всѣхъ ограниченій своего самолюбія и разныхъ предубѣжденій, внутренно не могли не признать въ немъ безпримѣрнаго лица и съ постоянно возрастающимъ воодушевленіемъ тѣснѣе и тѣснѣе привязывались къ нему. Чѣмъ же однако Іисусъ Христосъ вызвалъ вѣру въ себя со всѣми ея великими послѣдствіями? Разсмотримъ это обстоятельнѣе.

Распятый Іисусъ Христосъ, такъ необыкновенно воздѣйствовавшій на окружавшихъ Его лицъ, долженъ былъ, рядомъ съ другими великими нравственными качествами, носить въ своемъ сердцѣ всепобѣждающую, всеобнимающую и всепроникающую силу любви къ Богу и людямъ. Если этого недопустить, тогда станетъ непонятнымъ, почему до Него человѣчество даже не знало теоретически этого чувства въ его христіанскомъ видѣ, столь существенно отличномъ отъ того, чему учили и чему слѣдовали до Христа даже лучшіе люди древняго міра. Между тѣмъ любовь одушевлявшая Іисуса Христа на дѣлѣ уже воспламенила этимъ чувствомъ первыхъ Его послѣдователей и воспламеняетъ лучшихъ людей до сихъ поръ. Далѣе, распятый Іисусъ Христосъ долженъ былъ преподавать вообще такое ученіе, которое должно было заключать въ себѣ истины: а) способныя выдержать

всякую пробу ума, такъ какъ оно обратило къ себѣ весьма различнаго склада умы и не смотря на препятствія, внутренно крѣпло, б) глубокія и многосодержательныя, такъ какъ оно въ теченіе столѣтій преклоняло предъ собою и доселѣ преклоняетъ самые великіе умы, и наконецъ в) простыя и очевидныя, такъ какъ никакое другое ученіе въ сколько-нибудь похожей степени не было подъ силу самой массѣ. Но и нравственная высота Іисуса Христа и Его ученіе не въ состояніи были бы восторжествовать надъ всѣми препятствіями къ признанію Іисуса Христа единороднымъ Сыномъ Божіимъ. Греки, искавшіе высшей мудрости и неособенно гнушавшіеся рабскимъ видомъ учителя и неблестящей формою ученія, въ отдѣльныхъ случаяхъ быть-можетъ еще могли быть привлечены къ вѣрѣ этимъ путемъ. Но какъ же христіанство могло распространиться среди іудеевъ, требовавшихъ чудесъ? Для нихъ препятствіемъ должно было быть уже одно сознаніе, что мессія погибъ на крестѣ. Крестъ и Сынъ Божій—это для іудеевъ несоединимыя представленія болѣе даже, чѣмъ для язычниковъ. Между этими несоединимыми представленіями въ срединѣ мы непремѣнно должны предположить какую-либо связь. Эта связь—такія дѣла Іисуса Христа и такія событія въ Его жизни, которыя подтверждали бы Его свидѣтельство о Своемъ лицѣ и Своей миссіи. Если и вообще трудно представить себѣ непосредственнаго посланника Божія безъ способности къ необыкновеннымъ дѣйствіямъ, то іудейская древность окончательно не могла представить его безъ прямыхъ божественныхъ свидѣтельствъ о немъ во всей его дѣятельности и судьбѣ (см. Ис. 9, 5, 35, 5 и проч.). Слѣдовательно въ глазахъ іудеевъ только чудеса Іисуса Христа могли лишить силы и значенія позоръ Его смерти. Поэтому-то мы и видимъ, что Христу дѣйствительно приписываются чудесныя дѣйствія не евангеліями только, но всей христіанской древностью и отчасти самими язычниками, хотя и съ иной, чѣмъ христіанская, точки зрѣнія. Могутъ возразить: „изъ того, что іудеи ожидали отъ мессіи чудесъ, странно заключать къ тому, что Христосъ и необходимо долженъ былъ совершать ихъ; мало-ли чего іудеи могли ожидать и требовать отъ Мессіи“? Отвѣчаемъ на это возраженіе: вѣдь мы и не говоримъ, что чудеса Іисуса Христа должны совершаться непремѣнно въ смыслѣ и въ духѣ тогдашняго времени

или отдѣльныхъ современниковъ Іисуса Христа. Мы предполагаемъ только необходимость вообще божественныхъ знаменій, которыя, проявляясь въ дѣлахъ и судьбѣ Христа, не позволяли бы сомнѣваться непредзанятымъ современникамъ Его въ томъ, что съ Нимъ дѣйствительно Богъ и что вся Его дѣятельность совершается подъ особеннымъ небеснымъ опредѣленіемъ и водительствомъ. Съ другой стороны, хотя требованіе отъ Христа чудесъ у многихъ современниковъ Его могло облекаться въ чувственныя формы, но все-таки въ основѣ такого требованія лежало нѣчто истинное, чему и долженъ былъ удовлетворить Богъ безъ всякаго противорѣчія себѣ и какого-нибудь приспособленія къ человѣческому суевѣрію. Существенный характеръ божественнаго есть не просто истина и святость съ любовью, но также и сила. Творчески возрождающая дѣятельность Божія должна относиться не только къ нравственной области, но и къ натуральной. Цѣли истиннаго и святаго, которое по вѣчному міровому плану предназначено къ выступленію особеннымъ образомъ въ извѣстные періоды человѣческой исторіи, должна служить также въ видѣ особенныхъ явленій и вся природа. Въ этомъ-то смыслѣ мы и говоримъ: на всемъ явленіи Христа должна была лежать печать высшаго Божественнаго подтвержденія. Не говоря о другихъ чудесахъ, которыя сами собою предполагаются въ жизни Іисуса Христа, спрашиваемъ: можно-ли допустить, чтобы кругъ жизни и дѣятельности Іисуса Христа закончился не инымъ чѣмъ, какъ только актомъ Его распятія? Это было бы самымъ несообразнымъ завершеніемъ мессіанской жизни особенно съ точки зрѣнія ближайше окружавшихъ Іисуса Христа. По меньшей мѣрѣ колебанія и сомнѣнія неизбѣжно должны были явиться въ ихъ душѣ въ виду распятія ихъ Учителя, хотя бы Его ученіе и весь нравственный обликъ раньше и вели ихъ мысль къ признанію въ Немъ болѣе и выше, чѣмъ человѣка. Но гдѣ же слѣды этихъ столь неизбѣжныхъ колебаній и сомнѣній въ пламенно вѣровавшихъ ученикахъ и другихъ послѣдователяхъ Христа, передавшихъ свою несокрушимую увѣренность въ сыновствѣ Христа съ Богомъ и дальнѣйшимъ вѣкамъ? Такая увѣренность могла не иначе образоваться, какъ съ дѣйствительной побѣдою Христа надъ

смертью. Нѣчто подобное воскресенію Христа въ наше время признаетъ необходимымъ для утвержденія въ ученикахъ Его вѣры и сама отрицательная критика. „Христіанскіе апологеты, говоритъ Штраусъ, съ совершеннымъ правомъ настаиваютъ на томъ, что необычайное превращеніе глубокаго унынія и всецѣлой безнадежности, въ моментъ смерти Христа, у Его учениковъ въ твердую силу вѣры и необычайное воодушевленіе, съ которымъ они стали проповѣдывать Его, какъ Мессію, въ ближайшій праздникъ Пятидесятницы, никакъ не можетъ быть объяснено, если мы въ промежутокъ этого времени не предположимъ чего-либо чрезвычайно ободряющаго, и при томъ собственно такого, что̀ убѣдило бы ихъ въ возвращеніи къ жизни распятаго Іисуса“. Но предвзятая мысль Штрауса конечно не можетъ въ воскресеніи І. Христа видѣть дѣйствительное событіе, съ Нимъ совершившееся. По его объясненію только въ мысли и воображеніи ближайшихъ послѣдователей І. Христа совершилось воскресеніе Его, какъ призракъ, вызванный ихъ душевнымъ настроеніемъ и ими принятый за нѣчто реальное, внѣ ихъ мысли и воображенія совершившееся. Но спрашивается: какимъ образомъ ученики І. Христа могли дойти до такого состоянія, чтобы въ нихъ возможно было образованіе такой галлюцинаціи, именно тогда, когда они находились подъ впечатлѣніемъ страданій и позорной смерти своего Учителя? Вѣдь для развитія галлюцинаціи необходима вполнѣ подходящая почва. Но гдѣ же она? Вѣдь ветхозав. мѣста (Псал. 16, 10. Ис. 10. 53), которыя будто бы могли питать мысль учениковъ Христа въ неизбѣжность Его воскресенія, не могли служить основаніемъ для явленія, якобы совершившагося только въ сознаніи ихъ. Вообще должно сказать, что находимыя въ Ветхомъ Завѣтѣ параллельныя мѣста для факта воскресенія Спасителя получили свой рѣшительный и полный смыслъ, въ буквальномъ ли ихъ значеніи или какомъ-нибудь другомъ, только со времени освѣщенія ихъ фактами евангельской исторіи Христа. Не странно ли производить вѣру въ воскресеніе Мессіи, безъ самаго факта воскресенія, только изъ немногихъ слабыхъ и самихъ по себѣ неясныхъ указаній подобнаго факта въ Ветхомъ Завѣтѣ? Вѣра въ воскресеніе Христа безъ факта воскресенія еще отчасти могла бы разсматриваться, какъ плодъ ветхозав. указаній,

еслибы было допущено отрицательной критикою, что ученики Христа, убѣдившись самымъ осязательнымъ образомъ въ полномъ соотвѣтствіи другихъ фактовъ въ жизни ихъ Учителя съ ветхозав. предсказаніями ихъ, не сомнѣвались въ необходимости исполненія и пророчествъ о воскресеніи и увѣрились въ этомъ воскресеніи безъ совершенія его на дѣлѣ. Но допустить это значитъ допустить и дѣйствительность воскресенія: вѣдь если рядъ предсказаній исполнился не мечтательно, а на дѣлѣ въ жизни Христа, то почему же такимъ точно образомъ не исполнилось только пророчество о воскресеніи Христа изъ мертвыхъ?... Такимъ образомъ всѣ соображенія ведутъ къ признанію дѣйствительности воскресенія І. Христа: иначе вѣра въ это воскресеніе психологически невозможна.

Какой же общій результатъ обсужденія фактовъ, засвидѣтельствованныхъ относительно І. Христа безспорнѣйшимъ образомъ? Тотъ, что І. Христосъ въ дѣйствительности былъ тѣмъ по своему лицу, по своей жизни и дѣятельности и по своей послѣдней судьбѣ, чѣмъ представляетъ Его Новый Завѣтъ. Иначе думать хотя и возможно, но неразумно. Въ самомъ дѣлѣ, представимъ І. Христа на минуту заурядной личностью среди другихъ лицъ, составлявшихъ ближайшее Его общество или бывшихъ учениками Его, какъ въ этомъ увѣряетъ отрицательная критика. Возможно ли тогда объяснить разумными соображеніями фактъ основанія церкви, приписываемый І. Христу самими языческими писателями? Представимъ духъ Христа безъ чистѣйшей нравственности и могущественнѣйшей силы любви, и тогда для насъ останется безъ всякаго достаточнаго жизненнаго источника всецѣло новое по своей чистотѣ и высотѣ необычайное развитіе нравственной жизни, какое мы находимъ въ первомъ христіанскомъ обществѣ, и воодушевлявшая его, братски связующая сила любви. Откажемъ ученію Христа въ особенной содержательности, несокрушимой твердости и всецѣлой практической примѣнимости его къ человѣческой жизни, и мы не поймемъ, откуда должны были получить свой исходный пунктъ великія преобразовательныя и зиждительныя идеи христіанства, потому что такое необычайное произведеніе духа, какъ это ученіе, не могло произойти, подобно какому-нибудь труду физическихъ силъ, изъ общей работы многихъ, но, подобно великимъ

произведеніямъ искусства, въ состояніи было выдти только изъ единичнаго творческаго духа какого-нибудь необыкновеннаго лица. Справедливо говоритъ Нибуръ, что каждое истинно-великое, гдѣ дѣйствуетъ духъ на духъ, происходитъ отъ одного индивидуума. Отвергнемъ, наконецъ, чудеса І. Христа, и особенно воскресеніе Его,—въ такомъ случаѣ чудесныя слѣдствія Его дѣла, богатыя такими великими плодами, потеряютъ для нашего разумнаго воззрѣнія самое существенное и необходимое условіе ихъ появленія особенно въ эпоху жизни І. Христа, и мы никакъ не объяснимъ себѣ происхожденія совершеннѣйшаго образа Христа, какой всегда былъ и находится въ сознаніи христіанскаго міра. Отказываясь отъ всѣхъ нашихъ прежнихъ предположеній, мы вынуждены будемъ или вопреки закону достаточнаго основанія производить христіанство, какъ безпричинный фактъ, изъ него самаго, т.-е. оставить его безъ объясненія, или прибѣгнуть къ предположеніямъ всякаго рода случайностей и несообразныхъ съ дѣломъ причинъ. Конечно, можно нарисовать и раціоналисты дѣйствительно рисуютъ образъ Христа, совершенно лишенный блеска чудесности и божественности и ничѣмъ собственно невыдѣляющійся изъ обыкновенныхъ, хотя бы очень умныхъ и добрыхъ, людей. Но такъ представляемый Христосъ могъ ли бы совершить то, что́ дѣйствительно совершено? Такой человѣчески-ограниченный Христосъ основалъ бы школу, и при томъ собственно іудейскую, но не міровую высочайшую религію съ церковью, которую не одолѣваютъ сами врата адовы, т.-е. всякія противныя ей силы. Онъ быть-можетъ способенъ былъ бы оказать нравственно-улучшающее воздѣйствіе на своихъ приближенныхъ и отчасти на современниковъ, но при своемъ собственномъ нравственномъ несовершенствѣ не нашелъ бы въ себѣ силы и средствъ вдохнуть въ человѣчество новую жизнь, силу искупленія и духъ святости. Къ разнообразнымъ человѣческимъ ученіямъ Онъ присоединилъ бы одно новое, быть-можетъ практически удобнѣйшее и простѣйшее, но это ученіе никогда и никого не заставило бы безусловно вѣрить въ божественное происхожденіе его виновника, постепенно затеривалось бы въ постоянномъ наплывѣ новыхъ системъ и едвали восторжествовало бы надъ какимъ-либо платонизмомъ или стоицизмомъ. И въ этомъ случаѣ быть-можетъ образъ такого Христа поставили бы въ ряду

благодѣтелей человѣчества и стали бы почитать его. Но какимъ образомъ пришли къ почитанію Христа, какъ совершеннѣйшаго первообраза святости, какъ сіянія славы Невидимаго, какъ Сына Божія и Искупителя міра? Какъ возникла вѣра, продолжающаяся тысячелѣтія и охватившая всѣ образованныя націи, въ такого именно І. Христа? Какъ могъ кто-нибудь рѣшиться изъза вѣры въ іудейскаго Учителя, слѣдуя Его ученію, не только вступить въ рѣшительное разногласіе съ іудейскимъ и языческимъ, образованнымъ и необразованнымъ міромъ, но и съ радостью жертвовать своей жизнью за христіанское исповѣданіе? На эти вопросы безсильна отвѣтить что-либо дѣйствительно, а непризрачно раціональное отрицательная критика, съ своей *предвзятой* и *чисто-догматической* точки зрѣнія ломающая и превратно истолковывающая факты дѣйствительные. Ей придется отдѣлываться опошлившимся замѣчаніемъ: поскольку-де мы знаемъ природу и міръ человѣческій, больше вѣроятностей существуетъ на сторонѣ натуральнаго или естественнаго изъясненія христіанства. На это замѣчаніе слѣдуетъ отвѣтить развѣ слѣдующее: вопервыхъ, природа и міръ человѣческій сами заключаютъ въ себѣ много такого, что́ остается и останется тайной для человѣческаго изслѣдованія. Почему же недопустимы иныя тайны, относящіяся къ области религіозной жизни человѣчества, гдѣ имъ наиболѣе мѣста? Вовторыхъ, возможность и дѣйствительность какихъ-либо предметовъ и явленій мыслящимъ человѣкомъ не могутъ быть отрицаемы на томъ пустомъ основаніи, что-де масса знакомыхъ ему и другимъ предметовъ и явленій непохожи на первые. Въ третьихъ, знаніе природы и человѣчества само по себѣ не только не можетъ препятствовать признанію подлинности сообщаемаго въ Новомъ Завѣтѣ, но, напротивъ, необходимо требуетъ этого признанія отъ всякаго человѣка, не желающаго творить себѣ кумира изъ какихъ-либо устарѣлыхъ узенькихъ идеекъ.... Въ четвертыхъ, пора бы уразумѣть, что естественное и сверхъестественное — не какія-либо взаимно другъ друга исключающія противоположности: для Бога и для послѣдовательно разсуждающей мысли человѣческой естественное и сверхъестественное не могутъ разграничиваться иначе, какъ развѣ на *условномъ* языкѣ человѣческомъ.

Итакъ, оставивши въ сторонѣ всѣ евангельскія свидѣтельства

и христіанскія преданія о Христѣ и пользуясь только краткими сообщеніями о Немъ языческихъ и частію іудейскихъ писателей, мы вынуждаемся представлять евангельскую исторію неиначе, какова она въ дѣйствительности. Пусть не существуетъ этой исторіи, она всетаки нами должна быть предположена въ существенныхъ своихъ чертахъ. Не безсмысленно ли утверждать, что содержаніе евангельской исторіи есть продуктъ игривой фантазіи, проникнутой пламенемъ религіознаго чувства? Нѣтъ! Евангельская исторія есть не рядъ миѳовъ, но дѣйствительная исторія основанная на строго раціональной необходимости. И это должна принять всякая непредвзятая логическая и критическая мысль. И если Штраусы большіе и маленькіе приходятъ къ противоположному возрѣнію, то—только потому, что *сжились* съ такими представленіями о высочайшемъ бытіи, которыя недопускаютъ творчески промыслительной дѣятельности личнаго Бога въ мірѣ. Но это—уже область психіатріи....

Х.

ГРАНИЦЫ РЕЛИГІИ, ФИЛОСОФІИ И ЕСТЕСТВОЗНАНІЯ

(ТРИ ЧТЕНІЯ ВЪ ПЕТЕРБ. ОБЩЕСТВѢ ЛЮБИТЕЛЕЙ ДУХОВНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ).

I.

Современный разладъ между религіей, философіей и естествознаніемъ. Невозможность исключительнаго господства положительныхъ наукъ. Отношеніе опыта къ разуму.

Было время, когда догматы вѣры не только не подвергались никакой критикѣ, но когда самое толкованіе ихъ, по крайней мѣрѣ со стороны частныхъ лицъ, было почти невозможно: время это ушло безвозвратно.

Теперь въ подтвержденіе своего мнѣнія не достаточно сослаться на тотъ или другой авторитетъ: ко всѣмъ авторитетамъ — въ наукѣ, въ религіи, въ искусствѣ мы привыкли относиться скептически, почти враждебно. Я не говорю: хорошо это или дурно; но это—фактъ, и мы должны признать его со всѣми его послѣдствіями.

Цѣлый рядъ апологетическихъ сочиненій не только на Западѣ, но и у насъ доказываетъ, что богословы поняли это и стараются оградить религію отъ нападокъ крайняго философскаго раціонализма и эмпиризма положительныхъ наукъ. Такое стремленіе заслуживаетъ конечно полнаго сочувствія, лишь бы за-

щитники вѣры въ увлеченіи борьбы не старались въ свою очередь вторгнуться въ чуждую имъ область противника: такая попытка неизбѣжно должна кончиться неудачею и прежде всего принести вредъ самой религіи.

Необходимо, чтобы тѣ, кто искренно сочувствуютъ дѣлу религіознаго и нравственнаго развитія человѣчества, убѣдились, что у религіи есть своя неприступная область, въ которой она имѣетъ безусловную силу; но что положительныя науки имѣютъ также свою сферу и свой методъ совершенно отъ нея независимый.

Всякая попытка какъ съ той такъ и съ другой стороны выйти изъ своихъ предѣловъ неизбѣжно ведетъ за собою безполезную борьбу, истощающую силы противниковъ и подрывающую ихъ авторитетъ.

Самое стремленіе нѣкоторыхъ богослововъ согласить догматы вѣры съ истинами разума даетъ уже поводъ къ недоразумѣніямъ, такъ какъ оно предполагаетъ возможность противорѣчія между ними и общую сферу дѣйствія.

Такихъ недоразумѣній, мнѣ кажется, не избѣгъ и Ѳ. Г. Тернеръ въ своихъ послѣднихъ чтеніяхъ о пессимизмѣ. Оставаясь на исключительно философской точкѣ зрѣнія я не могу слѣдовать за нимъ въ подробностяхъ его аргументаціи; я укажу здѣсь только на тотъ послѣдній результатъ, къ которому приводитъ насъ, по его мнѣнію, философія Запада: „философіи послѣдняго времени, говоритъ онъ, принадлежитъ та несомнѣнная заслуга, что не стѣсняясь никакими соображеніями и не останавливаясь на полдорогѣ она довела извѣстное направленіе до конца и тѣмъ освѣтила его со всѣхъ сторонъ“.

„Послѣдніе результаты являющіеся необходимымъ выводомъ изъ всего развитія философской мысли заключаются въ системахъ Шопенгауера и Гартмана.

„Всѣ другіе мыслители, выходящіе изъ одинаковой съ ними точки зрѣнія, т.-е. конечности человѣческаго существа и приходящіе къ различному отъ нихъ заключенію, напр. прежніе оптимисты и новѣйшее монисты, или остаются только на полдорогѣ недодумавшись до конца, или страшась все сильнѣе и сильнѣе проявляющагося сенсуализма въ дѣйствительной жизни, цѣпля-

ются за идеалы, которые при подобной исходной точкѣ разумно-логически существовать не могутъ".

„Для насъ важно то, что поставивъ человѣческую жизнь въ границы конечнаго, Гартманъ подобно Шопенгауеру, но только съ большею ясностью, послѣдовательностью и рельефностью, воспроизводитъ тотъ же пессимистическій взглядъ на все, къ которому подобная постановка вопроса должна неминуемо привести всякое логическое мышленіе; и мы не можемъ не сознаться, что Гартманъ поставивъ своею строгою неумолимою логикой человѣческую мысль какъ-бы въ тиски, заставляя ее выбирать между теистически христіанскимъ воззрѣніемъ на жизнь и необходимостью принятія, при поставленіи жизни въ границы одного конечнаго, его колоссально противоразумной теодицеи объ ошибкѣ созданія міра—принесъ христіанству болѣе пользы чѣмъ сотни апологетовъ" [1]).

Признаюсь, я не могу согласиться почти ни съ однимъ изъ этихъ положеній. Вопервыхъ, я не могу согласиться съ тѣмъ, чтобы системы Шопенгауера и Гартмана были настолько послѣдовательны, чтобы выходя изъ одинаковой съ ними точки зрѣнія необходимо было придти къ одинаковымъ результатамъ; вовторыхъ, они настолько различны между собою, что тотъ, кто признаетъ Шопенгауера логичнымъ, долженъ будетъ признать Гартмана нелогичнымъ и наоборотъ; въ третьихъ я совсѣмъ не вижу диллемы между теистически-христіанскимъ воззрѣніемъ и необходимостью принятія теодицеи Гартмана, такъ какъ возможно еще множество философскихъ системъ, которыя не ставя „человѣческую жизнь въ границы одного конечнаго", весьма далеки однако отъ признанія теистически христіанскаго воззрѣнія; и наконецъ едва ли возможно сказать, чтобы Шопенгауеръ и Гартманъ ставили человѣческую жизнь въ границы одного конечнаго (по крайней мѣрѣ если подъ конечностью разумѣть полное уничтоженіе сущности человѣка со смертію). Что касается тождественности вывода Шопенгауера и Гартмана, то признаюсь, я не только не вижу ея, но между „міромъ какъ воля и представленіе" и „философіею безсознательнаго" я не вижу почти

[1]) См. Христіанское воззрѣніе на жизнь въ сравненіи съ философскимъ оптимизмомъ и пессимизмомъ. *Ѳ. Тернера.* Спб. 1879 г.

ничего общаго: теорія познанія, метафизика, этика — все въ нихъ различно.

Тогда какъ для Шопенгауера міръ есть только представленіе, пространство и время только субъективныя формы познанія,— для Гартмана наоборотъ и пространство и время и матерія имѣютъ независимое отъ представленія бытіе; тогда какъ Шопенгауеръ въ этомъ отношеніи остается послѣдователемъ Канта, Гартманъ является его энергическимъ противникомъ и старается доказать необходимость реализма и обнаружить всѣ противорѣчія „критики чистаго разума".

Въ метафизикѣ между ними такое же коренное различіе: для Шопенгауера міровая сущность есть воля, все остальное не исключая разума только ея продуктъ или объективація,—для Гартмана и воля и разумъ только аттрибуты единаго безсознательнаго,

Что касается этики, то хотя Гартманъ и признаетъ единство міровой сущности, онъ видитъ однако, что прекращеніе того или другаго явленія въ отдѣльности не можетъ имѣть значенія для этой сущности, а потому и аскетизмъ, составляющій идеалъ Шопенгауеровской этики, не имѣетъ для него высшаго нравственнаго значенія.

Трудно поэтому произнести какое-нибудь общее сужденіе о двухъ системахъ расходящихся въ такихъ основныхъ положеніяхъ.

Но я не могу останавливаться дольше на этомъ вопросѣ, такъ какъ я имѣю въ виду не критику той или другой системы, того или другаго догмата или научнаго положенія, а хотѣлъ бы только въ самыхъ краткихъ чертахъ указать на различіе методовъ и задачъ религіи, философіи и естествознанія, не касаясь различія школъ и вѣроисповѣданій.

Если мы постараемся представить себѣ состояніе научнаго и философскаго уровня за три-четыре вѣка тому назадъ, когда философія была только помощницею и служанкою теологіи, онъ покажется намъ далеко не высокимъ; мы увидимъ цѣлый рядъ гигантскихъ, но долго напрасныхъ усилій лучшихъ умовъ, чтобы свергнуть съ себя иго схоластики.

До тѣхъ поръ, пока церковь брала на себя обязанность рѣшать всѣ вопросы не только нравственные и религіозные, но и чисто научные, до тѣхъ поръ не было мѣста самостоятель-

ному мышленію, и ученымъ прежде всего приходилось думать не о томъ, насколько ихъ положеніе согласуется съ законами разума, а о томъ, какъ бы не впасть въ противорѣчіе съ господствующими религіозными воззрѣніями.

Но какъ ни великъ былъ нравственный авторитетъ и гражданская власть церкви, какъ ни великъ былъ фанатизмъ среднихъ вѣковъ, человѣчество не въ состояніи было вполнѣ отказаться отъ раціональнаго способа познанія и положиться во всемъ исключительно на сверхъестественный свѣтъ Откровенія. Уже въ первые вѣка христіанства начали возникать ереси и расколы, не было слѣдовательно полнаго единомыслія, а для того, чтобы рѣшить споръ по крайней мѣрѣ о толкованіи и примѣненіи Писанія, приходилось прибѣгать къ аргументаціи, къ логическому сужденію.

По мѣрѣ того какъ охлаждался мистическій пылъ, разумъ все настойчивѣе заявлялъ свои права, и борьба между философіей и религіей, сначала глухая и скрытая, разгаралась сильнѣе и сильнѣе. Напрасно западные богословы старались воздвигнуть изъ догматовъ неприступную крѣпость, враги умножались: Бруно, Ванини, Спиноза, Юмъ то-и-дѣло наносили ей тяжелые удары и наконецъ она рухнула подъ напоромъ энциклопедистовъ.

Побѣда казалась полною, но вотъ уже почти сто лѣтъ со времени первой французской революціи, со времени провозглашенія культа богини Разума, а между тѣмъ въ самой Франціи еще недавно борьба возобновилась съ новою силою и до сихъ поръ нельзя предвидѣть ея исхода. Въ церкви оказалось болѣе жизни, чѣмъ думали ея противники.

Не разъ уже сталкивались разныя направленія человѣческой мысли и не разъ побѣжденныя чрезъ нѣсколько десятковъ или сотенъ лѣтъ оказывались побѣдителями.

Въ наше время отношеніе между философіей и естествознаніемъ почти также враждебны какъ нѣкогда между религіей и философіей; но выводить необходимые законы развитія изъ того ничтожнаго промежутка времени, который намъ извѣстенъ, было бы крайне неосторожно.

Въ зеркалѣ исторіи почти всегда отражается не духъ описываемыхъ временъ, а только фантазія самихъ историковъ и невольно вспоминаются слова Фауста:

Mein Freund, die Zeiten der Vergangenheit
Sind uns ein Buch mit sieben Siegeln;
Was ihr der Geist der Zeiten heisset
Das ist im Grund der Herren eigner Geist,
In dem die Zeiten sich bespiegeln.

Впрочемъ даже въ томъ случаѣ, еслибы мы стали судить о послѣднихъ задачахъ человѣческаго развитія по тому короткому промежутку времени, о которомъ мы знаемъ изъ исторіи, мы и тогда не въ правѣ будемъ прійдти къ тому выводу, на который позитивисты смотрятъ обыкновенно какъ на несомнѣнную истину. Конечно успѣхи и значеніе естественныхъ наукъ теперь уже громадны; положимъ, что значеніе это будетъ возростать съ каждымъ днемъ и вліяніе религіи и философіи становиться слабѣе и слабѣе, такъ что наступитъ наконецъ время, когда люди совсѣмъ позабудутъ о нихъ — развѣ отсюда слѣдуетъ, чтобы періодъ исключительнаго господства положительныхъ наукъ долженъ быть окончательнымъ? На этотъ вопросъ исторія очевидно уже не въ силахъ отвѣтить, потому что въ ея сферѣ нѣтъ фактовъ сколько-нибудь сходныхъ, представляющихъ какую-нибудь аналогію съ тѣмъ окончательнымъ господствомъ позитивизма, о которомъ мечтаютъ его приверженцы. Въ ней наоборотъ мы видимъ постоянную борьбу идей и стремленій, изъ которыхъ ни одно не приводитъ къ твердому неизмѣнному результату.

Но если въ настоящемъ случаѣ исторія не даетъ намъ отвѣта, не указываетъ ли на него простой здравый смыслъ? Возможно ли допустить, чтобы мѣсто блестящихъ результатовъ естествознанія снова заняла когда-нибудь туманная метафизика? Нѣтъ, однажды познанную истину не въ силахъ будутъ вытѣснить никакія заблужденія; а кто въ наше время рѣшится сомнѣваться въ истинахъ химіи, физики или механики, когда практическое примѣненіе ихъ каждый день доказываетъ ихъ достовѣрность?

Все это совершенно справедливо, и если бы философія занималась тѣми же вопросами какъ и частныя науки и находилась бы съ ними въ противорѣчіи, борьба была бы для нея очень невыгодна. Но предметъ философіи составляютъ такія задачи, которыхъ положительныя науки совсѣмъ не касаются, и задачи религіи лежатъ такъ же далеко за предѣлами этихъ наукъ.

Философія можетъ находиться въ противорѣчіи только съ ма-

теріалистическими воззрѣніями нѣкоторыхъ естествоиспытателей, а не съ самимъ естествознаніемъ. Матеріалисты слишкомъ легко забываютъ, что сами они выходятъ изъ предѣловъ положительныхъ наукъ: опредѣляя основное начало, какъ матерію и сводя къ нему все остальное, они даютъ произвольное имя тому, что Спенсеръ называетъ непознаваемымъ, и берутся рѣшить именно ту задачу, которую ставитъ себѣ метафизика. Что касается этой непознаваемости, то доказать ее не удалось не только Спенсеру, но и Канту, и ихъ собственныя изслѣдованія служатъ только новымъ подтвержденіемъ непреодолимой силы метафизической потребности.

Доказательство неразрѣшимости метафизическихъ вопросовъ было бы совершенно безполезно даже въ томъ случаѣ, еслибы оно было возможно. Правда, что въ вопросахъ чисто теоретическихъ такое доказательство почти равносильно рѣшенію, и трудиться надъ квадратурою круга или надъ розысканіемъ perpetuum mobile можетъ только тотъ, кто не видитъ несообразности этихъ вопросовъ.

Другое дѣло тамъ, гдѣ затронуты личные интересы или надежды человѣка: тамъ онъ долженъ знать или по крайней мѣрѣ предполагать какое-нибудь рѣшеніе потому, что ему необходимо дѣйствовать, и какъ бы логично мы ни убѣждали утопающаго, что всѣ его усилія напрасны, это не заставитъ его скрестить руки и спокойно идти ко дну.

Такъ и здѣсь: возможно ли, чтобы человѣкъ относился совершенно безучастно къ той участи, которая ждетъ его близкихъ и его самаго черезъ нѣсколько лѣтъ, можетъ-быть черезъ нѣсколько дней? А между тѣмъ смерть постоянно напоминаетъ намъ объ этой участи; между нами и умершими разомъ поднимается стѣна непроницаемая для научнаго изслѣдованія. Что сталось съ этими людьми? Мы вчера еще видѣли ихъ, говорили съ ними, понимали ихъ. А теперь? Что общаго между тѣломъ, которое скоро станетъ землею, и тою живою личностью, которую мы знали прежде? Или въ самомъ дѣлѣ мышленіе и воля и все, что мы называли душою, было не принципомъ жизни, а ея результатомъ, только функціею этого разлагающагося теперь тѣла? Или наоборотъ, это животворящее начало было божественнымъ отблескомъ, эманаціею вѣчнаго духа, которая те-

перь снова вернулась въ лоно божества и утратила всякую индивидуальность? Или наконецъ оно живетъ, живетъ какъ прежде, самостоятельною индивидуальною жизнью, и только бытіе его не проявляется для насъ и находится въ совершенно другой недосягаемой для наблюденія сферѣ?

Всѣ эти вопросы неволько являются почти каждому, когда ему приходится видѣть, „красоту нашу во гробѣхъ лежащую и неимущую вида“.

Къ чему эта жизнь, если результатомъ ея является полное уничтоженіе живущаго? Этотъ печальный итогъ, сравнивающій всѣ счеты приводя ихъ къ нулю, долженъ бы у всякаго отбить охоту продолжать тяжелую и безполезную борьбу за существованіе. Но что значитъ тогда инстинктъ самосохраненія? Не есть ли онъ злая насмѣшка природы надъ сознательнымъ разумомъ? Или наоборотъ онъ доказываетъ намъ, что бытіе человѣка не можетъ ограничиваться этою жизнью, что ничто не можетъ вернуться въ ничто, какъ ничто не могло изъ него возникнуть?

Необходимо отвѣтить на эти вопросы потому, что они лежатъ въ основаніи всей нашей жизни, всѣхъ нашихъ желаній и дѣйствій. Но положительныя науки безсильны передъ такою задачей. Если мы допустимъ самостоятельное бытіе духовнаго начала (а такого допущенія какъ гипотезы требуетъ простая логика, пока противное не доказано), мы должны будемъ признать однако, что познавать это начало мы можемъ не иначе какъ въ его матеріальныхъ проявленіяхъ, и если уничтожатся условія такого проявленія, т.-е. тѣлесный организмъ, то вмѣстѣ съ нимъ исчезнетъ и возможность этого познанія. Такимъ образомъ смерть является безусловною границею физіологіи и психологіи, и дальше начинается область метафизики и религіи. Какъ бы ни была темна для разума эта область, она притягиваетъ его съ неотразимою силой.

Но еслибы memento mori, какъ призракъ, всегда стояло передъ каждымъ изъ насъ, оно дѣлало бы эту жизнь еще тяжелѣе, и тотъ, кто считаетъ какую бы то ни было практическую дѣятельность высшею цѣлью и обязанностью человѣка, тотъ долженъ избѣгать этой мысли, она способна разомъ охладить всѣ его лучшіе порывы; всѣ его стремленія могутъ разсѣяться какъ

дымъ передъ вопросомъ „для чего?“ Не только узкіе эгоистическіе интересы теряютъ тогда значеніе; но и самыя высокія общечеловѣческія задачи блѣднѣютъ и отступаютъ на второй планъ. Если при неизбѣжности смерти наша собственная жизнь лишена серьёзнаго значенія, то вѣдь и для другихъ смерть является такою же неизбѣжною.

Но можетъ-быть намъ слѣдуетъ стать на ту точку зрѣнія, которую Гартманъ называетъ третьею стадіей иллюзіи. Можетъ-быть счастье и безсмертіе недоступныя человѣку составляютъ удѣлъ всего человѣчества, можетъ-быть отрѣшившись отъ самихъ себя намъ удастся найти успокоеніе въ этой высокой, послѣдней задачѣ.

Но не говоря уже о томъ, что трудно понять, что такое человѣчество кромѣ суммы всѣхъ составляющихъ его отдѣльныхъ личностей и въ чемъ можетъ состоять его счастье и безсмертіе когда всѣ люди въ отдѣльности страдаютъ и умираютъ, не говоря объ этой трудности, является новый вопросъ, дѣйствительно ли человѣчество безсмертно даже въ той формѣ, какую оно имѣетъ теперь? А если нѣтъ, то прогрессъ и стремленіе къ идеалу и здѣсь имѣетъ не болѣе значенія, чѣмъ въ примѣненіи ихъ къ отдѣльнымъ лицамъ.

Если человѣчество не безсмертно, тогда даже то основаніе нравственности, которое пытается выставить Гартманъ (содѣйствіе развитію міроваго процесса) теряетъ свою силу потому, что тогда небытіе, составляющее цѣль его, будетъ достигнуто само собою помимо всякаго вмѣшательства отдѣльныхъ лицъ.

А между тѣмъ, несомнѣнный фактъ, что существуютъ погаснувшія солнца, даетъ намъ новое основаніе думать, что и наше когда-нибудь погаснетъ.

„Опредѣленный мною срокъ въ 17 милліоновъ лѣтъ быть-можетъ еще значительно продлится вслѣдствіе ослабленія лучеиспусканія, новаго усиленія отъ падающихъ на него метеоровъ, отъ болѣе сильнаго сгущенія нежели то, которое я принималъ при помянутомъ вычисленіи. Но до сихъ поръ намъ неизвѣстенъ никакой естественный процессъ, который могъ бы избавить наше солнце отъ судьбы, очевидно уже постигнувшей другія. Эпоха исторіи человѣчества совершенно исчезаетъ въ сравненіи съ тѣми громадными промежутками времени, въ теченіи ко-

торыхъ образовались міры и въ теченіи которыхъ они будутъ образовываться, когда наше солнце погаснетъ или окаменѣетъ отъ дѣйствія холода или соединится съ раскаленными центральными тѣлами нашей системы".

Это не бредъ больнаго воображенія, не религіозныя фантазіи, не поэтическій вымыселъ, а выводъ одного изъ величайшихъ ученыхъ нашего времени, выводъ, основанный на послѣднихъ данныхъ современной науки.

Ночь Байрона наступаетъ. Не все ли равно—когда, черезъ 17 столѣтій или черезъ 17 милліоновъ лѣтъ? если мы будемъ смотрѣть на эту развязку съ точки зрѣнія индивидуально эгоистической, она для насъ совершенно безразлична? Но какъ части міроваго организма, о которомъ такъ любятъ говорить нѣкоторые историки и философы, что-же мы можемъ сдѣлать? Весь интересъ нашъ долженъ конечно сосредоточиться не на политическихъ или соціальныхъ вопросахъ, а на борьбѣ съ самою природою, которая грозитъ гибелью всему человѣчеству; но и эта борьба не имѣетъ смысла, если исходъ ея также неизбѣженъ, какъ смерть для каждаго изъ насъ въ отдѣльности, а всѣ наши усилія не въ состояніи конечно измѣнить законовъ физики управляющихъ распредѣленіемъ солнечной теплоты.

Итакъ смерть является границею и послѣднею цѣлью бытія не только человѣка, но и всего человѣчества, если мы будемъ смотрѣть на него какъ на неразрывно связанное съ извѣстными матеріальными проявленіями.

Но конечность міроваго процесса, почти очевидная съ точки зрѣнія естественныхъ наукъ, становится гораздо сомнительнѣе при болѣе широкомъ философскомъ анализѣ.

Всѣ силы природы, говоритъ намъ естествознаніе, стремятся превратиться въ теплоту, а теплота распредѣлиться равномѣрно въ пространствѣ, какъ что черезъ нѣкоторый промежутокъ времени неизбѣжно должна исчезнуть возможность органической жизни.

Положимъ такъ. Но тогда спрашивается, почему не наступило давнымъ давно это равномѣрное распредѣленіе теплоты? До настоящаго времени протекли не 17 милліоновъ, не 17 миліардовъ лѣтъ, а все безконечное прошлое: почему же именно черезъ 17 или хотя бы 170 милліоновъ лѣтъ долженъ кончиться міровой

процессъ, а почему не кончился безконечно раньше? Если потому, что онъ начался тоже за извѣстный промежутъ времени, то спрашивается, что было до него? Если до него не было необходимыхъ условій жизни какъ ихъ не будетъ послѣ, то откуда могли они взяться? Или наоборотъ если существуетъ неизвѣстная причина, которая неравномѣрно распредѣлила матерію такъ что изъ нея вышелъ дѣйствительный міръ, то эта причина можетъ безъ сомнѣнія снова возстановить его, когда наступитъ конецъ или поддержать, пока онъ не наступилъ.

Итакъ, если мы хотимъ составить себѣ хоть какое нибудь хотя бы проблематическое основанное на догадкахъ понятіе о томъ, что̀ ожидаетъ впереди и насъ самихъ и все человѣчество, мы должны покинуть почву отдѣльныхъ фактовъ, совершающихся въ пространствѣ и времени и обратиться къ ихъ общимъ первоначальнымъ и вѣчнымъ причинамъ.

Но для познанія этихъ причинъ опытный методъ оказывается совершенно непримѣнимымъ. Вся достовѣрность самыхъ точныхъ изъ опытныхъ наукъ покоится на предположеніи, что природа должна дѣйствовать однообразно, что законы ея неизмѣнны; но предположеніе это, само по себѣ далеко не очевидное, могло бы считаться доказаннымъ только въ томъ случаѣ, если бы удалось доказать, что дѣйствіе всѣхъ извѣстныхъ намъ силъ вытекаетъ изъ ихъ сущности и что другихъ не существуетъ. Но въ настоящемъ состояніи науки объ этомъ не можетъ быть и рѣчи, какъ потому, что наше познаніе природы далеко несовершенно, такъ и потому, что большинство естествоиспытателей относится крайне недовѣрчиво къ дедуктивному методу и всѣ свои заключенія стремится основать почти исключительно на индукціи; а никакая индукція, по существу своему не можетъ дать отвѣта на вопросы лежащіе внѣ сферы дѣйствительнаго опыта. Въ сущности всѣ наши опытныя познанія ничто иное какъ сужденіе по аналогіи; мы видимъ что нѣсколько разъ при извѣстныхъ условіяхъ наступаетъ нѣкоторое явленіе и заключаемъ инстинктивно, что при тѣхъ же условіяхъ повторится тоже явленіе. Чѣмъ чаще мы наблюдаемъ такое совпаденіе, тѣмъ сильнѣе наша увѣренность. Чѣмъ шире задача, чѣмъ она дальше; тѣмъ большее чпсло опытныхъ данныхъ необходимо, чтобы придать рѣшенію, основанному на нихъ, хоть нѣ-

которую степень вѣроятности. Отсюда ясно уже, что когда рѣчь идетъ о такихъ предметахъ, которые предполагаютъ безконечное время и слѣдовательно возможность безчисленныхъ измѣненій въ условіяхъ наблюдаемыхъ нами явленій, методъ этотъ становится совершенно непримѣнимымъ.

Всякая попытка выйти изъ узкихъ предѣловъ доступной нашимъ чувствамъ дѣйствительности предполагаетъ употребленіе, можетъ быть безсознательное, другаго неэмпирическаго метода.

Громадное большинство людей совсѣмъ не замѣчаетъ тѣхъ логическихъ законовъ, которые лежатъ въ основаніи ихъ собственнаго мышленія, и это не мѣшаетъ имъ дѣлать совершенно логическія заключенія. Нѣтъ сомнѣнія, что изученіе логики и теоріи познанія не составляетъ необходимости не только въ практической жизни, но и въ большинствѣ научныхъ изслѣдованій; есть однако такая сфера, въ которой безъ него обойтись невозможно—это сфера митафизики, здѣсь недостаточно здраваго смысла и даже самыхъ блестящихъ способностей, а нужна крайняя точность и осторожность: малѣйшая поспѣшность, малѣйшее отклоненіе отъ строго логическаго пути приводитъ къ совершенно нелѣпымъ результатамъ и дѣлаетъ напрасными самыя геніальные труды. Причина ясна. Здѣсь нѣтъ никакихъ видимыхъ образовъ, невозможенъ никакой опытъ, который позволилъ бы намъ контролировать и исправлять по мѣрѣ надобности наши ошибки, такъ что малѣйшее отклоненіе отъ истины въ самомъ второстепенномъ вопросѣ неизбѣжно отражается на цѣлой системѣ. Итакъ послѣднія задачи метафизики лежатъ безконечно далеко—отклоненіе въ результатѣ является громаднымъ. Здѣсь недостаточно уже тѣхъ приблизительно вѣрныхъ заключеній, которыми мы руководствуемся въ практической дѣятельности: смѣшно было бы примѣнять астрономическіе инструменты для того, чтобы найти кратчайшій путь изъ одной улицы въ другую; и желаніе опредѣлить на глазомѣръ разстояніе между планетами было бы доказательствомъ крайняго невѣжества.

Всѣ согласятся конечно, что трудъ и спеціальная подготовка необходимы въ положительныхъ наукахъ; но многіе найдутъ можетъ-быть, что это не относится къ философіи и что для нея нуженъ только здравый смыслъ не извращенный никакими системами.

Это значило бы предполагать, что философскіе вопросы легче и проще спеціальныхъ. Но пусть тотъ, кто не видитъ, до какой степени ошибочно такое предположеніе, вспомнитъ, что главныя усилія Платона, Аристотеля, Декарта, Лейбница, Спинозы, Канта, словомъ всѣхъ лучшихъ умовъ человѣчества были направлены именно на метафизику; и что же? Тогда какъ вліяніе ихъ осталось на вѣки въ области положительныхъ наукъ, въ сферѣ метафизики одно воззрѣніе вытѣсняло другое, но ни одно не могло дать окончательнаго рѣшенія ея вопросовъ; заключать отсюда о ихъ безусловной неразрѣшимости было бы слишкомъ поспѣшно, но мы безъ сомнѣнія въ правѣ сказать, что они сложнѣе и труднѣе всѣхъ остальныхъ.

Только при полномъ незнакомствѣ съ исторіей философіи и съ сущностью метафизическихъ вопросовъ можно воображать, что трудность ихъ разрѣшенія въ прежнее время зависѣла лишь отъ несовершенства научныхъ пріемовъ или отъ невѣрной постановки и непониманія задачи, — только тогда можно смотрѣть свысока на колоссовъ человѣческой мысли, которые положили основаніе всѣмъ точнымъ наукамъ.

Тѣ современные философы, которые вскарапкавшись на вершину послѣднихъ фактовъ новѣйшей науки, берутся покровительственнымъ тономъ выдавать одобрительные и неодобрительные атестаты Декарту или Лейбницу, напоминаютъ дѣтей, когда они вскарапкавшись на плечо большихъ радуются, что они выше ихъ.

Они совсѣмъ не замѣчаютъ, что сами они въ философіи не сдѣлали ни шагу впередъ, а ослѣпленные успѣхами естествознанія утратили только способность понимать ея истинныя задачи и методъ.

II.

Скептицизмъ, какъ необходимая исходная точка философскаго изслѣдованія. Границы скептицизма. Значеніе опытнаго познанія и его предѣлы. Метафизическія попытки объяснить взаимодѣйствіе матеріи и духа. Границы разума.

Мы видѣли, что крайняя точность необходима во всѣхъ философскихъ изслѣдованіяхъ; но до тѣхъ поръ пока мы принимаемъ на вѣру все, чему насъ учили въ дѣтствѣ, къ чему мы привыкли и съ чѣмъ сроднились - такая точность немыслима.

Конечно большая часть того, чему мы вѣрили, дѣйствительно справедлива и этого вполнѣ достаточно для практической жизни, но въ философіи нужны не догадки, а безусловно точный методъ; если же мы станемъ разсматривать, на чемъ покоится наша увѣренность въ справедливости того или другаго положенія, мы увидимъ, что въ основаніи ея почти всегда лежитъ простая привычка.

Но слѣдуетъ ли отсюда, что такъ бываетъ *всегда* и что даже законъ причинности не имѣетъ другаго происхожденія, какъ это утверждалъ Юмъ?

Однако самое безъисключительное слѣдованіе дня и ночи не ввело никого въ заблужденіе и не заставило считать ночь причиною дня или наоборотъ. Но къ вопросу о причинности мы еще вернемся въ послѣдствіи; а теперь постараемся только опредѣлить критеріумъ достовѣрности.

Вопервыхъ мы должны вполнѣ усвоить себѣ правило Декарта и въ философскихъ вопросахъ смотрѣть какъ на заблужденіе, на все то, что только вѣроятно; необходимость этого правила становится ясною, когда мы вспомнимъ, что всѣ наши сужденія, основанныя на опытѣ и имѣющія нѣкоторую степень вѣроятности, совершенно утрачиваютъ ее, когда мы захотимъ перенести ихъ за предѣлы доступные этому опыту.

Но если такъ, мы скоро увидимъ, какъ невелико число тѣхъ истинъ, на которыя мы можемъ вполнѣ положиться. Такія истины существуютъ однако; стоитъ вспомнить математику: въ ней нѣтъ ничего проблематическаго и сомнительнаго, отчего же зависитъ ея достовѣрность? Если намъ удастся отвѣтить на этотъ вопросъ, мы можемъ надѣяться, что найдемъ критеріумъ истины вообще.

Если мы возьмемъ какую-нибудь геометрическую теорему, мы увидимъ, что она съ полною очевидностью вытекаетъ изъ положеній, истина которыхъ нами уже признана, такъ что отрицаніе ея приводитъ насъ къ противорѣчію съ самими собою. Но спрашивается тогда: на чемъ покоится достовѣрность тѣхъ положеній, изъ которыхъ мы выводимъ эту теорему? На достовѣрности другихъ высшихъ положеній и т. д. Ясно однако, что невозможно идти такимъ образомъ до безконечности, потому что тогда достовѣрность всѣхъ положеній осталась бы столь же

сомнительною, какъ еслибы совсѣмъ не было этой цѣпи доказательствъ.

Въ виду этого мы должны придти къ такимъ положеніямъ, которыя не могутъ быть доказаны и достовѣрность которыхъ должна быть извѣстна намъ непосредственно, т.-е. къ аксіомамъ. Но какія положенія можемъ мы признать безусловно достовѣрными? Только тѣ, обратное которымъ безусловно немыслимо, такъ что требованіе мыслить обратное было бы неисполнимо, заключало бы внутреннее противорѣчіе, какъ напр. сочетаніе словъ: круглый квадратъ, деревянное желѣзо, которое произнесть можно, но ни понять ни представить себѣ нельзя.

Если мы захотимъ примѣнить этотъ критеріумъ къ положеніямъ, въ которыя входитъ хотя бы косвеннымъ образомъ понятіе о внѣшнемъ матеріальномъ мірѣ, мы увидимъ, что ни одно изъ нихъ не можетъ считаться безусловно достовѣрнымъ, такъ какъ обратное ему всегда можетъ быть мыслимо.

Положимъ напр. что я вижу домъ или садъ: существованіе во мнѣ извѣстныхъ ощущеній и представленій въ настоящемъ случаѣ вполнѣ несомнѣнно и служитъ достаточною гарантіей реальности представляемыхъ предметовъ въ практической жизни; но для философскаго изслѣдованія такая гарантія далеко недостаточна, потому что здѣсь остается *возможность* ошибки, какъ бы ни была мала ея *вѣроятность*. Въ самомъ дѣлѣ, мое представленіе о садѣ можетъ быть вызвано миражемъ, галлюцинаціей, можетъ оказаться сновидѣніемъ, и до тѣхъ поръ пока не существуетъ вполнѣ точнаго критеріума для отличенія такихъ явленій отъ дѣйствительности, которую мы встрѣчаемъ во время бдѣнія, мы не можемъ утверждать, что въ любомъ данномъ случаѣ смѣшеніе *немыслимо*.

Возьмемъ примѣръ. Передъ нами знакомая картина: весеннее солнце зашло за вершины деревьевъ, молодые листья мелкимъ кружевомъ вырѣзываются на закатѣ; отовсюду доносятся неясные звуки и проснувшаяся послѣ долгаго зимняго сна природа только на минуту и нехотя закрываетъ глаза въ эту короткую ночь. Вы видите все такъ живо и ясно; но вдругъ передъ вами раскаленный, сыпучій песокъ, на горизонтѣ голыя скалы, солнце пылаетъ въ безоблачномъ небѣ и даже вѣтеръ кажется горячимъ дыханіемъ. Что это—сонъ? Конечно сонъ. Я не могу въ

одно мгновеніе перенестись изъ Россіи въ Египетъ или Сирію; но вопросъ въ томъ: гдѣ сонъ и гдѣ дѣйствительность? Я могъ, ѣхавши по лѣсу, задремать и мнѣ грезится голая пустыня, но тамъ также я могъ заснуть и въ пустынѣ и видѣть знакомый мнѣ лѣсъ. Наконецъ, возможно, что обѣ картины я вижу только во снѣ, какъ бы ясно онѣ мнѣ ни представлялись: ни ясность, ни послѣдовательность не могутъ служить доказательствомъ реальности нашихъ видѣній; то обстоятельство, что образы, которые мы видѣли во время сна, кажутся намъ послѣ пробужденія большею частію блѣднѣе тѣхъ, которые мы встрѣчаемъ въ дѣйствительности, не доказываетъ еще, чтобы они были неясны тогда, когда мы ихъ видѣли, а послѣдовательность существуетъ и въ сновидѣніяхъ, и какъ справедливо замѣчаетъ Шопенгауеръ, прерывается только между отдѣльными снами и сномъ и бдѣніемъ. Невозможность найти въ настоящемъ случаѣ строгій критеріумъ была замѣчена уже въ глубокой древности мыслителями и поэтами, такъ что сравненіе жизни со сномъ стало однимъ изъ самыхъ употребительныхъ. Эта же невозможность даетъ сильный доводъ идеализму. Въ самомъ дѣлѣ, если весь міръ объектовъ можетъ оказаться только фантазіей представляющаго субъекта, то нѣтъ основанія предполагать бытіе другой реальной сущности, кромѣ сущности этого субъекта. Къ этому вопросу мы вернемся еще впослѣдствіи, а теперь замѣчу только еще разъ, что съ точки зрѣнія философіи мы имѣемъ не только право, но и обязанность сомнѣваться въ дѣйствительномъ бытіи матеріальнаго міра до тѣхъ поръ, пока оно не будетъ доказано. Естественныя науки, предполагая его существованіе тѣмъ самымъ становятся на опредѣленную философскую точку зрѣнія, исключая идеализмъ, но не опровергая его.

Что касается матеріализма, то значеніе, которымъ онъ пользовался нѣкоторое время на Западѣ и продолжаетъ пользоваться у насъ, зависитъ главнымъ образомъ отъ незнакомства большинства образованной публики съ философскими вопросами, такъ какъ оно не позволяетъ ей отличить научныхъ выводовъ отъ метафизическихъ гипотезъ. Что матеріализмъ есть метафизическая гипотеза, а не научный выводъ, это станетъ намъ вполнѣ ясно, какъ только мы вспомнимъ, что цѣль естественныхъ наукъ состоитъ въ опредѣленіи *законовъ явленій* природы. Матеріализмъ

утверждаетъ, что *субстратъ* этихъ явленій есть матерія, т.-е. говоритъ не о явленіяхъ, а о *сущности*, принимаясь за рѣшеніе чисто метафизическаго вопроса. Кромѣ того, методъ, которымъ пользуется естествознаніе, есть по преимуществу опытный, т.-е. такой, который примѣнимъ, какъ мы видѣли, къ отдѣльнымъ явленіямъ, а не къ трансцендентнымъ вопросамъ, не къ опредѣленію сущности являющагося. Несмотря на это, многіе естествоиспытатели-матеріалисты, особенно у насъ, продолжаютъ выдавать свою метафизическую точку зрѣнія за результатъ своихъ научныхъ изслѣдованій. Въ Германіи, гдѣ физіологія считаетъ безъ сомнѣнія своихъ лучшихъ представителей, но гдѣ философскій уровень гораздо выше чѣмъ въ другихъ странахъ, матеріализму не удалось достигнуть большаго значенія. Такіе люди, какъ Гельмгольцъ, Лотце или Вундтъ, обладаютъ слишкомъ широкимъ и разностороннимъ образованіемъ, чтобы впасть въ ослѣпленіе, не позволяющее видѣть границъ своей спеціальности. „Мы всѣ, которые называемъ себя естествоиспытателями, говоритъ Вирховъ, владѣемъ только частями естествознанія и никто не можетъ быть съ одинаковымъ правомъ представителемъ всѣхъ его отдѣловъ и принимать участіе въ спорѣ о какомъ угодно изъ нихъ“.

Сознавая границы своей спеціальности, истинные ученые видятъ и границы естествознанія вообще. „Движеніе можетъ, произвести только движеніе или обратно превратиться въ потенціальную энергію, говоритъ Дюбуа-Раймонъ, потенціальная энергія можетъ вызвать только движеніе, удержать равновѣсіе, произвести давленіе или влеченіе. При этомъ сумма энергіи всегда остается одинаковой. Въ мірѣ тѣлъ ничего не можетъ случиться кромѣ того, что опредѣляется этимъ закономъ и ничего меньше. Механическая причина вполнѣ разрѣшается въ механическомъ дѣйствіи. Поэтому духовныя явленія, происходящія въ нашемъ мозгу, для нашего разсудка лишены достаточнаго основанія. Наше познаніе природы заключается между двумя границами, которыя навѣки предписываются ему невозможностью понять матерію и силу съ одной стороны, а съ другой—объяснить духовныя явленія изъ матеріальныхъ условій“.

Совершенно въ томъ же смыслѣ высказывается и г. Вирховъ. „Легко сказать“, замѣчаетъ онъ, возражая Гекелю, „что клѣ-

точка состоитъ изъ мелкихъ частей, которыя мы называемъ пластидулами, а пластидулы изъ углерода, водорода, кислорода и азота и одарены особою душой, а душа есть продуктъ или сумма силъ, которыми обладаютъ химическіе атомы". Это возможно, и я не могу объ этомъ судить хорошенько; я чувствую себя здѣсь какъ морякъ, который наткнулся на мель, величину которой не можетъ опредѣлить. Я долженъ однако сказать, что не могу допустить, чтобы мы были въ правѣ ввести пластидулярную душу въ обученіе или вообще требовать отъ всякаго образованнаго человѣка, чтобъ онъ призналъ ея бытіе истиною настолько научною, чтобы логически оперировать съ ней и основывать на ней свое міровоззрѣніе; мы не въ правѣ требовать этого до тѣхъ поръ, пока намъ не опредѣлятъ свойствъ углерода, водорода, кислорода и азота такимъ образомъ, чтобы я понялъ, какъ изъ ихъ суммированія можетъ возникнуть душа".

„Мы имѣемъ непреодолимое влеченіе", продолжаетъ Вирховъ, „найти связь между органическимъ и остальнымъ міромъ; въ этомъ смыслѣ есть нѣчто успокоительное, когда мы можемъ сказать, что группа атомовъ углерода и K^0 — это выраженіе можетъ быть нѣсколько краткое, но вѣрное, такъ какъ углеродъ долженъ здѣсь быть существеннымъ,—итакъ, общество углерода и K^0 нѣкогда отдѣлилось отъ обыкновеннаго углерода, и при особыхъ условіяхъ образовало первую пластидулу и продолжаетъ ее образовывать теперь. Но при этомъ слѣдуетъ особенно указать на то, что всякое дѣствительно научное познаніе слѣдовало обратному пути".

Какъ примѣръ гипотезъ, которыя выдаются теперь за научныя истины, Вирховъ указываетъ на generatio aequivoca, самопроизвольное зарожденіе. „Я допускаю", говоритъ онъ, „что если хотѣть себѣ представить, какимъ образомъ могъ возникнуть органическій міръ самъ собою, не остается ничего другаго, какъ вернуться къ самозарожденію". Это ясно: если я не хочу допустить особаго Творца, который взялъ землю и вдохнулъ въ нее жизнь; если я хочу непремѣнно составить свое воззрѣніе, мнѣ остается сдѣлать его въ смыслѣ самозарожденія, tertium non datur. Кромѣ него нѣтъ исхода, если сказать: „я не допускаю творенія, но объясненіе хочу имѣть"; если это будетъ первымъ тезисомъ, тогда необходимо перейти ко второму: ergo

я допускаю самозарожденіе. Но фактическаго доказательства у насъ нѣтъ для него. Никто никогда не видалъ, чтобъ оно произошло въ дѣйствительности, и всякій, кто утверждалъ, что видѣлъ его, былъ опровергнутъ не богословами, а естествоиспытателями".

„Я не имѣю ничего противъ того, чтобы допустить, что атомы углерода одарены духомъ или получаютъ его въ соединеніи пластидулярнаго общества, *только я не вижу, какимъ образомъ я могу узнать это*".

Къ этой критикѣ матеріалистическаго воззрѣнія однимъ изъ самыхъ извѣстныхъ естествоиспытателей нашего времени почти нечего прибавить. Можно развѣ только указать еще опредѣленнѣе на необходимость различенія между *проявленіями* духа и его *бытіемъ*, что и дѣлалъ не разъ другой неменѣе извѣстный физіологъ Клодъ Бернаръ, предостерегая отъ смѣшенія *условій физіологическихъ явленій* съ ихъ *причинами* и напоминая что вопросъ о причинахъ находится внѣ сферы положительныхъ наукъ — въ области метафизики.

„Всякая попытка", говоритъ Вирховъ, „выдать наши задачи за научныя истины и наши догадки сдѣлать основами преподаванія, а въ особенности попытка прямо лишить Церковь ея владѣній, и не долго думая замѣнить ее догматами десценденцъ-религіи,—всякая такая попытка должна потерпѣть крушеніе и тѣмъ самымъ поставить въ крайне опасное положеніе науку вообще".

Дѣйствительно, теперь уже чувствуется сильная реакція противъ матеріалистическихъ воззрѣній Фохта, Молешета, Бюхнера и др., и если представители естествознанія не откажутся вовремя отъ матеріалистическихъ тенденцій,—защитникамъ метафизики нетрудно будетъ разрушить ихъ обаянье въ глазахъ публики.

Но оставимъ теперь въ сторонѣ претензію матеріализма быть послѣднимъ результатомъ естественно-научныхъ изслѣдованій, и посмотримъ, какое значеніе онъ имѣетъ, какъ метафизическая гипотеза?

Для матеріализма сущность — только матерія; все остальное лишь ея состоянія, функціи, явленія. Потому всѣ явленія природы должны быть объяснены чисто механически изъ свойствъ

этой матеріи. Нѣтъ надобности слѣдить за всею аргументаціей матеріализма; достаточно спросить его защитниковъ: могутъ ли они опредѣлить, знаютъ ли они, что̀ такое матерія?

Если нѣтъ, то какой смыслъ имѣютъ объясненія одного неизвѣстнаго посредствомъ другаго? Если да, то они должны что-нибудь понимать и представлять себѣ подъ этимъ словомъ; но еслибы мы никогда не видали матеріальныхъ предметовъ и никогда не думали о нихъ, мы бы конечно не могли знать и того, что̀ такое матерія. Слѣдовательно исходною точкой матеріализма является *представленіе* или понятіе о матеріи; но это очевидно только нѣкоторое состояніе моего сознанія,—что̀ же дѣлаетъ матеріализмъ? Взявши исходной точкою фактъ сознанія, пользуясь законами мышленія при изслѣдованіи матеріальнаго міра, онъ потомъ хочетъ объяснить сознаніе и мышленіе посредствомъ результатовъ, добытыхъ исключительно на основаніи ихъ законовъ. Въ виду этого Шопенгауэръ совершенно правъ, сравнивая матеріалиста съ барономъ Мюнхгаузеномъ, который переплывая верхомъ черезъ рѣку, тащитъ лошадь свою ногами, а себя самого вытаскиваетъ за ея гриву.

Логическій кругъ здѣсь вполнѣ очевиденъ.

„Всѣ противорѣчія механическаго воззрѣнія“, говоритъ Дюбуа-Реймонъ, „коренятся въ невозможности для насъ представить себѣ что-нибудь иное кромѣ того, что̀ нами испытано посредствомъ нашихъ внѣшнихъ чувствъ или внутренняго опыта. При стремленіи анализировать матеріальный міръ, мы выходимъ изъ дѣлимости матеріи, такъ-какъ повидимому части суть нѣчто болѣе простое и основное, нежели цѣлое. Если мы будемъ мысленно продолжать дѣленіе матеріи до безконечности, мы съ нашимъ воззрѣніемъ останемся въ опредѣленномъ для него пути и не встрѣтимъ препятствій въ нашемъ мышленіи. Но для пониманія вещей мы не сдѣлаемъ ни шагу впередъ, такъ-какъ въ дѣйствительности мы только представили себѣ въ области малаго и невидимаго то, что является намъ въ области большаго и видимаго. Мы приходимъ къ понятію физическаго атома. Если же мы гдѣ-нибудь произвольно прекратимъ дѣленіе, остановимся на предполагаемыхъ философическихъ атомахъ, которые далѣе недѣлимы, совершенно тверды, и кромѣ того должны быть чисто пассивными носителями центральныхъ силъ,

мы требуемъ тогда отъ матеріи, которую мыслимъ въ образѣ окружающей насъ—мы требуемъ отъ нея, не введя въ нее никакого новаго объясняющаго принципа, чтобъ она развернула передъ нами новыя основныя свойства, объясняющія сущность тѣлъ".

Сознаніе остается навѣки непостижимымъ съ точки зрѣнія матеріализма. „Съ первымъ движеніемъ удовольствія или страданія, которое восприняло самое простое существо, съ этимъ первымъ ощущеніемъ явилась непреодолимая бездна и міръ сталъ вдвойнѣ непонятенъ. Астрономическое познаніе міра самое высшее, какое мы можемъ когда-либо имѣть о немъ, открываетъ въ немъ только движущуюся матерію; какое бы мы ни придумали расположеніе и движеніе матеріальныхъ частицъ, оно не можетъ служить для насъ мостомъ въ область сознанія".

Гораздо логичнѣе, нежели матеріализмъ, оказывается идеализмъ. Все то, что мы знаемъ о внѣшнемъ мірѣ, извѣстно намъ исключительно чрезъ посредство органовъ чувствъ и есть только представленіе, т.-е. нѣкоторое состояніе нашего сознанія, иными словами: міръ, по скольку онъ познаваемъ, есть только наше представленіе, а поскольку онъ непознаваемъ — онъ *для насъ* не существуетъ, такъ что мы не имѣемъ никакого основанія утверждать его бытіе.

Такимъ образомъ идеализмъ повидимому устраняетъ трудность взаимодѣйствія между матеріей и духомъ, такъ-какъ въ немъ матерія перестаетъ существовать, а вмѣсто ея является только особаго рода представленіе.

Какъ ни остроумно повидимому такое объясненіе, и оно однако не выдерживаетъ строгой критики. Опровергнуть идеализмъ прямымъ путемъ невозможно, такъ-какъ нельзя доказать прямо, что существуетъ что-нибудь непознаваемое, потому что еслибы мы могли доказать это, оно уже не было бы непознаваемымъ; но для насъ достаточно замѣтить пока, что если мы не въ правѣ утверждать существованіе чего-либо неимѣющаго никакого отношенія не только къ дѣйствительному, но и къ возможному познанію, то мы точно также не въ правѣ отрицать его. Объектъ, говорятъ идеалисты, предполагаетъ субъектъ, и познаваемое—познающаго; поэтому весь міръ существуетъ для субъекта только какъ его представленіе, и не могъ бы существо-

вать, еслибы не было этого субъекта. Совершенно справедливо, что міръ, какъ мы его видимъ и познаемъ, не могъ бы существовать, еслибы не было познающихъ субъектовъ; но отсюда никакъ не слѣдуетъ, чтобъ онъ не могъ имѣть какого-нибудь совершенно другаго, недоступнаго нашему познанію бытія; такъ-какъ увѣреніе, что сфера бытія не можетъ быть шире сферы познаваемаго, есть только ни на чемъ основанное petitio principii идеалистовъ.

Итакъ, повторяю, прямымъ путемъ невозможно опровергнуть основныхъ положеній идеализма; но это возможно косвеннымъ образомъ. Можно показать, какъ это дѣлаетъ Гартманъ, что идеализмъ неминуемо приводитъ къ такому скептицизму, который самъ себя разрушаетъ, уничтожая возможность мышленія. Подтвержденіе этого не трудно найти въ исторіи философіи. Бэркдей, отрицавшій реальность тѣлеснаго міра, не могъ уже потомъ объяснить и взаимодѣйствіе духовныхъ существъ и вынужденъ былъ сослаться на всемогущество Божіе, перенося такимъ образомъ вопросъ изъ сферы философіи въ сферу богословія. Фихте тоже долженъ былъ сослаться на вѣру, чтобы избѣгнуть скептицизма; наконецъ Шопенгауеръ ограничивается тѣмъ, что отсылаетъ въ сумасшедшій домъ всѣхъ, кто вздумалъ бы отстаивать точку зрѣнія теоретическаго эгоизма, хотя самъ сначала призналъ ее совершенно логичною и неопровержимою.

Чтобы избѣгнуть тѣхъ противорѣчій, къ которымъ приводятъ матеріализмъ и идеализмъ, остается только одна реалистическая точка зрѣнія; нельзя не согласится однако, что и она представляетъ значительныя трудности, такъ какъ тогда является вопросъ, какимъ образомъ дѣйствуетъ духъ на матерію и матерія на духъ? Декартъ признавалъ еще возможность непосредственнаго взаимодѣйствія; но уже ближайшіе послѣдователи его Гелинксъ, Лафоржъ и особенно Малебраншъ старались выработать другую теорію—оказіональныя причины.

Имъ казалось невозможнымъ допустить, чтобы двѣ субстанціи, неимѣющія между собою ничего общаго, могли непосредственно вліять другъ на друга. Нѣтъ сомнѣнія, что въ основныхъ положеніяхъ Декарта было нѣкоторое основаніе для такого возраженія, такъ какъ для него понятіе матеріи вполнѣ исчерпывалось понятіемъ протяженности, почти сливалось съ нимъ и не

могло уже затѣмъ не имѣть ничего общаго съ понятіемъ непротяженнаго духа. Приходилось искать точки соприкосновенія выше т. е. въ Богѣ, и такимъ образомъ возникла теорія оказіональныхъ причинъ. По теоріи оказіоналистовъ никакія усилія нашей воли не могли бы сдвинуть ни малѣйшей частицы матеніи, если бы самъ Богъ не сообщилъ ей этого движенія по поводу нашего желанія; точно также никакія измѣненія во внѣшнемъ мірѣ ни могли бы доходить до нашего сознанія, если бы Богъ не возбуждалъ въ насъ соотвѣтствующихъ представленій. Ясно однако, что и въ этой теоріи вопросъ только удаляется, но не разрѣшается переходя въ область теодицеи; но кромѣ того возникаетъ новая трудность: если мы ничего не знаемъ о существованіи внѣшняго міра непосредственно, а только потому, что Богъ сообщаетъ намъ тѣ или другія представленія о немъ, Онъ конечно могъ бы сообщать намъ совершенно такія же представленія и въ томъ случаѣ, если бы весь этотъ міръ не существовалъ. Поэтому мы не имѣемъ никакого серьёзнаго основанія утверждать его бытіе, и оказіонализмъ долженъ перейти въ идеализмъ.

Не болѣе удачно въ этомъ отношеніи и попытка Лейбница. Онъ находитъ, что было бы недостойно идеи Божества, разъ создавши міръ, постоянно вмѣшиваться потомъ въ его бытіе и возбуждать, по поводу каждаго движенія, представленія въ нашемъ сознаніи и по поводу хотѣнія—движеніе въ нашемъ тѣлѣ. Но съ другой стороны, употребляя его выраженіе, у монадъ нѣтъ оконъ и онѣ не могутъ сами вліять другъ на друга; а Творецъ міра такъ устроилъ мірозданіе, что между измѣненіями психическими и физическими существуетъ строгое согласованіе. Чтобы пояснить эту теорію, извѣстную подъ именемъ предустановленной гармоніи, Лейбницъ приводитъ примѣръ: часовщикъ вывѣривши двое часовъ заводитъ ихъ и они показываютъ тоже самое время, хотя между ними нѣтъ ничего общаго, никакой связи кромѣ первоначальной воли часовщика.

На этомъ примѣрѣ нетрудно показать, что теорія предустановленной гармоніи приводитъ къ такимъ же результатамъ, какъ и теорія оказіональныхъ причинъ. Въ самомъ дѣлѣ, если бы одни часы почему-нибудь остановились, если бы часовщикъ ихъ не заводилъ, или даже совсѣмъ ихъ не дѣлалъ, это нисколько не

мѣшало бы другимъ показывать время по прежнему. Точно также матеріальный міръ могъ бы не имѣть ничего общаго съ нашими представленіями о немъ, его могло бы совсѣмъ не быть и это не мѣшало бы намъ видѣть его такимъ же, какимъ мы его видимъ теперь; словомъ, мы опять впадаемъ въ идеализмъ.

Такимъ образомъ всѣ главныя философскія направленія, на точку зрѣнія которыхъ мы пробовали становиться поочередно, приводятъ насъ къ противорѣчіямъ; реализмъ не составляетъ исключенія въ этомъ отношеніи, если мы признаемъ взаимодѣйствіе матеріи и духа невозможнымъ, какъ это полагали Малебраншъ и Лейбницъ; но такая невозможность далеко не ясна сама собою. Если Богъ можетъ сообщить движеніе матеріи по поводу нашихъ хотѣній, то почему бы не могъ Онъ при твореніи сообщить нашей волѣ эту способность? Это было бы невозможно только въ томъ случаѣ, если бы такое предположеніе заключало въ себѣ противорѣчіе; но для того, чтобы утверждать это, мы должны бы знать вполнѣ сущность не только духа, но и матеріи.

Законъ причинности составляетъ единственное связующее звено между внѣшнимъ міромъ и познающимъ субъектомъ; если признать его только субъективною формою познанія или выводомъ изъ многочисленныхъ опытовъ, а не безусловною истиной всегда одинаково достовѣрною и независимою отъ какого бы то ни было опыта, потому что всякій опытъ ее предполагаетъ; тогда разомъ исчезаетъ возможность какого бы то ни было познанія.

Въ самомъ дѣлѣ, если мы допустимъ, что возможны измѣненія безъ причины и что слѣдовательно въ нашемъ сознаніи могутъ возникать представленія тѣлъ, хотя въ дѣйствительности нѣтъ не только тѣлъ, но и *ничего* такого, чѣмъ бы вызывались и обусловливались эти измѣненіи въ нашемъ сознаніи; тогда очевидно, исчезаетъ возможность не только научнаго познанія законовъ природы, но и вся дѣйствительность превращается, какъ говоритъ Гартманъ, въ сонъ, которому грезится его собственное бытіе.

Гельмгольцъ въ своей физіологической оптикѣ указываетъ съ точки зрѣнія естествознанія на законъ причинности, какъ на необходимое предположеніе всякаго опыта. Только непреодоли-

мая увѣренность въ томъ, что всякое измѣненіе *должно* имѣть причину, такъ что, если причина эта не находится въ насъ самихъ, она *должна быть внѣ насъ*,—только эта увѣренность заставляетъ насъ признать бытіе внѣшняго міра. Само собою разумѣется, что такая увѣренность неимѣетъ ничего общаго съ ея абстрактнымъ выраженіемъ; она не есть даже нѣчто сознательное, равно какъ и всѣ апріорныя истины, лежащія въ основѣ нашего мышленія и которыя могутъ явиться сознанію не прямо, а только косвенно — путемъ разсужденія, научнаго анализа и строгаго различенія элементовъ мысли.

Правда, что не только Гельмгольцъ, но даже Гартманъ, признавая законъ причинности безсознательною апріорною функціей нашего мышленія, не признаютъ прямо за véritas aeterna, и Гартманъ замѣчаетъ, что мы вынуждены признать объективное значеніе закона причинности только въ томъ случаѣ, если мы захотимъ *объяснить* дѣйствительность; но едва ли такая оговорка нужна и едва ли она имѣетъ какое-нибудь положительное значеніе. Если отвергнуть *безусловную* истинность закона причинности, имѣющую одинаковую достовѣрность со всѣми остальными законами нашего мышленія, становится невозможнымъ не только познаніе внѣшняго міра, но и самое мышленіе; а такъ какъ это мышленіе дано намъ какъ непосредственный фактъ нашего сознанія, сомнѣваться въ дѣйствительности котораго намъ уже невозможно, то и достовѣрность закона причинности, неразрывно связанная съ нимъ, является такою же несомнѣнною.

Итакъ мы должны признать дѣйствительность того, что является намъ необходимымъ; сомнѣваться далѣе значитъ разрушать возможность самаго мышленія, а слѣдовательно и сомнѣнія. Но только здравый критическій реализмъ можетъ удовлетворить требованіямъ разума. Идеализмъ сводя къ мышленію и чувству всю дѣйствительность, напрасно старается стереть ту границу, которая отдѣляетъ субъекта отъ объекта, внутренній опытъ отъ внѣшняго. Разумъ нашъ говоритъ намъ правда, что между ними существуетъ необходимое отношеніе, что тѣ измѣненія, которыя не зависятъ отъ насъ самихъ, должны зависѣть отъ *другаго*, но что такое это другое, онъ намъ не говоритъ: сколько-нибудь понимать его сущность мы можемъ только по аналогіи съ нами самими; но заключать отсюда, что такая ана-

логія въ самомъ дѣлѣ существуетъ во всей дѣйствительности, было бы черезчуръ поспѣшно, и старанія идеализма свести законы бытія къ законамъ мышленія едва ли не болѣе всего способствовали упадку философіи въ настоящее время. Не можетъ быть ничего такого, что бы противорѣчило законамъ мышленія (иначе само мышленіе было бы невозможно), но это не значитъ, чтобы все вытекало изъ нихъ. И стремленіе вывести всю дѣйствительность изъ *понятія* бытія неизбѣжно должно привести къ воздушнымъ замкамъ, которые несмотря на самое искусное построеніе разлетаются при столкновеніи съ грубыми фактами.

III.

Мы видѣли, что положительныя науки, занимаясь спеціальными вопросами, не могутъ дать намъ отвѣта на то, что находится внѣ ихъ сферы. Что касается философіи, нельзя не признать, что въ ней до сихъ поръ выражается скорѣе стремленіе къ истинѣ, нежели самая истина. Различныя системы такъ несходны между собою, до того враждебно относятся другъ къ другу, что въ нихъ повидимому гораздо легче найти массу заблужденій, нежели одну истину. Различія въ системахъ конечно существуютъ; но не слѣдуетъ однако преувеличивать ихъ значенія: они встрѣчаются и въ религіозныхъ воззрѣніяхъ и даже въ научныхъ теоріяхъ, хотя понятно, что такъ какъ сфера каждой отдѣльной науки гораздо уже, то эти различія въ ней не могутъ быть такъ замѣтны.

Для того, чтобы могло существовать только единогласіе между философскими системами, необходимо было бы, чтобы они выходили изъ одной общей точки зрѣнія и опирались на тѣ же самые факты. Въ сферѣ частныхъ вопросовъ это возможно; но тамъ, гдѣ изслѣдователю приходится имѣть дѣло не съ тѣмъ или другимъ отдѣльнымъ явленіемъ, а со всею дѣйствительностью насколько она ему доступна, намъ чрезвычайно трудно, если не вполнѣ невозможно исполнить такое требованіе. Нравственныя воззрѣнія вліяютъ на метафизическія, метафизическія на естественнонаучныя и наоборотъ; совершенно устранить ихъ отъ взаимодѣйствія мы не въ состояніи, сколько бы ни старались. Если даже въ естественныхъ наукахъ нужны большое безпристра-

стіе и осторожность, чтобы отличить гипотезу отъ научныхъ выводовъ, понятно, что въ метафикикѣ такое различеніе еще труднѣе, а какъ только гипотеза болѣе или менѣе вѣроятная выдается за безусловную научную истину, она тѣмъ самымъ отрицаетъ право на существованіе и возникновеніе и другихъ гипотезъ и вызываетъ безконечную полемику, въ которой каждый изъ противниковъ стараются не столько о томъ, чтобы понять другаго, сколько о томъ, чтобы уронить его въ глазахъ читателей. Ошибочность бывшей части философскихъ системъ зависитъ не отъ того, что тѣ факты, изъ которыхъ они исходятъ, сами по себѣ не существуютъ или невѣрно ими пользуются, а отъ того, что этимъ фактамъ въ сравненіи съ другими приписывается преувеличенное значеніе, такъ что вся остальная дѣйствительность вгоняется въ искусственныя и слишкомъ узкія рамки. Почти всѣ мыслители-метафизики забываютъ опытное происхожденіе почти всѣхъ нашихъ понятій и приписываютъ имъ безусловное значеніе въ такой сферѣ, гдѣ они уже недѣйствительны. Вотъ одинъ изъ главныхъ источниковъ столкновенія естественно-научныхъ гипотезъ съ метафизическими системами съ одной стороны, а съ другой—этихъ системъ съ положительными религіями. Сама по себѣ вѣра не можетъ находиться въ противорѣчіи съ разумомъ, такъ же какъ разумъ не можетъ противорѣчить опыту. Область вѣры начинается только тамъ, гдѣ кончается возможность какъ опытнаго, такъ и раціональнаго познанія: это не значитъ, чтобы эти два способа познанія такъ исключали другъ друга, чтобы между ними не было точекъ соприкосновенія, напротивъ вѣра предполагаетъ разумъ и какъ исходную точку и какъ средство для толкованія Откровенія. Я долженъ знать, *чему* и *почему* я вѣрю. Если я не могу отвѣтить на первый вопросъ, это все равно, какъ еслибы я ничему не вѣрилъ; если я не знаю и не могу указать основаній своей вѣры, то я не имѣю права утверждать, что она есть *истинная*, потому что тогда всякій, кто со мною несогласенъ, съ одинаковымъ правомъ могъ бы утверждать истинность своихъ вѣрованій и ошибочность моихъ.

Нетрудно доказать, что догматы религіи не могутъ находиться въ противорѣчіи съ разумомъ, какъ таковымъ, хотя это

отнюдь не значитъ, чтобы они согласовались съ нимъ или вытекали изъ него.

Въ самомъ дѣлѣ разумъ есть только способность или свойство нашего духа и перерабатываетъ только то, что ему дано или опытомъ или вѣрою. Если мы говоримъ, что то или другое вѣрованіе нераціонально, это въ сущности значитъ только, что оно противорѣчитъ несомнѣнному опыту или другому вѣрованію, которое уже признано нами за истину.

Необходимо вполнѣ уяснить себѣ, что никакая дѣйствительность не дается намъ непосредственно разумомъ, а только опытомъ или вѣрою, разумъ же познаетъ лишь возможное и необходимое. Правда, что когда я вижу полную необходимость того или другаго событія, я въ правѣ заключить о его дѣйствительномъ бытіи, *a necesse ad esse valet consequentia*, но такое заключеніе возможно только подъ тѣмъ условіемъ, чтобы исходная точка дана была въ дѣйствительности. Когда я вижу молнію, напримѣръ, я могу заключить отсюда, что услышу громъ или услышалъ бы его, еслибы находился достаточно близко отъ мѣста грозы, такимъ образомъ о *существованіи* грома я заключаю, но для этого молнію я долженъ *видѣть*.

Въ этомъ смыслѣ всякое раціональное познаніе и слѣдовательно всякая необходимость условны. Кювье, на основаніи зуба допотопнаго животнаго и съ помощью идеи цѣлесообразности, построилъ организмъ этого животнаго и доказалъ его дѣйствительное бытіе во времена лежащія далеко за предѣлами всякаго историческаго изслѣдованія, однако и здѣсь совершенно необходимъ былъ этотъ ничтожный фактъ для дальнѣйшаго изслѣдованія. Спектральный анализъ позволяетъ намъ судить о присутствіи тѣхъ или другихъ элементовъ въ тѣлахъ отдѣленныхъ отъ насъ милліонами верстъ, но какъ бы ни была слаба повидимому связь между линіями спектра и химическими элементами, присутствіе этихъ линій необходимо, чтобы мы могли заключить о бытіи этихъ элементовъ.

Однимъ словомъ для того, чтобы дойти до дѣйствительнаго бытія въ настоящемъ, прошедшемъ или будущемъ, мы должны выйти тоже изъ *дѣйствительнаго* бытія, и только посредствующія звенья могутъ быть намъ даны разумомъ; онъ можетъ только опредѣлить отношеніе между существующимъ, но сама по себѣ

дѣйствительность никогда не разрѣшается въ разумѣ и всегда, по замѣчанію Гартмана, отъ нея остается ирраціональный остатокъ. Вопросъ—почему вообще что-нибудь есть?—всегда долженъ остаться безъ отвѣта. Мы можемъ понимать только отношеніе отдѣльныхъ предметовъ между собою, но и языкъ и разумъ отказываются служить намъ, какъ только мы ставимъ вопросъ объ отношеніи бытія къ небытію, потому что все, что мы можемъ себѣ *представить*, тѣмъ самымъ начинаетъ уже *быть* по крайней мѣрѣ *для насъ*. Чтобы серьёзно говорить о такихъ предметахъ и ставить самое *бытіе* задачею философіи, необходимо предположить какой-нибудь особый путь познанія, и надо попытаться разрушить по крайней мѣрѣ безусловную силу закона противорѣчія. Только такая философія, которая имѣетъ претензію вывести всю дѣйствительность изъ апріориыхъ понятій, только такая философія можетъ находиться въ противорѣчіи съ опытомъ и съ вѣрою, но философія вообще не отвѣчаетъ конечно за тѣхъ философовъ, которые, по выраженію Шопенгауера, готовы вывести a priori не только чорта, но его бабушку.

Философія не есть, какъ это думали въ средніе вѣка, служанка богословія, скорѣе можно сказать, что истинная философія есть основаніе истинной религіи. Это нисколько не умаляетъ значенія религіи: задачи, которыя ставятся ею безъ сомнѣнія самыя высшія изо всѣхъ доступныхъ человѣческому духу, но именно потому, что они составляютъ послѣднюю цѣль нашего познанія, они не могутъ служить для него исходною точкой и основаніемъ.

Естественный свѣтъ разума долженъ предшествовать откровенію, потому что иначе это послѣднее не могло бы быть воспринято. Всякое положительное откровеніе пользуется для передачи словами, т.-е. знаками изображающими извѣстныя понятія, а способность воспринимать и образовать понятія принадлежитъ именно разуму, но въ каждомъ словѣ, кромѣ его основнаго смысла, есть еще связь съ цѣлою массою понятій, которыя оно вызываетъ по ассоціаціи такъ, что очень часто нельзя бываетъ перевести это слово на другой языкъ такимъ, которое повидимому ближе всего ему соотвѣтствуетъ.

Припомните ту сцену Фауста, гдѣ онъ пробуетъ перевести первыя строки Евангелія отъ Іоанна: онъ хочетъ найти болѣе подходящее слово, чтобы передать смыслъ греческаго λογός, и

все болѣе отъ него удаляется; скажемъ ли мы на этомъ основаніи, что надо буквально держаться текста Писанія? Конечно да; но въ томъ и вопросъ, какъ это сдѣлать, когда не хватаетъ такихъ словъ, которыя бы вполнѣ соотвѣтствовали греческимъ и еврейскимъ. И такъ уже для простаго перевода Писанія оказывается необходимо глубокое пониманіе и *толкованіе* текста, т.-е. примѣненіе разума. Необходимость этого примѣненія станетъ еще очевиднѣе, когда мы припомнимъ, что есть множество текстовъ, которыя повидимому противорѣчатъ другъ другу, и которыми противники вѣры не разъ уже пробовали воспользоваться противъ нея.

Никто не станетъ спорить, что когда говорится о небѣ какъ о престолѣ Божіемъ, о землѣ какъ о подножіи его и т. п., слова престолъ, подножіе и т. д. употребляются въ переносномъ, а не въ собственномъ смыслѣ. Но гдѣ тогда тотъ предѣлъ, гдѣ должно оканчиваться всякое толкованіе?

Если мы допустимъ слишкомъ широкое право объясненія Писанія, не рискуемъ ли мы, что оно утратить положительное содержаніе и всѣ истины вѣры превратятся только въ символы абстрактныхъ понятій?

Такая опасность безъ сомнѣнія существуетъ, но съ другой стороны, при слишкомъ мертвомъ, рабскомъ подчиненіи буквѣ, мы рискуемъ утратить пониманіе духа. Задача Церкви въ томъ и состоитъ, чтобы удержать вѣрующихъ одинаково далеко отъ этихъ обѣихъ крайностей.

Оставимъ теперь богословскую точку зрѣнія, чтобы стать на исключительно философскую.

Представимъ себѣ человѣка, который никогда не слыхалъ бы о религіи Откровенія, но котораго метафизическіе вопросы о началѣ міра, цѣли его собственнаго бытія, живо интересовали бы,— ни въ своемъ разумѣ, ни въ извѣстныхъ ему системахъ, онъ не могъ бы найти рѣшеніе занимающихъ его вопросовъ; представимъ себѣ, что такому человѣку кто-нибудь сталъ бы объяснять то, что съ нимъ будетъ послѣ смерти, что ожидаетъ всѣхъ людей, откуда возникъ этотъ міръ. Онъ очевидно прежде всего спросилъ бы разскащика, откуда онъ знаетъ это? чѣмъ онъ можетъ подтвердить свои слова? Нельзя сказать конечно, чтобы онъ не имѣлъ на это право, потому что тогда могъ бы придти

послѣ мусульманина еврей, послѣ еврея буддистъ и т. д., не можетъ же онъ вѣрить всѣмъ имъ. Нужно какое-нибудь основаніе, чтобы выбрать между различными вѣроисповѣданіями.

Но такъ какъ по самой сущности большинства религіозныхъ гипотезъ, онѣ не терпятъ логическаго доказательства, то подтвержденіе ихъ не можетъ быть найдено въ абстрактной аргументаціи.

Единственное основаніе того, что мы вѣримъ въ дѣйствительность того или другаго событія, котораго сами не видали и въ истинѣ котораго не можемъ убѣдиться логически, состоитъ въ томъ, что мы не имѣемъ основанія сомнѣваться въ правдивости и компетентности разскащика; чѣмъ менѣе вѣроятно то событіе, которое онъ передаетъ намъ, тѣмъ сильнѣе должна быть наша увѣренность въ этой правдивости и компетентности. Однимъ словомъ для того, чтобы вѣрить кому нибудь, надо знать, что онъ не обманетъ насъ и не ошибется самъ. Вотъ разумное основаніе вѣры.

Какъ ни просто это правило, оно къ сожалѣнію слишкомъ часто забывается и между тѣмъ ни въ наукѣ, ни въ религіи, ни въ практикѣ оно не терпитъ исключеній, и за слишкомъ большую довѣрчивость почти всегда приходится платиться горькимъ разочарованіемъ.

Отсюда не слѣдуетъ, чтобы въ религіи надо было отвергать все, что не можетъ быть доказано и что кажется невѣроятнымъ: это было бы совершенно нелѣпо, потому что тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о дѣйствительности того или другаго явленія или событія, котораго сами мы не видали, единственное возможное доказательство, какъ сейчасъ было сказано, это—показаніе свидѣтелей. Если мы не считаемъ ихъ достаточными, на насъ лежитъ обязанность доказать, почему эти свидѣтельства не должны быть приняты за истину.

Какъ бы ни былъ удивителенъ тотъ или другой фактъ, если онъ подтверждается вѣскими свидѣтельствами, мы не имѣемъ права безусловно отвергать его потому только, что онъ мало вѣроятенъ, т.-е. потому что досихъ поръ онъ рѣдко или никогда не наблюдался; есть однако одна граница, далѣе которой не можетъ и не должна идти никакая вѣра, если она не хочетъ сдѣлаться суевѣріемъ.

Мы не можемъ вѣрить въ дѣйствительность того, *невозможность* чего мы сознаемъ вполнѣ ясно. Чему бы я ни вѣрилъ, это вѣрованіе должно мнѣ что-нибудь представлять, я долженъ что-нибудь разумѣть подъ нимъ; но если я скажу, что вѣрю въ существованіе круглаго квадрата, такое положеніе не можетъ мыслиться и ничего не значитъ, такъ что вѣра моя, не имѣя предмета, не есть уже вѣра, потому что не знать, чему вѣрить все равно что не вѣрить.

Эта истина, какъ мнѣ кажется, вполнѣ очевидная, отрицалась однако нѣкоторыми богословами и философами, которымъ казалось, что ею ограничивается всемогущество Божіе, такъ какъ въ такомъ случаѣ самъ Богъ *не можетъ* уже сдѣлать, чтобы кругъ былъ квадратомъ или прошедшее настоящимъ. Но такое возраженіе основано повидимому на невѣрномъ представленіи о всемогуществѣ. Всемогущество состоитъ конечно въ томъ, чтобы мочь все чего захочешь, а не въ томъ, чтобы имѣть разомъ исключающія другъ друга хотѣнія. Лейбницъ, подробно разбирая эти вопросы въ своей теодицеѣ, справедливо замѣчаетъ, что такое понятіе о всемогуществѣ Божіемъ, которое уничтожало бы достовѣрность законовъ противорѣчія и тождества, поставило бы въ опасность самую религію, такъ какъ безъ нихъ нельзя доказать ни одной истины, ни даже самаго бытія Божія. Богословы, допускающіе такое всемогущество, впадаютъ въ крайность противоположную матеріалистамъ и такъ же какъ они должны придти къ полнѣйшему мистицизму. Если мы, допуская истинность законовъ нашего разума (я оставляю пока мистицизмъ въ сторонѣ), пришли къ заключенію, что Богъ существуетъ, а потомъ допустимъ, что онъ можетъ сдѣлать эти законы неистинными, мы очевидно впадемъ въ логическій кругъ и тогда и законы разума и бытіе Божіе вмѣстѣ перестаютъ быть достовѣрными, такъ какъ между заключеніемъ и посылками оказывается противорѣчіе. Мы смѣло можемъ утверждать, что законы мышленія повсюду одинаково обязательны, и потому противорѣчія въ философскихъ или религіозныхъ взглядахъ должны быть или только кажущимися, исчезающими при болѣе внимательномъ анализѣ, или служатъ доказательствомъ несостоятельности этихъ взглядовъ. Мы смѣло можемъ сказать, что то, что

невозможно, не существуетъ. Только здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо слѣдуетъ различать понятіе невозможнаго отъ невѣроятнаго.

Возможность есть понятіе чисто отрицательное, невозможность, наоборотъ, положительное (хотя съ точки зрѣнія грамматики оно выходитъ иначе). Въ самомъ дѣлѣ, когда я говорю о чемъ-нибудь: „это возможно“,—я ровно ничего не утверждаю, а выражаю этимъ только свое незнаніе относительно того, справедливо ли то или другое положеніе или нѣтъ, совершится ли то или другое событіе или нѣтъ. Положимъ напр. я говорю, что солнце наше можетъ погаснуть: я этимъ выражаю въ сущности только то, что я не знаю погаснетъ оно или нѣтъ, и потому нельзя требовать отъ меня доказательства моихъ словъ. Наоборотъ, тотъ, кто утверждаетъ, что оно *не можетъ* погаснуть, долженъ доказать свое положеніе, т.-е. вѣчность солнечной системы точно такъ же какъ и тотъ, кто утверждаетъ, что оно *должно* погаснуть, т.-е. тотъ, кто признаетъ ея *конечность*. Необходимость и невозможность—понятія соотносительныя. *Необходимо все то, обратное чему невозможно. Невозможно все то, обратное чему необходимо.* Все то, что не необходимо и не невозможно, все—*возможно.*

Изъ приведенныхъ этихъ опредѣленій слѣдуетъ, что ни одно физическое или физіологическое явленіе само по себѣ мы не вправѣ считать невозможнымъ. Въ самомъ дѣлѣ для того, чтобы утверждать такую невозможность, мы должны были бы утверждать необходимость обратнаго, а необходимость есть понятіе примѣнимое только тамъ, гдѣ дана логическая, неразрывная связь между двумя фактами или явленіями. „Но надо не имѣть и предчувствія о томъ, въ какое море загадокъ и непостижимостей мы погружаемся, чтобы считать этотъ міръ весьма понятнымъ“ справедливо замѣчаетъ Шопенгауеръ. Есть, правда, логическій законъ, который связываетъ явленія между собою,—это законъ причинности.

Основываясь на немъ, мы имѣемъ полное право утверждать каждый разъ, какъ видимъ то или другое измѣненіе, что измѣненіе это имѣетъ причину; но то, что нѣтъ другихъ причинъ и слѣдовательно—что невозможны другія явленія кромѣ тѣхъ, которыя намъ извѣстны, этого утверждать мы не имѣемъ ни малѣйшаго права.

Только крайняя односторонность и слѣпое поклоненіе естественнымъ наукамъ могли довести многихъ ученыхъ до того, что ко всякому новому явленію, неукладывающемуся въ рамки ихъ теорій, они стали относиться иронически, не давая себѣ труда изслѣдовать его, какъ будто научныя гипотезы въ самомъ дѣлѣ—несомнѣнныя апріорныя истины. Впрочемъ для такихъ ученыхъ дѣло большею частью не въ мысли, а въ словѣ и какъ остроумно замѣчаетъ Элифасъ Леви, они готовы, пожалуй, допустить возможность воскресенія, лишь бы только смерть была названа не смертью, а летаргіею сопровождаемою разложеніемъ.

Еслибы естествознаніе не превратилось у нихъ въ кумиръ, которому они поклоняются, не стараясь понять его и отнестись къ нему критически, они увидѣли бы, какъ слабы ихъ аргументы противъ возможности чудесъ, основанныя на неизмѣнности законовъ природы, какъ законы эти извѣстны далеко невполнѣ и неизмѣнность ихъ всецѣло покоится на другомъ высшемъ началѣ.

Въ одной изъ священныхъ персидскихъ книгъ говорится: Заратустра (Зороастръ) спросилъ Атуру (Ормузда): „когда тѣло развѣется вѣтромъ, унесется водою, какъ можетъ оно сдѣлаться снова? Какъ можетъ совершиться воскресеніе мертвыхъ? Агура отвѣчалъ: когда черезъ меня держится небо, безъ столбовъ, духовною силою, блестя драгоцѣнными камнями въ своихъ далекихъ предѣлахъ; когда черезъ меня держится земля, носящая тѣлесныя существа и сама не имѣя носителя; когда черезъ меня солнце, мѣсяцъ и звѣзды носятся въ пространствѣ блестящими шарами, когда мною создано сѣмя, которое будучи опущено въ землю, выростаетъ снова и умираетъ; когда все это создано мною, развѣ это не было труднѣе чѣмъ воскресеніе мертвыхъ? Развѣ все то, что не существовало, пока я его не создалъ, не есть помощь при воскресеніи мертвыхъ? Замѣть хорошенько: когда этого не было, — оно было сдѣлано, а то, что уже было, неужели я не могъ бы сдѣлать его снова?“

Мнѣ кажется, что эти слова старинной персидской книги могутъ служить лучшимъ отвѣтомъ тѣмъ нашимъ ученымъ, которые, гордые западною наукой, слишкомъ явно забываютъ предѣлы опытнаго познанія.

Въ виду того, что мы съ одной стороны далеки отъ исчерпывающаго познанія всѣхъ силъ природы, а съ другой, что сами эти силы нуждаются еще въ объясненіи и должны быть сведены къ другимъ недоступнымъ для естествознанія причинамъ, что̀ допускается и многими изъ самыхъ извѣстныхъ современныхъ ученыхъ нашего времени,—въ виду этого признаніе чудесъ не только не противорѣчитъ требованіямъ разума, но составляетъ, наоборотъ, почти единственное основаніе *разумной* вѣры. Для того, чтобы вѣрить кому-нибудь, какъ я имѣлъ уже случай замѣтить, необходимо предположить, что онъ не ошибается самъ и не хочетъ обмануть насъ. Понятно, что тотъ, кто хочетъ сообщить знаніе недоступное обыкновенному человѣческому разуму, долженъ самъ обладать этимъ познаніемъ и доказать это. Очевидно, что знаніе это, находясь выше нашего разума, не можетъ быть доказано разумомъ. Сверхчеловѣческое знаніе и силу пророкъ долженъ доказать *чудомъ*, т.-е. такимъ дѣломъ, которое превышаетъ силу простой человѣческой воли и разума; вотъ почему даже Христосъ говоритъ: не Я свидѣтельствую о себѣ, а *дѣла*, которыя Я творю, свидѣтельствуютъ обо Мнѣ.

Истинно-раціоналистическая философія не только не противорѣчитъ требованіямъ религіи, но, признавши разумое основаніе ея, предоставляетъ ей затѣмъ всю безграничную сферу возможнаго, т.-е. всю дѣйствительность, поскольку она не дается намъ непосредственнымъ опытомъ,—съ единственнымъ условіемъ, чтобы между ея догматами не было внутренняго противорѣчія.

Положеніе значительно измѣняется, когда богословіе берется за рѣшеніе общихъ *метафизическихъ* задачъ, когда оно не только *утверждаетъ*, опираясь на авторитетъ Писанія, но стремится *объяснить* вопросы творенія, свободы воли, отвѣтственности и т. п. Здѣсь оно весьма легко встрѣчается съ такими затрудненіями, которыя грозятъ ему серьёзною опасностью. Едва ли возможно понять, напримѣръ, какимъ образомъ твореніе, какъ оно понимается большинствомъ богослововъ, т.-е. какъ твореніе ex nihilo, можетъ быть согласнымъ съ личною свободой и отвѣтственностью человѣка,—не говорю уже съ возможностью вѣчныхъ мученій. Если мы поставимъ вопросъ такимъ обра-

зомъ, въ немъ будетъ уже прямое противорѣчіе. Отъ насъ зависитъ выбрать свободу или твореніе ex nihilo; но принявши одно, мы не можемъ принять другаго, также какъ назвавши геометрическую фигуру кругомъ, мы не можемъ утверждать потомъ, что у нея четыре стороны. Твореніе ex nihilo *свободнаго* человѣка также немыслимо, какъ существованіе квадратнаго круга.

Что такое свобода? Это способность самоопредѣленія; но такъ какъ каждый мой поступокъ опредѣляется съ одной стороны внѣшнимъ мотивомъ, а съ другой моимъ характеромъ, а внѣшній мотивъ отъ меня не зависитъ; то, если признать, что свобода дѣйствительно существуетъ, необходимо искать ее въ самой сущности-человѣка, какъ это и дѣлали Кантъ, Шеллингъ и Шопенгауеръ. Если же эта сущность сама есть только продуктъ дѣйствія другаго существа и опредѣляется другимъ, все равно—назовемъ ли мы это другое начало: Богомъ, матеріей или волей или безсознательнымъ, тогда свободу уже некуда будетъ дѣть, потому что и мотивъ и характеръ, изъ которыхъ вытекаютъ дѣйствія, будутъ для дѣйствующаго одинаково внѣшними, и не можетъ быть уже рѣчи о самоопредѣленіи, идея котораго тогда всецѣло переносится на первое и единственное начало, какъ въ пантеизмѣ Спинозы.

Твореніе ex nihilo едва ли составляетъ выводъ изъ словъ священнаго Писанія. Впрочемъ я не имѣю возможности подробно разсматривать этотъ вопросъ, это повело бы насъ слишкомъ далеко; я не утверждаю, чтобы то или другое толкованіе было вѣрно, и указываю только на необходимость согласить, повидимому, противорѣчащіе догматы, если признается необходимымъ ихъ *философское* толкованіе. Но, повторяю, такое соглашеніе далеко не такъ легко, какъ кажется. Потому что выраженіе въ родѣ того, что „Богъ далъ человѣку свободу“; теряетъ всякій смыслъ при философскомъ анализѣ, и надо идти несравненно дальше и глубже. Пока въ самой философіи вопросы эти не рѣшены, богословію нѣтъ никакого основанія ступать на шаткую почву метафизики. Это тѣмъ болѣе опасно, что здѣсь нападающій имѣетъ почти всегда значительное преимущество, а богословамъ и безъ того приходится отстаивать немало другихъ положеній.

Но можетъ-быть скажутъ на это, что у религіи есть еще другой источникъ — непосредственный, неосновательный на разумѣ — увѣренность въ ея истинѣ. Такая увѣренность не можетъ быть опровергнута никакими логическими аргументами, потому что она основана не на разумѣ. Мистицизмъ, безъ сомнѣнія, имѣетъ нѣкоторое основаніе въ самой сущности человѣческой природы, такъ какъ мы встрѣчаемъ его во всѣхъ странахъ независимо отъ различія племенъ и вѣроисповѣданій, но опредѣлить его отношеніе къ положительнымъ догматамъ весьма трудно. Невольно является даже вопросъ, не дѣлаетъ ли онъ положительнаго откровенія излишнимъ, если не прямо исключаетъ его? Въ самомъ дѣлѣ, что утверждаютъ мистики? что истина воспринимается ими непосредственно путемъ сверхъестественнаго откровенія или общенія съ Божествомъ. Но если такъ, къ чему же тогда еще внѣшніе знаки и свидѣтельства? Съ раціонализмомъ мистицизмъ не имѣетъ никакой общей точки, которая позволила бы найти между ними отношеніе, согласить ихъ или даже вести споръ. Мистики утверждаютъ, что у нихъ есть какой-то особый внутренній способъ познанія. Отрицать *возможность* этого раціоналисты не въ правѣ, но признать объективное значеніе такого откровенія они также не въ правѣ, потому что субъективная увѣренность, какъ бы она ни была сильна, имѣетъ значеніе только для того, кто ее ощущаетъ.

Мистицизмъ такимъ образомъ лежитъ внѣ сферы нашей задачи; его мы не можемъ ни доказывать ни опровергать, потому что всякое доказательство и всякое опроверженіе предполагаетъ уже раціоналистическую точку зрѣнія.

Что касается остальныхъ источниковъ нашего познанія: разума, вѣры и опыта, то строгое разграниченіе ихъ необходимо, если мы хотимъ избѣгнуть столкновенія между философіей, религіей и естественными науками. Если мы хотимъ опредѣлить, что̀ имѣетъ достовѣрность логическую, что̀ опытную и что̀ силу религіознаго догмата, то различеніе это возможно только послѣ, а не во время изслѣдованія: въ каждомъ отдѣльномъ познаніи при образованіи его неразрывно связаны всѣ три элемента.

Возьмемъ особую отрасль—естествознаніе: въ ней очевидно

нельзя сдѣлать ни шагу безъ опыта, но опытъ предполагаетъ уже разумъ и разумъ нуженъ для обобщенія и классификаціи отдѣльныхъ фактовъ. Кромѣ того есть ли такой ученый, который продѣлалъ бы самъ всевозможные опыты и наблюденія? очевидно нѣтъ. Во многихъ случаяхъ, (какъ напр. въ астрономіи) это даже положительно невозможно; ему приходится поневолѣ принимать *на вѣру* наблюденія другихъ, лишь бы только они не противорѣчили его собственному опыту или разуму.

Однако эта необходимая связь всѣхъ источниковъ нашего познанія въ дѣйствительномъ (актуальномъ) мышленіи ученаго, богослова или философа нисколько не ослабляетъ различія между религіей, философіей и естествознаніемъ, точно также, какъ то обстоятельство, что судья, какъ человѣкъ, имѣетъ множество другихъ правъ и обязанностей какъ частное лицо или гражданинъ, нисколько не измѣняетъ его значенія и границъ его власти какъ судьи.

Только при ясномъ сознаніи этой власти и различеніи его судебныхъ обязанностей отъ частныхъ отношеній, возможно для него правильное отправленіе этихъ обязанностей.

Если бы мы могли вполнѣ усвоить себѣ различія тѣхъ цѣлей, которыя преслѣдуются религіей, философіей и естествознаніемъ, изчезло бы всякое основаніе для столкновенія между ними, споръ былъ бы возможенъ только между различными философскими системами, между разными научными гипотезами, между разными вѣроисповѣданіями.

Абсолютная истина конечно только одна; но въ спорѣ съ нашими противниками, мы не должны забывать, что нашему сознанью она недоступна во всей ея полнотѣ, и что нѣкоторыя стороны ея легко могутъ ускользнуть отъ самаго искренняго и опытнаго изслѣдователя и обнаружиться тамъ, гдѣ мы менѣе всего ожидаемъ ее найти. Въ самыхъ разнообразныхъ явленіяхъ обнаруживается одинъ и тотъ же верховный разумъ и при спокойномъ и внимательномъ изслѣдованіи и сквозь самый глубокій мракъ заблужденій и невѣжество намъ почти всегда удается различить хоть слабый лучъ того свѣта, который свѣтитъ и во тьмѣ.

„Развѣ не драгоцѣнно открытіе, говоритъ Максъ Мюллеръ, что прежде раздѣленія разныхъ вѣтвей арійскаго племени, прежде

образованія санскритскаго, греческаго и латинскаго языковъ, прежде ведическихъ боговъ и храма Юпитера въ священномъ лѣсу Додоны, предки наши провозгласили бытіе верховнаго Божества, которое они призывали въ своихъ молитвахъ и которому дали имя самое величественное, самое священное изъ когда либо придуманныхъ человѣкомъ для означенія Божества? Прошли тысячелѣтія съ тѣхъ поръ, какъ арійскія племена раздѣлились, чтобы пересилиться на югъ и на сѣверъ, на востокъ и на западъ. Каждое изъ нихъ создало языкъ, они основали государства, философію, они всѣ строили храмы и потомъ разрушали ихъ они всѣ состарѣлись, стали можетъ-быть умнѣе и добрѣе; но когда они ищутъ имя для того, что всего выше и въ тоже время всего дороже для каждаго изъ насъ, когда они хотяхъ выразить разомъ уваженіе и любовь, безконечное и конечное, они могутъ сдѣлать только тоже, что дѣлали наши предки, когда поднимая взоръ на вѣчное небо, они чувствовали въ немъ присутствіе существа далекаго и въ тоже время близкаго,—они могутъ только повторить первоначальную арійскую молитву „Неба Отца“ въ той формѣ, которую она приняла черезъ столѣтіе „Отче нашъ иже еси на небесѣхъ“.

Въ своихъ послѣднихъ выводахъ и стремленіяхъ самыя различныя отрасли знанія приводятъ насъ повидимому къ однимъ и тѣмъ же задачамъ и здѣсь какъ будто исчезаютъ уже тѣ границы, которыя мы старались провести между ними; но мы не должны забывать, что напрасны были бы старанія понять первое начало всего сущаго. Есть вопросы, которые выходятъ изъ предѣловъ не только научнаго и философскаго познанія, но даже религіозныхъ вѣрованій. Какъ физическій свѣтъ, давая формы и краски всему матеріальному міру, самъ остается невидимымъ, такъ и сущность того перваго духовнаго Начала, въ которомъ мы живемъ и движемся и есмы, остается неизмѣримо выше какого бы то ни было познанія.

Кн. Д. Цертелевъ.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ ВЛАДИМІРСКОЙ ЧУДОТВОРНОЙ ИКОНЫ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, СКАЗАННОЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ МАКАРІЕМЪ, МИТРОПОЛИТОМЪ МОСКОВСКИМЪ И КОЛОМЕНСКИМЪ, ВЪ МОСКОВСКОМЪ СРѢТЕНСКОМЪ МОНАСТЫРѢ 23 ІЮНЯ.

О семъ разумѣютъ вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь имате между собою. (Іоан. 13, 35).

Въ ряду крестныхъ ходовъ, которыми такъ богата наша первопрестольная столица, нынѣшній крестный ходъ въ честь Владимірской чудотворной иконы пресвятыя Богородицы есть одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ. Замѣчателенъ онъ уже по своей древности: онъ установленъ въ 1480 году и слѣдовательно существуетъ почти ровно четыре столѣтія. Но еще болѣе замѣчателенъ по тому случаю, по которому установленъ: онъ установленъ въ память окончательнаго избавленія Россіи отъ татарскаго ига. А татарское иго было для Россіи величайшимъ изъ бѣдствій, какія только испытывала она въ продолженіе всего своего тысячелѣтняго существованія. Татарское иго тяготѣло надъ Россіей болѣе двухъ сотъ лѣтъ, хотя и не постоянно въ одинаковой степени. Татарское иго держало Россію въ позорномъ рабствѣ и униженіи и вынуждало ее покоряться дикимъ варварамъ, платить имъ дань, зависѣть отъ ихъ прихоти и про-

извола. Татарское иго и началось и нерѣдко сопровождалось для Россіи страшными ея опустошеніями. Орды татарскія вторгались въ русскіе предѣлы, подобно огненной лавѣ, и истребляли на пути своемъ все, что̀ ни попадалось; города и селы обращали въ развалины и пепелъ, жителей всѣхъ избивали, не давая пощады никому и ничему. Русская кровь лилась рѣкой; вопли и стоны раздавались на пространствѣ всей земли русской. Трудно представить, еще труднѣе изобразить словами, что̀ вынесла, что̀ вытерпѣла тогда многострадальная Россія.

За что̀ же Господь такъ наказалъ наше отечество,ославъ на него столь великое и продолжительное бѣдствіе? За то,— исповѣдывали сами предки наши, тогда жившіе, — за то, что сыны Россіи прогнѣвали Бога своими грѣхами, прогнѣвали особенно отсутствіемъ между ними взаимной христіанской любви, взаимною ненавистію, непрерывными внутренними раздорами и междоусобіями. Россія до порабощенія ея Татарами, хотя признавала надъ собою власть одного великокняжескаго рода, была раздѣлена на многія удѣльныя княжества между членами этого рода. Существовали княжества—Кіевское, Черниговское, Переяславское; княжества—Ростовское, Владимірское, Рязанское, Муромское; княжества—Смоленское, Полоцкое, Псковское, Новгородское и другія. Всѣ эти княжества, несмотря на близкое родство ихъ князей, почти постоянно враждовали между собой и воевали. Войны велись большею частію изъ-за самыхъ ничтожныхъ причинъ и отличались крайнею жестокостью. Напрасны были усилія лучшихъ князей останавливать и прекращать эти братоубійственныя распри; напрасны совѣты, убѣжденія, мольбы и слезы достойнѣйшихъ пастырей церкви. Русскіе, казалось, забывали, что они Русскіе и братья между собой, — забывали даже, что они христіане, и нерѣдко овладѣвая какимъ-либо своимъ же русскимъ городомъ, напримѣръ, Кіевомъ, Черниговомъ, варварски разоряли и опустошали его, умерщвляли невинныхъ жителей—стариковъ, женъ и дѣтей, грабили, разрушали и сожигали храмы Божіи и святыя обители, и предавались всякаго рода неистовствамъ. Такія междоусобія, длившіяся цѣлыя столѣтія, имѣли для Россіи двоякое гибельное послѣдствіе: они постепенно ослабляли и обезсиливали ее; они призывали на нее гнѣвъ Божій. И этотъ гнѣвъ наконецъ разразился надъ нею.

Изъ глубины Азіи двинулись въ предѣлы нашего отечества несмѣтныя полчища татарскія, и Россія, раздробленная и обезсиленная внутренними раздорами, не въ состояніи была устоять противъ натиска внѣшнихъ безчисленныхъ враговъ, и поверженная во прахъ должна была испить до дна ту горькую чашу, которую сама же приготовила себѣ своими прежними беззаконіями.

За что́ потомъ и когда Господь помиловалъ Россію, избавивъ ее отъ тягостнаго порабощенія? Вы знаете, что Всевышній если наказываетъ согрѣшившихъ предъ Нимъ, то наказываетъ всегда, какъ отецъ своихъ дѣтей, съ цѣлію вразумить ихъ и исправить. Съ этою же цѣлію Онъ наказалъ и наше отечество. Къ сожалѣнію, долго, даже слишкомъ долго предки наши не умѣли или не хотѣли воспользоваться небеснымъ вразумленіемъ. Удѣльные наши князья, а за ними и ихъ подданные, не переставали и послѣ татарскаго погрома враждовать между собою и продолжали вести междоусобія, иногда даже болѣе кровопролитныя и гибельныя, нежели какія вели прежде. Были и такіе князья, которые обращались за помощію въ Орду и приводили оттуда съ собою татарскія полчища для разоренія роднаго края. Москва, тогда еще юная и едва образовавшаяся въ самостоятельное княжество—вотъ гдѣ впервые ясно и глубоко сознана была мысль, что источникомъ всѣхъ золъ Россіи служитъ раздѣленіе ея на удѣльныя княжества, порождавшее и поддерживавшее непрестанную вражду, распри, столкновенія и кровопролитія между родными братьями, Русскими, и что для спасенія Россіи необходимо уничтожить это раздѣленіе ея на удѣлы, водворить между сынами ея миръ, согласіе, братскую любовь и соединить всѣхъ ихъ въ одно обширное, могущественное государство. Проникнутые этою мыслію, московскіе князья старались постепенно увеличивать свое княжество на счетъ другихъ княжествъ и мало-по-малу присоединяли къ нему изъ чужихъ владѣній села, города, даже цѣлыя области, то силою оружія, то покупкою, то чрезъ брачные союзы, то по силѣ грамотъ, которыя выпрашивали себѣ у татарскихъ хановъ. Малое княжество Московское весьма медленно, тихо и почти непримѣтно, но все росло, расширялось, поглощало другія княжества и превращалось въ великое княженіе всея Россіи. Во дни великаго князя Димитрія

Іоанновича Донскаго оно уже настолько разрослось и усилилось, что этотъ благочестивый князь, съ помощію впрочемъ нѣкоторыхъ другихъ князей, еще сохранявшихъ свои удѣлы, но уже признававшихъ его своимъ главою, смѣло вступилъ въ борьбу съ грознымъ ханомъ татарскихъ Мамаемъ, и подкрѣпляемый благословеніемъ, убѣжденіями и молитвами великаго современнаго подвижника, преподобнаго Сергія Радонежскаго, одержалъ надъ гордымъ врагомъ блистательную побѣду на полѣ Куликовомъ. То была свѣтлая заря и радостнѣйшая провозвѣстница будущаго освобожденія нашего изъ-подъ власти татарской. Прошло еще сто лѣтъ, и удѣльныхъ княжествъ не стало въ Россіи. Покаяніе ея совершилось: внутренніе раздоры, междоусобія, кровопролитія, причинявшіе ей столько зла и столько прогнѣвлявшіе Бога, прекратились. Всѣ Русскіе, какъ братья по крови и по вѣрѣ, соединились въ одно обширное государство подъ властію одного самодержавнаго государя Московскаго. И этотъ государь, уничтожившій послѣдніе удѣлы въ отечествѣ, Іоаннъ Васильевичъ III, въ сознаніи своей силы, пришелъ къ убѣжденію, что настала наконецъ пора совершенно сбросить съ Россіи позорное татарское иго, и рѣшительно отказался платить дань хану. А Господь Богъ, уже обратившійся тогда къ намъ своею милостію, благословилъ намѣреніе нашего монарха. Татарскій ханъ Ахматъ, разгнѣванный отказомъ Іоанна, двинулся въ Московскіе предѣлы со всею своею Золотою Ордой. Сила была громадная и наводила невольный ужасъ на Русскихъ. Наши полки выступили противъ врага; но нашлись малодушные вблизи самого великаго князя, которые совѣтовали ему смириться и покориться хану. Русскіе святители, собравшіеся тогда въ Москвѣ, именемъ вѣры и отечества убѣждали государя смѣло идти на супостатовъ, обнадеживая его помощію свыше, а сами, вмѣстѣ со всѣмъ народомъ, день и ночь отправляли молебствія, особенно въ Успенскомъ соборѣ предъ чудотворною иконою Богоматери Владимірской. И дѣйствительно, совершилось чудо, поразившее всѣхъ. Ахматъ, болѣе мѣсяца стоявшій на берегахъ рѣки Угры противъ Русскихъ, послѣ небольшихъ стычекъ съ ними внезапно отступилъ отъ этой рѣки и безо всякой видимой причины совсѣмъ удалился изъ предѣловъ Россіи. Русскіе ясно понимали, что не они

прогнали врага своею силой и оружіемъ, и единодушно признали и исповѣдывали, что это устроилъ Богъ своею незримою силой, по молитвамъ пресвятыя Богородицы, предъ чудотворною иконою которой они такъ усердно молились. Бѣжавшій изъ Россіи Ахматъ вскорѣ былъ умерщвленъ въ своихъ предѣлахъ; Золотая или Большая Орда татарская рушилась, раздробившись на мелкіе орды, и Россія окончательно освободилась отъ ига, тяготѣвшаго надъ нею болѣе двухъ столѣтій. Въ благодарность Всевышнему за столь чудесное избавленіе отъ величайшаго бѣдствія, по предстательству пресвятыя Богородицы, и въ память будущимъ родамъ, соборъ тогдашнихъ святителей нашихъ и установилъ нынѣшній праздникъ и крестный ходъ въ честь чудотворныя иконы ея Владимірскія.

Братіе о Господѣ! Уроки исторіи—самые сильные и непререкаемые уроки. Тяжко было иго татарское для Россіи, а что привело къ нему? Раздѣленіе нашего отечества на мелкія княжества, возбуждавшее между предками нашими постоянную вражду, непрерывные раздоры, столкновенія, междоусобія, кровопролитія. Наказалъ насъ Господь за это; но Его наказаніе было болѣе для насъ милостію нежели наказаніемъ: потому что еслибъ оно не постигло Россіи, еслибы въ Россіи еще продолжились прежнія безразсудныя и истребительныя усобицы, то чрезъ столѣтіе или два она быть-можетъ совсѣмъ бы обезлюдѣла, рушилась и погибла. Татары если и долго владѣли нашею страной, то владѣли издали, почти не вмѣшиваясь въ ея внутреннія дѣла и предоставляя ей жить своею особою жизнію. И Россія, наученная горькимъ опытомъ, уврачевала, въ теченіе своего тягостнаго порабощенія, тихо и непримѣтно свою внутреннюю язву—источникъ ея бѣдствій, объединила своихъ сыновъ подъ властію одного самодержавнаго государя, и свергнувъ съ себя, при чудесной помощи Божіей, позорное иго татарское, разомъ явилась могущественнымъ государствомъ предъ глазами изумленной Европы. Съ того времени Россія уже не переставала быть единою нераздѣльною державой, и не только не дробилась на какіе-либо удѣлы, но постепенно возсоединяла съ собою и тѣ части, которыя были отторгнуты отъ нея иноземными державами въ годину ея бѣдствій; постепенно воспринимала въ себя и многіе сосѣдственные народы, въ томъ числѣ и бывшихъ своихъ пора-

ботителей—Татаръ, и объединяла ихъ въ своемъ государственномъ организмѣ. Мысль о единствѣ Русской земли подъ властію одного царя-государя, о необходимости и благотворности этого единства для счастія Россіи глубже и глубже проникала въ сознаніе Русскаго народа и укоренилась въ немъ навсегда. Царь и отечество стали неразлучными въ понятіяхъ русскихъ людей, такъ что любовь къ отечеству сдѣлалась для нихъ вмѣстѣ любовію къ царю, а вѣрность царю и царскому престолу—вѣрностію отечеству. Вмѣстѣ съ тѣмъ Господь въ милости Своей къ Россіи посылалъ ей цѣлый рядъ достойнѣйшихъ государей, которые своею любовію къ подвластному имъ народу, своими заботами о его счастіи еще сильнѣе привязывали къ себѣ сердца своихъ подданныхъ, и своими мудрыми предначертаніями и неусыпными трудами непрестанно вели дорогую имъ Россію отъ силы въ силу, отъ славы въ славу. И нынѣ, подъ державою нашего благочестивѣйшаго монарха Александра Николаевича, который своею истинно-отеческою любовію къ подданнымъ и заботливостію о нихъ безспорно превзошелъ всѣхъ своихъ предшественниковъ и своими великими преобразованіями сдѣлалъ для блага нашего отечества столько, сколько не сдѣлалъ никто прежде: нынѣ единая, великая, могущественнѣйшая Россія справедливо считается однимъ изъ первенствующихъ царствъ всего міра.

Судите жь послѣ этого, какъ мы должны смотрѣть на людей, которые разными тайными путями стараются похитить у насъ то, что̀ такъ укрѣпило, возвысило и прославило наше Отечество; думаютъ разорвать тотъ живой внутренній союзъ, который соединилъ и соединяетъ насъ всѣхъ въ одинъ могущественный государственный организмъ, а вмѣстѣ соединяетъ насъ и съ нашимъ царственнымъ Главою и Вождемъ; стараются поселить между нами рознь и вражду, возбуждаютъ насъ противъ существующаго порядка въ нашемъ отечествѣ, противъ властей и самой Власти самодержавной. Чего хотятъ они, эти темные люди? Не того ли чтобы повторились между нами страшныя междоусобія, которыя погубили-было Россію еще въ періодъ дотатарскій? Не того ли чтобы вновь постигло насъ, если не татарское, то какое-либо другое, еще тягчайшее, иноземное иго? Нѣтъ, они хотятъ намъ даже гораздо худшаго; они мечтаютъ

разрушить все наше государственное зданіе, уничтожить все его устройство, произвесть всеобщій хаосъ, въ которомъ должны погибнуть всякое общественное и частное благосостояніе. И взамѣнъ всего этого они не могутъ дать ничего прочнаго. потому что съ отверженіемъ царской власти отвергаютъ и власть Божескую, отвергаютъ самое бытіе Бога, бытіе души безсмертной и загробной жизни, а слѣдовательно и всѣ высшія нравственныя начала, безъ которыхъ нигдѣ и никогда не можетъ установиться никакой гражданскій порядокъ. Общество людей безъ вѣры въ Бога и безсмертіе души—это почти стадо дикихъ звѣрей, хотя и одаренныхъ разумомъ, которые всегда готовы терзать и истреблять другъ друга.

О, братіе, будемъ усерднѣе молиться Всевышнему, да пронесется отъ насъ скорѣе это страшное нравственное повѣтріе, да уврачуетъ Онъ тѣхъ несчастныхъ, которые уже заразились этою проказой, и да предохранитъ тѣхъ, которые способны заразиться ею по своему неразумію или испорченности. А сами дружнѣе и крѣпче сомкнемся вокругъ престола нашего возлюбленнаго Монарха, нашего державнаго Отца, котораго такъ явно и такъ чудесно спасаетъ Господь отъ покушеній враговъ для вразумленія ихъ и для счастія Россіи. Аминь.

СЛОВО

ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ МАКАРІЕМЪ, МИТРОПОЛИТОМЪ МОСКОВСКИМЪ И КОЛОМЕНСКИМЪ, 15 СЕГО ІЮЛЯ *)

Азъ есмь свѣтъ міру. (Іоан. 8, 12).

Въ день Просвѣтителя Россіи о чемъ естественнѣе рѣчь какъ не о просвѣщеніи? И о какомъ просвѣщеніи если не о томъ, которымъ онъ просвѣтилъ Россію? А онъ просвѣтилъ или желалъ просвѣтить ее двоякимъ свѣтомъ.

Первый свѣтъ, которымъ нашъ Равноапостолъ дѣйствительно просвѣтилъ Россію, былъ свѣтъ Христовъ, свѣтъ вѣры, свѣтъ ученія евангельскаго. Вы знаете, что въ то время небесный свѣтъ существовалъ на землѣ уже въ двоякомъ видѣ. На Востокѣ, въ церкви Православной, онъ сохранялся во всей своей первобытной чистотѣ и сіялъ полнымъ блескомъ божественной истины. На Западѣ, въ церкви Римской, онъ былъ уже ослабленъ, умаленъ, помраченъ примѣсью мнѣній и заблужденій человѣческихъ. Возблагодаримъ Господа, что Онъ судилъ намъ просвѣтиться свѣтомъ съ Востока, а не Запада. Возблагодаримъ и нашего Просвѣтителя, который витаетъ нынѣ въ ликѣ свя-

---

*) Въ домовой церкви московскаго генералъ-губернатора князя Владиміра Андреевича Долгорукова.

тыхъ и молится за просвѣщенную имъ Россію. Онъ принялъ для себя и для своего народа новую вѣру не какъ-нибудь поспѣшно, необдуманно, не по своему только произволенію; нѣтъ, онъ долго испытывалъ вѣры, которыя ему предлагали; онъ не разъ совѣщался со своими боярами и старцами народными, и рѣшился принять вѣру изъ Греціи только по ихъ общему желанію и по своему внутреннему убѣжденію. Слѣдствія этой святой рѣшимости были для насъ роковыя. У насъ утвердилась истинная церковь Христова, церковь православная, единая непогрѣшительная блюстительница вѣры Христовой во всей ея чистотѣ и неповрежденности, а слѣдовательно и самая надежная руководительница къ вѣчному спасенію. Верховные пастыри этой церкви, какъ *царства не отъ міра сего* (Іоанн. 18, 36), никогда не увлекались у насъ духомъ мірской гордыни и преобладанія, какъ, къ прискорбію, увлекся первосвятитель Западной церкви, не вмѣшивались въ дѣла политическія, не посягали на права государей. И потому Россія не испытывала тѣхъ страшныхъ потрясеній какія происходили на Западѣ вслѣдствіе борьбы между свѣтскою властію и духовною. Напротивъ, наша церковь всегда старалась выполнять только свое святое высокое призваніе и воспитывая чадъ своихъ въ духѣ вѣры и благочестія, въ духѣ христіанскаго самоотверженія и любви къ ближнимъ, въ духѣ совершеннаго повиновенія предержащимъ властямъ, всегда приготовляла Россіи самыхъ лучшихъ гражданъ, самыхъ вѣрныхъ и полезныхъ слугъ царю и отечеству.

Другой свѣтъ, которымъ нашъ Равноапостолъ желалъ просвѣтить Россію, былъ свѣтъ науки и естественнаго знанія. Конечно, это были едва начатки науки; но важно то, что Просвѣтитель нашъ сознавалъ потребность ея для своего народа и какъ только крестилъ его, завелъ для него училища и приказалъ знатнымъ людямъ отдавать туда дѣтей для наученія книжнаго. Важно то, что св. Владиміръ желалъ насадить у насъ науку, которая бы служила помощницею новой вѣрѣ, приготовляла ей пастырей и учителей, содѣйствовала распространенію и утвержденію ея въ Русскомъ народѣ, и слѣдовательно постоянно жила въ мирѣ и согласіи съ вѣрой, а не враждовала противъ нея, не противоборствовала ей. Въ наши дни наука совсѣмъ уже не то, что была во дни святаго князя Владиміра. Нынѣ

она чрезвычайно раздвинула свои предѣлы и имѣетъ цѣлыя области, въ которыхъ развивается свободно и безпрепятственно, вовсе не встрѣчаясь съ христіанскою вѣрой. Но и нынѣ есть области для науки, въ которыхъ она неизбѣжно соприкасается съ нашею святою вѣрой и можетъ или служить ей доброю помощницей или вредить ей. О, какъ желалось бы, чтобъ и нынѣ въ нашемъ отечествѣ наука всегда и неизмѣнно держала себя въ томъ самомъ отношеніи къ вѣрѣ, въ какомъ хотѣлъ поставить ихъ нашъ равноапостольный Просвѣтитель! Какъ желалось бы, чтобъ оба эти свѣта, естественный и сверхъестественный, первоначально принесенные къ намъ св. Владиміромъ, продолжали совмѣстно и дружно вліять на воспитаніе Русскаго народа и болѣе и болѣе укрѣпляли его въ святыхъ началахъ чистой нравственности и гражданскаго порядка для блага и счастія Россіи!

Пожелаемъ, братіе, и другъ другу въ настоящій праздникъ нашего Просвѣтителя, чтобы свѣтъ вѣры, имъ принесенный въ Россію, неугасимо сіялъ въ сознаніи и каждаго изъ насъ, согрѣвалъ наши сердца и освѣщалъ намъ путь въ царство небесное, и чтобы наши убѣжденія, насажденныя въ насъ святою вѣрой и добытыя нами при помощи науки, всегда находились въ согласіи между собой и доставляли душамъ нашимъ миръ, отраду, вразумленіе и подкрѣпленіе среди всѣхъ обстоятельствъ нашего земнаго странствованія. Аминь.

ОТЧЕТЪ ОТДѢЛА

РАСПРОСТРАНЕНІЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХЪ КНИГЪ ЗА 1878 ГОДЪ.

Начиная отчетъ о дѣятельности Отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ за 8-й годъ его существованія, мы прежде всего считаемъ долгомъ упомянуть о той потерѣ, которую понесъ онъ въ этомъ году. 18 сентября, въ Москвѣ скончалась княгиня Елизавета Петровна Долгорукая, бывшая основательницей Отдѣла. Не входя въ оцѣнку высокихъ нравственныхъ качествъ покойной, которымъ своевременно уже отдана была дань уваженія, мы считаемъ нелишнимъ въ настоящемъ отчетѣ указать только на то, какое вліяніе имѣла покойная княгиня на дѣло, ею задуманное и осуществленное сначала въ малыхъ размѣрахъ, и затѣмъ какой слѣдъ она оставила въ немъ, когда оно уже разрослось до весьма значительныхъ размѣровъ, и при этомъ прослѣдить такъ-сказать его исторію съ самаго возникновенія до настоящаго времени.

Проникнутая глубокимъ убѣжденіемъ въ необходимости изученія Слова Божія и распространенія книгъ Св. Писанія въ темной средѣ простаго народа, покойная княгиня считала вмѣстѣ съ симъ необходимымъ и духовно-нравственную подготовку для его пониманія. Она была увѣрена, что чувство каждаго православнаго христіанина, для котораго дорого Слово Божіе, не должно довѣрять личному разуму въ дѣлѣ безошибочнаго его

пониманія и толкованія, а должно искать указаній для сего въ ученіи Церкви и ея отцовъ.

На этомъ основаніи, уже при существованіи въ то время Общества распространенія св. Писанія, имѣющаго право, на основаніи своего устава, распространять исключительно только одни книги св. Писанія, по мысли княгини Е. П.—въ Москвѣ образовался небольшой кружокъ, сначала изъ родныхъ ея, а потомъ и другихъ ей извѣстныхъ и единомысленныхъ лицъ — для распространенія въ народѣ вмѣстѣ съ книгами св. Писанія и книгъ духовно-нравственнаго содержанія.

Главной основной задачей этого кружка былъ строгій и разумный выборъ книгъ изъ существующей духовной литературы, и распространеніе ихъ не на коммерческомъ основаніи, а за возможно дешевую цѣну и чрезъ даровую раздачу признаваемыхъ особенно полезными въ дѣлѣ развитія религіозныхъ знаній или изданіе вновь сочиненій для назиданія народа.

Понимая, что дѣйствія частнаго кружка никогда не могли бы имѣть того значенія, какое желалось бы дать ему, члены его прежде всего рѣшили, чтобъ имѣть болѣе правъ и свободы дѣйствій, присоединиться къ Обществу любителей духовнаго просвѣщенія, цѣлію котораго также было способствовать распространенію во всѣхъ классахъ народа религіозно-нравственныхъ и другихъ, потребностямъ православной вѣры соотвѣтствующихъ, познаній. Общество Л. Д. П. съ глубокимъ сочувствіемъ отнеслось къ мысли частнаго кружка и въ 1871 г. приняло его подъ свое руководство подъ именемъ своего Отдѣла по распространенію духовно-нравственныхъ книгъ и указало границы его дѣятельности, оставивъ для него тѣ же задачи, которыя положены были въ основаніе кружка его учредительницею.

Для Отдѣла открывался широкій путь, но прежде нежели вступить на него, нужно было преодолѣть множество препятствій. Нужно было зарекомендовать себя предъ обществомъ и показать, что члены Отдѣла не суть простые продавцы духовныхъ книжекъ; нужно было снискать его довѣріе строгимъ и разумнымъ выборомъ распространяемыхъ имъ книгъ; нужно было проникнуть въ среду народа, живущаго далеко отъ торговыхъ центровъ и болѣе другихъ нуждающагося въ духовномъ просвѣщеніи. На все это требовалось время и время немалое.

На покупку книгъ и на ихъ распространеніе нужны были деньги. Членскіе взносы должны были быть фондомъ для этого. Но по настоянію княгини Е. П., желавшей привлечь къ участію

въ распространеніи книгъ всѣ сословія отъ высшаго до низшаго, богатыхъ и бѣдныхъ, Отдѣлъ назначилъ за право быть его членомъ рублевый взносъ. Эти рубли и небольшія пожертвованія составляли всю его кассу. На эти рубли нужно было начать дѣло, на которое торговые и предпріимчивые люди затрачиваютъ тысячи. Масса книгъ духовно-нравственнаго содержанія, печатаемыхъ нашими книгопродавцами-спекулянтами и нарасхватъ покупаемыхъ неразборчивыми читателями, несмотря на свою выгодность въ торговомъ отношеніи, не могла быть принята Отдѣломъ потому, что не соотвѣтствовала принятому имъ направленію — давать народу только тѣ изданія, которыя особенно полезны въ дѣлѣ развитія его религіозныхъ знаній. Чтобы проникнуть съ своими книгами въ отдаленныя мѣстности, которыя не имѣютъ книжныхъ лавокъ и гдѣ сбытъ ихъ могъ бы быть особенно успѣшенъ, нужно было имѣть вѣрныхъ и честныхъ людей, которые всецѣло бы посвятили себя этому дѣлу, — такихъ людей не находилось. Самый способъ пересылки книгъ и ихъ распространенія требовалъ большихъ денежныхъ затратъ,— но они были не по силамъ Отдѣлу.

Ясно, что все это заставляло Отдѣлъ ограничиться на первыхъ порахъ весьма скромною дѣятельностью. Такъ, въ началѣ члены его, покупая книги или на свои средства или на собираемыя пожертвованія, хранили ихъ у себя дома и оттуда продавали желающимъ или разсылали своимъ иногороднымъ знакомымъ съ просьбою о ихъ распространеніи. Нѣсколько московскихъ священниковъ устроили продажу книгъ при своихъ приходскихъ церквахъ. Отдѣлъ вошелъ въ сношеніе съ нѣсколькими издателями о пріобрѣтеніи отъ нихъ книгъ съ уступкою, что давало возможность продавать ихъ по уменьшенной цѣнѣ. Въ такомъ видѣ шло дѣло въ теченіи перваго года. Вскорѣ впрочемъ отъ прилива новыхъ членовъ явилась необходимость устроить центральный складъ книгъ, откуда члены могли бы ихъ получать по опредѣленнымъ цѣнамъ. Епархіальная библіотека дала пріютъ этому новому книгохранилищу. Не безъинтереснымъ считаемъ тутъ припомнить слѣдующія подробности. При открытіи склада у Отдѣла было денегъ всего 109 р. 54 к.; и на нихъ поручено было секретарю пріобрѣсть книгъ. Продажа изъ склада производилась по опредѣленнымъ днямъ только 3 раза въ недѣлю.

Въ 1872 г. Отдѣлъ воспользовался большимъ стеченіемъ народа на Политехническую выставку и устроилъ на частныя

средства небольшой павильонъ для продажи книгъ. Безошибочно можно сказать, что это обстоятельство было важнымъ моментомъ въ жизни Отдѣла. Масса народа, перебывавшая на выставкѣ, особенно въ послѣдніе дни ея,—переходя изъ одного помѣщенія въ другое, невольно заходила и въ павильонъ Отдѣла, гдѣ знакомилась какъ съ книгами, продаваемыми тамъ, такъ и съ цѣлью и направленіемъ Отдѣла. Лица сочувствовавшія тутъ же записывались въ члены, покупали книги и предлагали свое содѣйствіе. Многіе изъ пріѣзжихъ экспонентовъ брали книгъ на коммиссію и увозили ихъ къ себѣ для распространенія. Дешевыя изданія охотно раскупались рабочимъ и фабричнымъ людомъ и уносились домой. Торговля книгами на выставкѣ была настолько успѣшна, что Отдѣлъ рѣшился продолжать ее и послѣ на какомъ-либо изъ бойкихъ мѣстъ Москвы. Выборъ остановился на площади близь Иверской часовни и Присутственныхъ мѣстъ, куда и былъ перенесенъ павильонъ. Вскорѣ затѣмъ временное помѣщеніе книжнаго склада въ Епархіальной библіотекѣ замѣнено новымъ, нарочно для сего приспособленнымъ въ Петровскомъ же монастырѣ. Изъ этого склада производилась главная продажа книгъ.

Устроивая свои магазины, Отдѣлъ былъ совершенно чуждъ коммерческихъ началъ всякой торговли,—наживы и барыша. Многія книги продавались дешевле, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, и если Отдѣлъ не продавалъ книгъ по той цѣнѣ, по какой и самъ ихъ получалъ, то это дѣлалось единственно для того, чтобы вся выгода, весьма впрочемъ незначительная, шла на расширеніе его дѣятельности и покрытіе необходимыхъ при семъ расходовъ. Самое лучшее доказательство этому то, что въ теченіе 8-лѣтняго своего существованія Отдѣлъ не скопилъ себѣ никакихъ фондовъ, которые могъ бы употреблять не на покупку книгъ, а на другія свои крайнія нужды,—несмотря на то, что въ послѣдніе годы его торговой оборотъ былъ настолько значителенъ, что ему позавидовали бы многіе торговцы.

Съ открытіемъ двухъ пунктовъ своей торговли въ Москвѣ, Отдѣлъ замѣтно сталъ пріобрѣтать извѣстность. Явились требованія иногородныхъ о высылкѣ имъ книгъ. Къ отдѣлу стали обращаться за совѣтомъ по поводу выписки книгъ. Со всѣхъ сторонъ получались сочувственные отзывы. Въ теченіи этого года Отдѣлъ продалъ изъ своихъ складовъ книгъ на 3104 р., тогда какъ въ предшествовавшій годъ продано было только на 487 руб.

Въ 1873 году дѣятельность Отдѣла еще расширилась. Самыя отдаленныя мѣстности Россіи, какъ-то: Забайкальская и Кубанская области, Сибирскія губерніи, Кавказскій край, Бессарабія, Архангельскъ, Устьсысольскъ приняли участіе въ распространеніи книгъ. Изъ многихъ мѣстъ присылались просьбы о дозволеніи устроивать склады книгъ Отдѣла. Отъ членовъ Отдѣла потребовалась усиленная работа. Для этого кромѣ должностныхъ лицъ, предсѣдателя, казначея и секретаря было избрано восемь лицъ для рѣшенія и исполненія всѣхъ текущихъ дѣлъ. Въ этомъ же году Отдѣлъ издалъ на свои средства двѣ брошюры, которыя имѣли большой успѣхъ. Всего же изъ складовъ Отдѣла книгъ было продано 19504 экз. Въ слѣдующемъ затѣмъ 1874 году особенно усилилось требованіе о высылкѣ книгъ въ кредитъ, въ чемъ въ прежнее время Отдѣлъ, по недостатку наличныхъ денежныхъ средствъ, по большой части отказывалъ. Но имѣя дѣло по большей части съ лицами сельскаго духовенства, крестьянами, волостными писарями, уѣздными учителями, коихъ денежныя средства не менѣе скудны, Отдѣлъ пришелъ къ убѣжденію, что отказывать имъ въ кредитѣ, — при искреннемъ ихъ желаніи послужить и помочь Отдѣлу въ распространеніи книгъ, особенно между бѣднѣйшимъ населеніемъ, въ чемъ была главная его задача,—значило самому тормозить дѣло, которое хочешь развить, а потому кредитъ былъ допущенъ, хотя и съ ограниченіемъ. Это обстоятельство хотя подчасъ и тяжело отзывалось на общемъ ходѣ дѣла, но Отдѣлъ утѣшалъ себя убѣжденіемъ, что онъ свято и честно исполняетъ свою задачу, и что это не можетъ не отозваться въ его пользу въ будущемъ. Дѣйствительно, нужно отдать справедливость, что почти не было случаевъ, чтобы кто-либо изъ взявшихъ книги не заплатилъ слѣдуемыхъ за нихъ денегъ, а между тѣмъ спросъ книгъ все болѣе и болѣе усиливался.

Кромѣ частныхъ лицъ съ Отдѣломъ завязали сношенія нѣсколько братствъ, училищныхъ совѣтовъ, попечительствъ, консисторій, земскихъ управъ. Въ то же время и Отдѣлъ не опускалъ случаевъ дѣлать извѣстнымъ о своей дѣятельности печатая свои отчеты и разсылая ихъ къ епархіальнымъ преосвященнымъ, въ редакціи духовныхъ журналовъ, попечителямъ учебныхъ округовъ, директорамъ народныхъ училищъ. Все это настолько расширило кругъ его дѣйствій (въ этомъ году продано было книгъ болѣе 40 тысячъ экземпляровъ), что въ слѣдующемъ затѣмъ 1875 г. Ея Императорское Величество Государыня Императрица

удостоила обратить свое милостивое вниманіе на дѣятельность Отдѣла и на благую цѣль, имъ преслѣдуемую, и соблаговолила принять его подъ свое Августѣйшее покровительство. Эта Высочайшая милость принята была членами какъ поощреніе и побужденіе къ дальнѣйшей усердной дѣятельности. И дѣйствительно въ этомъ году много было сдѣлано новаго. Положено было начало распространенія книгъ на окраинахъ Россіи въ Западномъ краѣ, въ Привислянскихъ и Балтійскихъ губерніяхъ. Появились жертвователи, которые чрезъ Отдѣлъ разсылали книги для даровой раздачи ихъ народу. Однимъ изъ усерднѣйшихъ жертвователей былъ пост. членъ М. И. Ивановъ, который выслалъ книгъ и картинъ почти на 2½ тысячи бывшимъ уніатамъ губерній: Сѣдлецкой, Люблинской, Сувалкской и Холмско-Варшавской. Явились ревностные сотрудники по распространенію книгъ въ Семирѣченской, Аму-Дарьинской, Кубанской и Терской областяхъ, въ Черноморьѣ, въ Финляндіи. Усердіемъ московскаго почтъ-директора устроена была продажа книгъ при почтовыхъ конторахъ 8-ми городовъ Московской губерніи и въ Екатеринославѣ. Издано было нѣсколько новыхъ брошюръ. Результатомъ дѣятельности за означенный годъ былъ отпускъ книгъ изъ складовъ Отдѣла болѣе 100 тысячъ экз. Эта цифра краснорѣчивѣе словъ говоритъ за успѣшный ходъ дѣла.

Въ слѣдующіе затѣмъ годы (1876 и 1877 г.) дѣятельность Отдѣла шла уже не съ такимъ возрастающимъ успѣхомъ, какъ прежде. Военныя событія на Балканскомъ полуостровѣ, отодвинувшія на второй планъ всѣ другіе интересы и общественные и частные, не могли пройти безслѣдно и не повліять на ходъ дѣятельности и нашего Отдѣла. Тѣмъ не менѣе усердіе членовъ въ увеличеніи круга своихъ дѣйствій и изысканіи способовъ къ большему и успѣшному распространенію книгъ не прекращалось, и въ возникшихъ событіяхъ они нашли для себя новый источникъ дѣятельности. На собранныя пожертвованія было выслано болѣе 15 тысячъ экз. книгъ въ лазареты нашихъ армій на Дунаѣ и Кавказѣ и въ нѣсколько санитарныхъ поѣздовъ. Книжніе склады Отдѣла увеличились нѣсколькими новыми его изданіями, изъ коихъ на изданіе „Стихиры великопостныхъ службъ“ отдѣлъ удостоился получить отъ Августѣйшей Покровительницы 200 руб. Въ то же время Она милостиво пожаловала въ подкрѣпленіе денежныхъ его средствъ 300 р. Тотъ же благотворитель М. И. Ивановъ выслалъ чрезъ Отдѣлъ въ разныя мѣста Гродненской губерніи, въ Камчатскую епархію, въ Мис-

сіонерское Общество, въ Братство св. Гурія, въ Холмско-варшавскую епархію и въ Общество Краснаго Креста книгъ, по большей части для даровой раздачи, на сумму болѣе 5 тысячъ.

Война и затишье отъ того въ дѣлахъ дали такъ-сказать нѣкоторый отдыхъ членамъ Отдѣла. Въ это время Отдѣлъ усердно занялся своими внутренними дѣлами, Тщательно былъ пересмотрѣнъ и исправленъ каталогъ его. Съ особенною ревностію приступлено къ изданію новыхъ брошюръ. Установлено правильное сношеніе съ кредиторами и дебиторами Отдѣла. Составлены правила для руководства членовъ. Произведена подробная ревизія книжныхъ складовъ и магазиновъ. Увеличенъ составъ коммиссіи для рѣшенія текущихъ дѣлъ.

Эта подготовительная работа дала возможность Отдѣлу съ наступленіемъ 1878 года приняться за дѣло по установленной программѣ съ новою энергіею.

Дѣйствительно, дѣятельность Отдѣла въ 1878 г. замѣтно стала оживляться, особенно во второй половинѣ года. Это служитъ новымъ подтвержденіемъ той мысли, которую мы высказали въ отчетѣ за прошлый годъ,—что Отдѣлъ своею дѣятельностію завоевалъ себѣ доброе имя, снискалъ себѣ довѣріе и сталъ на твердомъ пути.

Довѣріе общества къ Отдѣлу, какъ строгому ревнителю ученія православной церкви, съ особенною ясностію выразилось въ прошедшемъ году. Въ то время, когда въ разныхъ концахъ Россіи во множествѣ стали распространяться разныя духовно-нравственныя книжки подъ заманчивыми заглавіями, написанныя легко и понятно для большинства читающихъ, не могущихъ отличить заключающагося въ нихъ антиправославнаго направленія, когда появились непризванные проповѣдники, которые легкостію своего ученія, старающагося поддѣлаться подъ человѣческія слабости, стали собирать себѣ учениковъ и послѣдователей,—въ Отдѣлъ стали поступать отъ истинныхъ сыновъ Церкви, возмутившихся такими дѣйствіями, — заявленія о семъ и просьбы о принятіи мѣръ противодѣйствія. Но что могъ сдѣлать Отдѣлъ, какія мѣры могъ принять онъ противъ этого? Единственною раціональною мѣрою представлялось усиленное энергическое распространеніе своихъ книгъ чрезъ удешевленіе ихъ и преимущественно раздачу даромъ. Самую раздачу книгъ желающимъ представлялось болѣе разумнымъ и соотвѣтствующимъ своему назначенію — предоставить духовенству въ церквахъ. Но такъ какъ эта отрасль дѣятельности, нужно сознать-

ся, мало до сего времени практиковалась по недостатку денежныхъ средствъ, то Отдѣлъ рѣшилъ предварительно испробовать нѣкоторыя мѣры, какъ для привлеченія на сей предметъ частной благотворительности, такъ и для опредѣленія той потребности, какая имѣется въ народѣ—на полученіе даровыхъ книгъ и вмѣстѣ съ симъ выясненія лучшаго способа къ достиженію своей цѣли. Напечатанныя по поводу сего статьи въ газетахъ и духовныхъ журналахъ и раздача, при удобныхъ случаяхъ, отдѣльными листками ихъ оттисковъ, хотя и привлекли пожертвованія, въ весьма впрочемъ незначительномъ количествѣ, но за то вызвали цѣлый рядъ писемъ съ сочувствіемъ этому дѣлу и съ просьбами о присылкѣ книгъ для даровой раздачи. Большая часть этихъ просьбъ была отъ сельскаго духовенства. Въ нихъ указывалось на положеніе той или другой мѣстности, на крайнюю бѣдность населенія и еще большую бѣдность ихъ нравственнаго развитія. Особенно много было просьбъ для сельскихъ школъ. Признавалось весьма полезнымъ производить раздачу книгъ какъ учащимся, такъ особенно оканчивающимъ свое образованіе крестьянамъ, чтобы дать имъ возможность продолжать его хотя нѣсколько по выходѣ изъ школы. Однимъ словомъ для Отдѣла уже стали обрисовываться границы предстоящей дѣятельности, нужно было начинать ее, но средствъ къ тому все не было. Тогда Отдѣлъ въ первый разъ рѣшился прибѣгнуть къ способу, который другими учрежденіями практикуется уже давно. Онъ устроилъ духовный концертъ въ залѣ Россійскаго благороднаго собранія, съ участіемъ лучшаго въ Москвѣ чудовскаго архіерейскаго хора пѣвчихъ. Недостатка въ любителяхъ церковнаго пѣнія у насъ нѣтъ и концертъ далъ неожиданный результатъ. Оставшаяся за расходами сумма дала возможность начать задуманное дѣло. Большая часть присланныхъ просьбъ о высылкѣ даровыхъ книгъ была удовлетворена, соразмѣрно имѣющимся средствамъ. Въ болѣе значительныхъ размѣрахъ (по 1,355 экз.) послано было книгъ въ Японскую миссію для раздачи обращающимся въ православіе и въ нашу армію, находящуюся за Балканами — къ празднику Рождества Христова.

Отдѣлъ предвидѣлъ, что за удовлетвореніемъ означенныхъ просьбъ требованія о присылкѣ даровыхъ книгъ не прекратятся, что̀ и подтверждается, и поэтому рѣшилъ удовлетворять по возможности всѣ, хотя и не въ большомъ количествѣ. Такимъ образомъ осуществилась наконецъ давно лелѣяная мысль о даровой раздачѣ книгъ,—мысль, положенная въ основаніе нашего

Отдѣла его учредительницею и до сего времени почти не выполнявшаяся.

Другая болѣе замѣтная дѣятельность нашего Отдѣла въ прошедшемъ году была издательская. Имѣя въ виду, что только собственныя изданія Отдѣлъ можетъ довести до возможно дешевой и доступной народу цѣны, не терпя отъ этого удешевленія убытковъ, Отдѣлъ рѣшилъ организовать это дѣло опредѣленнымъ правильнымъ порядкомъ. Въ прежнее время издательская дѣятельность вполнѣ зависѣла или отъ частной благотворительности или отъ скопленія свободныхъ денегъ въ кассѣ Отдѣла. Отчего избранная въ 1877 году редакціонная коммиссія, на обязанности коей лежало разсмотрѣніе представляемыхъ рукописей и ихъ изданіе,—бездѣйствовала въ то время и въ тѣ мѣсяцы, когда торговля шла тихо и оживлялась и принималась за работу, когда оживлялась торговля. Желая, чтобы коммиссія не прерывала своихъ дѣйствій, Отдѣлъ установилъ такой порядокъ, который давалъ ей возможность не быть въ зависимости отъ случайныхъ условій и въ тоже время дѣйствовать безъ обремененія его кассы. Для сего положено было ежемѣсячно отчислять изъ суммъ, вырученныхъ отъ продажи книгъ, небольшую сумму, а именно 10 руб., и сверхъ того возвращать въ коммиссію сумму, потраченную на изданіе какой-либо брошюры, изъ денегъ, вырученныхъ отъ ея продажи и по мѣрѣ ея продажи. Этотъ способъ хотя и не позволялъ коммиссіи начать дѣло въ широкихъ размѣрахъ, но всегда давалъ возможность правильно и точно опредѣлить, въ какихъ размѣрахъ онъ могъ дѣйствовать. Благодаря неусыпнымъ заботамъ одного изъ членовъ, собравшаго по частной подпискѣ на издательскую дѣятельность 305 р., коммиссія получила возможность начать свои дѣйствія съ изданія 2 брошюръ изъ сочиненій преосвящ. Ѳеофана, который съ милостивымъ вниманіемъ уступилъ ихъ Отдѣлу, о чемъ мы упоминали въ отчетѣ за 1877 годъ. Выборъ этотъ сдѣланъ былъ по указанію княгини Е. П. Долгорукой, которая хотя по болѣзненному своему состоянію уже не могла принимать близкаго участія въ дѣлахъ Отдѣла, но тѣмъ не менѣе не переставала живо интересоваться развитіемъ его дѣятельности. Благодаря трудамъ своихъ членовъ І. Г. Виноградова, С. Г. Вишнякова, В. И. Никольскаго и особенно М. С. Боголюбскаго и А. Н. Бахметевой, Отдѣлъ въ отчетномъ году издалъ 6 новыхъ брошюръ, а именно: 1) о борьбѣ со грѣхомъ, 2) объ исправленіи сердца, 3) Помянникъ, 4) Троицынъ день, 5) Рождество Богородицы и

6) Рождество Христово. Не лишнимъ считаемъ упомянуть о томъ успѣхѣ, какой имѣла брошюра „Троицынъ день“. Изданіе ея въ количествѣ 2,400 экз. разошлось почти въ одну недѣлю передъ этимъ праздникомъ.

Можно надѣяться, что издательская дѣятельность, благодаря усердію членовъ и принятымъ новымъ правиламъ, не только не прекратится въ слѣдующемъ году, а напротивъ значительно разширится вслѣдствіе усиливающагося торговаго оборота при открытіи новыхъ пунктовъ торговли.

Давнишняя мысль Отдѣла устроить продажу своихъ книгъ у Сухаревой башни, куда въ воскресные дни бываетъ большое стеченіе народа, получила наконецъ осуществленіе. Московская городская управа, при содѣйствіи городскаго головы Сергѣя Михайловича Третьякова, безвозмездно уступила Отдѣлу мѣсто на площади Сухаревой башни для постановки временной палатки для продажи книгъ по воскреснымъ днямъ. Опытъ устроенной тамъ съ марта мѣсяца торговли показалъ, что Отдѣлъ не ошибся въ выборѣ мѣста. Торговля у Сухаревой башни была значительно болѣе, нежели въ тѣ же дни въ магазинѣ или павильонѣ. Успѣхъ этой торговли ясно показываетъ, что устройство временныхъ переносныхъ палатокъ на особенно бойкихъ или населенныхъ рабочимъ людомъ мѣстахъ могло бы приносить несомнѣнную пользу. На этомъ основаніи Отдѣлъ въ теченіи Свѣтлой недѣли устроилъ продажу книгъ въ Кремлѣ, куда въ это время массами собирается народъ для поклоненія мощамъ св. угодниковъ. Хотя этотъ опытъ и не увѣнчался успѣхомъ и торговля книгами шла тамъ тихо, но этому, можно съ увѣренностію сказать, была причиною слишкомъ суровая и бурная погода, новость дѣла и незнакомство съ нимъ публики, какъ-то робко и недовѣрчиво подходившей къ нашей палаткѣ. Отдѣлъ увѣренный, что Кремль—мѣсто благоговѣйнаго почитанія москвичей, есть лучшее мѣсто для распространенія духовно-нравственныхъ книгъ,—намѣренъ въ текущемъ году правильно организовать тамъ свою торговлю въ особомъ помѣщеніи, уступаемомъ Отдѣлу, благодаря милостивому участію постояннаго своего члена преосвященнаго Амвросія.

Кромѣ этого, Отдѣлу удалось устроить продажу своихъ книгъ еще въ двухъ пунктахъ Москвы, на которыхъ уже давно останавливалось его вниманіе, это у Покровскаго и у Москворѣцкаго мостовъ. Первое изъ нихъ находясь въ центрѣ между Преображенскимъ, Семеновскимъ и Лефортовымъ имѣетъ значеніе

какъ средоточіе фабричнаго люда, заселяющаго означенныя мѣстности, а второе—какъ бойкое мѣсто, находящееся на пути для торгующаго сословія изъ Замоскворѣчья къ городскимъ торговымъ рядамъ. Торговля близь Покровскаго моста обязательно устроена постояннымъ чл. отд. купцемъ Еф. Ив. Смирновымъ въ своей колоніальной лавкѣ. Еф. Ив., принявъ на себя всѣ расходы по торговлѣ, отказался отъ предложенной ему коммиссіонной уступки процентовъ, дѣлаемой всѣмъ книгопродавцамъ, и даже отъ кредита ему книгъ, покупая ихъ изъ склада Отдѣла на наличныя деньги. Отдѣлъ не можетъ при семъ не выразить Еф. Ив. своей глубокой благодарности за то сочувствіе, съ какимъ онъ отнесся къ его задачамъ.

Другая торговля у Москворѣцкаго моста основана нѣсколько на иныхъ началахъ. Она производится въ устроенномъ на средства чл. Отд. Н. А. Строгонова павильонѣ. При чемъ Н. А. принялъ на себя какъ завѣдываніе торговлею, такъ и всю отвѣтственность за цѣлость отпускаемыхъ ему въ кредитъ Отдѣломъ книгъ.

О той пользѣ, какую могутъ принести Отдѣлу эти новые пункты торговли, мы не рѣшаемся говорить въ настоящее время, такъ какъ они устроены въ концѣ года и слишкомъ кратковременный опытъ легко могъ бы ввести насъ въ ошибку.

Съ увеличеніемъ пунктовъ торговли и снабженія ихъ книгами въ достаточномъ количествѣ, предстояла необходимость увеличить и книжный складъ Отдѣла, не обременяя его непосильными денежными затратами. Для сего Отдѣлъ предпринялъ ходатайство объ отпускѣ ему въ кредитъ книгъ изданія Кіево-Печерской лавры, на которыя постоянно имѣется большой спросъ и которыя до сего времени покупались на наличныя деньги и по возвышенной цѣнѣ у московскихъ книгопродавцевъ. Этотъ кредитъ, давая возможность удовлетворять всѣмъ требованіямъ покупателя, въ то же время позволялъ Отдѣлу безъ особаго стѣсненія, исподоволь уплачивать свой долгъ. Благодаря ходатайству преосв. Амвросія предъ высокопреосв. митрополитомъ Кіевскимъ, просьба Отдѣла Кіево-Печерской лаврой уважена и ему открытъ кредитъ до 500 руб. Понимая всю важность такого исключительнаго вниманія къ нуждамъ Отдѣла, онъ съ глубокою благодарностію отнесся къ дарованной ему высокопр. Филоѳеемъ милости.

Почаевская лавра также сочувственно отнеслась къ просьбѣ Отдѣла и обѣщала дѣлать ему уступку при покупкѣ ея книгъ

на 100 руб.,—равную той, какую дѣлаетъ она для книгопродавцевъ при покупкѣ ими на 1.000 руб.

Книжные склады, устроенные при нѣкоторыхъ московскихъ церквахъ, благодаря усердію ихъ настоятелей, не прекращали своего дѣла и въ прошломъ году. То же самое нужно сказать и о московскихъ сотрудникахъ, о которыхъ не разъ уже упоминалось въ отчетахъ за прошлые годы. Они съ тою же настойчивостію продолжали свои труды по разъ установленному плану.

Благодаря усердію свящ. М. В. Соловьева, въ Московскомъ окружномъ судѣ, съ разрѣшенія начальства суда, и на средства частныхъ благотворителей, устроены въ трехъ мѣстахъ ящики для продажи книгъ Отдѣла. Первый при входѣ въ судъ, 2-й въ комнатѣ свидѣтелей и 3-й въ комнатѣ присяжныхъ засѣдателей. Продажа книгъ, производимая М. В.—мъ, идетъ тамъ весьма успѣшно.

Такъ шло дѣло распространенія духовно-нравственныхъ книгъ въ Москвѣ. Не менѣе успѣшна была дѣятельность Отдѣла и внѣ ея.

Кромѣ множества мелкихъ складовъ, открываемыхъ вновь въ видѣ опыта въ разныхъ мѣстахъ Россіи, немало и такихъ, которые съ положительнымъ успѣхомъ и въ большихъ размѣрахъ ведутъ свое дѣло. Не перечисляя ихъ вновь, такъ какъ они ведутъ дѣло не первый годъ и объ нихъ уже упоминалось въ прежнихъ отчетахъ,—мы укажемъ только на нѣкоторые.

П. Ч. О. капитанъ И. А. Никифоровъ, прекратившій свою дѣятельность по случаю отъѣзда своего на войну въ Азіатскую Турцію, теперь вновь поселился въ Тифлисѣ и снова началъ распространять книги въ прежнихъ широкихъ размѣрахъ, надѣясь въ послѣдствіи еще болѣе увеличить ихъ чрезъ развитіе книгоношества.

Свящ. Л. Соколовъ на Кавказѣ, завязавшій сношенія съ Отдѣломъ еще въ 1877 году по выпискѣ книгъ и прекратившій ихъ по случаю возстанія горцевъ въ Терской Области, — теперь по переходѣ въ Кубу Бакинской губерніи, снова началъ свои дѣйствія.

Свящ. В. Лихачевъ въ западномъ Дагестанѣ также усердно продолжаетъ начатое имъ дѣло. По его просьбѣ, вновь Отдѣломъ было послано ему нѣсколько экземпляровъ Новаго Завѣта на Арабскомъ языкѣ для даровой раздачи ихъ туземцамъ, интересующимся нашей религіей.

П. Н. Волковъ въ С.-Петербургѣ, узнавъ, что Отдѣлъ весьма озабоченъ пріисканіемъ надежныхъ книгоношъ, въ августѣ предложивъ ему свои услуги, обѣщая посвятить этому дѣлу все свое свободное время и увеличить раіонъ своей дѣятельности. Само собою понятно, что Отдѣлъ, имѣя постоянныя сношенія съ П. Н. почти съ самаго своего основанія и зная съ какимъ сочувствіемъ онъ относится къ святому дѣлу,—съ глубокою признательностію принялъ его предложеніе. Изъ краткихъ отчетовъ, которые постоянно сообщаетъ П. Н. видно, что имъ въ теченіи послѣднихъ 4-хъ мѣсяцъ сент. окт. ноябр. и дек. продано книгъ 1205 экземпл.

Изъ числа вновь учрежденныхъ складовъ мы считаемъ нужнымъ упомянуть о слѣдующихъ. Устроенные 4 года тому назадъ, стараніемъ п. ч. О. С. С. Подгорѣцкаго книжные склады при 10 почтовыхъ иногородныхъ конторахъ, благодаря его заботливости, обогатились еще 4-мя новыми пунктами въ Верейскомъ и Волоколамскомъ уѣздахъ. 4-хъ лѣтній опытъ показалъ, что торговля, устроенная при почтовыхъ конторахъ, приноситъ несомнѣнную пользу въ дѣлѣ распространенія книгъ. Поэтому Отдѣлъ особенно цѣнитъ заботы С. С. по открытію торговли въ новыхъ конторахъ.

По просьбѣ помощника начальника Алтайской духовной миссіи игумена Макарія, Отдѣломъ отпущено довольно значительное количество книгъ для устройства склада на Алтаѣ въ Улалинскомъ станѣ,—для распространенія ихъ между обращенными и обращающимися въ православіе.

Въ отчетѣ за прошлый годъ мы упоминали, что Симбирская духовная консисторія выписала изъ Отдѣла разныхъ книгъ на сумму около 500 руб. Въ отчетномъ году, при возобновленіи такой же выписки, она увѣдомила Отдѣлъ, что книги эти предназначаются для 20 складовъ, устроенныхъ по распоряженію епархіальнаго начальства въ разныхъ мѣстахъ епархіи еще въ прошломъ году.

Можно предположить, что подобная же выписка книгъ, сдѣланная Холмско-варшавской консисторіей на сумму хотя меньшую, но тѣмъ не менѣе весьма значительную, а именно на 241 руб. безъ объясненія ихъ назначенія, — тоже касается новыхъ складовъ, открываемыхъ по ея распоряженію.

Къ сожалѣнію при этомъ мы должны сказать, что Отдѣлу весьма часто приходится узнавать объ открытыхъ и дѣйствующихъ съ успѣхомъ складахъ по прошествіи долгаго времени

и притомъ совершенно случайно. Изъ писемъ, касающихся только выписки книгъ, Отдѣлъ случайно узнаетъ о распоряженіяхъ по сему предмету, дѣлаемыхъ въ разныхъ мѣстахъ епархіальнымъ начальствомъ. Изъ нихъ же, по количеству покупаемыхъ книгъ и времени возобновленія выписки,—онъ дѣлаетъ выводы объ успѣхѣ дѣла. Кромѣ того ежегодно Отдѣлъ получалъ множество заявленій объ устроиваемыхъ новыхъ складахъ и затѣмъ о дальнѣйшихъ результатахъ уже ничего не знаетъ. Поэтому было бы весьма желательно и полезно, чтобы лица, сотрудничествующія Отдѣлу, отъ времени до времени сообщали ему свѣдѣнія, касающіяся успѣха ихъ дѣла. Это дало бы возможность Отдѣлу слѣдить, въ какихъ мѣстностяхъ нашего отечества дѣло религіозно-нравственнаго просвѣщенія народа идетъ успѣшно и гдѣ слѣдуетъ принять мѣры къ его усиленію.

Заканчивая обозрѣніе дѣятельности Отдѣла за прошедшій годъ, интересной и утѣшительной въ частныхъ подробностяхъ, еще болѣе утѣшительнымъ можемъ представить окончательный его выводъ: въ отчетномъ году изъ складовъ Отдѣла выбыло разныхъ книгъ 140.000 экземпляровъ.

Понятно, что при такомъ оборотѣ на долю членовъ распорядительной коммиссіи, распоряжающейся всѣми текущими дѣлами, выпало немало заботъ и хлопотъ. Всѣхъ засѣданій ея было 14; изъ числа дѣлъ, обсуждавшихся въ нихъ, рѣшеніе и приведеніе въ исполненіе которыхъ отложено до нынѣшняго года, особенно заслуживаютъ вниманія слѣдующія:

По предложенію преосвященнаго Амросія, посѣтившаго одно изъ засѣданій коммиссіи, Отдѣлъ намѣренъ просить распоряженія митрополита московскаго о предложеніи сельскому духовенству производить продажу книгъ на сельскихъ ярмаркахъ. Организація этого дѣла представляется несомнѣнно полезною, какъ въ значительномъ сбытѣ книгъ, какъ и въ противодѣйствіи тѣмъ промышленникамъ, которые съѣзжаются съ разныхъ сторонъ на ярмарки и сбываютъ тамъ никуда негодныя книжонки, а непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ духовенства и отношеніе его къ паствѣ могутъ быть залогомъ успѣха распространенія духовно-нравственныхъ книгъ.

Другое, не менѣе важное предложеніе, стоящее на очереди къ осуществленію сдѣлано было п. ч. О. Вас. Ѳед. Сумароковымъ. Онъ предложилъ войти въ соглашеніе съ пароходными Обществами по Волгѣ объ устройствѣ небольшихъ складовъ духовно-нравственныхъ книгъ, какъ на всѣхъ пассажирскихъ парохо-

дахъ, такъ и на мѣстахъ ихъ остановокъ. Не подлежитъ сомнѣнію та польза, какую можетъ получить Отдѣлъ отъ осуществленія этого дѣла. Массы народа переѣзжающаго ежедневно на пароходахъ, скука и однообразіе путешествія, разрозненность интересовъ ѣдущихъ, всегда были причиною успѣха книжной на нихъ торговли. Отдѣлъ надѣется, что и до его книгъ между ѣдущими на пароходахъ найдется не мало охотниковъ.

Въ іюлѣ мѣсяцѣ произведена была ревизія въ магазинѣ складѣ и павильонѣ. Благодаря строгому порядку и отчетности, введенныхъ съ прошлаго года чл. О. Н. А. Строгоновымъ, результаты ревизіи были весьма утѣшительны. Отдѣлъ считаетъ долгомъ упомянуть о тяжелыхъ трудахъ, выпавшихъ на долю М. В. Соловьева и В. В. Болотина производившихъ ревизію, и выразить имъ свою глубокую благодарность.

На годичномъ засѣданіи прошлаго года были единогласно избраны въ постоянные члены: московскій генералъ-губернаторъ князь Влад. Андр. Долгорукій и преосвящ. Амвросій еписк. Дмитровскій, викарій московскій, оказавшіе благосклонное содѣйствіе Отдѣлу.

Вотъ вкратцѣ вся дѣятельность Отдѣла за минувшій годъ. Вѣрный своей задачѣ, онъ съ усвоенною имъ осторожностію, по мѣрѣ своихъ силъ и средствъ, расширялъ кругъ своихъ дѣйствій, строго придерживаясь тѣхъ началъ, которыя положены въ его основаніи и достигъ утѣшительныхъ результатовъ. Можно надѣяться, что дѣло распространенія духовно-нравственныхъ книгъ, на слѣдующій годъ, пойдетъ еще успѣшнѣе какъ вслѣдствіе принимаемыхъ Отдѣломъ мѣръ къ сему, такъ и возбужденнаго въ обществѣ сочувствія, обнаруживающаго въ небываломъ до сего времени требованіи присылки каталоговъ и отчетовъ Отдѣла.

Переходя затѣмъ къ чтенію отчета о движеніи суммъ и книжной операціи мы считаемъ нужнымъ, для уясненія его, сказать нѣсколько словъ.

Этотъ отчетъ, составленный по правиламъ строгой бухгалтеріи, на первый взглядъ можетъ подать поводъ къ упреку Отдѣлу въ несвойственномъ ему коммерческомъ направленіи. Этотъ упрекъ уже не разъ и прежде приходилось выслушивать. Но ясно, что дѣлающіе его и смущающіеся имъ невѣрно понимаютъ принятыя на себя Отдѣломъ задачи. Существенно она заключается не въ способѣ распространенія книгъ посредствомъ торговли или даровой раздачи, но въ распространеніи

именно полезныхъ, нужныхъ для народа книгъ: самые же способы есть фактъ послѣдующій, такъ сказать только формы распространенія; — основная же цѣль остается той же, чтобы въ общество была введена возможно большая масса книгъ, которыя, по мнѣнію Отдѣла, несомнѣнно должны способствовать нравственному развитію народа. Всякій коммерческій процессъ необходимо проникается мыслію о выгодѣ. Торговля въ этомъ случаѣ, точнѣе сказать—обмѣнъ, служитъ средствомъ реализировать ожидаемую выгоду, чтобы помѣстить ее потомъ по усмотрѣнію. Правда и Отдѣлъ въ своихъ дѣйствіяхъ не теряетъ изъ виду прибыли, но она служитъ только будущимъ фондомъ для болѣе успѣшнаго достиженія полезныхъ общественныхъ цѣлей,—слѣдовательно ничего не имѣетъ общаго по своему существу и назначенію съ обыкновенной коммерческой прибылью. Далѣе Отдѣлъ служитъ не только тѣмъ, что удовлетворяетъ существующій запросъ, но и тѣмъ, что создаетъ его въ мѣстностяхъ, куда обыкновенные торговцы не проникаютъ по невыгодности дѣла, и едвали проникнетъ кто, кромѣ лицъ и учрежденій, дѣятельность которыхъ основывается на желаніи провести въ общество тѣ или другія идеи. Наконецъ Отдѣлъ смотритъ на книги по ихъ внутреннему достоинству, не задаваясь вопросомъ о степени ихъ прибыльности.

Тотъ же отчетъ при болѣе внимательномъ его разсмотрѣніи дастъ лучшія доказательства приведенныхъ нами положеній и навѣрное разсѣетъ зарождающееся сомнѣніе. Такъ всѣхъ расходовъ при книжной операціи въ отчетномъ году было 2710—60, а прибыли отъ продажи книгъ Отдѣлъ получилъ только 1181 р. 54 к. слѣдовательно расходъ болѣе чѣмъ вдвое превышалъ полученную прибыль,—и если бы у Отдѣла не было другихъ фондовъ, состоящихъ изъ членскихъ взносовъ и пожертвованій, то онъ не въ состояніи бы былъ вести дѣло на тѣхъ началахъ, на какихъ оно поставлено. Затѣмъ въ статьѣ скидокъ, дѣлаемыхъ Отдѣломъ на проданныя книги, стоитъ весьма почтенная цифра 950 руб.—ясно доказывающая, что Отдѣлъ продаетъ свои книги весьма часто по удешевленной цѣнѣ. Однихъ этихъ данныхъ достаточно, что бы опровергнуть дѣлаемые упреки.

Къ числу цифръ благопріятныхъ и утѣшительныхъ для Отдѣла нужно отнести долговыя операція. Къ 1 января 1878 г. Отдѣлъ былъ долженъ разн. мѣстахъ и лицамъ 10.026 р. 41 к. къ 1 января текущаго года его осталось 6191 р. 27 к.; затѣмъ

Отдѣлу должны къ 1 января 1878 г.—4504 р. 93 к., а въ 1 январѣ 1879 г.—3433 р. 92 к.

Утѣшительны и цифры прихода изъ сторонних источниковъ, внѣ торговыхъ операцій, благодаря чему и капиталъ Отдѣла значительно увеличился, а именно онъ опредѣлился на 1 января 1879 г. въ 9429 р. 10 к. Правда, книги опредѣлены по продажной цѣнѣ, но если стоимость ихъ уменьшить до размѣра стоимости ихъ Отдѣлу себѣ, приблизительно на 20%, то и въ этомъ случаѣ капиталъ Отдѣла будетъ все-таки весьма значителенъ, а именно 7363 руб.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ГОДОВЩИНА НЕЗАВИСИМОСТИ СЕРБІИ.

20-го іюня въ Петербургѣ праздновалась годовщина независимости Сербскаго княжества. Сербы, проживающіе въ Петербургѣ, собрались въ Исаакіевскій соборъ, гдѣ былъ отслуженъ духовенствомъ торжественный молебенъ. Во время этого богослуженія извѣстный столичный проповѣдникъ, протоіерей І. Л. Янышевъ произнесъ слѣдующее слово:

„Три года тому назадъ, въ теченіе всего лѣта, особенно же къ концу іюня мѣсяца, Россію глубоко волновали самыя разнородныя чувства: и чувства ужаса и негодованія отъ звѣрскихъ, безпримѣрныхъ въ исторіи жестокостей, съ которыми турки систематически терзали беззащитныхъ славянъ въ Босніи и Герцеговинѣ и которыми они въ Болгаріи изумили даже европейскихъ враговъ православнаго славянства, и чувство радости и умиленія предъ самоотверженіемъ и великодушіемъ, съ какимъ двѣ, особенно близкія между собою и съ прочими страдавшими славянами, родныя намъ страны, Черногорія и Сербія, истощались въ нравственной и матеріальной помощи несчастнымъ и дѣлились съ ними всѣмъ, чѣмъ могли,—чувства удивленія, а вмѣстѣ и страха и недоумѣнія при видѣ, какъ эти два невеликіе по числу народонаселенія, но не уступающіе никому въ свѣтѣ своею храбростію, братскіе народа отважно рвались броситься на турка и всякій разъ были останавливаемы холодною рукою европейской дипломатіи. Это волненіе Россіи достигло высшей степени, когда разнеслась вѣсть, что славянское сердце Сербіи и Черногоріи не вытерпѣло и сбросило съ себя всякія иноземныя узы. Согласившись между собою, возложивъ надежду на одного Бога, не считая врага и несмотря ни на что болѣе, онѣ 20-го іюня 1876 года объявили войну Турціи и схватились съ ея несмѣтными полчищами, съ которыми справиться, какъ слѣдуетъ, въ пору было только такой великой державѣ, какъ Рус-

ская, да и то съ немалыми усиліями и съ весьма тяжкими жертвами... Было чѣмъ волноваться въ ту пору и за что трепетать!...

Съ этого-то времени, съ 20-го іюня, особенно заслышался и по всей Россіи, какъ въ какомъ-нибудь громадномъ ульѣ предъ отрожденіемъ роя, не то стонъ страданія, не то ликованіе радости; чтенія всякаго рода извѣстій съ театра войны, воззванія, молитвы, проповѣди раздались по всѣмъ концамъ Россіи, начиная отъ главныхъ ея центровъ; оживились и оразнообразились сборы всякаго рода пожертвованій; встрепенулись новыя группы сестеръ милосердія и врачей; цѣлыми сотнями полетѣли добровольцы на поле сраженія... о, какъ много было прекраснаго въ этомъ чисто-человѣческомъ и истинно-христіанскомъ порывѣ!.. Я не позволю себѣ касаться именъ, равно какъ продолжать воспоминанія о томъ, что̀ мы чувствовали, когда Сербія и Черногорія оказались въ страшной опасности и когда державное слово Всероссійскаго Императора раздалось въ Россіи и во всей Европѣ. Величіе подвиговъ и блескъ лавровъ русскаго воинства были неимовѣрны; но все же и кровь лилась рѣкою и жертвы были тяжки...

Жена, егда раждаетъ, скорбь имать, яко пріиде часъ ея, говорилъ Спаситель ученикамъ своимъ,—егда же родитъ отроча, не помнитъ скорби за радость, яко родися человѣкъ въ міръ (Іоанн. XVI, 21). Муки раждающей наступаютъ не вдругъ, а съ перерывами, и усиливаясь постепенно, содѣйствуютъ явленію человѣка на Божій свѣтъ. Такъ и болѣзненное освобожденіе славянскихъ народовъ отъ чужеземнаго ига, осуществленіе славянской идеи, совершается какъ бы этапами, изъ которыхъ каждый приноситъ свой плодъ. Однимъ изъ такихъ особенно болѣзненныхъ этаповъ на этомъ пути была послѣдняя славянская война, — и она не осталась безплодной. На лицѣ земли и притомъ изъ славянскаго племени явился новый человѣкъ въ міръ. Этотъ человѣкъ, если на минуту забыть о геройской Черногоріи, на своихъ неприступныхъ скалахъ никогда не сознававшей своей зависимости отъ Турціи, Болгаріи, вынужденной все еще признавать за собою эту зависимость, и Румыніи, только отчасти принадлежащей къ славянскому роду,— этотъ новый человѣкъ, говоримъ, есть сербскій православный народъ. Становясь политически независимымъ ни отъ какого другаго народа, онъ достигъ того же, чего достигаетъ дитя, когда становится взрослымъ, самостоятельнымъ, свободнымъ, т.-е. въ полномъ смыслѣ человѣкомъ, хозяиномъ своихъ намѣреній и дѣйствій, вполнѣ

отвѣчающимъ за нихъ предъ Богомъ, людьми и своею совѣстію. Быть независимымъ для народа значитъ сдѣлаться такимъ именно взрослымъ человѣкомъ въ семьѣ другихъ народовъ земныхъ, распорядителемъ своихъ судебъ, вполнѣ отвѣтственнымъ за нихъ предъ судомъ исторіи и предъ другими народами! Привилегія, какъ изволите видѣть, обоюдуострая, опасная, но тѣмъ не менѣе для всѣхъ вожделѣнная, а для благороднаго сердца и для истинной добродѣтели столько же необходимая, какъ воздухъ для дыханія. И можетъ ли быть иначе, когда она — эта свобода вмѣстѣ съ разумомъ—есть та царственная печать духа, въ которой Творецъ вселенной ярче всего другаго благоволилъ проявить свой божественный образъ! И Сербія, какъ мать, не можетъ не радоваться и не гордиться этимъ своимъ плодомъ— независимостію: вѣдь онъ украсилъ ее царственнымъ достоинствомъ и стоилъ ей столькихъ и такъ тяжкихъ страданій!..

Поэтому намъ, какъ не дѣтямъ уже, вполнѣ понятна благодарственная молитва къ Богу высокаго представителя независимой Сербіи и ея друзей сегодня, 20-го іюня. Какъ христіанамъ, намъ особенно радостна эта молитва, ибо она свидѣтельствуетъ, что сербскій народъ, удостоившись великаго дара — свободы, намѣренъ пользоваться ею во славу имени Божія и къ истинной чести и ко благу своему и всего славянства! Какъ русскимъ, эта молитва намъ сугубо свѣтла и отрадна; ибо и Россія сподобилась христіанскаго счастія пострадать и тяжко пострадать не ради себя, но ради того, чтобы въ славянской семьѣ явился новый человѣкъ, всякій успѣхъ котораго на пути чести и благоденствія будетъ радовать ее не менѣе, чѣмъ родная мать радуется хорошему росту и цвѣтущему здоровью своего дитяти. Наконецъ, смѣю ли сказать?—Какъ служителямъ православной церкви, намъ невыразимо пріятно служить устами, хотя и недостойными, этой молитвѣ за независимаго государя Сербіи и за его благородный народъ: ибо мы молимся поистинѣ не едиными только съ Сербіею устами, но и единымъ сердцемъ,— имѣемъ рѣдкое утѣшеніе молитвы за независимаго князя славянской страны, какъ за благовѣрнаго, за сербское воинство, какъ за христолюбивое, и за сербскій народъ, какъ за православный!

„О, се что добро и что красно во еже жити братіи вкупѣ“ (Псал. CXXXII, 1).

ДЕСЯТИЛѢТНЕЕ УПРАВЛЕНІЕ

ЛОТОВСКОЮ ЕПАРХІЕЮ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШАГО МАКАРІЯ, НЫНѢ МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО И ЧЛЕНА СВ. СИНОДА.

Во время погребенія митрополита Іосифа въ 1868 г., Вильна и отчасти духовенство впервые лично узнали Высокопреосвященнѣйшаго Макарія, котораго доселѣ знали только по его высоко-ученымъ богословскимъ и историческимъ трудамъ. Почему-то тогда уже молва твердо намѣтила Его Высокопреосвященство въ преемники почившему святителю. И дѣйствительно, 10 декабря 1868 г. состоялось Высочайшее повелѣніе о бытіи Высокопреосвященнѣйшему Макарію, архіепископу харьковскому, архіепископомъ литовскимъ и виленскимъ; 9 января 1869 г. Вильна уже торжественно встрѣчала своего новаго архипастыря, прибывшаго, съ Высочайшаго соизволенія, на малое время въ Вильну для ознакомленія съ паствою и епархіальными дѣлами.

Десять слишкомъ лѣтъ управлялъ литовскою епархіей Высокопреосвященнѣйшій Макарій, нынѣ митрополитъ московскій и членъ Св. Синода, и его десятилѣтнее управленіе оставило глубокій слѣдъ въ жизни епархіи.

Послѣ 40 л. почти управленія епархіей незабвеннаго подвижника православія и русскаго дѣла, митрополита Іосифа Сѣмашки, воспитавшаго и знавшаго свою паству и пастырей до крайнихъ предѣловъ возможности, и потому въ своихъ служебныхъ отношеніяхъ къ нимъ не всегда прилагавшаго требованія строгой формальности, а находившаго и другіе вполнѣ удачные и достигавшіе цѣли принципы,—управленіе епархіей на основаніи строгой законности, а такимъ и было управленіе Высокопреосвященнаго архіепископа Макарія, должно было показаться для многихъ какъ-бы новымъ, непривычнымъ, а для нѣкоторыхъ чуть не гибельнымъ для епархіи. Но несомнѣнно, кто бы ни былъ преемникомъ митрополита Іосифа, этотъ принципъ долженъ былъ бы лечь, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, въ основу управленія епархіей, такъ какъ жизнь и обстоятельства того требовали. Извѣстно, что съ 1860 года почившій въ Бозѣ іерархъ былъ пораженъ недугомъ; какъ ни мощный, свѣтлый и проницательный былъ умъ митрополита до послѣднихъ минутъ его жизни, какъ ни старался онъ въ состояніи недуга держать бразды правленія епархіи въ при-

нятомъ имъ духѣ и порядкѣ, но все же болѣзнь замѣтно сковывала дѣятельность этой необыкновенно энергичной натуры, и явилась нѣкоторая косность съ ея послѣдствіями въ движеніи епархіальныхъ дѣлъ, которую не всегда могли предотвратить и исправить и усилія преосвященныхъ викаріевъ.

Высокопреосвященный Макарій, познакомившись ближе съ дѣлами епархіи, потребовалъ прежде всего отъ консисторіи усиленной дѣятельности по текущимъ дѣламъ, окончанія множества дѣлъ, лежавшихъ годы безъ движенія и т. п. Его благія усилія въ этомъ отношеніи сами собой, безъ особенныхъ толчковъ, повели, можно сказать, къ полному преобразованію консисторіи: явились нѣкоторые новые члены, новый секретарь, новые столоначальники—люди молодые и энергическіе—съ свѣжими понятіями о долгѣ и чести; дѣла стали идти очень быстро,—до того, что лицо, подавшее лично просьбу утромъ о выдачѣ, положимъ, метрики, могло и можетъ получить ее въ тотъ же день (если документы на лицо) безъ всякихъ замедленій. Если въ настоящее время что и остается неисполненнымъ, то оно составляетъ или наслѣдство отъ прежняго времени или же связано съ перепиской съ другими вѣдомствами и лицами.

Но какъ правильное веденіе и рѣшеніе дѣлъ консисторіи много зависитъ отъ того или другаго отношенія къ этимъ дѣламъ благочинныхъ, въ частности отношенія слишкомъ медлительнаго, то Высокопреосвященнѣйшій Макарій, поборникъ выборнаго начала въ церковномъ управленіи, не замедлилъ приложить это начало и къ литовской епархіи; въ томъ же мѣсяцѣ январѣ представился къ тому самъ собою благопріятный случай, по поводу подачи прошенія виленскимъ благочиннымъ объ увольненіи его отъ должности благочиннаго. Архипастырскою резолюціей разрѣшено виленскому духовенству приступить къ выбору изъ среды себя благочиннаго подъ наблюденіемъ депутата. Вслѣдъ затѣмъ это право было предоставлено всѣмъ благочиніямъ епархіи. Конечно, на первыхъ порахъ и новизна дѣла, и привычка къ старинѣ, и людскія страсти мѣшали правильнымъ выборамъ. Это и неудивительно, когда въ самой Вильнѣ, при выборахъ, допущена была нелегальность и по придуманному на сей часъ толкованію, завѣдывающимъ выборами былъ не депутатъ благочинія, какъ это само собою разумѣется должно было быть, но депутатъ училищныхъ съѣздовъ. Тѣмъ не менѣе, послѣ нѣкоторыхъ колебаній, вліяній партій и т. д., это выборное начало стало прочною ногой въ

епархіи, и теперь почти всѣ выборныя лица соотвѣтствуютъ своему назначенію.

Совмѣстно съ выборнымъ началомъ были установлены Его Высокопреосвященствомъ благочинническіе съѣзды и совѣты для лучшаго взаимнаго и гласнаго обсужденія дѣлъ приходовъ и благочинія разныхъ недоразумѣній и неудовольствій среди членовъ причта и среди причтовъ и прихожанъ. Этимъ съѣздамъ и совѣтамъ были первоначально начертаны основныя правила, которыя разсмотрѣны и расширены епархіальными съѣздами, провѣрены консисторіей и затѣмъ уже вошли въ обязательную силу. Эти правила настолько удачны, что нѣкоторыми епархіями были приняты почти въ цѣлости, а для другихъ послужили образцомъ и вошли въ нѣкоторые сборники, претендующіе на юридическое значеніе. Упомянутые съѣзды принесли и приносятъ свою долю добра; но если они дѣйствуютъ теперь иногда вяло, то вина не въ принципѣ съѣздовъ, а въ людяхъ, апатично относящихси къ дарованнымъ имъ правамъ.

Серьёзное вниманіе было обращено Его Высокопреосвященствомъ на правильную дѣятельность епархіальныхъ и училищныхъ съѣздовъ, какъ выразителей общественнаго мнѣнія духовенства епархіи. До вступленія владыки въ управленіе литовскою епархіей этихъ съѣздовъ не было; выборы же членовъ семинарскаго и училищныхъ правленій совершены были не съѣздами, а иначе: благочинія открытыми и отчасти закрытыми голосами избрали и представили въ консисторію необходимое число лицъ для сихъ должностей, которыя и были назначены, по усмотрѣнію, то въ семинарію, то въ училище. Такъ какъ такимъ способомъ выборовъ нарушена была одна изъ существенныхъ сторонъ Высочайше утвержденнаго Устава, то владыка предложилъ, чтобы епархіальный съѣздъ раздѣлилъ церкви на десятки, и согласно послѣдовавшему распоряженію Учебнаго комитета, признавшему упомянутые выборы членовъ правленій некомпетентными, произвелъ новые выборы въ члены правленій семинаріи и училища.

Владыка никогда не стѣснялъ дѣятельности съѣздовъ; всѣ заявленія законныя и полезныя для церкви и духовенства и не соединенныя съ ущербомъ для другихъ учрежденій были имъ принимаемы со вниманіемъ и представляемы высшей власти или же разрѣшаемы властію Его Высокопреосвященства. Владыка требовалъ только, чтобы съѣзды держались на почвѣ за-

кона и не выходили изъ круга предоставленнаго имъ права, указывая на то, что въ послѣднемъ случаѣ меньше всего можно ожидать осуществленія желаній духовенства, и по преимуществу потому, что подобныя желанія и заявленія не подлежатъ окончательному рѣшенію епархіальный власти. Изъ вопросовъ, выдвинутыхъ съѣздами, поддержанныхъ вліятельнымъ и живымъ сочувствіемъ Его Высокопреосвященства, и потому рѣшенныхъ благопріятно для духовенства и духовно-учебныхъ учрежденій, можно отчасти указать на слѣдующіе: о выдачѣ духовенству жалованья не по полугодично, а помѣсячно; объ обращеніи штатныхъ суммъ отъ двухъ закрытыхъ духовныхъ училищъ на усиленіе мѣстныхъ средствъ оставшихся двухъ такихъ же училищъ; объ установленіи надзирательскихъ должностей въ духовной семинаріи и училищахъ; объ открытіи приготовительнаго класса въ училищахъ; объ увеличеніи изъ мѣстныхъ средствъ жалованья наставникамъ и служащимъ въ училищахъ; объ измѣненіи срока вакацій примѣнительно къ сроку свѣтскихъ учебныхъ заведеній; о пріемныхъ испытаніяхъ въ семинаріи предъ каникулами; о введеніи въ женскомъ дух. училищѣ обученія новымъ языкамъ и музыкѣ и т. п.

Литовская семинарія, подъ вліяніемъ требованій новаго устава, находившаяся до времени вступленія на литовскую каѳедру Его Высокопреосвященства въ неопредѣленномъ положеніи, была совершенно преобразована въ духѣ этого устава, значительно обогащена необходимыми учебными пособіями и достигла высокой степени благоустроенной обстановки: и это потому, что всегда, по своимъ дѣламъ, она встрѣчала въ лицѣ Его Высокопреосвященства самое живое участіе и ходатайство предъ Св. Сѵнодомъ; довольно вспомнить, что въ этотъ промежутокъ времени было отпущено на семинарію почти до 50 т. р. с. Не говоримъ уже о томъ, что самъ владыка навсегда связалъ свое имя съ жизнію семинаріи, учредивъ въ ней въ день юбилея стипендію своего имени. Точно также капитальный ремонтъ духовныхъ училищъ жировицкаго и виленскаго происходилъ при содѣйствіи къ судьбѣ этихъ училищъ его высокопреосвященства. Только дѣвичье духовное училище не успѣло окончательно воспользоваться полнымъ къ нему сочувствіемъ Его Высокопреосвященства, такъ какъ вопросъ о его и внутреннемъ (такъ необходимомъ) и внѣшнемъ благоустройствѣ, указанный лично Его Высокопреосвященствомъ депутатамъ послѣдняго епархіальнаго съѣзда, бывшій послѣ того предметомъ обсужденій особой

коммиссіи, пришедшей къ заключенію о крайней необходимости расширенія крайне тѣсныхъ зданій училища чрезъ постройку новаго флигеля, для того чтобы оно могло быть преобразовано въ шестиклассное (по уставу епарх. училищъ),—только успѣлъ выясниться ко времени перехода владыки на московскую каѳедру. Но мы не сомнѣваемся, что этому животрепещущему вопросу не суждено заглохнуть и онъ найдетъ въ будущемъ полное осуществленіе.

Забота Его Высокопреосвященства о духовно-учебныхъ заведеніяхъ—какъ разсадникахъ сужителей церкви, шла неразлучно съ заботой о благоустройствѣ самыхъ церквей и благочиніи совершаемаго въ нихъ богослуженія. За описываемое десятилѣтіе не разъ было указываемо духовенству на приличное устройство и содержаніе храмовъ, и можемъ сказать, что въ это время построено новыхъ каменныхъ и деревянныхъ, ремонтировано и освящено церквей (приходскихъ, приписныхъ, кладбищенскихъ, домовыхъ) 293; самая незначительная часть ихъ пользовалась пособіемъ казны, прочія же устроены и возобновлены заботами и средствами священниковъ и въ особенности прихожанъ. Не говоримъ уже о другихъ пожертвованіяхъ на церкви, которыхъ такъ много принесено въ теченіи означеннаго времени; не говоримъ о постоянныхъ фондахъ изъ ежегодныхъ опредѣленныхъ взносовъ, устроенныхъ при нѣкоторыхъ церквахъ; владыку это явленіе истинно радовало и онъ многократно выражалъ за это свою признательность и благословеніе, вызывавшія на новыя жертвы и новые труды. По внушенію и ходатайству Его Высокопреосвященства, приспособлены для богослуженія въ зимнее время каѳедральный соборъ, Святодуховъ монастырь и Пречистенскій соборъ въ Вильнѣ: три малолюдные монастыри закрыты и средства ихъ обращены въ воспособленіе наличнымъ обителямъ, служащимъ своей цѣли. Но вмѣстѣ съ тѣмъ владыка требовалъ отъ священниковъ, чему доказательствомъ служатъ архипастырскія предложенія, указы консисторскіе съ особыми нерѣдко резолюціями владыки и словесныя напоминанія духовенству, чтобы богослуженіе совершалось не лѣностно, стройно и согласно уставу церкви, чтобы въ церквахъ были устроены хоры и неумолкала проповѣдь. Совершеніе богослуженія самимъ владыкою было образцово; такой стройности, спокойствія, величественной торжественности и полнаго вниманія какъ въ общемъ ходѣ богослуженія, такъ и въ частностяхъ — даже до обычнаго осѣненія себя, во *всякое* время

и при *всѣхъ* случаяхъ, крестнымъ знаменіемъ,—весьма рѣдко можно видѣть. Вотъ почему православные Вильны такъ любили богослуженіе Его Высокопреосвященства, вотъ почему и духовенство, при совершеніи богослуженія, старалось хоть нѣсколько приблизиться къ этому живому примѣру! Объ одномъ можно пожалѣть, что хоръ не всегда соотвѣтствовалъ этой торжественности богослуженія, несмотря на то, что Его Высокопреосвященствомъ и жалованье было удвоено, противъ прежняго, служащимъ въ хорѣ; вина тутъ сколько въ нынѣшнихъ порядкахъ снабженія хора пѣвчими, столько же и въ отсутствіи частыхъ и надлежащихъ спѣвокъ. Можно ли ручаться за хорошее пѣніе, когда хоръ собирается на такъ-называемую спѣвку тогда, когда звонарь взбирается на колокольню для звона къ богослуженію? Упоминаемъ объ этомъ потому, что не разъ были свидѣтелями самыхъ злостныхъ нареканій на хоръ. Но нужно сказать, что хоръ еще ниже падалъ, когда владыка уѣзжалъ въ Петербургъ, и особенно это чувствовалось во время рождественскихъ святокъ и времени Пасхи. Владыку это обстоятельство, какъ мы знаемъ, глубоко огорчало и вызывало на дѣйствительныя мѣры.

Въ заботахъ о благочиніи и благолѣпіи богослуженія владыка приглашалъ духовенство къ привлеченію къ церковному пѣнію возможно большаго числа крестьянскихъ дѣтей и вообще прихожанъ, къ наученію послѣднихъ молитвамъ, къ неослабному занятію духовныхъ въ народныхъ училищахъ, къ возбужденію въ прихожанахъ сочувствія къ школѣ и посылкѣ туда дѣтей на обученіе, къ безотлагательному исполненію церковныхъ требоисправленій, къ искорененію уніатскихъ и суевѣрныхъ обычаевъ, къ удаленію себя отъ всякихъ нареканій на поборы, къ правильному веденію церковнаго хозяйства и церковной отчетности и письмоводства, къ повсемѣстному и правильному устройству церковныхъ попечительствъ, заведенію благочинническихъ библіотекъ и т. п. При раздачѣ приходовъ владыка стремился быть, насколько въ этомъ дѣлѣ возможно было, строго справедливымъ и вмѣстѣ самостоятельнымъ; оставленій приходовъ, за дочерьми-сиротами не было; старшій изъ просящихся на вакансію по образованію, лѣтамъ службы и заслугамъ кандидатъ почти всегда могъ быть увѣреннымъ въ полученіи открывшагося прихода. При этомъ владыка, за рѣдкими исключительными случаями, не спѣшилъ съ отдачей вакансій и требовалъ, чтобы онѣ немедленно объявлялись въ епархіаль-

ныхъ вѣдомостяхъ во извѣстіе духовенству; а отъ кандидатовъ священства, получавшихъ приходы, требовалъ (было предложеніе) скораго поступленія на приходъ. Случалось, что стороннее вліяніе требовало почему-либо смѣщенія съ приходовъ тѣхъ или др. священниковъ; владыка при этомъ всегда требовалъ самаго *строгаго* изслѣдованія объ ихъ жизни и дѣятельности и послѣ того или же оставлялъ ихъ на мѣстахъ, если не находилъ вины, а видѣлъ только клевету или недоразумѣніе, или же предоставлялъ имъ право искать др. мѣстъ и даже предоставлялъ имъ мѣста лучшія прежнихъ (извѣстна исторія перемѣщенія 5 священ. Волковыйскаго уѣзда). Нерѣдко лучшіе приходы получали и такъ-называемые эпитимисты-священники, но это было для нихъ побужденіемъ и мѣрою испытанія и исправленія. И если, послѣ такой милости, ихъ поведеніе не улучшалось, то къ нимъ прилагалось требованіе закона со всѣми послѣдствіями.

Но требуя отъ священниковъ пребыванія въ званіи, къ которому они призваны и которое они добровольно взяли на свои рамена, высокопреосвященнѣйшій Макарій хлопоталъ и объ лучшей внѣшней обстановкѣ быта священниковъ. Неразъ поднимаемый вопросъ объ устройствѣ причтовыхъ домовъ и строеній всякій разъ представляемъ былъ владыкою въ правительственныя инстанціи съ ходатайствомъ о скорѣйшемъ осуществленіи проектовъ по сему вопросу; къ сожалѣнію, дѣло объ этихъ домахъ и строеніяхъ перешло нынѣ болѣе въ вѣдѣніе гражданской администраціи, чѣмъ духовной, и соединено съ такими формальностями и затрогиваетъ столько живыхъ интересовъ, что осуществленіе этого дѣла сопряжено съ большими трудностями и вызываетъ серьёзныя нареканія духовенства; такъ какъ прихожане, въ виду производящихся дѣйствій коммиссій по устройству причтовыхъ домовъ, во многихъ мѣстахъ совершенно прекратили съ своей стороны всякія попытки къ постройкѣ сихъ помѣщеній. Въ будущемъ надежда въ этомъ дѣлѣ на строительный капиталъ, который вотъ уже нѣсколько лѣтъ составляется и будетъ составляться въ Св. Сунодѣ изъ ежегодныхъ восьми рублей, вычитаемыхъ изъ жалованья каждаго сельскаго священника и 2 р. 40 к. съ причетника.

Извѣстно, что со временъ графа М. Н. Муравьева отпускалось, по Высочайшему повелѣнію, ежегодно по 40 т. руб. въ пособіе духовенству. Распредѣленіе этихъ денегъ зависѣло отъ усмотрѣнія епархіальнаго начальства; но по причинѣ этого усмотрѣнія далеко не всѣ духовные пользовались означеннымъ по-

собіемъ. Владыка Макарій съ перваго же года своего служенія обратилъ эту сумму въ пособіе, согласно Высочайшей волѣ, *всему* духовенству; по его распоряженію было образовано нѣсколько коммиссій, которыя и занимались распредѣленіемъ 40 т. между наличнымъ духовенствомъ епархіи; непогрѣшимости этимъ коммиссіямъ мы не приписываемъ, но все-таки никто изъ требующихъ не былъ обдѣленъ пособіемъ. Въ послѣдствіи это пособіе вошло въ составъ нормальнаго жалованья духовенству.

Наконецъ, возникшій съ 1870 г. весьма серьёзный для духовенства вопросъ объ обезпеченіи вдовъ, сиротъ и заштатныхъ духовныхъ, которыхъ мало обезпечивало епархіальное попечительство, съ такою энергіей поднятый и поддерживаемый всѣми епархіальными съѣздами и не менѣе сочувственно принятый Его Высокопреосвященствомъ, указавшимъ надежный путь къ разрѣшенію его, хотя и не могъ до сихъ поръ осуществиться, частію по несовершенству положеній представленныхъ проектовъ, а частію по внѣшнимъ причинамъ, тѣмъ не менѣе уже близокъ къ своему рѣшенію и духовенство надѣется на скорое его осуществленіе. Сущность этого проекта и ходъ его развитія будетъ нами изложенъ печатно.

Призывая духовенство на полезную службу церкви и обществу, высокопреосвященный архипастырь и отличалъ людей, усердно служившихъ. Никогда награды не были такъ обильны, какъ во дни управленія владыки. Когда впервые былъ ему представленъ въ 1868 г. списокъ кандидатовъ къ наградамъ, изъ коего неточно видны были служеніе и труды представляемыхъ и ясно ощущалось, что этотъ списокъ не выборка изъ тщательнаго обзора службы всего духовенства, а составленъ на основаніи случайныхъ рекомендацій благочинныхъ или др. лицъ, то владыка предложилъ сдѣлать повѣрку лѣтъ службы, наградъ и поведенія всѣхъ священнослужителей епархіи. Что же открылось? Явились на лицо такіе ветераны, которые, при хорошей аттестаціи, служили священниками болѣе 50 лѣтъ, пережили съ своими паствами трудное время возсоединенія уніи съ православною церковью и не имѣли никакой награды; другіе же, такихъ же почти лѣтъ службы, украшены были только набедренниками, иные же послѣ послѣдней награды прослужили 15—30 лѣтъ и больше не награждались. Владыка тотчасъ же наградилъ однихъ набедренниками, а о другихъ сдѣлалъ представленіе въ Св. Синодъ. Впечатлѣніе отъ обилія этихъ наградъ вызвало удивленіе духовенства и обрадовало награждаемыхъ. Объ одномъ

старцѣ священникѣ, лежавшемъ уже на одрѣ болѣзни, намъ разсказывали, что когда получилъ онъ въ награду камилавку, то тотчасъ же велѣлъ сшить ее, съ благоговѣніемъ, осѣнивъ себя крестомъ, надѣлъ ее; но вскорѣ онъ умеръ. Съ тѣхъ поръ, по указанію владыки, заведенъ въ консисторіи такой порядокъ представленія къ наградамъ. Въ полномъ присутствіи членовъ консисторіи секретарь прочитываетъ алфавитный списокъ всѣхъ священниковъ съ указаніемъ лѣтъ службы, послѣдней награды, образованія *) и поведенія, и при этомъ дѣлается выборка кандидатовъ къ наградамъ. Кромѣ этого, владыка предоставилъ право и благочинническимъ совѣтамъ дѣлать представленія въ консисторію о достойныхъ къ наградамъ кандидатахъ и эти представленія всегда уважались, если не противорѣчили даннымъ, находящимся въ консисторіи.

Какъ извѣстно, владыка во всѣ 10 лѣтъ, зимнее время проводилъ въ С.-Петербургѣ, присутствуя, по Высочайшему повелѣнію, въ Св. Синодѣ, на лѣто же онъ возвращался въ Вильну, но возвращался не всегда въ одинаковомъ состояніи здоровья; нѣсколько лѣтъ онъ выдерживалъ правильный курсъ лѣченія минеральными водами въ своемъ загородномъ домѣ Тринополѣ, который, по прекрасному мѣстоположенію и устройству, едва ли имѣетъ что-либо подобное въ Россіи при др. архіерейскихъ каѳедрахъ. Владыка обыкновенно велъ жизнь уединенную и весьма аккуратную, занимаясь епархіальными дѣлами, а еще болѣе—своимъ любимымъ предметомъ—исторіей церкви, и плодомъ этого уединенія было изданіе нѣсколькихъ томовъ исторіи и въ томъ числѣ послѣдняго тома — блестящаго и капитальнаго, по своему изложенію и содержанію, посвященнаго исторіи западнорусской митрополіи XV и XVI вѣковъ. Это уединеніе прерывалось только обычнымъ пріемомъ разныхъ оффиціальныхъ лицъ и просителей и посѣщеніемъ владыки его почитателями. Для пріема просителей назначено было время 10—12 часовъ дня, и если была необходимость, то владыка принималъ въ 5—6 часовъ вечера. При пріемѣ духовныхъ лицъ, владыка былъ весьма доступенъ и любезенъ; обычныхъ низкопоклоненій онъ не любилъ и не принималъ; при этомъ усадить священника въ кресло близъ

*) Справедливость требуетъ сказать, что владыка оказывалъ особое уваженіе образованію, и, при открывшихся видныхъ вакансіяхъ, желалъ видѣть ихъ замѣщенными людьми академическаго и лучшаго семинарскаго образованія.

себя было обычнымъ пріемомъ владыки; съ терпѣніемъ выслушивалъ просьбы и доклады, направляя мысль просителей главнымъ образомъ на существо дѣла; дорого цѣня время, онъ избѣгалъ и не допускалъ лишнихъ разглагольствій, часто безцѣльныхъ. Его гуманное обхожденіе производило на посѣтителей чрезвычайно доброе впечатлѣніе и имѣло замѣтное вліяніе на взаимныя отношенія священнослужителей. Къ чести духовенства нужно сказать, что оно въ своихъ различныхъ отношеніяхъ къ владыкѣ, было весьма почтительно и деликатно, такъ что владыка, не обинуясь заявлялъ объ этомъ и публично духовенству г. Вильны, когда оно въ 1873 г. прощалось съ нимъ по случаю выѣзда въ С.-Петербургъ, и въ частныхъ разговорахъ и наконецъ, въ минувшемъ маѣ, при прощаніи своемъ съ свитою, указалъ на это съ большимъ сочувствіемъ, сопоставивъ при этомъ духовенство литовской епархіи съ духовенствомъ прежде управляемыхъ имъ епархій.

Мирную, уединенную жизнь въ Тринополѣ высокопреосвященнѣйшій Макарій повременамъ оставлялъ по случаю ревизій церквей. Но ревизіи эти, къ сожалѣнію, не обнимали всей епархіи, состоящей изъ трехъ обширныхъ губерній; только нѣкоторыя ея части были счастливы тѣмъ, что видѣли своего архипастыря. Владыку удерживали отъ генеральной такъ-сказать ревизіи епархіи и служебныя занятія и состояніе надорваннаго трудами здоровья и необыкновенная аккуратность жизни, нарушеніе которой отзывалось же на здоровьѣ. Осмѣливаемся здѣсь высказать, что владыка чувствовалъ это и не скрывалъ, открыто и съ сожалѣніемъ высказывая и при общихъ собраніяхъ духовенства Вильны и однажды предъ епархіальнымъ съѣздомъ. За то, по порученію Его Высокопреосвященства, преосвященные викаріи ежегодно посѣщали церкви, такъ что ревизія всѣхъ церквей епархіи правильно и тщательно совершалась чрезъ каждые три года. Во время ревизіи владыка произносилъ поученія и къ духовенству относился съ обычною ласковостью.

За Его Высокопреосвященствомъ упрочилась слава знаменитаго оратора. Дѣйствительно, нужно было видѣть владыку во время изустнаго произнесенія (а такимъ оно всегда было) одушевленной проповѣди, чтобы чувствовать всю ея силу, а равно почувствовать полное уваженіе къ проповѣднику. Не даромъ же каѳедру Его Высокопреосвященства такъ любили окружать виленцы! Помимо обычной нравоучительной стороны въ проповѣдяхъ владыки, въ нихъ видѣлся еще иной здраво обдуманный

планъ. Проповѣди, произнесенныя въ 1869 году и отчасти въ послѣдующіе за нимъ годы, посвящены по преимуществу уясненію понятія о православіи, существа его, о ревности къ православію и поспѣшествованіи ему какъ со стороны частныхъ сыновъ церкви, такъ и облеченныхъ оффиціальнымъ положеніемъ въ обществѣ, которые, не нарушая свободы совѣсти, могутъ и должны направлять обстоятельства и теченіе жизни такъ, чтобы дѣло православія не проигрывало, а пріобрѣтало бы большую силу и значеніе. Таковы его проповѣди: вступительная 12 января 1869 г. при первомъ богослуженіи въ Вильнѣ, въ день равноапостольной Маріи Магдалины 22 іюля, при открытіи, нынѣ почти не существующаго, общества ревнителей православія, и при прощаніи съ паствою предъ выѣздомъ въ С.-Петербургъ въ томъ же 1869 году. Необходимость въ проповѣдяхъ такого рода была тогда ясна до осязательной очевидности. Проповѣди въ ближайшіе къ намъ годы направлены противъ индиферентизма въ вѣрѣ и нравственности, отъ котораго такъ не свободны православные виленцы. Кромѣ упомянутыхъ проповѣдей особенно остались въ памяти паствы слѣд. проповѣди Его Высокопреосвященства, сказанныя по особымъ случаямъ: при открытіи виленскаго военно-окружнаго суда, при освященіи часовни, воздвигнутой въ память М. Н. Муравьева, при выпускѣ воспитанницъ изъ духовнаго женскаго училища, въ годовщину Святодуховскаго братства, и особенно въ день юбилея Литовской духовной семинаріи.

Такова была дѣятельность по управленію Литовскою епархіею высокопреосвященнѣйшаго Макарія, Высочайшею волею возведеннаго на каѳедру московской митрополіи 8 минувшаго апрѣля! Въ эти 10 лѣтъ литовская епархія, идя бодро по пути обновленія и реформъ, достигла возможнаго порядка и, не ошибемся, если скажемъ, заняла одно изъ лучшихъ мѣстъ въ ряду другихъ епархій всероссійской церкви. (*Вил. Еп. Вѣдом.*).

ПОПРАВКА.

Просимъ читателей въ майско-іюньской кн. „Православ. Обозрѣнія“ въ статьѣ „Чудеса Христовы“ исправить на стр. 344, строки 16—24 слѣдующимъ образомъ: „недостаточны, ошибочны и ведутъ къ опаснымъ выводамъ тѣ доказательства христіанства, по которымъ въ чудѣ уважается лишь одно могущество на счетъ ихъ истиннаго достоинства, и которыя утверждаясь на одной чудодѣйственной силѣ въ ней лишь признаютъ то, что придаетъ ученію авторитетъ истины“.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПЧЕЛОВОДСТВО-САМОУЧИТЕЛЬ

священника Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда, села Лобанова.

А. И. Успенскаго,

упрощенное и чисто практическое.

Тула, 1879 года.

Издана новая по пчеловодству книга, писанная тою рукою, какая слишкомъ 30 лѣтъ работала на пчельникѣ и въ ульяхъ. Рекомендуется для сельскихъ школъ, въ видахъ распространенія упавшаго у насъ знанія водить пчелъ самымъ дешевымъ и упрощеннымъ способомъ, но съ двойною пользою въ сравненіи съ рутиннымъ пчеловодствомъ.

Цѣна книги 40 коп. и пересылка на счетъ автора, къ которому и прошу адресоваться. Для сельскихъ школъ 10% скидки.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, іюля 26 дня 1879 г.

Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ*.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ 4-ю ПО ПАСХѢ,

СКАЗАННОЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННѢЙШИМЪ ДИМИТРІЕМЪ, АРХІЕПИСКОПОМЪ ВОЛЫНСКИМЪ И ЖИТОМИРСКИМЪ,

ВЪ ЖИТОМИРСКОМЪ КАѲЕДРАЛЬНОМЪ СОБОРѢ.

Се здравъ былъ еси, ктому не согрѣщай, да не горше ти что будетъ. (Іоан. 5. гл. 14).

Такъ сказалъ Господь нѣкоему человѣку, котораго Онъ исцѣлилъ отъ тяжкой тридцати-осьми-лѣтней болѣзни. Можно себѣ представить, братіе, какъ безотрадно было положеніе несчастнаго страдальца, какъ тяжело было переносить столь долговременную болѣзнь; за то какъ радостно было послѣ такой болѣзни увидѣть себя здоровымъ, какъ памятенъ долженъ быть для него урокъ: „ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ“.

Нелегко конечно подвергаться и всякой болѣзни; тяжело и прискорбно переносить и не столь продолжительныя страданія тѣлесныя. Но если кому попуститъ Господь подвергнуться страданіямъ болѣзни, тотъ по крайней мѣрѣ пусть извлечетъ изъ своего состоянія всю пользу, какую оно можетъ принести

душѣ его, чтобъ и самое тлѣніе внѣшняго человѣка послужило средствомъ къ обновленію человѣка внутренняго.

Что причиною нашихъ болѣзней? Врачи земные для каждаго вида болѣзней находятъ много причинъ, но Врачъ небесный указываетъ одну — самую первую и главную причину всѣхъ болѣзней человѣческихъ—въ грѣхѣ: „ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ“. И дѣйствительно, въ раю не было болѣзней, ни печали ни воздыханія: онѣ явились послѣ грѣхопаденія, какъ неизбѣжныя его слѣдствія, когда сказано было падшимъ людямъ: „проклята земля въ дѣлѣхъ твоихъ, въ печалѣхъ снѣси тую вся дни живота твоего, въ болѣзняхъ родиши чада твоя“. Но и нынѣ не грѣхъ ли—въ разныхъ видахъ невоздержанія, въ разныхъ способахъ злоупотребленія своими силами и способностями, въ сильныхъ проявленіяхъ страстей—служитъ главною и существенною причиною многоразличныхъ страданій, коимъ подвергается наше тѣло? Правда, при настоящемъ преобладаніи зла въ мірѣ, при постоянномъ извращеніи въ нашихъ обществахъ порядка и правилъ строго умѣренной жизни по заповѣдямъ Божіимъ, иные подвергаются болѣзнямъ повидимому не по своей винѣ, хотя впрочемъ никто изъ насъ не можетъ почитать себя совершенно невиннымъ: но и эти кажущіяся неповинными страданія имѣютъ свой корень въ нашей грѣховной природѣ, и попускаются Промысломъ Божіимъ для исцѣленія насъ отъ древней язвы грѣховной. Во всякомъ случаѣ, постигаетъ ли насъ болѣзнь по нашей винѣ или нѣтъ, она есть наказаніе за грѣхи, но наказаніе не гнѣва, а любви Отца небеснаго, которая самымъ наказаніемъ временнымъ ведетъ насъ ко благому вѣчному. Во всякомъ случаѣ намъ должно благодарить Господа, когда Онъ попускаетъ на насъ болѣзни тѣлесныя. Если мы сами бываемъ причиною своихъ болѣзней, если онѣ происходятъ отъ нашей невоздержной, несогласной съ закономъ Божіимъ жизни: то должно благодарить Господа, который по милосердію Своему „наказуетъ“ насъ здѣсь, „да не съ міромъ осудитъ“ въ вѣчности, который попускаетъ намъ „пострадать плотію, да престанемъ отъ грѣха, предаетъ насъ во изможденіе плоти, да духъ спасется“. Если же болѣзнь постигаетъ насъ повидимому безъ нашей вины, тѣмъ паче должно благодарить Господа, который подаетъ намъ случай

„въ терпѣніи стяжать свою душу“, и чрезъ легкое печали временной достигнуть высоты вѣчной славы и радости во царствіи Божіемъ. Такое благопокорное и благодарное терпѣніе болѣзней не только послужитъ къ очищенію души нашей отъ скверны грѣховныхъ, но и вмѣнится намъ въ великую заслугу. Упоминаемый въ притчѣ евангельской Лазарь не какими-либо особенными подвигами, а благодушнымъ терпѣніемъ болѣзни и сопряженныхъ съ нею скорбей удостоился „несену быти ангелами на лоно Авраамово“. Въ исторіи Церкви христіанской, въ ликахъ прославленныхъ Богомъ святыхъ мы также видимъ многихъ, которые, безъ особенныхъ какихъ-либо подвиговъ и дѣлъ, однимъ благодушнымъ и благодарнымъ терпѣніемъ болѣзней тѣлесныхъ взошли на высшую степень христіанскаго совершенства и прославлены Богомъ на ряду съ великими подвижниками вѣры.

Впрочемъ и самое время болѣзни можетъ быть весьма благоплодно для души нашей, если воспользуемся имъ какъ должно.

И вопервыхъ, во время болѣзни мы можемъ научиться лучше познавать самихъ себя, безпристрастнѣе разсматривать свое внутреннее состояніе. Доколѣ мы наслаждаемся здоровьемъ, влаемся въ молвѣ житейскихъ попеченій, проводимъ время въ разсѣянности и развлеченіяхъ; дотолѣ совѣсть наша не можетъ оказывать надъ нами всей своей силы и власти, нравственное самосознаніе наше бываетъ тускло и слабо, мы не имѣемъ ни побужденія ни времени тщательнѣе разсмотрѣть свою душу, изслѣдовать всѣ движенія своего сердца. Но когда болѣзнь приковываетъ насъ къ страдальческому ложу, когда мы принуждены бываемъ оставить не только всѣ развлеченія, забавы, удовольствія а и самыя занятія и дѣла свои, уединиться отъ всѣхъ и всего, быть занятыми только сами собою, тогда покровъ самозабвенія упадаетъ, взоръ нашъ невольно обращается на свое внутреннее состояніе, голосъ совѣсти раздается громче въ пустынѣ души нашей, глубина сердца нашего освѣщается ярче, вся протекшая жизнь наша какъбы оживаетъ въ нашемъ сознаніи, и внутренній человѣкъ нашъ является въ своемъ подлинномъ видѣ: всѣ дѣла наши, всѣ чувства, наклонности, желанія и намѣренія являются предъ духовнымъ взоромъ нашимъ, каковы они есть на самомъ дѣлѣ. Воспользуйся же, возлюблен-

ный, этимъ истинно драгоцѣннымъ временемъ самопознанія для вѣрнаго познанія самого себя. Осмотри всѣ грѣховныя дѣйствія свои со всѣми предшествовавшими имъ нечистыми побужденіями и страстными порывами сердца, со всѣми гибельными ихъ послѣдствіями и плодами. Вникни глубже въ свое сердце, чтобы видѣть, чѣмъ оно живетъ и движется,—любовію ли къ Богу и ближнему, или самолюбіемъ и любовію къ міру; къ чему стремится и чего ищетъ,—царствія ли Божія, или земныхъ сокровищъ и плотскихъ наслажденій? Разбери, при свѣтѣ совѣсти и закона Божія и самыя дѣла твои,—„о Бозѣ ли они содѣланы“, или изъ побужденія честолюбія и корысти, человѣкоугодія и лицемѣрія? Тогда и безъ напоминанія близкихъ тебѣ людей, почувствуешь нужду очистить сердце свое покаяніемъ, умиротворить совѣсть свою исповѣданіемъ грѣховъ своихъ предъ Богомъ. А когда Господь возвратитъ тебѣ здоровье, то начертай неизгладимыми письменами не только въ умѣ и памяти, а преимущественно въ совѣсти и сердцѣ своемъ оное слово Господне: „се здравъ былъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ“.

(Съ другой стороны, во время болѣзни мы правильнѣе познаемъ и всѣ временныя блага, которыми пользуемся въ жизни. Пользуясь здоровьемъ, мы ни о чемъ такъ мало не думаемъ какъ о здоровьѣ, и ни чѣмъ такъ много не злоупотребляемъ, какъ собственнымъ здоровьемъ. Не рѣдко проводимъ дни и ночи или въ неумѣренныхъ удовольсткіяхъ или въ непомѣрныхъ трудахъ, истрачиваемъ силы и крѣпость на чувственныя, видимо истощающія и унижающія насъ наслажденія, не думая о томъ, какъ трудно бываетъ возвратить потерянное и какъ невозможно оживить увядшую жизнь. Напротивъ, сраженные болѣзненнымъ недугомъ, мы живо чувствуемъ, какого неоцѣнимаго ничѣмъ блага лишается человѣкъ съ потерею здоровья; вполнѣ убѣждаемся, что здоровье есть драгоцѣннѣйшій даръ Божій, котораго не купишь за всѣ сокровища міра, котораго не изобрѣтетъ вся мудрость человѣческая, если не подастъ его самъ Господь и Владыка жизни нашей.) Наслаждаясь здоровьемъ, мы плѣняемся сокровищами и богатствомъ земнымъ, увеселяемся знаками чести и власти, увлекаемся забавами и удовольствіями. Во время болѣзни нѣтъ мѣста этому увлеченію.

Для страдальца, стоящаго на краю гроба, что значатъ всѣ сокровища міра, какъ не безполезный и ненужный ни къ чему соръ и прахъ? Что всѣ почести и слава, какъ не пустой и безсодержательный звукъ? Что всѣ утѣхи плотскія, какъ не обманчивый сонъ? Наслаждаясь здоровьемъ и благами жизни, мы мы скорѣе всего забываемъ о Подателѣ всѣхъ благъ—Богѣ, не цѣнимъ даровъ любви и благости Отца небеснаго. Но въ скорбные часы болѣзни, когда вся мудрость и сила человѣческая является безсильною, когда мы ищемъ помощи и не находимъ ее на землѣ,—взоръ нашъ невольно обращается къ небу и оттолѣ ожидаетъ помощи и утѣшенія. Тогда перестаемъ думать, что человѣкъ самъ творецъ своего счастія; вполнѣ убѣждаемся, что есть невидимая, всемогущая сила, которая можетъ обратить въ ничто всякую силу и всякія средства человѣческія,—есть высочайшая Премудрость и Правда, которая „мертвитъ и живитъ, смиряетъ и возноситъ“; есть высочайшая Любовь, которая подаетъ намъ „и жизнь и дыханіе и все“, которою „мы живемъ и движемся и есмы“. О, еслибъ эти чувствованія, которыя невольно возбуждаются въ страждущемъ болѣзнію,—это ощущеніе величія и драгоцѣнности жизни и здоровья, какъ великаго дара Божія,—это отвращеніе отъ благъ временныхъ и тлѣнныхъ, которыми возбуждаются и питаются наши страсти,—эта преданность безконечной премудрости и благости Отца небеснаго—были также живы и сильны въ насъ и въ то время, когда мы наслаждаемся здоровьемъ! По крайней мѣрѣ, по избавленіи отъ болѣзни, каждому должно глубоко напечатлѣть въ сердцѣ своемъ наставленіе небеснаго Врача: „се здравъ былъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ!“

Въ состояніи болѣзни мы лучше научаемся и любить своихъ ближнихъ, чувствовать въ нихъ нужду, цѣнить по достоинству ихъ помощь, въ особенности благодатную помощь служителя Церкви Христовой. Пользуясь всею крѣпостію силъ, мы легкомысленно смотримъ на дѣлаемыя намъ другими одолженія и услуги, на оказываемую намъ помощь нашими ближними: намъ кажется, что мы легко можемъ обойтись и безъ нихъ. Не такъ научаетъ насъ смотрѣть на это болѣзнь. Когда мы одни недвижимо простерты на одрѣ, снѣдаемые внутреннимъ пламенемъ, удручаемые страданіями, когда сами себѣ не въ состоя-

ніи доставить ниже капли воды: тогда одно посѣщеніе кѣмъ-либо болѣзненнаго одра нашего—со словомъ участія и состраданія сердечнаго—не покажется ли намъ дороже всѣхъ утѣхъ и радостей мірскихъ? Тогда одна чаша воды, устужающей языкъ нашъ, не покажется ли намъ такимъ благодѣяніемъ, за которое мы не можемъ воздать по достоянію? Тогда приближающійся къ намъ врачъ не является ли намъ ангеломъ, посланнымъ отъ Господа? Но если болѣзнь усиливается, если опасность увеличивается,—то отъ кого ожидаетъ тогда помощи душа страждущая? Отъ того человѣка, котораго быть-можетъ часто отвращалась во дни разсѣянности и легкомыслія,—отъ служителя престола Божія, на котораго научается теперь смотрѣть какъ на истиннаго посланника Божія, какъ на своего единственнаго благодѣтеля. Ему повѣряетъ мучительную тайну своего сердца, отъ устъ его почерпаетъ цѣлительный бальзамъ высокихъ утѣшеній евангельскихъ, отъ рукъ его пріемлетъ источникъ истинной жизни и здравія душевнаго и тѣлеснаго—животворящее тѣло и кровь Господа Іисуса Христа, и отсюда получаетъ силу и мужество на побѣдоносную борьбу съ болѣзнію. Не должно ли желать, чтобъ эти чувства любви и уваженія къ ближнимъ утвердились въ насъ навсегда и по избавленіи отъ болѣзни; чтобъ и въ этомъ отношеніи мы никогда не согрѣшали, сдѣлавшись здравыми?

Такъ можно и должно, братіе мои, и самыя страданія тѣлесныя обращать въ величайшее для себя благо, въ истинную пользу и спасеніе души своей! Ибо для этой собственно цѣли Господь и попускаетъ намъ подвергаться болѣзнямъ,—„во измождение плоти, да духъ спасется“. Но это возможно только подъ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, если, по избавленіи отъ болѣзни, будемъ исполнять свято наставленіе своего Господа и Спасителя: „се здравъ былъ еси, ктому не согрѣшай, да не горше ти что будетъ“. Аминь.

ПРОИЗВОЛЬНОЕ ЗАРОЖДЕНІЕ.

Лекція Дж. Тиндалля въ Лондонскомъ королевскомъ Институтѣ.

Тиндалль принадлежитъ къ числу первоклассныхъ ученыхъ нашего времени и хорошо извѣстенъ русской образованной публикѣ по своимъ превосходнымъ изслѣдованіямъ и популярнымъ лекціямъ о теплотѣ и свѣтѣ. Знаменитый ученый, Тиндалль въ то же время и рѣдкій писатель. Самые трудные для пониманія физическіе процессы и явленія онъ умѣетъ раскрывать предъ слушателями и читателями своихъ лекцій съ такою ясностью, съ такою наглядностью, что человѣкъ видитъ, какая простота въ самыхъ мудреныхъ явленіяхъ природы и какая мудрость въ самыхъ простыхъ. „Небольшія формулы Тиндалля, говоритъ аббатъ и физикъ Муаньо, проникаютъ гораздо лучше въ глубь явленій, чѣмъ всякія мудреныя упражненія въ трактатахъ по математической оптикѣ". Всѣ его труды быстро переводятся на другіе языки и читаются съ живымъ интересомъ и пользой. По словамъ Гельмгольца распространеніе популярныхъ сочиненій Тиндалля можетъ служить къ удовлетворенію дѣйствительной духовной потребности нашего времени въ точномъ и основательномъ знакомствѣ съ физическими явленіями. Предлагаемая

здѣсь въ русскомъ переводѣ лекція его о произвольномъ зарожденіи въ свою очередь заслуживаетъ полнаго вниманія просвѣщенныхъ читателей не только по обычнымъ достоинствамъ всѣхъ произведеній Тиндалля и даже не только по особой важности и интересности вопроса, который составляетъ предметъ этой лекціи, но и по тому, какъ онъ его рѣшаетъ.

Всѣмъ образованнымъ людямъ достаточно извѣстно и ощутительно, какое давленіе на современные умы производятъ новыя ученія дарвинистовъ или точнѣе эволюціонистовъ о происхожденіи человѣка и его положеніи въ природѣ. Въ концѣ всего новыя ученія, будто человѣкъ произошелъ путемъ послѣдовательнаго и постепеннаго развитія отъ низшихъ животныхъ, неизбѣжно ведутъ къ дальнѣйшимъ и важнѣйшимъ вопросамъ, какіе только могутъ возникать въ головѣ человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, если человѣкъ есть прямой кровный потомокъ обезьянъ и вообще животныхъ, то разбирая такимъ же порядкомъ его родословную дальше, эволюціонисты естественно идутъ по восходящей линіи отъ обезьянъ все къ низшимъ и низшимъ животнымъ, вообще организмамъ, до тѣхъ поръ, пока въ такой родословной и самое смѣлое воображеніе не упрется въ первый живой зародышъ. Тогда неизбѣжно является вопросъ: откуда же явился первый зародышъ? Эволюціонисты, усиливаясь создать міръ безъ Творца, по своей логикѣ прямо приходятъ къ заключенію, что первый простѣйшій живой организмъ на землѣ зародился „произвольно“. Отсюда возникла гипотеза о самопроизвольномъ зарожденіи (generatio aequivoca, generatio spontanea). Какъ гипотеза, идея произвольнаго зарожденія не нова: мы найдемъ ее въ древнихъ религіозныхъ космогоніяхъ, у греческихъ философовъ, даже у Аристотеля, у средневѣковыхъ ученыхъ и далѣе. Нѣкоторые алхимики дѣлали попытки искусственно произвести въ своихъ лабораторіяхъ такія смѣси различныхъ веществъ, чтобы получалось живое существо, homunculus. Нако-

нецъ въ нашемъ столѣтіи идея произвольнаго зарожденія перешла въ научную гипотезу и получила новое значеніе. Нѣкоторымъ ученымъ пришло на мысль подтвердить эту гипотезу прямымъ опытомъ, и основываясь на своихъ опытахъ, они стали утверждать, будто въ самомъ дѣлѣ въ неживомъ веществѣ сами собою зарождаются и размножаются живые организмы,—не отъ сѣмянъ или зародышей, а другимъ путемъ. Отсюда и самое ученіе о произвольномъ зарожденіи называется также гетерогенизмомъ. Нашлись однако и другіе ученые, и между ними особенно извѣстенъ Пастёръ, которые не поддались искушенію удовлетвориться легкимъ рѣшеніемъ великаго вопроса. Повторяя тѣ же самые опыты съ большею тщательностью и производя новые, эти ученые не получали живыхъ организмовъ тамъ, гдѣ были устранены зародыши уже существующіе. Появленіе живыхъ организмовъ они просто объясняли тѣмъ, что въ воздухѣ вмѣстѣ со всею пылью носится безчисленное множество зародышей, и эти зародыши, благодаря своей крайне ничтожной величинѣ, проникаютъ всюду и вызываютъ при благопріятныхъ условіяхъ, особенно въ бродящихъ и гніющихъ жидкостяхъ, появленіе живыхъ организмовъ. Отсюда и самое ученіе, отрицающее произвольное зарожденіе, называется панспермизмомъ. Что въ воздухѣ дѣйствительно носятся миріады органическихъ зародышей, и эти зародыши могутъ вызывать появленіе живыхъ организмовъ, это достаточно доказано микроскопическими изслѣдованіями, признается вѣрнымъ и гетерогенистами. Но такъ какъ существованіе зародышей еще не исключаетъ произвольнаго зарожденія, то все-таки остается вопросъ: не слѣдуетъ ли въ нѣкоторыхъ случаяхъ появленіе живыхъ организмовъ приписать произвольному зарожденію? Объ этомъ и ведется до сихъ поръ ожесточенный споръ съ обѣихъ сторонъ. Для рѣшенія спора, само собою разумѣется, нуженъ рядъ такихъ опытовъ, которые по своему значенію и выполненію удовлетворяли бы всѣмъ науч-

нымъ требованіямъ противныхъ сторонъ и не оставляли бы мѣста дальнѣйшимъ сомнѣніямъ и прекаканіямъ.

Нельзя не видѣть, что послѣднее труднодостижимо. Вопросъ о происхожденіи жизни слишкомъ важенъ, а явленія, которыхъ онъ касается, незримы и неосязаемы именно въ тотъ моментъ, когда совершается тайна жизни. Изслѣдователь можетъ судить объ этой тайнѣ единственно только уже по результатамъ процесса, а между тѣмъ есть общечеловѣческая слабость приносить факты въ жертву теоріи и видѣть въ опытѣ только то, чего требуетъ любимая теорія. Однако, когда за дѣло берется такой крупный ученый и главное—такой неподражаемо искусный экспериментаторъ, какъ Тиндалль, и когда онъ путемъ своихъ остроумныхъ и безупречно выполненныхъ опытовъ убѣждается и убѣждаетъ въ томъ, что произвольнаго зарожденія не существуетъ, а появленіе живыхъ организмовъ во всѣхъ случаяхъ слѣдуетъ приписать зародышамъ, которые незримыми тучами носятся въ воздухѣ, вызывая и распространяя въ однихъ случаяхъ плѣсень, въ другихъ броженіе, гніеніе и разныя заразительныя болѣзни; тогда нужно запастись новыми и лучшими опытными доказательствами или же особаго рода смѣлостью, чтобы принимать и удерживать ученіе о произвольномъ зарожденіи. Такимъ образомъ слѣдующая далѣе лекція Тиндалля, помимо своего высокаго научнаго интереса, даетъ надежную опору вѣрующему человѣку противъ модныхъ ученій о происхожденіи и развитіи живыхъ существъ. Достаточныя подробности по исторіи вопроса и свѣденія о пріемахъ, какіе употребляются для его рѣшенія на опытѣ, читатель увидитъ изъ самой лекціи.

П. Милославскій.

На десять минутъ ходьбы отъ небольшаго домика, который я устроилъ себѣ въ Альпахъ, есть маленькое озеро, образуемое тающимъ снѣгомъ, который покрываетъ сосѣднія вершины. Въ самомъ началѣ лѣта вода въ этомъ озерѣ не показываетъ ни малѣйшихъ признаковъ жизни. Но вотъ въ концѣ іюля или въ началѣ августа въ немъ появляются безчисленные рои хвостатыхъ организмовъ, которые рѣзвятся на солнечныхъ лучахъ въ болѣе мелкихъ мѣстахъ озера, вблизи его береговъ, и подымаютъ рябь на глубокихъ мѣстахъ, куда они бросаются при наступленіи опасности. Откуда происходитъ такое множество живыхъ существъ и притомъ каждый годъ? Вопросъ таковъ, что сразу на него нелегко отвѣчать. Въ продолженіе многихъ лѣтъ я ни разу не замѣчалъ въ озерѣ ни взрослой лягушки, ни малѣйшаго слѣда лягушечьей икры. И еслибъ я не былъ своими изслѣдованіями застрахованъ отъ ошибки, я пожалуй нашелъ бы совершенно естественнымъ сказать вмѣстѣ съ Матіоле, что головастики зародились въ грязи подъ живительнымъ вліяніемъ солнечныхъ лучей.

Въ теченіе многихъ столѣтій безъ колебаній допускалось произвольное зарожденіе организмовъ, развитыхъ не менѣе лягушки, потому что совершенно недоставало опыта, который могъ бы разсѣять это заблужденіе. Въ этомъ пунктѣ, какъ и въ другихъ, авторитетъ Аристотеля оказывалъ свое деспотическое вліяніе надъ умами людей. Спустя почти двадцать столѣтій послѣ Аристотеля, еще безъ малѣйшаго затрудненія допускали произвольное зарожденіе тамъ, гдѣ въ наши дни и самые рьяные поборники этого ученія отвергли бы его какъ нѣчто чудовищное. Напр. полагали, что раковины всевозможныхъ видовъ зараждаются сами собою; предполагали далѣе, что угри самопроизвольно возникаютъ изъ Нильской тины; думали, что кошениль есть самораждающійся продуктъ листьевъ, которыми она питается; что крылатыя насѣкомыя, змѣи, крысы и мыши тоже могутъ раждаться безъ всякаго половаго вмѣшательства.

Наиболѣе плодородною почвой для зарожденія жизни безъ пред-

ковъ представлялось гніющее мясо. При недостаткѣ свѣдѣній, какими мы обязаны теперь болѣе глубокому изученію фактовъ, мысль, что мясо обладаетъ и дѣйствуетъ такою производительною способностью, довольно естественна. Я припоминаю, какъ однажды, когда мнѣ было лѣтъ 10 или 12, при мнѣ разрѣзывали кусокъ плохо просоленной говядины, и я увидѣлъ, что внутри его копошилось множество червей. Безъ малѣйшаго колебанія я рѣшилъ, что эти черви зародились отъ самаго мяса. Въ ту пору у меня, не было никакихъ знаній, которыя могли бы исправить или опровергнуть такое заключеніе, и оно казалось мнѣ тогда совершенно очевиднымъ. Дѣтство отдѣльной личности есть образъ дѣтства цѣлаго общества, и представленіе, о которомъ идетъ рѣчь, раздѣлялось всѣми людьми въ продолженіе почти двухъ тысячъ лѣтъ.

Въ 1668 году явленія зарожденія сталъ изучать знаменитый Франчески Реди, врачъ великихъ герцоговъ Тосканскихъ Фердинанда II и Косьмы III и членъ Академіи Чименто (del Cimento). Онъ обратилъ вниманіе на червей въ гніющемъ мясѣ и задалъ себѣ вопросъ, откуда они происходятъ. Но онъ не удовольствовался одними размышленіями или догадками, какія строили его предшественники на основаніи своихъ несовершенныхъ наблюденій. Наблюдая мясо на пути его перехода изъ свѣжаго состоянія въ состояніе порчи, но еще до появленія червей, онъ замѣчалъ постоянно присутствіе мухъ, которыя во множествѣ роились и облѣпляли мясо. Это обстоятельство натолкнуло его на мысль, что можетъ быть черви были еще несовершенно развившіяся личинки этихъ мухъ.

Индуктивная догадка всегда предшествуетъ опыту, но въ концѣ всего все-таки только опытъ рѣшаетъ дѣло. Реди, которому это было не безъизвѣстно, поступилъ послѣдовательно. Положивъ въ стаканъ кусокъ свѣжаго мяса, онъ закрылъ этотъ стаканъ листкомъ бумаги и затѣмъ увидѣлъ, что гніеніе мяса происходило своимъ чередомъ, какъ обыкновенно, но червей на мясѣ уже не появлялось. Между тѣмъ то же самое мясо, оставленное въ открытомъ стаканѣ, черезъ короткій промежутокъ времени уже кишило этими организмами. Далѣе Реди замѣнилъ листъ бумаги тонкой и рѣдкой тканью, сквозь которую запахъ мяса могъ легко проходить. Мухи слетались на эту ткань и клали на

нее свои яички. Но такъ какъ петли ткани были слишкомъ малы, и яйцо мухи не могло проскочить сквозь нихъ въ стаканъ, то на мясѣ опять не оказывалось ни одного червяка. Напротивъ поверхъ ткани ихъ развелось многое множество. Повторяя такого рода опыты, Реди разрушилъ прежнюю вѣру въ произвольное зарожденіе червей въ мясѣ, а за одинъ разъ конечно подорвалъ и многія другія представленія, вытекавшія изъ этой вѣры. Борьба, начавшаяся такимъ образомъ, была потомъ продолжена Валлиснери, Швамердамомъ и Реомюромъ, которымъ удалось изгнать изъ ученыхъ головъ своего времени мысль о произвольномъ зарожденіи. Прибавимъ, что относительно такихъ сложныхъ организмовъ, съ какими они имѣли дѣло при своихъ изысканіяхъ, эта мысль устранена разъ навсегда.

Но изобрѣтеніе и усовершенствованіе микроскопа, нанося послѣдній ударъ большей части мнѣній, до тѣхъ поръ принятыхъ и обнародованныхъ относительно произвольнаго зарожденія, открыло въ то же время цѣлый живой міръ, состоящій изъ существъ до того малыхъ, до того близкихъ по своимъ размѣрамъ къ атомамъ, что переходъ этихъ послѣднихъ въ живые организмы не замедлилъ представиться нѣкоторымъ умамъ самою простою вещью. Настои животныхъ и растительныхъ веществъ, выставленные на воздухъ, покрывались и наполнялись милліонами маленькихъ существъ, которыя совершенно ускользали отъ невооруженнаго глаза, но были ясно видимы подъ микроскопомъ. Этимъ организмамъ дали названіе *инфузорій*, по мѣсту ихъ происхожденія—въ настояхъ (infusio). Было найдено также, что застоявшіяся лужи переполнены ими. И очевидная трудность открыть зародыши такихъ существъ, когда они и сами едва уловимы, какъ разъ оказалась самымъ благопріятнымъ условіемъ для признанія снова теоріи гетерогенезиса или произвольнаго зарожденія.

Ученый міръ не замедлилъ раздѣлиться на два враждебныхъ лагеря, въ которыхъ мы можемъ указать здѣсь только ихъ представителей. Съ одной стороны мы находимъ Бюффона и Нидгэма: первый безъ всякихъ опытныхъ доказательствъ признавалъ существованіе *органическихъ частицъ*, второй предполагалъ какую-то спеціальную *растительную силу*, которая соединяетъ частицы вещества для образованія живыхъ существъ. Съ другой

стороны мы видимъ знаменитаго аббата Лазаро Спалланцани: онъ въ 1778 г. публиковалъ результаты своихъ изслѣдованій противоположные тѣмъ, какіе объявлялъ Нидгэмъ въ 1748 г., и притомъ полученные по методу, строгая точность котораго должна была совершенно опрокинуть убѣжденія, основанныя на работахъ его предшественника. Онъ наливалъ органическіе настои въ стклянки, наглухо зашивалъ горлышко этихъ стклянокъ на паяльной трубкѣ, потомъ доводилъ жидкость до температуры 100°, т.-е. до кипѣнія, и наконецъ помѣщалъ ихъ въ температуры, благопріятныя для развитія жизни. Жидкости оставались безъ перемѣны въ продолженіе цѣлыхъ мѣсяцевъ и когда наконецъ стклянки открывали, въ нихъ не находили и слѣда живыхъ существъ.

Позволю себѣ забѣжать впередъ открытій, сдѣланныхъ позже, и скажу, что успѣхъ опытовъ Спалланцани зависѣлъ единственно отъ мѣстности, гдѣ они были производимы. Атмосфера, въ которой онъ находился, должно-быть была свободна отъ самыхъ живучихъ инфузорныхъ зародышей, а иначе его опытъ все-таки далъ бы въ результатѣ живыхъ существъ, какъ это и доказалъ долгое время спустя Уайменъ. Но у Спалланцани опроверженіе теоріи произвольнаго зарожденія отъ этого нисколько не теряетъ въ доказательности и вовсе не устраняется тѣмъ, что другіе ученые, повторяя его опытъ, находили живыя существа тамъ, гдѣ онъ ихъ не получалъ. Эта разница скорѣе придаетъ силу его опроверженію. Если въ самомъ дѣлѣ два экспериментатора, одинаково искусные и осмотрительные, производятъ опыты независимо одинъ отъ другаго, въ различныхъ мѣстахъ, надъ одними и тѣми же настоями, при помощи одинаковыхъ пріемовъ, и одинъ изъ нихъ получаетъ живыя существа тамъ, гдѣ у другаго ничего не выходитъ; тогда очевидно отсутствіе организмовъ, хорошо доказанное въ одномъ изъ этихъ случаевъ, и присутствіе ихъ въ другомъ должно быть приписано вмѣшательству какого-нибудь посторонняго элемента, несвойственнаго самымъ настоямъ.

Стклянки Спалланцани, запаянныя на лампѣ, заключали въ себѣ лишь ничтожное количество воздуха, и такъ какъ потомъ стало извѣстно, что для жизни необходимъ кислородъ, то и рѣшили, что отсутствіе живыхъ организмовъ, доказанное Спал-

линцани, могло зависѣть именно отъ недостатка въ этомъ животворномъ газѣ. Чтобы разсѣять на этотъ счетъ всякія сомнѣнія, Шульце, въ 1836 г., наполнилъ стклянку до половины ея перегнанной водой и прибавилъ туда животныхъ и растительныхъ веществъ; затѣмъ предварительно прокипятивши эту смѣсь, чтобы уничтожить живые организмы, какіе уже могли тамъ находиться, Шульце каждый день пропускалъ чрезъ стклянку посредствомъ аспиратора воздухъ, напередъ того уже прогнанный сквозь нѣсколькихъ шаровъ съ концентрированной сѣрной кислотой, посредствомъ которой онъ разсчитывалъ убить всѣ носящіеся въ воздухѣ живые зародыши. Этотъ опытъ былъ продолжаемъ съ мая мѣсяца по августъ, и—ни одной инфузоріи не оказалось.

Здѣсь успѣхъ Шульце все еще зависѣлъ отъ того, что онъ производилъ свой опытъ въ сравнительно чистомъ воздухѣ. Но даже и въ достаточно чистомъ воздухѣ удача такого опыта сильно подвержена случайностямъ. Зародыши могутъ проходить сквозь сѣрную кислоту не смачиваясь ею и не подвергаясь порчѣ, если не принять для задержки ихъ какихъ нибудь экстренныхъ предосторожностей. Не разъ случалось мнѣ, когда я повторялъ опыты Шульце, не получать тѣхъ результатовъ, какіе удавались ему. Также какъ и я, терпѣли неудачу и другіе. Дѣло въ томъ, что воздухъ проходитъ сквозь шары съ сѣрной кислотой въ формѣ пузырьковъ. И если хотятъ, чтобы воздухъ въ самомъ дѣлѣ былъ очищенъ вполнѣ, тогда необходимо заставить его проходить настолько медленно, чтобы всѣ носящіяся въ немъ вещества, до самаго центра воздушнаго пузырька, смачивались разъѣдающею жидкостью. Но при такихъ предосторожностяхъ и простая вода, оказывается, такъ же дѣйствительна, какъ сѣрная кислота. Употребляя воздушный насосъ въ очень нечистомъ воздухѣ, я пропускалъ такимъ способомъ этотъ воздухъ въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль сначала чрезъ шары, наполненные водой, а потомъ чрезъ сосуды съ органическими настоями, и у меня не обнаруживалось нималѣйшаго признака появленія жизни въ подвергаемой опыту жидкости. Зародыши были не убиты, а только задержаны. И что еще важнѣе, употребленіе воды устраняетъ возраженіе, какое могло быть сдѣлано противъ способа Шульце, именно, что воздухъ былъ

измѣненъ отъ соприкосновенія съ сильно разлагающимъ веществомъ.

За краткимъ мемуаромъ Шульце, напечатаннымъ въ Poggendorff's Annalen за 1836 г. послѣдовало въ 1837 г. сообщеніе Шванна, то же краткое, но плодотворное по своимъ важнымъ послѣдствіямъ. Мы видѣли, что Реди хорошо убѣдился въ томъ, что въ гніющемъ мясѣ черви обязаны своимъ происхожденіемъ яичкамъ, положеннымъ мухами. Но онъ не зналъ, да и не могъ знать настоящаго значенія гніенія. У него не было инструмента, который могъ бы ему открыть, что самое гніеніе происходитъ вслѣдствіе развитія живыхъ организмовъ. Сообщеніе Шванна, о которомъ только-что упомянуто, въ первый разъ показываетъ эту истину. Шваннъ клалъ кусокъ мяса въ стклянку, до трети ея вмѣстимости наполненную водой, уничтожалъ въ ней посредствомъ кипяченія всѣхъ зародышей и потомъ пропитывалъ ее въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ прокаленнымъ воздухомъ. Въ продолженіе всего этого времени у него не показывалось ни плѣсени, ни инфузорій, ни гніенія; мясо не портилось, и жидкость оставалась такой же прозрачной, какою ее видѣли тотчасъ послѣ кипяченія. Послѣ этого Шваннъ мѣнялъ вещества, подвергаемыя опыту, но результаты оставались безъ перемѣны. Изъ сего этого онъ заключилъ, что гніеніе происходитъ вслѣдствіе разложеній, имѣющихъ мѣсто въ органическихъ веществахъ, когда въ нихъ развиваются микроскопическіе организмы. Эти организмы происходятъ, какъ видно, не изъ воздуха, а скорѣе изъ чего-то, что находится въ воздухѣ и можетъ быть уничтожено при достаточно высокой температурѣ. Никогда ученіе о произвольномъ зарожденіи не имѣло такого рѣшительнаго противника, какъ Шваннъ, что бы ни говорили тѣ, которые, года полтора тому назадъ, усиливались включить этого ученаго и вмѣстѣ съ нимъ другихъ въ ряды сторонниковъ этого ученія.

Новыя открытія относительно физическаго характера дѣятеля, производящаго гніеніе, были сдѣланы Гельмгольцемъ въ 1843 году. Ему пришло въ голову отдѣлить перепонкой жидкость способную загнить отъ другой уже гніющей жидкости. При этомъ настой, освобожденный отъ зародышей, остался совершенно неповрежденнымъ. Слѣдовательно гніеніе происходило не

отъ жидкости гніющей массы, потому что эта жидкость свободно проходила сквозь перепонку, а отъ какого-нибудь вещества, которое находилось въ жидкости, но задерживалось перепонкой. Въ 1854 г. Шредэръ и Фонъ-Душъ продолжали эти изслѣдованія, а потомъ ими занялся одинъ Шредэръ. Эти искусные экспериментаторы употребили вату для процѣживанія воздуха, допускаемаго въ соприкосновеніе съ ихъ настоями. Пропитываемыя воздухомъ, очищеннымъ по такому способу, легко загнивающія жидкости въ большинствѣ случаевъ оставались послѣ кипяченія совершенно чистыми. Только молоко представило замѣчательное исключеніе изъ общаго правила: оно послѣ кипяченія всегда загнивало, несмотря на то, что соприкасалось съ воздухомъ только тщательно очищеннымъ. Изслѣдованія Шредэра доводятъ насъ до 1859 г.

Этотъ годъ имѣетъ нѣкоторое значеніе, такъ какъ тогда вышла въ свѣтъ книга, которая, казалось, разрушала многіе факты, прочнѣе всего установленные тѣми, кто до сихъ поръ занимался вопросомъ о зарожденіи. Эта книга носитъ заглавіе „Hétérogénie“, и авторъ ея Пуше, директоръ Музея натуральной исторіи въ Руанѣ. Этотъ пылкій и трудолюбивый ученый, преисполненный усердія столько же къ наукѣ, сколько и къ метафизикѣ, всѣмъ существомъ своимъ отдался изученію этого вопроса. Но если есть предметъ, требующій всѣхъ качествъ критики — спокойнаго ума для разбора крайне сложныхъ явленій, величайшей тщательности въ приготовленіи и выполненіи опытовъ, находчивости для видоизмѣненія условій опыта, благоразумной осторожности не принимать результатовъ до тѣхъ поръ, пока повтореніе не поставитъ ихъ внѣ сомнѣнія, — такъ это именно вопросъ о зарожденіи. Для человѣка съ темпераментомъ Пуше этотъ предметъ представлялъ много опасностей, и опасности къ тому же увеличивались еще отъ его теоретическихъ идей, съ какими онъ приступалъ къ дѣлу. Эти идеи видны изъ первыхъ же словъ его предисловія. „Когда по размышленіи мнѣ, говоритъ Пуше, стало очевиднымъ, что произвольное зарожденіе есть еще одно изъ средствъ, употребляемыхъ природой для воспроизведенія существъ, я приложилъ всѣ свои старанія, чтобы открыть, какими пріемами можно довести эти явленія до очевидности“.

Безполезно говорить, что необходимо было сильное обуз-

дывающее средство, чтобы сдерживать умъ, такъ сильно предзанятый.

Пуше повторилъ опытъ Шульце и Шванна и получилъ результаты діаметрально противоположные. Онъ громоздилъ опытъ на опытъ, доказательство на доказательство, примѣшивая къ логикѣ ученаго сарказмы адвоката. Ему казалось, что чудовищное количество организмовъ, необходимое для произведенія наблюдаемыхъ результатовъ, дѣлаетъ гипотезу объ атмосферныхъ зародышахъ нелѣпой. Вотъ одно изъ его любимыхъ доказательствъ. „Если бы, говоритъ онъ, зародыши первичныхъ организмовъ, которые, какъ мы видимъ, распложаются повсюду и во всемъ, были рѣзсѣяны въ атмосферѣ въ пропорціи, математически необходимой для подобнаго явленія, тогда они совершенно затемнили бы весь воздухъ, потому что были бы скучены значительно плотнѣе, чѣмъ водяныя частицы густыхъ облаковъ. Здѣсь нѣтъ нималѣйшаго преувеличенія.“ Возвращаясь къ тому же, онъ восклицаетъ: „Воздухъ, въ которомъ мы живемъ, тогда былъ бы почти такъ же плотенъ, какъ желѣзо.“ Увѣренность бываетъ очень часто заразительна и смѣлость этихъ утвержденій не могла остаться безъ извѣстной доли вліянія на умы, которые скорѣе подчиняются авторитету, чѣмъ знанію. Если бы Пуше зналъ, что „голубое эѳирное небо“ образуется изъ висящихъ въ воздухѣ частичекъ, чрезъ которыя солнце свѣтитъ безпрепятственно, то пожалуй погодилъ бы пользоваться подобными доводами.

Дальнѣйшія работы Пуше укрѣпили въ немъ убѣжденіе, съ которымъ онъ выступилъ съ самаго начала, и въ концѣ всего довели его до настоящаго легковѣрія. Я не касаюсь здѣсь вопроса объ искусности его какъ наблюдателя; но все-таки подобныя изслѣдованія могутъ быть удачно выполнены только дисциплинированнымъ экспериментаторомъ, т.-е. человѣкомъ способнымъ не только наблюдать явленія такъ, какъ они представляются на наши глаза въ природѣ, но и заставить саму природу показать ихъ при извѣстныхъ условіяхъ, налагаемыхъ самимъ экспериментаторомъ. Въ этомъ же пунктѣ у Пуше и недоставало дисциплины. Несмотря на то, сила его нападеній возбудила сомнѣнія, которыя точно густыя облака пыли на нѣкоторое время затемняли поле изслѣдованій. Въ этихъ изслѣдо-

ніяхъ стали усматривать крайнія и такъ-сказать непреодолимыя трудности, такъ что когда Пастёръ высказалъ намѣреніе заняться вопросомъ о зарожденіи, его друзья Біо и Дюма выразили ему по этому поводу свое сожалѣніе и горячо убѣждали его какъ можно больше сократить время, которое онъ предполагалъ посвятить по ихъ мнѣнію безплодному занятію [1]).

Хорошо подготовленный своими занятіями по химіи и спеціальными изслѣдованіями по вопросу о броженіи, который такъ близко соприкасается съ вопросомъ о произвольномъ зарожденіи, Пастёръ вступилъ въ состязаніе при необыкновенно благопріятныхъ условіяхъ. Его воспитаніе и занятія укрѣпили и развили его природныя дарованія. Въ 1862 году онъ выпустилъ въ свѣтъ мемуаръ, который навсегда останется классическимъ, „Объ организованныхъ тѣльцахъ, существующихъ въ атмосферѣ (Sur les corpuscules organisés qui existent dans l'atmosphère)". Благодаря самымъ остроумнымъ приспособленіямъ, ему удалось собрать частицы, носившіяся въ воздухѣ, который окружалъ его лабораторію на Ульмской улицѣ, и когда онъ подвергъ эти частицы микроскопическому разсмотрѣнію, то нашелъ, что большая часть ихъ состоитъ изъ организованныхъ тѣлъ. Опущенныя въ настои, предварительно освобожденные отъ органическихъ зародышей, эти тѣла дали ему обильную жатву микроскопическихъ организмовъ. Слѣдуя болѣе строгимъ методамъ, Пастёръ повторилъ и подтвердилъ опыты Шванна, оспариваемые Пуше, Монтегацца, Жоли и Мюсэ, — подвердилъ также и опыты Шредэра и фон-Душа. Онъ показалъ, что причина, которая сообщала жизнь настоямъ, была распространена въ атмосферѣ не сплошь одинаково, а что есть пространства, лишенныя способности производить жизнь. Отправившись на ледникъ вблизи Монтаньера, Пастёръ открылъ тамъ нѣсколько стклянокъ, запаянныхъ на лампѣ, съ органическими настоями. Изъ 20 стклянокъ, въ которыя получилъ доступъ воздухъ ледника, толь-

[1]) „Я никому не посовѣтовалъ бы, говорилъ Дюма своему уже пріобрѣтшему извѣстность ученику (т.-е. Пастёру), слишкомъ долго останавливаться на этомъ предметѣ" (Annales de chimie et de physique, 1862, vol. XIV, p. 22). Послѣ того знаменитый безсмѣнный секретарь Академіи наукъ (т.-е. Дюма) имѣлъ уважительныя причины перемѣнить свое мнѣніе.

ко въ одной, спустя нѣсколько времени, появились нѣкоторые признаки жизни, тогда какъ изъ такого же числа стклянокъ съ тѣми же настоями, но только сообщенныхъ уже съ воздухомъ равнины, 8 наполнились живыми организмами. Пастёръ помѣстилъ затѣмъ такія же стклянки въ подвалахъ парижской обсерваторіи и убѣдился, что неподвижный воздухъ этихъ подваловъ не производилъ жизни. Эти и другіе опыты, выполненные съ точностью вполнѣ очевидной для всѣхъ, кто хорошо знакомъ съ вопросомъ, и объясненные съ такою же строгою логикой, привели къ убѣжденію, что даже на такихъ низкихъ ступеняхъ въ лѣстницѣ живыхъ существъ жизнь требуетъ для своего появленія участія другихъ живыхъ организмовъ.

Основное доказательство Пастёра часто подвергалось нападеніямъ, но еще ни разу не было пошатнуто. Напротивъ, оно подкрѣплено еще въ высшей степени важными практическими результатами. Пастёръ приложилъ познанія, которыми онъ обязанъ своимъ изслѣдованіямъ о зарожденіи, къ сохраненію отъ порчи вина и пива, къ производству уксуса, къ уничтоженію эпидеміи, угрожавшей истребить шелковичныя плантаціи во Франціи, и къ изученію другихъ опасныхъ заразительныхъ болѣзней, которыя поражаютъ высшихъ животныхъ и самого человѣка. Участіе, какое приходится на его долю въ успѣхахъ, достигнутыхъ профессоромъ Листеромъ въ хирургіи, достаточно засвидѣтельствовано письмомъ, приведеннымъ въ его „Изслѣдованіи о пивѣ“ [2]). Въ этомъ письмѣ Листеръ выразительно благодаритъ Пастёра за то, что онъ сообщилъ ему единственный принципъ, который могъ обезпечивать успѣхъ антисептической (противугнилостной) системы въ хирургическихъ операціяхъ. Но въ клеветникахъ не бываетъ недостатка, и одинъ критикъ, который сдѣлалъ бы лучшее употребленіе изъ своихъ досуговъ, еслибы побольше слушалъ и учился, съ надменнымъ презрѣніемъ говоритъ объ ошибкахъ въ разсужденіяхъ Пастёра. Къ счастію Пастёръ не имѣетъ нужды въ защитѣ противъ подобныхъ нападеній.

Мы видѣли, Реди доказалъ опытомъ, что черви при гніеніи

---

[2]) Etudes sur la biére, p. 43.

мяса происходятъ изъ яицъ, положенныхъ мухами, а Шваннъ въ свою очередь показалъ, что самое гніеніе сопровождается развитіемъ организмовъ гораздо низшихъ чѣмъ тѣ, какими занимался Реди.

Относительно этого пункта и другихъ, касающихся того же вопроса, наука сдѣлала большой шагъ впередъ, благодаря работамъ профессора Кона въ Бреславлѣ. „Невозможно, говоритъ онъ, чтобы азотистое вещество стало гнить, если въ немъ уничтожить бактерій и устранить доступъ къ нему новыхъ организмовъ этого рода. Гніеніе начинается только съ той минуты, когда случайно или намѣренно дадутъ проникнуть въ азотистое вещество хоть самому незначительному числу бактерій. И развитіе гніенія пропорціонально размноженію бактерій; оно замедляется, если послѣднія недостаточно живы, и задерживается совсѣмъ всѣми вліяніями, которыя мѣшаютъ развитію этихъ организмовъ или даже совершенно уничтожаютъ ихъ. Такимъ образомъ всѣ вещества, убивающія бактерій, въ то же самое время предохраняютъ отъ гніенія и уничтожаютъ заразу“ [3]). Дѣйствіе этихъ-то самыхъ организмовъ на раны и нарывы такъ часто превращало наши госпитали въ настоящія кладбища, и только ихъ уничтоженіе посредствомъ антисептической системы позволяетъ теперь дѣлать операціи, на какія нѣсколько лѣтъ тому назадъ не отважился бы ни одинъ хирургъ. Это громадный успѣхъ, важный сколько для хирурга, столько же и для больнаго, которому приходится подвергаться операціи. Чтобы въ этомъ убѣдиться, достаточно сравнить безпокойство, какое испытываетъ врачъ-практикъ, когда онъ не можетъ быть увѣренъ, какъ бы самая блестящая операція не оказалась безполезной изъ-за того только, что въ рану попадетъ нѣсколько невидимыхъ частицъ госпитальной пыли, съ спокойствіемъ, какое онъ чувствуетъ, когда знаетъ, что эта

---

[3]) Вотъ какъ выражается Конъ въ своемъ превосходномъ недавно публикованномъ мемуарѣ: „Кто до сихъ поръ еще приписываетъ гніеніе произвольному распаденію протеиновыхъ частицъ или какому-нибудь неорганическому ферменту, или же пытается изъ „осколковъ азота“ (Stickstoffsplittern) смастерить брусья для опоры своей теоріи гніенія, тотъ прежде долженъ опровергнуть положеніе: нѣтъ гніенія безъ бактерій“.

пыль совершенно лишена всѣхъ своихъ вредныхъ свойствъ. Но дѣйствіе живыхъ зародышей, распространяющихъ заразу, не ограничивается только областью хирурга. Сила воспроизведенія и безконечнаго размноженія, какая характеризуетъ живыя существа, если ее сопоставить съ постоянно наблюдаемымъ фактомъ воспроизведенія заразительныхъ зародышей, является опорой и подтвержденіемъ убѣжденія уже давно существующаго въ проницательныхъ умахъ, что развитіе паразитовъ совпадаетъ съ развитіемъ эпидемическихъ болѣзней вообще. „Мы начинаемъ разглядывать въ природѣ безконечную лабораторію разрушенія, въ которой болѣзни самыя роковыя для жизни животныхъ и измѣненія, какимъ подвергаются мертвыя органическія вещества, повидимому соединены тѣмъ, что мы можемъ назвать по крайней мѣрѣ значительной аналогіей причинной связи“ [4]). Съ этой точки зрѣнія, которая каждый день пріобрѣтаетъ все новыхъ сторонниковъ, заразительная болѣзнь можетъ быть опредѣлена какъ борьба заразившагося субъекта съ какимъ-то особеннымъ организмомъ, который размножается на его счетъ, присвоиваетъ себѣ его воздухъ и воду, разрушаетъ его ткани или отравляетъ ихъ продуктами разложенія, сопровождающими развитіе этого организма.

Въ продолженіе десяти лѣтъ, начиная съ 1859 до 1869 г. изслѣдованія о лучистой теплотѣ въ ея отношеніяхъ къ газообразному состоянію тѣлъ постоянно занимали мое вниманіе. Когда мнѣ приходилось производить опыты надъ воздухомъ, я всячески старался очистить его отъ всякой висящей въ немъ пыли, и при этой работѣ я къ своему удивленію нашелъ, что вещества пыли съ обычной быстротой безъ всякаго затрудненія проходятъ сквозь щелочи, кислоты, спирты и эѳиры. Если я старался сохранить полную чувствительность своихъ глазъ, держась въ темнотѣ, тогда я замѣчалъ, что собранный лучъ свѣта былъ самымъ чувствительнымъ указателемъ присутствія веществъ, висящихъ въ водѣ или въ воздухѣ,—указателемъ безконечно болѣе тонкимъ и точнымъ, чѣмъ самый сильный микроскопъ. Вотъ съ помощью такого луча свѣта я и изслѣдовалъ

---

[4]) Rapport du médicin du Conseil privé 1714, p. 5.

воздухъ, пропущенный сквозь вату, воздухъ, предохраняемый долгое время отъ всякаго колебанія, чтобы дать осѣсть взвѣшеннымъ въ немъ веществамъ, потомъ прокаленный воздухъ, и далѣе воздухъ, выцѣженный изъ самыхъ глубокихъ клѣтокъ человѣческихъ легкихъ. Я всегда находилъ полное согласіе своихъ опытовъ съ опытами Шрёдэра, Пастёра и Листера надъ произвольнымъ зарожденіемъ. Воздухъ, какой они находили безплоднымъ для зарожденія, подвергнутый свѣтовому лучу, оказывался оптически чистымъ и слѣдовательно свободнымъ отъ всякаго живаго зародыша. Послѣ изученія вопроса и путемъ опыта и путемъ размышленія, я представилъ результаты, къ какимъ пришелъ, членамъ королевскаго Института, 21 января 1870 года. Два или три мѣсяца спустя, въ видахъ практической пользы я рѣшился обратить на этотъ предметъ вниманіе общества посредствомъ письма, адресованнаго въ Times. Таковъ былъ мой первый шагъ въ изученіи этого важнаго предмета.

Это самое письмо, мнѣ думается, и вызвало первое публичное заявленіе, сдѣланное по этому вопросу докторомъ Бастіаномъ. Онъ удостоилъ меня вразумленія, какъ другіе вразумляли и Пастёра, что этотъ предметъ „принадлежитъ біологу и медику“. Онъ объявилъ себя „изумленнымъ“ моимъ образомъ мыслей и предостерегалъ меня, что „безконечное и непоправимое зло можетъ выйти изъ того, что я сдѣлалъ“. Съ меньшимъ, чѣмъ у Пуше, запасомъ опытовъ, которые могли бы руководить его и остановить вовремя, д-ръ Бастіанъ былъ смѣлѣе Пуше въ своихъ опытахъ и отважнѣе въ своихъ заключеніяхъ. Съ органическими настоями онъ получилъ всѣ результаты, какіе уже были достигнуты его знаменитымъ предшественникомъ; но онъ пошелъ еще дальше, и въ его рукахъ атомы и частицы неорганическихъ жидкостей превратились въ тѣ „болѣе сложныя химическія сочетанія“, которымъ мы даемъ названіе „живыхъ организмовъ“ [5]). Въ теченіе почти пяти лѣтъ д-ръ Бастіанъ рабо-

[5]) „Мы думаемъ, что бактеріи и сходные съ ними организмы имѣютъ стремленіе зараждаться какъ продукты соотносительные и зараждаются во всѣхъ бродящихъ жидкостяхъ такъ же самостоятельно, какъ и другія химическія сочетанія, менѣе сложныя“ Bastian. Transaction of Pathological Society, Vol. XXVI, p. 252.

талъ на этомъ полѣ безъ всякой оппозиціи съ моей стороны; но теперь, когда дѣло пойдетъ объ оцѣнкѣ его результатовъ, истина обязываетъ меня заявить, что это одна изъ самыхъ удивительныхъ работъ. Что касается публики, которая интересуется этого рода изслѣдованіями, а также безъ сомнѣнія и многихъ врачей, Бастіанъ навѣрно успѣлъ довести вопросъ о зарожденіи до такой же неопредѣленности, какая послѣдовала за появленіемъ книги Пуше въ 1859 году.

Безъ всякаго сомнѣнія желательно бы вывести умы общества изъ этой неопредѣленности и еще желательнѣе, въ интересахъ практической пользы, разсѣять ее въ умахъ врачей. Попробуемъ же теперь разобрать дѣло въ видѣ спора съ какимъ-нибудь изъ выдающихся членовъ медицинскаго сословія, который, имѣя совершенно противныя моему мнѣнія о произвольномъ зарожденіи, согласился бы на такое состязаніе. Мнѣ пожалуй легко было бы назвать такого противника по имени; но можетъ быть и лучше вести диспутъ, не упоминая лицъ. Я просто буду называть „моимъ другомъ“ того, чьи идеи путемъ борьбы должны выяснить мои собственныя. При его помощи я попытаюсь, въ предѣлахъ моихъ слабыхъ средствъ, вести разсужденіе такъ, чтобы меня легко было понимать.

Начнемъ сначала. Я прошу моего друга войти со мной въ лабораторію королевскаго института и ставлю предъ его глазами сосудъ, содержащій въ себѣ тоненькіе ломтики брюквы и какъ-разъ столько перегнанной воды, сколько нужно, чтобы покрыть ихъ. Все это имѣетъ температуру 49° по Цельсію. Послѣ того, какъ брюква помокнетъ въ продолженіи четырехъ или пяти часовъ, мы сольемъ жидкость, вскипятимъ ее, профильтруемъ и такимъ образомъ получимъ настой такой же свѣтлый, какъ и обыкновенная профильтрованная вода. Какъ только жидкость остынетъ, опредѣлимъ ея плотность: она выразится числомъ 1006 или немногимъ больше, если плотность воды будетъ 1000. Предъ нами теперь нѣсколько маленькихъ пустыхъ и чистыхъ пузырьковъ съ горлышками, вытянутыми въ тонкую трубочку. Нагрѣемъ легонько одинъ изъ этихъ пузырьковъ на спиртовой лампѣ, опустимъ отверстіе его вытянутаго горлышка въ настой брюквы и затѣмъ охладимъ его. Воздухъ, который въ немъ содержится, также охлаждается, сжимается и образуетъ

пустоту, которая сейчасъ же и занимается настоемъ. Такимъ путемъ въ пузырекъ наберется нѣкоторое количество жидкости. Нагрѣемъ осторожно эту жидкость, пока отъ нея не пойдетъ паръ, который, улетучиваясь въ отверстіе горлышка, увлекаетъ за собою остававшійся еще въ пузырькѣ воздухъ. Чрезъ нѣсколько секундъ кипяченія снова погрузимъ горлышко пузырька въ настой: паръ внутри пузырька сжимается, жидкость стремится занять его мѣсто. Продолжая поступать такимъ образомъ, мы наполнимъ около $^4/_5$ вмѣстимости нашего пузырька. Это типическія подробности всей операціи: такимъ способомъ мы можемъ наполнить хоть тысячу пузырьковъ тысячей различныхъ настоевъ.

Теперь я прошу моего друга взглянуть на мѣдный ящикъ подъ которымъ въ два ряда расположены маленькія газовыя горѣлки Бунзена. Этотъ ящикъ почти до верху наполненъ масломъ, а сверху на него наложена вмѣсто крышки тоненькая досечка.

Въ досечкѣ продѣланы круглыя отверстія, достаточно широкія для того, чтобы можно было вставить въ одни изъ нихъ нашъ маленькій пузырекъ, который мы и опустимъ такимъ образомъ въ масло, нагрѣтое, примѣрно, до 121° по Цельсію. Совершенно окруженный горячей жидкостью настой, заключающійся въ пузырькѣ, нагрѣвается до точки своего кипѣнія, которая не превышаетъ замѣтнымъ образомъ 100°. Пары его выходятъ изъ горлышка пузырька, и мы продолжимъ кипятить настой въ теченіи пяти минутъ. Затѣмъ мой помощникъ обхватываетъ вытянутое горлышко пузырька небольшими мѣдными щипцами въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно начинается, и нѣсколько приподнимаетъ пузырекъ изъ масла. Паръ не перестаетъ выдѣляться, но выходитъ уже не съ такой силой. Другими щипцами я одной рукой захватываю горлышко пузырька около самаго его отверстія, и въ тотъ же моментъ другой рукою подставляю пламя Бунзеновой горѣлки или обыкновенной спиртовой лампы подъ средину горлышка. Стекло накаливается до красна и становится мягкимъ. Я начинаю потихоньку тянуть его, и горлышко пузырька удлиняясь принимаетъ все меньшій и меньшій діаметръ, пока наконецъ отверстіе его не закроется совсѣмъ. Тогда я вы-

нимаю изъ масляной лампы герметически замкнутый пузырекъ, содержимое котораго нѣсколько уменьшилось отъ испаренія.

Вотъ шестьдесятъ такихъ пузырьковъ, прокипяченныхъ и запаянныхъ, какъ мы сейчасъ сказали, налитыхъ крѣпкими настоями говядины, баранины, брюквы и огурца, тщательно упакованы въ деревянныя опилки и переправлены на Альпы. Я приглашаю теперь моего друга послѣдовать за мной туда же, на высоту около 2100 метровъ надъ уровнемъ моря. Іюль мѣсяцъ, время самое благопріятное для развитія гніенія. Мы вскрываемъ нашъ ящикъ на Bel-Alp. и насчитываемъ 54 пузырька, въ которыхъ жидкость такъ же прозрачна, какъ фильтрованная вода. Въ остальныхъ шести пузырькахъ жидкость сдѣлалась мутной. При болѣе внимательномъ изслѣдованіи этихъ шести пузырьковъ оказывается, что вытянутый кончикъ горлышка тамъ, гдѣ оно было запаяно, разбился во время дороги. Воздухъ проникъ въ пузырьки и сдѣлалъ жидкость мутною. Мой коллега такъ же хорошо, какъ и я, знаетъ, что это значитъ. Если мы станемъ разсматривать мутную жидкость въ лупу или даже въ микроскопъ, недостаточно сильный, мы не различимъ въ ней рѣшительно ничего; но если возьмемъ микроскопъ, дающій увеличеніе около 1000 разъ по діаметру, какое она представитъ удивительное зрѣлище! Лёвенгукъ насчитывалъ до 500.000.000 живыхъ существъ, населяющихъ одну только каплю застоявшейся воды; очень вѣроятно, что населеніе одной капли нашего мутнаго настоя во много разъ превышаетъ это число. Поле микроскопа кишитъ живыми существами; одни изъ нихъ еле-еле ворочаются, другія быстро скачутъ съ одного края микроскопическаго поля на другой. Они брызжутъ во всѣ стороны точно цѣлый дождь маленькихъ ракетъ, кружатся и вертятся такъ быстро, что длительность свѣтоваго ощущенія на сѣтчаткѣ нашего глаза превращаетъ крошечныя живыя линіи въ быстро вертящійся кружокъ. И однако самые знаменитые натуралисты говорятъ намъ, что эти существа относятся къ растеніямъ. Линейныя формы, въ какихъ они чаще всего представляются, дали поводъ назвать эти организмы *бактеріями*, именемъ, которое, сказать мимоходомъ, прилагается къ существамъ многихъ различныхъ видовъ.

Спрашивается теперь, зародилась ли такая обильная жизнь

въ шести пузырькахъ произвольно или происходитъ отъ живыхъ зародышей, которые попали въ пузырьки вмѣстѣ съ проникшимъ туда воздухомъ? Если сами настои имѣютъ свойство произвольнаго зарожденія, тогда какъ объяснить безплодіе 54 уцѣлѣвшихъ пузырьковъ и какъ слѣдствіе этого безплодія ихъ прозрачность? Мой коллега скажетъ можетъ-быть,—и возраженіе его законно, — что все-таки нѣтъ необходимости предполагать существованіе зародышей, что самый воздухъ-то и составляетъ единственное условіе, необходимое, чтобы сообщить жизнь настоямъ, дѣятельность которыхъ безъ этого заглушена. Теперь мы и перейдемъ къ изслѣдованію этого вопроса. Но напередъ этого я напомню моему другу, что до сихъ поръ я точно слѣдовалъ по пути, проложенному самымъ знаменитымъ изъ гетерогенистовъ. Этотъ противникъ мой утверждаетъ самымъ положительнымъ образомъ, что именно устраненіе вліянія атмосфернаго давленія на настои благопріятствуетъ происхожденію организмовъ. Онъ говоритъ, что если этихъ организмовъ не существуетъ въ консервахъ мяса, плодовъ и овощей, сохраняемыхъ въ наглухо запаянныхъ жестянкахъ, то это потому только, что въ нихъ началось уже броженіе, и развившіеся газы своимъ давленіемъ заглушаютъ зараждающуюся жизнь или останавливаютъ ея развитіе[6]). Такова теорія, которой Бастіанъ объясняетъ сохраненіе съѣстныхъ веществъ въ жестяныхъ запаянныхъ коробкахъ. Я не думаю, чтобы авторъ этой теоріи хоть разъ вскрылъ хоть одну коробку консервовъ мяса, фруктовъ или овощей подъ водою, чтобы подвергнуть ея вѣрность испытанію на опытѣ. Если бы онъ это сдѣлалъ, то непремѣнно увидѣлъ бы свою ошибку. Я такъ всякій разъ, какъ только открывалъ подъ водой коробку хорошо приготовленныхъ консервовъ, замѣчалъ, что изъ нея не только не выдѣляется ни одного пузырька газа, а наоборотъ видѣлъ, что вода очень живо врывается въ пустоту открытой коробки. Еще очень недавно я имѣлъ случай подтвердить этотъ фактъ на коробкахъ консервовъ, пролежавшихъ въ королевскомъ институтѣ 63 года и сохранившихся совершенно свѣжими. Консервы, отложенные не

---

[6]) Bastian Beginnings of Life, vol. 1, p. 418.

такъ давно и подвергнутые такому же опыту, дали мнѣ тѣ же самые результаты. Кромѣ того, вотъ уже два года съ тѣхъ поръ, какъ я не одинъ разъ помѣщалъ стеклянныя трубочки съ прозрачными настоями брюквы, сѣна, говядины и баранины въ желѣзныя бутыли и подвергалъ ихъ давленію воздуха, сжатаго отъ 10 до 27 атмосферъ, слѣдовательно давленію — нечего и говорить о томъ—болѣе чѣмъ достаточному, чтобы разорвать обыкновенную коробку консервовъ. По истеченіи десяти дней я вынималъ изъ бутылей положенныя туда трубочки и находилъ, что онѣ полны гніющей жидкостью и кишатъ живыми организмами. Такимъ образомъ обращается въ ничто гипотеза, которая не имѣетъ никакого раціональнаго основанія, никогда бы не явилась и на свѣтъ, если бы только ея авторъ сдѣлалъ хоть одинъ опытъ для ея повѣрки.

Наши 54 пузырька, лишенные воздуха и прозрачные, также свидѣтельствуютъ противъ гетерогонизма. Въ продолженіи дня мы выставляемъ ихъ на теплое альпійское солнце, на ночь сносимъ въ теплую кухню. Четыре изъ нихъ случайно разбились, но остальные 50 пузырьковъ по истеченіи мѣсяца мы находимъ такими же прозрачными какъ и въ первый день. Они не показываютъ ни малѣйшаго признака гніенія или присутствія живыхъ организмовъ. Дѣлимъ ихъ дальше на двѣ группы; по случайной ошибкѣ въ счетѣ въ одну группу попадаетъ 23, въ другую 27 пузырьковъ. Дѣло идетъ теперь о томъ, чтобы узнать, можетъ ли доступъ воздуха развивать въ настояхъ какую-нибудь производительную энергію. Опытъ, который мы затѣмъ сдѣлаемъ, отвѣтитъ на этотъ вопросъ и даже можетъ-быть сдѣлаетъ больше. Относимъ пузырьки на сѣнникъ и тамъ стальными щипчиками обламываемъ вытянутые и запаянные концы всѣхъ 23 пузырьковъ первой группы. Натурально, воздухъ втѣсняется въ каждый пузырекъ, по мѣрѣ того какъ въ немъ образуется отверстіе. Затѣмъ другіе 27 пузырьковъ, щипчики и спиртовую лампу мы относимъ на скалу, которая лежитъ выше Алечскаго ледника, около 60 метровъ выше того мѣста, на которомъ стоитъ сѣнникъ. Сѣверо-восточная сторона этой скалы, почти переходящая въ пикъ, образуетъ обрывъ, почти въ 300 метровъ. Легкій вѣтерокъ дуетъ на насъ съ сѣверо-востока, т.-е. значитъ, онъ доноситъ къ намъ уже перене-

тѣвши снѣжные хребты и равнины Оберланда. Слѣдовательно мы окружены атмосферой, которая довольно долгое время была удалена отъ соприкосновенія со всякой животною или растительною жизнью. Я стараюсь держать пузырьки противъ вѣтра, чтобы токомъ воздуха къ нимъ не могла быть занесена ни малѣйшая пылинка или частичка съ моей одежды или съ тѣла. Мой помощникъ зажигаетъ спиртовую лампу и я опускаю въ пламя ея щипчики, чтобы уничтожить всѣ зародыши или организмы, которые могли какъ-нибудь пристать къ нимъ. Послѣ этого я отламываю этими щипчиками запаянный конецъ перваго пузырька и повторяю тѣ же самыя предосторожности, прежде чѣмъ вскрыть всѣ остальные, постоянно наблюдая при этомъ, чтобы щипчики побывали въ пламени каждый разъ, какъ я хочу употребить ихъ въ дѣло. И вотъ такимъ образомъ мы наполняемъ наши 27 пузырьковъ чистымъ и живительнымъ воздухомъ горъ.

Далѣе выставляемъ всѣ 50 пузырьковъ съ открытыми отверстіями надъ кухонной плитой при температурѣ, которая измѣняется между 10^0 и 32^0 по Ц., и по истеченіи трехъ дней находимъ, что изъ 23 пузырьковъ, открытыхъ на сѣнникѣ, 21 набитъ живыми организмами; только два пузырька изъ этой группы остались невредимыми. Напротивъ, изъ 27 пузырьковъ, вскрытыхъ на чистомъ горномъ воздухѣ и помѣщенныхъ въ совершенно тѣхъ же самыхъ условіяхъ, по истеченіи трехъ недѣль не пострадалъ ни одинъ. Ни одинъ зародышъ кухоннаго воздуха не пробрался чрезъ тѣсныя горлышки этихъ пузырьковъ, и единственно благодаря только ихъ кривизнѣ. Пузырьки еще и сейчасъ остаются на Альпахъ, и я увѣренъ, такъ же прозрачны и свободны отъ живыхъ организмовъ, какъ въ день отправленія ихъ изъ Лондона [1]).

Какое же заключеніе сдѣлаетъ мой коллега изъ этого опыта? Двадцать семь настоевъ, способныхъ къ гніенію, сначала заключенныхъ въ безвоздушномъ пространствѣ, а потомъ приведенныхъ въ соприкосновеніе съ воздухомъ самымъ живитель-

---

[1]) Все, что здѣсь разсказывается, есть точный отчетъ объ опытѣ, произведенномъ мною на Bel-Alp. три мѣсяца тому назадъ.

нымъ, не дали даже и признака гніенія или жизни. Что же касается другихъ пузырьковъ, мнѣ нѣтъ надобности, я думаю, спрашивать у него, не сѣнникъ ли сообщилъ имъ способность произвольнаго зарожденія. Не принуждены ли мы теперь такъ сказать силою опыта признать, что не самъ по себѣ воздухъ сѣнника,—сообщающійся чрезъ постоянно отворенную дверь съ наружнымъ воздухомъ,—а скорѣе нѣчто, содержащееся въ этомъ воздухѣ, производитъ явленія, какія мы наблюдали? Что же такое это нѣчто? Солнечный лучъ, проникающій чрезъ щель крыши или стѣны и свѣтлою линіей пронизывающій воздухъ сѣнника, показалъ бы, что воздухъ этотъ весь наполненъ мельчайшими взвѣшенными въ немъ пылинками. Эти пылинки ясно видны даже въ разсѣянномъ свѣтѣ. Не должны ли мы счесть ихъ за начало жизни, которая предъ нами обнаружилась? Если это такъ, то не обязываетъ ли насъ предыдущій опытъ разсматривать эти плодоносныя пылинки какъ зародыши жизни, нами наблюдаемой?

Къ спорамъ по этимъ вопросамъ постоянно примѣшивали имя Либиха. „Именно по его свидѣтельству, говорятъ намъ, мы принимаемъ, что мертвыя разлагающіяся вещества могутъ вызывать броженіе“. Пусть такъ; но вѣдь для Либиха слово броженіе вовсе не было однозначуще съ *жизнью*. Достаточно со вниманіемъ прочитать труды Бастіана и мы убѣдимся, что каждый разъ, какъ онъ говоритъ о мнимой способности разлагающагося вещества производить жизнь, онъ неизмѣнно употребляетъ неопредѣленное слово „броженіе“ какъ будто для того, чтобы смягчить рѣзкость своей гипотезы, которую онъ скорѣе внушаетъ, чѣмъ излагаетъ въ утвердительной формѣ. Вотъ эту-то неопредѣленность намъ и хотѣлось бы здѣсь разбить. Мы поставимъ вопросъ такъ: „изъ мертвыхъ ли частицъ происходитъ жизнь въ нашихъ пузырькахъ?“ Если мой другъ рѣшится отвѣтить на этотъ вопросъ утвердительно, тогда я ему возражу: „какое же основаніе существуетъ въ природѣ для такой гипотезы? Гдѣ между множествомъ жизненныхъ явленій, дозволяющихъ ясно слѣдить за ихъ процессами, можно найти какую-нибудь опору для утвержденія, что сѣя мертвыя частицы мы получимъ живой урожай?“ Что касается Либиха, еслибъ онъ изучилъ все, что̀ намъ открываетъ микроскопъ по этимъ во-

просамъ, то такой проницательный умъ никогда не ошибся бы въ значеніи фактовъ, наблюдаемыхъ съ помощью микроскопа. Но онъ пренебрегъ этимъ инструментомъ и впалъ въ ошибку, впрочемъ все-таки не въ такую грубую, въ какой хотятъ сдѣлать его отвѣтственнымъ участникомъ. Если бы Либихъ былъ еще живъ, онъ, я не сомнѣваюсь, заявилъ бы протестъ противъ злоупотребленій, какія часто дѣлаютъ изъ его имени, такъ какъ его идеи относительно броженія несомнѣнно были научными, основанными на глубокомъ пониманіи частичной неустойчивости вещества. Но ни одна изъ этихъ идей не говоритъ, что насаждая мертвыя частицы—„осколки азота“ по презрительному выраженію Кона—мы должны получать жатву инфузорій.

Возвратимся теперь въ Лондонъ и перенесемъ наше вниманіе на пыль его атмосферы. Войдемъ въ комнату, въ которой только-что убрано, и затворимъ ее со всѣхъ сторонъ, исключая устроенное въ ставнѣ отверстіе, чрезъ которое въ эту комнату проникаетъ лучъ солнца. Пыль, плавающая въ воздухѣ, открываетъ путь, проходимый свѣтлымъ лучемъ. Вставимъ въ отверстіе увеличительное стекло, которое собираетъ свѣтъ: его параллельные лучи сходятся тогда въ одинъ коническій пучекъ, и въ вершинѣ этого пучка ярко освѣщенная пыль становится ослѣпительно бѣлою. Глазъ, предохраняемый отъ всякаго посторонняго свѣта, особенно чувствителенъ къ дѣйствію этого блеска. Пыль, взвѣшенная въ атмосферѣ лондонскихъ комнатъ, органическая, и ее можно потому сжечь безъ всякаго видимаго остатка. Я уже описывалъ въ другомъ своемъ трудѣ [8]) дѣйствіе, производимое пламенемъ спиртовой лампы на плавающую въ воздухѣ пыль.

„Я навожу пламя спиртовой лампы на цилиндрическій пучекъ свѣтоваго луча, который ярко освѣщаетъ пыль моей лабораторіи. Тотчасъ же внутри пламени и по его краямъ появляются интересные маленькіе темные клубы, похожіе на густой черный дымъ. Когда я отвожу пламя на нѣкоторое разстояніе пониже

---

[8]) Fragments of Science. Въ русск. перев. „Очерки изъ естественныхъ наукъ“, статья „Пыль и болѣзни“. Спб. 1876.

свѣтоваго пучка, эти черныя массы клубами поднимаются вверхъ. Онѣ чернѣе самаго густаго дыма, какой только я когда-нибудь видѣлъ выходящимъ изъ пароходной трубы, и такъ въ самомъ дѣлѣ похожи на дымъ, что совершенно естественно заключить, что въ чистомъ на взглядъ пламени спиртовой лампы достаточно сильное освѣщеніе обнаруживаетъ настоящія облака отдѣляемаго имъ углерода.

„Но дѣйствительно ли изъ дыму состоятъ эти черные клубы? Какъ только возникъ этотъ вопросъ, я рѣшаю его вотъ какъ: подставляю подъ солнечный лучъ раскаленную до красна кочергу, и у меня сейчасъ же начинаютъ подниматься такіе же черные клубы. Затѣмъ я пробую подставлять большое водородное пламя, которое не производитъ дыма: и это пламя даетъ такіе же черные клубы, только еще въ бóльшемъ количествѣ. Значитъ мы имѣемъ дѣло не съ дымомъ. Такъ что же это за чернота? А это просто та же чернота или темнота, что̀ въ звѣздномъ пространствѣ, т.-е. она зависитъ отъ отсутствія на пути свѣтоваго луча всякаго вещества, способнаго отражать и разсѣивать свѣтъ. Когда я подставлялъ пламя подъ свѣтовой лучъ, тогда взвѣшенныя въ воздухѣ частицы уничтожались на мѣстѣ соприкосновенія съ пламенемъ, и освобожденный отъ нихъ нагрѣтый воздухъ поднимался до свѣтлаго луча, оттѣснялъ въ стороны освѣщенныя частицы и замѣнялъ ихъ блескъ темнотой, зависящей отъ его собственной совершенной прозрачности. Ничто не могло показать при этомъ болѣе поразительнымъ образомъ невидимость дѣятеля, который дѣлаетъ видимыми всѣ вещи. Солнечный лучъ проходилъ темное пространство прозрачнаго воздуха и былъ невидимъ, тогда какъ по обѣ стороны очищеннаго пламенемъ воздуха густо скученныя частички пыли блестѣли точно твердое блестящее и сильно освѣщенное тѣло“ [9]).

Предположимъ, что какой-нибудь настой, самъ въ себѣ свободный отъ зародышей, но способный загнить, если его выставить на обыкновенный воздухъ, будетъ приведенъ въ соприкосновеніе съ пусто-прозрачнымъ воздухомъ, неспособнымъ отражать свѣтъ: что̀ выйдетъ въ результатѣ? Настой не загніетъ. Мнѣ

---

[9]) Fragments of Science, 5 ed., pp. 128—129. Въ русск. перев., стр. 4—6.

скажутъ можетъ-быть, что воздухъ вслѣдствіе слишкомъ сильнаго накаливанія терпитъ измѣненіе, что кислородъ, прошедшій сквозь пламя спиртовой лампы, можетъ-быть сталъ уже не такимъ, какой способствуетъ развитію и поддержанію жизни. Мы легко можемъ устранить такое возраженіе, притомъ основанное только на совершенно недоказанной гипотезѣ, будто воздухъ могъ измѣниться отъ пламени. Заставимъ пучекъ сходящихся свѣтовыхъ лучей пройти сквозь стеклянный шаръ, наполненный обыкновеннымъ воздухомъ. Намъ виденъ весь путь, описываемый свѣтлымъ лучемъ, когда онъ проходитъ сквозь шаръ: пыль обнаруживаетъ собою лучъ, а этотъ въ свою очередь дѣлаетъ видимой пыль. Закупоримъ шаръ, вложимъ въ его горло комокъ ваты или просто перепрокинемъ его, такъ чтобы онъ смотрѣлъ горломъ внизъ, и предоставимъ его затѣмъ на день или на два самому себѣ. Если послѣ этого подвергнуть его испытанію свѣтовымъ лучемъ, то этотъ лучъ становится невидимымъ и проходитъ сквозь шаръ точно чрезъ совершенную пустоту. Плавающія въ воздухѣ пылинки исчезли сами собою, осѣвши на внутреннюю поверхность шара. Если бы мы вздумали, какъ мы и сдѣлаемъ послѣ, сдѣлать пыль недвижимой, мы могли бы просто покрыть эту поверхность какимъ-нибудь клейкимъ веществомъ. Такимъ образомъ не подвергая воздухъ никакой пыткѣ, мы нашли средство освободить его, или лучше сказать — дать возможность ему самому освободиться отъ веществъ, которыя были въ немъ взвѣшены.

Теперь намъ нужно отыскать способъ, какъ изучить дѣйствіе такого самоочистившагося воздуха на настои, способные къ гніенію. Съ этою цѣлью мы устроимъ камеры или деревянные ящики съ стеклянной стѣнкой спереди, съ окнами по бокамъ и съ дверками съ задней стороны. Въ дно этихъ ящиковъ вставлены пробирныя стклянки и притомъ такъ плотно, что онѣ не даютъ доступа воздуху внутрь ящика Ихъ открытые концы, почти на пятую часть ихъ длины, выставляются внутри ящика. Въ крышкѣ расположены весьма извилистыя и тонкія трубочки, чтобы внутренній воздухъ все-таки могъ свободно сообщаться съ наружнымъ.

Хотя эти извилистые проходы открыты, они все-таки не допускаютъ проникать во внутренность ящика ни малѣйшей пы-

ли. Въ верхней стѣнкѣ каждаго ящика продѣлано еще круглое отверстіе, въ пять сантиметровъ діаметромъ, которое герметически закрывается каучуковой пластинкой. Эта пластинка въ свою очередь проколота посрединѣ тонкимъ шиломъ, и въ полученное такимъ образомъ отверстіе мы вдвигаемъ трубку длинной пипетки, оканчивающейся на верху маленькой воронкой. Трубочка пипетки кромѣ того проходитъ сквозь коробочку съ ватой, пропитанной глицериномъ. Сжатая такимъ образомъ каучукомъ и ватой, она едва ли можетъ внести въ ящикъ какую-нибудь пыль, когда мы станемъ вдвигать ее или выдвигать.

Закроемъ тщательно ящикъ и оставимъ его спокойно стоять дня два или три; только напередъ изслѣдуемъ его, пропуская въ его окна лучъ свѣта, и убѣдимся, что воздухъ внутри ящика наполненъ плавающими пылинками. Чрезъ три дня онѣ исчезаютъ совершенно. Чтобы помѣшать имъ снова подняться въ маленькую атмосферу ящика, мы покрываемъ его внутреннюю поверхность глицериномъ. Затѣмъ съ помощью подвижной пипетки наполняемъ одну за другой всѣ шесть пробирныхъ стклянокъ, помѣщенныхъ въ ящикѣ, жидкостью свѣжей, но способной къ гніенію. Если бы мы предоставили эти стклянки самимъ себѣ, не предпринимая никакихъ другихъ предосторожностей, жидкости загнили бы въ нихъ и наполнились бы живыми организмами, потому что эти жидкости уже были въ соприкосновеніи съ наружнымъ воздухомъ, полнымъ пылинокъ, которыя ихъ и оплодотворили. Требуется уничтожить это оплодотвореніе. Мы достигнемъ этого, погружая всѣ шесть стклянокъ въ горячую масляную ванну, причемъ настои приходятъ въ кипѣніе. Время, необходимое для уничтоженія оплодотворенія, совершенно зависитъ отъ природы зародышей. Для разрушенія нѣкоторыхъ заразительныхъ зародышей достаточно двухъ минутъ кипѣнія, тогда какъ для уничтоженія другихъ недостаточно и двухъ сотъ минутъ. Такъ или иначе, какъ только настои освобождены отъ зародышей, мы беремъ прочь масляную ванну и оставляемъ ихъ среди воздуха въ ящикѣ, при чемъ ихъ способность къ загниванію отъ кипяченія нимало не ослабляется.

Съ ящиками, устроенными такимъ образомъ, я изучалъ, въ продолженіи осени и зимы 1875—1876 годовъ, всевозможные настои, между которыми я назову натуральныя жидкости живот-

наго происхожденія, настои изъ мяса и внутренностей домашнихъ животныхъ, изъ дичи, рыбы и наконецъ изъ растеній. Я производилъ опыты болѣе чѣмъ надъ 50-ю ящиками, очищенными отъ всякой пыли и содержащими каждый свою особую серію настоевъ. Надъ многими изъ нихъ я повторялъ по нѣскольку разъ одни и тѣже опыты. Ни одинъ изъ полученныхъ мною результатовъ не представлялъ и тѣни какой-нибудь неопредѣленности. И во всѣхъ случаяхъ внутри каждаго ящика я наблюдалъ чистоту и совершенную свѣжесть жидкостей, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ это продолжалось болѣе года. Напротивъ снаружи тѣ же самые настои оказывались загнившими и издавали извѣстный характеристическій запахъ. Ни въ одномъ случаѣ я не видѣлъ ни малѣйшаго повода допустить, что какой-нибудь настой, лишенный посредствомъ жара живыхъ организмовъ, которые въ немъ находились, и приведенный въ соприкосновеніе съ атмосферой, въ свою очередь освобожденной отъ взвѣшенныхъ въ ней и видимыхъ веществъ, хоть въ какой-нибудь мѣрѣ обладалъ бы способностью производить жизнь.

Да будетъ мнѣ позволено, прежде чѣмъ идти дальше, напомнить здѣсь о числѣ и разнообразіи настоевъ, надъ которыми мы производили опыты, равно какъ и о точности, съ какою мы сообразовались съ правилами выполненія этихъ опытовъ, установленными самими гетерогенистами. Прибавимъ также, что мы опыты производили надъ тѣми самыми веществами, какія, по ихъ рекомендаціи, даже въ неопытныхъ рукахъ будто могутъ доставить легкія и рѣшительныя доказательства произвольнаго зарожденія; но кромѣ того мы дѣлали опыты и надъ многими другими веществами по собственному нашему выбору. Послѣ всего этого, если бы мнимая способность произвольнаго зарожденія жизни существовала въ дѣйствительности, она несомнѣнно какъ-нибудь должна же была проявиться. Я могу сказать, что мы предлагали ей круглымъ числомъ по крайней мѣрѣ пять сотъ благопріятныхъ случаевъ заявить себя, но она не обнаружилась ни разу. Теперь завершимъ нашъ споръ опытомъ, который разсѣетъ малѣйшее сомнѣніе, какое могло бы еще оставаться относительно способности настоевъ поддерживать жизнь. Отворимъ дверки, расположенныя въ задней стѣнкѣ нашихъ ящиковъ, до сихъ поръ закрытыхъ герметически, и дадимъ сво-

бодный доступъ туда обыкновенному воздуху вмѣстѣ со взвѣшенною въ немъ пылью. Въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ жидкости въ нашихъ пробирныхъ стклянкахъ оставались прозрачными и безъ запаха, — экстракты мяса, рыбы и растеній были свѣжѣе, чѣмъ бываютъ у инаго повара; а тутъ трехъ дней выставленія ихъ на воздухъ, полный пыли, достаточно, чтобы сдѣлать ихъ мутными, вонючими и кишащими инфузоріями. Слѣдовательно теперь доказано, что всѣ эти жидкости безъ исключенія оставались готовыми загнить тотчасъ же, какъ только къ нимъ доставленъ агентъ порчи. Приглашаю моего друга поразмыслить объ этихъ фактахъ. Какъ объяснитъ онъ безусловную привиллегію свободы отъ порчи жидкости, въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ тепломъ помѣщеніи предоставленной дѣйствію оптически чистаго воздуха, и ея же неминуемое загниваніе послѣ нѣсколькихъ дней ея выставленія на воздухъ, переполненный пылью? Не будетъ ли онъ принужденъ допустить, что именно частицы пыли зародили организмы, сопровождающіе гніеніе? И если онъ не рѣшится все-таки предполагать, что эти частицы, будучи мертвыми въ воздухѣ и очутившись въ жидкости, чудеснымъ образомъ превращаются въ живыя существа, тогда ему придется заключить, что жизнь нами наблюдаемая происходитъ отъ зародышей или организмовъ, разсѣянныхъ въ атмосферѣ.

Число опытовъ, произведенныхъ мною надъ герметически запаянными стклянками, простирается до 940. Я представилъ 13 января 1876 г. въ Королевское Общество 130 такихъ стклянокъ. Онѣ были безусловно свободны отъ живыхъ организмовъ, совершенно уничтоженныхъ посредствомъ трехминутнаго кипяченія. Я съ особеннымъ вниманіемъ наблюдалъ, чтобы температуры, въ какихъ эти стклянки находились, точно совпадали съ тѣми, что̀ указаны какъ наиболѣе благопріятныя для развитія жизни,—однимъ словомъ я съ полнѣйшей точностью копировалъ условія, поставленныя нашимъ самымъ извѣстнымъ гетерогенистомъ, но его результатовъ я не получилъ. Онъ тогда налегъ на вліяніе теплоты и сразу набавилъ 16,6° къ температурамъ, при которыхъ мы съ нимъ оба производили опыты сначала. Я не сталъ возражать противъ такого неожиданнаго каприза и выполнилъ это новое условіе. Запаянныя стклянки, которыя

оставались безплодными въ королевскомъ институтѣ, были подвѣшены въ ящикахъ, снабженныхъ отверстіями, и помѣщены подъ надзоромъ знающаго помощника въ турецкихъ баняхъ Jermyn-street'a. Условились ждать отъ двухъ до шести дней произвольнаго зарожденія организмовъ въ герметически запаянныхъ стклянкахъ. Мои стклянки оставались въ одной изъ банныхъ комнатъ въ теченіи девяти дней. Помѣщенные въ ящикахъ термометры, по которымъ справлялись о температурѣ два или три раза въ день, показывали измѣненія отъ 38° до 50° по Ц. По истеченіи девяти дней настои были такъ же прозрачны, какъ и сначала. Тогда мы перенесли ихъ въ болѣе теплое помѣщеніе, такъ какъ было указано, что температура 51° особенно благопріятна для произвольнаго зарожденія. Въ теченіе 14 дней температура колебалась около этой точки: разъ она упала до 33°; три раза достигала 52°, разъ до 53° и два раза доходила до 54°. Результатъ былъ безусловно тотъ же, что̀ и прежде. Темнературы и самыя высокія оказались совершенно неспособными развивать жизнь.

Принимая теперь за основаніе нашихъ вычисленій дѣйствительный опытъ, который мы описали со всею подробностью, мы найдемъ, что если бы открыть наши 940 стклянокъ на сѣнникѣ Bel-Alp'a, то [illegible] изъ нихъ наполнились бы организмами. Неприкосновенно[illegible], остальныхъ 82 стклянокъ даетъ намъ новую силу противъ гетерогенистовъ; потому что она ясно доказываетъ, что не въ воздухѣ, не въ настояхъ и не въ чемъ-нибудь сплошь проникающемъ воздухъ мы должны искать причину жизни, но скорѣе въ отдѣльныхъ частицахъ, питаемыхъ настоями. Нашъ опытъ показываетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ эти частицы настолько удалены другъ отъ друга въ воздухѣ сѣнника, что допускаютъ 10 нашимъ стклянкамъ изъ 100 соприкасаться съ воздухомъ и все-таки не подвергаться зараженію. Еще двадцать пять лѣтъ тому назадъ Пастёръ показалъ, что мнимая причина произвольнаго зарожденія *не сплошна*. Я уже упоминалъ объ опытѣ, которымъ онъ показалъ, что изъ 20 стклянокъ, открытыхъ въ долинѣ, 12 избѣжали зараженія, тогда какъ изъ 20, открытыхъ на ледникѣ, 19 остались неповрежденными. Нашъ собственный опытъ, произведенный на Bel-Alp, еще поразительнѣе: изъ 100 стклянокъ, открытыхъ на сѣнникѣ, были по-

ражены 90, но ни одна не попортилась изъ тѣхъ, которыя были открыты на горѣ. Способность воздуха вызывать гніеніе постоянно измѣняется вслѣдствіе естественныхъ причинъ, и мы сами можемъ измѣнять ее по произволу. Въ опытѣ, произведенномъ нами въ 1876 г., изъ 100 стклянокъ, открытыхъ въ лабораторіи королевскаго института, 42 были поражены, а остальныя 58 избѣжали заразы. А когда я въ той же лабораторіи производилъ опыты въ 1867 г., пропорція была 68 загнившихъ и 32 неповрежденныхъ стклянки на 100. Большій процентъ смертности настоевъ, если можно такъ выразиться, въ 1867 г. зависѣлъ отъ присутствія небольшаго количества сѣна, которое разсѣивало свои пылинки зародышей въ атмосферѣ лабораторіи и дѣлали ее такимъ образомъ почти такой же заразительной, какъ сѣнникъ на Альпахъ. Прошу моего друга подвергнуть всѣ указанные факты дѣйствію своей научной проницательности. Они не доказываютъ, что произвольное зарожденіе невозможно; но въ моихъ утвержденіяхъ дѣло идетъ не о возможностяхъ, а о *доказательствахъ на опытѣ*, и опыты, которые мы описали, показываютъ какъ нельзя яснѣе, что тѣ доказательства, на какія опирается нашъ гетерогенистъ, очень и очень сомнительны.

Я увѣренъ, что моему другу не придетъ въ голову отрицать эти результаты; но можетъ быть онъ будетъ утѣшаться тѣмъ, что и другіе искусные и добросовѣстные изслѣдователи, изучавшіе этотъ же самый предметъ, пришли къ заключеніямъ, отличнымъ отъ моихъ. Я съ этимъ соглашусь безъ всякаго затрудненія, но въ тоже время попрошу позволенія повторить здѣсь то, что я сказалъ выше по поводу опытовъ Спалланцани: если другіе не получили тѣхъ же результатовъ, какъ онъ, то отъ этого ни чуть не теряютъ своего значенія имъ полученные результаты. Для большей ясности предположимъ въ самомъ дѣлѣ, что мой коллега идетъ въ лабораторію королевскаго института, повторяетъ тамъ мои опыты и получаетъ результаты, согласные съ моими; затѣмъ пусть онъ отправляется въ University College, или въ King's College и производитъ тамъ опыты надъ тѣми же самыми настоями, но получаетъ результаты, противоположные первымъ. Будетъ ли онъ тогда расположенъ заключить, что одно и тоже вещество въ Albermarle-street безплодно, а въ Gower-street или въ Strand плодоносно? Опытъ, который

онъ пріобрѣлъ на Альпахъ, уже познакомилъ его съ различіями, буквально безконечными, какія существуютъ между различными образцами воздуха относительно его заражающей способности. Наученный такимъ образомъ, вмѣсто того чтобы легковѣсно заключать, что органическій настой безплоденъ въ одномъ мѣстѣ и произвольно плодороденъ въ другомъ, не придетъ ли онъ къ болѣе основательному и вѣрному заключенію, что воздухъ двухъ различныхъ мѣстностей, съ которымъ настой по очередно приходитъ въ соприкосновеніе, не обладаетъ одинаковой заражающей способностью?

Кромѣ того, если мы войдемъ въ подробности, мой другъ припомнитъ, что оплодотвореніе настоевъ можетъ зависѣть отъ какого-нибудь недосмотра при производствѣ опыта, тогда какъ безплодность уже сама по себѣ служитъ ручательствомъ за хорошее выполненіе опыта. Только опытный и заботливый производитель эксперимента можетъ достигнуть безплодности настоя, тогда какъ зарожденіе сумѣетъ получить всякій новичекъ. Безплодность настоя есть именно тотъ результатъ, котораго долженъ добиваться всякій добросовѣстный производитель опыта каковы бы ни были его теоретическія убѣжденія. Онъ долженъ сдѣлать все, чтобы получить его, и только когда уже онъ будетъ безусловно вынужденъ фактами, только тогда онъ долженъ допустить, что присутствіе въ настояхъ живыхъ организмовъ не зависитъ отъ причины, какую хорошо выполненный опытъ могъ бы еще устранить или избѣжать ее. Для поясненія возьмемъ еще разъ опредѣленный примѣръ. Предполагаю, что мой другъ производитъ опыты съ одинаковымъ стараніемъ надъ сотней настоевъ или лучше сказать—надъ сотней порцій одного и того же настоя, и что изъ этихъ порцій 50 оказались плодовитыми, а 50 безплодными. Скажемъ ли мы, что здѣсь доказательства за и противъ произвольнаго зарожденія равносильны? Иные пожалуй не удовольствовались бы сказать только такъ; они ухватились бы за 50 плодовитыхъ стклянокъ какъ за результаты *положительные*, и употребили бы всѣ усилія умалить значеніе доказательства, представляемаго 50 безплодными стклянками, прилагая къ нимъ эпитетъ *отрицательныхъ результатовъ*. Но поступать такъ значитъ извращать настоящій смыслъ словъ „положительный и отрицательный“, какъ это очень хорошо по-

казалъ д-ръ Уильямъ Робертсъ [10]). Мой другъ, я полагаю, не захочетъ дѣйствовать подобнымъ образомъ. Я убѣжденъ, что онъ съ удвоенною осторожностью и точностью повторилъ бы опыты, уже произведенные имъ надъ 50 плодовитыми стклянками, и повторялъ бы ихъ до тѣхъ поръ, пока не увѣрился бы, что не допустилъ какой-нибудь ошибки. Такое до мелочей обстоятельное изслѣдованіе неизбѣжно привело бы его къ заключенію, что въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ другихъ, доказательства въ пользу произвольнаго зарожденія тотчасъ исчезаютъ, какъ только ихъ станетъ провѣрять опытный экспериментаторъ.

Ботаникамъ извѣстно, что не всѣ сѣмена одинаково выносятъ дѣйствіе жара [11]). Одни изъ нихъ умираютъ, лишь только на нѣсколько мгновеній будутъ подвергнуты температурѣ кипящей воды, иныя же могутъ выносить эту температуру въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ. Большая часть нашихъ обыкновенныхъ зеренъ быстро погибаетъ отъ жара, но Пуше въ 1866 г. сообщилъ Парижской академіи наукъ, что нѣкоторыя зерна, привезенныя изъ Бразиліи въ тюкахъ шерсти, могли давать ростокъ послѣ кипяченія ихъ въ продолженіи четырехъ часовъ. Зародыши, находящіеся въ воздухѣ, представляютъ въ этомъ отношеніи такія же различія между собою какъ и растительныя сѣмена. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ зародыши, взвѣшенные въ воздухѣ, такъ нѣжны, что въ пять минутъ кипяченія, или даже еще меньше, они неминуемо погибаютъ всѣ; напротивъ въ другихъ мѣстностяхъ зародыши, находящіеся въ воздухѣ, такъ упорно сопротивляются дѣйствію жара, что необходимо заставить ихъ прокипѣть въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ, чтобы лишить ихъ производительной силы. Отсутствіе или присутствіе охапки сухаго сѣна достаточно, чтобы вызвать такія же большія различія какъ тѣ, о которыхъ я сейчасъ говорилъ. Самая большая сила сопротивленія жару,

---

[10]) British Medical Journal, 1876 г., p. 282.

[11]) Многими примѣрами такой неодинаковости я обязанъ д-ру Тистльтону Дайеру. Меня удивляетъ, что это явленіе, столь важное для науки, до сихъ поръ еще не сдѣлалось предметомъ болѣе глубокаго изученія. Думаю, что плуты-торговцы, которые продаютъ заранѣе убитыя сѣмена, могли бы доставить намъ полезныя свѣдѣнія на счетъ этого предмета.

какую только приводилось мнѣ наблюдать — и думаю, что это наибольшая сила, какая только вообще доказана научно—принадлежитъ зародышамъ, которые вынесли восемь часовъ кипяченія. Вотъ классификація, какую можно установить для инфузорныхъ зародышей нашей атмосферы со стороны ихъ сопротивляемости дѣйствію жара: 1) зародыши, которые гибнутъ послѣ пяти минутъ кипяченія; 2) зародыши, которые выносятъ пять минутъ, но погибаютъ послѣ пятнадцати; 3) зародыши, которые переживаютъ пятнадцать минутъ кипяченія, но умираютъ, когда оно длится до получаса; 4) зародыши, которые выносятъ и полчаса, но погибаютъ послѣ цѣлаго часа кипяченія; 5) зародыши, которые переживаютъ часовое кипяченіе, но умираютъ послѣ двухъ часовъ; 6) зародыши остаются живы два часа, но гибнутъ по истеченіи трехъ часовъ; 7) зародыши, которые выносятъ и три часа, но погибаютъ послѣ четырехъчасоваго кипяченія.

Во многихъ случаяхъ я видѣлъ, что зародыши переживали даже четыре и пять часовъ кипяченія; нѣсколько разъ видѣлъ я, они переживали и шесть часовъ, а въ одномъ случаѣ—и только въ одномъ—мнѣ привелось наблюдать переживаніе восьми-часоваго кипяченія. Вотъ чему научаютъ насъ до сихъ поръ произведенные уже опыты; но на дѣлѣ мы все-таки не имѣемъ еще никакого достаточнаго основанія счесть даже и восьми-часовое кипяченіе крайнимъ предѣломъ живучести зародышей. Вѣроятно болѣе обширныя изслѣдованія—хотя уже и мои собственныя доведены очень далеко—открыли бы намъ существованіе зародышей еще болѣе выносливыхъ. Точно также мы могли бы начать изслѣдованіе съ низшихъ степеней жара и навѣрное нашли бы зародышей, не выдерживающихъ нагрѣванія даже ниже температуры кипѣнія воды. Въ виду такихъ фактовъ было бы слишкомъ опрометчиво назначать *такую-то* температуру, при которой гибнутъ бактеріи и ихъ зародыши. Впрочемъ сейчасъ мы перейдемъ къ этому предмету.

Дѣло теперь въ томъ, чтобы опытнымъ путемъ изучить одно изъ главнѣйшихъ основаній ученія о произвольномъ зарожденіи. Съ этою цѣлью я ставлю предъ глазами моего друга двѣ жидкости, которыя невредимо сохранялись цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ въ одномъ изъ нашихъ герметически замкнутыхъ ящиковъ,

описанныхъ выше, посреди оптически чистаго воздуха. Одна изъ этихъ жидкостей минеральный растворъ, въ произвольныхъ пропорціяхъ содержащій въ себѣ всѣ тѣ вещества, какія входятъ въ составъ бактерій; другая жидкость—настой рѣпы. Мы могли бы взять все равно какую-угодно другую жидкость изъ сотни другихъ настоевъ, животныхъ или растительныхъ. Обѣ жидкости прозрачны какъ перегнанная вода и безусловно не представляютъ ни малѣйшаго слѣда живыхъ организмовъ,—однимъ словомъ онѣ совершенно лишены всякой производительности. Баранья котлетка, немного смоченная водой, чтобы не высыхала, три дня уже лежитъ на тарелкѣ въ нашей теплой комнатѣ. Отъ нея уже есть гнилой запахъ. Если мы теперь положимъ каплю зловоннаго сока баранины подъ микроскопъ, то найдемъ, что она полна бактеріями, т.-е. организмами живущими на счетъ гніенія, безъ которыхъ гніенія и не было бы. Самую малѣйшую капельку полной бактеріями жидкости я переношу въ минеральный растворъ и въ настой рѣпы, и тотъ и другой до сихъ поръ прозрачные, такъ же какъ врачъ прививаетъ ребенку оспу. Проходитъ 24 часа, и прозрачныя жидкости становятся мутными: мало того, что онѣ уже не безплодны,—они просто кишатъ теперь живыми организмами. Можно повторять этотъ опытъ тысячу разъ, результаты всегда будутъ одни и тѣ же. Для невооруженнаго глаза обѣ жидкости сначала не представляли никакой разницы, потому что обѣ были одинаково прозрачны; для невооруженнаго глаза онѣ и теперь остаются еще безразличными, — обѣ одинаково мутны. Вмѣсто гнилостнаго сока баранины мы могли бы взять въ качествѣ источника заразы какую-угодно изъ сотни другихъ гнилостныхъ жидкостей, животныхъ или растительныхъ. Если только жидкость содержитъ въ себѣ живыхъ бактерій, тогда самая малѣйшая капелька ея, введенная въ прозрачный минеральный растворъ или въ прозрачный настой рѣпы, даетъ по прошествіи 24 часовъ результатъ, который я сейчасъ показалъ.

Произведемъ этотъ же опытъ иначе. Я отворяю дверку другаго герметически замкнутаго ящика, внутри котораго въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ стояли рядомъ чистый минеральный растворъ и чистый настой рѣпы и бросаю въ каждую изъ этихъ жидкостей по маленькой щепоткѣ лабораторной пыли.

На этотъ разъ результатъ слѣдуетъ не такъ быстро, какъ съ капелькой гнилой жидкости. Однако спустя три дня послѣ введенія пыли, настой рѣпы становится мутнымъ и кишитъ бактеріями, какъ это было и въ первомъ опытѣ. Но что случилось съ минеральнымъ растворомъ, который въ предыдущемъ опытѣ далъ точь въ точь такой же результатъ, какъ и настой рѣпы? Прошли три дня, и въ немъ ни одной бактеріи; прошли три недѣли,—то же самое. Мы можемъ сотни разъ повторять этотъ опытъ надъ раство омъ и настоемъ, и неизмѣнно получимъ одинъ и тотъ же результатъ. Въ настоѣ атмосферная пыль всегда даетъ урожай бактерій, въ минеральномъ же растворѣ сухое вещество зародышей никогда не пріобрѣтаетъ жизни [12]). Какое же заключеніе можетъ вывести изъ этого опыта логическій умъ? Не ясно ли какъ день, что обѣ жидкости могутъ питать бактерій и способствовать ихъ росту и размноженію, когда онѣ уже вполнѣ сформировались, но только одна жидкость способна развивать въ живыхъ бактерій зародышную атмосферную пыль?

Я приглашаю моего друга подумать надъ этимъ заключеніемъ; онъ признается, думаю, что отъ этого заключенія невозможно увернуться. Онъ можетъ конечно, если ему это болѣе нравится, допускать мнѣніе, которое мнѣ кажется ошибочнымъ, и утверждать, что бактеріи существуютъ въ воздухѣ не въ состояніи зародышей, а въ состояніи уже готовыхъ, только высохшихъ, организмовъ; но и тогда мы все-таки не можемъ отдѣлаться отъ заключенія, что въ то время, какъ одна изъ жидкостей способна усиливать переходъ неживаго состоянія въ живое, другая не можетъ этого дѣлать.

Оказалось однако, что это еще не все, что выводили изъ опытовъ съ минеральнымъ растворомъ. Такъ какъ этотъ растворъ безпрепятственно можетъ питать бактерій, послѣ того какъ къ нему привиты живые организмы, и такъ какъ съ другой сторо-

---

[12]) О томъ, что происходитъ въ минеральномъ растворѣ, я говорю основываясь на свидѣтельствѣ другихъ экспериментаторовъ. На основаніи же моихъ собственныхъ опытовъ я сказалъ бы, что развитіе бактерій въ минеральномъ растворѣ, хотя чрезвычайно медленно и затруднительно, но не невозможно.

ны въ немъ не развивались бактеріи, послѣ того какъ онъ долгое время оставался на воздухѣ, то изъ этого заключили, что *въ самой атмосферѣ не существуетъ ни бактерій, ни ихъ зародышей.* По всей Германіи всѣ лучшія книги объ этомъ предметѣ, даже тѣ, которыя написаны противъ ученія о произвольномъ зарожденіи, заражены этимъ заблужденіемъ; кромѣ того гетерогенисты въ Англіи и въ другихъ странахъ построили на этомъ заблужденіи торжественное доказательство своего ученія. Состояніе, въ какомъ остается минеральный растворъ, говорятъ они, доказываетъ, что въ атмосферѣ нѣтъ ни бактерій, ни зародышей бактерій; слѣдовательно, если настой рѣпы, совершенно обезпложенный и выставленный на воздухъ, производитъ бактерій, то эти послѣднія необходимо должны зародиться произвольно.

Я приведу здѣсь слова д-ра Бастіана, сказанныя имъ относительно этого самаго опыта не въ популярной книгѣ, а въ „Proceedings of the Royal Society“ [13]): „изъ этого опыта мы заключимъ только, что въ то время какъ соляной вскипяченный растворъ абсолютно неспособенъ зарождать бактерій, эти организмы могутъ появляться во вскипяченномъ органическомъ настоѣ“. Я спрошу моего знаменитаго коллегу, что онъ думаетъ послѣ этого объ умозаключеніи, приведенномъ выше? Дана посылка: „минеральный растворъ, выставленный на обыкновенный воздухъ, не развиваетъ бактерій“; выводится заключеніе: „слѣдовательно, если настой рѣпы, выставленный на тотъ же самый воздухъ, развиваетъ бактерій, то бактеріи должны происходить путемъ произвольнаго зарожденія“. Такое заключеніе едва ли правильно. Но если оно со стороны здравой логики неправильно, то со стороны фактовъ оно химерично. Атмосфера Лондона несомнѣнно такъ наполнена зародышами бактерій, какъ лондонскіе камины дымомъ и копотью. И на предыдущее неправильное заключеніе я отвѣчу простымъ вопросомъ: отчего, когда вашъ органическій обезпложенный настой приведенъ въ соприкосновеніе съ воздухомъ оптически чистымъ, произвольное зарожденіе вдругъ прекращается совсѣмъ? Почему я могу сохранять

---

[13]) Vol. XXI, p. 130.

свой настой рѣпы съ вашимъ солянымъ растворомъ, въ теченіи 365 дней цѣлаго года, въ свободномъ сообщеніи съ общей окружающей атмосферой, безъ всякихъ другихъ условій, кромѣ только наблюденія, чтобы часть этой атмосферы, приходящая въ соприкосновеніе съ настоемъ рѣпы, была оптически свободна отъ всякой плавающей пыли, между тѣмъ какъ черезъ три дня соприкосновенія съ этою пылью настой наполняется бактеріями? Виноватъ ли я, если уже одного прочтенія приведеннаго выше доказательства въ пользу произвольнаго зарожденія достаточно, чтобы заставить понять, какъ оно несостоятельно для всякаго мыслящаго человѣка? Я прибавлю впрочемъ, что считаю важнымъ пріобрѣтеніемъ для нашихъ знаній наблюденіе, показывающее, что соляной растворъ послѣ кипяченія можетъ оживлять уже развитые попадающіе въ него организмы, хотя и не можетъ производить ихъ при помощи сухаго зародышеваго вещества, приносимаго къ нему атмосферой, — только я не перестану показывать ложность заключеній, какія стараются отсюда вывести. Мы обязаны открытіемъ этого факта д-ру Бёрдону Сэндерсону, который скоро убѣдился, что первое толкованіе, какое онъ давалъ этому факту прежде, заходило слишкомъ далеко, и потому онъ совершенно отказался отъ этого толкованія въ сообщеніи, представленномъ имъ въ королевское общество.

Перейдемъ теперь къ внимательному изученію другаго пункта, болѣе важнаго, если только это возможно, чѣмъ предшествующій, но такъ же довольно труднаго для пониманія, даже вслѣдствіе богатства стиля, логики и реторики, которыми пользуются при изложеніи этого пункта. Предметъ, о которомъ теперь идетъ дѣло, имѣетъ отношеніе къ тому, что называютъ „мертвой точкой“ бактерій, т.-е. къ температурѣ, необходимой для уничтоженія бактерій. Всѣ, кто читалъ написанное въ недавнее время по этому предмету въ Англіи, должны помнить, что панспермистамъ вообще и одному или двоимъ изъ нашихъ натуралистовъ въ частности бросали вызовъ за вызовомъ, чтобы заставить ихъ вступить въ состязаніе по этому капитальному вопросу. Очевидно это крѣпость, въ которую засѣлъ англійскій гетерогенистъ. „Вода начинаетъ кипѣть, говоритъ онъ, вдругъ чья нибудь неискусная рука опрокидываетъ посуду, и кипятокъ обвариваетъ какую-нибудь открытую часть тѣла — пальцы, руку

или лицо. Вотъ фактъ, въ которомъ уже конечно сомнѣваться нельзя. Нечего и спорить противъ того, что кипящая вода производитъ совершенно гибельное и быстро разрушающее дѣйствіе на живое вещество, изъ котораго мы сложены“ [14]). И для того, чтобы мы не предположили, что въ этомъ случаѣ тѣло чувствительно къ жару вслѣдствіе высокой степени своей организаціи, онъ напоминаетъ намъ дѣйствіе кипящей воды на куриное яйцо. „Мнѣ кажется, прибавляетъ онъ, мы принуждены заключить, что кипящая вода оказываетъ существенно разрушительное дѣйствіе на живое вещество, какова бы ни была при этомъ ступень его организаціи“ [15]). И еще: „мы показали, что всякое живое вещество, даже на очень короткое время подверженное дѣйствію кипящей воды, погибаетъ немедленно“ [16]). Въ своихъ длинныхъ разсужденіяхъ объ этомъ предметѣ Бастіанъ желаетъ, чтобы *нѣкоторыя* живыя существа представляли бы собою *всѣ* существа. Чтобы опровергнуть его утвержденія, достаточно сказать, что еще за восемь лѣтъ до ихъ появленія всѣмъ торговцамъ шерстью въ Эльбёфѣ было уже извѣстно, что засохшія зерна бразильскаго *medicago* переживаютъ четырехъ-часовое кипяченіе. Этотъ же фактъ былъ опубликованъ Пуше въ „Comptes rendus de l'Académie des sciences de Paris“ [17]). Пуше самъ кипятилъ эти зерна и нашелъ, что нѣкоторыя изъ нихъ разбухли и развалились, но другіе сохранили свою твердость и первоначальный объемъ. Всѣ они были посѣяны потомъ въ одну и туже землю, и первыя не могли дать ростковъ, а вторыя принялись отлично. Такимъ образомъ гетерогенистъ Пуше обманулся въ своихъ разсчетахъ на простыхъ зернахъ; посмотримъ теперь, нѣтъ ли въ свою очередь какой-нибудь ошибки въ опытахъ и разсужденіяхъ относительно температуры, которая гибельна для бактерій.

Приведенные до сихъ поръ опыты ясно показываютъ, что есть замѣтная разница между смоченными, мягкими, живыми бактеріями гніющихъ органическихъ жидкостей и сухими бак-

---

[14]) Bastian, Evolution, p. 133.
[15]) Ibid., p. 135.
[16]) Ibid., p. 46.
[17]) Vol. LXIII, p. 939.

теріальными зародышами атмосферы. Первыя отлично развиваются въ соляномъ растворѣ, вторыя отказываются зарождаться немъ, но въ то же время и тѣ и другія обильно развиваются въ обезпложенномъ настоѣ рѣпы. Какъ мы уже видѣли, заключенія, основанныя на явленіяхъ, имѣющихъ мѣсто въ одной жидкости, не могутъ быть правильнымъ образомъ распространены на явленія, происходящія въ другой жидкости. Однако это именно и сдѣлалъ гетерогенистъ, повторяя относительно температуры, убивающей бактерій, ошибку, въ какую онъ впалъ относительно атмосферныхъ зародышей. Вскипятимъ въ продолженіи пяти минутъ нашъ мутный минеральный растворъ съ его роями бактерій. Въ мягкомъ и сочномъ состояніи, въ какомъ онѣ находятся въ растворѣ, ни одна изъ нихъ не избѣгаетъ разрушенія. Тоже самое произойдетъ въ настоѣ рѣпы, если только къ нему привиты готовыя живыя бактеріи и если только постараться закрыть къ нему всякій доступъ атмосферныхъ пылинокъ. Въ обоихъ случаяхъ мертвые организмы опускаются на дно жидкости, и если къ ней не сдѣлать новой прививки живыхъ бактерій, она уже не производитъ болѣе живыхъ организмовъ. Но дѣло пойдетъ иначе, если мы привьемъ къ нашему настою рѣпы сухое зародышевое вещество, которое плаваетъ въ атмосферѣ.

„Мертвая точка“ бактерій—это высшая температура, при какой только онѣ могутъ жить, или низшая температура, при которой онѣ уже погибаютъ. Если напр. онѣ переживаютъ температуру 60° по Ц. и не могутъ перенести температуры 65°, мертвой точкой для нихъ будетъ какой нибудь пунктъ между этими двумя температурами. Такъ Брэдвудъ и Ватеръ показали, что оспенная лимфа теряетъ свои прививочныя свойства, какъ только будетъ помѣщена на довольно короткое время въ температуру между 60° и 65°. Эта температура можетъ быть разсматриваема какъ мертвая точка для лимфы, или лучше сказать для плавающихъ въ ней частичекъ, которыя собственно и составляютъ въ ней настоящую прививную эссенцію. Но если за всѣмъ тѣмъ не обозначается время, въ продолженіи котораго дѣйствуетъ жаръ, выраженіе „мертвая точка“ не говоритъ ничего. Въ самомъ дѣлѣ, иной настой напр. выдерживаетъ непрерывное дѣйствіе температуры кипящей воды пять часовъ сря-

ду, но онъ же уступаетъ, если на него пять дней будетъ дѣйствовать температура только въ 72°. Мягкихъ и совершенно развившихся бактерій въ гніющихъ жидкостяхъ убиваетъ не только пятиминутное кипяченіе, а даже менѣе одной минуты; въ сущности онѣ погибаютъ почти при той же самой температурѣ, при которой погибаетъ оспенная матерія. То же самое происходитъ и съ живыми пластическими бактеріями въ настоѣ рѣпы [18]). Но вмѣсто того, чтобы выбирать для прививанія какую нибудь гнилостную жидкость, приготовимъ и употребимъ наше прививное вещество такимъ способомъ: возьмемъ нѣсколько былинокъ хорошо просохшаго сѣна, обмоемъ ихъ въ стаканѣ воды и привьемъ этой водой совершенно обезпложенный настой рѣпы. Послѣ трехъ часовъ безпрерывнаго кипяченія этотъ настой, оплодотворенный такимъ способомъ, часто даетъ обильный урожай живыхъ бактерій. Точно такіе же разультаты получаются, когда настой изъ рѣпы приготовляется въ атмосферѣ, сильно наполненной зародышами сухаго сѣна. Въ такомъ случаѣ настой оплодотворяется даже безъ прямаго прививанія и тогда онъ часто оказываетъ очень сильное сопротивленіе попыткамъ уничтожить его зародыши посредствомъ кипяченія. Прошлаго 1-го марта я съ намѣреніемъ разсѣялъ въ воздухѣ нашей лабораторіи зародышевую пыль сухаго сѣна, скошеннаго еще въ 1875 г., и въ слѣдъ затѣмъ разлилъ настой рѣпы, приготовленный въ этой же лабораторіи въ стклянки, раздѣленныя на десять группъ. Потомъ я подвергъ эти стклянки температурѣ кипящей воды, измѣняя продолжительность врени кипяченія отъ 15 до 240 минутъ. Только одна изъ десяти группъ оказалась обезпложенной,— это та именно, которая кипѣла цѣлыхъ четыре часа. Во всѣхъ стклянкахъ остальныхъ

[18]) Въ запискѣ, которую я напечаталъ въ „Philosophical Transactions“ 1876 г. я указалъ и объяснилъ посредствомъ опытовъ разницу, какая существуетъ относительно быстроты развитія между водными зародышами и воздушными. Размноженіе посредствомъ водныхъ зародышей, уже размокшихъ, на дѣлѣ происходитъ такъ же быстро, какъ размноженіе посредствомъ уже развившихся бактерій. Это предрасположеніе зародыша къ быстрому развитію соотвѣтствуетъ столь же сильному предрасположенію къ быстрому разрушенію.

девяти группъ, кипяченныхъ послѣдовательно въ продолженіи 15, 30, 45, 60, 75, 90, 105, 120, и 180 минутъ, народились потомъ живые организмы. Тотъ же фактъ остается вѣрнымъ и для другихъ растительныхъ настоевъ; прошедшаго 28 февраля, напр., я кипятилъ послѣдовательно въ продолженіи 15, 30, 45, 60, 120 и 180 минутъ шесть стклянокъ съ настоемъ огурца, приготовленнымъ въ атмосферѣ, полной зародышами. Въ каждой изъ этихъ стклянокъ завелись потомъ живые организмы. Въ тотъ же день я взялъ три стклянки еще и кипятилъ ихъ уже въ продолженіи 240, 300 и 360 минутъ, — эти три стклянки оказались совершенно обезпложенными. Животные настои, для которыхъ, при обыкновенныхъ условіяхъ, достаточно пяти минутъ кипяченія, чтобы навѣрняка убить ихъ зародышей, даютъ такіе же результаты, какъ и растительные настои, въ атмосферѣ, переполненной зародышевой пылью. Напр. 30 марта я налилъ пять стклянокъ прозрачнымъ настоемъ говядины и послѣдовательно кипятилъ ихъ въ продолженіи 60, 120, 180, 240 и 300 минутъ. По истеченіи нѣкотораго времени всѣ онѣ наполнились живыми организмами, — фактъ, который равнымъ образомъ повторился и съ настоемъ баранины, совершенно прозрачнымъ, приготовленнымъ мною въ одно и тоже время. Я могу считать сотнями тѣ случаи, когда самые разнообразные настои проявляли такую же силу сопротивленія.

Въ присутствіи всѣхъ этихъ фактовъ я спросилъ бы моего знаменитаго коллегу, нужно ли мнѣ еще говорить, что мой противникъ слишкомъ поспѣшилъ, заявляя, что всякая живая матерія будетъ убита, какъ только на нѣсколько минутъ подвергнется дѣйствію кипящей воды. Когда къ настою, безплодность котораго доказана шестимѣсячнымъ соприкосновеніемъ его съ атмосферой, очищенной отъ всякой пыли и поддерживаемой въ температурѣ 32° по Ц., привиты живыя, развившіяся бактеріи, онъ въ два дня наполняется организмами настолько чувствительными, что для уничтоженія ихъ достаточно подвергнуть ихъ на нѣсколько минутъ температурѣ гораздо ниже кипѣнія воды. Но распространеніе этого результата на сухое зародышевое вещество, находящееся въ атмосферѣ, и не логично и не подтверждается опытомъ. Это такъ ясно, что не было и нужды предпринимать что-нибудь особенное для доказательства, а про-

сто достаточно было бы высказать это положеніе. Но мы сдѣлали гораздо больше и показали посредствомъ неразъ повторенныхъ опытовъ, что заблуждается тотъ, кто думаетъ, будто всякая живая матерія разрушается, если на нѣсколько минутъ будетъ подвергнута дѣйствію кипящей воды. Такимъ образомъ логическое построеніе, возведенное на этомъ основаніи, рушится и я надѣюсь, намъ не станутъ уже повторять больше, что бактеріи и ихъ зародыши, когда они будутъ разрушены при температурѣ 60° и когда жидкость будетъ нагрѣта до 100°, могутъ появляться вновь не иначе, какъ только путемъ произвольнаго зарожденія.

Предосторожности, видоизмѣненія и повторенія, къ которымъ я прибѣгалъ, чтобы достигнуть несомнѣнныхъ результатовъ, въ теченіе двухъ лѣтъ довели число различныхъ сосудовъ, какими я пользовался для изученія предмета, почти до 10000. Но здѣсь по очень уважительнымъ причинамъ я долженъ остановиться хотя и надѣялся было сначала двинуться еще дальше въ рѣшеніи вопроса. Между тѣмъ, кромѣ философскаго интереса, который связанъ съ проблемой о происхожденіи жизни и который никогда не потеряетъ своего значенія, вопросъ имѣетъ практическую важность, т.-е. со стороны приложенія разсмотрѣнныхъ нами взглядовъ къ хирургіи и медицинѣ. Противогнилостная (антисептическая) система, о которой я уже сказалъ нѣсколько словъ выше, представляетъ примѣръ безчисленныхъ благодѣяній, нерѣдко доставляемыхъ точными теоріями. Нѣкогда хирургія была искусствомъ, теперь хирургическое искусство сдѣлалось научнымъ. До введенія противогнилостной системы мыслящій хирургъ не могъ не знать изъ опыта, что въ воздухѣ есть что-то такое, что часто уничтожало результаты, для достиженія которыхъ было пущено въ ходъ все хирургическое искусство. Теперь противогнилостныя мѣры разрушаютъ этого воздушнаго агента или уничтожаютъ его дѣйствіе. Въ King's College д-ръ Листеръ, производя операціи надъ больными и накладывая перевязки, пускаетъ на раны тонкій дождь изъ смѣси карболовой кислоты съ водой; корпія и полотно, употребляемое на перевязки, въ свою очередь пропитываются противогнилостной жидкостью. Въ госпиталѣ св. Варѳоломея д-ръ Кэллендеръ употребляетъ карболовую кислоту, разведенную водой, даже не превра-

щая ее въ тонкій дождь, а одинаково достигаетъ своей главной цѣли — помѣшать ранѣ сдѣлаться гнѣздомъ для разведенія гнилостныхъ бактерій. Благодаря своей научной обосновкѣ, противогнил остная система при производствѣ операцій вошла теперь въ употребленіе и въ Германіи.

Хотѣлось бы мнѣ еще указать современное состояніе теоріи зародышей по отношенію къ заразнымъ болѣзнямъ и различить доказательства, основанныя на аналогіи—имѣющія впрочемъ не малую силу,—отъ тѣхъ доказательствъ, которыя основываются на положительныхъ наблюденіяхъ. Мнѣ очень пріятно прибавить къ уже начатому мною [19]) изложенію изслѣдованій, произведенныхъ надъ febris splenica молодымъ нѣмецкимъ врачемъ Кохомъ и несомнѣнно заслуживающихъ вниманія, отчетъ о послѣднихъ работахъ Пастёра по этому же предмету. Въ этой болѣзни предъ нами открывается живое заразное начало, сила котораго ужасна, и мы можемъ слѣдить за нимъ во всѣхъ фазахъ его существованія [20]). Мы находимъ его въ крови или въ желчи больнаго животнаго въ видѣ такъ-сказать неподвижныхъ маленькихъ палочекъ. Помѣстимъ эти палочки, въ какой-нибудь питательной жидкости, при умѣренной температурѣ, на подставку микроскопа, и увидимъ, что эти палочки начинаютъ вытягиваться въ длинныя нити, которыя то остаются параллельными, то перекрещиваются одна съ другою и образуютъ безконечно перепутанные узлы. Процессъ оканчивается тѣмъ, что всѣ эти нити распадаются въ безчисленное множество споръ, изъ которыхъ каждая несетъ съ собою смерть. Подъ микроскопомъ эти споры нельзя отличить отъ безвредныхъ зародышей Bacillus subtilis. Бактерія переме жающейся лихорадки носитъ названіе Bacillus anthracis. Этотъ опасный организмъ показанъ мнѣ въ Парижѣ Пастёромъ въ прошломъ іюлѣ. Недавно опубликованныя имъ изслѣдованія о патологическомъ значеніи Bacillus anthracis безъ сомнѣнія должны быть причислены къ самымъ замѣчательнымъ изъ работъ этого знаменитаго ученаго. Всѣ наблюдатели, которые одинъ за другимъ выступали на это тернистое поле труд-

[19]) Fortnightly Review, novemb. 1876 г.

[20]) Своими удивительными наблюденіями по исторіи жизни монадъ Дэллингеръ и Дриздэль показали, что можетъ сдѣлать талантъ и терпѣніе.

ныхъ изслѣдованій, блуждали одинъ за другимъ и не произвели ничего, кромѣ множества противоположныхъ и разнорѣчивыхъ теорій. Пастёръ вмѣстѣ съ Жубэромъ, который моложе его по физіологической карьерѣ, пустился въ этотъ хаосъ и не замедлилъ внести въ него порядокъ. Между прочимъ оба экспериментатора показали, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ, гдѣ ихъ предшественники думали, что имѣютъ дѣло только съ перемежающейся лихорадкой, предъ ними въ тоже время былъ другой, не менѣе ядовитый дѣятель болѣзни. Въ перемежающейся лихорадкѣ часто преобладаетъ гнилостный процессъ, и часто результаты, зависящіе единственно отъ этого процесса, служили основаніемъ для патологическихъ заключеній о характерѣ и причинѣ самой лихорадки. Но съ тѣхъ поръ, какъ правильно узнали долю вліянія каждаго изъ этихъ двухъ дѣятелей болѣзни, всѣ видимыя неправильности исчезли и полученные результаты легко объяснились. Изучая изложеніе этихъ изслѣдованій, веденныхъ съ такимъ искусствомъ и знаніемъ дѣла, я болѣе чѣмъ когда-нибудь былъ пораженъ справедливостью словъ, въ какихъ самъ Пастёръ выразилъ всѣ трудности и опасности, возникающія на каждомъ шагу предъ изслѣдователемъ: „я столько разъ испыталъ, что въ трудномъ искусствѣ произведенія опытовъ самые ловкіе и привычные люди спотыкаются на каждомъ шагу, да и самое толкованіе фактовъ не менѣе опасно“ [21]).

Джонъ Тиндалль.

---

[21]) Comptes rendus, LXXXIII, p. 177.

СОСТОЯНІЕ

УНІАТСКОЙ ЦЕРКВИ ВЪ РОССІИ

въ царствованіе Императора Александра I *).

Тотчасъ послѣ смерти Лисовскаго, брестскій епископъ Булгакъ подалъ Государю прошеніе, въ которомъ, напомнивъ о своей 25-ти лѣтней службѣ въ санѣ епископа, просилъ, при могущихъ быть перемѣнахъ въ іерархіи, воззрѣнія на него по его заслугамъ. Но Государь—хотѣлъ ли почтить покойнаго Лисовскаго, уже предназначившаго себѣ преемника, или не былъ увѣренъ въ достоинствахъ Булгака, но только назначилъ митрополитомъ Кохановича, утвердивъ въ то же время полоцкимъ архіепископомъ Красовскаго. Кохановичу предоставлена была, также какъ прежде Лисовскому, и онуфріевская архимандрія, приносившая годоваго доходу до 10.000 руб.

Полоцкое духовенство всей епархіи прислало благодарственный адресъ за назначеніе къ нимъ епископомъ Красовскаго — мужа извѣстнаго имъ своими примѣрными достоинствами и кротостію.

Для Булгака это было ударомъ, такъ какъ ему предпочтенъ

---

*) См. майско-іюньскую кн. „Прав. Обозр.“1879 г.

можно-сказать *вчерашній* епископъ и притомъ изъ бѣлаго духовенства.

Кохановича вызвали въ С.-Петербургъ, титулуя его правда со словъ Лисовскаго, но не совсѣмъ кстати, — какъ въ былое время уніатской церкви *экзархомъ митрополіи*, тогда какъ церковь уніатская уже видимо распадалась, часть уніатовъ имперіи уже присоединились къ православію, другая часть—Бѣлоруссія—была уже можно-сказать на пути къ возсоединенію; оставшаяся же за границею подъ австрійскимъ владычествомъ имѣла свою іерархію, независимую отъ Русскаго митрополита. Новый составъ уніатской іерархіи въ Россіи вполнѣ соотвѣтствовалъ новому положенію этой церкви и только одинъ Булгакъ еще напоминалъ собою польское владычество, при которомъ былъ посвященъ въ санъ епископа.

Дѣло объ управленіи возстановленной митрополичьей епархіи, послѣ смерти Лисовскаго, приняло также другое направленіе, несогласное ни съ видами Лисовскаго, ни съ прямою пользою уніатской церкви. Назначенный митрополитомъ Кохановичъ оставленъ по прежнему при управленіи луцкою епархіею, которая въ іерархическомъ порядкѣ стояла послѣ митрополіи и полоцкой архіепископской каѳедры. Литовская же, т.-е. собственно митрополичья епархія, отдана въ управленіе назначеннаго въ оную суффрагана съ присвоеніемъ ему всѣхъ правъ наравнѣ съ епархіальными епископами.

Такимъ образомъ къ тремъ епархіямъ присоединилась четвертая со всѣми епархіальными учрежденіями и архіерейскимъ домомъ, консисторіею и пр. [1]) Да и новая литовская епархія съ отдѣленіемъ отъ брестской ничего не выиграла. Митрополитъ не имѣлъ на нее непосредственнаго вліянія, а Головня сперва номинатъ, потомъ суффраганъ, управлялъ плохо и въ теченіе болѣе 20 лѣтъ своего епископства довелъ ее до крайняго разстройства. Къ счастію Богъ послалъ ей потомъ добраго пастыря Іосифа Симашку, который уврачевалъ ея раны.

Въ концѣ 1810 года Кохановичъ прибылъ въ Полоцкъ и 6-го

---

[1]) Лисовскій еще прежде хлопоталъ объ открытіи уніатской епархіи въ Крыму, но дѣло окончилось учрежденіемъ лишь уніатскаго прихода въ Ѳеодосіи.

января 1811 года рукоположилъ тамошняго архіепископа Красовскаго. Передъ посвященіемъ его заставляли принять монашество: но онъ съумѣлъ отдѣлаться отъ этого требованія (Зубко). Въ посвященіи участвовалъ брестскій епископъ Булгакъ и такъ какъ недоставало третьяго, то приглашенъ былъ минскій латинскій епископъ Дедерко и для чести Полоцкій католическій суффраганъ Одинецъ. Полоцкій борисоглѣбскій архимандритъ Шулякевичъ сказалъ приличную проповѣдь.

Въ слѣдующее воскресенье, 8 января митрополитъ посвятилъ литовскаго суффрагана Головню въ сослуженіи уже только уніатскихъ епископовъ, и затѣмъ брестскаго суффрагана Яворовскаго.

Правленіе Кохановича, упавшее на время французской войны, не ознаменовано ни какими особенно важными событіями.

Кохановичъ жилъ въ С.-Петербургѣ для присутствованія въ духовной коллегіи, а въ епархіи имѣлъ суффрагана. По свидѣтельству современниковъ, онъ отличался любовію къ русской церковной обрядности и расположеніемъ къ православію, которое хотѣлъ будто бы даже принять [2]): что и неудивительно, такъ какъ онъ вышелъ изъ школы Лисовскаго. Бѣлое духовенство любило его какъ свое знамя и какъ своего защитника. Но базиліане ненавидѣли и когда онъ умеръ (25 марта 1814 г.), то даже въ оскорбительныхъ выраженіяхъ молились объ упокоеніи души его [3]).

Чувствуя приближеніе своей кончины, Кохановичъ 20 марта 1814 г. представилъ, что по церковнымъ правиламъ управленіе митрополичьей литовской епархіи, по смерти его, подлежитъ полоцкому архіепископу, а управленіе луцкою епархіею—брестскому епископу. Кому же изъ нихъ быть митрополитомъ, это зависитъ отъ Высочайшей воли. Согласно этому комитетъ министровъ и поручилъ управленіе митрополіи Красовскому, а луцкаго епископства—Булгаку.

Назначеніе Красовскаго къ управленію митрополичьею епархіей состоялось по-видимому не случайно вслѣдствіе одного

---

[2]) Труды Кіевской академіи 1872 г. ч I стр. 267.

[3]) Римской католицизмъ въ Россіи, соч, графа Д. А. Толстаго. Т. 2 стр. 377. Спб. 1877 г.

только желанія покойнаго митрополита Кохановича, но имѣло болѣе глубокое основаніе. На него перенесены были надежды, которыхъ не осуществилъ Лисовскій. Думали, что этотъ епископъ, вполнѣ русскій, съ отличными дарованіями и способностью къ государственной дѣятельности пойметъ положеніе уніатской церкви и поведетъ ее далѣе по пути, уже намѣченному Лисовскимъ. Ожиданія эти не сбылись. Какая-то роковая завѣса покрывала очи этихъ обоихъ впрочемъ достойныхъ прелатовъ. Они доходили только до извѣстной черты, за которую переступить не смѣли. Они мечтали и заботились о самостоятельномъ существованіи уніатской церкви и въ то же время не могли отказаться отъ признанія папы главою церкви. О Красовскомъ пишетъ преосвященный Антоній Зубко: „Красовскій представлялъ собою явленіе замѣчательное, ибо, не смотря на то, что воспитывался въ папскомъ (виленскомъ) институтѣ, онъ не любилъ ни базиліанъ, дѣйствовавшихъ въ духѣ папскомъ, ни католическаго духовенства, потому что былъ изъ поповичей. При всемъ томъ Красовскій не былъ въ силахъ придти къ убѣжденію, что греко-русская церковь не схизматическая".

Бѣлое духовенство особенно было радо возвышенію Красовскаго. Даже брестское духовенство епархіи Булгака прислало прошеніе съ ходатайствомъ о возведеніи Красовскаго въ митрополиты, заявляя въ то же время, что сколько желаетъ этого бѣлое духовенство, столько же базиліане стараются, дабы въ этотъ санъ возведенъ былъ Булгакъ изъ монаховъ. Но желаніямъ бѣлаго духовенства не суждено было осуществиться.

Мы не можемъ точно опредѣлить, съ какого именно времени началась холодность правительства къ Красовскому: но фактъ перемѣны отношеній къ нему не подлежитъ сомнѣнію. Къ несчастію для Красовскаго, по нѣкоторымъ сторонамъ своей жизни, онъ нуждался въ снисхожденіи и поддержкѣ. Теперь онъ долженъ былъ опираться на одну собственную силу [4]).

---

[4]) Во время войны 1812 г. французы, зная приверженность его къ русскому правительству, разграбили его домъ и имѣніе. Самъ Красовскій принужденъ былъ скрываться и пѣшкомъ бѣжать въ отдаленное безопасное мѣсто. Вслѣдствіе этого потрясенія онъ впалъ въ раздражительное болѣзненное состояніе. Онъ страдалъ отъ времени до времени невыносимо: у него

Вскорѣ послѣ смерти митрополита Кохановича, именно 27 августа 1814 г., Государь назначилъ луцкимъ епископомъ каноника Якова Мартусевича [5]), повелѣвъ сдѣлать распоряженіе о посвященіи его въ сей санъ согласно съ постановленіями. Коллегія, основываясь на буллѣ папы Климента VIII отъ 7 марта 1569 года, подъ названіемъ: Decet romanum pontificem, затруднилась приведеніемъ этого въ исполненіе, такъ какъ по этой буллѣ посвященіе епископовъ принадлежитъ митрополиту, а митрополита не было.

Слабая память коллегіи забыла, что въ такихъ же обстоятельствахъ находилась уніатская церковь въ Россіи до назначенія Лисовскаго митрополитомъ, и что Лисовскій на основаніи каноническихъ правилъ считалъ возможнымъ по званію полоцкаго архіепископа рукополагать архіереевъ, на что и просилъ въ 1806 г. полномочія отъ государственной власти. Очевидно, это не совпадало теперь съ видами Булгака и преданной ему партіи.

Но дѣло оставленно пока въ прежнемъ положеніи.

Наконецъ, спустя три года, 21 января 1817 г. князь Голицынъ довелъ объ этомъ до свѣдѣнія Государя, приложивъ списокъ епископовъ для назначенія изъ нихъ митрополита. Красовскій, какъ управлявшій митрополіею, поставленъ былъ первымъ, но Государь назначилъ брестскаго епископа Булгака [6]), повелѣвъ о каноническомъ утвержденіи его отнестись чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ къ римскому двору.

наступала какая-то агонія; не имѣя силъ одолѣть страданій, онъ начинаетъ пить виноградное вино безъ мѣры. Лейбъ-медикъ Лейтонъ назвалъ его болѣзнь *черною желчью*.

[5]) Яковъ Адамъ Окѣлло Мартусевичъ, изъ дворянъ Могилевской губерніи, обучался въ Витебскѣ и Полоцкѣ у іезуитовъ; въ 1792 г. посвященъ въ духовный санъ; въ 1812 г. назначенъ ассессоромъ луцкой консисторіи и генеральнымъ оффиціаломъ; съ 18 мая 1814 г. управлялъ луцкою епархіей; тогда же полоцкая академія поднесла ему дипломъ на степень доктора богословія. По направленію іезуитъ, фанатикъ,—Мартусевичъ ненавидѣлъ все русское.

[6]) Булгакъ уже съ 1796 г. былъ епископомъ, Красовскій же только съ 1810. Указъ сенату о назначеніи Булгака подписанъ 27 января.

Въ 1819 г. Булгакъ получилъ изъ Рима утвержденное папою опредѣленіе конгрегаціи распространенія вѣры о дозволеніи ему пользоваться всѣми правами и привилегіями, какія имѣли его предшественники, впредь до формальнаго признанія его митрополитомъ. Булгакъ сообщилъ этотъ актъ князю Голицыну для доклада Государю; но Государь, разрѣшивъ ему исполненіе его профессіи, поручилъ министерству иностранныхъ дѣлъ написать нашему посланнику въ Римъ Италинскому, чтобы онъ изъяснился по сему предмету съ кардиналомъ Канзальви, поставивъ ему на видъ, что Его Величеству угодно, дабы въ сношеніяхъ римскаго двора съ нами наблюдаемъ былъ прежній порядокъ (т.-е. чтобы папскія буллы доставлялись чрезъ министерство иностранныхъ дѣлъ).

По происхожденію полякъ, по убѣжденіямъ католикъ, но не фанатикъ, Булгакъ былъ ума и ученія недальняго [7]); по-русски зналъ мало [8]); дѣлами всю жизнь мало занимался и былъ орудіемъ базиліанскаго монашества.

---

[7]) Булгакъ изъ дворянъ Гродненской губерніи Слонимскаго повѣта; обучался въ базиліанскихъ училищахъ и въ 1774 г. вступилъ въ базиліанскій орденъ; съ 1779 по 1782 гг. былъ ученикомъ въ березвечскомъ и жировицкомъ училищахъ; съ 1782 по 1785 г. обучался въ Римѣ въ Коллегіи de propaganda fide, гдѣ посвященъ въ духовный санъ и получилъ степень доктора богословія и каноническаго права; въ 1786 г. назначенъ коадъюторомъ пинскаго епископа; въ 1798 г. епископомъ возстановленной брестской епархіи.

[8]) Вотъ образчикъ его русской рѣчи изъ письма къ князю Голицыну отъ 26 февраля 1817 г. съ благодарностію за возведеніе въ санъ митрополита: „Сердце монарховъ есть въ рукахъ Божіихъ; отбираетъ посредствомъ ихъ народъ добродѣтельства чрезъ вымѣръ милосердія Всевышняго; тотъ вымѣръ когда и на мнѣ совершился, вложилъ новую обязанность посвятить остатокъ дней моихъ Всемилостивѣйшему моему Государю Императору къ вѣрному служенію въ званіи митрополита. Чванится цѣлое унитское духовенство справедливымъ и ласкательнымъ управленіемъ вашего сіятельства. Я въ теченіи жизни моей дозналъ спокойствія и облегченія въ трудахъ будучи подъ правительствомъ вашимъ и хотя я тѣшился, что время старости сближенной по разныхъ чрезъ 30 близъ лѣтъ трудахъ спокойствія овощей употреблять будетъ, вложенная однакожъ на меня обязанность новая есть любою, ибо знаю, что въ милостивыхъ сіятельнаго князя словахъ престолу былъ я представленъ“. Дѣло 1810 г. о необходимости греко-уніатской іерархіи имѣть своего митрополита.

По званію президента греко-уніатской коллегіи онъ жилъ въ С.-Петербургѣ [9]); епархіею же управлялъ, по порученію его, оффиціалъ (предсѣдатель консисторіи) Антоній Тупальскій [10]). А ставленниковъ посвящалъ жившій на покоѣ въ супрасльскомъ монастырѣ епископъ Яворовскій. При такомъ порядкѣ вещей, разумѣется, не мало было злоупотребленій. „Мы много слышали анекдотовъ на этотъ счетъ—писалъ одинъ изъ лицъ того края—но для примѣра ограничимся только слѣдующимъ. Къ одному изъ вліятельныхъ лицъ, отъ котораго зависѣло поставленіе во священника, является кандидатъ на это званіе. Онъ былъ грамотенъ настолько, сколько требовалось тогда для того, чтобы удостоиться священническаго сана. Вліятельное или лучше сказать всесильное въ тогдашнемъ управленіи уніатскою епархіею лицо спросило его: „а скажи, мой сынку, сколько сакраментовъ (таинствъ)“? Простодушный ставленникъ, вѣроятно наученный кѣмъ-либо предварительно, что дѣло не въ богословскихъ познаніяхъ, а совсѣмъ въ другихъ (въ извѣстномъ даяніи), не разбирая предложеннаго вопроса, бухнулъ въ отвѣтъ: девяносто девять illustrissime! „Эхъ какой ты забавникъ, мой милый, возразилъ illustrissimus, почему же ужъ не сто“? „Да, смиренно отвѣчалъ ставленникъ, отправляясь изъ дому я имѣлъ ровно сто (разумѣя червонцы), но одинъ принужденъ былъ размѣнять въ дорогѣ; кое-что изъ него осталось, да необходимо и то на дорожные расходы на обратномъ пути“. „Ну будетъ и девяносто девять“, сказалъ illustrissimus и ставленникъ отправлялся съ над-

---

[9]) Въ 1807 г. Лисовскій купилъ въ С.-Петербургѣ домъ для жительства полоцкихъ архіереевъ и устройства уніатской церкви (на Васильевскомъ островѣ, въ 12-й линіи за среднимъ проспектомъ). Но съ возведеніемъ Булгака въ санъ митрополита и по его настоянію домъ этотъ съ Высочайшаго соизволенія переданъ въ вѣдѣніе коллегіи и отданъ для жительства митрополиту Булгаку.

[10]) Тупальскій обучался въ папскомъ алюмнатѣ; отъ полоцкой академіи получилъ степень доктора богословія; въ 1796 г. рукоположенъ въ священника. Послѣ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Іосифа Симашки. Скончался въ званіи протопресвитера виленскаго каѳедральнаго собора въ 1848 г. (Некрологъ его въ „Виленск. Епарх. Вѣдомост.“ 1863 г., стр. 185—200).

лежащею бумагой въ Супрасльскій монастырь для рукоположенія во священники [11]).

Въ 1819 году Булгакъ посвятилъ въ епископы Мартусевича. Базиліанамъ не нравилось, что правительство начало предоставлять архіерейскія мѣста лицамъ бѣлаго духовенства. Нужно было по крайней мѣрѣ сберечь принципъ на будущее время и обязать бѣлыхъ священниковъ принять монашеское постриженіе предъ посвященіемъ въ епископы. Посему, вслѣдъ за посвященіемъ Мартусевича, Булгакъ, ссылаясь на правила греческой церкви и постановленія Замойскаго собора, 25 сентября отнесся къ князю Голицыну объ испрошеніи Высочайшаго повелѣнія, дабы въ случаѣ наименованія епископа изъ бѣлаго духовенства наименованный принялъ монашеское званіе, пробылъ на искусѣ по правиламъ монашескаго ордена св. Василія Великаго годъ и шесть недѣль и по выдержаніи сего искуса сдѣлалъ торжественные обѣты. Но министръ однако не призналъ нужнымъ испрашивать подобное Высочайшее повелѣніе.

Между тѣмъ бѣлое духовенство, выходя мало-по-малу изъ того приниженнаго положенія, въ которомъ держали его базиліане и архіереи изъ этого ордена, начало требовать возстановленія своихъ законныхъ правъ. Первый выступилъ капитулъ именно той епархіи, которою управлялъ митрополитъ,—Брестскій. Капитулъ этой епархіи учрежденъ былъ еще въ 1775 г., но за смертію большей части членовъ почти уничтожился. Въ 1808 году Булгакъ возстановилъ оный, назначивъ въ составъ его 6 прелатовъ (старшее соборное духовенство) и 12 канониковъ (младшіе протоіереи).

Положеніе его было очень затруднительно, такъ какъ митрополитъ жилъ въ С.-Петербургѣ; консисторія находилась въ Жировицахъ, убогая епархіальная семинарія въ Лаврешевскомъ монастырѣ. Въ Брестѣ жъ не было даже соборной церкви, такъ какъ ею завладѣли базиліане и только епископъ суффраганъ жилъ въ Супрасльскомъ монастырѣ. Это былъ самый бѣдный, заброшенный капитулъ. Прелаты и каноники носили капитульные кресты, такъ-называемые дистинкторіи, но были что-назы-

---

[11]) „Литовскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ“, 1872 г., стр. 44.

вается не у дѣлъ и безъ всякихъ средствъ. Вождями движенія, вынужденнаго такимъ страннымъ положеніемъ, были предсѣдатель капитула, архипресвитеръ Янковскій и каѳедральный каноникъ, впослѣдствіи профессоръ виленскаго университета, Антонъ Сосновскій.

Въ 1819 г. 24 февраля капитулъ прислалъ къ князю Голицыну прошеніе съ жалобами на притѣсненіе отъ базиліанъ и съ ходатайствомъ о покровительствѣ. „Отягощенія, кои около двухъ сотъ лѣтъ свѣтское греко-унитское духовенство отъ монаховъ ордена св. Василія Великаго терпѣло, довольно очевидны; ибо *лишась права выбирать между себя епископов*, состоя подъ начальствомъ и управленіемъ монаховъ, свѣтское духовенство почти во всѣхъ епархіяхъ потеряло всѣ капитульныя имѣнія, частію управляющими и частію монахами отобранныя, чрезъ что разорены капитулы, доходы пребенда называемые и даже ихъ церкви истреблены, а пляцы евреямъ и другимъ жителямъ проданы. Семинаріи съ фундушами или обращены на что иное, либо чрезъ злоуправленіе монаховъ выходили изъ оныхъ въ духовное званіе недоученыя особы, да и сихъ не находилось въ оныхъ опредѣленное число, чрезъ что притупилось даже въ свѣтскомъ духовенствѣ просвѣщеніе. Принадлежности, называемыя бенефиціями, самыя лучшія забраны монахами и передѣланы на монастыри; прочія жъ церкви въ давнихъ временахъ истреблены монашескими ревизорами“. Затѣмъ капитулъ просилъ объ исходатайствованіи Высочайшаго повелѣнія, дабы: 1) съ давнихъ его имѣній захваченныхъ базиліанами, если бы оказалось невозможнымъ возвратить ихъ, сдѣлано было ему вспомоществованіе; 2) чтобы базиліанскіе монастыри (поименованные) опредѣлены были въ капитульскія пребенды и на прочіе нужные институты; 3) дабы Супрасльскую церковь обратить въ каѳедральную, а монастырь на помѣщеніе епархіальнаго епископа со штатомъ, капитула, консисторіи и семинаріи; и 4) чтобы доходъ Супрасльскаго монастыря опредѣленъ былъ на содержаніе капитула.

Прошеніе это, какъ и слѣдовало ожидать, передано митрополиту. Митрополитъ сдалъ его въ консисторію, положивъ резолюцію „въ выраженіяхъ укорительныхъ и уничижительныхъ“ и поручивъ консисторіи потребовать отъ капитула объясненія. Капитулъ не могъ не обидѣться этимъ, потому что составляя со-

вѣтъ епископа онъ отданъ былъ подъ судъ низшей инстанціи и консисторіи. Оффиціалъ Тупальскій повелъ дѣло по всей формѣ суда и предложилъ капитулу 10 вопросовъ съ требованіемъ объясненія. Капитулъ далъ объясненіе, имѣя надежду, что господинъ архипастырь будетъ имѣть состраданіе надъ капитуломъ; но не дождавшись ничего, кромѣ униженія, въ 1823 г. 8 января снова подалъ прошеніе князю Голицыну: 1) объ исходатайствованіи у Высочайшаго престола подтвержденія привиллегій капитулу и фундушей на содержаніе онаго; 2) изъ уваженія, что капитулъ, бывъ совѣтомъ епископскимъ, имѣетъ право въ отношеніи даже сохраненія респекта самаго архипастыря желать, дабы въ формальныхъ бумагахъ не употребляемо было словъ уничижительныхъ и неприличныхъ, тѣмъ болѣе что права духовныя и Высочайшіе указы сіе запрещаютъ, а таковыя бумаги остаются навсегда въ актахъ митрополитальныхъ, епархіальныхъ и капитульныхъ, капитулъ просилъ объ уничтоженіи таковыхъ бумагъ и объ удаленіи отъ должности архіерейскаго секретаря Мудровича, злоупотребляющаго архипастырскимъ добродушіемъ и непріязненнаго бѣлому духовенству; а на его мѣсто опредѣлить изъ бѣлаго духовенства; 3) затѣмъ капитулъ просилъ предоставить ему самому храненіе своихъ актовъ, дабы капитулъ всегда имѣлъ въ рукахъ доказательства своего дѣла и чтобы паче чаянія не уничтожились, какъ было при митрополитѣ Ментацкомъ, чрезъ пожаръ, который произвелся въ архивѣ тогда, когда бѣлое духовенство по повелѣнію сейма должно было отыскивать свои права; и 4) чтобы г. митрополитъ не изволилъ принуждать капитула къ процессу противъ базиліанъ, ибо бѣлое духовенство бѣдно и не можетъ несть тяжести съ орденомъ. Но князь Голицынъ уже отживалъ послѣдніе дни своего управленія, а Мудровичъ былъ неумолимъ и прошеніе капитула осталось безъ отвѣта.

Базиліане чувствовали свою силу. Такъ какъ знаменемъ бѣлаго духовенства былъ Красовскій, стоявшій уже на пути къ званію митрополита и едва не получившій этого сана, то базиліане на него и направили свою месть. Красовскій не скрывалъ и гласно заявлялъ потомъ, что и Булгакъ имѣлъ противъ него вражду, частію перенесенную на него съ митрополита Лисовскаго, котораго онъ ненавидѣлъ, частію возбужденную собствен-

нымъ положеніемъ его, какъ бѣлаго архіерея и притомъ соперника митрополиту.

Узелъ интриги завязался въ 1820 году, когда Булгакъ взялъ на годъ отпускъ изъ коллегіи и жилъ не въ своей брестской, а въ полоцкой епархіи въ Онуфріевскомъ монастырѣ.

Месть местью, а между прочимъ Булгаку хотѣлось завладѣть богатою полоцкою епархіею, на которую онъ уже давно имѣлъ виды [12]).

Орудіемъ выбрано было лицо, близкое къ Красовскому — экономъ архіерейскаго дома священникъ Воронецкаго прихода Ѳома Арматовичъ, нигдѣ неучившійся, имѣвшій порученіе только смотрѣть за мастеровыми и покупать запасы и за эти домашнія услуги опредѣленный сперва протодіакономъ, а потомъ въ 1819 г. рукоположенный во священника. Въ августѣ 1820 г. онъ подалъ князю Голицыну прошеніе, въ которомъ жаловался на удаленіе его отъ должности и запрещеніе священнослуженія „за то, что онъ будто бы разгласилъ по двумъ губерніямъ производимый архіепископомъ въ покояхъ его секретный судъ надъ подчиненными ему особами", между тѣмъ какъ архіепископъ, подъ страхомъ анаѳемы, обязалъ его ни съ кѣмъ ни слова не говорить объ этомъ дѣлѣ. Къ оффиціальному прошенію присоединена секретная записка *для свѣдѣнія* съ обвиненіемъ Красовскаго въ нетрезвости, въ худомъ содержаніи семинаріи и въ жестокомъ обращеніи съ крестьянами. Слишкомъ ясно, что оффиціальное обвиненіе было только предлогомъ, расчищавшимъ путь клеветѣ, которою и наполнена секретная записка. Между тѣмъ министерство взглянуло на дѣло иначе и дало такое направленіе дѣлу, какого не ожидали вѣроятно и сами доносители.

Князь Голицынъ поручилъ митрополиту Булгаку „секретно разслѣдовать дѣло объ Арматовичѣ, о производимомъ въ полоцкой епархіи безгласномъ судѣ и о положеніи семинаріи; а

---

[12]) Полоцкая епархія досталась потомъ ему, но уже много лѣтъ спустя и то благодаря великодушію Іосифа Симашко. О средствахъ содержанія полоцкаго епископа можно судить по оффиціальнымъ показаніямъ Красовскаго, что онъ съ имѣній епархіи и Онуфріевскаго монастыря получалъ въ годъ вѣрнаго дохода до 50.000 руб. и невполнѣ вѣрнаго до 10.000 руб. Изъ этихъ средствъ онъ содержалъ консисторію, семинарію и архіерейскій домъ.

министру внутреннихъ дѣлъ сообщилъ о разслѣдованіи, точно ли справедливы свѣдѣнія на счетъ притѣсненій, дѣлаемыхъ крестьянамъ архіепископомъ Красовскимъ и его управляющими.

Между тѣмъ прежде нежели получены были свѣдѣнія о послѣдствіяхъ этого предварительнаго дознанія, Арматовичъ, шпіономъ слѣдившій за всѣми дѣйствіями Красовскаго и знавшій о каждомъ сказанномъ имъ словѣ, донесъ князю Голицыну, что Красовскій располагается встрѣтить Государя на обратномъ пути изъ-за-границы — Государь въ то время былъ на конгрессѣ въ Лайбахѣ. Голицынъ опасаясь, чтобы Красовскій не предупредилъ его и изъ-за этого не вышло для него непріятности, послалъ къ Государю докладъ о содержаніи донесенія Арматовича и о своихъ предварительныхъ распоряженіяхъ по этому дѣлу. Государь написалъ на докладѣ: „Я желаю знать въ подробности, въ чемъ состоялъ секретный судъ, о коемъ здѣсь упоминается, кѣмъ оный былъ учрежденъ, за какую вину и чѣмъ кончился“.

Вслѣдъ затѣмъ получены были первыя донесенія митрополита изъ Судиловичъ, гдѣ онъ въ теченіи пяти недѣль производилъ слѣдствіе. Митрополитъ писалъ, что никакого секретнаго суда въ полоцкомъ архіерейскомъ домѣ нѣтъ, кромѣ установленной и законами предписанной духовной консисторіи. Что же касается архіепископскаго гнѣва на священника Арматовича, то гнѣвъ этотъ возымѣлъ свое начало не съ худыхъ поступковъ Арматовича всякому извѣстныхъ, но съ личныхъ домашнихъ отношеній.

Арматовичъ, вознамѣрясь удалить изъ милостей и кредита у своего архипастыря архіерейскаго секретаря Владычинскаго и переводчика консисторіи Яцкевича, дѣлалъ на нихъ разные секретные доносы и въ то же время распускалъ по епархіи разные на его счетъ слухи. Интриги эти во всѣхъ подробностяхъ дошли до свѣдѣнія архіерея. Архіепископъ созвалъ къ себѣ всѣхъ ссорившихся на очную ставку, чтобы удостовѣриться, сколько во всемъ этомъ правды, и если можно склонить ихъ къ миру. При архіереѣ начались странныя пререканія и взаимныя улики. Яцкевичъ самъ пожелалъ перейти въ другое мѣсто. Но тогда вся ярость Арматовича обрушилась на Владычинскаго. Послѣ безуспѣшныхъ попытокъ помирить ихъ, архіепископъ пре-

доставилъ имъ вѣдаться, если пожелаютъ, формальнымъ судомъ, но въ то же время приказывалъ имъ не клеветать другъ на друга. Арматовичъ этимъ не унялся и не переставалъ всячески оскорблять Владычинскаго и повсюду разносить на него клеветы. Архіепископъ напомнилъ ему, что онъ поступаетъ противно званію священника. Новое личное увѣщаніе архіерея имѣло не болѣе успѣха и кончилось грубостію со стороны Арматовича къ архіепископу. Вслѣдъ за симъ онъ, безъ вѣдома начальства, уѣхалъ въ С.-Петербургъ и подалъ извѣстное прошеніе, въ которомъ, по признанію самого митрополита, придалъ видъ государственной вины дѣлу домашнему и совершенно ничтожному. Со стороны Красовскаго упущеніе состояло только въ томъ, что онъ не отослалъ виновныхъ, которые болѣе не слушали его пастырскаго увѣщанія, въ консисторію для формальнаго процесса. „И въ семъ-то—заключаетъ митрополитъ — состоитъ повѣсть о секретномъ судѣ“.

По другимъ частямъ управленія Булгакъ не нашелъ въ полоцкой епархіи ничего неправильнаго, лично заявлялъ объ этомъ архіепископу и въ секретныхъ донесеніяхъ князю Голицыну, а о содержаніи семинаріи отозвался даже съ полною похвалою. Одно только пятно оставалось на репутаціи архіепископа: личная его слабость. По этому поводу митрополитъ сдѣлалъ ему каноническое увѣщаніе.

Донесенія повѣтовыхъ маршаловъ показали, что положеніе архіерейскихъ крестьянъ полоцкой епархіи не хуже того, въ какомъ находятся помѣщичьи крестьяне.

Дѣло получило довольно опредѣленныя очертанія; но они показались слишкомъ тѣсными для враговъ Красовскаго и они вывели его за эти очертанія.

Возвратясь въ С.-Петербургъ и снесясь съ доносчиками, митрополитъ здѣсь уже въ ихъ клеветахъ напалъ на слѣдъ тайнаго суда, котораго не нашелъ въ Полоцкѣ. Тамъ онъ видѣлъ одно учрежденіе бывшее при архіерейскомъ домѣ подъ названіемъ *аудиторіата* для обученія и испытанія ставленниковъ и для исправленія посылаемыхъ на эпитимію священниковъ и самъ хвалилъ заведенный по сей части порядокъ. Здѣсь же въ С.-Петербургѣ ему объяснили, что это-то и есть тотъ *секретный судъ*, котораго онъ не нашелъ.

Обязанностію онаго учрежденія было — писалъ Красовскій — обучать богослуженію ставленниковъ или новиціевъ, преподавать имъ нравственное богословіе и прочія нужныя науки, слушать экзамены и достойнѣйшихъ представлять къ рукоположенію и повышенію чинами. Онаго же обязанностію было смотрѣть за тѣми, кои для исправленія находятся на эпитиміи, дабы небезполезно теряли время, для оставленія прежнихъ своихъ пороковъ, никому кромѣ ихъ самихъ не дѣлающихъ вреда. Употребленіе всегда строгости формальнымъ поступленіемъ не соотвѣтствуетъ мирному духу церкви и евангельскимъ ученіямъ, а сверхъ того въ состояніи бѣлаго унитскаго духовенства сдѣлалось бы отъ того много вдовъ и сиротъ. Сіе назначеніе эпитиміи ничуть не бывало употребляемо въ важныхъ преступленіяхъ; но и осужденные консисторіею по важнѣйшимъ проступкамъ поступали въ то же самое мѣсто, которое назначалось для эпитимистовъ по архіерейскому приговору. Аудиторіатъ смотрѣлъ за всѣми оными по правиламъ сходно кроткимъ ученіямъ евангельскимъ, св. отецъ и соборовъ; да сверхъ сего сіе заведеніе было какбы госпиталемъ для лишившихся ума отъ худыхъ своихъ навыковъ. По всей справедливости оное должно было назвать богоугоднымъ".

На это-то учрежденіе и свели секретный архіерейскій судъ. Обстоятельства дѣла доведены были до свѣдѣнія Государя и 6-го ноября 1821 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе о преданіи архіепископа Красовскаго „за нарушеніе государственныхъ и церковныхъ узаконеній, въ дѣйствіяхъ его открытое" суду съ устраненіемъ отъ управленія епархіею.

Судъ предположено было учредить въ С.-Петербургѣ подъ предсѣдательствомъ митрополита изъ луцкаго епархіальнаго епископа и одного изъ суффрагановъ—епископовъ; ибо правила церковныя требуютъ, чтобы епископъ судимъ былъ митрополитомъ и двумя епископами или уполномоченными отъ нихъ. „Вижу ясно—писалъ Красовскій къ Голицыну 15 февраля 1822 года—что борьба нѣсколько столѣтій продолжающаяся между духовенствомъ бѣлымъ и чернымъ утѣсняетъ меня тѣмъ паче, что перваго былъ я единою надеждою. Не въ видѣ виновнаго осмѣливаюсь отозваться къ наилучшей христіанской душѣ вашего сіятельства: „будьте милосердны, якоже и Отецъ нашъ небесный

есть милосерденъ". О митрополитѣ же писалъ: „Я призываю судъ Божій и Царевъ, можетъ ли таковое дѣло по справедливости подлежать сужденію митрополита Булгака"! Красовскій просилъ выслушать его и дать ему средства къ оправданію. Его вызвали въ С.-Петербургъ, какъ подсудимаго. Митрополитъ Сестренцевичъ гостепріимно предложилъ ему у себя квартиру и столъ [13]).

Изъ назначенныхъ въ составъ суда луцкій епископъ Мартусевичъ отказался пріѣхать за болѣзнію. Суффраганъ литовской митрополичьей епархіи Головня—тоже. Вызвали брестскаго суффрагана Яворовскаго. Литовскій суффраганъ назначилъ вмѣсто себя делегата—ассессора коллегіи отъ брестской епархіи, каноника Василія Маркевича (замѣтимъ, одного изъ тѣхъ членовъ брестскаго капитула, которые въ 1819 г. подавали жалобу на базиліанъ и Булгака); луцкій епископъ назначилъ вмѣсто себя вновь избраннаго ассессоромъ коллегіи луцкаго протопресвитера, магистра богословія Іосифа Симашку. Секретаремъ къ сему дѣлу назначенъ митрополитомъ іеромонахъ изъ ордена базиліанскаго докторъ богословія и каноническихъ правъ, состоявшій секретаремъ при Булгакѣ Іосафатъ Мудровичъ.

Красовскій протестовалъ противъ назначенія секретаремъ Мудровича въ виду явной его противъ покойнаго Лисовскаго и противъ него Красовскаго ненависти, такъ какъ Мудровичъ принадлежалъ къ Полоцкой епархіи, именно былъ монахомъ Софійскаго базиліанскаго монастыря, постоянно уничижалъ и оскорблялъ своего архипастыря и наконецъ перебѣжалъ къ Булгаку, не испросивъ законнаго разрѣшенія своего епископа. Но протестъ оставленъ безъ уваженія. Всѣ бумаги составляемы были Мудровичемъ. „Хотя судъ и увѣрялъ—писалъ Красовскій—что были сочиняемы подъ надзоромъ епископа Яворовскаго: но

---

[13]) Администрація епархіи поручена врагу Красовскаго архимандриту Шулякевичу, а для управленія фундушевыми имѣніями и доходами образованіи коммиссія изъ 4-хъ членовъ: двухъ изъ бѣлагодуховенства и двухъ изъ ордена. Префекту семинаріи Лужинскому (впослѣдствіи преосвященный Василій, членъ святѣйшаго Синода) поручено, вмѣстѣ съ званіемъ члена, исполнять обязанности секретаря коммиссіи. Шулякевичъ послѣ десятимѣсячной администраціи скоропостижно умеръ.

сія невѣрность столь ясна повсемѣстно, что при первомъ взглядѣ нельзя оной не видѣть".

Судъ открылъ свои засѣданія еще до прибытія Симашки 22 мая 1822 года. Симашко прибылъ послѣ первыхъ уже засѣданій, въ августѣ этого года.

Указъ о преданіи архіепископа суду объявленъ ему администраторомъ Шулякевичемъ намѣренно въ самый день его именинъ, 4 декабря, послѣ торжественно отслуженной базиліанами обѣдни. Затѣмъ „вызванъ я сюда—писалъ архіепископъ—но въ такихъ жестокихъ выраженіяхъ, какъ бы осужденный криминалистъ на эшафотъ. Чинимо было разсужденіе въ коллегіи о моемъ гардеробѣ, но одинъ изъ членовъ подалъ голосъ: неужели мы должны даже и обнажить нашего архипастыря" [14])? Квартира мнѣ въ моемъ домѣ была отказана. Но высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Сестренцевичъ благосклоннѣйше изволилъ мнѣ означить таковую въ своемъ собственномъ домѣ, со столомъ лично для меня. Сіе благодѣяніе весьма есть великое, яко содѣланное для меня тогда, какъ цѣлый такъ-сказать свѣтъ, взирая на начальство, отъ меня устранился и я оставленъ безъ всякой помощи и пристанища. Однакожъ и по сему поводу много я претерпѣлъ. Между прочимъ г. директоръ департамента духовныхъ дѣлъ Тургеневъ изъявилъ особенно за сіе ко мнѣ свое негодованіе и даже лично давалъ мнѣ за то строжайшій выговоръ, на который я объяснялся, призывая въ свидѣтели Бога, что я и мысли не имѣлъ въ томъ о какихъ-либо (по его директора словамъ) интригахъ. Но гдѣ же мнѣ жить приличнѣе находящемуся въ такомъ бѣдственномъ положеніи, когда на сіе послѣдовало милосерднѣйшее снисхожденіе самого преосвященнѣйшаго". Коммиссія, конфисковавъ и описавъ все его имѣніе еще въ Струнѣ, прислала къ нему полицію еще разъ въ домъ митрополита Сестренцевича, гдѣ ужъ нечего было больше описывать. „Встревоженный я далъ ей нужныя объясненія, за симъ оставили они меня спокойнымъ".

Обвиненія Красовскаго состояли въ томъ, что онъ 1) безъ

---

[14]) Священникъ прибывшій съ архіепископомъ и желавшій остаться при немъ высланъ обратно въ епархію чрезъ полицію.

всякой вины священника Арматовича по поводу частнаго домашняго разбирательства, которое тотъ разгласилъ, отнялъ у него настоятельское мѣсто; 2) подвластныхъ ему духовныхъ и другихъ людей безъ суда подвергаетъ наказаніямъ, какъ-то: заключаетъ въ тюрьму на годъ и болѣе, содержитъ ихъ въ оковахъ и наказываетъ тѣлесно, приводя таковыя свои распоряженія въ дѣйствіе чрезъ членовъ учрежденнаго имъ особо комитета, названнаго авдиторіатомъ; 3) ведетъ нетрезвую жизнь и отъ того почти въ каждомъ мѣсяцѣ бываетъ около двухъ недѣль въ такомъ положеніи, что не въ состояніи принимать никого по службѣ; наконецъ 4) поступаетъ жестоко съ фундушевыми его крестьянами.

Красовскій не былъ образцовымъ пастыремъ: но духовенство все же любило его какъ своего и онъ дѣйствительно много сдѣлалъ для духовенства. А потому, какъ только сдѣлалось извѣстнымъ повелѣніе о преданіи архіепископа суду, неподдѣльное горе охватило Полоцкую епархію. Отъ духовенства и семинаріи начали поступать просьба за просьбой о возвращеніи имъ любимаго архипастыря. Первымъ по времени было прошеніе Полоцкой протопресвитеріи. „Сей пастырь — писалъ генеральный визитаторъ Полоцкаго и Городецкаго деканатовъ протопресвитеръ Никоновичъ—въ теченіе двѣнадцатилѣтняго правленія епархіею распространеніемъ просвѣщенія, искорененіемъ пороковъ, возмездіемъ добродѣтели, защитою вдовъ и сиротъ и прочими приличными сану своему поступками, отличнымъ дарованіемъ впечатлѣлъ въ сердца ввѣренной ему паствы къ себѣ любовь, а тѣмъ самымъ оправдалъ Вашего императорскаго величества назначеніе. Се чада Твои слезно вопіютъ простирая ослабленныя руки своя, воззрите отеческимъ окомъ, отрите слезы возвращеніемъ любимаго намъ отца и пастыря“.

Затѣмъ послѣдовали просьбы отъ духовенства Бобыницкаго и Лепельскаго повѣтовъ, отъ Витебскаго протопресвитерства, отъ деканатовъ Себежскаго и Освѣйскаго, отъ протопресвитеровъ Копысскаго, Мозовскаго, Рогачевскаго и Оршанскаго, всю ду за подписями всѣхъ священниковъ, отъ клириковъ, профессоровъ и священниковъ Полоцкой епархіальной семинаріи [15]).

[15]) Къ этой петиціи между профессорами подписался магистръ богословія

„Ему-то, писало духовенство, мы обязаны тою для насъ лестною славою, каковая вообще отдается нынѣ клиру нашему. Онъ, архіепископъ жилъ не для себя, но единственно для блага епархіи своей: сіе мы видимъ въ институтѣ семинаріи, которую въ столь значительномъ числѣ способныхъ юношей содержалъ въ наилучшемъ порядкѣ. Онъ сей вертоградъ засаживалъ, онъ его лелѣялъ съ заботливостію, изъ коего епархія получила уже созрѣлые плоды. Изъ тѣхъ доходовъ, которые прямо принадлежали въ его собственный удѣлъ, обращалъ бо́льшею частію на тотъ же одинъ предметъ, содержа въ помянутой семинаріи сверхъ положеннаго числа воспитанниковъ на своемъ собственномъ иждивеніи болѣе 30 душъ юношей, кои съ достиженіемъ цѣли своей могутъ принести религіи и отечеству пользу, а епархіи и намъ славу. При всемъ томъ сколь кроткое и благосклонное его архіепископа было обращеніе съ священствомъ: каждый изъ насъ смѣло прибѣгалъ къ нему во всякомъ случаѣ съ полнымъ увѣреніемъ, что въ нуждахъ и дѣлахъ своихъ, лишь бы только закону не противныхъ, найдетъ для себя снисходительнаго отца, и никто въ томъ не обманулся. Каждаго изъ священниковъ принималъ не какъ начальникъ подчиненнаго, но какъ благосклонный отецъ сына. Бѣдныя вдовы умершихъ собратій нашихъ не отходили отъ него иначе, какъ только съ обезпеченіемъ участи своей“.

Повѣренные Бобыницкаго и Лепельскаго деканатовъ жаловались особенно на то, что временное начальство Полоцкой епархіи усиливается разстроить семинарію и уже уменьшило число воспитанниковъ оной; что постоянно враждебные бѣлому духовенству базиліане ищутъ всѣхъ средствъ погасить возженное въ духовенствѣ полоцкой епархіи просвѣщеніе.

Между тѣмъ для изслѣдованія проступковъ Красовскаго въ распоряженіи помѣстьями и крестьянами ему ввѣренными, составлены были коммиссіи въ каждомъ повѣтѣ, гдѣ оныя имѣнія находятся, изъ маршала и стряпчаго того повѣта и двухъ духовныхъ депутатовъ. Арматовичъ, въ качествѣ шпіона, слѣдилъ за показаніями крестьянъ и дѣйствіями коммиссій и посылалъ

профессоръ логики, краснорѣчія и всеобщей исторіи *Антоній Зубко*, въ послѣдствіи епископъ Минскій и между воспитанниками 4-го класса—*Ѳома Малишевскій*, скончавшійся въ санѣ архіепископа Нижегородскаго.

одинъ за другимъ тайные доносы. Но коммиссія удостовѣрила, что крестьяне не объявили никакой претензіи къ Красовскому, что Красовскій не отягощалъ ихъ излишними сборами и жестокими наказаніями, а напротивъ употреблялъ умѣренные способы къ обузданію развратныхъ и что Богъ бы ихъ наказалъ, ежели бы они, польстясь на его собственность, что-либо ложно противъ него говорили, ибо онъ берегъ ихъ какъ дѣтей своихъ; что указанная имъ его собственность и описанная на ихъ удовлетвореніе имъ не нужна и они ея не хотятъ. Витебскій губернаторъ представилъ эти заявленія министру съ своимъ отзывомъ, что не находитъ въ архіепископѣ съ этой стороны ни малѣйшей виновности. Красовскій съ своей стороны показалъ, что онъ неоднократно вносилъ за крестьянъ казенныя подати не тысячами, но десятками тысячъ, а одну изъ таковыхъ податей, накопившуюся еще при жизни покойнаго митрополита Лисовскаго, послѣ пріема оныхъ имѣній въ свое управленіе изъ собственныхъ доходовъ уплатилъ выше 10.000 рублей; послѣ непріятельскаго разоренія исправно завелъ вездѣ сельскіе запасные магазейны въ полномъ количествѣ, такъ что отъ раздачи хлѣба крестьянамъ въ весеннее время остается еще въ магазейнахъ до нѣсколькихъ сотъ четвертей.

Объ авдиторіатѣ бывшіе въ разное время члены его соборные священники подъ присягою показали, что не знаютъ и не помнятъ, чтобы кто-либо былъ наказываемъ. Красовскій писалъ, что никогда не употреблялъ жестокихъ средствъ, имѣлъ всегда въ виду благо бѣлаго духовенства и потому оно не жаловалось на него, а напротивъ въ самомъ нынѣшнемъ его архіерейскомъ удаленіи явился въ пользу его голосъ сего духовенства, который достигъ уже до правительства.

Относительно нетрезвой жизни Красовскій писалъ, что дѣла его и все управленіе могутъ всякаго убѣдить, что преданный пьянству не могъ бы такъ успѣвать по всѣмъ частямъ управленія, что всякое о томъ изысканіе для него нестрашно, что имѣетъ слабости, но онѣ не выше его и что ни сложеніе его, ни занятія не позволяли ему излишества.

Судъ предоставилъ Булгаку сдѣлать сношеніе съ митрополитомъ Сестренцевичемъ, въ домѣ котораго Красовскій жилъ, для полученія удостовѣренія о его жизни и поведеніи. На тре-

бованіе Булгака Сестренцевичъ объявилъ, что Красовскій имѣетъ квартиру въ домѣ его какъ собратъ и что онъ митрополитъ не есть инспекторъ и о поведеніи Крассовскаго не дастъ никакого свидѣтельства. Но затѣмъ по просьбѣ самаго архіепископа въ 1825 году онъ далъ письменное показаніе, что въ теченіе трехъ съ половиною лѣтъ преосвященный Красовскій не подавалъ ни малѣйшаго повода къ утвержденію столь предосудительной для имени его клеветы.

Главная надежда судей была на двухъ священниковъ, соборнаго декана Ляхтановича и каноника Лавецкаго, на которыхъ указалъ Арматовичъ, и на архіерейскаго духовника вице-оффиціала Слонимскаго. Митрополитъ властію верховнаго пастыря разрѣшилъ ихъ отъ всякаго запрещенія и стѣсненія совѣсти въ отношеніи къ своему епископу предписавъ in virtute Sanctae obedientiae показать самую сущую истину. Первые два нашли способъ отмстить архіерею за нанесенныя имъ обиды и на ихъ показаніяхъ главнымъ образомъ основывалось обвиненіе Красовскаго въ жестокихъ поступкахъ; но Слонимскій не показалъ ничего худаго на своего духовнаго сына и тѣмъ навлекъ на себя гнѣвъ митрополита Булгака.

Доносчикъ Арматовичъ получилъ отъ митрополита институцію на Воронецкій приходъ и кромѣ того 1000 руб. изъ жалованья архіепископа въ вознагражденіе исчисленныхъ митрополитомъ убытковъ по случаю пріѣзда его въ С.-Петербургъ. Митрополитъ приказалъ самому Красовскому уплатить доказчику эту сумму; но архіепископъ просилъ поручить исполнить это коммиссіи, завѣдывавшей его секвестрованнымъ имуществомъ. „Я не имѣю, писалъ онъ, для исполненія сего довольно духа. Очень тягостно сбитому съ ногъ сносить, когда его топчутъ и давятъ повергнутаго уже на землю“.

Мы не будемъ передавать всѣхъ подробностей суда. Министръ и департаментъ, прежде благосклонные къ Красовскому, теперь приняли сторону базиліанъ. Управленіе епархіею поручено было базиліанину Шулякевичу. Арматовичъ подавалъ кляузу за клаузой и департаментъ все принималъ и какъбы поощрялъ доносчика къ новымъ показаніямъ. Въ дополненіе къ „запискѣ для памяти“ Арматовичъ подалъ на польскомъ языкѣ самое ужасное *описаніе жизни и поступковъ архіепископа*, прибавивъ

какъ бы въ насмѣшку: *съ осторожностію и сохраненіемъ его добраго имени сдѣланное.* Потомъ шли доносъ за доносомъ о ходѣ допросовъ крестьянъ по повѣтамъ, объ образѣ жизни архіепископа въ С.-Петербургѣ, о дѣйствіяхъ въ защиту Красовскаго бывшаго секретаря его Владычинскаго и племянника—бывшаго засѣдателя въ коллегіи Копецкаго и пр. Красовскій подалъ два объясненія 3-го ноября 1822 г. и 24-го февраля 1823 г. Мудровичъ передѣлывалъ ихъ по своему. Жалуясь на извращеніе Мудровичемъ фактовъ, Красовскій писалъ: „даже мое объясненіе 3-го ноября поданное и содержащееся на 392 страницахъ толико искажено почти во всякомъ періодѣ и изображено въ выпискѣ такъ, дабы дѣйствовало противу меня самаго, а тѣмъ болѣе, что сіе приписано мнѣ же, аки бы принесенное въ мою оборону и оправданіе. А изъ сего весьма нетрудно было увидѣть цѣль стремленія секретаря Мудровича и тѣхъ, которые совокупно съ нимъ дѣйствуютъ, дабы таковымъ порядкомъ затмить дѣло, сдѣлать оное запутаннымъ и самотруднѣйшимъ для видѣнія въ немъ истины, меня побудить къ новымъ возраженіямъ (какъ сіе и сдѣлано въ отношеніи суда отъ 16 февраля сего 1823 г.), а изъ того повода возложить на меня причину медленности въ дѣлѣ, ибо послѣ сихъ возраженій должна была бы составляться новая выписка и опять ко мнѣ отсылаться къ рукоприкладству, на которую я, какъ подобную прежнимъ, опять бы точно возражалъ и опять бы дѣлалась выписка и такъ доходило бы до безконечности".

Съ одной стороны придирки и медлительность, съ другой—постоянныя жалобы изъ полоцкой епархіи на худое управленіе администраціею довели дѣло до того, что понадобилось поручить епархію въ болѣе надежное управленіе постояннаго епископа. Но надежды и разсчеты митрополита и Мудровича сбылись только на половину. 10 марта 1823 г. дѣйствительно и состоялся Высочайшій указъ сенату о порученіи полоцкой епархіи, впредь до повелѣнія, луцкому епископу Мартусевичу,—минуя митрополита и его суффрагановъ. Князь Голицынъ, сообщивъ Мартусевичу о предназначеніи его къ управленію полоцкой каѳедры, объявилъ ему секретно, для частнаго токмо его свѣдѣнія, волю Государя Императора, что Красовскій если и оправдается, не можетъ быть по особымъ частнымъ причинамъ возвращенъ къ управленію полоцкою епархіею.

Черезъ три дня послѣ этого, 14 марта 1823 г. состоялось постановленіе суда. „Судъ, какъ выражается протоколъ, росписался надвое въ своихъ мнѣніяхъ". Митрополитъ Булгакъ съ Яворовскимъ положили удалить Красовскаго отъ управленія полоцкою епархіею, оставивъ при немъ титулъ архіепископа; управленіе же епархіею поручить суффрагану, который и долженъ имѣть наблюденіе за поведеніемъ Красовскаго до времени точнаго исправленія. Еслибы правительству благоугодно было опредѣлить въ другомъ мѣстѣ, не при полоцкой каѳедрѣ, для архіепископа Красовскаго мѣстопребываніе, то въ семъ случаѣ возложить обязанность на мѣстное начальство, чтобы оно въ свое время доносило о поведеніи архіепископа, гдѣ слѣдуетъ.

Уполномоченные другихъ двухъ епископовъ, каноники Симашко и Маркевичъ, придерживаясь болѣе каноническихъ правилъ полагали, что Красовскій имѣлъ власть наказывать порочныхъ священниковъ, исправлять ихъ по своему усмотрѣнію законными средствами и давать свои опредѣленія и резолюціи. Обращаясь же къ роду употребленныхъ наказаній, они находили, что по отзывамъ всѣхъ свидѣтелей священно и церковнослужители заключаемы были въ тюрьму, но какого рода была сія тюрьма, кто и за что оною наказывались, обстоятельно не изъяснено; впрочемъ и таковое наказаніе заключеніемъ въ настоящую тюрьму дозволено епископамъ по каноническимъ правиламъ за важныя преступленія; что свидѣтели говорятъ о употребленіи цѣпей, но также не пояснили, въ какихъ случаяхъ сіе допускается, кромѣ происшествія съ священникомъ Пучковскимъ; а такъ какъ сей священникъ, по отзыву одного свидѣтеля, въ пьяномъ видѣ дѣлалъ неистовства, то нельзя признать архіепископа виновнымъ въ употребленіи средства къ обузданію его; что нѣкоторые преступники, по показаніямъ свидѣтелей, были наказываемы дисциплинарно, въ томъ архіепископъ сознается. Хотя же и послѣ Замойскаго синода обычай ввелъ таковое наказаніе, продолжавшееся до недавнихъ временъ; а съ другой стороны согласиться должно, что находятся еще священники, кои симъ только родомъ наказанія могутъ быть обуздываемы: но такъ какъ просвѣщеніе между бѣлымъ духовенствомъ болѣе и болѣе распространяется, а государственныя узаконе-

нія запрещаютъ подобныя наказанія, то признать архіепископа виновнымъ въ оныхъ; но по изъясненнымъ уваженіямъ, служащимъ къ уменьшенію его вины, строго ему подтвердить, дабы онъ не употреблялъ впредь подобныхъ наказаній. Что Красовскій сознался въ нетрезвой жизни и теперь сего сознанія не отвергаетъ, но протестуетъ только противу того, что митрополитъ полагалъ, якобы отъ сего могли произойти безпорядки по епархіальному управленію: посему признать его виновнымъ въ сей слабости, сану его неприличной. Но такъ какъ по правамъ каноническимъ во всякомъ, и особенно отъ слабости проистекающемъ преступленіи, самый послѣдній священникъ безъ троекратнаго увѣщанія наказанъ быть не можетъ, то дать архіепископу другое каноническое на сей предметъ увѣщаніе. Относительно тѣхъ предметовъ, въ коихъ архіепископъ обвиняетъ митрополита, поелику судъ не можетъ разбирать дѣйствій своего предсѣдателя, а сей послѣдній заключеній своихъ о томъ дѣлать, то сіе оставить безъ разрѣшенія.

Исправлявшій должность секретаря духовнаго суда, базиліанскій монахъ Мудровичъ, препровождая въ департаментъ 14 марта 1823 г. дѣло о Красовскомъ съ состоявшимся опредѣленіемъ о немъ духовнаго суда, представилъ свой протестъ противъ дѣйствія членовъ суда—Маркевича и Симашки, укоряя и завиняя ихъ въ пристрастіи къ Красовскому. Вотъ одно изъ его заявленій, обрисовывающее образъ дѣйствій Симашки. „Секретарь по своему долгу сдѣлалъ замѣчанія противъ объясненій архіепископа, обнаруживая несогласія въ показаніяхъ. Митрополитъ съ членомъ епископомъ важнѣйшія и служащія къ дѣлу внесли въ свое опредѣленіе, но не велѣли внести въ протоколъ, потому что делегаты премного негодовали на оныя, особливо Симашко, причиняя не мало досады секретарю, сказавъ именно въ засѣданіи 17 февраля, что такое-то логическое заключеніе есть происходящее изъ устъ Арія (Taki wniosek jest ariuszonsie) и что всѣ оныя заключенія слѣдуетъ перечернить, дѣлая знакъ рукою буквы Х. Во всемъ вышеписанномъ секретарь свидѣтельствуется преосвященнымъ епископомъ Яворовскимъ, во всемъ теченіи дѣла не оказавшимъ малѣйшаго пристрастія ни къ одному лицу, прикосновенному къ дѣлу и почти на всякомъ засѣданіи боровшимся съ делегатомъ Симашкою, который и того

даже требовалъ, чтобы онъ сидѣлъ въ судѣ выше епископа, и митрополитъ по сему предмету принужденъ былъ сноситься съ вѣрителемъ его, епископомъ Мартусевичемъ, послѣ чего епископъ Яворовскій остался на своемъ мѣстѣ".

На этомъ остановилось дѣло въ царствованіе императора Александра и князь Голицынъ не утруждалъ уже Государя императора докладомъ о судѣ, хотя оный конченъ былъ еще весною 1823 года.

Окончаніе этого процесса и рѣшеніе дѣла о Красовскомъ относятся уже къ слѣдующему царствованію. Но мы изложимъ здѣсь дальнѣйшія о немъ свѣдѣнія для полноты и законченности всего этого дѣла.

Въ 1824 году департаментъ духовныхъ дѣлъ распался. Грекороссійское отдѣленіе отошло къ оберъ-прокурору Святѣйшаго Синода (князь Мещерскій и Нечаевъ), а изъ трехъ остальныхъ отдѣленій образованъ департаментъ иностранныхъ исповѣданій. *Шишковъ*, назначенный министромъ народнаго просвѣщенія, въ то же время принялъ главное управленіе дѣлами иностранныхъ исповѣданій. Директоромъ департамента назначенъ за выходомъ А. И. Тургенева, бывшій начальникъ отдѣленія гр. Ив. *Карташевскій*, который отнесся съ большимъ безпристрастіемъ къ Красовскому, нежели его предшественникъ.

Въ іюнѣ 1826 года адмиралъ Шишковъ представилъ Государю императору докладную записку о Красовскомъ съ изложеніемъ всѣхъ обстоятельствъ дѣла, съ заключеніемъ о немъ духовнаго суда и отзывомъ митрополита Сестренцевича о личномъ поведеніи архіепископа. Общій тонъ докладной записки былъ благопріятенъ для Красовскаго. Изъяснивъ положеніе дѣла, Шишковъ представлялъ въ Высочайшую волю Государя—явить архіепископу Красовскому монаршую милость. Если судить по правиламъ, коими сей архіепископъ, слѣдуя по стезямъ митрополита Лисовскаго, прежде руководствовался въ управленіи епархіею, то можно надѣяться, что онъ и впредь будетъ столько же благонадеженъ на поприщѣ службы, если не въ прежнемъ своемъ мѣстѣ, въ Полоцкѣ, куда епископъ Мартусевичъ призванъ навсегда по волѣ блаженной памяти Государя императора, то въ другой епархіи, гдѣ самая слабость его прежняя не можетъ быть столько гласна, напримѣръ въ луцкой епархіи,

которая упразднится если Вашему императорскому величеству благоугодно будетъ рѣшительно утвердить Мартусевича въ Полоцкѣ".

Государь приказалъ передать докладную записку вмѣстѣ съ дѣломъ на разсмотрѣніе комитета гг. министровъ.

Комитетъ министровъ, въ засѣданіи 12 октября по разсмотрѣніи дѣла нашелъ, что по управленію имѣніями полоцкой епархіи не обнаружено со стороны Красовскаго ни малѣйшаго отягощенія; равнымъ образомъ и крестьяне не предъявили на него никакихъ претензій; почему справедливость требуетъ оставить его отъ всякаго по сему предмету обвиненія свободнымъ и наложенное на собственное его имѣніе запрещеніе снять. Но что касается до произведеннаго надъ нимъ духовнаго суда за неприличные поступки съ духовенствомъ его епархіи, то комитетъ имѣя въ виду съ одной стороны происшедшія между членами духовнаго суда разныя мнѣнія на счетъ оправданія Красовскаго въ жестокихъ и произвольныхъ поступкахъ съ подвѣдомыми ему духовными людьми, а съ другой—объявленную бывшимъ министромъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія въ 1823 году секретно Высочайшую волю, что Красовскій, хотя бы и оправдался въ тѣхъ поступкахъ, не можетъ по нетрезвой его жизни быть возвращенъ къ управленію полоцкою епархіею, полагалъ уволить его нынѣ вовсе отъ званія полоцкаго епархіальнаго архіепископа съ сохраненіемъ архіепископскаго сана и дозволить ему избрать для жительства своего одинъ изъ уніатскихъ монастырей; на содержаніе же его опредѣлить приличную сумму, предоставивъ главноуправляющему духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій войти о семъ съ особымъ представленіемъ. Въ засѣданіи 9 ноября объявлено комитету, что Государь императоръ повелѣваетъ опредѣлить Красовскаго луцкимъ архіепископомъ.

3 декабря послѣдовалъ указъ сенату съ повелѣніемъ архіепископу Красовскому управлять луцкою епархіею. До того времени луцкою епархіею управлялъ съ званіемъ епископа Пинскаго суффраганъ Сѣроцинскій [16]).

---

[16]) Кириллъ Сѣроцинскій изъ дворянъ, священническій сынъ; обучался въ Умани у базиліанъ, съ 1790 по 1794 г. въ папскомъ алюмнатѣ; съ 1795 г.

Красовскій прибылъ въ епархію, помѣстился въ Жидичинскомъ монастырѣ и началъ дѣйствовать въ томъ же духѣ и съ такою же энергіею, какъ дѣйствовалъ въ Полоцкѣ. Современникъ тѣхъ событій пишетъ о немъ, что прибывши на Волынь онъ сильно встревожилъ базиліанъ введеніемъ архіерейскаго богослуженія по чину православному; приказалъ отпечатать литургію Златоустаго въ маломъ форматѣ для сослужащихъ и сталъ подчинять орденъ базиліанской архіерейской власти; за что до крайности его не любили, но боялись. (Холмск. Варш. Вѣстн. 1879 г. № 6, стр. 95). Но недолго пришлось побыть ему на Волыни. 23 августа 1827 года, „не бывъ одержимъ дѣйствительною болѣзнію“ онъ скоропостижно умеръ.

Луцкій повѣтовый штабъ-лѣкарь Маркъ Миллеръ заявилъ объ обстоятельствахъ этой смерти нижнему земскому суду объяснивъ, что архіепископъ умеръ не бывъ одержимъ дѣйствительною болѣзнію, что не былъ пользованъ какимъ-либо врачемъ и медикаментовъ изъ аптекъ получаемо не было, а только во время кончины призванъ былъ тамошній цирюльникъ еврей Мошко, который, какъ самъ сознался, бросилъ съ обѣихъ рукъ кровь, но кровь не пошла по причинѣ неожиданной скоропостижной смерти. Луцкій судъ поручилъ своему засѣдателю Яловицкому вмѣстѣ съ Маркъ Миллеромъ немедленно освидѣтельствовать мертвое тѣло; но когда они прибыли 24 августа въ Жидичинъ, то суффраганъ Сѣроцинскій объявилъ, что не исполнитъ этого требованія, ибо архіепископъ не скоропостижно, а по четырехнедѣльной болѣзни жизнь свою кончилъ. Напослѣдокъ сказалъ, что не допуститъ къ освидѣтельствованію; а ежели съ употребленіемъ полицейскихъ мѣръ приступлено къ сему будетъ, то онъ епископъ, созвавъ своихъ людей, силою воспрещать и недопускать будетъ, развѣ цѣлая рота солдатъ будетъ прислана. На вторичное требованіе суда епископъ далъ тотъ же отвѣтъ.

былъ учителемъ въ Немировскихъ школахъ; съ 1799 г. секретаремъ епархіальныхъ дѣлъ и дошелъ до чина титулярнаго совѣтника; въ 1811 г. вышелъ въ отставку; въ 1816 г. посвященъ въ духовный санъ и назначенъ ассессоромъ луцкой консисторіи; въ 1817 г. при назначеніи его управляющимъ луцкою епархіею возведенъ полоцкою академіею въ степень доктора богословія и каноническаго права.

Между тѣмъ въ донесеніи же суду писалъ, что Красовскій съ 27 іюля до 19 августа употреблялъ много вина венгерскаго, съ котораго числа уже не пилъ вина, а принималъ прописанное ему еще въ С.-Петербургѣ генералъ штабъ-докторомъ Лейтономъ лѣкарство; 21 августа дѣлалъ нѣкоторыя распоряженія и была надежда на выздоровленіе; но на 23 ночью въ половинѣ перваго часа съ нимъ сдѣлались конвульсіи, въ которыхъ онъ и умеръ.

Маркъ Миллеръ съ своей стороны, донося суду о дѣйствіяхъ Сѣроцинскаго, писалъ, что ему не понятно, какъ епископъ могъ сопротивляться указамъ 16 іюля 1761 и 29 декабря 1809 г. тогда когда самое сопротивленіе въ семъ случаѣ подаетъ немалое подозрѣніе.

Гражданскій губернаторъ сообщилъ объ этомъ митрополиту Булгаку, а губернское правленіе донесло сенату. 12 декабря Шишковъ довелъ до свѣдѣнія Государя обо всѣхъ этихъ обстоятельствахъ, „кои наводятъ сомнѣніе по сему предмету“ и просилъ разрѣшенія „ближе объяснить сіе дѣло“, предоставивъ оное распоряженію Государя Цесаревича, главнокомандующаго Литовскимъ отдѣльнымъ корпусомъ.

При слѣдствіи засѣдатель суда Яловицкій показалъ, что онъ основался на слышанныхъ имъ вѣстяхъ, которыя разсѣялъ по городу Луцку удаленный отъ должности сотникъ селенія Жидичинъ Залѣсскій, будто покойный архіепископъ отравленъ, и удостовѣрялъ это тѣмъ, что подъ вечеръ передъ смертію его, когда лакей поднесъ ему въ питіи вино и покойникъ оное выпилъ, то почувствовалъ несносное внутри печеніе и тогда же призвавъ его Залѣсскаго говорилъ ему: я вѣрно отравленъ, вели взять того лакея и наказывать его жестоко, можетъ онъ сіе откроетъ; чему слѣдуя Залѣсскій билъ того лакея, но онъ не сознался. Послѣ на слѣдствіи Залѣсскій отрекся отъ этого показанія. Священникъ Жирицкій, наполнивши отвѣты свои личностію къ особѣ Сѣроцинскаго, показалъ, будто слышалъ отъ свидѣтелей, что его преосвященство питалъ непримиримую вражду къ архіепископу Красовскому, но свидѣтели тѣ на очной съ Жирицкимъ ставкѣ ссылку его опровергнули. А митрополитъ римско-католическихъ церквей Цецимовскій и епископъ суффраганъ луцкій Подгородинскій письменно засвидѣтельствовали, что архіепископъ

Красовскій многократно пріѣзжалъ къ нимъ съ епископомъ Сѣроцинскимъ и они между ними не только непримиримой вражды, но и малѣйшаго неудовольствія не примѣтили.

Доведя до Высочайшаго свѣдѣнія о положеніи этого дѣла (19 апрѣля 1829 г.) Д. Н. Блудовъ полагалъ представить Государю Цесаревичу, по собственному усмотрѣнію его, или дать дальнѣйшій ходъ сему дѣлу судебнымъ порядкомъ или же, буде нѣтъ основательныхъ причинъ предполагать, чтобъ виною смерти архіепископа Красовскаго было злодѣяніе, то прекратить сіе дѣло, какъ предосудительное для епископскаго сана. Государь Цесаревичъ, не видя основательныхъ причинъ къ подозрѣнію какого-либо злодѣянія въ смерти Красовскаго, предписалъ волынскому губернатору прекратить это дѣло [17]).

II. УЧРЕЖДЕНІЕ УНІАТСКИХЪ ЕПАРХІАЛЬНЫХЪ СЕМИНАРІЙ.

Съ первыми опытами назначенія на епископскія каѳедры лицъ изъ бѣлаго духовенства появились заботы о возвышеніи умственнаго уровня этого духовенства и о предоставленіи способовъ образованія молодымъ людямъ, готовящимся ко вступленію въ это званіе. Нѣкоторые архипастыри простирали свою заботу далѣе, изыскивая средства къ доставленію начальнаго образованія вообще дѣтямъ бѣлаго духовенства.

1) Супрасльская семинарія.

Первый примѣръ въ этомъ подалъ супрасльскій епископъ Николай *Духовскій* (изъ бѣлаго духовенства), открывшій въ 1804 году епархіальную семинарію въ Супрасльскомъ монастырѣ и пожертвовавшій на фундушъ для оной 40.000 польскихъ злотыхъ (6.000 р.). Первымъ ректоромъ семинаріи былъ Михаилъ Даниловичъ изъ Ломжи.

Съ присоединеніемъ Бѣлостокской области къ Россіи и съ закрытіемъ Супрасльской епархіи, вошедшей въ составъ Брестской, закрыта въ 1810 г. и супрасльская семинарія, а сумма ея присовокуплена къ фундушу брестской епархіальной семинаріи.

---

[17]) Сѣроцинскій скончался отъ апоплексическаго удара 6 марта 1831 года, и епархія луцкая закрыта.

2) Брестская епархіальная семинарія.

Въ 1799 году указомъ правительствующаго сената имѣніе упраздненнаго Новодворскаго базиліанскаго монастыря, состоящаго въ Пинскомъ уѣздѣ, Минской губерніи, назначено на семинарію брестской епархіи, которую Булгакъ и учредилъ въ *Лавришевскомъ* монастырѣ (въ 12 верстахъ отъ Новогрудки), по близости тогдашняго его жительства въ Новогрудкѣ. Но находя вышесказанный фундушъ на содержаніе 20 воспитанниковъ недостаточнымъ, онъ предложилъ духовенству сдѣлать на этотъ предметъ пособіе. Въ 1810 году, какъ мы видѣли, средства этой семинаріи увеличились присоединеніемъ фундуша закрытой Супрасльской семинаріи. Несмотря на то семинарія эта, не оживляемая вниманіемъ, участіемъ и помощію архипастыря, клонилась къ упадку и Булгакъ ограничилъ число воспитанниковъ ея 12. Въ 1819 году духовенство брестской епархіи ходатайствовало объ улучшеніи быта епархіальной семинаріи и о переводѣ ея изъ Лавришевскаго въ Супрасльскій монастырь. Булгакъ составилъ новый штатъ семинаріи, разсчитавъ его на 20 клириковъ, при ректорѣ, 3-хъ учителяхъ и экономѣ, всего на сумму 2856 р.: но это предположеніе, высказанное безъ настойчивости, осталось безъ осуществленія. Будущіе кандидаты священства обучались умѣнью читать и писать и славянской грамотѣ домашнимъ образомъ у какого-либо священника или же при епархіальномъ управленіи, гдѣ было тогда нѣчто въ родѣ богословскаго отдѣленія, носившаго названіе Моралки, потому что наставленія имѣли видъ обученія моральному, т.-е. нравственному и пастырскому богословію. Ученіе продолжалось здѣсь два-три мѣсяца. Благодаря этому немало было священниковъ, которые по образованію почти ничѣмъ не отличались отъ своихъ прихожанъ, съ трудомъ разбирали богослужебныя книги и могли коекакъ нацарапать свое имя и фамилію [18]).

3) Полоцкая семинарія.

Въ 1799 году декабря 28 повелѣно было обратить на содержаніе Полоцкой семинаріи Полоцкій Борисоглѣбскій базиліанскій

[18]) „Лит. Епарх. Вѣд.“ 1872 г., стр. 45.

монастырь съ доходами. Въ 1806 году 16 декабря на содержаніе (между прочимъ) семинарій, по ходатайству Лисовскаго, отданъ Полоцкій Софійскій монастырь. Полоцкій архіепископъ Красовскій увеличилъ фундушъ мѣстной семинаріи и при большемъ числѣ казеннокоштныхъ воспитанниковъ содержалъ на свой счетъ болѣе 30 сверхкомплектныхъ воспитанниковъ. До 1812 года семинарія помѣщалась въ монастырѣ; но по разореніи нѣкоторыхъ зданій его непріятелемъ, въ немъ оставлены были только высшіе классы, а низшіе переведены въ фольварокъ Судиловичи, гдѣ жилъ архіерей и помѣщалась консисторія. Въ 1820 году митрополитъ Булгакъ, обозрѣвавшій Полоцкую семинарію, представилъ подробный отчетъ о ея состояніи. Первое (младшее) отдѣленіе составляется изъ учениковъ, которымъ преподаются первоначальныя основанія наукъ по классамъ отъ 1 до 5 или до риторики, во всѣхъ тѣхъ предметахъ, какіе обще назначены для уѣздныхъ училищъ и нравственнаго или пастырскаго богословія, нужная для готовящихся въ приходскіе священники; и вмѣстѣ преподаются языки россійскій, французскій и нѣмецкій. Ко всѣмъ классамъ опредѣлены особые учители. Распредѣленіе времени наукъ въ 5 классахъ въ точности наблюдается по проспекту издаваемому ежегодно отъ самого архіерея, по установленнымъ правиламъ для уѣздныхъ училищъ. Учители проходили прежде классы въ Полоцкой семинаріи, послѣ кончали полный курсъ философскихъ и богословскихъ наукъ одни въ главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ, другіе въ бывшей Полоцкой академіи и имѣютъ дипломы на ученыя степени.

Второе отдѣленіе Полоцкой семинаріи, по окончаніи низшихъ классовъ въ Судиловичахъ, поступаетъ къ высшимъ наукамъ въ Полоцкій Софійскій монастырь, получая тамъ все жизненное содержаніе и подъ надзоромъ двухъ коррепетиторовъ ученики ходили въ бывшую Полоцкую академію, въ которой одни кончали полный курсъ наукъ, другіе отъ философіи поступали въ главную семинарію. Нынѣ по упраздненіи той академіи, коррепетиторы заступили мѣсто профессоровъ, къ коимъ еще двухъ прибавлено. Оные четыре профессора удостоены учеными степенями, трое изъ клириковъ бѣлаго духовенства Полоцкой епархіи, вышедшіе изъ Полоцкой академіи и главной семинаріи, а

четвертый іеромонахъ изъ ордена базиліанскаго, философіи магистръ и богословія докторъ.

Митрополитъ лично присутствовалъ на испытаніяхъ учениковъ въ обоихъ отдѣленіяхъ и изъ успѣховъ въ преподаваемыхъ наукахъ основательно удостовѣрился, что юношество довольно усовершенствовано въ предметахъ, каждому классу присвоенныхъ.

Въ обоихъ отдѣленіяхъ въ 1820 году находилось учащихся, 67 (въ Полоцкомъ 14, въ Судиловицкомъ 53), учителей 11, проректоровъ 2, префектъ 1, духовникъ 1 сверхъ двухъ въ монастырѣ.

Учебныя и прочія книги получились частію изъ Вильны, частію изъ С.-Петербурга, стараніемъ самаго архіерея. Кромѣ того ученикамъ выдавались для чтенія книги изъ библіотекъ изъ собственной архіерейской и Софійскаго монастыря. Софійская библіотека была весьма значительна, но послѣ по большей части растрачена во время нашествія непріятеля и занятія монастыря подъ военный госпиталь и цейхгаузъ.

Распредѣленіе временъ для наукъ и ежедневныхъ упражненій, равно правила касающіяся нравственности и дисциплины составлены самимъ архіепископомъ Красовскимъ.

Ежедневная пища учениковъ и обѣдъ изъ 3-хъ блюдъ съ говядиною, а въ постные дни съ рыбою; въ праздничные дни прибавлялось 4-е блюдо; ужинъ состоялъ изъ 2-хъ блюдъ. Малолѣтніе передъ обѣдомъ и ужиномъ на фриштыкъ и перекуску (полдникъ) имѣли сыръ съ хлѣбомъ или кашицу; старшимъ давался только фриштикъ.

Полоцкая семинарія не имѣла опредѣленнаго числа воспитанниковъ. Ни митрополитъ Лисовскій, ни Красовскій не вычислили, сколько нужно содержать желающихъ вступить въ духовное званіе для занятія вакантныхъ мѣстъ въ епархіи. Тотъ и другой принимали въ семинарію всѣхъ бѣдныхъ священно- и церковнослужительскихъ дѣтей отъ 10-ти-лѣтняго возраста, начиная воспитаніе ихъ отъ чтенія и грамматики. Потому это учрежденіе есть „болѣе школою для бѣдныхъ священно- и церковнослужительскихъ дѣтей, нежели собственно семинаріею“. „Поелику, писалъ митрополитъ, заведеніе сіе есть такого рода, въ уваженіе имѣть должно ихъ (дѣтей) малолѣтство и выгоды млад-

шихъ учениковъ, коихъ нуждамъ легче удовлетворить въ деревнѣ, нежели въ городѣ; ибо тамъ щедрая натура доставляетъ намъ даромъ много своихъ даровъ, которые въ городахъ получаемъ покупкою". А потому митрополитъ совѣтовалъ младшіе классы оставить, какъ были, въ Судиловичахъ.

Но это заявленіе не было уважено и съ слѣдующаго же года младшее отдѣленіе переведено въ Полоцкъ, въ Софійскій монастырь.

Въ 1823 году префектомъ семинаріи былъ магистръ богословія *Михаилъ Шелепинъ* [19]).

4) Свержнянская семинарія въ Литовской епархіи.

Литовская епархія, по отдѣленіи ея отъ Брестской, пробавлялась до 1834 года, когда открыта Жировицкая семинарія, небольшою школою на 12 клириковъ, носившею названіе семинаріи, въ Свержнянскомъ монастырѣ Минской губерніи и уѣзда. Вообще по образованію духовенство Литовской епархіи было въ такомъ же положеніи, какъ и въ Брестской епархіи.

5) Луцкая епархіальная семинарія.

Въ Луцкой епархіи семинарія открыта епископомъ Мартусевичемъ, на 20 воспитанниковъ.

6) Главная семинарія.

Латинство и іезуиты были счастливѣе своими учебными заведеніями въ западныхъ губерніяхъ. Учрежденіе въ 1803 году въ Вильнѣ университета, образованіе подъ вѣдѣніемъ его новаго учебнаго округа изъ девяти западныхъ губерній и преобразованіе полоцкаго іезуитскаго коллегіума въ 1812 году въ академію не могли дѣйствовать благотворно ни на православіе, ни на унію. Польскій патріотизмъ и іезуитская хитрость старались

---

[19]) Впослѣдствіи священникъ и ректоръ семинаріи, съ 1835 года, архимандритъ; скончался въ званіи настоятеля Березвечскаго монастыря 30 декабря 1866 г. („Лит. Епарх. Вѣд." 1867 г. стр. 205). Изъ профессоровъ почтеннымъ дѣятелемъ былъ *Хрущкій*, расположенный къ Восточной церкви.

обратить эти образовательные центры въ разсадники польщизны и католичества, дѣйствуя то угрозами и насмѣшками, то обаяніемъ вниманія, ласки и дружества.

Воспитанники старшихъ классовъ Полоцкой семинаріи ходили на нѣкоторыя лекціи въ іезуитскую академію. Въ числѣ ихъ былъ и молодой клирикъ Зубко. „Мы были, пишетъ онъ, предметомъ насмѣшекъ и поруганій со стороны академиковъ. Для избѣжанія этихъ насмѣшекъ мы не входили въ аудиторію безъ профессора, прибытія котораго ожидали въ монастырскомъ коридорѣ. Но когда мы и съ профессоромъ (іезуитомъ) проходили чрезъ школьный дворъ, насъ осыпали будто ружейными выстрѣлами, криками: попъ, попъ".

Иначе поставлено было, но направлено къ той же цѣли высшее образованіе уніатскихъ клириковъ въ главной семинаріи при Виленскомъ университетѣ.

Семинарія эта учреждена въ 1803 году, почти въ одно время съ основаніемъ Виленскаго университета, по представленію попечителя Виленскаго учебнаго округа князя Ад. Чарторыжскаго для католиковъ и уніатовъ. На содержаніе ея отнесено было 11 богатыхъ бенефицій. Но такъ какъ эта сумма оказалась недостаточною, то ректоръ университета (въ послѣдствіи Виленскій епископъ) Стройновскій († 1815) подалъ проектъ, чтобы увеличить ее ежегодными денежными взносами отъ всѣхъ католическихъ и уніатскихъ монастырей имперіи по раскладкѣ, соразмѣрной количеству ихъ имѣній и получаемыхъ съ нихъ доходовъ [20]). Проектъ этотъ удостоился Высочайшаго утвержденія. Число обучающихся въ семинаріи клириковъ положено было 50: 33 изъ католическихъ епархій—изъ Могилевской 10, Жмудской 8, Луцкой 5, Каменецкой 5, Минской 5; и 17 изъ уніатскихъ—Полоцкой 6, Брестской 9, Луцкой 2. Предсѣдателемъ семинарскаго совѣта былъ ректоръ университета; профессорами—университетскіе профессоры. Богословскія науки преподавались ли-

---

[20]) Изъ уніатскихъ монастырей самый большой взносъ пришелся на *Почаевскій* монастырь (560 р.); за нимъ слѣдуютъ *Тороканскій* (225 р.), *Полоцкій* (207 р.), *Тадулинскій* и *Вербиловскій* (по 205 р.), *Онуфріевскій* (200 р.), *Милецкій* (180 р.), *Битенскій* (137 р.), *Жидичинскій* (100 р.); остальные менѣе 100 р. Всего годоваго взноса съ монастырей было до 4.936 рублей.

цами духовнаго званія, которые были въ тоже время профессорами университета. Но сверхъ богословскихъ наукъ были еще обязательные для воспитанниковъ семинаріи нѣкоторые свѣтскіе курсы въ университетѣ—исторіи, философіи, филологіи и права. Зданія университета отстояли отъ семинаріи только въ 10-ти минутахъ ходьбы. На университетскія лекціи семинаристы отправлялись въ сопровожденіи одного изъ своихъ префектовъ, обязанныхъ оставаться безотлучно и во время урока. Курсъ ученія въ семинаріи полагался четырехлѣтній [21]). Преемникомъ Стройновскаго былъ Янъ Снядецкій. Изъ профессоровъ извѣстнѣе другихъ Гродекъ (филологіи и древностей), Капелли (римскаго и каноническаго права) и уніатскій священникъ Михаилъ Бобровскій (св. Писанія) [22]). Но прошло только 4 года со времени открытія семинаріи, какъ военныя событія и замѣшательства 1812 года пресѣкли существованіе этого института. Послѣдствія войны, временное разстройство монастырскихъ доходовъ и происшедшая отъ сего остановка во взносѣ слѣдующей на семинарію складки, равномѣрно занятіе семинарскаго дома подъ военный госпиталь и разореніе онаго были причинами, по которымъ семинарія могла открыться едва въ сентябрѣ 1816 года.

Эти ли указанныя экономическія замѣшательства или, что вѣроятнѣе, смуты происходившія въ Виленскомъ университетѣ и отражавшіяся на главной семинаріи, были причиною, что въ 1817 году 1-й департаментъ коллегіи представилъ князю Голицыну объ упраздненіи вовсе семинаріи и о предоставленіи обучающимся въ оной клирикамъ оканчивать ученіе въ епархіальныхъ семинаріяхъ. Князь Голицынъ потребовалъ мнѣнія объ этомъ попечителя Виленскаго университета, князя Чарторыжскаго.

Князь Чарторыжскій отвѣчалъ, что по прибытіи въ Вильну, вникнувъ въ дѣйствительное состояніе семинаріи и причины разстройки, которой она подвергалась, онъ уже думалъ отне-

---

[21]) „Лит. Епарх. Вѣд. 1863, стр. 307.

[22]) О Бобровскомъ Холмск. Мѣсяцесл. на 1867 г. Бобровскій—сынъ священника изъ Бѣлостокской области, обучался въ Дрогичинскихъ училищахъ, Бѣлостокской гимназіи, въ Главной семинаріи и Виленскомъ Университетѣ, гдѣ получилъ степень магистра; въ 1815 г. рукоположенъ въ священника, въ 1876 г. назначенъ ассессоромъ консисторіи.

стись къ министру съ просьбою принять институтъ сей подъ особое свое покровительство, какъ получилъ предложеніе съ возраженіемъ 1-го департамента противъ семинаріи. Князь Чарторыжскій представилъ пространное мнѣніе, въ которомъ доказывалъ необходимость и пользу оставить существованіе главной семинаріи. „Въ продолженіи 4-хъ первыхъ лѣтъ существованія сего института выпущено изъ главной семинаріи 34 достойныхъ и дѣйствительно просвѣщенныхъ іереевъ, изъ которыхъ нѣкоторые употреблены къ учительскимъ должностямъ по епархіальнымъ семинаріямъ, другіе, бывъ опредѣлены къ проповѣданію Слова Божія, значительно сіе званіе отличали. А младшіе изъ нихъ сдѣланы приходскими настоятелями, посредствомъ спасительнаго вліянія новопріобрѣтеннаго воспитанія управляютъ своими приходами съ истинною христіанскою ревностію и приличнымъ сему сану достоинствомъ".

Затѣмъ князь Чарторыжскій разсматриваетъ и опровергаетъ возраженія противъ пользы этого учрежденія, сдѣланныя римско-католическою коллегіей.

„Время (изъясняетъ римско-католическая духовная коллегія), которое клирики теряютъ на науки постороннихъ имъ предметовъ, лучше бы употреблено было на пріобрѣтеніе свойственныхъ сему сану знаній". Клирики обучаются тѣмъ наукамъ, которыя въ Высочайше утвержденномъ уставѣ предписаны; но единственно духовныя преподаются имъ во всемъ своемъ пространствѣ и главное въ правилахъ семинарій занимаютъ мѣсто; прочія суть дополнительными. Освобождается отъ нихъ клирикъ, оказывающій менѣе способности. Обращая же вниманіе на истинное предопредѣленіе духовныхъ особъ, помня, что онѣ вообще наставленію посвящены, можно ли почитать какую-нибудь науку, заслужившую на сіе почтенное названіе, ненужною клирикамъ главной семинаріи? Въ нихъ-то усматриваетъ правительство будущихъ учителей народа, достойныхъ проповѣдниковъ Слова Божія и людей способныхъ занимать высшія даже церковныя мѣста съ истиннымъ поревнованіемъ и достоинствомъ, древнія времена блеска церкви напоминающимъ. Впрочемъ, кто оспорить можетъ, сколь много науки, такъ называемыя природными, придаютъ совершенства духовнымъ наукамъ? Сочиненія славнѣйшихъ въ семъ предметѣ писателей, сочиненія церковныхъ от-

цовъ, въ коихъ глубокія естественныхъ вещей свѣдѣнія заключаются вмѣстѣ съ богословскими истинами, и не разъ основаніемъ, а часто примѣромъ имъ служатъ, многія въ поддержаніе сего могли бы представить доказательства.

Заключеніе, будто бы клирики претерпѣваютъ въ университетѣ насмѣшки отъ свѣтскихъ, есть несправедливо. Малыя пренія между духовными и свѣтскими если когда происходили, недостойны были быть упомянутыми, а часто случиться могутъ между самыми свѣтскими; но находясь нынѣ на мѣстѣ, я удостовѣрился и увѣрить ваше сіятельство могу, что въ виленскомъ университетѣ ни мало не открывается духъ какой-либо ненависти или преслѣдованія духовныхъ. Всѣ мои усилія стремятся къ тому чтобы училищное юношество зрѣло въ религіи основанія своей науки, покорялось съ благоговѣніемъ святымъ ея правиламъ и почиталс [illegible] днителей ея обрядовъ.

Другое заключеніе, что клирики, находясь въ сообществѣ съ свѣтскими, отвращаются отъ духовнаго званія, само собою опровергается, ибо сіе паче полезнѣйшимъ, нежели вреднымъ въ институтѣ почитаемо быть должно. Можетъ быть, что имѣющіе слабое постановленіе ко вступленію въ духовное званіе, видаясь со свѣтскими учениками, хотя весьма рѣдко, ибо только на университетскихъ лекціяхъ, слабѣютъ въ оном паче, но сіе есть пробою истиннаго и непоколебимаго постановленія. Проба таковая не токмо дозволительна, но и весьма одобряема церковными уставами. Впрочемъ не согласнѣе ли съ предопредѣленіемъ и долгомъ сана, когда молодой человѣкъ, вникнувъ самъ въ себя, лучше обратится вспять съ предпринятіемъ, нежели когда бы, устоявъ въ оном и утвердивъ присягою то, чего не имѣлъ истинно въ сердцѣ, попралъ послѣ святость своихъ обязанностей и сдѣлался позоромъ своего сана? Правда, что ненаградимымъ было бы ущербомъ, если бы духовное юношество, приходя на публичныя лекціи, когда префектъ семинаріи за всѣми усмотрѣть не можетъ, уклонялось въ неприличныя мѣста и развращалось въ нравахъ, какъ римско-католическая духовная коллегія въ представленіи своемъ вашему сіятельству доноситъ. Но донесеніе сіе повидимому основано на рапортѣ визитатора, обозрѣвавшаго главную семинарію въ то время, когда послѣ военныхъ замѣшательствъ, въ 1812 году происшедшихъ, ни од-

ного клирика въ оной не находилось, нашелъ онъ слѣдъ одного непріятнаго въ семъ родѣ происшествія въ книгахъ семинаріи; но въ тѣхъ же самыхъ книгахъ найти еще можно, что по строгомъ изслѣдованіи явственно оказалось, что клирикъ, въ семъ преступленіи изобличенный, привезъ уже съ собою изъ епархіальной семинаріи сей соблазнительный навыкъ, за что наказанъ примѣрно и высланъ обратно въ свою епархію. Впрочемъ подобныя происшествія случаются вездѣ, а навѣрно трудно было бы найти въ другой семинаріи о избѣжаніи оныхъ тщательности и попеченія, какъ нашелъ я въ управленіи главной семинаріи, разсматривая книги, въ коихъ по уставу регентъ и префектъ семинаріи записываютъ ежедневныя происшествія и свои замѣчанія о поведеніи всякаго клирика. Но если бы даже и такъ было, я не находилъ бы еще достаточныхъ причинъ къ уничтоженію главной семинаріи, ибо ежели который институтъ имѣетъ хорошую цѣль и заключаетъ въ себѣ основаніе всеобщей пользы, не уничтожать оный для какихъ-либо случайныхъ происшествій, но приводить въ благоустройство и совершенствовать надлежитъ.

Могутъ ли епархіальныя семинаріи замѣнить главную? Соображеніе дѣйствій сихъ институтовъ наилучшій доставитъ отвѣтъ. Съ древнихъ временъ епархіи имѣютъ свои семинаріи. При всемъ томъ, не касаясь древнихъ временъ, отъ двадцати слишкомъ лѣтъ, такъ въ оныхъ упало благовоспитаніе, что исключая монаховъ и унитовъ, изъ двухъ тысячъ свѣтскихъ іереевъ въ 6-ти епархіяхъ римскаго исповѣданія немного сыскать можно ученыхъ богослововъ и способныхъ проповѣдниковъ. Виленскій университетъ донынѣ не имѣлъ въ числѣ своихъ профессоровъ ни одного свѣтскаго іерея; съ великою трудностію сыскать можемъ въ свѣтскомъ духовенствѣ способныхъ духовниковъ и проповѣдниковъ для училищъ, которые по большей части принимаются изъ монашескихъ сословій. Впрочемъ какое избраніе учителей и учениковъ имѣютъ епархіальныя семинаріи, показать можетъ и то, что изъ присланныхъ въ главную семинарію, которые изъ лучшихъ по епархіальнымъ семинаріямъ выбираемы были, 36 клириковъ совѣтъ принужденъ былъ выслать обратно какъ неспособныхъ къ наукамъ, или испорченныхъ нравовъ".

Затѣмъ князь Чарторыжскій проситъ возобновить складку съ монастырей и потребовать причитающіяся на нихъ недоимки. „Неизвѣстны мнѣ побужденія, которыми руководствовалась римско-католическая духовная коллегія поднося вашему сіятельству таковое противъ главной семинаріи представленіе; но прискорбно зрѣть, что мѣсто, котораго обязанностію бдѣть надъ духовнымъ саномъ и которое бы наиболѣе стараться должно, чтобы сей санъ занялъ высшее ему довлѣющее мѣсто, само желаетъ низвергнуть оный въ прежнее забвеніе и небреженіе, изъ коихъ едва мудрыя постановленія всемилостивѣйшаго монарха воздвигать оный начали. Сіе неминуемо воспослѣдовать должно, если главная семинарія уничтожена будетъ, ибо отъ епархіальныхъ семинарій столько токмо ожидать можно, сколько на оныя дѣйствовать будетъ главная семинарія".

Князь Голицынъ склонился на представленіе князя Чарторыжскаго и предложилъ коллегіи заняться изысканіемъ средствъ, какимъ бы образомъ устроить существованіе главной семинаріи такъ, чтобы она доставляла всѣ выгоды для надлежащаго обученія и образованія кандидатовъ къ духовному сану и удалена была отъ всѣхъ неудобствъ, какія коллегія находитъ въ нынѣшнемъ состояніи оной. Исправляющій должность министра внутреннихъ дѣлъ О. П. Козодавлевъ съ своей стороны поручилъ ей сдѣлать ревизію семинаріи, для каковой цѣли назначены: со стороны римско-католической суффраганъ виленскаго епископа князь Пузына, а со стороны уніатской брестскій прелатъ Канторъ Илія Мокржицкій [23]).

На этотъ разъ существованіе семинаріи было обезпечено.

Какъ разъ въ это время (1816—1820 г.) проходилъ въ ней высшій курсъ Іосифъ Симашко. Въ послѣдствіи онъ писалъ: „я всегда вспоминаю съ восторгомъ свое въ главной семинаріи пребываніе. Отлично подобранное начальство, достойные учители, превосходное преподаваніе наукъ, совершенное согласіе и дружба, въ подобномъ заведеніи рѣдко случающіяся, навсегда пріятнымъ образомъ запечатлѣли въ моей памяти четырехлѣтнее тамъ пребываніе; но я долженъ сказать истину: нигдѣ уніаты не соеди-

[23]) Дѣла Архива греко-уніатск. митр. № 301.

няются такъ тѣсно съ римлянами и посылаемые въ главную семинарію уніатскіе клирики возвращаются можетъ-быть разсудительными римлянами, но не хорошими уніатами“ [24]).

Іосифъ не поддался этимъ обольщеніямъ латинства. Но была другая опасность, которой онъ не примѣчалъ и которая можно сказать для него не существовала, между тѣмъ какъ натуры менѣе крѣпкія не миновали ея. „Получившіе образованіе въ Виленской главной семинаріи—писалъ одинъ изъ туземцовъ—были въ нѣкоторомъ смыслѣ духовные аристократы. Они смотрѣли на остальныхъ своихъ собратій свысока и неохотно сближались съ ними. Бывшій виленскій университетъ и существовавшая при немъ главная семинарія относительно религіи находились подъ сильнымъ вліяніемъ идей XVIII вѣка, навѣянныхъ съ запада. Довольно сказать, что иные изъ воспитанниковъ главной семинаріи, какъ намъ удалось слышать изъ ихъ собственныхъ устъ, принадлежали къ тайнымъ обществамъ филаретовъ и филоматовъ. О степени искренности, съ какою они принимали въ нихъ участіе, можно судить по тому увлеченію, съ какимъ они отзывались спустя много лѣтъ послѣ исчезновенія этихъ обществъ объ ихъ мнимо высокой цѣли, направленной будто бы къ преобразованію человѣчества. Идеи, какими руководились сказанныя общества, на видъ были весьма гуманны, но въ сущности онѣ грозили разрушеніемъ всякому общественному порядку, а въ дѣлѣ религіи вели къ раціонализму и къ безвѣрію [25]).

Но, къ слову сказать, въ нихъ кромѣ религіознаго индифферентизма была политическая подкладка. Образованіе тайныхъ антиправительственныхъ обществъ въ сѣверо-западномъ краѣ началось около 1815 года; въ 1817—1818 г. открыто было въ Вильнѣ однимъ изъ сотрудниковъ князя Чарторыжскаго въ ополяченіи сѣверо-западнаго края (Снядецкимъ) общество *Шубрав-*

---

[24]) „Симашко—писалъ младшій (двумя годами) товарищъ его Антоній Зубко—и тогда уже былъ вполнѣ самостоятеленъ въ своихъ убѣжденіяхъ, направленныхъ къ единенію съ русскимъ народомъ, какъ можно было заключить изъ того, что онъ предпочелъ русскую литературу всѣмъ другимъ предметамъ, предоставлявшимся на выборъ учениковъ съ цѣлью спеціальнаго изученія“.

[25]) Лит. Епарх. Вѣд. 1872 г. № 1. Холмск. Мѣсяц. 1867 г., стр. 129—136.

цевъ и одновременно съ нимъ между студентами университета общество *филоматовъ;* вскорѣ послѣ открытія этихъ обществъ открыты были между студентами же университета общества *филаретовъ* и *променистыхъ* (лучезарныхъ). Въ 1823 г. составленъ былъ комитетъ для разсмотрѣнія дѣлъ виленскаго университета; но постановленія его не прекратили ни дѣйствія обществъ, ни возбуждаемыхъ ими безпорядковъ. Преемникъ Чарторыжскаго по управленію учебнымъ округомъ, Новосильцовъ не видѣлъ въ нихъ политической подкладки, считая ихъ произведеніемъ господствующаго духа времени. Въ 1828 г. только воспрещено было уніатамъ посылать своихъ питомцевъ въ главную литовскую семинарію. Но когда въ 1830 г. общества эти открыто примкнули къ мятежу и изъ среды ихъ нанесено было оскорбленіе великому князю Константину Павловичу, то правительство нашлось вынужденнымъ принять рѣшительныя мѣры. Въ 1830 году закрыта была главная семинарія. Въ 1831 г. виленскій университетъ переведенъ въ Кіевъ [26]).

III. БАЗИЛІАНСКІЕ МОНАСТЫРИ.

Выше мы сказали, что при императорѣ Павлѣ 11-го декабря 1800 г. состоялось новое положеніе объ управленіи латинскихъ монастырей, по которому они освобождались изъ-подъ власти епископовъ и получили право избирать себѣ настоятелей и провинціаловъ по правиламъ ордена. Но званіе орденскихъ генераловъ и званіе базиліанскаго протоархимандрита (уничтоженныя въ 1772 г.) не были возстановлены [27]).

Базиліанская орденскія провинціи въ Россіи—*Бѣлорусская*, *Литовская* и *Русская* (южная) немедленно воспользовались этимъ правомъ и избрали своихъ провинціаловъ [28]).

Со вступленіемъ на престолъ имп. Александра это постановле-

---

[26]) Изъ исторіи виленскаго учебнаго округа. Русскій Архивъ 1874 г., ч. I, стр. 1171—1243. См. также Русскій Архивъ 1873 г., кн. I., стр. 207—224.

[27]) Исключеніе оставлено было только въ пользу іезуитскаго ордена, которому дозволено было выбирать генеральнаго викарія.

[28]) Въ 1805 г. въ русской провинціи считалось 24 базиліанскихъ монастыря, въ литовскій 33, въ бѣлорусской 17.

ніе нѣсколько ограничено и указомъ 13 ноября 1801 года [29]) латинскіе и базиліанскіе монастыри, при сохраненіи внутренняго самоуправленія ихъ, снова подчинены наблюденію епархіальныхъ архіереевъ. Распоряженіе это встрѣчено было монашескими орденами весьма несочувственно; при томъ же недавній примѣръ дозволенія (13 августа 1802 г.) іезуитскому обществу на мѣсто умершаго генерала Карё избрать новаго шефа подавалъ надежду достигнуть того же и для прочихъ монашескихъ орденовъ. Но открыто дѣйствовать было нельзя и потому пустили въ ходъ тонко сплетенную интригу. По дѣлу видно, что ее вели съ самаго начала предсѣдатель коллегіи епископъ Бениславскій и прокуроръ Скржендзевскій. Нить интриги завязывается съ заявленія какого-то іеромонаха Фальковскаго, который, явясь въ коллегію, показалъ, что онъ имѣлъ будто бы прежде сего званіе протоархимандрита ордена (которое онъ получилъ будто бы въ 1793 году еще при бытности нѣкоторой части базиліанскихъ монастырей подъ польскою державою) и котораго яко бы онъ самъ собою сложить не можетъ. Указавъ въ то же время на различные безпорядки, которые происходятъ по бѣлорусскимъ монастырямъ отъ монаховъ, исходатайствовавшихъ себѣ отъ бывшаго папскаго нунція Литты архимандритскія и аббатскія достоинства, Фальковскій просилъ разрѣшенія на созваніе генеральнаго капитула. Намекъ былъ прямо на Бѣлорусскаго провинціала, архимандрита Новаковскаго, который, находясь въ епархіи Лисовскаго, вполнѣ подчинялся новымъ постановленіямъ объ орденскомъ управленіи; а между тѣмъ располагалъ большими имѣніями, которыя какъ бы уходили изъ рукъ ордена.

Коллегія нашла его заявленіе уважительнымъ и 19 февраля 1801, г. разрѣшивъ ему вступить въ управленіе орденомъ, предписала собрать капитулъ для произведенія новыхъ выборовъ. Фальковскій созвалъ капитулъ въ Тороканскомъ монастырѣ на 8 сентября 1802 г. Капитулъ избралъ въ протоархимандриты на мѣсто Фальковскаго Гусаковскаго и между прочимъ постановилъ уничтожить бѣлорусскую провинцію, присоединивъ ее къ литовской. Но противъ этого подалъ въ коллегію протестъ бѣ-

---

[29]) Полн. Собр. Зак. № 20.053.

лорусскій провинціалъ Новаковскій. Коллегія приняла сторону Фальковскаго. Дѣло дошло до Сената. Сенатъ раскрылъ всю незаконность дѣйствій Фальковскаго и коллегіи, и указомъ 9 ноября 1803 г. поставилъ это на видъ коллегіи. Но прокуроръ ея съ тремя членами нашли невозможнымъ исполнить указъ Сената, какъ несогласный будто бы съ постановленіями о монашескихъ орденахъ въ Россіи и возвратили его въ Сенатъ, прося о новомъ разсмотрѣніи дѣла; вслѣдствіе чего Высочайше утвержденнымъ 1 марта 1804 г. приговоромъ Сената велѣно было членовъ коллегіи—епископа Бениславскаго, инфулата Бышковскаго и прелата Скерневскаго удалить отъ присутствія въ коллегіи навсегда, а прокурора Скржендзевскаго за противозаконный и дерзкій его поступокъ, за пренебреженіе правъ сената и Своей должности отставить и предать уголовному суду [30]).

Между тѣмъ въ то время, какъ производилось это дѣло, подольскій генералъ-губернаторъ Розенбергъ, вступивъ въ управленіе ввѣреннымъ краемъ и видя, что начатое при его предшественникахъ дѣло объ уничтоженіи излишнихъ базиліанскихъ монастырей останавливалось за недоставленіемъ со стороны духовныхъ начальствъ необходимыхъ свѣдѣній, отнесся съ требованіемъ оныхъ къ епископу Бениславскому и съ своей стороны 12 августа 1802 года представилъ Сенату о необходимости приведенія въ дѣйствіе Высочайшихъ повелѣній императрицы Екатерины II и императора Павла I. Изъ 26 монастырей (мужскихъ и женскихъ) Волынской губерніи—писалъ онъ—11 вовсе не занимаются ни просвѣщеніемъ юношества, ни помощію немощнымъ. Кромѣ сихъ монастырей и всѣ прочіе хотя и имѣютъ классы и богадѣльни, но, выключая одинъ Почаевскій монастырь, всѣ вообще занимаются въ просвѣщеніи юношества такимъ образомъ, что имѣютъ токмо одинъ классъ, по окончаніи въ коемъ наукъ ученики переводиться должны въ другіе монастыри. Многіе монастыри, оставаясь при маломъ имѣніи и ища средствъ умножить оное по претензіямъ своимъ, чтобы наданные прежде имъ фундуши отъ помѣщиковъ опять были отобра-

---

[30]) См. также объ этомъ М. Я. Морошкина: „Іезуиты въ Россіи“ II, стр. 203—318 и А. Н. Попова: „Послѣдняя судьба папской политики въ Россіи“, стр. 82—86.

ны, завели съ оными процессы и занимаются вовсе неприлично одними тяжбами. Съ благочестивыми священниками безпрестанно ведутъ споры и дѣлаютъ разныя притязанія, самоправно удаляя ихъ отъ тѣхъ церквей, которыя состоятъ при монастыряхъ посвященными на благочестіе.

Съ своей стороны Святѣйшій Синодъ, по поводу неоднократно повторявшихся случаевъ совращенія изъ православія вновь на унію требовалъ, для водворенія тишины и спокойствія между православными и уніатскими прихожанами, ограничить число уніатскихъ церквей извѣстнымъ числомъ.

Вслѣдствіе этого Сенатъ, имѣя въ виду вышеозначенныя Высочайшія повелѣнія о упраздненіи излишнихъ уніатскихъ монастырей и принимая во вниманіе, что монахи многихъ монастырей оставаясь въ приходахъ, благочестіе принявшихъ, могутъ имѣть вліяніе на совращеніе и къ обезпокоиванію прихожанъ служащее и что многіе монастыри не занимаясь ни просвѣщеніемъ юношества, ни помощію бѣднымъ, остаются и донынѣ обществу безполезными, указами отъ 17 мая и 9 іюня 1804 года предписалъ военнымъ губернаторамъ: кіевскому, бѣлорусскому и литовскому представить вѣдомости объ уніатскихъ монастыряхъ съ мнѣніемъ, какіе изъ нихъ къ уничтоженію слѣдуютъ; а католической коллегіи—представить списки предполагаемыхъ къ закрытію монастырей, и назначилъ ей для этого шестимѣсячный срокъ. Начальники губерній затребовали свѣдѣнія о монастыряхъ отъ епархіальныхъ епископовъ. Управлявшій полоцкою епархіею митрополитъ Лисовскій (отъ 16 іюля 1804 г.) заявилъ, что по мнѣнію его означенныя Высочайшія повелѣнія относятся только къ Минской, Волынской и Подольской губерніямъ и что въ епархіи его не столь великое число состоитъ монастырей, чтобы слѣдовало нѣкоторые изъ нихъ уничтожить; при томъ же всѣ почти внутри уніатскихъ приходовъ, которыми и управляютъ и кромѣ того взносятъ ежегодно 9500 руб. на содержаніе въ Витебскомъ дѣвичьемъ монастырѣ школы и обязаны платить на содержаніе въ Вильнѣ главной семинаріи. Луцкій епископъ также отозвался, что Высочайшіе указы не относятся къ Кіевской губерніи.

Коллегія, подъ предсѣдательствомъ митрополита Сестренцевича, 14 января 1805 г. составила списокъ предназначенныхъ къ

упраздненію монастырей, предполагая изъ 84 мужскихъ монастырей [31]) закрыть 59 и оставить 25 и изъ 11 женскихъ закрыть 5 и оставить 6.

Но уніатскіе члены коллегіи не были приглашены къ составленію списка и не согласились съ ея постановленіемъ, ссылаясь на то, что не были приняты въ уваженіе отзывы епархіальныхъ преосвященныхъ и не было сдѣлано сношенія съ министромъ народнаго просвѣщенія объ обезпеченіи дальнѣйшаго существованія состоявшихъ при монастыряхъ школъ. Прокуроръ коллегіи, коллежскій совѣтникъ Овцынъ [32]), опираясь на семъ разногласіи уніатскихъ членовъ коллегіи, опротестовалъ ея заключеніе. Дѣло затянулось, базиліане употребляли всѣ усилія и ухищренія, чтобы возвратить свои прежнія права и значеніе. Это было и удалось имъ съ помощію римлянъ, къ которымъ они теперь тѣснѣе примкнули, разсчитывая на ихъ силу.

Вслѣдствіе сенатскаго указа министръ народнаго просвѣщенія графъ Завадовскій вошелъ въ сношеніе по этому предмету съ попечителемъ виленскаго учебнаго округа.

Князь Чарторыжскій возложилъ на визитатора тайнаго совѣтника Чацкаго и на бывшаго ректора виленскаго университета епископа Стройновскаго, дабы они снеслись съ литовскимъ экспровинціаломъ архимандритомъ Лещинскимъ и совокупно изслѣдовавъ существо вещей относящихся къ сему предмету, изложили свои мнѣнія о лучшемъ того устроеніи. Тѣ, обозрѣвъ училища и пройдя установленія какъ древнихъ, такъ и близкихъ временъ, которыя гласятъ, что общество базиліанъ обязано содержать училища для юношества и сіе сопряжено со многими

---

[31]) Изъ числа сихъ монастырей находилось: въ бѣлорусской епархіи 18 (именно 8 въ Витебской и 10 въ Могилевской губерніяхъ); въ луцкой 28 (именно 23 въ Волынской губерніи, 3 въ Подольской и 2 въ Кіевской); въ Брестской 38 (именно 6 въ Виленской, 18 въ Гродненской, 12 въ Минской и 2 въ Курляндской губерніяхъ). Всѣхъ монашествующихъ было 742. За монастырями состояло земли 3605 уволокъ 10 морговъ 42.475 десятинъ и 2907 саженъ; крестьянъ мужескаго пола 19.622 души; денежныхъ капиталовъ 685.477 р. серебромъ и 182.500 р. ассигнаціями. За дѣвичьими монастырями состояло: земли 261 уволока 13 морговъ 1277 десятинъ; крестьянъ мужескаго пола 1270 душъ; капитала серебромъ 11.650 р., ассигнаціями 79.298 рублей.

[32]) Овцынъ по должности преемникъ Скрендзевскаго, почитатель іезуитовъ. См. Морошкина, іезуиты въ Россіи, стр. .

фундушами ихъ монастырей, отнеслись къ попечителю, а сей къ министру народнаго просвѣщенія, чтобы присоединить базиліанъ къ сословію, вспомоществующему единообразно народное просвѣщеніе. Согласившись съ этимъ предположеніемъ, Завадовскій представилъ о семъ Государю, изъяснивъ, что къ достиженію сей цѣли служили бы слѣдующія мѣры: 1) правительство признаетъ духовное базиліанское общество воспитательнымъ сословіемъ и обезпечиваетъ существованіе онаго; 2) домы или монастыри базиліанскіе могутъ быть только тамъ, гдѣ есть училища и гдѣ назначены будутъ домы для заслуженныхъ, для принятія юношей въ новиціатъ (подъ искусъ), для начальнаго ихъ образованія и для духовнаго начальства; 3) назначаются по Волынской губерніи для духовнаго начальства, для принятія и начальнаго образованія духовнаго юношества, Почаевъ; въ Литвѣ для начальства Торокане, для образованія въ наукахъ Вольна и для новиціата Бытень; 4) для выслуженныхъ въ Волынской губерніи Загоровъ и Дермань; въ Литвѣ Тадулинскій и Оршинскій монастыри; 5) домы для исправленія два — въ Мѣльцахъ и Махеровѣ; 6) духовное юношество, по исполненіи искуса и приготовленное въ первыхъ четырехъ разрядахъ училища, нигдѣ не можетъ обучаться высшимъ наукамъ, кромѣ — въ Вильнѣ и Кременцѣ, и для сего предоставляется базиліанамъ въ Вильнѣ нынѣшній ихъ монастырь, а въ Кременцѣ отдается имъ реформатскій; 7) сіе юношество состоитъ подъ начальствомъ своихъ настоятелей, обучается всѣмъ тѣмъ наукамъ, которыя ими будутъ признаны нужными для уѣздныхъ и высшихъ училищъ; равнымъ образомъ оно подвергается испытанію въ своихъ успѣхахъ и наблюдаетъ общія постановленія по учебной части; 8) съ 1815 года никто изъ вступившихъ въ сіе духовное общество со времени сего узаконенія не будетъ въ базиліанскихъ училищахъ учителемъ, если въ виленскомъ университетѣ или въ волынской гимназіи не окончитъ назначенныхъ наукъ, не будетъ испытанъ въ успѣхахъ и признанъ отъ училищной власти способнымъ къ сему званію; 9) обязанности духовныхъ учителей суть тѣ же самыя, какія установлены по учебной части для всѣхъ вообще учителей; 10) въ числѣ учителей почитаются преподающіе науки, проповѣдники и начальники училищъ (префекты); 11) время службы по обязанности назначается 15 лѣтъ; 12) званіе начальни-

ковъ, провинціала, санъ архимандритовъ и епископовъ имѣютъ получить одни только заслуженные учители. Они должны притомъ стараться о полученіи докторской степени, яко непремѣнно служащей условіемъ къ достиженію чиновныхъ мѣстъ; 13) по выслуженіи съ похвалою 15 лѣтъ, всякій базиліанскій учитель быть можетъ профессоромъ въ университетѣ и другихъ высшихъ училищахъ. Училищная власть оказываетъ ему уваженіе по мѣрѣ прилежныхъ трудовъ и способности. Опредѣленные должны получать положенное въ штатѣ жалованье; 14) перемѣны профессоровъ, смотря по надобности и соображаясь съ предписаніями училищной власти, еслибы какія послѣдовали, производятъ духовные начальники и доносятъ о томъ училищному начальству; 15) избранный духовнымъ сословіемъ общій провинціалъ, въ отношеніи къ училищамъ своего общества, имѣетъ такія же права и обязанности, какъ директоры гимназій. Базиліанскія училища подлежатъ осмотрамъ обозрителей (визитаторовъ) по общимъ правиламъ для уѣздныхъ училищъ; 16) какъ число монастырей уменьшается, то имѣетъ быть только одинъ общій провинціалъ, управляющій всѣми базиліанскими монастырями въ государствѣ, имѣя при себѣ двухъ помощниковъ съ именемъ визитаторовъ, которые, состоя подъ его начальствомъ, раздѣляютъ съ нимъ труды и должность объѣздовъ для осмотрѣнія. Кругъ осмотровъ ихъ имѣетъ начертать первый общій базиліанскій капитулъ (соборъ); 17) всякое училище, состоящее въ управленіи базиліанъ, должно быть снабжено учителями, библіотекою и учебными пособіями по общимъ правиламъ. Учителей, еслибы какихъ базиліане не имѣли, книги и орудія, коихъ бы они по предписаніи и по отобраніи отъ нихъ въ томъ объясненія не купили, будутъ имъ на счетъ ихъ доставлены отъ университета, съ утвержденія попечителя; 18) всѣ базиліанскіе фундуши почитаются духовно-эдукаціонною собственностію, состоящею въ распоряженіи базиліанъ, и для того о цѣлости и неприкосновенности къ онымъ обязано пещись и свѣтское училищное начальство. Для заслуженныхъ предоставляется шесть архимандрій, приносящихъ ежегоднаго дохода по 900 р. сер. въ пользу самихъ архимандритовъ. Архимандріи суть: Полоцкая-Борисоглѣбская, Пинско-Лещинская, Гродненская, Мѣлецкая, Дерманская и Жидичинская. Въ сихъ архимандріяхъ и слѣдующихъ

къ уничтоженію монастыряхъ всегда остается приходское училище и исправляющій должность приходскаго священника изъ базиліанскаго общества, ежели есть приходъ. На сіи архимандріи изъ заслуженныхъ учителей представляются одобренные мнѣніемъ университета и общаго провинціала. 19) Какъ Виленскій университетъ и Волынская гимназія суть училища базиліанскихъ учителей и даже изъ общаго фундуша имѣетъ производиться жалованье, если кто по выслуженіи лѣтъ займетъ катедру или мѣсто проповѣдника въ свѣтскомъ училищѣ; а при томъ Краковскій университетъ имѣлъ присоединенную къ нему архимандрію: потому Онуфрійская архимандрія присоединяется къ Виленскому университету, а Овруцкая къ Волынской гимназіи (сохраняя на семъ фундушѣ уѣздное базиліанское училище). 20) Нынѣшніе архимандриты дѣйствительные и наречен ные остаются по смерть при владѣніи своихъ архимандрій. 21) О монастыряхъ, подлежащихъ къ уничтоженію и о ихъ фундушахъ, предназначаемыхъ единственно на пособіе училищамъ и остающимся монастырямъ, первый общій базиліанскій капитулъ чрезъ своихъ избранныхъ вмѣстѣ съ особою, которую министръ просвѣщенія назначитъ, сдѣлаютъ положеніе и представятъ оное чрезъ сего же министра на Высочайшее утвержденіе.

Сестренцевичъ, съ которымъ Завадовскій предварительно снесся по этому предмету, нашелъ всѣ эти предначертанія совмѣстными съ правами базиліанъ, соотвѣтствующими назначенію сего сословія и обѣщающими истинную пользу государству.

27 іюля 1807 года государь утвердилъ это положеніе и министръ просвѣщенія предложилъ Высочайшую волю Правительствующему Сенату къ распоряженію объ исполненіи.

Но противъ этого распоряженія вооружился митрополитъ Лисовскій и прислалъ къ князю Голицыну *записку по дѣлу о реформѣ уніатскихъ базиліанскихъ монастырей* [33]). Голицынъ представилъ

---

[33]) Вспоминая объ этомъ въ 1809 году митрополитъ Лисовскій писалъ къ князю Голицыну: „Римляне въ одинаковомъ хотя систематѣ стѣсненій и уничтоженія въ свою пользу унитовъ, другія однакожь къ сему дѣйствію придумали способы, какъ то было видно изъ сочиненнаго ими прожекта о реформѣ василіанскихъ унитскихъ монастырей, ибо чрезъ оную хотѣли завладѣть всѣми остальными фундушами унитской церкви, управленіемъ монашествующими лицами, производствомъ на всѣ духовныя степени и наконецъ орденъ

записку государю. Государь приказалъ передать оную графу Завадовскому, повелѣвъ въ тоже время министру юстиціи князю Лопухину пріостановить дѣло о монастыряхъ исполненіемъ въ Сенатѣ впредь до особаго повелѣнія.

Въ такомъ нерѣшительномъ положеніи дѣло оставалось до 2-го октября 1810 года, когда послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ оставленіи базиліанскихъ монастырей на прежнемъ основаніи. Въ слѣдующемъ 1811 году, 24-го сентября министръ юстиціи Дмитріевъ, получивъ увѣдомленіе отъ министра народнаго просвѣщенія, что вышеупомянутый докладъ Завадовскаго, за состоявшимся 2-го октября 1810 года Высочайшимъ повелѣніемъ, долженъ оставаться навсегда въ бездѣйствіи, предложилъ Сенату дать дѣлу объ упраздненіи базиліанскихъ монастырей надлежащее теченіе. Но дѣло надолго осталось безъ движенія.

Послѣ Овцына прокуроромъ коллегіи въ обоихъ департаментахъ былъ много лѣтъ полякъ Кржижановскій, пользовавшійся щедрыми даяніями богатаго римско-католическаго духовенства и богатыхъ базиліанскихъ монастырей. Потому дѣло о монастыряхъ и не поднималось.

Въ 1822 году главноуправляющій духовными дѣлами князь Голицынъ возобновилъ было дѣло о закрытіи нѣкоторыхъ базиліанскихъ монастырей, предложивъ греко-уніатскому департаменту заняться разсмотрѣніемъ этого предмета. Но и въ этотъ разъ дѣло не имѣло движенія.

И. Чистовичъ.

сей монашескій сдѣлать только педагогическимъ институтомъ, перемѣняя во многомъ существенность монашескихъ обѣтовъ, какъ обо всемъ семъ онъ митрополитъ подробно имѣлъ честь изобразить въ своемъ мнѣніи. Сіи многострадальные опыты прикосновенности римлянъ къ унитамъ еще болѣе усугубляютъ ихъ просьбу, дабы сіи послѣдніе были уволены по разнымъ отношеніямъ отъ вліянія Виленскаго университета и слѣдовательно дабы оная реформа, яко во всемъ своемъ пространствѣ парящая пользою римлянъ съ достоянія унитовъ, была отмѣнена и униты остались бы утверждены въ свойственныхъ ихъ церкви правахъ къ незыблемому оныхъ существованію". Дѣло 1808 года о греко-унитскихъ монастыряхъ, состоящихъ въ Бѣлостокскомъ краѣ.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ БЛАГОЧЕСТИВѢЙШІЯ ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРІИ АЛЕКСАНДРОВНЫ И РОЖДЕНІЯ И ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОВѢРНАГО ГОСУДАРЯ В. КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА СТАРШАГО И ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОВѢРНАГО ГОСУДАРЯ В. КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА МЛАДШАГО.

Возлюбленніи, не дивитеся еже въ васъ раждеженію ко искушенію вамъ бываему, яко чужду вамъ случающуся (1 Петр. 4, 12).

Торжествуемый нами нынѣ день задолго до сего отмѣченъ перстомъ Провидѣнія, какъ день благоволенія Божія къ Россіи, поелику въ этотъ день Господь Вседержитель благоволилъ даровать жизнь Той, въ которой Благочестивѣйшій Государь нашъ обрѣлъ Себѣ спутницу жизни, а вся Держава Русская обрѣла себѣ державную матерь. Признательные къ сему устроенію Провидѣнія Божія, вѣрные сыны Россіи радостно стекаются нынѣ въ храмы, чтобы предъ престоломъ Царя царей излить сердечныя молитвы благодаренія за сохраненіе въ мирѣ и благопоспѣшеніи драгоцѣнныхъ для насъ дней вѣнчанной благотворительницы народа Русскаго въ мимошедшее лѣто ея жизни, а вмѣстѣ и принести усугубленныя мольбы о продленіи на долго и долго лѣтъ ея жизни, къ радости и утѣшенію Самодержца

нашего, ко благу и счастію всей вѣрнопреданной Россіи. При этомъ естественно благодарною памятію силимся мы обнять все многообразіе щедротъ, какія вѣнценосная матерь народа Русскаго въ продолженіе минувшаго года своей жизни соизволила явить, какъ и всегда являетъ, съ истинно-материнскою благопопечительностію на пользу всякаго рода нуждающихся и страждущихъ отъ различныхъ бѣдъ въ благоговѣйно чтущемъ ее народѣ. Но къ этимъ отраднымъ для насъ воспоминаніямъ за обозрѣваемый нами годъ присоединяются и такія, которыя отъ всей души желали бы мы вычеркнуть изъ памяти о быломъ, какъ воспоминанія, причиняющія рѣзкую боль въ сердцѣ, но не можемъ. Не можемъ мы безъ содроганія сердечнаго не вспомнить того, какъ въ этомъ же году *пройде* ей, матери нашей, *душу оружіе* (Лук. 2, 35), святотатственно подъятое противъ жизни Самодержца нашего; и кѣмъ же? конечно, выродкомъ и извергомъ, но принадлежащимъ къ числу тѣхъ, о которыхъ не можемъ мы не сказать съ горечью въ сердцѣ: *отъ насъ изыдоша*, хотя *не бѣша отъ насъ* (1 Іоан. 2, 19). А развѣ мало еще нерадостныхъ воспоминаній, однородныхъ съ этимъ горчайшимъ изъ всѣхъ, найдется у насъ за этотъ же годъ? Не перебирая теперь всѣ одно за другимъ, обращаемъ вниманіе особенно на одно, всплывающее надъ другими по своей терпкой горечи, а именно вотъ какое: не горько ли было видѣть въ этомъ же году нѣкоторыхъ изъ женщинъ русскихъ, даже такихъ, которымъ по рожденію и образованію надлежало бы служить украшеніемъ своего пола, оказавшимися отребіемъ человѣческаго рода; поелику вмѣсто того, чтобы быть, согласно указаніямъ святой вѣры и самой природы и заботамъ матери-царицы о благонаправленіи воспитанія и общественной дѣятельности русскихъ женщинъ, созидательницами общественнаго благосостоянія и порядка на основахъ взлелѣяннаго ими семейнаго быта, онѣ явились споспѣшницами злодѣйственныхъ скоповъ, поджигательницами и исполнительницами ихъ разрушительныхъ замысловъ. И мало ли еще представится подобныхъ же воспоминаній среди раздумья о томъ, сколько высокихъ доблестей духа открывается въ дивномъ великодушіи, съ какимъ Благочестивѣйшая Государыня, соревнуя великодушію Государя Императора, остается неизмѣнною въ своемъ благоволеніи къ возлюбленной ею

странѣ Русской при всѣхъ нерадостныхъ видахъ, являемыхъ ей нынѣ нашею страною!

Да, православные соотечественники, нерадостные это ни для кого виды. И если по этимъ видамъ судить о современномъ состояніи общественной жизни на Руси, нельзя не признать, что время, нынѣ переживаемое Россіею, по нѣкоторымъ своимъ чертамъ есть время испытанія для нея и испытанія нелегкаго. Не можемъ посѣтовать, будто время мрачно; но не можемъ и не озабочиваться тѣмъ, что есть въ немъ нѣчто смутное. Ярко сіяетъ на тверди жизни церковной свѣтъ православія, питаемый пріумноженіемъ способовъ къ распространенію, такъ ярко сіяетъ, что привлекаетъ въ ограду Церкви не только давнихъ домашнихъ отщепенцовъ отъ нея, но и невѣдущій христіанства народъ самаго отдаленнаго востока; но не слышится ли по временамъ *гласъ плача*, какимъ Церковь *плачется* о природныхъ *чадахъ своихъ, яко не суть* (Мѳ. 2, 18), потому что или отторгнуты возникающими новыми видами отщепенства, или совсѣмъ погубляются на вѣкъ буйнымъ отверженіемъ вѣры въ Бога и Христа Его? Если отъ жизни церковной перенесемъ взглядъ на жизнь гражданскую нашего отечества: то здѣсь, въ этой области, небосклонъ вообще представится очень яснымъ. Онъ весь залитъ и согрѣтъ лучами всѣми признаваемой и нами признательно чувствуемой животворной благости и зиждительной мудрости, какіе на всѣ отрасли государственной жизни Россіи, повсемѣстно, до самыхъ отдаленныхъ краевъ ея и до самыхъ темныхъ ея угловъ, изобильно льетъ отъ себя богозданное и богохранимое солнце Россіи — Царь самодержавный. Такъ, небосклонъ государственной жизни отечества ясенъ; но отъ какихъ *свирѣпыхъ волнъ*, и какого *моря*, *пѣнящихся*, по выраженію апостола, срамотами, вздымаются, при роковомъ созвѣздіи какихъ *прелестныхъ звѣздъ* сплотняются, и какими вѣтрами нагоняются въ среду нашей общественной жизни эти *облацы безводни*, *имъ же* самимъ мракъ *тмы во вѣки блюдется*, и которые туманятъ нашъ небосклонъ, застилая его своею мглою, а иногда оставляя кучи пепла по мѣстамъ блужданія своего, и даже орошая стогны мирныхъ городовъ каплями невинно пролитой крови? Откуда эти *ропотники*, эти *ругатели*, которые *хулятъ*, *елика не вѣдятъ*, *елика же по естеству яко безсловесная животная вѣ-*

дятъ, *въ сихъ сквернятся* (Іуд. ст. 12, 13, 16, 18, 10), и которые посягаютъ низвратить весь порядокъ жизни общественной, нагло попирая права семейныя, имущественныя и личныя всѣхъ и каждаго, стремясь уничтожить религію и добрые нравы въ народѣ и въ буйномъ изступленіи дерзая предательски поднимать убійственную руку даже на Помазанника Божія, неприкосновеннаго по уставамъ правды Божіей? Не испытаніе ли все это для благовѣрной Россіи? Правда, зло быстрыми, мудрыми и энергическими дѣйствіями правительства ограничивается и сокращается; правда, охранительною силою Провидѣнія Божія оно воспящается отъ приближенія къ конечному осуществленію своихъ замысловъ, а вслѣдствіе всего этого бременящее насъ испытаніе далеко отъ того, чтобъ быть огненнымъ искушеніемъ: но оно грозитъ сдѣлаться такимъ, если усилится. А потому не безвременно нынѣ углубиться вниманіемъ въ то наставленіе апостольское, которое предложено вѣрующимъ въ словахъ: „возлюбленные, огненнаго искушенія, для испытанія вамъ посылаемаго, не чуждайтесь, какъ приключенія для васъ страннаго". Наставленіе это дано на всѣ случаи испытанія въ *различныхъ напастехъ* (1 Петр. 1, 6), разжигаетъ ли это испытаніе искушаемыхъ слегка, или *разваряетъ* (Мал. 3, 3) съ силою плавильнаго огня, а потому это наставленіе удобно можетъ быть примѣнено и къ тому испытанію, въ горнилѣ котораго испытываемся мы нынѣ.

Въ этомъ наставленіи примѣнительно къ потребностямъ нашего времени можно усматривать скрытыми три частныя наставленія.

Правило апостольское, вопервыхъ, говоритъ: когда встрѣчаете въ жизни своей, общественной или личной, вы, право вѣрующіе и ревнующіе о благочестіи, такое нестроеніе или бѣдствіе, которое справедливо можете признать искушеніемъ для себя; то прежде всего *не дивитеся*: вамъ должно быть *чадами Божіими непорочными посредѣ рода строптива и развращена, въ нихже являетеся якоже свѣтила въ мірѣ* (Филипп. 2, 15), и въ васъ по благодати уже свѣтится *чудный свѣтъ* (1 Петр. 29); а свѣтъ ненавистенъ тмѣ, и тма пытается затмить свѣтъ. Пусть воздвигается она для сего съ особеннымъ напряженіемъ: не поражайтесь громадностію или насильствомъ искушенія, не падайте недѣятельно

въ изнеможеніи предъ нимъ, но усиливайтесь воспрянуть изъ-подъ бремени искушенія вѣрою въ Бога помощника искушаемымъ и упованіемъ на то, что искушеніе это имѣетъ для васъ значеніе только временнаго и скоропреходящаго испытанія, а не рѣшительной кары или неисцѣльной пагубы.

Вовторыхъ, касается ли каждаго изъ васъ непосредственно или не касается то зло, которое составляетъ для васъ искушеніе, — никто не почитай его чуждымъ для себя, какъ скоро оно проявляется, много ли, мало ли, въ томъ обществѣ, къ которому вы принадлежите. Тогда только оно станетъ для васъ чуждымъ, когда совсѣмъ исчезнетъ въ обществѣ. А чтобы достигнуть этого, надобно тщательно изслѣдовать причину обурѣвающаго зла, чтобы оно не казалось приключеніемъ страннымъ, неизвѣстно откуда налетѣвшею случайностію. Должно надѣяться, что вы неповинны въ привлеченіи его на себя, какъ скоро вѣрны своему призванію; но по изслѣдованіи болѣе точномъ можетъ оказаться, что вы и не совсѣмъ невинны въ томъ, что это искушеніе васъ постигло. Итакъ изслѣдуйте его причину.

Въ третьихъ напослѣдокъ, судя по тому, что по тщательномъ изслѣдованіи откроется вамъ въ вашей совѣсти, руководствуемой закономъ Божіимъ, о причинѣ зла, расположите ко благу дальнѣйшій образъ своихъ мыслей и дѣйствій, вообще всей вашей жизни; тогда это зло сдѣлается для васъ дѣйствительно чуждымъ, какъ скоро совсѣмъ устраните его отъ себя, вопреки ему усовершивъ свою вѣру и возрастающую отъ вѣры добродѣтель. Тогда и тѣхъ, которые теперь оказываются орудіями прискорбнаго для васъ испытанія, по мѣрѣ ихъ пріемлемости, можете пріобрѣсти вѣрѣ и добродѣтели; если же и не такъ: то по крайней мѣрѣ, доказавъ имъ на дѣлѣ тщету ихъ усилій ввергнуть и васъ съ собою въ ровъ погибели, къ общему всѣхъ благу угасите разженіе ихъ гибельныхъ стремленій.

Попытаемся теперь эти наставленія усмотренныя нами въ постановленныхъ во главу слова словахъ Апостола, примѣнить по возможности къ обстоятельствамъ времени въ нашемъ отечествѣ.

Встрѣчаемся мы въ своей общественной жизни съ извѣстнымъ уже намъ зломъ: зло это кичится мнимымъ соотвѣтствіемъ потребностямъ вѣка, оно выступаетъ на видъ съ наглою дерзо-

стію, иногда кажется завоевывающимъ себѣ болѣе и болѣе сторонниковъ. Не дивитесь сему, не поражайтесь его внѣшностію: его кичливость есть пустая надутость; его дерзость по общему свойству дерзости отнюдь не признакъ силы, а горячечныя судороги безсилія не могущаго преодолѣть въ себѣ броженіе силъ умственныхъ и нравственныхъ, страждущихъ растлѣніемъ; самое распложеніе его не свидѣтельствуетъ о его живучести и способности жить: это мнимое распложеніе есть только осуществленіе того закона, который выраженъ Апостоломъ по поводу подобнаго же случая въ словахъ: *гангрена жиръ обрящетъ* (2 Тим. 2, 17), то-есть, всякій видъ тлѣнія всегда найдетъ себѣ поживу, пока есть растлѣнныя или неогражденныя отъ тлетворной заразы составныя части въ тѣлѣ, которое поражаетъ. Но конечный удѣлъ тлѣнія во всякомъ случаѣ—смерть. Должно не изнемогать самому въ борьбѣ съ заразою, и укрѣплять въ себѣ силу жизни, правильно питать жизненные соки; и тлѣніе не заразитъ. Какъ бы ни усиливалось оно преобороть жизнь: оно безсильно въ борьбѣ съ здоровою жизнію. Сонмъ вѣрныхъ Богу служителей и истинныхъ ревнителей правды и добра всегда былъ, есть и будетъ *малое стадо*, а къ концу вѣковъ содѣлается и едва примѣтною точкою среди всеобщаго нравственнаго растлѣнія; но ему, этому малому стаду, *благоизволи Отецъ* небесный *дати царство* (Лук. 12, 32).

Не поддаваясь злу, отъ котораго страждетъ общество, и держа себя на стражѣ отъ заразы этимъ зломъ, и не такъ къ нему относитесь, какъ совсѣмъ къ чуждому вамъ, а старайтесь препобѣждать оное въ томъ обществѣ, которое отъ него страждетъ. Зло это никому изъ насъ не можетъ быть чуждымъ уже по закону общественнаго сострастія, по которому *аще страждетъ единъ удъ, съ нимъ страждутъ вси уди* (1 Кор. 12, 26). Средство же къ побѣдѣ надъ зломъ указано въ словахъ Апостола: *не побѣжденъ бывай отъ зла, но побѣждай благимъ злое* (Рим. 12, 21), то-есть: противопоставь злу чистое добро вообще, и въ особенности добро, прямо противоположное злу; и тогда къ радости своей будешь имѣть новое побужденіе воздать *Богу благодареніе, всегда* при этомъ условіи *побѣдителю насъ творящему о Христѣ Іисусѣ* (2 Кор. 2, 14). Кромѣ сего, когда это зло, противъ котораго боремся, сколько-нибудь обще; всегда можно предполагать болѣе

или менѣе общую причину его: *якоже глаголется притча древняя: отъ беззаконникъ изыдетъ преступленіе* (1 Ц. 24, 14). Поэтому всѣ и каждый, не почитая зла совсѣмъ чуждымъ для васъ, ищите его причину, и можетъ-быть найдете, что и сами не совсѣмъ невинны въ возникновеніи этого зла, какъ ни кажется оно дикимъ. Изысканіе же причины возмущающаго насъ нынѣ зла не трудно: *всяко бо древо отъ плода своего познается* (Лук. 6, 44). Плоды, смрадная и горькая гниль которыхъ, разносимая различными путями общественности, отравляетъ нынѣ наше *тихое* и безмятежное *житіе* (1 Тим. 2, 2), это—произникающіе помѣстамъ въ нашемъ отечествѣ плевелы богохульнаго отверженія вѣры въ Бога и Церкóвь, по выраженію Писанія, *рукою гордости* (Числ. 15, 30), и столь же дерзкаго возстанія противъ власти, даже противъ Помазанника Божія, и наглаго попранія самыхъ основныхъ правилъ жизни общественной во всѣхъ ея видахъ. *Откуду убо имать плевелы* (Мѳ. 13, 27) благословенное наше отечество, эта, по истинѣ, „Божія нива“ (1 Кор. 3, 9), если судить по предшествующей его исторіи, сколько можемъ ее запомнить? Отвѣтъ на этотъ вопросъ можно находить въ словѣ Евнигелія: „невѣрный въ маломъ невѣренъ и во многомъ“ (Лук. 16, 10). Малыя и частныя отступленія отъ неуклонной вѣрности праотеческимъ вѣрѣ и благочестію усыпили въ насъ бдительность къ соблюденію той предосторожности, которой учитъ правая вѣра, когда говоритъ: *не бывайте удобъ преложни*, ни мало не преклоняйтесь подъ чужое ярмо съ невѣрными (2 Кор. 6, 14); и вотъ разрастлись ползущіе отъ иновѣрныхъ плевелы безвѣрія. Съ этимъ естественно сочетавается невѣрность Царю и государственнымъ законамъ по той злополучной послѣдовательности, о которой говоритъ старое, но не устарѣлое наблюденіе, *яко чрева ради своего Божественная повелѣнія преступившіи, ниже царскимъ повелѣніямъ благопослушни будутъ* (3 Макк. 7, 9). Естественною называемъ эту связь по тому, что забвеніе о Богѣ, даже только временное, влечетъ за собою разнузданность, преобладаніе чувственности. А чувственность, какъ скоро вопреки природѣ дѣлается преобладательницею, ненасытна по тому самому, что хочетъ, и не можетъ, утолить прирожденныя человѣку духовныя алчбу и жажду однимъ только своимъ кормомъ и изъ одной только своей, на видъ *золотой чаши, полной мерзости и сквернъ любодѣянія* (Апок.

17, 4); вслѣдствіе этой ненасытности разнузданная чувственность ропотлива, мятежна, ругательна и склонна къ насилію. Притомъ же изступленная чувственность воспаляется и пышетъ пламенемъ, исходящимъ изъ бездны себялюбія, изъ пропасти того по истинѣ адскаго эгоизма, который не щадитъ ничего кромѣ себя. Отъ этихъ общихъ указаній испытующая мысль стремилась бы перейдти къ частнымъ разоблаченіямъ; но не велитъ предостереженіе апостольское: *да не како многою скорбію пожертъ будетъ* (2 Кор. 2, 7) кто-либо изъ слышащихъ. А потому частныя примѣненія высказанной горькой истины можно предоставить совѣсти каждаго, не пытаясь *судить прежде времене* сокровенные *совѣты сердечные* (1 Кор. 4, 5) каждаго.

Обратимся къ болѣе плодотворному и назидательному размышленію о томъ, какъ по сдѣланнымъ общимъ указаніямъ должны всѣ мы располагать самихъ себя, чтобы миновало совсѣмъ тяготящее насъ искушеніе. Въ Апокалипсисѣ видимъ, что предвѣстіе *о годинѣ искушенія хотящей прiити на всю вселенную искусити живущія на земли* соединяется съ наставленіемъ: *держи, еже имаши* (3, 10, 11), и наставленіе это соединяется съ обѣтованіемъ побѣды и великихъ благъ побѣдителю. То же самое наставленіе умѣстно обратить къ православному нашему отечеству нынѣ подъ бременемъ терзающаго оное испытанія. Благовѣрная Россія, тебѣ ввѣрены изъ сокровищницы Провидѣнія два сокровища: православіе и самодержавіе; это драгоцѣннѣйшія изъ твоихъ достояній: они залогъ твоей крѣпости и силы; они и задатокъ пышнаго расцвѣта твоей народности. Храни же, бдительно храни, крѣпко *держи еже имаши*; и благополучно избѣжишь всякой годины искушенія. Это главная нынѣ, впрочемъ и всегда настоятельная, всѣмъ общая задача. Но общая задача осуществляется посредствомъ частныхъ усилій. Поэтому и всѣ мы и каждый, какъ истинные сыны православной Россіи, должны принять, крѣпко принять къ сердцу слѣдующія наставленія: *бодрствуйте, стойте въ вѣрѣ, мужайтеся, утверждайтеся* (1 Кор. 16, 13); *тверди бывайте, непоступни, избыточествующе въ дѣлѣ Господни всегда* (15, 58). Всегда и во всемъ поступайте *яко свободни* истинною нравственною свободою, то-есть свободою отъ порабощенія чувственности и себялюбію, *а не яко прикровеніе имуще злобы свободу, но яко раби Божіи. Всѣхъ почитайте: братство возлюбите, Бога бой-*

теся, *Царя чтите* (1 Петр. 2, 16. 17). Наипаче чтите Царя, и вѣруйте съ Давидомъ, что *якоже возвеличится душа* Помазанника Господня *во очію* вашею, *тако возвеличится* душа ваша *предъ Господемъ*, Господь *покрыетъ* васъ *и изметъ отъ всякія печали* (1 Цар. 26, 24).

Одушевляемые этою отрадною надеждою, не забудемъ еще православные сыны Россіи, того опытнаго наблюденія мужей богопросвѣщенныхъ, которое увѣряетъ, что „ни одинъ народъ не властенъ въ успѣхѣ начинаній, *но Самъ Господь даетъ вся благая, и его же аще восхощетъ, смиряетъ якоже хощетъ* (Тов. 4, 19). *Азъ соблюду отъ годины искушенія* (Апок. 3, 10), глаголетъ Онъ въ Апокалипсисѣ соблюдающимъ слово Его; и никому иному не можетъ принадлежать сія слава. Потому, ревностно прилагая доступныя для каждаго изъ насъ усилія къ прекращенію зла, котóрое составляетъ для насъ злобу дня, не забудемъ непрестанно взывать къ Богу крѣпкимъ гласомъ молитвеннымъ: Боже, попускающій намъ терпѣть искушеніе, *сотвори со искушеніемъ и избытіе* (1 Кор. 10, 13), не буди *зиждяй* среди насъ *злая* (Исх. 45, 7), отними способность сохраненія и распространенія у того зла, которое отравляетъ благоденствіе наше, и управляя непреткновенно къ добру нравы народа и нараждающихся въ немъ поколѣній, *возвесели радостію* (Псал. 20, 7) Царя — Отца отечества и совѣнчанную Его супругу, да будетъ она *матерію* о насъ, *чадѣхъ* ея, *веселящеюся* (Псал. 11, 2, 9). Многомилостиве Господи! да престанутъ множиться въ возлюбленной Тобою Россіи *сыны* и дщери *безумныя*, которыя по истинѣ тяжкая *печаль* православной Церкви русской — общей всѣмъ намъ *Матери* (Притч. 10, 1). Аминь.

Протоіерей Ф. Сергіевскій.

ЦЕРКОВНО-ОБЩЕСТВЕННЫЕ ВОПРОСЫ.

ОБЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ И ПРИХОДСКИХЪ ПОПЕЧИТЕЛЬСТВАХЪ.

Вопросъ о народной благотворительности есть одинъ изъ самыхъ важныхъ общественныхъ вопросовъ: съ разрѣшеніемъ его подвинулись бы къ рѣшенію и многіе другіе существенные вопросы.

И по существу дѣла вопросъ этотъ какъ будто не представляется очень сложнымъ; для разрѣшенія его, кажется, не столько требуются головоломныя соображенія, сколько добрая воля и прямое отношеніе къ дѣлу. Въ русскомъ народѣ много сознательныхъ и несознанныхъ, проявившихся и непроявившихся расположеній на добро. Нужно только дать этимъ расположеніямъ свободный выходъ и правильное направленіе. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что способъ мелкой, розничной благотворительности, доселѣ искони вѣковъ главнымъ образомъ практиковавшійся у насъ за недостаткомъ другихъ, далеко не достигаетъ своей цѣли, что этотъ способъ благотворительности представляетъ много случайностей и ошибокъ, что онъ не даетъ серьёзнаго удовлетворенія народной нуждѣ, а только раздражаетъ ее, что онъ много содѣйствуетъ распространенію нищенства, тунеядства, попрошайства со всѣми ихъ послѣдствіями неизчислимо тяжелыми и вредными для всего общества и тѣмъ

не менѣе рѣшительно неустранимыми, пока не установился другой болѣе привильный способъ благотворенія. Другой способъ благотворительности оффиціальный, государственный, сцентрализованный въ особенныхъ вѣдомствахъ и учрежденіяхъ, съ сложнѣйшею бюрократіею, со множествомъ чиновниковъ, съ большими окладами жалованій и пенсій, со всякими приманками для корыстолюбія и тщеславія, и со всякими проявленіями произвола, пристрастій, злоупотребленій, при существующей постановкѣ также не достигаетъ своей цѣли. Этотъ способъ благотворительности можетъ располагать большими средствами, но онъ даже не имѣетъ прямаго соприкосновенія съ нуждою народною. Казенный способъ благотворительности могъ бы получить болѣе правильную постановку тогда, когда съ развитіемъ другаго, непосредственно соприкасающагося съ нуждою народною на самомъ мѣстѣ ея проявленій, онъ былъ бы сосредоточенъ лишь на благотворительныхъ учрежденіяхъ центральнаго характера, имѣющихъ прямо оффиціальное государственное значеніе. Тогда ограничивъ кругъ своей дѣятельности, онъ могъ бы освободиться и отъ слишкомъ сложной бюрократіи и отъ множества чиновниковъ и служащихъ, поядающихъ массу благотворительныхъ капиталовъ.

Ближе къ мѣстной нуждѣ народной могутъ стоять частныя благотворительныя учрежденія: различныя общества, братства и т. д. Но и такія учрежденія, — не говоря о томъ, что ихъ пока и мало у насъ, — опять могутъ правильно дѣйствовать только тогда, когда, имѣя во главѣ опытныхъ и преданныхъ дѣлу руководителей, и оберегаясь отъ соблазновъ личнаго произвола, пристрастія и тщеславія, отъ излишней формальности и бюрократіи, а равно и отъ произвольнаго и безконтрольнаго отношенія къ дѣлу, они будутъ сосредоточивать свою дѣятельность на опредѣленныхъ, спеціально-благотворительныхъ цѣляхъ. Но за выдѣленіемъ такихъ спеціальныхъ нуждъ въ вѣдѣніе особенныхъ обществъ и учрежденій, въ народѣ все-таки останется цѣлая масса многоразличныхъ нуждъ и бѣдствій, постоянныхъ и случайныхъ, не только подавляющихъ собою тѣхъ, на кого они непосредственно падаютъ, но и вообще задерживающихъ и разстроивающихъ правильное теченіе всей народной жизни.

Для постоянной борьбы съ этою массою народныхъ нуждъ и

бѣдствій на самомъ мѣстѣ ихъ проявленія, самый лучшій способъ благотворительсти есть несомнѣнно приходскій. Приходъ въ православной Церкви въ русскомъ народѣ, самая естественная, вѣками сложившаяся, форма народнаго саморазвитія, народнаго взаимообщенія какъ въ высшей религіозно-нравственной сферѣ, такъ и въ сферѣ бытовой — экономической. Приходская благотворительность, исходя изъ самой идеи христіанства—изъ идеи Церкви и совпадая съ общиннымъ началомъ жизни народной, можетъ совмѣщать въ себѣ лучшія стороны благотворительности личной и общественной, оставаясь чуждою недостатковъ той и другой. Являясь съ помощью народной нуждѣ на самомъ мѣстѣ ея проявленія, приходская благотворительность вмѣстѣ съ тѣмъ имѣетъ наилучшія средства и къ наблюденію за тѣмъ, чтобы оказываемая ею помощь дѣйствительно облегчала нужду, обращалась въ пользу, а не содѣйствовала распространенію тунеядства и попрошайства. Съ другой стороны въ приходской благотворительности, ограниченной малымъ, всегда всѣмъ доступнымъ и для всѣхъ открытымъ, райономъ дѣйствій менѣе можетъ быть мѣста случайностямъ, пристрастію, произволу въ оказываніи вспомоществованій, злоупотребленіямъ благотворительными средствами, лишнимъ затратамъ на устройство и веденіе самой благотворительной организаціи. Приходская благотворительность, пріучая народъ къ взаимной помощи и устраняя нищенство со всѣми вредными его послѣдствіями, не только можетъ содѣйствовать правильному развитію экономической жизни народа, но и вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ имѣть на народъ въ высокой степени нравственно-воспитательное вліяніе. Противъ всего этого едва ли кто станетъ спорить. Значеніе приходской благотворительности сознано и обществомъ и правительствомъ. Уже пятнадцать лѣтъ назадъ изданы у насъ Высочайше утвержденныя правила объ учрежденіи приходскихъ попечительствъ при православныхъ церквахъ, между прочимъ въ цѣляхъ развитія приходской благотворительности. Но отчего же однако приходская благотворительность и доселѣ развивается у насъ все еще очень слабо? При большей части православныхъ церквей приходскія попечительства вовсе не открыты (и что всего замѣчательнѣе—тамъ, гдѣ нищенство особенно является во всемъ своемъ безобразіи сравнительно съ общимъ довольно обез-

печеннымъ положеніемъ населенія, напр. въ Москвѣ) [1]. Въ иныхъ мѣстахъ попечительства существуетъ только по имени; въ иныхъ дѣйствуютъ, но очень слабо въ иныхъ, вмѣсто бо́льшаго нравственнаго объединенія прихода, становятся даже предметомъ какихъ-то пререканій, взаимныхъ подозрѣній и раздоровъ между духовенствомъ и прихожанами, между церковными старостами и такъ-называемыми попечителями.

Кажется, причины этому между прочимъ и едва ли не главнымъ образомъ заключаются въ нѣкоторыхъ правилахъ самаго *Положенія о приходскихъ попечительствахъ*. При обнародованіи этихъ правилъ Государственнымъ Совѣтомъ было предположено, по указаніямъ опыта, по заявленіямъ самихъ попечительствъ и представленіямъ поставленныхъ во главѣ ихъ архіереевъ, дѣлать въ этихъ правилахъ измѣненія и дополненія. Кажется въ настоящее время показаній опыта слишкомъ достаточно для того, чтобы вновь пересмотрѣть все *Положеніе о приходскихъ попечительствахъ*.

1) Прежде всего *Положеніе* отличается большою неопредѣленностью въ указаніи самой цѣли приходскихъ попечительствъ. *Положеніе* выработывалось тогда, когда одновременно были возбуждены у насъ вопросы объ улучшеніи быта духовенства, объ устройствѣ земскаго самоуправленія и о развитіи народнаго образованія. Въ приходскихъ попечительствахъ думали найти средство къ разрѣшенію заразъ всѣхъ этихъ запутаннѣйшихъ общественныхъ вопросовъ первостепенной важности. Приходскимъ попечительствамъ вмѣнено въ обязанность заботиться о благоустройствѣ и благосостояніи приходскихъ церквей и причта въ хозяйственномъ отношеніи, объ устройствѣ первоначальнаго обученія дѣтей и о развитіи благотворительности въ предѣлахъ прихода (1 и 5 §§ *Положенія*). Но такое смѣшеніе и разнообразіе цѣлей въ учрежденіяхъ, только призываемыхъ къ жизни и не обезпеченныхъ никакими готовыми средствами, и должно было повредить ихъ развитію, а въ иныхъ мѣстахъ и

[1]) Мы не знаемъ даже, составлены ли какъ это требуется Высочайшее утвержденнымъ мнѣніемъ Государств. Совѣта о приходскихъ попечительствахъ, *особенныя соображенія* объ устройствѣ приходскихъ попечительствъ въ *столичныхъ городахъ*.

самому возникновенію. Въ немъ естественно долженъ былъ открыться источникъ пререканій и подозрѣній между приходскимъ духовенствомъ, церковными старостами и попечителями приходовъ. У тѣхъ и другихъ могло возникнуть стремленіе дать средствамъ попечительства, еще только собираемымъ или даже предполагаемымъ, преимущественное направленіе въ пользу тѣхъ интересовъ, которые имъ ближе; или по крайней мѣрѣ у тѣхъ и другихъ могло явиться подозрѣніе относительно такихъ стремленій другъ противъ друга. Неопредѣленность отношеній между членами причта, церковными старостами и членами попечительствъ могла дать поводъ къ неумѣстнымъ вмѣшательствамъ однихъ въ дѣла другихъ или къ бездѣльному сваливанью заботъ объ общемъ дѣлѣ одними на другихъ. Чтобы не было поводовъ къ недоразумѣніямъ и столкновеніямъ такого рода, въ иныхъ мѣстахъ сочли за лучшее совсѣмъ не открывать попечительства. Дѣло, намъ кажется, можетъ поправиться и пойти въ ходъ только тогда, когда изъ *Положенія* о попечительствахъ будетъ устранено это разнообразіе стремленій и цѣлей, когда цѣль ихъ будетъ ограничена исключительно устройствомъ приходской благотворительности. Улучшеніе быта духовенства и развитіе народнаго образованія—предметы очень важные; но пусть попеченіе о нихъ будетъ возложено на другіе органы общественной взаимопомощи и самоуправленія. Для улучшенія быта духовенства мѣстными средствами, независимо отъ приходскихъ попечительствъ пусть будутъ устрояемы особенные церковные совѣты; устройство народнаго образованія уже входитъ въ кругъ предметовъ подлежащихъ вѣдѣнію мѣстнаго земскаго и городскаго самоуправленія. Дѣйствія же приходскихъ попечительствъ пусть будутъ исключительно ограничены помощью приходскимъ бѣднымъ [2]). Тогда и попечительства будутъ опредѣленно знать, что имъ нужно дѣлать, и жертвующіе на нихъ не будутъ имѣть ни-

---

[2]) Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ попечительства уже дѣйствуютъ и довольно успѣшно, выдѣленіе изъ круга ихъ дѣятельности попеченій о церкви и причтѣ въ вѣдѣніе особенныхъ церковныхъ совѣтовъ, не представитъ затрудненій, такъ какъ самыя средства, собираемыя въ пользу церкви и причта (по 6 § *Положенія*) въ попечительство, отдѣлены отъ средствъ собственно благотворительныхъ.

какихъ недоразумѣній относительно того, куда могутъ пойти ихъ жертвы....

Ограничивая дѣятельность приходскихъ попечительствъ исключительно благотворительными цѣлями, мы конечно не то хочемъ сказать, чтобы попечительства лишены были всякаго права оказывать пособіе бѣднымъ членамъ причта или бѣднымъ семействамъ ихъ: но бѣдныя семьи причта могутъ пользоваться пособіями отъ попечительствъ, какъ и вообще бѣдныя семьи прихода. Исключеніе же особеннаго попеченія о нуждахъ причта изъ непосредственнаго вѣдѣнія приходскихъ попечительствъ, по нашему мнѣнію, не только не отодвинетъ назадъ важнаго вопроса объ улучшеніи быта духовенства, но можетъ-быть скорѣе подвинетъ его впередъ. Когда духовенство, въ качествѣ членовъ благотворительныхъ приходскихъ учрежденій, покажетъ болѣе попеченія и труда надъ облегченіемъ нуждъ народныхъ, тогда и прихожане болѣе станутъ заботиться объ улучшеніи положенія духовенства. Точно также, исключая изъ непосредственнаго завѣдыванія приходскихъ попечительствъ заботу о народномъ образованіи, мы не то хочемъ сказать, чтобы приходскія попечительства вовсе не имѣли права открывать школы для бѣдныхъ дѣтей, особенно первоначальныя. Но всякое дѣйствіе приходскихъ попечительствъ должно опредѣляться благотворительною цѣлью. Приходское попечительство можетъ открыть и приходскую школу, и пожалуй приходскую библіотеку, рядомъ съ приходскою богадѣльнею, больницею и т. д., если будетъ имѣть на все это средства, и если приходская школа является въ приходѣ предметомъ первой необходимости, т.-е. если въ приходѣ не будетъ другихъ болѣе вопіющихъ нуждъ, а бѣднымъ дѣтямъ прихода совершенно негдѣ учиться.

Вообще же приходскія попечительства должны преимущественно заботиться объ облегченіи самыхъ настоятельныхъ нуждъ народа, въ особенности тѣхъ, которыя производятъ нищенство. Накормить голоднаго, одѣть нагаго, дать пріютъ безпріютному, помочь (хотя бы временно и заимообразно) разорившемуся отъ несчастнаго случая, дать мѣсто и дѣло способному работать, но не находящему работы: вотъ первые предметы дѣятельности приходскихъ попечительствъ. А потомъ, по мѣрѣ средствъ и нужды, можно думать и объ учрежденіи осо-

бенныхъ приходскихъ заведеній — школы, больницы и т. д. Гдѣ на что болѣе нужно обращать вниманія, это конечно должно опредѣляться мѣстнымъ состояніемъ и преимущественными нуждами каждаго прихода.

2) Должна быть устранена неопредѣленность въ организаціи приходскихъ попечительствъ. Неопредѣленность эта въ существующемъ *Положеніи* о попечительствахъ касается преимущественно главнаго отвѣтственнаго лица, которое должно завѣдывать этими учрежденіями. „Предсѣдатель попечительства, по 2 § *Положенія*, избирается общимъ собраніемъ прихожанъ по большинству голосовъ изъ лицъ пользующихся общимъ довѣріемъ, *не исключая и мѣстнаго священника*“. Этимъ §, по нашему мнѣнію, совершенно напрасно дѣйствія приходской благотворительности отдѣляются отъ главнаго религіозно-нравственнаго центра приходской жизни—отъ Церкви. Въ приходѣ, рядомъ съ священникомъ, возставляется особенное офиціальное лицо съ несоотвѣтственно громкимъ для маленькаго приходскаго учрежденія званіемъ предсѣдателя; на священника косвеннымъ образомъ бросается неблагопріятная тѣнь не только относительно компетентности его къ завѣдыванію благотворительными дѣйствіями прихода, но и относительно самаго довѣрія прихожанъ къ нему; между священникомъ и завѣдывателемъ приходскаго попечительства открывается источникъ неправильныхъ отношеній, пререканій, столкновеній и т. д... Исходный пунктъ недоразумѣнія здѣсь заключается, по нашему мнѣнію, въ томъ, что приходская благотворительность представляетъ какъ-будто какое-то самостоятельное отправленіе общественной жизни, не имѣющее прямой непосредственной связи съ религіозно-нравственною жизнью прихода вообще и лишь случайно пріурочиваемое къ приходу, какъ къ сложившейся общественной единицѣ. Такое представленіе неправильно. При правильномъ развитіи религіозно-нравственной жизни въ приходѣ, приходская благотворительность должна являться какъ одно изъ прямыхъ, необходимыхъ и самыхъ существенныхъ ея выраженій. Поэтому и завѣдываніе приходскою благотворительностью по существу дѣла не можетъ принадлежать ни кому другому какъ тому, на кого возлагается руководство религіозно-нравственною жизнью прихода вообще, т.-е. священнику—настоятелю прихо-

да. Никто лучше священника не можетъ знать положенія бѣдныхъ въ приходѣ, никто болѣе священника не имѣетъ случаевъ входить въ бѣдныя семьи тогда именно, когда имъ въ особенности бываетъ нужна мірская помощь, входить и изслѣдовать нужду и оказывать пособіе безъ назойливости и стѣненія. Никто же болѣе священника не можетъ пользоваться *нравственными* средствами и къ расположенію имущихъ членовъ прихода оказывать помощь неимущимъ и къ наблюденію за тѣмъ, чтобы пособія, оказываемыя приходомъ, обращались въ пользу, а не во вредъ вспомоществуемымъ. Между тѣмъ ближайшее участіе въ нуждахъ народныхъ всего болѣе могло бы скрѣпить нравственную связь священника съ прихожанами и возвысить духовное служеніе не только въ глазахъ прихожанъ, но и въ его собственомъ существѣ, — что́ было бы конечно весьма желательно какъ въ интересѣ самаго духовнаго служенія, такъ и въ интересѣ народа. Наконецъ, такъ-какъ приходскія попечительства, по *Положенію*, подлежатъ высшему наблюденію епархіальной власти, то конечно ближайшими уполномоченными этой власти и вмѣстѣ лицами отвѣтственными за веденіе попечительствъ въ строгомъ смыслѣ слова могутъ быть священники: міряне не могутъ признавать себя настолько обязательными и отвѣтственными по отношенію къ епархіальной власти; епархіальная власть не можетъ имѣть на нихъ такого вліянія, и если дѣло приходскихъ попечительствъ будетъ главнымъ образомъ въ завѣдываніи и отвѣтственности мірянъ, епархіальная власть едва ли когда-нибудь можетъ получить въ этомъ дѣлѣ возможность серьёзнаго контроля и руководства. Не здѣсь ли отчасти заключается и причина тому, почему епархіальныя власти во многихъ мѣстахъ относятся холодно къ учрежденію и развитію приходскихъ попечительствъ? „Но священники, могутъ сказать, и не устраняются совершенно отъ завѣдыванія приходскими попечительствами. Предсѣдатель попечительства, по 2 § параграфу *Положенія*, избирается изъ лицъ пользующихся общимъ довѣріемъ, *не исключая и священника*. Затѣмъ, и при другомъ предсѣдателѣ священникъ, по *Положенію*, обязательно долженъ быть *непремѣннымъ* членомъ попечительства. Съ другой стороны, не всякій священникъ можетъ быть способенъ руководить дѣйствіями попечительства, и не всякій готовъ бу-

детъ приложить къ этому дѣлу свое усердіе". Всѣ подобныя возраженія, по нашему мнѣнію, могутъ основываться только на недоразумѣніи. Что касается до перваго пункта, т.-е. до настоящаго отношенія священника къ попечительству, какъ оно опредѣляется по 2 § *Положенія*, то оно представляется намъ въ такомъ свѣтѣ, что пожалуй священнику лучше совсѣмъ не имѣть никакихъ отношеній къ попечительству, чѣмъ имѣть такія. Офиціально создавать для священника въ его собственномъ приходѣ такія положенія, въ которыхъ онъ можетъ оказаться и можетъ и не оказаться пользующимся довѣріемъ прихожанъ, — дѣлать изъ предсѣдательства въ попечительствѣ какую-то приманку тщеславія, поводъ однимъ священникамъ хвалиться передъ другими большимъ *довѣріемъ* прихожанъ (при чемъ предсѣдательство въ попечительствѣ на самомъ дѣлѣ можетъ пріобрѣтаться часто вовсе не превосходствомъ нравственныхъ достоинствъ, способности и усердія къ дѣлу, а и другими случайными условіями), — ставить священника въ приходѣ въ положеніе лишь придаточнаго второстепеннаго лица въ такомъ дѣлѣ, которое относится къ его существеннымъ обязанностямъ, какъ нравственнаго руководителя прихода, а вмѣстѣ съ тѣмъ имѣть его всегда про запасъ и для главнаго руководства дѣлами попечительства на случай, если этотъ другой оффиціальтый руководитель, избранный *общимъ довѣріемъ* прихожанъ, окажется даже отсутствующимъ и надолго отсутствующимъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ всякій день можетъ встрѣтиться нужда въ благотворительномъ пособіи или если у него не станетъ усердія не только изслѣдовать положеніе нуждающихся на мѣстѣ, но и явиться на предсѣдательство въ общихъ собраніяхъ членовъ попечительства (и такіе случаи могутъ быть, и они какъ будто предусматривались при составленіи 2 § *Положенія*): все это представляетъ такія стороны дѣла, изъ которыхъ можетъ выходить много неправильныхъ положеній и отношеній. Вмѣсто того, чтобы имѣть священникамъ такія положенія и отношенія въ приходскихъ попечительствахъ, лучше, говоримъ, не имѣть никакихъ, (т.-е непремѣнныхъ и обязательныхъ) отношеній къ попечительствамъ.

Что касается до другаго возраженія, т.-е. что не у всякаго священника могутъ оказаться способность и усердіе руководить

дѣйствіями попечительства: то и это представляется намъ спорнымъ. Что не всѣ священники могутъ быть одинаково способными и усердными руководителями приходскихъ попечительствъ, это конечно такъ. Но вообще священники сравнительно со всякими другими членами прихода могутъ быть лучшими руководителями этого дѣла. Это прежде всего потому, что священники постоянно, безотлучно находятся при приходѣ, что священники имѣютъ болѣе, чѣмъ кто-нибудь, средствъ знать нужды прихожанъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ священники имѣютъ наиболѣе средствъ и случаевъ къ расположенію состоятельныхъ прихожанъ благотворить неимущимъ. Затѣмъ, только священникъ можетъ сознавать служеніе мѣстной благотворительности своимъ непосредственнымъ долгомъ — существенною обязанностію. У мірянъ — прихожанъ усердіе къ участію въ благотворительныхъ дѣйствіяхъ прихода можетъ явиться какъ хорошій порывъ, какъ дѣло досуга, иногда даже, какъ дѣло тщеславія; все это можетъ быть непрочно и скоропреходяще. У священника же это участіе, являясь какъ непосредственный долгъ, должно представлять болѣе прочности. Притомъ такъ какъ это участіе не требуетъ отъ священника и никакихъ особенныхъ трудовъ и жертвъ: то тѣмъ болѣе представляется здѣсь ручательствъ къ надежному исполненію дѣла. Наконецъ ближайшая отвѣтственность за веденіе этого дѣла, если только оно будетъ поставлено въ непремѣнную обязанность священникамъ, также можетъ быть для нихъ такимъ значительнымъ побужденіемъ къ выполненію этого дѣла, какого для мірянъ доброхотно и необязательно принимающихъ участіе въ этомъ дѣлѣ быть не можетъ. Въ способностяхъ священниковъ завѣдывать дѣлами приходской благотворительности еще можно было бы сомнѣваться тогда, если бы дѣла эти отличались какою-нибудь особенною сложностью, требовали какой-нибудь подготовки, какого-нибудь особеннаго умѣнья. Но такія дѣла не представляютъ никакихъ хитростей и трудностей, въ особенности для священника, которому и безъ особенныхъ изслѣдованій извѣстны нужды бѣдныхъ семействъ прихода и который во всякое время можетъ имѣть доступъ во всякую семью никого тѣмъ не смущая и не удивляя, особенные же случаи къ тому имѣетъ тогда именно, когда бываютъ наибольшія несчастія и нужды въ семьяхъ. Никакой выборный попечитель изъ

мірянъ такихъ удобствъ къ выполненію благотворительнаго дѣла не можетъ имѣть. Для попечителя изъ мірянъ разузнаваніе нуждъ, изслѣдованіе положенія бѣдныхъ, а равно и наблюденіе за правильнымъ употребленіемъ оказываемыхъ пособій, за образомъ жизни получающихъ пособія, должно составлять особенное дѣло, требующее особеннаго труда, времени, умѣнья, и въ иныхъ случаяхъ особенныхъ свойствъ характера. Поэтому здѣсь скорѣе можно опасаться за ослабленіе вниманія и усердія къ дѣлу, которое притомъ для попечителя-мірянина и не можетъ имѣть особенной обязательности и отвѣтственности. У священника же это дѣло ближайшимъ образомъ можетъ соединяться съ отправленіями самыхъ приходскихъ обязанностей. Поэтому и нѣтъ основаній опасаться, чтобы священники стали тяготиться этимъ дѣломъ и небрежно относиться къ нему. Если въ настоящее время со стороны священниковъ замѣчается холоднее отношеніе къ приходскимъ попечительствамъ и вообще къ дѣлу приходской благотворительности; то это всего болѣе зависитъ отъ того, что дѣло приходскихъ попечительствъ вообще не установилось, отношеніе приходской благотворительности къ непосредственному отправленію пастырскихъ обязанностей недостаточно сознано; и отъ того еще, какъ мы выше объяснили, что самымъ Положеніемъ о приходскихъ попечительствахъ священники поставлены въ неправильное отношеніе къ этимъ попечительствамъ. Въ доказательство неспособности и небрежности священниковъ къ исполненію общественныхъ обязанностей всего чаще ссылаются на неудавшіеся опыты веденія священниками народныхъ школъ,—опыты приведшіе будто бы къ необходимости передать дѣло народнаго образованія въ другія руки. Но забываютъ при этомъ, какъ мало поддерживалась и поощрялась дѣятельность духовенства по народному образованію въ то время, когда оно почти исключительно находилось въ рукахъ духовенства. Да кажется, и слишкомъ обольщаются успѣхами народнаго образованія въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ народныя школы перешли отъ священниковъ въ другія руки. Вообще отдѣленіе начальнаго народнаго образованія изъ-подъ вліянія церкви, кто бы ни былъ виноватъ въ немъ, есть такое явленіе, о которомъ во многихъ отношеніяхъ нельзя не пожалѣть. Въ этомъ отношеніи жела-

тельно было бы по крайней мѣрѣ, чтобы главное наблюденіе надъ *начальной* школой и преподаваніе Закона Бжія оставалось вездѣ въ рукахъ священниковъ, и чтобы труды священниковъ по этому дѣлу поощрялись по крайней мѣрѣ не менѣе, чѣмъ труды другихъ народныхъ учителей. Но начальное народное образованіе хотя и находится въ близкой связи съ дѣломъ пастырскаго служенія, все-таки еще не такъ существенно связано съ нимъ, какъ приходская благотворительность. Поэтому, если при правильномъ развитіи приходской жизни, нежелательно было бы и разъединеніе народнаго образованія съ религіозною жизнью—съ вліяніемъ Церкви, то тѣмъ болѣе нежелательно искусственное отдѣленіе отъ этого вліянія приходской благотворительности. Притомъ народное обученіе, даже и первоначальное, требуетъ все-таки нѣкоторой особенной подготовки, извѣстныхъ педагогическихъ знаній и пріемовъ, нѣкоторой особенной склонности и способности къ педагогическому дѣлу, что̀ можетъ быть не у всякаго священника, и затѣмъ требуется извѣстная опредѣленность, срочность въ выполненіи этого̀ дѣла—каждый день въ извѣстные часы, отъ чего иногда въ пастырскихъ обязанностяхъ священника могутъ встрѣчаться отвлеченія. Но при выполненіи дѣлъ приходской благотворительности и это не имѣетъ значенія: эти дѣла, какъ мы сказали, не требуютъ никакого особеннаго умѣнья, никакой подготовки, и могутъ выполняться священниками въ большей части случаевъ при самомъ отправленіи пастырскихъ обязанностей. Здѣсь если можетъ возникнуть сомнѣніе, то развѣ только въ безпристрастности и безкорыстности отправленія священниками этого рода обязанностей: но въ этомъ отношеніи дѣятельность священника постоянно будетъ находиться подъ контролемъ другихъ членовъ попечительства, подъ наблюденіемъ всего прихода. Священникамъ неудобно быть главными завѣдывателями и дѣятелями въ приходскихъ попечительствахъ только въ такомъ случаѣ, когда въ кругу дѣятельности попечительствъ будетъ оставаться по *Положенію* и попеченіе о благоустройствѣ причта въ матеріальномъ отношеніи. Но такъ какъ изъятіе этой этатьи изъ *Положенія* и ограниченіе дѣятельности попечительствъ исключительно попеченіемъ о приходской благотворительности мы вообще считаемъ первымъ и самымъ необходимымъ условіемъ къ развитію попе-

чительствъ, то и это соображеніе въ нашемъ представленіи объ этомъ дѣлѣ не имѣетъ никакого значенія. Наконецъ здѣсь можетъ представляться еще одно практическое недоразумѣніе: „поставленіемъ священниковъ во главѣ приходскихъ попечительствъ, какъ главныхъ и непремѣнныхъ руководителей, не будетъ ли охлаждено отношеніе къ этимъ попечительствамъ такихъ мірянъ, которые имѣютъ наибольшее усердіе къ дѣлу благотворенія, считаютъ для себя за особенную честь, за особенное удовольствіе служеніе этому дѣлу, и которые по своимъ средствамъ могутъ въ особенности содѣйствовать развитію благотворительнаго дѣла въ приходѣ“? Такія возраженія также могутъ возникать лишь по недоразумѣнію, въ виду тѣхъ неправильныхъ отношеній въ приходѣ, какія могутъ вызваться тѣмъ же *Положеніемъ* о приходскихъ попечительствахъ. Когда званіе приходскаго попечителя становится предметомъ конкурренціи между священникомъ и прихожанами, тогда изъ-за этого званія, ко вреду дѣла, пожалуй могутъ возникать соперничества у прихожанъ съ священникомъ и у вліятельныхъ прихожанъ между собою. Разочарованіе въ надеждѣ быть избраннымъ попечителемъ всего скорѣе можетъ приводить къ ослабленію усердія въ благотворительномъ дѣлѣ. Но когда священникъ по самому положенію своему будетъ поставленъ завѣдывать благотворительною дѣятельностью прихода; тогда ни у кого не можетъ возникнуть и мысли соперничать съ нимъ въ этомъ отношеніи или охладѣвать къ дѣлу приходской благотворительности изъ-за того, что не пришлось стать во главѣ этого дѣла. Усердный къ дѣлу благотворенія прихожанинъ гораздо полезнѣе можетъ быть не въ качествѣ главнаго завѣдующаго попечительствомъ лица, а въ качествѣ ближайшаго сотрудника или помощника священнику по дѣлу благотворительности. Это званіе непремѣнно должно быть въ каждомъ приходѣ, и оно должно предоставляться лицу свѣтскому изъ прихожанъ по выбору самихъ прихожанъ. Въ этомъ званіи всякій усердный къ дѣлу приходскаго благотворенія мірянинъ можетъ принесть бо́льшую пользу этому дѣлу, не становясь во главѣ дѣла, не принимая на себя формальныхъ обязательствъ и оффиціальныхъ отношеній къ епархіальному управленію. Въ этомъ званіи усердный къ дѣлу благотворенія мірянинъ можетъ вліять и на священника, когда у него окажется

болѣе ревности къ этому дѣлу, чѣмъ у священника, или быть ему ближайшимъ помощникомъ, когда священникъ самъ не только по положенію, но и по личному усердію къ дѣлу будетъ стоять во главѣ благотворительной дѣятельности. Между тѣмъ, стоя не во главѣ дѣла, а лишь какъ пособникъ ему, мірянинъ благотворитель не можетъ много повредить дѣлу и тогда, если онъ, взявшись сначала горячо за дѣло, потомъ охладѣетъ къ нему или даже и совсѣмъ долженъ будетъ оставить его. Дѣло благотворенія не будетъ въ такомъ случаѣ подвергаться тѣмъ случайностямъ, въ какія оно можетъ быть поставлено при настоящемъ положеніи. Быть избираемыми въ это служеніе могли бы, кажется, и мущины и женщины, или не было ли бы признано болѣе удобнымъ имѣть въ приходѣ для такого сотрудничества два лица—мущину и женщину?

Затѣмъ *непремѣннымъ* помощникомъ священника въ дѣлѣ приходской благотворительности, по самому званію своему, долженъ быть діаконъ. Что касается другихъ членовъ попечительства, числа ихъ, срока службы и т. д., это согласно съ *Положеніемъ* всего лучше можетъ опредѣляться мѣстными условіями и усмотрѣніемъ самихъ прихожанъ. По нашему мнѣнію, здѣсь нѣтъ надобности дѣлать и тѣ частныя обязательныя постановленія, какія значатся въ томъ же 2 § Положенія. Нѣтъ надобности, чтобы всѣ члены причта, кромѣ священника и діакона, были *непремѣнными* членами попечительствъ. Нѣтъ надобности также, чтобы *непремѣнными* членами были старшины и головы не только того села и той волости, гдѣ находится приходская церковь, но и другихъ деревень, которыя могутъ принадлежать къ ней. Вообще нѣтъ надобности, чтобы составъ попечительства имѣлъ слишкомъ сложный и слишкомъ оффиціальный характеръ. По существующему *Положенію* о попечительствахъ, въ каждомъ попечительствѣ выходитъ отъ шести до десяти *непремѣнныхъ* членовъ изъ оффиціальныхъ лицъ. При такомъ положеніи дѣла, чтобы не дать въ благотворительномъ дѣлѣ излишняго перевѣса оффиціальнымъ членамъ и оффиціальному вліянію, нужно прихожанамъ, кромѣ нихъ, избрать по крайней мѣрѣ такое же, если не вдвое большее число членовъ по выбору. Удобно ли и нужно ли приходскимъ попечительствамъ имѣть такой большой составъ членовъ? При большомъ составѣ членовъ не скорѣе ли

можетъ возникнуть такое положеніе, что или никто изъ членовъ не будетъ сознавать себя отвѣтственнымъ за дѣло попечительства, или все это дѣло исключительно останется въ рукахъ непремѣнныхъ-обязательныхъ членовъ?

3) Признавъ приходскія попечительства, какъ органъ мѣстной благотворительности, необходимымъ выраженіемъ религіозно-нравственной жизни каждаго прихода, вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо признать, чтобы приходскія попечительства обязательно были открыты во всѣхъ приходахъ. Объявляя Положеніе о приходскихъ попечительствахъ въ 1864 г. правительство на первыхъ порахъ воздержалось отъ этого. Къ открытію попечительствъ предложено было приступить не одновременно, а постепенно, по мѣрѣ удобствъ и возможности. Можетъ быть, на первыхъ порахъ такъ было и нужно, пока не выяснилась самая идея попечительствъ. Между тѣмъ однакожъ такое свободное предоставленіе права открывать или не открывать попечительства, устанавливая взглядъ на нихъ какъ на нѣчто не совсѣмъ необходимое, также можетъ быть во многихъ мѣстахъ было причиною того, что если на первыхъ порахъ по изданіи Положенія и была возбуждена нѣкоторая ревность къ открытію ихъ, то далѣе эта ревность постепенно ослабѣвала и все болѣе и болѣе сталъ распространяться такой взглядъ, что приходскія попечительства вовсе не необходимость въ приходской жизни, а лишь прихоть администраціи, притомъ не совсѣмъ удобная къ исполненію. Такой взглядъ не только могъ задерживать открытіе новыхъ попечительствъ, но и парализовать дѣйствія уже открытыхъ. Съ другой стороны, при розничномъ недружномъ дѣйствованіи приходовъ въ устроеніи попечительствъ, эти послѣднія не могли достигать самыхъ простыхъ ближайшихъ своихъ цѣлей, напр. искорененія нищенства въ приходахъ, попрошайства на папертяхъ церковныхъ храмовъ. Потому что при такихъ условіяхъ попрошайство могло быть выведено только въ такихъ приходахъ, гдѣ учреждены попечительства; но нищіе изъ такихъ приходовъ могутъ переходить въ ближайшіе приходы, гдѣ таковыхъ попечительствъ нѣтъ. Въ настоящее время, когда значеніе приходскихъ попечительствъ во всякомъ случаѣ можно считать болѣе уяснившимся, правительству рѣшительно нечего было бы стѣсняться распоряженіемъ о немедленномъ и повсемѣстномъ от-

крытіи ихъ во всѣхъ приходахъ. При посильномъ и непринудительномъ сборѣ пособій на попечительства, такое распоряженіе никому не показалось бы отяготительнымъ. Между тѣмъ только тогда во всѣхъ приходахъ стали бы смотрѣть на открытіе попечительствъ, какъ на дѣло необходимое, и рѣшительнѣе вездѣ приступили бы къ открытію ихъ.

„Но у насъ есть, могутъ сказать, множество приходовъ настолько бѣдныхъ, что у нихъ рѣшительно не можетъ быть и мысли объ облегченіи мѣстныхъ нуждъ приходскими средствами, въ которыхъ не съ кого и не изъ чего дѣлать сборы на приходскія попечительства. Съ другой стороны, есть приходы, не имѣющее бѣдныхъ, въ которыхъ нѣтъ надобности учреждать попечительства.“ Какъ то, такъ и другое едвали можетъ быть признано справедливымъ. Намъ кажется, рѣшительно не можетъ быть такихъ приходовъ, гдѣ не оказалось бы никакихъ средствъ, ни готовности къ оказанію пособій бѣднымъ; самымъ бѣднѣйшимъ сельскимъ приходамъ большею частью приходится самимъ прокармливать своихъ бѣдныхъ, увѣчныхъ; и въ такихъ бѣднѣйшихъ приходахъ иногда не менѣе, едвали не болѣе оказывается пособія нищимъ, чѣмъ въ богатыхъ. Учрежденіе попечительствъ въ такихъ приходахъ хоть сколько нибудь можетъ помочь болѣе правильному распредѣленію и употребленію такихъ пособій. Нѣтъ надобности конечно, чтобы благотворительныя пособія въ такихъ приходахъ (да и во всякихъ) собирались только деньгами; они могутъ собираться хлѣбомъ, овощами, старою одеждой и бѣльемъ—всѣмъ, чѣмъ и небогатый человѣкъ готовъ бываетъ и можетъ оказать пособіе другому бѣднѣйшему. А затѣмъ на мѣстѣ вездѣ лучше можно примѣниться, какъ удобнѣе распредѣлять такія пособія.—Что касается до такихъ приходовъ, въ которыхъ вовсе не можетъ оказаться бѣдныхъ и нуждающихся: то существованіе такихъ приходовъ еще болѣе представляется сомнительнымъ; въ самыхъ богатыхъ центрахъ роскоши и избытка часто гнѣздится вопіющая бѣдность и безпомощность. Да если бы и показались такіе приходы, вполнѣ во всемъ обезпеченные и преизбыточествующіе: тѣмъ обязательнѣе для такихъ приходовъ благотворительность и правильное устройство дѣла благотворительнаго: попечительства въ такихъ приходахъ мог-

ли бы служить наилучшимъ органомъ къ правильному собиранію и распредѣленію пособій не только для бѣдныхъ своего прихода, но и другихъ болѣе нуждающихся приходовъ, для нуждъ цѣлой мѣстности, для возникающихъ общенародныхъ и государственныхъ нуждъ, которыя до настоящаго времени большею частью застаютъ насъ неприготовленными и вызываютъ всегда добрую готовность на пожертвованія, но безъ правильной организаціи пожертвованій.

4) При правильномъ и повсемѣстномъ устройствѣ приходскихъ попечительствъ, между ними должна образоваться живая связь, постоянная круговая порука. Нѣтъ надежды конечно, чтобы всякое попечительство могло удовлетворять всѣ мѣстныя нужды только своими приходскими средствами. Съ другой стороны, нѣтъ необходимости, чтобы всякое попечительство непремѣнно употребляло всѣ собираемыя имъ средства только на мѣстныя нужды своего прихода. При правильномъ устройствѣ взаимныхъ отношеній между попечительствами, бѣднѣйшія могутъ обращаться къ богатымъ, и богатыя, конечно по предварительному уполномоченію отъ своихъ прихожанъ, могутъ помогать бѣднымъ. Во всякомъ случаѣ такая передача пособій отъ одного благотворительнаго учрежденія въ другое можетъ быть организована гораздо правильнѣе и достигать цѣли гораздо существеннѣе, чѣмъ розничная, ничѣмъ необезпеченная, пересылка пособія изъ одного мѣста въ другое — отъ лица на лицо. Но часто появляются въ народѣ такія нужды и бѣдствія, которыхъ нѣтъ возможности облегчить не только мѣстными приходскими средствами, но и пособіемъ ближайшихъ частныхъ благотворительныхъ учрежденій, сосѣднихъ приходскихъ попечительствъ и т. д. Неурожаи, пожары, эпидеміи разоряютъ цѣлыя большія мѣстности, и не проходитъ, кажется, ни одного года безъ того, чтобы гдѣ нибудь на пространствѣ нашего обширнаго отечества не разразилось бѣдствіе такого рода. Отсюда разореніе и нищество распространяется въ ближайшія и отдаленныя мѣстности, и рядомъ съ нищенствомъ по необходимости, законнымъ такъ-сказать нищенствомъ, сейчасъ же возникаетъ эксплуатація народнаго бѣдствія — промысловое нищенство. Въ борьбѣ съ бѣдствіями такого рода приходскія попечительства также могли бы оказать существенную пользу. Частнымъ

лицамъ, потерпѣвшимъ отъ бѣдствій, они могли бы выдавать свидѣтельства для сбора пожертвованій, — свидѣтельства во всякомъ случаѣ болѣе компетентныя, чѣмъ удостовѣренія частныхъ лицъ или казенныхъ учрежденій, не имѣющихъ ближайшаго отношенія къ тѣмъ нуждающимся, которые обращаются къ нимъ за удостовѣреніями о бѣдности. Для цѣлыхъ же разоренныхъ обществъ, не имѣющихъ возможности поправиться собственными средствами, приходскія попечительства могли бы быть наилучшими ходатаями не только предъ частными благотворителями, но и передъ высшими вѣдомствами и учрежденіями, имѣющими въ своемъ распоряженіи особенные благотворительные капиталы и предназначенными къ оказыванію помощи народу во времена общественыхъ бѣдствій.

Но для всего этого необходимо, чтобы приходскимъ попечительствамъ законодательнымъ порядкомъ даны были извѣстныя права и правильныя организаціи. Устроеніе приходскихъ попечительствъ еще не будетъ достигать своей цѣли, если они будутъ только разрозненными учрежденіями, дѣйствующими самостоятельно только въ своей ограниченной сферѣ. Чтобы между попечительствами могла установиться солидарность и въ случаѣ надобности—взаимная помощь, необходимо, чтобы въ каждомъ уѣздѣ хоть раза два въ годъ были попечительные съѣзды. Для завѣдыванія благотворительными дѣйствіями въ цѣлой губерніи долженъ быть постоянный комитетъ въ вѣдѣніи мѣстнаго губернатора и начальника губерніи. Комитету, дабы имѣть живую связь со всѣми значительными нравственными и экономическими силами въ извѣстной мѣстности, необходимо входить въ совѣщанія о своей дѣятельности съ представителями мѣстнаго земскаго городскаго самоуправленія на обычныхъ губернскихъ земскихъ и сословныхъ собраніяхъ. Наконецъ, для общаго управленія благотворительными дѣйствіями въ цѣломъ государствѣ, надъ всѣми мѣстными комитетами должно быть высшее правительствоенное учрежденіе, состоящее изъ высшихъ представителей отъ духовнаго вѣдомства, министерства внутренныхъ дѣлъ и министерства финансовъ, которое не только могло бы имѣть въ своемъ распоряженіи постоянныя значительныя средства для поощренія и развитія благотворительной дѣятель-

ности въ государствѣ, но и въ случаѣ особенныхъ нуждъ и бѣдствій народныхъ могло бы испрашивить особенныя чрезвычайныя пособія на этотъ предметъ.

Вотъ съ какихъ сторонъ, кажется, по преимуществу должно быть измѣнено и пополнено *Положеніе* о приходскихъ попечительствахъ, чтобы дѣятельность ихъ получила болѣе широкое развитіе, и чтобъ вообще общественная благотворительность въ нашемъ отечествѣ приняла болѣе правильный характеръ.

Прот. И. П—въ.

ЗНАЧЕНІЕ СОРОКОДНЕВНАГО ПОМИНОВЕНІЯ УСОПШИХЪ.

СЛОВО ВЪ 40-Й ДЕНЬ ПАМЯТИ Е. К. РУКАВИШНИКОВОЙ ГОВОРЕННОЕ ВЪ МОСК. НОВОДѢВИЧЬЕМЪ МОНАСТЫРѢ 31 ІЮЛЯ 1879 Г.

Ихъ же предувѣдѣ, тѣхъ и предуставиі сообразныхъ быти образу Сына своего, яко быти Ему первородну во многихъ братіяхъ. (Рим. VIII, 29).

Въ Церкви Христовой издревле съ особенною заботою наблюдаются и освящаются первые сорокъ дней усопшихъ чадъ ея; преимущественнымъ же освященіемъ запечатлѣвается день четыредесятый. Что̀ сіе означаетъ, какую особенную знаменательность имѣетъ первая четыредесятница христіанской души въ жизни загробной?

Жизнь будущаго вѣка неизглаголема языкомъ вѣка настоящаго. Великій Христовъ апостолъ, сподобившійся многихъ откровеній даже до живаго восхищенія на третіе небо и слышавшій тамъ дивные глаголы, однако возвѣстилъ о нихъ только то, что ихъ невозможно передать языкомъ человѣческимъ: *слышахъ*, говоритъ, *неизреченны глаголы, ихъ же не лѣть есть человѣку глаголати*. Если

въ другомъ случаѣ тотъ же апостолъ различаетъ языки человѣческіе и языки ангельскіе; если самъ Христосъ благоволилъ открыть, что *въ воскресеніи* человѣки *живутъ яко ангели Божіи на небесѣхъ:* то изъ сего можемъ отчасти проразумѣвать, каковъ языкъ небесный для вещей небесныхъ и почему его *глаголы не лѣтъ есть человѣкомъ* земнымъ *глаголати.* Впрочемъ, когда апостолу было даровано внимать онымъ глаголамъ о небесномъ и довольно уразумѣть ихъ неизреченность ко всеобщему откровенію; то слѣдуетъ, что они хотя неудобопереводимы на языкъ человѣческій, однако удоборазумѣваемы *духу ума*; слѣдственно вещи небесныя имѣютъ нѣкоторое соотвѣтствіе съ вещами вѣка настоящаго, или точнѣе — сіи послѣднія суть въ соотвѣтствіи съ оными первыми, какъ первообразными.

И въ самомъ дѣлѣ, не Единое ли Слово Божіе изрекло къ бытію *въ началѣ и небо и землю* въ единомъ творческомъ дѣйствіи и къ цѣлому единству бытія? И не сіе ли творчески изрекающее Слово есть по сему самому Первообразъ и слова ангельскаго и слова человѣческаго, и слова небеснаго и слова земнаго? Наконецъ не сіе ли единотворческое и первообразное всему Слово, дабы все и небесное и земное, какъ сообразныя своему Образу въ источникѣ и началѣ бытія, *предуставить* къ вѣчной первообразности, несмотря на временное произвольное безобразіе наше, — не сіе ли Слово, скажу гласомъ грѡмовымъ, *Слово и Богъ плоть бысть и вселися въ ны, и видѣхомъ славу Его, славу яко Единороднаго отъ Отца, исполнь благодати и истины?* — Такъ земное не только стоитъ въ соотвѣтствіи, но уставлено въ истое подобіе существа съ небеснымъ: ибо небесное во Христѣ всесовершенно вообразилось въ земное, вѣчное во временное, Божественная жизнь въ человѣческую жизнь, въ ея естественные возрасты кромѣ грѣха и во всѣ ея промыслительныя боговодительства отъ рожденія даже до смерти, но съ побѣдою смерти; по силѣ же этой побѣды, — возвратно земное причастилось небеснаго, временное—вѣчнаго, человѣческая жизнь Божественнаго естества — въ Христовомъ воскресеніи отъ гроба и въ Христовомъ вознесеніи на небо.

Такъ *все небесное и земное* неразрывно *соединено подъ главою Христомъ* (Ефес. I, 10), и какъ въ Немъ проникнуто единою ипостасною жизнію, такъ и въ себѣ предувѣдано и предуставлено

къ полной сообразности образу Его. *Ихъ же бо предувѣдѣ, тѣхъ и предуставиі* Богъ Отецъ, *сообразныхъ быти образу Сына своего, яко быти Ему первородну во многихъ братіяхъ.*

Но послѣ сего и мы, братіе, *начатокъ духа Христова имуще*, на семъ положенномъ основаніи можемъ — земные о небесномъ, въ вѣкѣ настоящемъ о жизни будущаго вѣка, о предуставленныхъ намъ тамошнихъ путяхъ и состояніяхъ жизни, — можемъ нѣчто разумѣвать и нѣчто нѣмотствовать, если и не дерзаемъ облечься большимъ дерзновеніемъ, въ которое совершенныхъ во Христѣ всебогатно облекаетъ великій апостолъ: *во Христѣ*, говоритъ онъ, *вы обогатились всѣмъ, всякимъ словомъ и всякимъ познаніемъ* (1 Кор. I, 5).

Нашему слову и нашему познанію доступнѣе пути и состоянія настоящей земной нашей жизни: ибо они извѣстны нашему опыту. Хотя эти же пути и состоянія въ лицѣ Христа Господа, благоволившаго во истину усвоить оные Себѣ, доступные нашей вѣрѣ и ея исповѣданію, должно признаться, уже менѣе доступны нашему слову и нашему познанію: *велія благочестія тайна, Богъ явися во плоти.* Но менѣе ли великая тайна — собственные пути Христовы, путь Его святаго, обоженнаго человѣчества, т.-е. Его воскресеніе отъ гроба и вознесеніе на небо, которые тѣмъ не менѣе благоволитъ Онъ также воистину усвоить намъ и предуставляетъ какъ собственные наши будущіе пути и состоянія въ жизни будущаго вѣка? Поелику это суть пути *новые* человѣчеству грѣшному и провозвѣщаемые только для будущаго опыта; то о нихъ по истинѣ мы можемъ развѣ нѣчто разумѣвать и нѣчто нѣмотствовать.

Будемъ же размышлять и бесѣдовать съ благоговѣніемъ. Начнемъ такъ: эти дивные пути и состоянія жизни Христа Господа, провозвѣщенные и для тѣхъ, *иже Христовы суть*, предуставлены не для какихъ-либо иной природы существъ, но именно ради насъ человѣковъ и нашей ради природы; эти пути жизни, хотя и новые для насъ, но суть возвратные намъ отъ смерти къ потерянной нами жизни; еще же — чрезъ нихъ мы возвращаемся къ оной жизни всеединою, творческою и спасительною, *вчера и днесь и во вѣки вѣрною себѣ*, всепроницательною и благопромыслительною премудростію. Итакъ, эти уставленные намъ пути не должны ли быть намъ не странны, но соестественны?

Не должны ли они быть уставлены не безъ союза, но въ живомъ союзѣ съ извѣстными уже нашему опыту промыслительными путями настоящей нашей жизни? Особенно не должны ли они быть сообразны тѣмъ путямъ настоящей нашей жизни, которыми она водительствуется въ ея предварительномъ освященіи на землѣ во святой Церкви Богочеловѣка? Ибо Церковь и на землѣ есть небесная и на небо съ земли пересаждаемая; и на небѣ и на землѣ — есть единое тѣло, единая скинія, единая Церковь Христа Бога и Человѣка, — въ совершенную сообразность земнаго образа небесному Первообразу.

Такъ, поистинѣ съ этой вершины всего—земнаго и небеснаго, съ этой высоты Христова Богочеловѣчества надлежитъ намъ, Христовы собратіе, смотрѣть на всю нашу жизнь въ вѣкѣ настоящемъ и грядущемъ, уразумѣвая будущее по настоящему, пути обѣтованія по путямъ опыта, и самыя ихъ поприща сразсуждая взаимно. Но такимъ образомъ, кажется, мы неложно можемъ сопоставить, какъ подобныя, первое четыредесятидневное поприще земной жизни христіанина съ первою четыредесятницею души въ жизни загробной. Въ самомъ дѣлѣ, если церковь земная есть вмѣстѣ и небесная; если самый храмъ Бога на землѣ, видимый храмъ, есть образъ пренебеснаго и мысленнаго Господня жертвенника, ибо первому храмоздателю, пророку Моисею первѣе показана скинія небесная, по образу которой надлежало устроить и устроена скинія на землѣ: то и законы жизни въ церкви земной суть образы законовъ жизни въ церкви небесной. Но законъ первыхъ шаговъ жизни въ церкви еще Ветхаго Завѣта былъ таковъ, что новорожденный вмѣстѣ съ родившею долженствовали первые сорокъ дней провождать въ удаленіи отъ храма Божія, въ день же четыредесятый являться во храмъ для первой жертвы и молитвы. Почему такъ?—Безъ сомнѣнія, потому, что новорожденный и родившая въ первое поприще дней послѣ рожденія живутъ нѣкоторою особенною, сложною, двойственною жизнію, отчасти еще утробною и нецѣлою внѣутробною жизнію, такою еще неустановившеюся жизнію, которой порядокъ естественнаго благоустроенія, по благой волѣ Законодателя, ничѣмъ не долженъ быть нарушаемъ, нижѐ высшимъ Его порядкомъ духовнаго благоустроенія, дабы и сему высшему въ дѣйствіи не было безпорядочнаго воспященія или смѣшенія отъ низшаго.

Потому что Богъ не есть Богъ неустройства, но благостроенія: *нѣсть бо нестроенія Богъ, но мира* (1 Кор. XIV, 33). И какъ оную заповѣдь Ветхаго Закона благоволилъ съ точностію исполнить самъ Законодатель, когда явился на земли въ немощи младенчества: такъ точно и въ церкви Новаго Его Завѣта та же заповѣдь дѣйствуетъ ненарушимо, какъ существенная и неотмѣнная въ премудрости Его Церкви, — и въ христіанствѣ новорожденный только въ четыредесятый день воцерковляется. Не подобное ли сему, но въ высшей истинѣ, въ первообразной знаменательности совершается въ жизни будущаго вѣка съ душею въ четыредесятый день по рожденіи ея, чрезъ ложесна смерти, въ жизнь вѣчную? То-есть: только въ сей предѣльный день четыредесятницы совершается рѣшительное пріятіе души вѣрной въ церковь небесную, совершается—въ своемъ каждой души чину—ея пріобщеніе къ сонмамъ небожителей и къ душамъ праведниковъ достигшихъ совершенства и къ самому Ходатаю Завѣта Новаго Іисусу и къ Судіи всѣхъ Богу (Евр. XII, 22 — 24). Почему бы такъ, почему не ранѣе и не позже? — Видно потому, что Божественный Законъ человѣческой жизни одинъ и тотъ же здѣсь и тамъ; видно и тамъ, подобно какъ здѣсь, новорожденная къ вѣчной жизни душа, въ первое опредѣленное поприще существованія живетъ еще сложною, двойственною жизнію, отчасти еще земною и нецѣлою небесною жизнію, каковому порядку законоположено пройти первѣе весь путь своего конечнаго, немимоздѣшняго устроенія, дабы только потомъ тихое и прòстое, уже невозмущаемое и несмѣшаемое земнымъ, *небесное житіе пожити въ будущемъ вѣцѣ* во всякомъ мирѣ и покоѣ, въ вѣчномъ же покоѣ.

Но не мечтаемъ ли мы? Не искусственно ли изыскиваемъ случайное соотвѣтствіе образовъ, не отвѣчающее существу вещей?— Нѣтъ, братіе; въ Божественныхъ законахъ жизни нѣтъ случайности, — все внутренно едино и согласно по существу; и это единство и согласіе въ самомъ словѣ Божіемъ проводятся до совершенства: такъ открывается союзъ плотскаго и духовнаго рожденія; союзъ перстнаго и небеснаго житія; союзъ жизни и умиранія во Адамѣ, и воскресенія и вѣчной жизни во Христѣ. Итакъ мы не колеблясь простираемъ слово далѣе.

Наша четыредесятница за гробомъ, будучи подобіемъ началь-

ной четыредесятницы нашего младенчества въ церкви земной, по образу первой четыредесятницы младенчества Христова, не есть ли далѣе, въ поступаніи этой сообразности, истиннѣйшее заключеніе всей земной жизни къ благословенному вознесенію ея отъ земли на небо? Въ какой сообразности? — Въ сообразности съ послѣднею Христовою на земли четыредесятницею и ея Божественнымъ заключеніемъ. Въ этомъ мы утверждаемся на разумѣніи слова Христова и апостольскаго и на священномъ преданіи церкви.

Христосъ сказалъ: *Азъ есмь путь, и никтоже пріидетъ ко Отцу токмо Мною;* слѣдовательно путь Христовъ есть нашъ путь. И апостолъ провѣщалъ *сообразныхъ быти насъ образу Сына Божія, яко быти Ему первородну во многихъ братіяхъ;* не слѣдуетъ ли уже изъ этихъ словъ, что все поприще Его жизни на землѣ даже до вознесенія на небо предуставлено въ поприще нашей жизни отъ земли до неба? Но наконецъ есть болѣе прямое слово: *и сущихъ насъ мертвыхъ прегрѣшеньми, сооживи Христомъ и съ Нимъ воскресн и спосади на небесныхъ.* (Ефес. II, 5, 6). Дивная благодать и истина! — Не напрасно самъ Христосъ Спаситель послѣ воскресенія сорокъ дней пребывалъ еще на землѣ, человѣческимъ языкомъ бесѣдуя съ присными и даже осязательно увѣряя ихъ къ совершенію ихъ; но и по Себѣ безъ сомнѣнія Богопромыслительно пребывалъ, созерцая лицемъ къ лицу всѣ ихъ во плоти и на землѣ состоянія: страха человѣческаго, радости человѣческой; косности сердечной, отверзенія ума; сомнѣнія невѣрія, исповѣданія восторга вѣры; печали раскаянія, дерзновенія прощенія; нетерпѣнія ожиданія царства Его и мирнаго дѣйствія послѣдняго великаго Его обѣтованія: *пріимите силу, нашедшу Святому Духу на вы, и будете Ми свидѣтели—даже до послѣднихъ земли.* Но—это было уже послѣднее Христово слово на земли; *и сія рекъ, зрящимъ имъ взятся, и облакъ подъятъ Его отъ очію ихъ* (Дѣян. I, 8, 9). Такъ вознесеніе Господа отъ земли на небо въ славу Бога Отца совершилось токмо уже послѣ всесовершеннаго испытанія и совершеннаго разрѣшенія многоразличныхъ состояній жизни земнородныхъ. Не тотчасъ въ день воскресенія, но послѣ онаго чрезъ поприще еще четыредесяти дней, послѣ нѣкоторой особенной и не двоякой ли жизни, хотя не перваго младенчества, но уже послѣдняго *возраста мужа совер-*

шенна,—жизни частію сокровенной и частію еще являемой, жизни небеснаго прославленія и вмѣстѣ еще земнаго пребыванія; послѣ испытанія этой особенной жизни на опредѣленномъ поприщѣ времени и послѣ искушенія и ея плодовъ и дѣйствія въ Себѣ и въ присныхъ братіяхъ на томъ же поприщѣ, наконецъ въ четыредесятый день Христосъ вземлется въ славу Бога Отца, да *бывъ искушенъ по всяческихъ* отъ земли *можетъ и искушаемымъ помощи* отъ славы. Такъ земная жизнь Господа видимо заключилась не воскресеніемъ, но вознесеніемъ.

Но если *Христосъ воста отъ мертвыхъ, начатокъ умершимъ бысть*, т.-е. сдѣлался начальникомъ и нашего воскресенія отъ гроба, въ чемъ видимо предувѣрилъ насъ Своимъ явленіемъ по воскресеніи: то самое явленіе Воскресшаго именно сорокадневное, заключившееся вознесеніемъ отъ земли на небо, не есть ли также видимое, промыслительное увѣреніе для насъ въ сообразности нашего послѣдняго пути отъ земли съ онымъ путемъ Господнимъ? Правда, самый образъ вознесенія Христова есть извѣстное увѣреніе о иной вещи, о образѣ втораго пришествія Его на землю; однако, примѣчательно, и здѣсь возвѣщено, что оставшіеся въ живыхъ до сего пришествія *восхищени будутъ на облацѣхъ, въ срѣтеніе Господне на воздусѣхъ, и тако съ Господемъ будутъ* (1 Θесс. IV. 17). Не всѣмъ имѣть на землѣ эту истую сообразность со своимъ Господомъ; но безъ сомнѣнія не лишены своего особеннаго сокровеннаго участія въ ней вѣрующіе, предварившіе и имѣющіе предварить тѣхъ, кои останутся въ живыхъ до дня велпкаго, и о восхищеніи которыхъ ко Господу возвѣщено.

Святому Макарію Египетскому, искавшему изъясненія сокровенной тайны, было откровеніе о ней чрезъ ангеловъ, которое онъ изложилъ въ своемъ словѣ о псходѣ души. Здѣсь въ простыхъ чертахъ изображается день за днемъ первая четыредесятница души въ жизни загробной, всѣ пути и состоянія этой жизни, на этомъ первомъ ея поприщѣ являющейся поистинѣ нѣкоторою особенною, сложною, неустановившеюся жизнію, только отчасти небесною, и отчасти еще земною; то возводимою чрезъ благодать къ небу, то ниспадающею чрезъ тяготѣніе къ землѣ; то восходящею къ Раю, то нисходящею ко аду и зыблющеюся надъ бездною, до рѣшительнаго дня четыредеся-

таго, — дня вознесенія души къ Судіи всѣхъ Богу. Послушаемъ изъ слова св. Макарія.

„Въ продолженіе первыхъ двухъ дней въ успеніи тѣла позволяется душѣ вмѣстѣ съ находящимися при ней ангелами ходить на землѣ, гдѣ хочетъ. Посему душа, любящая тѣло, скитается иногда около дома, въ которомъ разлучилась съ тѣломъ; иногда около гроба, въ которомъ положено тѣло; и такимъ образомъ проводитъ два дня, какъ птица ища гнѣзда себѣ. А добродѣтельная душа ходитъ по тѣмъ мѣстамъ, въ которыхъ имѣла обыкновеніе творить правду. Въ третій же день, Тотъ, кто воскресъ въ третій день изъ мертвыхъ, повелѣваетъ въ подражаніе Его воскресенію, вознестись всякой христіанской душѣ на небеса для поклоненія Богу всяческихъ.

„Послѣ сего поклоненія, повелѣвается отъ Бога показать душѣ различныя и пріятныя обители святыхъ и красоту рая. Все сіе созерцаетъ душа шесть дней, удивляясь и прославляя Содѣтеля всего, Бога. Созерцая же она сама измѣняется и забываетъ скорбь, которую имѣла, будучи въ тѣлѣ. Но если она виновна во грѣхахъ, то при видѣ наслажденій святыхъ начинаетъ скорбѣть и укорять себя, говоря: увы мнѣ! Увлекшись удовлетвореніемъ похотей, я провела бо́льшую часть жизни въ безпечности, и не послужила Богу, какъ должно, дабы можно было и мнѣ удостоиться сей благодати и славы. Увы мнѣ бѣдной!.. По разсмотрѣніи же, въ продолженіе шести дней, всей радости праведныхъ, душа пока возводится ангелами на поклоненіе Богу: это девятый день.

„Послѣ вторичнаго поклоненія, Владыка всѣхъ повелѣваетъ отвести душу и показать ей мѣста ада и разнообразныя нечестивыхъ мученія. По симъ различнымъ мѣстамъ мукъ душа носится 30 дней, трепеща, чтобъ и самой не быть осужденной на заключеніе въ оныхъ. Въ *сороковой* же день опять она возносится на поклоненіе Богу; и тогда уже Судія опредѣляетъ приличное ей по ея дѣламъ мѣсто селенія или заключенія“. До здѣ св. Макарій Египетскій. Примѣнительно къ его слову о третьемъ днѣ, не погрѣшимъ, если послѣднія его слова перескажемъ такъ: въ *сороковый* день Тотъ, кто вознесся въ день четыредесятый на небо, повелѣваетъ, въ подражаніе Его вознесенію, вознестись всякой христіанской душѣ для поклоненія Богу всяческихъ.

Не дано намъ, братіе, вѣдать съ точностію и непрерывною послѣдовательностію весь путь Христовъ отъ дня смерти и воскресенія Его до дня вознесенія; однако и по тому, что̀ извѣстно, можемъ видѣть по существу соотвѣтствіе изложеннаго частнаго откровенія о пути отшедшей христіанской души съ откровеніемъ Евангелія и Церкви о пути Христовомъ. Такъ при соображеніи того и другаго воспомяните пасхальную пѣснь Церкви: *во гробѣ плотски, во адѣ же съ душею яко Богъ, въ раи же съ разбойникомъ и на престолѣ былъ еси, Христе, со Отцемъ и Духомъ—вся исполняяй неописанный.* Воспомяните также и слова Христовы Маріи Магдалинѣ въ самый день Воскресенія: *не прикасайся Мнѣ, не убо взыдохъ ко Отцу Моему,— иди же ко братіи моей и рцы имъ: восхожду ко Отцу Моему и Отцу вашему, и Богу Моему и Богу вашему.* Сіе восхожденіе ко Отцу не отлично ли собственно отъ Господня вознесенія ибо то, въ чемъ прежде отказано Маріи, дозволено было потомъ Ѳомѣ? Наконецъ, воспомяните прочее, что̀ по Евангелію изображено выше о послѣдней четыредесятницѣ Христовой и о днѣ рѣшительнаго вознесенія: и не будетъ ли сего довольно къ истинному, возможному уразумѣнію тайны нашей загробной четыредесятницы, къ уразумѣнію же не ради простаго любопытства, но ради спасительнаго назиданія?

Помни послѣдняя твоя, и не согрѣшиши. Предварительно и свободно переживай послѣдній путь твой благоговѣйнымъ размышленіемъ о немъ къ покаянію и возвращенію къ добродѣтели, прежде нежели твоя душа будетъ на оный необходимо и безвозвратно поставлена. Да несмутитъ онъ душу какъ незнаемый и нечаемый, но да явится ей съ миромъ какъ уповаемый и предувѣденный. Да будетъ онъ душѣ путемъ совершенія, а не изтязанія. Да будетъ путемъ восхожденія къ небу для рая, но не путемъ низведенія къ аду отъ неба. Да достигнетъ призванная ко Христу душа предуставленной для нея блаженнѣйшей сообразности Его образу. Да послѣдуетъ стопамъ Его, да причастившись Его жизни, смерти и воскресенія, *спосаждена будетъ на небесныхъ во Христѣ Іисусѣ!*

Уповаемъ, что душа почившей рабы Божіей, которой четыредесятидневную память творимъ нынѣ, прошла свой послѣдній путь не какъ путь странный ей и нечаянностію смущающій, прошла же въ мирѣ вѣры и упованія, и благодатію Христовою достигла уготованнаго въ Немъ небеснаго покоя. Къ сему упованію

имѣемъ нѣкоторое особенное основаніе, по которому мы избрали и самый предметъ настоящаго слова. Приступая къ слову въ сей знаменательный день памяти почившей, мы невольно вспомнили, какъ нѣкогда вѣрная христіанская душа, четыре года назадъ, въ загробную четыредесятницу возлюбленнаго сына своего, сама благочестивою мыслію устремлялась въ слѣдъ его пути, и какъ жаждала она проникнуть въ тайну первой сокровенной въ небѣ жизни; мы вспомнили, какъ ради сего читали съ нею утѣшительное и назидательное слово св. Макарія Египетскаго и неоднодневною бесѣдою собесѣдовали, уразумѣвая смыслъ его слова. И вотъ настоящая бесѣда есть сугубая память о почившей, и да будетъ въ сугубое утѣшеніе о ея упокоеніи.

Вѣчный покой рабѣ Божіей Еленѣ и вѣчная ей память во Христѣ Іисусѣ Господѣ! Аминъ.

Протоіерей Н. Сергіевскій.

ЦЕРКОВНЫЙ ВОПРОСЪ ВЪ БОСНІИ И ГЕРЦЕГОВИНѢ.

Занятіе двухъ названныхъ областей Европейской Турціи австрійскими войсками возбудило вопросъ о будущей іерархической зависимости трехъ исповѣданій, между коими дѣлится населеніе этихъ странъ. Само собою разумѣется, что этотъ вопросъ имѣетъ пока лишь предполагаемое значеніе, и не можетъ сдѣлаться предметомъ церковно-юридической практики, пока политическія права Порты на помянутыя области еще не потеряли своей силы. Временное занятіе областей австро-венгерскими войсками и такое же подчиненіе ихъ австро-венгерской администраціи еще не даютъ имперіи Габсбурговъ верховныхъ правъ надъ этимъ краемъ. Тѣмъ не менѣе и въ офиціальныхъ сферахъ и въ публицистикѣ Австро-Венгріи уже подвергаются болѣе или менѣе тщательному разсмотрѣнію такіе вопросы, которые потребуютъ своего рѣшенія только послѣ установленія владѣльческихъ правъ Габсбургскаго дома надъ Босніей и Герцеговиной. Къ числу такихъ вопросовъ принадлежитъ и вопросъ о церковномъ устройствѣ этихъ областей, славянское населеніе которыхъ исповѣдуетъ частію мусульманство, частію католичество, частію православіе. Что касается первыхъ, то о ихъ зависимости отъ стамбульскаго шейхъ-уль-ислама никто и не споритъ въ Австро-Венгріи; да къ тому же мусульманская іерархія и не особенно нуждается, для управленія духовными

интересами мѣстныхъ общинъ, въ такой организаціи, которая бы вполнѣ совпадала съ политическимъ дѣленіемъ. Что касается католиковъ, которыхъ въ Босніи и Герцеговинѣ насчитываютъ теперь 208.317 человѣкъ, то и прежде, завися отъ римской куріи, они управлялись однимъ изъ хорватскихъ епископовъ, носившимъ титулъ папскаго викарія, и отчасти мѣстнымъ епископомъ in partibus infidelium, такъ что для нихъ и при австрійскомъ владычествѣ нѣтъ надобности производить какую либо іерархическую перемѣну. Совершенно въ иномъ видѣ представляется вопросъ объ устройствѣ православной церкви въ Босніи и Герцеговинѣ, въ случаѣ предполагаемаго австро-венгерскою публицистикою перехода этихъ областей подъ владычество Габсбурговъ. Дѣло въ томъ, что въ Австро-Венгріи какъ и въ Турціи, православная іерархія распадается на нѣсколько самостоятельныхъ церковныхъ управленій. Такъ константинопольскій патріархъ, достигшій только въ прошломъ столѣтіи полнаго господства на Балканскомъ полуостровѣ, никогда не простиралъ своей власти на черногорскую церковь; потомъ онъ же долженъ былъ признать автокефальность церквей Греціи, Сербіи и Румыніи, и наконецъ въ послѣдніе годы былъ свидѣтелемъ отторженія болгарскаго экзархата, имѣющаго превратиться въ самостоятельную церковь при окончательномъ устройствѣ Болгарскаго княжества и, кромѣ того, сохраняющаго свои притязанія на болгарское населеніе Восточной Румеліи, Ѳракіи и Македоніи. Православное же населеніе Босніи и Герцоговины все еще состоитъ подъ высшею церковною властію константинопольскаго патріарха. Но самъ патріархатъ явился въ этихъ областяхъ преемникомъ бывшаго сербскаго Ипекскаго патріархата, перенесеннаго въ австрійскіе предѣлы въ концѣ XVII и началѣ XVIII столѣтія. Переселившись въ Австрію, этотъ сербскій патріархатъ долгое время стоялъ во главѣ церковнаго управленія всѣмъ ея православнымъ населеніемъ. Но сперва въ 1864 году образована была особая православная іерархія для трансильванскихъ и венгерскихъ румынъ, а потомъ, послѣ введенія дуализма, когда всѣ православные жители Транслейтаніи, т.-е. собственной Венгріи и другихъ земель, присоединенныхъ къ коронѣ св. Стефана, остались подъ

управленіемъ сербской патріархіи, мѣстопребываніе которой находится въ городѣ Карловцахъ, — православные обитатели Цислейтаніи, т.-е. остальной половины имперіи, подчинены были особой митрополіи, въ составъ которой вошли двѣ далматинскія и одна буковинская епархія, съ мѣстопребываніемъ митрополита въ городѣ Черновцахъ. Это послѣдніе дѣленіе очевидно вызвано было политическимъ раздѣленіемъ самой имперіи на двѣ части. Такимъ образомъ временное подчиненіе Босніи и Герцеговины австро-венгерскимъ политическимъ властямъ вызвало вопросъ, кому должно быть подчинено въ церковномъ отношеніи православное населеніе ихъ: константинопольскому патріарху, отъ коего оно и теперь зависитъ, или же карловацкому патріарху, который есть глава православнаго населенія Трансейтаніи, иначе Венгріи, или черновицкому митрополиту, управляющему православными Цислейтаніи, т.-е. Австріи, или же наконецъ слѣдуетъ образовать изъ православныхъ епархій Босніи и Герцеговины новую автокефальную митрополію? Нѣтъ сомнѣнія, что рѣшеніе этого вопроса имѣетъ главнымъ образомъ политическое значеніе, особенно если принять во вниманіе и иную сторону дѣла, обыкновенно оставляемую въ сторонѣ австрійскими публицистами: мы разумѣемъ давнія притязанія сербскаго княжества на Боснію и Герцеговину какъ въ политическомъ, такъ и въ церковномъ отношеніяхъ. Всѣ эти историческія, политическія и юридическія усложненія и были причиною того, что на нашихъ глазахъ возникла въ нѣмецкихъ, мадьярскихъ и славянскихъ газетахъ Австро-Венгріи обширная полемика, носящая громкое названіе „борьбы за право по вопросу о православной церкви въ Босніи и Герцеговинѣ“. За газетною полемикой появились и брошюры. На одну изъ нихъ мы желаемъ обратить вниманіе читателей „Православнаго Обозрѣнія“. Она интересна для насъ и по имени своего автора. Радославъ Радичъ, нынѣ патріаршій протодіаконъ Емиліанъ, профессоръ богословія въ Карловцахъ, слушалъ богословскія науки не только въ томъ заведеніи, гдѣ нынѣ состоитъ преподавателемъ, но также въ нѣмецкихъ университетахъ и московской духовной академіи. Онъ извѣстенъ уже нѣсколькими сочиненіями, каковы: Die Serben in Ungarn (Göttingen, 1875); Beiträge zur Geschichte der serbischen Kirche im XV.

und XVI. Jahrhunderte (Leipzig, 1876); Electio episcoporum secundum canones et praxin orientalis orthodoxae ecclesiae (Leipzig, 1876); Die Verfassung der orthodox-katholischen Kirche bei den Serben in Oesterreich-Ungarn. 1 Th.: Das oberste Kirchenregiment (Werschetz, 1877). Послѣднее сочиненіе, посвященное первенствующему члену Россійскаго Св. Синода, митрополиту Исидору, и профессорамъ московской духовной академіи, было диссертаціей на степень магистра богословія, которую авторъ получилъ отъ этой академіи. Намъ извѣстно, что въ настоящее время имъ приготовлена къ печати и докторская диссертація, подъ заглавіемъ: Verfassung sämmtlicher orthodox-orientalischen Particular-Kirchen in Oesterreich-Ungarn, mit Berücksichtigung des canonischen und des Verfassungsrechts der übrigen orthodox-orientalischen Particular-Kirchen".

Новое сочиненіе Емиліана Радича, о которомъ мы говоримъ теперь, носитъ такое заглавіе: „Ein Kampf um's Recht. Beitrag zur Lösung der orthodoxen Kirchenfrage in Bosnien-Herzegovina" (Prag, 1879 г.; str. 51). Авторъ разсматриваетъ поставленный имъ вопросъ съ точекъ зрѣнія: исторической, государственной, церковной и практической. Указавъ на то, что въ началѣ среднихъ вѣковъ населеніе Босніи и Герцеговины вполнѣ принадлежало православной церкви, онъ отмѣчаетъ появленіе хорватскаго владычества въ оныхъ въ половинѣ XI вѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ латинской пропаганды, которая особенно усилилась со времени соединенія хорватскаго королевства съ венгерскимъ. Такъ, напримѣръ, папа Иннокентій VI далъ въ 1355 году королю Людовику I титулъ „генералъ-капитана всего христіанства" въ этихъ странахъ съ правомъ истреблять огнемъ и мечемъ схизматическихъ сербовъ. Далѣе авторъ совершенно справедливо останавливаетъ свое вниманіе на томъ значеніи, какое имѣла въ исторіи Босніи богомильская ересь, подготовившая переходъ значительной части православныхъ жителей ея въ католичество и мусульманство. Затѣмъ, оставляя въ сторонѣ дальнѣйшую судьбу католиковъ и мусульманъ, авторъ излагаетъ исторію православной церкви въ Босніи и Герцеговинѣ и убѣждается, что она находилась въ тѣсной внутренней связи съ исторіей сербской церкви вообще, пока ипекскіе патріархи не перешли

въ Австрію, чрезъ что данъ былъ поводъ константинопольской патріархіи исходатайствовать у турецкихъ султановъ бератъ на подчиненіе имъ всѣхъ православныхъ епархій въ предѣлахъ европейской Турціи. Такимъ образомъ выводы изъ историческихъ изслѣдованій автора получились таковые: а) зависимая православно-боснійская церковь есть законная дщерь независимой сербской церкви; б) зависимость ея отъ сербской церкви до паденія ипекскаго патріархата была непрерывною и твердою; в) она основывалась на историческомъ происхожденіи боснійской церкви и на очевидномъ церковномъ и естественномъ правѣ сербской. Тоже самое авторъ доказалъ и относительно Герцеговины. Дальнѣйшія права сербскаго патріархата, переселившагося въ Австрію, на подчиненіе ему православныхъ церквей Босніи и Герцеговины авторъ основываетъ съ одной стороны на томъ, что поводы для присоединенія бывшихъ его епархій константинопольскому патріархату не имѣли каноническаго значенія и въ свое время были опротестованы мѣстными епископами, а съ другой—на томъ, что автокефальность сербскаго патріархата не прекратилась съ перемѣною его мѣстопребыванія и сами константинопольскіе патріархи никогда не протестовали противъ нея. Такимъ образомъ оккупація Босніи и Герцеговины австровенгерскими войсками представляется, по мнѣнію автора, естественнымъ поводомъ къ возвращенію карловацкой, бывшей ипекской, патріархіи ея прежняго достоянія. Доказательства тѣхъ же самыхъ правъ, взятыя изъ области государственнаго права, сводятся къ слѣдующему: въ привиллегіяхъ австрійскихъ императоровъ, дарованныхъ переселявшимся въ ихъ земли сербскимъ патріархамъ, кругъ ихъ церковной власти распространялся также на Боснію и Герцеговину; австрійское правительство въ своей церковной практикѣ всегда опиралось на принципъ національности, что доказывается напримѣръ отдѣленіемъ румынской церкви отъ сербской въ предѣлахъ Австро-Венгріи, между тѣмъ какъ соединеніе сербскихъ далматинскихъ епархій съ славянско-румынскою въ Буковинѣ проистекло помимо политическаго дуализма въ имперіи, изъ неясныхъ церковныхъ отношеній самихъ далматинскихъ епархій, перешедшихъ къ Австріи не отъ Турціи, а отъ Венеціи. Наконецъ, по мнѣнію

автора, государственные интересы Австро-Венгріи требуютъ прекращенія власти константинопольской патріархіи въ предѣлахъ Босніи и Герцеговины съ передачею ея карловацкому патріарху, въ подкрѣпленіе чего авторъ приводитъ не вполнѣ равносильный примѣръ, указывая на то, что австрійское правительство не подчинило же своихъ православныхъ румынъ іерархіи румынскаго княжества, а образовало для нихъ особое церковное управленіе, и забывая, что сама румынская церковь лишь въ недавнее время стала самостоятельною.

Затѣмъ авторъ борется противъ образованія особой автокефальной іерархіи для православныхъ епархій Босніи и Герцеговины. Для образованія такой іерархіи необходимо согласіе той автокефальной церкви, подъ покровомъ которой возникли имѣющія отдѣлиться епархіи: такъ было при отдѣленіи русской церкви отъ константинопольской. Далѣе, каноническое право восточной церкви усвоило себѣ заимствованный изъ свѣтскаго грекоримскаго права принципъ, по которому церковное дѣленіе должно совпадать съ политическимъ. Стало-быть съ тѣхъ поръ, какъ Боснія и Герцеговина соединятся съ Австро-Венгріей, не будетъ повода оставлять ихъ православныя епархіи въ подчиненіи Константинополю. Но съ другой стороны нѣтъ никакихъ каноническихъ основаній и для образованія автокефальной церкви въ этихъ областяхъ. Тому противятся привиллегіи карловацкой патріархіи, неимѣніе до сихъ поръ каноническаго титула для предполагаемой отдѣльной церкви и отсутствіе всякихъ внутреннихъ средствъ для осуществленія ея автокефальности. Такъ нѣтъ мѣстныхъ источниковъ для содержанія автокефальной митрополіи; въ Сараевѣ и Мостарѣ существуютъ равноправныя каѳедральныя церкви, изъ коихъ одну пришлось бы подчинить другой; ни въ Босніи, ни въ Герцеговинѣ нѣтъ никакого духовнаго училища, нѣтъ также благоустроенныхъ монастырей и вообще нѣтъ образованнаго пастырскаго сословія.

Все изложенное до сихъ поръ можетъ быть разсматриваемо въ качествѣ подготовки къ рѣшенію вопроса, еслибы Австро-Венгрія перешла отъ временнаго занятія Босніи и Герцеговины, на что она уполномочена берлинскимъ трактатомъ, къ постоянному обладанію ими. Авторъ однакожъ находитъ возможнымъ ускорить рѣшеніе церковнаго вопроса и при нынѣшнихъ обстоя-

тельствахъ. Онъ разсуждаетъ такъ: берлинскій конгрессъ возложилъ на Австро-Венгрію умиреніе дурно управлявшагося до тѣхъ поръ края; но Боснія и Герцеговина управлялись дурно и въ церковномъ отношеніи. Исключительно ли турецкій фанатизмъ, спрашиваетъ онъ, и необузданныя злоупотребленія Порты были причиною такого печальнаго состоянія и неописанной нищеты христіанъ и христіанской церкви въ этихъ областяхъ? Не падаетъ ли значительная часть вины въ томъ на греческое духовенство, въ особенности на фанаріотскую іерархію? Не на ея ли отвѣтственности лежитъ значительная часть тѣхъ тяжестей, которыя несутъ турецкіе христіане? Само собой разумѣется, что всякій, кто хоть сколько-нибудь знакомъ съ исторіей управленія славянскихъ епархій въ Турціи греческою іерархіею и съ исторіею отношеній константинопольскаго патріархата къ султанской власти, долженъ отвѣтить утвердительно на всѣ эти вопросы. Даже въ русской литературѣ не разъ говорилось о томъ, какъ цареградскій патріархатъ, сначала совершенно свободный отъ всякой дани султанамъ, затѣмъ добровольно подчинился ей и долженъ былъ увеличивать ее съ году на годъ, вслѣдствіе заискиванія самими греками, или лучше сказать ихъ различными партіями, благосклонности у султановъ въ пользу нѣсколькихъ соискателей патріаршаго престола: кто болѣе платилъ изъ нихъ, тотъ и получалъ султанское утвержденіе. Чрезъ то наростали долги патріархіи, которые раскладывались на епархіальныхъ владыкъ, а ими на низшее духовенство, которое въ свою очередь увеличило взиманія съ народа. Авторъ совершенно правъ также, говоря о равнодушныхъ отношеніяхъ греческой іерархіи къ славянской паствѣ, принимавшихъ иногда даже враждебный характеръ; правъ упоминая о симоніи при раздачѣ какъ епархіальныхъ, такъ и приходскихъ должностей, намекая на крайнее невѣжество большинства греческихъ монаховъ въ Турціи и ссылаясь на донесенія консуловъ, удивлявшихся той готовности, съ какою фанаріотское духовенство жертвовало интересами несчастныхъ христіанъ предъ наклонною къ страшнымъ злоупотребленіямъ турецкою администраціею. Наконецъ онъ совершенно правъ, что главною причиною въ присоединеніи сербской ипекской и болгарской охридской іерар-

хій къ константинопольскому патріархату были корыстолюбивыя цѣли фанаріотовъ. Но едва ли его соображеніями можетъ воспользоваться австровенгерское правительство для того, чтобы теперь же изъять боснійскія и герцеговинскія епархіи изъ-подъ цареградскаго управленія. Берлинскій конгрессъ не призывалъ къ суду греческое духовенство, не касался церковныхъ дѣлъ и поручалъ Австро-Венгріи только умиреніе края и введеніе въ него лучшей гражданской администраціи. Мы не смотримъ однакожъ на мнѣнія автора, какъ на принадлежащія исключительно ему одному. Они раздѣляются главными представителями сербской іерархіи въ Австро-Венгріи, и намъ любопытно знать, что политическія притязанія хорватовъ на Боснію и Герцеговину встрѣтились въ этомъ случаѣ съ стремленіями сербской іерархіи въ Австро-Венгріи. Нынѣшій карловацкій патріархъ Прокопій Ивачковичъ уже сдѣлалъ соотвѣтственное тому представленіе вѣнскому правительству. Авторъ разсматриваемой нами брошюры явился только истолкователемъ и защитникомъ такого представленія. По его мнѣнію, карловацкая патріархія обладаетъ всѣми средствами и способами для того, чтобы съ одной стороны управлять православными епархіями въ Босніи и Герцеговинѣ, а съ другой—оказать поддержку австровенгерскому правительству въ его примирительно-цивилизаторской роли. Доказательства тому онъ видитъ въ слѣдующемъ: а) карловацкая церковь есть сербская церковь и потому можетъ управлять сербскими же церквами въ Босніи и Герцеговинѣ безъ всякихъ недоразумѣній и съ несомнѣнною пользою для нихъ; б) географически изъ всѣхъ великихъ церквей она есть ближайшая къ этимъ областямъ, и потому можетъ поддерживать безпрерывныя сношенія съ ними и оказывать необходимыя попеченія имъ; в) она обладаетъ богословскими школами и клиромъ, просвѣщеннымъ нравственно и научно; г) она имѣетъ достаточное число монастырей, не мало фондовъ и благотворительныхъ учрежденій; д) нынѣшній глава ея, патріархъ Прокопій, есть высокозаслуженный архипастырь предъ тономъ и отечествомъ; е) у нея есть многочисленная и благомыслящая интеллигенція; ж) наконецъ изъ всѣхъ православныхъ церквей Австро-Венгріи она пользуется наибольшимъ значеніемъ въ цѣлой восточной церкви. Далматинская митрополія, по мнѣнію автора, не только не мо-

жетъ имѣть притязанія на такую роль, по малочисленности своего населенія и по сравнительной бѣдности въ средствахъ, но и въ свою очередь должна быть возсоединена съ карловацкою патріархіей. Въ заключеніе авторъ прямо говоритъ о политическомъ значеніи предлагаемаго имъ плана: чѣмъ глубже и сильнѣе будетъ вліяніе карловацкой іерархіи на боснійско-герцеговинскую церковь, тѣмъ сильнѣе станетъ вліяніе венгерскаго правительства на послѣднюю; ибо оно имѣетъ право надзора надъ первою, которое естественнымъ образомъ распространится и на вторую.

Нилъ Поповъ.

СЛОВО

ВЪ ДЕНЬ УСПЕНІЯ ПРЕСВЯТЫЯ БОГОРОДИЦЫ, ПРОИЗНЕСЕННОЕ ВЫСОКОПРЕОСВЯЩЕННЫМЪ МАКАРІЕМЪ, МИТРОПОЛИТОМЪ МОСКОВСКИМЪ И КОЛОМЕНСКИМЪ, ВЪ БОЛЬШОМЪ УСПЕНСКОМЪ СОБОРѢ 15 АВГУСТА 1879 ГОДА.

Велія будетъ слава храма сего, послѣдняя паче первыя. (Аггея 2, 10).

Это пророческое слово, относившееся ко второму храму іудейскому, исполнилось во всей широтѣ и на нашемъ святомъ храмѣ, въ которомъ мы присутствуемъ и который торжествуетъ нынѣ свой главный праздникъ. У Іудеевъ существовалъ только одинъ храмъ—въ Іерусалимѣ, и когда не стало перваго храма, созданнаго тамъ царемъ Соломономъ, то второй Іерусалимскій храмъ можно было сравнить только съ первымъ и славу втораго храма со славою перваго. У насъ, на святой Руси, и прежде были и нынѣ существуютъ цѣлыя тысячи, даже десятки тысячъ святыхъ храмовъ. И среди всѣхъ этихъ храмовъ храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы въ Москвѣ, съ самаго происхожденія своего, всегда занималъ первое мѣсто, и *слава* его всегда была *велія, паче* славы каждаго изъ нихъ. Не о великолѣпіи нашего храма и не о внутреннемъ его богатствѣ и красотѣ наша рѣчь,—хотя и въ этомъ отношеніи онъ, въ теченіи

нѣсколькихъ вѣковъ, превосходилъ всѣ русскіе храмы, — а о томъ высокомъ, особенномъ значеніи какое, онъ имѣлъ и доселѣ еще имѣетъ для всей русской церкви и для всего нашего отечества.

Храмъ Успенія Пресвятыя Богородицы въ Москвѣ воздвигнутъ по мысли, по желанію и при содѣйствіи великаго угодника Божія, митрополита Петра, и какъ только былъ освященъ, сдѣлался мѣстомъ каѳедры или каѳедральнымъ соборомъ русскихъ первосвятителей. Онъ былъ каѳедральнымъ соборомъ всѣхъ нашихъ митрополитовъ, начиная со св. Петра, который первый изъ нихъ поселился въ Москвѣ; оставался каѳедральнымъ соборомъ и всѣхъ нашихъ патріарховъ, жившихъ также въ Москвѣ. Существовали каѳедральные соборы и въ другихъ городахъ Россіи; но то были соборы мѣстныхъ епархіальныхъ владыкъ и считались главными храмами каждый одной какой либо епархіи. А Московскій Успенскій соборъ, какъ каѳедральный самихъ первосвятителей Русской церкви, былъ и назывался „первопрестольнымъ“ храмомъ не одной Москвы, не одной епархіи, но всей Россіи. Важнѣйшее его преимущество предъ всѣми другими соборами и храмами состояло въ томъ, что здѣсь совершалось посвященіе русскихъ архіереевъ, не только епископовъ и архіепископовъ, но и самихъ митрополитовъ и патріарховъ. Здѣсь чрезъ таинственное рукоположеніе святительское получали наши архіереи божественную благодать, которую потомъ и раздавали каждый въ своей епархіи, чрезъ таинственное же рукоположеніе, всему священству, а чрезъ священство и всей духовной своей паствѣ. Отсюда такимъ образомъ освящалась вся Руская земля. И хотя нынѣ, съ тѣхъ поръ какъ, вмѣсто одного верховнаго пастыря, началъ управлять Русскою церковью равноправный и равночестный ему постоянный Святѣйшій Синодъ, посвященіе нашихъ архипастырей перестало быть исключительнымъ преимуществомъ Успенскаго собора въ Москвѣ и совершается почти всегда въ главнѣйшихъ храмахъ нашей сѣверной столицы, гдѣ имѣетъ пребываніе Правительствующій Синодъ, но и нынѣ, какъ всегда прежде, Московскій Успенскій соборъ ясно выдѣляется изъ среды всѣхъ соборовъ русскихъ и возвышается надъ ними: такъ какъ онъ одинъ только изъ нихъ находится въ непосредственномъ вѣдѣніи не епархіальнаго ар-

хіерея, а самого Правительствующаго Синода, простирающаго свою власть на всю Русскую церковь. Почему и нынѣ Московскій Успенскій соборъ остается первопрестольнымъ соборомъ всей Россіи. Предназначенный, при самомъ основаніи своемъ, быть мѣстомъ каѳедры для русскихъ первосвятителей, этотъ соборъ съ то же времени сдѣлался и мѣстомъ успокоенія ихъ по смерти. Святитель Петръ погребенъ былъ здѣсь, когда постройка храма еще не была окончена, и затѣмъ здѣсь же погребались всѣ всероссійскіе митрополиты и патріархи. Но самое важное—въ томъ, что здѣсь покоятся въ числѣ другихъ и тѣ великіе первосвятители Русской земли, которыхъ, за ихъ святость и подвиги для церкви и отечества, Господь прославилъ нетлѣніемъ и чудесами; здѣсь почиваютъ своими святыми мощами угодники Божіи: Петръ, Іона, Филиппъ, московскіе и всея Россіи чудотворцы. Сюда потому стекается Русскій народъ, чтобы поклониться своимъ прославленнымъ первосвятителямъ, поучиться у нихъ любви къ отеческой вѣрѣ и благочестію, высказать у. ракъ ихъ свои радости и свои скорби и помолиться имъ, какъ своимъ неусыпнымъ ходатаямъ и заступникамъ предъ престоломъ Вседержителя.

„Если ты послушаешь меня, сынъ мой,—говорилъ святитель Петръ московскому князю Іоанну Даниловичу Калитѣ,—и воздвигнешь храмъ Пречистыя Богородицы въ своемъ городѣ, то и святители поживутъ здѣсь, и городъ твой сдѣлается славнымъ между всѣми городами Русскими, и самъ ты съ твоимъ потомствомъ прославишься болѣе всѣхъ другихъ князей“. Исполнилъ князь желаніе святителя, воздвигъ храмъ Пречистыя въ Москвѣ: исполнилось и предсказаніе великаго святителя. Москва была тогда еще небольшимъ городкомъ и московское княженіе—однимъ изъ молодыхъ удѣльныхъ княженій. Многіе другіе города стояли гораздо выше ея, каковы особенно: Владиміръ, гдѣ наши князья восходили тогда на великокняжескій престолъ, Рязань, Тверь, Смоленскъ, Новгородъ, Псковъ. Но лишь только утвердилась въ Москвѣ каѳедра русскихъ первосвятителей въ новосозданномъ Успенскомъ соборѣ, Москва сдѣлалась вдругъ первымъ городомъ въ понятіяхъ всѣхъ православныхъ сыновъ Россіи, гдѣ бы они ни жили,—разумѣется, первымъ въ церковномъ отношеніи: потому что они представляли себѣ здѣсь главу Рус-

ской церкви, видѣли здѣсь своего общаго верховнаго архипастыря и отца. Едва прошелъ годъ послѣ сооруженія Успенскаго собора въ Москвѣ, какъ создатель его князь Іоаннъ Даниловичъ, съ утвержденія самого хана татарскаго, подъ властію котораго находилась тогда Русская земля, возведенъ былъ въ достоинство великаго князя, и это достоинство стало потомъ наслѣдственнымъ въ его потомствѣ. А спустя около столѣтія потомки Іоанна Даниловича Калиты, московскіе князья начали восходить на великокняжескій престолъ уже не во Владимірѣ, но въ самой Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, то-есть Москва и въ гражданскомъ отношеніи сдѣлалась первымъ городомъ Россіи, великокняжескою столицей. Еще важнѣе было не для одной Москвы и московскаго князя, но и для всего нашего отечества другое послѣдствіе утвержденія первосвятительской каѳедры въ Московскомъ Успенскомъ соборѣ. Россія оставалась еще въ то время раздѣленною на удѣльныя княжества и продолжала много терпѣть отъ княжескихъ междуусобій. Московскіе великіе князья, начиная съ Іоанна Даниловича Калиты, вознамѣрились исподоволи уничтожить это гибельное для отечества раздѣленіе и соединить всѣхъ Русскихъ подъ своею властію въ одно великое московское государство. Каѳедра митрополитовъ, утвердившаяся въ Москвѣ, послужила къ тому однимъ изъ первыхъ и самыхъ главныхъ средствъ. Сюда къ каѳедрѣ своего первосвятителя естественно начали устремлять свои взоры всѣ наши архіереи изъ всѣхъ удѣльныхъ княженій, а за архіереями и все духовенство. Здѣсь вокругъ своего верховнаго пастыря нерѣдко собирались они вмѣстѣ съ другими знатнѣйшими членами подвѣдомой имъ іерархіи для соборныхъ совѣщаній и въ лицѣ своемъ представляли соединенными здѣсь и всѣ свои духовныя паствы. Отсюда отъ первосвятетельской каѳедры разливалась духовная жизнь чрезъ архіереевъ во всѣ концы Россіи, на всѣхъ православныхъ сыновъ ея. Такимъ образомъ мало-по-малу совершалось въ Москвѣ и чрезъ Москву то объединеніе Русскихъ, котораго такъ желали московскія князья, хотя это объединеніе было пока только церковное. Съ другой стороны, сами первосвятители наши, имѣя постоянно свою каѳедру въ Москвѣ и потому считая себя подданными московскаго великаго князя, естественно старались подкрѣплять его своею духовною властію въ

его стремленіяхъ къ созданію единаго на землѣ Русской государства. Съ этою цѣлію они обращались къ удѣльнымъ князьямъ со своими архипастырскими увѣщаніями—прекратить распри и междуусобія, смириться предъ великимъ княземъ и покориться ему; слали такія же увѣщательныя грамоты въ Новгородъ, Псковъ, Тверь и другіе города; дѣйствовали иногда на непокорныхъ князей и цѣлыя области чрезъ мѣстныхъ епископовъ, а иногда даже карали упорныхъ церковнымъ отлученіемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда всѣ мѣры кротости и убѣжденія оказывались безсильными и не оставалось никакихъ другихъ средствъ предотвратить отъ отечества страшныя бѣдствія. При такомъ могущественномъ нравственномъ содѣйствіи отъ митрополитовъ, московскіе великіе князья достигли наконецъ, къ исходу XV столѣтія, своей вожделѣнной цѣли: ниспровергли одно за другимъ удѣльныя княжества, причинявшія столько зла Россіи, и на развалинахъ ихъ основали и утвердили одно великое государство. Но въ это же самое время началось еще новое и весьма важное для Россіи значеніе Московскаго Успенскаго Собора — каѳедры русскихъ первосвятителей: онъ сдѣлался мѣстомъ священнаго вѣнчанія и помазанія на царство нашихъ государей. Великій князь Іоаннъ III, нанесшій послѣдній ударъ удѣламъ и водворившій въ Россіи единодержавіе, первый вѣнчалъ здѣсь вѣнцомъ Мономаховымъ, по особому церковному чину, своего внука Димитрія, котораго желалъ имѣть своимъ преемникомъ, хотя вѣнчанному юношѣ и не суждено было возсѣсть на престолѣ. Здѣсь же потомъ вѣнчались и мѵропомазывались со всею торжественностію всѣ наши великіе князья и цари; вѣнчались и мѵропомазывались и всѣ наши императоры. Здѣсь получали и получаютъ они, чрезъ таинственное помазаніе отъ Духа Святаго, новыя благодатныя дарованія и силы, чтобы достойно проходить свое великое служеніе Богу и Россіи и устроять благо и счастіе своихъ подданныхъ.

Успенскій соборъ — это для насъ, братіе, какъ для жителей Москвы, первая святыня. Съ основаніемъ его положено основаніе и возвышенію Москвы среди всѣхъ городовъ русскихъ. Сначала она сдѣлалась стольнымъ или каѳедральнымъ городомъ русскихъ первосвятителей, а потомъ уже постепенно восходила до степени первопрестольной столицы русскихъ государей.

Успенскій соборъ—это если не первая, то одна изъ первыхъ святынь и для всѣхъ сыновъ Россіи. Здѣсь вокругъ первосвятительской каѳедры началось и совершалось объединеніе русской земли, раздробленной тогда на мелкіе удѣлы, объединеніе сперва церковное, а затѣмъ и государственное. Здѣсь въ продолженіе вѣковъ совершалось поставленіе всѣхъ нашихъ архипастырей, и отсюда распространялось благодатное освященіе на всю землю русскую. Здѣсь же совершалось въ продолженіе вѣковъ и доселѣ совершается священное коронованіе нашихъ благочестивѣйшихъ государей и мѵропомазаніе ихъ отъ Святаго для ихъ высокаго служенія землѣ русской. Здѣсь нетлѣнно почиваютъ знаменитые святители русской земли, много подвизавшіеся для нея при жизни, неусыпные молитвенники за нее по смерти и неумолкающіе для насъ наставники, какъ намъ жить, какъ угождать Богу и какъ трудиться для роднаго края.

Успенскій соборъ—это и для насъ и для всѣхъ нашихъ соотечественниковъ святой и многовѣковой памятникъ тѣхъ великихъ благодѣяній, какія совершила здѣсь въ Москвѣ, какъ для Москвы, такъ и для всей Россіи, наша православная церковь, одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ, которыхъ не мало разсѣяно по землѣ русской и которые постоянно проповѣдуютъ намъ, сколько мы обязаны въ самомъ государственномъ нашемъ быту нашей святой вѣрѣ, и какъ должны мы и впредь дорожить ея благотворнымъ вліяніемъ на судьбу нашего возлюбленнаго отечества. Аминь.

ЗАПИСКА

ЧИТАННАЯ ВЪ ОБЩЕМЪ СОБРАНІИ ЧЛЕНОВЪ ПРАВОСЛАВНАГО МИССІОНЕРСКАГО ОБЩЕСТВА 13 МАЯ 1879 ГОДА.

Благодареніе Богу! Православное Миссіонерское Общество благополучно провело девятый годъ своего существованія и мирно вступило въ десятый, еще при жизни своего основателя и руководителя, въ Бозѣ почившаго Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Иннокентія.

На послѣднемъ собраніи Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества за прошлый годъ почившій Архипастырь, съ умилительнымъ выраженіемъ благодарности Богу за совершенное и преданности волѣ Его относительно будущаго, говорилъ объ этомъ девятилѣтіи: „Ну, слава Богу за все! А впередъ что будетъ, увидимъ". Онъ какъ будто предчувствовалъ, что конецъ его земнаго поприща близокъ и что десятый годъ Общества потечетъ уже безъ него...

Подъ живымъ впечатлѣніемъ великой утраты собирается сегодня наше Общество. Потому и нынѣшнее общее собраніе, безъ сомнѣнія, желало бы услышать, и Совѣтъ Общества счелъ бы своимъ долгомъ предложить ему прежде всего воспоминаніе о почившемъ своемъ предсѣдателѣ и объ его апостольскихъ трудахъ и заслугахъ.

Но съ одной стороны величавый образъ почившаго миссіонера-архипастыря и поучительная судьба его жизни представлены

уже съ довольною полнотой въ надгробныхъ словахъ и другихъ сочиненіяхъ по поводу его кончины, съ другой — предметъ сей такъ обширенъ и важенъ, что теперь еще трудно высказаться объ немъ съ должною обстоятельностью.

Посему, кратко упомянувъ на первомъ мѣстѣ настоящаго отчета о такомъ печальномъ и важномъ событіи для Общества, какъ смерть митрополита Иннокентія, и предоставляя себѣ войти въ подробное изображеніе его миссіонерской дѣятельности и заслугъ Обществу въ слѣдующемъ отчетномъ году, къ которому собственно и относится его кончина, Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества предлагаетъ вниманію нынѣшняго Собранія Общества отчетъ за истекшій 1878 годъ.

Въ доходахъ Православнаго Миссіонерскаго Общества за отчетный 1878 годъ оказался противъ 1877 года недоборъ въ 1695 р. 8 к. Причиною сего, по указанію нѣкоторыхъ комитетовъ, должно признать происходившіе и въ 1878 году, по примѣру двухъ предшествовавшихъ, сборы на неотложныя надобности Общества попеченія о больныхъ и раненыхъ воинахъ и оказавшійся необходимымъ новый сборъ на русскій добровольный флотъ. Есть надежда, что съ минованіемъ военныхъ тревогъ и съ упроченіемъ мира вниманіе православнаго русскаго народа къ задачамъ Православнаго Миссіонерскаго Общества усилится, и дѣятельность нашихъ миссій будетъ идти безпрепятственно и съ полнымъ обезпеченіемъ ихъ содержанія.

За прошедшій 1878 годъ составъ и средства Православнаго Миссіонерскаго Общества представляются въ слѣдующемъ видѣ:

Въ Московскомъ Отдѣленіи его дѣйствительныхъ членовъ было 2287 [1]).

Членскихъ взносовъ и пожертвованій въ кассу Совѣта Общества поступило 53,429 р. 25¾ к. [2]).

---

[1]) Въ томъ числѣ членовъ, обезпечившихъ ежегодные взносы капиталами 371.

[2]) Въ числѣ 53,429 р. 25¾ к., показанныхъ приходомъ по кассѣ Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества, заключаются: а) 34,677 р. 20¾ к., взносовъ и пожертвованій отъ членовъ и благотворителей; б) 1,770 р. 88 к. сбора въ церквахъ послѣ произнесенія поученій въ недѣлю Православія; в) 96 р. 77 к. изъ кружекъ, находящихся въ разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ; г) 16,537 р. 21 к. процентовъ съ состоящихъ въ вѣдѣніи Совѣта капиталовъ Общества; д) 324 р. 79 к. прибыли отъ покупки процентныхъ бумагъ и е) 22 р. 40 к. отъ продажи пожертвованныхъ книгъ и др. вещей.

Въ Астраханскомъ комитетѣ членовъ было 193
пожертвованій поступило..... 11.197 р. 31 к. [3]).
„ Благовѣщенскомъ комитетѣ членовъ..... 76
пожертвованій..... 455 р. 70 к. [4]).
„ Витебскомъ комитетѣ членовъ..... 37
пожертвованій..... 155 р. 12 к.
„ Владимірскомъ комитетѣ членовъ 178
пожертвованій ..... 2.129 р. 38 к.
„ Вологодскомъ комитетѣ членовъ..... 109
пожертвованій..... 2.286 р. 5 к.
„ Воронежскомъ комитетѣ членовъ..... 104
пожертвованій..... 1.288 р. 44 к.
„ Вятскомъ комитетѣ членовъ..... 117
пожертвованій ..... 1.896 р. 10 к.
„ Донскомъ комитетѣ членовъ..... 108
пожертвованій ..... 1.527 р. 72 к.
„ Енисейскомъ комитетѣ членовъ..... 166
пожертвованій..... 359 р. 35½ к.
„ Иркутскомъ комитетѣ членовъ..... 377
пожертвованій ..... 15.283 р. 70¾ к.
„ Калужскомъ комитетѣ членовъ..... 30
пожертвованій..... 644 р.
„ Кіевскомъ комитетѣ членовъ..... 93
пожертвованій..... 569 р. 39 к.
„ Костромскомъ комитетѣ членовъ..... 280
пожертвованій..... 4.003 р. 44 к.
„ Минскомъ комитетѣ..... [5])
„ Могилевскомъ комитетѣ членовъ..... 57
пожертвованій..... 259 р. 55 к.
„ Оренбургскомъ комитетѣ членовъ..... 139
пожертвованій..... 1.085 р. 70½ к.

Сверхъ того получено: а) 12,504 р. 43¾ к. церковно-кружечнаго сбора на распространеніе православія между язычниками въ Имперіи, б) 2653 р. 2 к. пересланныхъ въ Совѣтъ изъ Епархіальныхъ Комитетовъ Общества и в) 470 р. 50 к. суммъ переходящихъ. Итого всѣхъ суммъ въ Совѣтъ Православнаго Миссіонерскаго Общества за 1878 годъ на приходъ поступило 69,057 р. 21½ к.

[3]) За исключеніемъ 309 р. 34 к. церковно-кружечнаго сбора.

[4]) За вычетомъ 1816 р. 48 к., отпущенныхъ комитету изъ кассы Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества и 40 р. 2½ к. церковно-кружечнаго сбора. Таковыя суммы въ вышеизложенномъ счисленіи исключены изъ приходныхъ статей и по прочимъ комитетамъ.

[5]) Свѣдѣній не имѣется.

Въ Орловскомъ комитетѣ членовъ 17
пожертвованій..... ..... 742 р. 67 к.
„ Пермскомъ комитетѣ членовъ..... 156
пожертвованій ..... 2.421 р. 13¾ к.
„ Рязанскомъ комитетѣ членовъ 184
пожертвованій ..... 784 р. 63 к.
„ Самарскомъ комитетѣ членовъ..... 245
пожертвованій..... 1.169 р. 74 к.
„ Симбирскомъ комитетѣ членовъ. 144
пожертвованій..... 796 р. 8 к.
„ Тамбовскомъ комитетѣ членовъ..... 84
пожертвованій..... 878 р. 57 к.
„ Тобольскомъ комитетѣ членовъ..... 470
пожертвованій..... 4.400 р. 41 к.
„ Томскомъ комитетѣ членовъ..... 119
пожертвованій ..... 499 р. 70 к.
„ Харьковскомъ комитетѣ членовъ..... 334
пожертвованій ..... 1.929 р. 4 к.
„ Черниговскомъ комитетѣ членовъ..... ... 79
пожертвованій..... 423 р. 50 к.
„ Якутскомъ комитетѣ членовъ 71
пожертвованій..... 921 р. 97 к.

Въ прошедшемъ году 11 мая открытъ комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества въ нижегородской епархіи. Совѣтъ съ радостію привѣтствовалъ открытіе этого комитета какъ потому, что миссіонерская дѣятельность нужна въ предѣлахъ самой нижегородской епархіи, гдѣ живетъ болѣе 30 тысячъ татаръ-мусульманъ, между которыми находится до 1000 старокрещеныхъ, въ послѣднее время отпавшихъ отъ православія, такъ и потому, что при такомъ дѣятельномъ и ученомъ архипастырѣ, какъ преосвященный Хрисанѳъ, можно было надѣяться на быстрое и плодотворное развитіе миссіонерскаго дѣла во всемъ Поволжьи, при дружной и сочувственной дѣятельности Нижняго вмѣстѣ съ Москвой и Казанью. Къ прискорбію, нижегородскій епископъ Хрисанѳъ, какъ слышно, серьёзно заболѣлъ, и о дѣятельности созданнаго имъ комитета доселѣ ничего неизвѣстно въ Совѣтѣ Общества.

Всего въ Православномъ Миссіонерскомъ Обществѣ въ 1878 году дѣйствительныхъ членовъ было 6254 [6]): пожертвованій по-

[6]) Въ предшествовавшемъ 1877 году было дѣйствительныхъ членовъ Православнаго Миссіонерскаго Общества 6587.

ступило 111,537 р. 67¼ к.[7]), что съ присоединеніемъ церковно-кружечнаго сбора на распространеніе православія между язычниками въ Имперіи, въ количествѣ 25,496 р. 13½ к. [8]), составляетъ 137,033 р. 80¾ к. [9]). Въ сложности съ остаткомъ 1877 года въ 531,570 руб. 37½ к.; всѣхъ суммъ по 1 января 1879 года въ приходѣ было 668,604 р. 18¼ к., а по принятому раздѣленію на капиталы: неприкосновеннаго 288,760 р. 55 к., запаснаго 182,053 р. 72½ к. и расходнаго 197,789 руб. 90¾ коп. За исключеніемъ же 139,761 р. 93¼ к. [10]), поступившихъ въ 1878 году въ расходъ, къ настоящему 1879 году осталось 528,842 р. 25 к.; въ томъ числѣ: неприкосновеннаго капитала 276,760 р. 55 к., запаснаго 150,345 р. 71½ к. [11]) и расходнаго 101,735 р. 98½ к. [12]).

Къ замѣчательнымъ пожертвованіямъ поступившимъ въ Общество въ прошломъ году, должно отнести жалуемыя ежегодно отъ членовъ Императорской Фамиліи, ихъ Высочествъ. Великаго Князя Константина Николаевича и Великой Княгини Александры Іосифовны 100 р., Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго 50 р., Великаго Князя Михаила Николаевича и Великой Княгини Ольги Ѳеодоровны 100 р.

Изъ вновь поступившихъ въ Совѣтъ Общества пожертвованій за 1878 годъ заслуживаютъ благодарнаго упоминанія слѣдующія: отъ душеприкащиковъ покойнаго титулярнаго совѣтника Николая Николаевича Плотникова, по духовному его завѣ-

---

[7]) Въ 1877 году получено пожертвованій, не включая церковно-кружечнаго сбора, 111,453 р. 15 к.

[8]) Въ 1877 году церковно-кружечнаго сбора получено 27,275 р. 73¾ к.

[9]) За 1877 г. всѣхъ суммъ съ церковно-кружечнымъ сборомъ въ приходѣ было 138,728 р. 88¾ к.

[10]) Въ томъ числѣ: а) 12000 р. изъ неприкосновеннаго капитала, переданныя иркутскимъ комитетомъ на храненіе въ Залогскую церковь, по желанію благотворителя М. А. Сапожникова, пожертвовавшаго сей капиталъ для обезпеченія содержанія причта Залогскаго стана Иркутской миссіи; б) 31,708 р. 1 к. изъ запаснаго капитала Общества и в) 96,053 р. 92¼ к. изъ суммъ расходныхъ. Въ предшествовавшемъ 1877 г. весь расходъ Православнаго Миссіонерскаго Общества простирался до 113,522 р. 73¼ к.

[11]) Изъ капиталовъ состоявшихъ въ остаткѣ отъ 1877 г. убавилось въ 1878 году: а) изъ неприкосновеннаго 8713 руб. 49 коп. и б) изъ запаснаго 11,690 руб. 4¼ коп.

[12]) Въ томъ числѣ суммъ, имѣющихъ особое назначеніе 73,984 р. 85½ к.; эти суммы не входятъ въ число ассигнуемыхъ по смѣтѣ П. М. Общества на общія нужды миссій и миссіонерскихъ учрежденій.

щанію—15,000 р., назначенныя въ Алтайскую миссію „для устройства св. храмовъ преимущественно въ селеніяхъ новокрещенныхъ“; отъ душеприкащика умершаго почетнаго гражданина Василія Герасимовича Солодовникова 1,000 р. по духовному завѣщанію назначенные „на расходы по просвѣщенію православною вѣрою сибирскихъ и кавказскихъ иновѣрцевъ“, отъ душеприкащика покойнаго кандидата духовной Академіи Петра Григорьевича Кліентова 100 р., по духовному завѣщанію назначенные въ пользу Православнаго Миссіонерскаго Общества [13]); чрезъ казначея Совѣта В. Д. Аксенова, отъ неизвѣстнаго въ пользу Японской миссіи 2,000 р.; отъ преосвященнѣйшаго епископа Ѳеогноста 300 р., отъ каммергера статскаго совѣтника И. А. Яковлева 300 р., отъ графини Е. Г. Ламбертъ 200 р., отъ г. Юрія Струйскаго изъ гор. Кутаиса 200 р., отъ Почаево-Успенской Лавры 100 р. отъ генералъ-лейтенанта А. О. Россетъ 100 р.; отъ

---

[13]) Говоря о поступившихъ въ Совѣтъ пожертвованіяхъ по завѣщаніямъ, слѣдуетъ отмѣтить для памяти еще два завѣщанія, о которыхъ въ 1878 году получены увѣдомленія: 1) отъ прокурора московскаго Окружнаго Суда отъ 23 мая за № 8504, и 2) отъ прокурора Нижегородскаго Окружнаго Суда отъ 30 апрѣля за № 6630.

Первымъ завѣщаніемъ назначена въ Православное Миссіонерское Общество пятая часть изъ всего капитала (30,000), оставшагося послѣ покойнаго коллежскаго совѣтника Петра Моисеевича Лилѣева. Эта часть (6,000 р.) должна поступить въ Миссіонерское Общество по смерти родной сестры г. Лилѣева и находящейся при ней въ услуженіи солдатской вдовы Авдотьи Ивановой Старостихиной.

Во второмъ завѣщаніи, оставшемся послѣ умершей вдовы штабсъ-капитана Екатерины Дмитріевны Каратаевой, между прочимъ сказано: „если по смерти моей не будетъ въ живыхъ Александра и Маріи Каратаевыхъ и Елисаветы Апехтиной, то все завѣщанное этимъ лицамъ имѣніе и имущество переходитъ къ Николаю Павловичу Апехтину, а если онъ умретъ ранѣе, но будетъ женатъ и имѣть дѣтей, то къ потомству его по нисходящей линіи. На другихъ же родственниковъ моихъ и мужа моего право на наслѣдство не распространяется, а въ случаѣ смерти всѣхъ сказанныхъ лицъ завѣщанный имъ капиталъ поступаетъ въ половинномъ количествѣ въ пользу дворянскаго пріюта если учрежденіе его состоится, а другая половина въ пользу Миссіонерскаго Общества, преимущественно для миссіи сибирскаго края, и въ пользу православныхъ братствъ Прибалтійскаго и Сѣверо-Западнаго края, для устройства и поддержанія православныхъ церквей; если же учрежденіе пріюта не состоится, тогда вся сумма поступаетъ по двумъ послѣднимъ назначеніямъ по-ровну“.

коллежскаго секретаря С. В. Хомякова 100 р.; отъ московскаго купца Г. Ѳ. Ситнова 100 р.; отъ московской купеческой вдовы А. А. Фроловой 100 р. и отъ московскаго купеческаго сына А. Д. Фролова 100 р.

Наконецъ передъ самымъ Общимъ Собраніемъ получено новое пожертвованіе при слѣдующемъ предложеніи на имя Совѣта: „Покорнѣйше прошу, какъ знакъ моего сочувствія святому дѣлу Православнаго Миссіонерскаго Общества, принять отъ меня *двѣ тысячи рублей серебромъ* въ двухъ билетахъ 2-го восточнаго займа, за №№ 72,293 и 72,294, и присоединить сію сумму къ неприкосновенному капиталу Общества, а проценты ежегодно употреблять на миссіонерскія нужды. Предсѣдатель Православнаго Миссіонерскаго Общества *Макарій Митрополитъ Московскій*".

Были значительныя пожертвованія и по комитетамъ Общества: въ Тамбовскомъ—въ пользу Православной миссіи въ Японіи 150 р. [14]) по завѣщанію умершаго псаломщика села Павловскаго Усманскаго уѣзда, Антона Яковлевича Пескова. Въ Иркутскомъ: 2,000 р. отъ Михаила Аггеевича Сапожникова,—въ добавокъ къ прежнему 10,000-му капиталу его имени, на содержаніе причта Залогскаго стана, Иркутской миссіи, и 5,000 р. отъ неизвѣстнаго благотворителя на открытіе новаго стана въ Забайкальской миссіи. Въ Астраханскомъ: 8,000 р. пособія отъ главнаго попечителя калмыцкаго народа, по назначенію г. министра государственныхъ имуществъ, на постройку православнаго храма въ миссіонерскомъ станѣ для крещеныхъ калмыковъ урочища Ноинъ-Шире. Это пожертвованіе вполнѣ замѣнило пособіе на построеніе того же храма, обѣщанное Совѣтомъ изъ средствъ Общества.

Пожертвованія вещами въ 1878 году [15]) также, какъ и въ предыдущіе годы, поступали въ количествѣ довольно значительномъ. Изъ нихъ обращаютъ особенное вниманіе: двое серебряныхъ: вызолоченныхъ сосудовъ для употребленія при совершеніи литургіи, пожертвованные отъ двухъ лицъ, пожелавшихъ остаться неизвѣстными; 313 разныхъ иконъ, писанныя на кипарисныхъ доскахъ, отъ московскаго купца Николая Васильевича Немирова-Колодкина; 4,000 картинъ религіознаго содержанія четы-

[14]) Эти деньги Тамбовскимъ комитетомъ въ 1878 г. высланы въ Совѣтъ. Православ. Миссіонер. Общества, а симъ препровождены въ Японскую миссію.

[15]) О пожертвованныхъ вещахъ были печатаемы объявленія въ изданіи „Миссіонеръ".

рехъ названій, пожертвованныя отъ дѣйствительнаго члена Общества Максима Ивановича Иванова для раздачи инородцамъ, принявшимъ православную вѣру.

Прочія пожертвованія состоятъ изъ вещей хоть не столь цѣнныхъ, но также очень полезныхъ и нужныхъ для нашихъ миссій на дальнемъ востокѣ. Между ними встрѣчаются: священническія и діаконскія облаченія, иконы въ мѣдныхъ посеребренныхъ ризахъ, книги и брошюры для школъ и вообще для новокрещеныхъ. Есть вещевыя пожертвованія, предназначенныя прямо для миссіонеровъ, напр. суконная и шелковая рясы, мѣховой подрясникъ и т. п.

Разскажемъ подробнѣе объ одномъ пожертвованіи, назначенномъ въ Алтайскую миссію, и важномъ не только по цѣнности дара, но особенно по мысли и цѣли и вообще по духовному своему значенію. Сотрудникъ этой миссіи, заботившійся о ней въ теченіи 40 лѣтъ, членъ Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества протоіерей Н. Д. Лавровъ, 19 октября 1878 г. представилъ въ Совѣтъ полученное имъ отношеніе отъ настоятеля Русскаго Пантелеимонова монастыря, на Аѳонѣ, архимандрита Макарія съ братіею, при которомъ препровождена къ нему чрезъ Аѳонскаго іеромонаха Арсенія пожертвованная въ Алтайскую миссію икона св. Великомученика Пантелеимона, на кипарисной доскѣ, въ мѣру подлинной чудотворной иконы св. Великомученика на Аѳонѣ, длиною въ 1 арш. и 6 вершк., шириною въ 15 вершк., съ малыми по краямъ иконами, изображающими жизнь и страданія св. великомученика, со вложеніемъ части многоцѣлебныхъ мощей его. При семъ о. протоіерей Лавровъ выразилъ слѣдующее предположеніе: „когда сія Аѳонская святыня частнымъ довѣреннымъ лицомъ привезена будетъ въ церковь, находящуюся въ ближайшемъ къ г. Томску селеніи или въ окраинѣ города, тогда, кажется, было бы приличнымъ встрѣтить оную съ крестнымъ ходомъ, по распоряженію епархіальнаго Томскаго начальства, и препроводить въ Томскій каѳедральный соборъ, въ которомъ, по совершеніи молебствія, могла бы оставаться недѣли на двѣ или на три для желающихъ помолиться св. великомученику и приложиться къ его иконѣ. При совершеніи молебствій нерѣдко въ подобныхъ случаяхъ, какъ извѣстно, бывали чудесныя исцѣленія больныхъ. Подобнымъ образомъ можно было бы и встрѣтить и препроводить св. икону въ городахъ Барнаулѣ и Бійскѣ, оставляя ее тамъ въ соборныхъ храмахъ для молебствія на достаточное время, а изъ Бійска препроводить въ Ал-

тай съ подобными отпусками и встрѣчами до послѣдняго ея назначенія". Объ этомъ было сообщено Совѣтомъ преосвященному Томскому, и полученъ уже отзывъ о согласіи его на торжественное принятіе иконы въ Томской епархіи. Въ непродолжительномъ времени икона св. великомученика Пантелеимона будетъ препровождена въ Алтайскую миссію, сообразно съ указанными предположеніями [16]). Несомнѣнно можно надѣяться, что этотъ благовѣйный и торжественный способъ препровожденія святыни возбудитъ теплыя чувства усердія къ великомученику, усердіе и вѣра привлекутъ благодать ему дарованную, и далекій Алтай, если Господу будетъ угодно, огласится славою чудесъ и исцѣленій, какъ это было въ самой Москвѣ и другихъ мѣстахъ православнаго міра.

Заслуживаетъ также особеннаго вниманія и благодарности заявленіе московскихъ купцовъ Николая Васильевича Немирова-Колодкина, Алексѣя Николаевича Дьячкова и иконописца художественнаго промышленнаго музеума Ѳеодора Алексѣевича Соколова о желаніи ихъ на собственныя средства и на пожертвованія другихъ лицъ внутренность новоустрояемой Боголюбской часовни росписать въ древнемъ стилѣ и устроить копію съ Боголюбской иконы Божіей Матери для поставленія ея на наружной стѣнѣ башни, гдѣ стояла икона подлинная. Заявленіе это важно, какъ новое доказательство усердія къ святынѣ и къ цѣлямъ Православнаго Миссіонерскаго Общества со стороны лицъ изъ среды благочестивыхъ московскихъ жителей.

Расходъ Православнаго Миссіонерскаго Общества въ 1878 г., по смѣтнымъ назначеніямъ, утвержденнымъ общимъ собраніемъ, простирался до 88.910 р. 43 $^3/_4$ к. [17]). Переслано Совѣтомъ по назначенію жертвователей въ Японскую миссію 6850 р. 83 $^3/_4$ к. и въ другія миссіонерскія учрежденія 503 р. [18]). Епархіальными комитетами, открывшими у себя миссіонерскую дѣятельность, на мѣстныя нужды произведено по собственнымъ распоряже-

---

[16]) Икона св. Великомученика Пантелеимона, со вложеніемъ части св. мощей его, для доставленія томскому преосвященному, вручена священнику Александру Павловичу Ѳаддееву, отправившемуся изъ Москвы 29 мая сего 1879 года чрезъ Томскъ въ Благовѣщенскъ на Амурѣ для поступленія на службу въ Камчатскую епархію.

[17]) Болѣе смѣтнаго расхода за 1877 г. на 9892 р. 64 $^1/_2$ коп.

[18]) 500 р. въ Кавказскую епархію и 3 р. въ Братство св. Гурія въ Казани.

ніямъ расходовъ не вошедшихъ въ общую смѣту Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества 30,281 р. 77¾ к. Совѣтомъ Общества сверхъ смѣтнаго назначенія издержано на миссіонерскія нужды 273 р. 91¼ к. Всего же на миссіонерское дѣло употреблено Обществомъ въ прошедшемъ году 126,819 р. 96½ к. [19]), что съ расходами самаго Общества въ 12,941 р. 96¼ к. [20]) составляетъ 139.761 р. 93¼ коп.

Значительные изъ сверхмѣстныхъ расходовъ кромѣ произведенныхъ комитетами изъ суммъ предоставленныхъ въ ихъ распоряженіе на мѣстныя миссіонерскія нужды, были въ прошломъ году слѣдующіе: Благовѣщенскимъ комитетомъ изъ суммъ Общества отпущено 1000 р. на построеніе для Анадырской у Чукочъ миссіи новаго деревяннаго храма вмѣсто пришедшаго въ ветхость. Симбирскимъ комитетомъ употреблено 600 р. на устройство въ деревнѣ Среднихъ Алгашахъ, въ Симбирскомъ уѣздѣ, дома для миссіонерской чувашской школы, открытой въ октябрѣ 1877 года. Изъ суммъ Тобольскаго комитета назначено 350 р. на содержаніе втораго священника миссіонерской Троицкой въ городѣ Сургутѣ, по случаю открытія сей вакансіи снова въ 1878 году.

Но не только къ поддержанію прежде заведеннаго направлена была дѣятельность Совѣта Православнаго Миссіонерскаго Общества въ прошедшемъ году, было обращено вниманіе и на усиленіе миссіонерской дѣятельности, къ чему можно, между прочимъ, отнести заботу объ открытіи въ Алтайской миссіи

---

[19]) Съ присоединеніемъ 100 р. зачтенныхъ—126,919 р. 96¼ к. Въ предшествовавшемъ 1877 году всѣхъ суммъ на содержаніе миссіи и миссіонерскихъ учрежденій было употреблено 104771 р. 8¼ к.

[20]) Изъ 12941 р. 96¾ коп. употребленныхъ на расходы самаго Общества: 1) 3288 р. 25¾ к. издержано епархальными комитетами и 2) 9653 р. 71 к. Совѣтомъ Православнаго Миссіонерскаго Общества. Статьи расходовъ въ Совѣтѣ были слѣдующія: а) на устройствой Боголюбской часовни 5531 р. 32 к., б) на жалованье редактору изданія „Миссіонеръ“ 1000 р., в) на жалованье служащимъ въ канцеляріи Совѣта 1757 р., г) на наемъ и содержаніе помѣщенія для канцеляріи 402 р. 85 к., д) на печатаніе отчетовъ, газетныхъ объявленій и бланковъ 449 р. 83 к., е) на пересылку суммъ, вещей, пакетовъ и телеграммъ 184 р. 79 к., ж) на обстановку палаты для Общаго Собранія, 111 р. 3., к. з) остальные же 216 89 к. употреблены: на уплату за храненіе въ Банкѣ процентныхъ бумагъ, на выписку газетъ, на покупку календарей и справочныхъ книгъ, на письменныя и пр. конторскія принадлежности, на разъѣзды и др. мелочныя издержки.

двухъ новыхъ становъ. Представилась надобность и въ открытіи миссіонерской дѣятельности на одномъ изъ новыхъ мѣстъ.— Въ предѣлахъ Томской епархіи по правую и особенно по лѣвую сторону рѣки Иртыша проживаютъ въ большомъ количествѣ киргизы-магометане и язычники. По заявленію преосвященнаго Томскаго Петра о необходимости учредить для нихъ миссію въ г. Усть-Каменогорскѣ, Совѣтъ обѣщалъ, по полученіи его преосвященствомъ отъ святѣйшаго Синода разрѣшенія на открытіе миссіи, отпускать изъ средствъ Общества жалованье одному миссіонеру съ причетникомъ и толмачемъ, изъ которыхъ будетъ состоять предполагаемая миссія, въ размѣрѣ окладовъ положенныхъ алтайскимъ миссіонерамъ. Можно надѣяться, что при достаточномъ обезпеченіи содержаніемъ найдутся люди, готовые съ полнымъ усердіемъ принять на себя труды благовѣствованія вѣры Христовой и въ непочатыхъ еще мѣстностяхъ Сибири.

Изъ заявившихъ Совѣту о желаніи поступить на служеніе среди инородцевъ въ отдаленныхъ краяхъ Сибири избранъ былъ одинъ, именно Александръ Ѳаддеевъ, окончившій курсъ общеобразовательныхъ наукъ въ Вологодской духовной семинаріи. По собраннымъ свѣдѣніямъ на мѣстѣ службы Ѳаддеева и на основаніи его аттестата, онъ былъ Совѣтомъ рекомендованъ преосвященному Камчатскому, съ его согласія рукоположенъ 29 минувшаго апрѣля здѣсь въ Москвѣ во священника и будетъ отправленъ къ мѣсту служенія. [21])

Теперь сообщимъ объ успѣхахъ нашихъ отечественныхъ миссій въ обращеніи ко Христу невѣрныхъ [22]). По имѣющимся свѣдѣніямъ, количество инородцевъ, просвѣщенныхъ св. крещеніемъ миссіонерами въ истекшемъ году было, въ Алтайской миссіи 461, въ Иркутской 1748, въ Забайкальской 221, въ миссіи Камчатской епархіи 357 [23]), въ Обдорской миссіи 126, въ Астраханской епархіи 42, Самарской 31 [24]) и Пермской 9 душъ обоего пола.

---

[21]) Отправился 29 мая 1879 г.

[22]) Свѣдѣнія о миссіяхъ и миссіонерскихъ учрежденіяхъ здѣсь изложены кратко, такъ какъ подробныя печатаются въ изданіи „Миссіонеръ“.

[23]) Сверхъ того, крещено инородцевъ приходскими священниками: въ предѣлахъ Иркутской миссіи 52, Забайкальской 29 и въ Камчатской епархіи 12.

[24]) Кромѣ сего, въ Самарской епархіи присоединено къ православной церкви: изъ молоканства 9 и изъ разныхъ раскольническихъ сектъ 93.

Для утвержденія новообращенныхъ въ вѣрѣ обращено вниманіе на умноженіе школъ, на распространеніе между инородцами книгъ на ихъ языкахъ, картинъ религіознаго содержанія, на построеніе и украшеніе храмовъ и на обезпеченіе миссіонеровъ.

По распространенію между инородцами книгъ на ихъ родныхъ языкахъ обращаетъ на себя вниманіе дѣятельность переводческой коммиссіи, учрежденной Обществомъ при Братствѣ св. Гурія въ Казани. Въ отчетномъ году ею издано въ печати 11 книгъ, именно: 1) Евангеліе отъ Матѳея, на Мокшанскомъ нарѣчіи мордовскаго языка, переводъ А. Тюменева (1200 экз.), 2) Книга Премудрости Іисуса сына Сирахова въ извлеченіи на татарскомъ языкѣ (5000 экз.), 3) чинъ исповѣданія и како причащати больнаго, на чувашскомъ языкѣ (1200 экз.), 4) Пасхальная служба на чувашскомъ языкѣ (1200 экз.), 5) Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, на нарѣчіи Сѣверобайкальскихъ бурятъ, съ приложеніемъ картинъ (1200 экз.), 6) Житія первоверховныхъ Апостоловъ Петра и Павла и святителя Николая, архіепископа Мурликійскаго, на чувашскомъ языкѣ (1200 экз. 7) житіе святителя Николая, на нарѣчіи Сѣверобайкальскихъ бурятъ (1200 экз.,) 8) Житіе Авраамія мученика Болгарскаго, на татарскомъ языкѣ (600 экз.), 9) наставленіе христіанское Святителя Тихона Задонскаго, на Вотяцкомъ языкѣ (1200 экз.) 10) „Завтра пріиду“, изъ твореній Святителя Тихона Задонскаго, на татарскомъ языкѣ (5000 экз.), и 11) Грамматика Монгого-Бурятскаго разговорнаго языка, составленная протоіереемъ А. Орловымъ (600 экз.).

Къ православной миссіи въ Японіи Совѣтъ Общества продолжаетъ относиться съ особенною заботливостію. Въ разное время прошедшаго года онъ послалъ ей пособіе 17000 р., [25]) что конечно могло довольно содѣйствовать ея успѣшному дѣйствованію.

О состояніи Японской миссіи за прошлый годъ доставлены, по просьбѣ Совѣта, начальникомъ ея о. архимандритомъ Николаемъ очень подробныя свѣдѣнія. Сообщимъ хотя малую часть изъ нихъ настоящему Собранію Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Преосвященнымъ Мартиніаномъ, епископомъ Камчатскимъ 19—

---

[25]) Въ апрѣлѣ текущаго 1879 года послано 12000 р.

23 іюля отчетнаго года рукоположены во священники во Владивостокской Успенской церкви избранные Японскою церковію пятеро изъ природныхъ Японцевъ. До этого былъ только одинъ извѣстный Павелъ Савабе.

Каждый священникъ имѣетъ изъ мѣстныхъ христіанъ одного причетника, предварительно обучавшагося нѣсколько въ Токёо церковному пѣнію и чтенію; каждый также снабженъ необходимою церковною утварью и священными облаченіями. Въ городахъ Маріока, Санума и Такисимидзу мѣстными христіанами уже построены храмы; въ Оосака богослуженіе совершается во временно приспособленномъ для того помѣщеніи.

Проповѣдническихъ округовъ по всей Японіи въ настоящее время 31; проповѣдниковъ, утвержденныхъ соборомъ [26]) 1878 г. 30 іюня—4 іюля, 73, принятыхъ на службу послѣ собора церковнымъ совѣтомъ въ Токёо изъ прежде служившихъ проповѣдниками и временно оставлявшихъ службу по болѣзни или по другимъ обстоятельствамъ 5,—всего 78, изъ нихъ 27 въ званіи катихизаторовъ, прочіе катихизаторскихъ помощниковъ. Городовъ и селеній, гдѣ есть христіане или вѣрующіе и производится проповѣдь до 150. Христіанъ во всей Японской церкви ко времени собора 1878 года состояло 4115 душъ. Къ концу года это число значительно увеличилось, такъ какъ въ Токёо со времени собора крещено 96 человѣкъ и одинъ присоединенъ изъ протестантства; въ прочихъ церквахъ также весьма часто совершаются крещенія.

Миссійскихъ училищъ въ Токёо 4: катихизаторское, семинарія, женское и причетническое. Въ Хокодате—два отдѣльныя училища для мальчиковъ и дѣвочекъ.

Въ катихизаторское училище поступаютъ подъ личнымъ ручательствомъ мѣстныхъ катихизаторовъ за добронравственность и прочія качества, потребныя для будущаго проповѣдника, люди отъ 18 до 60 лѣтъ, имѣющіе желаніе служить церкви распространеніемъ вѣры. Курсъ годичный. Преподаются: Догматическое Богословіе, Толкованіе Священнаго Писанія, Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта и Церковная Исторія. Ежедневныхъ классовъ два; кромѣ того, имѣющіе хорошіе голоса обучаются пѣнію, а въ церкви исполняютъ обязанность псаломъ-

[26]) Такъ называются собранія катихизаторовъ и представителей церковныхъ общинъ въ Японіи, бывающія періодически для обсужденія церковныхъ дѣлъ.

щиковъ. Ежедневные устные отвѣты заданныхъ уроковъ и безпрерывное писаніе сочиненій на заданныя темы даютъ возможность судить, какъ кто успѣваетъ; годичное же пребываніе на глазахъ миссіи, съ обязательствомъ соблюдать опредѣленную школьную инструкцію, совершенно достаточно для удостовѣренія въ добропорядочности будущаго проповѣдника. Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ катихизаторскомъ училищѣ было 28 учениковъ отъ 18 до 51 года. Преподавателемъ былъ самъ архимандритъ Николай.

Въ видахъ обезпеченія прочности успѣховъ проповѣди и будущаго процвѣтанія церкви, а также освобожденія Россіи отъ обязанности неопредѣленно-долгое время высылать въ Японію миссіонеровъ, самое важное тамъ училище—семинарія. Въ послѣдніе два года, 1876 и 1877, въ ней не было пріема учениковъ, за неимѣніемъ достаточнаго количества учителей, а также за недостаткомъ средствъ содержанія; но теперь преподаватели для низшихъ классовъ подготовлены изъ самихъ семинаристовъ; средства же, какъ надѣется о. Николай, у него будутъ. И потому неоднократно уже объявленъ по церквамъ, пріемъ къ 1 сентября 1879 года 30 воспитанниковъ. Столько же находилось въ семинаріи изъ прежде поступившихъ въ концѣ декабря мѣсяца на 3-мъ, 4 и 5 курсахъ, гдѣ преподавались: русскій языкъ, китайскій языкъ, географія, физика, всеобщая исторія, психологія, исторія философіи, Священная исторія Новаго Завѣта, Церковная исторія, Догматическое Богословіе, Толкованіе Священнаго Писанія; Литургика. Преподавателями состояли: священникъ Гавріилъ Чаевъ, архимандритъ Николай, лучшіе изъ старшихъ воспитанниковъ для младшихъ и три учителя китайско-японскаго языка.

Въ исходѣ 1875 года положено начало женскаго училища при Японской миссіи. Необходимость имѣть для церковнаго хора дискантовъ и альтовъ заставила миссію завести маленькую женскую школу. Въ послѣдствіи она стала служить пріютомъ для дочерей и родственницъ японскихъ священниковъ и по крайней мѣрѣ главныхъ катихизаторовъ. По мнѣнію начальника миссіи, въ ней также можетъ быть начало женскаго монашества въ Японіи; такъ два года тому назадъ, одна дѣвица, при первомъ ознакомленіи съ христіанствомъ, не зная и имени монашества, возгорѣлась желаніемъ оставить міръ и посвятить себя Богу на всю жизнь, для чего и пришла изъ провинціи, чтобы отдать себя

подъ руководство миссіи; она помѣщена была въ школу и нынѣ оставаясь неизмѣнною своему обѣту, служитъ отличною учительницею для дѣтей. Далѣе архимандритъ Николай видитъ здѣсь начатки живописной церковной школы въ Японіи; у одной изъ ученицъ замѣчены были необыкновенныя способности къ рисованію, и она опредѣлена приходящею ученицею въ правительственную рисовальную школу, гдѣ преподаетъ рисованіе выписанный изъ Италіи профессоръ; нынѣ она второю ученицею въ школѣ; первую ученицу она также обратила въ христіанство, и мечта ихъ обѣихъ служить церкви живописью. Наконецъ въ этой школѣ молодые катихизаторы, рѣшившіеся жениться, помѣщаютъ своихъ невѣстъ для дальнѣйшаго религіознаго образованія, чтобы имѣть потомъ въ женѣ хорошую помошницу для преподаванія христіанства женщинамъ; такъ здѣсь почти два года училась невѣста одного катихизатора, послѣ собора обвѣнчанная съ нимъ; теперь учится невѣста другаго катихизатора. Въ школѣ преподаются: Законъ Божій, ариѳметика, японская и всеобщая географія, японская и всеобщая исторія, китайско-японскій языкъ, китайско-японская каллиграфія и изъ рукодѣлій—шитье. Кромѣ того, почти всѣ ученицы ежедневно приходятъ на классъ пѣнія. Всѣхъ ученицъ 25, изъ нихъ 19 живущихъ въ школѣ и 6 приходящихъ. Преподаютъ въ ней: начальница школы вдова 50 лѣтъ и ея помошница дѣвица 20 л., одинъ изъ учениковъ катихизаторской школы, двое изъ старшихъ семинаристовъ и двое изъ семинарскихъ учителей китайско-японскаго языка.

Въ причетнической школѣ, состоящей въ завѣдываніи рѣгента при миссіи, до конца 1878 года состояло 5 учениковъ, но изъ нихъ трое должны были возвратиться къ своимъ церквамъ для служенія при священникахъ. Ученики этой школы, кромѣ спеціальнаго изученія церковнаго пѣнія, чтенія и порядка отправленія Богослуженія, слушаютъ лекціи въ катихизаторской школѣ.

Въ Хакодате въ двухъ миссійскихъ школахъ, основанныхъ и руководимыхъ членомъ миссіи іеромонахомъ Анатоліемъ, преподаются: Краткій Катихизисъ, Православное исповѣданіе св. Димитрія Ростовскаго, Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, ариѳметика, японская и всеобщая географія, китайско-японскій языкъ, китайско-японское писаніе; для дѣвочекъ, кромѣ того шитье и вязанье.

Преподаютъ: въ школѣ мальчиковъ—начальникъ школы, два учителя и старшіе пѣвчіе тамошняго хора; въ школѣ дѣвочекъ—

начальница школы, ея помошница, вдова русскаго резидента въ Хакодате, Софья Алексѣева и еще два учителя мужской школы. Преподающіе въ свою очередь слушаютъ лекціи іеромонаха Анатолія. Всѣхъ учащихся въ хакодатскихъ школахъ 40 мальчиковъ и 31 дѣвочка, итого 71; изъ нихъ 12 мальчиковъ и 6 дѣвочекъ живутъ при миссіи на ея содержаніи, прочіе—приходящіе.

Богослуженіе въ японскихъ церквахъ совершается на японскомъ языкѣ. Пѣніе въ токейской церкви четырехголосное. Хоръ пѣвчихъ изъ семинаристовъ и ученицъ женской школы очень стройно поетъ, благодаря старанію и способностямъ регента миссіи. Въ прочихъ церквахъ пѣніе—одноголосное.

Въ Токёо при миссіи состоятъ образованные ею три переводчика, изъ которыхъ одинъ перевелъ Священную Исторію Новаго Завѣта и догматику преосвященнаго Платона костромскаго, уже напечатанныя, и записки по Церковному Законовѣдѣнію, ожидающія средствъ для напечатанія; въ декабрѣ мѣсяцѣ занятъ былъ переводомъ Нравственнаго Богословія преосвященнаго Платона; второй перевелъ Священную исторію Ветхаго Завѣта и Церковную исторію Рудакова, послѣдняя половина которой тоже еще не напечатана по неимѣнію средствъ; въ декабрѣ переводилъ Православное исповѣданіе Петра Могилы; кромѣ того онъ занимался изученіемъ греческаго языка; третій переводческій ученикъ, еще неимѣющій своихъ трудовъ въ печати, хотя если бы были средства, можно бы напечатать его переводъ о семи таинствахъ свящ. Михайловскаго, въ декабрѣ мѣсяцѣ переводилъ Церковную исторію Бахметевой.

Къ переводчикамъ, имѣющимъ свои труды для печати, можно причислить и всѣхъ семинаристовъ 5-го курса и старшихъ по возрасту 4-го; потому что всѣ они, упражняясь въ переводахъ съ русскаго, успѣли перевести много серіезныхъ вещей, которыя съ тѣмъ и даваемы были имъ, чтобы потомъ употребить ихъ трудъ на пользу церкви.

Въ послѣдней половинѣ 1877 года миссіею начато и регулярно ведется періодическое литографированное изданіе „Церковный Вѣстникъ“; въ немъ помѣщаются главнымъ образомъ извлеченія изъ донесеній катихизаторовъ о состояніи ихъ церквей и событіяхъ оныхъ, а также дѣйствія и распоряженія токійской церкви; такимъ образомъ онъ даетъ возможность всѣмъ катихизаторамъ и христіанамъ постоянно знать подробно состояніе всей православной церкви въ Японіи.

При изображенномъ состояніи японской миссіи и церкви, принимая во вниманіе, что миссія учреждена Святѣйшимъ Синодомъ не ранѣе 1870 года и что только въ 1871 году прибылъ на мѣсто первый миссіонеръ, что слѣдовательно не протекло и полныхъ 8-ми лѣтъ дѣйствительнаго существованія ея, что во все это время миссія, состоящая изъ 4-хъ членовъ, почти никогда не имѣла полнаго состава ихъ налицо, что она къ тому же, кромѣ жалованья миссіонеровъ, не имѣла никакихъ опредѣленныхъ средствъ обезпеченія, нельзя не видѣть въ успѣхахъ миссіи Десницу Божію, явно хранящую ее и чудесно помогающую ей.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

ОПРЕДѢЛЕНІЕ СВ. СИНОДА

Отъ 30-го мая—7-го іюня 1879 г., за № 1053, объ издаваемомъ священникомъ Преображенскимъ журналѣ „Православное Обозрѣніе“, съ журналомъ учебнаго комитета.

По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ слушали: предложенный господиномъ синодальнымъ оберъ-прокуроромъ, 3-го мая 1879 года, журналъ Учебнаго Комитета, за № 129-мъ, объ издаваемомъ подъ редакціею священника Петра Преображенскаго журналѣ: „Православное Обозрѣніе“. Изъ журнала Учебнаго Комитета видно, что священникъ Петръ Преображенскій просилъ Ученый Комитетъ министерства народнаго просвѣщенія рекомендовать издаваемый имъ съ 1875 года журналъ „Православное Обозрѣніе“ для библіотекъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Ученый Комитетъ министерства народнаго просвѣщенія препроводилъ это изданіе для разсмотрѣнія въ Учебный Комитетъ при святѣйшемъ Синодѣ. *Приказали:* издаваемый подъ редакціей священника Петра Преображенскаго съ 1875 года журналъ: „Православное Обозрѣніе“, согласно съ заключеніемъ Учебнаго Комитета, рекомендовать для пріобрѣтенія какъ къ библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ, такъ равно въ библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній министерства народнаго просвѣщенія,—о чемъ поставить въ извѣстность правленія духовныхъ семинарій и училищъ чрезъ напечатаніе копіи съ журнала Учебнаго Комитета въ „Церковномъ Вѣстникѣ“.

Журналъ Учебнаго Комитета при Святѣйшемъ Синодѣ, за № 129, объ издаваемомъ подъ редакціею священника Петра Преображенскаго журналѣ: „Православное Обозрѣніе“.

Кромѣ глубоко назидательныхъ, живыхъ и имѣющихъ близкое отношеніе къ современной жизни проповѣдей, „Православное

Обозрѣніе", за время изданія его подъ редакціею священника Преображенскаго (съ 1875 года), представляетъ немало очень хорошихъ статей по различнымъ отраслямъ богословскаго знанія и по соприкосновенной съ нимъ философской наукѣ,

По отдѣлу *богословской* науки, сверхъ дѣльныхъ изслѣдованій по исторіи церкви вообще и въ частности церкви русской, обращаютъ на себя вниманіе статьи, написанныя въ защиту русскаго перевода Библіи съ оригинальнаго текста, опыты общедоступнаго, но основаннаго на здравой филологіи, изъясненія книги псалмовъ, самой употребительной при церковномъ богослуженіи и въ домашнемъ чтеніи у нашего народа, трактаты о церкви и о ересяхъ первыхъ трехъ вѣковъ и т. п. Преимущественно же „Православное Обозрѣніе" имѣетъ въ виду раскрывать положительныя основанія христіанской вѣры и защищать истины православія отъ нападеній современнаго невѣрія, выступающаго противъ нихъ съ соціалистическими теоріями и мнимо-научными результатами естествознанія. Съ этою цѣлью въ немъ помѣщены статьи: „разумъ и откровеніе", „о библейской исторіи творенія въ связи съ естественною исторіею", „христіанское ученіе о любви къ человѣчеству сравнительно съ ученіемъ соціалистическимъ", „о соотношеніи устройства земнаго шара съ условіями жизни" и проч. Къ той же цѣли направлены и статьи по *философіи*, написанныя сколько можно яснымъ и удобопонятнымъ языкомъ въ виду распространяемыхъ въ нашемъ обществѣ воззрѣній такъ-называемой позитивной философіи и матеріализма. Таковы статьи объ Огюстѣ Контѣ, авторѣ позитивной философіи, „о Д. Ст. Миллѣ и его утилитарной теоріи,—религія и позитивная философія", „чтенія по философіи религіи", „телеологическое значеніе природы" и т. п. Послѣ статей богословскихъ и философскихъ заслуживаютъ вниманія статьи, относящіяся къ *современнымъ* религіознымъ движеніямъ въ западной Европѣ и въ нашемъ обществѣ и особенно къ *церковно-общественнымъ* вопросамъ въ нашей духовной и свѣтской журналистикѣ. Таковы статьи: объ Ирвингизмѣ, о лордѣ Редстокѣ, о духовенствѣ по произведеніямъ нашей беллетристики, о духовноучебной реформѣ, объ обязательномъ народномъ образованіи, объ уменьшеніи праздничныхъ дней, о свободѣ совѣсти, по поводу циркуляра министра народнаго просвѣщенія отъ 24-го мая 1875 г., и по поводу событій на Балканскомъ полуостровѣ, по поводу жалобъ на духовенство. Наконецъ въ „Православномъ Обозрѣніи" нѣсколько статей посвящено критическому разсмо-

трѣнію книгъ и журналовъ, имѣющихъ близкое отношеніе къ *учебно-воспитательному* дѣлу въ нашемъ отечествѣ. Таковы критическія статьи: о книгѣ Фламмаріона „Богъ въ природѣ“, книгѣ Секки „единство физическихъ силъ“ (обѣ эти книги искажены съ атеистическою тенденціею въ русскомъ изданіи), о книгѣ Дрепера „исторія столкновенія религіи съ наукою“; изъ журналовъ разсмотрѣны съ указаніемъ ихъ недостатковъ: „Русскій рабочій“, „Народный листокъ“ и „Дѣтскій садъ“.

Это краткое указаніе на нѣкоторыя статьи „Православнаго Обозрѣнія“ показываетъ разнообразіе ихъ и живое отношеніе къ современной дѣйствительности и ея требованіямъ; къ этому надо прибавить, что большая часть этихъ статей, сверхъ достоинствъ хорошаго литературнаго изложенія, отличаются жизненнымъ характеромъ, чужды богословской схоластики, крайностей воззрѣнія, сословной узкости и односторонняго пониманія религіозныхъ требованій, и вообще представляютъ удачные опыты выполненія той задачи, которую поставило себѣ „Православное Обозрѣніе“: сближать духовную науку со свѣтскою, изолированное духовенство съ обществомъ и запросами современной религіозной мысли.

Поэтому вполнѣ справедливо рекомендовать журналъ „Православное Обозрѣніе“ для чтенія обучающемуся юношеству старшихъ возрастовъ и даже преподавателямъ учебныхъ заведеній въ нашемъ отечествѣ, но къ сему присоединяется слѣдующее важное обстоятельство. Извѣстное дѣло, что наши духовные журналы, не смотря на давнее свое существованіе, весьма мало распространены въ образованномъ обществѣ: большинство его не знаетъ о духовныхъ журналахъ или представляетъ ихъ изданіями въ родѣ церковныхъ проповѣдей или подобныхъ имъ книгъ, чуждыхъ и по языку и по содержанію своему вопросамъ современной общественной жизни. Между тѣмъ образованное это общество чрезъ чтеніе иностранной и русской свѣтской литературы знакомится съ воззрѣніями и понятіями антирелигіозными и враждебными христіанству и православію и нерѣдко заражается и увлекается ими. Чтобы въ настоящее тревожное время успѣшно противодѣйствовать распространенію антихристіанскихъ ученій и съ другой стороны положить предѣлъ печальному равнодушію и незнакомству нашего общества относительно духовной литературы и журналистики, надобно начать и вести это дѣло со школы, чрезъ школу и ея дѣятелей и представителей. Въ виду этого обстоятельства надобно же-

лать, чтобы хотя одинъ духовный журналъ. и именно наиболѣе удовлетворяющій своей задачѣ, какъ „Православное Обозрѣніе“, выписывали не только въ семинаріи и училища духовнаго вѣдомства, но и въ среднія учебныя заведенія и уѣздныя училища вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, чтобы учащіеся, иногда и учащіе въ сихъ заведеніяхъ могли находить въ упомянутомъ журналѣ противовѣсъ навѣваемымъ отовсюду ложнымъ и вреднымъ ученіемъ.

На основаніи вышеизложеннаго Учебный Комитетъ полагалъ бы издаваемый подъ редакціей священника Петра Преображенскаго съ 1875 года журналъ „Православное Обозрѣніе“ рекомендовать для пріобрѣтенія какъ въ библіотеки духовныхъ семинарій и училищъ, такъ равно въ библіотеки среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія.

КЪ ВОПРОСУ О КОНТРОЛѢ ЦЕРКОВНЫХЪ СУММЪ.

Во всѣхъ газетахъ за послѣднее время съ настойчивостію передавались извѣстія, что въ духовномъ вѣдомствѣ возбужденъ вопросъ о пересмотрѣ дѣйствующихъ нынѣ правилъ относительно завѣдыванія хозяйственною частью церквей Имперіи. Нынѣшнее почти безконтрольное веденіе хозяйства церквей старостами церковными крайне ненормально. Хотя старосты, являясь избранными лицами изъ среды прихожанъ, тѣмъ самымъ уже представляются людьми, наиболѣе честными и добросовѣстными изъ среды общества, однако отсутствіе контроля надъ ними можетъ подавать имъ поводъ къ небрежнему веденію дѣла, а иногда и къ прямымъ злоупотребленіямъ церковною кассою. Нынѣшній контроль надъ церковными старостами выражается по существующей Инструкціи лишь въ томъ, что мѣстные причты духовенства свидѣтельствуютъ церковную кассу однажды въ мѣсяцъ, и притомъ въ назначенный заранѣе день. Понятно, что такая ревизія не достигаетъ своей цѣли. Необходимо учрежденіе контроля надъ дѣйствіями старостъ болѣе постояннаго и дѣйствительнаго—съ дѣйствительнымъ, а не фиктивнымъ участіемъ причта и прихожанъ. Во всякомъ случаѣ слѣдуетъ отнять отъ старостъ характеръ безконтрольныхъ хозяевъ церквей, и тѣмъ болѣе, что духовенство, стоя въ матеріальной зависимости

отъ церковныхъ старостъ, людей по большей части богатыхъ и играющихъ роль покровителей своего причта церковнаго,—лишено возможности относиться къ нимъ на равныхъ правахъ. Если принять въ разсчетъ, что доходы, ежегодно получаемые въ церквахъ нашей Имперіи, простираются до 10 милліоновъ рублей, то вопросъ объ установленіи наиболѣе правильнаго и цѣлесообразнаго порядка веденія церковнаго хозяйства является весьма важнымъ, тѣмъ болѣе, что церковные доходы въ такихъ громадныхъ размѣрахъ могли бы идти на пользу не только самихъ церквей, духовенства и его учебныхъ заведеній, но и другихъ разнаго рода благотворительныхъ учрежденій въ районѣ каждой церкви, въ которыхъ такъ нуждается повсюду нашъ народъ.

Далѣе газеты сообщали, что въ Петербургѣ изъ представителей духовенства уже образована особая коммиссія для изслѣдованія вопроса объ изысканіи мѣръ къ улучшенію существующаго нынѣ порядка веденія церковнаго хозяйства. На съѣздѣ духовенства здѣшней епархіи, бывшемъ въ 1878 году, многими депутатами заявлено, что хозяйственная часть въ церквахъ, которою единолично и безконтрольно завѣдываютъ церковные старосты, ведется крайне дурно. Хотя причтамъ церквей и предоставлено право контроля надъ дѣйствіями церковныхъ старостъ, тѣмъ не менѣе уже издавна установился, вслѣдствіе униженнаго состоянія духовенства передъ епархіальною властью, такой порядокъ, что причты церковные только лишь фиктивно участвуютъ въ дѣлѣ управленія хозяйствомъ церквей. Старосты же нынѣ поставлены въ глазахъ епархіальнаго начальства какъ единственные радѣтели церковнаго благосостоянія и даже какъ благотворители церквей, за что и получаютъ, при посредствѣ этого начальства, почетныя награды—медали, ордена и т. д. Въ частности, въ церквахъ Петербурга, по заявленію духовенства, хозяйство ведется также дурно, какъ и повсюду. Между тѣмъ получаемые во многихъ церквахъ столицы богатые денежные доходы могли бы, при лучшемъ управленіи, быть значительно увеличены. Какъ у духовенства, такъ и у приходскихъ при каждой церкви общинъ есть весьма много нуждъ, на удовлетвореніе которыхъ могли бы быть употребляемы церковные доходы. Посему столичное духовенство, не ожидая результатовъ общей реформы церковнаго хозяйства, уже предположенной, по слухамъ, главнымъ духовнымъ начальствомъ, изыскиваетъ нынѣ, спеціально по отношенію къ здѣшнимъ цер-

квамъ мѣры къ усиленію контроля со стороны церковныхъ причтовъ надъ старостами и къ улучшенію самой системы завѣдыванія хозяйствомъ церквей, практикуемой нынѣ старостами.

Тотъ же вопросъ служитъ предметомъ заботъ и толковъ духовенства и московской епархіи, гдѣ въ особенности старосты столичныхъ церквей, по большей части изъ купечества, присвоили себѣ право единолично и произвольно распоряжаться церковнымъ хозяйствомъ и эксплутировать въ свою пользу церковные сборы, и можетъ-быть подвергнется обсужденію на предстоящемъ епархіальномъ съѣздѣ.

Органы московской ежедневной печати посвятили этому вопросу нѣсколько передовыхъ статей, съ которыми считаемъ нужнымъ познакомить нашихъ читателей.

Воспроизводимъ изъ *Московскихъ Вѣдомостей* слѣдующую передовую статью о контролѣ церковныхъ суммъ, отъ 31 іюля.

„Вопросъ о контролѣ церковныхъ суммъ повидимому подвигается къ разрѣшенію. Уже восемь лѣтъ тому назадъ, именно въ 1871 году, *Московскія Вѣдомости* обратили общественное вниманіе на этотъ вопросъ. Починъ въ этомъ положенъ былъ не потерявшею до сихъ поръ своего значенія статьей по поводу 21% сбора съ церковныхъ суммъ на духовно-учебныя заведенія, напечатанною въ издававшейся тогда при *Московскихъ Вѣдомостяхъ Современной Лѣтописи* (1871 года, № 8, отъ 1 марта). Въ ней съ знаніемъ дѣла доказывалось, что многомилліонныя въ своей сложности церковныя суммы находятся въ безконтрольномъ завѣдываніи церковныхъ старостъ, что только незначительная часть ихъ записывается въ церковныя книги, а остальныя въ видѣ такъ-называемыхъ „темныхъ суммъ“ или расходуются произвольно или же исчезаютъ неизвѣстно куда. Вмѣстѣ съ тѣмъ, *въ точномъ* исполненіи Высочайше утвержденной инструкціи церковнымъ старостамъ, указывались и способы дѣйствительнаго учета финансовыхъ операцій въ нашихъ церквахъ. Статья эта, принадлежащая одному изъ московскихъ протоіереевъ В. Г. Н., вызвала цѣлый рядъ статей въ различныхъ изданіяхъ по возбужденному вопросу, и вскорѣ послѣдовалъ циркуляръ Святѣйшаго Синода о неуклонномъ контролированіи церковныхъ суммъ. Казалось бы и конецъ дѣлу; не тутъ-то было. Несмотря на циркуляръ, хозяйство церковное попрежнему осталось внѣ требуемаго закономъ контроля. Первую и серьёзную попытку осуществить требованія его на практикѣ сдѣлалъ одинъ изъ московскихъ благочинныхъ,

протоіерей А. Г. Никольскій. Вскорѣ послѣ паденія Коммерческаго ссуднаго Банка, онъ принялся настойчиво вводить учетъ церковныхъ суммъ въ подвѣдомыхъ ему московскихъ приходахъ, но встрѣтилъ въ нѣкоторыхъ изъ старостъ рѣшительное сопротивленіе. Хотя и странно доказывать, что чужія деньги ввѣренныя кому бы то ни было, хотя бы самому состоятельному и честнѣйшему лицу, должны же повѣряться, что контроль не можетъ быть обиденъ ни для кого, энергическому отцу протоіерею пришлось не разъ доказывать и это, вести борьбу съ противниками контроля и терпѣть отъ нихъ пораженія... Между тѣмъ, при всѣхъ препятствіяхъ, контроль и въ неширокой сферѣ далъ замѣчательные результаты: доходы отъ одной свѣчной операціи въ девяти церквахъ благочинія возрасли болѣе чѣмъ въ семь разъ. Изъ опубликованныхъ протоіереемъ Никольскимъ свѣдѣній видно, что въ доконтрольное время въ 1872 году свѣчная прибыль въ этихъ церквахъ доходила до 1.418 руб., и въ 1875 до 2.001 руб., а въ контрольное время, въ 1878 году, возвысилась до 15.252 руб. Интересны и частности этого возвышенія дохода подъ вліяніемъ контроля. Въ одной, напримѣръ, церкви до учета эта прибыль выражалась цифрой въ 59 руб., а при учетѣ выразилась въ 408 руб., въ другой церкви прежде она доходила до 230 руб., а теперь возвысилась до 2.114 руб., въ третьей прежде составляла 188, а въ настоящее время поднялась до 1.983 руб.

„О. Никольскій не находитъ „результаты своего контроля вполнѣ соотвѣтствующими желаніямъ“ и значитъ признаетъ отчетныя цифры не выражающими *дѣйствительнаго* прихода суммъ въ контролированныхъ церквахъ. Пусть однако эти цифры безусловно вѣрны: предположимъ, что повсемѣстный контроль церковныхъ суммъ въ Россіи повыситъ церковные доходы въ семь разъ какъ и въ данномъ случаѣ; затѣмъ помножимъ общую, приблизительную впрочемъ, сумму церковныхъ доходовъ въ десять милліоновъ ежегодно на этого множителя; получимъ 70 милліоновъ. Не станемъ дознаваться, да и дознаться не можемъ, куда теперь идутъ эти милліоны; допускаемъ, что они тратятся на мѣстныя церковныя нужды, но не можемъ не замѣтить, что, оставаясь темными суммами, при безконтрольномъ употребленіи, онѣ не могутъ и на мѣстѣ принести всей пользы. Пусть и на будущее время церковныя деньги расходуются на благолѣпіе храмовъ, улучшеніе богослуженія, на устройство школъ, богадѣлень и пр., лишь бы только расходы

дѣлались не въ потемкахъ. Контроль не унизитъ старостъ, не оскорбитъ прихожанъ и жертвователей на храмы, не возвыситъ вліянія клерикальной партіи, какъ готовы сказать наши газеты.

„Исторія вопроса о контролѣ церковныхъ суммъ показываетъ, что однихъ бумажныхъ предписаній начальства не достаточно для его осуществленія; для этого нужна настойчивость властей. Онѣ должны побуждать и приходскіе причты и благочинныхъ къ исполненію законныхъ требованій о контролѣ. Высшая же церковная власть можетъ съ успѣхомъ воспользоваться ревизіями церковныхъ хозяйствъ въ отдѣльныхъ епархіяхъ.

„Не должно забывать и объ устройствѣ свѣчныхъ епархіальныхъ заводовъ. Такой заводъ въ Нижегородской епархіи даетъ средства на полное содержаніе въ семинаріи сыновей всего духовенства не пользующихся казенными стипендіями, и дочерей его въ женскомъ епархіальномъ училищѣ.

„Съ разрѣшеніемъ вопроса о повсемѣстномъ контролѣ церковныхъ суммъ и правильномъ устройствѣ свѣчной операціи можетъ-быть совершенно измѣнятся условія матеріальнаго обезпеченія нашего духовенства.

Соглашаясь съ мнѣніемъ *Моск. Вѣд.*, что упоминаемая имп статья *Современной Лѣтописи* до сихъ поръ въ своихъ главныхъ основаніяхъ не потеряла своего руководящаго значенія въ вопросѣ о контролѣ церковныхъ суммъ, приводимъ ее *in ixtenso*.

„Нельзя не встрѣтить съ особеннымъ сочувствіемъ и отрадными надеждами Высочайше утвержденныхъ въ 21-й день декабря 1870 г. предположеній о замѣнѣ свѣчнаго сбора опредѣленными процентами (21%) со всѣхъ церковныхъ суммъ, на потребности учебной части по духовному вѣдомству. Это вызываетъ насъ сказать нѣсколько словъ о томъ, какъ вѣрнѣе, по нашему мнѣнію, можно было бы достигнуть того, чтобъ эти предположенія увѣнчались наилучшимъ исполненіемъ. Прежде всего само духовенство, совокупными силами съ своею администраціей, должно содѣйствовать точному и вѣрному исполненію ожиданій св. Синода: дѣло идетъ объ удовлетвореніи одной изъ важнѣйшихъ насущныхъ потребностей не только самого духовенства, но чрезъ него и всего православнаго общества, ожидающаго отъ него просвѣтительныхъ трудовъ.

„Какимъ же образомъ духовенство можетъ содѣйствовать исполненію ожиданій высшаго духовнаго правительства? Самымъ вѣрнымъ путемъ будетъ, думаемъ мы, если оно выведетъ на

свѣтъ тѣ церковныя суммы, которыя извѣстны подъ названіемъ *темныхъ*, расчиститъ этотъ родникъ, котораго достаточно будетъ на удовлетвореніе и нуждъ храмовъ и потребностей духовно-учебныхъ заведеній. Темными суммами называются тѣ церковныя деньги, которыя, какъ будто краденыя, не показываются въ церковныхъ книгахъ и тратятся на негласныя потребности церкви и разные проторы и расходы безъ вѣдома начальства, часто даже безъ согласія и вѣдома причта, не знающаго и о количествѣ этихъ суммъ. Предположимъ, что бо́льшая часть такихъ денегъ, при самомъ лучшемъ употребленіи, идетъ на дѣло церкви; но согласитесь, что очень немало· ихъ тратится совсѣмъ непроизводительно, напримѣръ на сдачу книгъ, на наемъ пѣвчихъ въ ненужномъ количествѣ (цѣлаго хора), на выдачи отъ лица старосты стороннимъ протоіереямъ, іереямъ, особенно протодіаконамъ, приглашаемымъ къ служенію въ нарочитые дни, на награды приходскому причту при поздравленіи старосты въ храмовые и другіе праздники, и мало ли еще на что̀. Темныя суммы въ церквахъ — это такія деньги, которыя безнаказанно можетъ опустить въ свой карманъ всякій умѣющій пользоваться плохо лежащимъ. Чтобы вывести такія суммы изъ круга негласной экономіи церквей, пусть прежде всего духовная администрація дастъ право тратить на дѣйствительныя нужды церкви безъ разрѣшенія, всегда хлопотливаго, не до 50 р., какъ это дозволено было до сего времени, а до 500 рублей, какъ это разрѣшено для монастырей [1]): въ такомъ случаѣ не нужно будетъ прибѣгать къ этой хитрой мѣрѣ, чтобы прятать въ церкви деньги на непредвидѣнные и предвидѣнные расходы, ибо можно будетъ показать затрату ихъ открыто. Затѣмъ, дабы достигнуть того, чтобы въ церквахъ не было темныхъ суммъ, не нужно изобрѣтать новыхъ правилъ, а слѣдуетъ лишь неуклонно и точно исполнять тѣ, которыя изложены въ Высочайше утвержденной инструкціи церковнымъ старостамъ касательно храненія и свидѣтельствованія суммъ.

„Полный просторъ образованію темныхъ суммъ прежде всего дается несоблюденіемъ, кажется повсемѣстнымъ, 8-го правила этой Инструкціи, гдѣ сказано: „деньги вырученныя отъ продажи

---

[1]) Въ послѣднее время уже разрѣшено столичнымъ церквамъ тратить на возникающія потребности по ремонту или украшенію храмовъ до 300 р. безъ разрѣшенія епарх. начальства, съ вѣдома только благочиннаго. *Ред.*

„свѣчей и собираемыя въ кошельки и кружки.... немедленно опу„скать“ (обязанность церковнаго старосты) „въ устроенные для „сего ящики, запертые ключомъ его и запечатанные печатьми „священнослужителей и церковнаго старосты, если онъ того по„желаетъ“ (то-есть приложить свою печать къ ящикамъ). Дѣло, какъ видите, немногосложное: въ три, четыре минуты можно опустить въ ящикъ, какъ постановлено, всѣ деньги въ присутствіи если не всѣхъ, то хоть одного члена причта, и даже на глазахъ принесшихъ въ церковь деньги. Но это больное мѣсто для щекотливости церковныхъ старостъ. Обыкновенно они говорятъ: „намъ нужны деньги на размѣнъ, на сдачу, на текущіе расходы; ужели каждый разъ безпокоить батюшку“ или кого-либо изъ причта снятіемъ и наложеніемъ печатей? Обидно, говорятъ, и для насъ, для нашего кредита, что намъ не довѣряютъ самимъ хранить собранныя деньги какъ мы умѣемъ, именно за однимъ только нашимъ ключомъ, въ томъ самомъ ящикѣ, изъ котораго мы продаемъ свѣчи: какъ будто мы захотимъ попользоваться церковною копѣйкой? Иначе, зачѣмъ же прихожане-избиратели ручались за довѣріе къ намъ?

„Но позвольте, господа старосты. Высочайше утвержденная Инструкція, въ которой постановлено вышеизложенное правило, дана лицамъ заслуживающимъ довѣріе (см. § 2 Инструкціи), слѣдовательно высшее правительство, постановившее такое правило, вовсе не думало заподозривать вашу честность; и однако оно дало это правило къ неуклонному исполненію. Скажемъ, по правдѣ: что̀ обиднаго для вашей чести въ томъ если вы въ три, четыре минуты всѣ деньги вырученныя за службой ссыпите чрезъ нарочито устроенныя отверстія, пожалуй безъ счета, въ тѣ ящики, гдѣ установлено хранить ихъ до мѣсячнаго счета? На размѣнъ, на сдачу, пожалуй, на расходы вы можете взять изъ собранной суммы сколько нужно, только счетомъ, а не безъ счета. Неуклоннымъ исполненіемъ этого правила вы покажете, что у васъ ни одна копѣйка не держится для состава темной суммы, а кладется туда, гдѣ причтутъ ее къ другимъ ясно показываемымъ деньгамъ. Необходимость точнаго исполненія вышеуказаннаго правила видна еще изъ того что старосты, особенно въ городахъ, не имѣя досуга самолично быть въ церкви при каждой службѣ, повѣряютъ свое дѣло такъ-называемымъ подстаростамъ или же служителямъ церковнымъ. Подстаросты, по собственнымъ своимъ мотивамъ, рѣдко ломятся въ амбицію, если имъ приказываютъ хранить деньги по надлежащему, потому что

и сами старосты держатъ ихъ на отчетъ. А эти-то подстаросты, за исключеніемъ праздничныхъ и воскресныхъ дней, и ведутъ всю финансовую церковную операцію. Отъ несоблюденія установленнаго правила касательно храненія церковныхъ денегъ какія куріозныя происходятъ явленія! Умираетъ староста или объявляетъ себя несостоятельнымъ плательщикомъ долговъ недумано, негаданно. Священникъ, не смотрѣвшій по какой-то ложной деликатности за надлежащимъ храненіемъ церковныхъ денегъ, бѣжитъ съ приходорасходными книжками ко вдовѣ умершаго, или къ женѣ обанкрутившагося, въ администрацію, въ конкурсъ, и заявляетъ: „Павелъ Васильевичъ остался долженъ церкви билетати на сумму въ двѣ съ половиной тысячи рублей, которые записаны вотъ въ этихъ книгахъ; гдѣ билеты, я не знаю; если они не окажутся въ церковномъ ящикѣ, я не отвѣчаю, въ такомъ случаѣ вы выдадите сумму въ этомъ количествѣ: иначе я подниму слѣдственное дѣло о растратѣ церковныхъ денегъ“.—„Какъ вы, батюшка, можете поднять дѣло, отвѣчаютъ ему иронически холодно,—когда вы сами почему-то деликатничали наблюдать за сохраненіемъ церковныхъ денегъ, какъ предписано вамъ правилами? Вы сами виноваты“. Священникъ, посовѣтовавшись съ причтомъ, рѣшаетъ: „доносить начальству и начинать дѣло—значитъ признать себя виновнымъ въ несоблюденіи правилъ Инструкціи. Постараемся выбрать старостой Ананія Николаева, который давно просилъ принять его въ должность старосты; навѣрное онъ согласится по времени внести въ церковь недостающее количество денегъ изъ темныхъ. А о теперешнихъ темныхъ, которыя, какъ мы догадываемся, должны быть въ церкви, молчокъ“. Изъ-за темныхъ суммъ нерѣдко бываютъ коллизіи и такого рода: смѣняютъ прихожане старосту, а ему не хотѣлось бы оставить эту почетную должность. Чтобы насолить преемнику, онъ записываетъ прибыли отъ продажи свѣчей 50 рублями болѣе чѣмъ въ прежніе годы; эти деньги онъ даетъ не изъ своихъ собственныхъ, а изъ темныхъ, и говоритъ своему преемнику: вотъ, любезный, прими 90 копѣекъ, которыя остались за время моей службы. Тотъ, со сдержаннымъ негодованіемъ, допрашиваетъ его: „а изъ темныхъ на нужды церковныя, вотъ хоть на поправку колокольни, которая валится, на починку крыши черезъ которую идетъ течь, ничего не передаешь мнѣ?—„Какія тутъ темныя, я совершенно не понимаю; я велъ дѣло на чистоту, отвѣчаетъ отставной,—спроси хоть у благо-

чиннаго, и тотъ скажетъ что въ нашей церкви никогда не водилось такихъ денегъ". Подите, доказывайте противное.

„Далѣе, 12-е правило Инструкціи предписываетъ церковнымъ старостамъ дѣлать расходы не иначе, какъ съ согласія членовъ причта [2]). Несоблюденіе этого правила „хозяевами церкви", какъ любятъ называть себя нѣкоторые старосты, также даетъ не малый просторъ образованію темныхъ суммъ, особенно при несоблюденіи 8 правила Инструкціи. Во многихъ случаяхъ староста дѣлаетъ пристройки, поправки, украшенія въ церкви на значительныя суммы, не только безъ разрѣшенія высшаго начальства, но даже не спрашивая согласія членовъ причта, заявляя послѣднимъ, что онъ дѣлаетъ это на *свои деньги*. Но когда не знаешь сколько староста собралъ въ продолженіе мѣсяца, а часто и цѣлаго полугодія, до благочинническаго обзора, то невольно задаешься вопросомъ: точно ли староста тратитъ свои собственныя деньги, а не церковныя изъ разряда темныхъ? А за пожертвованіе болѣе 100 руб., по извѣстной статьѣ устава консисторіи, нужно еще ходатайствовать о наградѣ! Насъ увѣряли, что въ одной сѣверной епархіи, въ которой еще прежде епархіальное начальство назначило извѣстный процентъ со всѣхъ церковныхъ денегъ въ пользу семинаріи, старосты прибѣгли къ такой уловкѣ: не уменьшая суммъ въ годовомъ итогѣ, стали записывать въ число ихъ какъ будто собственныя пожертвованія, съ коихъ извѣстный процентъ на потребности семинаріи не взимался. Какова уловка! А вѣдь староста могъ получить и награду за нѣсколько такихъ пожертвованій, то-есть, въ существѣ дѣла, за то, что уклонялся отъ отчисленія процентовъ въ пользу духовнаго образованія.

„Но вотъ гдѣ самая *суть* происхожденія темныхъ суммъ: это операція при покупкѣ и продажѣ восковыхъ свѣчей. Кто имѣющій глаза, просто одни глаза, подумаетъ, что почтенныя цифры кружечнаго и кошельковаго сбора, показываемыя въ книгахъ, образуются изъ наличныхъ денегъ этого названія? Войдите въ какую угодно городскую приходскую церковь въ праздничный день; увидѣвъ въ ней немалое число молящихся, вы наглядно убѣдитесь, что они даютъ на блюдо и въ кружку сравнительно немного, а на покупку свѣчей втрое, въ пять, въ десять разъ

---

[2]) И—прибавимъ согласно Инструкціи—почетныхъ или избранныхъ прихожанъ. *Ред.*

болѣе. Вотъ эти-то свѣчныя деньги и составляютъ главный фондъ для тѣхъ почтенныхъ денежныхъ цифръ, которыя во всѣхъ приходскихъ церквахъ въ нѣсколько разъ крупнѣе, чѣмъ цифры свѣчныхъ денегъ. Для чего же дѣлалось такое нецеремонное перечисленіе денегъ одного названія въ сумму другаго? Затѣмъ, чтобы не отсылать всей свѣчной прибыли. Для повѣрки свѣчныхъ доходовъ, какъ болѣе значительныхъ, нуженъ особенно точный контроль; иначе св. Синодъ далеко не получитъ на содержаніе учебныхъ заведеній всѣхъ тѣхъ денегъ, которыя слѣдовало бы получить. А контроль свѣчныхъ денегъ, самъ по себѣ очень простой, ясно опредѣленъ 15-мъ правиломъ Инструкціи церковнымъ старостамъ. Если по 12-му ея правилу они должны производить закупки для церкви не иначе какъ съ согласія священно-служителей, то само собою разумѣется, что они должны заявлять имъ, сколько свѣчей покупаютъ они для продажи и какой цѣнности. 3-мъ пунктомъ 15-го правила Инструкціи постановлено записывать въ книгу покупку свѣчей не вѣсомъ только, но и счетомъ, точно также какъ записываются наличныя деньги. Эта денежная операція очень нехитрая, и вести ее правильно не разъ предписывалось указами св. Синода, но едва ли гдѣ эти указы исполнялись. Покажите въ расходной книгѣ, что въ такомъ-то мѣсяцѣ куплено по 80 коп. 10 фунтовъ десятикопѣечныхъ свѣчей бѣлаго воска, по 13 свѣчей въ фунтѣ [3]); 10 фунтовъ пятикопѣечныхъ по 24 свѣчи въ фунтѣ, 10 фунтовъ трехкопѣечныхъ по 40 въ фунтѣ, 10 фунтовъ двухкопѣечныхъ по 60 свѣчей въ фунтѣ; смотрите, сколько должно быть чистой прибыли отъ продажи такихъ свѣчей: отъ фунта свѣчей перваго сорта 50 коп., втораго, третьяго и четвертаго по 40 коп.; вообще 42½ коп. отъ каждаго фунта. Приложите къ этому деньги выручаемыя за огарки отъ каждаго фунта, положимъ за полфунта 32 коп., а если не хотите показывать весь остатокъ огарковъ, то положите не менѣе какъ одну четверть фунта, 16 к., итого будетъ чистой прибыли отъ продажи каждаго фунта свѣчей съ огарками 58½ коп., отъ пуда 23 руб. 40 коп. А сколько прибыли показывается въ книгахъ? 15 или много 20 коп. отъ фунта. Извольте теперь счесть, сколько перечисляется въ кошель-

---

[3]) Статья эта писана въ 1871 году; значитъ, тогда цѣна свѣчамъ была по 32 р. за пудъ: а теперь, благодаря устроенію епарх. свѣчнаго завода, свѣчи и въ частныхъ лавкахъ продаются по 30 р. и дешевле за пудъ. *Ред.*

ковую сумму прибыли отъ продажи одного пуда бѣлаго воска свѣчей? ровно 17 р. 40 к. или по крайней мѣрѣ не менѣе 15 р. 40 коп. Но при этомъ, если записывается въ книгу проданнымъ въ мѣсяцъ только одинъ пудъ свѣчей, можно почти сказать навѣрное, что продано не менѣе трехъ; сосчитайте число церковныхъ службъ посѣщаемыхъ молящимися и разныхъ духовныхъ требъ отправляемыхъ со свѣчами, особенно погребеній, поминовеній съ паннихидами, крещеній, молебновъ въ церкви и домахъ, и вы не станете противорѣчить мнѣ. Вотъ и судите, сколько въ годъ перечисляется изъ свѣчныхъ доходовъ въ составъ кошельковыхъ, а еще болѣе того въ составъ темныхъ суммъ?

„Защитники темныхъ суммъ скажутъ, что какъ ни указывайте записывать продаваемыя свѣчи счетомъ и вѣсомъ, для точнаго опредѣленія прибыли отъ продажи ихъ, все-таки найдутся художники, которые сумѣютъ вести свѣчную операцію, для пользы церкви, въ тихомолку, положимъ, съ вѣдома священника. Позвольте замѣтить, что есть еще способъ, указываемый св. Синодомъ, къ тому, чтобы подобное художество не достигло своей цѣли. Синодъ признаетъ полезнымъ, чтобы духовенство по опредѣленію своихъ съѣздовъ, устроило свои свѣчные заводы или, по крайней мѣрѣ, свои свѣчныя лавки. Превосходно. Къ этому нужно только прибавить, чтобы духовенство на своихъ съѣздахъ поставило въ непремѣнную обязанность покупать свѣчи для продажи въ церквахъ именно въ этихъ заводахъ или лавкахъ. Почему? потому что, какъ показалъ опытъ въ нѣкоторыхъ епархіяхъ, въ церковныхъ заводахъ и лавкахъ есть возможность продавать свѣчи для церквей и доброкачественнѣе и дешевле на нѣсколько процентовъ, чѣмъ въ городскихъ лавкахъ. Эти проценты можно было бы употребить, напримѣръ, на содержаніе духовныхъ училищъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ представится полная возможность контролировать сколько свѣчей для продажи, каждая церковь купила въ мѣсяцъ или въ годъ, и какой цѣнности эти свѣчи (10, 5, 3, 2-копѣечныя, или другія). Само собою разумѣется, что для этого въ церковныхъ заводахъ или лавкахъ должны быть шнуровыя книги, выдаваемыя съѣздомъ духовенства.

„Если устройство церковныхъ заводовъ или лавокъ для продажи свѣчей покажется недостаточнымъ, для того чтобы по книгамъ ихъ контролировать свѣчные доходы каждой церкви, то мы знаемъ и еще мѣру, которая довольно вѣрно приведетъ къ цѣли. Указами св. Синода не разъ предписывалось епархіаль-

нымъ преосвященнымъ производить внезапныя ревизіи церковныхъ суммъ. *Внезапныя ревизіи*, — это слишкомъ грозно и поведетъ, при обычной неисправности, къ слишкомъ тяжелымъ послѣдствіямъ и для церковныхъ старостъ и для причтовъ. Не лучше ли принять для достиженія той же цѣли мѣры предупредительныя,—болѣе мягкія и дѣйствительныя?—выбрать на съѣздахъ духовенства на годъ ревизоровъ для наблюденія: а) за надлежащимъ храненіемъ суммъ церковныхъ, въ запечатанныхъ ящикахъ, б) за своевременнымъ свидѣтельствованіемъ ихъ, и в) главнымъ образомъ, за своевременнымъ, правильнымъ веденіемъ, а не сочиненіемъ приходо-расходныхъ книгъ, и вмѣстѣ съ этимъ г) за повѣркой продажи и покупки свѣчей въ церковныхъ лавкахъ? Въ должность такихъ ревизоровъ не должны быть избираемы благочинные, потому что, сколько намъ извѣстно, они въ своихъ приходскихъ церквахъ терпятъ темныя суммы. Хорошо было бы избирать ревизоровъ изъ постороннихъ благочинныхъ округовъ, какъ менѣе зависящихъ отъ чьего-либо вліянія.

„Скажутъ, что вслѣдствіе рекомендуемой точности соблюденія правилъ касательно храненія и контролированія церковныхъ суммъ всѣ старосты убѣгутъ отъ службы при церквахъ. Болѣе чѣмъ сомнѣваюсь въ такомъ предположеніи. Вѣдь не бѣгутъ же отъ должностей гласные въ думахъ и управахъ изъ-за того, что поступающіе туда значительные денежные сборы хранятся, не въ ихъ единоличномъ завѣдываніи, а въ запертыхъ и запечатанныхъ сундукахъ, свидѣтельствуемыхъ всѣми. Я не предвижу бѣгства всѣхъ церковныхъ старостъ отъ служенія интересамъ церковнымъ; намъ извѣстны очень многіе усердные къ этимъ интересамъ старосты, которые за честь поставляютъ себѣ показать предъ причтомъ и обществомъ что они ведутъ свое дѣло, что̀ называется, на чистоту, и публично показываютъ, что они берегутъ церковныя деньги, какъ святое приношеніе на храмы Божіи. А неусердныхъ къ интересамъ церкви нечего и жалѣть. Церковь отъ удаленія такихъ ктиторовъ не только ничего не потеряетъ, но можетъ-быть даже пріобрѣтетъ, по крайней мѣрѣ можно быть увѣреннымъ, что возрастутъ средства на удовлетвореніе учебно образовательныхъ потребностей. Вѣдь есть же при церквахъ подстаросты изъ людей нанимаемыхъ на темныя церковныя суммы. Служеніе ихъ церковнымъ интересамъ можетъ имѣть предъ неусердными церковными старостами то преимущество что они не станутъ противиться благодѣтель-

нымъ видамъ правительства, желающаго, чтобъ извѣстные проценты съ церковныхъ суммъ отчислялись на образовательныя цѣли вполнѣ.

„Заявляя печатно эти наши мысли и соображенія, мы имѣли въ виду показать несостоятельность патріархальнаго веденія финансовыхъ церковныхъ операцій, которое, въ теченіе не одного десятилѣтія, по необъяснимому невниманію, считали нормальнымъ. Дай Богъ, чтобы такое веденіе, въ интересахъ самой церкви, получило свой конецъ и никогда болѣе не возобновлялось. Мы желаемъ чтобы съ настоящаго времени установился такой порядокъ, который бы въ нерасчищенномъ родникѣ церковныхъ суммъ открылъ обильный источникъ на удовлетвореніе существенно насущныхъ потребностей духовно-нравственнаго образованія сперва въ духовенствѣ, а чрезъ него и во всемъ обществѣ православной Россіи. Родникъ этотъ снизу виднѣе.“

Въ слѣдующій разъ мы обратимся къ передовымъ статьямъ *Современныхъ Извѣстій*.

УЧРЕЖДЕНІЕ ПРОТИВОРАСКОЛЬНИЧЕСКИХЪ БИБЛІОТЕКЪ И КНИЖНЫХЪ СКЛАДОВЪ ВЪ САРАТОВѢ.

Изъ отчета саратовскаго братства св. Креста за прошлый годъ, видно, что городская управа г. Петровска отпустила изъ суммъ города 500 руб. на учрежденіе въ Петровскѣ библіотеки „старопечатныхъ книгъ“. Фактъ небывалый въ нашей губерніи, да, полагаемъ и во всей Россіи. Починъ въ этомъ дѣлѣ сдѣланъ городскимъ головою г. Петровска и свящ. Знатоковымъ, энергично взявшимися за дѣло учрежденія библіотеки „старопечатныхъ книгъ“, и все общество петровское сочувственно отнеслось къ чрезвычайно полезному начинанію. Такимъ образомъ, въ г. Петровскѣ недавно возникла капитальная библіотека „старопечатныхъ книгъ“; въ этой библіотекѣ есть книги, кои сами старообрядцы цѣнятъ на вѣсъ золота, и которыя скоро сдѣлаются библіографическою рѣдкостію: есть наприм., въ библіотекѣ книги Никона „Черныя горы“; есть толкованіе Златоуста на посланія св. Апостола Павла, изданныя задолго еще до п. Никона Захаріемъ Копыстенскимъ, котораго уважаемая старообрядцами книга „о Вѣрѣ“ называетъ въ своемъ предисловіи „ревнителемъ благочестія“. Въ толкованіи Златоуста на

посланія ап. Павла есть старопечатныя свидѣтельства о произношеніи имени Іисусъ; а извѣстно, что изъ-за произношенія имени Христа Спасителя—Іисусъ, не говоря уже о безпоповщинѣ вообще, возникло впослѣдствіи, какъ по одной изъ главнѣйшихъ причинъ, множество фанатичныхъ и дикихъ сектъ, каковы: ѳедосѣевщина, филиповщина, не молящіеся за царя, самокрещенцы, хлысты, бѣгуны, подпольники и пр. Отъ учрежденія библіотекъ „старопечатныхъ книгъ“ всегда можно ожидать чрезвычайно важныхъ послѣдствій; ничему такъ не вѣритъ старообрядецъ какъ своей старопечатной книгѣ; но въ старопечатныхъ старообрядческихъ книгахъ заключаются почти всѣ тѣ истины православія, противъ коихъ ратуютъ старообрядчество. А такъ какъ многіе изъ старообрядцевъ или не знаютъ мѣстъ изъ старопечатныхъ книгъ, въ коихъ подтверждается ученіе православной церкви, или — слишкомъ довѣрчиво относятся къ своимъ книгамъ, то когда вы укажете старообрядцу изъ его же старопечатныхъ книгъ, гдѣ содержится ученіе православной греко-россійской церкви, — а вмѣстѣ съ тѣмъ укажете ему прежде бывшія измѣненія въ обрядахъ богослуженія, въ прибавленіи и убавленіи молитвословій, поклоновъ и т. п. — даже несогласія и противорѣчія объ одномъ и томъ же предметѣ „старопечатныхъ книгъ“, изданныхъ до п. Никона; тогда старообрядецъ, котораго начетчики держали до того времени во тьмѣ невѣдѣнія, расшатывается въ твердости своихъ убѣжденій, впадаетъ въ раздумье; вы уже тѣмъ сдѣлали шагъ впередъ, и будьте увѣрены, что указанія ваши не пройдутъ безслѣдно. Опыты настоящаго столѣтія ясно доказали, что многіе, самые заклятые враги православія потому и приняли православіе, что собственными очами, изъ своихъ же старопечатныхъ книгъ убѣдились въ истинахъ православія. А такъ какъ библіотеки могутъ существовать цѣлыя полстолѣтія, если не больше, то можете себѣ представить, сколько десятковъ тысячъ душъ, въ теченіи такого продолжительнаго періода времени, почерпнутъ изъ книгъ указанія для разрѣшенія своихъ недоумѣній, какими благотворными послѣдствіями отразится учрежденіе библіотекъ на разъясненіи вѣковыхъ ложныхъ убѣжденій, сколько прольется свѣта во тьму фанатизма, непроходимаго невѣжества, которое сплотившись въ массу, составило враждебный оплотъ противъ церкви и общества; если даже нѣсколько только фанатиковъ, пропагандистовъ раскола, примирятся съ церковію и обществомъ, то эти бывшіе рьяные за-

щитники раскола многое сдѣлаютъ въ пользу истины, въ пользу церкви и отечества. Одно то уже утѣшительно, что противораскольничья библіотека даетъ возможность сынамъ православной церкви защищать истину своей вѣры, бороться съ расколомъ.

Мѣстный преосвященный Тихонъ принялъ все это въ соображеніе, и благодаря его иниціативѣ, возникло недавно нѣсколько библіотекъ въ саратовской епархіи. Что же касается духовенства, то оно вноситъ сборъ, частію и отъ прихожанъ, на учрежденіе такихъ библіотекъ. Духовенство одного изъ благочинническихъ округовъ Хвалынскаго уѣзда рѣшило, независимо отъ братства св. Креста, учредить въ своемъ округѣ противораскольничью библіотеку на свои средства. Нѣкоторые священники пошли еще дальше; такъ священникъ с. Одоевщины, саратовскаго уѣзда, о. Островидовъ и духовенство г. Петровска намѣрены учредить книжные противораскольническіе склады, а священникъ с. Золотаго, о. Еланскій, уже и учредилъ такой небольшой складъ, большею частію на частныя пожертвованія.

Скажу нѣсколько словъ о такомъ важномъ дѣлѣ, какъ книжные склады. Вѣра сильна въ русскомъ народѣ, и вотъ когда, при развитіи грамотности въ народѣ, проснулась народная мысль, любознательность, народъ, смѣшанный по мѣсту жительству и сношеніямъ съ старообрядцами, взялся за рѣшеніе самаго драгоцѣннаго для него предмета, задался самымъ жгучимъ вопросомъ: „чья вѣра истинная—православная или старообрядческая“? Между тѣмъ вѣковой расколъ былъ *замкнутъ*, почти не всплывалъ, что называется наружу; въ настоящее же время, при свободѣ слова, при живыхъ его сношеніяхъ съ православнымъ, вслѣдствіе развитія торговли, путей сообщенія и т. под., расколъ объявилъ открытую войну православію, а православіе—расколу. Когда вы проѣзжаете по городамъ и селамъ губерній, зараженныхъ расколомъ, ѣдете на пароходѣ, по желѣзнымъ дорогамъ, или останавливаетесь на постоялыхъ дворахъ, вы часто встрѣтите разсужденія о вѣрѣ, болѣе или менѣе жаркіе споры, борьбу за вѣру и изъ за-вѣры. Чѣмъ же удобнѣе помогать разрѣшенію спорнаго между православными и старообрядцами вопроса о вѣрѣ и удовлетворенію любознательности народной?

Послѣ библіотекъ старопечатныхъ книгъ, самый лучшій способъ, самое надежное оружіе къ борьбѣ съ расколомъ—учрежденіе противораскольническихъ книжныхъ складовъ. *Капитальныя*

сочиненія противъ раскола составлены самыми лучшими полемистами, каковы: московскіе митрополиты — Филаретъ, настоящій—Макарій и бывшій петербургскій—Григорій, а также вышедшіе изъ среды раскола Павелъ Прусскій и Адріанъ Озерскій; изъ періодическихъ изданій особенно полезны для народа журналъ „Истина“ и „Душеполезное Чтеніе“. Что же касается до другихъ сочиненій противъ раскола, то спеціальною разработкою нѣкоторыхъ вопросовъ старообрядчества занялись: гг. Нильскій, Ивановскій, Пархомовичъ, о. Твердынскій, и вышедшіе изъ среды раскола—іеромонахъ Филаретъ и о. Прокопій. Въ капитальныхъ изданіяхъ почти всѣ старообрядческіе вопросы и возраженія начетчиковъ опровергнуты со всею силою доказательствъ, недоумѣнія разрѣшаются со всею ясностью; въ прочихъ же сочиненіяхъ разсмотрѣны нѣкоторые вопросы, но тоже съ доказательнымъ и яснымъ изложеніемъ дѣла. „На первомъ планѣ къ ослабленію и опроверженію раскольническихъ мнѣній—говоритъ Павелъ Прусскій—должно поставить распространеніе въ народѣ противораскольническихъ сочиненій; многаго можно ожидать отъ распространенія въ народѣ сочиненія, наприм., митрополита Григорія „Истинно-древняя Христова Церковь“, особенно если эту книгу прочитаютъ раскольники. Дѣйствительно, книга—наставникъ, указатель; „книжку“, листъ, а подъ часъ и капитальное сочиненіе, можетъ имѣть съ собою каждый, когда угодно и гдѣ угодно; по указаніямъ, ссылкамъ на свято-отеческія и др. писанія, изложеннымъ въ противораскольничьихъ сочиненіяхъ, можно отыскать любое мѣсто и изъ „старопечатной книги“ съ разъясненіемъ, полемическими сочиненіями, тѣхъ мѣстъ, недоумѣній и возраженій; а такъ какъ вы встрѣтите во многихъ губерніяхъ и старообрядца и любознательныхъ грамотныхъ людей, то отчего же, кому должно и возможно, не учредить въ мѣстахъ; гдѣ не мало раскола, хотя небольшіе противораскольничьи книжные склады? Помѣщеніе для этихъ складовъ всегда можно найдти въ городахъ и селахъ при церквахъ, при церковныхъ и училищныхъ зданіяхъ и гдѣ есть миссіонеры; найдутся и покупатели книжекъ и листовъ „о разныхъ вѣрахъ“, какъ выражается сельскій людъ. Денегъ, особенно на первыхъ порахъ, не Богъ вѣсть сколько нужно; на 20—30 р. не мало можно пріобрѣсти противораскольничьихъ изданій; обратитесь къ жертвователямъ, разъяснивъ имъ всю важность дѣла и глубокія послѣдствія, какихъ всегда можно ожидать отъ учрежденія складовъ, и дѣло не останется безъ успѣха. Кромѣ частныхъ пожертвованій, есть еще

вѣрный и легкій способъ къ учрежденію складовъ, о коихъ пишу, именно: довѣренный по распродажѣ книгъ въ народѣ отъ московскаго братства св. Петра, іеромонахъ московскаго Никольскаго единовѣрческаго монастыря Филаретъ, отпускаетъ на коммиссію книги и брошюры противораскольничьяго содержанія, на сумму до 50 р., по дешевой до нельзя цѣнѣ, не стѣсняя коммиссіонеровъ своихъ преждевременнымъ требованіемъ денегъ, до распродажи книгъ и брошюръ. Отъ о. Филарета (на наличныя деньги) можно получить и „старопечатныя книги".

Братчикъ, свящ. *Петровъ-Корниловъ.*

ИЗДАНІЕ ПРОПОВѢДЕЙ КАѲЕДРЪ ПЕТЕРБУРГСКОЙ И МОСКОВСКОЙ.

Соборный староста Исаакіевскаго собора въ С.-Петербургѣ, генералъ-маіоръ Богдановичъ, съ апрѣля текущаго года, по благословенію высокопреосвященнаго митрополита Исидора, издаетъ брошюрами, на свой счетъ, для безплатной раздачи желающимъ, проповѣди, произносимыя въ этомъ соборѣ, подъ заглавіемъ: „Каѳедра Исаакіевскаго собора".

Въ предисловіи къ своему изданію церковный староста говоритъ:

„Еще въ 1873 году „Высочайше учрежденная коммиссія для изслѣдованія сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россіи", обсуждая причины, замедляющія нравственное развитіе народа, столь тѣсно связанное съ его экономическимъ преуспѣяніемъ, признавала, что „въ высшей степени желательно ближайшее участіе духовенства въ дѣлѣ распространенія началъ нравственности и трудолюбія въ народѣ, и что призывъ къ тому духовенства именемъ правительства могъ бы принести существенную пользу".

„По отзыву оберъ-прокурора Святѣйшаго Синода, „недостатки нашей церковной проповѣди заключаются въ ея отвлеченности, сухости, излишней искусственности и въ отсутствіи направленности къ духовнымъ нуждамъ поучаемыхъ".

„Крайне желательно, чтобы наша церковная каѳедра пріобрѣла болѣе живое направленіе, стала ближе къ жизни, касаясь современныхъ вопросовъ и явленій общественной жизни и поста-

вивъ себѣ цѣлью—разъясненіе христіанскаго ученія именно въ соприкосновеніи съ этими вопросами. При такомъ направленіи церковной проповѣди, православная паства будетъ слушать въ храмѣ Божіемъ, вмѣсто отвлеченныхъ разсужденій о вѣрѣ и нравственности, живое слово христіанскаго назиданія".

„Въ послѣднее время на каѳедрѣ Исаакіевскаго собора духовная проповѣдь перестала чуждаться современныхъ явленій общественной жизни, и занялась живымъ разъясненіемъ христіанскаго ученія, именно въ виду этихъ современныхъ явленій".

„Желая сдѣлать лучшія произведенія проповѣдниковъ каѳедры Исаакіевскаго собора достояніемъ всего общества, я принялъ на себя изданіе этихъ проповѣдей, подъ общимъ названіемъ: „Каѳедра Исаакіевскаго собора".

Изданныя уже шесть проповѣдей имѣютъ задачею: съ православно-христіанской точки зрѣнія указать и разоблачить ложь тѣхъ ученій, которыя въ настоящее время пытаются распространить въ средѣ народа люди крамолы.

По имѣющимся даннымъ, изданныя проповѣди безплатно распространены донынѣ въ 40.000 экземпляровъ, въ томъ числѣ между войсками гвардейскаго корпуса въ количествѣ 3.000 экземпляровъ. Эти проповѣди, произносимыя въ Исаакіевскомъ соборѣ, выписываются большею частію войсковыми школами, крупными фабрикантами, волостными правленіями, учрежденіями приказа общественнаго призрѣнія, исправительными колоніями для преступниковъ, сельскимъ духовенствомъ, какъ изъ внутренней Россіи, такъ и изъ отдаленныхъ ея окраинъ, а также изъ заграничныхъ православныхъ церквей, духовенствомъ уніатскимъ и иновѣрческимъ, въ томъ числѣ даже еврейскимъ. Церковная проповѣдь съ каѳедры Исаакіевскаго собора, отзываясь на современныя явленія, имѣющія общественное значеніе, составляетъ одно изъ могущественныхъ средствъ къ удовлетворенію духовно-нравственныхъ потребностей населенія Россіи.

По этому примѣру и съ тою же цѣлію и въ Москвѣ по иниціативѣ архипастыря предпринято изданіе проповѣдей, произносимыхъ къ моск. паствѣ лучшими проповѣдниками, подъ названіемъ: „Московская церковная каѳедра". Рядъ выпусковъ, коихъ вышло до сего времени три, начатъ словомъ высокопр. Макарія въ день Владим. иконы Божіей Матери, которое напечатано въ іюльской кн. „Прав. Обозрѣнія".

ОГЛАВЛЕНІЕ ВТОРАГО ТОМА

ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

1879 Г.

МАЙ—ІЮНЬ.

		Стр.
I.	Слово въ день святителя и чудотворца Николая *Высокопреосв. Димитрія, Архіеп. Волынскаго и Житомирскаго*	1—7
II.	Псалмы въ русскомъ переводѣ съ объясненіями. *М. В. Никольскаго*	8—45
III.	Апокалипсисъ и обличаемое имъ лжепророчество. *(Окончан.) Н. А. Никольскаго*	46—84
IV.	О жизни и сочиненіяхъ іеромонаха Іосифа Вріеннія, греческаго проповѣдника въ концѣ XIV, и первой четверти XV столѣтія. *Архим. Арсенія*	85—138
V.	Слово сказанное Высокопреосв. Макаріемъ Митрополитомъ Московскимъ въ М. Успенскомъ соборѣ при первомъ служеніи литургіи	139—142
VI.	Іоаннъ Кальвинъ, реформаторъ XVI вѣка. *(Продолженіе). С. В. Назаревскаго*	143—204
VII.	Состояніе Уніатской церкви въ Россіи въ царствованіе Императора Александра I. *И. А. Чистовича*	205—231
VIII.	Происхожденіе и значеніе философіи. *П. А. Милославскаго*	232—266
IX.	Слово въ день празднованія преподобнымъ Меѳодію и Кириллу. *Прот. П. А. Смирнова*	267—276

		Стр.
X.	Слово на празднованіе столѣтняго юбилея Константиновскаго Межеваго Института. *Свящ. А. Г. Полотебнова*	277—285
XI.	Нѣсколько словъ о преподованіи Закона Божія. *Ѳ. Г. Тернера*	286—297
XII.	Православное ученіе вѣры или краткое христіанское богословіе. *Прот. Волобуева*	298—312
XIII.	Слово при погребеніи протопресвитера Димитрія Петровича Новскаго. *Прот. Н. А. Сергіевскаго*	313—320
XIV.	Папизмъ въ наукѣ (отвѣтъ профессору Вагнеру). *А. Ѳ. Гусева*	321—333
XV.	Чудеса Христовы. Предварительныя понятія. Гл. III. Важность (авторитетъ) чудесъ. IV. Чудеса Евангельскія въ сравненіи съ циклами другихъ чудесъ. *Изъ Тренча, Дублинскаго Архіепископа*	334—366
XVI.	Извѣстія и замѣтки: Вступленіе Высокопреосвященнаго Макарія на каѳедру Моск. митрополіи. — Пребываніе Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Московскаго Макарія въ Троицко-Сергіевой Лаврѣ.—Общее собраніе Миссіонерскаго Общества.—Протопресвитеръ Д. П. Новскій †.—Объявленія	367—384

ІЮЛЬ.

I.	Слово Высокопреосвященнаго Димитрія, Архіеп. Волынскаго и Житомирскаго на 16-е января 1879 года	385—392
II.	Слово къ окончившимъ курсъ воспитанницамъ Николаевскаго Сиротскаго Института. *Прот. Н. К. Протопопова*	393—402
III.	О жизни и сочиненіяхъ Іеромонаха Іосифа Вріеннія, греческаго проповѣдника въ концѣ XIV и первой четверти XV. столѣтія. (*Окончаніе*). *Архим. Арсенія*	403—450
IV.	Напутственное слово воспитанникамъ XVI выпуска Александровскаго Военнаго Училища. *Прот. А. М. Иванцова*	451—462
V.	Обзоръ апологетическихъ статей въ нашей духовной журналистикѣ. *X*	463—495

VI. Границы религіи, философіи и естествознанія. (Три чтенія въ Петерб. Обществѣ Любителей Духов. Просвѣщенія). *Кн. Д. Н. Цертелева.* — Стр. 496—534

VII. Слово произнесенное Высокопреосв. Макаріемъ Митрополитомъ Московскимъ и Коломенскимъ въ день Владимірской иконы Пресв. Богородицы. 535—541

VIII. Слово произнесенное Высокопреосв. Макаріемъ Митрополитомъ Москов. и Коломенскимъ 15 іюля..... 542—544

IX. Отчетъ отдѣла распространенія духовно-нравственныхъ книгъ за 1878 годъ..... 545—561

X. Извѣстія и замѣтки: Годовщина независимости Сербіи.—Десятилѣтнее управленіе Литовскою епархіею Высокопреосвященнѣйшаго Макарія нынѣ Митрополита Московскаго.—Поправка.—Объявленія..... 562—576

АВГУСТЪ.

I. Слово въ недѣлю 4-ю по Пасхѣ. *Высокопреосв. Димитрія, Архіеп. Волынскаго и Житомирскаго.* 577—582

II. Произвольное зарожденіе. *Дж. Тиндалля*... 583—628

III. Состояніе Уніанской церкви въ Россіи въ царствованіи Императора Александра I. *И. А. Чистовича*..... 629—676

IV. Слово въ день рожденія Благочестивѣйшія Государыни Императрицы Маріи Александровны и рожденія и тезоименитства Благовѣрнаго Государя В. Князя Николая Николаевича Старшаго и тезоименитства Благовѣрнаго Государя В. Князя Николая Николаевича Младшаго. *Прот. Ф. А. Сергіевскаго*..... 677—685

V. Церковнообщественные вопросы. Объ общественной благотворительности и приходскихъ попечительствахъ. *Прот. И. П—ва*..... 686—704

VI. Значеніе сорокодневнаго поминовенія усопшихъ. Слово въ 40-й день памяти Е. К. Рукавишниковой, говоренное въ Моск. Новодѣвичьемъ монастырѣ. Протоіереемъ Н. А. Сергіевскимъ, 31 іюля 1879 г..... 705—714

VII. Церковный вопросъ въ Босніи и Герцеговинѣ. *Н. А. Попова*..... 715—723

		Стр.
VIII.	Слово произнесенное Высокопреосв. Макаріемъ Митрополитомъ Москов. и Коломенскимъ въ Успенскомъ соборѣ 15-го сего августа.....	724—729
IX.	Записка, читанная въ общемъ собраніи членовъ Православнаго Миссіонерскаго Общества 13 мая 1879 года.....	
X.	Извѣстія и замѣтки: Опредѣленіе Св. Синода объ изданіи «Православное Обозрѣніе». — Къ вопросу о контролѣ церковныхъ суммъ.— Учрежденіе противораскольническихъ библіотекъ и книжныхъ складовъ въ Саратовѣ. — Изданіе проповѣдей Петербургской и Московской каѳедръ. — Оглавленіе втораго тома. — Объявленія.....	747—772

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

НОВАЯ КНИГА

КРИТИЧЕСКІЙ РАЗБОРЪ Талмуда: его происхожденіе, характеръ и вліяніе на вѣрованія и нравы еврейскаго народа и нѣсколько словъ объ употребленіи евреями христіанской крови для религіозныхъ цѣлей, съ 244 цитатами изъ Талмуда, на еврейскомъ языкѣ съ переводомъ на русскій.

В. М. КИРѲЕЕВСКАГО.

ЦѢНА 2 РУБ. СЕР. СЪ ПЕРЕСЫЛКОЮ.

Складъ изданія этой книги въ типографіи П. М. Мартынова и К°, на Тверской улицѣ, д. Хомяковыхъ, и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ въ Москвѣ.

Книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка. Иногороднымъ выписывающимъ не менѣе 10 экз. дѣлается уступка 20%.

ПЧЕЛОВОДСТВО-САМОУЧИТЕЛЬ

СВЯЩЕННИКА Тульской губерніи, Ефремовскаго уѣзда, села Лобанова.

А. И. Успенскаго,

УПРОЩЕННОЕ И ЧИСТО ПРАКТИЧЕСКОЕ.

Тула, 1879 года.

Издана новая по пчеловодству книга, писанная тою рукою, какая слишкомъ 30 лѣтъ работала на пчельникѣ и въ ульяхъ. Рекомендуется для сельскихъ школъ, въ видахъ распространенія упавшаго у насъ знанія водить пчелъ самымъ дешевымъ и упрощеннымъ способомъ, но съ двойною пользою въ сравненіи съ рутиннымъ пчеловодствомъ.

Цѣна книги 40 коп. и пересылка на счетъ автора, къ которому и прошу адресоваться. Для сельскихъ школъ 10% скидки.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ цензурный комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, августа 24 дня 1879 г.

Цензоръ протоіерей *С. Зерновъ.*